This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 1,100,241

PROPERTY OF

The University of Michigan Libraries

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

1869

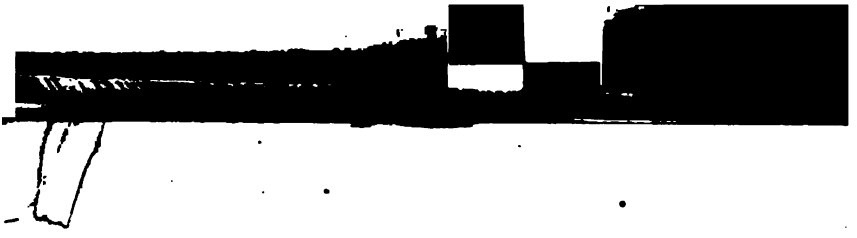
ЯНВАРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ВОСПОМИНАНІЯ О КАВКАЗѢ И ГРУЗІИ. Гл. I—II. Т.
II. НЕСЧАСТНАЯ. И. С. Тургенева
III. ПОЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ЗАПАДНАГО КРАЯ ВЪ МЯТЕЖѢ 1861—1863 ГОДОВЪ. Гл. I—IV. С. А. Райковскаго.
IV. ИЗЪ РИМА ВЪ НЕАПОЛЬ. В. Е.
V. ВОЕННО ОКРУЖНАЯ СИСТЕМА. Гл. I—II. В. В. Комарова.
VI. ЭМИГРАНТЪ АБИХТЪ. (Изъ разсказовъ о „Бѣгающей Братіи".) В. И. Кельсіева.
VII. ДЕПАРТАМЕНТЪ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ. В. И. Вешнякова.
VIII. НЕВОЛЬНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ СЪ ИЗДАТЕЛЕМЪ *КОЛОКОЛА*. Н. К. Ренненкампфа.
IX. ЧЕЛОВѢКЪ РОЖДЕННЫЙ БЫТЬ КОРОЛЕМЪ. Повѣсть въ стихахъ. Изъ поэмы Уильяма Моррис.: *Земной Рай*. Д. Е. Мина.
X. АСТРОНОМИЧЕСКІЯ СОБЫТІЯ ПРОШЛАГО ГОДА. I. Солнечное затменіе 6-го августа. — II. Прохожденіе Меркурія предъ солнцемъ.
XI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. *Архивъ Юго-Западной Россіи*, ч. III, т. 2. Кіевъ, 1868. П. Щ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ДОКТОРА БРЕДИ. Романъ въ трехъ частяхъ. Соч. Вильяма-Говарда Россела. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Гл. I—IV.



РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)
На Страстномъ бульварѣ.
1869.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

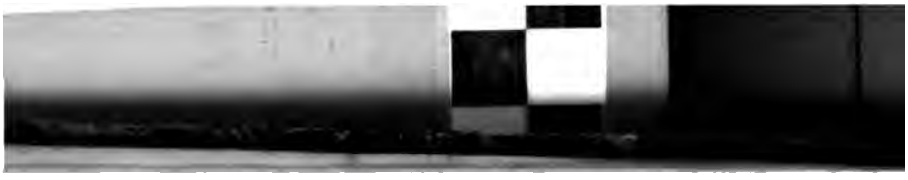
ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

графіи (Катковъ и К°)
бульваръ.



ВОСПОМИНАНІЯ О КАВКАЗѢ И ГРУЗІИ

I.

Заключивъ мои *Воспоминанія о кампаніи 1829 года въ Европейской Турціи* отъѣздомъ изъ Краіова, * перехожу прямо къ началу моей службы на Кавказѣ. Не стану говорить ни о годовомъ пребываніи въ Яссахъ, ни о Польской войнѣ 1831 года. Въ Яссахъ разыгрался для меня первый романъ моей жизни, до того невинный, до того бѣдный похожденіями, что разказъ о немъ утомилъ бы читателя; а сердечныя чувства, которыми отличается первая робкая привязанность, да позволятъ мнѣ сохранить въ одной собственной памяти. Въ Польскую же кампанію обстоятельства были для меня очень неблагопріятны. Мои воспоминанія о ней не выходятъ изъ тѣснаго круга, въ которомъ дозволено было вращаться егерскому прапорщику, исправлявшему при главной квартирѣ арміи должность офицера генеральнаго штаба. Упомяну только, какимъ образомъ я изъ Молдавіи попалъ въ армію, дѣйствовавшую въ Польшѣ, и какимъ путемъ выбылъ изъ нея на Кавказъ.

Съ самаго начала войны, когда войска наши двинулись къ Прагѣ, г. Гейсмаръ былъ назначенъ командиромъ авангарда. При этомъ случаѣ онъ не забылъ выпросить подъ свое начальство меня и Веригина, моего неразлучнаго товарища въ 1829 году. Веригинъ, служившій въ Кинбурнскомъ драгунскомъ полку, находился вблизи театра военныхъ дѣйствій; для него было нетрудно во-время поспѣть къ любимому

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1867 года №№ 6 и 7.

два раза въ недѣлю съ линіи во Владикавказъ, подъ прикрытіемъ пѣхотнаго конвоя, при одномъ или двухъ орудіяхъ. Съ ними отправляли курьеровъ, почту и всѣхъ проѣзжающихъ, для которыхъ, когда не было оказіи, ни подъ какимъ предлогомъ не поднимался шлагбаумъ, стоявшій при въѣздѣ на мостъ черезъ Малку. Кому изъ старыхъ Кавказцевъ не привелось томиться скукой въ Екатериноградѣ, ожидая выступленія оказіи, и послѣ того сердиться нѣсколько сутокъ сряду, нестерпимо страдая отъ холода или отъ жары, глядя по тому зимой или лѣтомъ злая судьба приковывала его къ шествію воловьяго транспорта? И я ходилъ съ оказіей много разъ. Къ счастію, въ послѣднее время моего пребыванія на Кавказѣ оказіи были уже отмѣнены; по Кабардинской плоскости стали ѣздить на перемѣнныхъ лошадяхъ съ небольшимъ числомъ казаковъ, а теперь и эта предосторожность совсѣмъ не нужна: между Екатериноградомъ и Владикавказомъ нынѣ не болѣе опасности какъ на любой столбовой дорогѣ внутри Россіи. Но въ 1832, необыкновенно тревожномъ году, на Кавказской линіи господствовалъ совершенно другой порядокъ. Начиная отъ Средняго Егорлыка, отдѣлявшаго Землю Донскихъ казаковъ отъ Кавказской области, путешественника встрѣчали и провожали на станціяхъ велерѣчивыми разказами о свирѣпости Черкесовъ и о безпрестанныхъ грабежахъ и убійствахъ, производимыхъ ими по самымъ ближайшимъ окрестностямъ. Къ счастію его, это были покамѣсть однѣ сказки; около ста верстъ онъ могъ еще проѣхать, не рискуя ни головой, ни чемоданомъ. Ближе къ Ставрополю дѣло принимало другой видъ; опасность, существовавшая до того въ одномъ напуганномъ воображеніи кавказскаго новичка, обращалась въ дѣйствительность, быстро возраставшую по мѣрѣ сближенія съ Кубанью, Малкой и Терекомъ, отдѣлявшими Линію отъ непріятельскихъ земель. Пограничные поселяне, обращенные позже въ казаковъ, и линейскіе казаки, свыкшіеся съ постоянною тревогой, менѣе говорили о ней, но за то болѣе остерегались. На ночь ѣзда по дорогамъ прекращалась для всѣхъ, кромѣ нарочныхъ, которымъ давали въ прикрытіе, сколько было нужно, казаковъ. Съ разсвѣтомъ, выѣзжать со станціи было менѣе опасно. Хищники,— офиціальный терминъ для обозначенія горцевъ, прорывавшихся въ наши предѣлы,—рѣдко позволяли себѣ „шалить“, то-

есть убивать и грабить, въ утреннее время, когда рабочій народъ толпами выходилъ въ поле, и когда по берегамъ пограничныхъ рѣкъ и по всѣмъ дорогамъ казачьи разъѣзды отыскивали „саклу“ разбойниковъ, успѣвшихъ прокрасться въ степь подъ защитой ночи. Многолюдство грозило немедленнымъ распространеніемъ тревоги, а долгій день способствовалъ казакамъ преслѣдовать ихъ. За то послѣдніе часы предъ закатомъ солнца слыли, не безъ основанія, самымъ опаснымъ временемъ дня. Шайки хищниковъ, скрытно дневавшія въ глубокихъ балкахъ, прорѣзывающихъ линейскія степи, или въ густыхъ лѣсахъ, покрывавшихъ берега Терека и Кубани, появлялись тамъ гдѣ ихъ нисколько не ожидали, угоняли табуны и стада, убивали оборонявшихся, хватали въ плѣнъ беззащитныхъ и подъ покровомъ ночи ускользали отъ погони. Въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ они нападали на крестьянскія селенія, или пытались врываться иногда въ казачьи станицы; въ честь казакамъ будь сказано, эта послѣдняя попытка почти никогда имъ не удавалась. Вечерняя встрѣча въ полѣ съ конными людьми въ мохнатыхъ папкахъ, когда, къ тому же, лица были укутаны башлыками, и у передоваго ружье вынуто изъ чехла, рѣдко предвѣщала добро. Сердце сжималось болѣзненно, когда въ степи неожиданно появлялась шайка подобныхъ ѣздоковъ; рука судорожно ложилась на курокъ ружья или пистолета, и тоску отводило только въ счастливомъ случаѣ, если удавалось разглядѣть у нихъ болѣе сапоговъ чѣмъ чевякъ: значитъ казаки, а не Чеченцы и не Закубанцы. Послѣ этого понятно, почему для Линейцевъ съ наступленіемъ ночи наставалъ не покой, а начиналось настоящее бдѣніе: изъ станичныхъ воротъ выѣзжали заставные и разъѣздные казаки, резервные съѣзжались на сборное мѣсто; на улицу казакъ не выходилъ иначе какъ съ ружьемъ, вынутымъ изъ чехла, и въ свою конюшню не заглядывалъ безъ пистолета въ рукѣ. Чеченецъ, случалось, прокрадется въ станицу, заползетъ на дворъ къ казаку, спрячется подъ плетнемъ и ждетъ пока кто-нибудь выйдетъ ночью подложить корму лошади, или коровамъ. Ударъ кинжаломъ, или пуля, отплачиваютъ казаку за мусульманскую кровь, пролитую невѣдомо какимъ гяуромъ, — кто станетъ разбирать виноватаго? — и Чеченецъ исчезаетъ мгновенно, какъ будто онъ тутъ и не бывалъ.

Въ такомъ положеніи я засталъ Кавказъ въ 1832 году; полагаю, старые Кавказцы еще помнятъ это время.

Вплоть до самаго Екатеринограда любопытство новоприѣзжаго болѣе возбуждалось плодородіемъ почвы и видомъ многочисленныхъ стадъ чѣмъ живописною стороной природы. Гладкая черноземная степь, изрѣдка прорѣзанная балками, утомляла глазъ. Села попадались не часто, еще рѣже встрѣчались лѣса. Не доѣзжая Ставрополя, мѣстность измѣняла свой однообразный видъ; дорога шла въ гору, окаймленная съ обѣихъ сторонъ глубокими лѣсистыми оврагами. На значительной высотѣ раскинулся городъ, составлявшій въ то время административный центръ обширной страны, простиравшейся отъ Чернаго до Каспійскаго моря.

Наружный видъ Ставрополя, признаться, мало соотвѣтствовалъ важности политическаго значенія, которое городъ долженъ былъ имѣть въ глазахъ люда, обращавшаго къ нему свои взоры и упованія. Поднявшись на гору съ сѣверной стороны, пріѣзжій прежде всего усматривалъ необыкновенно просторное поле, на которомъ двѣ линіи низенькихъ деревянныхъ домовъ, образуя входящій прямой уголъ, обозначали два фаса проектированной площади; съ двухъ остальныхъ сторонъ поле ограничивалось кладбищемъ да оврагомъ. Эта возникающая площадь занимала самый высокій пунктъ горы. Посреди ряда построекъ, очерчивавшихъ восточный фасъ, открывалась главная улица, фланкированная по угламъ каменными домами, справа—длиннымъ, одноэтажнымъ строеніемъ, въ которомъ жилъ командующій войсками, слѣва—горделиво глядѣвшими на своего приземистаго сосѣда двухъэтажными хоромами совѣтника казенной палаты З... Спустившись подъ гору, улица упиралась въ высокія каменныя ворота, не то крѣпостныя, не то тріумфальныя, красовавшіяся въ чистомъ полѣ и поэтому ничего не запиравшія. Никому не удавалось разрѣшить трудную загадку, для чего поставлены эти ворота,—между тѣмъ нельзя было безъ нихъ вообразить Ставрополь. Кромѣ командующаго войсками, жили еще на площади: оберъ-квартирмейстеръ, дежурный штабъ-офицеръ, предсѣдатель казенной палаты и нѣсколько другихъ, менѣе важныхъ сановниковъ военнаго и гражданскаго управленія. Начальникъ штаба, губернаторъ и комендантъ обитали въ домахъ, составлявшихъ украшеніе главной

улицы, на ряду съ театромъ, съ гостинымъ дворомъ и съ знаменитою гостиницей Найтаки. За исключеніемъ названныхъ, всѣ прочіе дома, деревянные, турлучные, или изъ сырцоваго кирпича, принадлежали къ числу извѣстныхъ въ провинціи домовъ „безъ архитектуры", то-есть въ одинъ этажъ, пять оконъ во фронтѣ, дверь сбоку подъ крошечнымъ навѣсомъ, все это безъ тѣни украшенія.

Не думалъ я, проѣзжая въ первый разъ чрезъ Ставрополь, что мнѣ самому, десять лѣтъ спустя, придется въ немъ пребывать, да еще съ женой, шесть недѣль послѣ свадьбы. Жилъ я на вышесказанной площади, въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, принадлежавшемъ хозяину каменнаго угловаго дома, совѣтнику З... На противоположномъ концѣ той же линіи находился другой небольшой домикъ, бѣлый снаружи, бѣлый внутри, вмѣщавшій другое молодое хозяйство. Мы вели между собой доброе знакомство и вмѣстѣ пережили много радостныхъ минутъ и много дней исполненныхъ досады и безпокойства. Потомъ судьба развела насъ въ разныя стороны. М... пошелъ путемъ постояннаго труда, не сворачивая ни вправо, ни влѣво, и силой ума и воли побѣдилъ препятствія, возникающія предъ человѣкомъ, для котораго не разчищаютъ дороги ни дядюшки, ни тетушки, ни бабушки. Я, съ своей стороны, не упускалъ случая пожить и въ свое собственное удовольствіе и, по этой причинѣ, далеко отсталъ отъ моего ставропольскаго сослуживца. Не горюю, впрочемъ, о томъ, чего самъ не достигъ, и ему не завидую. Охотно бы сказалъ о немъ побольше, да, говорятъ, живыхъ не только хулить, даже хвалить не позволено; поэтому снова обращаюсь къ характеристикѣ площади. Весной и осенью по ней разливалось море грязи; зимой она покрывалась снѣжною оболочкой въ полсажени глубины. Бывало, подымется вьюга, и нѣсколько сутокъ нельзя показать глазъ за двери дома; ворота занесетъ съ обѣихъ сторонъ, и люди принуждены лазить черезъ нихъ, пока употреблявшіеся на это дѣло арестанты не раскопаютъ снѣжной горы. Однажды гости собрались къ какому-то изъ счастливыхъ обитателей площади провести вечеръ; тѣмъ временемъ разыгралась непогода, воздухъ наполнился клочьями снѣга. Вечерніе посѣтители кое-какъ выбрались за ворота, но на площади потеряли направленіе, никакъ не могли попасть въ жерло большой улицы и вернулись, сколько ихъ тутъ ни

было, ночевать къ принимавшему ихъ хозяину, благодарные ему за то, что онъ не поспѣшилъ погасить свѣчи, позволившія имъ вторично отыскать его домъ. Въ мое время, знакомаго мнѣ доктора чуть не замело ночью на площади. Выѣхавъ около полуночи навѣстить больнаго, несмотря на дурную погоду, онъ увязъ съ санями въ снѣжномъ сугробѣ, долго бился стараясь высвободить лошадь съ помощію кучера, но, утопая все болѣе, принужденъ былъ послать его за помощью, а самъ остался при экипажѣ. Пока кучеръ добрался до домовъ, стучалъ въ ворота—звонковъ въ Ставрополѣ не знали, — и не могъ достучаться, доктора снѣгъ началъ покрывать, вихремъ кружась надъ его головой. Горка быстро увеличивалась, охватывая лошадь, сани и коченѣвшаго сѣдока. Случайно набрели на него офицеры, возвращавшіеся съ веселой пирушки, и высвободили его изъ этого некомфортабельнаго положенія. Въ лѣтнее время мнѣ самому не разъ случалось видѣть, и даже испытывать, какъ облака, нисколько не стѣсняясь городскими воротами, гуляли по ставропольскимъ главнымъ улицамъ. Бывало, катится на встрѣчу клубъ густаго тумана, накрываетъ васъ, обдаетъ дождемъ и градомъ,—проносится вверхъ по улицѣ, и снова яркое солнце свѣтитъ надъ вашею головой. Это о наружности города. Изъ его внутреннихъ качествъ я успѣлъ въ мой первый безостановочный проѣздъ вкусить только прелести гостиницы Найтаки и не былъ ею приведенъ въ восторгъ, хотя на своемъ вѣку много уже испробовалъ русскихъ провинціальныхъ гостиницъ, заѣзжихъ домовъ и жидовскихъ „кырчмъ“. Правда, въ то время прогрессъ не успѣлъ еще проникнуть въ глубину номеровъ Найтакинской гостиницы, освѣжить корридорный запахъ, повѣять на кухню благодатнымъ ароматомъ гвоздики и лавроваго листа, и надъ длиннымъ, хотя и каменнымъ, строеніемъ „безъ архитектуры“ поднять второй этажъ съ танцовальною залой, гдѣ, семь лѣтъ спустя, отбывались балы Ставропольскаго Благороднаго Собранія. Тогда гостиница приняла дѣйствительно благородный видъ, дозволявшій городскимъ красавицамъ и любезникамъ аристократическаго круга не брезгая переступать чрезъ ея порогъ, когда раздавалась бальная музыка. И куда дѣвались эти красавицы и эти любезники? Однѣ состарились, разъѣхались, поумирали другія, и сколько изъ ихъ ревностныхъ поклонниковъ покоятся вѣчнымъ сномъ за Кубанью,

за Терекомъ, на берегу Чернаго моря! Немногіе изъ посѣтителей Ставропольскаго Собранія, въ тридцатыхъ годахъ предававшихся восторгу, когда „съ водъ“ появлялась „роза кавказская“, или трудолюбиво ухаживавшихъ за дѣвицей Р. и за дѣвицей П., странствуютъ еще по бѣлому свѣту, или отдыхаютъ подъ сѣнію домашнихъ пенатовъ, ожидая своей очереди уступить мѣсто новому поколѣнію.

Отъ Ставрополя до Екатериноградa мы доѣхали на третьи сутки, отправляясь съ почтовыхъ дворовъ по нѣсколько повозокъ заразъ, ради общаго казачьяго конвоя; говорю: мы, потому что отъ самаго Петербурга я ѣхалъ не одинъ, а съ родственникомъ А. Л. В., поступившимъ на службу изъ отставки, человѣкомъ умнымъ и отмѣнно добрымъ, но не созданнымъ для кавказской жизни. Его строгой точности болѣе сродны были кабинетныя занятія чѣмъ кавказское военное дѣло, безпрестанно разрушавшее своими быстрыми переворотами всѣ разчеты его методическаго порядколюбія. Кто изъ Тифлисцевъ не зналъ въ 1832 году Александра Лаврентьевича, не любилъ, не уважалъ его, и совершенно дружески, слегка не подсмѣивался надъ его методизмомъ? Годъ спустя онъ избралъ благую дорогу, переѣхалъ служить въ Петербургъ, завелъ вокругъ себя примѣрный порядокъ, и не имѣя самъ семьи, съ истинно-христіанскимъ самозабвеніемъ трудился для пользы своихъ родныхъ. Во все время проѣзда дождь насъ мочилъ и весенній туманъ проникалъ до костей; по этой причинѣ мы не могли видѣть Бештау, лежащій верстъ пятьдесятъ вправо отъ Георгіевска, съ купой цѣлебныхъ источниковъ, сгруппированныхъ у его подножія.

II.

Екатеринодаръ казачья станица старой, неправильной постройки на лѣвомъ, господствующемъ берегу Малки. Длинная и узкая плотина, устроенная поперекъ низменности, покрытой садами въ перемежку съ невысокимъ лѣсомъ, и чрезъ рѣку мостъ на каюкахъ, связывали станицу съ карантиномъ, стоявшимъ на правомъ берегу. Мостъ и карантинъ прикрывались земляным люнетомъ. Въ 1832 году лѣсъ и сады, лежавшіе по обѣ стороны плотины, подъ обрывомъ надъ которымъ возвышалась станица, служили любимымъ притономъ для „хищниковъ“. Безразсудно было вечеромъ

ходить туда по-одиночкѣ, или ночевать въ садахъ. Вообще фруктовые сады и виноградники, составляющіе лучшее богатство казаковъ, живущихъ на берегу Терека, были постояннымъ театромъ разбойничьихъ нападеній со стороны горцевъ, и въ журналѣ военныхъ происшествій на Линіи играли немаловажную роль.

Между Екатериноградомъ и Владикавказомъ простирается на разстояніи ста пяти верстъ открытая равнина, по которой, кромѣ множества незначительныхъ потоковъ, протекаютъ три быстрыя и глубокія рѣки: Урухъ, Ардонъ и Архонъ. Это пространство намъ слѣдовало пройти съ „оказіей".

Въ Екатериноградѣ намъ довелось отдохнуть не болѣе сутокъ отъ безостановочной ѣзды въ почтовой телѣгѣ, начиная отъ Воронежа, гдѣ съ прекращеніемъ снѣжнаго пути, мы были принуждены покинуть спокойную зимнюю кибитку. На другой день нашего пріѣзда явился десятскій съ повѣсткой, что утромъ выступаетъ „оказія" и всѣмъ проѣзжающимъ приказано на разсвѣтѣ собираться передъ караульнемъ, по ту сторону Малки. Хозяйка квартиры, которую мы занимали безденежно, по отводу, какъ слѣдовавшіе „по казенной надобности", вызвалась доставить насъ до Владикавказа. За отсутствіемъ мужа, отправленнаго „въ [illegible]", [illegible] [illegible] былъ принятъ „исполняющій роль тѣла[illegible]" [illegible] къ тѣмъ [illegible] работниками. Въ то время Кавказская Линія была заселена [illegible] изъ внутреннихъ русскихъ губерній. Для заполненія убыли между казаками и для заселенія области, являвшимися на Линію бѣглыми, по большей части бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ, объявлявшихъ притомъ, что они не помнятъ родства, не разбирая кто и откуда, причислялись въ казаки; [illegible] въ казачьихъ семействахъ, потерявшихъ отцевъ или мужей на войнѣ съ горцами. У насъ [illegible] работникъ, пріучались владѣть конемъ и оружіемъ, и по прошествіи опредѣленнаго срока поступали навсегда въ казачье сословіе. И нашъ кучеръ принадлежалъ къ числу „непомнящихъ родства", спасавшихся отъ крѣпостной зависимости. Линейское населеніе о бѣглыхъ, случалось, передавало довольно забавныя недоумѣнія въ [illegible] [illegible]. Однажды прибыли на Линію нѣсколько сотъ душъ, цѣлымъ селеніемъ, съ женами, дѣтьми, скотомъ и птицей, и стали просить земли, объявивъ, что не помнятъ

ни роду, ни племени, и совершенно забыли прежнее мѣсто жительства. По правилу, ихъ слѣдовало бы обратить въ казаковъ, но помѣщикъ былъ человѣкъ со вліяніемъ и настоялъ на возвращеніи бѣглецовъ, для освѣженія потерянной памяти о прежнемъ, завидномъ бытѣ.

Едва начинало свѣтать, когда мы переправились чрезъ Малку. Прибывъ на мѣсто изъ первыхъ, я имѣлъ случай видѣть очень любопытный сборъ оказіи. сначала стали появляться на полѣ повозки и экипажи всевозможныхъ видовъ. Телѣги, брички, кибитки, тарантасы, между ними даже коляска, хотя и допотопнаго сооруженія, а все-таки настоящая рессорная коляска, рысцой выѣзжали за ворота предмостнаго укрѣпленія. За экипажами тянулись длинные ряды грузныхъ телѣгъ, запряженныхъ свѣтлосѣрыми, длиннорогими черноморскими волами; со скрипомъ двигались высокія двуколесныя татарскія „арбы“, влекомыя черными буйволами, и покачиваясь, шагали громоздно навьюченные верблюды. Всадники скакали по всѣмъ направленіямъ. Съ козелъ правили лошадьми гдѣ русскій бородатый мужикъ, гдѣ казачокъ, гдѣ отставной солдатъ въ военной шинели, на головѣ мохнатая кабардинка, а гдѣ молоденькая, краснощекая, поворотливая казачка, или солдатка въ полумужскомъ нарядѣ. Изъ экипажей и съ высоты арбъ глядѣли заспанными глазами физіономіи разноплеменныхъ путешественниковъ и путешественницъ, укутанныхъ въ военныя шинели, въ бекеши, плащи, въ бурки, въ калмыцкіе нагольные тулупы, въ чумацкія свиты, въ чухи, въ атласные салопы и во всякое иное, модное и не модное, тѣлосогрѣвающее тряпье. Повозки, шныряя во всѣ стороны, причемъ безпрестанно путались, задѣвали одна за другую, то колесами, то дышломъ, несмотря на безконечную степь раскрывавшую широкую арену для неугомонной суетливости возницъ, кричавшихъ и перекидывавшихся бранью на десяти разныхъ нарѣчіяхъ. Много было тутъ шуму и очень мало порядку; но такъ какъ всему долженъ быть конецъ, и даже безпорядокъ имѣетъ свой положенный предѣлъ, то и наша путаница, послушная велѣнію начальника оказіи, прибывшаго на мѣсто съ ротой пѣхоты, орудіемъ и командой казаковъ, размоталась въ три длинныя нити. За пушкой помѣстились повозки съ почтой и экипажи, по порядку ихъ величины и іерархическаго значенія, то-есть, сперва коляски, потомъ брички, тарантасы,

кибитки и подъ конецъ открытыя телѣги; направо и налѣво отъ нихъ выстроились арбы и воловьи подводы. Всадникамъ, которые, по кавказскому обыкновенію, имѣли при себѣ оружіе, приказано ѣхать съ казаками въ головѣ, верблюдамъ идти позади повозокъ; конвойная пѣхота размѣстилась по обѣ стороны колонны, впереди, при орудіи, и за верблюдами.

Повинуясь барабану, наши три колонны двинулись медленнымъ, воловьимъ шагомъ по необозримой равнинѣ, окаймленной съ юга свѣтлѣвшимъ на дальнемъ горизонтѣ непрерывнымъ рядомъ снѣговыхъ вершинъ главнаго Кавказскаго хребта. Порядокъ, въ которомъ мы выступили, никогда не измѣнялся. Когда непріятель появлялся въ числѣ способномъ препятствовать движенію „оказіи", въ такомъ разѣ останавливались, строили каре изъ воловьихъ подводъ, и отстрѣливались пока ни присылалась помощь изъ ближайшаго укрѣпленія. На Кавказѣ не помнили, чтобы горцамъ удалось разграбить оказію; поэтому часто случалось что забывали необходимую осторожность: подводы растягивались, люди отставали, уходили въ сторону охотиться за фазанами, во множествѣ водившимися въ этихъ мѣстахъ, или просто, безъ цѣли, бродили по высокой травѣ и по кустамъ, поддаваясь безпечности свойственной русскому человѣку. Горцы, не упускавшіе случая невидимо слѣдить за оказіей, подобно коршунамъ налетали на неосторожныхъ зѣвакъ, убивали и захватывали ихъ въ виду конвоя, такъ скоро, такъ неожиданно, что рѣдко удавалось имъ помочь.

Нельзя было сказать, что и въ этотъ разъ шли спустя рукава. Штабсъ-капитанъ, распоряжавшійся оказіей, велъ ее осторожнѣе обыкновеннаго: часто останавливался, ровнялъ головы колоннъ, стягивалъ подводы, безпрестанно высылалъ разъѣзды и никому не позволялъ уходить въ сторону. На это была важная причина. Изъ-за Терека пронеслись неблагопріятные слухи: Кази-Мегметъ, извѣстный въ народѣ подъ именемъ Кази-Муллы—Шамиль того времени, спустился изъ Дагестана въ Чечню, набралъ многочисленную шайку и готовился атаковать Русскихъ. Не было еще извѣстно куда онъ намѣренъ идти; поэтому его ожидали повсюду и вездѣ готовились дать отпоръ. Имѣя въ виду произвести общее возстаніе горцевъ на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ Кавказской Линіи, онъ считалъ дѣломъ первой необходимости увлечь

за собой Большую Кабарду и этимъ способомъ, если не совершенно прервать, то по крайней мѣрѣ затруднить сообщеніе по Военно-Грузинской дорогѣ. При исполненіи своего замысла, Кази-Мегметъ не могъ миновать нашего пути. Кавказское военное начальство понимало опасность, которая ему угрожала, и всѣми мѣрами старалось ее отвратить; поэтому нечего было удивляться, если командиръ оказіи, штабсъ-капитанъ линейнаго баталіона, принималъ не вседневныя мѣры предосторожности. Къ нашему счастію, онъ былъ старый, опытный Кавказецъ и къ тому же принадлежалъ къ категоріи людей имѣющихъ обыкновеніе заранѣе не храбриться, а въ минуту дѣйствительной опасности не робѣть. Подъ его начальствомъ, какъ и при каждомъ другомъ, съ нами могла сдучиться бѣда, но можно было надѣяться, что онъ съ своей стороны не оплошаетъ. Я былъ хотя молодъ, но уже достаточно обстрѣленъ для того чтобы не ошибиться въ человѣкѣ. На его смѣлость и хладнокровіе можно было положиться, не рискуя себя обмануть; а о солдатахъ нечего и говорить. Въ первый разъ я увидѣлъ здѣсь коренаго кавказскаго солдата, во всю дорогу любовался имъ, то есть имъ самимъ, а не косматою шапкой, которою онъ накрывался, вопреки формы, не потертою шинелью и не амуничною принадлежностью, до которой будто не прикасалась пригонка, и не долго медлилъ рѣшить, что съ этимъ солдатомъ можно покуситься на все. Далѣе увидятъ, ошибся ли я въ своемъ заключеніи.

Вслѣдствіе всего что дѣлалось на глазахъ у путешественниковъ и что доходило до слуха ихъ, между ними стало распространяться сильное безпокойство: у многихъ лица вытягивались, по мѣрѣ того какъ мы уходили въ степь и спасительный берегъ Малки исчезалъ изъ виду. Напрасно твердили робѣющимъ, что не далѣе четырнадцати верстъ до ближайшей крѣпости, и что на пути имѣются пять укрѣпленій: Пришибское, Урухское, Минаретское, Ардонское и Архонское, въ которыхъ можно ночевать совершенно безопасно отъ Кази-Муллы и его Чеченцевъ. Ихъ встревоженное воображеніе упрямо отталкивало каждую успокоительную идею. Было въ нашей оказіи много разнохарактернаго народу: шатались тутъ люди совершенно беззаботные, думавшіе о чемъ угодно, только не объ опасности; суетились и поддѣльные храбрецы, дѣлавшіе неимовѣрныя усилія громкимъ

хвастовствомъ отвести страхъ, сжимавшій ихъ сердца. Всѣхъ смѣлѣе оказывались дамы, обладающія, какъ извѣстно, общепринадлежащею имъ способностью никогда не бояться настоящей опасности и всегда пугаться безъ причины. Сильно тревожились два петербургскіе чиновника, ѣхавшіе на Кавказъ за чиномъ коллежскаго ассессора и жалованьемъ по усиленному окладу; мысль подвергнуться крушенію такъ близко къ порту своихъ надеждъ, попасть въ плѣнъ, или, пожалуй, и того хуже, раздирала имъ душу. Наравнѣ съ ними, если не сильнѣе еще, волновался счастливый владѣлецъ коляски, управляющій владикавказскою винно-откупною конторой. Сначала его встревоженный видъ крайне забавлялъ насъ, потому что онъ нисколько не шелъ къ его рябому, пучеглазому лицу и плечистому складу, по которымъ трудно было отнести его къ категоріи существъ слабонервныхъ; но потомъ мы поняли причину его треволненія и признали ее совершенно законною. Легко было намъ, отвѣчавшимъ за однѣ собственныя головы, подтрунивать надъ безпокойнымъ взглядомъ „управляющаго“ и надъ огромнымъ телескопомъ, которымъ онъ ежеминутно цѣлилъ на всѣ стороны горизонта; мы не сидѣли въ оболочкѣ отца, имѣвшаго при себѣ двухъ дочекъ, только-что выпущенныхъ изъ ставропольскаго благороднаго дѣвичьяго пансіона, гдѣ ихъ обучали такому множеству языковъ и другихъ предметовъ, что у нихъ, отъ научнаго звона въ ушахъ, въ головѣ образовалась совершенная пустота. Но говорить о воспитаніи, которое давалось въ то время дочерямъ небогатыхъ чиновниковъ въ нашихъ провинціальныхъ пансіонахъ, не идетъ къ дѣлу. Займемся отцомъ. Давнишній кавказскій жилецъ, онъ хорошо зналъ какая судьба ожидала дѣвочекъ, еслибъ онѣ, къ несчастью, попались горцамъ въ руки, и поэтому не былъ спокоенъ ни на мгновеніе; барышни же, не имѣя яснаго понятія объ участи которая имъ угрожала въ такомъ случаѣ, боялись чего-то незнакомаго, и чтобъ одолѣть страхъ, пытались храбриться, какъ храбрятся дѣти, пока дѣйствительно не увидятъ трубочиста, которымъ нянька грозитъ, когда они начинаютъ капризничать.

Ничего нѣтъ легче какъ заводить путевое знакомство при подобныхъ обстоятельствахъ; была бы только охота знакомиться. Никогда я не имѣлъ привычки брезгать товарищами, которыхъ судьба посылала мнѣ въ дорогѣ, на почтовой

станціи, или въ какомъ-нибудь забытомъ уголкѣ земли; какого они чина, званія и свѣтскаго положенія, мало меня тревожило, потому что и въ молодости я не страдалъ смѣшною боязнію уронить себя чрезъ минутное знакомство съ кѣмъ бы то ни было. Иное дѣло дружиться, вступать въ тѣсную связь,— тутъ я готовъ былъ отступить на три шага отъ самаго знатнаго имени, отъ самой заманчивой наружности, если личность меня не привлекала. Побуждаемый склонностію отыскивать людей оригинальныхъ, типическихъ, безъ разбора наружной оболочки, подъ которою скрывались ихъ серіозныя или забавныя качества, я познакомился уже на первомъ переходѣ съ большимъ числомъ нашихъ спутниковъ. „Управляющій“ любилъ заводить новыя знакомства несравненно болѣе меня, но какъ человѣкъ опытный и практичный, зналъ насколько въ такомъ дѣлѣ требуется осмотрительности отъ представителя семейства. Онъ подходилъ и кланялся первый, но прежде чѣмъ рѣшался всепокорнѣйше пригласить къ ковру, разстилавшемуся возлѣ коляски, когда оказіи давали отдыхъ, деликатно развѣдывалъ кто куда ѣдетъ, откуда, какого чина, и не значится ли за нимъ по формуляру родоваго или благопріобрѣтеннаго. Его любознательность заслуживала полнаго уваженія, потому что она проистекала изъ самаго чистаго чувства родительской заботливости; на сказанномъ коврѣ красовались не одни соленія и настойки, изъ первыхъ рукъ, но и двѣ дочки, шестнадцати и семнадцати лѣтъ. Нельзя же было упускать изъ виду существенныя достоинства, которыми могли обладать нѣкоторые изъ субъектовъ, брошенныхъ случаемъ на пути его дочерей при первомъ вылетѣ ихъ изъ гнѣзда. Пристроить дочерей было въ его умѣ дѣломъ первой важности; онъ понималъ, какъ трудно будетъ для него, овдовѣвшаго много лѣтъ тому назадъ, въ одно время слѣдить за кознями амура противъ юныхъ сердецъ обѣихъ барышень и за продѣлками откупной челяди. Въ оказіи находились, между прочимъ, и люди солидные. Кто знаетъ чѣмъ можетъ кончиться шутка? Суженаго, ряженаго и конемъ не объѣдешь, говоритъ пословица, а коли судьба, такъ, пожалуй, нагонишь его воловьимъ шагомъ оказіи.

Съ перваго начала „управляющій“ обратилъ на меня мало вниманія: моя рогожная кибитка съ мизерною кладью,

молодость и чинъ армейскаго подпоручика внушали ему весьма посредственное уваженіе къ моей персонѣ. Иное дѣло, еслибъ я числился капитаномъ, ротнымъ командиромъ, да былъ на дорогѣ въ баталіонные, изъ которыхъ можно шагнуть и въ полковые,—тутъ позволительно поклониться лишній разъ; а то молодой егерскій подпоручикъ и ничего болѣе: какого проку отъ него ожидать? Богатъ, такъ маменька не позволитъ жениться, хотя за дочками и водится капиталецъ; бѣденъ, такъ, пожалуй, готовъ тотчасъ въ церковь,—значитъ, только придется кормить, пока до чего-нибудь дотянетъ; а не то примется дѣвочкамъ по-просту строить куры да отбивать солидныхъ жениховъ. Изъ пріемовъ моего „управляющаго“ легко было замѣтить, что онъ, какъ подобало его житейскому призванію, глядѣлъ на вещи съ чисто практической точки зрѣнія. Сообразно съ этимъ душевнымъ настроеніемъ, онъ не замедлилъ сдѣлать быстрый поворотъ въ мою сторону и засыпать меня любезностями, когда дошло до его свѣдѣнія, что я, несмотря на мой армейскій мундиръ, ѣду въ Тифлисъ служить въ корпусномъ штабѣ. Знакомство со „штабнымъ“ въ его глазахъ имѣло свою выгоду. Къ сожалѣнію, онъ позабылъ заранѣе развѣдать, что я не принадлежу къ категоріи пригодныхъ штабныхъ, не касаясь, по роду моихъ занятій, до подрядовъ, поставокъ и прочихъ хозяйственныхъ распоряженій, иначе не тратилъ бы онъ на меня такого избытка любезности, закусокъ и настоекъ. Во время двухъ послѣднихъ переходовъ, — мы шли всего четыре дня,—онъ находилъ большое удовольствіе разсуждать со мной о кавказскихъ политическихъ дѣлахъ, бранить снисходительность начальства къ горцамъ, критиковать распоряженія командира оказіи; вслѣдствіе чего не уставая шагалъ возлѣ нашей повозки, на привалахъ приглашалъ къ завтраку, вечеромъ на чай, и нерѣдко на походѣ усаживалъ въ коляску противъ своихъ дочерей, когда это завидное мѣсто случайно не было занято ѣхавшимъ съ нами коммиссіонеромъ.

Пожалуй, найдутся люди, которые прервутъ мой разказъ простодушнымъ вопросомъ: почему же коммиссіонеру такой почетъ? они, значитъ, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нашего столѣтія сидѣли еще на школьной скамьѣ, и я долженъ дать имъ объясненіе. Въ тѣ времена, о которыхъ я вспоминаю, въ обширной сферѣ русскаго чиновничьяго міра коммиссіонеръ провіантскаго или коммиссаріатскаго

вѣдомства занималъ мѣсто привилегированнаго существа, истиннаго баловня счастія, предъ которымъ прочіе чиновники, папеньки взрослыхъ дочерей, низко кланялись, маменьки умильно улыбались, а барышни стыдливо опускали рѣсницы, выразительно перебирая пальцами уборку платья или комкая носовой платочекъ. Говорю о барышняхъ пріобрѣтшихъ уже нѣкоторую долю опытности въ оцѣнкѣ жизненныхъ благъ, то-есть перестрадавшихъ первый періодъ сердечнаго влеченія къ идеаламъ, въ красныхъ, бирюзовыхъ, зеленыхъ и иного цвѣта гусарскихъ долманахъ, и понявшихъ, наконецъ, какая бездна отрады гнѣздится въ глубинѣ туго набитаго кармана, какой бы мундиръ его ни прикрывалъ. Коммиссіонеръ былъ тогда не то что нынѣ, обыкновенный служащій; для его дѣятельности раскрывался въ то время необозримо широкій горизонтъ, на склонѣ котораго фортуна рисовала ему розовыми чертами не только чины, ордена и прочія награды, но и очерки домовъ, фабрикъ, съ придачей сотенъ и тысячъ ревизскихъ душъ. О ломбардныхъ билетахъ нечего и говорить, они сами собой, безъ всякаго труда, укладывались къ нему въ бумажникъ. Ступенью выше коммиссіонера стоялъ предсѣдатель казенной палаты. Выше ихъ обоихъ заноситься въ своей амбиціи имѣлъ право лишь винный откупщикъ: начавъ отъ званія цѣловальника, со сплеска, онъ могъ въ продолженіи небольшаго числа лѣтъ пріобрѣсти въ свое владѣніе нѣсколько тысячъ душъ, а тамъ недалеко до предводителя и до каммергерскаго ключа! Благодаря благое Провидѣніе, русскія души отошли теперь изъ-подъ крѣпости на волю Господню; ихъ нельзя болѣе ни проживать, ни наживать; откупщицкое дѣло, питавшееся разсыропливаніемъ и приправой вина разными невинными спеціями, отъ которыхъ у народа скребло въ горлѣ и жгло кишки, кануло въ омутъ изъ котораго оно выросло; полки потеряли значеніе арендъ; и коммиссіонерство перестало быть золотымъ пріискомъ, на которомъ коммиссіонеры вымывали для себя золото изъ всякаго казеннаго добра попадавшаго къ нимъ въ когти.

Воспитанницы ставропольскаго пансіона благородныхъ дѣвицъ были молоды, свѣжи, поэтому чрезвычайно привлекательны въ нашихъ глазахъ; для сравненія съ ними мы не имѣли предъ собой ни одного сколько-нибудь сноснаго женскаго существа. Ходилъ говоръ, будто съ нами ѣдетъ

еще Арманка замѣчательной красоты, но никому не удалось повѣрить справедливость этого слуха. Красавица скрывалась постоянно въ тарантасѣ, завѣшенномъ со всѣхъ сторонъ, даже ночевала въ немъ; а ея супругъ, тифлисскій торговецъ, одаренный физіономіей леопарда, съ мотавшимся на поясѣ кинжаломъ необычайной величины, бросалъ такіе свирѣпые взгляды на любопытствовавшихъ поближе разглядѣть внутренность завѣтнаго экипажа, что у нихъ холодъ пробѣгалъ по жиламъ, и они въ смущеніи и страхѣ отъ него удалялись. Затѣмъ скипетръ красоты оставался въ безспорномъ обладаніи двухъ дѣвицъ, и мы, сколько насъ тутъ ни было на лицо: коммиссіонеръ, оба чиновника, и человѣка три офицеровъ изъ разныхъ кавказскихъ полковъ, записались къ нимъ въ поклонники на все время нашего общаго странствованія. Барышни, пользуясь своею властью надъ нами, жеманились, восторгались, обижались, гнѣвались и умилостивлялись поочередно, все съ видомъ достоинства, подобавшаго дѣвицамъ хорошаго провинціальнаго тона. Кавалеры отличались съ своей стороны, каждый по силѣ преимуществъ, которыя ему приписывало собственное самолюбіе. Коммиссіонеръ, въ сознаніи своего соціальнаго значенія, дозволявшаго ему церемониться менѣе другихъ, говорилъ дѣвицамъ комплименты, направленные „не въ бровь, а прямо въ глазъ“. Петербургскіе чиновники, жмуря глаза, цѣдили сквозь зубы повѣствованія объ удивительныхъ эпизодахъ своей столичной жизни: какъ они съ министрами игрывали въ вистъ и въ бостонъ; какъ тайкомъ передавались имъ раздушенныя записочки отъ разныхъ очаровательныхъ графинь; при этомъ давалось понять, что принужденные, по причинѣ совершенно исключительныхъ обстоятельствъ, разстаться на время съ прелестями столичной жизни, они располагаютъ схоронить себя на Кавказѣ не на долго, пока.... Значительное наклоненіе головы довершало фразу. Кавказскіе офицеры, не облекаясь въ покровъ таинственности, въ который такъ величественно драпировались петербургскіе чиновники, занимали барышень не совсѣмъ деликатными, но за то очень правдивыми разсказами о своихъ похожденіяхъ за Кубанью и за Терекомъ. Послѣ этого мнѣ, не водившемуся съ министрами, не получавшему записочекъ отъ графинь и не бывшему еще ни за Терекомъ, ни

за Кубанью, оставалось только болтать разный вздоръ—дѣло, которому я предался съ самою похвальною ревностью.

Въ такомъ пріятномъ препровожденіи времени, пространство, отдѣлявшее насъ отъ Владикавказа, исчезало непримѣтнымъ образомъ. На ночь мы располагались возлѣ укрѣпленія вагенбургомъ, который окружали двойною цѣпью карауловъ и секретовъ. Офицерамъ и чиновникамъ отводили квартиры въ форштатѣ, у женатыхъ солдатъ; народъ нечиновный бивуакировалъ вокругъ пылающихъ костровъ. Всю ночь заунывное: „слушай!“ раздавалось около крѣпости и бивуака, напоминая, что мы находимся въ непріязненной сторонѣ. Еслибы не окружавшія насъ военныя предосторожности и не открытыя „летучки“, которыя по нѣскольку разъ въ сутки неслись изъ Владикавказа на встрѣчу къ командиру оказіи и потомъ, отъ поста до поста, летѣли дальше на Линію, елико терпѣли ноги замученныхъ казачьихъ лошадей, мы, пожалуй, готовы были бы совсѣмъ забыть о Кази-Муллѣ и его Чеченцахъ. Въ Ардонскомъ укрѣпленіи прибавили къ нашему конвою взводъ пѣхоты и второе орудіе. Изъ Архона мы выступили раньше обыкновеннаго и къ полудню пришли бы во Владикавказъ, еслибы не спустился такой густой туманъ, что въ десяти шагахъ нельзя было разглядѣть человѣка. Это принудило нашего штабсъ-капитана остановиться не доходя до половины дороги и выслать сильные разъѣзды впередъ и къ сторонѣ Терека. Пока мы ожидали возвращенія казаковъ, присказалъ осетинскій старшина Магометъ-Кази, съ пятьюдесятью всадниками, задержать оказію отъ имени владикавказскаго коменданта, доколѣ не прибудетъ баталіонъ, высланный изъ крѣпости къ намъ на встрѣчу. Кази-Мулла наканунѣ явился со своимъ скопищемъ предъ Назраномъ, въ двадцатипяти верстахъ отъ Владикавказа,—и кто могъ ручаться, что онъ, пользуясь туманомъ, не попытается разбить оказію. Вслѣдствіе этого извѣстія мы построились въ каре, два часа битыхъ прождали прихода обѣщаннаго баталіона, и потомъ, въ тихомолку, безъ барабаннаго боя, двинулись по дорогѣ. Однѣ татарскія арбы скрипѣли на всю окрестность. Сиплый визгъ, вырывавшійся изъ-подъ поворотныхъ осей, къ которымъ колеса прикрѣплены наглухо, слышался издалека. Татары не имѣютъ привычки смазывать оси и оправдываютъ это скрипо-любивое обыкновеніе тѣмъ что они честные люди и не боятся, подобно ворамъ, если будетъ

ственно когда они ѣдутъ. Подъ покровительствомъ непроницаемаго тумана мы перешли по мосту черезъ Терекъ, вошли во владикавказское предмѣстье и построили вагенбургъ на площади предъ крѣпостными воротами, чрезъ которыя пропускали однихъ путешественниковъ съ ихъ поклажей. Экипажамъ не было мѣста внутри крѣпости, загроможденной стариками, женщинами, дѣтьми, товаромъ и всякимъ имуществомъ, свезенными въ нее изъ обоихъ форштатовъ. Петербургскихъ чиновниковъ, одного офицера, моего родственника, и меня, помѣстили въ какомъ-то чуланѣ возлѣ комендантской канцеляріи, гдѣ мы расположились на своихъ чемоданахъ, вмѣсто постели, имѣя на всю братію одинъ деревянный табуретъ, получившій, по единогласному приговору, назначеніе исправлять должность чайнаго стола. Управляющій съ дочерьми нашелъ пріютъ у самого коменданта, а коммиссіонера мы потеряли изъ виду и не заботились о немъ, зная, что для особы его званія всегда готово теплое мѣсточко тамъ, гдѣ существуютъ склады провіанта, которыми Владикавказъ былъ вовсе не бѣденъ.

Нельзя оставить безъ поясненія причину тревоги, возмутившей созерцательное житіе Владикавказцевъ и принудившей насъ не только помѣститься въ чуланчикѣ самъ-пятъ, но и прожить четверо сутокъ въ такомъ стѣсненномъ положеніи.

Владикавказъ, главный стратегическій пунктъ въ центрѣ Кавказской Линіи, оборонявшій Военно-Грузинскую дорогу при выходѣ ея изъ ущелья Терека на Кабардинскую равнину, долженствовавшій удерживать въ повиновеніи Большую и Малую Кабарды, Осетинъ и мелкія Кистинскія общества, занимавшій нагорную покатость хребта, слылъ повсюду сильною крѣпостью, но въ сущности не оправдывалъ своей репутаціи. Земляныя насыпи его по нуждѣ только могли противиться горцамъ, не имѣвшимъ тогда еще артиллеріи и дѣйствовавшимъ безъ общей связи, послѣ рѣшительнаго удара, нанесеннаго Ермоловымъ Большой Кабардѣ въ 1821 году. Но [illegible] явился въ [illegible] Кавказскія новый дѣятель. Гимрійскій уроженецъ Кази-Мегметъ явился въ 1830 году проповѣдникомъ мусульманскаго ученія, на которомъ Шамиль основалъ въ послѣдствіи свое продолжительное могущество. Взволновавъ Дагестанъ и Чечню, и съ помощію мюридовъ быстро сталъ распространять свое владычество надъ горцами всего лѣваго Кавказ-

Линіи. Нѣсколько удачныхъ набѣговъ на нашу границу, въ особенности разграбленіе Кизляра, доставили ему высокое значеніе въ глазахъ воиновъ, преимущественно бьющихся изъ-за добычи; горцы признали его „шихомъ“ — святымъ, „имамомъ“ — пророкомъ, и подъ его предводительствомъ готовы были, не жалѣя головы, идти на „газватъ“— священную войну противъ гяуровъ. Все это не имѣло бы особой важности, еслибы въ то же время Кази-Мегметъ, равнявшійся умомъ и предпріимчивостью своему преемнику Шамилю, не принялся всѣми способами направлять горцевъ къ одной общей цѣли, заключавшейся въ единодушномъ сопротивленіи русской силѣ. Этого не ожидали и къ этому не были приготовлены.

Владикавказская крѣпость, окруженная двумя форштатами, вмѣщавшими множество лавокъ наполненныхъ товаромъ, и обширными фруктовыми садами, все болѣе и болѣе стѣснявшими ея оборону, уже лѣтъ десять не находилась въ положеніи опасаться со стороны горцевъ открытаго нападенія. Мелкія происшествія, убійства, грабежъ и кража людей повторялись ежедневно подъ самыми стѣнами крѣпости; но подобныя бездѣлицы никого не смущали въ то время на Кавказѣ. Однажды два Чеченца подкараулили въ саду самого коменданта, генерала Поца, и унесли въ горы, посадивъ на палки, такъ какъ старикъ, страдавшій подагрой и всегда обутый въ высокіе валеные сапоги, за что горцами былъ прозванъ генералъ „це-вака“—войлочный сапогъ, не могъ бѣжать съ потребною скоростію. Коменданта принуждены были выкупить у воровъ. Для предупрежденія подобныхъ случаевъ, разъѣзды посылались очень часто, на ночь разставлялась вдоль бруствера цѣпь, и въ садахъ помѣщали секреты, а о крѣпости никто не помышлялъ: брустверъ исподоволь осыпался въ ровъ, платформы подъ орудіями осѣдали и дружно гнили вмѣстѣ съ лафетами; гарнизона оставалось не болѣе одного линейнаго баталіона и сотни донскихъ казаковъ, да и изъ нихъ половина людей находилась въ командировкѣ. Поэтому нечего удивляться, если слухъ о прибытіи въ Чечню Кази-Муллы и о замыслахъ его на Военно-Грузинскую дорогу смутилъ нѣкоторымъ образомъ владикавказское начальство, которое даже очень встревожилось, когда онъ съ тремя тысячами Чеченцевъ обложилъ Назрановское укрѣпленіе, отправилъ сильную партію Лезгинъ

пѣхотнаго конвоя, потому что Галгаевцы и Кистинцы отказали въ повиновеніи. Хевсурцы, напротивъ того, со стыдомъ прогнали отъ себя Кази-Мегметовыхъ Лезгинъ.

Въ день нашего отъѣзда туманъ, пятеро сутокъ застилавшій окрестности Владикавказа, превратился въ проливной дождь на равнинѣ, а въ горахъ за Балтой въ мокрый снѣгъ, хлеставшій намъ въ глаза съ ослѣпляющею силой. Мокрые, забрызганные грязью, полузамерзшіе, избитые толчками телѣги, судорожно прыгавшей чрезъ камни, устилавшіе всю дорогу, мы были мало расположены удивляться поразительной картинѣ горнаго величія, постепенно развивавшейся предъ нашими глазами. Въ Ларсѣ, двадцать пять верстъ за Владикавказомъ, насъ застигла темная ночь; продолжать дорогу было невозможно; мы переночевали въ станціонной саклѣ сидя, потому что некуда было лечь. На другое утро та же дурная погода, налѣво, направо, впереди тѣ же пасмурныя скалы, все выше и выше воздымавшіяся къ облакамъ, суживая дорогу и становясь поперекъ извилистаго ущелья. Иногда, казалось, мы приближались къ высокой зубчатой стѣнѣ, далѣе которой нѣтъ пути; неожиданный поворотъ, и впереди мелькнувшій уголокъ сѣраго неба снова указывалъ направленіе, въ которомъ дорога извивалась надъ Терекомъ, кипѣвшимъ глубоко подъ ногами безпрерывнымъ, бѣшенымъ, оглушающимъ водопадомъ. Предъ Дарьяломъ ущелье принало характеръ разсѣлины, какой, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ кромѣ Кавказа не существуетъ въ такихъ гигантскихъ размѣрахъ. Отвѣсныя гранитныя скалы, громоздившіяся одна надъ другою, вышиной въ нѣсколько тысячъ футовъ, висѣли огромными выступами у насъ надъ головами. Среди лѣта подножіе ихъ освѣщается солнцемъ не долѣе трехъ или четырехъ часовъ; все остальное время оно покоится въ тѣни. Подъ напоромъ непреодолимой внутренней силы поднялась земная кора; гранитный поясъ Кавказскихъ горъ, простирающійся отъ одного моря до другаго, не устоялъ, раздвоился, и съ высоты Казбека воды хлынули въ отверстіе, ворочая камни и отрывая скалы. Въ продолженіе многихъ тысячъ вѣковъ неукротимая быстрина размывала узкую тѣснину; наконецъ Терекъ улегся въ свое русло; надъ его крутымъ берегомъ образовалась стезя, и для человѣка раскрылись Дарьяльскія ворота. Съ того времени много народныхъ громадъ проходили чрезъ эти ворота, всѣ онѣ

шли на гибель себѣ и своихъ собратій по человѣчеству; одни Русскіе прошли здѣсь не съ мыслію истребленія, не за добычей, а на защиту христіанскаго царства, истекавшаго кровью подъ ударами своихъ лютыхъ мусульманскихъ сосѣдей.

Около моста чрезъ Терекъ, — дорога переходила въ этомъ мѣстѣ съ лѣваго на правый берегъ рѣки,—стоялъ небольшой каменный редутъ, вмѣщавшій всего два строенія: казарму на одну роту и офицерскій флигель. Часовой насъ остановилъ; слѣдовало прописать подорожные листы, въ удостовѣреніе дня и часа, въ который мы благополучно проѣхали чрезъ пограничную черту Линіи съ Закавказьемъ. Отсюда начинался административный районъ Грузіи. Конвойные солдаты пошли въ казарму отдохнуть, а мы поѣхали рысцой по направленію къ Казбекской почтовой станціи.... Направо отъ дороги возвышался Казбекъ. Вершина великана хоронилась въ густыхъ облакахъ, открывавшихъ взгляду одинъ нижній край снѣжнаго покрова дѣвственной бѣлизны, опускающагося съ крутыхъ боковъ на остро-ребрые хребты изъ порфира и гранита, подпирающіе его подножіе. И того, что́ было видно, достаточно было для внушенія намъ полнаго уваженія къ его исполинской вышинѣ.

Деревня, одного имени съ горой, какъ и проживавшіе въ ней грузинскіе князья Казбеки, лежала на почтовой дорогѣ и, подобно всѣмъ горнымъ селеніямъ, состояла изъ сборища крытыхъ шиферомъ, бѣдныхъ каменныхъ сакель самой первобытной постройки. Одна новая, небольшая церковь, изъ разноцвѣтнаго камня, придавала селенію издали видъ обитаемости, исчезавшій при въѣздѣ въ единственную тѣсную улицу, образованную грудой маленькихъ жилищъ одного цвѣта съ каменистою почвой и съ окрестными скалами. Пока перепрягали лошадей, я отправился въ „духанъ“, въ надеждѣ отыскать что-либо съѣстное — и нашелъ одну водку да балыкъ, отъ которыхъ принужденъ былъ отказаться, питая къ нимъ сильное отвращеніе. Неудачный поискъ за жизненными припасами доставилъ мнѣ, однако, случай увидѣть такой феноменальный носъ, какой самое пылкое воображеніе не можетъ себѣ представить принадлежащимъ лицу живаго человѣка, а не маскѣ. Владѣлецъ его, князь Казбекъ, дядя того поручика Казбека, который во время послѣдующей экспедиціи командовалъ въ нашемъ отрядѣ осетинскими

милиціонерами, сдѣлался по такому обстоятельству человѣкомъ извѣстнымъ на всемъ Кавказѣ. Эта нежеланная слава, сказывали мнѣ, была для него такъ тягостна, что онъ никуда не выѣзжалъ изъ своей деревни, прятался дома, и чужой могъ видѣть его только случайно. Носъ былъ такъ непомѣрно великъ, что онъ даже въ Грузіи, богатой носами почтенныхъ размѣровъ, слылъ чудовищнымъ явленіемъ. Два года спустя похоронили бѣднаго князя, и мало-по-малу на Кавказѣ изгладилась память о дивномъ носѣ, составлявшемъ главное несчастіе въ его жизни.

Отъ Казбека до Коби, деревушки у подошвы Крестовой горы, въ которой находилась почтовая станція,—всего пятнадцать верстъ,—мы ѣхали часа четыре, съ трудомъ пробираясь на колесахъ чрезъ глубокій, свѣжевыпавшій снѣгъ. На этомъ пространствѣ горы будто сложились въ часъ гнѣва Божія, человѣку на страхъ, рисуя каменными грудами безотрадную картину предвѣчнаго хаоса. Дыханіе природы остановилось, жизнь исчезла: нигдѣ ни зелени, ни дерева, ни куста, ни живой твари; вездѣ, куда ни обратишь глаза, одинъ камень, одѣ остроконечныя скалы безжизненнаго, темнобураго цвѣта. Нигдѣ послѣ того я не встрѣчалъ въ Кавказскихъ горахъ мѣста наводившаго такую глубокую тоску, какъ окрестности Коби. Подъ впечатлѣніемъ овладѣвшаго нами нерадостнаго чувства, мы разчитывали провести въ этой скучной глуши только ночь и съ разсвѣтомъ переправиться чрезъ Крестовую гору по снѣгу, покрывающему ее съ октября до іюня, а иногда и до іюля. Горько ошиблись мы въ своемъ разчетѣ: наканунѣ нашего пріѣзда на горѣ разыгралась непогода, около Байдары свалился снѣжный завалъ и засыпалъ ѣхавшихъ изъ Грузіи съ почтой трехъ почтарей, двухъ казаковъ и семь лошадей. Жители, собранные по приказанію кобинскаго постоваго начальника, отрывали ихъ тѣла, и намъ было объявлено наотрѣзъ, что пока снѣгъ не будетъ разчищенъ и погода на горѣ не перемѣнится, нечего и думать о переѣздѣ въ Грузію.

Казенные заѣзжіе дома не были еще достроены ни въ Ларсѣ, ни въ Казбекѣ, ни въ Коби; поэтому намъ довелось поселиться въ грязной, дымной и холодной саклѣ и, скрѣпя сердце, прожить въ ней четверо сутокъ, пока разгребали завалъ. Укутанные въ шубы, обвязанные платками, пятеро насъ, злосчастныхъ странниковъ, Александръ

Лаврентьевичъ, оба петербургскіе чиновника, я, да военный докторъ изъ Владикавказа, тѣснились около очага, на которомъ вспыхивалъ съ трескомъ и потомъ мгновенно потухалъ хворостъ, доставленный по приказанію постоваго начальника, имѣвшаго обязанность снабжать проѣзжихъ топливомъ отъ казны, съѣстными припасами съ рынка, за умѣренную цѣну, и заботиться о цѣлости ихъ, не позволяя въ метель, или когда, по извѣстнымъ примѣтамъ, предвидѣлось паденіе завала, ѣхать чрезъ гору. Грѣшно было бы винить въ нашей нуждѣ бѣднаго кобинскаго труженика, поручика линейнаго баталіона, терпѣвшаго годъ изъ году то, что̀ мы находили труднымъ перенести въ теченіе нѣсколькихъ дней. Въ Кобы существовала бѣдность во всемъ и преимущественно въ дровахъ; Гудашаурцы издалека приносили на плечахъ вязанки тощаго хвороста, который имъ приходилось набирать по разсѣлинамъ смежныхъ, совершенно безлѣсныхъ горъ. Бога слѣдовало благодарить, когда, чрезъ посредство того же воинскаго начальника, намъ удалось добыть пару куръ, десятка три яицъ и нѣсколько фунтовъ пшеничной муки, причемъ насъ предупредили бережливо расходовать припасы, потому что жители не приходятъ на базаръ изъ-за глубокаго снѣга, и мы ничего не получимъ, сколько бы денегъ ни сулили. Что̀, однако, дѣлать съ этимъ богатствомъ? Я не взялъ человѣка въ дорогу, предпочитая выбрать деньщика изъ кавказскихъ служивыхъ, а слуга моего родственника былъ городской лакей, ловкій драть платье щеткой и курить барскій табакъ, но совершенно неспособный къ кухонному дѣлу. Петербургскіе чиновники были знакомы съ пріемами хорошаго тона и съ министерскимъ порядкомъ, отъ кулинарныхъ же познаній отрекались, или просто считали ниже своего чиновничьяго достоинства марать руки объ очагъ и сковороду. Докторъ, Кавказецъ, къ тому же практичный Малороссіянинъ, выручилъ насъ изъ затрудненія, объявивъ, что сумѣетъ совладать съ курами, съ мукой и яйцами, засучилъ рукава и, не жеманясь, принялся за дѣло. Питая убѣжденіе, что и мои руки созданы не для одного сбереженія ихъ бѣлизны, и что сажа, сколько ни чернитъ на первыхъ порахъ, однако, менѣе липнетъ къ человѣку чѣмъ иное невидное пятнышко, я не отказался поступить къ доктору въ помощники. Безъ промѣшки явились на столѣ супъ, яичница и голушки, чего было очень достаточно для поддержки нашего

лѣниваго прозябанія. Съ чубукомъ въ рукѣ, слушая весьма интересные для меня разказы доктора о его кавказскомъ житьѣ-бытьѣ, я скучалъ въ Коби менѣе чѣмъ показалось съ перваго раза; но все-таки чрезвычайно обрадовался, когда, на пятыя сутки, насъ разбудили до свѣта, объявивъ, что казачьи лошади осѣдланы и надо спѣшить въ дорогу.

Весной лучшее время для переѣзда чрезъ Крестовую гору, названную этимъ именемъ по кресту, воздвигнутому на перевалѣ, есть раннее утро, пока солнце не разогрѣло еще снѣга. Завалы обрушиваются обыкновенно послѣ полудня и подъ вечеръ. Не мѣшкая, мы сѣли на лошадей, приказали навьючить вещи и одинъ за другимъ, имѣя впереди и сзади по два казака, поѣхали въ гору. За нами звенѣлъ колокольчикъ; это были запряженныя гужомъ салазки съ почтовыми тюками. Почти до креста проѣхали мы подъ яснымъ, прозрачнымъ небомъ, постепенно проникавшимся изъ-за горъ свѣтомъ восходящаго солнца; потомъ, почти мгновенно, его заволокло сѣренькимъ туманомъ, дунулъ рѣзкій вѣтеръ, снѣгъ закрутился, наполнилъ воздухъ, и дорога, окрестныя вершины, ѣхавшіе впереди казаки, скрылись въ вихрѣ метели. По снѣгу, въ сажень и болѣе глубины, пролегала узкая дорога въ одну лошадь; по ней можно было проѣхать въ салазкахъ, употреблявшихся между Коби и Кайтауромъ, но ни въ какомъ другомъ экипажѣ. Шагъ въ сторону, и лошадь тонула по уши въ снѣгу. Наше положеніе становилось болѣе чѣмъ непріятнымъ. Назадъ—слишкомъ далеко; на горѣ переждать метель—невозможно, пожалуй, замететъ; впередъ ѣхать—не видно дороги. Не прошло десяти минутъ, и передовые казаки, потерявъ направленіе, стали какъ вкопаные. Тогда ямщикъ съ почтой выпросился впередъ; съ нимъ бѣжала мохнатая, невидная собаченка. „Завалъ можетъ насъ задавить, коли Богу угодно“, говорилъ ямщикъ, „а съ дороги не собьемся; мы съ Волчкомъ третій годъ гоняемъ почту чрезъ Крестовую гору, Волчокъ и въ метель дорогу знаетъ“. Ямщика пропустили впередъ, онъ свистнулъ, и Волчокъ, тявкая, побѣжалъ предъ санями, за которыми потянулась вся ватага разнокалиберныхъ ѣздоковъ. Благодаря даровитости разумнаго Волчка, мы поднялись на Крестовую гору и проѣхали, не сбиваясь съ пути ни на шагъ, вдоль страшной пропасти, надъ которою дорога извивается около Гудъ-горы.

За этимъ опаснымъ мѣстомъ она дѣлаетъ крутой поворотъ и начинаетъ спускаться къ Кайшауру. Сто шаговъ ниже снѣгъ пересталъ порошить въ глаза, вѣтеръ затихъ, на небѣ проглянули темно-голубые просвѣты, изъ-за послѣднихъ клубовъ тумана блеснуло солнце, ясное солнце Грузіи, и далеко подъ нами открылась живописная долина Арагвы, облеченная во всю красу весенняго убора южной природы. Рѣка извивалась серебряною лентой между волнистыми грядами горъ, пестрѣвшихъ лѣсами, деревнями, башнями грузинскихъ помѣщичьихъ домовъ, садами и полями, на которыхъ ярко-зеленые всходы радовали обѣщаніемъ богатой жатвы. Съ каждымъ шагомъ воздухъ становился теплѣе, душистѣе; еще ниже, и звонкіе голоса птичекъ, распѣвавшихъ на всѣ лады, напомнили намъ, что мы находимся среди южной весны, исполненной животворной нѣги, которую не суждено вдыхать у себя жителю строгаго сѣвера. Кто не проѣзжалъ по Военно-Грузинской дорогѣ весной, осенью и даже зимой, не можетъ себѣ представить быстраго перехода отъ тепла къ холоду, отъ зимняго, удручающаго однообразія къ весенней роскоши, ожидающей путника на поворотѣ между Гудъ-горой и Кайшауромъ. Въ продолженіе моей двѣнадцати-лѣтней службы на Кавказѣ, я проѣзжалъ по этой дорогѣ восьмнадцать разъ, во всякое время года и во всякую погоду. Нѣтъ мѣста на ней, которое бы не ознаменовалось для меня какимъ-нибудь особеннымъ воспоминаніемъ. Всего припомнить нельзя, столько годовъ прошло съ тѣхъ поръ, да и не обо всемъ стóитъ вспоминать. Довольно замѣчательное путешествіе я совершилъ по Военно-Грузинской дорогѣ съ женой, въ 1844 году, когда казенные заѣзжіе дома, которыхъ фундаментъ только выросталъ изъ земли въ мой первый проѣздъ, уже были отстроены, что̀, впрочемъ, не мѣшало намъ голодать и мерзнуть по-прежнему.

Въ 1844 году готовилась рѣшительная экспедиція противъ Шамиля, для чего былъ придвинутъ на Кавказъ и 5-й пѣхотный корпусъ, подъ командой генерала Лидерса. Я былъ женатъ не болѣе полугода. Мнѣ разрѣшили, на всякій случай, перевести сперва жену изъ Ставрополя въ Тифлисъ, въ домъ къ дядѣ, и освободившись отъ этой заботы, пріѣхать послѣ того въ отрядъ. Было весеннее время, и въ каретѣ перебраться чрезъ Крестовую гору нелегкая задача. Командующій войсками на Линіи,

В. О. Гурко, при которомъ я имѣлъ счастіе состоять, упростилъ ее, приказавъ заготовить въ Коби для моего проѣзда воловъ и рабочій народъ. До Казбека мы доѣхали скоро и безъ всякаго приключенія. Переночевавъ въ теплой и чистенькой комнаткѣ заѣзжаго дома, мы отправились въ дорогу около десяти часовъ утра; отсюда начался для насъ рядъ бѣдствій, забавныхъ, когда вспомнишь, до-нельзя бѣсившихъ въ минуту ихъ неожиданной встрѣчи. На второй верстѣ отъ Казбека начинался снѣгъ. Къ шести сильнымъ лошадямъ, запряженнымъ въ небольшую двумѣстную карету оказалось необходимымъ добавить еще пару лошадей. Посланнаго за ними конвойнаго казака мы прождали болѣе часа, потомъ двинулись медленнымъ шагомъ; колеса все болѣе и болѣе врѣзывались въ глубокій снѣгъ; карета колыхалась во всѣ стороны; шедшіе возлѣ ямщики и казаки подпирали ее то плечомъ, то рычагомъ, едва успѣвая удерживать ее на вѣсу. На восьмой верстѣ она увязла по ступицы; сдѣлали отчаянную попытку ее вытащить, и опрокинули на бокъ. Поднять не достало силы у людей; я отправилъ двухъ казаковъ въ Коби за волами и за народомъ. Вокругъ разливалось море растопленнаго снѣга, въ каретѣ также нельзя было оставаться въ лежачемъ положеніи. Что тутъ дѣлать? Замѣтивъ шагахъ въ двадцати отъ дороги широкій камень, незалитый водой, мы добрались до него, усѣлись и принялись ожидать казаковъ посланныхъ на станцію, которымъ я приказалъ привести также почтовую телѣгу для отвоза жены и горничной. Часъ проходилъ за часомъ, солнце стало склоняться къ горизонту, надоѣло ожидать сидя на камнѣ, какъ на островѣ, и мы рѣшились идти въ Коби пѣшкомъ, по колѣно въ снѣгу, въ бродъ чрезъ Байдару, до пояса въ водѣ. Человѣкъ съ казакомъ остались при экипажѣ. Надо замѣтить, что погода стояла отличная, солнце невыносимо пекло голову и плечи, а снѣгъ и вода студили ноги; по докторскому сказанію, это не совсѣмъ здорово, однако мы хорошо выдержали, кромѣ дѣвушки, заболѣвшей горячкой вслѣдствіе нашего пѣшеходнаго странствія. За часъ предъ закатомъ солнца мы приплелись въ Коби, встрѣтивъ въ полуверстѣ телѣгу и людей шедшихъ выручать экипажъ. Въ казенномъ домѣ ожидали насъ большія, высокія комнаты, холодныя, бѣдныя мебелью, грязныя, и, въ довершеніе бѣды, ничего чѣмъ бы можно было согрѣться, ни чаю, ни кофею, ни вина, а

коробка со съѣстными припасами осталась въ каретѣ. Жена, освободившись отъ мокраго платья, укутанная шалью, сидѣла на доскахъ безтюфячной и къ тому же единственной кровати, горничная лежала на грязномъ полу, въ припадкѣ лихорадочнаго бреда. Около огромной печи, распространявшей по комнатѣ не тепло, а зловонный чадъ, были развѣшены мокрыя принадлежности женскаго одѣянія. Сбросивъ все что̀ на мнѣ было мокраго и помѣстившись возлѣ окна, драпированный въ бурку, я задалъ себѣ трудную задачу логическимъ выводомъ опредѣлить, почему въ Казбекѣ казенный домъ устроенъ такъ хорошо, такъ удобно, а въ Коби, гдѣ, кажется, было бы нужнѣе, такъ нестерпимо дурно.

Мои размышленія были прерваны неожиданнымъ стукомъ въ дверь.

— Кто тамъ?

Нѣтъ отвѣта; стукъ усилился.

Сильно раздосадованный, я бросился къ двери, растворилъ немного и выглянулъ.

За дверью стоялъ постовый начальникъ, при шарфѣ. Увидавъ щель, онъ просунулъ ногу и всею тяжестію своего туловища налегъ на дверь, усиливаясь проникнуть въ комнату.

Я уперся.

— Что̀ прикажете?

— Имѣю честь....

Должность, которую я занималъ при командующемъ войсками на Линіи, и заботливость мѣстныхъ властей облегчить мнѣ переѣздъ чрезъ горы въ тяжеломъ экипажѣ, произвели свое дѣйствіе. Воинскій начальникъ счелъ полезнымъ мнѣ явиться. Я не далъ ему договорить.

— Тысячу разъ прошу извинить, господинъ поручикъ. Какъ я есмь, я не смѣю васъ принять. Извините!

Я нажалъ плечомъ, дверь подалась, и крючокъ упалъ въ петлю.

Чрезъ четверть часа тотъ же стукъ, та же сцена.

— Что̀ угодно?

— Прикажете поставить часоваго, когда привезутъ экипажъ?—и поручикъ усиливался стать твердою ногой внутри комнаты.

— Часоваго не слѣдуетъ; распорядитесь поставить караульщика безъ ружья,—и дверь закрылась.

„Наконецъ избавился отъ поручика, подумалъ я,—въ третій разъ не попробуетъ.“ Разчетъ былъ сдѣланъ безъ хозяина.

Не прошло десяти минутъ, опять стучатъ въ дверь.

Ожидая извѣстій объ экипажѣ и отнюдь не предполагая снова увидѣть моего мучителя, я отперъ, не упуская, однако, изъ пальцевъ дверной ручки.

Въ щель проникъ довольно хриплый голосъ поручика.

— Какой прикажете отзывъ?...

— Чадъ, угаръ, голодъ, холодъ! что хотите, только оставьте меня въ покоѣ! крикнулъ я и захлопнулъ дверь.

Послѣ того поручикъ болѣе не являлся.

Предъ разсвѣтомъ приволокли экипажъ. Жену съ горничной перевезли на однѣхъ, каретные сундуки на другихъ салазкахъ; я предпочелъ ѣхать верхомъ. Въ Квишетѣ, четыре версты ниже Кайшаура, мы имѣли время отдохнуть двое сутокъ у добраго и гостепріимнаго князя Авалова, начальника горскихъ народовъ, пока перетаскивали карету съ помощію восьми паръ воловъ и человѣкъ пятидесяти Гудаштурцевъ, вооруженныхъ шестами, веревками, лопатами и кирками, которымъ я заплатилъ за это дѣло болѣе ста рублей серебромъ.

Такъ случилось со мной въ 1844 году, двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ моего перваго переѣзда чрезъ горы. Тогда мой багажъ былъ не великъ, почтовая телѣга приняла его безъ труда, и мы поскакали, не останавливаясь, въ Тифлисъ. Безпрерывно мѣнявшіеся виды, одинъ лучше другаго, мелькали предъ нами подъ разнымъ освѣщеніемъ, солнце грѣло, и весело мчался я навстрѣчу моей невѣдомой будущности, въ ожиданіи отъ нея всякаго добра: въ то время я былъ такъ расположенъ вѣрить во все хорошее. Незамѣтно исчезало разстояніе. Пасанауръ, Анануръ, Душетъ, Гашискаръ, развалины Мцхета, древней столицы Грузіи, уцѣлѣвшій въ немъ соборъ, римскій мостъ чрезъ Куру, пролетѣли подобно быстро мѣняющимся декораціямъ, и въ одно прекрасное утро издали обрисовались предъ нами тифлисскія горы, старая крѣпость Метехъ, потомъ мы спустились въ оврагъ рѣчки Вѣры, поднялись, и чрезъ четверть часа отобрали у насъ подорожныя на Гарцискарской заставѣ. Мы пріѣхали въ Тифлисъ.

(До слѣд. №.)

Т.

НЕСЧАСТНАЯ

... Да, да, началъ Петръ Гавриловичъ, — тяжелые то были дни, и не хотѣлось бы возобновлять ихъ въ памяти.... Но я далъ вамъ обѣщаніе; придется все разказать. Слушайте.

I.

Я жилъ тогда (зимою 1835 года) въ Москвѣ, у тетушки, родной сестры покойной матушки. Мнѣ было восемнадцать лѣтъ: я только-что перешелъ со втораго на третій курсъ „словеснаго“ факультета (въ то время онъ такъ назывался) въ Московскомъ университетѣ. Тетушка моя была женщина тихая и кроткая, вдова. Она занимала большой деревянный домъ на Остоженкѣ, теплый-претеплый, какихъ, я полагаю, кромѣ Москвы нигдѣ не найдешь, и почти ни съ кѣмъ не видалась: сидѣла съ утра до вечера въ гостиной съ двумя компаньйонками, кушала цвѣточный чай, раскладывала пасьянсъ и то и дѣло приказывала покурить. Компаньйонки бѣжали въ переднюю; нѣсколько минутъ спустя, старый слуга въ ливрейномъ фракѣ приносилъ мѣдный тазъ съ пучкомъ мяты на раскаленномъ кирпичѣ и, торопливо выступая по узкимъ половикамъ, поливалъ ее уксусомъ. Бѣлый паръ обдавалъ его сморщенное лицо, онъ хмурился и отворачивался, а канарейки въ столовой такъ и трещали, раздраженныя шипѣньемъ курева.

Тетушка очень любила и баловала меня, круглаго сироту. Она отдала весь антресоль въ полное мое распоряженіе. Меблированы были мои комнаты весьма изящно, ужь вовсе не по-студенчески; въ спальнѣ красовались розовыя занавѣски, и кисейный пологъ съ голубыми помпончиками возвышался

надъ кроватью. Эти помпончики меня, признаюсь, нѣсколько смущали: по моему понятію, подобныя „нѣжности“ должны были уронить меня въ глазахъ моихъ товарищей. Они и безъ того прозвали меня институткой: я никакъ не могъ заставить себя курить табакъ. Занимался я, что грѣха таить, плохо, особенно въ началѣ курса; много выѣзжалъ. Тетушка подарила мнѣ широкіе генеральскіе сани съ медвѣжьею полостью и пару откормленныхъ вятокъ. „Благородные“ дома я посѣщалъ рѣдко, но въ театрѣ былъ какъ свой — и пропасть поѣдалъ пирожковъ по кондитерскимъ. Со всѣмъ тѣмъ я никакихъ безчинствъ себѣ не позволялъ и велъ себя скромно, „en jeune homme de bonne maison.“ Я бы ни за что не согласился огорчить мою добрую тетушку; къ тому же и кровь у меня довольно спокойно обращалась въ жилахъ.

II.

Я съ раннихъ лѣтъ пристрастился къ шахматамъ; о теоріи не имѣлъ понятія, а игралъ не дурно. Однажды, въ кофейной, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ продолжительной шахматной баталіи между двумя игроками, изъ которыхъ одинъ, бѣлокурый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, мнѣ показался сильнымъ. Партія кончилась въ его пользу; я предложилъ ему сразиться со мной. Онъ согласился — и въ теченіе часа разбилъ меня, шутя, три раза сряду.

— У васъ есть способность къ игрѣ, промолвилъ онъ учтивымъ голосомъ, вѣроятно замѣтивъ страданіе моего самолюбія, — но вы дебютовъ не знаете. Вамъ надо книжку почитать, Аллгайера или Петрова.

— Вы думаете? Но гдѣ могу я такую книжку достать?

— Приходите ко мнѣ; я вамъ дамъ.

Онъ назвалъ себя и сказалъ гдѣ квартируетъ. На другой день я отправился къ нему, а недѣлю спустя мы уже почти не разставались.

III.

Новаго знакомца моего звали Александромъ Давыдовичемъ Фустовымъ. Онъ жилъ у своей матери, довольно богатой женщины, статской совѣтницы, въ отдѣльномъ флигелькѣ, на полной свободѣ, такъ же какъ я у тетушки. Онъ числился на службѣ по министерству Двора. Я привязался къ нему искренно. Въ жизни моей я еще не встрѣчалъ молодаго человѣка болѣе „симпатичнаго“. Все въ немъ было миловидно и

привлекательно: его стройная фигура, его походка, голосъ, и въ особенности его небольшое, тонкое лицо съ золотисто-голубыми глазами, съ изящнымъ, какъ бы кокетливо вылѣпленнымъ носикомъ, съ неизмѣнно-ласковою улыбкой на алыхъ губахъ, съ легкими кудрями мягкихъ волосъ надъ немного суженнымъ, но бѣлоснѣжнымъ лбомъ. Нравъ Фустова отличался чрезвычайною ровностью и какою-то пріятною, сдержанною привѣтливостью; онъ никогда не задумывался, всегда былъ всѣмъ доволенъ; за то ни отъ чего не приходилъ въ восторгъ. Всякое излишество, даже въ хорошемъ чувствѣ, его оскорбляло: „это дико, дико," говаривалъ онъ въ такомъ случаѣ, чуть-чуть пожимаясь и прищуривая свои золотистые глаза. И удивительные же были глаза у Фустова! Они постоянно выражали участіе, благоволеніе и даже преданность. Я только въ послѣдствіи времени замѣтилъ, что выраженіе его глазъ зависѣло единственно отъ особеннаго ихъ склада, что оно не мѣнялось и тогда, когда онъ кушалъ супъ или закуривалъ сигарку. Аккуратность его вошла между нами въ пословицу. Правда, бабка его была изъ Нѣмокъ. Природа надѣлила его разнообразными способностями. Онъ отлично танцовалъ, щегольски ѣздилъ верхомъ и плавалъ превосходно, столярничалъ, точилъ, клеилъ, переплеталъ, вырѣзывалъ силуэтки, рисовалъ акварелью букеты цвѣтовъ или Наполеона въ профиль въ лазоревомъ мундирѣ, съ чувствомъ игралъ на цитрѣ, зналъ множество фокусовъ, карточныхъ и иныхъ, и свѣдѣнія имѣлъ порядочныя въ механикѣ, физикѣ и химіи, но все въ мѣру. Одни языки ему не дались, даже по-французски онъ изъяснялся довольно плохо. Онъ вообще говорилъ мало и въ нашихъ студенческихъ бесѣдахъ участвовалъ больше оживленною мягкостью взгляда и улыбки. Женскому полу Фустовъ нравился безусловно, но объ этомъ, для молодыхъ людей весьма важномъ вопросѣ, не любилъ распространяться и вполнѣ заслуживалъ данное ему товарищами прозвище „скромнаго Донъ-Жуана". Я не удивлялся Фустову; удивляться въ немъ было нечему, но я дорожилъ его расположеніемъ, хотя въ сущности оно выражалось только тѣмъ, что онъ во всякое время допускалъ меня до своей особы. Въ моихъ глазахъ Фустовъ былъ самымъ счастливымъ человѣкомъ на свѣтѣ. Жизнь его текла именно по маслу. Мать, братья, сестры, тетки, дядья, всѣ его обожали; онъ жилъ съ ними со всѣми въ ладахъ необыкновенныхъ и пользовался репутаціей образцоваго родственника.

IV.

Однажды я забрался къ нему довольно рано и не засталъ его въ кабинетѣ. Онъ окликнулъ меня изъ сосѣдней комнаты: фырканіе и плесканія доносились оттуда до моего слуха. Каждое утро Фустовъ обливался холодною водой и потомъ около четверти часа предавался гимнастическимъ упражненіямъ, въ которыхъ достигъ замѣчательнаго мастерства. Излишнихъ заботъ о здоровьи тѣла онъ не допускалъ, но не забывалъ необходимыхъ. („Не забывай себя, не волнуйся, умѣренно трудись!“ было его девизомъ.) Фустовъ еще не появлялся, какъ наружная дверь комнаты въ которой я находился, растворилась настежь, и вошелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, въ мундирномъ фракѣ, коренастый, плотный, съ молочно-бѣлесоватыми глазами на избура-красномъ лицѣ и настоящею шапкой сѣдыхъ курчавыхъ волосъ. Человѣкъ этотъ остановился, посмотрѣлъ на меня, широко разинулъ большой свой ротъ, и захохотавъ металлическимъ хохотомъ, хлестко ударилъ себя ладонью по ляшкѣ сзади, причемъ высоко вынесъ ногу впередъ.

— Иванъ Демьянычъ? спросилъ изъ-за двери мой пріятель.

— Онъ самый и есть, отозвался вошедшій.—А вы что жъ это? туалетъ свой совершаете? Дѣло! Дѣло! (Голосъ человѣка, прозывавшагося Иваномъ Демьянычемъ, звучалъ, такъ же какъ и смѣхъ его, чѣмъ-то металлическимъ.) Я къ братишкѣ вашему припоръ было урокъ давать; да онъ, знать простудился, чихаетъ все. Дѣйствовать не можетъ. Вотъ я и завернулъ къ вамъ пока, отогрѣться.

Иванъ Демьянычъ опять засмѣялся тѣмъ же страннымъ смѣхомъ, опять звучно шлепнулъ себя по ляшкѣ, и доставъ клѣтчатый платокъ изъ кармана, высморкался громко, съ свирѣпымъ вращеньемъ глазъ, и плюя въ платокъ, воскликнулъ во все горло: Тьфу-у-у!

Фустовъ вошелъ въ комнату, и подавъ намъ обоимъ руку, спросилъ насъ, знакомы ли мы другъ съ другомъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, тотчасъ загремѣлъ Иванъ Демьянычъ,— ветеранъ двѣнадцатаго года чести сей не имѣетъ!

Фустовъ назвалъ сперва меня, потомъ, указавъ на „ветерана двѣнадцатаго года“, промолвилъ: „Иванъ Демьянычъ Ратчъ, преподаватель.... разныхъ предметовъ.“

— Именно, именно разныхъ предметовъ, подхватилъ г-нъ

Ратчъ.—Чему, подумаешь, я только не училъ, да и теперь учу! И математикѣ, и географіи, и статистикѣ, и италіянской бухгалтеріи, ха-ха-ха-ха! и музыкѣ! Вы сомнѣваетесь, милостивый государь? накинулся онъ вдругъ на меня.—Спросите Александра Давыдыча, каковъ я на фаготѣ отличаюсь? Какой же я былъ бы, въ противномъ случаѣ, Богемецъ, Чехъ, сирѣчь? Да, сударь, я Чехъ, и родина моя—древняя Прага! Кстати, Александръ Давыдычъ, что васъ давно не видать? Дуетецъ бы разыграли.... ха-ха! Право!

— Я у васъ третьяго дня былъ, Иванъ Демьянычъ, отвѣчалъ Фустовъ.

— Да это я и называю давно, ха-ха!

Когда господинъ Ратчъ смѣялся, бѣлые глаза его какъ-то странно и безпокойно бѣгали изъ стороны въ сторону.

— Вы, я вижу, молодой человѣкъ, поведенцу моему удивляетесь, обратился онъ опять ко мнѣ.—Но это происходитъ отъ того, что вы еще не знаете моей комплекціи. Вы освѣдомьтесь обо мнѣ у нашего добраго Александра Давыдыча. Что онъ вамъ скажетъ? Онъ вамъ скажетъ, что старикъ Ратчъ простякъ, Русакъ, хотъ и не по происхожденію, а по духу, ха-ха! При крещеніи нареченъ Іоганнъ Дитрихъ, а кличка моя—Иванъ Демьяновъ! Что на умѣ, то и на языкѣ; сердце, какъ говорится, на ладошкѣ, церемоніевъ этихъ разныхъ не знаю и знать не хочу! Ну ихъ! Заходите когда-нибудь ко мнѣ вечеркомъ, сами увидите. Баба у меня,—жена, то-есть,—простая тоже; наваритъ намъ, напекётъ.... бѣда! Александръ Давыдычъ, правду я говорю?

Фустовъ только улыбнулся, а я промолчалъ.

— Не брезгайте старичкомъ, заходите, продолжалъ господинъ Ратчъ.—А теперь.... (Онъ выхватилъ толстые серебряные часы изъ кармана и поднесъ ихъ къ выпученному правому глазу.) Мнѣ, я полагаю, лучше отправиться. Другой птенецъ меня ожидаетъ.... Этого я чортъ знаетъ чему учу.... миѳологіи, ей-Богу! И далеко же живетъ, ракалья! у Красныхъ Воротъ! Все равно: пѣшкурой отмахаю, благо братецъ вашъ скиксовалъ, анъ пятиалтынный на извощика цѣлъ, въ мошнѣ остался! Ха-ха! Прощенія просимъ, мосьпане, до зобаченія! А вы, молодой человѣкъ, заверните.... Что жъ такое?... Дуетецъ безпремѣнно надо разыграть! крикнулъ господинъ Ратчъ изъ передней, со стукомъ надѣвая калоши, и въ послѣдній разъ раздался его металлическій смѣхъ.

V.

— Что за странный человѣкъ?! обратился я къ Фустову, который успѣлъ уже приняться за токарный станокъ.—Неужели онъ иностранецъ? Онъ такъ бойко говоритъ по-русски.

— Иностранецъ; только онъ ужь лѣтъ тридцать какъ поселился въ Россіи. Его, чуть ли не въ тысяча восемьсотъ второмъ году, какой-то князь изъ-за границы вывезъ.... въ качествѣ секретаря.... скорѣе, полагать надо, камердинера. А выражается онъ по-русски точно бойко.

— Такъ залихватски, съ такими вывертами и закрутасами, вмѣшался я.

— Ну да. Только очень ужь ненатурально. Они всѣ такъ, эти обрусѣвшіе Нѣмцы.

— Да вѣдь онъ Чехъ?

— Не знаю; можетъ-быть. Съ женой онъ бесѣдуетъ понѣмецки.

— А почему онъ себя ветераномъ двѣнадцатаго года величаетъ? Служилъ онъ что ли въ ополченіи?

— Какое въ ополченіи! Во время пожара въ Москвѣ оставался и имущества всего лишился.... Вотъ вся его служба.

— Да зачѣмъ же онъ оставался въ Москвѣ?

Фустовъ не переставалъ точить.

— Господь его знаетъ! Слышалъ я, будто онъ у насъ въ шпіонахъ состоялъ; да это, должно-быть, пустое. А что за свои убытки онъ отъ казны вознагражденіе получилъ, это вѣрно.

— На немъ мундирный фракъ.... Онъ, стало, служитъ?

— Служитъ. Въ кадетскомъ корпусѣ преподавателемъ. Онъ надворный совѣтникъ.

— Кто его жена?

— Здѣшняя Нѣмка, дочь колбасника.... мясника....

— И ты часто къ нему ходишь?

— Хожу.

— Что жь, весело у нихъ?

— Довольно весело.

— У него есть дѣти?

— Есть. Отъ Нѣмки трое и отъ первой жены сынъ и дочь.

— А сколько старшей дочери лѣтъ?

— Лѣтъ двадцать пять.

Мнѣ показалось, что Фустовъ ниже пригнулся къ станку, и колесо шибче заходило и загудѣло подъ мѣрными толчками его ноги.

— Хороша она собой?

— Какъ на чей вкусъ. Лицо замѣчательное, да и вся она.... замѣчательная особа.

„Ага!“ подумалъ я. Фустовъ продолжалъ свою работу съ особеннымъ рвеніемъ и на слѣдующій вопросъ мой отвѣчалъ однимъ мычаніемъ.

„Надо будетъ познакомиться!“ рѣшилъ я про себя.

VI.

Нѣсколько дней спустя, мы вмѣстѣ съ Фустовымъ отправились къ господину Ратчу на вечеръ. Жилъ онъ въ деревянномъ домѣ съ большимъ дворомъ и садомъ въ кривомъ переулкѣ возлѣ Пречистенскаго бульвара. Онъ вышелъ къ намъ въ переднюю, и встрѣтивъ насъ свойственнымъ ему трескучимъ хохотомъ и гамомъ, тотчасъ повелъ въ гостиную, гдѣ представилъ меня дородной дамѣ въ камлотовомъ тѣсномъ платьѣ, Элеонорѣ Карповнѣ, своей супругѣ. Элеонора Карповна въ первой молодости отличалась, вѣроятно, тѣмъ, что Французы, неизвѣстно почему, называютъ „красотою діавола“, то-есть свѣжестью; но когда я съ ней познакомился, она невольно напоминала взору добрый кусокъ говядины, только что выложенный мясникомъ на опрятный мраморный столъ. Не безъ намѣренія употребилъ я слово „опрятный“; не только сама хозяйка казалась образцомъ чистоты, но и все вокругъ нея, все въ домѣ такъ и лоснилось, такъ и блистало; все было выскребено, выглажено, вымыто мыломъ; самоваръ на кругломъ столѣ горѣлъ какъ жаръ; занавѣски предъ окнами, салфетки такъ и коробились отъ крахмала, такъ же какъ и платьица и шемизетки тутъ же сидѣвшихъ четырехъ дѣтей господина Ратча, дюжихъ, откормленныхъ коротышекъ, чрезвычайно похожихъ на мать, съ топорными крѣпкими лицами, вихрами на вискахъ и красными обрубками пальцевъ. У всѣхъ четырехъ были носы нѣсколько приплюснутые, большія, словно припухшія губы и крошечные, свѣтло-сѣрые глаза.

— Вотъ и моя гвардія! воскликнулъ господинъ Ратчъ, кладя свою тяжелую руку поочередно на головы дѣтей. — Коля, Оля, Сашка да Машка! Этому восемь, этой семь, этому четыре, а этой цѣлыхъ два! Ха-ха-ха! Какъ изволите видѣть, мы съ женой не зѣваемъ. Эге? Элеонора Карповна?

— Ужь вы всегда все такое скажете, промолвила Элеонора Карповна и отвернулась.

— И пасынкамъ своимъ все такія русскія имена понада-

вала! продолжалъ господинъ Ратчъ. — Того и смотри, въ греческую вѣру ихъ окреститъ! Ей-Богу! Славянка она у меня, чортъ меня совсѣмъ возьми, хоть и германской крови! Элеонора Карповна, вы Славянка?

Элеонора Карповна разсердилась.

— Я надворная совѣтница, вотъ кто я! И стало-быть, я русская дама, и все что̀ вы теперь будете говорить....

— То-есть, какъ она Россію любитъ, просто бѣда! перебилъ Иванъ Демьянычъ.—Въ родѣ землетрясенья, ха-ха!

— Ну, и что̀ жь такое? продолжала Элеонора Карповна.— И конечно, я Россію люблю, потому гдѣ же бы я могла получить дворянскій титулъ? И мои дѣти тоже теперь вѣдь благородные? Kolia, sitze ruhig mit den Füssen!

Ратчъ махнулъ на нее рукой.

— Ну, ты, Сумбека царица, успокойсь! А гдѣ „благородный“ Виктора? Чай, все тляется куда попало! Ужь наскочитъ онъ на инспектора! Задастъ онъ ему трепаніе! Das ist ein Bummler, der Fiktor!

— Dem Fiktor kann ich nicht kommandiren, Иванъ Демьянычъ. Sie wissen wohl! проворчала Элеонора Карповна.

Я посмотрѣлъ на Фустова, какъ бы желая окончательно добиться отъ него что̀ заставляло его посѣщать подобныхъ людей.... но въ эту минуту вошла въ комнату дѣвушка высокаго роста, въ черномъ платьѣ, та старшая дочь господина Ратча, о которой упоминалъ Фустовъ.... Я понялъ причину частыхъ посѣщеній моего пріятеля.

VII.

Помнится, гдѣ-то у Шекспира говорится о „бѣломъ голубѣ въ стаѣ черныхъ вороновъ“; подобное впечатлѣніе произвела на меня вошедшая дѣвушка: между окружавшимъ ее міромъ и ею было слишкомъ мало общаго; казалось, она сама втайнѣ недоумѣвала и дивилась, какимъ образомъ она попала сюда. Всѣ члены семейства господина Ратча смотрѣли самодовольными и добродушными здоровяками; *ея* красивое, но уже отцвѣтающее лицо носило отпечатокъ уныній, гордости и болѣзненности. *Тѣ*, явные плебеи, держали себя непринужденно, пожалуй, грубо, но просто; тоскливая тревога сказывалась во всемъ ея несомнѣнно аристократическомъ существѣ. Въ самой ея наружности не замѣчалось склада свойственнаго германской породѣ: она скорѣе напоминала

уроженцевъ юга. Чрезвычайно густые, черные волосы безо всякаго блеска, впалые, тоже черные и тоже тусклые, но прекрасные глаза, низкій, выпуклый лобъ, орлиный носъ, зеленоватая блѣдность гладкой кожи, какая-то трагическая черта около тонкихъ губъ и въ слегка углубленныхъ щекахъ, что-то рѣзкое и въ то же время безпомощное въ движеніяхъ, изящество безъ граціи.... въ Италіи все это не показалось бы мнѣ необычайнымъ, но въ Москвѣ, у Пречистенскаго бульвара, просто изумило меня! Я всталъ со стула при входѣ ея въ комнату: она бросила на меня быстрый, неровный взглядъ, и опустивъ свои черныя рѣсницы, сѣла близь окна „какъ Татьяна“. (Пушкинскій *Онѣгинъ* былъ тогда у каждаго изъ насъ въ свѣжей памяти.) Я взглянулъ на Фустова, но мой пріятель стоялъ ко мнѣ спиной и принималъ чашку чаю изъ пухлыхъ рукъ Элеоноры Карповны. Еще замѣтилъ я, что вошедшая дѣвушка внесла съ собой струю легкаго, физическаго холода.... „Что за статуя?“ подумалось мнѣ.

VIII.

— Петръ Гаврилычъ! загремѣлъ господинъ Ратчъ, обращаясь ко мнѣ: — позвольте васъ познакомить съ моей.... съ моимъ.... съ моимъ нумеромъ первымъ, ха-ха-ха! съ Сусанной Ивановной!

Я молча поклонился и тотчасъ же подумалъ: „Вотъ, и имя ея тоже не подъ стать всѣмъ другимъ“, а Сусанна слегка приподнялась, не улыбаясь и не разжимая крѣпко стиснутыхъ рукъ.

— А что же дуетецъ? продолжалъ Иванъ Демьянычъ.—Александръ Давыдычъ? а! благодѣтель? Цитра ваша у насъ осталась, а фаготъ я уже изъ футляра вынулъ. Насладимъ ушеса честной компаніи! (Г-нъ Ратчъ любилъ уснащать свою русскую рѣчь: у него то и дѣло вырывались выраженія, подобныя тѣмъ, которыми испещрены всѣ ультра-народныя стихотворенія кн. Вяземскаго: „дока для всего“, вмѣсто „на все“, „здѣсь намъ не обиходъ“, „глядитъ въ угоду, не на показъ“ и т. п. Помнится, однажды Иванъ Демьянычъ, увлеченный своею любовью къ бойкимъ словамъ съ энергическимъ окончаніемъ, сталъ увѣрять меня, что у него въ саду вездѣ известнякъ, хворостнякъ и валежнякъ.) Такъ такъ? Идетъ? воскликнулъ Иванъ Демьянычъ, видя что Фустовъ не возражаетъ.—Колка, маршъ въ кабинетъ, тащи сюда пюпитры! Ольга, волоки цитру! Да свѣчекъ къ пюпитрамъ соблаговоли, благовѣрная! (Г-нъ Ратчъ вертѣлся

по комнатѣ какъ кубарь.) Петръ Гаврилычъ, вы любите музыку, ась? А коли не любите, бесѣдой займитесь, только чуръ, подъ сурдинкой! Ха-ха-ха! И гдѣ этотъ шутъ Викторъ п[illegible] падаетъ? Послушалъ бы тоже! Вы его, Элеонора Карповна, совсѣмъ разбаловали!

Элеонора Карповна вся вспыхнула.

— Aber was kann ich denn, Иванъ Демьянычъ...

— Ну, хорошо, хорошо, не клянчи! Bleibe ruhig, hast verstanden? Александръ Давыдычъ! милости просимъ!

Дѣти немедленно исполнили приказаніе родителя, пюпитры воздвиглись, началась музыка. Я уже сказалъ, что Фустовъ отлично игралъ на цитрѣ, но на меня этотъ инструментъ постоянно производилъ впечатлѣніе самое тягостное. Мнѣ всегда чудилось и чудится доселѣ, что въ цитрѣ заключена душа дряхлаго Жида-ростовщика, и что она гнусливо ноетъ и плачется на безжалостнаго виртуоза, заставляющаго ее издавать звуки. Игра г. Ратча также не могла доставить мнѣ удовольствіе; къ тому жь его внезапно побагровѣвшее лицо со злобно вращавшимися бѣлыми глазами приняло зловѣщее выраженіе: точно онъ собирался убить кого-то своимъ фаготомъ и заранѣе ругался и грозилъ, выпуская одну за другою удавленно-хриплыя, грубыя ноты. Я присосѣдился къ Сусаннѣ, и выждавъ первую минутную паузу, спросилъ ее, такъ же ли она любитъ музыку, какъ ея батюшка?

Она отклонилась, какъ будто я толкнулъ ее, и промолвила отрывисто: „Кто?“

— Вашъ батюшка, повторилъ я, — господинъ Ратчъ.

— Господинъ Ратчъ мнѣ не отецъ.

— Не отецъ! Извините меня.... Я, должно-быть, не такъ понялъ.... Но мнѣ помнится, Александръ Давыдычъ....

Сусанна посмотрѣла на меня пристально и пугливо.

— Вы не поняли господина Фустова. Господинъ Ратчъ мой вотчимъ.

Я помолчалъ.

— И вы музыки не любите? началъ я снова.

Сусанна опять глянула на меня. Рѣшительно, въ ея глазахъ было что-то одичалое. Она очевидно не ожидала и не желала продолженія нашего разговора.

— Я вамъ этого не сказала, медленно произнесла она.

— Тру-ту-ту-ту-ту-у-у.... со внезапною яростью пробурчалъ фаготъ, выдѣлывая окончательную фіоритуру. Я обернулся,

увидалъ раздутую, какъ у удава, подъ оттопыренными ушами, красную шею господина Ратча, и очень онъ мнѣ показался гадокъ.

— Но этого.... инструмента вы навѣрно не любите, сказалъ я вполголоса.

— Да.... я не люблю, отвѣчала она, какъ бы понявъ мой тайный намекъ.

„Вотъ какъ!“ подумалъ я, и словно чему-то обрадовался.

— Сусанна Ивановна, проговорила вдругъ Элеонора Карповна на своемъ нѣмецко-русскомъ языкѣ,—музыку очень любитъ, и очень сама прекрасно играетъ на фортепіано, только она не хочетъ играть на фортепіано, когда ее очень просятъ играть.

Сусанна ничего не отвѣтила Элеонорѣ Карповнѣ,—она даже не поглядѣла на нее,—и только слегка, подъ опущенными вѣками, повела глазами въ ея сторону. По одному этому движенію,—по движенію ея зрачковъ,—я могъ понять, какого рода чувства Сусанна питала ко второй супругѣ своего вотчима.... И опять чему-то порадовался.

Между тѣмъ дуэтъ кончился. Фустовъ всталъ, и нерѣшительными шагами приблизившись къ окну, возлѣ котораго мы сидѣли съ Сусанной, спросилъ ее, получила ли она отъ Ленгольда ноты, которыя тотъ обѣщался выписать изъ Петербурга.

— Попури изъ *Роберта Дьявола*, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — изъ той новой оперы, о которой теперь всѣ такъ кричатъ.

— Нѣтъ, не получила, отвѣчала Сусанна, и повернувшись лицомъ къ окну, поспѣшно прошептала: — Пожалуста, Александръ Давыдычъ, прошу васъ, не заставляйте меня играть сегодня; я совсѣмъ не расположена.

— Что такое? *Робертъ Дьяволъ* Мейербера! возопилъ подошедшій къ намъ Иванъ Демьянычъ:—пари держу, что вещь отличная! Онъ Жидъ, а всѣ Жиды, такъ же какъ и Чехи, урожденные музыканты! Особенно Жиды! Не правда ли, Сусанна Ивановна? Ась? Ха-ха-ха-ха!

Въ послѣднихъ словахъ г. Ратча, и на этотъ разъ въ самомъ его хохотѣ, слышалось нѣчто другое чѣмъ обычное его глумленіе—слышалось желаніе оскорбить. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось, и такъ поняла его Сусанна. Она невольно дрогнула, покраснѣла, закусила нижнюю губу. Свѣтлая точка, подобная блеску слезы, мелькнула у ней на рѣсницѣ, и быстро поднявшись, она вышла вонъ изъ комнаты.

— Куда же вы, Сусанна Ивановна? закричалъ ей въ слѣдъ господинъ Ратчъ.

— А вы оставьте ее, Иванъ Демьянычъ, вмѣшалась Элеонора Карповна.—Wenn sie einmal so etwas in dem Kopf hat....

— Натура первозная, промолвилъ Ратчъ, повернувшись на каблукахъ, и шлепнулъ себя по ляшкѣ;—plexus solaris страдаетъ. О! да вы не смотрите такъ на меня, Петръ Гавриловичъ! Я и анатоміей занимался, ха-ха! Я и лѣчить могу! Спросите вотъ Элеонору Карповну.... Всѣ ея недуги я излѣчиваю! Такой у меня есть способъ.

— А вы все должны шутки шутить, Иванъ Демьянычъ, отвѣчала та съ неудовольствіемъ, между тѣмъ какъ Фустовъ, посмѣиваясь и пріятно покачиваясь, глядѣлъ на обоихъ супруговъ.

— И почему же не шутить, mein Mütterchen? подхватилъ Иванъ Демьянычъ.—Жизнь намъ дана для пользы, а больше для красы, какъ сказалъ одинъ извѣстный стихотворъ. Колка, утри свой носъ, дикобразъ!

IX.

— Я сегодня по твоей милости былъ въ весьма неловкомъ положеніи, говорилъ я въ тотъ же вечеръ Фустову, возвращаясь съ нимъ домой.—Ты мнѣ сказалъ что эта.... какъ бить ее? Сусанна—дочь господина Ратча, а она его падчерица.

— Въ самомъ дѣлѣ! Я тебѣ сказалъ, что она его дочь? Впрочемъ.... не все ли равно?

— Этотъ Ратчъ, продолжалъ я....—Ахъ, Александръ! какъ онъ мнѣ не нравится! Замѣтилъ ты, съ какой онъ особенной насмѣшкой отозвался сегодня при ней о Жидахъ? Развѣ она.... Еврейка?

Фустовъ шелъ впередъ, размахивая руками; было холодно, снѣгъ хрустѣлъ, какъ соль, подъ ногами.

— Да, помнится, что-то такое я слышалъ, промолвилъ онъ наконецъ....—Ея мать была, кажется, еврейскаго происхожденія.

— Стало-быть, господинъ Ратчъ женился въ первый разъ на вдовѣ?

— Вѣроятно.

— Гм!... А этотъ Викторъ, что̀ не пришелъ вчера, тоже его пасынокъ?

— Нѣтъ.... это настоящій его сынъ. Впрочемъ я, ты знаешь, въ чужія дѣла не вмѣшиваюсь и не люблю разспрашивать. Я не любопытенъ.

Я прикусилъ языкъ. Фустовъ все спѣшилъ впередъ. Подходя къ дому, я нагналъ его и заглянулъ ему въ лицо.

— А что? спросилъ я: — Сусанна, точно, хорошая музыкантша?

Фустовъ нахмурился.

— Она хорошо играетъ на фортепіано, проговорилъ онъ сквозь зубы.—Только она очень дика, предваряю! прибавилъ онъ съ легкою ужимкой. Онъ словно раскаивался въ томъ что познакомилъ меня съ нею.

Я умолкъ, и мы разстались.

X.

На слѣдующее утро я опять отправился къ Фустову. Сидѣть у него по утрамъ стало для меня потребностью. Онъ принялъ меня ласково, по обыкновенію, но о вчерашнемъ посѣщеніи—ни слова! Какъ воды въ ротъ набралъ. Я принялся перелистывать послѣдній № *Телескопа*.

Новое лицо вошло въ комнату. Оно оказалось тѣмъ самымъ сыномъ г. Ратча, Викторомъ, на отсутствіе котораго наканунѣ пенялъ его отецъ.

Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ восемнадцати, уже испитой и нездоровой, съ сладковато-наглою усмѣшкой на нечистомъ лицѣ, съ выраженіемъ усталости въ воспаленныхъ глазкахъ. Онъ походилъ на отца, только черты его были меньше и не лишены пріятности. Но въ самой этой пріятности было что-то не хорошее. Одѣтъ онъ былъ очень неряшливо, на мундирномъ сюртукѣ его не доставало пуговицы, одинъ сапогъ лопнулъ, табакомъ такъ и разило отъ него.

— Здравствуйте, проговорилъ онъ сиплымъ голосомъ и съ тѣми особенными подергиваньями плечъ и головы, которыя я всегда замѣчалъ у избаловавшихся и самоувѣренныхъ молодыхъ людей.—Думалъ въ университетъ, а попалъ къ вамъ. Грудь что-то заложило. Дайте-ка сигарку.—Онъ прошелъ черезъ всю комнату, вяло волоча ноги и не вынимая рукъ изъ кармановъ панталонъ, и грузно бросился на диванъ.

— Вы простудились? спросилъ Фустовъ, и познакомилъ насъ другъ съ другомъ. Мы были оба студентами, но находились въ разныхъ факультетахъ.

— Нѣтъ.... какое! Вчера, признаться сказать.... (Тутъ господинъ Ратчъ junior улыбнулся во весь ротъ, опять-таки не безъ пріятности, но зубы у него оказались дурные) выпито

было, сильно выпито. Да.—Онъ закурилъ сигарку и откашлянулся. — Обиходова провожали.

— А онъ куда ѣдетъ?

— На Кавказъ, и возлюбленную свою туда же тащитъ. Вы знаете, ту, черноглазую, съ веснушками. Дуракъ!

— Вашъ батюшка вчера объ васъ спрашивалъ, замѣтилъ Фустовъ.

Викторъ сплюнулъ въ сторону.

— Да; я слышалъ. Вы вчера забрели въ нашъ таборъ. Ну, и что жь? музицировали?

— По обыкновенію.

— А *она*.... Небось, передъ новымъ-то гостемъ (тутъ онъ ткнулъ головой въ мою сторону) поломалась? Играть не стала?

— Вы это о комъ говорите? спросилъ Фустовъ.

— Да, разумѣется, о почтеннѣйшей Сусаннѣ Ивановнѣ!

Викторъ развалился еще покойнѣе, округленно поднялъ руку надъ головой, посмотрѣлъ себѣ на ладонь, и глухо фыркнулъ.

Я взглянулъ на Фустова. Онъ только плечомъ пожалъ, какъ бы желая дать мнѣ понять, что съ такого оболтуса и спрашивать нечего.

XI.

Викторъ принялся говорить,—глядя въ потолокъ, не спѣша и въ носъ, — о театрѣ, о двухъ ему знакомыхъ актерахъ, о какой-то Серафимѣ Серафимовнѣ, которая его „надула“, о новомъ профессорѣ Р., котораго обозвалъ скотиной. „Потому, представьте, что уродъ выдумалъ? Каждую лекцію съ перекличку начинаетъ, а еще либераломъ считается! Въ кутузку я бы всѣхъ вашихъ либераловъ запряталъ!“ И обратившись наконецъ всѣмъ лицомъ и тѣломъ къ Фустову, промолвилъ полужалобнымъ, полунасмѣшливымъ голосомъ:

— Что я хотѣлъ васъ попросить, Александръ Давыдычъ.... Нельзя ли какъ-нибудь старца моего вразумить.... Вы вотъ дуэты съ нимъ разыгрываете.... Даетъ мнѣ пять синенькихъ въ мѣсяцъ.... Это что же такое?! На табакъ не хватаетъ. Еще толкуетъ: не дѣлай долговъ! Я бы его на мое мѣсто посадилъ и посмотрѣлъ бы! Я вѣдь никакихъ пенсій не получаю; не то что *иные* (Викторъ произнесъ это послѣднее слово съ особеннымъ удареніемъ). А деньжищевъ у него много, я знаю. Со мной Лазаря пѣть нечего, меня не проведешь. Шалишь! Руки-то себѣ нагрѣлъ тоже.... ловко!

Фустовъ искоса глянулъ на Виктора.

— Пожалуй, началъ онъ,—я скажу вашему батюшкѣ. А то, если хотите, я могу.... пока.... небольшую сумму.

— Нѣтъ, что жь! Ужь лучше старика умаслить... Впрочемъ, прибавилъ Викторъ, почесавъ себѣ носъ всею пятерней,— дайте, коли можете, рублей двадцать пять.... Сколько, бишь, я вамъ долженъ?

— Вы у меня восемьдесятъ пять рублей заняли.

— Да.... Ну это, стало, выйдетъ.... всего сто десять рублей. Я вамъ отдамъ все разомъ.

Фустовъ вышелъ въ другую комнату, вынесъ двадцати-пятирублевую бумажку и молча подалъ ее Виктору. Тотъ взялъ ее, зѣвнулъ во все горло, не закрывая рта, промычалъ: „спасибо!“ и поеживаясь и потягиваясь приподнялся съ дивана.

— Фу! Однако.... что-то скучно, пробормоталъ онъ,—пойти развѣ въ *Италію*.

Онъ направился къ двери.

Фустовъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Казалось, онъ боролся самъ съ собой.

— О какой вы это пенсіи сейчасъ упомянули, Викторъ Иванычъ? спросилъ онъ наконецъ.

Викторъ остановился на порогѣ и надѣлъ фуражку.

— А вы не знаете? Сусанны Ивановны пенсія.... Она ее получаетъ. Прелюбопытный, доложу вамъ, анекдотъ! Я когда-нибудь вамъ разкажу. Дѣла, батюшка, дѣла! А вы старца-то, старца не забудьте, пожалуста. Кожа у него, конечно, толстая, нѣмецкая, да еще съ русской выдѣлкой, а все пронять можно. Только чтобъ Элеонорки, мачихи моей, при этомъ не было! Папашка ея боится, она все своимъ прочитъ. Ну, да вы сами дипломатъ! Прощайте!

— Экая, однако, дрянь этотъ мальчишка! воскликнулъ Фустовъ какъ только захлопнулась дверь.

Лицо у него горѣло какъ въ огнѣ, и онъ отъ меня отворачивался. Я не сталъ его разспрашивать и вскорѣ удалился.

XII.

Весь тотъ день я провелъ въ размышленіяхъ о Фустовѣ, о Сусаннѣ, объ ея родственникахъ; мнѣ смутно чудилось нѣчто похожее на семейную драму. Сколько я могъ судить, мой пріятель былъ неравнодушенъ къ Сусаннѣ. Но она? Любила ли она его? Отчего она казалась такою несчастною? И вообще, что она была за существо? Эти вопросы безпрестанно при-

ходили мнѣ на умъ. Темное, но сильное чувство говорило мнѣ, что за разрѣшеніемъ ихъ не слѣдовало обращаться къ Фустову. Кончилось тѣмъ, что я на слѣдующій день отправился одинъ въ домъ къ г. Ратчу.

Мнѣ стало вдругъ очень совѣстно и неловко, какъ только я очутился въ маленькой, темной передней. „Она и не покажется, пожалуй," мелькнуло у меня въ головѣ, „придется сидѣть съ гнуснымъ ветераномъ и съ его кухаркой-женой.... Да и наконецъ, если даже она появится, что же изъ этого? Она и разговаривать не станетъ.... Ужь больно не ласково обошлась она со мной намедни. Зачѣмъ же я пришелъ?" Пока я все это соображалъ, казачокъ побѣжалъ доложить обо мнѣ, и въ сосѣдней комнатѣ, послѣ двухъ или трехъ недоумѣвающихъ: „Кто такое? Кто, ты говоришь?" послышалось тяжелое шарканье туфель, дверь слегка растворилась, и въ щели между обѣими половинками выставилось лицо Ивана Демьяныча, лицо взъерошенное и угрюмое. Оно уставилось на меня и не тотчасъ измѣнило свое выраженіе.... Видно г. Ратчъ не сразу узналъ меня, но вдругъ щеки его округлились, глаза сузились, и изъ раскрывшагося рта, вмѣстѣ съ хохотомъ, вырвалось восклицаніе:

— А, батюшка почтеннѣйшій! Это вы? Милости просимъ!

Я послѣдовалъ за нимъ тѣмъ неохотнѣе, что, мнѣ казалось, этотъ привѣтливый, веселый г. Ратчъ внутренно посылаетъ меня къ чорту. Однако дѣлать было нечего. Онъ привелъ меня въ гостиную, и что же! въ гостиной сидѣла Сусанна передъ столомъ, за приходо-расходною книгой. Она глянула на меня своими сумрачными глазами и чуть-чуть прикусила ногти пальцевъ на лѣвой рукѣ.... такая у ней была привычка, я замѣтилъ, привычка свойственная нервическимъ людямъ. Кромѣ ея, въ комнатѣ никого не было.

— Вотъ, сударь, началъ г. Ратчъ и ударилъ себя по ляшкѣ,— въ какихъ занятіяхъ вы насъ съ Сусанной Ивановной застали: счетами занимаемся. Супруга моя въ „арихметикѣ" не сильна, а я, признаться, глаза свои берегу. Безъ очковъ не могу читать, что прикажете дѣлать? Пускай же молодежь потрудится, ха-ха! Порядокъ требуетъ. Впрочемъ, дѣло не къ спѣху.... Спѣшить, смѣшить, блохъ ловить, ха-ха!

Сусанна закрыла книгу и хотѣла удалиться.

— Постой, однако, постой, заговорилъ г. Ратчъ. — Что за бѣда что не въ туалетѣ.... (На Сусаннѣ было очень старенькое, почти дѣтское платьице съ короткими рукавчиками.)

Дорогой гость не взыщетъ, а мнѣ бы только позапрошлую недѣлю очистить.... Вы позволите? обратился онъ ко мнѣ.— Мы вѣдь съ вами не на церемоніалахъ!

— Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь, воскликнулъ я.

— То-то, мой батюшка почтеннѣйшій; вамъ самимъ извѣстно: покойный государь Алексѣй Михайловичъ Романовъ говаривалъ: „Дѣлу время, а потѣхѣ минуту!“ А мы самому дѣлу одну минуту посвятимъ.... ха-ха! Какіе же это тринадцать рублей тридцать копѣекъ? прибавилъ онъ вполголоса, повернувшись ко мнѣ спиной.

— Викторъ взялъ у Элеоноры Карповны, онъ сказалъ, что вы ему разрѣшили, отвѣчала также вполголоса Сусанна.

— Сказалъ.... сказалъ.... разрѣшилъ.... проворчалъ Иванъ Демьянычъ. — Кажется, я тутъ самъ налицо. Спросить бы могли. А тѣ семнадцать рублей кому пошли?

— Мебельщику.

— Да.... мебельщику. Это за что же?

— По счету.

— По счету. Покажь-ка!—Онъ вырвалъ у Сусанны книгу, и насадивъ на носъ круглые очки въ серебряной оправѣ, сталъ водить пальцемъ по строкамъ.—Мебельщику.... мебельщику.... Вамъ бы лишь бы деньги изъ дому вонъ! Вы рады!... Wie die Croaten!... По счету! А впрочемъ, прибавилъ онъ громко, и снова поворотился ко мнѣ лицомъ, и очки съ носу сдернулъ,— что же это я въ самомъ дѣлѣ! Этими дрязгами можно и послѣ заняться. Сусанна Ивановна, извольте-ка оттащить на мѣсто эту бухгалтерію, да пожалуйте къ намъ обратно, и восхитите слухъ сего любезнаго посѣтителя вашимъ мусикійскимъ орудіемъ, сирѣчь фортопіанною игрой.... А?

Сусанна отвернула голову.

— Я бы очень былъ счастливъ, поспѣшно промолвилъ я,— очень было бы мнѣ пріятно послушать игру Сусанны Ивановны. Но я ни за что въ свѣтѣ не желалъ бы безпокоить.

— Какое безпокойство, что вы! Ну-съ, Сусанна Ивановна, eins, zwei, drei!

Сусанна ничего не отвѣчала и вышла вонъ.

XIII.

Я не ожидалъ что она вернется; но она скоро появилась снова: даже платья не перемѣнила, и присѣвъ въ уголъ, раза два внимательно посмотрѣла на меня. Почувствовала ли она въ моемъ обращеніи съ нею то невольное, мнѣ самому

неизъяснимое уваженіе, которое, больше чѣмъ любопытство, больше даже чѣмъ участіе, она во мнѣ возбуждала, находилась ли она въ тотъ день въ смягченномъ расположеніи духа, только она вдругъ подошла къ фортепіано, и нерѣшительно положивъ руку на клавиши и склонивъ немного голову черезъ плечо назадъ ко мнѣ, спросила меня, что я хочу чтобъ она сыграла? Я не успѣлъ еще отвѣтить, какъ она уже сѣла, достала ноты, торопливо ихъ развернула и начала играть. Я съ дѣтства любилъ музыку, но въ то время я еще плохо понималъ ее, мало былъ знакомъ съ произведеніями великихъ мастеровъ, и еслибы г. Ратчъ не проворчалъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ: „Aha! wieder dieser Beethoven!“ Я бы не догадался, что именно выбрала Сусанна. Это была, какъ я потомъ узналъ, знаменитая Ф-мольная соната, opus 57. Игра Сусанны меня поразила несказанно: я не ожидалъ такой силы, такого огня, такого смѣлаго размаха. Съ самыхъ первыхъ тактовъ стремительно-страстнаго allegro, начала сонаты, я почувствовалъ то оцѣпенѣніе, тотъ холодъ и сладкій ужасъ восторга, которые мгновенно охватываютъ душу когда въ нее неожиданнымъ налетомъ вторгается красота. Я не пошевельнулся ни однимъ членомъ до самаго конца; я все хотѣлъ, и не смѣлъ, вздохнуть. Мнѣ пришлось сидѣть сзади Сусанны, ея лица я не могъ видѣть: я видѣлъ только какъ ея темные, длинные волосы изрѣдка прыгали и бились по плечамъ, какъ порывисто покачивался ея станъ, и какъ ея тонкія руки и обнаженные локти двигались быстро и нѣсколько угловато. Послѣднія отзвучія замерли. Я вздохнулъ наконецъ. Сусанна продолжала сидѣть предъ фортепіано.

— Ja, ja, замѣтилъ г. Ратчъ, который, впрочемъ, тоже слушалъ внимательно.—Romantische Musik! Это нынче въ модѣ. Только зачѣмъ не чисто играть? Э? Пальчикомъ по двумъ нотамъ разомъ — зачѣмъ? Э? То-то; намъ все поскорѣй хочется, поскорѣй. Эдакъ горячѣй выходитъ. Э? Блины горячіе! задребезжалъ онъ вдругъ какъ разноцикъ.

Сусанна слегка обратилась къ г. Ратчу; я увидѣлъ лицо ея въ профиль. Тонкая бровь высоко поднялась надъ опущенною вѣкой, неровный румянецъ разлился по щекѣ, маленькое ухо рдѣло подъ закинутымъ локономъ.

— Я всѣхъ лучшихъ виртуозовъ самолично слышалъ, продолжалъ г. Ратчъ, внезапно нахмурившись, — и всѣ они передъ покойнымъ Фильдомъ—тьфу! Нуль! Зеро!! Das war ein

Kerl! Und ein so reines Spiel! И композиціи его—самыя прекрасныя! А всѣ эти новые „тлу-ту-ту“ да „тра-та-та“, это, я полагаю, больше для школяровъ писано. Da braucht man keine Delicatesse! Хлопай по клавишамъ какъ попало.... Не бѣда! Что-нибудь выйдетъ! Janitscharen-Musik! Пхе! (Иванъ Демьянычъ утеръ себѣ лобъ платкомъ.) Впрочемъ, я это говорю не на вашъ счетъ, Сусанна Ивановна; вы играли хорошо и моими замѣчаніями не должны обижаться.

— У всякаго свой вкусъ, тихимъ голосомъ заговорила Сусанна, и губы ея задрожали; — а ваши замѣчанья, Иванъ Демьянычъ, вы знаете, меня обидѣть не могутъ.

— О, конечно! Только вы не полагайте, обратился ко мнѣ Ратчъ,—не извольте полагать, милостивый государь, что сіе происходитъ отъ излишней нашей доброты и якобы кротости душевной; а просто мы съ Сусанной Ивановной воображаемъ себя столь высоко вознесенными, что у-у! шапка назадъ валится, какъ говорится по-русски, и уже никакая критика до насъ досягать не можетъ. Самолюбіе, милостивый государь, самолюбіе! Оно насъ доѣхало, да, да!

Не безъ изумленія слушалъ я Ратча. Желчь, желчь ядовитая такъ и закипала въ каждомъ его словѣ.... И давно же она накопилась! Она душила его. Онъ попытался закончить свою тираду обычнымъ смѣхомъ,—и судорожно, хрипло закашлялъ. Сусанна словечка не проронила въ отвѣтъ ему, только головой встряхнула, и лицо приподняла, да взявшись обѣими руками за локти, прямо уставилась на него. Въ глубинѣ ея неподвижныхъ, расширенныхъ глазъ, глухимъ, незагасимымъ огнемъ тлѣла стародавняя ненависть. Жутко мнѣ стало.

— Вы принадлежите къ двумъ различнымъ музыкальнымъ поколѣньямъ, началъ я съ насильственною развязностью, самою этой развязностью желая дать понять что я ничего не замѣчаю,—а потому не удивительно, что вы не сходитесь въ своихъ мнѣніяхъ.... Но, Иванъ Демьянычъ, вы мнѣ позволите стать на сторону.... болѣе молодаго поколѣнія. Я профанъ, конечно; но, признаюсь вамъ, ничего, въ музыкѣ, еще не произвело на меня такого впечатлѣнія, какъ та.... какъ то что̀ Сусанна Ивановна намъ сейчасъ сыграла.

Ратчъ вдругъ накинулся на меня.

— И почему вы полагаете, закричалъ онъ, весь еще багровый отъ кашля,—что мы желаемъ завербовать васъ въ нашъ

лагерь? (Онъ выговорилъ Lager по-нѣмецки.) Нисколько намъ это не нужно, бардзо дзенкуемъ! Вольному воля, спасенному—спасеніе! А что̀ касательно двухъ поколѣній, то это точно: намъ, старикамъ, съ вами, молодыми, жить трудно, очень трудно! Наши понятія ни въ чемъ не согласны: ни въ художествѣ, ни въ жизни, ни даже въ морали. Не правда ли, Сусанна Ивановна?

Сусанна усмѣхнулась презрительною усмѣшкой.

— Особенно насчетъ, какъ вы говорите, морали, наши понятія не сходятся и не могутъ сходиться, отвѣтила она, и что-то грозное пробѣжало у ней надъ бровями, а губы по-прежнему слабо трепетали.

— Конечно, конечно! подхватилъ Ратчъ.—Я не философъ! Я не умѣю стать.... эдакъ, высоко! Я человѣкъ простой, рабъ предразсудковъ, да!

Сусанна опять усмѣхнулась.

— Мнѣ кажется, Иванъ Демьянычъ, и вы иногда умѣли ставить себя выше того что̀ называютъ предразсудками..

— Wie so? То-есть, какъ же это? Я васъ не понимаю.

— Не понимаете? Вы такъ забывчивы?

Г. Ратчъ словно потерялся.

— Я.... я.... повторялъ онъ.—Я....

— Да, вы, господинъ Ратчъ.

Послѣдовало небольшое молчаніе.

— Однако позвольте, позвольте, началъ-было г. Ратчъ,— какъ вы можете такъ дерзко...

Сусанна внезапно выпрямилась во весь ростъ, и не выпуская изъ рукъ локтей своихъ, стискивая ихъ, перебирая по нимъ пальцами, остановилась передъ Ратчемъ. Казалось, она вызывала его на борьбу, она наступала на него. Лицо ея преобразилось: оно стало вдругъ, во мгновеніе ока, и необычайно красиво, и страшно, какимъ-то веселымъ и холоднымъ блескомъ—блескомъ стали—заблестѣли ея тусклые глаза; недавно еще трепетавшія губы сжались въ одну прямую, неумолимо-строгую черту. Сусанна вызывала Ратча, но тотъ, какъ говорится, во̀ззрился въ нее и вдругъ умолкъ и опустился какъ мѣшокъ, и голову втянулъ въ плечи, и даже ноги подобралъ. Ветеранъ двѣнадцатаго года струхнулъ, въ этомъ нельзя было сомнѣваться.

Сусанна медленно перевела глаза свои съ него на меня, какъ бы призывая меня въ свидѣтели своей побѣды и

униженія врага, и въ послѣдній разъ усмѣхнувшись, вышла вонъ изъ комнаты.

Ветеранъ остался нѣсколько времени неподвиженъ на своемъ креслѣ; наконецъ, точно вспомнивъ забытую роль, онъ встрепенулся, всталъ, и ударивъ меня по плечу, захохоталъ своимъ зычнымъ хохотомъ.

— Вотъ, подите вы, ха-ха-ха! кажется, не первый десятокъ живемъ мы съ этою барышней, а никогда она не можетъ понять когда я шутку шучу и когда говорю въ суріозѣ! Да и вы, почтеннѣйшій, кажется, недоумѣваете.... Ха-ха-ха! Значитъ, вы еще старика Ратча не знаете!

„Нѣтъ.... Я теперь тебя знаю", думалъ я не безъ нѣкотораго страха и омерзѣнія.

— Не знаете старика, не знаете! твердилъ онъ, провожая меня до передней и поглаживая себя по животу.—Я человѣкъ тяжелый, битый, ха-ха! Но я добрый, ей-Богу!

Я опрометью бросился съ крыльца на улицу. Мнѣ хотѣлось поскорѣе уйти отъ этого добраго человѣка.

XIV.

„Что они другъ друга ненавидятъ, это ясно, думалъ я, возвращаясь къ себѣ домой,—несомнѣнно также и то, что онъ человѣкъ скверный, а она хорошая дѣвушка. Но что̀ такое произошло между ними? Какая причина этого постояннаго раздраженія? какой смыслъ этихъ намековъ? И какъ это неожиданно вспыхнуло! Подъ какимъ пустымъ предлогомъ!"

На слѣдующій день мы съ Фустовымъ собрались идти въ театръ смотрѣть Щепкина въ *Горе отъ ума*. Комедію Грибоѣдова только-что разрѣшили тогда, предварительно обезобразивъ ее цензурными урѣзками. Мы много хлопали Фамусову, Скалозубу. Не помню какой актеръ исполнялъ роль Чацкаго, но очень хорошо помню, что онъ былъ невыразимо дуренъ; сперва появился въ венгеркѣ и въ сапогахъ съ кисточками, а потомъ во фракѣ моднаго въ то время цвѣта „flamme de punch", и фракъ этотъ на немъ сидѣлъ какъ на нашемъ старомъ дворецкомъ. Помню только, что балъ въ третьемъ актѣ привелъ насъ въ восхищеніе. Хотя, вѣроятно, никто и никогда въ дѣйствительности не выдѣлывалъ такихъ па, но это уже было такъ принято да, кажется, исполняется такимъ образомъ и до сихъ поръ. Одинъ изъ гостей чрезвычайно высоко прыгалъ, причемъ парикъ его развѣвался

во всѣ стороны, и публика заливалась смѣхомъ. Выходя изъ театра, мы въ коридорѣ столкнулись съ Викторомъ.

— Вы были въ театрѣ! воскликнулъ онъ, взмахнувъ руками.—Какъ же это я васъ не видалъ? Я очень радъ что встрѣтилъ васъ. Вы непремѣнно должны со мной поужинать. Пойдемте; я угощаю!

Молодой Ратчъ казался въ состояніи взволнованномъ, почти восторженномъ. Глазенки его бѣгали, онъ ухмылялся, красныя пятна выступили на лицѣ.

— На какой это радости? спросилъ Фустовъ.

— На какой? А вотъ не угодно ли полюбопытствовать?

Викторъ отвелъ насъ немного въ сторону, и вытащивъ изъ кармана панталонъ цѣлую пачку тогдашнихъ красныхъ и синихъ ассигнацій, потрясъ ими въ воздухѣ.

Фустовъ удивился.

— Вашъ батюшка такъ расщедрился?

Викторъ захохоталъ.

— Нашли щедраго! Какъ же, держи карманъ!... Сегодня утромъ, понадѣявшись на ваше ходатайство, я попросилъ у него денегъ. Что же, вы думаете, мнѣ отвѣчалъ жидоморъ? Я, говоритъ, твои долги, изволь, заплачу. До двадцати пяти рублей включительно! Слышите, включительно! Нѣтъ, милостивый государь, это на мое сиротство Богъ послалъ. Случай такой вышелъ.

— Ограбили кого-нибудь? небрежно промолвилъ Фустовъ.

Викторъ нахмурился.

— Ухъ, такъ вотъ и ограбилъ! Выигралъ-съ, выигралъ у офицера, у гвардейца! Вчера только изъ Петербурга прикатилъ. И какое стеченіе обстоятельствъ! Стóитъ разказать... да тутъ неловко. Пойдемте къ Яру: два шага всего. Сказано, я угощаю!

Намъ, быть-можетъ, слѣдовало отказаться, но мы пошли безъ возраженій.

XV.

У Яра насъ провели въ особую комнату, подали ужинъ, принесли шампанскаго. Викторъ разказалъ намъ со всѣми подробностями, какъ онъ въ одномъ пріятномъ домѣ встрѣтилъ этого офицера-гвардейца, очень милаго малаго и хорошей фамиліи, только безъ царя въ головѣ, какъ они познакомились; какъ онъ, офицеръ то-есть, вздумалъ для шутки

предложить ему, Виктору, играть въ дурачки старыми картами, почти что на орѣхи и съ тѣмъ условіемъ, чтобъ офицеру играть на счастіе Вильгельмины, а Виктору на свое собственное счастіе; какъ потомъ пошло дѣло на пари.

— А у меня-то, у меня-то, воскликнулъ Викторъ, и вскочилъ, и въ ладоши захлопалъ,—всего шесть рублей въ карманѣ. Представьте! И сначала я совсѣмъ профершпилился.... Каково положеніе?! Только тутъ, ужь я не знаю чьими молитвами, фортуна улыбнулась. Тотъ горячиться сталъ, всѣ карты показываетъ.... Глядь! семьсотъ пятьдесятъ рублей и пробубукалъ! Сталъ еще просить поиграть, ну, да я малый не промахъ, думаю: нѣтъ, эдакою благодатью злоупотреблять не надо; тапку сгребъ и маршъ! Вотъ теперь и старику незачѣмъ кланяться, и товарищей угостить можно.... Эй! человѣкъ! Еще бутылку! Господа, чокнемтесь!

Мы чокнулись съ Викторомъ и продолжали пить и смѣяться, хотя разказъ его намъ вовсе не понравился, да и самое его общество намъ удовольствія доставляло мало. Онъ принялся любезничать, балагурить, расходился, однимъ словомъ, и сдѣлался еще противнѣе. Викторъ замѣтилъ, наконецъ, какое онъ производилъ на насъ впечатлѣніе, и насупился; рѣчи его стали отрывистѣй, взгляды мрачнѣе. Онъ началъ зѣвать, объявилъ что спать хочетъ, и обругавъ со свойственною ему грубостью трактирнаго слугу за худо прочищенный чубукъ, внезапно, съ выраженьемъ вызова на искривленномъ лицѣ, обратился къ Фустову:

— Послушайте-ка, Александръ Давыдычъ, промолвилъ онъ,— скажите, пожалуста, за что вы меня презираете?

— Какъ такъ? не сразу нашелся отвѣтить мой пріятель.

— Да такъ же.... Я очень хорошо чувствую и знаю, что вы меня презираете, и этотъ господинъ (онъ указалъ на меня пальцемъ) тоже, туда же! И хоть бы вы сами очень уже высокою нравственностью отличались, а то такой же грѣшникъ какъ мы всѣ. Еще хуже. Въ тихомъ омутѣ.... пословицу знаете?

Фустовъ покраснѣлъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ онъ.

— А то, что я еще не ослѣпъ и отлично вижу все что у меня передъ носомъ дѣлается: шуры-муры ваши съ сестрицей моей я вижу.... И ничего я противъ этого не имѣю, потому: вопервыхъ, не въ моихъ правилахъ, а вовторыхъ, моя

сестрица, Сусанна Ивановна, сама черезъ всѣ тяжкія прошла.... Только меня-то за что же презирать?

— Вы сами не понимаете что вы такое лепечете! Вы пьяны, проговорилъ Фустовъ, доставая пальто со стѣны.—Обыгралъ навѣрное какого-то дурака и вретъ теперь чортъ знаетъ что?

Викторъ продолжалъ лежать на диванѣ и только заболталъ ногами, перевѣшенными черезъ ручку.

— Обыгралъ! Зачѣмъ же вы вино пили? Оно вѣдь на выигрышныя деньги куплено. А врать мнѣ нечего. Не я виноватъ, что Сусанна Ивановна въ своей прошедшей жизни....

— Молчите! закричалъ на него Фустовъ.—Молчите.... или....

— Или что?

— Вы узнаете что. Петръ, пойдемъ.

— Ага! продолжалъ Викторъ:—великодушный рыцарь нашъ въ бѣгство обращается. Видно не хочется правду-то узнать! Видно колется она, правда-то!

— Да пойдемъ же, Петръ, повторилъ Фустовъ, окончательно потерявшій обычное свое хладнокровіе и самообладаніе.—Оставимъ этого дряннаго мальчишку!

— Этотъ мальчишка не боится васъ, слышите, закричалъ намъ вслѣдъ Викторъ,—презираетъ васъ этотъ мальчишка, пре-зи-раетъ! Слышите!

Фустовъ такъ проворно шелъ по улицѣ, что я съ трудомъ поспѣвалъ за нимъ. Вдругъ онъ остановился и круто повернулъ назадъ.

— Куда ты? спросилъ я.

— Да надо узнать что этотъ глупецъ.... Онъ, пожалуй, спьяна Богъ знаетъ что.... Только ты не иди за мной.... мы завтра увидимся. Прощай!

И торопливо пожавъ мою руку, Фустовъ направился къ гостиницѣ Яра.

На другой день мнѣ не удалось увидѣть Фустова, а на слѣдующій за тѣмъ день я, зайдя къ нему на квартиру, узналъ, что онъ выѣхалъ къ своему дядѣ въ подмосковную. Я полюбопытствовалъ, не оставлялъ ли онъ записки на мое имя, но никакой записки не оказалось. Тогда я спросилъ лакея, не знаетъ ли онъ, сколько времени Александръ Давыдычъ останется въ деревнѣ. „Недѣли съ двѣ, а то и побольше, такъ полагать надо“, отвѣчалъ лакей. Я на всякій случай взялъ точный адресъ Фустова и въ раздумьи побрелъ домой. Эта неожиданная отлучка изъ Москвы, зимой, окончательно повергла

меня въ недоумѣніе. Моя добрая тетушка замѣтила мнѣ за обѣдомъ, что я все ожидаю чего-то и гляжу на пирогъ съ капустой, какъ будто въ первый разъ отроду его вижу. „Pierre vous n'êtes pas amoureux?“ воскликнула она наконецъ, предварительно удаливъ своихъ компаньйонокъ. Но я успокоилъ ее: нѣтъ, я не былъ влюбленъ.

XVI.

Прошло дня три. Меня подмывало пойти къ Ратчамъ; мнѣ сдавалось, что въ ихъ домѣ я долженъ былъ найти разгадку всего что̀ меня занимало, что̀ я понять не могъ.... Но мнѣ пришлось бы опять встрѣтиться съ ветераномъ.... Эта мысль меня удерживала. Вотъ, въ одинъ ненастный вечеръ—на дворѣ злилась и выла февральская вьюга, сухой снѣгъ по временамъ стучалъ въ окна какъ брошенный сильною рукой крупный песокъ,—я сидѣлъ въ моей комнатѣ и пытался читать книгу. Мой слуга вошелъ и не безъ нѣкоторой таинственности доложилъ, что какая-то дама желаетъ меня видѣть. Я удивился, дамы меня не посѣщали, особенно въ такую позднюю пору, однако велѣлъ просить. Дверь отворилась, и быстрыми шагами вошла женщина, вся закутанная въ легкій лѣтній плащъ и желтую шаль. Порывистымъ движеніемъ сбросила она съ себя эту шаль и этотъ плащъ занесенный снѣгомъ, и я увидѣлъ предъ собой Сусанну. Я до того изумился, что слова не промолвилъ, а она приблизилась къ окну, и прислонившись къ стѣнѣ плечомъ, осталась неподвижною; только грудь судорожно поднималась, и глаза блуждали, и съ легкимъ оханьемъ вырывалось дыханіе изъ помертвѣлыхъ губъ. Я понялъ, что не простая бѣда привела ее ко мнѣ; я понялъ, несмотря на свое легкомысліе и молодость, что въ этотъ мигъ предо мной завершалась судьба цѣлой жизни—горькая и тяжелая судьба.

— Сусанна Ивановна, началъ я,—какимъ образомъ....

Она внезапно схватила мою руку своими застывшими пальцами, но голосъ измѣнилъ ей. Она вздохнула прерывисто и потупилась. Тяжелыя косы черныхъ волосъ упали ей на лицо.... Снѣжная пыль еще не сошла съ нихъ.

— Пожалуста, успокойтесь, сядьте, заговорилъ я опять,—вотъ тутъ, на диванѣ. Что̀ такое случилось? Сядьте, прошу васъ.

— Нѣтъ, промолвила она чуть слышно и опустилась на оконницу.—Мнѣ здѣсь хорошо.... Оставьте.... Вы не могли ожидать.... но еслибъ вы знали.... еслибъ я могла.... еслибъ....

Она хотѣла переломить себя, но съ потрясающею силой хлынули изъ глазъ ея слезы, и рыданія, поспѣшныя, жадныя рыданія огласили комнату. Сердце во мнѣ перевернулось.... Я потерялся. Я видѣлъ Сусанну всего два раза; я догадывался, что не легко ей было жить на свѣтѣ, но я считалъ ее за дѣвушку гордую, съ твердымъ характеромъ, и вдругъ эти неудержимыя, отчаянныя слезы.... Господи! Да такъ плачутъ только передъ смертью!

Я стоялъ самъ какъ къ смерти приговоренный.

— Извините меня, промолвила она наконецъ, нѣсколько разъ, почти со злобой, утирая одинъ глазъ за другимъ.—Это сейчасъ пройдетъ. Я къ вамъ пришла....—Она еще всхлипывала, но уже безъ слезъ.—Я пришла.... Вы вѣдь знаете, Александръ Давыдычъ уѣхалъ?

Однимъ этимъ вопросомъ Сусанна во всемъ призналась, и при этомъ такъ на меня взглянула, точно желала сказать: „Вѣдь ты поймешь, ты пощадишь, не правда ли?“ Несчастная! Стало быть, ей уже не оставалось другаго исхода!

Я не зналъ что̀ ей отвѣтить....

— Онъ уѣхалъ, онъ уѣхалъ.... онъ повѣрилъ! говорила между тѣмъ Сусанна.—Онъ не захотѣлъ даже спросить меня; онъ подумалъ, что я не скажу ему всей правды, онъ могъ это подумать обо мнѣ! Какъ будто я когда-нибудь его обманывала!

Она закусила нижнюю губу и, слегка нагнувшись, начала царапать ногтемъ ледяные узоры, наросшіе на стеклѣ. Я поспѣшно вышелъ въ другую комнату, и услалъ моего слугу, немедленно вернулся и зажегъ другую свѣчку. Я хорошенько не зналъ зачѣмъ я все это дѣлалъ.... Очень ужь я былъ смущенъ.

Сусанна по-прежнему сидѣла подъ окномъ, и я тутъ только замѣтилъ, какъ легко она была одѣта: сѣрое платьице съ бѣлыми пуговицами и широкій кожаный поясъ, вотъ и все. Я приблизился къ ней, но она не обратила на меня вниманія.

— Онъ повѣрилъ.... онъ повѣрилъ, шептала она, тихонько покачиваясь изъ стороны въ сторону.—Онъ не поколебался, онъ нанесъ мнѣ этотъ послѣдній.... послѣдній ударъ!—Она вдругъ повернулась ко мнѣ.—Вы знаете его адресъ?

— Да, Сусанна Ивановна.... я узналъ отъ его людей.... у него въ домѣ. Онъ мнѣ самъ ничего не сказалъ о своемъ намѣреніи, я его два дня не видалъ, пошелъ освѣдомиться, а онъ уже уѣхалъ изъ Москвы.

— Вы знаете его адресъ? повторила она.—Ну, такъ напишите ему, что онъ убилъ меня. Вы хорошій человѣкъ, я знаю. Съ вами онъ не говорилъ обо мнѣ, навѣрное, а со мной онъ говорилъ о васъ. Напишите.... ахъ, напишите ему, чтобъ онъ поскорѣе вернулся, если онъ хочетъ еще застать меня въ живыхъ!... Да нѣтъ! Онъ меня уже не застанетъ.

Голосъ Сусанны утихалъ съ каждымъ словомъ, и вся она утихала. Но мнѣ это спокойствіе казалось еще страшнѣе чѣмъ тѣ недавнія рыданія.

— Онъ повѣрилъ ему.... сказала она еще разъ и оперлась подбородкомъ на сложенныя руки.

Внезапный порывъ вѣтра съ рѣзкимъ свистомъ и стукомъ снѣга ударилъ въ окно, холодная струя пробѣжала по комнатѣ.... Пламя свѣчей поштатнулось.... Сусанна вздрогнула.

Я снова попросилъ ее сѣсть на диванъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте, отвѣчала она,—мнѣ здѣсь хорошо. Пожалуста.—Она прижалась къ промерзлому стеклу, точно она нашла себѣ гнѣздышко въ углубленіи окна.—Пожалуста.

— Но вы дрожите, вы озябли, воскликнулъ я.—Посмотрите, ваши ботинки промокли.

— Оставьте.... пожалуста.... прошептала она и закрыла глаза.

Страхъ нашелъ на меня.

— Сусанна Ивановна! чуть не вскрикнулъ я:—придите въ себя, прошу васъ! Что съ вами? Къ чему такое отчаяніе! Вы увидите, все разъяснится, какое-нибудь недоразумѣніе.... неожиданный случай.... Вы увидите, онъ скоро возвратится. Я ему дамъ знать, я сегодня же ему напишу.... Но я не повторю ему вашихъ словъ.... Какъ можно!

— Онъ меня не застанетъ, промолвила Сусанна все тѣмъ же тихимъ голосомъ.—Неужели бы я пришла сюда, къ вамъ, къ незнакомому человѣку, еслибы не знала, что не останусь жива? Ахъ, все мое послѣднее унесено безвозвратно! Вотъ мнѣ и не хотѣлось умереть такъ, въ одиночку, въ молчанку, не сказавъ никому: „Я все потеряла.... и я умираю.... Посмотрите!“

Она снова ушла въ свое холодное гнѣздышко.... Не забуду я вѣкъ этой головы, этихъ неподвижныхъ глазъ съ ихъ глубокимъ и погасшимъ взоромъ, этихъ темныхъ разсыпанныхъ волосъ на блѣдномъ стеклѣ окна, самого этого сѣренькаго тѣснаго платья, подъ каждою складкой котораго еще билась такая молодая, горячая жизнь!

Я невольно всплеснулъ руками.

— Вамъ.... вамъ умереть, Сусанна Ивановна! Вамъ только жить.... Вамъ жить должно!

Она посмотрѣла на меня.... Мои слова ее какъ будто удивили.

— Ахъ, вы не знаете, начала она и тихонько уронила обѣ руки. Мнѣ нельзя жить. Слишкомъ, слишкомъ много пришлось терпѣть, слишкомъ! Я переносила.... я надѣялась.... но теперь.... когда и это рушилось.... когда....

Она подняла глаза къ потолку и словно задумалась. Трагическая черта, которую я нѣкогда замѣтилъ у ней около губъ, теперь обозначалась еще яснѣе, она распространилась по всему лицу. Казалось, чей-то неумолимый перстъ провелъ ее безвозвратно, навсегда отмѣтилъ это погибшее существо.

Она все молчала.

— Сусанна Ивановна, сказалъ я, чтобы чѣмъ-нибудь нарушить эту страшную тишину:—онъ вернется, увѣряю васъ!

Сусанна опять посмотрѣла на меня.

— Что вы говорите? промолвила она съ видимымъ усиліемъ.

— Онъ вернется, Сусанна Ивановна, Александръ вернется!

— Онъ вернется? повторила она.—Но еслибы даже онъ вернулся, не могу я простить ему это униженіе, это недовѣріе....

Она схватила себя за голову.

— Боже мой! Боже мой! Что я говорю! И зачѣмъ я здѣсь? Что это такое? О чемъ.... о чемъ я пришла просить.... и кого? Ахъ, я съ ума схожу!...

Глаза ея остановились.

— Вы хотѣли просить меня чтобъ я написалъ Александру, поспѣшилъ я подсказать ей.

Она встрепенулась.

— Да, напишите.... напишите что хотите.... А вотъ это.... Она торопливо пошарила у себя въ карманѣ и достала небольшую тетрадку.—Это я было для него написала.... передъ его бѣгствомъ.... Но вѣдь онъ повѣрилъ.... повѣрилъ тому!

Я понималъ, что рѣчь шла о Викторѣ; Сусанна не хотѣла назвать его, не хотѣла произнести его ненавистное имя.

— Однако, позвольте, Сусанна Ивановна, началъ я,—почему же вы полагаете, что Александръ Давыдычъ имѣлъ разговоръ.... съ тѣмъ человѣкомъ?

— Почему? Почему? Но тотъ самъ пришелъ ко мнѣ и все разсказалъ, и хвастался.... и также смѣялся какъ его отецъ! Вотъ, вотъ, возьмите, продолжала она, всовывая мнѣ тетрадку въ руку, — прочтите, пошлите ему, сожгите, бросьте,

дѣлайте что̀ хотите, какъ хотите.... Но нельзя же умереть такъ чтобы никто не зналъ.... А теперь мнѣ пора.... Мнѣ идти надо.

Она поднялась съ оконницы.... Я остановилъ ее.

— Куда же вы, Сусанна Ивановна, помилуйте! Послушайте, какая вьюга! Вы такъ легко одѣты.... И домъ вашъ отсюда не близко. Позвольте, я хоть за каретой пошлю, за извощикомъ....

— Не надо, ничего не надо, промолвила она, настойчиво отклоняя меня и взявшись за плащъ и за шаль.—Не удерживайте меня, ради Бога! а то.... я ни за что̀ не отвѣчаю! Я чувствую, что голова моя идетъ кругомъ. Я чувствую бездну, темную бездну подъ ногами.... Не подходите! не трогайте меня!—Съ лихорадочною поспѣшностью надѣла она плащъ, накинула шаль....—Прощайте.... Прощайте.... О, бѣдное, бѣдное мое племя, племя вѣчныхъ странниковъ, проклятіе лежитъ на тебѣ! Но вѣдь меня никто не любилъ, съ какой же стати было ему.... — Она вдругъ умолкла. — Нѣтъ, меня любилъ одинъ, заговорила она опять, ломая руки,—но смерть всюду, всюду неизбѣжная, неизбѣжная смерть! Теперь моя очередь.... Не идите за мной, пронзительно вскрикнула она.—Не идите! Не идите!

Я остолбенѣлъ, а она бросилась вонъ, и мгновенье спустя, я слышалъ, какъ грохнула внизу тяжелая дверь на улицу, и оконныя рамы снова вздрогнули подъ напоромъ метели.

Я не скоро опомнился. Я только-что начиналъ жить тогда, не испыталъ ни страсти, ни скорби, и рѣдко бывалъ свидѣтелемъ того какъ выражаются въ другихъ тѣ сильныя чувства.... Но искренность этой скорби, этой страсти, меня поразила. Еслибы не тетрадка въ рукахъ моихъ, я, право, могъ бы подумать, что я все это во снѣ видѣлъ—до того это все было необычайно и пронеслось какъ мгновенный грозовой ливень. До полуночи читалъ я эту тетрадку. Она состояла изъ нѣсколькихъ листовъ почтовой бумаги, кругомъ исписанныхъ крупнымъ, но неправильнымъ почеркомъ, почти безъ помарокъ. Ни одна строка не шла прямо, и, казалось, въ каждой чувствовался тревожный трепетъ руки, водившей перомъ. Вотъ что̀ стояло въ этой тетрадкѣ (я ее сберегъ до сихъ поръ):

XVII. Моя исторія.

„Мнѣ въ нынѣшнемъ году минетъ двадцать восемь лѣтъ. Вотъ мои первыя воспоминанія: Я живу въ Тамбовской губерніи, у одного богатаго помѣщика, Ивана Матвѣича Колтовскаго, въ его деревенскомъ домѣ, въ небольшой комнатѣ втораго этажа. Со мной вмѣстѣ живетъ мать моя, Еврейка, дочь умершаго живописца, вывезеннаго изъ-за границы, болѣзненная женщина съ необыкновенно-красивымъ, какъ воскъ блѣднымъ лицомъ и такими грустными глазами, что, бывало, какъ только она долго посмотритъ на меня, я, и не глядя на нее, непремѣнно почувствую этотъ печальный, печальный взоръ и заплачу, и брошусь ее обнимать. Ко мнѣ ѣздятъ наставники, меня учатъ музыкѣ и зовутъ меня барышней. Я обѣдаю за господскимъ столомъ вмѣстѣ съ матушкой. Г. Колтовской— высокій, видный старикъ съ величавою осанкой; отъ него всегда пахнетъ амброй. Я боюсь его до-смерти, хоть онъ зоветъ меня Suzon и даетъ мнѣ цѣловать, сквозь кружевную манжетку, свою сухую, жилистую руку. Съ матушкой онъ изысканно-вѣжливъ, но бесѣдуетъ и съ нею мало; скажетъ ей два-три благосклонныя слова, на которыя она тотчасъ торопливо отвѣтитъ,—скажетъ и умолкнетъ, и сидитъ, съ важностью озираясь кругомъ и медленно перебирая щепотку испанскаго табаку въ золотой, круглой табатеркѣ, съ вензелемъ императрицы Екатерины.

„Девятый годъ моего возраста остался мнѣ навсегда памятнымъ.... Я узнала тогда, черезъ горничныхъ, въ дѣвичьей, что Иванъ Матвѣичъ Колтовской мнѣ отецъ, и почти въ тотъ же день мать моя, по его приказанію, вышла замужъ за г. Ратча, который состоялъ у него чѣмъ-то въ родѣ управляющаго. Я никакъ не могла понять какъ это возможно, я недоумѣвала, я чуть не заболѣла, моя голова изнемогала, умъ становился въ тупикъ. „Правда ли, правда ли, ма́ма“, спросила я ее,—„этотъ *бука пахучій* (такъ я звала Ивана Матвѣича) мой папа?“ Матушка испугалась чрезвычайно, зажала мнѣ ротъ.... „Никогда, никому не говори объ этомъ, слышишь, Сусанна, слышишь — ни слова!...“ твердила она трепетнымъ голосомъ, крѣпко прижимая мою голову къ своей груди.... И я точно никому объ этомъ не говорила.... Это приказаніе моей матери я поняла.... Я поняла, что я должна была молчать, что моя мать у меня прощенія просила!

„Несчастье мое началось тогда же. Г. Ратчъ не любилъ моей матери, и она его не любила. Онъ женился на ней изъ-за денегъ, а она должна была повиноваться. Г. Колтовской, вѣроятно, нашелъ, что такимъ образомъ все устроилось къ лучшему — „la position etait régularisée". Помню, наканунѣ свадьбы—мать моя и я—мы обѣ, обнявшись, проплакали почти цѣлое утро—горько, горько и молча. Не диво, что она молчала.... Что могла она сказать мнѣ? Но что я ее не разспрашивала—это доказываетъ только то, что несчастныя дѣти умнѣютъ скорѣе счастливыхъ.... на свою бѣду.

„Г. Колтовской продолжалъ заниматься моимъ воспитаніемъ и даже понемногу приблизилъ меня къ своей особѣ. Онъ со мной не разговаривалъ.... но утромъ и вечеромъ, стряхнувъ двумя пальцами съ своего жабо табачныя пылинки, онъ тѣми же двумя пальцами, холодными какъ ледъ, трепалъ меня по щекѣ и давалъ мнѣ какія-то темныя конфетки, тоже съ запахомъ амбры, которыхъ я никогда не ѣла. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду я стала его лектрисой, „sa petite lectrice". Я читала ему французскія сочиненія прошлаго столѣтія, мемуары Сенъ-Симона, Маблѝ, Реналя, Гельвеція, переписку Вольтера, энциклопедистовъ, ничего, конечно, не понимая, даже тогда, когда онъ, осклабясь и зажмурясь, приказывалъ мнѣ: „relire ce dernier paragraphe, qui est bien remarquable!" Иванъ Матвѣичъ былъ совершенный Французъ. Онъ жилъ въ Парижѣ, до революціи, помнилъ Марію-Антуанету, получилъ приглашеніе къ ней въ Тріанонъ; видѣлъ и Мирабо, который, по его словамъ, носилъ очень большія пуговицы—„exagéré en tout!"— и былъ вообще человѣкъ дурнаго тона—„en dépit de sa naissance!" Впрочемъ, Иванъ Матвѣичъ рѣдко разказывалъ о томъ времени; но раза два или три въ годъ произносилъ, обращаясь къ кривому старичку-эмигранту, котораго держалъ на хлѣбахъ и называлъ, Богъ знаетъ почему, „M. le Commandeur", произносилъ своимъ неспѣшнымъ, носовымъ голосомъ экспромтъ, нѣкогда сказанный имъ на вечерѣ у герцогини Полиньякъ. Я помню только первые два стиха.... (Дѣло шло о параллели между Русскими и Французами):

„L'aigle se plait aux régions austères,
„Où le ramier ne saurait habiter...."

„— Digne de M. de Saint Aulaire! всякій разъ восклицалъ M. le Commandeur.

„Иванъ Матвѣичъ до самой смерти казался молодящимъ:

щеки у него были розовыя, зубы бѣлые, брови густыя и неподвижныя, глаза пріятные и выразительные: свѣтлые, черные глаза, настоящій агатъ; онъ вовсе не былъ капризенъ и обходился со всѣми, даже со слугами, очень учтиво... Но, Боже мой! какъ мнѣ было тяжело съ нимъ, съ какою радостью я всякій разъ отъ него уходила, какія нехорошія мысли возмущали меня въ его присутствіи! Ахъ, я не была въ нихъ виновата!... Не виновата я въ томъ что̀ изъ меня сдѣлали....

„Г. Ратчу, послѣ его свадьбы, былъ отведенъ флигель недалеко отъ господскаго дома. Я жила тамъ съ моею матерью. Не весело было мнѣ и тамъ. У нея скоро родился сынъ, тотъ самый Викторъ, котораго я въ правѣ считать и называть моимъ врагомъ. Съ самаго его рожденія, здоровье моей матушки, и прежде слабое, уже не поправлялось. Г. Ратчъ въ то время не считалъ нужнымъ выказывать ту веселость, которой онъ теперь предается: онъ имѣлъ видъ постоянно суровый и старался прослыть за дѣльца. Со мной онъ былъ жестокъ и грубъ. Я чувствовала удовольствіе, когда уходила отъ Ивана Матвѣича; но и свой флигель я покидала охотно.... Несчастная моя молодость! Вѣчно отъ одного берега къ другому, и ни къ которому не хочется пристать! Бывало, бѣжишь черезъ дворъ, зимой, по глубокому снѣгу, въ холодномъ платьицѣ, бѣжишь въ господскій домъ, къ Ивану Матвѣичу, на чтеніе и словно радуешься.... А придешь, увидишь эти большія унылыя комнаты, эти пестрыя штофныя мебели, этого привѣтливаго и бездушнаго старика въ шелковой „дульеткѣ“ на распашку, въ бѣломъ жабо и бѣломъ галстукѣ, съ манжетками на пальцахъ, съ „супсономъ“ пудры (такъ выражался его камердинеръ) на зачесанныхъ назадъ волосахъ, захватитъ тебѣ дыханіе этотъ душный запахъ амбры, и сердце такъ и упадетъ. Иванъ Матвѣичъ сидѣлъ обыкновенно въ просторныхъ вольтеровскихъ креслахъ; на стѣнѣ, надъ его головой, висѣла картина, изображавшая молодую женщину съ яснымъ и смѣлымъ выраженіемъ лица, одѣтую въ богатый еврейскій костюмъ и всю покрытую драгоцѣнными камнями, жемчугомъ.... Я часто заглядывалась на эту картину, но только въ послѣдствіи узнала, что это былъ портретъ моей матери, писанный ея отцомъ по заказу Ивана Матвѣича. Измѣнилась же она съ того времени! Умѣлъ онъ сломить и уничтожить ее! „И она его любила! Любила этого старика!“ думалось мнѣ.... „Какъ это возможно! Его любить!“ А между тѣмъ, когда я вспоминала иные взгляды матушки, иныя недомолвки и невольныя движенія....

„Да, да, она любила его!“ твердила я съ ужасомъ. Ахъ, не дай Богъ никому испытывать такія ощущенія!

„Каждый день я читала Ивану Матвѣичу, иногда три, четыре часа сряду.... Мнѣ было вредно такъ много и такъ громко читать. Докторъ нашъ боялся за мою грудь и даже однажды доложилъ объ этомъ Ивану Матвѣичу. Но тотъ только улыбнулся (то-есть, нѣтъ: онъ никогда не улыбался, а какъ-то завастривалъ и выдвигалъ впередъ губы) и сказалъ ему: „Vous ne savez pas ce qu'il y a de ressources dans cette jeunesse“.—„Однако, въ прежніе годы, M. le Commandeur....“ осмѣлился было замѣтить докторъ. Иванъ Матвѣичъ опять усмѣхнулся: „Vous rêvez, mon cher“, перебилъ онъ его.— „Le Commandeur n'a plus de dents et il crache à chaque mot. J'aime les voix jeunes“.

„И я продолжала читать, хоть и много кашляла по утрамъ и по ночамъ....

„Иногда Иванъ Матвѣичъ заставлялъ меня играть на фортепіано. Но музыка дѣйствовала усыпительно на его нервы. Глаза его тотчасъ закрывались, голова мѣрно опускалась, и только изрѣдка слышалось: „C'est du Steibelt, n'est-ce pas? Jouez moi du Steibelt!“ Иванъ Матвѣичъ считалъ Штейбельта великимъ геніемъ, умѣвшимъ побѣдить въ себѣ „la grossière lourdeur des Allemands“, и упрекалъ его въ одномъ: „trop de fougue! trop d'imagination!“... Когда же Иванъ Матвѣичъ замѣчалъ что я уставала за фортепіано, онъ предлагалъ мнѣ „du Cachou de Bologne“. Такъ шли дни за днями....

„И вотъ, въ одну ночь—незабвенную ночь! страшное несчастіе меня поразило. Моя матушка скончалась почти внезапно. Мнѣ только-что минуло пятнадцать лѣтъ. О, какое это было горе, какимъ злымъ вихремъ оно налетѣло на меня! Какъ запугала, какъ навсегда запугала меня эта первая встрѣча со смертію! Бѣдная моя матушка! Странныя были наши отношенія: мы обѣ страстно любили другъ друга.... страстно и безнадежно; мы обѣ словно хранили и скрывали отъ самихъ себя общую намъ тайну, упорно молчали о ней, хотя знали, знали все, все что происходило во глубинѣ сердецъ нашихъ! Даже о прошедшемъ, о раннемъ своемъ прошедшемъ матушка со мной не говорила и никогда не жаловалась словами, хотя все существо ея была одна нѣмая жалоба! Мы избѣгали всякаго нѣсколько серіознаго разговора. Ахъ! я все надѣялась что придетъ часъ, и она выскажется, наконецъ и я выскажусь, и легче станетъ намъ.... Но заботы ежедневныя,

нерѣшительный и робкій нравъ, болѣзни, присутствіе г-на Ратча, а главное: этотъ вѣчный вопросъ „къ чему?“ и это неуловимое, безпрерывное утеканіе времени, жизни.... Кончилось все громовымъ ударомъ, и не только тѣхъ словъ, которыя бы разрѣшили нашу тайну, даже обычныхъ предсмертныхъ прощаній мнѣ не пришлось услышать отъ моей матушки! Только и осталось у меня въ памяти, что восклицаніе г. Ратча: „Сусанна Ивановна, извольте идти, мать васъ благословить желаетъ!“ а потомъ блѣдная рука изъ-подъ тяжелаго одѣяла, дыханіе мучительное, закатившійся глазъ.... О, довольно! довольно!

„Съ какимъ ужасомъ, съ какимъ негодованіемъ, съ какимъ тоскливымъ любопытствомъ я на слѣдующій день и въ день похоронъ смотрѣла на лицо моего отца.... да, моего отца! Въ шкатулкѣ покойницы нашлись его письма. Мнѣ показалось, что онъ поблѣднѣлъ немного и осунулся.... а впрочемъ, нѣтъ! Ничего не шевельнулось въ этой каменной душѣ. Точно такъ же, какъ и прежде, позвалъ онъ меня спустя недѣлю въ кабинетъ; точно тѣмъ же голосомъ попросилъ читать: „Si vous le voulez bien, les observations sur l'histoire de France de Mably, à la page 74.... là, ou nous avons été interrompus“. И даже портрета матушки онъ не велѣлъ вынести! Правда, отпуская меня, онъ подозвалъ меня къ себѣ и, давъ вторично поцѣловать свою руку, промолвилъ: „Suzanne, la mort de votre mère vous a privée de votre appui naturel; mais vous pourrez toujours compter sur ma protection,“ но тотчасъ же слегка пихнулъ меня въ плечо другою рукой, и съ обычнымъ своимъ завастриваніемъ губъ, прибавилъ: „Allez, mon enfant.“ Я хотѣла было закричать ему: „да вѣдь вы мой отецъ!“ но я ничего не сказала и вышла.

„На другое утро, рано, я пошла на кладбище. Май мѣсяцъ стоялъ тогда во всей красѣ цвѣтовъ и листьевъ, и долго я сидѣла на свѣжей могилѣ. Я не плакала, не грустила; у меня одно вертѣлось въ головѣ: „Слышишь, мама? Онъ хочетъ и мнѣ оказывать покровительство!“ И мнѣ казалось, что мать моя не должна была оскорбиться тою усмѣшкой, которая невольно просилась мнѣ на губы.

„Иногда я спрашиваю себя: что заставляло меня такъ настойчиво желать, добиваться—не признанья.... куда! а хоть теплаго родственнаго слова отъ Ивана Матвѣича? Развѣ я не знала что онъ былъ за человѣкъ и какъ мало онъ походилъ на то чѣмъ въ моихъ мечтаніяхъ представлялся мнѣ *отецъ*?... Но я была такъ одинока, такъ одинока на землѣ! И потомъ,

все та же неотступная мысль не давала мнѣ покоя: „Вѣдь она его любила? За что-нибудь она полюбила же его?“

„Прошло еще три года. Ничего не измѣнялось въ нашей однообразной, заранѣе размѣренной, разчитанной жизни. Викторъ подросталъ. Я была старше его восемью годами и охотно занялась бы имъ, но г. Ратчъ этому воспротивился. Онъ приставилъ къ нему няню, которая должна была строго наблюдать чтобы ребенокъ не „баловался“, то-есть не допускать меня до него. Да и самъ Викторъ меня чуждался. Однажды г. Ратчъ пришелъ въ мою комнату разстроенный, взволнованный, злобный. Уже наканунѣ дошли до меня дурные слухи о моемъ вотчимѣ: люди толковали, будто онъ былъ уличенъ въ утайкѣ значительной суммы, во взяткѣ съ купца.

„— Вы можете помочь мнѣ, началъ онъ, нетерпѣливо постукивая пальцами по столу.—Подите, попросите за меня Ивана Матвѣича.

„— Попросить? съ какой стати? о чемъ?

„— Походатайствуйте за меня.... вѣдь я вамъ все-таки не чужой. Меня обвиняютъ.... Ну, словомъ, я могу безъ хлѣба остаться, да и вы тоже.

„— Но какъ же я къ нему пойду? Какъ я стану его безпокоить?

„— Вотъ еще! Вы имѣете *право* его безпокоить!

„— Какое же право, Иванъ Демьянычъ?

„— Ну, не притворяйтесь.... *Вамъ* онъ не можетъ отказать по многимъ причинамъ. Неужели же вы меня не понимаете?

„Онъ нагло посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, и я почувствовала, что щеки мои такъ и загорѣлись. Ненависть, презрѣніе, поднялись во мнѣ разомъ, хлынули волной, затопили меня.

„— Да, я понимаю васъ, Иванъ Демьянычъ, отвѣтила я ему наконецъ. Мой голосъ мнѣ самой показался незнакомымъ:—и я не пойду къ Ивану Матвѣичу, и не стану его просить. Безъ хлѣба, такъ безъ хлѣба!

„Г. Ратчъ дрогнулъ, стиснулъ зубы, сжалъ кулаки.

„— Ну, погоди же, царевна Меликитриса! хрипло прошепталъ онъ.—Я тебѣ этого не забуду!

„Въ тотъ же день Иванъ Матвѣичъ потребовалъ его къ себѣ и, говорятъ, грозилъ ему тростью, тою самою тростью, которою нѣкогда обмѣнялся съ дюкомъ де-Ларошфуко, кричалъ: „Вы суть подлецъ и мздолюбецъ! Я васъ поставлю наружу!“

(Иванъ Матвѣичъ почти совсѣмъ не умѣлъ говорить по-русски и презиралъ наше „грубое нарѣчіе“, ce jargon vulgaire et rude. Кто-то при немъ сказалъ однажды: „это само собою разумѣется“. Иванъ Матвѣичъ пришелъ въ негодованіе и часто потомъ приводилъ эту фразу какъ примѣръ безсмыслицы и нелѣпости русскаго языка. „Что такое есть: само собою разумѣется?“ спрашивалъ онъ *по-русски*, напирая на каждый слогъ. „А почему же не съ простотою: разумѣется? и зачѣмъ: само собою?!“)

„Иванъ Матвѣичъ, однако, не прогналъ г. Ратча, даже не лишилъ его мѣста. Но мой вотчимъ сдержалъ слово: онъ мнѣ *этого* не забылъ.

„Я начинала замѣчать перемѣну въ Иванѣ Матвѣичѣ. Онъ сталъ грустить, скучать, здоровье его пошатнулось. Его розовое, свѣжее лицо пожелтѣло и сморщилось, одинъ зубъ спереди выпалъ. Онъ совсѣмъ пересталъ выѣзжать и прекратилъ введенные имъ пріемные дни съ угощеніемъ для крестьянъ, безъ участія духовенства „sans le concours du clergé“. Въ такіе дни Иванъ Матвѣичъ, съ розаномъ въ петличкѣ, выходилъ къ крестьянамъ въ залу или на балконъ и, коснувшись губами серебрянаго стаканчика съ водкой, держалъ имъ рѣчь въ родѣ слѣдующей: „Вы довольны моими поступками, сколь и я доволенъ вашимъ усердствованіемъ; сему радуюсь истинно. Мы всѣ *братья*; само рожденіе насъ производитъ равными: пью ваше здравіе!“ Онъ кланялся имъ, и крестьяне кланялись ему въ поясъ, а не въ землю, что было строго запрещено. Угощенія продолжались по-прежнему, но Иванъ Матвѣичъ уже не показывался своимъ подданнымъ. Иногда онъ прерывалъ мое чтеніе восклицаніями: „La machine se détraque! Cela se gate!“ Самые глаза его, эти свѣтлые, каменные глаза, потускнѣли и словно уменьшились; онъ засыпалъ чаще прежняго и тяжело вздыхалъ во снѣ. Не измѣнилось лишь его обращеніе со мной; только прибавился оттѣнокъ рыцарской вѣжливости. Онъ, хоть и съ трудомъ, но всякій разъ вставалъ съ кресла когда я входила, провожалъ меня до двери, поддерживая меня рукой подъ локоть, и вмѣсто Suzon сталъ звать меня то „ma chère demoiselle“, то „mon Antigone“. M. le Commandeur умеръ года два послѣ кончины матушки: повидимому, его смерть гораздо глубже поразила Ивана Матвѣича. Ровесникъ исчезъ; вотъ что его смутило. И между тѣмъ, единственная заслуга г.

Коммандора въ послѣднее время состояла только въ томъ, что онъ всякій разъ восклицалъ: „Bien joué, mal réussi!“ когда Иванъ Матвѣичъ, играя съ г. Ратчемъ на билліардѣ, давалъ промахъ или не попадалъ въ лузу; да еще, когда Иванъ Матвѣичъ обращался къ нему за столомъ съ вопросомъ въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: „N'est-ce pas, M. le Commandeur, c'est Montesquieu, qui a dit cela dans ses lettres persanes?“ тотъ иногда, уронивъ ложку супу на свою манишку, глубокомысленно отвѣчалъ: „Ah, monsieur de Montesquieu? Un grand écrivain, monsieur, un grand écrivain!“ Только однажды, когда Иванъ Матвѣичъ сказалъ ему что les théophilantropes ont eu pourtant du bon!—старикъ взволнованнымъ голосомъ воскликнулъ: „Monsieur de Kolontouskoi! (онъ въ двадцать пять лѣтъ не выучился выговаривать правильно имя своего патрона) Monsieur de Kolontouskoi! Leur fondateur, l'instigateur de cette secte, ce La Reveillère Lepeaux, était un bonnet rouge!“—„Non, non, говорилъ Иванъ Матвѣичъ, ухмыляясь и переминая щепотку табаку:—des fleurs, des jeunes vierges, le culte de la Nature.... ils ont eu du bon, ils ont du bon!...“ Я всегда удивлялась какъ много зналъ Иванъ Матвѣичъ и какъ безполезно было это знаніе для него самого.

„Иванъ Матвѣичъ видимо опускался, но все еще крѣпился. Однажды, недѣли за три до смерти, съ нимъ тотчасъ послѣ обѣда сдѣлался сильный припадокъ головокруженія. Онъ задумался, сказалъ: „c'est la fin“ и, придя въ себя и отдохнувъ, написалъ письмо въ Петербургъ къ своему единственному наслѣднику, брату, съ которымъ лѣтъ двадцать не имѣлъ сношеній. Прослышавъ о нездоровьи Ивана Матвѣича, его посѣтилъ одинъ сосѣдъ, Нѣмецъ, католикъ, нѣкогда знаменитый врачъ, жившій на покоѣ въ своей деревенькѣ. Онъ весьма рѣдко бывалъ у Ивана Матвѣича, но тотъ всегда принималъ его съ особеннымъ вниманіемъ и вообще очень уважалъ его. Чуть ли не его одного во всемъ свѣтѣ и уважалъ онъ. Старикъ посовѣтовалъ Ивану Матвѣичу послать за священникомъ, но Иванъ Матвѣичъ отвѣчалъ, что „ces messieurs et moi, nous n'avons rien à nous dire“, и попросилъ перемѣнить разговоръ, а по отъѣздѣ сосѣда, отдалъ приказъ камердинеру впредь уже никого не принимать. Потомъ онъ велѣлъ позвать меня. Я испугалась, когда увидала его: синія пятна выступили у него подъ глазами, лицо вытянулось и одеревенѣло, челюсть повисла. „Vous voilà grande, Suzon, заговорилъ онъ, съ трудомъ

выговаривая согласныя буквы, но все еще стараясь улыбнуться (мнѣ тогда уже пошелъ девятнадцатый годъ),— „vous allez peut-être bientot rester seule. Soyez toujuors sage et vertueuse. C'est la dernière recommandation d'un..." Онъ кашлянулъ... „d'un vieillard qui vous veut du bien. Je vous ai recommandé à mon frère et je ne doute pas qu'il ne respecte mes volontés...." Онъ опять кашлянулъ и заботливо пощупалъ себѣ грудь. „Du reste, j'espère encore pouvoir faire quelque chose pour vous.... dans mon testament." Эта послѣдняя фраза меня какъ ножомъ рѣзанула по сердцу. Ахъ, это уже было слишкомъ.... слишкомъ презрительно и обидно! Иванъ Матвѣичъ, вѣроятно, приписалъ другому чувству — чувству горести или благодарности, то что̀ выразилось у меня на лицѣ, и какъ бы желая меня утѣшить, потрепалъ меня по плечу, въ то же время, по обыкновенію, ласково меня отодвигая, и промолвилъ: „Voyons, mon enfant, du courage! Nous sommes tous mortels. Et puis, il n'y a pas encore de danger. Ce n'est qu'une précaution que j'ai cru devoir prendre.... Allez!" Какъ въ тотъ разъ, когда онъ позвалъ меня къ себѣ послѣ кончины матушки, я опять хотѣла закричать ему: „Да вѣдь я ваша дочь! Я дочь ваша!" Но, подумала я, вѣдь онъ, пожалуй, въ этихъ словахъ, въ этомъ сердечномъ воплѣ услышитъ одно желаніе заявить мои права, права на его наслѣдство, на его деньги.... О, ни за что̀! Не скажу я ничего этому человѣку, который ни разу не упомянулъ при мнѣ имени моей матери, въ глазахъ котораго я такъ мало значу, что онъ даже не далъ себѣ труда узнать, извѣстно ли мнѣ мое происхожденіе! А можетъ-быть, онъ это и подозрѣвалъ, и зналъ, да не хотѣлъ „поднимать струшню" (его любимая поговорка, единственная русская фраза, которую онъ употреблялъ), не хотѣлъ лишить себя хорошей лектрисы съ молодымъ голосомъ! Нѣтъ! нѣтъ! Пускай же онъ останется столь же виноватымъ предъ своею дочерью, какъ былъ онъ виноватъ предъ ея матерью! Пускай унесетъ въ могилу обѣ эти вины! Клянусь, клянусь: не услышитъ онъ изъ устъ моихъ этого слова, которое должно же звучать чѣмъ-то священнымъ и сладостнымъ во всякихъ ушахъ! Не скажу я ему: отецъ! не прощу ему за мать и за себя! Онъ не нуждается въ этомъ прощеніи, ни въ томъ названіи.... Не можетъ быть, не можетъ быть, чтобъ онъ не нуждался въ немъ! Но не будетъ ему прощенія, не будетъ, не будетъ!

„Богъ знаетъ, сдержала ли бы я свою клятву, и не смягчилось ли бы мое сердце, не превозмогла ли бы я своей робости, своего стыда, своей гордости.... но съ Иваномъ Матвѣичемъ случилось то же самое, что̀ съ моей матушкой. Смерть также внезапно унесла его и также ночью. Тотъ же г. Ратчъ разбудилъ меня и вмѣстѣ со мной побѣжалъ въ господскій домъ, въ спальню Ивана Матвѣича.... Но я не застала даже тѣхъ послѣднихъ предсмертныхъ движеній, которыя такими неизгладимыми чертами залегли мнѣ въ память у постели моей матушки. На обшитыхъ кружевомъ подушкахъ лежала какая-то сухая, темнаго цвѣта кукла съ острымъ носомъ и взъерошенными сѣдыми бровями.... Я закричала отъ ужаса, отъ отвращенья, бросилась вонъ, наткнулась въ дверяхъ на бородатыхъ людей въ армякахъ съ праздничными красными кушаками, и уже не помню какъ очутилась на свѣжемъ воздухѣ....

„Разказывали потомъ, что когда камердинеръ вбѣжалъ въ спальню на сильный звонъ колокольчика, онъ нашелъ Ивана Матвѣича не на кровати, а въ двухъ шагахъ отъ нея. И будто онъ сидѣлъ на полу скорчившись и два раза сряду повторилъ: „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“ И будто это были его послѣднія слова. Но я не могу этому вѣрить. Съ какой стати онъ заговорилъ бы по-русски, въ такую минуту и въ такихъ выраженіяхъ!

„Цѣлыя двѣ недѣли ждали мы потомъ пріѣзда новаго барина, Семена Матвѣича Колтовскаго. Онъ прислалъ приказаніе ничего не трогать, никого не смѣнять до личнаго своего осмотра. Всѣ двери, всѣ мебели, ящики, столы—все заперли, запечатали. Всѣ люди пріуныли и насторожились. Я стала вдругъ однимъ изъ главныхъ лицъ въ домѣ, чуть не самымъ главнымъ лицомъ. Меня и прежде звали барышней; но теперь это слово приняло какой-то новый смыслъ, произносилось съ особеннымъ удареніемъ. Поднялось шушуканіе. „Старый, молъ, баринъ скончался внезапно, и священника позвать къ нему не успѣли, онъ же у исповѣди давнымъ-давно не бывалъ; да вѣдь завѣщаніе написать не долго.“ Г. Ратчъ также почелъ за нужное измѣнить свой образъ дѣйствія. Онъ не прикинулся добродушнымъ и ласковымъ: онъ зналъ, что не обманетъ меня, но на лицѣ его изобразилось угрюмое смиреніе. „Видишь, дескать, я покаряюсь.“ Всѣ искали во мнѣ; старались мнѣ угождать.... а я не знала что̀ дѣлать и какъ быть, и только дивилась, какъ это люди не понимаютъ, что оскорбляютъ меня. Наконецъ пріѣхалъ Семенъ Матвѣичъ.

„Семенъ Матвѣичъ былъ годами десятью моложе Ивана Матвѣича и весь свой вѣкъ шелъ по совершенно другой дорогѣ. Онъ состоялъ на службѣ въ Петербургѣ, занималъ важное мѣсто.... Онъ былъ женатъ, рано овдовѣлъ: одинъ сынъ былъ у него. Съ лица Семенъ Матвѣичъ походилъ на своего старшаго брата, только ростомъ онъ былъ ниже и толще, голову имѣлъ круглую, лысую, такіе же свѣтлые черные глаза какъ у Ивана Матвѣича, только съ поволокой, и большія красныя губы. Въ противность брату, котораго онъ даже послѣ его смерти величалъ французскимъ философомъ, а иногда просто чудакомъ, Семенъ Матвѣичъ почти постоянно говорилъ по-русски, громко, рѣчисто, и то и дѣло хохоталъ, причемъ совершенно закрывалъ глаза и непріятно трясся всѣмъ тѣломъ, точно злость его колотила. Онъ принялся за дѣла очень круто, во все входилъ самъ, ото всѣхъ требовалъ отчета подробнѣйшаго. Въ первый же день своего пріѣзда онъ пригласилъ священника со всѣмъ причтомъ, велѣлъ отслужить молебенъ съ водосвятіемъ и всюду окропить водою, всѣ комнаты въ домѣ, даже чердаки, даже подвалы, для того чтобы, какъ онъ выразился, „радикально выгнать вольтеріанскій и якобинскій духъ“. Въ первую же недѣлю нѣкоторые любимцы Ивана Матвѣича слетѣли съ мѣстъ, одинъ даже попалъ на поселеніе, другіе подверглись тѣлеснымъ наказаніямъ; самый даже старый камердинеръ,—онъ былъ родомъ Турокъ, зналъ французскій языкъ, его подарилъ Ивану Матвѣичу покойный фельдмаршалъ Каменскій, — самый этотъ каммердинеръ получилъ, правда, вольную, но вмѣстѣ съ нею и приказаніе выѣхать въ двадцать четыре часа, „чтобы другимъ соблазна не было“. Семенъ Матвѣичъ оказался бариномъ строгимъ; вѣроятно, многіе пожалѣли о покойникѣ. „Съ батюшкой, съ Иваномъ Матвѣичемъ,“ сокрушался при мнѣ одинъ уже совсѣмъ дряхлый дворецкій: „только и было намъ заботы, чтобы бѣлье подавалось чистое, да въ комнатахъ чтобы хорошо пахло, да чтобъ людскаго голоса въ передней не было слышно—это уже сохрани Богъ! А тамъ хоть трава не расти! Мухи въ жизнь свою покойничекъ не обидѣлъ! Ну, теперь бѣда! Помирать надо!“ Такъ же скоро измѣнилось и мое положеніе, то-есть то положеніе, въ которое я попала на нѣсколько дней и противъ воли.... Въ бумагахъ Ивана Матвѣича не нашлось никакого завѣщанія, ни одной строки, написанной въ мою пользу. Всѣ вдругъ отхлынули отъ меня.... О г. Ратчѣ я уже не говорю, но и другіе всѣ досадовали на меня и старались мнѣ выказать свою досаду:

точно я ихъ обманула. Въ одно воскресенiе, послѣ обѣдни, которую онъ постоянно прослушивалъ въ алтарѣ, Семенъ Матвѣичъ потребовалъ меня къ себѣ. Я его до того дня видѣла мелькомъ, и онъ, казалось, меня не замѣчалъ. Онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, стоя у окна. На немъ былъ вицъ-мундирный фракъ съ двумя звѣздами. Я остановилась возлѣ двери, сердце сильно стучало во мнѣ отъ страха и отъ другаго чувства, еще неопредѣленнаго, но уже тяжелаго. „Я желалъ васъ видѣть, молодая дѣвица," заговорилъ Семенъ Матвѣичъ, взглянувъ мнѣ сперва на ноги, а потомъ вдругъ въ лицо,—этотъ взглядъ точно толкнулъ меня:—„я желалъ васъ видѣть для того чтобъ объявить вамъ мое рѣшенiе и увѣрить васъ въ моемъ несомнительномъ расположенiи быть вамъ полезнымъ." Онъ возвысилъ голосъ. „Правъ вы никакихъ, конечно, не имѣете, но какъ.... лектриса моего брата, вы всегда можете разчитывать на мое.... на мое вниманiе. Я.... конечно, увѣренъ въ вашемъ благоразумiи и въ вашихъ правилахъ. Г. Ратчъ, вашъ вотчимъ, уже получилъ отъ меня нужныя инструкцiи. Къ тому же я долженъ сказать, что ваша счастливая наружность служитъ мнѣ залогомъ вашихъ благородныхъ чувствъ." Семенъ Матвѣичъ вдругъ залился тонкимъ хохотомъ, а я.... не обидѣлась я.... но жалко мнѣ стало самой себя, и тутъ-то я вполнѣ почувствовала себя круглою сиротой. Семенъ Матвѣичъ подошелъ короткими, твердыми шагами къ столу, досталъ изъ ящика пачку ассигнацiй, и всунувъ мнѣ ее въ руку, прибавилъ: „Здѣсь небольшая сумма отъ меня вамъ на иголки. Я и впредь васъ не забуду, моя миленькая, а теперь прощайте и будьте умницей." Я взяла эту пачку машинально, я взяла бы все что бы онъ мнѣ ни далъ, и вернувшись къ себѣ въ комнату, долго проплакала, сидя на своей постели. Я и не замѣтила, какъ я пачку уронила на полъ. Г. Ратчъ нашелъ ее и поднялъ, и спросивъ меня что я съ нею намѣрена сдѣлать, оставилъ ее у себя.

„Въ судьбѣ его произошла тогда значительная перемѣна. Послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ съ Семеномъ Матвѣичемъ, онъ попалъ къ нему въ большую милость и скоро получилъ мѣсто главнаго управляющаго. Съ того времени проявилась въ немъ веселость, проявилось это вѣчное хохотанiе: онъ сперва хотѣлъ подладиться къ своему патрону.... въ послѣдствiи все это вошло въ привычку. Съ того же времени онъ сталъ русскимъ патрiотомъ. Семенъ Матвѣичъ придерживался всего национальнаго, самъ называлъ себя Русакомъ, смѣялся надъ

нѣмецкой одеждой, которую однако носилъ; сослалъ въ дальнюю деревню повара, за воспитаніе котораго Иванъ Матвѣичъ заплатилъ большія деньги,—сослалъ его за то, что тотъ не сумѣлъ приготовить разсольника съ гусиными шейками. Изъ алтаря Семенъ Матвѣичъ подтягивалъ дьячкамъ, а когда дѣвушекъ сгоняли хороводъ водить и пѣсни играть, онъ и имъ подтягивалъ, и подтопывалъ, и щеки имъ щипалъ... Впрочемъ, онъ скоро уѣхалъ въ Петербургъ и оставилъ моего вотчима чуть не полнымъ властелиномъ всего имѣнія.

„Горькіе дни начались для меня...Единственнымъ моимъ утѣшеніемъ была музыка, и я предалась ей всею душой. Къ счастію, г. Ратчъ былъ очень занятъ, но при всякомъ удобномъ случаѣ онъ давалъ мнѣ чувствовать свою вражду; по обѣщанію, „не забывалъ“ мнѣ моего отказа. Онъ помыкалъ мною, заставлялъ меня переписывать свои длинныя и лживыя донесенія Семену Матвѣичу, поправлять въ нихъ орѳографическія ошибки: я принуждена была безпрекословно ему повиноваться, и я повиновалась. Онъ объявилъ что смиритъ меня, сдѣлаетъ меня шелковою. „Что̀ это у васъ за бунтовщицкіе глаза?“ кричалъ онъ иногда за обѣдомъ, напившись пива и стуча по столу ладонью: „Вы, можетъ-быть, думаете: я, дескать, молчалива какъ овечка, стало-быть я права.... Нѣтъ! Вы извольте глядѣть на меня тоже какъ овечка!“ Положеніе мое становилось возмутительно, невыносимо.... сердце мое ожесточалось. Что-то опасное стало все чаще и чаще подниматься въ немъ; ночи я проводила безъ сна и безъ огня, все думала, думала, и въ наружномъ мракѣ, въ темнотѣ внутренней созрѣвало страшное рѣшеніе. Пріѣздъ Семена Матвѣича далъ другое направленіе моимъ мыслямъ.

„Его никто не ожидалъ: осень уже давно наступила. Оказалось, что онъ вышелъ въ отставку по непріятности: онъ надѣялся получить Александровскую ленту — а ему дали табатерку. Недовольный правительствомъ, которое не оцѣнило его талантовъ, петербургскимъ обществомъ, которое выказало ему мало сочувствія и не раздѣляло его негодованія, онъ рѣшился поселиться въ деревнѣ, посвятить себя хозяйству. Онъ пріѣхалъ одинъ. Сынъ его, Михаилъ Семенычъ, пріѣхалъ позже, на праздники, къ Новому году. Мой вотчимъ почти не выходилъ изъ кабинета Семена Матвѣича: фаворъ его еще усилился. Меня онъ оставилъ въ покоѣ; не до меня ему было тогда.... Семену Матвѣичу вздумалось затѣять бумажную

фабрику. Въ мануфактурномъ дѣлѣ г. Ратчъ не смыслилъ ничего, и Семенъ Матвѣичъ зналъ что онъ ничего не смыслитъ; но за то мой вотчимъ былъ „исполнитель“ (любимое тогдашнее слово!), „Аракчеевъ!“ Семенъ Матвѣичъ именно такъ и называлъ его: „Мой Аракчеевъ!“ „Сего мнѣ достаточно“, увѣрялъ Семенъ Матвѣичъ; „при усердіи, направле„ніе я самъ дамъ“. Среди многочисленныхъ хлопотъ по фабрикѣ, по имѣнію, по заведенію канцеляріи, канцелярскихъ порядковъ, новыхъ званій и должностей, Семенъ Матвѣичъ успѣлъ однако обратить и на меня вниманіе. Меня позвали однажды вечеромъ въ гостиную и заставили играть на фортепіано: Семенъ Матвѣичъ музыку любилъ еще меньше чѣмъ покойникъ, однако ободрилъ и поблагодарилъ меня; а на другой день я была приглашена къ обѣденному столу. Послѣ обѣда Семенъ Матвѣичъ довольно долго со мной разговаривалъ, разспрашивалъ меня, смѣялся инымъ моимъ отвѣтамъ, хотя, помнится, ничего въ нихъ не было забавнаго, и такъ странно на меня посматривалъ.... Мнѣ неловко становилось. Не любила я его глазъ; не любила ихъ откровеннаго выраженья, ихъ свѣтлаго взора.... Мнѣ всегда казалось, что самая эта откровенность скрывала что-то нехорошее, что подъ этимъ свѣтлымъ блескомъ темно тамъ у него на душѣ. „Вы у меня лектрисой не будете“, объявилъ мнѣ наконецъ Семенъ Матвѣичъ, какъ-то гадливо охорашиваясь и одергиваясь: „я, сла„ва Богу, еще не ослѣпъ и читать могу самъ, но кофей мнѣ „изъ вашихъ ручекъ покажется вкуснѣе, и вашу игру на фор„тепіано я буду слушать съ удовольствіемъ.“ Послѣ этого дня я уже постоянно ходила обѣдать въ господскій домъ и оставалась въ гостиной иногда до вечера. Попала и я, такъ же какъ мой вотчимъ, въ милость; не на радость была мнѣ она. Семенъ Матвѣичъ, я должна въ этомъ признаться, оказывалъ мнѣ нѣкоторое уваженіе; но въ этомъ человѣкѣ, я это чувствовала, было что-то такое, что̀ отталкивало, что̀ пугало меня. И это „что-то“ высказывалось не словами, а въ глазахъ его, въ этихъ нехорошихъ глазахъ, да еще въ его хохотѣ. Онъ никогда не говорилъ со мною о моемъ отцѣ, о своемъ братѣ, и мнѣ казалось, что онъ избѣгалъ этого разговора не потому, что не желалъ возбуждать во мнѣ честолюбивыхъ мыслей или притязаній, а по другой причинѣ, въ которую я тогда не умѣла вдуматься, но которая заставляла меня недоумѣвать и краснѣть.... Къ святкамъ пріѣхалъ его сынъ, Михаилъ Семенычъ.

„Ахъ, я чувствую, я не могу продолжать такъ же какъ начала; слишкомъ горестны эти воспоминанія. Особенно теперь мнѣ невозможно спокойно разказывать.... И къ чему скрываться? Я полюбила Мителя, и онъ меня полюбилъ.

„Какъ это случилось, я тоже разказывать не стану. Знаю, что съ самаго того вечера, когда онъ вошелъ въ гостиную (я сидѣла за фортепіано и играла сонату Вебера), когда онъ вошелъ, красивый и стройный, въ бархатномъ тулупчикѣ и валенкахъ, какъ былъ, прямо съ мороза, и встряхнувъ заиндевѣвшею собольею шапкой, прежде чѣмъ поздоровался съ отцомъ, быстро глянулъ на меня и удивился. Знаю я, что съ того вечера я уже не могла забыть его, не могла забыть это молодое, доброе лицо. Онъ заговорилъ.... и голосъ его такъ и прильнулъ къ моему сердцу.... Мужественный и тихій голосъ, и въ каждомъ звукѣ такая честная, честная душа! Семенъ Матвѣичъ обрадовался пріѣзду сына, обнялъ его, но тотчасъ же спросилъ: „На двѣ недѣли? а? Въ отпускъ? а?“—и услалъ меня. Я долго сидѣла у себя подъ окномъ и глядѣла на огни, забѣгавшіе въ комнатахъ господскаго дома. Я слѣдила за ними, я прислушивалась къ новымъ незнакомымъ голосамъ, меня занимала эта оживленная тревога, и что-то новое, незнакомое, свѣтлое тоже перебѣгало по моей душѣ....

„На другой же день предъ обѣдомъ я имѣла первый разговоръ съ нимъ. Онъ зашелъ къ моему вотчиму по порученію Семена Матвѣича и засталъ меня въ нашей маленькой гостиной. Я хотѣла было уйти, онъ удержалъ меня. Онъ былъ очень живъ и развязенъ во всѣхъ движеніяхъ и рѣчахъ; но высокомѣрія или дерзости, столичнаго презрительнаго тона, въ немъ и слѣда не было, и ничего военнаго, гвардейскаго.... Напротивъ, въ самой непринужденности его обращенія было что-то ласковое, почти стыдливое, точно онъ васъ просилъ извинить его. У иныхъ людей глаза никогда не смѣются, даже въ минуту смѣха; у *него* губы почти никогда не измѣняли своего краснваго склада, а глаза улыбались почти постоянно. Такъ мы пробесѣдовали съ часъ.... о чемъ, не помню; помню только, что и я все время глядѣла ему въ глаза, и такъ мнѣ было съ нимъ легко! Вечеромъ я играла на фортепіано. Онъ очень любилъ музыку, сѣлъ на кресло, и положивъ курчавую голову на руку, внимательно слушалъ. Онъ ни разу не похвалилъ меня, но я понимала, что игра моя ему нравится, и я

играла съ увлеченіемъ. Семенъ Матвѣичъ, который сидѣлъ возлѣ сына и разсматривалъ планы, вдругъ нахмурился. „Ну, сударыня“, сказалъ онъ, по обыкновенію охорашиваясь и застегиваясь:—„довольно; что это растрещались, словно канарейка? Этакъ голова заболѣть можетъ. Для нашего брата, старика, небось, такъ стараться не станете....“ прибавилъ онъ вполголоса и опять услалъ меня. Мишель проводилъ меня до двери глазами и всталъ съ кресель. „Куда? куда?“ закричалъ Семенъ Матвѣичъ и вдругъ засмѣялся, и потомъ сказалъ еще что-то.... Я не могла разслышать его словъ, но г. Ратчъ, который тутъ же присутствовалъ въ углѣ гостиной (онъ всегда „присутствовалъ“, а на этотъ разъ онъ принесъ планы), захохоталъ подобострастно, и его хохотъ достигъ до моихъ ушей.... То же, или почти то же повторилось и въ слѣдующій вечеръ.... Семенъ Матвѣичъ внезапно охладѣлъ ко мнѣ, наложилъ на меня опалу.

„Дня четыре спустя я встрѣтила Мишеля въ корридорѣ, раздѣлявшемъ надвое господскій домъ. Онъ взялъ меня за руку и ввелъ въ комнату, которая находилась возлѣ столовой и называлась портретной. Я послѣдовала за нимъ не безъ волненія, но съ полнымъ довѣріемъ. Я уже тогда, кажется, ушла бы за нимъ на край свѣта, хотя и не подозрѣвала еще чѣмъ онъ сталъ для меня. Ахъ, я привязалась къ нему со всею страстію, со всѣмъ отчаяніемъ молодаго существа, которому не только некого любить, но которое чувствуетъ себя непрошенымъ и не нужнымъ гостемъ среди чуждыхъ ему, среди враждебныхъ людей!...

„Мишель сказалъ мнѣ.... И странное дѣло! Я смѣло, прямо глядѣла на него—а онъ не глядѣлъ на меня и слегка покраснѣлъ—онъ сказалъ мнѣ, что онъ понимаетъ мое положеніе и сочувствуетъ ему, и проситъ извинить отца.... „Что же касается до меня“, прибавилъ онъ, „то прошу васъ быть всегда во мнѣ увѣренною, и знайте, что для меня вы сестра, да, сестра.“ Тутъ онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку. Я смутилась и потупилась въ свою очередь; я словно ожидала чего-то другаго, другаго слова. Однако я начала благодарить его. „Нѣтъ, пожалуста,“ перебилъ онъ меня; „не говорите такъ.... Но помните, обязанность братьевъ заступаться за своихъ сестеръ—и если вамъ нужна будетъ защита, противъ кого бы то ни было—положитесь на меня. Я недавно здѣсь, но я уже понялъ

многое.... и между прочимъ я понялъ вашего вотчима.“ Онъ опять стиснулъ мою руку и удалился.

„Я узнала въ послѣдствіи, что Мишель съ самой первой встрѣчи почувствовалъ отвращеніе къ г-ну Ратчу. Г. Ратчъ попытался подольщаться и къ нему; но убѣдившись въ безполезности своихъ усилій, тотчасъ самъ сталъ къ нему въ отношенія враждебныя и не только не скрылъ ихъ отъ Семена Матвѣича, но напротивъ старался ихъ выказать, причемъ выражалъ сожалѣніе о томъ, что ему не посчастливилось съ молодымъ наслѣдникомъ. Г. Ратчъ хорошо изучилъ характеръ Семена Матвѣича: разчетъ его удался. „Преданность этого человѣка ко мнѣ уже потому не подлежитъ сомнѣнію, что послѣ меня онъ погибъ: мой наслѣдникъ его терпѣть не можетъ....“ Эта мысль утвердилась въ головѣ старика. Говорятъ, всѣ люди со властью, когда старѣютъ, охотно идутъ на эту удочку, на удочку исключительной, личной преданности....

„Не даромъ же Семенъ Матвѣичъ называлъ г. Ратча своимъ Аракчеевымъ.... Онъ могъ бы дать ему другое имя. „Ты у меня безотвѣтный“, говаривалъ онъ ему. Онъ съ самаго пріѣзда началъ его „тыкать“, и вотчимъ мой умильно глядѣлъ Семену Матвѣичу въ губы, сиротливо склонялъ голову на бокъ и добродушно смѣялся, какъ бы желая сказать: „Весь тутъ, весь вашъ....“ Ахъ, я чувствую, рука моя дрожитъ, и сердце такъ и толкается въ край стола, на которомъ я пишу въ эту минуту... Страшно мнѣ вспоминать тѣ дни, и кровь моя загарается.... Но я скажу все до конца.... до конца.

„Обращеніе г. Ратча со мною приняло новый оттѣнокъ во время моего кратковременнаго фавора. Онъ началъ ко мнѣ прислуживаться, почтительно фамиліарничать со мною, точно я и поумнѣла-то, и ближе къ нему стала. „Бросили ломаться“, сказалъ онъ мнѣ однажды, возвращаясь изъ главнаго дома во флигель: „Хвалю! Всѣ эти добродѣтели тамъ, чувствительности—хрестоматія однимъ словомъ—не наше дѣло, барышня, не дѣло голышей!“ Когда же мой фаворъ прекратился, и Мишель не счелъ нужнымъ болѣе таить ни презрѣнія къ нему, ни участія ко мнѣ, г. Ратчъ внезапно усугубилъ свою суровость; онъ постоянно слѣдилъ за мною, точно я была способна на всѣ преступленія и меня слѣдовало держать въ ежовыхъ рукавицахъ. „Вы смотрите у меня“, кричалъ онъ, вваливаясь безъ спросу, въ грязныхъ сапогахъ и съ картузомъ

на голову, въ мою комнату. „Я вѣдь ничего такого не потерплю! Носу у меня не вздергивать! Меня вамъ не провести, а спѣсь я вашу сшибу!“ И тутъ же въ одно утро объявилъ мнѣ, что вышелъ отъ Семена Матвѣича приказъ, чтобы мнѣ впередъ безъ приглашенія къ обѣденному столу не являться... Не знаю, какой бы оборотъ все это приняло, еслибы не случилось происшествіе, которое окончательно рѣшило мою судьбу...

„Мишель былъ большой охотникъ до лошадей. Онъ вздумалъ самъ объѣзжать молодаго рысака. Тотъ понесъ, началъ бить и выбросилъ его изъ саней.... Его принесли домой безъ чувствъ, съ вывихнутою рукой и разбитою грудью. Старикъ перепугался, выписалъ лучшихъ докторовъ изъ города. Они помогли Мишелю; но ему пришлось пролежать съ мѣсяцъ. Въ карты онъ не игралъ, говорить ему доктора запрещали, читать, держа книгу все одною рукой, было неловко. Кончилось тѣмъ, что самъ Семенъ Матвѣичъ послалъ меня къ сыну, по старой памяти, въ качествѣ лектрисы. Тутъ настали незабвенные часы! Я входила къ Мишелю тотчасъ послѣ обѣда и садилась за круглымъ столикомъ, у полузавѣшеннаго окна. Онъ лежалъ въ небольшой комнатѣ, возлѣ гостиной, у задней стѣны, на широкомъ кожаномъ диванѣ во вкусѣ Имперіи, съ золотымъ барельефомъ на высокой, прямой спинкѣ; барельефъ этотъ представлялъ свадебную процессію у древнихъ. Блѣдная, слегка завалившаяся голова Мишеля тотчасъ поворачивалась на подушкѣ и обращалась ко мнѣ; онъ улыбался, свѣтлѣлъ всѣмъ лицомъ, откидывалъ назадъ свои мягкіе, влажные волосы и говорилъ мнѣ тихимъ голосомъ: „Здравствуйте, моя добрая, моя милая.“ Я принималась за книгу,— романы Вальтеръ-Скотта были тогда въ славѣ,—особенно мнѣ осталось памятнымъ чтеніе *Айвенго*.... Какъ голосъ мой невольно звенѣлъ и трепеталъ, когда я передавала рѣчи Ревекки! Вѣдь и во мнѣ текла еврейская кровь, и не походила ли моя судьба на ея судьбу, не ухаживала ли я, какъ она, за больнымъ, милымъ человѣкомъ? Всякій разъ, когда я отрывала глаза отъ страницъ книги и поднимала ихъ на него, я встрѣчала его глаза съ тою же тихою и свѣтлою улыбкой всего лица. Говорили мы очень мало: дверь въ гостиную была постоянно отворена, и кто-нибудь всегда сидѣлъ тамъ; но когда тамъ затихало, я, сама не знаю почему, переставала читать, и опускала книгу на колѣни, и неподвижно глядѣла на Мишеля, и онъ глядѣлъ на меня, и хорошо намъ было обоимъ,

и какъ-то радостно и стыдно, и все, все высказывали мы другъ другу тогда, безъ движеній и безъ словъ. Ахъ! наши сердца сходились, шли навстрѣчу другъ другу, какъ сливаются подземные ключи, невидимо, неслышно.... и неотразимо.

„— Вы умѣете играть въ шахматы или въ шашки? спросилъ меня онъ однажды.

„— Въ шахматы немного умѣю, отвѣчала я.

„— Ну, и прекрасно. Велите принести доску и придвиньте столикъ.

„Я усѣлась возлѣ дивана, а сердце такъ и замирало, и не смѣла я взглянуть на Мишеля.... А отъ окна, черезо всю комнату, какъ свободно я глядѣла на него!

„Я стала разставлять шашки.... Пальцы мои дрожали.

„— Я это.... не для того чтобъ играть съ вами.... промолвилъ вполголоса Мишель, тоже разставляя шашки, — а чтобы вы были ближе ко мнѣ.

„Я ничего не отвѣтила, и не спрося кому начать, ступила пѣшкой.... Мишель не отвѣчалъ на мой ходъ.... Я посмотрѣла на него. Слегка вытянувъ голову, весь блѣдный, онъ умоляющимъ взоромъ указывалъ мнѣ на мою руку....

„Поняла ли я его—не помню, но что-то мгновенно вихремъ закружилось у меня въ головѣ.... Въ замѣшательствѣ, едва дыша, я взяла ферзь, двинула ею куда-то черезо всю шашечницу. Мишель быстро наклонился, и поймавъ губами и прижавъ мои пальцы къ доскѣ, началъ цѣловать ихъ безмолвно и жадно.... Я не могла, я не хотѣла принять ихъ, я другою рукой закрыла лицо, и слезы, какъ теперь помню, холодныя, но блаженныя.... о, какія блаженныя слезы!... закапали на столикъ одна за одною. Ахъ, я знала, я всѣмъ сердцемъ почувствовала тогда, въ чьей власти была моя рука!... Я знала, что ее держалъ не мальчикъ, увлеченный мгновеннымъ порывомъ, не Донъ-Жуанъ, не военный Ловеласъ, а благороднѣйшій, лучшій изъ людей.... и онъ любилъ меня!

„— О, моя Сусанна! послышался мнѣ шепотъ Мишеля:—я никогда не заставлю тебя плакать другими слезами....

„Онъ ошибся.... Онъ заставилъ.

„Но къ чему останавливаться на такихъ воспоминаніяхъ... особенно, особенно теперь!

„Мы съ Мишелемъ поклялись принадлежать другъ другу. Онъ зналъ, что Семенъ Матвѣичъ никогда не позволитъ ему

женится на мнѣ и не скрылъ этого отъ меня. Я сама въ этомъ не сомнѣвалась, и я радовалась не тому что Мишель не лукавилъ, онъ *не могъ* лукавить, а тому что онъ не старался себя обманывать. Сама я ничего не требовала и пошла бы за нимъ, какъ и куда бы онъ захотѣлъ. „Ты будешь моею женой," повторялъ онъ мнѣ, „я не Айвенго; я знаю, что не съ леди Ровеной счастье." Мишель скоро выздоровѣлъ. Я не могла больше ходить къ нему; но все уже было рѣшено между нами. Я уже вся отдалась будущему; я ничего не видѣла вокругъ, точно я плыла по прекрасной, ровной, но стремительной рѣкѣ, окруженная туманомъ. А за нами наблюдали, насъ сторожили. Изрѣдка я замѣчала злые глаза моего вотчима, слышала его гадкій смѣхъ.... Но смѣхъ этотъ и глаза тоже какъ будто выступали изъ тумана, на одинъ мигъ.... Я содрогалась, но тотчасъ забывала и опять отдавалась той прекрасной, быстрой рѣкѣ....

„Наканунѣ условленнаго между нами отъѣзда Мишеля (онъ долженъ былъ тайно вернуться съ дороги и увезти меня), я получила отъ него чрезъ его довѣреннаго камердинера записку, въ которой онъ назначилъ мнѣ свиданіе, въ половинѣ десятаго часа ночи, въ лѣтней бильярдной, большой, низкой комнатѣ, пристроенной къ главному дому со стороны сада. Онъ писалъ мнѣ, что желаетъ окончательно переговорить и условиться со мной. Я уже два раза видѣлась съ Мишелемъ въ бильярдной.... у меня былъ ключъ отъ наружной двери. Какъ только пробило половина десятаго, я накинула душегрѣйку на плечи, тихонько вышла изъ флигеля и по скрыпучему снѣгу благополучно добралась до бильярдной. Луна, задернутая паромъ, стояла тусклымъ пятномъ надъ самымъ гребнемъ крыши, и вѣтеръ свисталъ пискливымъ свистомъ изъза угла стѣны. Дрожь пробѣжала по мнѣ, однако я вложила ключъ въ замокъ. Я вошла въ комнату, притворила за собой дверь, обернулась.... Темная фигура отдѣлилась отъ одного изъ простѣнковъ, ступила раза два, остановилась....

„— Мишель, прошептала я.

„— Мишель по моему приказанію запертъ подъ замокъ, а это я! отвѣчалъ мнѣ голосъ, отъ котораго сердце у меня такъ и оборвалось....

„Предо мной стоялъ Семенъ Матвѣичъ!

„Я бросилась было бѣжать, но онъ схватилъ меня за руку.

„— Куда? дрянная дѣвчонка! прошипѣлъ онъ.—Умѣешь къ

молодымъ дуракамъ на свиданье ходить, такъ умѣй и отвѣтъ держать!

„Я помертвѣла отъ ужаса, но все порывалась къ двери.... Напрасно! Какъ желѣзные крючья впились въ меня пальцы Семена Матвѣича.

„— Пустите, пустите меня, взмолилась я наконецъ.

„— Говорятъ вамъ, ни съ мѣста!

„Семенъ Матвѣичъ заставилъ меня сѣсть. Въ полутьмѣ я не могла разглядѣть его лица, я же отворачивалась отъ него, но я слышала, что онъ тяжело дышалъ и скрипѣлъ зубами. Не страхъ чувствовала я и не отчаяніе, а какое-то безсмысленное удивленіе.... Пойманная птица, должно-быть, такъ замираетъ въ когтяхъ коршуна.... да и рука Семена Матвѣича, который все такъ же крѣпко держалъ меня, стискивала меня какъ лапа....

„— Ага! повторялъ онъ: — ага! Вотъ какъ.... вотъ до чего.... Ну, постой же!

„Я попыталась подняться, но онъ съ такою силой встряхнулъ меня, что я чуть не вскрикнула отъ боли, и бранныя слова, оскорбленія, угрозы полились потокомъ....

„— Митель, Митель, гдѣ ты, спаси меня, простонала я.

„Семенъ Матвѣичъ еще разъ встряхнулъ меня.... Этотъ разъ я не выдержала.... я вскрикнула.

„Это, повидимому, подѣйствовало на него. Онъ утихъ немного, выпустилъ мою руку, но остался гдѣ былъ, въ двухъ шагахъ отъ меня, между мною и дверью.

„Прошло нѣсколько минутъ.... Я не шевелилась; онъ тяжело дышалъ по-прежнему.

„— Сидите смирно, началъ онъ наконецъ,—и отвѣчайте мнѣ. Докажите мнѣ, что ваша нравственность еще не совсѣмъ испорчена, и что вы въ состояніи внять гласу разсудка. Увлеченіе я еще извинить могу; но упорство закоренѣлое—никогда! Мой сынъ....—Тутъ онъ перевелъ дыханіе.—Михайло Семенычъ обѣщалъ вамъ жениться на васъ? Не правда ли? Отвѣчайте же! Обѣщалъ? а?

„Я, разумѣется, ничего не отвѣчала.

„Семенъ Матвѣичъ чуть было не вспылилъ опять.

„— Я принимаю ваше молчаніе за знакъ согласія, продолжалъ онъ, погодя немного. — Итакъ вы задумали быть моею невѣсткой? Прекрасно! Но не говоря уже о томъ что вы не четырнадцатилѣтній ребенокъ и должны же знать, что всѣ

молодые балбесы не скупятся на самыя нелѣпыя обѣщанья лишь бы добиться своихъ цѣлей, не говоря объ этомъ... но неужели же вы могли надѣяться, что я, я, столбовой дворянинъ, Семенъ Матвѣевичъ Колтовской, когда-нибудь дамъ мое согласіе на подобный бракъ! Или вы хотѣли обойтись безъ родительскаго благословенія? Хотѣли бѣжать, обвѣнчаться тайно, а потомъ вернуться, комедію разыграть, броситься въ ноги,; въ надеждѣ что старикъ, молъ, разчувствуется.... Да отвѣчайте же, чортъ возьми!

„Я только голову наклонила. Убить меня онъ могъ, но заставить говорить.... это было не въ его силахъ.

„Онъ немного прошелся взадъ и впередъ.

„— Ну, послушайте, началъ онъ болѣе спокойнымъ голосомъ. — Вы не думайте.... не воображайте.... я вижу, съ вами надо толковать иначе. Послушайте: я понимаю ваше положеніе. Вы запуганы, растеряны.... Придите въ себя. Въ эту минуту я долженъ вамъ казаться извергомъ.... тираномъ. Но войдите также и въ мое положеніе: какъ тутъ было мнѣ не вознегодовать, не сказать лишняго? Но я вамъ уже доказалъ, что я не извергъ, что и у меня есть сердце. Вспомните, какъ я обошелся съ вами послѣ пріѣзда въ деревню и потомъ, до.... до послѣдняго времени.... до болѣзни Михаила Семеныча. Я не хочу хвастаться своими благодѣяніями, но мнѣ кажется, одна благодарность должна была удержать васъ отъ того скользкаго пути, на который вы рѣшились ступить!...

„Семенъ Матвѣичъ опять прошелся взадъ и впередъ, и остановившись, потрепалъ меня слегка по рукѣ, по той самой рукѣ, которая еще ныла отъ его насилія, и на которой я долго потомъ носила синіе знаки....

„— То-то и есть.... заговорилъ онъ снова:—голова.... голова у насъ горячая! Не хотимъ мы дать себѣ трудъ подумать, отчета себѣ дать не хотимъ въ чемъ состоитъ наша польза, и гдѣ мы ее искать должны. Вы спросите у меня: гдѣ эта польза? Далеко вамъ ходить нечего.... Она, быть-можетъ, у васъ подъ руками.... Да вотъ хоть бы я. Какъ родитель, какъ глава, я, конечно, долженъ былъ взыскать.... Это моя обязанность. Но я человѣкъ въ то же время; и вы это знаете. Безспорно: я человѣкъ практическій и, конечно, никакой чепухи допустить не могу: ни съ чѣмъ несообразныя надежды надо, конечно, изъ головы выкинуть, потому какой въ нихъ толкъ?

Я ужъ не говорю о безнравственности самого поступка.... Вы это все должны понять сами, когда опомнитесь. А я, не хвастаясь скажу, я бы не ограничился тѣмъ что уже сдѣлалъ для васъ; я всегда готовъ былъ—и готовъ еще теперь, устроить, упрочить ваше благосостояніе, обезпечить васъ вполнѣ, потому что я знаю вамъ цѣну, отдаю справедливость вашимъ талантамъ, вашему уму, да и наконецъ.... (Тутъ Семенъ Матвѣичъ слегка пригнулся ко мнѣ).... У васъ такіе глазки, что, признаться.... я вотъ старикъ, а совершенно равнодушно видѣть ихъ... я понимаю... это трудно, это дѣйствительно трудно.

„Холодомъ обдало меня отъ этихъ словъ. Я ушамъ своимъ едва повѣрила. Въ первую минуту мнѣ показалось, что Семенъ Матвѣичъ хотѣлъ купить мое отреченіе отъ Мишеля, дать мнѣ „отступного....“ Но эти слова!! Мои глаза начинали привыкать къ темнотѣ, и я могла различить лицо Семена Матвѣича. Оно улыбалось, это старое лицо, а самъ онъ все расхаживалъ маленькими шагами, сѣменилъ предо мною....

„— Ну, такъ какъ же? спросилъ онъ наконецъ:—нравится вамъ мое предложеніе?

„— Предложеніе?... повторила я невольно.... я рѣшительно ничего не понимала.

„Семенъ Матвѣичъ засмѣялся.... дѣйствительно засмѣялся своимъ противнымъ, тонкимъ смѣхомъ.

„— Конечно! воскликнулъ онъ:—вы всѣ молодыя дѣвки....— онъ поправился:—дѣвицы.... дѣвицы.... вы всѣ объ одномъ только мечтаете: вамъ все молодыхъ подавай! Безъ любви вы жить не можете! Конечно. Что говорить! Молодость дѣло хорошее! Но развѣ одни молодые любить умѣютъ?... У иного старика сердце еще горячѣе, и ужъ коли старикъ кого полюбитъ, такъ ужъ это—каменная скала! Это на вѣкъ! Не то что эти безбородые лоботрясы, у которыхъ только вѣтеръ въ головахъ ходитъ! Да, да; старичками брезгать не слѣдуетъ! Они могутъ многое сдѣлать, многое! Только взяться за нихъ надо умѣючи! Да....да! И ласкать старички умѣютъ тоже, хи-хи-хи....— Семенъ Матвѣичъ опять засмѣялся. — Да вотъ, позвольте.... Вашу ручку.... для пробы.... только такъ.... для пробы....

„Я вскочила со стула и изо всей силы толкнула его въ грудь. Онъ отшатнулся, онъ издалъ какой-то дряхлый, испуганный звукъ, онъ чуть не упалъ. На человѣческомъ языкѣ нѣтъ словъ чтобы выразить, до какой степени онъ мнѣ показался гнусенъ и ничтожно низокъ. Всякое подобіе страха исчезло во мнѣ.

„— Подите прочь, презрѣнный старикъ, вырвалось у меня изъ груди,—подите прочь, г. Колтовской, столбовой дворянинъ! И во мнѣ течетъ ваша кровь, кровь Колтовскихъ, и я проклинаю тотъ день и часъ, когда она потекла по моимъ жиламъ!

„— Что?... Что ты говоришь?... Что? лепеталъ, задыхаясь, Семенъ Матвѣичъ. — Ты смѣешь.... въ ту минуту, когда я тебя засталъ.... когда ты шла къ Митькѣ.... а? а? а?

„Но я уже не могла остановиться.... Что-то безпощадно отчаянное проснулось во мнѣ.

„— И вы, вы, братъ.... братъ вашего брата, вы дерзнули, вы рѣшились.... За кого же вы приняли меня? И неужели же вы такъ слѣпы, что не могли давно замѣтить то отвращеніе, которое вы возбуждаете во мнѣ?... Вы смѣли употребить слово: предложеніе!... Выпустите меня сейчасъ, сію минуту.

„Я направлялась къ двери.

„— А, вотъ что! вотъ какъ! вотъ когда она заговорила! запищалъ Семенъ Матвѣичъ въ исступленіи злобы, но видимо не рѣшаясь подойти ко мнѣ.... — Погоди же! Господинъ Ратчъ, Иванъ Демьянычъ! пожалуйте сюда!

„Дверь билліардной, противоположная той къ которой я приближалась, раскрылась настежь, и съ зажженнымъ канделябромъ въ каждой рукѣ, появился мой вотчимъ. Освѣщенное съ двухъ сторонъ свѣчами, его круглое, красное лицо сіяло торжествомъ удовлетворенной мести, лакейскою радостью удачной услуги.... О, эти гадкіе, бѣлые глаза! когда я перестану ихъ видѣть!

„— Извольте тотчасъ взять эту дѣвушку, воскликнулъ Семенъ Матвѣичъ, обращаясь къ моему вотчиму и повелительно указывая на меня дрожащею рукой.—Извольте отвести ее къ себѣ въ домъ и запереть на ключъ, на замокъ.... чтобъ она.... пальцемъ пошевельнуть не могла, чтобы муха къ ней не проскочила! Впредь до моего приказанія! Окна забить, если нужно! Ты отвѣчаешь мнѣ за нее головой!

„Г. Ратчъ поставилъ канделябры на билліардъ, поклонился въ поясъ Семену Матвѣичу, и слегка переваливаясь и злорадно улыбаясь, направился ко мнѣ. Котъ, должно-быть, такъ подходитъ къ мыши, которой некуда спастись. Вся моя отвага тотчасъ меня покинула. Я знала, этотъ человѣкъ былъ въ состояніи.... прибить меня. Я задрожала; да; о позоръ! о стыдъ! я задрожала.

„— Ну-съ, сударыня, проговорилъ г. Ратчъ: — извольте-съ идти-съ.

„Онъ, не спѣша, взялъ меня за руку выше локтя.... Онъ понималъ, что я сопротивляться не буду. Я сама подалась впередъ къ двери; въ эту минуту я думала только объ одномъ: какъ бы поскорѣе избавиться отъ присутствія Семена Матвѣича.

„Но гадкій старикъ подскочилъ къ намъ сзади, и Ратчъ остановилъ меня и повернулъ меня лицомъ къ своему патрону.

„— А! закричалъ тотъ и потрясъ кулакомъ:—а! я братъ.... моего брата! Узы крови? а? А за брата, за двоюроднаго, выйти замужъ можно? Можно? а? Веди ее, ты! обратился онъ къ моему вотчиму.—И помни: держать ухо востро! За малѣйшее сообщеніе съ нею—казни не будетъ достойной.... Веди!

„Г. Ратчъ привелъ меня въ мою комнату. Идя по двору, онъ ничего не сказалъ мнѣ, все только смѣялся про себя, безъ звука. Онъ заперъ ставни, двери и тутъ уже, уходя окончательно и кланяясь мнѣ въ поясъ, какъ Семену Матвѣичу, прыснулъ, разразился тяжелымъ, восторженнымъ хохотомъ. „Покойной ночи царевнѣ Меликитрисѣ, удушливо простоналъ онъ.— Не поймала Митрофана-Царевича! Жаль! Мысль была въ своемъ родѣ не глупая! Впередъ наука: не заводить корреспонденцій! Хо-хо-хо! Какъ, однако, все славно обдѣлалось!“ Онъ вышелъ и вдругъ высунулъ голову изъ-за двери. „Что? Вѣдь не *забылъ* я вамъ? Ась? Слово сдержалъ? Хо-хо!“ Ключъ щелкнулъ въ замкѣ. Я вздохнула свободно. Я боялась, какъ бы онъ мнѣ руки не связалъ.... но онѣ были мои,—онѣ были свободны! Я мгновенно сдернула шелковый шнурокъ со спальнаго капота, сдѣлала петлю, приблизила ее къ шеѣ, но тотчасъ же отбросила шнурокъ въ сторону. „Не потѣшу я васъ!“ сказала я громко. „И въ самомъ дѣлѣ? Что за безуміе? Могу ли я располагать моею жизнью безъ вѣдома Мишеля, моею жизнью, которую сама ему отдала? Нѣтъ, мои злодѣи! Нѣтъ! Дѣло еще не выиграно вами! Онъ меня спасетъ, онъ вырветъ меня изъ этого ада, онъ.... мой Мишель!“

„Но тутъ я вспомнила, что онъ въ заключеніи, такъ же какъ и я,—и я бросилась лицомъ на постель, зарыдала.... зарыдала.... И только мысль что мой мучитель, быть-можетъ, стоитъ за дверью, и прислушивается, и торжествуетъ, только эта мысль заставила меня поглотить мои слезы....

„Я утомлена. Я пишу съ утра, а теперь вечеръ; оторвавшись разъ отъ этого листа бумаги, я уже не буду въ состояніи приняться снова за перо.... Скорѣй, скорѣй къ концу! Да и притомъ, останавливаться на безобразіяхъ, которыя послѣдовали за тѣмъ страшнымъ днемъ, свыше силъ моихъ!

„Меня черезъ сутки перевезли въ закрытомъ возкѣ въ отдѣльную дворовую избу, окружили мужиками караульщиками, меня держали взаперти цѣлыя шесть недѣль! Я ни минуты не была одна.... Уже въ послѣдствіи я узнала, что вотчимъ мой съ самаго пріѣзда Мишеля приставилъ и къ нему, и ко мнѣ шпіоновъ, что онъ подкупилъ слугу, который доставилъ мнѣ записку отъ Мишеля; узнала я также, что между имъ и отцомъ его произошла на слѣдующее утро ужасная, возмутительная сцена.... Отецъ его проклялъ. Мишель съ своей стороны поклялся, что ноги его не будетъ въ родительскомъ домѣ, и уѣхалъ въ Петербургъ. Но ударъ, нанесенный мнѣ моимъ вотчимомъ, отразился на немъ самомъ. Семенъ Матвѣичъ объявилъ ему, что оставаться ему въ деревнѣ, управлять имѣньемъ, болѣе невозможно: видно, неловкое усердіе не прощается, и надо же было взыскать на комъ-нибудь за происшедшій *скандалъ*. Впрочемъ, Семенъ Матвѣичъ щедро наградилъ г. Ратча; онъ далъ ему средства перебраться въ Москву и поселиться тамъ. Предъ отъѣздомъ въ Москву меня перевели обратно во флигель, но по-прежнему держали подъ строжайшимъ надзоромъ. Потеря „тепленькаго“ мѣстечка, котораго онъ лишился „по моей милости“, еще увеличила злобу моего вотчима противъ меня.

„— И кого удивить вздумали? говаривалъ онъ, чуть не фыркая отъ негодованія:—право! Старичокъ, конечно, погорячился, поспѣшилъ, ну, и попалъ въ просакъ; теперь, конечно, самолюбіе его пострадало, бѣду теперь поправить нельзя. Подождалъ бы денька два, и все бы какъ по маслу пошло; вы бы теперь не сидѣли на сухоѣденіи, и я бы остался чѣмъ былъ! То-то и есть: длиненъ у бабъ волосъ.... а умомъ коротокъ! Ну, да ладно; съ васъ я свое возьму, и тотъ голубчикъ (онъ намекалъ на Мишеля) меня не забудетъ!

„Я, разумѣется, должна была сносить въ молчаніи всѣ эти оскорбленія. И Семена Матвѣича я уже больше ни разу не видѣла. Разлука съ сыномъ потрясла и его. Почувствовалъ ли онъ раскаяніе или,—что гораздо вѣроятнѣе,—желалъ ли онъ навсегда приковать меня къ моему дому,

къ моей семьѣ—къ моей семьѣ!!—только онъ назначилъ мнѣ пенсію, которая должна была поступать въ руки моего вотчима и выдаваться мнѣ до тѣхъ поръ, пока я выйду замужъ.... Это унизительное подаяніе, эту пенсію я до сихъ поръ получаю.... то-есть, г-нъ Ратчъ получаетъ ее за меня...

„Поселились мы въ Москвѣ. Клянусь памятью моей бѣдной матери, двухъ дней, двухъ часовъ я бы не осталась съ моимъ вотчимомъ, *попавши въ городъ*.... Я бы ушла, не зная куда.... въ полицію, бросилась бы въ ноги генералъ-губернатору, сенаторамъ, я не знаю что бы я сдѣлала, еслибы, въ самую минуту отъѣзда изъ деревни, бывшей моей горничной не удалось передать мнѣ письмо отъ Мишеля. О, это письмо! Сколько разъ я перечитала каждую строку, сколько разъ покрыла его поцѣлуями! Мишель умолялъ меня не падать духомъ, надѣяться, быть увѣренною въ его неизмѣнной любви; онъ клялся, что кромѣ меня никому принадлежать не будетъ, онъ называлъ меня своей женой, онъ обѣщалъ устранить всѣ препятствія, онъ рисовалъ картину нашего будущаго, онъ просилъ меня объ одномъ: потерпѣть, подождать немного.... И я рѣшилась ждать и терпѣть. Ахъ, на что бы не согласилась я, чего бы не вынесла, чтобы только исполнить его волю! Это письмо стало моею святынею, моею путеводною звѣздой, моимъ якоремъ. Бывало, мой вотчимъ начнетъ укорять, оскорблять меня, я тихонько положу руку на грудь (я носила письмо Мишеля зашитымъ въ ладонку) и только улыбнусь. И чѣмъ больше бѣсится и бранится г-нъ Ратчъ, тѣмъ мнѣ легче становится и слаще.... Я наконецъ видѣла по его глазамъ, что онъ начиналъ думать, не схожу ли я съ ума.... Вслѣдъ за тѣмъ первымъ письмомъ пришло второе, еще болѣе радостное, еще болѣе исполненное надеждъ.... Оно говорило о близкомъ свиданіи.

„Ахъ, вмѣсто этого свиданія настало одно утро.... И вижу я, входитъ ко мнѣ г-нъ Ратчъ,—и опять торжество, злорадное торжество на его лицѣ,—и въ рукахъ его листъ *Инвалида*, и тамъ извѣстіе о смерти гвардіи ротмистра Михаила Колтовскаго.... Исключенъ изъ списковъ.

„Что могу я прибавить? Я осталась жива и продолжала жить у г-на Ратча. Онъ ненавидѣлъ меня по-прежнему, больше прежняго,—онъ слишкомъ разоблачилъ предо мной свою черную душу, онъ не могъ мнѣ это простить. Но мнѣ было все равно. Я стала какою-то безчувственною; моя собственная судьба

меня уже не занимала. Вспоминать о *немъ*, вспоминать о *немъ*! другаго занятія, другихъ радостей у меня не было. Мой бѣдный Мишель скончался съ моимъ именемъ на устахъ.... Мнѣ это сообщилъ одинъ преданный ему человѣкъ, который вмѣстѣ съ нимъ пріѣзжалъ въ деревню. Вотчимъ мой въ томъ же году женился на Элеонорѣ Карповнѣ. Вскорѣ умеръ и Семенъ Матвѣичъ, подтвердивъ и увеличивъ въ завѣщаніи своемъ пожалованную мнѣ пенсію.... Въ случаѣ моей смерти она должна перейти къ г-ну Ратчу....

„Минуло два, три года.... прошло шесть лѣтъ, семь лѣтъ.... Жизнь уходила, утекала.... а я только глядѣла, какъ утекала она. Такъ, бывало, въ дѣтствѣ, устроишь на берегу ручья изъ песку сажелку и плотину выведешь, и всячески стараешься, чтобы вода не просочилась, не прорвалась.... Но вотъ она прорвалась наконецъ, и бросишь ты всѣ свои хлопоты, и весело тебѣ станетъ смотрѣть, какъ все накопленное тобою убѣгаетъ до капли....

„Такъ жила я, такъ существовала, пока, наконецъ, новый, уже неожиданный лучъ тепла и свѣта....“ . . . . . .

. . . . . .

На этомъ словѣ останавливалась рукопись; послѣдующіе листы были оторваны, и нѣсколько строкъ, оканчивавшихъ фразу, зачеркнуты и перемараны чернилами.

XVIII.

Чтеніе этой тетради до того меня смутило, впечатлѣніе, произведенное посѣщеніемъ Сусанны, было такъ велико, что я не могъ уснуть всю ночь и рано поутру послалъ съ эстафетой къ Фустову письмо, въ которомъ заклиналъ его вернуться какъ можно скорѣе въ Москву, такъ какъ его отсутствіе могло имѣть самыя тяжелыя послѣдствія. Я намекнулъ ему также на свиданіе съ Сусанной, на тетрадку, которую она оставила въ моихъ рукахъ. Отправивъ письмо, я весь тотъ день уже не выходилъ изъ дому и все размышлялъ о томъ что̀ должно было происходить тамъ, у Ратчей. Пойти самому туда я не рѣшался. Я не могъ однако не замѣтить, что тетушка моя находилась въ постоянной тревогѣ: она приказывала курить чуть не каждую минуту и раскладывала пасьянсъ: „Путешественникъ“, извѣстный тѣмъ что никогда не выходилъ! Визитъ неизвѣстной дамы, да еще въ такую позднюю пору, не остался для нея тайной: ея воображенью тотчасъ представилась зіяющая бездна, на краю которой я

стоялъ, и она то и дѣло вздыхала, охала, и произносила въ полголоса французскія сентенціи, почерпнутыя ею изъ рукописной книжечки подъ заглавіемъ: *Extraits de lecture*, а вечеромъ на моемъ ночномъ столикѣ очутилось сочиненіе Де-Жерандо, развернутое на главѣ: *О вредѣ страстей*. Сочиненіе это было занесено въ мою комнату, разумѣется, по приказанію тетушки, старшею ея компаньйонкой, которую въ домѣ прозывали Аминкой, вслѣдствіе ея сходства съ маленькимъ пуделемъ того же имени, дѣвицей очень сентиментальною и даже романтическою, но перезрѣлою. Весь слѣдующій день прошелъ въ томительномъ ожиданіи пріѣзда Фустова, письма отъ него, извѣстій изъ дома Ратчей.... хотя съ какой стати было имъ посылать ко мнѣ? Скорѣй Сусанна могла предполагать, что я посѣщу ее.... Но у меня рѣшительно духа не хватало увидать ее, не поговоривъ сперва съ Фустовымъ. Я припоминалъ всѣ выраженья моего письма къ нему.... Кажется, они были довольно сильны; наконецъ, ужь поздно вечеромъ, онъ явился.

XIX.

Онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату своею обычною, быстрою, но не торопливою походкой. Лицо его мнѣ показалось блѣднымъ, и являя слѣды дорожной усталости, выражало недоумѣніе, любопытство, недовольство — чувства, въ обычное время ему мало извѣстныя. Я бросился къ нему, обнялъ его, горячо поблагодарилъ его за то что онъ меня послушался, и передавъ въ двухъ словахъ мой разговоръ съ Сусанной,—вручилъ ему ея тетрадку. Онъ отошелъ къ окну, къ тому самому окну, на которомъ, два дня тому назадъ, сидѣла Сусанна, и не сказавъ мнѣ ни слова, принялся читать. Я тотчасъ удалился въ противоположный уголъ комнаты и взялъ для контенансу книгу; но, признаюсь, все время глядѣлъ украдкой черезъ край переплета на Фустова. Сначала онъ читалъ довольно спокойно, и все щипалъ лѣвою рукой концы волосиковъ на губѣ, потомъ онъ опустилъ руку, нагнулся впередъ и уже не шевельнулся болѣе. Глаза его такъ и бѣгали по строкамъ, и ротъ слегка раскрылся. Вотъ онъ кончилъ тетрадку, перевернулъ ее, посмотрѣлъ кругомъ, задумался, и снова принялся ее читать, и перечелъ ее всю во второй разъ отъ начала до конца. Потомъ онъ всталъ, положилъ тетрадку въ карманъ и направился было къ двери, однако вернулся и остановился посреди комнаты.

— Ну, что ты думаешь? началъ я, не дождавшись чтобъ онъ заговорилъ.

— Я виноватъ передъ нею, произнесъ Фустовъ глухо.—Я поступилъ.... необдуманно, непростительно, дико. Я повѣрилъ этому.... Виктору.

— Какъ! воскликнулъ я:—тому самому Виктору, котораго ты такъ презираешь? Да что онъ могъ сказать тебѣ?

Фустовъ скрестилъ руки, и сталъ ко мнѣ бокомъ. Ему было совѣстно, я это видѣлъ.

— Ты помнишь, промолвилъ онъ не безъ нѣкотораго усилія,—этотъ.... Викторъ упомянулъ о.... о пенсіи. Это несчастное слово засѣло во мнѣ. Оно всему причиной. Я сталъ его разспрашивать.... ну, и онъ....

— Что же онъ?

— Онъ сказалъ мнѣ, что тотъ старикъ.... какъ бишь его?... Колтовской, назначилъ эту пенсію Сусаннѣ, потому что.... оттого.... ну, словомъ, въ видѣ вознагражденія.

Я всплеснулъ руками.

— И ты повѣрилъ?

Фустовъ наклонилъ голову.

— Да! Я повѣрилъ.... Онъ также сказалъ, что и съ молодымъ.... Словомъ, мой поступокъ не имѣетъ оправданья.

— И ты удалился, чтобы все перервать?

— Да; это лучшее средство.... въ такихъ случаяхъ. Я поступилъ дико, дико, подхватилъ онъ.

Мы оба помолчали. Каждый изъ насъ чувствовалъ, что другому было стыдно; но мнѣ было легче: я стыдился не за себя.

XX.

— Я бы теперь этому Виктору всѣ кости переломалъ, продолжалъ Фустовъ, стиснувъ зубы,—еслибы самъ не сознавалъ себя виноватымъ. Я теперь понимаю, почему вся эта штука подведена была: съ замужествомъ Сусанны они лишались ея пенсіи.... Подлецы!

Я взялъ его за руку.

— Александръ, спросилъ я,—ты былъ у ней?

— Нѣтъ; я прямо съ дороги къ тебѣ. Я пойду завтра.... завтра рано. Этого нельзя такъ оставить. Ни за что.

— Да ты.... любишь ее, Александръ?

Фустовъ какъ будто обидѣлся.

— Конечно, я ее люблю. Я очень къ ней привязанъ.

— Она прекрасная, честная дѣвушка! воскликнулъ я.

Фустовъ нетерпѣливо топнулъ ногою.

— Да что ты воображаешь? Я готовъ былъ жениться на ней, я и теперь готовъ на ней жениться, я уже думалъ объ этомъ, хотя она старше меня.

Въ это мгновенье мнѣ вдругъ показалось, что на окнѣ сидитъ, склонившись на руки, блѣдная женская фигура. Свѣчи нагорѣли: въ комнатѣ было темно. Я вздрогнулъ, вглядѣлся пристальнѣе, и ничего, конечно, не увидалъ на окошкѣ, но какое-то странное чувство, смѣшеніе ужаса, тоски, сожалѣнія охватило меня.

— Александръ! началъ я со внезапнымъ увлеченіемъ:—прошу тебя, умоляю тебя, ступай сейчасъ къ Ратчамъ, не откладывай до завтра! Мнѣ внутренній голосъ говоритъ, что тебѣ непремѣнно должно сегодня же увидаться съ Сусанной!

Фустовъ пожалъ плечами.

— Что ты это, помилуй! Теперь одиннадцатый часъ, у нихъ, вѣроятно, всѣ уже спятъ въ домѣ.

— Все равно.... Ступай, ради Бога! У меня есть предчувствіе.... Пожалуста, послушайся меня! Ступай сейчасъ, возьми извощика....

— Ну, что за вздоръ! хладнокровно возразилъ Фустовъ:—съ какой стати я пойду теперь? Завтра утромъ я тамъ буду, и все разъяснится.

— Но, Александръ, вспомни, она говорила о томъ что она умретъ, что ты ея не застанешь.... И еслибъ ты видѣлъ ея лицо! Подумай, представь, чтобы рѣшиться идти ко мнѣ.... чего ей стоило....

— У ней восторженная голова, промолвилъ Фустовъ, который, повидимому, снова вполнѣ овладѣлъ собою.—Всѣ молодыя дѣвушки такъ.... на первыхъ порахъ. Повторяю, завтра все придетъ въ порядокъ. Пока прощай. Я усталъ, да и тебѣ спать хочется.

Онъ взялъ фуражку и пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Но ты обѣщаешь тотчасъ придти сюда и все сказать мнѣ! крикнулъ я ему вслѣдъ.

— Обѣщаю.... Прощай!

Я легъ въ постель, но на сердцѣ у меня было неспокойно, и я досадовалъ на мосье друга. Я заснулъ поздно, и видѣлъ во снѣ будто мы съ Сусанной бродимъ по какимъ-то подземнымъ сводамъ, переходамъ, лазимъ по ухабамъ, крутымъ лѣстницамъ, и все глубже и глубже спускаемся внизъ, хотя намъ

непремѣнно слѣдуетъ выбраться вверхъ, на воздухъ, и кто-то все время безпрестанно зоветъ насъ, однообразно и жалобно.

XXI.

Чья-то рука легла на мое плечо и нѣсколько разъ меня толкнула.... Я открылъ глаза, и при слабомъ свѣтѣ одинокой свѣчи, увидѣлъ предъ собою Фустова. Онъ испугалъ меня. Онъ качался на ногахъ; лицо его было желто, почти одного цвѣта съ волосами; губы отвисли, мутные глаза глядѣли безсмысленно въ сторону.... Куда дѣвался ихъ постоянно-ласковый и благосклонный взоръ? У меня былъ двоюродный братъ, который отъ падучей болѣзни впалъ въ идіотизмъ.... Фустовъ походилъ на него въ эту минуту.

Я поспѣшно приподнялся.

— Что такое? Что съ тобою? Господи!

Онъ ничего не отвѣчалъ.

— Да что случилось? Фустовъ? Говори же! Сусанна?...

Фустовъ слегка встрепенулся.

— Она.... началъ онъ сиплымъ голосомъ, и умолкъ.

— Что съ нею? Ты ее видѣлъ?

Онъ уставился на меня.

— Ея ужь нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Совсѣмъ нѣтъ. Она умерла.

Я вскочилъ съ постели.

— Какъ умерла! Сусанна? Умерла?

Фустовъ опять отвелъ глаза въ сторону.

— Да, умерла; въ полночь.

Онъ рехнулся? мелькнуло у меня въ головѣ.

— Въ полночь! Да теперь который часъ?

— Теперь восемь часовъ утра. Мнѣ прислали сказать. Ее завтра хоронятъ.

Я схватилъ его за руку.

— Александръ, ты не бредишь? Ты въ своемъ умѣ?

— Я въ своемъ умѣ, отвѣчалъ онъ. — Я, какъ узналъ это, сейчасъ отправился къ тебѣ.

Сердце во мнѣ болѣзненно окаменѣло, какъ это всегда бываетъ при убѣжденіи въ невозвратно совершившейся бѣдѣ.

— Боже мой! Боже мой! Умерла! твердилъ я.—Какъ это возможно! Такъ внезапно! Или, можетъ-быть, она сама лишила себя жизни?

— Не знаю, проговорилъ Фустовъ.—Ничего не знаю. Мнѣ сказали: въ полночь скончалась. И завтра хоронить будутъ.

„Въ полночь!“ подумалъ я.... „Стало-быть, она была еще жива вчера, когда она мнѣ почудилась на окнѣ, когда я умолялъ его бѣжать къ ней....“

— Она была еще жива вчера, когда ты посылалъ меня къ Ивану Демьянычу, промолвилъ Фустовъ, словно угадавъ мою мысль.

„Какъ же мало онъ зналъ ее!“ подумалъ я опять. „Какъ мало мы оба ее знали! Восторженная голова, говорилъ онъ, всѣ молодыя дѣвушки такъ.... А въ ту самую минуту она, быть-можетъ, подносила къ губамъ.... Возможно ли любить кого-нибудь и такъ грубо въ немъ ошибаться?“

Фустовъ неподвижно стоялъ предъ моею кроватью, съ повисшими руками, какъ виноватый.

XXII.

Я наскоро одѣлся.

— Что же ты намѣренъ теперь дѣлать, Александръ? спросилъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣньемъ, какъ бы дивясь нелѣпости моего вопроса. И въ самомъ дѣлѣ, что было дѣлать?

— Ты, однако, не можешь не пойти къ нимъ, началъ я.— Ты долженъ узнать какъ это случилось; тутъ, можетъ-быть, преступленіе скрывается. Отъ этихъ людей всего ожидать слѣдуетъ.... Это все на чистую воду вывести слѣдуетъ. Вспомни, что стоитъ въ *ея* тетрадкѣ: пенсія прекращается въ случаѣ замужства, а въ случаѣ смерти *переходитъ* къ Ратчу. Во всякомъ случаѣ, послѣдній долгъ отдать надо, поклониться праху!

Я говорилъ Фустову какъ наставникъ, какъ старшій братъ. Среди всего этого ужаса, горя, изумленія, какое-то невольное чувство превосходства надъ Фустовымъ внезапно проявилось во мнѣ.... Отъ того ли что я видѣлъ его подавленнымъ сознаньемъ своей вины, потерявшимся, уничтоженнымъ; отъ того ли что несчастье, поразивъ человѣка, почти всегда его роняетъ, спускаетъ его ниже во мнѣніи другихъ—„стало! молъ, ты плохъ, коли не умѣлъ увернуться!“ Господь вѣдаетъ! Только Фустовъ мнѣ казался почти ребенкомъ, и жалко было мнѣ его, и понималъ я необходимость строгости.

Я протягивалъ ему руку сверху внизъ. Одно лишь женское сожалѣніе не идетъ сверху внизъ.

Но Фустовъ продолжалъ глядѣть на меня тупо и дико,— мой авторитетъ, очевидно, не дѣйствовалъ на него, — и на мой вторичный вопросъ: „Вѣдь ты пойдешь къ нимъ?“ отвѣчалъ: „Нѣтъ, не пойду“.

— Какъ же это, помилуй! Неужели ты не захочешь самъ узнать, разспросить: какъ, что? Можетъ-быть, она оставила письмо.... документъ какой-нибудь.... помилуй!

Фустовъ покачалъ головой.

— Я не могу пойти туда, промолвилъ онъ.—Я затѣмъ и пришелъ къ тебѣ чтобы попросить тебя.... вмѣсто меня.... А я не могу.... не могу....

Фустовъ вдругъ присѣлъ къ столу, закрылъ лицо обѣими руками и зарыдалъ горько.

— Ахъ, ахъ, твердилъ онъ сквозь слезы, — ахъ, бѣдная.... бѣдняжка.... я лю.... я любилъ ее.... ахъ, ахъ!

Я стоялъ возлѣ него, и долженъ сознаться, никакого участія не возбуждали во мнѣ эти безспорно искреннія рыданья; я только удивлялся тому, что Фустовъ могъ *такъ* плакать, и мнѣ показалось, что я *теперь* понялъ какой онъ маленькій человѣкъ, и какъ я, на его мѣстѣ, поступилъ бы совсѣмъ иначе. Вотъ и подите послѣ этого! Еслибы Фустовъ остался совершенно спокоенъ, я, быть-можетъ, возненавидѣлъ бы его, возымѣлъ бы къ нему отвращеніе, но онъ не упалъ бы въ моемъ мнѣніи.... *Престижъ* бы его сохранился, Донъ-Жуанъ остался бы Донъ-Жуаномъ! Очень поздно въ жизни — и только послѣ многихъ опытовъ — научается человѣкъ, при видѣ дѣйствительнаго паденія или слабости собрата, сочувствовать ему и помогать ему безъ тайнаго самоуслажденія собственною добродѣтелью и силой, а напротивъ со всяческимъ смиреніемъ и пониманіемъ естественности, почти неизбѣжности вины!

XXIII.

Я очень храбро и рѣшительно посылалъ Фустова къ Ратчамъ, но когда самъ я къ нимъ отправился часовъ въ двѣнадцать (Фустовъ ни за что не согласился идти со мною и только просилъ меня отдать ему подробный отчетъ во всемъ), когда изъ-за поворота переулка издали глянулъ на меня ихъ домъ съ желтоватымъ пятномъ пригробной свѣчи въ одномъ

изъ оконъ, несказанный страхъ стѣснилъ мое дыханіе, и я бы охотно вернулся назадъ.... Однако я преодолѣлъ себя и вошелъ въ переднюю. Въ ней пахло ладаномъ и воскомъ; розовая крыша гроба, обитая серебрянымъ позументомъ, стояла въ углу, прислоненная къ стѣнѣ. Въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ, въ столовой, гудѣло, какъ залетѣвшій шмель, однообразное бормотаніе дьячка. Изъ гостиной выглянуло заспанное лицо служанки; промолвивъ вполголоса: „поклониться пришли?“ она указала на дверь столовой. Я вошелъ. Гробъ стоялъ къ дверямъ головой; черные волосы Сусанны подъ бѣлымъ вѣнчикомъ, надъ приподнятою бахромой подушки, первые бросились мнѣ въ глаза. Я зашелъ сбоку, перекрестился, поклонился въ землю, взглянулъ.... Боже! какой горестный видъ! Несчастная! даже смерть ея не пожалѣла; не придала ей—не говорю уже красоты—но даже той тишины, умиленной и умилительной тишины, которая такъ часто встрѣчается на чертахъ усопшихъ. Маленькое, темное, почти коричневое, лицо Сусанны напоминало лики на старыхъ-старыхъ образахъ, и какое выраженіе было на этомъ лицѣ! Такое выраженіе, какъ будто она собралась крикнуть отчаяннымъ крикомъ, да такъ и замерла, не произнеся звука.... даже морщинка между бровями не изгладилась, а пальцы на рукахъ были подвернуты и сжаты. Я невольно отвелъ взоръ, но погодя немного, я заставилъ себя поглядѣть, внимательно и долго поглядѣть на нее. Жалость наполнила мою душу, и не одна только жалость. „Эта дѣвушка умерла насильственною смертью,“ рѣшилъ я про себя, „это несомнѣнно“. Пока я стоялъ и глядѣлъ на покойницу, дьячокъ, который, при входѣ моемъ, возвысилъ было голосъ и произнесъ нѣсколько членораздѣльныхъ звуковъ, снова загудѣлъ и зѣвнулъ раза два. Я вторично поклонился въ землю и вышелъ въ переднюю. На порогѣ гостиной уже ожидалъ меня г. Ратчъ, одѣтый въ пестрый бухарскій шлафрокъ, и поманивъ меня къ себѣ рукою, повелъ меня въ свой кабинетъ, я чуть было не сказалъ, въ свою нору. Кабинетъ этотъ, мрачный, тѣсный, весь пропитанный кислымъ запахомъ вакштафа, возбуждалъ въ умѣ сравненіе съ жилищемъ волка или лисицы.

XXIV.

— Разрывъ! разрывъ тамъ этихъ покрововъ.... оболочки... Вы знаете.... покрововъ! заговорилъ г. Ратчъ, какъ только заперъ дверь. — Такое несчастіе! Еще вчера вечеромъ нельзя

было ничего замѣтить, и вдругъ р-р-р-разъ! трахъ! пополамъ! и конецъ! Вотъ ужь точно: „heute roth, morgen todt!“ Правда, это должно было ожидать: я это всегда ожидалъ, мнѣ въ Тамбовѣ полковой докторъ Г'алимбовскій, Викентій Казиміровичъ.... Вы навѣрное слыхали о немъ.... отличнѣйшій практикъ, спеціалистъ!

— Въ первый разъ слышу это имя, замѣтилъ я.

— Ну, все равно; такъ вотъ онъ, продолжалъ господинъ Ратчъ, сперва тихимъ голосомъ, а потомъ все громче и громче и, къ удивленію моему, съ замѣтнымъ нѣмецкимъ акцентомъ,— онъ меня всегда предупреждалъ: „Эй! Иванъ Демьянычъ! эй! другъ мой, берегитесь! У вашей падчерицы органическій недостатокъ въ сердцѣ—hypertrophia cardialis! Чуть что, бѣда! Сильныхъ ощущеній пуще всего избѣгать должно....На разсудокъ должно дѣйствовать....“ А помилуйте, развѣ можно съ молодою дѣвицей!... на разсудокъ дѣйствовать?Х.... х.... ха....

Господинъ Ратчъ чуть-было не засмѣялся, по старой привычкѣ, но во-время спохватился, и перевелъ начатый звукъ на кашель.

Это господинъ Ратчъ говорилъ! послѣ всего того что я узналъ о немъ!... Я почелъ, однако, своею обязанностью спросить его: былъ ли призванъ докторъ?

Господинъ Ратчъ даже подпрыгнулъ.

— Конечно, былъ.... Двоихъ призывали, но уже все было совершено—abgemacht! И вообразите: оба словно стаковались (господинъ Ратчъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: стакнулись): разрывъ! разрывъ сердца! Такъ въ одно слово и закричали. Предлагали анатомію; но я уже.... вы понимаете, не согласился.

— И завтра похороны? спросилъ я.

— Да, да, завтра, завтра мы хоронимъ нашу голубицу! Выносъ изъ дому тѣла будетъ ровно въ одиннадцать часовъ по полуночи.... Отсюда въ церковь Николы на Курьихъ Ножкахъ.... Знаете? Странныя какія имена у вашихъ русскихъ церквей. Потомъ на послѣдній покой въ матушкѣ землѣ сырой! Вы пожалуете? Мы недавно знакомы, но смѣю сказать, любезность вашего нрава и возвышенность чувствъ....

Я поспѣшилъ кивнуть головой.

— Да, да, да, вздохнулъ господинъ Ратчъ.—Это.... это ужь точно, какъ говорится, молнія на свѣтломъ небесѣ! Ein Blitz aus heiterem Himmel!

— И ничего Сусанна Ивановна не сказала передъ смертью, ничего не оставила?

— Ничего рѣшительно! Ни синь-пороха! Ни единаго клочка бумаги! Помилуйте, когда меня къ ней позвали, когда разбудили меня — представьте! она уже окоченѣла! Очень чувствительно это было для меня; очень она насъ всѣхъ огорчила! Александръ Давыдычъ, чай, тоже пожалѣетъ какъ узнаетъ.... Говорятъ, его въ Москвѣ нѣтъ?

— Онъ точно уѣзжалъ на нѣсколько дней, началъ было я....

— Викторъ Иванычъ жалуются, что саней имъ долго не закладываютъ, перебила меня вошедшая служанка, та самая которую я видѣлъ въ передней. Лицо ея, по-прежнему заспанное, поразило меня въ этотъ разъ тѣмъ выраженіемъ дерзкой грубости, какое появляется у слугъ, когда они знаютъ что господа отъ нихъ зависятъ и не рѣшатся ни бранить ихъ, ни взыскивать съ нихъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, засѣменилъ Иванъ Демьянычъ.—Элеонора Карповна! Leonore! Lenchen! пожалуйте сюда!

Что-то грузно завозилось за дверью, и въ ту же минуту раздалось повелительное восклицаніе Виктора: „Что жь это лошадь не закладываютъ? не пѣшкомъ же мнѣ въ полицію тащиться?“

— Сейчасъ, сейчасъ, снова залепеталъ Иванъ Демьянычъ.— Элеонора Карповна, пожалуйте же сюда!

— Aber, Иванъ Демьянычъ, послышался ея голосъ,—ich habe keine Toilette gemacht!

— Macht nichts! Komm herein!

Элеонора Карповна вошла, придерживая двумя пальцами косынку на голой шеѣ. На ней былъ утренній капотъ-распашóнка, и волосъ она не успѣла причесать. Иванъ Демьянычъ тотчасъ подскочилъ къ ней.

— Вы слышите, Викторъ лошадь требуетъ, промолвилъ онъ, торопливо указывая пальцемъ то на дверь, то на окно.—Пожалуста распорядитесь, попроворнѣе! Der Kerl schreit so!

— Der Fictor schreit immer, Иванъ Демьянычъ, Sie wissen wohl, отвѣчала Элеонора Карповна;—и я сама сказала кучеру, только онъ вздумалъ овесъ задавать. Вотъ какое несчастье случилось вдругъ, прибавила она, обратясь ко мнѣ;—и кто это могъ ожидать отъ Сусанны Ивановны?

— Я всегда это ожидалъ, всегда! закричалъ Ратчъ и высоко поднялъ руки, причемъ его бухарскій халатъ разъѣхался

спереди, и обнаружились препротивныя нижнія невыразимыя, изъ замшевой кожи съ мѣдными пряжками на поясѣ.—Разрывъ сердца! разрывъ оболочекъ! Гипертрофія!

— Ну да, повторила за нимъ Элеонора Карповна, — глю... Ну вотъ это только мнѣ очень, очень жалко, опять-таки скажу....—И ея топорное лицо понемножку перекосилось, брови приподнялись трехъугольникомъ, и крохотная слезинка скатилась на круглую, точно налакированную, какъ у куклы, щеку....—Мнѣ очень жалко, что такой молодой человѣкъ, которому только бы слѣдовало жить и пользоваться всѣмъ... всѣмъ... И эдакое вдругъ отчаяніе!

— Na gut, gut... geh, alte! перебилъ господинъ Ратчъ.

— Geh'schon, geh'schon, проворчала Элеонора Карповна и вышла вонъ, все еще придерживая пальцами косынку и роняя слезинки.

И я отправился вслѣдъ за нею. Въ передней стоялъ Викторъ въ студенческой шинели съ бобровымъ воротникомъ и фуражкой на бекрень. Онъ едва глянулъ на меня черезъ плечо, встряхнулъ воротникомъ и не поклонился, за что я ему мысленно сказалъ большое спасибо.

Я вернулся къ Фустову.

XXV.

Я засталъ моего пріятеля сидящимъ въ углу своего кабинета, съ понуренною головой и скрещенными на груди руками. На него нашелъ столбнякъ, и глядѣлъ онъ вокругъ себя съ медленнымъ изумленіемъ человѣка, который очень крѣпко спалъ и котораго только-что разбудили. Я ему разказалъ свое посѣщеніе у Ратча, передалъ ему рѣчи ветерана, рѣчи его жены, впечатлѣніе, которое они оба произвели на меня, сообщилъ ему мое убѣжденіе въ томъ, что несчастная дѣвушка сама себя лишила жизни.... Фустовъ слушалъ меня, не мѣняя выраженія лица, и съ тѣмъ же изумленіемъ посматривалъ кругомъ.

— Ты ее видѣлъ? спросилъ онъ меня наконецъ.

— Видѣлъ.

— Въ гробу?

Фустовъ словно сомнѣвался въ томъ что Сусанна дѣйствительно умерла.

— Въ гробу.

Фустовъ перекосилъ и опустилъ глаза и тихонько потеръ себѣ руки.

— Тебѣ холодно? спросилъ я.

— Да, братъ, холодно, отвѣчалъ онъ съ разстановкой и безсмысленно покачалъ головою.

Я началъ ему доказывать, что Сусанна непремѣнно отравилась, а можетъ-быть и отравлена была, и что этого нельзя такъ оставить....

Фустовъ уставился на меня.

— Что же тутъ дѣлать? сказалъ онъ, медленно и широко моргая.—Хуже вѣдь.... если узнаютъ. Хоронить не станутъ. Оставить надо.... такъ.

Мнѣ эта, впрочемъ, очень простая мысль въ голову не приходила. Практическій смыслъ моего пріятеля не измѣнялъ ему.

— Когда.... ее хоронятъ? продолжалъ онъ.

— Завтра.

— Ты пойдешь?

— Да.

— Въ домъ, или прямо въ церковь?

— И въ домъ, и въ церковь; а оттуда на кладбище.

— А я не пойду.... Я не могу, не могу, прошепталъ Фустовъ и началъ всхлипывать. Онъ и по утру на тѣхъ же самыхъ словахъ зарыдалъ. Я замѣтилъ, это часто случается съ плачущими: точно будто однимъ извѣстнымъ словамъ, большею частью незначительнымъ, — но именно *этимъ* словамъ, а не другимъ,—дано раскрыть источникъ слезъ въ человѣкѣ, потрясти его, возбудить въ немъ чувство жалости къ другому и къ самому себѣ.... Помнится, одна крестьянка, разказывая при мнѣ про внезапную смерть своей дочери во время обѣда, такъ и заливалась и не могла продолжать начатаго разказа, какъ только произносила слѣдующую фразу: „Я ей говорю: Ѳекла? А она мнѣ: мамка, соль-то ты куда.... соль куда.... соль....“ Слово: „соль“ ее убивало. Но меня, такъ же какъ и по утру, мало трогали слезы Фустова. Я не постигалъ, какимъ образомъ онъ могъ не спросить меня, не оставила ли Сусанна чего-нибудь для него? Вообще ихъ взаимная любовь была для меня загадкой: она такъ и осталась загадкой для меня.

Поплакавъ минутъ съ десять, Фустовъ всталъ, легъ на диванъ, повернулся лицомъ къ стѣнѣ, и остался неподвиженъ. Я подождалъ немного, но видя что онъ не шевелится и не отвѣчаетъ на мои вопросы, рѣшился удалиться. Я быть-можетъ взвожу на него напраслину, но едва ли онъ не заснулъ. Впрочемъ, это еще бы не доказывало, чтобъ онъ не чувствовалъ огорченія.... а только природа его была такъ устроена,

что не могла долго выносить печальныя ощущенія.... Ужь больно нормальная была природа!

XXVI.

На слѣдующій день, ровно въ одиннадцать часовъ я былъ на мѣстѣ. Тонкая крупа сѣялась съ низкаго неба, морозъ стоялъ небольшой, готовилась оттепель, но въ воздухѣ ходили рѣзкія, непріятныя струи.... Самая была великопостная, простудная погода. Я засталъ г. Ратча на крыльцѣ его дома. Въ черномъ фракѣ съ плерезами, безъ шляпы на головѣ, онъ суетился, размахивалъ руками, билъ себя по ляшкамъ, кричалъ то въ домъ, то на улицу, въ направленіи тутъ же стоявшихъ погребальныхъ дрогъ съ бѣлымъ катафалкомъ и двухъ ямскихъ каретъ, возлѣ которыхъ четыре гарнизонные солдата въ траурныхъ мантіяхъ, на старыхъ шинеляхъ, и траурныхъ шляпахъ, на сморщенныхъ глазахъ, задумчиво тыкали въ рыхлый снѣгъ ручками незаженныхъ факеловъ. Сѣдая шапка волосъ такъ и вздымалась надъ краснымъ лицомъ г. Ратча, и голосъ его, этотъ мѣдный голосъ, обрывался отъ натуги. „Что же ельнику! ельнику! сюда! Вѣтвей еловыхъ!“ вопилъ онъ; „сейчасъ гробъ выносить будутъ! Ельнику! Валите ельнику! Живо!“ воскликнулъ онъ еще разъ и вскочилъ въ домъ. Оказалось, что несмотря на мою аккуратность, я опоздалъ: г. Ратчъ счелъ за нужное поспѣшить. Служба уже отошла: священники,—изъ коихъ одинъ имѣлъ камилавку, а другой, помоложе, очень тщательно расчесалъ и примаслилъ волосы,—появились вмѣстѣ съ причтомъ на крыльцѣ. Вскорѣ показался и гробъ, несомый кучеромъ, двумя дворниками и водовозомъ. Г. Ратчъ шелъ сзади, придерживаясь концами пальцевъ за крышу, и все твердилъ: „легче, легче!“ За нимъ въ перевалочку плелась Элеонора Карповна, въ черномъ платьѣ, тоже съ плерезами, окруженная всѣмъ своимъ семействомъ; послѣ всѣхъ выступалъ Викторъ въ новенькомъ мундирѣ, при шпагѣ, съ флеромъ на рукояткѣ. Носильщики, крехтя и перекоряясь, поставили гробъ на дроги; гарнизонные солдаты зажгли факелы, которые тотчасъ же затрещали и задымились, раздался плачъ забредшей салопницы, дьячки запѣли, снѣжная крупа внезапно усилилась и завертѣлась „бѣлыми мухами“, г. Ратчъ крикнулъ: „съ Богомъ! трогай!“ и процессія тронулась. Кромѣ семейства г. Ратча, провожавшихъ гробъ было всего пять человѣкъ: отставной очень поношеный офицеръ путей сообщенія съ полинялою лентой Станислава на

шеѣ, едва ли не взятый напрокатъ, помощникъ квартальнаго надзирателя, крошечный человѣкъ, со смиреннымъ лицомъ и жадными глазами; какой-то старичокъ въ камлотовомъ капотѣ; чрезвычайно толстый рыбный торговецъ въ купеческой синей чуйкѣ и съ запахомъ своего товара,—и я. Отсутствіе женскаго пола (ибо не было возможности причислить къ нему двухъ тетокъ Элеоноры Карповны, сестеръ колбасника, да еще какую-то кривобокую дѣвицу въ синихъ очкахъ на синемъ носѣ), отсутствіе пріятельницъ и подругъ меня сперва поразило; но поразмысливъ, я сообразилъ, что Сусанна, съ ея нравомъ, воспитаніемъ, съ ея воспоминаніями, не могла имѣть подругъ въ той средѣ гдѣ она жила. Въ церковь набралось довольно много народу, незнакомыхъ еще больше чѣмъ знакомыхъ, что̀ можно было видѣть по выраженію ихъ лицъ. Отпѣваніе продолжалось не долго. Удивляло меня то, что г. Ратчъ крестился весьма истово, совершенно какъ православный, и едва ли не подтягивалъ дьячкамъ, впрочемъ, однѣми нотами. Когда же наконецъ пришлось прощаться съ покойницей, я низко поклонился ей, но не далъ ей послѣдняго лобызанія. Г. Ратчъ, напротивъ, очень развязно исполнилъ этотъ страшный обрядъ, съ почтительнымъ наклоненіемъ корпуса пригласилъ ко гробу офицера со Станиславомъ, точно угощая его, и высоко, съ размаха поднимая подъ мышки своихъ дѣтей, поочередно подносилъ ихъ къ тѣлу. Элеонора Карповна, простившись съ Сусанной, вдругъ разрюмилась на всю церковь; однако скоро успокоилась и все спрашивала раздраженнымъ шепотомъ: „А и гдѣ же мой ридикюль?“ Викторъ держался въ сторонѣ, и всею своею осанкой, казалось, хотѣлъ дать понять, какъ далекъ онъ ото всѣхъ подобныхъ обычаевъ, и какъ онъ только долгъ приличія исполняетъ. Больше всѣхъ изъявилъ сочувствія старичокъ въ капотѣ, бывшій лѣтъ пятнадцать тому назадъ землемѣромъ въ Тамбовской губерніи и съ тѣхъ поръ не видавшій Ратча; онъ Сусанны не зналъ вовсе, но успѣлъ уже выпить двѣ рюмки водки въ буфетѣ. Тетушка моя также пріѣхала въ церковь. Она почему-то узнала, что покойница была именно та барышня, которая посѣтила меня, и пришла въ волненіе неописанное! Подозрѣвать меня въ дурномъ поступкѣ она не рѣшилась, но изъяснить такое странное стеченіе обстоятельствъ также не могла.... Чуть ли не вообразила она, что Сусанна изъ любви ко мнѣ рѣшилась на самоубійство, и облекшись въ самыя темныя одежды, съ

сокрушеннымъ сердцемъ и слезами, на колѣняхъ молилась объ успокоеніи души новопреставленной, поставила рублевую свѣчу образу Утоленія Печали.... „Амишка“ также съ ней пріѣхала и также молилась, но больше все на меня посматривала и ужасалась.... Эта старая дѣвица была, увы! ко мнѣ неравнодушна. Выходя изъ церкви, тетушка раздала бѣднымъ всѣ свои деньги, свыше десяти рублей.

Кончилось, наконецъ, прощаніе. Принялись закрывать гробъ. Въ теченіи всей службы у меня духа не хватило прямо посмотрѣть на искаженное лицо бѣдной дѣвушки; но каждый разъ какъ глаза мои мелькомъ скользили по немъ: „онъ не пришелъ, онъ не пришелъ“, казалось мнѣ, хотѣло сказать оно. Стали взводить крышу надъ гробомъ.... Я не удержался, бросилъ быстрый взглядъ на мертвую. „Зачѣмъ ты это сдѣлала?“ спросилъ я невольно.... „Онъ не пришелъ!“ почудилось мнѣ въ послѣдній разъ....

Молотокъ застучалъ по гвоздямъ, и все было кончено.

XXVII.

Вслѣдъ за гробомъ двинулись мы на кладбище. Насъ было всѣхъ человѣкъ сорокъ, разнокалиберная, въ сущности праздная толпа. Больше часу продолжалось томительное шествіе. Погода дѣлалась все хуже. Викторъ съ полдороги сѣлъ въ карету; но господинъ Ратчъ выступалъ бодро по талому снѣгу; точно такъ онъ, должно-быть, выступалъ, и тоже по снѣгу, когда, послѣ роковаго свиданія съ Семеномъ Матвѣичемъ, онъ съ торжествомъ велъ къ себѣ въ домъ навсегда погубленную имъ дѣвушку. Волосы „ветерана“, его брови опушились снѣжинками; онъ то пыхтѣлъ и покрякивалъ, то мужественно забирал въ себя духъ, округлялъ свои крѣпкія, бурыя щеки.... Право, можно было подумать что онъ смѣется. „Послѣ моей смерти, пенсія должна перейти къ Ивану Демьянычу“, вспоминались мнѣ опять слова Сусанниной тетрадки. Пришли мы наконецъ на кладбище, добрались до свѣже-вырытой могилы. Послѣдній обрядъ совершился скоро: всѣ продрогли, всѣ торопились. Гробъ на веревкахъ скользнулъ въ зіяющую яму; принялись забрасывать ее землей. Господинъ Ратчъ и тутъ показалъ бодрость своего духа; онъ такъ проворно, съ такою силой, съ такимъ размахомъ бросалъ комки земли на крышу гроба, такъ выставлялъ при этомъ ногу впередъ, и такъ молодецки закидывалъ свой торсъ.... энергичнѣе онъ

бы не могъ дѣйствовать, еслибъ ему пришлось побивать каменьями люте́йшаго своего врага. Викторъ, по-прежнему, держался въ сторонѣ: онъ все кутался въ шинель и проводилъ подбородкомъ по бобру воротника; остальныя дѣти господина Ратча усердно подражали родителю. Швырять пескомъ и землей доставляло имъ великое удовольствіе, за что̀ ихъ, впрочемъ, и винить нельзя. Холмикъ появился на мѣстѣ ямы; мы уже собирались расходиться, какъ вдругъ господинъ Ратчъ, повернувшись по-военному налѣво кругомъ и хлопнувъ себя по ляткѣ, объявилъ намъ всѣмъ, „господамъ муцинамъ“, что онъ приглашаетъ насъ, а также и „почтенное священство“, на „поминательный“ столъ, устроенный въ недальнемъ разстояніи отъ кладбища, въ главной залѣ весьма приличнаго трактира, „стараньями любезнѣйшаго нашего Сигизмунда Сигизмундовича....“ При этихъ словахъ онъ указалъ на помощника квартальнаго надзирателя и прибавилъ, что, при всей своей горести и лютеранской религіи, онъ, Иванъ Демьяновъ Ратчъ, какъ истый русскій человѣкъ, дорожитъ пуще всего русскими древними обычаями. „Супруга моя“, воскликнулъ онъ,— „и какія съ нею пожаловали дамы, пускай домой поѣдутъ, а мы, господа муцины, помянемъ скромной трапезой тѣнь усопшея рабы Твоея!“ Предложеніе господина Ратча было принято съ искреннимъ сочувствіемъ; „почтенное“ священство какъ-то внушительно переглянулось между собой, а офицеръ путей сообщенія потрепалъ Ивана Демьяныча по плечу и назвалъ его патріотомъ и душою общества.

Мы отправились гуртомъ въ трактиръ. Въ трактирѣ, посреди длинной и широкой, впрочемъ, совершенно пустой комнаты втораго этажа, стояли два стола, покрытые бутылками, яствами, приборами и окруженные стульями; запахъ штукатурки, соединенный съ запахомъ водки и постнаго масла, билъ въ носъ и стѣснялъ дыханіе. Помощникъ квартальнаго надзирателя, въ качествѣ распорядителя, усадилъ священство за почетный конецъ, на которомъ преимущественно столпились кушанья постныя; вслѣдъ за духовенствомъ усѣлись прочіе посѣтители: пиръ начался. Не хотѣлось бы мнѣ употреблять такое праздничное слово: пиръ; но всякое другое слово не соотвѣтствовало бы самой сущности дѣла. Сперва все шло довольно тихо, не безъ оттѣнка унылости; уста жевали, рюмки опорожнялись, но слышались и вздохи, быть-можетъ пищеварительные, а быть-можетъ и сочувственные,

упоминалась смерть, обращалось вниманіе на краткость человѣческой жизни, на бренность земныхъ надеждъ; офицеръ путей сообщенія разсказалъ какой-то, правда, военный, но наставительный анекдотъ; батюшка въ камилавкѣ одобрилъ его и самъ сообщилъ любопытную черту изъ житія преподобнаго Ивана Воина; другой батюшка, съ прекрасно-причесанными волосами, хотя обращалъ больше вниманія на кушанья, однако также произнесъ нѣчто наставительное насчетъ дѣвической непорочности; но понемногу все измѣнилось. Лица раскраснѣлись, голоса загомонѣли, смѣхъ вступилъ въ свои права; стали раздаваться восклицанія порывистыя, послышались ласковыя наименованья въ родѣ: „братца ты моего миленькаго“, „душки ты моей“, „чурки“ и даже „свинтуса эдакаго“, словомъ, посыпалось все то, на что такъ щедра русская душа, когда станетъ, какъ говорится, на распашку. Когда же наконецъ захлопали пробки цымлянскаго, тутъ уже совсѣмъ шумно стало: нѣкто даже пѣтухомъ прокричалъ, а другой посѣтитель предложилъ изгрызть зубами и проглотить рюмку, изъ которой только что выпилъ вино. Господинъ Ратчъ, уже не красный, а сизый, внезапно всталъ съ своего мѣста, онъ и до того времени много шумѣлъ и хохоталъ, но тутъ онъ попросилъ позволенія произнесть спичь. „Говорите! Произносите!“ заголосили всѣ; старикъ въ капотѣ закричалъ даже: „браво!“ и въ ладоши захлопалъ.... впрочемъ онъ сидѣлъ уже на полу. Господинъ Ратчъ поднялъ бокалъ высоко надъ головой, и объявилъ что намѣренъ, въ краткихъ, но „впечатлительныхъ“ выраженіяхъ, указать на достоинства той прекрасной души, которая, „оставивъ здѣсь свою, такъ-сказать, земную шелуху (die irdische Hülle), воспарила въ небеса и погрузила....“ господинъ Ратчъ поправился: „и погрязла....“ Онъ опять поправился: „и погрузила....“

— Отецъ дьяконъ! Почтеннѣйшій! Душа! послышался сдержанный, но убѣдительный шепотъ:—Горло, говорятъ, у тебя адское; уважь, грянь: „Мы живемъ среди полей!“

— Шш! шш!... Полно вамъ! Что это! промчалось по устамъ гостей.

— ....Погрузила все свое преданное семейство, продолжалъ господинъ Ратчъ, бросивъ строгій взоръ въ направленіи любителя музыки; — погрузила все свое семейство въ ничѣмъ незамѣнимую печаль! Да! воскликнулъ Иванъ Демьянычъ: — справедливо гласитъ русская пословица: судьба гнетъ не тужитъ, переломитъ....

— Стойте! Господа! закричалъ внезапно чей-то хриплый голосъ на концѣ стола:—у меня сейчасъ кошелекъ украли!...

— Ахъ, мошенникъ! запищалъ другой голосъ, и—бацъ! раздалась пощечина.

Господи! Что тутъ произошло! Точно дикій звѣрь, который до тѣхъ поръ лишь изрѣдка ворчалъ и шевелился въ насъ, вдругъ сорвался съ цѣпи и всталъ на дыбы, во всей безобразной красѣ своего взъерошеннаго загривка. Казалось, всѣ втайнѣ ожидали „скандала“ какъ естественной принадлежности и разрѣшенія пира, и такъ и ринулись всѣ, такъ и подхватили.... Тарелки, стаканы зазвенѣли, покатились, стулья опрокинулись, поднялся пронзительный крикъ, руки замахали по воздуху, фалды взвились, и завязалась драка!

— Лупи его! лупи его! заревѣлъ какъ изступленный мой сосѣдъ, рыбный торговецъ, казавшійся до того мгновенья самымъ смирнымъ человѣкомъ въ мірѣ; правда, онъ выпилъ въ молчанку стакановъ десять вина. — Лупи его!...

Кого лупить, за что лупить, онъ не имѣлъ понятія, но ревѣлъ неистово.

Помощникъ квартальнаго надзирателя, офицеръ путей сообщенія, самъ господинъ Ратчъ, который, вѣроятно, никакъ не ожидалъ, что его краснорѣчію будетъ положенъ такой скорый конецъ, попытались было возстановить тишину.... но усилія ихъ оказались тщетными. Мой сосѣдъ, рыбный торговецъ, даже на самого господина Ратча накинулся.

— Уморилъ дѣвку, Нѣмчура треклятая, закричалъ онъ на него, потрясая кулаками;—полицію подкупилъ, а теперь куражишься!?

Тутъ прибѣжали половые....

Что произошло дальше, я не знаю; я поскорѣй схватилъ фуражку, да и давай Богъ ноги! Помню только, что-то страшно затрещало; помню также остовъ селедки въ волосахъ старца въ капотѣ, поповскую шляпу летѣвшую черезо всю комнату, блѣдное лицо Виктора присѣвшаго въ углу и чью-то рыжую бороду въ чьей-то мускулистой рукѣ.... Это были послѣднія впечатлѣнія, вынесенныя мной изъ „поминательнаго пира“, устроеннаго любезнѣйшимъ Сигизмундомъ Сигизмундовичемъ въ честь бѣдной Сусанны.

Отдохнувъ нѣсколько, я отправился къ Фустову и разказалъ ему все чему я былъ свидѣтелемъ въ теченіе того дня. Онъ выслушалъ меня сидя, не поднимая головы и подсунувъ

обѣ руки подъ ноги, промолвилъ опять: „Ахъ, моя бѣдная, бѣдная!“ и опять легъ на диванъ и повернулся ко мнѣ спиной.

Недѣлю спустя, онъ уже совершенно оправился и зажилъ по-прежнему. Я попросилъ у него тетрадку Сусанны на память; онъ отдалъ ее мнѣ безо всякаго затрудненія.

XXVIII.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Тетушка моя скончалась; я изъ Москвы переселился въ Петербургъ. Въ Петербургъ переѣхалъ и Фустовъ. Онъ поступилъ въ министерство финансовъ, но я видѣлся съ нимъ рѣдко и не находилъ уже въ немъ ничего особеннаго. Чиновникъ какъ и всѣ, да и баста! Если онъ еще живъ и не женатъ, то, вѣроятно, и доселѣ не измѣнился: точитъ и клеитъ, и гимнастикой занимается, и сердца пожираетъ по-прежнему, и Наполеона въ лазоревомъ мундирѣ рисуетъ въ альбомы пріятельницъ. Мнѣ пришлось какъ-то съѣздить въ Москву, по дѣламъ. Въ Москвѣ узналъ я, признаюсь, къ немалому моему удивленію, что обстоятельства моего бывшаго знакомца, господина Ратча, приняли оборотъ неблагопріятный: супруга его, правда, подарила ему еще двойню, двухъ мальчиковъ, которыхъ онъ, „коренной Русакъ“, окрестилъ Брячеславомъ и Вячеславомъ, но домъ его сгорѣлъ, онъ принужденъ былъ подать въ отставку, и главное: его старшій сынокъ, Викторъ, такъ и не выходилъ изъ долговаго отдѣленія. Во время моего пребыванія въ Москвѣ, въ одномъ обществѣ при мнѣ упомянули о Сусаннѣ, и самымъ невыгоднымъ, самымъ оскорбительнымъ образомъ! Я всячески постарался заступиться за память несчастной дѣвушки, которой судьба отказывала даже въ милостынѣ забвенія, но мои доводы не произвели большаго впечатлѣнія на моихъ слушателей. Одного изъ нихъ, молодаго студента-поэта, я однако поколебалъ. Онъ прислалъ мнѣ на другой день стихотвореніе, которое я позабылъ, но которое оканчивалось слѣдующими четырьмя стихами:

„Но и надъ брошенной могилой
Не смолкнулъ голосъ клеветы....
Она тревожитъ призракъ милый,
И жжетъ надгробные цвѣты!“

Я прочелъ эти стихи, и невольно погрузился въ думу. Образъ Сусанны возникъ передо мной; я опять увидалъ то замороженное окно въ моей комнатѣ; я вспомнилъ тотъ вечеръ, и

порывы снѣжной вьюги, и тѣ слова, тѣ рыданья.... Я началъ размышлять о томъ, чѣмъ возможно было объяснить любовь Сусанны къ Фустову, и почему она такъ скоро, такъ неудержимо предалась отчаянію, какъ только увидала себя оставленною? Почему не захотѣла подождать, услышать горькую правду изъ собственныхъ устъ любимаго человѣка, написать ему письмо, наконецъ? Какъ возможно такъ сейчасъ броситься въ бездну внизъ головой? „Оттого что она страстно любила Фустова," скажутъ мнѣ; „оттого что она не могла перенести малѣйшаго сомнѣнія въ его преданности, въ его уваженіи къ ней." Можетъ-быть; а можетъ-быть и то, что она вовсе не такъ страстно любила Фустова; что она не ошибалась въ немъ, а только возложила на него свои послѣднія надежды и не въ состояніи была примириться съ мыслію, что даже *этотъ* человѣкъ тотчасъ, по первому слову сплетника, съ презрѣніемъ отвернулся отъ нея! Кто скажетъ что̀ ее убило: оскорбленное ли самолюбіе, тоска ли безвыходнаго положенія или, наконецъ, самое воспоминаніе о томъ первомъ, прекрасномъ, правдивомъ существѣ, которому она, на утрѣ дней своихъ, такъ радостно отдалась, который такъ глубоко былъ въ ней увѣренъ и такъ уважалъ ее? Кто знаетъ: быть-можетъ, въ то самое мгновенье, когда мнѣ казалось что надъ ея мертвыми устами носилось восклицаніе: „онъ не пришелъ!" быть-можетъ ея душа уже радовалась тому, что ушла сама къ нему, къ своему Мишелю? Тайны человѣческой жизни велики, а любовь самая недоступная изъ этихъ тайнъ.... но все-таки, до сихъ поръ, всякій разъ когда образъ Сусанны возникаетъ предо мной, я не въ силахъ подавить въ себѣ ни сожалѣнія къ ней, ни упрека судьбѣ, и уста мои невольно шепчутъ: несчастная! несчастная!

ИВ. ТУРГЕНЕВЪ.

ПОЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

ЗАПАДНАГО КРАЯ

ВЪ МЯТЕЖѢ 1861—1863 ГОДОВЪ

I.

Во время безпорядковъ и мятежа, потрясавшихъ западныя губерніи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, воспитанники средняхъ учебныхъ заведеній играли въ политической агитаціи роль на столько замѣтную, что вынудили администрацію обратить серіозное вниманіе на политическія демонстраціи шестнадцатилѣтнихъ школьниковъ и даже сознаться, что дѣятельное участіе ихъ въ безпорядкахъ, при разгарѣ революціонныхъ страстей, проходило для края не безслѣдно. Учебныя заведенія этихъ губерній издавна имѣли значеніе не только воспитательное, но и политическое, какъ учрежденія, могущественно содѣйствовавшія, при пособіи польскаго костела, созданію и развитію въ Западномъ краѣ польщизны; они служили кадромъ, чрезъ который прошла вся масса польскаго дворянства; въ нихъ польщизна, на казенныя деньги, получила и первоначальное образованіе, и прочныя основы тѣхъ враждебныхъ чувствъ къ русскому народу и русскому государству, за которыя мы до сихъ поръ платимся. Въ настоящемъ очеркѣ мы предполагаемъ коснуться лишь чисто политической стороны этихъ училищъ, на сколько она извѣстна намъ по личному наблюденію и по матеріаламъ, которые мы тщательно старались собирать во время трехлѣтнихъ объѣздовъ нашихъ по девяти западнымъ губерніямъ и въ

Петербургѣ. Мы не имѣемъ претензіи на полноту настоящаго очерка: при составленіи его мы пользовались только тѣми данными, которыя имѣли подъ рукою.

Поляки издавна понимали великое значеніе школы для юношества и употребляли всѣ средства для доставленія образованія дворянству да ошляхеченной челяди, ревниво отстраняя мѣстное коренное населеніе не только отъ среднихъ, но и отъ народныхъ (русскихъ) школъ. Въ то недавнее время, когда иные изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей цинически глумились надъ наукой, объявляя ее чуть ли не источникомъ всѣхъ золъ, и искренно вѣрили въ возможность выработки даже государственныхъ дѣятелей посредствомъ строевой и канцелярской практики, Поляки полагали всѣ усилія на развитіе школъ, понимая, что политическій смыслъ можетъ созрѣть только на почвѣ обработанной заботливо и съ знаніемъ дѣла. И обстоятельства болѣе благопріятствовали Полякамъ въ дѣлѣ научнаго образованія чѣмъ намъ. Поляки имѣли гораздо больше воспитательныхъ средствъ чѣмъ мы (средства эти черпались изъ русской казны); кромѣ того, въ Западномъ краѣ политическая жизнь, развитая, вслѣдствіе историческихъ и этнографическихъ условій, гораздо болѣе чѣмъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ, оживляла развитіе научное; наконецъ, польское духовенство, со времени присоединенія къ намъ западныхъ губерній, изъ разчета поддержать посредствомъ костела польскую народность, стало употреблять все свое вліяніе на возвышеніе тамъ уровня образованія.

Въ первые годы текущаго столѣтія Западный край былъ еще русскимъ; русскій языкъ былъ тамъ господствующимъ не только въ средѣ кореннаго населенія, но и въ средѣ большинства мелкой шляхты; польская рѣчь была исключительнымъ достояніемъ магнатовъ; по убѣжденію господствовавшему въ населеніи, Польша послѣ разгрома 1794 года погибла безвозвратно. Съ учрежденіемъ 20-го января 1803 года, подъ кураторствомъ князя Адама Чарторыйскаго, такъ-называемаго „округа Виленскаго университета“, который вмѣщалъ въ себѣ весь нынѣшній Западный край, за исключеніемъ принадлежавшей Пруссіи Бѣлостокской области, * физіономія края начинаетъ быстро измѣняться: школа и польскій

* Которая присоединена была къ округу 10-го ноября 1810 года.

костелъ, обдуманно организованные, создаютъ и систематически развиваютъ польскую народность въ ущербъ народности русской, такъ что чрезъ нѣсколько лѣтъ западныя губерніи. въ интеллигентныхъ слояхъ тамошняго общества, становятся гораздо болѣе польскими чѣмъ были во времена господства Рѣчи Посполитой. Польская рѣчь дѣлается родною не только мелкой шляхтѣ, но даже городскимъ сословіямъ; надежда на возстановленіе могущественной Польши, въ предѣлахъ 1772 года, воскресаетъ и возбуждаетъ въ упавшемъ было духомъ дворянствѣ непріязненныя чувства къ Россіи. Виленскій университетъ, устроенный на европейскую ногу, становится учебнымъ и политическимъ центромъ, который ведетъ Западный край къ объединенію въ духѣ польской народности.

Съ учрежденіемъ округа, въ западныхъ губерніяхъ (кромѣ Витебской и Могилевской) считалось, кромѣ университета, пять гимназій и тридцать уѣздныхъ училищъ. Эти послѣднія училища были почти на степени гимназій: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ было по пяти, въ другихъ по шести классовъ. Они устроены были по большей части духовенствомъ и содержались или на его счетъ, или на счетъ эдукаціоннаго фундуша. Съ уступкой намъ Бѣлостокской области, къ нимъ присоединена была учрежденная прусскимъ правительствомъ гимназія, и упразднены существовавшія тамъ Дрогичинскій лицей и военно-народныя училища.

До 1830 года число среднихъ учебныхъ заведеній продолжало возрастать; предъ мятежомъ 1831 года въ четырехъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края было 13 гимназій и 33 уѣздныя училища, въ которыхъ числилось 7.175 учениковъ, не считая въ томъ числѣ воспитанниковъ университета и приходскихъ школъ.

При этихъ широкихъ воспитательныхъ средствахъ, относительно, болѣе чѣмъ вдвое превышавшихъ тогдашнія средства въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ, полонизація края посредствомъ школы подвигалась съ быстротой поразительною, въ особенности отъ того, что преподаваніе производилось на польскомъ языкѣ, и что Виленскій университетъ служилъ богатымъ разсадникомъ педагоговъ по всѣмъ отраслямъ науки. Русскій языкъ былъ въ учебномъ вѣдомствѣ въ такомъ загонѣ, что, какъ свидѣтельствуютъ очевидцы, многіе воспитанники считали дѣломъ патріотизма доказывать незнаніе своего государственнаго языка, который въ

училищахъ преподавался наравнѣ съ языками иностранными. Искусно организованная Чарторыйскимъ система полонизаціи края коснулась не однихъ католиковъ: мѣстное населеніе, признававшее унію, полонизовалось посредствомъ монаховъ Базиліанскаго ордена, которые, по мысли Чарторыйскаго, пріобрѣли преимущество предъ монахами прочихъ орденовъ въ дѣлѣ образованія юношества. Такое предпочтеніе базиліанамъ оказывалось, конечно, не безъ задней мысли. Монахи этого ордена, по внѣшности, походили на наше монашество, также придерживающееся устава Василія Великаго, и потому пользовались въ глазахъ мѣстнаго русскаго простонародья бо́льшимъ довѣріемъ чѣмъ бритые и гладко подстриженные ксендзы другихъ католическихъ орденовъ. Но на этой почвѣ польская окраска не принялась, а съ возсоединеніемъ уніатовъ разомъ исчезли даже слѣды ея.

Мятежъ 1831 года вызвалъ рядъ правительственныхъ мѣръ, которыя имѣли въ виду парализовать польскую пропаганду. Но не имѣя въ то время въ рукахъ такихъ образовательныхъ средствъ, какими владѣла, напримѣръ, Пруссія, мы вынуждены были одни изъ созданныхъ Чарторыйскимъ и Чацкимъ училищъ просто упразднить, другія — постепенно преобразовывать. Закрытіе Виленскаго университета было для насъ, безспорно, дѣломъ политической необходимости: пересоздать его въ университетъ вполнѣ русскій и сдѣлать его въ краѣ такимъ же русскимъ центромъ, какимъ онъ былъ въ теченіи тридцати лѣтъ для польщизны, было бы намъ не легко даже и въ настоящее время; въ тридцатыхъ же годахъ это было намъ совсѣмъ не по силамъ: при учрежденіи университета Св. Владиміра, мы вынуждены были перевести въ него почти цѣликомъ педагогическій персоналъ упраздненнаго, за политическіе безпорядки, Кременецкаго лицея, несмотря на то что въ средѣ этого персонала бо́льшинство было компрометтировано въ мятежѣ. Упраздненіе значительнаго числа католическихъ монастырей логически вело къ упраздненію и находившихся при нихъ школъ. По усмиреніи мятежа, сначала предположено было закрыть *всѣ* монастырскія школы; но не далѣе какъ въ слѣдующемъ году послѣдовало высочайшее соизволеніе, чтобъ упразднять ихъ постепенно, по мѣрѣ минованія въ нихъ надобности и съ учрежденіемъ взамѣнъ ихъ свѣтскихъ училищъ.

Въ 1834 году изданы были для учебныхъ заведеній Сѣверо-

Западнаго края новые штаты, по которымъ число казенныхъ училищъ уменьшено было почти на половину (двадцать пять вмѣсто сорока девяти), съ присвоеніемъ имъ новаго характера. Сверхъ прежде существовавшихъ правительственныхъ учебныхъ заведеній, учреждена была гимназія въ Гроднѣ; кромѣ того, двѣ піарскія школы въ Вилькомирѣ и Поневѣжѣ преобразованы были въ уѣздныя училища, и основано такое же училище въ Свенцянахъ: три послѣднія учебныя заведенія предназначались исключительно для воспитанія мѣстнаго дворянства. Но такъ какъ правительство признавало необходимымъ доставить мѣстному русскому населенію бо́льшія средства къ умственному развитію чѣмъ польскому дворянству, то съ этою цѣлью устроено было восемь уѣздныхъ училищъ исключительно для дѣтей мѣстнаго населенія, училищъ *мѣщанскихъ*: въ Вильнѣ, Гроднѣ, Новогрудкѣ, Лидѣ, Слонимѣ, Пружанахъ, Дрогичинѣ и Кейданахъ.

Распоряженіе это, открывавшее мѣстному русскому населенію широкій путь къ солидному образованію, встрѣчено было панами съ ужасомъ: они видѣли въ немъ дѣйствительную опасность для господства польщизны въ краѣ и употребили всѣ средства чтобы затормозить дѣло. Интрига поведена была такъ успѣшно, что уѣздныя училища, назначавшіяся для народа, черезъ пять лѣтъ обращены были въ дворянскія, а черезъ шестнадцать лѣтъ для мѣстнаго русскаго населенія даже закрытъ былъ въ нихъ доступъ.

Прослѣдимъ вкратцѣ за ходомъ работъ, предпринятыхъ для незамѣтнаго упраздненія тѣхъ выгодныхъ для русскаго дѣла началъ, которыя были, по монаршему предначертанію, положены въ основу организаціи учебной части въ западныхъ губерніяхъ. Работа эта началась съ хлопотъ объ увеличеніи числа учебныхъ заведеній, сокращеннаго высочайшимъ повелѣніемъ 1834 года. Предлогомъ къ такимъ хлопотамъ служилъ доводъ, что число учащихся замѣтно увеличивалось; на этомъ основаніи, въ слѣдующемъ же году при Минской гимназіи учреждены были параллельные классы, а въ 1836 г. такіе же классы при двухъ другихъ гимназіяхъ (Кржской и Бѣлостокской); сверхъ того, при губернскихъ гимназіяхъ образованы были особыя четырехклассныя отдѣленія. Черезъ три года послѣ этого, опять *во вниманіи къ изобилію польскихъ дворянъ желающихъ учиться*, мѣщанскія училища преобразованы были въ *дворянскія*, причемъ

первоначально допускались туда лица всѣхъ сословій. Достигнутый успѣхъ былъ дѣйствительно великъ и долженъ былъ ободрить польщизну: всего семь лѣтъ минуло послѣ мятежа, слѣды шляхетской революціи были еще свѣжи, тюрьмы западныхъ губерній были переполнены шляхтичами, сообщниками Конарскаго, которые замышляли новое возстаніе, а уже новое коренное начало, положенное державною волей, начало, которое должно было открыть доступъ къ образованію простолюдину, врагу мятежа и измѣны, считалось на практикѣ отмѣненнымъ въ исключительныхъ интересахъ шляхты. Это кажется тѣмъ болѣе поразительнымъ, что, какъ существуетъ въ нашихъ административныхъ кружкахъ преданіе, императоръ Николай Павловичъ постоянно съ самымъ теплымъ сочувствіемъ относился къ мысли о необходимости поднятія уровня образованія въ народныхъ массахъ Западнаго края.

Но этимъ успѣхомъ не ограничились ни происки польщизны, ни наши заботы о казенномъ воспитаніи польскаго дворянства: мы продолжали далѣе и далѣе идти по проложенному пути, и послѣ различныхъ преобразованій, въ 1843 году, въ четырехъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края (Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской), вмѣсто прежнихъ 25-ти, насчитывается уже 44 казенныя училища: дворянскій институтъ въ Вильнѣ, преобразованный изъ 2-й гимназіи, 7 гимназій (въ Вильнѣ, Ковнѣ, Гроднѣ, Свислочи, Бѣлостокѣ, Минскѣ и Слуцкѣ), 19 дворянскихъ уѣздныхъ училищъ и три особыя четырехклассныя отдѣленія при губернскихъ гимназіяхъ.

Въ 1850 году по учебной части въ Сѣверо-Западномъ краѣ послѣдовали новыя перемѣны: важнѣйшею изъ нихъ было возстановленіе Виленскаго учебнаго округа (1-го мая 1832 года онъ былъ упраздненъ и причисленъ къ Бѣлорусскому учебному округу), подъ попечительствомъ мѣстнаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Ильи Гавриловича Бибикова. Съ возстановленіемъ округа началось еще болѣе быстрое расширеніе учебныхъ средствъ въ исключительныхъ интересахъ польскаго дворянства и съ полнымъ устраненіемъ отъ солиднаго образованія кореннаго мѣстнаго населенія.

Чтобъ уяснить себѣ этотъ фактъ, надо бросить взглядъ на устанавливавшіяся у насъ въ то время отношенія къ польщизнѣ въ западныхъ губерніяхъ.

Девятнадцать лѣтъ минуло со времени мятежа 1831 года и, несмотря на наружное спокойствіе въ Западномъ краѣ, правительство постоянно получало оттуда разными путями данныя, по которымъ могло судить, что настроеніе умовъ если и не предвѣщаетъ скорой бури, то и не показываетъ чтобъ истинныя чувства польщизны измѣнились къ лучшему. Обнаруживалась въ краѣ подземная работа эмиссаровъ, которые, невѣдомо для властей, въ теченіи долгаго времени находились въ краѣ и вели дѣла свои успѣшно: дѣятельный и энергическій Симонъ Канарскій, хоть и поплатился за свою смѣлость жизнью, успѣлъ однако нѣсколько разъ объѣхать обѣ половины Западнаго края и организовать повсюду тайныя общества, распространить уставы, которыхъ, какъ дознано, до сихъ еще поръ придерживается польская молодежь учащаяся въ нашихъ университетахъ; другой эмиссаръ, Адольфъ Залѣсскій, пробравшись къ намъ изъ Галиціи, посѣтилъ всѣ западныя губерніи, основалъ тайныя общества для пропаганды и даже побывалъ въ Петербургѣ и Москвѣ; вслѣдъ за нимъ эмиссаръ Реръ, вышедшій изъ Пруссіи, обнаруженъ былъ тоже по довершеніи задуманнаго имъ дѣла. Это эмиссары крупные, на слѣдъ которыхъ правительство напало; а сколько осталось ихъ неизвѣстными для насъ и такихъ, которые удачно скрылись подъ чужими заграничными паспортами? Про то знаетъ эмиграція. Во время галиційской катастрофы и Венгерской войны напряженіе умовъ польщизны выказывалось въ глухой агитаціи, о которой до властей отъ времени до времени доходили свѣдѣнія, правда, смутныя, но не лишенныя значенія. Все это, разумѣется, не внушало правительству довѣрія къ польскому дворянству; бюрократическія рѣчи о „необходимости устранить преобладаніе пришлаго польскаго элемента“, о „борьбѣ въ краѣ двухъ началъ, одного сильнаго числительнымъ могуществомъ, другаго ухитрившагося слабостью и угнетеніемъ своимъ и ловкаго къ уловленію собственныхъ выгодъ,“ о томъ, что католическое духовенство служитъ „ревностнымъ проповѣдникомъ началъ, враждебныхъ Россіи и *русской народности*“, и другія подобныя этимъ звонкія фразы были въ полномъ ходу. Ими наполнялись офиціальныя бумаги, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда, подъ громъ патріотическихъ восклицаній, проводилась мысль о доставленіи „пришлому элементу“ какихъ-

нибудь существенныхъ преимуществъ насчетъ кореннаго населенія. При тогдашней централизаціи и вмѣшательствѣ администраціи во всѣ стороны жизни, польщизна была уже крѣпка. На важныхъ для нея административныхъ пунктахъ, въ особенности въ Петербургѣ, многія второстепенныя, но вліятельныя мѣста * были заняты Поляками, не затруднявшимися, конечно, представлять къ подписи русскихъ сановниковъ бумаги, наполненныя фразами въ родѣ тѣхъ, которыя выше цитированы нами изъ документовъ того времени. Въ то же время удачно была пущена на ходъ мысль о мнимой солидарности польскаго дворянства съ русскимъ относительно крѣпостнаго права, мысль, которую паны умѣли ловко эксплуатировать въ своихъ интересахъ. Наконецъ, если припомнить тогдашнюю безгласность печати и полную апатію русскаго общества къ общественнымъ дѣламъ, апатію, бывшую естественнымъ слѣдствіемъ чувства безсилія быть полезнымъ, то становится понятнымъ, какъ удобно было чиновной польщизнѣ, прикрывшись заботой о благѣ Россіи, ловить въ мутной водѣ рыбу. Что касается собственно до учебныхъ заведеній, то польщизна умѣла пустить въ ходъ столь выгодную для нея мысль, будто правительство *изъ собственныхъ интересовъ* должно пещись объ умственномъ образованіи польскаго дворянскаго юношества, ибо-де въ противномъ случаѣ это юношество будетъ „воспитываться дома или въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ“. Дворянство знало про себя, что въ казенныхъ-то училищахъ и вырабатываются самые заядлые повстанцы, и оно благоразумно разчитывало, что гораздо выгоднѣй и дешевле образовать повстанцевъ на казенныя чѣмъ на собственныя деньги и указывать на нихъ со

* Вотъ, для образца, составъ въ 1851 году столь важнаго по отношенію къ дѣлу польщизны *люстраціоннаго комитета по западнымъ губерніямъ* при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, бывшаго подъ предсѣдательствомъ товарища министра: изъ двухъ членовъ комитета—одинъ Полякъ, начальникъ отдѣленія и секретарь комитета—Поляки; изъ двухъ столоначальниковъ—одинъ Полякъ. Дивиться ли, что этотъ комитетъ враждебно относился къ дѣйствіямъ тогдашняго кіевскаго генералъ-губернатора Дмитрія Гавриловича Бибикова, который съ энергіей и самоотверженіемъ ратовалъ за русскую народность въ краѣ и встрѣчалъ себѣ въ Петербургѣ поддержку только въ самомъ Государѣ?

временемъ какъ на воспитанниковъ *русскихъ* училищъ. Пугая насъ ужасающими послѣдствіями домашняго воспитанія, польщизна искусно ударяла по слабой струнѣ многихъ тогдашнихъ администраторовъ, которые вѣрили въ дѣйствительность и благодѣтельное вліяніе казеннаго полицейскаго контроля чрезъ посредство чиновнаго люда, хотя бы людъ этотъ и заинтересованъ былъ представлять дѣло въ ложномъ свѣтѣ.

Первымъ преобразованіемъ подъ новымъ управленіемъ Виленскаго учебнаго округа было устраненіе мѣстнаго кореннаго населенія отъ гимназій. Начальство округа исходатайствовало ограниченіе пріема въ гимназіи „дѣтьми дворянъ и купцовъ первыхъ двухъ гильдій“, но вмѣстѣ съ тѣмъ представило о сравненіи дворянскихъ уѣздныхъ училищъ съ уѣздными и приходскими училищами внутреннихъ губерній.

Послѣднее предположеніе, открывавшее народу доступъ въ училища, въ высшихъ сферахъ было встрѣчено, какъ и слѣдовало ожидать, съ полнымъ одобреніемъ. Покойный государь императоръ отнесся къ нему съ такимъ искреннимъ сочувствіемъ, что, по личному вчинанію, повелѣлъ распространить проектированную мѣру не на одинъ Виленскій округъ, какъ испрашивалось, а *на весь* Западный край.

Дѣйствительно, до того времени огромные казенные расходы на образованіе въ Западномъ краѣ шли исключительно на дворянство, такъ что въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ 1850 году изъ 5.876 учениковъ гимназій, польскихъ дворянъ было 4.572, а изъ 3.790 учениковъ дворянскихъ уѣздныхъ училищъ, ихъ считалось 3.458. Ничтожный процентъ обучавшихся лицъ изъ прочихъ сословій приходился по большей части на долю мѣстныхъ купцовъ, мѣщанъ, иностранцевъ и отчасти на дѣтей православнаго духовенства; обучавшіеся изъ крестьянъ были рѣдкимъ исключеніемъ.

Но опасность и на этотъ разъ миновала благополучно для польщизны, благодаря воззрѣніямъ господствовавшимъ въ тогдашнемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Тамъ принято было во вниманіе, будто дѣйствовавшею до того времени системой воспитанія „дворянство западныхъ губерній было *совершенно успокоено*“, и будто правительство *достигло своей цѣли*, ибо „направленіе воспитанія зависитъ отъ него одного“, а существующія учебныя заведенія „пріобрѣли

особенную довѣренность дворянства". „Что будетъ съ 3.458 учениками изъ потомственныхъ и личныхъ дворянъ, которые находятся теперь въ уѣздныхъ училищахъ," если училища эти сдѣлаются достояніемъ мѣстнаго русскаго населенія? „Можно сказать утвердительно, что бо́льшая половина ихъ оставитъ казенныя заведенія", и въ такомъ случаѣ многіе изъ нихъ „прибѣгнутъ къ частному и домашнему воспитанію". Слѣдствіемъ такого ужаса будетъ то, что разведутся частные мужскіе пансіоны, которыхъ тогда вовсе не существовало въ западныхъ губерніяхъ, „по невозможности выдерживать соперничество съ казенными *благоустроенными* заведеніями". Такимъ образомъ „правительство *выпустило бы* (!) изъ своихъ рукъ образованіе весьма значительнаго числа дворянскихъ дѣтей".... „главными стихіями воспитанія сдѣлались бы, по-прежнему, безумный польскій патріотизмъ и слѣпой римско-католическій фанатизмъ".

При такихъ воззрѣніяхъ на дѣло, министерство успѣло въ 1852 достичь отмѣны благодѣтельнаго для русскаго народа распоряженія относительно уравненія уѣздныхъ дворянскихъ училищъ съ нашими уѣздными и приходскими.

Въ 1858 году, по Высочайше утвержденному 9-го іюня положенію главнаго правленія училищъ, между прочимъ, постановлено:

1) Четырехклассныя отдѣленія Виленской и Бѣлостокской гимназій преобразовать въ три низшіе параллельные класса этихъ гимназій.

2) Вмѣсто 19-ти пятиклассныхъ дворянскихъ уѣздныхъ училищъ, существовавшихъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ, учредить 7 гимназій и 12 трехклассныхъ уѣздныхъ училищъ, съ наименованіемъ ихъ *дворянскими*.

3) Къ началу 1858—1859 учебнаго года открыть четыре гимназіи (въ Пинскѣ, Новогрудкѣ, Кейданахъ и Поневѣжѣ).

4) Одновременно съ учрежденіемъ первыхъ четырехъ гимназій, упразднить пятиклассныя училища въ 12-ти городахъ, замѣнивъ изъ нихъ восемь — трехклассными дворянскими уѣздными училищами.

Но и это расширеніе учебныхъ заведеній, по офиціальному отзыву мѣстныхъ властей, „не удовлетворяло потребностямъ жителей", а потому постановленіемъ главнаго правленія училищъ, отъ 22-го февраля 1860 года, было рѣшено, вмѣсто открытія седьмой гимназіи и пяти уѣздныхъ училищъ

учредить еще одно училище и четыре пятиклассныя отдѣленія гимназій (прогимназіи), причемъ права служащихъ въ прогимназіяхъ были сравнены съ правами таковыхъ же лицъ въ гимназіяхъ.

Въ такомъ положеніи находились учебныя заведенія Сѣверо-Западнаго края ко времени наступленія періода манифестацій. Къ 1-му января 1862 года въ Виленскомъ учебномъ округѣ состояло: *гимназій*—13.

Въ Виленской губерніи—2: въ Вильнѣ (съ реальнымъ отдѣленіемъ, съ классами таксаціи и землемѣрія и съ пансіономъ) и въ Свенцянахъ.

Въ Гродненской губерніи — 2: въ Гроднѣ (съ пансіономъ и конвиктомъ на счетъ частнаго фундуша) и въ Бѣлостокѣ (съ реальнымъ отдѣленіемъ).

Въ Ковенской губерніи—4: въ Ковнѣ, Шавляхъ, Поневѣжѣ и Кейданахъ.

Въ Минской губерніи — 5: въ Минскѣ (съ классами таксаціи и землемѣрія и съ пансіономъ), въ Пинскѣ (съ пансіономъ на счетъ частнаго фундуша), Мозырѣ, Новогрудкѣ и Слуцкѣ (съ конвиктомъ).

Сверхъ того, въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, причисленныхъ тогда къ С.-Петербургскому учебному округу:

Въ Витебской губерніи — 2: въ Витебскѣ (съ конвиктомъ на счетъ частнаго фундуша) и въ Динабургѣ, и

Въ Могилевской губерніи — 1: въ Могилевѣ (съ классами таксаціи и землемѣрія и съ пансіономъ).

Всего въ шести губерніяхъ сѣверо-западнаго края *шестнадцать гимназій*, съ приписанными къ нимъ отдѣленіями, то-есть столько, сколько у насъ ихъ было въ шестнадцати внутреннихъ губерніяхъ (кромѣ столичныхъ).

Прогимназіи находились въ Вильнѣ, Молодечнѣ, Свислочи и Тельшахъ.

Всего въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ числилось къ 1-му января 1862 года: учащихъ—469, учениковъ—7.953.

Заключаемъ этотъ перечень приведеніемъ мыслей графа Михаила Николаевича Муравьева, изложенныхъ въ 1864 году въ отношеніи министру народнаго просвѣщенія, относительно выбора мѣстности для учебныхъ заведеній Сѣверо-Западнаго края:

„Умноженіе заведеній этихъ было постоянною заботой польскаго дворанства и римско-католическаго духовенства,

стремившихся подавить въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ русскую народность и православіе.

„Съ этою цѣлію они не щадили пожертвованій для устройства гимназій, притомъ преимущественно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ, по отдаленности отъ центровъ, дѣятельный надзоръ правительства былъ затруднителенъ, и гдѣ, слѣдовательно, легче можно было надѣяться вытѣснить русскій элементъ и воспитать молодое поколѣніе въ духѣ ненависти ко всему русскому и въ несбыточныхъ мечтахъ объ отторженіи западныхъ нашихъ провинцій и соединеніи ихъ съ Польшей. Эти гимназіи польское дворянство и духовенство старались наполнять мѣстною шляхтой, чтобы предоставить ей съ окончаніемъ курса служебныя права, а затѣмъ служебныя должности въ мѣстной администраціи, которая, вслѣдствіе сего, въ свою очередь, обратилась въ орудіе враждебной Россіи партіи.... Такимъ образомъ въ гимназіяхъ Виленскаго округа правительство, тратя на содержаніе ихъ значительныя суммы, воспитывало враговъ себѣ и Россіи. Между тѣмъ какъ съ закрытіемъ нѣсколькихъ изъ этихъ заведеній, употребляемыя на нихъ деньги могутъ быть съ пользою обращены на умноженіе народныхъ училищъ и сельскихъ школъ. Въ этихъ училищахъ и школахъ, приспособленныхъ къ потребностямъ населенія, съ одной стороны, дѣти горожанъ и крестьянъ, представителей русскаго населенія края, будутъ укрѣпляться въ изученіи вѣры и языка предковъ, которые пропаганда напрасно старалась въ нихъ заглушить, съ другой стороны, дѣти шляхты будутъ пріобрѣтать познанія, полезныя въ сферѣ ихъ обычной дѣятельности, и перестанутъ выходить безъ нужды въ сословіе чиновниковъ и увеличивать собой и безъ того уже многочисленный въ краѣ пролетаріатъ.“

Такова же, съ незначительными измѣненіями, была судьба среднихъ учебныхъ заведеній и въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ съ 1803 по 1813 годъ дѣйствовалъ другъ и единомышленникъ Чарторыйскаго, графъ Ѳаддей Чацкій, человѣкъ съ высокимъ образованіемъ, который успѣлъ въ теченіе десяти лѣтъ покрыть край частою сѣтью училищъ, предназначенныхъ исключительно для дворянства и организованныхъ въ томъ же духѣ какъ и учебныя заведенія Сѣверо-Западнаго края; подспорьемъ для этихъ училищъ служили Кременецкій лицей и польскія монастырскія школы.

Вслѣдствіе мятежа 1831 года, созданное Чацкимъ зданіе было разрушено закрытіемъ около 250 свѣтскихъ училищъ и всѣхъ почти монастырскихъ школъ. Въ замѣнъ Кременецкаго лицея, учрежденъ былъ въ Кіевѣ университетъ Св. Владиміра, который въ первое время старался принять польско-

патріотическіе алюры Виленскаго университета, чему много способствовалъ, какъ мы замѣтили выше, личный составъ преподавателей и учащихся, бывшій, за ничтожными исключеніями, польскимъ; къ счастію, попытки польщизны въ этомъ дѣлѣ были скоро остановлены. Что касается до среднихъ учебныхъ заведеній, гимназій и уѣздныхъ училищъ, то они, за незначительными измѣненіями, имѣли ту же участь какъ и училища Сѣверо-Западнаго края: число ихъ также постепенно возрастало, по мѣрѣ успокоенія волненій; и они тоже были исключительнымъ достояніемъ шляхты; правда, они разнились отъ литовскихъ училищъ тѣмъ, что въ нихъ элементъ русскій и православный былъ несравненно сильнѣе, но сила эта заключалась скорѣй въ числительности чѣмъ во вліяніи, подтвержденіемъ чего служитъ то, что польскіе юноши, окруженные массой русскихъ товарищей, безпрепятственно развивались въ духѣ польскаго патріотизма.

Польщизна Юго-Западнаго края, сдержанная въ границахъ, въ теченіи 14 лѣтъ (1838—1852), крѣпкою рукой Дмитрія Гавриловича Бибикова, ставилась строгими полицейскими и карательными мѣрами въ невозможность открыто предпринимать революціонныя дѣйствія; но это не препятствовало ей свободно развиваться въ духѣ польскаго патріотизма и воспитывать своихъ дѣтей въ фанатической ненависти ко всему русскому. Правда, мѣстная администрація, несмотря на всѣ бюрократическія препятствія, чинимыя изъ Петербурга, съ патріотическою энергіей стояла за интересы русской народности и горячо отстаивала крестьянъ отъ панскаго произвола, но она обращала вниманіе лишь на экономическіе интересы мѣстнаго русскаго населенія, да на огражденіе его отъ латинства, а объ умственномъ его образованіи не возбуждалось серіозно и рѣчи.

Правда, университетъ и гимназіи Юго-Западнаго края, сначала переполненные Поляками и между преподавателями и между учащимися, подверглись въ теченіи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, подъ предлогомъ наблюденія за политическимъ настроеніемъ, самому бдительному надзору мѣстныхъ полицейскихъ властей. Университетъ былъ, по дѣлу Канарскаго, даже закрытъ на время, и весь личный составъ его раскассированъ. Но Поляки умѣли воспользоваться даже полицейскимъ наблюденіемъ за училищами и доставили

обильную пищу для преслѣдованія, указавъ полицейскимъ властямъ какъ на опасность на какую-то яко бы демократическую и малороссійскую пропаганду въ средѣ молодежи: мы съ полнымъ усердіемъ стали обстрѣливать фантомъ мнимаго непріятеля, а настоящій врагъ нашъ, польщизна, подъ шумокъ, процвѣтала, развивалась и подсмѣивалась надъ нашей пугливостью. Обстоятельства помогли польщизнѣ: въ западной Европѣ пылала революція, въ Петербургѣ производили слѣдствіе и судъ надъ Петрашевскимъ, Спѣшневымъ, Монбели и др. На бѣду, нѣсколько недоучившихся школьниковъ составили тайное общество, имѣвшее-де въ виду объединеніе малороссійской народности: общество было открыто и послужило аргументомъ, подтверждающимъ будто бы солидарность мѣстныхъ заговорщиковъ съ демократическою революціей на Западѣ и даже, кажется, съ затѣями Петрашевскаго. Мѣстная администрація налегла тогда на учебныя заведенія всею тяжестью полицейской власти, не обращая никакого вниманія на національность молодежи. Вотъ какъ описываетъ тогдашнее отношеніе властей къ учебнымъ заведеніямъ одинъ изъ очевидцевъ, въ послѣдствіи профессоръ университета Св. Владиміра, г. Шульгинъ:

„Надзоръ былъ самый бдительный; трепетъ великій обуялъ всѣми, съ тѣхъ поръ какъ попечительство надъ округомъ перешло въ руки главной мѣстной администраціи. Стремясь водворить духъ повиновенія между учащимися, студентами и гимназистами, стали преслѣдовать какъ уголовное преступленіе разстегнутые мундиры, пестрые панталоны и длинные волосы, вводить между гимназистами маршировку по военному уставу и дрессировать ихъ по одному мановенію начальника идти, стоять, падать, лежать, даже сопѣть и всхрапывать. Стремясь исключить изъ общественныхъ учебныхъ заведеній всякій демократическій элементъ, строго приводили въ исполненіе законъ, не допускавшій податныхъ сословій въ гимназіи. Стремясь заставить студентовъ серіозно и самостоятельно заниматься наукой, ввели переклички на лекціяхъ и сажали въ карцеръ и даже исключали изъ университета за пропускъ нѣсколькихъ лекцій, „за Гомера или Софокла“, какъ тогда технически выражались. Стремясь, наконецъ, отвлечь студентовъ отъ разсужденій о политическихъ и общественныхъ вопросахъ въ свободное время внѣ лекцій, сквозь пальцы смотрѣли на трату молодыхъ и свѣжихъ силъ въ разгулѣ и не нравственныхъ удовольствіяхъ. Наблюдая за слушателями, не упускали изъ виду и преподавателей: имъ вручены были программы, они подчинены были строгому

контролю отъ непосредственныхъ начальниковъ, которые должны были отъ времени до времени слѣдить за направленіемъ преподаванія и доносить о томъ начальству. Философія, какъ зловредная мать вольномыслія, была вовсе исключена изъ университета. Однимъ словомъ, бдительность была самая строгая, страхъ на всѣхъ, и учащихъ и учащихся, наведенъ былъ не малый, а между тѣмъ затѣи пропаганды, *пропаганды польской, а не малороссійской*, мало-по-малу проникли и втихомолку развивалась въ университетѣ, благодаря бдительности начальства, котораго глаза сумѣли направить въ противоположную сторону." *

Отсутствіе данныхъ не дозволяетъ намъ останавливаться на дальнѣйшемъ ходѣ преобразованія учебныхъ заведеній Юго-Западнаго края, и потому мы заключимъ настоящій очеркъ перечнемъ ихъ въ періодъ демонстрацій. О положеніи дѣлъ въ этихъ училищахъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Въ Кіевскомъ учебномъ округѣ къ 1-му января 1862 года состояло *гимназій* (прогимназій въ этомъ округѣ не было)

Въ *Кіевской губерніи*—3: двѣ въ Кіевѣ (при первой изъ нихъ пансіонъ, при второй классы таксаціи и землемѣрія) и одна въ Бѣлой Церкви, съ пансіономъ.

Въ *Волынской губерніи*—2: въ Житомирѣ (съ классами таксаціи и землемѣрія) и въ Ровнѣ.

Въ *Подольской губерніи*—2: въ Каменцѣ (съ классами таксаціи и землемѣрія) и въ Немировѣ.

Итого 7 гимназій. Всего же въ девяти губерніяхъ Западнаго края 23 гимназіи и 4 прогимназіи.

II.

Правительство внимательно слѣдило за ходомъ воспитанія молодежи въ западныхъ губерніяхъ, видя въ немъ надежное орудіе противъ польской пропаганды. Оно постоянно требовало, чтобы въ основаніи воспитанія лежали *„русскія начала"*. Объ этихъ началахъ, — смыслъ которыхъ не былъ формулованъ съ точностью, а потому всякимъ истолковывался по-своему,—можно было серіозно говорить только при хорошемъ, въ научномъ и политическомъ отношеніи, составѣ наставниковъ и при томъ условіи чтобы преподаватели поставлены

* *Юго-Западный край въ послѣднее двадцати-пяти-лѣтіе.* В. Шульгина. Кіевъ. 1864 г.

были въ краѣ въ положеніе, по меньшей мѣрѣ, столь же почетное какъ ихъ предшественники, набранные Чарторыйскимъ и Чацкимъ. О первомъ правительство много, но безуспѣшно, заботилось, о послѣднемъ же практически не возбуждалось рѣчи и до настоящаго времени.

Заботы объ организаціи русскаго педагогическаго состава въ гимназіяхъ начались еще съ тридцатыхъ годовъ. Такъ какъ мы въ теченіи слишкомъ двадцати лѣтъ, повидимому, ни на минуту не уклонялись отъ предположенной цѣли, то для человѣка, не знакомаго съ нашими порядками прежняго времени, покажется непостижимымъ: какимъ образомъ не успѣли мы, въ столь продолжительное время, достичь желанной цѣли, когда назначеніе на учительскія должности зависѣло единственно отъ правительства? Въ Пруссіи, напримѣръ, правительству стоило только разъ сознать необходимость замѣщенія, въ бывшихъ польскихъ областяхъ, административныхъ и педагогическихъ должностей Нѣмцами, и Поляки сразу убѣдились въ безполезности даже домогаться полученія этихъ должностей.

Явленіе это объясняется однако очень просто. У насъ во всемъ и всегда проявлялась двойная жизнь: канцелярская и дѣйствительная. Предписаніями требовалось свыше, чтобы такая-то мѣра приведена была въ исполненіе; на бумагѣ же доносилось снизу, что требованіе исполняется успѣшно, и что желанная цѣль скоро будетъ окончательно достигнута. Для большей убѣдительности, приводилось нѣсколько доводовъ, подтверждавшихъ неусыпную бдительность канцеляріи по приведенію въ исполненіе предначертаній высшаго правительства. Но этою отпиской по большей части и оканчивались дѣйствительныя заботы администраціи. На дѣлѣ все шло по-прежнему, и можно указать не на одинъ случай, въ особенности въ западныхъ губерніяхъ, когда канцеляріи доносили въ Петербургъ о своихъ чрезвычайныхъ успѣхахъ въ то самое время, когда дѣла на практикѣ шли хуже и хуже. То же самое было и въ дѣлѣ замѣщенія польскихъ наставниковъ русскими.

Старая закваска педагоговъ, воспитанныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя были устроены Чарторыйскимъ и Чацкимъ, оставалась. Въ нее стали постепенно вводить русскихъ учителей, которые, попавъ въ среду чуждую и открыто враждебную, по большей части не только не пріобрѣтали

тамъ вліянія, но вынуждены были терпѣливо переносить открытое презрѣніе и всякаго рода униженія отъ пановъ и польскихъ чиновниковъ, а иногда и учениковъ, для которыхъ „московскій наѣздъ“ былъ всегда спицей въ глазу. Къ тому же наша администрація всегда свысока смотрѣла на педагоговъ, какъ людей по большей части бѣдныхъ и безъ вліянія, а потому, если между ними и являлись иногда люди энергическіе, разчитывавшіе на возможность борьбы при правотѣ дѣла, то энергія ихъ скоро сокрушалась объ интригу. Въ 1854 году, напримѣръ, молодой учитель русскаго языка и русской исторіи въ Тельшевской семинаріи, г. Ѳеоктистовъ, отправилъ въ Петербургъ къ министру, которому онъ былъ лично извѣстенъ, записку о безпорядкахъ въ Ворняхъ и о томъ фанатическомъ настроеніи ксендзовъ, съ которымъ мы ознакомились на практикѣ уже въ 1863 году. И что же? Между нимъ и обвиняемыми завязалась борьба, для разслѣдованія которой командированъ былъ изъ Ковно жандармскій штабъ-офицеръ, и исходомъ которой было удаленіе молодаго человѣка отъ должности, при дознанной правотѣ его. При такихъ условіяхъ личный составъ русскихъ педагоговъ, разумѣется, постоянно и быстро измѣнялся. Въ Западный край назначалась на службу молодежь, по большей части изъ казенно-коштныхъ студентовъ, вынужденныхъ отслуживать сроки; они смотрѣли на свое пребываніе тамъ какъ на неизбѣжную, но временную необходимость и, по выслуженіи установленныхъ лѣтъ, при первой возможности, спѣшили во-свояси. Бывали, конечно, и исключенія, но дѣло не въ нихъ.

Уже въ концѣ тридцатыхъ годовъ придумана была лазейка, при которой Полякамъ косвенно открывался доступъ на учительскія должности, лазейка, которою польщизна искусно пользовалась.

Въ 1837 году постановлено было, чтобъ уроженцы западныхъ губерній, для лучшаго изученія русскаго языка и дѣловаго слога, начинали службу въ великороссійскихъ губерніяхъ и только по истеченіи пяти лѣтъ продолжали ее въ западныхъ губерніяхъ. Правительство разчитывало, что русская служба обруситъ Поляковъ; что оказалось на дѣлѣ—извѣстно. Кромѣ того, въ русскихъ университетахъ учреждено было до шестидесяти стипендій по историко-филологическому и физико-математическому факультетамъ съ цѣлію подготовленія для гимназій и прогимназій Западнаго края способныхъ

учителей. На этотъ предметъ ассигнуемо было ежегодно по пятнадцати тысячъ рублей (250 руб. на человѣка). Стипендіаты обязаны были, по окончаніи курса, прослужить шесть лѣтъ. Такъ какъ Поляки западныхъ губерній не лишены были права на полученіе этихъ стипендій, то, по отзывамъ людей, знающихъ дѣло, они-то преимущественно и были стипендіатами. Какъ бы то ни было, благодаря этимъ мѣрамъ, Поляки, прослужившіе пять лѣтъ во внутреннихъ губерніяхъ или поучившіеся на казенный счетъ въ университетахъ, при возвращеніи въ Западный край безпрепятственно принимались на открывавшіяся вакансіи. Излишне говорить, что по занятіи ихъ, quasi-обрусѣлые шляхтичи оказывались столь же ревностными поборниками польскихъ затѣй какъ и предмѣстники ихъ изъ школы Чарторыйскаго.

Послѣ Крымской войны послѣдовала въ воззрѣніи на польское дѣло реакція: наступилъ новый періодъ, начавшійся, впрочемъ, строгимъ подтвержденіемъ прежнихъ распоряженій относительно замѣщенія открывающихся въ Западномъ краѣ служебныхъ вакансій Русскими. Поводъ къ этой послѣдней мѣрѣ подало энергическое письмо покойнаго митрополита литовскаго Іосифа Симатки, который, въ январѣ 1855 года, въ письмахъ адресованныхъ графу Протасову и московскому митрополиту Филарету, указывалъ на отчаянное положеніе, въ какое приведенъ край русскою администраціей, допустившею Поляковъ захватить большинство вліятельныхъ должностей, и пророчески предрекалъ намъ близкую расплату за ошибки. Несмотря на то что отъ свѣтскихъ виленскихъ властей (которымъ не было еще извѣстно о письмѣ высокопреосвященнаго) одновременно получены были въ Петербургѣ свѣдѣнія совершенно противоположнаго, самаго успокоительнаго характера, и что при этомъ, впервые послѣ мятежа 1831 года, офиціально высказывалась мысль о безвредности Поляковъ на служебныхъ мѣстахъ, — 2-го февраля состоялось подтвержденіе о замѣщеніи должностей въ западныхъ губерніяхъ чиновниками изъ Русскихъ и о переводѣ туземцевъ въ Великороссійскія губерніи. При этомъ было постановлено за непремѣнное правило, чтобы никто изъ уроженцевъ западныхъ губерній, кромѣ исповѣдующихъ православную вѣру, не былъ опредѣляемъ тамъ на службу прежде прослуженія *десяти лѣтъ* во внутреннихъ губерніяхъ или въ войскахъ. Но скоро идеи *примирительной политики* взяли

верхъ. Въ духѣ новыхъ воззрѣній, мѣстныя власти въ Вильнѣ и Кіевѣ свидѣтельствовали, что путемъ этой политики удобнѣе достичь тѣснаго объединенія края съ остальною Россіей чѣмъ путемъ полицейскаго преслѣдованія, которое на самомъ дѣлѣ не приносило существенной пользы, а при польскомъ личномъ составѣ полицейскихъ чиновъ, обращалось во вредъ только русскому населенію. При этомъ не было однако рѣчи ни объ одной радикальной мѣрѣ, которая могла бы дѣйствительно повести край къ объединенію и оградила бы мѣстное русское населеніе отъ польщизны, а православіе отъ католицизма. Примиреніе оказалось въ послѣдствіи на практикѣ упраздненіемъ, ради польщизны,—которая и безъ того самовластно хозяйничала уже въ краѣ и безцеремонно звала себя его интеллигенціей, — всѣхъ тѣхъ административныхъ препятствій, которыя мѣшали ей считать край вполнѣ польскимъ. Во главѣ этихъ препятствій, по понятіямъ Поляковъ, были Русскіе, служившіе въ краѣ, числительность которыхъ, и безъ того слабая, стала съ 1856 года быстро уменьшаться.

Не прошло года, какъ поступило ходатайство объ отмѣнѣ повелѣнія 2-го февраля. Кіевскій генералъ-губернаторъ, бывшій, подобно виленскому, попечителемъ округа, утверждалъ, что перемѣщеніе однихъ лицъ на мѣсто другихъ было бы сопряжено съ крайнимъ затрудненіемъ для служащихъ и большею частью съ разореніемъ ихъ, а потому предлагалъ принять за правило замѣщать всякаго рода должности, при открывающихся вакансіяхъ въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, не исключительно, но *предпочтительно* Русскими, а изъ состоявшихъ уже на службѣ Поляковъ назначать въ другіе округа въ томъ лишь случаѣ, „если они оказались тамъ ненадежными или замѣчены были въ упущеніяхъ по службѣ“. Этого послѣдняго рода господами великодушно предлагалось снабжать учебныя заведенія нашихъ внутреннихъ губерній. Въ Вильнѣ упомянутое распоряженіе изъ Петербурга встрѣчено было также неблагосклонно. Оттуда представляли о невыгодѣ „и даже вредѣ“ исполненія предписанной мѣры.

Эти ходатайства были въ полномъ соотвѣтствіи съ новымъ политическимъ воззрѣніемъ на отношенія наши къ польщизнѣ, болѣе и болѣе устанавливавшемся въ правительственныхъ сферахъ. Слишкомъ тридцать пять лѣтъ минуло послѣ мятежа 1831 года. Въ теченіи этого періода правительство

выказывало польщизнѣ явное недовѣріе и держало Царство Польское и Западный край въ исключительномъ, напряженномъ положеніи. И въ заграничной печати, и въ частныхъ бесѣдахъ раздавались горькія сѣтованія Поляковъ на чинимыя имъ притѣсненія и на то, будто наше правительство само отталкиваетъ польщизну отъ объединенія съ прочими частями Имперіи. Сѣтованія эти встрѣчали довѣріе и сочувствіе и въ русскомъ обществѣ, и естественно приводили къ вопросу: нѣтъ ли возможности миролюбиваго соглашенія съ Поляками, помимо ссылокъ, сдачи въ солдаты и другихъ крутыхъ мѣръ, которыя вели только къ ожесточенію и разладу. Въ общественномъ мнѣніи коренилось уже убѣжденіе, что амнистія была бы дѣломъ высокой политической мудрости. Широкая амнистія, съ одной стороны, открывала бы польщизнѣ полную возможность доказать на дѣлѣ искренность ея миролюбивыхъ сѣтованій и свидѣтельствовала бы предъ свѣтомъ, что высшимъ правительствомъ сдѣлано все для доставленія ей возможности съ честію вступить въ составъ русской семьи; съ другой,—въ случаѣ еслибы Поляки употребили во зло оказанное имъ великодушіе,—амнистія доказала бы предъ свѣтомъ очевидную невозможность разчитывать на примиреніе съ польщизной.

При такихъ условіяхъ, русское общество встрѣтило съ сочувствіемъ великодушное слово объ амнистіи, произнесенное съ высоты трона въ день священнаго коронованія. Въ Высочайшемъ указѣ отъ 26-го августа 1856 года повелѣвалось, между прочимъ: „въ пріемѣ уроженцевъ западныхъ губерній на службу по гражданской части и при перемѣщеніи ихъ изъ одного мѣста или вѣдомства въ другое, наблюдать въ точности лишь тѣ общія правила, которыя въ семъ отношеніи постановлены для всѣхъ имѣющихъ право вступать въ гражданскую службу подданныхъ прочихъ губерній и областей".

Этотъ указъ естественно велъ къ возбужденію вопроса, сохраняютъ ли силу распоряженія 2-го февраля 1855 года. Сомнѣніе разрѣшено было въ томъ смыслѣ, что изъявленіемъ милостей, предающихъ забвенію все прошлое, особыя мѣры относительно замѣщенія должностей въ западныхъ губерніяхъ уже *не должны имѣть силы и дѣйствія*.

При этой полной амнистіи, правительство считало однако

необходимымъ оговориться, что столь важное дѣло, какъ выборъ воспитателей для юношества, не можетъ быть предоставлено случайности. Поэтому со стороны министерства народнаго просвѣщенія послѣдовало подтвержденіе попечителямъ, чтобъ они въ особенности старались о замѣщеніи должностей воспитателей и преподавателей „людьми вполнѣ благонадежными и благонамѣренными, избирая преимущественнѣйше лицъ православнаго исповѣданія и ни въ какомъ случаѣ не допуская къ онымъ такихъ лицъ, за благонадежность коихъ не могутъ принять на себя отвѣтственности". Но ограничивая выборъ педагогическаго состава, правительство *не устраняло* уже Поляковъ отъ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ Западнаго края. Прежній запретъ сохранился только для учителей исторіи въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, но 20-го февраля 1857 года и онъ былъ снятъ: постановлено было, что *„при совершенной невозможности найти способныхъ кандидатовъ изъ Русскихъ*, эти должности могутъ быть *временно* предоставляемы уроженцамъ западныхъ губерній, *преимущественно* православнаго исповѣданія".

Такою мѣрой окончательно снималась узда съ польщизны: вплоть до періода демонстрацій, Поляки оставались полными хозяевами въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. Лишь съ наступленіемъ этого періода правительство вынуждено было отказаться отъ новой системы и, какъ мы увидимъ ниже, тѣ же самыя административныя лица, которыя въ 1856 году стояли горой за польскихъ педагоговъ, обратились въ 1861 году въ самыхъ ревностныхъ поборниковъ издавна существовавшаго на бумагѣ правила о необходимости перемѣщенія учителей-Поляковъ изъ западныхъ губерній во внутреннія. Но уже поздно было унимать бурю.

Рѣшеніе вопроса о полноправности польскихъ наставниковъ въ гимназіяхъ западныхъ губерній подало Полякамъ основаніе разчитывать, что правительство изъявитъ согласіе на введеніе въ курсъ преподаванія сначала польскаго языка, а затѣмъ уже на преподаваніе и всѣхъ предметовъ по-польски. Перваго польщизна добиться успѣла, склоняя власти къ уступкамъ постепенно; вопросъ же о послѣднемъ возбужденъ былъ во время полнаго разгара демонстрацій и потому не могъ разрѣшиться такъ, какъ было желательно Полякамъ.

Преподаваніе польскаго языка въ правительственныхъ учеб-

ныхъ заведеніяхъ западныхъ губерній прекращено было въ 1839 году. Это прекращеніе было только номинальнымъ, ибо законъ Божій читался католикамъ по-польски, и ксендзы, при преподаваніи его, имѣли законное основаніе поддерживать въ воспитанникахъ убѣжденіе въ обязательности основательнаго изученія польскаго языка, такъ какъ онъ признавался и языкомъ римско-католической вѣры. Не слышавъ дома иного языка кромѣ польскаго, юноши и по поступленіи въ гимназію продолжали употреблять его въ разговорахъ, и только въ классахъ слышали русскій языкъ. До какой степени гимназіи того времени были учрежденіемъ польскимъ, служатъ живымъ указаніемъ обучавшіеся въ нихъ русскіе и православные воспитанники, которые, поступивъ въ училище безъ знанія польскаго языка, научались тамъ объясняться по-польски въ совершенствѣ, а иногда и свою родную рѣчь пріучались вести съ польскимъ акцентомъ и польскими оборотами. Въ гимназическихъ библіотекахъ постоянно находился значительный запасъ польскихъ книгъ, которыми воспитанники пользовались безпрепятственно. Чтеніе въ стѣнахъ заведенія польскихъ поэтовъ и историковъ считалось дѣломъ столь обыкновеннымъ, что на него не обращалось и вниманія, между тѣмъ какъ знакомство съ произведеніями русской литературы ограничивалось классными занятіями. Такимъ образомъ русскія казенныя училища вырабатывали изъ учащейся молодежи Поляковъ, которые неохотно, только въ силу необходимости, слушали преподаваніе предметовъ по-русски и со дня на день ждали, что, при стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ, эта послѣдняя преграда къ полонизаціи школы будетъ разрушена.

Возстановленіе преподаванія польскаго языка въ гимназіяхъ было всегда завѣтною мечтой польщизны; но мечта эта долго казалась Полякамъ несбыточною: высшее правительство преслѣдовало свою мысль съ такою послѣдовательностью, что 8-го февраля 1854 года упразднило преподаваніе польскаго языка и во вновь открываемыхъ въ западныхъ губерніяхъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Твердость и послѣдовательность высшаго правительства при приведеніи въ исполненіе этой мысли тѣмъ болѣе заслуживаютъ уваженія, что при предварительномъ запросѣ объ этомъ предметѣ изъ министерства народнаго просвѣщенія, изъ двухъ попечителей учебныхъ округовъ (они же

генералъ-губернаторы) только виленскій отозвался, что онъ „не встрѣчаетъ препятствія“ къ приведенію предположенной мѣры въ исполненіе. Управлявшій же Кіевскимъ учебнымъ округомъ не признавалъ полезною отмѣны преподаванія польскаго языка въ частныхъ дѣвичьихъ учебныхъ заведеніяхъ округа, потому-де что *„такая отмѣна не только бы ослабила, но и вовсе прекратила отдачу въ эти заведенія дѣтей потомственнаго дворянства“*. На этомъ основаніи онъ ходатайствовалъ не распространять сказанной мѣры на помянутыя учебныя заведенія Кіевскаго округа, оставивъ въ нихъ преподаваніе польскаго языка *наравнѣ съ языками иностранными*. Изъ вышеприведеннаго распоряженія 8-го февраля видно, что представленіе это не было уважено.

Законъ о полномъ устраненіи польскаго языка изъ училищъ дѣйствовалъ только въ теченіе двухъ лѣтъ. Съ наступленіемъ періода примирительной политики, когда мы стали считать необходимымъ, для устраненія всѣхъ прежнихъ недоразумѣній съ Поляками, дѣлать имъ всевозможныя уступки, польщизна употребила энергическія усилія чтобъ увеличить пропасть между ею и нами; она видѣла въ этой политикѣ только средство эксплуатировать въ свою пользу наше грубое незнакомство съ сущностью польскаго вопроса. Прежде всего она настаивала, чтобы мы не считали Западный край землею русскою, и въ то же время не пренебрегала никакими способами сообщить ему польскую окраску. Польскій языкъ игралъ при этомъ, разумѣется, главную роль. Поляки понимали, что допущеніе его въ курсъ преподаванія въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ края означало бы торжественное признаніе правительствомъ законнаго господства тамъ польской народности. Для достиженія столь существенной цѣли приступлено было къ дѣйствіямъ самымъ энергическимъ; но при этомъ, изъ опасенія возбудить подозрительность правительства, польщизнѣ надо было дѣйствовать осторожно, русскими руками.

Въ 1856 году, при объѣздѣ западнаго края однимъ изъ высшихъ лицъ министерства народнаго просвѣщенія, Поляки выразили ему горькія сѣтованія на изгнаніе изъ учебныхъ заведеній польскаго языка и представляли весьма убѣдительные аргументы въ пользу возстановленія сего послѣдняго. Сѣтованія произвели желанное дѣйствіе.

Въ отчетѣ за 1856 годъ развивалась мысль, что ввe-

деніе польскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго округа не только не представляетъ затрудненія, *но и желательно*, потому что 1) изученіе двухъ сродственныхъ языковъ, какъ русскій и польскій, способствуетъ бо́льшимъ въ томъ и другомъ успѣхамъ; 2) польскій языкъ въ сказанныхъ заведеніяхъ употребляется для преподаванія закона Божія римско-католическаго исповѣданія и слѣдовательно ученики *должны* знать и знаютъ польскій языкъ, и *казалось бы неблаговиднымъ, если правительство уже допускаетъ преподаваніе одного предмета на польскомъ языкѣ*, лишать дѣтей возможности изучать правила этого языка, *имъ роднаго*, тогда какъ ихъ обучаютъ языкамъ иностраннымъ (французскому, нѣмецкому и латинскому), и 3) введеніе этого языка удовлетворило бы повсюду высказываемому *съ покорностью* желанію жителей и пр.

Признавая мѣру эту возможною для Виленскаго учебнаго округа, министерство народнаго просвѣщенія первоначально не полагало распространять ее на учебныя заведенія губерній Витебской, Могилевской, Волынской и Подольской и рѣшительно находило не только не нужнымъ, но даже и *несовмѣстнымъ съ политическимъ воззрѣніемъ* вводить преподаваніе польскаго языка въ губерніи Кіевской.

Слѣдствіемъ этого ходатайства было возстановленіе каѳедръ польскаго языка въ гимназіяхъ.

Затѣмъ оставалось только отмѣнить постановленіе 8-го февраля: ходатаями объ этомъ явились начальства Виленскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ, одновременно домогавшіяся введенія преподаванія польскаго языка въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Главное правленіе училищъ, согласовавъ ходатайство попечителей двухъ западныхъ округовъ съ открытіемъ каѳедръ польскаго языка въ гимназіяхъ, признало домогательства ихъ вполнѣ основательными (журналъ Главнаго Правленія Училищъ 29-го марта 1858 года).

Въ 1860 году, по ходатайству министерства народнаго просвѣщенія, каѳедры польскаго языка учреждены были въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ Юго-Западнаго края. Вслѣдъ за тѣмъ мѣста учителей польскаго языка въ Западномъ краѣ внесены были въ штаты, и отъ казны ассигнована на жалованье имъ ежегодная сумма въ 9.800 р., изъ коихъ на виленскій дворянскій институтъ и 13 гимназій приходилось 7.700 руб., на 12 дворянскихъ уѣздныхъ училищъ 2.100 руб.

Устраненіе отъ преподаванія польскихъ наставниковъ и упраздненіе каѳедръ польскаго языка были единственными сколько-нибудь дѣйствительными мѣрами, которыя правительство успѣло принять съ 1832 года въ отношеніи среднихъ училищъ западныхъ губерній. Если эти мѣры на практикѣ были и не вполнѣ дѣйствительны, онѣ по крайней мѣрѣ служили видимымъ выраженіемъ начала, что правительство признаетъ въ западныхъ губерніяхъ народность *только русскую*, и что оно игнорируетъ польскія претензіи. Уступчивость наша въ этомъ отношеніи повела польщизну, какъ извѣстно, не къ благодарности, а къ увеличенію ненависти къ намъ; но въ правѣ ли мы упрекнуть въ этомъ случаѣ польщизну въ непослѣдовательности? Если мы формально признавали преобладаніе въ краѣ польской народности и прямо содѣйствовали ея поддержанію и развитію, народность эта была совершенно послѣдовательна, требуя отъ насъ признанія и того историческаго значенія, какое она себѣ приписываетъ. Польщизна никогда не скрывала ни словомъ, ни дѣломъ, что ея историческая задача—возстановленіе на развалинахъ Россіи Польскаго государства, границей которому служили бы Днѣпръ и Двина. Признавая польскую народность, мы логически должны были признать законными и адресы о присоединеніи западныхъ губерній къ Царству Польскому, и стремленіе къ автономіи. Есть несомнѣнныя указанія, что съ этой именно точки и смотрѣла масса польщизны (не говоримъ про ея коноводовъ) на нашу уступчивость; многіе, не понимавшіе сущности дѣла, объясняли ее крайнею необходимостью, какими-то тайными статьями Парижскаго трактата. При такихъ условіяхъ каждая уступка съ нашей стороны не сближала насъ съ Поляками, а рыла пропасть между ними и Россіей, ту пропасть, которая должна была въ послѣдствіи разграничить будущее Польское королевство съ царствомъ Московскимъ.

III.

Молодежь, обучавшаяся въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ западныхъ губерній, скоро почувствовала всю силу сдѣланныхъ нами уступокъ.

Мы выше замѣтили, что всѣ воспитанники знали по-польски

и употребляли этотъ языкъ въ постоянномъ разговорѣ. Исконные обитатели русскаго края, по большей части потомки русскихъ и православныхъ предковъ, они въ жизни не слыхивали укора, не говоримъ уже въ польской средѣ, но и отъ своихъ русскихъ наставниковъ, въ томъ что они предпочитали въ домашнемъ употребленіи польскій языкъ русскому—языку имъ родному и государственному, который они притомъ ежедневно слыхали въ средѣ мѣстныхъ простолюдиновъ. Паничамъ показалось бы даже парадоксомъ, что польская народность въ Западномъ краѣ—политическая нелѣпость.

Явленіе это было естественнымъ слѣдствіемъ того, что всѣ они безпрепятственно считали себя Поляками, и что дома, внѣ стѣнъ учебнаго заведенія, вращались въ средѣ чисто-польской. Всосавъ съ молокомъ матери непріязнь къ Россіи, встрѣчая въ своей средѣ лишь враждебныя чувства ко всему русскому и одобреніе всякой анти-правительственной выходкѣ (если только она сходила съ рукъ), они смолоду чувствовали себя непріязненными не только русскому, но всякому строю государственной жизни, кромѣ того, который грезился имъ въ мечтахъ о возстановленіи воспѣтой Мицкевичемъ Рѣчи Посполитой. Паничамъ грезилась старая Польша, съ ея бурными сеймами, съ ея неукротимою и своевольною шляхтой, съ ея фанатическимъ духовенствомъ, съ порабощеннымъ и вполнѣ безправнымъ народомъ, Польша, бывшая, по характеру своей конституціи, анахронизмомъ и для прошлаго столѣтія, но опоэтизированная новѣйшими поэтами-патріотами и возведенная Товянскимъ и его кликой въ санъ святой мученицы за грѣхи Европы, мученицы, которой предстоитъ скорое воскресеніе для спасенія человѣчества.* При такомъ душевномъ настроеніи, молодые Поляки и на школьной скамейкѣ не имѣли ничего общаго съ молодежью, воспитанною внѣ Западнаго края. Во всемъ свѣтѣ родители и хорошіе наставники стремятся сдѣлать своихъ сыновей людьми прежде всего безусловно-нравственными, честными; въ Западномъ же краѣ польскому юношеству внушается въ семействѣ только *относительное* понятіе о нравственности.

---

* См. „Польская революціонная обѣдня" въ *Вѣстникѣ Западной Россіи* 1866 года (напечатана и отдѣльною брошюрой)

Молодой Полякъ, по господствующимъ тамъ теоріямъ, въ правѣ быть безчестнымъ, если дѣло касается Москаля, Пруссака или Австрійца; но онъ долженъ умѣть ловко скрыть свой поступокъ, и, при невозможности этого, выставить его какъ дѣло необходимости. Поляку не запрещается быть въ дружбѣ съ Москалемъ, но первый долженъ постоянно помнить, что при такой дружбѣ ножъ долженъ не выходить изъ-за пазухи, и что польское общественное мнѣніе никогда не проститъ, еслибы Полякъ, въ случаѣ необходимости, для пользы отчизны, задумался всадить этотъ ножъ въ сердце своего русскаго друга. Молодой Полякъ долженъ быть прежде всего патріотомъ, долженъ благоговѣть предъ польскою народностью, но такъ какъ у этой народности нѣтъ народа, и такъ какъ коренное населеніе западнаго края по большей части враждебно польщизнѣ, то онъ долженъ быть въ душѣ врагомъ этого населенія, а напоказъ дѣйствовать всѣми способами чтобы возбудить въ немъ непріязненныя чувства къ Русскимъ. Наука Поляку необходима; но для того ли, для чего она нужна всему человѣчеству? Отвѣтимъ на этотъ вопросъ словами польскаго документа „Uczmy się“ (будемъ учиться), найденнаго нами въ кіевскихъ архивахъ и напечатаннаго въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* (28-го января 1866 г.): „Когда учимся для отечества, то къ побужденіямъ учиться присоединяется могучій рычагъ, который толкаетъ насъ впередъ и понуждаетъ въ таинствахъ науки выискивать тѣ именно выводы, которые можно прямо примѣнить либо наклонить къ осуществленію главнаго нашего желанія. И вотъ мы закапываемся въ книгахъ и лабораторіяхъ, роемся, ищемъ, *отличая особымъ знакомъ все то что въ нравственномъ или физическомъ отношеніи можетъ быть передѣлано въ оружіе.* Техникъ замѣтитъ себѣ въ особенности и тщательно изучитъ слѣдующіе, напримѣръ, вопросы: какъ выдѣлывать порохъ скорѣйшимъ и дешевѣйшимъ способомъ? какъ и какія ремесленныя заведенія можно передѣлать въ литейныя, въ заводы ружейные и для изготовленія сабель или боевыхъ снарядовъ? какъ дорогіе или рѣдкіе матеріалы, необходимые для сражающихся, можно замѣнить сподручными? Военный задаетъ себѣ слѣдующую задачу: человѣка, не имѣющаго малѣйшаго понятія о войскѣ, передѣлать въ кратчайшій срокъ въ солдата, способнаго маневрировать въ порядкѣ, сражаться и побѣждать непріятеля; онъ изслѣдуетъ притомъ сильныя

и слабыя стороны военной организаціи непріятеля, его средства и тайны.... Даже врачъ, даже ксендзъ, котораго правительство учитъ тому только, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ являться въ эпитрахили и ризѣ и со ступеней алтаря склонять къ покорству незаконной власти и язычеству, еслибъ они прониклись насквозь желаніемъ служить отчизнѣ, то дошли бы вскорѣ до убѣжденія, что для уврачеванія польскаго тѣла и польскаго духа нужны не аллопатія, не облаченія, а одно лишь: *„возстань и гряди“* и т. д.

Катехизисъ этотъ слишкомъ обширенъ, чтобы развивать его въ подробности; приведенныя черты опредѣляютъ его сущность. Что же можетъ, при исповѣданіи такого катехизиса, выработаться изъ молодаго человѣка? Печальный отвѣтъ на это есть наша служащая и не служащая польщизна, получившая образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ западныхъ губерній. Многіе изъ ея среды не на шутку считаютъ людей, вырабатываемыхъ въ такой школѣ, за патріотовъ, забывая, что истиннымъ патріотомъ можетъ быть человѣкъ только высоко-нравственный и честный, и что патріоты, которые признаютъ присягу и честное слово за пустыя фразы, поддѣлываніе ассигнацій въ видахъ собственнаго обогащенія—за патріотическій подвигъ противъ московской казны, клевету и интригу—за орудіе, что такіе патріоты на общечеловѣческомъ языкѣ носятъ совсѣмъ иное прозваніе. Не даромъ злѣйшіе враги Поляковъ Западнаго края—мѣстные Русскіе уроженцы; не даромъ тѣ изъ нашей петербургской и московской молодежи, которые даже въ 1861 году сочувственно относились къ борьбѣ Поляковъ *за свободу*, по прибытіи въ Западный край и по ознакомленіи съ польщизной на мѣстѣ, становились ея непримиримыми врагами. Разумно веденная школа можетъ еще исправить зло, по крайней мѣрѣ для будущихъ поколѣній, и доставить Россіи изъ дворянъ западныхъ губерній честныхъ и полезныхъ гражданъ; но надо сказать и то, что она въ прямой зависимости отъ нашей общей системы дѣйствій.... Нынѣшнее польское дворянство западныхъ губерній служитъ лучшимъ отвѣтомъ на вопросъ, что выработала польская среда и польская школа прошлаго времени. Не останавливаясь однако на этомъ щекотливомъ предметѣ, постараемся указать на нѣкоторыя характерныя проявленія, посредствомъ которыхъ учащаяся

молодежь давала властямъ вразумительныя предостереженія относительно ошибочности усвоенной нами системы воспитанія.

Какъ ни скудны въ этомъ отношеніи матеріалы, они есть однако и заключаются въ сохранившихся извѣстіяхъ о такихъ проступкахъ учащейся молодежи, которые, по необходимости, были доводимы до свѣдѣнія высшаго начальства, и о которыхъ нерѣдко сообщалось даже въ Петербургъ, какъ о происшествіяхъ политическаго характера.

Въ теченіи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, вплоть до прошлой войны, въ учебныхъ заведеніяхъ Западнаго края политическія преступленія юношества заключаются главнѣйше въ собираніи и распространеніи разнаго рода патріотическихъ произведеній подпольной польской литературы и въ частыхъ покушеніяхъ высвободиться изъ-подъ русской власти эмиграціей за границу. Объ открытой оппозиціи властямъ или о пропагандѣ мѣжду крестьянами молодежь въ то время не помышляла. До этого ее тогда не допустили бы сами польскіе помѣщики. Правда, можно указать на случаи, подобные тому который былъ въ 1851 г. въ благородномъ пансіонѣ при Минской гимназіи, когда воспитанникъ Эдмундъ Ленкевичъ тайно изрѣзалъ висѣвшій въ рекреаціонномъ залѣ портретъ въ Бозѣ почившаго государя императора; но подобные случаи были исключѣніемъ, и потому, если они и могутъ служить данными для характеристики направленія умовъ, то лишь какъ явленія выходившія изъ ряда прочихъ. Глухую оппозицію молодежи въ теченіи этого періода можно назвать оппозиціей пассивною; она заключалась не въ наступленіи, а въ оборонѣ. Оппозиція эта была упорнѣе и, надо сознаться, опаснѣе той открытой агитаціи, какая, напримѣръ, встрѣчалась въ послѣдствіи, въ 1858—1863 годахъ, потому что оппозиція эта усиливала тайную ненависть къ Россіи, между тѣмъ какъ и правительство и мѣстныя власти пребывали въ полной увѣренности, что на воспитаніе польскаго юношества казенныя деньги расходуются производительно и принесутъ со временемъ добрые плоды.

Въ концѣ пятидесятыхъ, въ особенности въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, польское юношество начинаетъ открыто высказывать свои истинныя чувства: оно уже не помышляетъ

объ эмиграціи, а считаетъ болѣе полезнымъ *дѣйствовать* или у себя дома, или на казенныхъ служебныхъ мѣстахъ. Есть ли это дѣйствительно шагъ впередъ для польщизны, какъ полагаютъ нѣкоторые? Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ уже не отъ польщизны, а отъ насъ самихъ: если мы простодушно оставимъ въ ея рукахъ средства наносить намъ вредъ, то шагъ ею сдѣланъ дѣйствительно огромный; если же мы примемъ, наконецъ, дѣйствительныя мѣры для огражденія себя отъ непріятельскихъ нападеній, то сдѣланный польщизной шагъ долженъ обратится во вредъ ей самой.

Подпольная патріотическая литература, которою питалась польщизна сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, имѣла на нее огромное вліяніе. Вліяніе это усиливалось отъ того, что правительство смотрѣло на литературу эту слишкомъ серіозно и преслѣдовало ее съ настойчивымъ ожесточеніемъ. Перечень произведеній этой литературы былъ крайне скуденъ: не говоря о нѣсколькихъ серіозныхъ книгахъ, которыя и до сихъ поръ на перечетъ, большинство ходившихъ по краю произведеній состояло изъ стиховъ, въ которыхъ воспѣвалось Польское государство и порицались мы, Австрійцы да Пруссаки. Этого послѣдняго рода литературныя произведенія поглощались Поляками съ особенною жадностью; паны и паненки тайкомъ, подъ страхомъ строгаго взысканія, списывали и заучивали ихъ точно какую-нибудь святыню. Изъ слѣдственныхъ дѣлъ того времени видно, что много людей просидѣло въ казематахъ и выслано изъ края за переписку и заучиванье разнаго рода патріотическихъ стишковъ; между этими многими встрѣчались иногда и старики.... Патріотическіе стишки эти, въ родѣ модной въ концѣ сороковыхъ годовъ басни: *Висла и Зима* *, стихотворенія въ родѣ *Надежда Мазура*, *Увядшій померанцевый цвѣтокъ*, и пр., наконецъ революціонные гимны и пѣсни до того озабочивали нашу администрацію, что бывали случаи, когда уличенныхъ въ храненіи тетрадокъ съ запрещенными стишками за 200—300 верстъ вытребовали въ центральный городъ, допрашивали о томъ откуда и когда стишки

* Зима (Россія) оковала Вислу льдомъ; Висла отвѣчаетъ ей, что и подъ льдомъ она течетъ свободно; съ наступленіемъ-де весны, ледъ растаетъ, и зима уйдетъ туда откуда пришла.

добыты, что̀ объ нихъ уличенный думаетъ, и, наконецъ, нерѣдко высылали изъ края. Много разъ случалось, что къ центральной администраціи поступали доносы, что-де у такого-то хранится тетрадка со стихами: доносъ велъ къ строгому обыску, слѣдствію и суду. Въ ту пору въ Западномъ краѣ Молчалину страсть списывать стишки едва ли обошлась бы даромъ. Тому же преслѣдованію подвергались разнаго рода мелкія вещи, въ родѣ выбитыхъ въ Парижѣ, въ 1831 году, медалей въ честь Польши, пуговокъ съ головками Собѣскаго и Костюшки, желѣзныхъ колечекъ въ честь Хлопицкаго и т. п. Преслѣдованіе производилось не всегда за ношеніе этихъ вещей ради демонстраціи, но иногда и за тайное храненіе ихъ подъ замкомъ. Подъ вліяніемъ столь серіознаго преслѣдованія, стишонки, которые при свободной печати прошли бы незамѣченными, обращались въ глазахъ не однихъ юношей въ святыню, которую должно заучивать какъ евангельскій текстъ и которою, въ случаѣ сомнѣнія, слѣдуетъ руководиться. Въ стихахъ описывалась наша звѣрская жестокость относительно Поляковъ, наше дикое преслѣдованіе католицизма: юноши, вѣря стихамъ на-слово, пріучались смотрѣть на насъ какъ на злодѣевъ, какъ на враговъ ихъ народности и вѣры.... Они еще не понимали тогда, что эти злодѣи требовательны только на мелочи, и что гнетутъ они въ Западномъ краѣ народность вовсе не польскую, а скорѣе русскую, которую закрѣпостили во власть польскихъ пановъ.... Надо полагать, что и наша администрація не преслѣдовала бы особенно сильно такъ-называемыхъ „возмутительныхъ сочиненій“, еслибъ ей извѣстенъ былъ опытъ 1863 года, когда такія сочиненія, съ той минуты какъ преданы были гласности, сразу потеряли въ глазахъ Поляковъ и обаяніе, и силу.

Возведенные нашими же усиліями на степень чуть не евангельскаго ученія, патріотическіе стихи, при вліяніи польской среды, принесли для юношей Западнаго края свой плодъ. Чтобъ оцѣнить сладость этого плода, приведемъ показаніе, данное въ 1854 году кіевской слѣдственной коммиссіи одною тамошнею Полькой, жаркою патріоткой, которая жила въ студентскомъ кругу, пользовалась въ городѣ особымъ довѣріемъ и расположеніемъ польскаго дворянства; уличенная въ политическомъ преступленіи, она дѣлала показанія съ полною откровенностью. Вотъ что̀ говоритъ она про

kіевскую польскую молодежь того времени (1854 года) предъ слѣдственною коммиссіей: „Молодые люди не скрывали, что они готовы пристать къ Французамъ или инымъ непріятелямъ, еслибы тѣ пришли сюда (въ Юго-Западный край), хотя бы ихъ явилось сюда вооруженными не болѣе двадцати человѣкъ. Всѣ студенты изъ Поляковъ,—хотя довольно осторожны и скрытны, даже предъ своими товарищами, Русскими, которымъ вообще не довѣряютъ и которыхъ не любятъ,—когда соберутся между своими, то откровенно и рѣшительно при всякомъ случаѣ отзываются, что непремѣнною обязанностью ихъ всегда быть должно вредить Русскимъ на сушѣ, на морѣ, вездѣ, во всѣхъ дѣлахъ и положеніяхъ. Что, не разбирая лицъ, не надо упускать ни одного случая вредить, чѣмъ только можно, всѣмъ Русскимъ, кто бы они ни были, если симъ можно сдѣлать помѣху или ущербъ правительству. Судя по такому направленію, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что студенты медицинскихъ выпусковъ, польскаго происхожденія, ничуть не задумаются морить, гдѣ удастся, даже раненыхъ, поручаемыхъ ихъ попеченію, потому что они и на простаго солдата смотрятъ какъ на частицу силы, которую имъ слѣдуетъ искоренять. Слушая сужденія ихъ, можно заключить безошибочно, что на этотъ счетъ *всѣ они* думаютъ одинаково, хотя довольно затруднительно опредѣлить, въ какой степени каждый студентъ-Полякъ раздѣляетъ этого рода мысли, и какъ онъ намѣренъ или окажется способнымъ дѣйствовать, сообразно съ такими мыслями, въ то время, когда на самомъ дѣлѣ будетъ поставленъ въ возможность дѣйствовать.“

А вотъ и другое фактическое подтвержденіе вліянія тогдашней польской обстановки въ училищахъ на будущность молодежи. Поручикъ Варавскій, обнаруженный въ революціонныхъ продѣлкахъ, пишетъ о себѣ въ 1865 г., между прочимъ, слѣдующую откровенную отповѣдь:

„Я хочу показать правительству тѣ причины, которыя довели меня и другихъ до преступленій, дабы правительство, зная ихъ, могло ихъ избѣжать на будущее время и такимъ образомъ избѣгнуть грустной необходимости казней, въ которую оно поставлено горькими событіями польскаго возстанія. Разбирая жизнь мою, я нахожу, что кардинальною причиной моихъ преступленій было:

„1) Первоначальное образованіе въ гимназіи и университетѣ (Св. Владиміра), гдѣ я образовалъ мой умъ чтеніемъ польскихъ историческихъ книгъ, большею частью пристрастныхъ, твердившихъ о самобытности Польши какъ стройнаго политическаго организма, павшаго не вслѣдствіе внутренней несостоятельности, а по политическимъ видамъ другихъ государствъ.

„2) Совершенное незнаніе тѣхъ условій и нуждъ, въ которыхъ находится весь край (Ю.-З.), который я, по извращеннымъ понятіямъ, считалъ моимъ отечествомъ: жизнь моя протекла въ гимназіи, университетѣ, потомъ на службѣ; Литвы и Польши я не зналъ совершенно; южныя губерніи зналъ очень мало, и

„3) Вліяніе такихъ людей какъ Калиновскій и Свѣраковскій.

„Я привожу эти причины не въ оправданіе мое, потому что передъ лицомъ правительства мнѣ нѣтъ оправданія; я привожу ихъ потому, чтобы правительство уничтоженіемъ ихъ могло избѣжать слѣдствій, которыя одолѣваются труднѣе; я привожу ихъ еще и потому, что *только введеніемъ коренной реформы въ образованіи польской молодежи въ подвластныхъ ему провинціяхъ, правительство можетъ избавиться отъ политическихъ интригъ, направляемыхъ противъ него извнѣ.*“

Что̀ касается до эмиграціи, то случаи ея были весьма часты, въ особенности въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ ей способствовала близость Галиціи и Венгріи. Въ Кіевѣ проживала даже одна старая дѣвица В—ская, пользовавшаяся въ краѣ чрезвычайною популярностью; она, какъ было дознано, посвятила свою жизнь служенію преслѣдуемыхъ администраціей Поляковъ и содѣйствію побѣгамъ за границу. Особенно сильна была эта эмиграція во время войнъ Венгерской и Крымской. Хотя и бывали случаи бѣгства за границу помѣщиковъ, но большинство эмигрантовъ было изъ учащейся молодежи. Чтобъ ознакомиться съ характеромъ этой эмиграціи и съ отношеніемъ къ этому дѣлу мѣстной администраціи, приведемъ случай побѣга за границу нѣсколькихъ учениковъ Каменецкой гимназіи въ 1848 году.

Первыми бѣглецами изъ этого учебнаго заведенія были гимназисты *Яблоновскій*, *Ковнацкій* и *Зеленскій*. Вслѣдъ за ними получено было извѣстіе о бѣгствѣ Альфонса *Пясецкаго*, который, однако, былъ на пути задержанъ; при немъ найдено:

пара двухствольныхъ пистолетовъ, кинжалъ, порохъ и старыя деньги. На допросѣ онъ увѣрялъ, будто бѣжалъ во всеоружіи вовсе не за границу, а къ своему дѣду, и будто причиной его отлучки изъ дома была строгость родителей, а оружіе и порохъ онъ взялъ съ собой „для забавы“. По высочайшему повелѣнію, Пясецкій, для примѣра другимъ, отданъ былъ въ рядовые въ Оренбургскій корпусъ, а директору гимназіи сдѣланъ строжайшій выговоръ за слабое смотрѣніе и дурной духъ воспитанниковъ.

Строгія мѣры не подѣйствовали. Вслѣдъ за Пясецкимъ эмигрировали ученики: 7-го класса Адольфъ *Гацкій*, 5-го класса Адольфъ *Омянскій*. Кіевскія власти признали необходимымъ произвести обстоятельное разслѣдованіе дѣла; съ этою цѣлью командированъ былъ въ Каменецъ инспекторъ казенныхъ училищъ Кіевскаго учебнаго округа. Но еще до прибытія его уличены были въ умыслѣ къ побѣгу ученики 5-го класса Готфридъ *Липецкій* и Христіанъ *Куше* (сынъ прусскаго подданнаго). На допросѣ Куше сознался, что они предполагали бѣжать за границу „для опредѣленія тамъ въ военную службу“; Липецкій же долго упорно отвергалъ показанія Куше, но подъ конецъ тоже сознался въ дѣйствительности своего намѣренія эмигрировать въ Австрію.

По произведенному инспекторомъ разслѣдованію оказалось, что это намѣреніе въ Липецкомъ, по всѣмъ признакамъ, имѣло началомъ свочмъ *не злоумышленность, а единственно отвращеніе къ занятію науками и боязнь родительскаго взысканія за безуспѣшность*. При изслѣдованіи обстоятельствъ дѣла о бѣгствѣ Омянскаго и Гацкаго, обращено было особенное вниманіе на то, „не было ли между учениками, прежде и теперь бѣжавшими, общаго на то соглашенія, и не раздѣляютъ ли этого намѣренія и другіе“. По этому вопросу слѣдователь пришелъ къ убѣжденію, что „можно съ достовѣрностью полагать, что между учениками Каменецъ-Подольской гимназіи *нѣтъ умысла удаляться за границу. Нельзя указать причины и значенія* побѣга первыхъ учениковъ, то есть Яблонскаго, Зеленскаго и Ковнацкаго, но о другихъ бѣжавшихъ можно *почти безошибочно* сказать, что они увлечены были пагубнымъ примѣромъ, но не наущеніемъ товарищей своихъ.“ Это очевидное стремленіе слѣдователя-инспектора выгородить училищное начальство отъ отвѣтственности за побѣгъ учениковъ, обучавшихся въ гимназіи, но жившихъ или въ

домахъ родителей, или на общихъ квартирахъ, вполнѣ понятно, и было бы странно порицать за него. Можетъ ли на самомъ дѣлѣ училищное начальство быть вполнѣ отвѣтственнымъ за поведеніе учениковъ внѣ стѣнъ заведенія, если питомцы его взросли и живутъ въ средѣ, дышащей ненавистью къ Россіи? Дѣйствующія нынѣ постановленія по этому предмету не заставили бы слѣдователя прибѣгать къ уловкамъ для огражденія начальства гимназіи отъ отвѣтственности. Далѣе слѣдователь съ осторожною откровенностью высказываетъ свой взглядъ на сущность дѣла. „Если предположить наконецъ, говоритъ онъ, существованіе какого-либо побужденія или дѣйствователя, направляющаго учениковъ къ побѣгу за границу, то *искать его надобно не между ними, а внѣ ихъ круга.*“ Осторожно развивая эту мысль, онъ приводитъ и факты. „Съ нашей стороны, говоритъ онъ, можно только замѣтить, что *необъяснимая* безпечность родителей, какъ, напримѣръ, матери Гацкаго, малое участіе и усердіе другихъ къ отысканію бѣжавшихъ ихъ сыновей, какъ, напримѣръ, отца Ковнацкаго, который отказался выѣхать изъ Каменца въ деревню верстъ за двадцать, гдѣ, по первымъ свѣдѣніямъ, казалось, скрывался его сынъ, *все это заставляетъ сомнѣваться въ самихъ родителяхъ учениковъ*, и такое предположеніе не противорѣчитъ и понятію о характерѣ Поляковъ, соединяющемъ въ себѣ легкомысліе съ восторженностью, которая въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ довести ихъ до пожертвованія своими дѣтьми.“

Крымская война произвела на Поляковъ сильное впечатлѣніе, которое быстро отразилось на учащейся молодежи. Успѣхи союзниковъ торжествовались въ Западномъ краѣ какъ побѣды польщизны. Каждое извѣстіе объ успѣхѣ непріятельскаго оружія встрѣчалось торжествомъ, тостами и пожеланіемъ союзникамъ полной побѣды. Одинъ ковенскій ксендзъ до того увлекся, что на проповѣди увѣрялъ прихожанъ, будто Турки приняли римско-католическую вѣру, и потому-де за нихъ слѣдуетъ теперь молиться. По Западному краю разсылались эмиссары для возбужденія тамъ волненій, на случай предполагавшагося десанта между Полангеномъ и Либавой. Въ Ковенской губерніи появились во множествѣ французскіе червонцы. Еще въ 1854 году задержано было полиціей сорокъ ящиковъ съ оружіемъ, предназначеннымъ для ввоза въ западныя губерніи. Помѣщики одной изъ губерній

приготовили за границей большой запасъ огромныхъ кухонныхъ ножей. Въ Минской губерніи напали на слѣдъ обширнаго заговора помѣщиковъ и тѣмъ успѣли предупредить быть-можетъ, кровавыя сцены. Въ Юго-Западномъ краѣ шляхтичи Розенталь и Скавронскій мутили Торощанскихъ крестьянъ.

При такомъ настроеніи умовъ, при надеждѣ на то что покровитель Поляковъ, Наполеонъ, обратитъ наконецъ свое вниманіе на Польшу * и западныя губерніи, дѣйствія учащейся молодежи становились смѣлѣе, языкъ развязнѣе. Со свойственнымъ молодости увлеченіемъ, она искреннѣе прочихъ вѣрила въ возможность вторженія союзниковъ въ западную окраину, несмотря на то что тогдашнія правительства Пруссіи и Австріи всего менѣе расположены были помогать польскимъ затѣямъ. Для того чтобы, при такомъ настроеніи умовъ, поднять молодежь на ноги, не нужно было ни большаго искусства, ни даже особаго довѣрія. До какой степени молодежь была наэлектризована, можно убѣдиться изъ извѣстнаго случая въ Минскѣ въ 1855 году.

Отставной губернскій секретарь Рогалевичъ задумалъ, подъ прикрытіемъ патріотическихъ цѣлей, ночью поджечь городъ, затѣмъ ограбить минскія присутственныя мѣста и подать такимъ образомъ сигналъ къ общему возстанію. Днемъ приведенія этого замысла въ исполненіе назначено было 18-е іюня. Несмотря на то что Рогалевичъ извѣстенъ былъ за лицо состоявшее предъ тѣмъ подъ судомъ по дѣламъ неполитическаго свойства и неоднократно содержавшееся подъ арестомъ, ему удалось найти себѣ значительное число пособниковъ между бывшими воспитанниками землемѣрныхъ классовъ, существовавшихъ тогда при Минской гимназіи, и гимназистами. Изъ сообщниковъ нѣкоторые обѣщали помогать ему дѣломъ, другіе хотя отказались отъ прямаго участія, но не предупредили власти о злодѣйскомъ замыслѣ. Къ счастію, заговоръ былъ открытъ во-время.

Съ наступленіемъ періода такъ-называемой примирительной политики, агитація, возраставшая въ средѣ польщизны не по

---

* Императору Французовъ даже поднесено было въ 1854 г. отъ парижской эмиграціи знамя, на которомъ вышитъ былъ гербъ Польши и Литвы, съ гербами двадцати семи польскихъ воеводствъ, въ томъ числѣ воеводства Кіевскаго, Черниговскаго, Витебскаго и пр.

днямъ, а по часамъ, стала усиливаться и въ средѣ учащейся молодежи. Приливъ эмигрантовъ изъ-за границы и политическихъ преступниковъ изъ мѣстъ ссылки влилъ въ среду, и безъ того взволнованную, свѣжія дрожжи, которыя усиливали начавшееся броженіе. Громкіе толки о предстоящемъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса и извѣстія о неудачномъ ходѣ проекта либеральныхъ виленскихъ помѣщиковъ относительно освобожденія крестьянъ *безъ земли*, сливали пановъ въ одну плотную массу, готовую отстаивать, даже съ оружіемъ въ рукахъ, фактическое закрѣпощеніе имъ русскаго хлопа. При такихъ условіяхъ оппозиція молодежи начинаетъ высказываться уже не въ попыткахъ къ эмиграціи, какъ прежде, а въ дѣятельности *на мѣстѣ* въ пользу польскаго дѣла. Молодежь, заодно съ панами и ксендзами, посвящаетъ всю дѣятельность на пропаганду между низшими сословіями, которыя настоятельно нужно было привлечь на сторону агитаторовъ. По краю сотнями учреждаются школки, гдѣ преподаваніе идетъ по-польски, или по русскимъ учебникамъ писаннымъ польскими буквами, и гдѣ крестьянскому юношеству открыто внушается ненависть къ законному правительству. Молодежь усердно трудится, чтобы посѣять въ низшихъ слояхъ общества тѣ же чувства къ Россіи, какими она сама пропитана. Эта дѣятельность замѣчается одинаково и въ сѣверо- и въ юго-западныхъ губерніяхъ.

Лѣтомъ 1860 года, нѣсколько воспитанниковъ Виленской гимназіи, вмѣстѣ съ прибывшими въ отпускъ студентами, задумали подготовлять къ возстанію тамошніе ремесленные классы. Они обратили особенное вниманіе на мастеровыхъ сафьяннаго цеха. Польская молодежь стала брататься съ этими мастеровыми, угощать ихъ, пѣть съ ними польскія патріотическія пѣсни, для чего была даже нанята особая квартира, на которой производились сборища по воскреснымъ днямъ. Хотя до свѣдѣнія властей и дошли слухи объ агитаціи, объ отобраніи отъ мастеровыхъ какихъ-то присяжныхъ листовъ, хотя наряжена была даже для изслѣдованія этого дѣла особая коммиссія, и хотя, наконецъ, до коммиссіи доходили нѣкоторыя важныя политическія свѣдѣнія (напримѣръ, о присутствіи въ Вильнѣ эмиссара Лисовскаго), но дознанія и допросы производились вяло, съ видимыми послабленіями. Администраціи не удалось дойти до сути дѣла. Молодежь въ этомъ случаѣ была, конечно, лишь орудіемъ. Въ слѣдственныхъ

дѣлахъ того времени существуютъ ясныя указанія на косвенное участіе въ этомъ дѣлѣ графовъ Ч., одного стараго учителя, который проповѣдывалъ своему ученику, что „если-бы послѣдній вступилъ въ русскую службу, онъ бы убилъ его“ и пр., но то было еще время, когда польская пропаганда не считалась преступною, въ особенности если виновные сумѣютъ схоронить концы.

То же самое, но нѣсколько въ иной формѣ, творилось и въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ молодежь и преимущественно студенты-Поляки университета Св. Владиміра дѣлали попытки сблизиться съ простымъ народомъ. Имѣлись свѣдѣнія о томъ, что между ними образовались тайныя общества: польское, подольское, волынское, украинское и литовское, и даже что послѣднее состояло изъ двухъ фракцій: собственно литовской и другой,—подъ девизомъ „unitis viribus“. Молодые шляхтичи, встрѣчая въ народѣ недовѣріе, переодѣвались въ крестьянское платье, странствовали между крестьянами, посѣщали народныя празднества. Быть-можетъ и справедливо представленное нѣкоторыми изъ этихъ господъ объясненіе, будто они дѣлали это единственно для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, но при томъ анти-русскомъ направленіи, которое господствовало между тамошнимъ польскимъ населеніемъ, и при громкихъ толкахъ въ краѣ о близости мятежа, трудно не заподозрить, чтобы подъ видомъ собиранія научныхъ свѣдѣній не скрывались затѣи въ пользу польщизны. При всемъ желаніи смотрѣть на это дѣло съ точки зрѣнія оптимиста, нельзя не призадуматься при мысли о томъ, что одновременно съ этимъ между студентами-Поляками громко агитировался вопросъ относительно составленія депутаціи къ Государю Императору о разрѣшеніи открыть въ университетѣ каѳедру польскаго языка. Правда, многіе изъ мѣстныхъ пановъ, при тогдашнихъ толкахъ о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ, со злобой смотрѣли на студентскую пропаганду и преусердно дѣлали властямъ доносы на сближеніе молодежи съ крестьянами; но правда и то, что при объясненіяхъ студентовъ съ помѣщиками дѣло всегда улаживалось мирно, и что почвой для соглашенія была „польская народность“ въ краѣ. На этой почвѣ соглашеніе было столь же удобно какъ соглашеніе въ 1863 году въ Варшавѣ между партіей бѣлыхъ и красныхъ: цѣль была одна, только тѣ и другіе шли къ ней различными путями.

IV.

Манифестъ 19-го февраля 1861 года послужилъ для польщизны сигналомъ къ переходу къ открыто-наступательнымъ дѣйствіямъ. Но для того чтобы схватиться за ружье и ринуться въ шайки, польщизнѣ нужно было подготовить массы къ мысли о возможности безбоязненно дѣйствовать противъ правительства. Почвой для первоначальныхъ дѣйствій коноводы избрали костелъ, имѣющій въ Западномъ краѣ, благодаря господству въ дополнительномъ богослуженіи польскаго языка, не столько религіозный, сколько національный характеръ. Коноводы вѣрно разчитали, что производя политическія демонстраціи въ костелѣ, они затруднятъ мѣстныя власти, поставивъ ихъ въ необходимость разгонять силой мятежныя сборища, собравшіяся подъ предлогомъ молитвы. Не менѣе вѣрно былъ разчитанъ и планъ агитаціи: примѣръ неповиновенія правительству должно было подать крупное дворянство и высшее духовенство; по его слѣдамъ должна была двинуться покорная ему шляхта, учащаяся молодежь, ополяченная челядь. Высшее дворянство отступало при этомъ для виду на задній планъ, и руководя агитаціей, должно было склонять мѣстныя и петербургскія власти къ потворству и, въ случаѣ крайности, отдавать въ руки правосудія chair à canon польщизны—шляхту. Когда край такимъ образомъ будетъ подготовленъ къ сопротивленію, всѣ слои польщизны должны быстро соединиться для единодушнаго дѣйствія съ оружіемъ въ рукахъ. Планъ этотъ, какъ извѣстно, былъ приведенъ въ исполненіе.

На долю учащейся молодежи выпадала блестящая въ патріотическомъ отношеніи роль: юноши на ученическихъ скамейкахъ обращались въ политическихъ дѣятелей, въ бойцовъ за отчизну. Но для того чтобы выполненіе этой роли было возможнымъ, нужна была прежде всего поддержка со стороны вліятельныхъ въ краѣ пановъ и поблажка со стороны гражданскаго и училищнаго начальства. Крупные паны употребили всѣ усилія чтобы развить въ молодежи духъ сопротивленія правительству; польское чиновничество дѣлало все чтобы выгораживать участниковъ демонстрацій отъ отвѣтственности; польскіе наставники и надзиратели, которые

зачастую сами участвовали въ демонстраціяхъ, служили надежною защитой агитаторовъ въ стѣнахъ училища.

Нѣсколько случаевъ краснорѣчивѣе всякихъ доводовъ укажутъ пути, которыми разжигались въ то время страсти польской молодежи.

Въ мартѣ 1861 года, одинъ изъ учениковъ Житомирской гимназіи былъ за самовольную отлучку изъ класса, по опредѣленію педагогическаго совѣта, подвергнутъ трехдневному аресту. Шесть товарищей провинившагося явились въ качествѣ депутатовъ къ директору гимназіи, объявляя, что оштрафованіемъ ученика наносится оскорбленіе всѣмъ гимназистамъ, и требуя на этомъ основаніи отмѣны опредѣленія совѣта. Директоръ, конечно, отказалъ имъ въ исполненіи требованія и разъяснялъ, что дѣло это касается не всѣхъ учениковъ, а одного виновнаго, и что ходатаемъ за него могутъ еще быть родители, но ужь никакъ не товарищи.

Получивъ отказъ, гимназисты V и VI классовъ согласились между собою прекратить посѣщеніе уроковъ. Директоръ гимназіи приказалъ надзирателямъ объѣхать этихъ учениковъ (которые всѣ жили на квартирахъ) и объявить имъ, что о тѣхъ изъ нихъ, которые 27-го марта не явятся въ классы, сдѣлано будетъ представленіе начальству. Угроза подѣйствовала на немногихъ: въ V классѣ изъ 77 воспитанниковъ явилось девять, въ VI изъ 48 — шесть. Дѣло начинало принимать серіозные размѣры. Изъ Кіева учебное вѣдомство совѣтовало житомирскимъ властямъ попробовать *чрезъ предводителей дворянства подъйствовать на самихъ родителей* учениковъ, дабы они употребили свое родительское вліяніе на успокоеніе взволнованныхъ умовъ. Мѣстное начальство должно было принять этотъ совѣтъ, хоть откровенно выражало сомнѣніе въ успѣхѣ. „Поведеніе учениковъ, писали изъ Житомира, выходитъ изъ границъ порядка и не должно бы оставаться безъ послѣдствій, хотя, при настоящемъ состояніи умовъ здѣшняго польскаго общества, ихъ, какъ дѣтей, нельзя судить слишкомъ строго: они находятся подъ вліяніемъ фанатизма здѣшнихъ Поляковъ, живутъ не въ общихъ квартирахъ, которыя закрыты, а въ частныхъ польскихъ семействахъ, гдѣ постоянно слышатъ разговоры и пререканія, направленныя противъ властей и правительственныхъ распоряженій; видятъ поступки и дѣйствія такихъ лицъ, которыя, по положенію въ

обществѣ, не должны бы направлять общественное мнѣніе на ложный путь, какъ, напримѣръ, устройство политической демонстраціи подъ видомъ религіознаго обряда, въ которую привлечены были и гимназисты; до сихъ поръ муцины и дамы здѣсь носятъ трауръ и пр. Мудрено ли, что при такомъ направленіи Поляковъ, и ихъ дѣти увлекаются?“ Несмотря, однако, на эти сомнѣнія, попытки повліять на юношество чрезъ посредство дворянъ были сдѣланы, но послѣдствіемъ ихъ было только подтвержденіе старой истины, что причиной нравственной порчи для польскаго юношества— ихъ семейства и та среда, въ которой они вращаются.

Въ то время какъ Житомиръ волновался по поводу гимназической исторіи, въ должность почетнаго попечителя гимназіи вступалъ крупный мѣстный панъ, графъ П., который и по новой должности своей, и по положенію въ польскомъ обществѣ могъ бы, еслибы пожелалъ, содѣйствовать успокоенію умовъ. Но это, какъ видно, не входило въ разчеты магната; онъ, напротивъ, воспользовался своимъ вліяніемъ для того только чтобы подлить въ огонь масло.

Отправляясь къ мѣстному губернатору для объясненій по гимназической исторіи, онъ прицѣпилъ къ своей шляпѣ польскую кокарду. Ему отвѣчали, что онъ не можетъ быть принятъ съ подобнымъ украшеніемъ. Графъ снялъ кокарду, и войдя къ губернатору, въ рѣзкихъ выраженіяхъ сталъ оправдывать поведеніе воспитанниковъ, говоря, что „въ образованныхъ странахъ, въ Германіи, Франціи, Англіи, *воспитанники иначе не поступаютъ*“. Слухъ объ этомъ скандалѣ, разумѣется, быстро облетѣлъ городъ; но это были только цвѣточки. На другой день графъ отправился въ гимназію. Вотъ описаніе этого замѣчательнаго посѣщенія, сохранившееся въ письмѣ одного изъ очевидцевъ.

„Вчера, 7-го числа, графъ П. вступилъ въ должность почетнаго попечителя Житомирской гимназіи. Вступленіе это сопровождалось слѣдующими обстоятельствами, выходящими, какъ мнѣ кажется, изъ обыкновеннаго порядка.

„Въ первомъ часу пополудни, графъ пріѣхалъ къ директору гимназіи въ полной парадной формѣ и просилъ познакомить его съ учениками, но *съ тѣмъ чтобы онъ, директоръ, сопровождалъ его по классамъ также въ мундирѣ*. „Ни вамъ, „графъ, ни мнѣ не слѣдуетъ быть въ мундирахъ при посѣще„ніи классовъ, потому что мундиръ надѣвается въ извѣстныхъ, „закономъ опредѣленныхъ случаяхъ,“ сказалъ директоръ.

„Графъ началъ еще болѣе уговаривать его надѣть мундиръ и просилъ, чтобъ онъ сдѣлалъ это собственно для него. „Прошу „васъ, графъ, вѣрить, что мы оба, явившись въ мундирахъ, „будемъ странны для учениковъ, и что, уважая васъ, я самъ „не надѣну мундира и вамъ не совѣтую.“ Послѣ сего онъ хотѣлъ идти безъ директора въ гимназію; но послѣднему кое-какъ удалось отклонить его отъ этого. Видя, наконецъ, что просьбы и увѣщанія остаются тщетными, директоръ пошелъ съ нимъ по классамъ, имѣя на себѣ вицъ-мундиръ. Вошли въ 6-й классъ. „Привѣтствую васъ, мои братья, мои друзья, мои коллеги и сотрудники,“ сказалъ П. ученикамъ *по-польски*, и затѣмъ, какъ будто боясь чтобы директоръ не остановилъ его, мгновенно началъ говорить *по-польски* же длинѣйшую рѣчь, какъ видно, заблаговременно обдуманную и заученную. Если отбросить всѣ риторическія, устарѣлыя фигуры, жесты и интонацію, употребляемые ксендзами при произнесеніи проповѣдей, увлеченіе доходившее до запальчивости и неприличнаго крика (все это у нѣкоторыхъ учениковъ вызвало смѣхъ), останется въ результатѣ: любовь къ отчизнѣ, къ працѣ, безъ чего нельзя быть полезнымъ первому, къ родителямъ и, наконецъ, къ владзѣ, которая желаетъ ученикамъ добра, и если случится что иногда обидитъ ихъ (учениковъ), то слѣдуетъ молча переносить это, утѣшаясь тѣмъ, что *въ подобныхъ случаяхъ она* (владза) *себя обижаетъ и унижаетъ*; въ заключеніе всего выражена мольба (буквально) къ ученикамъ, чтобъ они вѣрили, что онъ, П., готовъ принести всѣ жертвы для своихъ правыхъ убѣжденій, что высказаніе сихъ убѣжденій есть цѣль его жизни, и что единственная награда, которую онъ желаетъ получить, это то, чтобы на гробовой доскѣ его написано было: „здѣсь лежитъ правый человѣкъ“. Директоръ вышелъ съ тяжелымъ впечатлѣніемъ изъ класса и просилъ П. говорить меньше и только лишь то, что относится къ его обязанности. Послѣдній пообѣщалъ исполнить его просьбу, увѣряя что усталъ и скажетъ нѣсколько словъ въ слѣдующихъ классахъ. Но между тѣмъ въ другомъ классѣ повторилось то же самое. Директоръ опять повторилъ свою просьбу тономъ болѣе серіознымъ и опять получилъ обѣщаніе сказать нѣсколько словъ; но въ самомъ дѣлѣ вышло напротивъ. Вслѣдствіе чего директоръ далъ ему волю и не мѣшалъ ораторствовать, что и продолжалось до 3¾ часовъ.

„Повторяю, что на директора, на православныхъ чиновниковъ и учениковъ посѣщеніе и поведеніе П. сдѣлало очень грустное и тяжелое впечатлѣніе, особенно когда онъ въ классѣ православнаго законоучителя Овсянкина также заговорилъ по-польски. Русскій языкъ поставленъ въ русскомъ учебномъ заведеніи на второмъ планѣ. Для почетнаго попечителя, представляющаго собою звено правительства, какъ будто не было въ гимназіи ни русскихъ чиновниковъ, ни русскихъ учениковъ, а между тѣмъ этихъ послѣднихъ здѣсь до

150 человѣкъ, что̀ составляетъ одну изъ многихъ великороссійскихъ гимназій."

„Ученики начали было успокоиваться, но видя почетнаго попечителя носящаго трауръ (черный и бѣлый флеръ на шляпѣ), *не желающаго говорить по-русски*, проповѣдующаго въ городѣ, что онъ исправилъ бы гимназію, еслибы дана была ему власть и т. п., *могутъ опять придти въ большее еще напряженное состояніе*, и послѣдствія трудно предвидѣть."

Нужно ли распространяться, что этого рода дѣйствія, не говоря уже объ ихъ политическомъ свойствѣ, составляли явное превышеніе власти, ибо, по закону, почетный попечитель не въ правѣ былъ самъ собою дѣлать никакихъ распоряженій по гимназіи, а могъ только сообщить свои замѣчанія директору, и то *не гласнымъ образомъ*, причемъ директоръ вовсе не обязанъ былъ принимать его замѣчанія къ исполненію. При томъ тревожномъ настроеніи, въ какомъ находилось тогдашнее общество, подобныя выходки только разжигали страсти. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ: волненія въ гимназіи усилились, и къ концу апрѣля начальство было уже вынуждено закрыть V и VI классы.

Агитація этимъ не прекратилась. Въ половинѣ мая предводители дворянства съѣхались въ Житомиръ и, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, составили постановленіе, въ которомъ ходатайствовалось, „въ видахъ общественной пользы и дабы не обременять общество праздными членами, тогда какъ отъ нихъ можно ожидать не малыхъ въ будущемъ услугъ *для края*", объ открытіи V и VI классовъ гимназіи. Это постановленіе передано было на обсужденіе совѣта гимназіи, въ который приглашенъ былъ и графъ П. Большинство членовъ совѣта, состоявшее изъ мѣстныхъ Поляковъ, приняло постановленіе дворянскаго съѣзда *безусловно*; меньшинство же, состоявшее изъ Русскихъ, согласилось ходатайствовать о тѣхъ только ученикахъ, которые поведеніемъ и прилежаніемъ дѣйствительно заслуживаютъ такого рода ходатайства. Когда секретарь совѣта обратился къ графу П. съ вопросомъ, какого онъ мнѣнія, графъ объявилъ, что онъ мнѣнія большинства, причемъ дозволилъ себѣ новую дерзкую выходку: онъ сталъ благодарить членовъ большинства за мнѣніе *„выраженное честно и совѣстно"*.

Дерзость эта произвела такую бурю, что предсѣдатель совѣта долженъ былъ закрыть присутствіе. Двое изъ учителей,

принадлежавшихъ къ меньшинству, на другой же день отправились въ Кіевъ съ жалобой. Туда же поспѣшилъ и графъ П.

Въ концѣ іюня получено было разрѣшеніе открыть V и VI классы. Что же касается до графа П., то всѣ исчисленныя продѣлки прошли для него безслѣдно. Не безслѣдными оказались онѣ только для учащейся молодежи, которая послѣ этого окончательно обратилась въ слѣпое орудіе польскихъ магнатовъ на все время демонстрацій и мятежа.

Такими же искушеніями польскаго дворянства вовлекалась несчастная молодежь въ агитацію и въ Сѣверо-Западномъ краѣ и зачастую платилась за свои увлеченія порчей своей будущности. Наглость, съ какою паны, ради личныхъ цѣлей, старались увлечь ее на революціонный путь, доходила до того, что, напримѣръ, мировой посредникъ V участка Бобруйскаго уѣзда, бывшій въ то же время попечителемъ тамошняго уѣзднаго училища, Сигизмундъ К-чевскій, принимавшій постоянно дѣятельное участіе въ антиправительственныхъ демонстраціяхъ въ Бобруйскомъ костелѣ, не только самъ раздавалъ своимъ питомцамъ экземпляры революціоннаго гимна, не только подстрекалъ ихъ къ пѣнію, но формально обязывался, въ случаѣ еслибы за такое нарушеніе общественнаго спокойствія ученики приговорены были къ штрафу, уплатить его изъ собственнаго кармана. Ксендзы и женщины шли въ этомъ дѣлѣ рука объ руку съ панами и кружили головы учащейся молодежи. Въ мѣстечкѣ Свислочи (Гродненской губерніи) жили двѣ молодыя вдовы-Польки, И—чь и С—цая; онѣ, при содѣйствіи сестры первой, дѣвицы носившей обыкновенно щегольскую крестьянскую свитку и польскую конфедератку, посвятили всю свою дѣятельность чтобъ увлечь въ демонстраціи учениковъ тамошней прогимназіи, которые до того времени вели себя въ политическомъ отношеніи безукоризненно. Трудъ патріотокъ облегчался тѣмъ, что на квартирѣ у И—чь жило трое воспитанниковъ. Ученики двухъ старшихъ классовъ сдѣлались постоянными гостями патріотокъ. Въ короткое время юноши были доведены ими до того, что рѣшились на открытыя демонстраціи. Однажды, когда народъ сталъ выходить изъ костела, они, подъ предводительствомъ вдовы И—чь, кинулись на хоры и запѣли тамъ революціонный гимнъ.

Римское-католическое духовенство, съ своей стороны, тоже во зло употребляло свое вліяніе на умы молодежи. Съ амвона

и съ учительской каѳедры оно, подъ прикрытіемъ библейскихъ текстовъ, возбуждало политическія страсти, призывая католиковъ къ борьбѣ якобы за польскій костелъ, который-де угнетался схизматиками, тогда какъ на дѣлѣ онъ самъ фанатически преслѣдовалъ православіе. Роль ксендзовъ на амвонѣ и въ домашней жизни Поляковъ, во время минувшихъ волненій, слишкомъ извѣстна чтобъ о ней распространяться, а потому мы ограничимся фактическимъ указаніемъ на личный составъ католиковъ-законоучителей въ гимназіяхъ Западнаго края: по нравственнымъ свойствамъ наставниковъ безошибочно можно судить и о характерѣ ихъ преподаванія. Вотъ, для образца, краткая характеристика персонала ксендзовъ-законоучителей въ трехъ гимназіяхъ одной католической епархіи, въ которой находилось нѣсколько гимназій.

Въ одной изъ этихъ гимназій законоучитель, служившій съ 1845 года и имѣвшій на учениковъ благотворное вліяніе, былъ въ концѣ 1860 года, по внушенію римско-католическаго епархіальнаго начальства и съ согласія попечителя округа, удаленъ отъ должности; на его мѣсто назначенъ новый ксендзъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оказалось, что новый законоучитель открыто дѣйствуетъ въ антиправительственномъ духѣ и даже по вечерамъ репетируетъ съ своими питомцами въ костелѣ революціонные гимны. Оказалось, кромѣ того, что этотъ ксендзъ-фанатикъ настойчиво внушаетъ ученикамъ крайнюю нетерпимость къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ; увѣряетъ ихъ, напримѣръ, что посѣщеніе иновѣрческихъ (православной и протестантской) церквей есть великій грѣхъ; что онъ запретилъ воспитанникамъ присутствовать при погребеніи одного гимназическаго учителя-лютеранина и при службѣ совершенной православнымъ епископомъ по случаю закладки гимназическаго зданія и пр. При сильномъ вліяніи на умы своихъ молодыхъ питомцевъ, онъ считался ревностнымъ защитникомъ и прикрывателемъ разнаго рода политическихъ шалостей воспитанниковъ, которыя всего чаще происходили въ костелѣ.

Вновь назначенный попечитель округа, получая обо всемъ этомъ свѣдѣнія, отнесся къ епархіальному вѣдомству съ просьбой объ удаленіи ксенза и о замѣщеніи его прежнимъ законоучителемъ. Но дѣйствовавшимъ въ то время постановленіямъ и особымъ высочайшимъ повелѣніемъ, учебное вѣдомство хоть и обязано было, при назначеніи въ гимназіи католическихъ законоучителей, сноситься съ ихъ

епархіальнымъ начальствомъ, но увольненіе законоучителей отъ должности зависѣло безусловно отъ него одного. Епископы даже ограничены были въ своихъ правахъ относительно законоучителей: они не въ правѣ были не только переводить послѣднихъ въ другія мѣста, но и командировать ихъ безъ предварительнаго соглашенія съ главнымъ мѣстнымъ начальствомъ.

Епархіальное вѣдомство отозвалось на требованіе попечителя округа уклончиво: не отказываясь, повидимому, исполнить желаніе попечителя, оно предоставляло себѣ предварительно провѣрить справедливость обвиненій, падающихъ на ксендза. Попечитель, конечно, не считалъ себя въ правѣ допустить подобное вмѣшательство и контроль католическаго духовенства въ дѣло гимназіи; несмотря однако на его сопротивленіе, епископъ самовластно поручилъ двумъ мѣстнымъ ксендзамъ произвести, даже безъ депутата со стороны учебнаго вѣдомства, слѣдствіе. Слѣдователи-ксендзы нашли, какъ и должно было ожидать, виновнымъ не собрата ихъ, а училищное начальство (русское). Разными натяжками, превратными истолкованіями дѣйствій и злостными намеками на личныя отношенія, они старались доказать, что училищное начальство дѣйствуетъ пристрастно относительно ксендза, ни въ чемъ неповиннаго. Для подкрѣпленія своихъ выводовъ они обратились къ „почетнѣйшимъ“, по ихъ, конечно, выбору, жителямъ города, числомъ 64, отъ которыхъ получили голословное удостовѣреніе въ пользу обвиненнаго ксендза и противъ гимназическаго начальства.

Учебному вѣдомству не трудно было опровергнуть фактами хитросплетенные выводы слѣдователей. Но какъ дѣло шло тутъ не о полемикѣ съ епархіальнымъ вѣдомствомъ, а объ успокоеніи взволнованныхъ умовъ учащейся молодежи, то центральная власть края вынуждена была воспользоваться правомъ, предоставленнымъ ей военнымъ положеніемъ, для удаленія ксендза отъ должности, а когда послѣдній дозволилъ себѣ и послѣ этого бунтовать гимназистовъ, удалила его изъ края. На мѣсто высланнаго ксендза-агитатора назначенъ былъ новый законоучитель, но не тотъ, котораго добивалось учебное вѣдомство. Новый проповѣдникъ Слова Божія оказался не лучше своего предмѣстника: въ іюлѣ 1863 года онъ высланъ былъ графомъ Муравьевымъ во внутреннія губерніи.

Въ другой гимназіи законоучитель, при началѣ волненій 1861 года, обнаружилъ столь вредное вліяніе на умы воспитанниковъ, что, послѣ двукратнаго настоятельнаго требованія учебнаго округа, былъ смѣненъ и въ скоромъ времени, за участіе въ политическихъ демонстраціяхъ, высланъ на жительство во внутреннія губерніи. На его мѣсто, въ августѣ 1861 г., былъ назначенъ ксендзъ Г., но и послѣдній, за найденныя у него революціонныя бумаги, былъ въ августѣ 1863 года арестованъ и замѣщенъ другимъ.

Въ третьей гимназіи этой же епархіи до 1862 года состоялъ въ должности законоучителя, болѣе двадцати пяти лѣтъ, ксендзъ извѣстный своею благонамѣренностью и пользовавшійся довѣріемъ и уваженіемъ ученаго и учебнаго вѣдомства. Неожиданно и безъ всякаго видимаго основанія, онъ получилъ отъ епархіальнаго управленія приказаніе оставить законоучительскую должность; ксендзъ повиновался, но незаслуженное наказаніе до того разстроило старика, что онъ отъ огорченія заболѣлъ и черезъ 5 дней умеръ. На его мѣсто назначенъ былъ епархіальнымъ вѣдомствомъ ксендзъ, который въ 1863 году присоединился къ шайкѣ мятежниковъ.

Польскій составъ свѣтскихъ педагоговъ не уступалъ духовному: извѣстно множество случаевъ поощренія учителями воспитанниковъ къ демонстраціямъ, укрывательства участія нѣсколькихъ въ политическихъ безпорядкахъ, личнаго участія наставниковъ въ манифестаціяхъ, наконецъ бѣгства нѣкоторыхъ изъ нихъ въ шайки. Нѣсколько подобныхъ случаевъ будетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

Вотъ подъ какимъ моральнымъ гнетомъ находилось польское юношество въ то время, когда либеральные паны рѣшили сдѣлать его орудіемъ своихъ революціонныхъ замысловъ. Юноши, слышавшіе дома съ младенчества лишь злобныя выходки противъ русскаго народа и русскаго правительства, вращавшіеся въ средѣ, гдѣ тѣнь сочувствія Россіи казнилась общимъ презрѣніемъ, встрѣчаютъ вездѣ, и въ семьѣ, и въ средѣ товарищей, и со стороны наставниковъ, и въ костелѣ, одни поджигательства на враждебныя дѣйствія противъ законныхъ властей, видятъ готовность и начальниковъ, и польской полиціи, по мѣрѣ силъ, помогать имъ въ манифестаціяхъ заступничествомъ и укрывательствомъ и не встрѣчаютъ съ нашей стороны иного противодѣйствія кромѣ угрозъ администраціи, угрозъ по большей части не приводимыхъ

въ исполненіе: какъ при такихъ условіяхъ не закружиться молодой головѣ? какъ не разыграться крови семнадцатилѣтняго школьника при мысли о легкой возможности играть роль уважаемаго общественнаго дѣятеля, прослыть въ своемъ муравейникѣ доблестнымъ патріотомъ, и, быть-можетъ, содѣйствовать освобожденію отчизны отъ Москалей? Юноши, очертя голову, съ увлеченіемъ страсти кинулись въ неравный бой.

С. РАЙКОВСКІЙ.

(Продолженіе будетъ.)

ИЗЪ РИМА ВЪ НЕАПОЛЬ

I.

Сентябрь 1868 года.

Благодаря поправленію папскихъ финансовъ и насильственному уравненію бумажныхъ денегъ съ металлическими въ Италіянскомъ королевствѣ, начали въ послѣднее время и на желѣзной дорогѣ принимать бумажныя деньги, правда, безъ размѣна, но это еще не большая бѣда сравнительно съ тѣмъ какъ было годъ тому назадъ, когда путешественнику приходилось терять до 8% размѣнивая бумажки на серебро для расплаты на желѣзной дорогѣ. Но все это узнается путешественниками лишь у самаго окна конторы отъ продающаго билеты чиновника, а потому недоразумѣнія, споры, жалобы и брань при раздачѣ билетовъ не прекращаются. На печатныя объявленія для всеобщаго свѣдѣнія публики Италіянцы очень скупы: кромѣ распредѣленія часовъ поѣздовъ на стѣнахъ станціи, путешественникъ не найдетъ другихъ объявленій. Даже свѣдѣнія такой важности, какъ цѣна мѣстъ, не удостоиваются чести быть публикованными.

Наканунѣ моего отъѣзда изъ Рима я зашелъ на станцію чтобы справиться о цѣнѣ мѣстъ, пересмотрѣлъ большія объявленія, приклеенныя снаружи станціи: то были все распредѣленія поѣздовъ, новыя и старыя; вошелъ во внутрь, пересмотрѣлъ и тамъ, и тамъ тоже одни часы поѣздовъ, а цѣнъ нѣтъ. Спросилъ у чиновника, сидѣвшаго за рѣшеткой;

чиновникъ, занятый писаніемъ какихъ-то, вѣроятно, очень важныхъ бумагъ, указалъ мнѣ на носильщика. Спросилъ и у носильщика; тотъ указалъ мнѣ на окошко съ рѣшеткой.

— Да теперь заперто.

— Да, теперь заперто; а когда будетъ отперто, то тотъ кто раздаетъ билеты скажетъ вамъ и цѣну мѣстъ.

Опять вышелъ изъ станціи и попытался спросить: у другаго служителя,—тотъ показывалъ на росписаніе поѣздовъ; спросилъ у третьяго,—тотъ показываетъ на другое росписаніе. Къ счастію, сжалилась какая-то торговка съ сигарами.

— Вотъ, синьйоръ, сказала она, вынувъ изъ своего ящика съ сигарами тоненькую книжечку. Развернулъ. Дѣйствительно, полное росписаніе поѣздовъ и цѣнъ, и стоитъ всего 12 су. Трудно было догадаться, что за полученіемъ свѣдѣній о поѣздахъ и цѣнахъ слѣдовало обратиться къ торговкѣ съ сигарами, а не къ служителямъ и чиновникамъ.

Паспорты и визировка ихъ готовы уже сдѣлаться въ западной Европѣ преданіемъ давно минувшихъ дней. Но Римъ твердо держится преданій: безъ паспорта въ его владѣнія можетъ войти лишь тотъ изъ жителей сосѣдняго Италіянскаго королевства, кто объявляетъ пограничной стражѣ, что идетъ искать убѣжища отъ рекрутскаго набора, а выѣзжая изъ Рима всякій долженъ визировать паспортъ въ полиціи и заплатить бо́льшую или мéньшую сумму, смотря по разряду къ которому онъ принадлежитъ: бездомные и безпріютные получаютъ визу даромъ, а иностранцы-путешественники платятъ 5 франковъ. Но прогрессъ проникаетъ всюду, и теперь, по крайней мѣрѣ, нашему брату можно визировать паспортъ во всякій часъ дня: сто́итъ взойти только въ первый этажъ палаццо на Монте-Читоріо; а прежде, бывало, нужно выжидать положеннаго для пріема просителей времени отъ полудня до часу, отыскивать маленькую дверь въ переулкѣ и взбираться in cima, какъ говорятъ Италіянцы, то-есть, по-нашему, подъ крышу, примѣрно въ пятый этажъ, а затѣмъ въ Монте-Читоріо своимъ чередомъ.

Въ 9 часовъ утра отходилъ поѣздъ. Пассажировъ было не много, за полученіемъ билета не нужно было протискиваться въ толпѣ. Но выжидать все-таки пришлось: у рѣшетчатаго окошка хлопоталъ, бранился и плакался старичокъ Италіянецъ; чиновникъ не хотѣлъ ему размѣнять большой ассигнаціи, а мелкихъ денегъ у него не хватало на билетъ.

— Ну, что жь я теперь буду дѣлать! повторялъ безпрерывно, слезливо умаливая, старичокъ-Италіянецъ. Чиновникъ выдалъ наконецъ ему билетъ съ особою помѣткой, съ условіемъ, что деньги за него будутъ заплачены въ Неаполѣ. Слезливое лицо старичка засвѣтилось радостью, какъ окропленный дождемъ листъ при первыхъ лучахъ проглянувшаго сквозь тучи солнышка. Старичокъ убѣжалъ. Я взялъ билетъ. Было почти уже 9 часовъ. Вошелъ внутрь станціи, отдалъ паспортъ у паспортнаго бюро, получилъ билетикъ для обратнаго полученія паспорта на границѣ. Немногіе путешественники проходили къ вагонамъ по одиначкѣ. Пробило наконецъ и 9 часовъ, но поѣздъ еще не былъ готовъ: все еще подходили новые пассажиры, служители носили багажъ. Снаружи нечѣмъ было развлечь скуки ожиданія; мѣстность давно уже знакомая, да и вообще мало интересная: широкое поле, ряды вагоновъ, магазины, а вдали виднѣются лишь верхушки куполовъ и колоколенъ. Не представится ли чего-нибудь болѣе интереснаго внутри вагона, между спутниками? Вошелъ и сѣлъ. Въ большомъ вагонѣ было занято менѣе половины мѣстъ. Интереснаго матеріала для наблюденій не обѣщали и спутники. Разнохарактерность общества теперь, послѣ долголѣтней привычки, уже не бросалась мнѣ въ глаза.

Прошло уже 20 минутъ послѣ 9 часовъ. Наконецъ зазвенѣлъ колокольчикъ, раздался свистъ машины и, поѣздъ дрогнулъ. Съ довольною миной оправились на свѣжихъ мѣстахъ пассажиры, а двѣ сидѣвшія противъ меня дамы перекрестились и, показалось мнѣ, по-русски. Я невольно заинтересовался. Семейство состояло изъ мущины, двухъ дамъ и двухъ дѣтей. Говорили чисто по-италіянски, но лица одной изъ дамъ и дѣтей были не италіянскія. Не Русская ли замужемъ за Италіянцемъ? пришло мнѣ на мысль. Пришли на мысль и печальные разказы о томъ что порой бываетъ. Унылое лицо одной изъ дамъ, казалось, подтверждало догадки. Плотная, сухо-мускулистая фигура мущины напоминала тотъ инструментъ изъ двухъ толстыхъ деревянныхъ кружковъ на шарнирѣ, который видишь здѣсь у каждаго лимонара, а увядшее, желтоватое лицо дамы походило на выжатый лимонъ. Жаль стало родной мухи, попавшей въ когти иностраннаго паука. И драма казалась уже на исходѣ: увядшее лицо дамы, далеко еще не старой, не оживлялось ни чистымъ

воздухомъ широкой равнины, по которой катилъ поѣздъ, ни предстоящими впечатлѣніями путешествія по живописнымъ неаполитанскимъ окрестностямъ.

Когда истощился запасъ фантазіи, рисовавшей въ воображеніи біографію предполагаемыхъ Русско-Италіянцевъ, вниманіе перешло на другихъ пассажировъ. Глаза остановились на яркоцвѣтномъ національномъ нарядѣ здоровой Италіянки, щеголявшей на весь вагонъ орѣшки для развлеченія скуки: это, вѣроятно, богатая обитательница какого-нибудь изъ придорожныхъ городковъ, владѣтельница не одной лавочки и остеріи внутри города и не малаго виноградника за городомъ. Между остальною публикой выдавался лишь щеголеватый господинъ въ черной шелковой венгерской шапочкѣ, блѣднѣвшей, впрочемъ, предъ чернотой густыхъ волосъ, разчесанныхъ сзади и завитыми концами закрывавшихъ уши. Въ Римѣ такихъ щеголей я не встрѣчалъ, и по любопытству, съ которымъ онъ разсматривалъ окрестности, видно было, что онъ новичокъ въ этомъ краю. Заученно-манерные повороты его показывали постоянную привычку рисоваться. Его vis-a-vis, здоровый священникъ съ прищуренными глазами и сильно развитою нижнею частью лица, составлялъ своею важною неподвижностью контрастъ со своимъ вертлявымъ сосѣдомъ. Они перекинулись сначала однимъ, двумя словами по поводу особенно интересныхъ встрѣчавшихся по дорогѣ предметовъ, и потомъ между ними завязался постоянный разговоръ. Священникъ описывалъ ему мѣстности и разказывалъ о дальнѣйшемъ направленіи дороги, какъ человѣкъ бывалый и хорошо знакомый съ топографіей страны.

Любознательному туристу въ Италіи вообще очень интересно бываетъ сойтись въ путешествіи со священникомъ. Кромѣ священниковъ, рѣдко можно найти Италіянца, который могъ бы удовлетворить разспросамъ путешественника о топографіи и исторіи страны. Отсутствіе любознательности между Италіянцами удивительное. Оно поразило меня съ самаго моего въѣзда въ Италію. Выѣзжая изъ Милана, я едва могъ добиться на которую изъ двухъ тамошнихъ станцій нужно ѣхать чтобы попасть на Генуезскую желѣзную дорогу, и узналъ только послѣ того какъ разспросилъ съ десятокъ человѣкъ и двухъ кондукторовъ омнибусовъ. О политикѣ поболтать другое дѣло: на это Италіянцы большіе охотники; нужно только

соглашаться съ ними: противорѣчій они не любятъ; „это, видно, папистъ", тотчасъ скажетъ Италіянецъ, надуется и замолкнетъ. Историческихъ доказательствъ они не принимаютъ; если факты не по нихъ,—простой отвѣтъ: это попы сочинили. Но о политикѣ въ папскихъ предѣлахъ, разумѣется, въ вагонахъ не говорятъ. А что будетъ дальше, не знаю.

Оставивъ станцію, поѣздъ катился по высокой насыпи, перерѣзжая конецъ города, покрытый виноградниками и усѣянный живописными, заросшими густою зеленью обломками водопроводовъ и древнихъ зданій. Уже выѣхавъ изъ города, еще долго катился онъ вдоль гигантскаго водопровода, къ исполинскимъ аркамъ котораго лѣпятся мѣстами бѣдные домики, сложенные изъ его же обломковъ, а у подножія разстилаются виноградники, или играющіе разнообразною зеленью южной растительности сады. Съ другой стороны, все шире и шире раскидывалось унылое Римское Поле (Campagna Romana), усѣянное сѣрыми обломками, перерѣзанное линіями разорванныхъ водопроводовъ и окаймленное воздушными силуэтами еще далекихъ Албанскихъ горъ.

II.

Прошло полчаса, поѣздъ перерѣзалъ Аппіеву дорогу, справа и слѣва запестрѣли прямолинейнымъ рядомъ сѣрые и бѣлые обломки древнихъ гробницъ. Кончалась однообразная равнина, и начиналась гористая область. Мѣстность становилась все разнообразнѣе. Все выше и выше поднимавшіеся холмы были покрыты виноградниками, или оливковыми садами. Вдали виднѣлись городки, расположенные обыкновенно на вершинахъ холмовъ, у подножія высившихся за ними большихъ горъ. Поѣздъ останавливался часто, но лишь на двѣ, на три минуты. Какъ обыкновенно, нѣкоторые пассажиры сходили, другіе входили, это были или крестьяне, прямо съ полевой работы, въ рабочемъ же легкомъ костюмѣ, иногда съ длинными жердями или полевыми инструментами въ рукахъ, или солдаты, или священники. Дорога отъ самаго Рима пролегаетъ вдали отъ городовъ. Холмы становились все выше и обрывистѣе, далекія горы все подходили ближе, ихъ прежніе легкіе, голубоватые силуэты перемѣнялись все болѣе и болѣе въ сѣрыя, тяжелыя

массы. За Велетри начинается уже настоящая гористая область, область постоянныхъ разбоевъ. Подъѣхавъ къ слѣдующей станціи, я увидалъ подъ навѣсомъ зелени, окутывавшей часть станціоннаго дома, группу карабинеровъ, высокихъ, красивыхъ мущинъ въ полевой аммуниціи, и между ними здороваго же и рослаго крестьянина въ обыкновенномъ деревенскомъ костюмѣ, съ обыкновенными національными „чочами“ (кусокъ сырой кожи, окутывающій ступни) на ногахъ, но въ солдатской фуражкѣ и съ солдатскою сумкой и карабиномъ. Красивая группа на роскошномъ фонѣ южной зелени, вѣроятно, остановитъ взглядъ каждаго путешественника; оригинальный костюмъ крестьянина-вожатаго, вѣроятно, заставитъ новичка-путешественника спросить у своего сосѣда что это за лицо, и зачѣмъ карабинеры здѣсь въ походной формѣ, а не въ форменныхъ треуголкахъ и длиннофалдыхъ мундирахъ, въ какихъ они красуются у прочихъ станцій; и сосѣдъ (предполагая что это Римлянинъ) объяснитъ новичку-путешественнику, что эти карабинеры находятся здѣсь для преслѣдованія „бригантовъ“, а крестьянинъ въ полусолдатской аммуниціи есть ихъ вожатый по горнымъ тропинкамъ и ущельямъ, извѣстнымъ лишь природнымъ туземцамъ. И новичокъ-туристъ поѣдетъ дальше, унося въ воображеніи видѣнную имъ красивую группу и признательное воспоминаніе о заботливости правительства ограждать жизнь и имущество подданныхъ. Не принадлежа къ новичкамъ, но рѣдко имѣя случай встрѣчаться съ пріѣзжающими въ Римъ жителями его провинцій, я только при видѣ этой группы карабинеровъ вспомнилъ о существованіи разбойниковъ и въ папскихъ владѣніяхъ. Римскія газеты никогда не касаются этого предмета; ихъ провинціальныя извѣстія содержатъ лишь описаніе невинныхъ увеселеній и жаркой набожности жителей того или другаго города въ день праздника городскаго патрона, или изъявленія преданности правительству вообще и любви и уваженія къ своему епископу въ особенности, обнаруживаемыхъ въ торжественной встрѣчѣ архипастыря при посѣщеніи города, или манифестацій при прибытіи вновь поставленнаго надъ провинціей легата-епископа.

Полный контрастъ съ папскими владѣніями составляетъ въ этомъ отношеніи новое Италіянское королевство: тамъ ежедневно въ каждой газетѣ встрѣчаемъ описаніе нѣсколькихъ

грабежей, убійствъ и покражъ. *Unita Catolica* (турінскій клерикальный журналъ) посвящаетъ подобнымъ извѣстіямъ постоянный отдѣлъ въ своихъ столбцахъ подъ названіемъ „Хроника грабежей и убійствъ“, а *Армонія* (флорентійскій клерикальный журналъ) оглавляетъ такой же отдѣлъ названіемъ Beatitudini Italiani. Собираемыя въ этихъ отдѣлахъ съ большою тщательностію изъ разныхъ газетъ извѣстія о грабежахъ и убійствахъ перемѣшиваются замѣтками: „вотъ какова нравственность въ блаженномъ Италіянскомъ королевствѣ“, или „какая отличная безопасность подъ либеральнымъ правительствомъ!“

Скоро послѣ полудня поѣздъ остановился у послѣдняго города папскихъ владѣній, Чепрано. Здѣсь опять первый предметъ представившійся глазамъ путешественниковъ были карабинеры, блюстители общественной безопасности, и французскіе солдаты, охранители политической неприкосновенности. Остановка была продолжительная; желающіе могли получить завтракъ въ буфетѣ. Но ни изящный буфетъ съ изящными же цѣнами, ни чистенькія корзинки съ бутылкой вина, кусочкомъ сыру и хлѣба и двумя гроздами и полъ-кистью винограда, разносимыя снаружи станціи за менѣе изящныя цѣны (отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ франковъ за всю корзину), не привлекли большаго числа охотниковъ: бо́льшая часть пассажировъ расположились со своими саками и дорожными корзинами снаружи станціи, и на чистомъ воздухѣ удовлетворяли аппетитъ собственными дорожными запасами. У угла станціоннаго дома дѣвочка продавала сигары. Купивъ у нея пару сигаръ, я спросилъ, нѣтъ ли по близости простой остеріи съ хорошимъ виномъ; она указала мнѣ на каменную избушку, стоявшую на полѣ, шагахъ въ двухъстахъ отъ станціи. Прогуляться по чистому полю послѣ четырехъ-часоваго сидѣнья въ вагонѣ я былъ очень радъ. Подъ навѣсомъ у избушки сидѣли за фольетой вина два таможенные солдата, стройная молодая дѣвушка, въ красивомъ національномъ костюмѣ, раскатывала на большой доскѣ тѣсто для макаронъ; внутри избушки, всего въ одну комнату, съ однимъ маленькимъ окошечкомъ, старушка поправляла огонь на очагѣ. Спросилъ что̀ есть? Вино, хлѣбъ, яица, а потомъ будутъ и макароны. Взялъ фольету (мѣра въ два стакана) вина, два яйца, хлѣбъ,—провизія оказалась довольно порядочною

и стоила всего полфранка. Когда пришелъ на станцію, тамъ еще только перемѣняли вагоны: неаполитанскія желѣзныя дороги принадлежатъ другой компаніи. Наконецъ возвратили паспорты, усѣлись, и поѣздъ двинулся къ границѣ: каменный мостъ чрезъ пограничную рѣчку былъ уже въ виду.

Поѣздъ зазвенѣлъ по мосту. Прощай Церковная Область! Какими-то пограничными знаками и гербами обозначены предѣлы возрожденнаго, свободнаго королевства? Съ любопытствомъ выглянулъ я въ окно: по сторонамъ моста стояли двое часовыхъ. Что они охраняли на этомъ мосту, чрезъ который переѣзжаютъ только одни вагоны, осталось для меня непонятнымъ. Ни пограничныхъ столбовъ, ни гербовъ, кромѣ савойскаго креста на фуражкахъ часовыхъ, не оказалось.

Въ полверстѣ за мостомъ опять новая станція, италіянская таможня, опять остановка, и продолжительная: осмотръ багажей и паспортовъ. При осмотрѣ багажа спрашивали нѣтъ ли табаку: это важная статья, главный предметъ надеждъ, твердѣйшій якорь финансовъ потопающихъ въ морѣ бюрократіи и безурядицы. При паспортахъ обращали вниманіе лишь на италіянскіе,—иностранные возвращались тотчасъ же, безъ осмотра. Кончились, наконецъ, и эти мытарства. Пассажиры усѣлись. Въ вагонъ, гдѣ я сидѣлъ, вошли два молодые Италіянца въ сопровожденіи носильщика, нестаго оплетенную бутыль, величиной съ ведро, съ виномъ и охапкой соломы. Солому разостлали на полу вагона и бережно уставили бутыль.

Но тотчасъ же явился таможенный чиновникъ:—„нельзя, нельзя безъ пошлины и безъ печати“, повторялъ онъ двумъ Италіянцамъ, очевидно продолжая уже прежде бывшій между ними разговоръ. Но одинъ изъ молодыхъ людей отворачивался съ безразличною миной, какъ будто дѣло не до него касается, а другой продолжалъ, также очевидно ужь начатые прежде доводы, что это вино не купленное и не везется на продажу, а его собственное и везется изъ виноградника домой. Наконецъ и этотъ пересталъ отвѣчать на урезониванія чиновника, повторивъ лишь раза два короткое „не заплачу“. Чиновникъ наконецъ ушелъ, а два Италіянца, перемигнувшись съ довольною миной, остались обладателями вина и полуфранка слѣдовавшаго на пошлину. Въ послѣднее время, особенно послѣ наложенія пошлины на

мукомольни, италіянскія газеты наполнены описаніями ссоръ между таможенными приставами и народомъ, доходящихъ иногда до невѣроятной дикости. Нехотящіе платить пошлину, будучи увѣрены въ сочувствіи и поддержкѣ толпы, дозволяютъ себѣ невообразимыя дерзости. Такъ, въ одномъ мѣстѣ возвращается изъ-за города порядочно одѣтый господинъ; сторожевой спрашиваетъ, нѣтъ ли при немъ какихъ-нибудь предметовъ подлежащихъ городской пошлинѣ. Господинъ отвѣчаетъ бранью. Таможенный чиновникъ изъ окна своей конторы начинаетъ укорять господина въ неприличіи оскорблять часоваго, исполняющаго свой долгъ. Въ отвѣтъ на урезониванья, порядочно одѣтый господинъ вынулъ изъ кармана пистолетъ, выстрѣлилъ въ чиновника (къ счастію, не попалъ) и бросился бѣжать. Остановившаяся въ теченіе этой сцены у воротъ толпа проходящихъ привѣтствовала выстрѣлъ громкимъ *браво*, и когда часовой бросился было преслѣдовать выстрѣлившаго, толпа загородила ему дорогу, такъ что бѣжавшій успѣлъ скрыться, а часовой былъ осыпанъ свистомъ и бранью. Когда я читалъ подобныя описанія, я не очень довѣрялъ имъ, зная по опыту какой вѣсъ имѣютъ теперь въ Италіи новости газетъ, на обгонку одна предъ другою старающихся поражать читателей изумительными разказами и угождать расположенію своей партіи, часто предупреждая даже ея желанія. Но видѣнная теперь мною сцена, при всей своей маловажности, такъ ясно доказывала презрѣніе къ правительству и злостное упрямство въ неисполненіи его распоряженій, и доказывала такую неувѣренность правительственныхъ агентовъ, что сомнѣнія мои въ достовѣрности всѣхъ читанныхъ мною газетныхъ разказовъ почти исчезли.

III.

Быстролетный поѣздъ углублялся все болѣе и болѣе въ новую область, въ средину горъ, отраслей Аппенинъ, разбросанныхъ по всей западной половинѣ полуострова до самаго берега. Въ первый разъ въѣзжалъ я въ эту область. Новизна привлекала вниманіе, и выглянувъ разъ въ окно, я не могъ оторвать глазъ отъ чуднаго пейзажа. По обѣимъ сторонамъ

дороги круто возвышались скалистыя горы, рельефно обрисовываясь на яркомъ солнечномъ свѣтѣ. Громадность горъ обманывала зрѣніе: обрывистыя сѣрыя скалы и исполинскіе бѣлые камни, покрывавшіе болѣе отлогіе, заросшіе зеленью скаты, казались стоящими у самой дороги. Только тамъ, гдѣ подножіе горъ не было закрыто передовыми холмами, можно было,—по обширности долины, разстилавшейся по сторонамъ дороги, и по миніатюрности знакомыхъ глазу предметовъ на отдаленномъ краѣ долины,—догадаться о значительномъ разстояніи, отдѣлявшемъ горы отъ желѣзной дороги. За сѣрыми вершинами первыхъ горъ высились другія, болѣе легкія, лиловыя, а дальше—еще болѣе воздушныя, голубыя, порой покрытыя клубами облаковъ вершины другихъ далекихъ горъ. Разстилавшаяся по обѣимъ сторонамъ дороги долина была покрыта прекрасно воздѣланными огородами, отѣненными высокими дубами и вязами, по большей части обрубленными на верхушкѣ, по которымъ вились толстыя виноградныя лозы, всѣ унизанныя зрѣлыми кистями. Земля была покрыта остатками снятой жатвы, мѣстами вновь вспахана, или блестѣла уже яркою зеленью новыхъ всходовъ. Вдали, мѣстами красиво рисовались городки, раскинутые у подножія горы, бѣлые монастыри на высотѣ первыхъ уступовъ горъ, или живописныя развалины средневѣковаго замка съ высокою дозорною башней. Разнообразіе южной растительности, разнохарактерная формація горъ, и на всемъ теплый колоритъ юга, представляли чудное сочетаніе тоновъ и красокъ.

Среди зелени мелькали изрѣдка уединенные домики, порой тоже обвитые зеленью. По отличнымъ дорогамъ, перерѣзывающимъ долину, двигались группы рабочихъ и тяжело-нагруженныя телѣги. Эта обработанная долина, эта роскошь южной природы и самое имя области—Terra di lavoro (область труда) невольно заставляли мечтать о счастливой Аркадіи, о честномъ трудолюбіи и патріархальной невинности обитателей. Между тѣмъ эта-то область да еще Калабрія и знамениты именно какъ постоянныя обиталища разбойниковъ. Въ послѣднее время явилась новая соревновательница ихъ печальной знаменитости — Романья, въ короткое время опередившая славу своихъ сверстницъ. Для установленія порядка, правительство нашлось вынужденнымъ замѣнить во всѣхъ трехъ областяхъ гражданскихъ

управителей военными начальниками. И приходится солдатамъ преподавать правила соціальнаго единодушія свободнымъ гражданамъ конституціоннаго государства. Въ Калабріи уже давно распоряжается генералъ Медичи, здѣсь дѣйствуетъ уже въ теченіи мѣсяца энергическій Паллавичино, а въ Романью недавно назначенъ генералъ Эскаферъ. Между пассажирами завязался разговоръ о разбойникахъ и о дѣйствіяхъ Паллавичино. Большею частію хвалили его энергію, благодаря которой въ теченіе мѣсяца уже истреблены трое изъ самыхъ свирѣпыхъ атамановъ шаекъ. Нѣкоторые фермеры—то были мѣстные жители, судя по наружности—не возражали противъ одобрительныхъ отзывовъ, но только грустно замѣчали, что для мѣстныхъ жителей тяжеловата энергія военнаго управленія, не знакомаго, разумѣется, съ длинными процедурами и щепетильностью гражданскихъ судовъ. Не задумываясь, разстрѣливаютъ всякаго подозрѣваемаго въ соучастничествѣ съ разбойниками; а итальянскому крестьянину, при здѣшнихъ условіяхъ, волей или неволей приходится ладить съ разбойниками, противъ которыхъ у него нѣтъ ни покровительства, ни средствъ къ оборонѣ.

IV.

Мѣстныя условія въ большей части Италіи какъ нельзя болѣе способствуютъ развитію разбойничества. Разбросанные уединенно по полямъ домики сельскихъ обитателей въ полномъ распоряженіи разбойниковъ. Среди высокихъ стеблей кукурузы, густой зелени виноградниковъ и тѣни деревъ, они преспокойно могутъ всегда пробраться и врасплохъ атаковать хозяина. Правда, сельскіе обитатели народъ не денежный, это арендаторы-половинщики, и у нихъ разбойники не найдутъ богатой поживы, но при нуждѣ всегда найдутъ съѣстные припасы, вино, а также и ночлегъ. Поэтому разорять сельскихъ жителей для разбойниковъ нѣтъ никакой выгоды; фермеръ для нихъ не опасенъ, донести на нихъ полиціи онъ никогда не рѣшится, зная что его домъ, и посѣвы, и стада падутъ жертвой мщенія. Защитить уединенное его обиталище некому: карабинеры не могутъ же

постоянно сидѣть у него, а сосѣди далеко, живутъ тоже уединенно, и каждый стережетъ свой домъ. Дружба съ фермеромъ выгодна и разбойникамъ; поэтому они не прочь порой и приласкать его, и щедро заплатить за забранную провизію: пріѣхавъ изъ города, фермеръ можетъ предупредить ихъ о предпринимаемой карабинерами рекогносцировкѣ, а соблазнившись богатымъ посуломъ изъ добычи, пожалуй, извѣстить ихъ порой и о проѣздѣ богатаго горожанина. Эти-то горожане и составляютъ главную добычу разбойниковъ.

Италіянскій помѣщикъ также горожанинъ. Сельское хозяйство въ Италіи, при маломъ обезпеченіи собственности и природномъ нерасположеніи Италіянцевъ къ медленному, терпѣливому труду, не пользуется почетомъ. Капиталистъ никогда не станетъ заниматься имъ, землевладѣлецъ также. Не только крупный землевладѣлецъ отдаетъ свои земли въ аренду и живетъ потомъ въ городѣ безъ трудовъ и заботъ, но и самый мелкій землевладѣлецъ предпочитаетъ трудовой и уединенной жизни фермера комфортабельную жизнь въ городѣ, гдѣ онъ на полученную имъ съ земли, хотя малую, аренду можетъ открыть лавочку или кофейную, покойно сидѣть за прилавками, и болтать съ утра до вечера съ заходящими къ нему за дѣломъ и безъ дѣла знакомыми.

Но землевладѣлецъ получаетъ съ своей земли барышъ пропорціонально количеству посѣвовъ и успѣшности сбора; поэтому онъ долженъ часто навѣщать своихъ фермеровъ, чтобы лично повѣрять ихъ хозяйство. На такихъ-то поѣздкахъ и подстерегаютъ разбойники горожанина-землевладѣльца, и если не найдутъ при немъ богатой поживы, то уводятъ къ себѣ и, подъ страхомъ смерти, заставляютъ его вытребовать изъ дома, или отъ родственниковъ, богатый кушъ отъ одной до ста тысячъ франковъ, смотря по предполагаемому состоянію. Понятно, что подобная перспектива отбиваетъ у землевладѣльцевъ охоту къ частымъ ревизовкамъ своихъ владѣній, и фермеръ остается полнымъ распорядителемъ прибытка, и въ душѣ не прочь сказать спасибо разбойникамъ. Навѣстивъ изрѣдка фермера, землевладѣлецъ, хотя и замѣтитъ порой утайку, но быть слишкомъ взыскательнымъ не рѣшится: что если фермеръ мигнетъ разбойникамъ? вѣдь тогда придется поплатиться во сто разъ дороже чѣмъ

стóитъ припрятанный фермеромъ барышъ. Подумаетъ, и рукой махнетъ.

Но изложенныя обстоятельства не составляютъ еще главнаго условія развитія разбойничества. Внутри городовъ, гдѣ описанныя обстоятельства не существуютъ, количество преступленій во многихъ мѣстахъ еще больше чѣмъ за городомъ, а дерзость городскихъ убійцъ и грабителей превосходитъ отважность деревенскихъ бригантовъ. Вотъ примѣры: 17-го августа, въ городѣ Терни (прежде городъ Папской области, теперь за сѣверною ея границей) сидѣли подъ вечеръ (еще до захода солнца) у одной кофейной, на главной городской улицѣ, двое горожанъ братьевъ, по фамиліи Вальдаччи. Неизвѣстный человѣкъ подходитъ къ нимъ, наноситъ три удара кинжаломъ одному, одинъ ударъ другому и уходитъ. У кофейной сидѣли и другія лица, на кровавое зрѣлище сбѣжались и проходящіе, но никто не подумалъ задержать убійцу, и на разспросы подоспѣвшей потомъ полиціи всѣ отговаривались незнаніемъ кто былъ убійца.

20-го августа въ городкѣ Таволетто (въ Романьи, прежней Папской провинціи), два молодые горожанина, поссорившіеся между собой за нѣсколько дней предъ тѣмъ, но потомъ, казалось, помирившіеся, встрѣчаются на торговой площади при многолюдной толпѣ. Одинъ сжимаетъ крѣпко руку другаго, а другою рукой вонзаетъ ему въ бокъ ножъ и уходитъ. Всѣ видятъ, и никто не трогается съ мѣста. Если при совершеніи преступленія оказывается полиція, она задерживаетъ преступника, но содѣйствія отъ горожанъ все-таки не бываетъ. 19-го августа въ городѣ Фирли, въ Эмиліи (прежде Папская провинція), четыре вооруженные ножами и револьверами разбойника взламываются ночью въ домъ одного богатаго горожанина. Не найдя хозяина, они нападаютъ на его семейство и слугъ и требуютъ выдачи денегъ. Одна изъ служанокъ успѣваетъ убѣжать и извѣстить карабинеровъ ближайшей части. Ихъ оказывается всего двое. Изъ обывателей помощниковъ не является. Карабинеры прибѣгаютъ, но разбойники начинаютъ съ ними упорную перестрѣлку и наконецъ убѣгаютъ, оставя лишь одного раненаго. А вотъ еще повѣсть, уже другаго характера. Въ томъ же августѣ, въ одномъ городкѣ, не далеко на югъ отъ Неаполя, молодой человѣкъ, ведшій праздную жизнь на счетъ матери, наскучивъ наконецъ бѣдностью, рѣшается приняться за

ремесло разбойника и, снарядясь въ путь и взявъ ружье, выходитъ изъ дому. Мать, знавшая о его намѣреніяхъ, бросается за нимъ и мольбами и руками старается его остановить. Сынъ отвѣчаетъ бранью, проклятіями и наконецъ съ угрозой оборачиваетъ ружье. Мать не отстаетъ, раздается выстрѣлъ, и она падаетъ мертвою.

Пересматривая въ газетныхъ извѣстіяхъ хронику преступленій въ Италіи, можно замѣтить, что наибольшее число кровавыхъ преступленій совершается въ Неаполитанской области и прежнихъ Папскихъ Владѣніяхъ, и бо́льшая часть ихъ остаются безнаказанными. Число преступленій уменьшается съ приближеніемъ къ сѣверо-западной границѣ Италіи, а число арестовъ за преступленія увеличивается. Такъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, по газетной статистикѣ преступленій, изъ всѣхъ произведенныхъ въ теченіи мѣсяца 5,005 арестовъ, наибольшее число, 986, приходится на долю Флоренціи и ея окрестностей. При извѣстіяхъ о преступленіяхъ въ Піемонтѣ, всегда читаемъ, что преступникъ былъ арестованъ полиціей или задержанъ горожанами.

Въ Папскихъ Владѣніяхъ не принято публиковать въ газетахъ ни о разбойникахъ въ полѣ, ни объ убійцахъ по городамъ. Но изустные разказы о преступленіяхъ ходятъ и здѣсь, не выходя, впрочемъ, за предѣлы собственнаго города. Въ Римѣ обыкновенный способъ грабежа состоитъ въ томъ, что проходящій по уединенной улицѣ (случается, впрочемъ, и среди толпы, какъ было разъ при выходѣ изъ опернаго театра Apollo) или входящій вечеромъ на лѣстницу своей квартиры, оказывается вдругъ между двумя промышленниками, по большей части чисто одѣтыми, для избѣжанія подозрѣній, и чувствуетъ приставленные къ горлу два ножа. Съ приказаніемъ не шевелиться, они обираютъ деньги и часы и уходятъ. Случалось слышать разказы о такихъ сценахъ отъ очевидцевъ, проходившихъ вблизи. Очевидецъ тотчасъ прячется за дверь дома или за уголъ и выходитъ тогда, когда разбойники уйдутъ. На первыхъ порахъ, услыша такой разказъ, я совершенно наивно спросилъ разкащика: „отчего же вы не помогли, вѣдь разбойниковъ было только двое?“ Но теперь такихъ наивныхъ вопросовъ я уже не дѣлаю. Зная обычай иностранцевъ не отдаваться въ руки безъ бою или бѣжать одинъ на помощь

другому, такіе промышленники рѣдко нападаютъ на чужихъ. Промысломъ этимъ занимаются по большей части молодые ребята, служащіе у мясниковъ на бойнѣ; по окончаніи работы они отправляются въ остеріи за воротами del Popolo, пьютъ вино, играютъ въ деревянные шары, скоро спускаютъ съ рукъ небольшой заработокъ, и не привыкнувъ къ другому инструменту кромѣ ножа, идутъ съ нимъ на новые заработки. Въ послѣднее время о грабежахъ въ Римѣ, впрочемъ, почти не слышно. Улицы теперь наполнены патрулями, полиція зорко слѣдитъ за всѣми, высматривая либераловъ и революціонеровъ, и вѣроятно, описанные промышленники не разчитываютъ на особую поблажку и для себя. Законъ за убійство для грабежа наказываетъ ссылкой на галеры отъ 20 лѣтъ до пожизненной. Другое дѣло изувѣчить или убить кого-нибудь въ ссорѣ или изъ мщенія: за увѣчье лишь нѣсколько мѣсяцевъ тюремнаго заключенія и вознагражденіе за расходы на излѣченіе, а за убійство—ссылка на галеры отъ двухъ до пяти лѣтъ. Подобнаго рода преступленія происходятъ здѣсь очень часто: безъ нихъ не проходитъ ни одинъ праздничный вечеръ ни въ Римѣ, ни въ другихъ папскихъ городахъ, въ чемъ я убѣдился собственными глазами, проводя иногда лѣтніе мѣсяцы въ Рокка-де-Папа, Тиволи, Субіако. Въ болѣе отдаленныхъ городахъ, въ глубинѣ горъ, такія сцены, какъ говорятъ, бываютъ почти ежедневно, но удостовѣриться въ этомъ лично я не имѣлъ охоты.

Точныя статистическія свѣдѣнія о количествѣ преступленій въ предѣлахъ Церковной Области для публики недоступны; о прошедшемъ существуетъ преданіе, будто въ теченіи двадцатитрехлѣтняго царствованія Пія VI внутри самого Рима убитыхъ въ ссорахъ и изъ мщенія было 22.000. Но преданіямъ, при томъ же столь невѣроятнымъ, въ цивилизованный вѣкъ кто же вѣритъ?—хотя Римляне и увѣряютъ, что они знаютъ это изъ сдѣлавшихся теперь извѣстными полицейскихъ документовъ того времени.

V.

За четвертою станціей отъ неаполитанскихъ границъ, горы начали понижаться, долина расширялась, и мѣстность казалась уже однообразною и не интересною послѣ привлека-

тельной красоты оставленной назади горной области. У каждой станціи садилось нѣсколько пассажировъ. Наконецъ, вагонная публика получила уже мѣстный характеръ: почти всѣ были уже Неаполитанцы; говорили очень громко, сокращая наполовину слова, но дополняя односложные звуки широкимъ размахиваніемъ рукъ и подергиваніемъ лицевыхъ мускуловъ. Куривше сигары безпощадно плевали, и вообще публика обнаруживала полнѣйшее пренебреженіе къ чистотѣ и порядку. Поэтому ли, или потому что и сама Компанія неаполитанскихъ желѣзныхъ дорогъ носила уже національный характеръ, сами вагоны были также похожи на стойла: въ окнахъ не было стеколъ, а когда съ наступленіемъ сумерекъ зажгли находившіяся въ круглыхъ отверстіяхъ на крышѣ вагона лампы, масло начало капать внутрь вагона.

Изъ римскихъ пассажировъ остался лишь одинъ мой спутникъ, старичокъ, рискованшій по своей непредусмотрительности остаться въ Римѣ, не размѣнявъ впередъ денегъ для покупки билета, и получившій его, наконецъ, въ кредитъ, по снисходительности чиновника. Его недосмотръ въ этомъ отношеніи, вѣроятно, произошелъ отъ слишкомъ тщательной предусмотрительности относительно другихъ удобствъ путешествія. При немъ оказался достаточный запасъ дорожныхъ закусокъ и жестяная фляжка съ виномъ. Очевидно, старичокъ уже ѣзжалъ по этой дорогѣ и зналъ, что на ней не найдешь ни провизіи, ни хорошаго вина. У станцій, правда, подносили къ вагонамъ въ корзинахъ плоды и вино, цвѣтомъ похожее на жидкій ячменный отваръ; я вздумалъ разъ попробовать, но долженъ былъ вылить стаканъ на землю: вино оказалось чистыми помоями изъ старой квасной бочки. Между тѣмъ виноградъ здѣсь отличнаго качества, крупный и сочный. Но ужъ такова судьба Италіи: винограду здѣсь дѣвать некуда, оливы цѣлыми лѣсами покрываютъ горы, а дурное вино пьютъ лишь туземцы съ горя, а для иностранцевъ продаютъ заграничныя вина. Вонючее масло продается почти что по цѣнѣ нашего прованскаго (въ Римѣ 1 франкъ за фольету—два стакана).

Старичокъ Римлянинъ былъ моимъ сосѣдомъ отъ самой римской границы. Мало-по-малу между нами завязался разговоръ: началось взаимнымъ выраженіемъ удивленія и удовольствія при встрѣчѣ живописныхъ мѣстностей, красиво раскинутыхъ вдали на склонахъ горъ городковъ, или

монастырей и замковъ надъ скалистыми обрывами передовыхъ горныхъ уступовъ. Предъ поразительною красотой мѣстности не могла устоять даже римская флегма старичка. Онъ спрашивалъ у меня названія городковъ и замковъ; но, къ сожалѣнію, я не могъ удовлетворить проснувшейся на это мгновеніе его любознательности. Потомъ разговоръ перешелъ къ знакомому обоимъ намъ Риму и къ незнакомому еще мнѣ Неаполю. Разумѣется, разговоръ ограничивался лишь житейскими, общеизвѣстными предметами. О Неаполѣ старикъ зналъ лишь отрицательныя его качества: что тамъ нѣтъ хорошаго вина, мясо дрянь, нѣтъ даже воды. Сравненіе переходило на Римъ: правда, что въ самомъ Римѣ, соглашался онъ со мной, вино большею частію подмѣшанное и поддѣланное, но за то по сосѣднимъ городкамъ, напримѣръ, поѣхавъ въ праздникъ погулять во Фраскати, съ полнымъ удовольствіемъ выпьешь фольету вина. „Ну, а римскіе-то быки, съ огромными рогами!“ продолжалъ описывать старичокъ, въ доказательство отличнаго качества римскаго мяса.

— Ну, относительно воды, продолжалъ я уже съ своей стороны,—Римъ, безспорно, единственный городъ въ мірѣ: хотя теперь уцѣлѣли лишь три изъ построенныхъ древними водопроводовъ, но все же ни въ какомъ другомъ городѣ не увидишь такого изобилія, такой роскоши воды и фонтановъ какъ въ Римѣ.

Старичокъ вполнѣ былъ доволенъ.

— Да что ужь и говорить! Римъ!... Римъ всегда будетъ Римъ! заканчивалъ онъ наши сравненія. Любовь къ своему городу характеристическая черта Италіянца. Городъ для него отечество. Названіе Италіянецъ существуетъ пока болѣе теоретически.

— Я служу теперь у иностранцевъ, говорила одна служанка.

— Кто же они: Нѣмцы или Италіянцы?

— Нѣтъ, они Лукези (изъ Лукки) отвѣчала она.

— Какъ же ваши соотечественники не помогутъ вамъ при вашемъ несчастномъ положеніи? спрашивалъ я разъ въ Римѣ у одного мастероваго, котораго нашелъ больнаго, въ крайней нищетѣ, со многочисленнымъ семействомъ.

— У меня нѣтъ здѣсь соотечественниковъ, объявилъ онъ,— я Флорентинецъ.

Не только въ жителяхъ различныхъ италіянскихъ городовъ видны еще разъединенность и враждебность, явственные

слѣды средневѣковаго политическаго устройства, но, кажется, даже варварскія племена, заселившія Италію въ періодъ переселенія народовъ, сохранили еще свой типъ, характеристическія особенности и первоначальный манеръ, на который каждое изъ нихъ передѣлало латинскій языкъ. Субіачанинъ съ трудомъ понимаетъ Тиволеза (эти города отстоятъ на пять часовъ ѣзды въ дилижансѣ); въ Аричѣ (это все города Папской области) типъ жителей совершенно другой чѣмъ въ Виковаро.

— Отчего ты не идешь поискать работы въ Марино? спросилъ я у одного бѣднаго парня въ городкѣ Рокка-ди-Папа, лежащемъ на безплодной скалѣ.

— Сейчасъ убьютъ тамъ, если чужой придетъ на работу, отвѣчалъ онъ.

И я убѣдился потомъ, что парень говорилъ правду.

Въ половинѣ шестаго мы подъѣхали къ Капуѣ. Это единственный большой городъ лежащій вблизи дороги. Но виднѣлись лишь земляные бастіоны, часть его укрѣпленій; самый городъ скрывался въ низинѣ. Потомъ открылся и онъ, но уже издали. Потомъ проѣхали мимо загороднаго дворца Козерты: большое зданіе простой архитектуры, построенное покоемъ. Около него виднѣлось много солдатъ, какъ около казармъ. Парка, съ его знаменитыми водопадами, съ дороги совсѣмъ не видишь; вдали по уступамъ горъ мелькнули только арки громаднаго водопровода, памятника уже новѣйшей роскоши неаполитанскихъ королей.

Къ Неаполю мы подъѣхали уже по заходѣ солнца. На перѣздѣ отъ послѣдней станціи вошелъ въ вагонъ кондукторъ, спросилъ билеты, посмотрѣлъ и отдалъ. Предъ Неаполемъ вошелъ опять кондукторъ и началъ отбирать билеты. Спросилъ у моего сосѣда старичка. „Да билетъ взялъ тотъ кондукторъ, который вотъ недавно входилъ!“ отвѣчалъ старичокъ и ссылался на меня какъ на свидѣтеля, что билетъ не былъ возвращенъ назадъ. Но я совершенно не замѣтилъ этихъ обстоятельствъ, вѣроятно увлеченный любопытствомъ увидѣть окрестности новаго города, и былъ поставленъ въ большое затрудненіе. Къ моему счастію, кондукторъ, не ожидая моего подтвержденія, ушелъ, вѣроятно справиться у другаго кондуктора, но однако больше не являлся. Быть-можетъ, по италіянской привычкѣ ко всякаго рода безурядицамъ, онъ не считалъ стоящимъ хлопотъ дальнѣйшее

разбирательство. А старичокъ былъ, видно, уже человѣкъ бывалый и, несмотря на простоту и флегму, смѣтливый когда нужно.

Прибыли въ Неаполь уже вечеромъ. Сливавшіяся въ одну темную, безформенную массу зданія обозначались лишь вверху силуэтами на синемъ небѣ. Внизу блестѣли яркіе огни уличныхъ фонарей, свѣтились окна и растворенныя двери лавокъ. Было только семь часовъ, еще самое оживленное время для улицъ южнаго города. Но десятичасовой переѣздъ утомилъ силы, а разнообразіе впечатлѣній и напряженная внимательность ослабили чувства. Нужно было скорѣе спѣшить на покой, оставя знакомство съ городомъ до слѣдующаго дня.

В. Е.

ВОЕННО-ОКРУЖНАЯ СИСТЕМА*

I.

Въ августѣ 1864 года, взамѣнъ существовавшей у насъ прежде строевой или командной системы управленія вооруженными силами и мѣстныхъ управленій для различныхъ родовъ гарнизонныхъ войскъ и хозяйственныхъ учрежденій, введена одна общая, для всѣхъ сухопутныхъ силъ государства и военныхъ учрежденій, военно-окружная система. Реформа эта коснулась всего военнаго управленія и отразилась съ особенною силой на нашихъ дѣйствующихъ войскахъ. Существовавшее у насъ долгое время сочетаніе войскъ

* Источниками для изслѣдованія служили:

Сборникъ положеній, штатовъ и приказовъ, относящихся до учрежденія военныхъ округовъ, управленія дивизій и устройства мѣстныхъ войскъ. С.-Петербургъ. 1864 г.

Сводъ военныхъ постановленій изд. 1859 г. Продолженія къ нему и приказы военнаго министра.

Сводъ гражданскихъ законовъ.

Полное собраніе законовъ.

Сводъ замѣчаній на проектъ устройства военнаго управленія по округамъ. С.-Петербургъ. 1862 г.

Военно-статистическій сборникъ на 1868 годъ. Т. I.

Die Organisation und Militair-Administration der kaiserlich-königlichen Armee, Arnolds Kövess von Aschod und Harkaly. Wien. 1862—1864.

Organisation-Statut für die kaiserlich-königliche Armee. Wien. 1857.

Австрійская государственная роспись на 1865 годъ.

Gebühren Reglement für die kaiserlich-königliche Armee. 2-te Auflage.

въ корпуса постояннаго состава было упразднено со введеніемъ военныхъ округовъ.

Система раздѣленія дѣйствующихъ войскъ на корпуса постояннаго и одинаковаго состава, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, выработалась во время революціонныхъ войнъ. Во Франціи она была введена Наполеономъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а затѣмъ принята и въ другихъ государствахъ; у насъ, между прочимъ, въ 1806 году. * Нельзя отрицать, что система постоянныхъ корпусовъ принесла въ свое время несомнѣнную пользу. Она безспорно была наилучшею во все время великихъ войнъ, когда дѣло шло о существованіи государствъ и требовало постояннаго напряженія съ ихъ стороны всѣхъ силъ; когда нужно было держать войска въ постоянной готовности къ походамъ, а между тѣмъ пути сообщенія и внутреннее состояніе государствъ были таковы, что быстрая мобилизація арміи и сосредоточеніе ея на любомъ пунктѣ государства, въ данное время, представляли неодолимыя затрудненія. Отъ начала Французской революціи до Ахенскаго конгресса, можно сказать, не было мирнаго времени, и всѣ договоры, заключенные въ этотъ періодъ, имѣли скорѣе характеръ перемирій. Долгое и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма полезное существованіе корпусовъ необходимо

Das Heerwesen des Österreichischen Kaiserstaates, von Ferdinand Petrossi. Wien. 1865.

Österreichische Militairische Zeitschrift, von Streffleur. 1864.

Heerwesen und Infanterie-Dienst der königlich-preussischen Armee, von Witzleben. Berlin. 1863.

Dienst-Vorschriften der königlich-preussischen Armee, von Karl von Gelldorf. Berlin. 1857—1864.

Militairische Blätter.

Militair Wochenblatt.

Classification analytique et synthétique des actes constitutifs du code de l'armée de terre, par Paris de Bollardière. Paris. 1863.

Cours de législation et d'administration militaires, par E. Richard. Paris. 1862.

Cours d'administration militaire, par Vauchelle. Paris. 1861.

Législation et administration des armées de terre et de mer, par Durat-Lassaille. Paris 1846—1852.

Dictionnaire de l'administration française, par Maurice Bloock. 1856.

Dictionnaire de legislation et d'administration militaire, par Saussine. 1867. Три первые выпуска.

* *Полн. Собр. Зак.* № 22.161.

должно было привести къ убѣжденію въ ихъ необходимости, и они были сохранены у насъ до послѣдняго времени, хотя послѣдующія войны: Турецкая, Польская и Восточная, показывали, что корпусная организація, существовавшая въ мирное время, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ оставалась неизмѣнною во время войны.

Организація дѣйствующихъ войскъ въ корпуса постояннаго состава сообщила войскамъ, въ свое время, подвижность и способность къ началію военныхъ дѣйствій безъ большихъ приготовленій. Многіе военные люди до сихъ поръ относятся весьма сочувственно къ бывшей корпусной системѣ. Былое представляется въ ихъ памяти окруженнымъ ореоломъ нашей славы и силы. Первая армія, сосредоточенная на западной границѣ, вѣчно готовая къ бою, съ отдѣльными корпусами въ резервѣ, чрезвычайная власть и сила командовавшихъ войсками, дѣлавшія государство похожимъ на военный станъ, постоянно рисуются ихъ воображенію. Но если въ воспоминаніяхъ прошедшаго есть нѣчто привлекательное, оно кроется не въ мнимой готовности первой арміи къ военнымъ дѣйствіямъ и не въ прежнемъ военномъ устройствѣ, а отчасти въ нѣсколькихъ боевыхъ генералахъ, стоявшихъ въ то время во главѣ арміи, отчасти въ томъ положеніи, которое занимали военно-служащіе въ общественномъ строѣ государства, а всего болѣе въ томъ, что недавнее прошлое у насъ, къ сожалѣнію, мало еще выяснилось въ печати.

Предъ Восточною войной наша армія и все государство были увѣрены въ своей непобѣдимости. Дунай и Крымъ разрушили эту увѣренность. Теперь причины нашихъ неудачъ вполнѣ ясны, хотя нелегко было разъяснить ихъ съ перваго раза. Въ Крыму наши солдаты и даже ополченцы показали себя героями и безропотно гибли тысячами и отъ пуль непріятельскихъ, и въ госпиталяхъ отъ болѣзней, развивавшихся вслѣдствіе дурнаго продовольствія и презрѣнія требованій гигіены. Мужественно и безропотно переносимыя страданія ихъ, изъ-за причинъ крывшихся преимущественно въ распоряженіяхъ административныхъ, были извѣстны всякому, и всякій могъ бы не только оцѣнить это, но и подивиться войску, которое не разстраивается, перенося напрасныя потери и неурядицу. А между тѣмъ, при этихъ качествахъ, въ войскѣ не было серіозныхъ данныхъ для побѣды: оно могло только безропотно страдать; чувство гражданскаго долга въ немъ было

подавлено; всѣ были готовы повиноваться, но брать на себя отвѣтственность за распоряженія считали неумѣстнымъ; вооруженіе было дурно; часть хозяйственная находилась въ рукахъ людей не всегда благонадежныхъ. Причина нашихъ военныхъ неудачъ въ Крыму кроется прежде всего въ болѣзняхъ снѣдавшихъ самое государство, съ его крѣпостнымъ правомъ, отсутствіемъ праваго суда, преобладаніемъ иностранныхъ элементовъ, скудостью просвѣщенія, недостаткомъ желѣзныхъ путей, и т. п. Въ арміи все это отражалось отсутствіемъ индивидуальнаго развитія солдата, дисциплиной основанною на произволѣ, а затѣмъ несоотвѣтственною организаціей войскъ и военныхъ учрежденій. Винить кого-нибудь въ дурномъ внутреннемъ устройствѣ войска въ періодъ Крымской войны было бы странно, ибо тотъ весьма заблуждается, кто полагаетъ, что въ неблагоустроенномъ государствѣ можетъ быть благоустроенное войско. Мы даже не могли замѣтить передъ войной этого дурнаго устройства, ибо оно вполнѣ соотвѣтствовало высотѣ развитія тогдашняго общества. Связь между войскомъ и государствомъ неразрывная, оттого-то военныя неудачи и кроются большею частію глубоко въ государственномъ организмѣ. Совершенно понятно, что съ обновленіемъ государства, послѣ Восточной войны, обстоятельства потребовали и обновленія арміи.

Положеніе военно-служащихъ въ тогдашнемъ общественномъ строѣ государства было привлекательно. На нихъ были устремлены общіе взоры, военная служба вела на всѣ высшія ступени государственной дѣятельности. Строевой офицеръ могъ разчитывать быть и губернаторомъ, и попечителемъ учебнаго округа, директоромъ хозяйственнаго департамента, предсѣдателемъ любой изъ палатъ: казенной, уголовной или государственныхъ имуществъ, и даже управлять строительною или горною частью, и все это не потому чтобы широкая подготовка давала ему право на такую дѣятельность. Въ военной службѣ дворянство видѣло исходъ и легкую карьеру. Все вмѣстѣ, при дѣйствительныхъ заслугахъ оказанныхъ арміей въ Турціи и Польшѣ, давало военнослужащимъ высокое положеніе въ обществѣ. Крымская война разрушила этотъ порядокъ. Когда армія проиграла кампанію, сочувствіе къ ней уменьшилось, и вмѣстѣ съ тѣмъ явилось сознаніе, что государство крѣпко не столько арміей, сколько внутреннимъ строемъ, и что хорошая

побѣдоносная армія есть одно изъ проявленій здороваго состоянія государственнаго организма. Лучшія силы арміи направились тогда на дѣятельность внутреннюю; армія явственно отошла на второй планъ. Что же удивительнаго, если въ нашей милліонной арміи, честолюбивой и славолюбивой, привыкшей быть предметомъ исключительнаго вниманія, слышатся иногда голоса сожалѣнія при воспоминаніяхъ о прежнихъ порядкахъ?

Сознаніе необходимости военной реформы, въ періодъ 1856—1863 годовъ, было всеобщее. Неудачная война была у всѣхъ на памяти; реформа, обнявшая собой все военное управленіе, дѣйствительно была предпринята съ 1862 года и во многихъ отношеніяхъ приведена къ окончанію. Реформа эта испытываетъ въ настоящее время то, что свойственно всѣмъ кореннымъ реформамъ: когда старое зданіе сломано, а новое значительно отстроено, но еще не доведено до конца, начинаютъ слышаться голоса, что старое зданіе хоть и было ветхо, все же въ немъ можно было жить, въ новомъ же, еще не покрытомъ крышей, нельзя даже укрыться отъ непогоды.

Въ нашемъ прошедшемъ мы не можемъ указать ни на одинъ фактъ, который свидѣтельствовалъ бы о попыткахъ водворить у насъ военно-окружныя управленія для полевыхъ войскъ взамѣнъ исключительно командныхъ, существовавшихъ со временъ Петра Великаго и почти не имѣвшихъ связи съ управленіями хозяйственными. Мы отнюдь не видимъ, какъ нѣкоторые изъ нашихъ военныхъ писателей, начала окружной системы ни въ росписаніи войскъ при Петрѣ Великомъ по губерніямъ, ни въ инспекторскихъ округахъ, существовавшихъ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ.

Съ окончаніемъ перваго періода Сѣверной войны, въ 1711 году, когда для продолженія ея не было надобности въ напряженіи всѣхъ силъ государства, и бо́льшая часть арміи была поставлена на мирное положеніе, императоръ Петръ Великій росписалъ полки по губерніямъ. Это росписаніе имѣло въ виду единственно облегчить передачу войскамъ денегъ, назначенныхъ имъ по росписи изъ подушныхъ платежей, и было только слѣдствіемъ несовершенства тогдашней финансовой системы. Вмѣсто составленія ежегоднаго бюджета, государственная территорія была росписана на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ; центральныя губерніи содержали

приписанныя къ нимъ войска, приморскія содержали флотъ, пріуральскія—государственное горнозаводство и т. д.

Учрежденіе же инспекторскихъ округовъ при Павлѣ Петровичѣ было вызвано особыми соображеніями. Блестящая боевая дѣятельность Екатерининскихъ войскъ не только не развила въ нихъ тѣхъ качествъ, которыми обыкновенно отличаются войска послѣ долгаго мира, но даже способствовала подавленію ихъ. На первомъ планѣ въ этихъ войскахъ стоялъ боевой элементъ, и нѣкоторыя отступленія отъ формы обмундированія, отъ правилъ установленныхъ уставомъ и т. п. не считались заслуживающими особаго вниманія. Будучи иного взгляда на войска нежели Потемкинъ, Румянцовъ, Суворовъ, Зубовъ и другія лица, командовавшія ими при императрицѣ Екатеринѣ II, императоръ Павелъ обратилъ особое вниманіе на единообразіе обученія и обмундированія и на пунктуальное исполненіе правилъ устава выработаннаго въ Гатчинѣ. Принявъ войска въ свое непосредственное завѣдываніе, императоръ Павелъ раздѣлилъ территорію государства на 12 инспекцій и поставилъ во главѣ каждой изъ нихъ инспектора, строго опредѣливъ, въ главѣ XXII своего военнаго устава, * ихъ права и обязанности.

Инспекціи были слѣдующія: С.-Петербургская, Московская, Лифляндская (изъ прибалтійскихъ губерній), Смоленская, Литовская, Финляндская, Украинская, Днѣстровская, Таврическая, Кавказская, Оренбургская и Сибирская.

Величина инспекцій была весьма неодинакова. Финляндская состояла всего изъ одной Выборгской губерніи; Петербургская изъ двухъ: Петербургской и Новгородской; Литовская и Лифляндская имѣли всего по три губерніи, въ то время какъ Московская инспекція обнимала собой всю центральную Россію и заключала въ себѣ 15 губерній, Землю Войска Донскаго и часть губерніи Смоленской.

Столь же неодинаково было и число войскъ, расположенныхъ въ инспекціяхъ.

Инспекторы не были начальниками войскъ расположенныхъ во ввѣренныхъ имъ инспекціяхъ, но только постоянными отвѣтственными инспекторами надъ строевымъ образованіемъ, правильнымъ обмундированіемъ и службой войскъ. Не требовалось чтобъ они были старшими генералами въ округѣ;

* *Полн. Собр. Зак.* т. XXIV, 17.588.

должность эту одинаково могъ занимать и генералъ-маіоръ, и фельдмаршалъ. Инспекторъ долженъ былъ объѣзжать возможно чаще полки, дѣлать имъ сборы и инспектировать ихъ по-ротно, по крайней мѣрѣ, четыре раза въ годъ. Ежемѣсячно онъ долженъ былъ подавать Государю рапортъ о всей инспекціи; всѣ высочайшія повелѣнія пересылались въ части не иначе какъ чрезъ инспектора, который, подъ опасеніемъ отвѣта и строжайшаго взысканія, наблюдалъ за исполненіемъ указовъ.

Обязанности инспекторовъ заключались: 1) въ строжайшемъ наблюденіи, чтобы всѣ полки инспекцій были комплектны людьми и лошадьми и не имѣли бы отпускныхъ болѣе нежели по 30-ти человѣкъ изъ роты, и то лишь съ 1-го сентября до 1-го апрѣля; 2) чтобы въ отчетахъ и требовательныхъ вѣдомостяхъ число больныхъ и наличное число людей показывалось именно то какое было въ дѣйствительности; 3) чтобы во всѣхъ полкахъ наблюдалось строжайшее равенство въ строевомъ образованіи и въ формѣ обмундированія. Ни шефы полковъ, ни инспекторы, ни командиры не могли отваживаться дѣлать какія-либо измѣненія или отступленія противу предписаній.

За все это инспекторы отвѣтствовали подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія и лишенія чиновъ. Во все время царствованія императора Павла Петровича разсматриваемыя инспекціи существовали въ полной силѣ. Эти постоянныя инспекторства были вполнѣ своеобразны, и приравнивать ихъ къ военно-окружной системѣ трудно.

Но если система окружныхъ управленій не примѣнялась до послѣдняго времени къ полевымъ войскамъ, то, напротивъ, она издавна имѣла мѣсто въ войскахъ гарнизонныхъ (мѣстныхъ) и въ частяхъ коммиссаріатской и провіантской.

Бывшій корпусъ внутренней стражи имѣлъ территоріальное управленіе и состоялъ изъ 10 округовъ.

Гарнизоны инженернаго вѣдомства подраздѣлялись на 6 округовъ: С.-Петербургскій, Лифляндскій, Кіевскій, Московскій, Южный и Оренбургскій и 5 управленій: первой и кавказской арміи, отдѣльнаго сибирскаго корпуса и крѣпостей Кронштадта и Свеаборга. Въ каждомъ инженерномъ округѣ находилось окружное управленіе.

Гарнизоны артиллерійскаго вѣдомства, кромѣ находившихся на Кавказѣ, составляли *девять* округовъ.

Для *коммиссаріатскаго довольствія* войскъ существовало 14 коммиссаріатскихъ коммиссій. Къ 12-ти изъ нихъ были приписаны особые районы или округа (Тамбовская и Симбирская округовъ не имѣли), и войска получали довольствіе отъ тѣхъ коммиссій, въ районѣ которыхъ были расположены.

Для *провіантскаго* довольствія войскъ имѣлись провіантскіе округа, хотя и не носившіе этого названія; число ихъ было весьма велико. Районъ внутренняго провіантскаго заготовленія, въ которомъ довольствіе войскъ совершалось распоряженіемъ провіантскаго департамента, состоялъ изъ 27 территоріальныхъ районовъ. Въ составъ района Кременчугской провіантской коммиссіи входило пять губерній, * Рыбинской— шесть ** губерній. Въ составъ остальныхъ районовъ входило въ каждый по губерніи.

Въ этихъ послѣднихъ завѣдывали продовольствіемъ не коммиссіи, а оберъ-провіантмейстеры, бывшіе полными начальниками провіантской части во ввѣренныхъ имъ районахъ и сносившіеся непосредственно съ провіантскимъ департаментомъ.

Затѣмъ особыя провіантскія управленія состояли: при первой арміи, *** на Кавказѣ, въ Оренбургскомъ краѣ, въ Западной и въ Восточной Сибири.

Къ каждому изъ этихъ управленій былъ приписанъ особый районъ. Управленія дѣйствовали независимо отъ провіантскаго департамента и доставляли ему свѣдѣнія лишь объ общемъ ходѣ и состояніи продовольствія во ввѣренныхъ ихъ кругу дѣйствія районахъ.

Изъ этого краткаго обзора видно, что округа внутренней стражи, гарнизоновъ артиллерійскаго и инженернаго вѣдомства, коммиссаріатскіе и провіантскіе были весьма многочисленны, лишены всякой связи между собой и взаимно

---

* Полтавская, Екатеринославская, Херсонская, Харьковская и Бессарабія.

** Ярославская, Олонецкая, Вологодская, Костромская, Архангельская и Вятская.

*** Въ кругъ дѣйствія полеваго провіантскаго управленія первой арміи входили губерніи: Могилевская, Кіевская, Черниговская, Курляндская, Лифляндская, Витебская, Минская, Виленская, Волынская, Гродненская, Ковенская, Подольская и Царство Польское.

перекрещивались. При этомъ сосредоточеніе распорядительной власти, за исключеніемъ провіантскаго вѣдомства, въ центральныхъ управленіяхъ военнаго министерства было безусловное.

Хозяйственная часть арміи требовала реформы еще рѣшительнѣе нежели устройство полевыхъ войскъ и установившіеся въ нихъ внутренніе порядки.

Разработка положеній о военно-окружной системѣ была произведена въ военномъ министерствѣ съ чрезвычайною быстротой. 15-го января 1862 года удостоился Высочайшаго утвержденія лишь докладъ на какихъ началахъ предполагается произвести преобразованіе военнаго управленія, а къ маю 1862 года уже было составлено предварительное предположеніе объ учрежденіи военныхъ округовъ, составѣ ихъ управленія, правахъ, обязанностяхъ и отношеніяхъ лицъ сихъ управленій. Затѣмъ предположеніе это, для тщательнаго обсужденія, было разослано на заключеніе главныхъ военныхъ начальниковъ и другихъ лицъ, въ числѣ 211 экземпляровъ, и изъ полученныхъ въ сентябрѣ того же года 134 мнѣній разныхъ лицъ (изъ числа призванныхъ къ обсужденію вопроса 37% не приняли въ немъ участія) составленъ былъ систематическій сводъ. Выгоды введенія предложенной министерствомъ системы казались тогда до того очевидными, что изъ представленныхъ министерству мнѣній военачальниковъ только десять заключали въ себѣ возраженія противъ основаній военно-окружной системы. Въ числѣ возраженій нѣкоторыя были высказаны весьма сильно. Такъ, баронъ Оффенбергъ находилъ вводимую военно-окружную систему вредною въ военномъ отношеніи, и полагалъ, что со введеніемъ ея мы будемъ имѣть дивизіи, но не арміи. Противъ проекта, изъ числа лицъ пользующихся въ арміи извѣстностью, были также князь Суворовъ, генералы Баумгартенъ и Лауницъ, не находившіе нужнымъ формированіе округовъ. Но общее мнѣніе стояло за реформу, и она осуществилась весьма скоро.

Для пріуготовительныхъ работъ учреждено было сначала нѣсколько спеціальныхъ коммиссій, разработавшихъ частныя положенія, каждая по своей части:

1) Положенія по командной части: о командующемъ войсками въ округѣ, о его помощникѣ, объ окружномъ штабѣ, объ управленіяхъ дивизіями пѣхотными и кавалерійскими, а равно и войсками мѣстными,—были обработаны въ коммиссіи,

состоявшей подъ предсѣдательствомъ дежурнаго генерала главнаго штаба Его Императорскаго Величества генералъ-адъютанта графа Гейдена.

2) Положенія по артиллерійской и инженерной частямъ составлены были въ главномъ артиллерійскомъ и въ главномъ инженерномъ управленіяхъ, особыми коммиссіями, подъ предсѣдательствомъ вице-директоровъ этихъ управленій.

3) Положенія по медицинской и госпитальной частямъ составлены въ военно-медицинскомъ департаментѣ, подъ предсѣдательствомъ директора онаго, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Цыцурина.

Всѣ эти частныя работы поступили затѣмъ въ общую редакціонную коммиссію по составленію положенія о военно-окружныхъ управленіяхъ, состоявшую подъ непосредственнымъ руководствомъ военнаго министра. Въ этой же коммиссіи были составлены положенія по хозяйственной части: о военно-окружныхъ совѣтахъ, объ окружныхъ интендантскихъ управленіяхъ и порядкѣ вещеваго довольствія, а затѣмъ совершенъ пересмотръ и общая кодификація всѣхъ подготовленныхъ частныхъ работъ. Ею же составлены и штаты вновь учреждаемыхъ управленій. По мѣрѣ окончанія работъ общею редакціонною коммиссіей, онѣ вносились на разсмотрѣніе военно-кодификаціонной коммиссіи, и въ то же время экземпляры ихъ разсылались на заключеніе главныхъ воинскихъ начальниковъ, директоровъ департаментовъ и другихъ лицъ, знакомыхъ съ военною администраціей.

Наконецъ, полученныя отъ этихъ лицъ замѣчанія, вмѣстѣ съ самими проектами и заключеніями кодификаціонной коммиссіи, были окончательно обсужены въ военномъ совѣтѣ. *

Справедливость требуетъ сказать, что реформа была произведена съ большою быстротой и умѣніемъ вести дѣло. Мы сказали уже, что начало работъ должно отнести къ январю 1862 года, а въ августѣ 1864 года, то-есть всего 2½ года спустя, наша прежняя система военнаго управленія была замѣнена новою военно-окружною, несмотря на самыя неблагопріятныя обстоятельства. Почти одновременно съ началомъ реформы начался въ Западномъ краѣ мятежъ,

---

* *Сборникъ положеній, штатовъ и приказовъ, относящихся до учрежденія военныхъ округовъ*, стр. 4—6 объяснительной записки къ положеніямъ и штатамъ.

и возникли недружелюбныя отношенія къ западной Европѣ. Подавленіе возстанія и приведеніе арміи сначала на военное положеніе, а затѣмъ опять на мирное, очевидно требовали сами по себѣ усиленной дѣятельности. Впрочемъ, смутное состояніе Западнаго края прошло не безъ пользы для выработки военно-окружной системы. Еще лѣтомъ 1862 г. было признано неудобнымъ управлять первою арміей изъ Варшавы, и районъ ея расположенія былъ раздѣленъ на три военные округа: Варшавскій, Виленскій и Кіевскій, а въ концѣ года образованъ и округъ Одесскій. Время мятежа ясно показало выгоды военно-окружной системы для внутренняго охраненія спокойствія страны. Явилась также возможность рѣшить вопросы и о величинѣ округовъ; опытъ показалъ, что Виленскій округъ долженъ состоять не только изъ губерній Литовскихъ: Виленской, Ковенской и Гродненской, но и Бѣлорусскихъ: Витебской, Минской и Могилевской.

Приступая къ изслѣдованію нашей военно-окружной системы, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о планѣ нашего изслѣдованія.

По своему быту и государственному устройству, всѣ европейскія государства имѣютъ много общаго между собой. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго и въ сходствѣ, которое представляетъ намъ устройство вооруженныхъ силъ въ различныхъ государствахъ Европы. Почти вездѣ въ основаніе военнаго устройства приняты одни и тѣ же начала. Изслѣдованіе военныхъ установленій въ другихъ государствахъ, въ сравненіи съ нашими, не только интересно, но часто и поучительно.

Въ изслѣдованіи нашемъ мы познакомимся сначала съ военнымъ устройствомъ и значеніемъ военно-окружныхъ управленій первостепенныхъ государствъ западной Европы, Австріи, Пруссіи и Франціи. Затѣмъ разсмотримъ основанія нашей военно-окружной системы и проведемъ сравнительную параллель между окружною системой введенною у насъ и системами западной Европы. Обозрѣніе съ такимъ характеромъ дастъ возможность каждому не только судить, вѣрны или не вѣрны наши выводы, но и сдѣлать свое собственное заключеніе о нашей военно-окружной системѣ.

II.

Разсматривая устройство военнаго управленія западныхъ державъ, мы будемъ излагать его въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ 1864 году. При этомъ само собою выяснится вопросъ зависимости или независимости нашей военной системы отъ существовавшихъ въ періодъ ея введенія на Западѣ. Но чтобы читатель могъ составить себѣ въ то же время полное понятіе о современномъ устройствѣ военнаго управленія Австріи, Пруссіи и Франціи, мы каждый разъ будемъ упоминать на своемъ мѣстѣ о тѣхъ перемѣнахъ, которыя послѣдовали послѣ 1864 года.

До войны 1859 года, Австрія имѣла смѣшанную систему управленія вооруженными силами: въ одно и то же время въ ней существовала и территоріальная окружная система, распространявшаяся на всѣ части войскъ, и командная или строевая, вѣдавшая войска линейныя. Линейныя войска (за исключеніемъ расположенныхъ въ Кроаціи, Славоніи, Далмаціи и воеводствахъ), раздѣлялись въ мирное время на четыре арміи.

Въ составъ каждой арміи входили три или четыре дѣйствующіе корпуса (всего было двѣнадцать пѣхотныхъ корпусовъ и одинъ кавалерійскій); каждый корпусъ состоялъ изъ двухъ или трехъ дивизій, дивизія изъ двухъ или трехъ бригадъ, и бригада изъ четырехъ или пяти баталіоновъ и одной батареи. Несмотря на то что австрійская армія издавна раздѣлялась на бригады, дивизіи, корпуса и арміи, части эти никогда не имѣли значенія единицъ постояннаго состава; численность войскъ въ различныхъ бригадахъ, дивизіяхъ и корпусахъ была неравномѣрна, и распредѣленіе войскъ на бригады, дивизіи и т. д. подвергалось измѣненіямъ довольно часто. Штабы, приданные арміямъ и корпусамъ, имѣли значеніе исключительно военное, тактическое, и касались административныхъ обязанностей лишь въ видѣ исключенія, вслѣдствіе особыхъ предписаній.

Въ то же время государство раздѣлялось на десять территоріальныхъ военныхъ округовъ.

Въ мирное время штабы армій, расположенные въ Вѣнѣ, Веронѣ, Офенѣ и Лембергѣ, соединялись съ окружными штабами расположенными въ тѣхъ же пунктахъ, а именно:

Штабъ 1 арміи съ окружн. штаб. Вѣнскаго округа.
— 2 — — — — Веронскаго —
— 3 — — — — Офенскаго —
— 4 — — — — Лембергскаго —

Окружные штабы, находившіеся въ Прагѣ, Брюннѣ и Германштадтѣ были соединены со штабами корпусовъ тамъ расположенныхъ. При этомъ: 1) начальники армій и корпусовъ, которымъ были подчинены окружные штабы, были въ то же время и начальниками округовъ; 2) корпусные и окружные штабы, будучи соединены, составляли въ административномъ отношеніи одинъ штабъ, но въ чисто-военномъ отношеніи корпусные штабы имѣли значеніе отдѣльныхъ, самостоятельныхъ учрежденій; окружные штабы въ Аграмѣ, Темешварѣ и Зарѣ были самостоятельны, и всѣ войска располагавшіяся въ этихъ округахъ, составляя бригады и дивизіи, подчинялись имъ непосредственно.

Штабы дивизіонные, корпусные и армій имѣли значеніе только въ отношеніи строевомъ или командномъ, штабы окружные—значеніе военно-административное. Такимъ образомъ корпусный командиръ, бывшій въ то же время и начальникомъ территоріальнаго округа, съ одной стороны, въ отношеніи командномъ, подчинялся командующему арміей, съ другой стороны, по отношенію къ округу, былъ столько же самостоятеленъ какъ и командующій арміей и точно также непосредственно сносился съ министромъ.

Вмѣстѣ съ приведеніемъ корпусовъ и армій на военное положеніе, начальники ихъ тотчасъ же оставляли обязанности окружныхъ генераловъ, занимались исключительно подвижными войсками, а на мѣста окружныхъ генераловъ назначались новыя лица. Система эта, кромѣ ея чрезвычайной сложности, излишняго множества штабовъ, имѣла еще тотъ огромный недостатокъ, что въ военное время почти всѣ начальники корпусовъ и армій должны были оставлять свои занятія по территоріальному округу, и приходилось вдругъ назначать новыхъ территоріальныхъ начальниковъ, а при войскахъ образовывать учрежденія для надобностей собственно административныхъ *.

Италіянская война, имѣвшая вообще благодѣтельныя послѣдствія для Австріи, выказала и неудобства ея военнаго

* *Organisation-Statut*, §§ 217—221.

устройства. Вслѣдъ за окончаніемъ войны было приступлено къ преобразованію управленія на началахъ болѣе раціональныхъ.

Раздѣленіе въ мирное время на корпуса и арміи уничтожено и оставлено только какъ принадлежность военнаго времени. Внутри имперіи всѣ войска, какъ дѣйствующія такъ и мѣстныя, и военныя учрежденія подчинены начальству того округа, въ районѣ котораго они расположены. Войска же расположенныя въ Венеціянской области, какъ находившейся на военномъ положеніи, соединены были въ одну дѣйствующую армію и подраздѣлены на четыре корпуса. Штабъ арміи, расположенный въ Веронѣ, завѣдывалъ строевою частью, дѣлами военно-оперативными и важнѣйшими военно-судными дѣлами. Окружный штабъ, расположенный въ Удине (куда онъ переведенъ былъ изъ Вероны), завѣдывалъ хозяйственною и остальными частями. Объявленіе Венеціянской области на военномъ положеніи и расположеніе въ ней полуторастатысячной арміи ни мало не нарушало установленной окружной системы, и территоріальная служба отправлялась совершенно такъ же какъ бы отправлялась въ странѣ на мирномъ положеніи; хотя военный округъ и былъ подчиненъ командующему дѣйствующею арміей, тѣмъ не менѣе окружной штабъ остался со всѣми территоріальными учрежденіями въ Удине, тогда какъ штабъ арміи и всѣ полевыя учрежденія находились въ Веронѣ.

Такимъ образомъ къ 1864 году подраздѣленія войскъ въ мирное время на арміи и корпуса болѣе не существовало, и для управленія войсками имперія раздѣлялась на слѣдующіе 10 военныхъ округовъ, географическое очертаніе которыхъ совпадало съ политическимъ раздѣленіемъ страны *:

1-й округъ: Верхняя и Нижняя Австрія, Зальцбургъ, Тироль и Штирія. Окр. штабъ — *Вѣна*.

2-й — Богемія. Окр. штабъ — *Прага*.

---

* Для завѣдыванія австрійскими войсками расположенными въ крѣпостяхъ Майнцѣ, Ульмѣ и Раштадтѣ, въ Майнцѣ находилось особое крѣпостное управленіе, непосредственно подчиненное военному министерству и организованное на тѣхъ же основаніяхъ какъ и окружные штабы. Управленіе состояло изъ четырехъ отдѣленій: военнаго, военно-суднаго, административно-хозяйственнаго и госпитальнаго.

3-й округъ: Моравія и Силезія. Окр. штабъ — *Брюнн.*
4-й — Королевство Венеціянское, Каринтія, Карніолія и Прибрежье (Kustenland). Окр. штабъ — *Удине.*
5-й. — Венгрія. Окр. штабъ — *Офенъ.*
6-й — Трансильванія. Окр. штабъ — *Германштадтъ.*
7-й — Галиція и Буковина. Окр. штабъ — *Лембергъ.*
8-й — Кроація, Славонія и Кроато-Славонская военная граница. Окр. штабъ — *Аграмъ.*
9-й — Банатъ, Сербское Воеводство и Сербско-Банатская военная граница. Окр. штабъ — *Темешваръ.*
10-й — Далмація. Окр. штабъ — *Зара.*

По отторженіи Венеціянскаго королевства отъ Австріи въ 1866 году, число военныхъ корпусовъ было уменьшено до 9; при чемъ провинціи распредѣлены нынѣ по округамъ слѣдующимъ образомъ.

1-й округъ: Верхняя и Нижняя Австрія, Зальцбургъ, Моравія и Силезія. Окр. штабъ — *Вѣна.*
2-й — Тироль, Штирія, Каринтія, Карніолія и Прибрежье. Окр. штабъ — *Грацъ.*
3-й — Богемія. Окр. штабъ — *Прага.*
4-й — Галиція и Буковина. Окр. штабъ — *Лембергъ.*
5-й — Венгрія. Окр. штабъ — *Пештъ.*
6-й — Трансильванія. Окр. штабъ — *Германштадтъ.*

Бывшіе же округа 8, 9 и 10 перемѣнили нумера на 7, 8 и 9.

Въ каждомъ округѣ имѣется командующій войсками округа въ чинѣ фельдмаршалъ-лейтенанта или полнаго генерала. При немъ состоитъ окружной штабъ (Landes General-Comando), непосредственно ему подчиненный. Составляя высшую военную инстанцію въ районѣ округа и соединяя въ себѣ высшую военную и административную власть надъ всѣми расположенными въ немъ войсками и военными учрежденіями, окружной штабъ раздѣляется на шесть (штабы Аграмскій и Темешварскій на семь) отдѣленій:

1. Военное, при которомъ состоитъ секретарскій столъ и канцелярія штаба. Прежде это отдѣленіе раздѣлялось на два: строевое (начальникъ дежурный штабъ-офицеръ) и генеральнаго штаба. Приказомъ военнаго министра отъ 18-го октября 1862 г., оба эти отдѣленія слиты въ одно и получили названіе *Военнаго отдѣленія.*
2. Военно-судное (юстиціи).
3. Коммиссаріатское или хозяйственное.

4. Провіантское.
5. Госпитальное.
6. Инженерное.
7. Пограничное, существующее только въ окружныхъ штабахъ Аграмскомъ и Темешварскомъ.

Каждое отдѣленіе имѣетъ своего начальника (штабъ-офицера) и нѣсколько офицеровъ.

При штабѣ, кромѣ того, состоятъ чиновники для дѣлопроизводства и порученій, для принятія входящихъ бумагъ, для регистратуры, и для отсылки исходящихъ бумагъ. Личный составъ окружныхъ управленій хотя и опредѣленъ штатами, тѣмъ не менѣе, по *распоряженію военнаго министра*, можетъ увеличиваться или уменьшаться, смотря по надобности.

Въ нѣкоторыхъ округахъ при окружныхъ генералахъ состоятъ помощники. Помощникъ окружнаго начальника, кромѣ исполненія возложенныхъ на него порученій, исполняетъ, въ случаѣ отсутствія или болѣзни окружнаго генерала, его обязанности. Исключительно же возложенныхъ на него обязанностей не имѣетъ.

Дѣлопроизводство по отдѣленіямъ штаба распредѣлено слѣдующимъ образомъ.

Въ *секретарскій столъ* (Präsidial-Bureau), входящій въ составъ 1-го отдѣленія, но имѣющій опредѣленный и самостоятельный кругъ дѣятельности, поступаютъ всѣ бумаги адресованныя въ штабъ или на имя командующаго войсками. Затѣмъ они заносятся въ журналъ и передаются въ отдѣленія. Кромѣ того, вѣдѣнію этого стола подлежатъ: дѣла по наблюденію за общимъ отправленіемъ службы, донесенія отъ войскъ, отдача пароля и лозунга, веденіе простыхъ и кондуитныхъ списковъ всѣмъ штабъ- и оберъ-офицерамъ, приказы по войскамъ, дѣла по командировкамъ.

1. Въ кругъ дѣятельности *военнаго отдѣленія*, начальникомъ котораго состоитъ одинъ изъ штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба, входятъ:

а) *Дѣла по личному составу офицеровъ:* производство, назначенія, переводы, пріемъ въ военныя школы, жалобы на офицеровъ и долговыя претензіи, увольненіе отъ службы, опредѣленіе въ инвалидные дома, личный составъ отставныхъ, отпуски, пособія, награды, брачныя дѣла.

б) *Дѣла по службѣ и дисциплинѣ войскъ:* дисциплинарныя взысканія, форма одежды, отданіе чести, похороны, трауръ,

выдача паспортовъ, полицейская часть, законы о печати и литературныя работы, военно-учебныя заведенія, артиллерійская часть и вооруженіе войскъ.

в) *Дѣла по организаціи и составу войскъ:* численный составъ, формированіе и расформированіе частей, увольненіе нижнихъ чиновъ въ отпускъ, дѣла объ отпускныхъ, офицерскіе деньщики, браки нижнихъ чиновъ, дѣла о военно-плѣнныхъ и дезертирахъ, назначеніе на крѣпостныя работы и въ арестантскія роты, нарядъ войскъ въ караулы, на работы, экзекуціи и т. д. Учетъ рекрутъ, обученіе ихъ и отпускныхъ нижнихъ чиновъ.

г) *Дѣла по комплектованію войскъ:* опредѣленіе на службу воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, производство набора, стоимость его, освобожденіе отъ службы, поступленіе на вторичную службу, перечисленіе въ резервы и увольненіе въ отставку, дѣла объ укрывателяхъ и членовредителяхъ.

д) Дѣла, подлежавшія прежде вѣдѣнію отдѣленія генеральнаго штаба, то-есть, дѣла военно-оперативныя и военно-ученыя, какъ-то: передвиженія и расквартированіе войскъ, маневры, школы плаванія, завѣдываніе учебными плацами, стрѣльбищами, и т. п.; надзоръ за боевымъ, тактическимъ и умственнымъ образованіемъ войскъ, исправленіе уставовъ, дѣла по желѣзнымъ дорогамъ, предположенія о занятіяхъ и сборахъ войскъ, диспозиціи на случай тревоги, артиллерійская часть въ чисто-военномъ отношеніи, статистическія свѣдѣнія по арміи, личный составъ офицеровъ генеральнаго штаба.

е) *Дѣла по канцеляріи:* составленіе офиціальныхъ изданій, почта и телеграфъ, указы, предписанія, карты, архивъ, пріемъ, отправленіе и регистратура бумагъ.

2. Отдѣленіе военно-судное, начальникомъ котораго состоитъ аудиторъ (въ рангѣ подполковника) завѣдуетъ всѣми военно-судными дѣлами округа и окружнымъ военнымъ судомъ.

3. Отдѣленіе коммиссаріатское и хозяйственное, начальникомъ котораго состоитъ оберъ-кригсъ-коммиссаръ, вѣдаетъ:

а) *Дѣла о пособіяхъ и пенсіяхъ:* обезпеченіе военныхъ вдовъ и сиротъ, свѣдѣнія о пенсіонерахъ, ихъ вдовахъ и сиротахъ, инвалидные дома, завѣдываніе капиталами учрежденными для пособія военно-служащимъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ 1813, 1814, 1815, 1848, 1849 и 1859 годовъ.

б) *Ремонтированіе, конскіе заводы и перевозочную часть.*

в) *Отчетность по всѣмъ войскамъ, штабамъ и военнымъ учрежденіямъ округа:* повѣрку итоговъ, полевой кригскоммиссаріатскій контроль, контрибуціи, дѣла о налогахъ и т. п.

г) Обмундированіе, снаряженіе войскъ, квартирное довольствіе и строительную часть; дѣла коммиссаріатскихъ коммиссій и контроль расходованныхъ ими денегъ и другаго имущества, торги на предметы вѣдѣнія отдѣленія, матеріальную часть піонернаго корпуса, снаряженіе артиллеріи, оружейное и пороховое производство въ матеріальномъ отношеніи.

д) Духовныя или церковныя дѣла: церковныя утварь и принадлежности, личный составъ духовныхъ лицъ, дѣла о крещеніи и смерти и т. п.

е) Часть денежную и казначейскую.

ж) Довольствіе войскъ въ военное время натурой и деньгами. Конвенціи и довольствіе австрійскихъ войскъ за границей и наоборотъ.

Чрезъ коммиссаріатское отдѣленіе проходятъ всѣ дѣла мундирныхъ коммиссаріатскихъ коммиссій, имѣющихъ своимъ назначеніемъ снабжать армію предметами обмундированія, снаряженія, лагерными и постельными принадлежностями.

Кромѣ главной мундирной коммиссіи, расположенной въ Вѣнѣ, въ Австріи имѣется семь мундирныхъ коммиссій и три *вспомогательныя депо*. Коммиссіи расположены: въ Прагѣ, Брюннѣ, Офенѣ, Грацѣ, Венеціи, Ярославѣ и Карлсбургѣ. Вспомогательныя депо: въ Вѣнѣ, Тріестѣ и Майнцѣ; депо подчинены ближайшимъ коммиссіямъ.

Мундирныя коммиссіи не только должны удовлетворять текущія потребности войскъ, но имѣть еще и запасъ на всѣ вновь формируемыя въ военное время части. На коммиссіи возложено пріобрѣтеніе, изготовленіе и храненіе предметовъ довольствія и запасовъ. Коммиссіи раздѣляются на опредѣленное число отдѣленій. Надзоръ за магазинами поручается офицерамъ, отчетность счетнымъ чиновникамъ, а для работъ имѣется опредѣленное число нижнихъ чиновъ.

Мундирныя коммиссіи непосредственно подчинены окружнымъ штабамъ.

4. Отдѣленіе продовольственное, начальникомъ котораго состоитъ оберъ-кригсъ-коммиссаръ, вѣдаетъ: дѣла по храненію провіантскаго довольствія, приварка и кухонной принадлежности. Перевозку довольствія, учетъ убыли и порчи отъ перевозки; дѣла по всѣмъ магазиннымъ манипуляціямъ,

избытокъ и недостатокъ. Храненіе припасовъ, необходимыхъ инструментовъ и рухляди. Требованіе денегъ на довольствіе войскъ, постельную принадлежность, починку кухонной посуды, личный составъ всѣхъ чиновъ служащихъ въ провіантскомъ вѣдомствѣ.

Находящіеся въ вѣдѣніи провіантскаго отдѣленія магазины учреждены для натуральнаго довольствія войскъ провіантомъ и приварокомъ.

Число провіантскихъ магазиновъ въ имперіи слѣдующее: 58 главныхъ отчетныхъ магазиновъ (Regie und Verrechnung-Haupt-Magazinen).

12 отчетныхъ магазиновъ въ крѣпостяхъ.

15 запасныхъ магазиновъ.

Особый магазинъ для крѣпостей Майнца, Ульма и Раштадта въ Майнцѣ.

Для довольствія арміи провіантомъ Австрійская имперія раздѣляется на 58 продовольственныхъ отдѣловъ или округовъ; въ каждомъ по одному главному отчетному магазину. Начальниками провіантскихъ отдѣловъ поставлены оберъ-кригсъ-коммиссары 2-го класса, или кригсъ-коммиссары, и подчинены окружнымъ штабамъ.

5. Отдѣленіе госпитальное, подчиненное оберъ-штабъ-доктору, имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи всю военно-медицинскую часть округа: военные госпитали, аптеки, снабженіе ихъ медикаментами и надзоръ за службой медиковъ округа въ ученомъ и медицинскомъ отношеніи.

6. Отдѣленіе инженерное имѣетъ начальникомъ штабъ-офицера инженерныхъ войскъ. Его вѣдѣнію подлежатъ: строительная часть округа, повѣрка смѣтъ, отчетовъ, *торги и заподряды по постройкамъ*, заключеніе контрактовъ и т. п.

7. Отдѣленіе пограничное существуетъ только, какъ уже сказано, въ округахъ Аграмскомъ и Темешварскомъ и вѣдаетъ дѣла административныя, политическія, полицейскія и хозяйственныя по Военной Границѣ. Къ дѣятельности его относятся: надзоръ за обнародованіемъ и исполненіемъ законовъ по охраненію безопасности и спокойствія, конскрипція, опредѣленіе и увольненіе отъ службы. Собраніе статистическихъ свѣдѣній, паспорты, торговля и промышленность, дѣла церковныя, просвѣщеніе, за исключеніемъ военно-учебныхъ заведеній, пути сообщенія, подати, лѣсоводство, земледѣліе, кордонная служба, дѣла о печати и т. п.

Отдѣленіе это имѣетъ для Военной Границы весьма важное значеніе и служитъ для нея высшимъ мѣстнымъ учрежденіемъ по всѣмъ отраслямъ гражданскаго управленія.

Къ особенностямъ австрійскихъ окружныхъ штабовъ должно отнести оригинальное устройство канцеляріи, состоящей изъ трехъ отдѣловъ: 1) для пріема бумагъ, 2) регистратуры ихъ и 3) для пересылки бумагъ. Въ первомъ отдѣлѣ принимаются входящія бумаги и распредѣляются по отдѣленіямъ; въ регистратурѣ *хранятся* всѣ исполненныя или временно пріостановленныя дѣла; наконецъ къ пересылочной части относится не только отсылка исполненныхъ бумагъ, но и переписка ихъ и отправка къ подписанію окружнаго генерала. Начальники отдѣленій, при докладѣ, представляютъ бумаги въ черновыхъ листахъ, и по утвержденіи ихъ начальникомъ округа, отсылаютъ для переписки, подписанія и отсылки въ 3-й отдѣлъ канцеляріи, такъ что въ отдѣленіяхъ бумаги и дѣла не только не хранятся, но даже и не переписываются.

Начальники отдѣленій, будучи ближайшими помощниками окружнаго генерала, или сами рѣшаютъ дѣла по своимъ отдѣленіямъ, или, *въ важныхъ случаяхъ*, испрашиваютъ его резолюціи.

Для совокупнаго обсужденія и рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ по всѣмъ отраслямъ окружной службы служатъ совѣщательные комитеты, состоящіе, подъ предсѣдательствомъ окружнаго генерала, изъ всѣхъ начальниковъ отдѣленій. Комитетъ собирается по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю.

Порядокъ дѣлопроизводства въ австрійскихъ штабахъ слѣдующій. Съ полученіемъ бумагъ, онѣ записываются во входящій журналъ и распредѣляются первымъ отдѣломъ канцеляріи по отдѣленіямъ. Важныя и спѣшныя дѣла адресуются на имя окружнаго генерала и должны быть разсматриваемы безотлагательно.

Бумаги, полученныя въ штабѣ до 11 часовъ утра, должны быть исполнены и представлены къ подписанію окружнаго генерала *въ тотъ же день*, а полученныя послѣ 11 часовъ—*на другой день*. Къ 11½ часамъ должно быть составлено, въ двухъ экземплярахъ, краткое извлеченіе изъ всѣхъ поступившихъ бумагъ; одинъ экземпляръ тотчасъ же долженъ быть представленъ начальнику округа. Изготовленныя бумаги подписываются сначала начальникомъ отдѣленія, а затѣмъ

окружнымъ генераломъ. Большія и серіозныя дѣла должны быть исполнены *не позже 5 дней* со дня ихъ поступленія.

Бумаги исходящія отъ военнаго министерства и касающіяся какой-либо части войскъ или какого-либо учрежденія пишутся прямо на ихъ имя, хотя и пересылаются по командѣ. Точно также низшія инстанціи о всѣхъ вопросахъ, разрѣшеніе которыхъ зависитъ отъ министерства, пишутъ прямо на имя министерства и только пересылаютъ по командѣ. Такія бумаги въ промежуточныхъ инстанціяхъ записываются въ краткомъ извлеченіи въ „проходящій журналъ", на нихъ выставляется №, подъ которымъ они записаны въ журналъ, и за тѣмъ онѣ пересылаются далѣе по командѣ *.

Такимъ образомъ полковой или баталіонный командиръ, испрашивая какое-либо разрѣшеніе, зависящее по закону отъ военнаго министра, адресуетъ бумагу на его имя, хотя эта бумага и пройдетъ въ іерархическомъ порядкѣ штабы бригадный, дивизіонный и окружной. Такой порядокъ много способствуетъ сокращенію переписки. Нѣчто подобное есть и у насъ, такъ какъ дозволено препровождать бумаги при надписяхъ на нихъ же; впрочемъ, правило это, весьма разумное, почти не привилось у насъ, и пользуются имъ лишь изрѣдка высшія инстанціи въ сношеніяхъ съ низшими, но весьма рѣдко наоборотъ.

При военно-окружныхъ штабахъ, въ видѣ вспомогательныхъ учрежденій или особыхъ отдѣленій, состоятъ:

1. Артиллерійскія окружныя управленія.
2. Управленія перевозочною частью.
3. Управленія духовными дѣлами.
4. Инспекторы по продовольственной части.
5. Военныя кассы или казначейства.
6. Окружные суды.
7. Управленія инженернаго вѣдомства.

Артиллерійскія окружныя управленія служатъ штабу вспомогательнымъ учрежденіемъ по управленію артиллерійскими войсками и учрежденіями. Они руководятъ всѣми артиллерійскими частями въ военномъ и техническомъ отношеніяхъ, слѣдятъ за надлежащимъ снабженіемъ артиллеріи, посредничествуютъ при снабженіяхъ изъ артиллерійскихъ складовъ и имѣютъ надзоръ за надлежащимъ заготовленіемъ

* Aschod und Harkaly, 1-r Heft.

матеріаловъ въ артиллерійскіе склады и магазины. Относительно артиллерійскихъ войскъ не состоящихъ при полевыхъ войскахъ, управленія эти исполняютъ обязанности бригадныхъ штабовъ, имѣющихъ въ Австріи значеніе болѣе хозяйственное нежели строевое.

Прежде артиллерійскія управленія были въ каждомъ округѣ, но въ 1859 году (приказомъ 7-го октября) находившіяся въ Аграмѣ, Темешварѣ и Германштадтѣ были упразднены, и завѣдываніе артиллеріей въ первомъ изъ этихъ круговъ возложено на Вѣнское, а въ двухъ послѣднихъ — на Офенское артиллерійскія окружныя управленія. Въ концѣ же 1862 года для Моравіи, Силезіи и Галиціи образовано одно общее управленіе и расположено въ Ольмюцѣ, такъ что въ настоящее время артиллерійскія управленія существуютъ только въ Вѣнѣ, Прагѣ, Удине (Грацѣ), Офенѣ, Ольмюцѣ и Зарѣ. Начальникомъ управленія назначается всегда артиллерійскій генералъ.

Управленія перевозочною частію или фурштатомъ находятся также не во всѣхъ округахъ. Въ мирное время перевозочная часть арміи или, такъ-называемый, фурштатскій корпусъ состоитъ въ вѣдѣніи пяти окружныхъ фурштатскихъ управленій, расположенныхъ въ Вѣнѣ, Прагѣ, Брюннѣ, Удине (Грацѣ) и Офенѣ. Дѣйствіе каждаго изъ этихъ окружныхъ фурштатскихъ управленій распространяется на особый приписанный къ нему районъ. Каждое управленіе состоитъ изъ начальника штабъ-офицера и опредѣленнаго числа офицеровъ, чиновниковъ и нижнихъ чиновъ (всего отъ 17 до 24). На обязанности управленій лежитъ комплектованіе, увольненіе и обученіе подвѣдомственныхъ имъ перевозочныхъ частей, порядокъ службы въ нихъ и контроль. Въ военное время они занимаются постоянною доставкой къ дѣйствующей арміи всевозможныхъ родовъ довольствія.

Перевозочная часть въ австрійской арміи составляетъ особое учрежденіе, соединенное въ одинъ фурштатскій корпусъ. Перевозочныя средства арміи не разбиты по отдѣльнымъ частямъ войскъ, какъ напримѣръ у насъ—по полкамъ, а соединены въ одинъ фурштатскій корпусъ, что̀ даетъ правительству возможность вполнѣ располагать ими и, въ данное время, смотря по надобности, увеличивать ихъ или уменьшать на данномъ пунктѣ. Фурштатскій корпусъ состоитъ: 1) изъ *24 эскадроновъ*, имѣющихъ назначеніемъ въ

мирное время приготовлять хорошій кадръ фурштатовъ для военнаго времени и служить для перевозки казеннаго имущества на болѣе или менѣе значительныя разстоянія. Въ каждомъ эскадронѣ въ мирное время полагается, кромѣ эскадроннаго командира, по 125 человѣкъ нижнихъ чиновъ и 84 лошади, въ военное же время 156 человѣкъ и 208 лошадей.

2) *Изъ 10 фурштатскихъ депо*, находящихся въ мирное время въ кадровомъ составѣ и назначенныхъ для комплектованія фурштатскихъ эскадроновъ людьми и лошадьми, и

3) *Изъ 9 матеріальныхъ фурштатскихъ депо*, назначенныхъ для заготовленія и храненія всѣхъ родовъ повозокъ военнаго обоза и сбруи.

Управленія духовными дѣлами округа также находятся не во всѣхъ округахъ, ибо управленіе находящееся въ Аграмѣ вѣдаетъ духовныя дѣла округовъ Темешварскаго и Зарскаго.

Управленія духовными дѣлами подчиняются, кромѣ окружнаго штаба, также и полевому викаріату (Apostolisch Feld-Vicariat), завѣдующему всею духовною частію въ арміи. О всѣхъ получаемыхъ отъ него приказаніяхъ, не касающихся религіи, они должны однако извѣщать штабъ *.

Должность *инспектора по продовольственной части* (Landes-Verpflegs Inspector) учреждена 5-го февраля 1862 года. Инспекторъ непосредственно подчиненъ начальнику округа, состоитъ въ чинѣ полковника и назначается для постояннаго наблюденія за дѣйствіями провіантскихъ магазиновъ, инспектированія ихъ и исполненія различныхъ хозяйственно-административныхъ порученій, по указанію начальника округа. Инспектору непосредственно подчиняются всѣ чиновники назначенные для ревизіи провіантской части и состоящіе въ вѣдѣніи окружнаго или корпуснаго штабовъ. Онъ можетъ быть посылаемъ начальникомъ округа для неожиданныхъ инспектированій провіантскихъ магазиновъ и обязанъ слѣдить, чтобы войска получали сполна слѣдующее имъ изъ магазиновъ провіантское довольствіе.

Инспекторы по продовольственной части учреждены не во всѣхъ округахъ, но только въ Вѣнѣ, Офенѣ, Удине (Грацѣ) Прагѣ и Лембергѣ. Въ остальныхъ округахъ обязанность ихъ, по-прежнему, остается на начальникѣ продовольственнаго

---

* Ashod und Harkaly, стр. 12.

отдѣленія или его помощникѣ, если она не будетъ возложена новымъ приказомъ на инспектора сосѣдняго округа или другое лицо *.

До учрежденія инспектора по продовольственной части, контроль ея былъ почти немыслимъ. Все сосредоточивалось, начиная съ торговъ до храненія и расходованія имущества, въ продовольственномъ отдѣленіи, вѣдѣнію котораго подлежали и всѣ провіантскіе чиновники. Независимое положеніе инспектора отъ отдѣленія, повидимому, гарантируетъ свободу дѣйствія; но такъ какъ онъ можетъ инспектировать магазины не иначе какъ по приказанію начальника округа, то легко понять, что инспекторы по продовольственной части далеко не представляютъ собою ни постояннаго, ни бдительнаго контроля.

Выдачи денегъ изъ государственнаго казначейства, на потребности арміи, производятся въ Австріи слѣдующимъ образомъ. По утвержденіи смѣты военнаго министерства, ему прямо отпускаются ассигнованныя по смѣтѣ суммы. Для пріема денегъ, храненія ихъ, выдачи войскамъ и учрежденіямъ, согласно съ положеніями и указаніями, и составленія обо всемъ этомъ ежемѣсячныхъ отчетовъ учреждены: при военномъ министерствѣ *общее военное казначейство*, а въ округахъ — *15 военныхъ казначействъ*, расположенныхъ въ Вѣнѣ, Градцѣ, Инспрукѣ, Прагѣ, Брюннѣ, Лембергѣ, Офенѣ, Гросвардейнѣ, Удине, Венеціи, Аграмѣ, Темешварѣ, Германштадтѣ, Зарѣ и Майнцѣ.

Казначейства эти непосредственно подчинены окружнымъ штабамъ, въ районахъ которыхъ расположены **.

При каждомъ военномъ округѣ имѣется *окружной военный судъ* (Landes-Militair-Gericht), состоящій подъ предсѣдательствомъ окружнаго генерала или его помощника и имѣющій обязанностью веденіе дѣлъ военно-служащихъ, не причисленныхъ къ частямъ войскъ. Для войскъ по дѣламъ уголовнымъ имѣются *суды войсковые*, существующіе при полкахъ и отдѣльныхъ баталіонахъ, для лицъ же находящихся при военныхъ учрежденіяхъ—*гарнизонные суды*. Эти суды подчинены въ порядкѣ рѣшенія дѣлъ, какъ суды первой инстанціи, военно-

---

* Aschod und Harkaly, suplem. Heft. стр. 4 — 6. *Militair Zeitung* 1863 г. № 56.

** *Organ. Stat.* стр. 47.

аппелляціонному суду, обязанному повѣрять ихъ рѣшенія и утверждать ихъ, измѣнять, или представлять на рѣшеніе высшей инстанціи.

Присужденные могутъ приносить обжалованія на рѣшенія окружныхъ судовъ въ военно-аппелляціонный судъ.

Предавать суду и утверждать судебные приговоры начальникъ округа имѣетъ право только надъ военно-служащими не состоящими въ полкахъ или баталіонахъ и не имѣющими „ингаберовъ", или генералъ-инспекторовъ.

Управленіе инженерною частью распадается на два отдѣла: на управленіе инженерными войсками и управленіе военно-строительною частью.

Для управленія инженерными войсками имѣются *бригадные штабы*, для управленія строительною частью—*инженерныя инспекціи* и *инженерныя коммиссіи*. Бригадныхъ инженерныхъ штабовъ четыре: въ Кремсѣ, Офенѣ, Веронѣ и Краковѣ; имъ подчиняются всѣ инженерныя войска въ военномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ; въ кругъ дѣятельности штабовъ входятъ надзоръ за техническимъ и тактическимъ образованіемъ инженерныхъ войскъ и контроль суммъ, отпускаемыхъ на этотъ предметъ. Вѣдѣнію каждаго штаба приписанъ особый районъ изъ одного или нѣсколькихъ территоріальныхъ округовъ: для штаба *въ Кремсѣ*—изъ округовъ Вѣнскаго, Пражскаго и Брюннскаго; для штаба *въ Офенѣ*—Офенскаго и Германштадтскаго; для штаба *въ Веронѣ*—Венеціянскаго; для штаба *въ Краковѣ*—Лембергскаго (Галиція и Буковина).

Такимъ образомъ управленіе инженерными войсками имѣетъ свое самостоятельное территоріальное дѣленіе, не зависящее отъ дѣленія на округа.

Инженерныя инспекціи имѣются въ каждомъ округѣ; находясь въ вѣдѣніи инженернаго полковника или генерала, онѣ непосредственно подчинены окружному штабу. Кругъ ихъ дѣятельности технически-хозяйственный; на ихъ обязанности лежитъ наблюденіе за постройками производящимися въ крѣпостяхъ и за постройкой воинскихъ зданій.

Въ округахъ Венеціянскомъ и Венгерскомъ инженерныя инспекціи слиты съ инженерными бригадными штабами.

Инженерныя коммиссіи учреждены въ главнѣйшихъ крѣпостяхъ и городахъ, для надзора за укрѣпленіями, крѣпостями, фортами, военными зданіями, для отчета по произво-

дящимся постройкамъ, для ремонта зданій и довольствія кроватями войскъ, расположенныхъ въ районѣ коммиссіи.

По содержанію въ исправности укрѣпленій, коммиссіи подчиняются крѣпостнымъ управленіямъ; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ—инженернымъ инспекціямъ одного съ ними округа.

Для полноты обзора намъ остается обратиться теперь къ контрольнымъ учрежденіямъ. Контрольныя учрежденія играютъ весьма важную роль въ каждой системѣ управленія. Дурно организованный контроль, не достигающій своей цѣли, болѣе вредитъ нежели помогаетъ ходу администраціи, затрудняя раскрытіе злоупотребленій.

Въ Австріи, какъ и вездѣ, контрольныя учрежденія имѣютъ цѣлью, съ одной стороны, заботиться объ интересахъ казны, съ другой—чтобы всѣ военно-служащіе получали все слѣдующее имъ по закону. Для этого установлены два вида контроля: *мѣстный* (Local-Controle) и *поточный* (Rechnungs-Controle).

Мѣстный, или фактическій контроль, устроенный въ тѣхъ же побужденіяхъ которыя руководили правительства Франціи и Пруссіи къ устройству интендантствъ, возложенъ въ Австріи на особое учрежденіе: *ревизіонный кригсъ-комиссаріатъ*.

Ревизіонный кригсъ-коммиссаріатъ *непосредственно подчиненъ* окружному штабу, состоитъ изъ оберъ-кригсъ-коммиссара 2-го класса, кригсъ-коммиссаровъ и ревизіонныхъ чиновниковъ. Будучи учрежденіемъ территоріальнымъ, крѣпкимъ извѣстному району, чины ревизіоннаго кригсъ-коммиссаріата имѣютъ мѣстопребываніе въ 80-ти опредѣленныхъ пунктахъ. Въ каждомъ находится отъ одного до пяти чиновниковъ.

Кригсъ-коммиссаріатъ имѣетъ одинаковый кругъ дѣятельности какъ въ мирное, такъ и въ военное время. На обязанности его лежитъ мѣстный повѣрочный контроль и все сопряженное съ нимъ дѣлопроизводство. Частію онъ дѣйствуетъ самостоятельно, стараясь исправить замѣченные безпорядки, преимущественно же долженъ доводить до свѣдѣнія начальства о всѣхъ замѣченныхъ безпорядкахъ по комплектованію арміи людьми и лошадьми, расквартированію войскъ, храненію продовольственныхъ припасовъ, одежды, боеваго снаряженія. Ревизіонный кригсъ-коммиссаріатъ обязанъ также слѣдить за надлежащимъ употребленіемъ отпущенныхъ продуктовъ и матеріаловъ, и повѣрять требовательныя

вѣдомости войскъ съ наличнымъ составомъ людей предъ отпускомъ довольствія.

Для повѣрочнаго контроля, при десяти окружныхъ штабахъ, въ мѣстахъ ихъ расположенія, устроены окружныя счетныя отдѣленія, а при военномъ министерствѣ, въ Вѣнѣ, центральный счетный департаментъ.

Кругъ дѣйствія каждаго окружнаго счетнаго отдѣленія совпадаетъ съ райономъ одного изъ округовъ. Всѣ войска и военныя учрежденія обязаны посылать на ревизію въ подлежащее счетное отдѣленіе свои требовательныя вѣдомости и журналы денежнаго и натуральнаго довольствія. Счетныя отдѣленія должны повѣрять все это въ установленномъ порядкѣ троекратною ревизіей, заботиться объ исправленіи найденныхъ недостатковъ или упущеній, и представлять въ центральный счетный департаментъ ежегодно и ежемѣсячно результаты повѣрокъ и итоги всѣхъ полученныхъ и израсходованныхъ въ округѣ суммъ.

Прямыхъ сношеній съ войсками и военными учрежденіями округа счетныя отдѣленія не имѣютъ, и всѣ сношенія производятъ не иначе какъ чрезъ окружной штабъ. По счетной части они составляютъ вспомогательныя учрежденія окружныхъ штабовъ, но подчинены непосредственно не имъ, а военному министерству. Вся отчетная часть окружныхъ счетныхъ отдѣленій сосредоточивается окончательно въ центральномъ счетномъ департаментѣ военнаго министерства.

Независимо отъ разсмотрѣнныхъ контрольныхъ учрежденій въ округахъ, при военномъ министерствѣ имѣется еще контрольное учрежденіе, общее для всей имперіи, родъ постояннаго инспекторства надъ чинами повѣрочнаго контроля. Это *генералъ-контролеръ* (General Rechnungs Inspector), имѣющій обязанностью постоянное наблюденіе за всѣмъ военнымъ контрольнымъ *дѣлопроизводствомъ*. Въ правильности его онъ долженъ убѣждаться или частными инспекціями счетныхъ отдѣленій, или повѣркой ихъ счетовъ. Находясь при военномъ министерствѣ, генералъ-контролеръ подчиненъ, однако, не военному министру, а высшему контрольному учрежденію, общему для всей имперіи. О замѣченныхъ недостаткахъ онъ сообщаетъ или окружнымъ штабамъ, или министерству, или своему начальству.

Выше мы видѣли, что въ рукахъ штаба, чрезъ посредство хозяйственнаго и провіантскаго отдѣленій, сосредоточива-

ются всѣ дѣла по заготовленію довольствія, храненію его и выдачѣ въ войска; теперь мы видимъ, что ему же непосредственно подчиненъ и *мѣстный контроль*, или ревизіонный кригсъ-коммиссаріатъ. Подчиненный ставится въ необходимость провѣрять результаты распоряженій или дѣйствій своего начальника и ему же доносить о найденныхъ злоупотребленіяхъ. Что же касается до *послѣдовательнаго* контроля окружныхъ *счетныхъ отдѣленій*, то этотъ контроль болѣе служитъ къ провѣркѣ отчетныхъ формъ, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ можетъ служить къ обнаруженію злоупотребленій. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что окружныя счетныя отдѣленія производятъ всѣ свои сношенія съ войсками и учрежденіями округа не иначе какъ чрезъ окружной штабъ, то-есть всѣ отчеты и требованія, подлежащіе ихъ повѣркѣ и контролю, посылаются къ нимъ чрезъ тѣ же хозяйственныя отдѣленія штаба, дѣйствія которыхъ они ревизуютъ. Наконецъ, генералъ-контролеръ обязанъ лишь слѣдить за правильностью дѣлопроизводства и отчетности окружныхъ отдѣленій; потому самая независимость его положенія не можетъ приносить особенной пользы дѣлу.

Этотъ чисто теоретическій выводъ несостоятельности контроля, существующаго въ австрійской арміи, вполнѣ подтверждается громадными злоупотребленіями, которыя отличаютъ австрійскую администрацію. Зло (взяточничество, стачки между подрядчиками и чиновниками) достигло тамъ такихъ размѣровъ, что само правительство почти официально признаетъ его существованіе. Австрійскіе офицеры отзываются о существующихъ у нихъ порядкахъ весьма рѣзко. Графъ Швейницъ, въ своемъ проектѣ военной реорганизаціи *, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ закулисную сторону австрійскаго чиновничества. „Обманы, дѣлаемые коммиссаріатскими и провіантскими коммиссіями, говоритъ онъ, слишкомъ извѣстны. Гдѣ зло достигло столь сильной степени какъ у насъ, трудно отвратить его однимъ созданіемъ какихъ-либо новыхъ мѣстъ; при такомъ положеніи дѣлъ должна быть создана новая система, основанная на началѣ отвѣтственности. Послѣднее время дало намъ самыя печальныя доказательства, что многописаніе и всѣ контроли не спасаютъ нашего государства отъ обмана.“

* *Entwurf einer Reorganisation der Oesterreichischen Armee*, von Graf Schweinitz.

Честность и порядки австрійскихъ чиновниковъ лучше всего можно усмотрѣть изъ того, что въ инструкціи генералъ-инспектору по продовольственной части на прямую его обязанность возлагается: „Достиженіе *возможной честности* въ чиновникахъ, чтобъ они при подрядахъ и поставкахъ не сближались съ подрядчиками и не допускали недостатковъ, не указанныхъ въ предписаніяхъ, и чтобы подрядчики не прикрывали недостатковъ, открывшихся въ магазинахъ.“ *

Прилагаемъ при семъ таблицу числа служащихъ въ австрійскихъ военно-окружныхъ управленіяхъ и получаемаго ими содержанія:

	Вѣна.	Прага	Брюнъ.	Удине	Офенъ.	Германштад.	Лембергъ.	Аграмъ.	Темешваръ.	Зара.	Содержаніе каждому. Р.	К.
Фельдцейхмейстеровъ или генераловъ отъ кавалеріи	—	1	1	1	1	—	—	—	1	—	11.882	24
Фельдмаршалъ-лейтенант.	2	1	1	1	1	2	2	2	1	1	8.301	82
Строевое отдѣленіе:												
Полковниковъ.	1	—	—	1	1	—	1	1	1	—	2.304	82
Подполковниковъ.	1	1	1	—	—	—	1	—	1	—	1.726	30
Маіоровъ.	—	1	—	1	1	2	—	1	—	1	1.466	98
Капитановъ 1-го класса. .	2	2	—	2	2	1	2	—	1	—	757	57
Капитановъ 2-го класса. .	1	1	2	1	1	1	1	2	1	1	631	6
Поручиковъ.	4	3	2	3	3	1	3	2	1	1	456	27
Итого.	9	8	5	8	8	5	8	6	5	3		
Генеральнаго штаба:												
Генералъ-маіоровъ.	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	3.685	99
Полковниковъ.	1	1	—	1	1	—	—	1	—	—	2.746	90
Подполковниковъ.	—	—	1	2	—	—	1	—	—	—	1.873	86
Маіоровъ.	1	—	—	—	—	1	—	1	—	1	1.614	55
Капитановъ 1-го класса. .	2	2	1	2	2	1	1	2	1	2	1.051	28
Капитановъ 2-го класса. .	1	—	1	1	1	1	1	—	1	—	926	13
Поручиковъ.	2	1	1	2	2	1	1	1	1	1	746	90
Итого.	7	4	4	8	7	4	4	5	3	4		
Инженерное:												
Генералъ-маіоровъ.	—	1	—	—	1	—	1	—	1	—	3.443	35
Полковниковъ.	1	—	1	1	—	1	—	1	—	1	2.452	39
Подполковниковъ.	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1.873	86
Итого.	1	1	1	2	1	1	1	1	1	1		

---

* Aschod und Harkaly, стр 26, тетр. 1.

	Вѣна.	Прага.	Брюнъ.	Удине.	Офенъ.	Германштад.	Лембергъ.	Аграмъ.	Темешваръ.	Зара.	Содержаніе каждому. Р.	К.
Пограничное:												
Подполковниковъ.	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1.265	71
Капитановъ.	—	—	—	—	—	—	—	3	3	—	755	72
Поручиковъ.	—	—	—	—	—	—	—	3	1	—	519	24
Итого.	—	—	—	—	—	—	—	7	5	—		
Канцелярское:												
Капитановъ 1-го класса. .	18	7	5	10	10	5	7	5	5	3	585	31
Капитановъ 2-го класса. .	1	1	1	1	1	1	1	1	1	—	459	36
Поручиковъ.	1	1	1	1	1	1	1	1	1	—	354	39
Подпоручиковъ 1-го клас.	3	1	1	2	2	1	2	1	1	1	325	76
Подпоручиковъ 2-го клас.	3	1	1	2	2	1	2	1	1	1	295	12
Итого.	26	11	9	16	16	9	13	9	9	5		
Аудиторское:												
Подполковниковъ.	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1.265	71
Маіоровъ.	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1	1.018	39
Итого.	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1		
Кригсъ-коммиссарское:												
Оберъ-кригсъ-коммиссаровъ 1-го клас.	2	2	1	2	2	1	2	1	1	—	1.844	23
Оберъ-кригсъ-коммиссаровъ 2-го клас.	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	1.265	71
Кригсъ-коммиссаровъ. . . .	4	2	2	4	4	3	3	3	3	3	1.018	39
Помощниковъ 1-го класса	6	4	2	6	6	2	5	2	1	—	757	57
Помощниковъ 2-го класса	5	4	2	5	6	1	6	2	2	1	631	62
Помощниковъ 3-го класса	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	456	27
Итого.	21	15	10	20	21	10	19	11	10	7		
Военно-медицинское:												
Оберъ-штабъ-докт. 1-го кл.	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1.844	23
Полковыхъ докторовъ 1-го класса	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—	757	57
Полковыхъ докторовъ 2-го класса	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1	631	62
Помощниковъ 1-го класса	1	—	1	1	1	—	1	—	1	—	426	63
Помощниковъ 2-го класса	1	1	—	1	1	1	—	1	—	1	358	72
Итого.	4	3	3	4	4	3	3	3	3	3		
Строительныхъ чиновниковъ пяти классовъ.	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1		
Регистратурныхъ чиновниковъ различныхъ классовъ	8	5	3	7	7	3	5	4	4	2		
Служителей.	2	2	2	2	2	1	3	2	2	1		
Писарей.	25	9	14	40	14	9	27	24	15	4		
Офицерскихъ деньщиковъ	20	14	13	21	17	12	15	21	17	10		
Общій итогъ служащихъ въ окружныхъ штабахъ. .	127	76	68	132	102	61	102	97	79	43		

На канцелярскіе расходы окружныхъ штабовъ отпускается:

На окружной штабъ въ	Вѣнѣ	8.300	гульд.
„ „ „ „ „	Офенѣ	8.200	„
„ „ „ „ „	Лембергѣ	6.800	„
„ „ „ „ „	Удине	6.500	„
„ „ „ „ „	Прагѣ	5.800	„
„ „ „ „ „	Германштадтѣ	5.400	„
„ „ „ „ „	Аграмѣ	5.400	„
„ „ „ „ „	Брюннѣ	3.200	„
„ „ „ „ „	Темешварѣ	3.500	„
„ „ „ „ „	Зарѣ	1.700	„

Въ артиллерійскихъ окружныхъ управленіяхъ число служащихъ весьма незначительно. Во всѣхъ шести считается на службѣ: генераловъ шесть, оберъ-офицеровъ шесть.

Число чиновъ назначенныхъ для непосредственнаго повѣрочнаго контроля слѣдующее: оберъ-кригсъ-коммиссаровъ 2-го класса 22, кригсъ - коммиссаровъ — 45, помощниковъ ихъ—26.

Связь между военнымъ министерствомъ и военными учрежденіями въ округахъ до того велика, что разсматривать одни только окружныя учрежденія и не сказать ничего о составѣ министерства, значило бы лишить себя возможности правильно очертить принятую въ государствѣ систему управленія вооруженными силами.

Отличительная черта австрійской администраціи есть строгое разграниченіе власти между ея членами. Разграниченіе это, строго проведенное съ верху до низу, есть одна изъ хорошихъ сторонъ австрійскаго законодательства.

Главное начальство надъ арміей имѣетъ самъ императоръ, предоставившій себѣ по этому званію: 1) назначеніе полковыхъ ингаберовъ, или шефовъ полковъ; 2) назначеніе генералъ- и флигель-адъютантовъ, опредѣленіе на службу чиновъ главнаго дежурства; 3) распредѣленіе въ гвардіи генераловъ и штабъ-офицеровъ*; 4) завѣдываніе военно-служащими состоящими на службѣ при дворѣ и при посольствахъ,

---

* Въ Австріи гвардія отнюдь не имѣетъ того значенія, какое имѣетъ у насъ или во Франціи, состоитъ всего изъ дворцовой стражи и ближе всего подходитъ, по своему устройству, къ нашей ротѣ дворцовыхъ гренадеръ.

за исключеніемъ военныхъ агентовъ, состоящихъ въ вѣдѣніи военнаго министерства, и 5) разрѣшеніе пособій и наградъ.

Для составленія проектовъ высочайшихъ повелѣній на доклады военнаго министерства (военный министръ не имѣетъ личныхъ докладовъ у императора), при особѣ его величества учреждено *главное дежурство* (Die general Adjutantur), начальникъ котораго носитъ титулъ перваго генералъ-адъютанта его величества. Увѣдомленія, передаваемыя первымъ генералъ-адъютантомъ, должны приниматься какъ высочайшія повелѣнія.

Военное министерство, будучи высшею инстанціей, въ которой сосредоточивается военно-административное управленіе арміей, соединяетъ въ себѣ власти: военную, хозяйственную и судную. Ему подчиняются непосредственно штабъ арміи и главные окружные штабы. Выше мы видѣли, что въ Австріи слово „штабъ“ имѣетъ иное значеніе нежели у насъ, въ Пруссіи и Франціи. Въ Австріи главный начальникъ, при которомъ состоитъ штабъ, есть вмѣстѣ и начальникъ штаба; поэтому подчиненіе всѣхъ штабовъ министерству имѣетъ тамъ тождественный смыслъ съ подчиненіемъ министерству всѣхъ командующихъ войсками и отдѣльными частями.

Управленіе министерствомъ ввѣряется одному изъ старшихъ генераловъ, съ титуломъ военнаго министра. Онъ засѣдаетъ въ *совѣтѣ министровъ* (Minister Conferenz) въ качествѣ представителя интересовъ арміи. Имѣя весьма значительныя права, военный министръ рѣшаетъ бо́льшую часть дѣлъ собственною властію; на утвержденіе императора онъ представляетъ доклады лишь о важнѣйшихъ распоряженіяхъ по военному вѣдомству, а также о повышеніи капитановъ, ротмистровъ, штабъ-офицеровъ и генераловъ въ слѣдующіе чины,* о назначеніи въ должности генераловъ, штабъ-офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства первыхъ шести классовъ, безъ нарушенія, однако, правъ дарованныхъ полковымъ ингаберамъ (напримѣръ, назначеніе баталіонныхъ

* До капитанскаго чина включительно производство идетъ по утвержденію полковыхъ ингаберовъ или лицъ, пользующихся ихъ правами, напримѣръ генералъ-инспекторовъ; военному министру предоставляются ингаберскія права по отношенію ко всѣмъ лицамъ и частямъ военнаго вѣдомства не имѣющимъ ингаберовъ.

командировъ, производство въ чины до капитана включительно и т. д.), о всѣхъ наградахъ, которыя не могутъ быть разрѣшены имъ самимъ.

Будучи отвѣтственнымъ лицомъ за благосостояніе и направленіе войскъ, военный министръ имѣетъ право во всякое время объѣзжать и инспектировать войска, хотя бы командующіе войсками въ округахъ и были старше его чиномъ. Военный министръ имѣетъ двухъ товарищей.

Военное министерство состоитъ изъ канцеляріи, 18 отдѣленій (родъ нашихъ департаментовъ, но несравненно меньшихъ размѣровъ) и особенной канцеляріи (Kanzlei-Direction). Всѣ эти учрежденія распредѣлены на слѣдующіе четыре главные отдѣла:

1-й отдѣлъ. Часть строевая и дѣла политическія. Къ нему причислены: канцелярія министерства, отдѣленія: 1-е, 2-е, 7-е и 8-е.

Канцелярія министерства. Въ ней сосредоточены: секретная переписка; назначенія и производства штабъ-офицеровъ, генераловъ и гражданскихъ чиновниковъ военнаго министерства первыхъ шести классовъ; пожалованіе этимъ лицамъ наградъ и пенсій; производство въ маіоры капитановъ и ротмистровъ; донесенія отъ генераловъ и отъ войскъ; кондуиты штабъ-офицеровъ; завѣдываніе капиталами для раздачи вспомоществованій; редакція приказовъ по арміи и вся переписка военнаго министра.

1-е отдѣленіе завѣдуетъ личнымъ составомъ и прохожденіемъ службы оберъ-офицеровъ. Къ дѣятельности его относятся: назначеніе пенсій, пособій, увольненіе отъ службы и пріемъ на службу отставныхъ, предварительныя распоряженія по назначенію офицеровъ въ нестроевыя должности и гвардію; браки; отпуски; жалобы на офицеровъ, не подлежащія судебному разбору; награжденія орденами; кондуиты оберъ-офицеровъ; опредѣленіе на службу иностранцевъ; распредѣленіе офицеровъ по полкамъ; опредѣленіе въ гвардію офицеровъ и нижнихъ чиновъ; опредѣленіе офицеровъ въ инвалидные дома.

2-е отдѣленіе завѣдуетъ личнымъ составомъ, численностью и комплектованіемъ арміи нижними чинами. Ведетъ дѣла по учету лицъ подлежащихъ набору, по производству наборовъ, поступленію на вторичную службу, переводамъ,

увольненію и бракамъ нижнихъ чиновъ; также дѣла о военно-плѣнныхъ и заключеніе различныхъ конвенцій.

7-е отдѣленіе, артиллерійское, завѣдуетъ численнымъ составомъ артиллеріи, комплектованіемъ ея людьми и лошадьми и хозяйственною артиллерійскою частью. Въ частности, вѣдѣнію этого отдѣленія подлежатъ: повѣрка денежныхъ требованій на содержаніе артиллеріи, контроль израсходованныхъ суммъ, производство торговъ и утвержденіе подрядовъ на доставку артиллерійскихъ матеріаловъ и перевозку артиллерійскаго имущества на опредѣленную сумму; свидѣтельство пришедшихъ въ негодность матеріаловъ; заготовленіе оружія, вооруженіе войскъ и снабженіе ихъ боевыми припасами, снаряженіе батарей и запасныхъ парковъ, равно заготовленіе патроновъ и зарядовъ; личный составъ техниковъ и младшихъ гражданскихъ чиновниковъ артиллерійскаго вѣдомства.

8-е отдѣленіе, инженерное, исполняетъ въ отношеніи къ инженерному вѣдомству тѣ же обязанности, какія 7-е отдѣленіе имѣетъ по отношенію къ артиллерійскому.

2-й отдѣлъ. Часть генералъ-квартирмейстера—*организація и военно-оперативная часть арміи.* Къ этому отдѣлу причислены 5-е и 6-е отдѣленія.

5-е отдѣленіе завѣдуетъ передвиженіемъ войскъ, личнымъ составомъ генеральнаго штаба и всѣми дѣлами требующими военно-ученыхъ соображеній. Вѣдаетъ дѣла по тактическому образованію войскъ, по военной цензурѣ, по состоянію крѣпостей и желѣзныхъ дорогъ; составляетъ предположенія относительно сбора войскъ для военныхъ упражненій и для военныхъ дѣйствій. Его кругу дѣйствій подлежитъ составленіе дислокацій; дѣла почтовыя и телеграфныя; содержаніе въ извѣстности количества запасовъ по продовольствію, снаряженію, вооруженію и т. д.

6-е отдѣленіе завѣдуетъ всѣми военно-учебными заведеніями и учрежденіями, а также дѣлами по географическому институту (корпусъ топографовъ) и военному архиву.

3-й отдѣлъ. Хозяйственная часть арміи во всѣхъ ея видахъ. Къ этому отдѣлу причислены: 3, 4, 9, 10, 11, 12, 13 и 14-е отдѣленія.

3-е отдѣленіе завѣдуетъ личнымъ составомъ служащихъ (кромѣ офицеровъ) и всѣми дѣлами по ремонтированію, фурштату и коннозаводству.

4-е отдѣленіе завѣдуетъ личнымъ составомъ младшихъ

чиновъ военно-суднаго вѣдомства (аудиторовъ) и дѣлами по развитію военнаго законодательства, устройству военно-судной части и содержанію арестантовъ въ полкахъ и крѣпостныхъ тюрьмахъ.

9-е отдѣленіе завѣдуетъ дѣлами по квартирной части, снабженію церквей и призрѣнію военно-служащихъ и ихъ семействъ. (Пенсіи, инвалидные дома, различные капиталы.)

10-е отдѣленіе завѣдуетъ дѣлами по управленію военными границами.

11-е отдѣленіе завѣдуетъ денежною и казначейскою частями арміи и отчетностью по нимъ. Въ этомъ отдѣленіи составляется бюджетъ.

12-е отдѣленіе, провіантское, завѣдуетъ провіантскою частью арміи. Вѣдаетъ дѣла по заготовленію, храненію и перевозкѣ продовольствія; требуетъ деньги на содержаніе магазиновъ и запасовъ.

13-е отдѣленіе, коммиссаріатское, завѣдуетъ коммиссаріатскою частью арміи; обмундированіемъ и снаряженіемъ арміи; дѣлами по коммиссаріатскимъ (мундирнымъ) коммиссіямъ; заготовленіемъ постельныхъ и кухонныхъ принадлежностей. На этомъ отдѣленіи лежитъ также контроль денежнаго и вещеваго имущества коммиссаріатскихъ коммиссій; заключеніе контрактовъ на перевозку казеннаго имущества (вмѣстѣ съ 12-мъ отдѣленіемъ) и т. д.

14-е отдѣленіе, медицинское, завѣдуетъ военно-медицинскою частью арміи.

4-й отдѣлъ или верховный юстицъ-сенатъ, состоитъ изъ 15, 16, 17 и 18 отдѣленій, завѣдующихъ:

15-е отдѣленіе — военно-судными дѣлами въ округахъ: Пражскомъ, Брюннскомъ и Лембергскомъ.

16-е отдѣленіе—въ округахъ Венеціянскомъ и Зарскомъ, и дѣлами морскаго вѣдомства.

17-е отдѣленіе—въ округахъ Вѣнскомъ и Офенскомъ.

18-е отдѣленіе—въ округахъ Аграмскомъ, Темешварскомъ и Германштадтскомъ.

Особенная канцелярія (Kanzlei Direction) завѣдуетъ личнымъ составомъ и опредѣленіемъ на службу гражданскихъ чиновниковъ военнаго министерства. Слѣдитъ за ходомъ дѣлопроизводства въ военномъ министерствѣ, снабжаетъ отдѣленія министерства и среднія инстанціи письменными припасами, необходимыми книгами, картами, планами и т. д. и наблю-

даетъ за ихъ расходованіемъ. При значительной перепискѣ, господствующей въ австрійской арміи, канцелярія приноситъ несомнѣнную пользу. При особенной канцеляріи состоятъ отдѣлы: 1) для пріема и распредѣленія входящихъ въ министерство бумагъ (протоколъ); 2) для храненія ихъ и копій съ отвѣтовъ (регистратура) и 3) для отсылки бумагъ исходящихъ изъ министерства (expedit). Устройство этихъ отдѣловъ и порядокъ службы въ нихъ такіе же какъ и въ окружныхъ штабахъ.

Кодификаціонная коммиссія составляетъ полное, систематическое собраніе всѣхъ постановленій, указовъ, предписаній и т. д. по всѣмъ частямъ военнаго управленія и участвуетъ въ составленіи новыхъ правилъ. Коммиссія состоитъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ старшихъ генераловъ, изъ двухъ или трехъ членовъ отъ военнаго министерства.

Главными отдѣлами завѣдуютъ: первымъ и третьимъ—*товарищи военнаго министра*, вторымъ—генералъ-квартирмейстеръ и четвертымъ—генералъ-аудиторъ. Лица эти даютъ должное направленіе дѣламъ ввѣренныхъ имъ частей и о важнѣйшихъ дѣлахъ имѣютъ личный докладъ министру. Генералъ-квартирмейстеръ и генералъ-аудиторъ состоятъ въ одномъ рангѣ съ товарищами военнаго министра.

Каждымъ изъ отдѣленій завѣдуетъ особый начальникъ, въ полковничьемъ или генеральскомъ чинѣ. Онъ руководитъ дѣлопроизводствомъ согласно съ законоположеніями и указаніями министра или его товарищей.

Въ военномъ министерствѣ, точно такъ же какъ и въ окружныхъ управленіяхъ, хотя число служащихъ и опредѣлено штатами, оно тѣмъ не менѣе во всякое время, смотря по надобности, можетъ быть увеличиваемо или уменьшаемо *распоряженіемъ военнаго министра*.

Мы привели составъ австрійскаго министерства, какимъ застали его въ 1864 году.* Вообще же надо сказать, что нигдѣ мы не встрѣчаемъ столь частыхъ административныхъ перемѣнъ какъ въ Австріи. Основное дѣленіе министерства на канцелярію и 18 отдѣленій осталось и теперь, но соединеніе различныхъ отдѣленій въ отдѣлы измѣнялось нѣсколько разъ, примѣняясь къ способностямъ лицъ вступавшихъ въ

* Aschod und Harkaly, 1 Heft.

министерство. Такъ, въ 1865 году военное министерство раздѣлялось не на четыре, а на пять главныхъ отдѣловъ.

Въ составъ перваго входили канцелярія, 1, 7 и 8-е отдѣленія.

Въ составъ втораго—5 и 6-е отдѣленія.

Въ составъ третьяго—10, 11, 12 и 13-е отдѣленія.

Въ составъ четвертаго—2, 3, 4, 9 и 14-е отдѣленія.

Въ составъ пятаго или юстицъ-сената — 15, 16, 17 и 18-е отдѣленія. *

Въ настоящее время составъ министерства по отдѣламъ опять измѣнился. Министерство по-прежнему состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, но въ составъ перваго входятъ уже: 1, 4, 7 и 8-е отдѣленія; втораго—2, 5, 6, 10 и 11-е отдѣленія; третьяго — канцелярія, 3, 9, 12, 13 и 14-е отдѣленія; четвертаго — юстицъ сенатъ. **

Распредѣленіе же дѣлопроизводства по отдѣленіямъ осталось неизмѣннымъ. Такая подвижность системы весьма хороша. Дѣло отъ этого, конечно, нисколько не теряетъ, но можетъ значительно выиграть, если при переводахъ отдѣленій изъ одного отдѣла въ другой руководятся единственно способностями начальниковъ поступающихъ въ министерство.

Кромѣ названныхъ учрежденій, входящихъ въ составъ военнаго министерства, при немъ состоятъ, какъ вспомогательные органы:

1. Управленіе генеральнаго штаба.
2. Главныя инспекціи: кавалерійская.
3. „ „ коннозаводская.
4. „ „ артиллерійская.
5. „ „ инженерная.
6. „ „ продовольственная.
7. „ „ мундирная (коммиссаріатская).
8. Главное управленіе фурштатомъ.
9. Управленіе піонерами.
10. Военно-санитарная инспекція.
11. Центральный счетный департаментъ.
12. Апостольскій полевой викаріатъ.
13. Коммиссія для опредѣленія по гражданскому вѣдомству лицъ служившихъ въ военной службѣ.

и 14—17. Военно-ученыя учрежденія: канцелярія генералъ-

---

* Petrossi, т. 1, стр. 95.

** *Военно-Статист. Сборн.* на 1868 г.

квартирмейстера и комитеты: артиллерійскій, инженерный и военно-санитарный.

Главныя инспекторства расположены въ Вѣнѣ и учреждены не только для инспектированія войскъ, но и для управленія спеціальными родами войскъ, расположенными въ округахъ. Нѣкоторые изъ генералъ-инспекторовъ, какъ напримѣръ артиллеріи и инженеровъ, имѣя по отношенію ко ввѣреннымъ имъ войскамъ права ингаберовъ *, являются полными начальниками ввѣренныхъ имъ войскъ. Генералъ-инспекторъ кавалеріи не можетъ нарушать правъ предоставленныхъ ингаберамъ кавалерійскихъ полковъ и потому имѣетъ значеніе лишь инспекторское. Другіе генералъ-инспекторы: коннозаводства, коммиссаріатской части и санитарной, имѣютъ ограниченныя ингаберскія права (повышеніе въ чинахъ лишь до фельдфебеля и вахмистра включительно).** Наконецъ, генералъ-инспекторъ по продовольственной части имѣетъ также значеніе чисто инспекторское. Особенности обязанностей каждаго изъ генералъ-инспекторовъ проистекаютъ изъ различія инспектируемыхъ или управляемыхъ ими родовъ войскъ и учрежденій.

Управленіе генеральнаго штаба находится въ вѣдѣніи генералъ-квартирмейстера, который такимъ образомъ завѣдуетъ отдѣломъ военнаго министерства и управляетъ корпусомъ офицеровъ генеральнаго штаба. Какъ управляющій отдѣломъ министерства, онъ подчиненъ военному министру на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ генералъ-квартирмейстеръ арміи, подчиненъ главнокомандующему арміей; по отношенію ко ввѣренной ему части, онъ имѣетъ права предоставленныя генералъ-инспекторамъ инженерныхъ и артиллерійскихъ войскъ.

Генеральный штабъ въ Австріи имѣетъ значеніе болѣе ученое нежели строевое. Въ числѣ *главныхъ* обязанностей, на генералъ-квартирмейстера возложена обязанность постоянно слѣдить за развитіемъ подчиненныхъ ему чиновъ *въ ученомъ отношеніи*. Генералъ-квартирмейстеръ слѣдитъ за дѣятельностію офицеровъ и управленій генеральнаго штаба, не вмѣшиваясь въ службу войскъ. Въ канцеляріи генералъ-квартирмейстера, кромѣ дѣлъ по личному составу и службѣ

---

* Aschod und Harkaly, стр. 25, 1 тетр.

** Ibidem, стр. 26 и 27.

генеральнаго штаба, сосредоточивается завѣдываніе всею ученою частью австрійской арміи; канцелярія имѣетъ назначеніемъ слѣдить за развитіемъ военныхъ наукъ внутри и внѣ имперіи, пріобрѣтать интересныя въ этомъ отношеніи книги, слѣдить за развитіемъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, составлять маршруты, дорожныя карты и т. п. и быть по этимъ предметамъ совѣщательнымъ учрежденіемъ министерства. Для исполненія ученыхъ работъ при канцеляріи состоятъ: 1) *ученыя бюро* (Wissenschaftliche Bureau)—*одно* для статистическаго описанія Австріи, *другое*—для статистическаго описанія иностранныхъ государствъ, *третье*—для работъ военно-историческихъ; 2) военный архивъ, завѣдующій собраніемъ и храненіемъ матеріаловъ по военной исторіи, военной статистикѣ и другимъ военнымъ наукамъ; 3) военно-топографическое депо (картографическій институтъ). Кромѣ трехъ названныхъ ученыхъ бюро, есть еще четвертое, Ewidenz Bureau, слѣдящее за развитіемъ военныхъ наукъ и военныхъ силъ въ сосѣднихъ государствахъ. Это бюро непосредственно подчинено военному министру; чрезъ управленіе генеральнаго штаба оно только представляетъ свои работы.

Наравнѣ съ генералъ-инспекторами артиллеріи и инженеровъ, генералъ-квартирмейстеръ получаетъ прибавочныхъ по должности своей 2.000 фл. и установленные прогоны при инспектированіи войскъ.

Генералъ-инспекторъ кавалеріи долженъ заботиться объ образованіи и военно-тактическомъ усовершенствованіи кавалеріи, о возвышеніи въ ней нравственнаго элемента, духа мужества и рыцарства. Онъ поставленъ на одной линіи съ командующими войсками въ округахъ. Онъ не можетъ вводить собственною властью въ войскахъ кавалеріи какія-либо новыя правила или узаконенія, но долженъ испрашивать введенія ихъ установленнымъ порядкомъ; въ свою очередь, помимо его не могутъ быть сдѣланы какія-либо перемѣны въ боевомъ снаряженіи или вооруженіи кавалеріи.

Наблюдая за строжайшимъ исполненіемъ въ кавалеріи всѣхъ узаконеній, предписаній и инструкцій, онъ долженъ ежегодно проинспектировать каждый кавалерійскій полкъ, замѣтить вкравшіеся недостатки и прекратить ихъ. При тѣсной связи развитія коннозаводства съ состояніемъ кавалеріи, генералъ-инспекторъ кавалеріи не долженъ упускать изъ виду заботъ о развитіи и этой части.

Послѣ каждаго смотра генералъ-инспекторъ представляетъ военному министерству отчетъ и, если найдетъ нужнымъ, предположенія объ улучшеніяхъ. Окружныхъ генераловъ онъ извѣщаетъ о состояніи въ какомъ нашелъ кавалерію, расположенную въ ихъ округахъ.

Генералъ-инспекторъ артиллеріи есть прямой начальникъ ея, имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи личный составъ артиллеріи, имѣетъ право производить въ чины до капитана включительно и представляетъ о производствѣ въ высшіе чины. Онъ слѣдитъ за всесторонним развитіемъ, образованіемъ и усовершенствованіемъ артиллеріи, состояніемъ и качествомъ матеріальной ея части.

Генералъ-инспекторъ по инженерной части имѣетъ совершенно тѣ же права и значеніе относительно инженерныхъ войскъ, какія присвоены генералъ-инспектору артиллеріи относительно артиллерійскихъ.

Генералъ-инспекторъ по продовольственной части. Прежде должность эта не была связана съ распорядительною частью и съ заготовленіемъ довольствія. Но въ началѣ 1861 г. (5-го января) она была соединена съ званіемъ начальника продовольственнаго отдѣленія военнаго министерства, вопреки избитому правилу, что соединеніе распорядительно-хозяйственной и инспекторской власти въ однѣхъ рукахъ немыслимо. Впрочемъ, инспекторскія права генералъ-инспектора по продовольственной части обращены болѣе всего на личный составъ чиновниковъ, на ихъ нравственныя качества и развитіе, а не на благосостояніе собственно провіантской части. Обязанности инспектора опредѣлены между прочимъ такъ: „подлежащее направленіе всѣхъ чиновъ въ служебномъ и научномъ отношеніяхъ, забота о большемъ развитіи чиновниковъ, *дабы они не находились въ зависимости отъ подчиненныхъ имъ мастеровъ; достиженіе возможной честности чиновниковъ и недопущеніе ихъ сближаться во время заготовокъ и подрядовъ съ подрядчиками и поставщиками въ ущербъ казеннымъ интересамъ*“.

Кромѣ этихъ обязанностей, генералъ-инспекторъ по продовольственной части долженъ заботиться о возможномъ упрощеніи и сокращеніи переписки, чтобы чиновники могли съ бо́льшимъ удобствомъ заниматься прямымъ своимъ назначеніемъ—заготовленіемъ и храненіемъ продовольствія.

Инспекторства конноза́водское, мундирное и *санитарное*

имѣютъ значеніе болѣе военно-административное, по управленію коннозаводствомъ, мундирными коммиссіями и медицинскою частью, нежели инспекторское. Санитарная инспекція вѣдаетъ не только личный составъ медиковъ, но и санитарныя войска, имѣющія слѣдующій составъ: десять санитарныхъ ротъ, расположенныхъ въ Вѣнѣ, Прагѣ, Краковѣ и Веронѣ; въ каждой ротѣ въ мирное время по 70 рядовыхъ, 10 унтеръ-офицеровъ и по 2 фельдфебеля, а въ военное время по 170 рядовыхъ, 15 унтеръ-офицеровъ и по 2 фельдфебеля. Рота раздѣляется на пять взводовъ и полагается на пять пѣхотныхъ или кавалерійскихъ бригадъ. Въ военное время формируются еще двѣ резервныя санитарныя роты. Нижніе чины санитарныхъ ротъ вооружены, какъ піонеры, саблями и носятъ на себѣ особыя деревянныя фляжки и сумки съ перевозочными принадлежностями. Назначеніе санитарныхъ войскъ—отысканіе раненыхъ и подача имъ помощи на полѣ сраженія. Строевые чины не имѣютъ права выходить для этой цѣли изъ рядовъ. Во время сраженія, на боевыхъ линіяхъ санитарная служба исполняется кромѣ того особымъ отрядомъ, составляемымъ изъ людей всѣхъ полковъ бригады и называющимся *бригаднымъ санитарнымъ отрядомъ*, который долженъ сопровождать и переносить раненыхъ до перваго перевязочнаго пункта. Этотъ отрядъ состоитъ изъ офицера, назначаемаго бригаднымъ командиромъ и имѣющаго подъ своею командой по унтеръ-офицеру и по два рядовыхъ изъ каждаго баталіона. Люди эти заранѣе должны быть приготовлены къ санитарной службѣ.

Управленіе фурштатомъ. Начальникъ управленія завѣдуетъ фурштатскою частью въ техническомъ и административномъ отношеніяхъ.

Управленіе піонерами устроено на тѣхъ же основаніяхъ какъ и управленіе фурштатомъ.

Центральный счетный департаментъ. Въ немъ сосредоточивается повѣрка отчетности по всѣмъ войскамъ и военнымъ учрежденіямъ имперіи.

Апостольскій полевой викаріатъ то же что̀ наше управленіе главнаго священника арміи и флота.

Коммиссія для опредѣленія въ гражданскую службу лицъ служившихъ прежде въ военной состоитъ изъ членовъ различныхъ министерствъ и управленій.

Артиллерійскій, инженерный и *военно-санитарный* коми-

теты имѣютъ обязанностью слѣдить за развитіемъ науки по своимъ частямъ, заботиться объ усовершенствованіяхъ, обязаны производить опыты надъ предлагаемыми нововведеніями, составлять учебники и т. д. Они имѣютъ архивы, библіотеки, собранія моделей и другія учебныя пособія.

Едва ли можно встрѣтить въ какомъ-либо европейскомъ государствѣ болѣе сложную систему управленія вооруженными силами чѣмъ та, какую находимъ въ Австріи.

Соединеніе власти въ рукахъ окружнаго генерала значительно могло бы содѣйствовать упрощенію хода административной машины, но въ Австріи подчиненіе командующему войсками округа войскъ и управленій, расположенныхъ въ его районѣ, болѣе номинальное нежели дѣйствительное. Артиллерія, инженеры, фурштатъ, жандармы ему почти не подчинены, а въ отношеніи пѣхоты, кавалеріи и другихъ частей, имѣющихъ своихъ ингаберовъ или генералъ-инспекторовъ, онъ не имѣетъ почти никакихъ существенныхъ правъ. Власть его въ округѣ *чисто-инспекторская* и отчасти *распорядительно-хозяйственная*, да и эти вѣтви власти парализуются—первая генералъ-инспекторами, вторая распорядительными отдѣленіями министерства и инспекторами.

Командующій генералъ не подчиненъ генералъ-инспекторамъ, стоящимъ съ нимъ въ одномъ рангѣ, и въ то же время не отвѣтствуетъ за состояніе спеціальныхъ родовъ оружія; чрезъ его руки проходитъ только дѣлопроизводство по этимъ войскамъ, тогда какъ генералъ-инспекторъ есть прямой начальникъ и отвѣтственное лицо за состояніе ввѣренной ему части. Нѣкоторымъ инспекторамъ предоставлено право опредѣленія, увольненія и производства подвѣдомственныхъ имъ чиновъ, до капитана включительно. На практикѣ такое соотношеніе властей дѣлаетъ только то, что неотвѣтственный начальникъ числится начальникомъ номинально и, какъ говорятъ у насъ, отписывается, если его о чемъ спросятъ. Для войска такая система губительна; въ войскѣ не должно существовать неотвѣтственныхъ или неполныхъ начальниковъ, ибо подобное начальство отличается отсутствіемъ энергіи и поселяетъ въ военно-служащихъ холодность къ своему дѣлу. Строгая, точно формулованная подчиненность — основаніе военной службы. Неотвѣтственный начальникъ есть дилеттантъ на службѣ, и подчиненные столько

же не любятъ такого положенія начальствующихъ лицъ, сколько сами начальники боятся его. Затрудняясь входить непосредственно въ состояніе той или другой части войскъ тѣхъ или другихъ учрежденій во ввѣренномъ ему округѣ, командующій войсками въ Австріи, по преимуществу, ограничивался завѣдываніемъ штабомъ и являлся на дѣлѣ не столько начальникомъ войскъ и военныхъ управленій, сколько завѣдующимъ дѣлопроизводствомъ въ округѣ и пассивнымъ наблюдателемъ за состояніемъ войскъ. Само правительство усвоило на него отчасти этотъ взглядъ. Лучшимъ подтвержденіемъ нашихъ словъ считаемъ инструкцію, данную командующему въ округѣ генералу, въ которой обязанности его изложены въ слѣдующихъ пунктахъ, приводимыхъ нами буквально:

a) Пріобрѣтеніе точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ и свойствѣ занятій войскъ, ввѣренныхъ его вѣдѣнію и надзору.

b) Ознакомленіе съ качествами подчиненныхъ чиновниковъ, особенно докладчиковъ (начальники отдѣленій окружнаго штаба) и другихъ старшихъ начальниковъ.

c) Строгій надзоръ за должнымъ подраздѣленіемъ занятій въ отдѣленіяхъ штаба и сообразованіемъ способностей подчиненныхъ чиновниковъ съ занимаемыми ими мѣстами; надзоръ, чтобы никто не имѣлъ слишкомъ много или слишкомъ мало работы.

d) Ежедневный просмотръ перечня входящихъ бумагъ и наблюденіе чтобы наиболѣе важныя и спѣшныя изъ нихъ были немедленно выполняемы.

e) Требованіе ежемѣсячныхъ отчетовъ о входящихъ, исходящихъ и исполненныхъ бумагахъ, дабы имѣть возможность своевременно исправлять упущенія.

f) Недопущеніе накопленія бумагъ и мѣры къ уничтоженію причинъ такого накопленія.

g) Наблюденіе чтобы большія и полезныя для службы исполнительныя бумаги не задерживались въ отдѣленіяхъ штаба.

h) Наблюденіе чтобы начальники отдѣленій исполняли свои обязанности согласно съ предписаніями.

i) Представленіе министерству о мѣстахъ утратившихъ значеніе, о сокращеніи числа чиновниковъ, уменьшеніи расходовъ казны и т. д. *

---

* Aschod und Harkaly. Тетр. 2, стр. 56.

Трудно повѣрить, чтобы гдѣ-нибудь писались такія инструкціи для командующихъ войсками. Когда же командующему генералу заниматься войсками, если онъ каждый день долженъ провѣрить, по всѣмъ ли вошедшимъ бумагамъ отданы отвѣты, и строго наблюдать за тѣмъ что можно смѣло ввѣрить любому штабъ-, а пожалуй, и оберъ-офицеру. Нужно еще замѣтить, что въ Австріи въ окружномъ штабѣ нѣтъ начальника штаба: начальники отдѣленія непосредственно докладываютъ командующему генералу, который, поэтому, и отправляетъ скорѣе должность начальника канцеляріи нежели командира войскъ.

Дѣйствительныя права (права ингаберовъ) предоставлены начальнику округа только относительно лицъ и частей расположенныхъ въ округѣ и не имѣющихъ ингаберовъ или инспекторовъ; число такихъ частей, однако, весьма ограничено.

Нельзя не поставить также въ числѣ недостатковъ австрійской системы управленія войсками отсутствіе однообразія въ числѣ и видѣ управленій въ различныхъ округахъ. Такъ мы видѣли, что всѣхъ территоріальныхъ округовъ по управленію вооруженными силами имперіи десять, но это не помѣшало для управленія артиллеріей имѣть всего семь артиллерійскихъ управленій, и сообразно съ этимъ семь артиллерійскихъ округовъ; для управленія инженерными войсками четыре бригадные штаба, и сообразно съ этимъ четыре инженерные округа; для управленія фурштатомъ пять окружныхъ фурштатскихъ управленій и слѣдственно пять особыхъ округовъ; къ семи коммиссаріатскимъ (мундирнымъ) коммиссіямъ, приписать семь особыхъ районовъ для коммиссаріатскаго довольствія войскъ; продовольственнымъ округамъ, въ числѣ 58, обозначить особыя границы; наконецъ 72 рекрутскимъ округамъ—также свои границы. Легко замѣтить неудобства и всю запутанность въ дѣлахъ отъ подобныхъ подраздѣленій. Прямымъ послѣдствіемъ этого является развитіе отравляющаго армію бюрократизма и чрезмѣрное увеличеніе переписки. Становятся понятными слова графа Швейница, когда онъ говоритъ: „Мы считаемъ реорганизацію арміи необходимою, потому что должна же существовать какая-нибудь система,—не предлагаемая нами, такъ другая,—которая бы уничтожила хаосъ нашей администраціи. Въ настоящее время бюрократическій элементъ до того расплодился, не только въ гражданской государ-

ственной службѣ, но и въ арміи, въ видѣ органовъ военно-административной машины, что нужно считать чудомъ, какъ эта административная машина до сихъ поръ остается въ движеніи."

Въ устройствѣ центральнаго военнаго управленія нельзя не обратить вниманія на существованіе главнаго дежурства. Всѣ доклады военнаго министра, требующіе утвержденія верховной власти, идутъ чрезъ перваго генералъ-адъютанта, лицо неотвѣтственное за благосостояніе арміи и стоящее въ сторонѣ отъ того дѣла, по которому ему приходится докладывать, а между тѣмъ играющее въ военномъ министерствѣ несомнѣнно важную роль.

Несостоятельность принятаго въ Австріи способа контроля, несмотря на значительное число лицъ входящихъ въ составъ этого учрежденія, мы видѣли выше.

Говоря о военномъ управленіи Австріи, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о Военной Границѣ. Бѣдственное положеніе жителей ея, состоящихъ и доселѣ въ военномъ управленіи, несмотря на давно минувшія причины, оправдывавшія въ былое время такое положеніе дѣлъ, заставляло многихъ высказывать всю неестественность держать въ военномъ управленіи мирное населеніе и, не освобождая его отъ прямыхъ, косвенныхъ и поземельныхъ налоговъ, требовать почти поголовной службы (изъ 8 жителей—1).

Что касается до установившагося въ Австріи порядка службы въ штабахъ и управленіяхъ, то нужно замѣтить, что онъ гарантируетъ быстроту дѣлопроизводства. Бумаги тамъ не задерживаются подолгу. Устройство при канцеляріяхъ окружныхъ штабовъ и при отдѣленіяхъ министерства отдѣловъ для пріема, храненія, переписки и отправленія исполненныхъ бумагъ весьма замѣчательно и достойно полнаго подражанія. Всѣ доклады командующему генералу представляются на утвержденіе въ черновыхъ экземплярахъ, писанныхъ рукой адъютантовъ и начальниковъ отдѣленій, и затѣмъ уже переписываются въ особомъ учрежденіи. Такимъ образомъ писаря не разбросаны по отдѣленіямъ и по чиновникамъ, а это доставляетъ огромную экономію труда и чрезвычайное сокращеніе писарей. Повидимому, система эта вполнѣ и безъ малѣйшихъ затрудненій примѣнима къ намъ. Мы возвратимся къ этому важному вопросу позднѣе, при обозрѣніи канцелярскихъ порядковъ въ нашихъ военныхъ

управленіяхъ. Скажемъ только, что введеніе австрійской системы переписки бумагъ дало бы возможность значительно сократить число нашихъ писарей. Австрійскій окружный штабъ имѣетъ устройство обезпечивающее единство дѣйствія и единство направленія различныхъ отдѣленій входящихъ въ его составъ. Всѣ отдѣленія помѣщаются вмѣстѣ, никакой переписки между ними не должно существовать и дѣйствительно не существуетъ. Канцелярія и регистратура для нихъ общія. Отсутствіе начальника штаба затрудняетъ только командующаго генерала.

По окончаніи австро-прусской войны, въ управленіи военными силами Австріи произошла весьма важная реформа: рядомъ съ военнымъ министерствомъ, въ концѣ 1866 года явился главнокомандующій арміей эрцъ-герцогъ Альбрехтъ, съ его штабомъ, и управленіе вооруженными силами раздѣлилось между двумя инстанціями; въ штабѣ главнокомандующаго сосредоточились всѣ дѣла касающіяся духа арміи, дисциплины войскъ и военнаго образованія.

Въ мирное время главнокомандующій есть постоянный инспекторъ войскъ. Власть его надъ личнымъ составомъ арміи обширна, отношенія его къ военному министру вполнѣ самостоятельны и даже существенно ограничиваютъ власть этого послѣдняго. Назначенія, награды и поощренія по службѣ находятся въ рукахъ главнокомандующаго; онъ представляетъ о производствѣ въ генералы, штабъ-офицеры и соотвѣтствующіе гражданскіе чины, о назначеніи ихъ на высшія должности, увольненіи въ отпускъ и отъ службы, о назначеніи пенсій и наградъ за особыя отличія. Отношенія главнокомандующаго къ военному министру можно выяснить въ слѣдующихъ короткихъ словахъ: военный министръ главнокомандующему не подчиненъ, но всѣ высочайшія повелѣнія сообщаются главнокомандующему, который передаетъ военному министру только подлежащія его вѣдѣнію. Инспектируя войска, главнокомандующій сообщаетъ военному министру результатъ смотровъ лишь по хозяйственной части. Обсужденіе главнѣйшихъ военныхъ вопросовъ, или разсмотрѣніе проектовъ, сосредоточивается также въ штабѣ главнокомандующаго. Всѣ генералъ-инспекторы, по частямъ инспекторской и командной, подчинены главнокомандующему. Такимъ

образомъ, военный министръ въ Австріи отошелъ въ настоящее время на второй планъ, хотя еще недавно, находясь во главѣ военнаго министерства, которому были подчинены начальники военныхъ округовъ, онъ стоялъ во главѣ арміи. Въ вѣдѣніи военнаго министра осталось дѣлопроизводство по войскамъ и хозяйственная часть, тогда какъ главенство въ арміи, соединенное съ командованіемъ ею, перешло къ главнокомандующему.

На своемъ вѣку Австрія испытала много различныхъ комбинацій по управленію войсками; всѣ онѣ пока приводили къ однимъ результатамъ: пораженію арміи на полѣ битвы. Трудно, конечно, предсказать съ точностью результаты новой комбинаціи, вслѣдствіе которой въ управленіи вооруженными силами разрушено единство власти, подчиненіемъ частей командной и хозяйственной различнымъ начальникамъ, другъ отъ друга независимымъ. Единство управленія не было бы нарушено, еслибы военный министръ былъ подчиненъ главнокомандующему непосредственно и былъ лишь органомъ, завѣдующимъ подъ его руководствомъ хозяйствомъ и дѣлопроизводствомъ войскъ, но за то, въ сущности, не было бы и реформы. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ случаѣ дѣло вышло бы только въ перемѣнѣ названій, а не въ сущности: прежній кругъ обязанностей военнаго министра по командованію войсками, направленіе ихъ умственной и нравственной жизни, отошелъ бы къ главнокомандующему, а обязанности товарища министра, завѣдывавшаго хозяйствомъ и дѣлопроизводствомъ, перешли бы тогда къ лицу принявшему названіе военнаго министра.

Мы затрудняемся сказать, какими соображеніями была вызвана послѣдняя военная реформа въ Австріи, но для насъ совершенно ясно, что войско тамъ было дурно прежде всего вслѣдствіе общей слабости государственнаго организма. Если въ государственномъ строѣ Австріи не выработалось до сихъ поръ единства, то какъ же было ожидать единства отъ арміи? Затѣмъ канцелярскіе порядки въ австрійской арміи были также весьма сильны. Командующіе войсками въ округахъ были связаны во всемъ что̀ касалось командованія войсками. Отъ спеціальныхъ родовъ войскъ они даже вовсе были устранены. Охотнѣе всего они могли обращаться къ письменной части. Самое положеніе ихъ заставляло, быть-можетъ, забывать, что въ арміи сабли перомъ не замѣнишь. Устраненіе

этихъ недостатковъ, вѣроятно, дало бы лучшіе результаты нежели тѣ, которые можно получить отъ раздвоенія власти.

Ограничиваемся пока этими замѣтками относительно устройства въ Австріи высшихъ органовъ управленія вооруженными силами. Мы еще будемъ имѣть случай возвратиться не разъ къ этому весьма важному вопросу.

ВИССАРІОНЪ КОМАРОВЪ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

ЭМИГРАНТЪ АБИХТЪ

(ИЗЪ РАЗКАЗОВЪ О „БѢГЛОЙ БРАТІИ“.)

Въ первое время моей эмигрантской жизни я не могъ спокойно встрѣчаться съ Поляками. Я краснѣлъ предъ ними, что Польша покорена нами. Я краснѣлъ лично за себя и оптомъ за всю Россію, какъ тогда почти всѣ краснѣли, по незнакомству съ этимъ несчастнымъ польскимъ вопросомъ. Чтобы ближе съ нимъ ознакомиться, я сталъ читать Лелевеля и тотчасъ замѣтилъ, что для ближайшаго ознакомленія съ ходомъ польскихъ дѣлъ, которыя меня очень интересовали, мнѣ надо выучиться по-польски. Польскихъ эмигрантовъ въ Лондонѣ немного. Единственный учитель, какого можно было найти, былъ нѣкто Абихтъ, наборщикъ въ русской типографіи. Рекомендовалъ мнѣ его содержатель типографіи, г. Чернецкій, и въ назначенный часъ Абихтъ явился ко мнѣ на Albani-Street. Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати шести, худой, блѣдный, золотушный, съ замѣчательно высокимъ лбомъ, съ умнымъ и энергическимъ лицомъ. Онъ принесъ съ собою какую-то польскую книгу или газету и оказался учителемъ весьма плохимъ, такъ что послѣ нѣсколькихъ уроковъ я пересталъ пользоваться его свѣдѣніями. Онъ не зналъ польской грамматики, не умѣлъ объяснить, почему оборотъ, возможный по-русски, невозможенъ по-польски, и даже затруднялся въ переводѣ словъ, хотя по-русски говорилъ какъ чистый Русскій. Но это не помѣшало нашему знакомству, потому что при скукѣ лондонской жизни каждый живой человѣкъ находка, а тѣмъ болѣе при моемъ характерѣ, падкомъ на всякія знакомства. Разъ

какъ-то за чаемъ я вызвалъ Абихта на разказъ объ его прошедшемъ. Оказалось что онъ былъ, какъ бо́льшая часть эмигрантовъ, не окончившій курса гимназистъ гдѣ-то въ Вильнѣ или въ какомъ-то другомъ городѣ Западнаго края, поступилъ передъ войной въ почтовое вѣдомство писцомъ и вслѣдъ за нашими войсками ходилъ до Силистріи. Никакъ не выходитъ у меня изъ головы его манера разказывать о войнѣ. Изъ его словъ можно было подумать, что онъ игралъ въ ней до невѣроятности крупную роль — до такой степени сосредоточивалъ онъ весь разказъ на себѣ, такъ негодовалъ онъ на дѣйствія нашихъ генераловъ, и точно обижался, что къ нему не являлись съ докладомъ о томъ что̀ хотятъ сдѣлать они, или о томъ что̀ сдѣлали. Какъ-то за обѣдомъ у Герцена произнесено было слово „Силистрія“. Абихтъ замоталъ головой, нахмурился и пошелъ писать:

— Позвольте, Александръ Ивановичъ, дѣло было вотъ какъ. Я какъ теперь помню. Наканунѣ приступа я, помощникъ аптекаря и одинъ саперный офицеръ, мы играли въ карты, ну, и какъ молодые люди, разумѣется, закусили, потомъ опять поиграли, опять закусили. Все это было прилично, совершенно благопристойно, и разстались мы часа въ четыре утра. Возвращаюсь я домой въ почтовое отдѣленіе и прилегъ.... нѣтъ-съ, позвольте, я не прилегъ, а только хотѣлъ прилечь, какъ вдругъ слышу выстрѣлъ. Что̀ это такое? думаю я. Другой выстрѣлъ. Я пришелъ въ недоумѣніе, накинулъ пальто, знаете, форменное пальто, вышелъ—третій выстрѣлъ. Что̀ жь это дѣлается? думаю я. Воротился, надѣлъ фуражку и иду къ аптекарю. „Что̀ жь это такое?“ спрашиваю я его. Тотъ говоритъ, не знаю, я говорю, что тоже ничего не знаю, а выстрѣлы идутъ. Знаете, я пришелъ въ полнѣйшее недоумѣніе, совершенно растерялся. А выстрѣлы идутъ, выстрѣлъ за выстрѣломъ, и ничего. Казакъ скачетъ верхомъ. Я ему кричу: „постой, постой! скажи, что̀ это такое?“ Нѣтъ! только махнулъ рукой и проскакалъ. Ну, думаю, вотъ положеніе то! Завязалась страшная перепалка: что̀ тутъ дѣлать? Разумѣется, по мнѣ все равно, что̀ они тамъ не дѣлай: отвѣтственность не на мнѣ, но все жь это такъ странно. Цѣлый день я ни отъ кого не могъ добиться толку что̀ такое происходитъ. Къ вечеру, гляжу, ѣдетъ фургонъ съ ранеными, въ крови, кто перевязанъ, кто не перевязанъ, безпорядокъ. Тутъ только и узналъ я, что они ходили на приступъ. Такъ какъ

же можно послѣ этого говорить при мнѣ о Силистріи, когда я это дѣло вотъ какъ знаю?

При Абихтѣ нельзя было говорить ни о Турціи, ни о Молдавіи, ни о Западномъ краѣ, потому что всѣ эти благословенныя мѣстности исходили изъ него какъ радіусы, а онъ былъ центромъ, хотя зналъ о нихъ не больше чѣмъ о приступѣ къ Силистріи. Воротившись въ блаженныя западныя губерніи, Абихтъ по добру по здорову служилъ при почтѣ и участвовалъ въ какомъ-то изъ тѣхъ безчисленныхъ тайныхъ обществъ, которыми такъ изобиловалъ и изобилуетъ нашъ Западный край. Какого рода было это общество, онъ умалчивалъ, но сколько можно предполагать, три, четыре писарька, два лѣсничіе, одинъ офиціалистъ *, аптекарь, да еще лѣкарь, да фельдшеръ кстати, да костельный ризничій, и ужъ никакъ не дальше, замышляли дѣло возстановленія Польши въ старыхъ границахъ, отъ моря до моря, отъ Днѣпра до Карпатовъ, а не то и дальше. За этимъ они не торговались. Разговоровъ было много, много таинственности, много замысловъ, и разрѣшилось все тѣмъ, что о рабахъ Божіихъ узнали.

— Это вотъ какъ было, толковалъ Абихтъ: — представьте себѣ, я съ моими свѣтлыми пуговицами, въ фуражкѣ, въ форменномъ пальто и съ тросточкой иду по городу. Вдругъ попадается мнѣ навстрѣчу одинъ изъ нашихъ и говоритъ мнѣ: „стой“ (Абихтъ разказывалъ всегда изумительно обстоятельно). Я говорю: „что такое?“ Онъ говоритъ: „къ тебѣ на квартиру посланы жандармы“. Я говорю: „благодарю что предувѣдомилъ, теперь прощай,“ пожалъ ему руку и нарочно принялъ беззаботный видъ, сталъ помахивать палочкой и насвистывать какую-то пѣсню, для того чтобы не возбудить подозрѣнія прохожихъ и будочниковъ что я исчезаю, взялъ перваго извощика и сказалъ ему: „вези меня за городъ“, а у насъ не далеко отъ города есть мѣстность, куда городскіе жители ѣздятъ для прогулокъ, такъ что моя поѣздка ничьего подозрѣнія возбудить не могла. Со мной было пять рублей. Я пріѣхалъ туда, взялъ лошадей и поскакалъ за границу.

Абихтъ началъ разказывать весьма длинную и запутанную Одиссею о томъ какъ онъ добрался до Лондона безъ паспорта. Перемахнуть границу онъ, разумѣется, сумѣлъ,

* Управляющій имѣніемъ, прикащикъ, повѣренный помѣщика.

потому что операція эта ни малѣйшаго затрудненія не представляетъ, но затрудненіе представляетъ прусская полиція, которая обязана выдавать намъ всѣхъ нашихъ бѣглыхъ безъ исключенія, не разбирая политическіе они или не политическіе. Прохарчившійся Абихтъ прошелъ всю Пруссію пѣшкомъ, не зная по-нѣмецки, хотя самъ онъ и протестантъ, т.-е. потомокъ ополячившихся Нѣмцевъ, какихъ въ Польшѣ чрезвычайно много, потому что Нѣмцы весьма легко ополячатся, и добрался до Гамбурга. По дорогѣ съ нимъ было только одно происшествіе: въ какомъ-то маленькомъ нѣмецкомъ городишкѣ ночью остановилъ его городовой, осмотрѣлъ его съ ногъ до головы, разомъ смекнулъ, что этотъ господинъ не совсѣмъ сытъ и ночуетъ больше въ канавахъ, въ лѣсу, подъ стогами и подъ скирдами чѣмъ въ гостиницахъ, и заявилъ ему желаніе полюбоваться на его паспортъ. Минута для Абихта была рѣшительная, но Абихтъ и самъ былъ человѣкъ рѣшительный.

— У меня паспорта нѣтъ, сказалъ онъ городовому, какъ умѣлъ по-нѣмецки, — и вы меня можете арестовать, но вы этого не сдѣлаете, потому что вы человѣкъ. Я политическій преступникъ, бѣжавшій изъ Россіи и уходящій въ Англію. Если вы меня арестуете, я буду выданъ и погибну. Дайте мнѣ спастись, пройти вашимъ городомъ и избавьте себя отъ угрызеній совѣсти.

Городовой покрутилъ усъ, махнулъ рукой и отошелъ въ сторону. Въ Гамбургѣ Абихтъ обратился къ какому-то не то Нѣмцу, не то Голландцу, извѣстному по его сочувствію къ Полякамъ, которыхъ онъ не разъ выручалъ изъ бѣды и переправлялъ въ Англію. Но не успѣлъ Абихтъ сговориться съ нимъ, какъ на улицѣ какой-то господинъ положилъ ему руку на плечо, распахнулъ пальто и показалъ на мѣдную бляху. Въ Гамбургѣ у полиціи формы нѣтъ. Полиція ходитъ въ статскомъ платьѣ, но подъ пальто или подъ сюртукомъ каждый полицейскій носитъ на груди бляху, которая свидѣтельствуетъ объ его званіи. Изъ тюрьмы Абихтъ далъ знать Голландцу, Голландецъ взялъ его на поруки, посадилъ на пароходъ и сбылъ въ тотъ благословенный край, гдѣ никто не имѣетъ права спрашивать объ имени, о паспортѣ, объ образѣ жизни и средствахъ къ существованію.

Какъ Абихтъ могъ пробиться въ Лондонѣ безъ всякой посторонней помощи, читателю, мало знакомому съ эмигрант-

скими и бродяжническими нравами, покажется страннымъ и невѣроятнымъ. Но я пришелъ къ убѣжденію, что неразмѣнный рубль нашихъ преданій вовсе не такая фантазія, какъ кажется. Неразмѣнный рубль, дѣйствительно, существуетъ. Есть трудъ и есть капиталъ, о которомъ всякая политическая экономія умалчиваетъ. Незнакомый человѣкъ изъ кожи вонъ лѣзетъ, для того чтобы спасти объ бѣды такого же незнакомаго человѣка. Едва ли на свѣтѣ есть, не то что городъ, а деревушка, гдѣ не было бы такого спасителя. Мнѣ самому приходилось пользоваться подобною услугой отъ человѣка, который меня не зналъ, и который скорѣе получилъ бы награду отъ своего начальства, еслибы меня выдалъ. Есть на свѣтѣ городовые, которые выручаютъ, есть сторожа, которые помогаютъ бѣжать, есть судьи, которые выгораживаютъ подлежащаго осужденію, и все это безкорыстно, и все это для чужаго, для незнакомаго. Дѣлаютъ они это рискуя потерять свое званіе, мѣсто, рискуя погубить семью. Есть въ мірѣ капиталъ, цифра котораго совершенно неизвѣстна. Незнакомые люди на дорогѣ дѣлаютъ складчину для незнакомаго человѣка, обязываютъ его принять эту складчину и не требуютъ съ него возврата. Онъ краснѣетъ и, скрѣпя сердце, беретъ деньги, но тутъ же кладетъ на себя зарокъ возвратить ихъ не тѣмъ кто ему ихъ далъ, а тѣмъ кто въ нихъ будетъ нуждаться. Какая же власть, или какая политическая экономія уничтожатъ этотъ неразмѣнный рубль, когда шуйца не знаетъ что творитъ десница? Бѣжитъ человѣкъ по увлеченію, — по глупости, положимъ, — бѣжитъ оборванный, голодный, и проситъ спасти его, и его спасаютъ, одни по мягкости характера, другіе по вѣрѣ въ свѣтлыя стороны человѣческой природы, въ упованіи, что новая страна, новая жизнь дадутъ виновному возможность искупить свое прошлое. И много, много тайнаго добра дѣлается на свѣтѣ, за которое никто крестовъ не вѣшаетъ, памятниковъ не ставитъ, котораго никто не видитъ.

— Только что я пріѣхалъ въ Лондонъ, разказывалъ далѣе Абихтъ, — я сейчасъ же сдѣлался соціалистомъ и до сихъ поръ не измѣнялъ своему знамени и не измѣню. Это случилось такъ: только что я сошелъ съ парохода, усталый и измученный съ дороги, признаться сказать, шиллингами съ двумя, тремя въ карманѣ, я пошелъ немедленно отыскивать Поляковъ. У меня былъ съ собою адресъ нѣкоего Журавскаго,

человѣка прямаго, честнаго, очень умнаго, прямо изъ народа, который былъ не больше какъ простымъ фельдфебелемъ, но который въ Лондонѣ играетъ между Поляками-соціалистами чрезвычайно серіозную роль. Я васъ съ нимъ познакомлю. Журавскій въ этотъ день съ маіоромъ Беньёвскимъ, съ полковникомъ Оборскимъ и съ нѣсколькими другими изъ польскихъ соціалистовъ составляли митингъ, и на этотъ митингъ Журавскій повелъ меня. Я выслушалъ, понялъ вопросъ, и съ тѣхъ поръ я соціалистъ, демократъ и ненавижу шляхту, которая погубила Польшу.

Разказъ Абихта былъ чрезвычайно интересенъ. Какъ теперь вижу его высокій лобъ, нахмуренныя брови, маленькіе сѣрые глаза, сверкавшіе изъ-подъ стальныхъ очковъ. Этотъ золотушный цвѣтъ лица, этотъ ротъ полный гнилыхъ зубовъ, что, однако, не мѣшало ему быть великимъ Донъ-Жуаномъ. Какая-то молоденькая Англичанка, гувернантка, если не ошибаюсь, страстно любила этого человѣка, благоговѣла предъ его серіозностью и рисковала своею репутаціей чтобы забѣжать къ нему, пришить пуговку къ жилету или угостить его какою-нибудь собственною стряпней.

— Отчего же вы, Абихтъ, спрашивалъ я его, узнавъ эти отношенія, — не женитесь на ней, благо сами говорите, что это такое святое существо, и благо она васъ такъ любитъ?

— Я не въ правѣ жениться, отвѣчалъ онъ мнѣ, — я посвятилъ себя дѣлу, дѣлу польскаго соціализма, — и онъ сердито передвигалъ свои очки.

Я былъ новичокъ въ польскихъ дѣлахъ. Я изучалъ вопросъ, и личность агитатора Абихта меня очень интересовала, какъ равно и разрѣшеніе польскаго вопроса соціализмомъ, а въ соціализмъ я тогда вѣровалъ, какъ браминъ въ Брамy. Во что бы то ни стало, Абихтъ хотѣлъ чтобъ я сдѣлался членомъ общества польскихъ соціалистовъ въ Лондонѣ, которымъ онъ въ то время ужь обладалъ, т.-е. былъ первымъ коноводомъ и орудователемъ, благодаря своей строгой наружности, рѣшительнымъ пріемамъ и дѣйствительной силѣ характера. Это общество состояло изъ фельдфебеля Журавскаго, съ которымъ Абихтъ меня дѣйствительно познакомилъ, бѣлокураго человѣка, кровь съ молокомъ, довольно не глупаго, бѣжавшаго гдѣ-то подъ Севастополемъ или не воротившагося въ Россію изъ плѣна, и занимавшагося въ Лондонѣ столярнымъ ремесломъ. Журавскій, показалось мнѣ, былъ соціалистомъ на

столько, на сколько можетъ быть имъ фельдфебель русской службы. Для того чтобы распивать чаи съ полковниками и маіорами, онъ принялъ ихъ политическое исповѣданіе, поддакивалъ, но серіозно къ дѣлу не относился. Это былъ человѣкъ простой, довольно приличный по костюму и по манерамъ, впередъ не залѣзавшій, но и отъ другихъ не отстававшій. Аристократическая партія лондонскихъ эмигрантовъ, совершенно справедливо относившаяся съ пренебреженіемъ ко всей этой полуграмотной и мелкотравчатой массѣ политическихъ дѣятелей, смотрѣла на него холодно, свысока. „Аристократической“ партіи, состоящей изъ людей кое-чему учившихся, рѣшительно нечего дѣлать съ этою эмиграціонною чернью, которая допекаетъ ее просьбами о вспомоществованіяхъ, основываясь на томъ что, дескать, во время оно крови своей не щадили и писарское мѣсто въ уѣздномъ судѣ утратили изъ любви къ отчизнѣ. За это аристократическую партію ненавидятъ, и разказываютъ, что она состоитъ на содержаніи у русскаго правительства, что Чарторыйскіе, Замойскій — русскіе агенты, и т. д. Партія недоучившихся студентовъ, непризнанныхъ военныхъ геніевъ, неудачныхъ заговорщиковъ, битыхъ генераловъ, вся эта братія объявила себя противъ магнатеріи. Лозунгомъ „аристократовъ“, то-есть всего независимаго въ соціальномъ отношеніи, не нуждающагося ни въ деньгахъ, ни въ совѣтахъ, ни въ связяхъ, служитъ до сихъ поръ старая пѣсня:

Jeszcze Polska nie zginięła,
Poki my żyjemy *.

Обиженные и униженные „демократы“ польскіе на сходкахъ своихъ распѣваютъ совершенно другую пѣсню. Начала ея я не помню, но въ ней кромѣ ругани на магнатовъ ничего нѣтъ, и магнаты упрекаются въ томъ, что въ то время, когда „хлопы“ черными отъ плуга руками защищали отчизну, панове магнаты сидѣли и курили сигары.

Но и на этомъ польская эмиграція между собою всетаки не сладила, и произошелъ еще разрывъ, явилась надобность въ третьей партіи. Униженные и оскорбленные демократы, представителемъ которыхъ въ Лондонѣ былъ нѣкто Жабицкій, тогда какъ представителемъ аристократіи тамъ былъ нѣкто Жаба (въ самомъ дѣлѣ, такъ было),

* Еще Польша не погибла, покуда мы живемъ.

обидѣли всякихъ фельдфебелей Журавскихъ, отставнаго солдата Кицкаго, поручика Кринскаго, не понуждались во мнѣніяхъ и совѣтахъ маіора Беньёвскаго и наполеоновскаго полковника Оборскаго, который еще поручикомъ участвовалъ въ походѣ на С.-Доминго. Сколько я ни наблюдалъ за партіями, я почти никогда не видѣлъ, чтобы люди расходились изъ-за принциповъ. Расходятся изъ-за личностей, изъ-за счетовъ, изъ-за неловко сказаннаго слова, изъ-за того что посадили за тотъ, а не за этотъ конецъ стола за обѣдомъ, что выразились другъ о другѣ рѣзко, что не такъ руку пожали, что самомолюбіе оскорбили. Сперва является неуваженіе къ лицу, вслѣдствіе негодованія на поступокъ этого лица, затѣмъ возникаетъ сомнѣніе въ его достоинствахъ, а ужь послѣ того, изъ самосохраненія, начинаютъ сомнѣваться, право ли это лицо и въ своихъ мнѣніяхъ. Такъ отъ аристократовъ польскихъ отдѣлились обиженные ими лично демократы, а отъ демократовъ отщепились соціалисты.

Полковникъ Оборскій былъ старичокъ весьма не хитрый, про котораго даже самъ Абихтъ отозвался, что онъ дорожитъ имъ только за его чинъ и за его старость. Оборскій нуженъ былъ Абихту какъ полковникъ. Маіоръ Беньёвскій былъ тоже старикъ, но толковѣе несчастнаго полковника, который даже разказать не могъ о наполеоновскихъ войнахъ, потому что у него отъ старости лѣтъ языкъ путался. Маіоръ Беньёвскій личность все-таки замѣчательная, потому что онъ занимался дѣломъ. Онъ, какъ мнѣ кажется, не Полякъ, а Еврей. По его разказамъ, онъ родился гдѣ-то, не то въ Ковенской, не то въ Виленской губерніи, въ чрезвычайно бѣдномъ семействѣ, и въ двадцатыхъ годахъ пѣшкомъ возвращался съ каникулъ въ Петербургъ въ медико-хирургическую академію, слушать лекціи. Жилъ онъ въ Петербургѣ крайне бѣдно, бился, учился и добился до того, что получилъ докторскій дипломъ, сдѣлался полковымъ докторомъ и чуть ли не при Остроленкѣ перебѣжалъ отъ нашихъ къ Полякамъ подъ градомъ пуль. Наши стрѣляли въ него, потому что смекнули что Поляк намъ измѣняетъ, Поляки стрѣляли въ него, потому что предполагали что этотъ господинъ затѣваетъ противъ нихъ что-то недоброе. Ни одна пуля въ Беньёвскаго не попала, онъ сдѣлался медикомъ и офицеромъ польскаго войска, дослужился тамъ до маіора.

Очутившись во Франціи, маіоръ Беньёвскій, вмѣсто того

чтобы поступить во французскую службу куда-нибудь въ Алжиръ, сталъ учиться и учить. Онъ сдѣлался преподавателемъ мнемоники, науки о памяти, и имѣлъ въ этомъ огромный успѣхъ. Я не знаю его системы, но по всему тому что я слышалъ, система Беньёвскаго одна изъ самыхъ замѣчательныхъ и дѣйствительно чрезвычайно помогаетъ запоминанію цифръ, именъ и фактовъ. Человѣку, который разъ пошелъ невѣроятнымъ путемъ, всегда приходится идти путемъ невѣроятнымъ. Учитель мнемоники естественнымъ образомъ долженъ былъ начать учить слѣпыхъ читать. Всѣмъ извѣстны книги, которыя печатаются для слѣпыхъ,—на толстой бумагѣ, выпуклыми буквами. Но книги эти баснословно дороги, потому что для нихъ надо отливать особенные шрифты, нужно печатать не чернилами, а выставлять буквы на бумагѣ такъ, чтобы можно было ихъ ощупывать. Это толкнуло Беньёвскаго на изученіе типографскаго искусства, и опять-таки не знаю, онъ нашелъ какой-то способъ чрезвычайно дешево печатать книги для слѣпыхъ, хотя до сихъ поръ, кажется, ни одна еще не напечатана. Потомъ онъ бросился совсѣмъ въ другое занятіе. Онъ бросилъ мнемонику, бросилъ слѣпыхъ и занялся исключительно усовершенствованіемъ типографскаго дѣла. Лѣтъ двадцать, если не тридцать, работаетъ онъ надъ этимъ усовершенствованіемъ, перебрался въ Англію, составилъ компанію изъ Англичанъ, израсходовалъ на свои опыты что-то около ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ и дошелъ до результатовъ изумительныхъ. Лучшій наборщикъ не наберетъ въ типографіи болѣе полуторы тысячи буквъ въ часъ. Въ типографіи Беньевскаго работаютъ дѣти, полуграмотные, и новички изъ нихъ набираютъ чрезъ недѣлю одиннадцать тысячъ буквъ въ часъ. Я не считаю себя въ правѣ разказывать въ чемъ состоитъ секретъ Беньёвскаго, который я на половину знаю. Онъ совершенно измѣнилъ обыкновенную типографную систему, измѣнилъ такъ, что у него длина шрифта, металлъ, чернила, катокъ, касса, способъ отливать—все совершенно другое, и когда сдѣлается общеизвѣстнымъ его открытіе, едва ли не закроется половина типографій на свѣтѣ. Каждый авторъ, вмѣсто того чтобы писать свое сочиненіе, рублей за пятьсотъ купитъ себѣ приборъ Веньёвскаго и самъ станетъ набирать съ быстротой съ которою пишетъ, тутъ же на

ручномъ станкѣ оттиснетъ корректуру, поправитъ ошибки и пошлетъ сверстку на скоропечатную машину. Но покуда Беньёвскій живъ, наборщики могутъ спать спокойно. Онъ водилъ меня по своему заведенію, показывалъ мнѣ чудеса своего искусства и при этомъ глубоко издѣвался надъ Гарибальди и надъ всѣми революціонерами.

— Вотъ, говорилъ онъ, — всѣ штуцера покупаютъ, пушки да мортиры, а я моимъ изобрѣтеніемъ освобожу родъ человѣческій отъ всѣхъ его бѣдъ. Издатели тѣснятъ автора, умный человѣкъ ничего написать не можетъ, потому что не имѣетъ возможности издать свой трудъ. Я каждому дамъ въ руки за дешевую цѣну свой печатный приборъ. Мысль перестанетъ быть тайной, человѣческій голосъ станетъ слышаться, рухнетъ все старое, и настанетъ эра свободы и счастья.

— Но послушайте же, маіоръ, сказалъ я ему, — какъ вамъ не стыдно, что вы въ такое горячее время до сихъ поръ не обнародовали своего открытія?

— Помилуйте, отвѣчалъ онъ мнѣ, — у меня пропасть привилегій есть.—И онъ мнѣ показалъ свои привилегіи.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало?

— А затѣмъ стало дѣло, что живетъ здѣсь одинъ шельма, каналья механикъ, который портитъ всякую работу. Только что я сдѣлаю одно усовершенствованіе, нѣтъ, этотъ разбойникъ сейчасъ подмѣтитъ его, найдетъ въ немъ недостатокъ и улучшаетъ.

— Кто жь это, маіоръ?

— Это я самъ. Я не могу остановиться на своихъ усовершенствованіяхъ.

Итакъ, повторяю, наборщики могутъ спать спокойно: англійская компанія терпитъ, даетъ деньги, маіоръ занимаетъ цѣлый домъ, металлъ плавится, буквы отливаются, снова бросаются въ печку, механики работаютъ подъ его надзоромъ, дѣлаютъ опыты, опыты и опыты, но колоссальное изобрѣтеніе, покуда старикъ маіоръ живъ, на свѣтѣ едва ли появится. А изобрѣтеніе такъ просто, что когда я стоялъ предъ его кассами и видѣлъ, какъ быстро набиралась строчка за строчкой, мнѣ становилось досадно на самого себя, — какъ было впередъ не догадаться, что надо дѣлать такъ, а не иначе? Это такъ просто, какъ просто все геніальное. И вотъ этотъ-то удивительный человѣкъ, ни съ того ни съ сего, взялъ

да и сдѣлался членомъ общества польскихъ соціалистовъ и сѣлъ за одинъ предсѣдательскій столъ съ полковникомъ Оборскимъ, съ фельдфебелемъ Журавскимъ и съ почтовымъ чиновникомъ Абихтомъ. Что его толкнуло? Толкнуло то самое лихорадочное безпокойство, которымъ отличаются всѣ эмигранты, — жажда политической дѣятельности, желаніе играть роль оскорбленныхъ аристократами или демократами, скука, изгнаніе изъ отечества....

Онъ сидѣлъ, предлагалъ какіе-то проекты, что-то такое толковалъ, кого-то въ чемъ-то обличалъ, отводилъ душу, а политическаго дѣла, разумѣется, не дѣлалъ. Шестидесятипятилѣтній старикъ шалилъ, и шалилъ если не невинно, то, по крайней мѣрѣ, безвредно. Затѣмъ къ членамъ общества польскихъ соціалистовъ примыкали еще личности: какой-то поручикъ Кринскій, у котораго жилъ полковникъ Оборскій. Объ этомъ Кринскомъ я могу сказать только то, что онъ поступилъ все-таки не глупо. Сдѣлавшись поручикомъ въ Венгерскую кампанію 1848 г., онъ побывалъ въ Америкѣ и весьма благоразумно преобразился въ сапожника. Сапоги шилъ онъ хорошо, завелъ подмастерьевъ, оказался человѣкомъ дѣловымъ, и жилъ если не богато, то и не бѣдно, такъ что старику полковнику Оборскому былъ въ состояніи дать комнатку у себя въ домѣ и кусокъ ростбифу за обѣдомъ. Кринскій былъ тоже обиженъ, тоже протестовалъ, и тоже попалъ въ кружокъ этихъ лондонскихъ соціалистовъ, но къ чести его надо сказать, что онъ являлся туда скорѣе по призыву чѣмъ по доброй волѣ, являлся туда потому, что отставать отъ своихъ не приходится. Затѣмъ были еще въ обществѣ польскихъ соціалистовъ два-три бѣглые солдатика, какой-то старый Полякъ, прачка заходила туда, — дескать, съ полковниками, съ маіорами и съ поручиками знаемся,—еще кто-то, а Абихтъ всѣмъ крутилъ, вертѣлъ и собиралъ подати въ пользу Польши.

Въ то время когда мы познакомились съ Абихтомъ, я глубоко вѣровалъ въ политическую дѣятельность, и мнѣ было лестно войти въ какой-нибудь политическій кружокъ, но прежде чѣмъ войти въ политическій кружокъ, я имѣлъ на столько скептицизма, что желалъ съ этимъ кружкомъ познакомиться. Первое мое знакомство съ ними со всѣми произошло на балѣ, даномъ Абихтомъ на деньги, собранныя

складчиной отъ польскихъ соціалистовъ. Нанята была какая-то зала, я явился въ полномъ облаченіи, и оказалось, что я нахожусь въ обществѣ бывшихъ солдатъ, какихъ-то прачекъ и кухарокъ изъ Полекъ, изъ Ирландокъ, изъ Англичанокъ, а мой другъ и пріятель Абихтъ ходилъ, глубокомысленно поправлялъ очки и сообщалъ мнѣ, что надобно имѣть дѣло съ настоящею демократіей, что, можетъ-быть, грубость ихъ до нѣкоторой степени непріятна для человѣка, вращающагося въ *высшемъ* (?) обществѣ, но что интересы дѣла того требуютъ. Я согласился, и волей-неволей очутился въ какой-то задней комнаткѣ, гдѣ, покуда гремѣла музыка въ большой залѣ, сидѣли за кружками пива полковникъ Оборскій, маіоръ Беньёвскій и фельдфебель Журавскій. Весь вечеръ я провелъ съ ними. Что дѣлалъ Абихтъ, танцовалъ ли онъ или не танцовалъ, я не знаю, но убѣжденъ, что онъ танцовалъ во имя принципа, для того чтобы заявить себя демократомъ, соціалистомъ, для того чтобъ его знали, для того чтобы пріобрѣсти вліяніе на партію. Маіоръ Беньёвскій, съ которымъ мы тогда чуть не въ первый разъ познакомились, высокій, толстый старикъ, въ черномъ парикѣ, въ неизмѣнно бѣломъ парусинномъ жилетѣ и въ черномъ сюртукѣ или фракѣ, съ перстнями на пальцахъ, атаковалъ меня, бывшаго Петербуржца, разспросами объ его старыхъ петербургскихъ знакомыхъ.

— Скажите, пожалуста, допрашивалъ меня старикъ, — не знали ли вы въ Петербургѣ Семена Андреевича Быкова?

— Нѣтъ, не знавалъ.

— Экая жалость! Это былъ такой славный малый! Когда нашъ полкъ стоялъ въ Могилевѣ, мы съ нимъ не разъ кутили. Тогда онъ былъ, въ 28-мъ году, прапорщикомъ. Годъ тому назадъ я былъ въ Парижѣ, гляжу—по Boulevard de Sevastopol идетъ онъ. Я на него поглядѣлъ, онъ меня не узналъ. Этакій славный малый былъ, а теперь генеральская наружность у него. Эхъ, какъ жалко что вы его не знали! А не знали ли вы моего хорошаго товарища Щеголева? Славный былъ малый, лихой былъ такой парень, повѣса. Теперь онъ, должно-быть, или полковникъ, или генералъ. Не знавали?

— Нѣтъ, не знавалъ.

— Эхъ, жалко! А знали ли вы въ Петербургѣ Штрауса? Штраусъ служилъ тогда въ главномъ штабѣ. Это, должно-быть, было въ 25-мъ году. Что онъ теперь дѣлаетъ? Какъ бы

теперь узнать? Вотъ былъ парень-то: цѣлыя ночи просиживалъ за картами... а дуэль у него была, можетъ-быть слыхали, съ Казаковскимъ? Гдѣ онъ теперь? Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть старыхъ пріятелей! Такой былъ бѣлокурый! Не знаете его?

— Нѣтъ, не зналъ.

— Ну такъ, стало-быть, рѣшилъ Беньёвскій, — вы не вращались въ петербургскомъ обществѣ.

— Нѣтъ, маіоръ, признаюсь, не вращался.

Гдѣ жь, въ самомъ дѣлѣ, было мнѣ, человѣку родившемуся въ 35-мъ году, вращаться въ обществѣ людей, которые за десять лѣтъ до моего рожденія ужь были поручиками, выходили на дуэль и играли въ карты?

Эмиграція, особенно старая эмиграція, отличается тѣмъ, что для нея, какъ для Бурбоновъ, времени какъ бы не существовало. Не разъ слыхалъ я отъ стариковъ польскихъ эмигрантовъ вопросы, что подѣлываютъ прапорщики двадцатыхъ годовъ и коллежскіе регистраторы десятыхъ годовъ. Мое невѣжество въ томъ куда подѣвались эти люди, ихъ старые пріятели, не разъ ставило меня въ чрезвычайно неловкое положеніе относительно этихъ стариковъ польской эмиграціи. Они, благодаря моему незнанію что дѣлаютъ ихъ старые товарищи, заподазривали меня въ томъ, дѣйствительно ли я бывалъ въ Россіи.

Одинъ эмигрантъ, долго сидѣвшій въ какой-то крѣпости, разказывалъ мнѣ, что номеръ объ номеръ съ нимъ сидѣлъ семидесятилѣтній старикъ, который, не столько за политическое дѣло сколько за собственную глупость, сумѣлъ провести почти всю свою жизнь въ казематѣ. По разказамъ сторожей и смотрителя, этотъ старикъ только о томъ и мечталъ, какъ его помилуютъ, какъ онъ выйдетъ изъ крѣпости, какъ онъ кутнетъ годикъ или два, потомъ остепенится, женится на красавицѣ съ приданымъ и заживетъ себѣ въ свое полное удовольствіе. Старики-эмигранты имѣютъ подобное воззрѣніе на свою родину. Имъ кажется, что кто тридцать лѣтъ тому назадъ имѣлъ вліяніе на дѣла, тотъ и до сихъ поръ сила и власть. Людямъ, долго не жившимъ на родинѣ, все кажется, что старое живо, что кутила-мученикъ Федосѣевъ тѣмъ же кутилой-мученикомъ Федосѣевымъ и остался, и имъ не вѣрится, что у этого кутилы-мученика на шеѣ кресты, что онъ теперь отецъ семейства, директоръ департамента, и что у

той Машенькѣ, за которою онъ ухаживалъ, ужь не цвѣты стоятъ на окнѣ, а „съ наливками бутыли“.

Вслѣдъ затѣмъ я попалъ, опять-таки по приглашенію Абихта, на митингъ 29-го ноября. Этотъ митингъ былъ устроенъ лондонскими польскими соціалистами въ пику аристократамъ и демократамъ, которые имѣли обычай справлять этотъ день. О митингѣ было объявлено въ газетахъ. Явились какіе-то публицисты, какіе-то стенографы, какіе-то корреспонденты и цѣлая масса польскихъ солдатиковъ, ремесленниковъ, всѣхъ этихъ униженныхъ и оскорбленныхъ аристократическою партіей. Наемъ залы и освѣщеніе, довольно блестящее, стоили не дешево. Польскіе соціалисты въ первый разъ явились предъ публикой и объявили торжественно, что они существуютъ какъ Польша либеральная, какъ Польша не шляхетная, какъ Польша народная, какъ Польша отрекшаяся отъ своихъ традицій, и въ подтвержденіе этого было поставлено знамя, на которомъ былъ нарисованъ косиньеръ. Въ рѣчахъ говорилось о надѣлѣ хлопства землей, говорилось о безусловной свободѣ вѣроисповѣданія, говорилось даже о братствѣ съ Русскими, о томъ что Польша и Россія могутъ-де быть двумя дружественными славянскими державами, спасающими славянскій міръ отъ Турокъ и Австрійцевъ, и пр. и пр. Какой-то бѣглый Еврей, занимавшійся въ Лондонѣ издѣліемъ тросточекъ, взошелъ на эстраду, на которой, за президентскимъ столомъ, засѣдали полковникъ Оборскій, маіоръ Беньёвскій, фельдфебель Журавскій и Абихтъ, и объявилъ, что онъ, какъ Полякъ по родинѣ, заявляетъ предъ цѣлымъ міромъ, что въ паденіи Польши онъ никого обвинить не можетъ, кромѣ самихъ Поляковъ.

— Зачѣмъ, говорилъ онъ, — Поляки до такой степени недогадливы, что не пользуются тѣми національными силами, которыя есть въ нашемъ святомъ и угнетенномъ отечествѣ? Нѣсколько милліоновъ насъ, исповѣдующихъ Моисеевъ законъ, живутъ въ Польшѣ, и Польша во дни своей свободы насъ притѣсняла, притѣсняла насъ также во дни своего рабства. Еслибы съ нами, съ гражданами Польши Моисеева закона, Поляки поступали по-человѣчески, развѣ наша молодежь, полная таланта, дѣятельная, патріотическая, не взяла бы ружья въ руки и не пошла бы освобождать наше общее отечество отъ Московитовъ? Насъ, послѣдователей Моисеева закона, Поляки оскорбляютъ, съ насъ,

какъ со скота, берется пошлина за въѣздъ въ городъ, насъ отталкиваютъ Поляки отъ народнаго дѣла, отъ дѣла общаго имъ и намъ, и кто же виноватъ, что Поляки теряютъ сотни тысячъ воиновъ, которые сумѣли бы отстоять наше общее отечество противъ варварства казаковъ и Московитовъ?

Все аплодировало. Газъ колебался отъ рукоплесканій. Маіоръ Беньёвскій говорилъ рѣчь, полковникъ Оборскій тоже что-то такое шамшилъ, Абихтъ, поправляя очки, произнесъ горячее слово о братствѣ народовъ, объ интересахъ цивилизаціи, о равенствѣ, о свободѣ, и наконецъ на эстраду былъ вызванъ я. Это случилось такимъ образомъ: Абихтъ вдругъ всталъ и заявилъ:

— Ladies and gentlemen (рѣчи говорились по-англійски), между нами находится одинъ кровный Русскій, который сочувствуетъ нашему святому дѣлу и который оставилъ свое отечество изъ негодованія на варварство русскаго правительства. Ladies and gentlemen! Мы попросимъ его сказать свое мнѣніе. Mister Kolsieff, pray, to come here and declare your noble opinions about our cause.

Въ то время я дѣйствительно искренне сочувствовалъ польскому дѣлу, а заявить „предъ лицомъ человѣчества“ свое мнѣніе мнѣ казалось дѣломъ честнымъ. Какъ я выше сказалъ, я краснѣлъ предъ Поляками за наше *варварство* въ отношеніи къ нимъ, и вовсе не приготовленный къ рѣчи, я всталъ и взошелъ на эстраду. Мнѣ казалось тогда, что отказаться отъ подобнаго заявленія было бы подло. Я явился на митингъ одѣтый запросто, въ какомъ-то пиджакѣ, такъ что счелъ за лучшее не снимать съ себя своего пальто-реглана, сталъ предъ публикой, и заикаясь, конфузясь, произнесъ что-то въ родѣ слѣдующаго:

— Ladies and gentlemen! Повѣрьте мнѣ, какъ кровному Русскому, что у насъ у Русскихъ лежитъ на совѣсти раздѣлъ Польши, что необходимость держать войска въ Польшѣ насъ разоряетъ, и что мы, *истинные* русскіе патріоты, лучшаго ничего не желаемъ, какъ освободиться отъ Поляковъ. Все что говорилось до сихъ поръ на митингѣ, говорилось объ освобожденіи Польши отъ насъ, между тѣмъ какъ не Полякамъ отъ насъ надо освободиться, а намъ отъ Поляковъ. *Со временъ Петра Великаго, когда мы завоевали Польшу*, наши финансы гибнутъ, наши національныя силы страдаютъ, и мы

стоимъ въ фальшивомъ положеніи предъ образованнымъ міромъ. Ladies and gentlemen! Больше мнѣ сказать вамъ нечего.

Я поклонился и сошелъ съ эстрады. Тутъ только я припомнилъ, что̀ такое я сказалъ, объявивъ, что Польша завоевана нами при Петрѣ Великомъ. Человѣку, не привыкшему говорить предъ публикой, ошибиться такъ легко, какъ легче быть не можетъ, и счастье мое, что мои слушатели сами не знали когда произошелъ раздѣлъ Польши, при Петрѣ Великомъ, Аннѣ, Елизаветѣ или Екатеринѣ. На мое утѣшенье на другой день я прочелъ въ *Morning Chronicle* свою рѣчь и заявленіе, что „знаменитый русскій революціонеръ, литераторъ, ученый и поэтъ, M. Kelsieff, произнесъ благородное слово за Польшу такого-то содержанія, и что рѣчь его была покрыта аплодисментами всѣхъ друзей свободы“ и т. д. и т. д., а Петръ Великій такъ и остался завоевателемъ Польши. Этотъ нелѣпый случай со мной, о которомъ я такъ откровенно докладываю моимъ читателямъ, кажется, можетъ характеризовать какъ производятся подобныя дѣла, и какъ легко заслужить себѣ репутацію знаменитаго ученаго, литератора, поэта и революціонера. То что̀ я сдѣлалъ отчасти по своего рода долгу службы, отчасти изъ вѣжливости, доставило мнѣ между польскими соціалистами репутацію какого-то политическаго дѣятеля и навлекло на меня нерасположеніе какъ демократической, такъ и аристократической польской партіи, за то что я произнесъ подобную великолѣпную рѣчь у соціалистовъ, а не приберегъ ее для какого-нибудь митинга аристократовъ или демократовъ.

Но несмотря на всѣ мои подобнаго рода успѣхи между польскими соціалистами, я все-таки членомъ польскаго соціалистскаго общества не сдѣлался. Абихтъ хвастался мнѣ, что собралъ капиталъ на соціальный переворотъ въ Польшѣ, — цѣлыхъ пять ф. ст., то-есть болѣе тридцати рублей сер. Полковникъ Оборскій пожертвовалъ фунтъ, маіоръ Беньёвскій пожертвовалъ фунтъ, фельдфебель пожертвовалъ фунтъ, а остальные два фунта были собраны по шиллингамъ. Я все-таки не приставалъ къ соціалистамъ-Полякамъ и не принималъ ни малѣйшаго участія въ ихъ дѣлахъ, потому что и тогда уже меня сильно поражала фальшь въ ихъ отношеніяхъ къ другимъ польскимъ партіямъ. Они не Польши хотѣли, а выигрыша своей партіи; имъ не отчизна была дорога, а дорого было то, что мы сдѣлаемъ, а не

Мѣрославскій и не Чарторыйскіе. Къ тому же, при всемъ моемъ тогдашнемъ невѣжествѣ въ эмигрантскихъ дѣлахъ, я не могъ не понимать, что на полковникѣ и старикѣ маіорѣ далеко уѣхать нельзя, и что польскаго дѣла никакъ не вывезутъ польскіе мастеровые и фабриканты тросточекъ. Это было однимъ изъ моихъ первыхъ разочарованій въ способностяхъ и силахъ какой бы то ни было эмиграціи.

Абихтъ постоянно твердилъ мнѣ, что у польскихъ лондонскихъ соціалистовъ связи огромныя.

— Видите ли, говорилъ онъ, — само собою разумѣется, все это простонародье, но намъ именно простонародье и нужно. Вотъ у этой прачки, которую я вамъ тогда на балѣ показывалъ, есть около Сувалокъ дядя, столяръ, который пользуется тамъ огромнымъ уваженіемъ. У этого бѣглаго солдата братъ есть близко Ломжи, богатый мужикъ, большой патріотъ. У Журавскаго есть племянникъ въ Варшавѣ, перчаточникъ, который имѣетъ огромное вліяніе на своихъ товарищей, такъ что если мы отсюда, изъ Лондона, пошлемъ имъ письма, а еще лучше прокламаціи, то дѣло соціализма въ Польшѣ будетъ сдѣлано. Народъ надо поднять, а нашъ народъ, какъ вы совершенно справедливо говорите, до сихъ поръ былъ забитъ шляхтой. Надо начинать снизу, сначала, со свѣжихъ соковъ народа.

Когда Абихтъ это говорилъ, онъ принималъ таинственный видъ, угрюмо поправлялъ очки и, казалось, будто рѣшалъ судьбы Польши и судьбы прогресса, и все это было совершенно искренно.

Но вдругъ произошелъ слѣдующаго рода скандалъ. Изъ прусскихъ газетъ оказалось, что въ Лондонѣ существуетъ польское революціонное соціалистское общество, которое изволитъ посылать возмутительныя письма въ Познань. Дѣло объ этомъ поднялъ въ берлинскомъ сеймѣ депутатъ г. Неголевскій, обвиняя прусскую полицію въ томъ, что она сама подстрекаетъ познанскихъ Поляковъ къ заговорамъ.

„Какая-то сволочь изъ Поляковъ, говорилъ г. Неголевскій, проживающая въ Лондонѣ, изволила оттуда посылать прокламаціи и письма къ намъ въ Познань. Въ Лондонѣ, благодаря англійскому гостепріимству, укрывается все презрѣнное и ничтожное; польскіе помои находятъ тамъ пріютъ. Эти помои имѣли дерзость писать къ жителямъ нашего края возмутительныя письма и посылать имъ прокламаціи, въ

которыхъ жители нашего края приглашались къ возстанію противъ его величества нашего короля. Эти письма до нашихъ гражданъ не дошли, а были распечатаны нашею прусскою полиціей, которая, вмѣсто того чтобы не обращать на нихъ вниманія, какъ и слѣдовало бы сдѣлать, изволила отвѣчать этимъ эмигрантамъ, войти съ ними въ заговоръ, для того чтобы развѣдать ихъ тайныя намѣренія, такъ что лондонскіе эмигранты, какой-то Абихтъ, какой-то фельдфебель Журавскій, какой-то полковникъ Оборскій и какой-то маіоръ Беньёвскій изволили переписываться съ нашею прусскою полиціей о томъ какъ возстановить Польшу во имя соціализма. Люди, которые посылаютъ по почтѣ подобныя письма къ разнымъ сапожникамъ, крестьянамъ и мелкимъ чиновникамъ, уже сами по себѣ уваженія не заслуживаютъ, потому что эти мелкіе ремесленники и мелкіе чиновники никакого вліянія въ краѣ не имѣютъ и никакой инсурекціи произвести не могутъ. Наша прусская полиція сыграла при этомъ роль весьма некрасивую, и я покорнѣйше прошу многоуважаемую палату заявить свое мнѣніе о подобнаго рода поступкѣ нашей полиціи, и прошу именно потому, что эти несчастные—одни арестованы, а другіе находятся подъ надзоромъ. Сволочь, проживающая въ Лондонѣ, почему-то считала этихъ людей своими агентами. Они рѣшительно ни въ чемъ не виноваты, развѣ только въ родствѣ съ лондонскою сволочью или въ старомъ знакомствѣ съ нею.“

Берлинская палата депутатовъ смекнула въ чемъ дѣло, дала полиціи подобающій нагоняй, какого-то полицеймейстера гдѣ-то заставили подать въ отставку, квартальныхъ, которые переписывались съ лондонскими соціалистами, уволили отъ службы, но скандалъ вышелъ такой, что нѣсколько мѣсяцевъ сряду ни полковникъ Оборскій, ни фельдфебель Журавскій, ни маіоръ Беньёвскій, ни мой другъ Абихтъ никуда носа не показывали.

Какъ я выше сказалъ, Абихтъ былъ наборщикомъ въ русской типографіи, былъ наборщикомъ потому, что въ Лондонѣ дѣйствительно трудно найти средства существованія. Въ этой типографіи бывали даже русскіе аристократы по происхожденію. Въ Лондонѣ, для того чтобъ имѣть кусокъ хлѣба, надо имѣть связи, надо имѣть то, что Англичане называютъ reference, а reference достается въ Англіи съ великимъ трудомъ, такъ что званіе наборщика для Абихта было

занятіемъ вовсе не унизительнымъ. Десятки тысячъ Поляковъ рады были бы сдѣлаться наборщиками, еслибы кто-нибудь пустилъ ихъ въ свою типографію. Но скандалъ съ прусскою полиціей и презрительный отзывъ о лондонскихъ польскихъ эмигрантахъ г. Неголевскаго сдѣлали то, что Абихту пришлось въ Лондонѣ солово. Онъ разомъ свалился съ высоты своего величія, какъ скоро оказалось, что въ то самое время когда онъ завѣрялъ всѣхъ что дѣлаетъ дѣло, онъ переписывался съ прусскою полиціей и былъ проведенъ какъ школьникъ. Нуженъ былъ исходъ, и исходъ нашелся только въ томъ чтобы покинуть Лондонъ и перебраться на континентъ.

У Абихта былъ пріятель Англичанинъ, наборщикъ въ одной лондонской типографіи. Абихтъ уговорилъ его достать ему по дружбѣ англійскій паспортъ на англійское имя, распростился съ нами и уѣхалъ въ Парижъ.

Прошло что-то съ полгода, мы объ Абихтѣ и забыли, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный вечеръ отворяются двери моего кабинета, и я вижу предъ собой это длинное лицо, высокій лобъ и стальные очки.

— Абихтъ! Какими судьбами?

— Прямо изъ Парижа, отвѣчаетъ онъ мнѣ — пріѣхалъ сюда чтобы покончить нѣкоторыя дѣла.

И онъ говорилъ *„нѣкоторыя дѣла“* такъ таинственно, что я не счелъ себя въ правѣ разспрашивать его какого рода дѣлами онъ занимается.

— Что жъ вы дѣлаете въ Парижѣ, батюшка мой?

— Въ типографіи въ одной работаю. Знаете, если ужъ судьба поставила меня наборщикомъ, то надо ей покориться и заниматься наборомъ. Другаго исхода еще покуда нѣтъ, но я сошелся между дѣломъ съ Мѣрославскимъ.

— Э, это дѣло доброе: Мѣрославскій, предводитель демократовъ, по тѣмъ свѣдѣніямъ какія я о немъ имѣю, человѣкъ, должно-быть, не совсѣмъ глупый.

— Да, онъ не глупъ, но недостаточно развитъ. Я у него теперь почти секретарь и развиваю его. Знаете, это человѣкъ съ именемъ, человѣкъ пользующійся между Поляками нѣкоторымъ уваженіемъ, и которымъ пренебрегать не слѣдуетъ. Только, къ несчастію, онъ не понимаетъ вопросовъ. Я стараюсь его развить и, по всей вѣроятности, успѣваю въ этомъ.

— Молодецъ вы, Абихтъ, и вы надѣетесь, что успѣете?

— Само собою разумѣется. Онъ генералъ и хотя, по моему мнѣнію, больше теоретикъ чѣмъ практикъ, однако надо имъ воспользоваться. Онъ имѣетъ имя, а у меня имени нѣтъ, поэтому пускай онъ будетъ орудіемъ въ моихъ рукахъ. Согласитесь съ тѣмъ, что для дѣла нужны тоже и военные, а военные съ именемъ, за которыми пойдетъ масса, люди весьма полезные. Надо ихъ эксплуатировать. Я развиваю его, и онъ человѣкъ неглупый, начинаетъ кое-что понимать.

Тогда я Мѣрославскаго еще не видалъ, но мнѣ странно казалось, чтобы нашъ Абихтъ могъ имѣть на него вліяніе. Познакомился я съ нимъ что-то черезъ полгода, въ Парижѣ, при слѣдующихъ, довольно комичныхъ обстоятельствахъ. Былъ у меня знакомый, одинъ нѣмецкій соціалистъ, который хотѣлъ польскій вопросъ изъ національнаго, обратить въ соціалистическій. Съ этимъ господиномъ встрѣтились мы въ Парижѣ, и онъ съ первыхъ словъ заявилъ мнѣ, что знакомъ съ Мѣрославскимъ и старается имѣть на него вліяніе. Приглашеніе съѣздить къ Мѣрославскому и потолковать съ нимъ—вещь такая, отъ которой отказаться мудрено. Мы сѣли въ фіакръ и отправились къ этому знаменитому полководцу, который вездѣ былъ битъ, вездѣ терялъ свое дѣло, и про котораго Поляки поумнѣе говорятъ: „Отдай ему Польшу даромъ—онъ ея не возьметъ; ему нужна Польша взятая съ боя: ему не Польша дорога, а дороги побѣды.“ Странная участь этого человѣка, исполненная не то что комизма, не то что трагизма, а Богъ знаетъ чего. Разбитый въ Познани въ 1846 г., освобожденный берлинскою чернью въ 1848 г., Мѣрославскій былъ битъ въ Италіи и былъ разбитъ въ Польшѣ. Единственное оправданіе, къ которому онъ тогда прибѣгалъ и, по всей вѣроятности, и теперь прибѣгаетъ, состоитъ въ томъ, что онъ великій тактикъ и стратегикъ, что съ дрянными инсуррекціонными войсками ничего нельзя подѣлать, что онъ стоитъ слишкомъ высоко чтобы предводительствовать инсургентами, и что всѣ его неудачи происходятъ именно отъ неповиновенія его подчиненныхъ. Онъ пишетъ курсы тактики и стратегики, невѣроятныя статистики Польши, считаетъ себя если не лучшимъ, то единственнымъ польскимъ генераломъ и все-таки дѣла никакого не дѣлаетъ. Ставъ во главѣ демократической партіи, Мѣро-

славскій, гордый своими тактическими и стратегическими свѣдѣніями, ровно ничего для польской эмиграціи не сдѣлалъ. Онъ утопаетъ въ самодовольствіи и принимаетъ на себя роль глубокомысленнаго политическаго дѣятеля, который больше понимаетъ чѣмъ высказываетъ и больше дѣлаетъ чѣмъ говоритъ.

Когда нѣмецкій соціалистъ пригласилъ меня къ Мѣрославскому, я не отказался и поѣхалъ изъ любопытства. Мѣрославскій, человѣкъ небогатый, жилъ въ одной изъ тѣхъ крохотныхъ улицъ, которыя только въ Парижѣ называются улицами. Мы поднялись чуть ли не въ четвертый этажъ. Крохотная квартирка генерала состояла изъ гостиной, кабинета, спальни и двухъ или трехъ чуланчиковъ. Жилъ онъ одиноко, и вообще обстановка его роскошью не отличалась. Кабинетъ его, въ который насъ ввели, былъ весь заваленъ книгами, исторіями всевозможныхъ войнъ, курсами тактики, стратегіи, артиллеріи, фортификаціи и статистиками Польскаго государства, изъ которыхъ онъ почерпалъ доказательства о томъ, что Кіевъ городъ польскій, что Смоленскъ польскій городъ, что Одесса по праву принадлежитъ Польшѣ, и что Рига и Митава суть не что иное какъ польскіе порты. Мы сѣли около его стола. Генералъ былъ тогда человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, довольно красивый собой, съ нервознымъ лицомъ, съ длинною русою бородой, холодный и спокойный, какъ всѣ польскіе демократы. Я говорилъ съ нимъ мало, предоставивъ моему товарищу, нѣмецкому соціалисту, хлопоты по объясненію съ его превосходительствомъ. Нѣмецкій соціалистъ толковалъ его превосходительству о томъ, что въ сущности всякая національность и всякіе національные вопросы—вздоръ и чепуха, что историческое право не имѣетъ человѣческаго смысла, что Польша не по праву можетъ имѣть самостоятельность, а потому что въ ней хранятся зародыши великихъ соціальныхъ реформъ, говорилъ о равенствѣ, правѣ на землю и т. д. Бѣдный генералъ курилъ сигару и выслушивалъ все это внимательно, взвѣшивая и соображая вопросъ.

— Послушайте, сказалъ онъ моему Нѣмцу, когда краснорѣчіе этого Нѣмца совершенно истощилось, — неужели вы думаете, что я этого ничего не зналъ и этимъ вопросамъ не сочувствую? Само собою разумѣется, этотъ вопросъ мнѣ

вовсе не чуждый. Все то что̀ вы говорите, мнѣ болѣе чѣмъ извѣстно, и повѣрьте мнѣ, за этимъ самымъ столомъ я много думалъ о вопросѣ равенства и точно такъ же, какъ вы, историческаго права не уважаю.

Это говорилъ Мѣрославскій, написавшій нелѣпую французскую книгу о границахъ Польши!

— Я вамъ вотъ что̀ скажу, продолжалъ онъ:—всѣ принципы соціализма, коммунизма—принципы святые. Предъ ними историческое право блѣднѣетъ. Это наши господа изъ hôtel Lambert * основываются на нихъ. Подобной нелѣпости я не могу не отрицать. Я соціалистъ и демократъ во глубинѣ души, но, извините меня господа, я не вѣрю въ пропаганду. Пропагандой ничего сдѣлать нельзя. Чтобы провести соціалистскіе принципы надо другое. Когда я буду на конѣ, сзади меня батареи, и около стременъ моихъ будутъ вертѣться польскіе магнаты, которые по моему мановенію будутъ исполнять все что̀ я приказываю, тогда только можно будетъ произвести желаемый вами переворотъ. Когда я буду на конѣ, и у стременъ моихъ, согнувшись, станутъ польскіе магнаты, тогда дѣло демократіи и соціализма будетъ выиграно. Что̀ ваша пропаганда? Что̀ ваша литература? Вздоръ и пустяки. Предъ пушками только пушки могутъ сдѣлать переворотъ. Постойте, господа, придетъ время, когда я буду на конѣ, и стремена мнѣ станутъ подавать польскіе магнаты, тогда вы увидите что̀ я сдѣлаю. Всякая пропаганда — шалость, всякая такъ-называемая политическая дѣятельность—трата времени. Но когда я буду на конѣ, сзади меня штыки, у стременъ моихъ польская магнатерія, тогда любой принципъ можно будетъ ввести въ практику. Публицистика ничего не возьметъ. Пуля и ядра сдѣлаютъ больше. Подождите, придетъ время, когда я буду на конѣ, сзади меня штыки, около меня артиллерійскія бригады, и эта поганая аристократія станемъ юлить около моихъ стременъ. Я вамъ покажу, понимаю ли я соціальные вопросы, и т. д. и т. д.

Читатель будетъ имѣть полное право подумать, что я

---

* Hôtel Lambert—зданіе, купленное Адамомъ Чарторыйскимъ; въ немъ живетъ генералъ Замойскій и помѣщаются архивъ и библіотека польской эмиграціи. Hôtel Lambert стоитъ очень недалеко отъ Notre-Dame de Paris, на берегу Сены.

клевещу, что я пародирую манеры и мнѣнія знаменитаго генерала, искренно желающаго благоденствія рода человѣческаго, но другаго я отъ него ничего не слыхалъ,—и на этого-то человѣка мой другъ и пріятель Абихтъ хотѣлъ имѣть вліяніе!

— Абихтъ, сказалъ я ему, когда онъ сидѣлъ у меня въ кабинетѣ,—да какъ же вы, батюшка мой, живете въ Парижѣ съ англійскимъ паспортомъ, когда въ васъ ровно ничего англійскаго нѣтъ? Какъ Полякъ, вы можете получить отъ французскаго правительства видъ на жительство, и никто васъ не тронетъ. Что за нужда вамъ вводить французское правительство и самого себя въ хлопоты?

— Я посвятилъ себя, отвѣчалъ Абихтъ, — соціальному вопросу и дѣлу освобожденія Польши для соціализма. Поэтому считаю, что мнѣ выгоднѣе жить въ Парижѣ инкогнито чѣмъ заявлять всѣмъ и каждому что я Полякъ.

— Да развѣ вы можете скрыть что вы Полякъ?

— А само собою разумѣется, я себя выдаю за Англичанина.

— Да вѣдь у васъ произношеніе не англійское?

— Это ничего не значитъ: Французы вообще иностранныхъ языковъ не знаютъ, и я прибѣгаю къ помощи ихъ убѣжденія будто всѣ Англичане чудаки. Мой привратникъ совершенно убѣжденъ, что я Англичанинъ, потому что я говорю вѣсьма плохо по-французски и нарочно чудачу. Вотъ, напримѣръ, на прошлой недѣлѣ я удралъ надъ нимъ такую штуку, что онъ присягнетъ въ томъ что я Англичанинъ. Приводитъ ко мнѣ прачку, пожилую, очень порядочную, по всей вѣроятности, но пожилую. Я вызываю его и говорю, что я поставилъ себѣ за правило жизни, чтобы мнѣ стирали бѣлье женщины молоденькія и красивыя, и что отъ этого правила я отродясь не отступалъ. Привратникъ сказалъ мнѣ, что эта прачка стираетъ великолѣпно, и стирала она, спору нѣтъ, дѣйствительно очень хорошо. Но мнѣ надо было прикинуться Англичаниномъ. „Нѣтъ, сказалъ я ему,—я хочу, чтобы бѣлье мое стирали молоденькія женщины. Потрудитесь найти мнѣ молоденькую женщину.“ Привратникъ пожалъ плечами, счелъ меня за англійскаго чудака, ушелъ, и теперь у меня прачка, Богъ ее знаетъ кто такая, но очень молоденькая. Будьте покойны, я умѣю себя маскировать.

Я посмотрѣлъ на Абихта и ничего ему не отвѣчалъ. По-

добный способъ заявить себя чудакомъ-Англичаниномъ даже во Франціи ни къ чему привести не можетъ. Для того чтобы быть Англичаниномъ въ глазахъ Француза, надо прежде всего говорить по-французски съ англійскимъ произношеніемъ, что̀ для Абихта было, разумѣется, невозможно, такъ какъ онъ говорилъ по-французски и по-англійски съ польско-русскимъ акцентомъ. Мы провели съ нимъ вечеръ, провели довольно пріятно: стараго знакомаго встрѣтить всегда пріятно. На другой день я узналъ, что онъ ѣздилъ въ Лондонъ со спеціальною цѣлью составить въ западной Европѣ демократическо-соціальный заговоръ, въ который хотѣлъ втянуть Мадзини, Герцена, и чуть ли не Кошута, пользуясь своимъ мнимымъ вліяніемъ на Мѣрославскаго. Разумѣется, никто за нимъ не пошелъ, вопервыхъ, потому что подобный заговоръ нелѣпость, а вовторыхъ, потому что за Абихтомъ едва ли кто послѣдуетъ.

Абихтъ погибъ въ скоромъ времени. Во время повстанія онъ очутился въ Польшѣ, и его захватили, когда онъ ѣхалъ на телѣжкѣ, въ которой нашлись орсиніевскія бомбы и какія-то стклянки съ ядами. Его арестовали и приговорили къ смерти. Онъ былъ казненъ вмѣстѣ съ какимъ-то другимъ Полякомъ, который плакалъ и блѣднѣлъ предъ висѣлицей. Абихтъ, какъ только надѣли на него петлю, самъ спрыгнулъ съ подставки: словомъ, не измѣнилъ своему твердому и рѣшительному характеру.

За что̀ погибъ этотъ человѣкъ, за что̀ напросился онъ на гибель?

В. КЕЛЬСІЕВЪ.

ДЕПАРТАМЕНТЪ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ

ВЪ

СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ

Въ 1862 году въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ учрежденъ *департаментъ земледѣлія*, Department of Agriculture, который печатаетъ не только ежегодные, но и ежемѣсячные отчеты, заключающіе въ себѣ какъ извѣстія о его дѣятельности, такъ и разныя практически полезныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству, получаемыя имъ отъ его многочисленныхъ корреспондентовъ.

Мы имѣемъ въ виду познакомить читателей съ общимъ годовымъ отчетомъ за 1866 г., представленнымъ президенту конгресса Исаакомъ Ньютономъ, главнымъ коммиссаромъ земледѣлія (Commissioner of Agriculture), стоящимъ во главѣ департамента. Отчетъ этотъ, изданный въ 1867 г., * интересенъ особенно потому, что онъ рисуетъ положеніе сельскаго хозяйства въ Союзѣ въ эпоху перехода отъ несвободнаго, невольническаго труда южныхъ штатовъ къ свободному, а также отъ военнаго, вооруженнаго положенія Союза къ мирному.

Въ одной изъ статей, приложенныхъ къ отчету, представлена довольно полная картина историческаго развитія

* *Report of the Commissioner of Agriculture for the year 1866.* Washington. 1867.

сельско-хозяйственныхъ улучшеній и преимущественно сельско-хозяйственныхъ учрежденій въ Соединенныхъ Штатахъ *. Главная цѣль этого очерка состоитъ въ томъ чтобы объяснить, какими явленіями вызвано учрежденіе высшаго правительственнаго сельско-хозяйственнаго органа въ Вашингтонѣ, какъ живо и какъ давно ощущалась потребность въ подобномъ учрежденіи.

Сельское хозяйство въ концѣ XVIII столѣтія находилось въ Соединенныхъ Штатахъ на невысокой степени развитія и не могло не обратить на себя вниманія первыхъ дѣятелей независимой республики, Вашингтона, Адамса и Джефферсона, которые, среди своихъ государственныхъ заботъ, не оставляли занятій собственными фермами и старались сдѣлать ихъ образцами для подражанія своихъ согражданъ. Особенно любилъ сельское хозяйство Вашингтонъ, о чемъ свидѣтельствуетъ историкъ его Ирвингъ, и чему сохранились самыя убѣдительныя доказательства въ его перепискѣ съ Артуромъ Юнгомъ и Джономъ Синклеромъ, двумя знаменитыми учеными англійскими агрономами XVIII вѣка. По мысли послѣдняго, какъ извѣстно, учрежденъ былъ въ Англіи такъ-называемый совѣтъ земледѣлія, Board of Agriculture (нѣчтò въ родѣ нынѣшняго Board of Trade—министерства торговли), по устройству своему занимавшій средину между правительственнымъ учрежденіемъ и свободнымъ земледѣльческимъ обществомъ. Цѣлью этого Board of Agriculture было собираніе хозяйственно-статистическихъ свѣдѣній, производство опытовъ въ большихъ размѣрахъ и сношенія съ заграничными учрежденіями, для заимствованія у нихъ всего чтò можетъ содѣйствовать развитію англійскаго земледѣлія.

Мысль о созданіи подобнаго же учрежденія и въ Америкѣ постоянно занимала Вашингтона, какъ видно изъ его переписки съ Синклеромъ, который, разумѣется, старался поддерживать его въ этомъ намѣреніи. Вашингтонъ, однако, во все время своего управленія мало надѣялся на успѣхъ задуманнаго имъ плана и между прочимъ, въ 1794 году, писалъ по этому поводу Джону Синклеру: „Я опасаюсь, что пройдетъ еще не мало времени, прежде нежели здѣсь возникнетъ

* *History of the agriculture of the United States* by Ben. Perley Poore, West Newbury, Massachusets стр. 498—527.

земледѣльческое общество съ содѣйствіемъ конгресса. Подобно другимъ странамъ, мы должны сперва выучиться ходить, прежде нежели начнемъ бѣгать. Малыя общества должны приготовить почву для созданія большаго; но я надѣюсь, что, благодаря опытамъ которые мы имѣемъ предъ собою, мы будемъ развиваться быстрѣе нежели народы Стараго Свѣта. Изъ прилагаемыхъ бумагъ вы увидите попытку основанія правительственнаго общества (State Society) въ Филадельфіи для содѣйствія успѣхамъ земледѣлія; если это удастся, то это будетъ уже шагъ впередъ; но теперь еще слишкомъ рано судить о будущихъ результатахъ по одному зародышу."

Вашингтону не удалось осуществить самому свой проектъ. Но покидая власть, онъ послѣдовалъ совѣту Синклера, который, при первомъ распространившемся въ Европѣ слухѣ объ оставленіи Вашингтономъ президентства, напомнилъ ему о палатѣ земледѣлія и совѣтовалъ, по крайней мѣрѣ, рекомендовать конгрессу эту мѣру, какъ одну изъ самыхъ дѣйствительныхъ для развитія сельскаго хозяйства въ предѣлахъ Союза. Въ послѣдней, прощальной рѣчи своей, 7 декабря 1796 года, къ обѣимъ палатамъ конгресса, Вашингтонъ между прочимъ сказалъ слѣдующее: „Не подлежитъ сомнѣнію, что земледѣліе имѣетъ первостепенное значеніе въ отношеніи какъ частнаго, такъ и общественнаго благосостоянія; съ увеличеніемъ народонаселенія и по мѣрѣ другихъ успѣховъ народа, эта истина дѣлается все болѣе очевидною, и земледѣліе становится все болѣе и болѣе предметомъ общественнаго попеченія. Учрежденія, содѣйствующія развитію земледѣлія, возникаютъ и поддерживаются на счетъ общественныхъ суммъ (public purse), да и какому предмету могутъ онѣ быть посвящаемы съ большею пользой? Между средствами, которыя употреблялись съ этою цѣлью, ни одно не имѣло бо́льшаго успѣха какъ учрежденіе палатъ, составленныхъ изъ надлежащихъ элементовъ, обязанныхъ собирать и распространять полезныя свѣдѣнія, а также поощрять и поддерживать преміями и небольшими денежными пособіями духъ открытій и улучшеній. Такого рода учрежденія содѣйствуютъ распространенію улучшеній, возбуждая къ предпріимчивости и опытамъ, сосредоточивая въ одномъ центрѣ результаты попытокъ и наблюденій отдѣльныхъ лицъ и распространяя ихъ оттуда между всѣмъ народомъ.

Опытъ доказалъ уже, что подобныя учрежденія представляютъ весьма дешевое орудіе для доставленія народу огромныхъ прибылей."

Въ отвѣтномъ адресѣ своемъ сенатъ обѣщалъ сдѣлать предложенную Вашингтономъ мѣру поощренія земледѣлія, въ самомъ непродолжительномъ времени, предметомъ серіознаго и внимательнаго изученія. И дѣйствительно, палата представителей въ томъ же году поручила разсмотрѣніе проекта, предложеннаго Вашингтономъ, особой коммиссіи. Докладъ этой коммиссіи былъ представленъ уже въ январѣ 1797 г. и заключалъ въ себѣ подробный проектъ учрежденія, при содѣйствіи правительства и подъ его покровительствомъ, центральнаго земледѣльческаго общества, которое могло бы служить средоточіемъ всѣхъ другихъ подобнаго рода обществъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Общество должно было состоять какъ изъ нѣкоторыхъ лицъ принадлежащихъ къ высшему правительству Союза, такъ и изъ извѣстнѣйшихъ хозяевъ. Завѣдываніе дѣлами общества возлагалось на особое правленіе изъ 30 членовъ. Вообще за образецъ при составленіи плана этого учрежденія былъ принятъ уставъ англійскаго Board of Agriculture. Несмотря на все это, однако, при обсужденіи проекта въ палатахъ, онъ встрѣтилъ нѣкоторыя затрудненія и былъ отложенъ на неопредѣленное время, хотя Вашингтонъ и утѣшалъ себя мыслію, что только болѣе серіозные государственные вопросы заставляютъ конгрессъ отсрочивать исполненіе его предложенія.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, движеніе въ пользу развитія сельскаго хозяйства продолжалось въ Соединенныхъ Штатахъ, хотя и медленно. Оно выразилось учрежденіемъ, по примѣру Англіи, полугодовыхъ ярмарокъ для продажи всякаго рода скота, усиленною выпиской изъ Испаніи и изъ Франціи лучшихъ породъ овецъ, учрежденіемъ въ 1806 году Общества для развитія народной экономіи, а въ 1809 г.— земледѣльческаго Общества въ Колумбіи, замѣчательнаго какъ первый опытъ учрежденія общества для нѣсколькихъ штатовъ, а также и тѣмъ, что этому Обществу принадлежитъ иниціатива въ дѣлѣ учрежденія первыхъ земледѣльческихъ выставокъ, которыя признаются нынѣ въ Соединенныхъ Штатахъ вполнѣ національными учрежденіями. Въ то же время были сдѣланы опыты раздачи обширныхъ пространствъ

земли для разведенія нѣкоторыхъ полезныхъ растеній, въ особенности винограда и оливковыхъ деревьевъ. Такъ въ 1817 г. конгрессомъ отведено было съ этою цѣлью 92.160 акровъ земли въ штатѣ Миссиссипи для одной компаніи французскихъ переселенцевъ, подъ условіемъ уплаты, въ теченіи 14 лѣтъ, за эту землю 184.320 долларовъ, то-есть по два доллара за акръ, и съ обязательствомъ заселить эти земли и развести на нихъ плантаціи винограда, оливковыхъ деревьевъ и другихъ произведеній. Но изъ отчета министра финансовъ, представленнаго въ декабрѣ 1867 г., видно, что только 7.414 акровъ были дѣйствительно воздѣланы и заняты виноградниками, хлопчатобумажникомъ, зерновыми хлѣбами и разными другими растеніями.

Въ управленіе президента Адамса, правительствомъ разосланы были инструкціи консуламъ Соединенныхъ Штатовъ о присылкѣ рѣдкихъ растеній и сѣменъ для безденежной раздачи ихъ частнымъ лицамъ въ видахъ испытанія и для опытовъ въ учрежденномъ съ этою цѣлью въ Вашингтонѣ казенномъ ботаническомъ саду, сдѣлавшемся разсадникомъ нынѣшнихъ ботаническихъ садовъ Союза, которые принесли значительную практическую пользу. Въ то же время возникла періодическая сельско-хозяйственная литература, появились, отчасти по вызову конгресса, спеціальныя руководства по разнымъ отраслямъ хозяйства, и явился цѣлый рядъ улучшеній въ земледѣльческой механикѣ.

Но всѣ эти мѣры были лишь частными, случайными попытками къ возвышенію земледѣлія, которое, впрочемъ, даже въ средѣ самого земледѣльческаго класса, не пользовалось особеннымъ почетомъ, потому что не могло доставить ни тѣхъ быстрыхъ средствъ къ обогащенію какъ другія промышленныя занятія, ни тѣхъ выгодъ общественнаго положенія, которыя открывала морская или гражданская служба. Поэтому дѣти фермеровъ старались избавиться отъ отцовскаго ремесла и перейти или во флотъ или къ городскимъ занятіямъ. Нуженъ былъ сильный толчокъ, чтобы заставить Сѣверо-Американцевъ взглянуть серіознѣе на сельское хозяйство. Такимъ толчкомъ явился неурожай 1837—38 г., когда, для продовольствія страны, пришлось ввезти на нѣсколько милліоновъ долларовъ хлѣба и другихъ питательныхъ веществъ. Тогда только и государственные люди, и весь народъ сѣверо-американскій поняли всю важность

и необходимость усовершенствованія сельскаго хозяйства. Когда общественное вниманіе обратилось на этотъ предметъ, тогда всѣ легко убѣдились, что англо-саксонская система хозяйства вела неуклонно къ истощенію почвы и постоянному уменьшенію урожаевъ. Всѣмъ сдѣлалось ясно, что нужно предпринять что-либо серіозное и предпринять скорѣе, дабы остановить паденіе сельскаго хозяйства республики, и тогда-то явилась первая мысль о земледѣльческихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Конгрессъ, понявъ всю важность положенія, въ которомъ находилась страна вслѣдствіе дознанной неудовлетворительности одной изъ самыхъ важныхъ отраслей промышленности, рѣшился обратить свое вниманіе на собираніе свѣдѣній по земледѣльческой статистикѣ, на изысканіе средствъ къ улучшенію разныхъ отраслей сельскаго хозяйства и на снабженіе фермеровъ въ возможно большемъ размѣрѣ даровыми сѣменами и саженцами полезныхъ растеній. Въ государственный бюджетъ съ этою цѣлью вносима была съ 1839 г. особая сумма, правда, въ началѣ весьма ограниченная, но которая съ теченіемъ времени была постоянно возвышаема. Въ то же время учрежденіе извѣстное подъ названіемъ Patent-Office, гдѣ сосредоточена выдача привилегій на изобрѣтенія и откуда вышла инициатива мѣръ, предложенныхъ для усовершенствованія земледѣлія, сдѣлавшись какъ бы представителемъ интересовъ сельскаго хозяйства, стало расширять все болѣе и болѣе свою дѣятельность въ этомъ направленіи, чему доказательствомъ служили возраставшіе объемы его отчетовъ по сельско-хозяйственной части.

Между тѣмъ сознаніе потребности въ болѣе обширномъ и спеціально-посвященномъ развитію сельскаго хозяйства общественномъ учрежденіи все болѣе и болѣе зрѣло въ обществѣ. Послѣ неудавшейся въ 1841 г. попытки основать подобное учрежденіе на счетъ капитала завѣщаннаго Гуго Смитсоніаномъ, хозяева составили въ 1852 г. въ Вашингтонѣ, по инициативѣ двухъ провинціальныхъ земледѣльческихъ обществъ, съѣздъ, въ которомъ приняли участіе 152 депутата отъ 23 штатовъ и территорій Союза. На этомъ съѣздѣ рѣшено было учредить центральное земледѣльческое Общество для цѣлаго Союза Соединенныхъ Штатовъ (United

States Agricultural Society). Общество было утверждено актомъ конгресса отъ 19-го апрѣля 1860 года.

Ежегодныя собранія этого центральнаго земледѣльческаго Общества Соединенныхъ Штатовъ, происходившія въ Вашингтонѣ до начала междуусобной войны, были осуществленіемъ донѣкоторой степени той національной палаты земледѣлія, о которой мечтали Вашингтонъ и Синклеръ.

Но несмотря на многостороннюю полезную дѣятельность этого Общества, въ которой принимали участіе самыя отдаленныя части Союза, оно не считало себя достаточно сильнымъ и прочнымъ, чтобъ измѣнить и направить къ лучшему сельско-хозяйственную дѣятельность Союза; не проходило митинга, на которомъ не заявлялось бы мысли о необходимости скорѣйшаго учрежденія въ средѣ самого правительства особаго органа для сельско-хозяйственныхъ интересовъ. Наконецъ это желаніе осуществилось. Актомъ конгресса, утвержденнымъ 15-го мая 1862 г., учрежденъ былъ *департаментъ земледѣлія*. Земледѣліе заняло наконецъ соотвѣтственное ему мѣсто въ системѣ управленія страны.

На департаментъ земледѣлія возложена забота какъ о собираніи статистическихъ и техническихъ свѣдѣній о состояніи разныхъ отраслей сельскаго хозяйства въ Союзѣ и внѣ его, такъ и о возможно большемъ распространеніи этихъ свѣдѣній, а равно и о принятіи надлежащихъ мѣръ для улучшенія хозяйства. Съ этою цѣлію при департаментѣ, во главѣ котораго стоитъ особый коммиссаръ земледѣлія (Commissioner of Agriculture) состоятъ: статистикъ, энтомологъ, химикъ и ботаникъ, со ввѣренными имъ учрежденіями—музеемъ естественной исторіи, лабораторіей и опытными садомъ и фермой.

Садъ и ферма имѣютъ назначеніемъ испытаніе разнаго рода новыхъ хозяйственныхъ растеній, въ сѣменахъ и отводкахъ, которые въ то же время въ огромныхъ количествахъ разсылаются съ тою же цѣлію членамъ конгресса, постояннымъ и случайнымъ корреспондентамъ департамента. Въ 1866 году было разослано такимъ образомъ пакетиковъ съ сѣменами 992.062, болѣе противъ 1865 г. на 222.881. Кромѣ того, изъ казенныхъ опытныхъ садовъ разослано до 35.000 саженцевъ фруктовыхъ деревьевъ.

Отчеты всѣхъ отдѣльныхъ подчиненныхъ департаменту земледѣлія лицъ по ввѣреннымъ имъ частямъ и учрежденіямъ, равно какъ и цѣлый рядъ статей касающихся хозяйства съ

теоретической или практической точки зрѣнія, печатаются въ видѣ приложеній къ ежегодному отчету самого департамента, представляемому на имя президента и заключающему въ себѣ общій взглядъ на состояніе сельскаго хозяйства. О томъ, имѣетъ ли этотъ отчетъ департамента со всѣми къ нему приложеніями достаточный интересъ для публики, можно заключить изъ того, что онъ печатался до 1865 г. въ 165.000 экземплярахъ, но количество это оказалось недостаточнымъ, и нынѣ онъ печатается въ 185.000 экземпл., которые распредѣляются самою щедрою рукой между всѣми интересующимися дѣятельностію вашингтонскаго департамента земледѣлія.

Ежегодный бюджетъ вашингтонскаго департамента земледѣлія простирается отъ 150 до 160.000 долларовъ, то есть около 200.000 руб. Сверхъ того, матеріальное содѣйствіе сельско-хозяйственному прогрессу заключается въ назначеніи, на основаніи акта конгресса 1862 г., каждому штату для учебныхъ сельско-хозяйственныхъ цѣлей по 30.000 акровъ (11.112 дес.) казенной земли на каждаго сенатора и депутата, засѣдающихъ отъ имени этого штата въ конгрессѣ. Для того чтобы возможно болѣе обезпечить успѣшное дѣйствіе этого постановленія и предотвратить всякій недостатокъ въ деньгахъ, конгрессъ опредѣлилъ, чтобы всѣ выручаемыя съ земель денежныя суммы были помѣщаемы вполнѣ благонадежно и обращались исключительно на поддержаніе школъ, издержки же по обзаведенію школъ, по устройству зданій и пр. принимаетъ на себя штатъ заводящій школу.

Такимъ образомъ стремленія передовыхъ людей Сѣверо-Американскаго Союза, начиная съ Вашингтона, сводились къ тому чтобы внести свѣтъ науки и знаній въ скромныя занятія земледѣльца и дать его дѣятельности разумное направленіе, чѣмъ предполагалось достигнуть усиленія производительности и избѣжать угрожавшаго истощенія земель. Долговременное пренебреженіе подобнаго рода мѣрами со стороны хозяевъ и значительные неурожаи 1837 и 1838 годовъ вызвали наконецъ дѣятельное вмѣшательство правительства въ интересы земледѣлія.

Обращаясь къ отчету вашингтонскаго департамента земледѣлія за 1866 годъ, выпишемъ изъ него слѣдующія интересныя строки: *

* *Report of the commissioner of Agriculture*, стр. 5—6.

„Хотя прошедшій (1866) годъ былъ годъ великихъ заботъ и трудовъ, сопровождавшихъ переходъ націи отъ военнаго положенія къ мирному, годъ, въ теченіе котораго огромныя военныя силы преобразились въ гражданскія, хозяйственныя, и четыре милліона рабовъ воспользовались своими новыми, невѣдомыми имъ прежде правами свободныхъ людей; годъ, слѣдовательно, заключавшій въ себѣ тревоги, неизбѣжныя при всякомъ подобномъ общественномъ переворотѣ, однако, благодаря премудрости и благости Божіей и благоразумному управленію тѣхъ, на кого пали заботы объ этихъ переворотахъ, мы испытали при этомъ несравненно менѣе затрудненій и неудобствъ нежели всякій другой народъ испыталъ бы на нашемъ мѣстѣ и при другомъ образѣ правленія. Нашъ народъ, привыкшій къ самостоятельному развитію и самоуправленію, привыкшій проявлять свой умъ и свободу съ полнымъ уваженіемъ къ закону, доказалъ уже, что онъ способенъ не только переносить самыя суровыя испытанія гигантской гражданской войны, но и переходить мирно и спокойно чрезъ такія деморализующія положенія, какъ переходъ отъ подобной войны къ мирному состоянію.... Хозяйственное положеніе сѣверныхъ штатовъ Союза никогда не было болѣе цвѣтущимъ какъ нынѣ. Высокія цѣны, удобный сбытъ и обильные урожаи обезпечили имъ хорошія прибыли; результатомъ этого было то, что значительная часть ипотечныхъ долговъ выплачена, новыя хозяйственныя постройки воздвигнуты, капитальныя усовершенствованія въ хозяйствѣ исполнены, инвентарь хозяйственныхъ орудій и машинъ обновленъ, и въ тысячѣ случаевъ оказался еще излишекъ доходовъ, который и помѣщенъ въ правительственныхъ фондахъ.

„То же хозяйственное возрожденіе начинается нынѣ и въ тѣхъ штатахъ, которые еще недавно считались мятежными; усилія, направленныя къ водворенію въ нихъ духа улучшенія и сбереженія, уже начали приносить свой плодъ; то тягостное настроеніе, которое овладѣло промышленностію въ этой части Союза, стало исчезать, и теперь можно смѣло надѣяться, что скоро духъ улучшеній и прогресса озаритъ и южное хозяйство и обезпечитъ ему цвѣтущую, неслыханную для него прежде будущность, съ которою не сравнится будущность ни одного изъ прочихъ штатовъ Американскаго Союза.“

Въ отчетѣ департамента земледѣлія за 1865 г. была посвящена особая статья изслѣдованію положенія южныхъ штатовъ по окончаніи войны и освобожденіи негровъ. Въ этой статьѣ доказывалось цифрами, что Югъ далеко отсталъ отъ Сѣвера, несмотря на большія преимущества въ отношеніи почвы и климата, и причиной этой отсталости было выставляемо

именно рабство, служившее къ обогащенію лишь немногихъ и вызывавшее угнетеніе и деморализацію не только негровъ, но и остальнаго народонаселенія. Существованіе рабства дѣлало невозможнымъ примѣненіе свободнаго труда и введеніе искусныхъ рабочихъ, безъ чего немыслимъ никакой успѣхъ въ земледѣліи и промышленности. Факты доказываютъ, что рабочая сила негровъ не потеряна для страны, она напротивъ сдѣлалась значительнѣе чѣмъ прежде, вслѣдствіе возможности примѣненія ея наиполезнѣйшимъ образомъ при свободномъ трудѣ; хотя на первыхъ порахъ по освобожденіи и были частные случаи увлеченій, но это столько же объясняется радостію освобожденія, сколько и общимъ недостаткомъ, вслѣдствіе войны, вознаграждающей работы.

Въ отчетѣ 1866 года развивается мысль, что переворотъ въ промышленности южныхъ штатовъ возможенъ только при устраненіи капитальной ошибки прежняго времени, именно исключительнаго сосредоточенія труда и капиталовъ на одной отрасли промышленности, именно на разведеніи хлопка. За эту ошибку южные штаты уже дорого поплатились. Въ доказательство невыгодности сосредоточенія промышленности на одной отрасли производства, въ отчетѣ приводятся слѣдующія фактическія доказательства. Сборъ хлопка въ одномъ изъ самыхъ значительныхъ южныхъ штатовъ, именно Георгіи, достигалъ въ 1860 г. 701.000 тюковъ, которые оцѣнивались среднимъ числомъ въ 40 милл. руб., между тѣмъ какъ одинъ только продуктъ молочнаго хозяйства — масло, въ штатѣ Нью-Йоркъ, въ 1865 г., оцѣнивался въ 80 милл. руб., а цѣнность урожая всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ и кормовыхъ травъ оцѣнивалась въ 267 милл. руб., несмотря на то что населеніе обоихъ штатовъ почти одинаково; по народной переписи, въ Нью-Йоркѣ считалось 370.914 фермеровъ и рабочихъ, а въ Георгіи фермеровъ съ ихъ бѣлыми работниками и мужскимъ населеніемъ негровъ 316.478.

Въ отчетѣ департамента земледѣлія выражается убѣжденіе, что при введеніи въ южныхъ штатахъ того же разнообразія въ системахъ хозяйства, какое господствуетъ на Сѣверѣ и обезпечиваетъ хозяевамъ такіе блистательные барыши, хлопокъ останется всегда преобладающимъ продуктомъ, но никогда не будетъ подавлять другихъ существенныхъ интересовъ земледѣлія, и что часть этого хлопка будетъ вывозиться уже не въ сыромъ видѣ, а въ видѣ пряжи

и разныхъ тканей, такъ какъ часть рабочихъ рукъ и капиталовъ неминуемо должна быть отвлечена отъ земледѣлія къ разнымъ отраслямъ мануфактурной промышленности.

Заботы департамента земледѣлія въ настоящее время направлены, между прочимъ, на водвореніе новыхъ лучшихъ сортовъ сахарнаго тростника съ острова Явы и новыхъ видовъ хлопчато-бумажника изъ Египта, такъ какъ въ послѣдніе годы особенно замѣтно вырожденіе породъ сахарнаго тростника.

Сверхъ того, департаментъ, по порученію конгресса, производилъ опыты приготовленія льна и пеньки, для того чтобы замѣнить ими хлопчатую бумагу, и съ этою цѣлью ассигнована была особая сумма въ 26.000 рублей. Въ отчетѣ сообщаются также результаты опытовъ надъ разными новыми видами растеній.

Въ виду важности метеорологическихъ наблюденій для сельскаго хозяйства, департаментъ вошелъ въ сношеніе съ Смитсоніанскимъ институтомъ, чтобы получать отъ него ежемѣсячные отчеты доставляемыхъ ему наблюденій и печатать ихъ для пользы сельскихъ хозяевъ.

О важномъ и обширномъ значеніи, какое имѣетъ сельское хозяйство для Сѣверо-Американскаго Союза, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ, обнародованнымъ частію въ отчетахъ вашингтонскаго департамента земледѣлія, частію въ нѣкоторыхъ другихъ офиціальныхъ изданіяхъ вашингтонскаго правительства, какъ, напримѣръ, въ статистическомъ очеркѣ, предпосланномъ офиціальному каталогу произведеній Соединенныхъ Штатовъ на Парижской всемірной выставкѣ 1867 г. *

Общее количество обработанныхъ земель составляло въ 1850 г.—40½ милліоновъ десятинъ, въ 1860—60½ милліоновъ, при чемъ капитальная цѣнность фермъ, безъ инвентаря, орудій и машинъ, составляла въ 1850 г.—4¼ милліарда рублей, а въ 1860—8½ милліардовъ, цѣнность же инвентаря, орудій и машинъ возвысилась со 196 милліоновъ въ 1850 г. до 319 милліоновъ рублей въ 1860 году. Въ 1863—65 годахъ подъ главными зерновыми хлѣбами, картофелемъ, табакомъ и

---

*Official catalogue of the products of the United States of America exhibidet at Paris, 1867, with statistical notices. 3-e edition. Paris. стр. 31.

кормовыми травами въ 22 штатахъ занято было до 19 милліоновъ десятинъ земли. Цѣнность урожая этихъ произведеній въ этихъ штатахъ составляла въ 1862 году 942½ милліона р., въ 1863—1274 милліона р., въ 1864—1920 милл. р., въ 1865 г. 1396 милл. руб.

Цѣнность скота, находившагося у сельскихъ хозяевъ, на всемъ пространствѣ Союза, въ 1860 г. составляла 1.408 милліоновъ руб., въ январѣ же 1866 г., только въ 22 штатахъ, о коихъ доставлены были свѣдѣнія департаменту земледѣлія цѣнность скота достигала 1.470 милліоновъ руб.

Стоимость вывоза сельско-хозяйственныхъ произведеній и непосредственныхъ фабрикатовъ изъ нихъ возрастала слѣдующимъ образомъ съ 1830 года.

Въ 1830 г.	67	милл. р.
„ 1835 г.	92	„ „
„ 1840 г.	126	„ „
„ 1845 г.	114	„ „
„ 1850 г.	158	„ „
„ 1855 г.	222	„ „
„ 1860 г.	342	„ „
„ 1865 г.	265	„ „

Вывозъ всякаго рода хлѣба составлялъ въ пятилѣтіе 1860—65 годовъ около 93 милл. р. Цифра эта ничтожна въ сравненіи съ общею суммой хлѣбной производительности Соединенныхъ Штатовъ; съ 1864 года вывозъ хлѣба и другихъ продуктовъ сталъ значительно уменьшаться вслѣдствіе того, что бо́льшая часть населенія была отвлечена отъ сельско-хозяйственныхъ занятій войной, и что всѣ гавани южныхъ штатовъ были заперты для торговли. Въ это время и до половины 1867 г. бывали случаи, когда, несмотря на усиленное требованіе хлѣба въ Европѣ, вывозъ его изъ Америки былъ почти невозможенъ; пудъ пшеничной муки, который еще въ началѣ 1863 г. стоилъ въ Нью-Йоркѣ менѣе 1 р. 50 к., въ началѣ 1864 г. перешелъ уже за 1 р. 70 к., въ началѣ 1865 г. за 2 р. 45 к., въ началѣ 1866 г. за 2 р. 10 к. и въ началѣ 1867 г. за 2 р. 70 к. Цѣны на хлѣбъ въ Нью-Йоркѣ иногда были выше даже европейскихъ, принимая въ разчетъ и лажъ. Въ 1866 г. однажды случилось такъ, что представлялся безплатный провозъ хлѣба, а хлѣба не оказывалось, и даже въ Америку везли пшеничную муку Французы, а въ началѣ

1867 г. Америкацы принуждены были ѣхать въ Ливерпуль даже за кукурузой.

Вообще, по замѣчанію сдѣланному комиссаромъ земледѣлія въ одномъ изъ его отчетовъ конгрессу, американская пшеница мало требуется въ Англію, главную ея потребительницу, когда урожай въ Европѣ удовлетворителенъ, и черноморскіе порты переполнены хлѣбомъ. Лишь при значительномъ неурожаѣ въ Европѣ и при недостаткѣ запасовъ въ черноморскихъ портахъ, сельско-хозяйственное управленіе Союза находитъ возможнымъ соперничество американскаго хлѣба съ русскимъ на европейскихъ рынкахъ. Съ окончаніемъ въ Россіи сѣти южныхъ желѣзныхъ дорогъ, которыя придвинутъ главныя мѣста нашей хлѣбной производительности къ нашимъ южнымъ портамъ, условія соперничества русской пшеницы съ американскою на европейскихъ рынкахъ сдѣлаются для насъ несравненно выгоднѣе нежели теперь, когда стоимость обыкновенной сухопутной доставки хлѣба нашими производителями къ южнымъ портамъ значительно превышаетъ стоимость доставки пшеницы ея американскими производителями, даже отдаленнаго Запада, къ американскимъ портамъ атлантическаго океана, вслѣдствіе того, что они уже давно пользуются благодѣяніемъ обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, которое только-что начинаетъ распространяться на наше отечество. Судить окончательно о всѣхъ шансахъ болѣе и менѣе успѣшнаго соперничества нашего въ будущемъ съ Сѣверо-Американскимъ Союзомъ на поприщѣ хлѣбной торговли, возможно будетъ лишь тогда, когда совершится тотъ экономическій переворотъ въ хозяйствѣ южныхъ штатовъ Союза, на который указывается въ отчетѣ вашингтонскаго департамента земледѣлія за 1866 годъ, и когда наше собственное хозяйство вступитъ на болѣе прочный путь развитія, съ открытіемъ ему болѣе быстрыхъ, вѣрныхъ, дешевыхъ и постоянныхъ путей сбыта нежели нынѣ.

В. ВЕШНЯКОВЪ.

24-го декабря 1868 года.

НЕВОЛЬНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ

СЪ ИЗДАТЕЛЕМЪ „КОЛОКОЛА“

Колоколъ, издававшійся съ 1857 года въ Лондонѣ на языкѣ русскомъ, и затѣмъ съ 1868 года въ Женевѣ на языкѣ французскомъ, объявилъ наконецъ въ декабрьскомъ (послѣднемъ) нумерѣ 1868 г. о своемъ прекращеніи. „Дорогой другъ, пишетъ г. Герценъ г. Огареву (письмо въ видѣ передовой статьи),—

„я хочу предложить тебѣ ни болѣе ни менѣе какъ *coup d'état*, и именно: *непосредственное прекращеніе*, или, если тебѣ больше нравится, *неопредѣленную отсрочку изданія Колокола*. Наша мельница останавливается, хотя источники мѣстами еще текутъ; пойдемъ искать другой почвы и другаго русла. Ты знаешь, съ какимъ упорствомъ я держался съ 1864 г. за продолженіе *Колокола*, но наконецъ, убѣдившись, что его существованіе дѣлается ложнымъ и искусственнымъ, я больше продолжать не могу. Духъ труда отлетаетъ, и я чувствую себя совершенно неспособнымъ платонически звонить въ нашъ *Колоколъ*, ради одного удовольствія слышать его звукъ.“

„Нашъ журналъ всегда былъ средствомъ и орудіемъ, но не цѣлью. Мы оставляемъ его не съ сердечною радостію, не вслѣдствіе первыхъ неудачъ, усталости, или легкомыслія. Я просто не вижу причины продолжать призрачное существованіе умирающаго. Всему свое время, сказалъ мудрецъ: одно время для собиранія камней, другое для ихъ разбрасыванія. Мы слишкомъ долго шли по нашей дорогѣ, чтобы возвращаться къ ней вновь, мы не имѣемъ никакой нужды идти тою же тропинкой, когда она сдѣлалась неспособною къ пользованію, когда недостаетъ ежедневнаго хлѣба. Листокъ, издающійся за границей, безъ постоянныхъ корреспонденцій изъ своей страны, дѣлается невозможнымъ, теряетъ дѣйствительность, обращается въ требникъ эмигрантовъ, въ хроническій плачъ.

„Бо́льшую часть нашихъ убѣжденій, самыхъ дорогихъ, мы высказали и повторили сто разъ; вокругъ нихъ образовался

твердый узелъ, воспиталось юношество столь глубоко и невозвратно соціалистическое, столь полное логической смѣлости и реализма въ наукѣ, что бояться нечего: *идея не погибнетъ*. Ты и я принадлежимъ къ тѣмъ *старымъ піонерамъ* и *раннимъ сѣятелямъ*, которые пришли 40 лѣтъ назадъ *расчищать почву*. *Сѣмена, которыя мы* и небольшое число нашихъ друзей *бросили въ новыя борозды, насѣдованы нами отъ нашихъ великихъ предшественниковъ, и они не потеряются!*

„Но ступень, на которую мы взошли нынѣ, тяжала и жестка. Она далека отъ застоя, развитіе не останавливается, но уклонилось отъ должнаго пути, носитъ въ себѣ болѣзненные элементы, и сомнительна возможность подвинуть его, безъ тяжелаго кризиса или выкидыша. Итакъ нужно выждать, слѣдуя природѣ шагъ за шагомъ. Конечно, подобная рѣшимость слишкомъ тяжела для стариковъ,—быть-можетъ тяжеле нежели для молодыхъ. Но это касается лишь нашихъ личностей, и должно покориться! Развѣ мы не всегда проповѣдывали подчиненіе фактамъ, и къ тому же *ожидать* никогда не означало на нашемъ языкѣ *сидѣть сложа руки*.

„*Молодое поколѣніе совершаетъ свой ходъ и не имѣетъ нужды въ нашемъ словѣ*; оно совершеннолѣтне и объ этомъ знаетъ. Пусть говорятъ другіе; *мы уже не имѣемъ ничего сказать нынѣшнему поколѣнію, развѣ повторять tetento tori* и посовѣтовать ему поскорѣе проходить свой путь. *Мы слишкомъ удалились отъ мнѣнія господствующаго въ Россіи*, чтобы перебросить мостъ; нѣтъ каната, столь длиннаго, чтобы насъ услышали! Стараясь же приноровиться къ нему, мы погубили бы индивидуальность нашего журнала, его значеніе моральное, его физіономію, столь хорошо извѣстную друзьямъ и недругамъ, съ того времени когда ясный звукъ *Колокола* раздался въ первый разъ. У насъ нѣтъ той восточной преданности, которая заставила храбраго воина отрѣзать себѣ носъ, чтобы побудить робкихъ идти на приступъ.

„Спокойно оставляемъ мы наше поприще журналистовъ, не будучи ни побѣжденными, ни сбитыми. Никто не боролся съ нами и не принималъ вызова вступить въ серіозный споръ. *

„Безцеремонность нашихъ противниковъ сначала удивляла насъ, потомъ удивленіе прошло. Мы увидѣли ясно, что не составляемъ исключенія, и что между собою они говорятъ тѣмъ же языкомъ и даже еще хуже.

„Прекращеніе *Колокола* будетъ радостію для нашихъ враговъ (non salariés), но удовольствіе едвали будетъ столь полно,

---

* Г. Герценъ говоритъ здѣсь только о прекращеніи *Колокола*, а *Полярную Звѣзду*, повидимому, надѣется еще продолжать; по крайней мѣрѣ указываетъ на нее какъ на убѣжище, къ которому онъ обратится, если придется объясняться или защищать себя.

какъ можно было бы думать. Я никогда не отчаивался въ людяхъ, и внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что къ нимъ радости примѣшаются капли горести.

„Еще слово: годъ назадъ я началъ издавать *Колоколъ* на языкѣ французскомъ; это была ошибка. Наше истинное призваніе состоялo въ призывѣ живыхъ и звонѣ по умершимъ, но не въ разказахъ сосѣдямъ о нашихъ могилахъ и колыбеляхъ. Это интересуетъ ихъ очень мало.

„Таковъ предлагаемый coup d'état, мой другъ. Время благопріятно. Будемъ же продолжать нашъ путь, рука объ руку, какъ мы его начали. Отдыхъ уже не далекъ!"

Таковы прощальныя слова *Колокола*, имѣвшаго свой періодъ славы и значенія и нынѣ оканчивающаго дни тихою, естественною, и даже, можно сказать, покорною смертію.

Нельзя не замѣтить значительнаго противорѣчія не только въ тонѣ и фактахъ, но и въ воззрѣніяхъ между первымъ и послѣднимъ № *Колокола*, издававшагося на языкѣ французскомъ. Въ передовой статьѣ № 1-го 1868 года г. Герценъ говорилъ, что онъ будетъ проводить тѣ же идеи, которыя высказывалъ въ теченіе двадцати лѣтъ, и думалъ, что подобный матеріалъ вполнѣ достаточенъ для будущаго изданія. Теперь же онъ сознается, что нынѣшнее русское поколѣніе не нуждается въ его словѣ, и что ему приходится повторять себя. Что привело редактора *Колокола* къ такому противорѣчію во взглядѣ на одинъ и тотъ же предметъ, онъ не объясняетъ.

Оставляя свое журнальное поприще, г. Герценъ сохраняетъ надежду, что его идея не погибнетъ, что вскормленное ею юношество насквозь пропитано соціализмомъ. Мы не желаемъ разрушать чужихъ иллюзій и надежды, особенно призрачныя и безвредныя. Блаженъ кто вѣруетъ! Но въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ о молодомъ русскомъ поколѣніи, и мы въ правѣ сказать слово въ его защиту. Изъ всѣхъ грѣховъ, которыми страдаетъ наше отечество, его можно упрекнуть менѣе всего въ соціализмѣ. Далекое отъ эпохи тридцатыхъ и слѣдующихъ годовъ, создавшихъ грандіозныя и заманчивыя, но безплодныя и неосуществимыя ученія С.-Симона, Фурье и др., нынѣшнее поколѣніе стоитъ совершенно на другой почвѣ, въ другихъ условіяхъ, имѣетъ предъ собой иныя задачи и смотритъ на соціализмъ, а еще болѣе на коммунизмъ, какъ на грёзы былыхъ лѣтъ, не имѣющія творческой будущности. Смѣемъ увѣрить въ томъ г. Герцена, такъ какъ, по своему

положенію, мы имѣемъ возможность нѣсколько знать стремленія нашего юношества.

Впрочемъ, оставляя споръ въ сторонѣ, мы должны признать, что прощальное слово съ читателями отличается искренностію и даже значительнымъ пониманіемъ своего положенія. Издатель *Колокола* убѣдился наконецъ, что журналъ его перестали читать, и высказываетъ это печатно, съ самопожертвованіемъ достойнымъ лучшей участи. Правда, онъ старается сложить долю равнодушія къ своей позднѣйшей дѣятельности на особенность господствующаго теперь въ Россіи направленія и на нравственную слабость нынѣшняго русскаго юношества; но нужно же утѣшить себя чѣмъ-нибудь, и утѣшеніе въ настоящемъ случаѣ такъ невинно, что было бы грѣшно разрушать его.

Издатель *Колокола* жалуется, что его противники не вступали съ нимъ въ серіозную борьбу о принципахъ; но жалоба далеко несправедлива. *Колоколъ* занимался болѣе страстною полемикой и агитаціей нежели принципами; нѣсколько же соціалистическихъ статей, помѣщенныхъ въ немъ, объ основаніяхъ общественной жизни, объ устройствѣ русскихъ крестьянъ, о поземельномъ надѣлѣ, въ такой степени блѣдны, такъ мало имѣли общаго съ какою бы то ни было, и особенно русскою, жизнію, что ни въ комъ не могли вызвать охоты къ серіозному спору. Къ тому же, послѣ практики 1848 г., едвали можно сказать что-либо новое о соціализмѣ. Впрочемъ, мы помнимъ одинъ случай: кажется, въ 1859 г., у г. Герцена былъ одинъ серіозный возражатель. Въ длинномъ письмѣ, посланномъ имъ въ *Колоколъ* (и напечатанномъ), онъ указывалъ на ложность направленія и средствъ избранныхъ г. Герценомъ и на необходимость прислушаться къ истиннымъ потребностямъ Россіи. И что же? Редакторъ *Колокола*, бывшій тогда на верху своей роли и вліянія, съ непонятною для насъ легкостію, перенесъ полемику въ сферу личностей, набросилъ подозрѣнія на искренность и чистоту стремленій возражателя. Послѣдній, понятно, увидѣлъ безплодность спора и отступилъ.

Особенно странно встрѣтить жалобу издателя *Колокола* на безцеремонность его противниковъ и недруговъ. Но кто же больше его допускалъ въ свое изданіе густыя краски, раздраженный языкъ, крѣпкія слова и прозвища, кто же спокойнѣе и легче его высказывалъ противъ своихъ возражателей

подозрѣнія въ подкупѣ, рабскомъ духѣ и желаніи выслужиться? Возьмемъ для примѣра хоть и послѣдній № *Колокола*: въ немъ то и дѣло сыплются эпитеты: *бульдогъ*, *дикій*, *ордынецъ*, *лицемѣръ*, *стрѣлецъ-попъ*, *жалкій лакей*, *тупой рабъ*, *nos ennemis salariés* и т. п. Смѣемъ увѣрить г. Герцена, что намъ не случалось читать въ статьяхъ, печатавшихся противъ него въ Россіи, ничего подобнаго.

Позволимъ себѣ не согласиться и еще съ однимъ увѣреніемъ г. Герцена: хотя мы не принадлежимъ къ его друзьямъ, но не чувствуемъ ни малѣйшаго удовольствія по случаю прекращенія *Колокола*. Да и чему радоваться? Агоніи того что теряетъ жизнь и собирается умирать! Въ чемъ же тутъ торжество и успѣхъ? Это побѣда времени, общественнаго здраваго смысла, а не результатъ личныхъ нападеній и препирательствъ. Мы испытываемъ даже невольную грусть при мысли, что потрачено столько дарованій, силъ, времени и для чего? Неужели для того чтобы въ концѣ карьеры убѣдиться въ анахронизмѣ, безсиліи своихъ стремленій и въ безднѣ, выкопанной собственными руками и раздѣлившей редактора *Колокола* отъ русскаго народа, который онъ все же любилъ, хотя и своеобразно. Положеніе, поистинѣ, болѣе достойное сожалѣнія нежели радости.

На этомъ мы могли бы окончить нашу замѣтку о послѣднемъ прощаніи *Колокола* и пожелать и мира спокойствія его творцамъ и поклонникамъ. Но вслѣдъ за прощальною рѣчью г. Герценъ обращается къ статьѣ *Русская печать за границей*, помѣщенной въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (за августъ 1868 г.), въ которой упоминалось между прочимъ и о положеніи *Колокола*, и посвящаетъ въ особой статьѣ, подъ заглавіемъ *A nos ennemis*, нѣсколько страницъ для возраженій, оправданій, признаній и, конечно, и для брани; послѣднее составляетъ впрочемъ необходимое дополненіе полемики г. Герцена и нисколько не лишаетъ его объясненій общаго интереса, и потому мы просимъ позволенія познакомить читателя съ этою статьей. Беремъ на себя такой трудъ потому, что статья *Русскаго Вѣстника* принадлежитъ намъ. Но заявляемъ впередъ, что желали бы по возможности устранить личности и не платить око за око. Пусть инсинуаціи объ оплаченныхъ врагахъ и тому подобныя вещи остаются въ той сферѣ, которая создаетъ ихъ такъ легко и безраздумно.

Вотъ что говоритъ г. Герценъ:

„Оставляя нашихъ друзей *à la française*, мы не желаемъ разстаться и съ нашими врагами безъ прощанья. Статья *Вѣстника* Каткова *La presse Russe à l'étranger* представляетъ хорошій къ тому случай. Къ сожалѣнію, я долженъ начать съ самого себя.

„Я оставилъ Россію 1847 г. Въ ней было тогда замѣчательное духовное движеніе, проходившее чрезъ всѣ щели и норы; тогда еще не было въ ней литературы доносившей и помогавшей полиціи, и движеніе шло. Россія пробуждалась. Университетъ Московскій, ретроградный и робкій теперь, былъ въ апогеѣ своей славы. Ученіе панславистовъ въ Москвѣ, фурьеризмъ въ Петербургѣ и стремленіе юношества къ реализму наукъ естественныхъ, свидѣтельствовали о внутреннемъ трудѣ, сдавленномъ, но энергическомъ и дѣятельномъ. Голосъ неумолимой иронiи и самообвиненія, въ которомъ, посреди упрековъ и негодованія, чувствовалась юношеская сила, поднимался въ литературѣ, непобѣдимый и привлекательный. Это время началось сочиненіями Гоголя и статьями Бѣлинскаго въ сороковыхъ годахъ. Корень и зерно нынѣшняго развитія Россіи заключается въ этомъ періодѣ, полномъ дѣятельности, поэзіи и увлеченія.

„Все перемѣнилось съ Февральской революціи. Безполезно еще разъ представлять печальную картину того мрачнаго времени, которое наступило въ Россіи съ 1848 года. Отчужденный, лишенный возможности работать, я оставилъ Россію къ концу 1849 года, сталъ участвовать вмѣстѣ съ Прудономъ въ изданіи *La Voix du peuple*. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ былъ закрытъ, а въ 1850 году меня изгнали изъ Франціи. Не зная куда идти и гдѣ оставаться, я хотѣлъ послѣ Италіи провести нѣсколько дней въ Англіи и оставался тамъ болѣе десяти лѣтъ. Уединившись въ Лондонѣ, въ этой населенной пустынѣ, я съ каждымъ днемъ видѣлъ яснѣе, что мнѣ нечего дѣлать въ средѣ людей, потерпѣвшихъ крушеніе въ послѣднія революціи и бѣжавшихъ, подобно мнѣ, въ Англію. Невѣжество ихъ въ вопросахъ соціальныхъ, формалистическая революціонная ортодоксія, запоздалыя идеи, нелѣпыя утопіи, весь этотъ міръ, волновавшійся и разлагавшійся вокругъ меня, заставилъ меня еще разъ подумать о Прудонѣ. Я предложилъ ему пріѣхать въ Англію и основать вмѣстѣ со мною соціалистическій журналъ. Онъ принялъ проектъ, но боясь перемѣны мѣста, какъ всѣ истые Французы, не захотѣлъ бросить Парижъ.

„Нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ былъ вынужденъ бѣжать въ Бельгію, я же нашелъ якорь спасенія въ моей постоянной идеѣ, руководившей меня съ юности, въ пропагандѣ русской

„Я организовалъ въ Лондонѣ свободную типографію и, съ осени 1853 года, сталъ печатать, но безъ малѣйшаго успѣха.

Скоро дѣла измѣнились. Все что жаждало свободы, стремилось выйти къ свѣту и покончить съ невольною нѣмотой, обратилось къ лондонской прессѣ. Въ 1857 году Огаревъ оставилъ Россію и пришелъ раздѣлить мои труды; онъ предложилъ издавать *Колоколъ* независимо отъ *Полярной Звѣзды*. Успѣхъ нашихъ изданій былъ колоссальный.

„Мы пользовались успѣхомъ потому, что выражали русскую мысль — мысль всѣхъ пробудившихся Русскихъ. Мнѣ говорилъ одинъ очень извѣстный ультра-панславистъ: „Вы „увезли на чужбину частицы земли вашей родины, и потому „мы, не раздѣляя вашихъ идей, не можемъ оторваться отъ „васъ.“ Вотъ причина нашего успѣха.

„Кто можетъ подозрѣвать чистоту нашихъ побужденій и цѣлей? Въ чемъ могли заключаться эти побужденія, заставившія насъ оставить родину, бросить бо́льшую часть нашего имущества и *работать для отечества пятнадцать лѣтъ?* Было бы слишкомъ наивнымъ думать, что русская типографія въ Лондонѣ служила для насъ выгодною финансовою операціей. Пусть же намъ скажутъ, въ чемъ подозрительна наша политическая чистота? Насъ обвиняли въ петербургскихъ и русскихъ пожарахъ, но это была лишь военная хитрость противъ насъ и нигилистовъ, противъ насъ и русскаго юношества.

„Въ то время когда насъ подозрѣвали въ поджогахъ, начинался пожаръ гораздо болѣе важный, — возставала Польша: враги наши съ торжествомъ стали указывать на насъ.

„Дѣйствительно, мы были на сторонѣ Польши. Мы писали за Польшу и будемъ за нее писать. Несчастье не служитъ въ нашихъ глазахъ достаточнымъ правомъ для забвенія. Каждый день, каждое событіе, каждая русская газета оправдывали принятое нами положеніе. Неумолимое стремленіе покончить съ жертвой, отнять у ней все, даже родное слово, ненавистная роль журналовъ подкупленныхъ или издававшихся безкорыстными маніяками и полицейскими шпіонами, все это возмущало насъ. За границей мало знаютъ подробности о развратившейся русской прессѣ, которая ежедневно доноситъ на дѣтей, говорящихъ по-польски, на молодыхъ дѣвъ, не танцующихъ съ офицерами русскими, на слезы женщинъ, на печаль мущинъ. Мы протестовали противъ нечеловѣческаго изслѣдованія, противъ развратной литературы сбировъ и помощниковъ палачей; и въ будущемъ, когда Россія опомнится, за нами признаютъ эту заслугу.

„Но симпатизируя всегда Полякамъ, мы никогда не подчинялись ихъ вліянію, не были ни игрушкой въ ихъ рукахъ, ни тайными ихъ диктаторами; мы слишкомъ неспособны подчиняться чужому вліянію. Наше уваженіе къ Лелевелю, наша дружба къ Ворцелю имѣли свои границы. Пусть же человѣкъ, упрекающій меня за слова, произнесенныя на могилѣ друга, покажетъ мнѣ, въ чемъ онъ видитъ здѣсь польское вліяніе? Мы были противъ вооруженнаго возстанія и

не дѣлали никакихъ одобреній, подстрекательствъ, не давали никакихъ обѣщаній; вызываемъ представить хотя одно доказательство противнаго!

„Сотрудникъ *Русскаго Вѣстника* указываетъ, какъ на причину упадка русской печати за границей, на откровенія самихъ эмигрантовъ, снявшія съ нихъ корону мучениковъ, раскрывшія у насъ большую долю самолюбія и эгоизма, показавшія, что наша любовь къ ближнему и ненависть ко злу не мѣшали намъ сидѣть комфортабельно въ Лондонѣ или на берегахъ Лемана и спокойно увлекать молодыхъ людей къ гибели, отвѣчая на упреки сарказмами.

„Но заговоровъ мы не составляли, мы имѣли только типографію, дѣлали все при свѣтѣ дня и пользовались свободнымъ русскимъ голосомъ; мы издавали *Колоколъ*, чтобы звонить зарю, призывать живущихъ, вѣрующихъ и пробуждать уснувшихъ.

„Быть-можетъ, весьма дурно, что мы ограничились такою ролью, но это фактъ. Еслибъ оказалась надобность посылать эмиссаровъ, *мы сдѣлали бы это безъ всякой борьбы съ совѣстью, оставаясь въ Лондонѣ или Женевѣ*; это было бы простымъ раздѣленіемъ труда, по которому одинъ идетъ, а другой остается, смотря по склонности, пользѣ и взаимному согласію. Вѣдь редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* не пошелъ же самъ къ своему герою въ Вильно, а оставался комфортабельно въ своемъ кабинетѣ, не далеко отъ Патріаршаго пруда, и даже получалъ оваціи Англійскаго клуба. Аксаковъ, этотъ попъ-стрѣлецъ, также не промѣнялъ своего византійскаго пера на ружье!

„И гдѣ же эти юныя жертвы, эти миссіонеры, которыхъ мы толкали на гибель? Не думаютъ ли о Михайловѣ? Но мы заклинали его не печатать своей прокламаціи, на это есть живые свидѣтели. Не идетъ ли рѣчь о молодомъ офицерѣ, ребенкѣ-энтузіастѣ, который увезъ массу нашихъ изданій, не сказавъ намъ ни слова? Не спорю, мы встрѣчали неблагоразумныя, горячія головы, которыя, казалось, готовы были идти на всѣ жертвы и оставались, однакоже, цѣлы и здоровы; они сообщали намъ, какъ и всему міру, о своихъ намѣреніяхъ. Такъ, напримѣръ, въ 1863 году, одинъ молодой русскій офицеръ встрѣтилъ меня въ Теддингтонѣ и, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ, сказалъ, что хочетъ сообщить мнѣ тайну:

„— Я рѣшился публично убить Муравьева! сказалъ онъ и остановился, скрестивъ на груди руки.

„— Почему же вы сообщаете объ этомъ мнѣ? спросилъ я.

„— Потому что хотѣлъ знать ваше мнѣніе, сказалъ онъ, видимо озадаченный.

„— Вмѣсто теоріи объ убійствѣ, разкажу вамъ анекдотъ очень старый, но очень хорошій: одинъ молодой придворный сопровождалъ Карла V при осмотрѣ имъ Пантеона въ Римѣ, и разказывая объ этомъ за ужиномъ своему отцу, прибавилъ:

„— Когда я былъ съ императоромъ на куполѣ, мнѣ пришла мысль столкнуть его.

„— Несчастный! воскликнулъ отецъ, задыхаясь отъ бѣшенства.—Ни слова больше.

„Сынъ замолчалъ.

„— Молодой человѣкъ, продолжалъ отецъ,—подобныя мысли можно имѣть, а иногда даже выполнять ихъ, но никогда не должно говорить о нихъ.

„Мой Карлъ Зандъ оставилъ меня очень озадаченнымъ; мѣсяцъ спустя онъ былъ въ Дрезденѣ (но не въ Вильнѣ) и таинственно разказывалъ тамъ, что ѣдетъ въ Польшу съ важнымъ отъ насъ порученіемъ.... И всѣ подобныя вещи оставались у насъ на плечахъ....

„*Вѣстникъ* Каткова идетъ еще далѣе, ссылаясь на пошлую полицейскую брошюру (изданную въ Берлинѣ), наполненную разказами о разныхъ темныхъ продѣлкахъ русскихъ эмигрантовъ.

„На подобныя обвиненія я могу отвѣчать, что въ такого рода дѣлахъ всегда бывалъ только жертвой, и что одинъ русскій литераторъ,—не эмигрантъ,—будучи очень близко связанъ съ Огаревымъ, *укралъ у него (lui a volé)* болѣе ста тысячъ франковъ.

„Вмѣсто того чтобы бросать въ насъ грязью и клеветой, почему не нападаютъ серіозно на наши принципы? Легко говорить съ видомъ школьнаго магистра: „время соціализма прошло“. Но вѣдь предъ нами теперь конгрессъ рабочихъ въ Брюсселѣ, собраніе женевское, въ двухъ шагахъ движеніе германскихъ рабочихъ; въ цѣлой Европѣ, не исключая и Англіи, пробужденіе соціальныхъ вопросовъ обнаружилось съ удесятеренною силой!

„И какое жалкое средство, заключаетъ Искандеръ, представлять насъ врагомъ Россіи, потому что мы нападаемъ на настоящій порядокъ. Рабы неисправимые, они не имѣютъ никакого понятія о человѣческой независимости! Но сколько разъ я объяснялъ, что люди 1793 года не были врагами Франціи, но страстно ее любили.

„Говоря о моей статьѣ, „о женевскомъ конгрессѣ“, сотрудникъ Каткова восклицаетъ: „Вотъ гдѣ нашелся неожиданный защитникъ Россіи!“ *Но что же я дѣлалъ въ продолженіе всей моей жизни въ Россіи и внѣ Россіи? Какъ будто наше существованіе было чѣмъ-нибудь другимъ какъ не непрерывною защитой Россіи и народа русскаго противъ его враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, противъ фанатиковъ, развратныхъ, притѣснителей, доктринеровъ, лакеевъ, подкупленныхъ, безумныхъ и всѣхъ другихъ тормазовъ на колесѣ прогресса русскаго?...“*

Такъ разстается г. Герценъ съ своими недругами. Объясненія его не отвѣчаютъ, однакоже, главной мысли нашей статьи.

Мы говорили объ упадкѣ заграничной печати русскихъ эмигрантовъ и хотѣли объяснить причины его. Издатель же *Колокола*, опуская нашу главную мысль, останавливается прежде всего на исторіи своей собственной личности; такая перестановка вопроса понятна: указанные нами факты довольно извѣстны, положительны и весьма просты; оспаривать ихъ было трудно. Поэтому и оказалось болѣе выгоднымъ остановиться на той сторонѣ своей дѣятельности, которая открывала широкое поле для изображенія трагическими чертами страданій, борьбы и, наконецъ, сладкихъ минутъ торжества, роли, и роли политической, имѣвшей entourage и едва ли не посланниковъ. Послѣ такой выгодной позиціи, г. Герценъ переходитъ на другую, также не безъ удобствъ: всѣ темныя стороны, указанныя нами въ общемъ типѣ русскихъ заграничныхъ просвѣтителей, онъ принимаетъ на себя и выступаетъ со страстною защитой своей личности, побужденій и цѣлей.

Вынужденные вступить въ личную сферу, мы подчиняемся этому крайне неохотно: ни въ первой, ни въ теперешней статьѣ мы не желали посягать ни на чью личность, а тѣмъ болѣе обращаться ко внутреннему міру русскихъ эмигрантовъ и изслѣдовать ихъ сокровенныя побужденія и разчеты съ совѣстію. Объ этомъ мірѣ судить очень трудно, особенно людямъ живущимъ въ одно время, пропитаннымъ симпатіями и враждой различныхъ мнѣній и дѣятельностей. Мы держались лишь фактовъ, и теперь будемъ отвѣчать г. Герцену только на основаніи тѣхъ явленій и результатовъ, которые видимы каждому, и о которыхъ говоритъ онъ самъ.

Прежде всего выскажемъ, что мы никогда не смѣшивали издателя *Колокола* съ большею частію другихъ русскихъ эмигрантовъ, поучающихъ издалека русскій народъ. Какъ ни печальна, а въ послѣдствіи, какъ ни вредна была его дѣятельность, нельзя однакоже не признать въ немъ многихъ весьма счастливыхъ даровъ, которые, при другихъ условіяхъ, могли бы дать прекрасные плоды. Его *Письма объ изученіи природы*, *Кто виноватъ*, *Записки Крупова*, многія главы *Былого и Думъ* показали, чего можно было бы ожидать отъ него, еслибъ онъ продолжалъ истинный трудъ и работу и не промѣнялъ

своихъ даровъ на мелкую монету проповѣдника и агитатора; нельзя не признать въ немъ и извѣстной искренности мягкій и страстной жажды къ дѣятельности, увлекавшихъ его неудержимо и приведшихъ къ концу, котораго онъ, конечно, не ожидалъ и не желалъ вначалѣ.

Но признаваемыя нами достоинства автора *Кто виноватъ* не мѣшаютъ намъ видѣть въ немъ воспитанника сороковыхъ годовъ, отвлеченнаго утописта, знакомаго съ общими задачами и логическими требованіями, но не съ частными условіями дѣйствительности (конечно, менѣе привлекательными и звучными, но составляющими почву жизни и великихъ, и малыхъ людей, и частныхъ лицъ, и народныхъ группъ) и считавшаго возможнымъ и необходимымъ полное приложеніе своихъ неопредѣленныхъ грезъ и стремленій. Люди сороковыхъ годовъ, имѣя мало непосредственной практической дѣятельности, вообще больше думали и мечтали о человѣчествѣ нежели о людяхъ, стремились жить общею міровою жизнію, страдать страданіями массъ, любили много говорить, поклонялись чужимъ и еще болѣе своимъ бойкимъ и краснымъ словамъ, хотя, нужно сказать, умѣли говорить хорошо, восторженно и нерѣдко художественно. Бѣдствія французскихъ рабочихъ, неудачи парижскихъ соціалистовъ и демократовъ, ошибки франкфуртскаго парламента, пораженіе италіянскихъ революціонеровъ, несчастія Кошута, паденіе проектовъ Луи-Блана вызывали у нихъ глубокую скорбь, приводили въ отчаяніе, разрушали вѣру въ будущее. Люди этой эпохи отличались еще одною чертой: не имѣя предъ собою печальныхъ опытовъ позднѣйшихъ революцій: французской, италіянской, испанской, германскихъ, они слишкомъ надѣялись на революціонные пути, и думали, что стóитъ только овладѣть движеніемъ, стать во главѣ его, и возможно вдохнуть въ массы новую мысль, новый строй жизни и добиться сразу всѣхъ вожделѣнныхъ цѣлей свободы и цивилизаціи. Впрочемъ, эта черта была болѣе западно-европейская, перешедшая къ намъ по простому займу.

Указанныя свойства въ полной мѣрѣ отразились на г. Герценѣ, а его страстная натура развила ихъ во всей крайности, и осталась при нихъ до конца, несмотря ни на какіе позднѣйшіе опыты и разочарованія. Мало того. Слабыя стороны людей сороковыхъ годовъ, съ теченіемъ времени, стали преобладать у него надъ сторонами свѣтлыми: жажда дѣйствовать

на массы, стоять на пьедесталѣ реформатора, бойца и мученика, страсть увлекаться фразой, представлять незначительныя событія въ трагическомъ видѣ, сближать свои личныя положенія съ ходомъ исторической жизни, разростались у него тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе жизнь заявляла новыя условія и требованія. Въ доказательство вѣрности, по крайней мѣрѣ относительной, предложенной характеристики, позволимъ себѣ привести одну сцену, описанную самимъ г. Герценомъ. Въ 45 и 46 годахъ нѣкоторые Русскіе, за отсутствіемъ поприща для соціальныхъ бурь у себя дома, стали искать его на чужбинѣ. Понятно, что г. Герценъ, при своемъ настроеніи и положеніи, былъ изъ числа первыхъ; въ 1847 году онъ былъ уже въ Парижѣ и принималъ участіе въ тамошнихъ радикальныхъ газетахъ и демократическихъ движеніяхъ. Правительство Франціи, установившееся послѣ удаленія Луи-Филиппа, не удовлетворило ожиданій радикаловъ и соціалистовъ; въ числѣ недовольныхъ былъ и г. Герценъ, который, послѣ страстнаго увлеченія разнаго рода сходками и рѣчами Пьера Леру и père Cabet, оставилъ Парижъ и уѣхалъ къ матери своей, жившей въ Ville d'Avray, недалеко отъ Парижа. Но послушаемъ далѣе самого г. Герцена: (*Fragments des mémoires*, 13 Iuin 1849):

„Утромъ 12-го іюня приходитъ ко мнѣ одинъ Русскій; онъ былъ въ возбужденномъ состояніи, говорилъ о приготовляющейся въ Парижѣ демонстраціи, о несомнѣнномъ ея успѣхѣ, о славѣ ожидавшей дѣятелей; я отвѣчалъ, что ему извѣстно мое мнѣніе о положеніи вещей во Франціи, и что *мнѣ кажется нелѣпымъ участвовать въ движеніи* безъ всякой вѣры въ него, и притомъ съ людьми, съ которыми у меня не было ничего общаго.

„Экзальтированный агитаторъ возразилъ, что, безъ сомнѣнія, гораздо спокойнѣе и безопаснѣе писать у себя дома небольшія скоптическія статьи нежели рисковать, вмѣстѣ съ другими, *за всеобщую свободу, солидарность народовъ и многія другія* прекрасныя вещи.

„Эти слова пробудили во мнѣ скверное чувство (mauvais sentiment), которое приводило и будетъ приводить къ ошибкамъ и даже преступленіямъ.

„— Почему же ты полагаешь, что я не пойду? сказалъ я.

„— Я заключилъ это изъ твоихъ словъ.

„— Я сказалъ, что участіе въ демонстраціи было бы глупостію, но я не говорилъ, что я никогда не дѣлаю глупостей.

„— Вотъ наконецъ ты пробуждаешься, отвѣчалъ агитаторъ,— въ такомъ видѣ ты мнѣ нравишься. Не будемъ же терять

времени и тотчасъ отправляемся въ Парижъ. Сегодня вечеромъ соберутся въ 9 часовъ въ кафе Lamblin въ Palais-Royal.

„Въ кофейнѣ мы застали обыкновенныхъ и необходимыхъ участниковъ всѣхъ политическихъ уличныхъ движеній, такъ-называемыхъ хористовъ революціи, этихъ вѣчныхъ и *несчастныхъ любовниковъ революціонной Пенелопы*, составляющихъ фонъ и картину декораціи, страшныхъ лишь издали, какъ драгуны изъ папье-маше, которыхъ употребляютъ Китайцы.

„Среди такого сорта людей есть очень добрые, смѣлые, искренно преданные, готовые идти противъ пули, и тѣмъ безкорыстнѣе, что обыкновенно не знаютъ вовсе куда идутъ и какою дорогой; эти добрые люди рѣдко выходятъ изъ небольшаго круга политическихъ идей, отличаются строгимъ выполненіемъ всѣхъ агитаціонныхъ формъ и обрядовъ и увлекаются главнымъ образомъ внѣшнею, реторическою стороной революціоннаго священнодѣйствія.

„За разрядомъ наивныхъ людей слѣдовалъ другой, состоявшій изъ всѣхъ вообще недовольныхъ, не достигшихъ карьеры, съ большимъ самолюбіемъ и претензіями; и безъ соотвѣтственныхъ способностей и настойчивости.... Видимая легкость, съ которою возникаютъ во времена революцій знаменитости, привлекаетъ ихъ, и они бросаются въ дѣятельную агитацію. Жизнь въ кофейняхъ и клубахъ обольстительна, полна движенія, льститъ самолюбію и не обязываетъ ни къ чему!

„Оба эти класса людей представляютъ политическихъ лаззарони, необходимую пѣну революціи, праздную и безплодную, для которой волненіе само по себѣ составляетъ цѣль и награду. Говоря о нихъ, я далекъ отъ мысли смѣшивать ихъ *съ тѣми великими работниками будущаго, горячими апостолами независимости, мучениками любви къ ближнему, которыхъ не побѣждаютъ ни тюрьмы, ни бѣдность, ни изгнаніе. Они люди исторіи, двигатели человѣчества, они даютъ революціямъ мысль и душу, и отъ степени силы и вліянія ихъ зависитъ успѣхъ революцій.*

„Въ кофейнѣ Ламблена собравшіеся граждане сидѣли за небольшими столами, пили пиво изъ большихъ и малыхъ кружекъ, и бросали мрачные и многозначительные взгляды изъ-подъ широкихъ краевъ своихъ калабрійскихъ шляпъ. Здѣсь я узналъ, что собраніе не имѣетъ ни центра, ни плана и программы движенія. Вдохновеніе должно было сойти съ неба. Единственный пунктъ, въ которомъ были согласны, состоялъ въ томъ чтобъ идти *въ сборъ и безъ оружія*. Послѣ долгихъ споровъ рѣшились наконецъ собраться на завтра утромъ въ 8 часовъ и идти на бульваръ Bonne Nouvelle, противъ Chateau d'Eau, и затѣмъ толпа отправилась въ редакцію *la Vrai republique*.

„Редактора и шефа движенія не было, онъ отправился къ „монтаньярамъ“ за инструкціями; мы застали тамъ въ большой полуосвѣщенной залѣ около 20 лицъ, большею частію

Поляковъ и Нѣмцевъ. Мой товарищъ Русскій взялъ листъ бумаги, *написалъ отъ имени эмигрантовъ всѣхъ странъ протестъ противъ занятія Рима и объявленіе*, что они примутъ участіе въ общемъ движеніи. Протестъ былъ прочтенъ, и всѣ поспѣшили обезсмертить свои имена и подписаться подъ нимъ.

„Въ это время возвратился шефъ, усталый, печальный, и съ видомъ, въ которомъ просвѣчивало желаніе показать что ему извѣстно многое, но что долгъ заставляетъ его молчать.

„— Граждане, вскричалъ онъ,—*la montagne est en permanance!* Послѣ этого развѣ возможно сомнѣніе въ успѣхѣ?

„Мой товарищъ вручилъ шефу *протестъ отъ имени общеевропейской демократіи*; онъ прочелъ его и отвѣчалъ:

„— *Очень хорошо, очень хорошо, Франція благодаритъ васъ.* Но къ чему эти подписи?

„Многіе настаивали на ихъ опубликованіи.

„— Извините, граждане, но я не могу взять такой отвѣтственности на себя; я лучше знаю съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло,— и съ этимъ словомъ бросилъ листъ съ подписями въ огонь.

„Когда мы вышли изъ редакціи, сталъ разсвѣтать день; толпа гаменовъ и несчастныхъ женщинъ въ лохмотьяхъ стояла и сидѣла на тротуарахъ предъ различными редакціями, ожидая газетъ, одни для складыванія ихъ, другіе для разноски по окраинамъ Парижа. Остальное населеніе Парижа еще не просыпалось.

„Все было молчаливо и пусто, изрѣдка только попадались патрули національной гвардіи и нѣсколько городскихъ сержантовъ съ мрачными лицами.

„— Какъ спокойно и беззаботно спитъ городъ, сказалъ мой товарищъ,—не предчувствуя урагана, который его разбудитъ.

„Къ восьми часамъ мы пришли на назначенный бульваръ, гдѣ застали уже разныя группы народа, которыя съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидали начала дѣйствій.

„Толпа непрерывно увеличивалась, и къ десяти часамъ уже было около 25.000 человѣкъ.

„По временамъ раздавались крики: *Vive la république!* часто произносились увѣщанія не обращаться къ оружію:

„*Суверенный народъ долженъ мирно и торжественно заявлять свою волю и не давать врагамъ повода къ обвиненіямъ и угрозамъ!*“

„Наконецъ стали формировать колонны. Иностранцевъ помѣстили непосредственно за шефами, какъ почетную фалангу. Въ числѣ шефовъ были Араго, Бастидъ и другія знаменитости 1848 г. Мы выступили съ пѣснію *Marseillaise*.

„Когда мы пришли къ тому мѣсту, гдѣ улица Мира упирается въ бульваръ, мы увидѣли, что улица была заперта венсенскими стрѣлками. При нашемъ приближеніи они разступились, и вдали показался Шангарнье, верхомъ на небольшой лошади и направлявшійся на насъ съ эскадрономъ драгунъ.

„Безъ всякаго предупрежденія, безъ соблюденія всѣхъ предписываемыхъ въ такихъ случаяхъ формъ, Шангарнье приказалъ драгунамъ очистить улицу. Драгуны бросились на насъ, поражая направо и налѣво ударами плашмя сабель при малѣйшемъ сопротивленіи.

„Мгновенно я очутился предъ лошадью, фыркнувшею мнѣ въ лицо, и драгуномъ, грозившимъ ударомъ. Я бросился направо, толпа увлекла меня и прижала. Изъ всей нашей фаланги одинъ Штрюбингъ (Германецъ) былъ подлѣ меня. Въ такомъ положеніи, Араго перескочилъ въ улицу Basse de Rempart, и вслѣдъ за нимъ другіе и я. Съ бѣшенствомъ мы посмотрѣли другъ на друга. Штрюбингъ оглянулся и закричалъ: „къ оружію, къ оружію!“ Какъ вдругъ одинъ блузникъ схватилъ его за воротникъ и толкнулъ въ сторону. „Что вы „дѣлаете,“ сказалъ онъ, „сумашедшій! Посмотрите, цѣлый лѣсъ „штыковъ! Спасайтесь, пока васъ не услышали и не отрѣза„ли дороги. Все потеряно!“ И съ этимъ словомъ онъ сжалъ кулакъ и быстро удалился, напѣвая пѣсенку, какъ ни въ чемъ не бывало.

„Убитые, негодующіе, мы дошли до площади Согласія и разошлись. Демонстрація не удалась, Гора была побѣждена; но пораженіе произошло не вслѣдствіе нерѣшительности вождей, не отъ слабости силъ, а отъ бѣдности внутренней. Гора не имѣла полнаго убѣжденія въ своемъ призваніи, не обладала всею глубиной идей и не въ силахъ была предложить реформу вполнѣ новую и истинную, которая вдохновила бы и соединила всѣхъ.

„Послѣ 13-го іюня въ Парижѣ и попытки возстанія въ Лионѣ, начались аресты, ревизіи. Тюрьмы наполнились обвиненными и заподозрѣнными. Не имѣя никакого желанія воспользоваться тюремнымъ комфортомъ, я досталъ молдо-валахскій паспортъ и съ нимъ, послѣ разныхъ препятствій и приключеній, добрался до Женевы.“

Намъ рѣдко случалось встрѣчать страницы, въ которыхъ авторъ, думая изображать другихъ, представилъ бы такія живыя и полныя черты своего собственнаго портрета.

Нельзя не подивиться въ настоящемъ случаѣ способности русскаго человѣка становиться въ ложное положеніе. Неужели у себя дома мало было дѣла, чтобъ идти на чужбину, попасть подъ копыта драгунской лошади, перескакивать въ улицу, подвергаться полицейскимъ ревизіямъ, перемѣнять свое имя, вступать въ сдѣлки съ сержантами.... и все это „безъ вѣры въ затѣянное дѣло“, съ сознаніемъ полнаго разъединенія съ своими случайными сподвижниками! Конечно, можно сказать, что въ это время на родинѣ никакая дѣятельность по-сердцу не была возможна! Но еслибъ это

было и такъ, въ чемъ мы сомнѣваемся, то судя сколько-нибудь здраво, было бы гораздо достойнѣе и даже полезнѣе сидѣть дома сложа руки, или даже барабанить пальцами по окну, нежели бросаться въ ребяческую роль, хотя бы и рука объ руку съ такими знаменитостями какъ Араго.

Страсть драматизировать свое положеніе, долгая привычка смотрѣть на себя какъ на вѣстника и вождя новой жизни обнаруживается у г. Герцена даже въ нынѣшнемъ прощальномъ его словѣ съ читателями *Колокола*. Несмотря на сознаніе своего безсилія и отчужденія отъ русскаго общества, онъ изображаетъ себя „піонеромъ", „раннимъ свѣтилемъ", „наслѣдникомъ великихъ бойцовъ свободы", „хранителемъ и защитникомъ русскаго народа". Эти скромныя наименованія убѣждаютъ насъ еще разъ, какъ легко быть творцомъ собственнаго величія.

Таково наше воззрѣніе на дѣятельность редактора *Колокола;* высказывая его, мы этимъ самымъ желали бы убѣдить г. Герцена, что темныя черты, найденныя нами въ общемъ типѣ русскихъ заграничныхъ дѣятелей, которыя онъ принялъ добровольно и безъ достаточныхъ основаній на себя, нисколько не относятся къ его личности исключительно. Мы не усваивали этихъ чертъ не только г. Герцену, но и никому изъ эмигрантовъ въ частности и даже вообще не имѣли въ виду изслѣдовать точную истину приводимыхъ нами фактовъ. Мы желали только объяснить причины упадка русской заграничной печати и въ числѣ ихъ указали на пререканія, разоблаченія и клеветы, которыми люди одного лагеря осыпаютъ другъ друга. Эти факты взяты нами изъ заграничныхъ русскихъ изданій, въ родѣ пресловутой берлинской брошюры *Русскіе заграничные дѣятели 1867 года*, *Тайны Нигилиста* и многихъ другихъ. Да и самые процессы П. Долгорукова съ княземъ Воронцовымъ и парижскими издателями представляютъ въ настоящемъ случаѣ богатый матеріалъ. Пусть всѣ эти факты будутъ ложью и клеветой, охотно вѣримъ и даже весьма рады тому. Но дѣло въ томъ, что коль скоро въ какой-либо партіи или кружкѣ исчезаетъ взаимное уваженіе, и члены ихъ начинаютъ злословить другъ друга, это вѣрный знакъ, что партія разлагается, мельчаетъ и теряетъ свое нравственное значеніе и вліяніе. Мы хотѣли доказать только эту мысль и, кажется, достигли своей цѣли.

Но довольно о личностяхъ и личной сторонѣ дѣла. Обра-

тимся къ общимъ вопросамъ, въ которыхъ г. Герценъ хочетъ объясниться и оправдаться: они гораздо важнѣе и любопытнѣе.

Издатель *Колокола* весьма огорчился тѣмъ что мы сочли вліяніе его пропаганды вреднымъ, спрашиваетъ, „гдѣ же жертвы, которыхъ онъ посылалъ на гибель“, проситъ указать хотя на одну, solo solissimo, и вспоминаетъ при этомъ о петербургскихъ пожарахъ, Михайловѣ, какихъ-то офицерахъ, которыхъ онъ даже удерживалъ отъ ихъ несчастныхъ затѣй.

Ни о какихъ петербургскихъ пожарахъ, а равно и объ отдѣльныхъ лицахъ въ настоящемъ случаѣ мы не упоминали и даже не думали; тѣмъ не менѣе утверждаемъ, что пропаганда г. Герцена систематически сбивала многихъ изъ нашей молодежи. Не нужно понимать гибели въ ограниченномъ смыслѣ, какъ дѣлаетъ это издатель *Колокола*, говоря, напримѣръ, о Михайловѣ. Погибли и потерялись не только отдѣльныя лица, но цѣлые разряды лицъ; погибли не одни тѣ, кого несчастная судьба увлекла къ преступнымъ затѣямъ, но несравненно большее число такихъ (и это важнѣе), которые, подъ вліяніемъ жалкихъ идей и страстной агитаціи, отвыкли отъ труда, лишились способности понимать дѣйствительность, приносить ей свою долю пользы и тратятъ жизнь и средства въ безплодныхъ шатаніяхъ по разнымъ концамъ свѣта. А такихъ было довольно; остатки есть еще и нынѣ; для доказательства достаточно взглянуть хоть бы и въ одну изъ людныхъ кофеенъ Женевы; тамъ можно встрѣтить не только мущинъ, но и дѣвицъ, бросившихъ тихій и вѣрный пріютъ своей семьи и свою скромную роль и, отправившихся, подъ призывные звуки *Колокола*, искать неосуществимыхъ благъ. И какую тягостную жизнь ведутъ онѣ!

Не мало было людей, въ чистотѣ и искренности которыхъ не сомнѣвался и самъ г. Герценъ (по крайней мѣрѣ во время своего пребыванія въ Россіи), и которые старались убѣдить его въ ложности и вредѣ избранной имъ дороги. Но всѣ факты и доказательства были напрасны: они исчезали предъ тою минутною ролью редактора *Колокола*, которую создали ему время и обстоятельства; принимая ее за плодъ собственной личности и непогрѣшимости своихъ ученій, онъ, забрасывая возражателей насмѣшками и бранью, не потрудился прислушаться къ чужому голосу и спокойно посмотрѣть на результаты своей дѣятельности.

Конечно, издатель *Колокола* можетъ сказать (онъ такъ и дѣлаетъ теперь), *что онъ не навязывалъ своихъ убѣжденій и служилъ лишь центромъ свободнаго слова и мысли.* Согласны! Но отъ этого не было легче ни легковѣрнымъ поклонникамъ, ни русскому обществу, терявшему свои свѣжія и полныя надеждъ силы. Да ужъ если высказывать нашу мысль до конца, то въ существѣ дѣла пропаганда г. Герцена едва ли была и такъ наивна, какъ онъ старается представить ее, говоря, что у него былъ „не заговоръ, но типографія, свободныя двери для вольныхъ людей, и что онъ никого не подстрекалъ непосредственно"!

Издателю *Колокола* была извѣстна почва, на которой онъ работалъ: онъ зналъ, что главный контингентъ его учениковъ состоитъ изъ юношей, учившихся мало, или и совсѣмъ не учившихся, и не имѣвшихъ силъ отнестись критически къ его проповѣди; онъ могъ бы легко понять результаты, къ которымъ должны привести такихъ адептовъ страстныя и раздражающія поученія. И несмотря на то, рѣзкая и острая рѣчь редактора *Колокола* лилась, щедро расточая свои богатства! Мало того: она обращалась преимущественно, и съ нѣкоторою даже лестью, къ своимъ юнымъ слушателямъ, и увлекала ихъ увѣреніями, *что старое поколѣніе ни къ чему не способно, что въ однѣхъ молодыхъ силахъ лежатъ всѣ залоги будущаго Россіи, что чѣмъ свѣжее сердце, тѣмъ легче умъ отъ школьной тупой учености, тѣмъ рѣшительнѣе реформы и глубже разрывъ со старою жизнію, тѣмъ лучше....* И обольщенная молодежь, бросивъ трудъ и науку, противившись со всѣми преданіями и отношеніями жизни, шла, не отдавая себѣ отчета куда, и приходила туда, откуда не было возврата!...

Шелъ быстро и не оглядываясь и самъ г. Герценъ, увлекаемый своею природой, временемъ и самолюбіемъ, и не замѣчалъ, какъ отпадаютъ постепенно тѣ частицы родной земли, которыя, по словамъ одного панслависта (приводимымъ самимъ г. Герценомъ), онъ унесъ на своихъ стопахъ на чужбину, и незамѣтно оказался безъ всякой почвы, безъ пониманія истинныхъ потребностей и интересовъ Россіи, и наконецъ.... даже въ радахъ прямо враждебныхъ Россіи. Положеніе дѣйствительно трагическое!

Перейдемъ теперь къ вопросу польскому, на которомъ г. Герценъ останавливается съ особенною любовью. Редакторъ *Колокола* утверждаетъ, что въ дѣлахъ польскихъ онъ не

подчинялся чужому вліянію, оставаясь всегда самимъ собою, не возбуждалъ возстанія 1863 г., былъ даже противъ него, и наконецъ защищаетъ свое право сочувствовать судьбѣ Польши.

Нерѣдко случается, что люди бываютъ убѣждены въ своей самостоятельности особенно въ такія минуты, когда ими управляютъ другіе. Кажется, такой случай повторился здѣсь и съ г. Герценомъ. Для самостоятельнаго отношенія къ предмету прежде всего нужно знать предметъ. Издатель же *Колокола* знаетъ Польшу по разсказамъ эмигрантовъ, по рекламамъ Мѣрославскаго и К°, да по тѣмъ темнымъ и смутнымъ слухамъ и вѣстямъ о польскихъ дѣлахъ, которые ходили по Россіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Лучшимъ доказательствамъ бѣдности и односторонности представленій редактора *Колокола* о событіяхъ въ Польшѣ служитъ самъ *Колоколъ*, который повторялъ лишь, какъ вѣрное эхо, небывалыя или преувеличенныя исторіи, изобрѣтаемыя парижскою и краковскою печатью, приправляя ихъ страстными воззваніями, да горячими слезами.

Что касается *возбужденія*, то странно, что г. Герценъ понялъ такъ буквально наши слова. Неужели возбужденіе состоитъ только въ непосредственномъ подталкиваніи людей, или въ опредѣленныхъ обѣщаніяхъ? Да и въ чемъ могли быть эти обѣщанія? Вѣдь издатель *Колокола* не имѣлъ войска, не имѣлъ и какой-либо опредѣленной партіи, не былъ банкиромъ, не держалъ дипломатическихъ агентовъ и вообще не располагалъ такими силами, которыя могли имѣть осязательное вліяніе на ходъ возстанія. Понимая же *возбужденіе* въ болѣе широкомъ смыслѣ, вспоминая природу Поляковъ, способную вообще къ увлеченіямъ и вѣрѣ въ призраки и фантастическое, мы и здѣсь утверждаемъ, что непрерывный плачъ лондонскаго Іереміи о бѣдствіяхъ Польши, и смѣлыя увѣренія, которыми наполнены страницы *Колокола*, *о новомъ настроеніи русскаго образованнаго общества*, имѣли возбудительный характеръ и, конечно, въ извѣстной степени содѣйствовали поднятію оружія, хотя г. Герценъ и не хотѣлъ этого. Надѣемся, что редакторъ *Колокола* говорилъ рѣчи на могилахъ польскихъ не для одного лишь удовольствія, не ради простой потребности поговорить, *но разчитывая и желая быть услышанными!*

Г. Герценъ въ правѣ сочувствовать Польшѣ и кому бы то ни было. Онъ могъ молиться на чьихъ угодно могилахъ, могъ съ своей точки зрѣнія признавать Поляковъ угнетенными,

несчастными, а Русскихъ притѣснителями. Но мы также въ правѣ высказать свой взглядъ на эти симпатіи, и воспользуемся имъ теперь. Въ отношеніяхъ издателя *Колокола* къ польскому вопросу съ особенною силой рисуется отвлеченный утопистъ, увлекающійся скорѣе картинностію положенія и широтой замысловъ нежели истиннымъ положеніемъ дѣла. Что̀ и говорить: картина десятитысячныхъ торжественныхъ процессій и собраній, вдохновныхъ народныхъ гимновъ, колѣнопреклоненныхъ и плачущихъ польскихъ женъ и дѣвъ, страстныхъ юношей, идущихъ на вѣрную гибель,—несравненно поэтичнѣе и возвышеннѣе простыхъ явленій будничной жизни. Но приподнимемъ парадный занавѣсъ, и увидимъ нѣчто совсѣмъ другое; мы увидимъ, что изящныя страдалицы-хозяйки изощряютъ свой тонкій умъ для умноженія извѣстныхъ праздничныхъ натуральныхъ взносовъ и неумолимо собираютъ съ несчастныхъ крестьянокъ ихъ послѣднія яйца, куръ, грибы, орѣхи, полотно, нитки (и мн. др. статьи, на изобрѣтеніе которыхъ были такъ искусны и неутомимы *пожсондны господыни*). Увидимъ, что бойцы за свободу и независимость всѣми мѣрами противятся эмансипаціи, втихомолку сгоняютъ крестьянъ съ дворовъ и обрѣзываютъ ихъ земли; поддѣлываютъ десятками тысячъ подложные документы, съ помощію которыхъ попадаютъ въ ряды дворянства, свободнаго отъ податей и повинностей; увидимъ посредниковъ (въ первое время они были изъ Поляковъ), возбуждающихъ страсти крестьянъ, искусно и коварно накликающихъ на нихъ военныя экзекуціи (мы могли бы указать даже имена, и не одиночныя, а заурядъ) и сѣкущихъ крестьянъ за отказъ принять несоразмѣрно высокій выкупъ земли. Увидимъ, что сторона угнетенная, которую лишаютъ права (по словамъ г. Герцена) говорить и молиться на родномъ языкѣ, не только говоритъ и молится на немъ, но пропагандируя всѣми способами, даже насиліемъ, заставляетъ крестьянъ забывать свой языкъ, говорить по-польски, и перекрещиваетъ ихъ въ католицизмъ. Мы увидимъ, что несчастные четырнадцати-лѣтніе герои мальчики были слѣпыми орудіями, мало сознававшими конецъ, который ихъ ожидаетъ; наставники свѣтскіе и духовные увлекали ихъ завѣдомо ложными разказами о страшныхъ силахъ возстанія, объ его успѣхахъ, о всеобщей европейской коалиціи противъ Россіи; эти пастыри и учители, снаряжая своихъ

адептовъ въ банды, обрекая ихъ всякаго рода лишеніямъ и бѣдствіямъ, оставались однакоже сами въ теплыхъ гнѣздахъ, въ богатыхъ дворахъ помѣщиковъ и кляшторовъ, снабженныхъ всѣми удобствами и нерѣдко роскошью жизни. Могли бы мы показать и еще другія картины этой оборотной стороны дѣла, но не всякія картины удобно показывать, да къ тому же самъ издатель *Колокола* зналъ ихъ когда-то хорошо; пусть вспомнитъ хоть бы и *Сороку-Воровку*. Во всякомъ случаѣ всего не перечтетъ и не разкажетъ; чтобы понять и оцѣнить истинное положеніе дѣлъ, нужно забыть объ общихъ фразахъ, юношескихъ грезахъ сороковыхъ годовъ, о корреспонденціяхъ *Opinion Nationale* и *Часа* и пожить непосредственно въ той средѣ, о которой идетъ рѣчь.

Особенно любопытно въ настоящемъ случаѣ то, что издатель *Колокола* представляетъ Поляковъ стороною безсильною и загнанною, которая нуждается въ его защитѣ, русскую же прессу врагомъ всесильнымъ и неограниченнымъ, возбуждающимъ страсти и направляющимъ карающую власть на воплощенную невинность! Какое заблужденіе! Да извѣстно ли г. Герцену, что Поляки говорятъ о своей дружбѣ съ *Колоколомъ* только съ молодыми и неопытными людьми; съ лицами же сильными отрекаются отъ этой связи. Да и на что̀ она имъ? Въ ихъ рукахъ силы и нити болѣе могущественныя и сокровенныя; они дѣйствовали и дѣйствуютъ изъ пунктовъ гораздо высшихъ и рѣшительныхъ. Стóитъ посмотрѣть только какъ разрастаются и ликуютъ *Вѣсть* и *Новое Время*, давая знать, что наступили или близятся *времена и обстоятельства благопріятныя*. (Бываютъ странныя превращенія! Могъ ли кто-либо, не исключая и самого г. Герцена, думать въ срединѣ сороковыхъ годовъ, что авторъ *Кто виноватъ?* попадетъ подъ одну кровлю съ гг. Скарятинымъ, Юматовымъ, Киркоромъ и братіею? Куда заводятъ фразы и ложная роль!) *Вѣсть* же и *Новое Время*, ничтожныя сами по себѣ, важны какъ термометръ другихъ, болѣе могущественныхъ силъ природы, и ихъ пророчества не всегда обманчивы. Для убѣжденія въ степени силы польской стороны, мы предлагаемъ г. Герцену слѣдить за однимъ только вопросомъ (но не по корреспонденціямъ *Часа*), хоть бы напримѣръ за разверстаніемъ земель, о которомъ теперь постоянно идетъ рѣчь. Вопросъ этотъ существенный, отъ его разрѣшенія будутъ зависѣть и дѣйствительные результаты самой эманципаціи крестьянъ въ

сѣверо-западной и юго-западной Россіи; пусть по окончаніи его издатель *Колокола* скажетъ, что̀ привлекательнѣе и достойнѣе сочувствія: рыдающія ли и молящіяся жены и дѣвы, или вѣчно-печальный и убогій бѣлорусскій крестьянинъ?

Г. Герценъ сильно огорчился нашимъ сомнѣніемъ въ его призваніи защитника Россіи и Русскихъ, и указываетъ на свою *постоянную роль и страстную преданность Россіи*. Каждый можетъ быть преданнымъ и любить по-своему; *но иная любовь тяжеле вражды для предмета страсти*. Истинная преданность и любовь всегда соединены съ уваженіемъ не только къ свѣтлымъ сторонамъ, но даже и къ извѣстнымъ человѣческимъ слабостямъ любимаго лица. Этого-то уваженія къ Россіи мы и не замѣтили въ дѣятельности издателя *Колокола*. Ни одно имя, ни одно дѣло, если только они не соотвѣтствовали вполнѣ воззрѣніямъ г. Герцена, не встрѣчали у него истиннаго признанія заслугъ, снисхожденія къ невольнымъ погрѣшностямъ.

Между множествомъ доказательствъ, укажемъ хоть на два дѣла. Извѣстно, что издатель *Колокола* старался сблизиться съ нашими старовѣрами и раскольниками. И что̀ же встрѣтили эти люди, простые душой, бѣдные просвѣщеніемъ, богатые предразсудками, но здоровыя, сильныя и глубоко русскія натуры? Не вниманіе къ своему положенію, не участіе къ своему малому знанію и глубокой вѣрѣ, а безжалостную насмѣшку и кощунство надъ своими лучшими вѣрованіями и отношеніями! Не помнимъ гдѣ было напечатано (недавно) письмо одного почтеннаго раскольника, разказывавшаго съ ужасомъ и негодованіемъ о своемъ свиданіи и переговорахъ съ г. Герценомъ въ Лондонѣ.

Другой примѣръ, совершенно свѣжій. Недавно вышла книга, изданная Ю. Самаринымъ: *Окраины Россіи*. И личность, и вся дѣятельность г. Самарина, и самая эта книга извѣстны всей Россіи и совершенно справедливо оцѣнены ею; знаетъ хорошо г. Самарина и редакторъ *Колокола*. Судя по направленію и задачамъ г. Герцена, о которыхъ онъ объявляетъ постоянно и громко, слѣдовало бы думать, что онъ отнесется къ книгѣ, изданной г. Самаринымъ, съ извѣстнымъ уваженіемъ. Ничуть не бывало. Отдавая отчетъ о ней, въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Колокола*, онъ слегка упоминаетъ о Латышахъ и Эстахъ, объ эстляндскихъ баронахъ, но главныя строки наполняетъ насмѣшками надъ православіемъ г.

Самарина, обзывая его *le révérend père* и т. п., и находитъ даже возможнымъ упрекать г. Самарина въ томъ, что и русскіе помѣщики поступали не лучше остзейскихъ бароновъ. Вопервыхъ, это послѣднее увѣреніе несправедливо; систематическаго обезземеленія крестьянъ, цѣлыми массами, нигдѣ не было въ Россіи: на этомъ легальномъ полѣ отличились только бароны и тѣ польскія жертвы, которымъ такъ братски сочувствуетъ г. Герценъ. А вовторыхъ, чѣмъ виноватъ г. Самаринъ (болѣе, напримѣръ, самого издателя *Колокола*) за грѣхи крѣпостнаго права и за всѣ его бѣдствія (существовавшія, впрочемъ, вездѣ, въ цѣлой Европѣ, гдѣ только было крѣпостное право)?

Таковы главные пункты объясненій издателя *Колокола* съ своими недругами. Въ концѣ г. Герценъ спрашиваетъ, почему нападаютъ на его личность и не спорятъ съ нимъ о принципахъ? Причину мы указали еще въ началѣ нашей статьи; люди занятые не могутъ же спорить о томъ, что̀ отжило свой вѣкъ и порѣшено и жизнію, и мыслію. Убѣжденный, что соціализмъ есть сила еще живая, съ богатою будущностію, издатель *Колокола* ссылается на недавніе конгрессы рабочихъ въ Брюсселѣ, Женевѣ, на движенія рабочихъ въ Германіи и, прибавимъ отъ себя, даже въ Парижѣ и Испаніи (на дняхъ рабочіе германскіе посылали адресъ рабочимъ испанскимъ, исполненный разнаго рода пожеланій и совѣтовъ). Указанные факты не имѣютъ однакоже того значенія, которое старается дать имъ г. Герценъ.

Въ международномъ собраніи рабочихъ въ Брюсселѣ, дѣйствительно, трактовали о вопросахъ, занимавшихъ тогда соціалистовъ; но принятыя имъ рѣшенія не имѣютъ ничего общаго съ фантасмагоріями Луи-Блана и К°. Было подобное же собраніе и въ Женевѣ, этомъ сборномъ пунктѣ разнообразныхъ лицъ и мнѣній, гдѣ найдутся всякаго рода матеріалы, и гдѣ возможно устроить какое угодно собраніе. Но именно легкость женевскихъ собраній лишаетъ ихъ всякаго значенія, и нынѣшнія собранія женевскихъ рабочихъ мало чѣмъ отличаются отъ послѣдняго бернскаго конгресса Мира, осмѣяннаго всею серіозною западно-европейскою печатью. На собраніи рабочихъ въ Германіи, бывшемъ недавно, кажется, въ Гамбургѣ или въ Кельнѣ, дѣйствительно выступилъ одинъ изъ учениковъ покойнаго

Лассаля, но былъ ошиканъ и осмѣянъ, и собраніе рѣшило высказать свое сочувствіе къ дѣятельности Шульце-Делича; что же касается адреса германскихъ рабочихъ къ своимъ собратіямъ въ Испаніи, то едва ли онъ можетъ доказывать что-либо въ глазахъ и самого г. Герцена.

На нынѣшнихъ соціалистическихъ движеніяхъ во Франціи мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько долѣе.

Въ Парижѣ, послѣ недавняго незначительнаго расширенія права сходокъ, начали осенью составляться собранія; первыя изъ нихъ, по своему тону и предметамъ обсужденій, въ самомъ дѣлѣ походили на клубы 1848 года, особенно бывшія въ залахъ de la Redoute, Près aux Clercs, Vieux Chêne; въ нихъ произносились такого рода фразы; *Tous travaillant selon leurs forces et recevant selon leurs besoins! Tous les biens, tous les instruments de travail mis en commun et devenant propriété de l'Etat,* * а на одномъ изъ нихъ выступила слабая, небольшаго роста женщина, и съ чрезвычайною энергіей сказала: *La propriété est plus qu'un vol, c'est un assassinat!* ** За первыми собраніями послѣдовали новыя, имѣвшія болѣе опредѣленныя задачи; они обсуждали спеціальные вопросы о банкахъ, о статутахъ синдикальныхъ камеръ для рабочихъ (des statuts pour la formation de chambres syndicales ouvriéres), о ввозныхъ городскихъ пошлинахъ (des octrois). Весьма возможно, что сходки и этого рода, отличавшіяся спокойнымъ и практическимъ характеромъ, вдались бы въ послѣдствіи въ крайности и приблизились бы къ своимъ прототипамъ 1848 года. Но слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что въ Парижѣ существуютъ серіозныя соціалистическія стремленія?

Мы этого не думаемъ, и приписываемъ нынѣшнія броженія парижскихъ рабочихъ искусственнымъ возбужденіямъ, отчасти невиннымъ, а отчасти и умышленнымъ. Первымъ виновникомъ въ настоящемъ случаѣ является само французское правительство, которое своими мѣрами и затѣями даетъ постоянно новую пищу для соціалистическихъ фантазій. Постройки префекта Гауссмана, учрежденіе премій для бѣдныхъ, заведеніе государственно-общественныхъ пекарень и

---

* Всѣ работаютъ сообразно своимъ силамъ и получаютъ вознагражденіе сообразно своимъ нуждамъ. Всѣ имущества и орудія труда, соединенныя въ общее, составляютъ собственность государства.

** Собственность болѣе чѣмъ воровство; она есть убійство!

т. под. суть не что̀ иное какъ соціалистическія предпріятія. Такъ понимаютъ дѣятельность г. Гауссмана и сами Парижане, какъ это видно изъ недавняго протеста парижскихъ домовладѣльцевъ и собственниковъ противъ системы г. Гауссмана относительно найма рабочихъ, покупки матеріаловъ, печатанія объявленій о цѣнахъ на подряды, системы, совершенно убившей предпріимчивость частныхъ строителей. Если даже и согласиться, что г. Гауссманъ поддерживаетъ соціализмъ вполнѣ невинно, то есть основаніе думать что въ нынѣшнихъ осеннихъ сходкахъ рабочихъ французское правительство принимало участіе съ болѣе сознательными цѣлями.

Извѣстно какъ пошатнулось теперешнее французское правительство въ общественномъ мнѣніи, какъ оно озабочено предстоящими общими выборами депутатовъ въ законодательную палату, и какъ необходимо для него принять мѣры для укрѣпленія своего положенія. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что среди всеобщаго недовольства оно рѣшилось, между прочимъ, обратиться и къ возбужденію сходокъ рабочихъ и къ постановкѣ на сходкахъ вопросовъ и рѣшеній соціалистическаго характера, чтобы напугать собственниковъ и рентьеровъ и привлечь ихъ на свою сторону. По крайней мѣрѣ такого рода подозрѣнія высказываетъ весьма часто французская печать, и весьма недавно мы прочли въ *Journal des Débats*, что въ Парижѣ, въ послѣднее время, на улицахъ и въ кофейняхъ, только и слышатся разговоры въ слѣдующемъ родѣ:

— Eh bien! les avez-vous lus?

— Qui?

— Les journaux radicaux. Les avez-vous entendus?

— Qui?

— Les orateurs des clubs, du Prés-aux-Clercs et de la Redoute?

— Et après?

— Ah! après j'espère, qu'après cela vous n'irez pas voter pour l'opposition, et que vous tâcherez de fortifier *le gouvernement pour qu'il nous defende!* *

„Tel est le jeu des amis du gouvernement!“ прибавляетъ редакція *Journal des Débats.* **

* —Читали ли вы?—Что?—Радикальные журналы. Слышали ли вы ихъ?—Кого?—Ораторовъ клубовъ.—Такъ что жъ?—Надѣюсь, что послѣ этого вы не подадите своего голоса въ пользу оппозиціи и постараетесь поддержать правительство, чтобъ оно насъ защитило!

** Такова игра, которую ведутъ друзья правительства!

Судя по многимъ даннымъ, трудно не признать догадокъ и подозрѣній французской печати весьма близкими къ истинѣ.

Оканчиваемъ нашу замѣтку съ надеждою, что новыя прощанія г. Герцена съ его друзьями и врагами не поставятъ насъ въ необходимость вступить еще разъ въ объясненія и полемику, крайне тягостныя. Подъ первою статьей мы выставили только первую букву нашей фамиліи. Но въ своей послѣдней статьѣ издатель *Колокола*, столь чувствительный къ собственной чести, допустилъ относительно насъ предположенія и инсинуаціи такія произвольныя и гадательныя, что мы сочли себя обязанными подписаться полнымъ именемъ: этимъ самымъ мы беремъ на себя полную отвѣтственность за содержаніе настоящей статьи и открываемъ г. Герцену возможность высказать подозрѣнія болѣе опредѣленно, если они имѣются.

Н. РЕННЕНКАМПФЪ.

Венеція, 1869 г. январь 2 го.

ЧЕЛОВѢКЪ
РОЖДЕННЫЙ БЫТЬ КОРОЛЕМЪ

ПОВѢСТЬ ВЪ СТИХАХЪ

ИЗЪ ПОЭМЫ УИЛЛЬЯМА МОРРИСА: „ЗЕМНОЙ РАЙ."

Лѣтъ десять тому назадъ Уильямъ Моррисъ, авторъ переведенной мною повѣсти, выступилъ въ первый разъ, какъ писатель, со сборникомъ стихотвореній подъ заглавіемъ: „Defence of Gaenevere and other Poems". Сборникъ этотъ не обратилъ на себя особеннаго вниманія публики. Несмотря на несомнѣнныя поэтическія достоинства, книга, составленная изъ нѣсколькихъ, большею частью не очень большихъ, разказовъ, ни въ какомъ случаѣ не могла подготовить англійскую публику къ тому сильному впечатлѣнію, какое произвело на нее явившееся въ 1867 году второе поэтическое произведеніе Морриса: *Жизнь и Смерть Язона* („The Life and Death of Jason"). Въ этомъ эпосѣ поэтъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за жизнью своего героя, начиная съ его дѣтства до той роковой минуты, когда онъ погибаетъ, раздавленный развалившимся килемъ его корабля *Арго*. Поэтъ разказываетъ съ малѣйшими подробностями всю исторію подвиговъ Язона, всѣ перенесенныя имъ бѣдствія, его торжество и, наконецъ, его невѣрность Медеѣ, играющей, разумѣется, не послѣднюю роль въ поэмѣ. „Въ исполненіи задуманнаго плана, обнимающаго личности столь величавыя и дѣйствіе исполненное такихъ удивительныхъ приключеній", говоритъ критикъ *Атенея*, „Уильямъ Моррисъ выказалъ поэтическія качества, рѣдкія сами по себѣ, и особенно рѣдкія въ наше время, когда поэты, наравнѣ съ другими художниками, такъ любятъ приноравливаться

ko вкусу публики въ дѣлѣ изящнаго искусства. Намъ пришлось бы вернуться на четверть столѣтія назадъ, чтобы найти поэтическое произведеніе равныхъ достоинствъ съ этимъ,—произведеніе, которое обнаруживало бы въ авторѣ такую же мощь фантазіи и такое же близкое знакомство со всѣмъ что̀ касается избраннаго имъ предмета. Моррисъ изображаетъ духъ, нравы, мѣстности древней Греціи съ такою отчетливостью, какъ будто бы онъ самъ былъ однимъ изъ числа Грековъ. Разказывая легенды классическаго періода, онъ исполненъ къ нимъ такой задушевности, такой дѣтски-наивной вѣры въ ихъ дѣйствительность, что въ этомъ отношеніи вполнѣ уподобляется Фроассару, относившемуся съ такимъ же простодушіемъ къ сказаніямъ средневѣковаго рыцарства." „Во всемъ благородномъ сонмѣ нашихъ поэтовъ", говоритъ, въ свою очередь, критикъ поэмы въ *Fortnightly Review*, „не было еще втораго повѣствователя равнаго Чоусеру, нѣтъ и не было второго рапсода, котораго можно бы было поставить рядомъ съ нимъ, до появленія Морриса. Рѣдко, да и то лишь въ періодѣ балладъ и рыцарскихъ романовъ, писались такія поэмы какъ эта,—поэмы столь широкихъ размѣровъ и, вмѣстѣ, столь грустныя и простыя, такъ сильно проникнутыя глубокимъ, неподдѣльнымъ жаромъ, прямо ведущимъ къ своей цѣли, безъ уклоненій, безъ ошибки." Таковы были отзывы рецензентовъ этихъ двухъ критическихъ журналовъ; съ такими же похвалами отозвались о *Язонѣ* и всѣ прочіе журналы. Три изданія въ теченіе одного года свидѣтельствовали, что восторженныя похвалы критиковъ не были преувеличены.

Но не успѣло ослабѣть глубокое впечатлѣніе, произведенное на публику *Язономъ*, какъ вотъ, въ прошломъ 1868 году, является третья поэма того же автора или, вѣрнѣе сказать, цѣлый рядъ поэмъ, составляющихъ вмѣстѣ около 20.000 стиховъ. „Такая плодовитость", сказано въ *Атенеѣ*, „могла бы показаться чѣмъ-то подозрительнымъ, такъ какъ быстрый ростъ не всегда вѣрное ручательство за доброкачественность продукта; но въ настоящемъ случаѣ можно положительно сказать, что это удивительное плодородіе указываетъ не на низшее достоинство жатвы, а единственно на дивныя богатства почвы, съ которой поэтъ собралъ жатву."

Эта послѣдняя поэма, достигшая, подобно *Язону*, третьяго изданія въ теченіе одного года, называется *Земной Рай* („The Earthly Paradise"). Она составлена изъ легендъ, заимствованныхъ частію изъ классическаго, частію изъ средневѣковаго періодовъ, замкнутыхъ въ раму, относящуюся къ позднѣйшему времени. „Нѣсколько человѣкъ дворянъ и моряковъ норвежскихъ", говоритъ поэтъ въ прологѣ къ своей поэмѣ, „сообразивъ все что̀ они слыхали о существованіи земнаго рая, пускаются въ море искать его, и послѣ многихъ бѣдствій, по прошествіи долгаго времени, достигаютъ, уже престарѣлые, какой-то страны на западѣ, о существованіи которой они

никогда не слыхали." Не найдя Счастливыхъ Острововъ, того баснословнаго Авалона, о которомъ такъ много разсказывалось поэтами, несчастные пловцы, изнуренные всякаго рода бѣдствіями, разочаровавшись въ своихъ надеждахъ, находятъ по крайней мѣрѣ нѣкоторое себѣ утѣшеніе въ томъ гостепріимствѣ, съ какимъ они были приняты властителями этихъ странъ невѣдомаго міра. Въ благодарность за это, странники не только дѣлятся съ своими гостепріимными хозяевами плодами своей политической опытности, но и разсказываютъ имъ, дважды въ каждый мѣсяцъ, въ дни торжественныхъ праздниковъ, чудныя сказанія, заимствованныя то изъ дальняго сѣвера своей родины, то изъ тѣхъ благодатныхъ странъ юга, миѳологія которыхъ была первобытною поэзіей Европы.

Здѣсь нѣтъ возможности сдѣлать подробный разборъ этихъ 12-ти разсказовъ (изданная книга составляетъ лишь первую часть всей поэмы и обнимаетъ шесть мѣсяцевъ года); замѣтимъ только, что тѣ же поэтическія достоинства, которыми въ такой высокой степени отличается поэма о Язонѣ, обнаружены авторомъ и въ *Зеленомъ Раѣ*, и съ тою еще выгодой, что разнообразіе темъ дало поэту возможность выказать всѣ эти качества еще полнѣе и шире. „Поэтическій трудъ, подобный совершенному Моррисомъ, будучи выполненъ даже съ посредственными способностями", заканчиваетъ рецензентъ *Атенея*, „былъ бы изумителенъ по одной уже своей громадности. Но произведеніе Морриса, проявляющее такія высокія качества генія, такія неистощимыя богатства въ изобрѣтеніи, такую силу фантазіи, проникающей въ бытіе не только человѣческихъ, но и сверхъестественныхъ дѣятелей; такое произведеніе, выказывающее столько глубокаго пзеоса, столько живой силы въ описаніяхъ и столько тонкаго чутья относительно всего прекраснаго — есть созданіе, которымъ, по справедливости, можетъ гордиться творецъ его, и за которое всѣ любители англійской поэзіи останутся навсегда ему благодарны."

Переведенный мною разсказъ изъ *Земнаго Рая* есть второй въ ряду 12-ти разсказовъ этой поэмы. Самъ по себѣ онъ составляетъ блестящій, всею свѣжестью жизни цвѣтущій романъ, исполненный приключеній и перипетій всякаго рода и въ то же время соединяющій въ себѣ всѣ качества какъ бы достовѣрной исторіи. Отъ души желаю, чтобы переводъ мой оставилъ въ читателяхъ хоть часть того обаятельнаго впечатлѣнія, какое производитъ въ читающихъ этотъ разсказъ въ оригиналѣ.

Переводчикъ.

Въ одной странѣ далекой, встарь
Жилъ-былъ могучій государь.
Богатъ и славенъ, гордъ и смѣлъ,
Обширнымъ краемъ онъ владѣлъ
И такъ имъ мирно управлялъ,
Что вѣкъ его счастливымъ звалъ, —
Тотъ вѣкъ, въ который королей
Тревоги войнъ и мятежей
Ввергали въ ужасъ и позоръ.

И сталъ его блестящій дворъ
Живымъ разсадникомъ наукъ:
Король учености былъ другъ,
И вотъ со всѣхъ концовъ земли
Къ нему ученые текли,
Затѣмъ что доступъ въ домъ къ нему
Не возбранялся никому.
И просвѣтилъ король свой умъ
Среди мужей высокихъ думъ.
За то и не одна земля
Подъ мудрый скипетръ короля
Своею волей поддалась,
Грозой усобицъ тяготясь.

Случилось какъ-то, что [illegible]
Великій праздникъ властелинъ
Въ порфирѣ царской и въ вѣнцѣ
Давалъ на славу пиръ въ дворцѣ.
Предъ нимъ подъ сводомъ древнихъ залъ
Соборъ ученыхъ возсѣдалъ
Въ чести, въ почетѣ безъ границъ.
Вдругъ посреди знакомыхъ лицъ
Того ученаго кружка
Король замѣтилъ старика
Съ лицомъ столь блѣднымъ и худымъ,
Что, мнилось, много лѣтъ надъ нимъ

Уже промчалось: такъ онъ былъ
Годами сгорбленъ, дряхлъ и хилъ!
Но несмотря на то, изъ глазъ,
Глубоко-впалыхъ, каждый разъ,
Когда онъ взглядывалъ, сверкалъ
Лучъ свѣта, острый какъ кинжалъ.
Угрюмъ, таинственъ, молчаливъ,
Сидѣлъ, двухъ словъ не проронивъ,
Старикъ суровый. И король,
Хотя былъ юноша, но столь
Искусенъ мысль въ сердцахъ читать,
Что онъ не могъ не замѣчать,
Съ какой улыбкой странный гость
Глядѣлъ на всѣхъ, какъ будто злость
Въ немъ пробуждалъ весь этотъ дворъ,
И какъ бросалъ онъ вѣщій взоръ
На короля, какъ бы хотѣлъ
Изречь ему его удѣлъ.
И пожелалъ король узнать,
Что̀ хочетъ гость ему сказать.
И вотъ, когда былъ пиръ свершонъ,
Позвалъ къ престолу гостя онъ;
И лишь къ монарху гость предсталъ,—
„Привѣтъ тебѣ!“ король сказалъ:
„Открой, кто родомъ ты? откуль?
И въ чемъ твоя на свѣтѣ роль?
Поешь ли въ звучныхъ ты стихахъ
О славныхъ прежнихъ временахъ?
О грозныхъ битвахъ древнихъ лѣтъ?
Иль изучаешь ходъ планетъ?
Иль камня ищешь мудрецовъ?
Иль воскрешаешь мертвецовъ
И долгій вѣкъ даруешь намъ,
Какого ты достигнулъ самъ?
Скажи мнѣ, словомъ, съ чѣмъ сюда
Пришелъ, гдѣ мудрые всегда
Пріятны намъ?“
„Мой умъ постигъ
Не многое!“ сказалъ старикъ.
„Хоть, правда, ужь не мало лѣтъ

Бреду я той дорогой бѣдъ,
Что сводитъ мудрыхъ въ мракъ могилъ,
И хоть въ награду за весь палъ
Постигнуть тайну звѣздныхъ книгъ
Мнѣ жизни мудрой далъ лишь миг,—
Однако все я не мудрѣй
Чѣмъ былъ и въ юности моей,
Когда я пасъ овецъ межъ горъ.
Явился жь я предъ царскій взоръ
Затѣмъ, чтобъ возвѣстить тебѣ
О будущей твоей судьбѣ.
Ее давно я изучилъ,
Когда, вникая въ ходъ свѣтилъ,
Горѣлъ душой порвать союзъ
Съ симъ бреннымъ тѣломъ, сбросить грузъ
Цѣпей позора и стыда
И смерти медленной. Тогда,
Читая въ книгѣ звѣздъ святыхъ
О нашихъ жребіяхъ земныхъ,
Я прочиталъ и жребій твой,
И вызналъ, кто на тронъ златой
Возсядетъ вслѣдъ тебѣ.“
„Ну что жь!
Когда слова твои не ложь,“
Сказалъ король ему, „открой,
Что прочиталъ ты въ книгѣ той?“

„Король“, отвѣтилъ магъ, „твой родъ,
Не прерываясь, къ намъ идетъ
Изъ мглы сѣдыхъ временъ; но, вѣрь,
Прерваться долженъ онъ теперь.
Въ той звѣздной книгѣ я прочелъ,
Что тотъ, кто сядетъ на престолъ,
Когда падетъ твоя семья, —
Не выше родомъ чѣмъ и я,
Чьихъ дѣдовъ врядъ ли помнитъ кто,
Отца жь не чествовалъ никто.“

„Пусть такъ!“ сказалъ король ему:
„Но слушай, магъ! Чтобъ твоему

Вполнѣ я слову вѣрить могъ,
Представить долженъ ты залогъ
Правдивости рѣчей своихъ.
Скажи: о чемъ изъ всѣхъ живыхъ
Я знаю въ мірѣ лишь одинъ?
Скажи, и я, твой властелинъ,
Тебя прославлю, выше всѣхъ
Поставлю звѣздочетовъ тѣхъ."

„Такъ удали жь своихъ рабовъ,"
Сказалъ мудрецъ,—„и я готовъ
Наединѣ съ тобой развить
Твоей судьбы грядущей нить.
Повѣришь мнѣ — я буду радъ,
А не повѣришь — тоже радъ!
Наградъ не нужно мнѣ! Твой дворъ
Не можетъ ослѣпить мой взоръ;
Да и тебя едва ль прельститъ
Сѣдаго старца жалкій видъ."

А тотъ: „Согласенъ! Господа,
Оставьте насъ. Въ мои сада
Я удаляюсь, чтобы въ грудь
Прохладу вечера вдохнуть
И вызнать то что̀ изучалъ
Мой гость таинственный."
Сказалъ,
И вышелъ съ магомъ въ темный садъ
Въ аллею, полную прохладъ.
И тамъ въ тѣни густыхъ оливъ
Такъ началъ, къ магу взоръ склонивъ:
„Здѣсь съ глаза на глазъ можешь мнѣ
Открыть свой дикій бредъ вполнѣ,
И примешь въ даръ изъ рукъ моихъ
Цѣпь изъ каменьевъ дорогихъ."

„Ты обманулся," магъ въ отвѣтъ,
„Считая рѣчь мою за бредъ.
Такъ будь же мудръ, и что̀ судьбы
Тебѣ готовятъ, безъ борьбы

Прими безропотно, страшась
Порвать таинственную связь
Тебя опутавшихъ тенётъ.
Король! Свершится скоро годъ
Съ тѣхъ поръ какъ здѣсь, въ палящій зной,
Подъ той оливою густой,
Стоялъ Антоній и пріялъ
Тобою поданный фіялъ,
Вокругъ сверкавшій жемчугомъ,
И выпилъ острый ядъ съ виномъ,—
Антоній, тотъ твой вѣрный другъ,
Что̀ изъ числа надежныхъ слугъ
Одинъ лишь вѣдалъ, какъ въ бою
Погибъ отважный маршалъ Хью,
Имъ завлеченный въ мглѣ ночей,
Согласно съ волею твоей,
Въ засаду, гдѣ и палъ отъ пикъ.“

„Такъ въ эту тайну ты проникъ!“
Вскричалъ король, блѣднѣя весь.
„Но что̀, когда я крикну здѣсь:
— Схватить измѣнника! Въ бою
Онъ посягнулъ на жизнь мою! —
Тогда въ мгновенье сто мечей
Вонзятся въ грудь твою, злодѣй!“

„О, государь!“ сказалъ мудрецъ:
„Не страшенъ мнѣ такой конецъ;
Къ тому жь и смерть моя, повѣрь,
Придетъ за мною не теперь.
Я старъ, и смерти грозный видъ
Меня отнюдь не устрашитъ.
Прощай же, гордый! Счастливъ будь,
Могучъ и здравъ! Но не забудь
Того что̀ слышалъ отъ меня.
Не бойся впрочемъ, если я
Проникъ въ ту тайну. Навсегда
Иду я въ за́мокъ свой, — туда,
Гдѣ онъ, среди скалистыхъ кручъ,
Въ горахъ возносится до тучъ,
Гдѣ гордо носится орелъ

И за добычей мчится въ долъ.
Тамъ я, какъ царственный мудрецъ,
Живу межь пастырей овецъ,
Которымъ, правда, ты знакомъ
По имени; но врядъ ли громъ
Твоихъ, властитель, славныхъ дѣлъ
Доходитъ въ мирный ихъ предѣлъ."

Сказалъ, и обратясь спиной,
Пошелъ къ палатѣ пировой,
И, презирая, гордъ и тихъ,
Толпу придворныхъ, хохотъ ихъ,
Покинулъ дворъ и стольный градъ,
Стремясь въ свой дальній край назадъ.
За нимъ явился и король,
Съ тоской, невѣдомой дотоль,
Склонивъ померкшій взоръ къ землѣ,
И съ мрачной думой на челѣ.
Уже не въ радость былъ ему
Блескъ ослѣпительный въ дому,
И объ одномъ лишь думалъ онъ,—
О томъ, кому назначенъ тронъ.

Но время мчалось, и въ концѣ
Король забылъ о мудрецѣ.
Онъ жилъ счастливѣй всѣхъ царей
И взялъ изъ царскихъ дочерей
Въ супруги, цѣль своей мечты,
Принцессу чудной красоты.
И вотъ протекъ почти ужъ годъ
Со дня ихъ свадьбы; нѣжный плодъ
Зрѣлъ въ чревѣ матери, какъ разъ,
Подъ осень, въ ранній утра часъ,
Поѣхалъ съ свитою своей
Онъ въ темный лѣсъ травить вепрей,
Волковъ и ланей, и была
Его охота весела.
Когда жъ смеркаться началъ день
И въ лѣсъ густой спустилась тѣнь,
Вдругъ псами поднятъ былъ олень,

Краса и честь станицы всей.
Король сталъ громко звать псарей,
Рѣшившись, несмотря на мракъ
И сырость вечера, никакъ
Не упустить его, пока
Не поразитъ ему бока.
Въ рогъ протрубивъ и шпоры давъ
Коню могучему, стремглавъ
Пустился онъ сквозь дебрь и дичь
Вослѣдъ за лучшей изъ добычъ.
Такъ мчался много миль король
По пнямъ, по рытвинамъ, доколь
Не воцарилась всюду ночь.
И стало всаднику не въ мочь
Скакать во мглѣ, и никого
Не оставалось близь него:
Давно ужь обогналъ онъ вмигъ
Всѣхъ лучшихъ всадниковъ своихъ.

Тогда, при блескѣ яркихъ звѣздъ,
Мерцавшихъ сквозь вѣтвей окрестъ,
Онъ оглянулся; но кругомъ
Все стихло въ сумракѣ ночномъ.
Напрасно въ мракъ онъ взоръ вперялъ,
Взоръ ничего не различалъ.
Коня умѣривъ быстрый бѣгъ,
Рѣшился онъ искать ночлегъ
И ждать въ лѣсу разсвѣта дня.
И для того, спрыгнувъ съ коня,
Онъ сталъ ощупывать во мглѣ,
Гдѣ мягче листья на землѣ.
И вотъ, покуда онъ рукой
Межь пнями шарилъ въ мглѣ густой,
Вдругъ померещился ему
Между деревьями сквозь тьму
Вдали мелькавшій огонекъ.
Къ нему направилъ путь ѣздокъ,
Въ надеждѣ той, что онъ достигъ
Избушки, гдѣ живетъ лѣсникъ,
И гдѣ, быть-можетъ, онъ найдетъ
Ночлегъ и ужинъ безъ хлопотъ.

Итакъ, за поводъ взявъ коня,
Онъ ощупью отъ пня до пня
Сталъ продираться сквозь кусты,
Пока блеснулъ изъ темноты
Огонь желанный, и пока
Предстала хата лѣсника.
Въ полурастворенную дверь
Изъ хаты въ темный лѣсъ теперь
Струился свѣтъ, которымъ онъ
Былъ издалека привлеченъ.
Онъ къ ней спѣшитъ; но лишь ногой
Ступилъ на лугъ передъ избой,
Какъ по травѣ мелькнула тѣнь,
И на порогѣ сталъ подъ сѣнь
Громадный парень вдалекѣ,
Держа огромный сукъ въ рукѣ,
Какъ бы готовясь поразить
Того кто смѣлъ къ нему ступить.
Но прежде чѣмъ онъ поднялъ сукъ,
Король вскричалъ: „Здорово, другъ!
Позволь мнѣ ночь съ тобой провесть
И дай чего-нибудь поѣсть.“

„Ну, нѣтъ!“ отвѣтилъ парень. „Мнѣ
Не до гостей; моей женѣ
Пришло родить, и врядъ ли ей
Дожить до утреннихъ лучей.
Но вонъ сарай моихъословъ,
Они пасутся средь луговъ;
Такъ не хотите ли вы тамъ
Уснуть? А я добуду вамъ
Вина, и хлѣба, и воды.“

„Спасибо, другъ мой, за труды!“
Король отвѣтилъ: „но въ долгу
Я не останусь.“
„Ни гу-гу
Объ этомъ!“ былъ отвѣтъ. „Къ зарѣ
Я горя жду, а къ той порѣ
Ужъ будетъ мнѣ не до наградъ.“

Тутъ въ хату онъ пошелъ назадъ
И вынесъ хлѣба каравай,
Воды и водки, и въ сарай,
Гдѣ былъ соломой устланъ полъ,
Неся фонарь, пришельца ввелъ.
Потомъ, вполголоса творя
Молитву Ave, отъ царя
Онъ отвернулся и его
Въ хлѣву оставилъ одного.

Король, на силу проглотивъ
Прогорклый хлѣбъ и утоливъ
Виномъ зеленымъ жажду дня,
Самъ привязалъ къ столбу коня
И на соломѣ близь него
Уснулъ, не помня ничего.

Но черезъ часъ проснулся онъ,
Внезапнымъ громомъ пробужденъ.
Какъ эхо дальнее въ горахъ,
Раздался крикъ въ его ушахъ:
„Возьми! возьми!“ и смолкнулъ вмигъ,
Какъ сонъ безличный, страшный крикъ.
Дрожа отъ ужаса, король
Воспрянулъ съ ложа и, дотоль
Не знавшій страха, за эфесъ
Схвативши мечъ свой, черный лѣсъ
Сталъ обходить. Но все кругомъ
Молчало въ сумракѣ ночномъ;
Лишь крикъ изъ хаты лѣсника
Порой летѣлъ издалека,
Да лѣсъ шумѣлъ въ ночной глуши,
Вселяя ужасъ въ глубь души.

Тогда, окутавшись плащомъ,
Онъ легъ опять, и крѣпкимъ сномъ
Заснулъ, и снова вся въ немъ кровь
Застыла въ ужасѣ, и вновь
Въ ушахъ послышались слова:
„Отдай! отдай!“ Но, какъ сперва,

Не могъ дознаться онъ, кто смѣлъ
Ихъ произнесть. Онъ въ страхѣ сѣлъ,
Вкругъ озираясь до тѣхъ поръ,
Пока его усталый взоръ
Могъ отличать стволы деревъ,
При блескѣ звѣздъ, отъ мглы лѣсовъ.
Тогда заснулъ онъ въ тишинѣ
И долго спалъ. Но и во снѣ
Ему все грезилось, что онъ
Не спитъ и также заключенъ
Въ сарай; что будто поутру
Къ его печальному одру
Пришелъ старикъ, гость прежнихъ дней,
Который сталъ еще дряхлѣй,
И будто, наклонясь надъ нимъ,
Сказалъ съ усмѣшкой, съ видомъ злымъ:
„Возьмешь, отдашь ли—нужды нѣтъ!
Сейчасъ родившійся на свѣтъ,
Во что̀ бъ ни стало, долженъ сѣсть
На твой престолъ—тебѣ не въ честь.“

При звукѣ этихъ страшныхъ словъ
Король вскочилъ съ соломы вновь
И взоръ уставилъ въ лѣсъ опять,
Гдѣ и не думалъ день свѣтать.
Насильно гналъ онъ сонъ отъ глазъ,
Полночныхъ призраковъ страшась.
Но думъ мучительныхъ полетъ
И утомленье отъ охотъ
Его клонили къ сну, и онъ
Еще разъ погрузился въ сонъ,
И спалъ до той поры безъ грезъ,
Пока въ верхахъ густыхъ березъ
Блестнуло утро въ серебрѣ.
Тогда, продрогнувъ на зарѣ,
Король проснулся и въ мечтахъ,
О смыслѣ скрытомъ въ этихъ снахъ,
Пошелъ къ избушкѣ лѣсника.

И онъ находитъ бѣдняка
Въ ней на колѣняхъ, въ скорби злой,

Упавшаго на одръ нѣмой,
Гдѣ, недвижима и блѣдна,
Лежала мертвая жена,
И гдѣ, межъ мертвой и живымъ,
Прекрасенъ, свѣжъ, какъ херувимъ,
Новорожденный мальчикъ спалъ.
Король въ дверяхъ въ раздумьи сталъ,
Чтобъ не мѣшать отцу; но тотъ
Не примѣчалъ его приходъ
И горько плакалъ. Между тѣмъ
Король стоялъ, отъ злобы нѣмъ:
Ему тутъ бросился въ глаза
Его злодѣй, его гроза.
И чѣмъ онъ долѣе смотрѣлъ,
Тѣмъ пущей яростью кипѣлъ
Въ немъ духъ, и ярость крѣпла въ немъ
При видѣ парня въ горѣ зломъ.
Онъ думалъ съ бѣшенствомъ, что вотъ,
Прервется древній царскій родъ,
Что ужь послѣдній въ родѣ онъ,
Что тотъ, кому назначенъ тронъ,
Кѣмъ свергнется онъ съ высоты,
Возникъ, о, срамъ! изъ нищеты
Въ пріютѣ бѣдности, куда
Не входитъ радость никогда.

Здѣсь на соломѣ, недвижимъ,
Лежалъ бездушный трупъ предъ нимъ.
Лишь въ дверь лучъ свѣта проникалъ
Въ избу и грустно освѣщалъ
Избитый глиняный въ ней полъ,
Постель на шаткихъ козлахъ, столъ,
Да вмѣсто стульевъ два-три пня;
Котелъ висѣвшій у огня;
Горшокъ съ похлебкой для больной,
Не тронутый ея рукой;
Стаканъ изъ дерева, сундукъ;
Въ углу кленовый старый лукъ
И подлѣ лука три стрѣлы
Съ тупымъ желѣзомъ, тяжелы

И безобразны, да клюку:
Вотъ все что̀ Богъ далъ бѣднаку!

О! долго будешь помнить ты,
Король, пріютъ сей нищеты
И эти стѣны, и не разъ
Ты вспомнишь съ ужасомъ тотъ часъ,
Когда увидѣлъ предъ собой,
Какъ слезы горькія рѣкой
Лились на нищенскій тулупъ,
Наброшенный на этотъ трупъ;
Какъ убивался, въ горѣ дикъ,
Надъ мертвой женщиной лѣсникъ,
И какъ, покинутый вполнѣ,
Ребенокъ плакалъ въ тишинѣ,—
Твой злѣйшій врагъ, кому сужденъ
Удѣлъ высокій сѣсть на тронъ!

Пока смотрѣлъ на эту голь
И бѣдность грязную король,—
Вдали раздался звукъ роговъ,
И онъ узналъ знакомый зовъ;
И вскорѣ сталъ еще слышнѣй
Крикъ приближавшихся псарей.
Тогда, прижавши рогъ къ губамъ,
Онъ рѣзкій позывъ подалъ самъ,
И лишь назадъ взглянулъ, какъ вотъ,
Сквозь чащу ломится народъ
И на поляну передъ нимъ
Выходитъ строемъ боевымъ,
И крикомъ радости живой
Его привѣтствуетъ весь строй.

Лѣсникъ, услыша криковъ гулъ,
Лицо къ прибывшимъ повернулъ,
И вставъ съ земли, своимъ глазамъ
Не вѣрилъ, видя здѣсь и тамъ
Вельможъ въ нарядахъ золотыхъ:
Такъ глупо онъ глядѣлъ на нихъ!
И вмигъ забывъ на сердцѣ боль,
Смекнулъ, что гость его—король.

Но гость: „Здорово, господа!
Откуда прибыли сюда?
А мнѣ вотъ добрый человѣкъ
Въ своей избушкѣ далъ ночлегъ
И угостилъ, чѣмъ Богъ послалъ.
За это долженъ мой вассалъ
Не только золотомъ однимъ
Быть награжденъ, но и другимъ
Ему обязанъ я помочь.
Онъ овдовѣлъ сегодня въ ночь,
И вотъ близь матери одинъ
Лежитъ его младенецъ-сынъ.
Хочу ребенка взять къ себѣ,
Чтобъ не погибъ онъ здѣсь въ избѣ,
Но чтобы въ бархатѣ ходилъ,
Изъ серебра и ѣлъ, и пилъ,
Носилъ мечъ острый при бедрѣ
И находился при дворѣ,
Служа вельможамъ, королямъ.
Ну что, пріятель, скажешь намъ
На это?“
„Сиръ!“ ему въ отвѣтъ
На то лѣсникъ. „Постылъ мнѣ свѣтъ
Съ тѣхъ поръ какъ Богъ, убивъ ее,
Убилъ и все мое житье.
Тебѣ перечить мнѣ ли смѣть!
Хотѣлось, правда, мнѣ имѣть
Сынка, помощника себѣ;
Да знать угодно такъ судьбѣ,
Чтобъ и его мнѣ не растить.
Пойду я по свѣту бродить:
На сѣверъ, западъ, на востокъ,
На югъ, — куда ни кинетъ рокъ,
Мнѣ все равно! Прости же мнѣ,
На томъ что не могу вполнѣ
Твою къ намъ милость оцѣнить
И за нее благодарить.“

Такъ говорилъ въ слезахъ лѣсникъ,
Но тотъ въ слова его не вникъ.

Онъ въ тайномъ трепетѣ пылалъ
Схватить того, въ комъ угадалъ
Черты заклятаго врага.
Былъ въ свитѣ преданный слуга—
Самьель. Король позвалъ его.
„Возьми ребенка; а того
Рукою щедрой награди,
Чтобъ легче могъ онъ на груди
Снесть злое горе и опять
Подругу по-сердцу сыскать.“

Лѣсникъ, червонцевъ слыша звонъ,
Вдругъ ободрился. Молча онъ
Взглянулъ на блѣдный трупъ, потомъ
На деньги съ радостнымъ лицомъ.
И грубо сшитый изъ досокъ,
Набитый сѣномъ коробокъ,
Гдѣ спало бѣдное дитя,
Нагнувшись, поднялъ онъ, креста,
И подалъ сквайру-старику;
А тотъ въ уплату лѣснику
Горсть денегъ на полъ передъ нимъ
Швырнулъ, и молча, съ видомъ злымъ,
Смотрѣлъ, какъ съ плачемъ дуралей
Считалъ монеты. На коней
Вскочивъ, тутъ всѣ пустились въ лѣсъ,
И вскорѣ изъ виду исчезъ
Бѣднякъ, убитый скорбью злой,
Съ его постылою избой.

Покинувъ хижину и дверь
Въ ней заперѣвъ, лѣсникъ теперь
Идетъ въ сосѣдній монастырь
Просить отцовъ прочесть псалтырь
И прахъ жены предать землѣ.
Когда жь послѣдній долгъ женѣ
Былъ отданъ, бѣдный человѣкъ
Покинулъ хижину на вѣкъ,
И счастья новаго искать
Ушелъ въ чужбину, гдѣ опять

Женился вскорѣ и забылъ
И лѣсъ родной, и домъ, гдѣ жилъ.

Межь тѣмъ, тревожныхъ полонъ думъ,
Не въ духѣ, мраченъ и угрюмъ,
Чрезъ лѣсъ по просѣкѣ король
Скакалъ со свитою дотоль,
Пока предъ взоромъ короля
Открылись ровныя поля.
Здѣсь изъ лѣсной трущобы вдругъ
Пошла дорога черезъ лугъ,
И съ луга вѣресковъ густыхъ
Вела на мостикъ изъ гнилыхъ
Деревъ, поверженныхъ въ потокъ,
Который былъ бурливъ, глубокъ.
Въ глазахъ царя тутъ свѣтъ блеснулъ
Назадъ на сквайра онъ взглянулъ,
И мечъ сжимая отъ стыда,
Сказалъ: „Ступайте, господа!
Знакома здѣсь дорога мнѣ,
И въ этой мирной сторонѣ
Бояться нечего! Душа
Томится скукой; не спѣша
Домой поѣду межь полей.
Одинъ лишь съ ношею своей
Насъ будетъ графъ сопровождать.
Мнѣ жь кстати надобно сыскать
Кормилицу здѣсь на пути,
Чтобъ жизнь несчастному спасти:
Навѣрно здѣсь у шумныхъ водъ
Такая женщина живетъ.
У ней пусть будетъ онъ въ дому
До той поры, когда ему
Настанетъ возрастъ добывать
Богатство, славу, и, какъ знать,
Быть-можетъ, даже лордомъ стать.“

Сказалъ, и внизъ потупилъ взоръ.
Межь тѣмъ, пустясь во весь опоръ,

Помчалась свита, а король
Коня удерживалъ дотоль,
Пока зеленый цвѣтъ ливрей
Сталъ незамѣтенъ для очей.
Потомъ средь блеска дня, въ пыли,
Слилися въ массу всѣ вдали,
И наконецъ исчезли съ глазъ,
Межь старыхъ ветелъ вихремъ мчась,
И только пыли столбъ одинъ
Путь означалъ ихъ средь равнинъ.

Тутъ обернулся онъ къ тому,
Что съ ношей ѣхалъ вслѣдъ ему,
И коробъ, гдѣ младенецъ спалъ,
Вновь осмотрѣлъ и увидалъ,
Чего не разглядѣлъ сперва,
На бѣломъ полѣ очеркъ льва:
Былъ красной краской онъ слегка
Написанъ съ боку коробка,
Какъ будто грубой кистью онъ
Когда-то былъ изображенъ
Въ гербѣ наслѣдственномъ, хотя
На сѣнѣ спавшее дитя
Не представляло ничего,
Что возвѣщало бъ родъ его.

Тогда сказалъ король: „Старикъ!
Давно мой древній родъ привыкъ
Въ тебѣ и прадѣдахъ твоихъ
Вѣрнѣйшихъ видѣть слугъ своихъ;
Ты волю нашу чтилъ всегда
Себѣ закономъ. Сквайръ! сюда
Приближься, и узнаешь то,
Чѣмъ наше сердце занято.“

Онъ дернулъ поводъ и самъ-другъ
Поѣхалъ съ сквайромъ черезъ лугъ.
И, душу обнаживъ, король
Излилъ предъ нимъ всю сердца боль,

Сказалъ о мудромъ старикѣ,
О грезахъ сна. Межь тѣмъ къ рѣкѣ
Они приблизились. „Но, нѣтъ!
Не можетъ сбыться этотъ бредъ!“
Король воскликнулъ. „Вѣрь же мнѣ,
Онъ здѣсь умчится по волнѣ!
Пусть этотъ коробъ будетъ чолнъ,
Или ковчегъ ему средь волнъ!
А если долженъ онъ мой родъ
Пресѣчь, пусть Богъ его спасетъ;
Но только рукъ въ крови его
Не омочу ни для кого!“

„Ты правъ!“ отвѣтилъ сквайръ ему:
„Весь грѣхъ я на душу приму,
И, если нужно, грѣхъ чернѣй
Готовъ принять я, какъ злодѣй.
Одно замѣтить мнѣ позволь:
Что, если какъ-нибудь, король,
Спасется онъ, и предъ тобой
Опять предстанетъ какъ живой?
Такъ ужь не лучше ль кончить съ нимъ,
Чѣмъ вѣчно ждать его живымъ?“

„Пусть будетъ такъ, какъ хочетъ рокъ!“
Король отвѣтилъ. „Лишь бы токъ
Теперь унесъ его ковчегъ;
А тамъ пускай могучій бѣгъ
Осеннихъ волнъ извергнетъ вонъ
Его изъ нѣдръ своихъ!“ Тутъ онъ
О мостъ услышалъ стукъ копытъ.
Перескакать онъ мостъ спѣшитъ,
И, переправясь чрезъ рѣку́,
Сдержалъ коня на всемъ скоку
И оглянулся. Злой старикъ
Средины моста ужь достигъ,
И, за барьеръ нагнувшись, вдругъ
Младенца выпустилъ изъ рукъ.
Король услышалъ, какъ палачъ
Ворчалъ, какъ мальчикъ поднялъ плачъ,

Вдругъ пробудясь при плескѣ волнъ;
И видѣлъ царь, какъ, словно челнъ,
Поплылъ ковчегъ его, кружась,
Но все жь на дно не погрузясь.

То видя, бѣдный нашъ король
Вдругъ усомнился, хорошо ль
Онъ сдѣлалъ, бросивъ коробъ такъ,
И не спасется ль слабый врагъ.
Но дѣло сдѣлано, и онъ,
Угрюмъ и въ думу погруженъ,
Домой поѣхалъ, на пути
Стараясь мысленно найти
Для думъ своихъ иную цѣль.
И онъ велитъ, чтобъ сквайръ Самьель
Съ нимъ ѣхалъ рядомъ, и была
У нихъ бесѣда весела
О разномъ вздорѣ, пустякахъ,
О чемъ толкуютъ при дворахъ.

Но лишь подъѣхали къ дворцу,
Какъ вотъ сбѣгаетъ по крыльцу
Къ нему навстрѣчу камергеръ,
Придворный старый лицемѣръ,
И сообщаетъ, что въ ту ночь,
Какъ былъ король въ отъѣздѣ, дочь
Ему далъ Богъ, и что она
Стройна, прекрасна и сильна.
Тогда, весь радость и восторгъ,
Покончилъ съ совѣстью онъ торгъ,
Забылъ свой сонъ, забылъ потокъ,
Куда былъ брошенъ коробокъ,
Забылъ объ этихъ пустякахъ,
О чемъ не помнятъ при дворахъ.

Такъ день прошелъ; такъ и года
Прошли средь счастья, средь труда
Полей отъѣзжихъ, средь интригъ,
Обычныхъ около владыкъ.

И вотъ четырнадцать годовъ
Минуло съ дня, какъ въ хлѣвъословъ
Войти онъ долженъ былъ, и въ немъ
Такъ былъ испуганъ страшнымъ сномъ.
И съ той поры зловѣщій сонъ
Вполнѣ забыть не могъ ужъ онъ
И вспоминалъ объ немъ не разъ
Въ безсонны ночи, когда глазъ
Не могъ сомкнуть, и до зари
Минуты тихо, тихо шли.

Сегодня жъ утромъ страшный сонъ
Себѣ не могъ припомнить онъ,—
Когда, услыша звукъ роговъ,
Бряцанье уздъ, лай громкій псовъ,
Король поѣхалъ къ той рѣкѣ,
Гдѣ брошенъ мальчикъ въ коробкѣ,
Смотрѣть на сизыхъ соколовъ
Въ полетѣ ихъ межь облаковъ.

Проѣхавъ съ милю, предъ собой
Онъ видитъ мельню надъ рѣкой,
И, чудной мѣстностью плѣненъ,
Туда со свитой ѣдетъ онъ.
Цвѣтутъ вкругъ мельницы сады;
Въ нихъ старыхъ яблоней ряды
Стоятъ съ плодами какъ лѣса;
И съ каждымъ взмахомъ колеса
Весь такъ и ходитъ ходуномъ
Красивой мукомольни домъ;
И подъ жужжанье жернововъ
На кровлѣ стаи голубковъ,
Погружены въ обычну лѣнь,
Безпечно дремлютъ цѣлый день;
И вкругъ сѣнныхъ стоговъ, въ тѣни,
Порхаютъ шумно воробьи.

Король, съ улыбкой на устахъ,
Остановился въ тѣхъ мѣстахъ.
Былъ день осенній, зной палилъ,
И потому король рѣшилъ

Откушать здѣсь, велѣвъ отвезть
На мельницу объ этомъ вѣсть.
Въ восторгѣ мельникъ шапку снялъ
И ловко стремя поддержалъ;
Когда жь монархъ съ коня скочилъ,
Хозяинъ гостя проводилъ
Чрезъ мостъ по ивовымъ доскамъ
(Ихъ напилилъ весной онъ самъ) —
Къ другому берегу, гдѣ въ тѣнь
Двухъ старыхъ яблонь, въ знойный день,
Высокій гость безпечно сѣлъ
И съ наслажденьемъ пилъ и ѣлъ.

И протѣснясь къ столу сквозь кругъ
Толпившихся придворныхъ слугъ,
Хозяинъ всѣмъ, чѣмъ лишь богатъ,
Былъ угостить монарха радъ:
Принесъ въ корзинѣ желтыхъ сливъ
И грушъ, которыхъ ужь наливъ
Осой отвѣданъ, и сотовъ,
И груду яблокъ всѣхъ сортовъ.

Глядя на мельника, въ тиши
Король смѣялся отъ души.
И точно, мельникъ былъ смѣшонъ:
Малъ ростомъ, съ носомъ какъ піонъ
И съ толстымъ брюхомъ, онъ имѣлъ
Сѣдые волосы какъ мѣлъ.
За то служившій мальчикъ съ нимъ
Прекрасенъ былъ какъ херувимъ.
Былъ чуденъ блескъ его очей
И золотистый шелкъ кудрей.
То, мнилось, самъ былъ Михаилъ,
Когда дракона онъ сразилъ,
Какъ на стѣнѣ собора онъ
Художникомъ изображенъ:
Такъ кротко мальчикъ тотъ глядѣлъ,
И взоръ его былъ также смѣлъ!

Слугу увидя, властелинъ
Тотчасъ смекнулъ, что онъ не сынъ

Простыхъ людей, и, обратясь,
Сказалъ онъ мельнику, смѣясь:
„Скажи, пріятель, не робѣй!
Вѣдь въ пыльной мельницѣ твоей
Большая барыня жила
И тайно сына родила?
Не такъ ли? Очень бы желалъ
Я видѣть тотъ оригиналъ,
Съ лица котораго онъ та
Такъ вѣрно копія снята?“

„О, сиръ!“ хозяинъ отвѣчалъ,
„Какъ знать, гдѣ тотъ оригиналъ?
Мою жь хозяйку я сейчасъ
Тебѣ представлю, не стыдясь.
А что до мальчика, то онъ
Не отъ жены моей рожденъ
И мнѣ не сынъ: его вдали
Отъ матери мы здѣсь нашли
Тому четырнадцать ужь лѣтъ—
Вотъ какъ старѣетъ быстро свѣтъ!“

Король, то́ слыша, вспомнилъ день
Давно минувшій; думы тѣнь
Мелькнула на его челѣ.
Но тутъ служившій при столѣ
Хозяинъ скрылся, и предъ нимъ
Стоялъ лишь отрокъ недвижимъ.
Взглянувъ на отрока того
И взоромъ встрѣтя взоръ его,
Король откинулся назадъ,
И въ ужасѣ, потупя взглядъ,
Поднесъ къ губамъ съ виномъ бокалъ,
Не зная что́ онъ осушалъ:
Вино, иль зелье бѣлены,
Дающей страшные намъ сны.

Когда жь отъ чаши золотой
Отвелъ онъ молча взоръ нѣмой,

Ужь мельникъ вновь стоялъ предъ нимъ,
И за хозяиномъ своимъ
Шла робко съ ношею въ рукахъ
Его хозяйка въ двухъ шагахъ.
Узрѣвъ старушку предъ собой,
Больную, съ черною косой,
И съ смуглостью ея сличивъ
Кудрей слуги златой отливъ
И глазъ его спокойный видъ,
И гордость устъ, и жаръ ланитъ, —
Король созналъ еще живѣй
Великій грѣхъ души своей.

„Жена! смѣлѣй, безъ всякой лжи,“
Такъ началъ мельникъ, „доложи
Его величеству о томъ,
Какъ было дѣло, чтобъ потомъ
Насъ, маленькихъ людей, никто
Напрасно не винилъ за то.“

„Разказъ мой кратокъ,“ та въ отвѣтъ.
„Четырнадцать сегодня лѣтъ
Минуло съ дня того, какъ разъ,
Съ базара поздно возвратясь,
Я берегомъ рѣки верхомъ
На мулѣ ѣхала въ нашъ домъ —
Стоялъ одинъ онъ почитай
Во всей странѣ, затѣмъ что край
Тогда былъ меньше населенъ
Чѣмъ нынче. Ѣду я, а сонъ
Такъ вотъ и клонитъ внизъ меня.
И задремала я, склоня
Къ корзинкамъ голову, какъ вмигъ
Въ рѣкѣ раздался слабый крикъ.
И я, поднявшись изъ сѣдла,
Замѣтить явственно могла,
Что это плачетъ мальчикъ нашъ,
Что̀ предъ тобой стоитъ какъ пажъ
Ребенокъ слабенькій, нагой,
Сейчасъ родившійся, въ простой

Вложенъ былъ коробъ, и въ рѣкѣ
Увязъ въ высокой осокѣ.
Жалѣя малое дитя,
Съ сѣдла я слѣзла, и бредя
Въ водѣ по пояса чрезъ потокъ,
Взяла промокшій коробокъ.
Голодный, слабый, чуть живой
Едва пищалъ найденышъ мой.

„Тогда на мельницу съ собой
Взяла я кладъ мой дорогой,
Его вскормила, сберегла
И словно мать ему была.
А какъ онъ былъ, Богъ знаетъ, чей,
Господь же не далъ намъ дѣтей,
То и считала я его
Вполнѣ за сына своего.
Сижу, бывало, у огня,
А онъ играетъ близь меня,
И любо мнѣ! И вотъ каковъ
Онъ сталъ въ четырнадцать годовъ!
Но, ахъ! мнѣ думалось тогда,
Что день настанетъ навсегда
Разстаться съ нимъ, затѣмъ что онъ
Не отъ простыхъ людей рожденъ
И слишкомъ ужъ высокъ для насъ.
Вотъ, государь, простой разказъ
Объ этомъ мальчикѣ! А звать
Его Михайломъ. Надо знать,
Что въ день Михайловъ найденъ онъ:
Вотъ почему такъ нареченъ.
Теперь взгляните, государь!
Мной сохраненъ и самый ларь,
Гдѣ былъ онъ найденъ.“

Тутъ она
Сняла покровъ изъ полотна.
Но прежде чѣмъ покровъ былъ снятъ,
Король ужъ вѣдалъ, что̀ за кладъ
Увидитъ онъ. Не отвѣчавъ
И видъ разсѣянный приявъ,

Онъ мрачно оперся о столъ
И по челу рукой провелъ.
Когда жь король не въ духѣ всталъ, —
Взглянувъ на ящикъ, онъ узналъ
Давно знакомый очеркъ льва,
Такой же красный, какъ сперва.
И онъ подумалъ: „Кто со мной
Въ то время былъ въ избѣ лѣсной,
И видѣлъ эту колыбель?“
И тутъ же вспомнилъ, что Самьель
Одинъ изъ всѣхъ его вельможъ
Могъ видѣть красный тотъ чертежъ,
Затѣмъ что онъ въ лѣсу густомъ
Везъ страшный коробъ подъ плащомъ
И лишь тогда открылъ его,
Какъ не осталось никого
Изъ царской свиты подлѣ нихъ.
Исполненъ мрачныхъ думъ такихъ
И вызвавъ снова въ сердцѣ боль,
Покинулъ мельницу король,
Гонимъ вновь-встрѣченнымъ лицомъ
Врага, забытаго царемъ.
Такъ возвратился наконецъ
Властитель въ древній свой дворецъ,
Стараясь скрыть терзанье мукъ
Отъ любопытныхъ взглядовъ слугъ.
Но отъ очей ихъ не ушло
Его смущенное чело,
И даже многимъ изъ числа
Въ лѣсу съ нимъ бывшихъ мысль пришла
О томъ событьи, хоть никто
Вслухъ говорить не смѣлъ про то,
Страшась, чтобъ даже тайныхъ грезъ
Кто не проникъ и не донесъ.

Настало утро. Властелинъ
Съ Самьелемъ заперся одинъ.
Старикъ тогда еще былъ живъ,
Какъ прежде золъ и нечестивъ.
Онъ вскорѣ вышелъ изъ дворца
И съ выраженьемъ злымъ лица

Ворчалъ: „О, будь ты милосердъ
Ко мнѣ, святый апостолъ Петръ!
Лишь тотъ, кто не слуга царямъ,
Самъ за себя отвѣтитъ тамъ!
Что вздумалъ? можно ль погубить
Того, кого намъ утопить
Не удалось въ пучинѣ водъ?“
Такъ проворчавъ, старикъ идетъ
Въ конюшню царскую, и тамъ
Себѣ коня сѣдлаетъ самъ,
И мчится къ мельницѣ стрѣлой.

Здѣсь на плотинѣ той порой
Лежалъ безпечно Михаилъ,
Слѣдя глазами, какъ носилъ
Среди плотвы бурливый токъ
Его летучій поплавокъ.
И лежа думалъ онъ о томъ,
Какъ всѣ въ почтеніи нѣмомъ
Вчера стояли предъ своимъ
Монархомъ, мрачнымъ и худымъ.
Не проронилъ онъ и того,
Что говорилось про него,
О чемъ не вѣдалъ онъ дотолѣ;
Замѣтилъ даже, что король
Смутился, Богъ вѣсть, почему,
Его увидя. И ему
Запала мысль глубоко въ грудь
Стать королемъ когда-нибудь,
И онъ себя ужь въ мысляхъ зрѣлъ
Покрытымъ славой громкихъ дѣлъ.
Среди такихъ-то думъ застигъ
Его тотъ самый злой старикъ,
Которымъ нѣкогда онъ взятъ
Изъ бѣдной хижины, какъ кладъ.
На немъ кафтанъ былъ царскихъ слугъ,
По рукавамъ до самыхъ рукъ
Обшитый золотомъ кругомъ;
На головѣ беретъ съ пером;
На поясѣ булатный мечъ,

Гроза враговъ средь бурныхъ сѣчъ,
И, по обычаю вельможъ,
На шеѣ острый царскій ножъ.
Ножа красивый черенокъ
Блестѣлъ эмалью, и вѣнокъ
Зеленыхъ листьевъ былъ на немъ,
На яркомъ полѣ золотомъ;
Вокругъ же листьевъ, серебрясь,
Красиво лента обвилась
Съ девизомъ чернымъ страшныхъ словъ:
„Рази! не бойся мертвецовъ!“

Съ біеньемъ сердца мальчикъ нашъ
Смотрѣлъ на всадника. Когда жь.
Суровый всадникъ сталъ предъ нимъ,
Дитя ужь чуднымъ снамъ своимъ
Готовъ былъ вѣрить. Но Самьель
Ворчалъ вполголоса: „Досель
Твой рокъ умѣлъ тебя хранить,
И ты, я знаю, будешь жить,
Пока корону на яву
Себѣ возложишь на главу.“

Затѣмъ съ коня спрыгнулъ гонецъ
И крикнулъ: „Эй ты, молодецъ!
Скажи, гдѣ мельникъ? Посланъ я
Къ нему съ письмомъ отъ короля,
И надо думать, милый мой,
Къ нему я посланъ за тобой.“

Услышавъ это, Михаилъ
Вскочилъ съ плотины и забылъ
О поплавкахъ и о плотвѣ,
Играющей въ рѣчной травѣ.
„Сэръ!“ отвѣчалъ онъ, взоръ склоня,—
„Отецъ мой съ луга ждетъ коня,
Чтобъ везть сейчасъ мучной товаръ
Въ сосѣдній городъ на базаръ.
Позвольте, я васъ проведу,
Онъ здѣсь близехонько, въ виду.“

Коня къ забору привязавъ,
Пошелъ чрезъ мостъ съ ребенкомъ графъ,
И видитъ мельника въ дверяхъ,
Который, шапку снявъ и въ прахъ
Повергнувшись, спѣшилъ спросить,
Чѣмъ можетъ онъ ему служить.
Графъ изъ-за пазухи досталъ
Тогда свой свитокъ и сказалъ:
„Читай, пріятель! и затѣмъ
Сейчасъ исполни то, за чѣмъ
Къ тебѣ я посланъ.“

„Сэръ!“ ему
Отвѣтилъ мельникъ. „Не пойму
Что здѣсь написано: ученъ
Я плохо грамотѣ. Но вонъ
Жена—позволь ее позвать;
Она сумѣетъ прочитать
При нуждѣ четкое письмо.“

Но графъ: „Зачѣмъ же звать ее!
На свиткѣ можешь самъ узнать
Его величества печать.
Такъ знай же, мельникъ, посланъ имъ
Я за найденышемъ твоимъ,
И я съ собой его беру
Въ пажи сейчасъ же ко двору.“

Потупя взоръ, стоялъ старикъ,
Вертя въ рукахъ свой пыльный шлыкъ
„Милордъ, конечно, будетъ такъ,
Какъ ты велишь“, сказалъ бѣднякъ.
„Мнѣ этотъ мальчикъ не родня;
Но тѣмъ не менѣе думалъ я
Его оставить, какъ умру,
Наслѣдникомъ всему добру.
Онъ, правда, молодъ; но потомъ
Онъ свыкся бъ съ нашимъ ремесломъ
И вѣкъ бы прожилъ не бѣднѣй
Другихъ на мельницѣ моей.

Къ тому жь и дѣвушку одну
Ему ужь прочимъ мы въ жену."

У Михаила отъ такихъ
Рѣчей о почестяхъ земныхъ
Вдругъ закружилась голова.
Онъ мнилъ, что графскія слова
Всему готовы жизнь придать,
О чемъ любилъ онъ такъ мечтать,
И что волшебные тѣ сны
На дѣлѣ сбыться ужь должны.
И онъ забылъ весь міръ вокругъ,
И эту мельницу, и лугъ,
И холмъ съ рѣкою; онъ летѣлъ
Душой въ невѣдомый предѣлъ,
Въ иную жизнь и въ міръ иной,
Ведомъ таинственной судьбой.

Но, громкимъ смѣхомъ разразясь,
Самьель отвѣтилъ: „Что за связь
Между тобой, мужикъ, и имъ,
Потомкомъ княжескимъ, какимъ
Теперь онъ признанъ? Неужли
Ему таскать съ мукой кули?
Но вотъ послушаемъ, что намъ
На это скажетъ мальчикъ самъ?"

Отъ сна очнувшійся тогда,
Ребенокъ вспыхнулъ отъ стыда
И, заикаясь, далъ отвѣтъ:

„Мнѣ жить не скучно здѣсь, о, нѣтъ!
Нашъ старый Джонъ, лѣсной стрѣлокъ,
Даетъ мнѣ каждый день урокъ
Въ стрѣльбѣ изъ лука, и сказалъ,
Что я на столько ловокъ сталъ,
Что черезъ годъ (я, сэръ, не лгу!)
Явясь на стрѣльбище, могу
Взять призъ, за коимъ въ Юрьевъ день
Изъ всѣхъ сосѣднихъ деревень

Валитъ народъ въ нашъ городокъ—
Добытъ флориновъ котелекъ.
Здѣсь много дичи, всякихъ рыбъ!
Взгляните, сэръ, въ любой изгибъ
Рѣки; вы видите вездѣ
Круги на зе́ркальной водѣ:
Вѣдь это сильный шересперъ
Хватаетъ мухъ, могучъ и скоръ.
А тамъ, подъ тѣнью камыша,
Лежатъ, не движась, чуть дыша,
Громады жадныхъ щукъ. Когда жъ
Исчезнутъ ласточки, въ край нашъ
Летятъ бекасы, кулики,
И утки надъ русломъ рѣки
Такъ низко тянутъ, что чуть-чуть
Что не купаютъ въ во́лнахъ грудь.
На нивахъ вьются чибиса̀
И всюду слышны голоса
Скворцовъ. Повѣрьте, сэръ, нашъ край
Весь круглый годъ небесный рай.“

Взглянувъ сурово на него,
Самъель прервалъ вдругъ рѣчь его:
„Клянуся честью, парень глупъ,
Лицомъ красивъ, да смысломъ грубъ!
Но не робѣй! ты въ лучшій край
Идешь теперь. Ну, другъ, прощай!
Смотри жъ, сосѣдямъ ни гу-гу
О томъ, что новаго слугу
Нашелъ король. Чрезъ годъ, чрезъ два
Твой сынъ узнаетъ ихъ едва!
Но ты нашелъ не даромъ кладъ,
Ему ты вѣчно будешь радъ.
Смотри, вотъ видишь котелекъ:
Тебѣ онъ долго будетъ въ прокъ!
Ступай же, мельникъ, распусти
Свою артель, гуляй, кути.
Тутъ столько денегъ, что куплю
Тебя и мельницу твою.“

И онъ пошелъ. Но Михаилъ
Стоялъ, задумчивъ и унылъ.
Исчезъ его волшебный сонъ;
Онъ былъ униженъ, оскорбленъ
Насмѣшкой сквайра, и слеза
Ему туманила глаза.
Пока нашъ мельникъ слалъ вослѣдъ
Прощальный мальчику привѣтъ,
Самьель, еще угрюмѣй ставъ,
Ногой притопнулъ, рвалъ рукавъ,
И Михаилъ, страшась угрозъ,
Съ глазами влажными отъ слезъ,
Навѣкъ покинулъ край родной
И домъ съ счастливой тишиной.

Но тутъ къ нему изъ-за угла
Старушка тихо подошла
И, прижимая на груди,
Сказала „Милый мой, прости!
Мой сынъ! За то, что столько лѣтъ
Тобою красенъ былъ мнѣ свѣтъ,
Теперь грущу всѣмъ сердцемъ я.
Да будетъ же вся жизнь твоя
Свѣтла, счастлива! Не забудь,
Когда найдешь къ величью путь,
Что въ нашемъ домѣ, гдѣ опять
Былому счастью не бывать,
Имѣлъ ты все, что̀ на земли
Тебѣ доставить мы могли;
Что въ насъ нашелъ ты мать, отца;
Что наши старыя сердца
Ты молодилъ, и что теперь
Не знать намъ радостей!“
„Умѣрь,
Старушка, грусть свою!“ сказалъ
Суровый графъ. „Я запоздалъ!
Король къ обѣду ждетъ его,
Что̀ въ знать попалъ изъ ничего!“
При этомъ словѣ вышелъ онъ,
И вслѣдъ за нимъ, полусмущенъ,

Полуиспуганъ и, межь тѣмъ,
Вслѣдъ имъ въ невѣдомый эдемъ,
Шелъ робко мальчикъ. Перейдя
Плотину, сквайръ и съ нимъ дитя
Усѣлись на лошадь, и графъ
Поѣхалъ, слова не сказавъ.

Покуда мчались ѣздоки
Знакомымъ берегомъ рѣки
И раздавался въ камышѣ
Простой, но сладостный душѣ
Напѣвъ осеннихъ птичекъ въ зной
Полудня осени златой,—
Видѣній чудныхъ полный сонъ
Изъ думъ ребенка выгналъ вонъ
И страхъ, и горе. Слишкомъ юнъ
Онъ былъ чтобъ думать, что перунъ
Готовъ сразить его; притомъ
Онъ былъ и съ жизнью не знакомъ.
Теперь весь міръ предъ нимъ лежалъ
Широкъ и ясенъ; не вселялъ
Въ него и сквайръ тревожныхъ думъ,
Но ѣхалъ молча и угрюмъ.

Такъ проѣзжали здѣсь они
Пустынными берегомъ одни,
Пока открылся наконецъ
Имъ путь, ведущій во дворецъ.
Но сквайръ съ дороги повернулъ,
И вскорѣ сѣрый конь шагнулъ,
Гремя копытами, на мостъ.
Отсюда путь ихъ велъ въ погостъ,
Поросшій верескомъ, гдѣ встарь
Съ Самьелемъ ѣхалъ государь.
Замѣтивъ это, Михаилъ
Вдругъ съ изумленіемъ спросилъ:
„Милордъ! скажите мнѣ, давно ль
Сталъ жить въ глухомъ лѣсу король?“

Но сквайръ: „Глупецъ, молчать изволь!
Живетъ, гдѣ вздумаетъ, король.

Теперь съ монахами одинъ
Живетъ въ лѣсу твой властелинъ.“

И нахлобуча свой беретъ,
Ворчалъ: „Будь проклятъ цѣлый свѣтъ,
Король и ты! За васъ за всѣхъ
Беру я на душу вашъ грѣхъ.
Я старъ, и мнѣ пора бъ въ тиши
Подумать о грѣхахъ души.“
Сказавъ, коню онъ шпоры далъ,
А самъ вполголоса ворчалъ:
„Да, да! Будь проклятъ день и часъ,
Когда я въ мірѣ встрѣтилъ васъ.“

При этомъ словѣ онъ вздохнулъ;
Онъ вдругъ, казалось, вспомянулъ
Давно минувшее, когда
Была душа его чиста.

Какъ будто тѣхъ же полонъ думъ,
Межь тѣмъ взбирался на обумъ
Усталый конь на холмъ, и вотъ,
Когда достигнулъ онъ высотъ,
Очамъ открылся чудный видъ,
Сіяньемъ солнечнымъ облитъ,—
Видъ милой сельской стороны,
Гдѣ жизнь на лонѣ тишины
Незримо въ радости неслась,
Гдѣ зелень съ золотомъ слилась.
Межь тѣмъ деревья здѣсь и тамъ
Путь заграждали ѣздокамъ.
И съ тайнымъ ужасомъ въ груди
Ребенокъ видѣлъ впереди
Все лѣсъ, да лѣсъ одинъ. Назадъ
Онъ, обернувшись, кинулъ взглядъ;
Но и за нимъ стоятъ одни
Деревъ безчисленные пни
Сплошной стѣною. Грустный звукъ
Въ смолистыхъ еляхъ шелъ вокругъ.

Когда жь онъ къ верху поднялъ взоръ,
Былъ распростертъ надъ нимъ шатеръ
Густой листвы, гдѣ лучъ съ небесъ
Едва скользилъ сквозь мракъ древесъ.

Еще ни разу Михаилъ
Въ подобный лѣсъ не заходилъ
Съ родныхъ смѣющихся луговъ,
Поросшихъ купами деревъ
И зеленѣвшихъ отъ дождей,
Отъ кроткихъ солнечныхъ лучей.
Теперь, вступивъ въ дремучій лѣсъ,
Онъ съ часу-на-часъ ждалъ чудесъ,
Слыхавъ на мельницѣ не разъ
Отъ старыхъ бабушекъ разказъ
О томъ, что въ тѣхъ лѣсахъ живетъ
Остатокъ древнихъ ихъ господъ —
Семья гигантовъ-лѣшиковъ
Въ одеждѣ синихъ облаковъ.
И ждалъ онъ съ трепетомъ, что вдругъ
Услышитъ топоровъ ихъ стукъ,
Или увидитъ пляску фей, —
Существъ, которыхъ нѣтъ милѣй,
Когда смотрѣть имъ прямо въ грудь;
Но если въ тылъ имъ заглянуть,
То эта пестрая толпа—
Одна пустая скорлупа.

Такъ лѣсомъ ѣхали они,
Пока не замеръ вѣтръ въ тѣни
Густыхъ деревъ. И Михаилъ,
Среди видѣній адскихъ силъ,
Боязнью пробужденныхъ въ немъ,
Вдругъ задремалъ въ лѣсу густомъ
И не замѣтилъ, какъ въ тиши
Ихъ конь изъ сумрачной глуши
Къ опушкѣ ельника достигъ.
Межь тѣмъ задумчивый старикъ
Невольно вспомнилъ день, когда
Другой дорогой везъ сюда

Того, съ кѣмъ ѣхалъ онъ теперь,
И, какъ пугливый, хищный звѣрь,
Въ душѣ почуялъ онъ испугъ.
Тутъ ельникъ сталъ рѣдѣть вокругъ
Крутаго ската. Велъ во мракъ
Лѣсныхъ трущобъ подъ нимъ оврагъ.
Невзрачный, ливнями изрытъ,
Онъ былъ кустарникомъ покрытъ,
А дальше гибкимъ тростникомъ;
На днѣ же самомъ росъ на немъ
Ольшнякъ, искривленный, густой,
И, весь заглохшій осокой,
По почвѣ глинистой струилъ
Лѣнивый ключъ свой жидкій илъ.

Поводья крѣпче натянувъ
И въ глубь оврага заглянувъ,
Сквайръ ищетъ взоромъ, гдѣ на кругь
Черезъ оврагъ протоптанъ путь.
И видитъ — просѣка впередъ
Межь липъ и вязовъ въ даль ведетъ,
И узнаетъ онъ вмигъ, куда
Ведетъ чрезъ лѣсъ дорога та.
Но, чу! спустясь въ густую дичь,
Въ оврагѣ страшно крикнулъ сычъ.
Вставалъ, клубясь, съ оврага паръ,
И солнце, какъ каленый шаръ,
Свѣтило низко межь деревъ.
И сквайръ, какъ ни былъ онъ суровъ
И грубъ душою, не посмѣлъ,
По окончаньи страшныхъ дѣлъ,
Одинъ остаться ночевать
Въ лѣсу и жизнью рисковать.

Межь тѣмъ повѣялъ вѣтерокъ,
И бѣдный мальчикъ нашъ продрогъ.
Къ сѣдлу прижавшись, онъ вокругъ
Обводитъ робко взоръ, какъ вдругъ
Сказалъ Самьель: „Пріятель, слѣзь!
И безъ тебя увязнутъ здѣсь

Мой конь въ трясинѣ. Ну же, прочь!
Не то съ тобой придется ночь
Провесть въ лѣсу и до костей
Промокнуть отъ росы ночей."

Тогда спрыгнулъ съ сѣдла бѣднякъ,
И стали медленно въ оврагъ
Они спускаться. Бодръ и смѣлъ,
Ребенокъ весело запѣлъ
Простую пѣсню; а старикъ
Снялъ съ шеи ножикъ свой, и вмигъ
Въ глубокомъ рвѣ коня сдержалъ
И хриплымъ голосомъ сказалъ:
„Мои подвязки, чортъ возьми,
Ослабли! Другъ мой, подтяни!"

При этомъ словѣ Михаилъ
Напѣвъ веселый прекратилъ,
И не замѣтя какъ сердитъ
Былъ голосъ всадника, спѣшитъ
Не ослабѣвшую ничуть
Подвязку крѣпче затянуть.
И вотъ, пока онъ подъ коня
Нагнулся, голову склоня,
Сверкнулъ надъ нимъ стальной клинокъ
И палъ, ему вонзившись въ бокъ.
Назадъ отпрянувъ и вскричавъ,
На землю рухнулось стремглавъ,
Глаза въ испугѣ обратя
Къ убійцѣ, бѣдное дитя.
Тогда, весь блѣденъ какъ мертвецъ,
Съ сѣдла спрыгнулъ царевъ гонецъ
И, чтобъ все кончить, передъ нимъ
Сталъ на колѣна. Недвижимъ,
Лежалъ убитый; но еще
Въ немъ было сердце горячо.
Свирѣпый сквайръ, какъ листъ дрожа,
Хватаетъ рукоять ножа;
Но прежде чѣмъ извлечь успѣлъ,

Вдругъ колокольчикъ прозвенѣлъ
Далеко гдѣ-то. Страхъ и дрожь
Его объемлютъ. Бросивъ ножъ,
Къ землѣ приникнулъ ухомъ онъ,
И — чу! все ближе, ближе звонъ
И ясно слышенъ наконецъ.
Тогда вскочилъ съ земли гонецъ,
Подумавъ въ ужасѣ, что въ лѣсъ
Нисходитъ мстителемъ съ небесъ
Хранитель-ангелъ душу взять
И злаго Каина попрать.
А звонъ все ближе — страшный мигъ!
И вотъ, какъ бѣшеный, старикъ,
Прыгнувъ на сѣдло и шпоры давъ
Коню, пустился въ лѣсъ стремглавъ.
И конь, испуганъ, въ черный боръ
По пнямъ, по рвамъ, во весь опоръ
Помчалъ сѣдаго ѣздока
И мчалъ до той поры, пока
У моста мертвымъ палъ подъ нимъ.
Грѣхомъ и ужасомъ гонимъ,
Бродилъ всю ночь въ поляхъ старикъ
И на разсвѣтѣ лишь достигъ
Воротъ злосчастнаго дворца,
Имѣя образъ мертвеца.

Тутъ, предъявивъ съ гербомъ кольцо,
Самьель поднялся на крыльцо
И, бывъ допущенъ къ королю,
Всю повѣсть страшную свою
Пересказалъ. „Король, повѣрь,“
Такъ кончилъ сквайръ, „онъ мертвъ теперь;
И то, чѣмъ былъ испуганъ я,
Должно лишь радовать тебя:
То съ неба—вѣрю я тому—
Звонили ангелы ему,
Чтобъ душу въ рай призвать. И вотъ
Каковъ пророчества исходъ!“

Но тотъ, не въ духѣ, тяжело
Вздохнулъ, нахмуривши чело.

„Самьель!“ такъ началъ онъ, „я ждалъ,
Когда то дѣло поручалъ,
Что ты, какъ воинъ и герой,
Исполнишь смѣло замыслъ мой.
А ты, испуганъ, пораженъ,
Съ пугливымъ взоромъ слабыхъ женъ
И обезумленъ, чуть дыша,
Приходишь, дѣла не сверша.“

Тутъ онъ поднялся и ушелъ;
Потомъ, обдумавши, нашелъ,
Что это дѣло по всему
Не такъ ужъ дурно, какъ ему
Сперва казалось, и что онъ
Удержитъ въ родѣ древній тронъ.
Почетомъ, золотомъ затѣмъ
Осыпалъ сквайра онъ, но тѣмъ
Его отъ смерти не сберегъ:
Къ зимѣ злой графъ въ постелю слегъ
И умеръ тихо въ декабрѣ.
И вотъ теперь въ монастырѣ,
Подъ хорами, онъ мирно спитъ,
Подъ спудомъ изъ надгробныхъ плитъ
Съ изображеньями святыхъ,
Да будетъ сонъ злодѣя тихъ.

Такъ дни летѣли, годы шли,
И полнымъ счастьемъ на земли
Король, какъ прежде, обладалъ
И одного лишь только ждалъ—
Имѣть наслѣдника, чтобъ съ нимъ
Дѣлиться счастіемъ земнымъ.
Но далъ Господь ему лишь дочь,
На свѣтъ рожденную въ ту ночь,
Когда, отверженный отъ всѣхъ
И проклинаемый какъ грѣхъ,
Впервые бѣдный Михаилъ
Всю горечь жизни сей вкусилъ.

И межъ красавицъ краше всѣхъ,
Среди дѣвическихъ утѣхъ,

Ни съ кѣмъ души не раздѣля,
Достигла дочерь короля
Своей осьмнадцатой весны.

Межь тѣмъ скончалась мать княжны.
Но мало царь объ ней скорбѣлъ;
Давно онъ втайнѣ мысль имѣлъ
Не столь неплодную опять
Себѣ принцессу въ жены взять.
И въ этихъ видахъ наконецъ
Былъ посланъ королемъ дѣлецъ
Въ страны сосѣднія, чтобъ тамъ
Между принцессъ и знатныхъ дамъ
Найдти достойную ему
Жену по сердцу и уму.

И вотъ женился онъ опять,
И сталъ, какъ прежде, ожидать
Себѣ наслѣдника. Такъ годъ
Съ женой прекрасной, безъ заботъ,
Онъ прожилъ въ мирѣ и любви.
Межь тѣмъ приблизились тѣ дни,
Когда врага онъ вновь узналъ,
Кого погибшимъ ужь считалъ.
Пришла съ тѣмъ вмѣстѣ и пора
Княжну отправить отъ двора
(Таковъ обычай старины!)
Въ далекій замокъ той страны.
Какой-то очень древній царь
Построилъ замокъ этотъ встарь
Своей возлюбленной, отъ всѣхъ
Здѣсь скрывъ ее въ дому утѣхъ.
Здѣсь лѣтомъ въ зелени густой
Плѣнялся онъ ея игрой,
Когда она, любви предметъ,
Какъ Эригона древнихъ лѣтъ,
Являлась въ ризахъ золотыхъ
Межь виноградарей своихъ,
Благоговѣвшихъ передъ ней,
Какъ предъ богинею своей.

Давно прошли тѣ времена,
Забыты даже имена
Царей и царствъ, и сожжены
Дѣянья славной старины
Въ томъ горнѣ времени, гдѣ жаръ
Изъ зла рождаетъ добрый даръ,
Изъ скорби радость намъ творитъ
И жизнь развалинамъ даритъ.
Но въ древнемъ замкѣ и досель
Стояли стѣны, цитадель
[redacted]ашни красныя, какъ кровь.
И съ каждымъ лѣтомъ вновь и вновь
Все улыбались и цвѣли,
Какъ и въ давно-минувши дни,
Сады, зеленые лѣса,
И не поблекла ихъ краса.

Сюда Цецилію свою
Послать угодно королю.
Теперь, съ лѣтами, средь заботъ,
Смиривъ надменныхъ думъ полетъ,
Король для дочери своей
Межъ королевскихъ сыновей
Нашелъ красавца-жениха,
Съ которымъ, мнилъ онъ, безъ грѣха
Вступить въ родство, затѣмъ что родъ
Отъ царской крови принцъ ведетъ.

И вотъ, когда уже насталъ
Разлуки мигъ, король сказалъ:
„О, дочь! Чрезъ мѣсяцъ, можетъ-быть,
Къ тебѣ пріѣду погостить
И осмотрѣть твои края;
Но не одинъ пріѣду я.
Со мной пріѣдетъ твой женихъ,
Кого изъ принцевъ молодыхъ
Я избралъ самъ, кому я радъ
Отдать мой лучшій въ жизни кладъ.
Не бойся юности того:
Красивѣй въ мірѣ нѣтъ его,

И много женскихъ онъ сердецъ
Плѣнилъ, какъ счастливый ловецъ.
Прощай, мой другъ! Благослови
Тебя Господь."
И, полнъ любви,
Ее лобзаетъ, и княжна,
Ничѣмъ въ душѣ не смущена,
Ни ложнымъ страхомъ, ни стыдомъ,
Покинула свой царскій домъ.

И то сказать: до сей поры
Среди младенческой игры
Не западала мысль ей въ грудь
Дѣлиться сердцемъ съ кѣмъ-нибудь.
Ей съ каждымъ утромъ жизнь несла
Веселья жизни безъ числа;
Широко міръ предъ нею былъ
Открытъ,—міръ счастья, свѣжихъ силъ,
И, полный снова, онъ не былъ пустъ.
Ея невинно-дѣтскихъ устъ
Еще никто не лобызалъ...
И чистыхъ думъ въ ней не смущалъ.
И смѣло взоръ ея очей
Встрѣчалъ влюбленный взоръ пажей.
Такъ, безразлично всѣмъ мила,
Она богинею была,
Предъ чьей красою въ древній вѣкъ
Благоговѣлъ въ восторгѣ Грекъ.

Толпою слугъ окружена,
Въ свой замокъ ѣхала княжна.
Предъ ней востокъ уже алѣлъ,
Надъ нивой жаворонокъ пѣлъ;
Но не любовью позлащенъ
Въ ея глазахъ былъ небосклонъ.
Сіяло солнце съ высоты;
Въ ней зрѣли гордыя мечты,
Но не любовь раждала ихъ.
Коснулось солнце волнъ морскихъ;

Но не огнемъ любви зажглась
Звѣзда любви въ вечерній часъ.
Взошла луна; но грустныхъ думъ
Не приходило ей на умъ.
И ночь настала; но въ тиши
Невозмутимъ въ ней миръ души.
Такъ, безмятежна, весела,
Она въ свой древній домъ вошла.

Но не успѣлъ онъ дочь свою
Отправить въ путь, какъ королю
Доносятъ, что изъ темныхъ нѣдръ
Густыхъ лѣсовъ явился Петръ,
Святый аббатъ монастыря,
И хочетъ видѣть короля.
Король велитъ его принять,
Желая лично самъ узнать,
Зачѣмъ пришелъ святый отецъ.
И Петръ явился во дворецъ;
За нимъ вошелъ и капелланъ,
Субпріоръ патеръ Адріанъ
Съ пятью монахами, а вслѣдъ
За ними, въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Десятокъ рослыхъ молодцовъ,
Тѣлохранителей отцовъ,
Въ желѣзныхъ латахъ, въ шишакахъ
И съ алебардами въ рукахъ.

Аббатъ, явясь предъ королемъ,
Просилъ о чемъ-то; но о чемъ —
Нашъ лѣтописецъ умолчалъ.
И съ благодушіемъ внималъ
Король словамъ его; потомъ
Сказалъ: „Прошу васъ объ одномъ.
(И, вѣрно, просьбу короля
Милордъ уважитъ!) у меня
Остаться нынче и со мной
Откушать съ братіей святой;
И угостить я буду радъ
И вашихъ латниковъ-солдатъ.“

Тутъ бѣглымъ взоромъ онъ взглянулъ
На монастырскій караулъ.
„Однако, нечего сказать,
У васъ не маленькая рать!
Скажите, много ль средь лѣсовъ
У васъ подобныхъ молодцовъ?
Въ моихъ войскахъ я былъ бы радъ
Имѣть полки такихъ солдатъ
И слышать ихъ воинскій крикъ
При свистѣ стрѣлъ, при трескѣ пикъ.“

Такъ говорилъ король, смѣясь;
Но громкій голосъ, измѣнясь,
Вдругъ у владыки задрожалъ,
Такъ что ужь онъ не разслыхалъ,
Отъ звона страшнаго въ ушахъ,
Что̀ отвѣчалъ ему монахъ.
Изъ-за забрала, какъ гроза,
Въ него сверкнули вновь глаза
Того, кто кротко передъ нимъ,
Въ златыхъ кудряхъ, какъ херувимъ,
Подъ тѣнью яблонь въ первый разъ
Стоялъ, не потупляя глазъ.

И убѣдившись въ молодцѣ,
Король смутился весь въ лицѣ,
И былъ онъ блѣденъ, какъ мертвецъ.
Собравшись съ духомъ наконецъ,
Онъ, беззаботенъ, какъ сперва,
Сталъ улыбаться на слова
Аббата, коихъ не слыхалъ.
Потомъ спиной онъ къ лордамъ сталъ
И Михаилу предъ людьми
Сказалъ, смѣясь: „Приподыми
Стальной наличникъ свой съ лица;
Хочу я видѣть молодца,
Съ кѣмъ, помнится, ужь я знакомъ.
Откуда ты?“
Предъ королемъ
Наличникъ поднялъ тутъ солдатъ,
И золотыхъ кудрей каскадъ

Упалъ съ чела вокругъ ланитъ,
Которыхъ дѣтски-нѣжный видъ
Спалилъ горячій солнца лучъ.
И звонкимъ голосомъ, какъ ключъ,
Пересказалъ онъ королю
Всю повѣсть странную свою
До той минуты, когда онъ
Въ глухомъ оврагѣ былъ сраженъ,
И кончилъ такъ: „Но что потомъ
Со мной случилось, сэръ,—о томъ
Никто не можетъ лучше знать,
Какъ тотъ, кто жизнь мою опять
Мнѣ спасъ отъ смерти и отъ ранъ:
То нашъ субпріоръ Адріанъ.“

„Такъ разкажи, отецъ,“ король
Сказалъ, скрывая въ сердцѣ боль.
„Милордъ!“ отвѣтилъ Адріанъ,
„Я, бывъ въ то время капелланъ
Прихожанъ бѣдныхъ, какъ-то разъ
Изъ стѣнъ аббатства, въ поздній часъ,
Былъ позванъ мальчикомъ простымъ
Спѣшить съ причастіемъ святымъ
Къ его отцу: онъ умиралъ
И съ нетерпѣньемъ ожидалъ
Сподобиться небесныхъ силъ;
То старый угольщикъ нашъ былъ.
Не тратя дорогихъ минутъ,
Пріялъ съ Дарами я сосудъ,
И колокольчикъ, Богу въ честь,
Велѣлъ предъ Нимъ ребенку несть.
Къ тому жь я думалъ звономъ тѣмъ,
Хоть не воровъ — объ нихъ совсѣмъ
У насъ не слышно!—но звѣрей
Спугнуть съ дороги поскорѣй.
Ну, вотъ, вступаемъ тихо мы
Въ нашъ лѣсъ еловый, полный тьмы;
А колокольчикъ на весь лѣсъ
Звенитъ, какъ благовѣстъ съ небесъ.
Межь тѣмъ мой мальчикъ, оробѣвъ,

Мнѣ говоритъ о кознях дѣвъ,
Живущихъ въ темномъ томъ лѣсу;
Но я, напомнивъ что несу
Всѣхъ Искупителя въ рукахъ,
Его журилъ за грѣшный страхъ.
Когда жъ изъ лѣса древнихъ лѣтъ
Я вышелъ съ нимъ на Божій свѣтъ,
И солнце, къ вечеру клонясь,
Межь пней свой лучъ метнуло въ насъ, —
Вдругъ къ намъ вечерній вѣтерокъ
Донесъ до слуха конскій скокъ,
Причемъ, весь ужасомъ объятъ,
Мой пажъ попятился назадъ,
Почуя снова эльфовъ рой,
Всю вражью силу предъ собой.
Но я замѣтилъ: „Неужель
Мы не исполнимъ нашу цѣль
И опоздаемъ передать
Больному Божью благодать?
Не бойся, сынъ мой! Твердо вѣрь,
Что съ нами Божій Сынъ теперь.“
Сказавъ, бичомъ моимъ, шутя,
Стегнулъ я мула, и дитя,
Боясь въ густомъ лѣсу отстать,
Пустилось предо мной бѣжать.
Я ѣду дальше. У ручья
Вдругъ вижу кровь.... сказать ли, чья
Была то кровь? Ее мой сынъ
Струилъ изъ ранъ своихъ! Одинъ,
Тамъ брошенъ, онъ какъ трупъ лежалъ,
Въ боку кровавый ножъ торчалъ,
И кровью алою вокругъ
Окрасились ручей и лугъ.
Съ сѣдла я тотчасъ соскочилъ
И съ помощью моихъ всѣхъ силъ,
Поднявъ несчастнаго съ земли,
Взвалилъ на мула, и пошли
Мы тихо просѣкой густой,
Между дубовъ и липъ, къ пустой
Избушкѣ ветхой лѣсника,

Построенной изъ тростника.
Примкнутъ къ плетню избушки той,
Полуразрушенный, гнилой,
Стоялъ безъ крыши тѣсный кровъ,
Гдѣ запиралъ лѣсникъословъ.
Милордъ! то мѣсто, вѣрно, вамъ
Давно знакомо: много тамъ
Въ сосѣдствѣ водится вепрей,
Оленей, туровъ и лосей!
Здѣсь бѣдному пронженный бокъ
Перевязалъ я, какъ лишь могъ;
И, угольщика причастя
(Онъ умеръ много лѣтъ спустя!),
Вернулся въ ночь въ нашъ древній бургъ,
Велѣвъ, чтобъ утромъ нашъ хирургъ
Чуть свѣтъ къ больному поспѣшилъ
И всѣмъ, чѣмъ нужно, пособилъ.
И вскорѣ рана между рёбръ
Въ боку закрылась. Былъ онъ добръ
И кротокъ сердцемъ, почему
Мы и дозволили ему
У насъ въ обители пожить.
Потомъ я сталъ его учить
Письму и чтенью, и постигъ
Онъ вскорѣ смыслъ латинскихъ книгъ
Не хуже нашего; но чинъ
Монашескій отвергъ мой сынъ.
А какъ онъ былъ могучъ, плечистъ,
Душою добръ и сердцемъ чистъ,
То и сказалъ милордъ аббатъ:
„Пусть служитъ Господу нашъ братъ
Десницей крѣпкой!“ Оттого,
О, сиръ, и видишь ты его,
Съ мечомъ, съ копьемъ. Онъ вѣрный щитъ
Для тѣхъ, кѣмъ не былъ онъ забытъ,
Кѣмъ обученъ, спасенъ отъ зла
Средь бѣдствій, имъ же нѣсть числа!
Скажи, съ тобой ли, Михаилъ,
Тотъ ножъ, что врагъ въ тебя вонзилъ?
Представь милорду этотъ ножъ,
Чтобъ словъ моихъ не счелъ за ложь.“

Взволнованъ, блѣденъ, недвижимъ,
Съ лицомъ встревоженнымъ, худымъ,
Склоня чело, король сидѣлъ
И многихъ словъ не разумѣлъ.
Все смолкло. Наконецъ король
Возвысилъ голосъ свой; но столь
Дрожащъ, невѣренъ голосъ былъ,
Что слухъ монаха поразилъ.
„Аббатъ!“ сказалъ онъ, „ваша рать
Такъ хороша, что потерять
Изъ сотни храбрыхъ одного
Для васъ, конечно ничего!
Ему жь приличнѣе носить
Въ щитѣ мой розанъ, чѣмъ служить
У васъ келейникомъ простымъ,
Корпя надъ смысломъ книгъ нѣмымъ.“

„О, сиръ!“ въ отвѣтъ святый отецъ,
„Когда вамъ нуженъ молодецъ,
Извольте взять его сейчасъ;
Вѣдь красота солдатъ у насъ —
Вещь лишняя; за что же намъ
Такихъ красавцевъ брать у дамъ?“

Такъ говорилъ, смѣясь, монахъ;
А тотъ улыбку на устахъ
Старался выразить, и вдругъ,
Какъ въ сновидѣньи полномъ мукъ,
Въ рукѣ, онъ видитъ, у пажа
Блеснула сталь того ножа,
Что выбранъ царскою рукой
Изъ древней стали боевой
И былъ врученъ Самьелю въ даръ
Нанесть погибельный ударъ.
И вотъ, увидя на клинкѣ
Вѣнокъ зеленый и въ вѣнкѣ
На лентѣ надпись страшныхъ словъ:
„Рази! не бойся мертвецовъ!“ —
Король еще упорнѣй сталъ
И, вновь страдалецъ, замышлялъ

Измѣну новую тому,
Кто въ третій разъ уже ему
Является на этотъ свѣтъ
Виной всѣхъ мукъ его и бѣдъ.

И, послѣ пиршества, аббатъ
Въ свой монастырь ушелъ назадъ
Со всѣмъ народомъ; нашъ же другъ
Вступилъ въ число придворныхъ слугъ,
И зависть возбуждалъ во всѣхъ
Его неслыханный успѣхъ.

Король, пождавъ еще дней пять,
Велитъ пажа къ себѣ позвать
И говоритъ ему: „Мой другъ,
Сейчасъ отправишься на югъ
Съ моей ты грамотой. Съ тобой
Поѣдетъ Хью, урядникъ мой.
Сегодня цѣлый день вдвоемъ
Вамъ ѣхать вмѣстѣ; но потомъ
Тебѣ укажетъ онъ тотъ путь,
Куда ты долженъ повернуть.
На третій день, къ полудню, ты
Достигнешь горной высоты,
Гдѣ въ Замкѣ Розы дочь моя
Живетъ. Но слушай, пажъ! Ничья
Душа на свѣтѣ про письмо
Знать не должна, пока его
Не сдашь ты въ руки одному
Тамъ сенешалу моему.
Смотри же, другъ, не выдай насъ
И помни, что ужъ близокъ часъ,
Когда на память всѣхъ временъ
Высоко будешь вознесенъ.“

Такъ говоря, король не зналъ,
Что рокъ пажу предназначалъ.

Герой нашъ, выйдя изъ дворца,
Находитъ Хью ужъ у крыльца, —

Солдата грубаго съ лицомъ
Сурово-мрачнымъ, съ хмурымъ лбомъ.
Сѣвъ на коня, онъ съ нимъ самъ-другъ
Поѣхалъ съ сѣвера на югъ.

Ославъ съ нимъ Хью, такую ль цѣль
Имѣлъ король, съ какой Самьель
Однажды посланъ былъ — какъ знать?
Одно могу я лишь сказать,
Что врядъ ли бъ выбралъ для того
Король служаку своего
Съ умомъ столь пошлымъ, узкимъ лбомъ,
Хитрить умѣвшаго въ одномъ
Лишь ратномъ дѣлѣ, и съ душой
Хотя и грубой, но не злой.
Другое дѣло, еслибъ пажъ
Вступить съ нимъ вздумалъ въ рукопашъ,
Иль дерзкимъ словомъ пробудилъ
Въ груди солдата гнѣвный пылъ,—
Тогда, пришедъ въ безумный гнѣвъ,
Опаснѣй былъ бы онъ чѣмъ левъ.

Такъ вмѣстѣ ѣхали они,
Пока открылись два пути:
Одинъ на западъ велъ, другой
На югъ. Тогда, съ насмѣшкой злой,
Снявъ шляпу съ перьями, поклонъ
Пажу отвѣсилъ мирмидонъ,
Сказавъ: „Теперь, мой милый другъ,
Мнѣ путь на западъ, вамъ на югъ,
Чтобъ тамъ—такъ надо разумѣть—
Коронку графскую надѣть!
Прощай же, графчикъ! Впрочемъ, глазъ
Не слишкомъ пяль; не то какъ разъ
Тамъ въ петлю шеей попадешь
И со стѣны, какъ лотъ, падешь."

Но въ эти дерзкія слова
Герой нашъ вслушался едва,

Бывъ занятъ помысломъ иным,
Когда солдатъ прощался съ нимъ.
Межъ огороженныхъ полей
Скакалъ дорогой онъ своей,
И наконецъ, въ исходѣ дня,
Къ тавернѣ повернулъ коня,
Гдѣ ночь провелъ, забывъ труды.
Съ разсвѣтомъ, только-что дрозды
Запѣли въ утренней красѣ,
Онъ вновь пустился по росѣ,
И цѣлый день въ далекій путь
Скакалъ, не смѣя отдохнуть.
Но тутъ онъ былъ не одинокъ:
Вдали виднѣлся городокъ,
Куда тянулся караванъ
Крестьянъ, веселыхъ горожанъ.
Тамъ въ капитонѣ шелъ монахъ;
Здѣсь, межъ корзинокъ, на ослахъ
Хозяйки ѣхали верхомъ;
Тамъ распѣвали соловьемъ
Толпы гулявшихъ пышныхъ дамъ;
А тутъ былъ слышенъ шумъ и гамъ:
Валили пестрыя толпы
Мужчинъ и женщинъ, шли попы,
Солдаты, дѣти, длинный рядъ
Одѣтыхъ въ праздничный нарядъ
Веселыхъ дѣвушекъ, кругомъ
Его встрѣчавшихъ съ добрымъ днемъ
И съ пожеланьями найти
Всѣхъ благъ возможныхъ на пути.

Такъ пролетѣлъ и день второй.
И онъ въ тавернѣ городской
Провелъ всю ночь, и утромъ, чуть
Лишь разсвѣло, пустился въ путь.
Еще спалъ въ городѣ народъ,
А онъ ужъ солнечный восходъ
Встрѣчалъ съ восторгомъ. Трудный путь
Вился все выше, выше вкруть
На холмъ возвышенный. Назадъ

Онъ, оглянувшись, бросилъ взглядъ
На городъ, пышно подъ холмомъ
Раскинутый: вотъ Божій домъ,
Вотъ площадь, улица, а вотъ
Видна и ратуша съ высотъ —
Все пріютилось подъ холмомъ,
Поростшимъ липами кругомъ.
Былъ воздухъ свѣжъ, прозраченъ, чистъ:
Не трепеталъ на липахъ листъ,
И лишь надъ кровлями церквей
Кружились стаи голубей.
Изъ трубъ струился ранній дымъ,
Столбомъ вставая голубымъ,
Какъ знакъ, что въ городѣ за трудъ
Принялся дѣятельный людъ,
Веселый, счастливый, живой.
И былъ такъ радостенъ душой,
Такъ чуждъ всѣхъ скорбей Михаилъ,
Что, мнилось, свыше получилъ
Удѣлъ безсмертія, гдѣ нѣтъ
Ни слезъ, ни горестей, ни бѣдъ..

Отсюда путь налѣво велъ
Въ безлюдный и безлѣсный долъ,
Гдѣ лишь въ мѣстахъ, по коимъ шли
Овраги темные, росли
Деревья тиса, и межь нихъ,
Защищены отъ вѣтровъ злыхъ,
Взвивались съ пѣснями юлы.
Вокругъ враговъ, полныхъ мглы,
Пестрѣли пастьбища овецъ.
И проѣзжавшій здѣсь гонецъ
Ужь былъ заслушаться готовъ
Веселыхъ пѣсенъ пастуховъ.

Онъ ѣхалъ долго и легко.
Взошло ужь солнце высоко,
И вотъ, успѣлъ лишь онъ едва
Съ конемъ подняться изо рва,
Гдѣ тѣнь деревьевъ въ тѣ часы

Еще хранила слѣдъ росы, —
Какъ вдругъ онъ видитъ предъ собой
Конецъ возвышенности той.
Предъ нимъ, одѣтый въ блескъ лучей
Прекрасной осени, во всей
Красѣ и славѣ, былъ просторъ
Долины, гдѣ терялся взоръ.
Рядъ длинный золотыхъ сноповъ,
Листва осенняя лѣсовъ,
Луговъ зеленыхъ чудный блескъ,
Межь нихъ ручьевъ игривыхъ плескъ —
Все тутъ на много миль вокругъ
Слилось въ пейзажъ волшебный вдругъ:
Отъ этой горной высоты,
Гдѣ онъ стоялъ, до той черты
Изломанной по гребнямъ скалъ,
Гдѣ виноградникъ возставалъ
Надъ виноградникомъ, какъ лѣсъ,
Теряясь въ синевѣ небесъ.
И за ручьемъ, въ садахъ густыхъ,
Онъ видѣлъ шпицевъ золотыхъ
Блескъ ослѣпительный:—предъ нимъ
Вставалъ надъ садомъ вѣковымъ
И каждый мигъ все выше росъ
Предметъ поѣздки—Замокъ Розъ.

Когда жъ спускаться сталъ съ холмовъ,
Онъ за оградой изъ цвѣтовъ
Могъ слышать взмахи острыхъ косъ,
Срѣзавшихъ на полѣ овесъ.
Предъ нимъ ручей; въ долинѣ той
Онъ извивается змѣей.
На немъ былъ мостъ, и шагомъ пажъ
Проѣхалъ мостъ при звонѣ чашъ
Въ рукахъ хозяевъ этихъ нивъ.
Они подъ тѣнью старыхъ ивъ
Лежали на травѣ кругомъ,
И чаши, полныя виномъ,
У нихъ ходили по рукамъ.
При нихъ лежали здѣсь и тамъ

Серпы и косы, и предметъ
Веселья ихъ—простой обѣдъ:
Блестящій сыръ, густой творогъ,
И хлѣбъ пшеничный, лукъ, чеснокъ,
И груды яблокъ золотыхъ,
Румяныхъ, сладкихъ, наливныхъ,
И только-что снятый съ оградъ,
Прозрачный, зрѣлый виноградъ.

Услыша пѣсни, Михаилъ
Косцовъ какъ братьевъ полюбилъ.
Онъ вспомнилъ дѣтскія лѣта
И благодатныя мѣста
У вѣчно памятной рѣки.
Какъ другъ, глядя на ручейки,
Въ цвѣтахъ кувшинокъ золотыхъ,
Онъ мнилъ, что говоръ волнъ живыхъ
Ему и всѣмъ, въ комъ сердце есть,
Приноситъ радостную вѣсть.

Когда жь, ступивъ на парапетъ,
Косцовъ услышалъ онъ привѣтъ,—
Онъ въ самомъ дѣлѣ возмечталъ,
Что онъ опять ребенкомъ сталъ;
Что онъ въ день жатвы у возовъ
Заснулъ въ тѣни родныхъ сноповъ;
Что все минувшее лишь сонъ:
Король и сквайръ, и быстрый гонъ
Коня въ невѣдомый оврагъ,
И боль внезапная, и мракъ
Въ его очахъ, и долгій бредъ;
И, черной мантіей одѣтъ,
Доминиканецъ, и уходъ
За нимъ, исполненный заботъ;
Съ аббатомъ ихъ свиданья мигъ,
И дни надъ грудой пыльныхъ книгъ,
Имъ прожитые; и опять
Король, завистливая знать,
И этотъ конь, и блескъ одеждъ,
И путь безъ цѣли, безъ надеждъ.

О, какъ теперь желалъ бы онъ
Разрушить этотъ тяжкій сонъ!
Хоть разъ на мельницу взглянуть
И подъ снопами вновь заснуть!
Но, ахъ! тѣхъ чудныхъ дней опять,
Ему ужь больше не видать!

Былъ полдень. Воздуха струи
Отъ зноя зыблились вдали.
По обѣ стороны едва
Къ землѣ не гнулись дерева
Подъ грузомъ фруктовъ. Мигъ одинъ—
И вотъ встаютъ, изъ-за вершинъ
Деревъ, бойницы; красный цвѣтъ
На нихъ ужь сѣрымъ сталъ отъ лѣтъ
Съ страны подвѣтренной. Мосты
Открыты; настежь отперты
Ворота въ замокъ; всюду рвы,
Заглохли отъ густой травы,
И стаи рыбокъ золотыхъ
Блестятъ въ водѣ на солнцѣ въ нихъ:
Такъ долго царствовалъ покой
Надъ здѣшней мирной стороной!

Подъ тѣнью стрѣльчатыхъ воротъ
Лежалъ привратникъ безъ заботъ
И спалъ на постланномъ плащѣ.
Одной рукою онъ еще
Касался арфы; рядомъ съ нимъ
Лежалъ трепещущій налимъ,
Во рву сегодня на зарѣ
Имъ ловко пойманный въ норѣ,
И тутъ же, подлѣ рыбака,
Лежалъ садокъ изъ тростника.

Заслышавъ звонкій стукъ копытъ
О мостовую крѣпкихъ плитъ,
Въ просонь̀и сторожъ, заслоня
Глаза рукой отъ блеска дня,

Попытку сдѣлалъ взять копье,
И видя царское шитье
На платьѣ всадника, привсталъ
И, ухмыляяся, сказалъ:
„Стой, сударь, стой! и отвѣчай,
Зачѣмъ пріѣхалъ въ нашъ ты край?“
А тотъ: „Ты видишь, чай, и самъ,
Что королемъ я посланъ къ вамъ;
Милорду сенешалу я
Везу письмо отъ короля.“

•

„Такъ!“ тотъ отвѣтилъ. „Но теперь
Никакъ нельзя къ нему, повѣрь!
Онъ пиръ даетъ. Да что за спѣхъ
Въ семъ мірѣ, гдѣ что шагъ, то грѣхъ!
Теперь, я въ этомъ убѣжденъ,
Читать письма не станетъ онъ,
Пока гостей не угоститъ,
Пока и самъ не будетъ сытъ.
Итакъ, мой щеголь, надо ждать!
Коня ты можешь привязать,
Потомъ садись, и я спою:
„*Нашъ императоръ палъ въ бою.*“
Смѣешься?... Развѣ не слыхалъ
Какъ Барбаросса въ битвѣ палъ
Геройской смертью? А не то
Споемъ другое кое-что
На новый вкусъ, на новый ладъ:
У насъ не мало вѣдь балладъ!
Да чтожь смѣешься ты, пострѣлъ?
Ты больно молодъ и не зрѣлъ!
Ступай же прочь,—счастливый путь!
Въ саду здѣсь можешь отдохнуть
У Берты, дамы древнихъ лѣтъ.
Такой красавицы ужь нѣтъ
Теперь нигдѣ, и замокъ сей
Построенъ нѣкогда для ней.
И не забудетъ міръ земной
О славной Бертѣ—упокой
Ее Господь!“

Съ улыбкой паѣъ
Внималъ всему что̀ пьяный стражъ
Ему разказывалъ; потомъ
Сказалъ: „Пріятель! обо всемъ
Радъ слушать, даже пѣснь твою:
Какъ императоръ палъ въ бою;
Но только прежде укажи,
Гдѣ садъ той древней госпожи.
Глядя на этотъ чудный садъ,
На этотъ красныхъ башень рядъ,
Готовъ я видѣть предъ собой
Врата въ волшебный рай земной.“

„Кажись, ты правъ!“ отвѣтилъ тотъ;
„А что̀ еще тебя тамъ ждетъ!
Пройдя подъемный этотъ мостъ,
Увидишь влѣво ты помостъ
О трехъ ступенькахъ; подъ стѣной
Тамъ путь ведетъ на дворъ большой
(Зовутъ Сокольничьимъ тотъ путь);
Ступай дорогой той взглянуть
На міръ чудесъ, которыхъ ждешь.
А тамъ калитку ты найдешь
Всю въ позолотѣ, и затѣмъ
Войдешь въ роскошный нашъ эдемъ.
А я, какъ только сенешалъ,
Откушавъ, выйдетъ въ садъ изъ залъ,
Къ тебѣ немедленно приду
И въ садъ къ милорду проведу.“

„Спасибо!“ молвилъ нашъ герой,
А самъ калиткой золотой
Вступилъ въ волшебный садъ, и тамъ,
Не вѣря собственнымъ глазамъ,
Бродилъ и въ нѣгѣ думалъ онъ,
Что предъ очами видитъ сонъ:
Такъ все тамъ было хорошо,
Цвѣтисто, зелено, свѣжо!
И увяданье даже тамъ
Невольно нравилось глазамъ

Своей задумчивой красой.
Такъ щедро осени рукой
Вездѣ разсыпаны плоды
На эти древніе сады!

Бродя здѣсь долго, наконецъ
Къ фонтану подошелъ гонецъ.
И надъ бассейномъ наклонясь,
И не сводя плѣненныхъ глазъ
Съ игравшихъ рыбокъ подъ волной,
Запѣлъ онъ пѣснь про край родной,
Гдѣ жилъ онъ съ мельникомъ простымъ.
Но дальній путь, свершенный имъ,
И знойной осени пригрѣвъ,
И музыкальный птицъ напѣвъ,
И плескъ фонтана, листьевъ шумъ—
Все утомляло пылкій умъ.
Онъ подъ бассейномъ, въ тишинѣ,
Прилегъ, не думая о снѣ,
И сталъ смотрѣть, веселья полнъ,
На плескъ живыхъ въ фонтанѣ волнъ.

Но не прошло и двухъ минутъ,
Какъ, словно на смѣхъ, рѣзвый плутъ
Надъ нимъ свистѣлъ уже скворецъ,
И нашъ измученный гонецъ
Заснулъ глубокимъ, крѣпкимъ сномъ,
Забывъ письмо и все кругомъ.

Въ саду тѣнистомъ той порой
Княжна гуляла лишь съ одной
Любимой фрейлиной своей,
Ея подругой съ юныхъ дней.
Онѣ, не вѣдая о томъ,
Что кто-то спитъ тутъ крѣпкимъ сномъ,
Рѣзвились долго здѣсь и тамъ,
Ловя другъ дружку по лугамъ,
Межъ тѣмъ какъ наглый вѣтерокъ
Срывалъ съ ихъ локоновъ цвѣтокъ.

Потомъ, измучены игрой,
Нарядъ высоко-поднятой
Онѣ спустили до земли
И по аллеѣ тихо шли.
Все смокло; садъ казался пустъ;
Одинъ лишь лепетъ юныхъ устъ
Былъ слышенъ въ глубинѣ аллей,
Какъ воркованье голубей,
Познавшихъ новую любовь,
Когда весной повѣетъ вновь.

Изъ двухъ подружекъ больше всѣхъ
Княжна молчала; громкій смѣхъ
За то нерѣдко вылеталъ
У ней изъ груди, и пылалъ
Огонь въ щекахъ, и перстъ къ губамъ
Невольно прижимался самъ,
Когда, какъ рѣзвое дитя,
То съ важнымъ видомъ, то шутя,
Подружка объясняла ей
Проказы шалости своей.

Такъ здѣсь рѣзвясь отъ всѣхъ вдали,
Онѣ къ фонтану подошли,
Гдѣ, не предчувствуя того,
Кто находился близь него,
Въ изнеможеніи, безъ силъ,
Спалъ сномъ глубокимъ Михаилъ.
И у бассейна, въ тишинѣ
Его увидѣли онѣ,
И обѣ стали у угла
Фонтана. Тихо подошла
Тогда къ нему одна изъ дѣвъ,
И на красавца поглядѣвъ,
Къ княжнѣ вернулась въ торопяхъ,
Съ улыбкой страстной на устахъ,
Со взоромъ блещущимъ огнемъ.
И прежде чѣмъ княжна объ немъ
Спросить успѣла, шепчетъ ей:

„Ахъ, тише! тише! Царь царей!
Не говорила ли я вамъ,
Что онъ пріѣдетъ прежде къ намъ
Чѣмъ вашъ родитель тѣ судилъ?
Княжна, взгляните, какъ онъ милъ!
Не бойтесь, спитъ онъ крѣпкимъ сномъ!
Теперь ни колоколъ, ни громъ
Не пробудятъ его отъ сна.“

„Ахъ! что ты дѣлаешь?“ княжна
Сказала фрейлинѣ. „Уйдемъ!“
Ты знаешь, я была во всемъ
Всегда покорна королю;
И я скорѣй себя убью,
Чѣмъ соглашусь любить того,
Кто ниже сана моего.“

„Для тѣхъ, кого до этихъ поръ
Встрѣчалъ у насъ вашъ гордый взоръ,
Вы были правы,“ та въ отвѣтъ.
„Но вотъ достойный васъ предметъ!
Клянусь своею головой,
То житель рая неземной!
Скорѣй, покуда не исчезъ,
Какъ быстрый сонъ, нашъ гость съ небесъ!“

Схвативши за руку княжну,
Она влечетъ ее къ нему.
И страстной думы чудный пылъ
Румянцемъ нѣжнымъ оживилъ
Лицо принцессы; сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣй.

Такъ приближалася она
Къ лежавшему въ объятьяхъ сна,
И стыдъ прелестный распростеръ
Предъ взоромъ дѣвы тонкій флеръ
Туманныхъ образовъ. Когда жъ
Ея очамъ явился пажъ,

Она отвесть ужь не могла
Очей отъ дивнаго чела;
Уже томительной любви
Огонь пылалъ въ ея крови,
И ей ужь не было грѣха
Смотрѣть на образъ жениха.
О! сколько разъ онъ ей во снѣ,
Являлся въ золотѣ, въ бронѣ!
И ей казалось, что такимъ
Впервые явится онъ къ нимъ.
И съ этой мыслію сильнѣй
Въ ней страсть пылала, такъ что ей
Разстаться было жалко съ нимъ,
Хотя въ ней разумъ былъ томимъ
Невольнымъ ужасомъ. Блѣдна,
Напрасно силится она
Покинуть этотъ новый рай.
Когда жь, поднявъ одежды край,
Уйти хотѣла,—вдругъ она,
Поражена, изумлена,
Замѣтила смущенный видъ
И блѣдность страшную ланить
Веселой фрейлины. Пока
Взирала такъ издалека
Княжна на юношу того,—
Изъ ослабѣвшихъ рукъ его
Подруга свитокъ извлекла
И свитокъ царскій подала
Принцессѣ съ ужасомъ въ глазахъ,
Сказавъ: „Читайте! что за страхъ!
Какъ можно кровь его пролить?
Рѣшите сами, какъ тутъ быть!
Но отойдемте.“
Шага два
Отшедши, страшныя слова
Онѣ прочли:
„Лордъ сенешалъ,
„Да будетъ счастливъ мой вассалъ!
„За симъ привѣтомъ государь
„Вамъ шлетъ и требуетъ, какъ царь,

„Гонца со грамотой моей
„Сейчасъ казнить, какъ можно, злѣй,
„И, если жизнь вамъ дорога,
„На нику голову врага
„Воткнуть близь замка самого
„И ждать пріѣзда моего.
„Такъ да избавится земля
„Отъ всѣхъ злодѣевъ короля!“

Прочла едва успѣвъ признать
Отцову подпись и печать,
Какъ сила страшная любви
Проснулась вдругъ въ ея крови.
Забывъ дѣвическій весь стыдъ,
Она въ отчаяньи бѣжитъ
Къ тому, кто былъ за мигъ предъ тѣмъ
Для ней безъ имени—ничѣмъ.
„Останься съ нимъ!“ какъ смерть блѣдна,
Сказала фрейлинѣ княжна;
„Продли его покойный сонъ,
Пока здѣсь пусто; если жъ онъ
Проснется, спрячь его въ саду,
Пока обратно не приду,
И всю опасность объясни.
Смотри жъ, Адель, не измѣни!
Не то на голову твою
Всю ярость мщенья изолью!
Но, нѣтъ! я знаю, никогда
Не пожелаешь мнѣ вреда,
И будешь съ нынѣшняго дня
Въ сто разъ дороже для меня,
И не забуду я услугъ!
Ни слова! Будь умна, мой другъ!“

И бросивъ снова нѣжный взглядъ
На спящаго, чрезъ темный садъ,
Какъ только въ силахъ человѣкъ
Бѣжать, пустилась дѣва въ бѣгъ.
И вотъ, примчавшись въ теремъ свой,
Летитъ Цецилія стрѣлой

Въ свой потаенный кабинетъ....
Сейчасъ окончится банкетъ
И гости выйдутъ въ садъ.... И вотъ,
Изъ книги бланковой беретъ
Подписанный, съ печатью, листъ,
Который весь еще былъ чистъ.
И смѣлой, твердою рукой
На свиткѣ пишетъ роковой
Указъ отъ имени отца
Искуснымъ почеркомъ писца:

„Сэръ-Рефу, коему отъ насъ
„Блюсти нашъ замокъ данъ приказъ,—
„Привѣтъ и здравіе. Милордъ,
„Чьей вѣрной службой тронъ нашъ твердъ,
„Симъ извѣщаемъ, что теперь,
„Задумавъ выдать нашу дщерь
„Въ замужство, съ грамотою сей
„Мы жениха послали къ ней,
„Намъ друга вѣрнаго. Итакъ
„Сверши немедленно ихъ бракъ,
„Не дознаваясь отъ него
„О родѣ, племени его:
„Все это знаемъ мы, избравъ
„Его намъ въ сына. Прочитавъ
„Посланье наше, въ тотъ же часъ
„Ихъ обвѣнчай и дай приказъ,
„Чтобъ присягнули всѣ ему,
„Какъ принцу, сыну моему.
„Такъ все исполни поскорѣй,
„По долгу вѣрности своей.“

И эти строки дописавъ,
Перо бросаетъ, услыхавъ
Въ сосѣднемъ залѣ громъ и стукъ
Гостей встающихъ. Адскихъ мукъ
Въ ней грудь наполнилась опять
При страшной мысли—опоздать!
И пышетъ вновь любви въ ней жаръ;
Влагаетъ въ роковой футляръ

И жизнь и смерть она, потомъ
Оттискиваетъ гербъ на немъ
Печаткою изъ хрусталя,
Дарованной отъ короля.

Затѣмъ по лѣстницѣ назадъ
Сбѣгаетъ опрометью въ садъ,
Бѣжитъ, и гулъ глухой рѣчей
Вдали пирующихъ гостей
Въ ней страхомъ сердца превращенъ
Въ какой-то громъ, въ какой-то стонъ,
И даже шумъ ее пугалъ
Ея летучихъ покрывалъ.

Такъ, не примѣчена никѣмъ,
Бѣжитъ къ фонтану, гдѣ межъ тѣмъ
Одна, какъ добрый, вѣрный стражъ,
Стоитъ Адель, покуда пажъ
Спокойно спитъ наединѣ;
Сейчасъ лишь только онъ во снѣ
Перевернулся въ первый разъ,
Не открывая сонныхъ глазъ.
И вырвавъ грамоту изъ рукъ
Княжны, чуть дышущей отъ мукъ,
Отважно фрейлина спѣшитъ
Къ пажу, который крѣпко спитъ,
И смѣлой, твердою рукой
Влагаетъ свитокъ роковой
Въ шнурокъ, висящій на пажѣ,
Потомъ подходитъ къ госпожѣ.

Теперь избытокъ юныхъ силъ
Княжнѣ внезапно измѣнилъ,
И тщетно силится вздохнуть
Ея истерзанная грудь,
По тѣлу трепетъ пробѣгалъ,
И на ланитахъ померкалъ
Румянецъ жизни, и, блѣдна,
Готова въ обморокъ княжна

Упасть, и слабою рукой,
Холодной, блѣдной, не живой,
Принцесса ищетъ, гдѣ бъ найти
Себѣ опору на пути.

И тихимъ голосомъ своей
Подругѣ шепчетъ: „Поскорѣй
Уйдемъ. Ахъ! лучше умереть
Чѣмъ муки адскія терпѣть,
По странной прихоти судьбы!
Мнѣ силъ не станетъ для борьбы
Съ моимъ позоромъ! Для чего
Мнѣ показала ты его?

„Княжна!“ сказала ей Адель,
Схвативши за руку. „Ужель
Всѣхъ трехъ погубите вы насъ
Напраснымъ страхомъ въ этотъ часъ?
Такъ успокойтесь же, и Богъ
Пошлетъ конецъ вамъ всѣхъ тревогъ!“

Сказавъ, поспѣшно увлекла
Княжну изъ этого угла
Густаго сада въ глубину
Аллей тѣнистыхъ, гдѣ одну
Ее оставила, стрѣлой
Пустившись въ княжескій покой.
Кладетъ въ корзину здѣсь она
Бутылку стараго вина,
И хлѣбъ, и фруктовъ золотыхъ,
И много лакомствъ дорогихъ,
Какими древле средь пустынь
Фригіецъ угощалъ богинь,
Когда еще виною золъ
Елену въ Трою онъ не ввелъ.
Затѣмъ съ корзиной мчится въ садъ
И мимоходомъ мечетъ взглядъ
Туда, гдѣ спалъ онъ до того,
Но тамъ ужь не было его.

Такъ прибѣжала наконецъ
Въ аллею липъ, гдѣ, какъ мертвецъ,
Блѣдна и страшно ослабѣвъ,
Лежала чудная изъ дѣвъ.

И подкрѣпивъ въ ней силы вновь
Питьемъ и яствами: — „Любовь,“
Адель сказала, „да убьетъ
На сердцѣ вашемъ страхъ заботъ.
Такъ довершите же вполнѣ
Вашъ смѣлый подвигъ. Вѣрьте мнѣ,
Теперь насталъ великій часъ,
Счастливѣйшій изъ всѣхъ для васъ,
И колебанья каждый мигъ
Теперь по слѣдствіямъ великъ.“

Перстами нѣжными княжна
Беретъ къ устамъ сосудъ вина,
И взоръ прекрасной дѣвы вдругъ
Блеснулъ восторгомъ послѣ мукъ.

„Быть-можетъ, было то во снѣ,“
Адель сказала вновь княжнѣ,
„Но только помню какъ сквозь мракъ,
Предсказывалъ какой-то магъ
Милорду королю давно:
Такъ будто свыше суждено,
Что обручальное кольцо
Вамъ дастъ не царское лицо,
А сынъ крестьянина — сбылся,
Быть-можетъ, сонъ?“
Но вспыхнувъ вся,
Княжна въ отвѣтъ: „Слыхала я
Объ этихъ басняхъ! Для меня —
Была бъ позорная судьба
Женой быть смерда и раба!“

„Но Богомъ избранъ онъ самимъ,“
Адель сказала. „Какъ же съ Нимъ
Бороться намъ? А Божій другъ
Не можетъ быть изъ низкихъ слугъ.“

Но тутъ послышалися ей
Шаги придворныхъ средь аллей,
Спѣшившихъ радостную вѣсть
Младой Цециліи принесть.
„Смѣлѣй!“ Адель ей говоритъ:
„Отбросьте страхъ и ложный стыдъ;
Не говорите лишнихъ словъ,
И вы не встрѣтите враговъ.“

И ослѣпляя златомъ взоръ,
Теперь приблизился весь дворъ,
И вспыхнулъ темный садъ вкругъ нихъ
Отъ блеска мантій золотыхъ.
Но не внимая, поднялась
Княжна, въ свой замокъ устремясь.
И Богъ ей душу укрѣпилъ
Такою мощью свѣжихъ силъ,
Что всѣмъ казалось, что она,
Величья грознаго полна,
На пышный шествуетъ турниръ,
Иль на роскошный царскій пиръ.
Когда жь со свитою княжна
Вступила въ древній залъ,—она
Невольно опустила взоръ,
Не подымая до тѣхъ поръ,
Пока не стала на алтанъ:
Ей было страшно, что въ обманъ
Ее ввела любовь, явя
Ей вмѣсто бога—дикаря,
И что погибнуть должно ей
Отъ собственной руки своей.
Но на алтанъ ступивъ, опять
Она рѣшилась взоръ поднять,
И видитъ: вотъ ея женихъ,
Въ одеждѣ хоть пажей простыхъ,
Но гордъ, спокоенъ, величавъ,
Готовый ринуться стремглавъ
На бой и не смущенный тѣмъ,
Что вводитъ рокъ его въ эдемъ.
„Отъ чуда къ чуду,“ думалъ онъ,

„Судьбой я въ жизни былъ веденъ,
Пока достигнутъ наконецъ
Блаженства полнаго вѣнецъ.
Но пусть и скорбь за нимъ придетъ,
Она мой духъ не ужаснетъ.
Какъ связанъ день со днемъ, такъ я
Скую всѣ звенья бытія
Въ одну незыблемую цѣпь
И съ ней пройду земную степь.“

Но тутъ ихъ встрѣтились глаза.
И вся минувшихъ дней гроза,
Все что̀ мы бѣдствіемъ зовемъ,
Въ минуту позабылось въ немъ.
И если страхъ въ ней ожилъ вновь,
И если трепетъ, стыдъ, любовь
То гнали прочь, то всѣмъ на видъ
Являли жаръ ея ланитъ,—
То кто жь въ толпѣ не объяснилъ
Ея лица внезапный пылъ
Какъ скромность дѣвы безъ грѣха,
Впервой узрѣвшей жениха?

И вотъ, когда милордъ сэръ-Рефъ
Вслухъ прочиталъ указъ царевъ
И обратилъ глаза къ княжнѣ,—
Она, спокойная вполнѣ,
На юношу уставивъ взоръ,
Гдѣ страсть вела съ приличьемъ споръ,
Сказала:
„Принцъ! прими отъ насъ
Привѣтъ нашъ въ замкѣ въ этотъ часъ:
Мы рады всѣмъ, кого душой
Избралъ въ друзья родитель мой.
И я съ довѣрьемъ отдаюсь
Тебѣ, съ которымъ мой союзъ
Одобрилъ нашъ король, признавъ
Въ тебѣ къ тому довольно правъ.
Люби жь меня, какъ я люблю,
И постарайся жизнь мою

Счастливой сдѣлать—до тѣхъ поръ,
Пока намъ смерть закроетъ взоръ."

Не знаю, лучше ль оцѣнилъ
Слова принцессы Михаилъ
Чѣмъ Рефъ, и ясно ль отгадалъ,
Съ чего такъ голосъ задрожалъ
Въ послѣднемъ словѣ вдругъ у ней,—
Но только смыслъ ея рѣчей,
При всемъ ихъ холодѣ, зажогъ
Въ его груди святой восторгъ.

„Княжна!" воскликнулъ онъ. „Я въ честь
Вмѣню всю жизнь мою принесть
Тому на жертву, кто привелъ
Меня въ мой рай изъ бездны золъ.
Я за тебя погибнуть радъ
Ужь за одинъ твой нѣжный взглядъ,
За тотъ небесный голосъ твой,
Что̀ слаще музыки земной!"

Сказалъ, и хлынули у ней
Потокомъ слезы изъ очей,
И пала дѣва, ослабѣвъ,
Въ объятья близь стоявшихъ дѣвъ.
Но звонъ святыхъ колоколовъ
Покрылъ гулъ смутныхъ голосовъ,
И съ шумомъ двинулся народъ
Въ капеллу замка изъ воротъ.
И съ пѣньемъ стройный пѣвчихъ хоръ
Уже вступалъ въ церковный дворъ;
И предъ епископомъ, въ златой
Тіарѣ, медленной стопой
Пошли въ одеждахъ изъ парчи
Пажи, неся въ рукахъ свѣчи.

Тогда невѣсту Михаилъ
Повелъ въ капеллу и забылъ,
Въ восторгѣ чувствъ, весь міръ земной,
Ее лишь видя предъ собой.

И, страстно друга полюбя,
Шептала дѣва про себя:
„Когда бъ проникъ ты въ тайну дня,
О, такъ ли бъ ты любилъ меня!“

Пока при брачныхъ пѣсняхъ дѣвъ
И министрелей старый Рефъ
Пируетъ свадьбу въ Замкѣ Розъ, —
Король другое горе несъ.
Къ нему доходитъ вѣсть, что тотъ,
Кѣмъ поддержать онъ мнилъ свой родъ,
Въ своей столицѣ мертвъ лежитъ,
При свалкѣ уличной убитъ.

А между тѣмъ ужъ наступалъ
Тотъ день, въ который обѣщалъ
Княжну онъ съ принцемъ обручить.
И онъ въ раздумьи, какъ тутъ быть,
Рѣшился ѣхать къ ней затѣмъ,
Чтобъ вмѣсто царскихъ діадемъ
Облечь, по волѣ злыхъ судебъ,
Невѣсту въ грустный, черный крепъ.
И вотъ, какъ скоро срокъ насталъ,
Онъ рано утромъ подъѣзжалъ
При блескѣ солнечномъ къ странѣ,
Гдѣ онъ увѣренъ былъ вполнѣ
Увидѣть голову того,
Кто былъ такъ страшенъ для него.
Онъ думалъ: „Вотъ она съ копья
Сурово глянетъ на меня!“
И съ этой думой, позабывъ
О горѣ, ѣхалъ между нивъ
И беззаботно напѣвалъ
Какой-то древній мадригалъ.

Когда жъ онъ къ замку своему
Сталъ приближаться, вдругъ ему
Послышался далекій рогъ,
Но удивить его не могъ:

Всегда трубили въ замкѣ такъ,
Вдали завидя царскій флагъ.
Но, чу! Музыки боевой
Онъ ясно слышитъ маршъ живой.
Сдержавъ коня, внимаетъ онъ,
И вдругъ, какъ чѣмъ-то пораженъ,
Взываетъ къ спутникамъ: „Впередъ!
На встрѣчу мнѣ принцесса плетъ
Хоръ министрелей, въ мысли той,
Что приближается со мной
Женихъ; а онъ теперь ужь трупъ!“
Такъ скачетъ онъ, покуда трубъ,
Литавръ и флейтъ сталъ рѣзче звукъ,
И озирается вокругъ,
Чтобъ убѣдиться наконецъ,
Какъ обманулся магъ-мудрецъ,
Смутившій сердце въ немъ своимъ
Вѣщаньемъ дерзкимъ и пустымъ.

И вотъ, близь замка, у воротъ,
Гдѣ былъ въ аллею поворотъ,
Онъ видитъ шествіе вдали,
Съ какимъ выходятъ короли.

По обѣ стороны отъ нихъ
Шли дѣвы въ платьяхъ парчевыхъ
И стройно пѣли. Шелъ восѣдъ,
Въ одежду алую одѣтъ,
Хоръ министрелей; дальше рядъ
Вельможъ, одѣтыхъ какъ въ парадъ;
Затѣмъ придворные пажи
И, обнаживши палаши,
Строй латниковъ и аррьергардъ —
Лѣсъ цѣлый свѣтлыхъ алебардъ.

Съ дурнымъ предчувствіемъ въ груди,
Король сдержалъ коня въ пути;
Но ни на мигъ не измѣнилъ,
Въ упорствѣ сердца, прежнихъ силъ.

Онъ думалъ: „Если бъ даже мнѣ
Пришлось погибнуть здѣсь въ странѣ,
То и тогда не измѣнюсь,
Пока монархомъ я зовусь!“

Пока стоялъ онъ недвижимъ,
Вдругъ разступилась передъ нимъ
Толпа. И вотъ, рука съ рукой,
Вдоль по аллеѣ липъ густой,
Въ коронахъ, въ золотѣ порфиръ,
При пѣньи дѣвъ, при звукахъ лиръ,
На встрѣчу гостю изъ воротъ
Чета прелестная идетъ.
За нею много лордовъ шло;
Предъ ней, съ мечами наголо,
Несли два рыцаря сѣдыхъ
Хоругвь съ девизомъ царскимъ ихъ.

Глядитъ, нахмурившись, король;
Но прежде чѣмъ успѣла боль
Въ его растерзанной груди
Въ негодованье перейти, —
Ужъ старцы съ знаменемъ въ рукахъ
Предъ нимъ стояли въ двухъ шагахъ.
И, молча, гнѣвенъ и суровъ,
Онъ кинулъ взоръ на стариковъ;
Потомъ, потупя взоръ, спросилъ:
„Кто вы? Откуда? Кто рѣшилъ
Явиться вамъ предъ королемъ
Съ такимъ великимъ торжествомъ?“

Отвѣта не было. Кругомъ
Всѣ смолкли въ ужасѣ нѣмомъ.
Одна принцесса, вся дрожа
И крѣпко руку сжавъ пажа,
Рѣшилась отвѣчать на то;
Но словъ княжны не могъ никто
Разслушать. Страшно поблѣднѣвъ,
Король опять спросилъ: „Сэръ-Рефъ,

Съ недѣлю пажъ мой здѣсь живетъ, —
Не такъ ли?“
„Такъ!“ отвѣтилъ тотъ;
„И я, согласно твоему
Имъ привезенному письму,
Чету въ день тотъ же обвѣнчалъ.“
„Прекрасно сдѣлалъ, мой вассалъ!“
Сказалъ король. „А какъ давно
Имъ это счастіе дано?“

„О, сиръ! Сегодня десять дней,
Какъ заключенъ ихъ гименей!“
Отвѣтилъ старый Рефъ. На мигъ
Тутъ головой король поникъ,
Потомъ съ сіяющимъ лицомъ,
Окинувъ взоромъ всѣхъ кругомъ,
Вскричалъ: „Ликуй со мной, народъ!
Кричи: да здравствуетъ мой родъ
Изъ вѣка въ вѣкъ! А ты, милордъ,
Чьей вѣрной службой такъ я гордъ,
Прими, заслугами гордясь,
Цѣпь королевскую отъ насъ!
И на турнирахъ, и въ бою
Откынѣ голову твою
Да осѣняетъ предъ дворомъ
Твой вымпелъ съ герцогскимъ гербомъ!

„А ты, наслѣдникъ мой и сынъ,
Мой щитъ, мой стягъ носи одинъ;
Со мною рядомъ объѣзжай
Мой стольный градъ изъ края въ край;
Садись у трона близь меня,
Дѣлюсь съ тобой державой я!

„А ты, народъ, не презирай
Его за то, что въ нашъ онъ край
Пришелъ не въ златѣ, безъ знаменъ!
Для древнихъ; какъ его, именъ
Къ чему весь этотъ ложный свѣтъ?
Древнѣй его породы нѣтъ!

„Въ счастливыхъ Азіи странахъ,
Тамъ, гдѣ стоитъ теперь въ горахъ
Дамаскъ великій, родъ его
Возникъ отъ Бога самого,
Возникъ отъ вѣка, прежде чѣмъ
Міръ научился какъ въ яремъ
Впрягать вола. И тамъ, вблизи
Отъ рая, съ Господомъ въ связи,
Окрѣпъ и въ мудрости возросъ
Сей родъ. И вѣрьте, онъ принесъ
Въ нашъ край изъ Азіи съ собой
Не мало мудрости святой!“

„Такъ пожелаемъ же ему
Всѣхъ благъ, какъ сыну моему!“

Тутъ крикъ восторга огласилъ
Весь воздухъ. Быстро соскочилъ
Король съ коня и посреди
Двухъ новобрачныхъ, на пути
Усыпанномъ цвѣтами, сталъ,
И взявъ ихъ за руки, сказалъ:

„О, сколько бъ радостныхъ часовъ
Я могъ провесть въ тиши садовъ;
О, сколько бъ славныхъ дней внѣ бѣдъ
Я увѣнчалъ вѣнцомъ побѣдъ;
О, сколько бъ создалъ мудрыхъ дѣлъ,
О, какъ бы тронъ мой просвѣтлѣлъ,
Какимъ бы счастьемъ я сіялъ,
Какихъ бы скорбей избѣжалъ,
И сколько бъ былъ невозмутимъ
Мой міръ волненіемъ земнымъ,
Когда бъ объ этомъ лишь одномъ
Я помышлялъ, а не о томъ,
Какъ жить на тронѣ безъ тревогъ,
Какъ возсѣдитъ единый Богъ
На херувимахъ! А теперь?
Теперь, средь множества потерь,

Померкла слава дней моихъ
И прахомъ вѣтръ развѣялъ ихъ.
А изъ чего? изъ-за одинъ
Туманный призракъ безъ причинъ!
Теперь остатокъ дней моихъ
Я посвящу для дѣлъ иныхъ,
Не стану взоръ бросать назадъ,
Стремить впередъ не стану взглядъ
Къ брегамъ сомнительнымъ судьбы,
Среди безплодной съ ней борьбы!“

Тутъ знакъ король рукою далъ,
И воздухъ снова засверкалъ
Отъ блеска латъ, щитовъ и пикъ,
И прокатился снова крикъ
Въ аллеѣ липовой; потомъ
Опять замолкло все кругомъ.
Одинъ лишь дроздъ осенній вновь
Въ кустахъ пѣлъ пѣсню про любовь,
Напоминая въ тишинѣ
О миновавшейся веснѣ.

Такъ средь ликующихъ гостей,
Съ подругой юною своей,
На тронъ со славою вступилъ
Властитель новый Михаилъ.
И никогда еще народъ
Не зрѣлъ такихъ къ себѣ щедротъ,
Какія пролилъ въ оный вѣкъ
Великій этотъ человѣкъ.

ДМИТРІЙ МИНЪ.

2-го ноября 1868 г.

АСТРОНОМИЧЕСКІЯ СОБЫТІЯ

ПРОШЛАГО ГОДА

I. Солнечное затменіе 6-го августа.

Ломоносовъ былъ правъ, когда, въ *Посланіи о пользѣ стекла*, писалъ въ 1752 году Шувалову:

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ.

Дѣйствительно, стекло едва ли не самый удивительный изъ матеріаловъ, подлежащихъ обработкѣ человѣка. Въ кускѣ стекла таится чудесная сила. Это магическій кристаллъ, вводящій насъ въ міръ видѣній, открывающій окно въ невѣдомыя простому глазу области безконечно великаго и безконечно малаго, расширяющій предѣлы видимаго міра, указывающій вокругъ насъ міры невидимыхъ и невѣдомыхъ существъ. Мы зовемъ видѣніями безтѣлесныя формы, неосязаемыя видимости, призраки кажущіеся въ пространствѣ, но его не занимающіе,—вызываемые, но неуловимые. Не таковы ли тѣ оптическія изображенія, которыя ставитъ предъ нашимъ глазомъ собирающее лучи стекло телескопа, эти отчетливые призраки солнца, луны, звѣздъ, вызываемые въ магической трубѣ снаряда, изобрѣтеніе котораго легенда приписываетъ таинственнымъ наставленіямъ сверхъестественнаго существа, посѣтившаго одного голландскаго оптика въ началѣ XVII вѣка? Не видѣнье ли тѣ увеличенныя формы, въ какихъ является глазу букашка, разсматриваемая чрезъ увеличительное стекло, показывающее, вмѣсто дѣйствительной

за нимъ стоящей букашки, громадный призракъ, нахо
дящійся отъ глаза на разстояніи, быть-можетъ, солнца или
звѣздъ. То же стекло, въ одномъ случаѣ, мгновенно прибли
жаетъ безконечно далекое, въ другомъ, близкое отбрасываетъ
въ безконечную даль, за предѣлы міра. Не менѣе чудесно
дѣйствіе куска стекла, обдѣланнаго угломъ и образующаго
то что̀ зовется *призмою*. Ломоносовъ, вычисляя чудесныя
приложенія стекла, не упоминаетъ о призмѣ, дробящей бѣ
лый лучъ, и *спектрѣ* или радужной полосѣ, являющейся глазу
когда мы смотримъ сквозь призму на узкую щель, пропуска
ющую чрезъ себя лучи какого-нибудь свѣтлаго источника, и
которая для глаза невооруженнаго призмой представляется въ
видѣ простой свѣтлой линіи. Какую краснорѣчивую строфу
прибавилъ бы нашъ ученый поэтъ, еслибъ ему были извѣстны
чудеса спектральнаго анализа, сдѣлавшагося нынѣ однимъ изъ
самыхъ могущественныхъ средствъ изслѣдованія, позволяюща
го, въ числѣ прочаго, узнать какія вещества входятъ въ со
ставъ небесныхъ свѣтилъ, удаленныхъ отъ насъ на биллі
оны миль и въ самыя сильныя трубы кажущихся точками
Спектры вообще бываютъ трехъ родовъ. Происходящіе отъ
раскаленныхъ твердыхъ или жидкихъ тѣлъ представляются
въ видѣ сплошной радужной полосы; доставляемые раскален
нымъ газомъ или паромъ состоятъ изъ отдѣльныхъ цвѣтныхъ
полосокъ, раздѣленныхъ темными промежутками; происходя
щіе отъ сильно раскаленнаго источника, лучи котораго про
ходятъ чрезъ парообразную оболочку болѣе или менѣе воз
вышенной температуры, имѣютъ видъ радужной полосы усѣ
янной черными полосками. Цвѣтныя полоски спектра втора
го рода и черныя третьяго различаются въ числѣ, видѣ, рас
положеніи, смотря по химическому составу газовъ и паровъ
которымъ онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ. Изученіе
ихъ можетъ, потому, служить средствомъ химическаго ана
лиза, приложимаго не только къ тѣламъ находящимся у насъ
подъ руками, но и къ отдаленнѣйшимъ источникамъ свѣта
Поразительный примѣръ чудной связи явленій! Свѣтовая вол
на, оставившая дальнее свѣтило сто, тысячу, нѣсколько ты
сячъ лѣтъ тому назадъ, пронесясь съ неимовѣрною скоростью
по необъятному пространству до щели спектральнаго снаря
да, дробится призмой на составныя части и въ глазѣ наблю
дателя рисуетъ тонкую полоску, позволяющую заключить, что
гдѣ-то тамъ, въ невѣдомомъ мірѣ, есть водородъ, желѣзо, или

иное какое тѣло. Спектральный анализъ небесныхъ тѣлъ, въ краткій промежутокъ времени протекшій съ его открытія, уже успѣлъ, благодаря трудамъ Кирхгофа, Геггинса, Секки и другихъ, привести ко многимъ поразительнымъ результатамъ. Предстоявшее въ августѣ истекшаго года полное солнечное затменіе обѣщало новое поле изслѣдованія. Астрономы надѣялись, что могущественное средство спектральнаго анализа, будучи приложено къ наблюденію загадочныхъ явленій, обнаруживающихся вокругъ померкнувшаго свѣтила въ моментъ полнаго покрытія его луной, откроетъ ихъ тайну. Такъ какъ затменіе было не видимо въ Европѣ, то былъ снаряженъ цѣлый рядъ ученыхъ экспедицій въ отдаленныя страны, гдѣ можно было наблюдать явленіе во всей силѣ. Надежды не были обмануты. Спектральный анализъ сослужилъ новую службу и привелъ къ открытію газовой оболочки, облекающей солнце и состоящей преимущественно изъ водорода, открытію, составляющему самое блестящее изъ научныхъ пріобрѣтеній прошлаго года.

Полное солнечное затменіе одно изъ самыхъ поразительныхъ, способныхъ внушить ужасъ, зрѣлищъ природы. По мѣрѣ того какъ солнце закрывается, но еще не наступилъ моментъ полнаго покрытія, небо принимаетъ багровый цвѣтъ, становящійся темнѣе и темнѣе, распространяющійся болѣе и болѣе. Необыкновенная окраска и темнота ландшафта не похожи на тѣ какими сопровождается наступленіе ночи, и возбуждаютъ необычайное чувство грусти. Тѣнь луны кажется быстро несущеюся по земной поверхности и видима даже въ воздухѣ; быстрота ея движенія и ея напряженность производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто что-то матеріальное проносится по землѣ. Теряется всякое сознаніе разстояній, лица людей становятся багровыми, птицы спѣшатъ на покой, цвѣтки закрываются, пѣтухи начинаютъ пѣть, и весь животный міръ, повидимому, утрачиваетъ свои обычныя свойства. Нѣсколько секундъ до момента полнаго закрытія, тамъ и сямъ зажигаются звѣзды, и вокругъ темнаго диска луны начинаетъ появляться сіяніе, обыкновенно серебряно-бѣлаго свѣта; оно зовется *вѣнцомъ*. Кромѣ того, пучки лучей расходятся отъ края луны и какъ бы просвѣчиваютъ чрезъ сіяніе вѣнца. Къ этимъ чертамъ, точно рисующимъ явленіе и заимствованнымъ нами изъ описанія англійскаго астронома Локьера, прибавимъ характери-

стическій очеркъ, сдѣланный Араго по случаю полнаго затменія 1842 года, которое онъ наблюдалъ въ Перпиньянѣ. „Фонтенель, пишетъ Араго, разказываетъ, что въ 1654 году, услыхавъ о предстоящемъ полномъ затменіи, множество жителей Парижа поспѣшили укрыться въ погребахъ. Но при полномъ затменіи въ 1842 году, благодаря прогрессу знаній, публика была уже совсѣмъ въ иномъ расположеніи духа чѣмъ при затменіи 1654 года. Живое и понятное любопытство замѣнило ребяческія опасенія. Населенія даже самыхъ бѣдныхъ деревень въ Пиринейскихъ и Альпійскихъ горахъ отправились массами на возвышенныя мѣста, откуда лучше можно было видѣть явленіе; за нѣкоторыми рѣдкими исключеніями, никто не сомнѣвался въ точности предсказаній о затменіи, и каждый считалъ его однимъ изъ естественныхъ, правильныхъ и подлежащихъ вычисленію явленій, о коихъ здравый смыслъ не допускаетъ безпокоиться. Въ Перпиньянѣ только тяжело больные остались въ домахъ. Остальное населеніе съ ранняго утра заняло террасы, городскія укрѣпленія, всѣ холмы, откуда можно было надѣяться увидѣть восходъ солнца. Въ крѣпости, кромѣ многочисленныхъ группъ гражданъ, расположившихся на гласисахъ, на обширномъ дворѣ солдаты готовились къ смотру. Приближался моментъ начала затменія. Около двадцати тысячъ лицъ смотрѣли въ закопченыя стекла на блестящее свѣтило, выходящее на лазурный небосклонъ. Едва астрономы, вооруженные сильными зрительными трубками, замѣтили небольшой вырѣзокъ на западномъ краю солнца, какъ громкій крикъ, въ который слились двадцать тысячъ различныхъ голосовъ, возвѣстилъ, что ученые только нѣсколькими секундами предупредили наблюденіе двадцати тысячъ импровизованныхъ астрономовъ, замѣтившихъ явленіе простымъ глазомъ. Живое любопытство, соревнованіе, желаніе не быть предупрежденнымъ, повидимому, сообщили органу зрѣнія необычную проницательность. Съ этого мгновенія и до полнаго исчезновенія свѣтила въ положеніи зрителей не обнаружилось ничего особенно замѣчательнаго. Но когда солнце, уменьшенное до размѣра узкой ленточки, стало бросать весьма слабый свѣтъ, всѣми овладѣло нѣкотораго рода безпокойство: каждый чувствовалъ потребность сообщить свои впечатлѣнія сосѣдямъ; послышался глухой ропотъ, похожій на отдаленный шумъ моря послѣ бури. Гулъ этотъ становился все сильнѣе по

мѣрѣ уменьшенія солнечнаго серпа. Наконецъ, серпъ исчезъ вовсе, слабый свѣтъ внезапно смѣнился мракомъ, и эта фаза явленія была отмѣчена абсолютнымъ молчаніемъ съ такою же точностію, какъ бы маятникомъ астрономическихъ часовъ. Величіе явленія одержало верхъ надъ рѣзвостью юности, надъ легкомысліемъ, которое иные люди считаютъ признакомъ своего превосходства, и надъ шумнымъ равнодушіемъ, которое обыкновенно выказываютъ ко всему солдаты. Въ воздухѣ царило глубокое спокойствіе: самыя птицы перестали пѣть. Послѣ торжественнаго ожиданія около двухъ минутъ, радостные крики и восторженныя рукоплесканія привѣтствовали съ такимъ же единодушіемъ и также внезапно появленіе снова первыхъ солнечныхъ лучей. За меланхолическимъ настроеніемъ, навѣяннымъ невыразимыми ощущеніями, послѣдовало явно и откровенно выраженное чувство удовольствія, порывы котораго никто не старался скрывать."

Описываемое Араго затменіе подало поводъ къ замѣчательному открытію розовыхъ *выступовъ* (protuberences), которые легко можно замѣтить на окраинѣ загороженнаго луной солнечнаго диска, если наблюдать затменіе въ зрительную трубу, и которые иногда можно усмотрѣть даже невооруженнымъ глазомъ. Въ 1842 году всѣ наблюдатели, изучавшіе затменіе, ясно замѣтили три розовые выступа, выдававшіеся изъ-за темнаго тѣла луны. „Одни", говоритъ Гершель, „сравнивали ихъ съ пламенемъ, другіе съ горами; но огромная величина ихъ (чтобы были замѣтными для невооруженнаго глаза, они должны были имѣть болѣе 60.000 верстъ вышины) и ихъ слабое освѣщеніе ясно доказывали, что это были облачныя массы незначительной плотности. Въ полное затменіе 1851 года опять были наблюдаемы розовые выступы, и одинъ изъ нихъ, своею особенною формой, ясно обнаружилъ свою облачную природу, ибо поднимался вертикально надъ солнечнымъ дискомъ и потомъ круто поворачивалъ подъ прямымъ угломъ, напоминая собою столбъ дыма, который поднимается прямо въ тихую погоду и потомъ распространяется горизонтально, когда встрѣчаетъ воздушный токъ въ высшихъ слояхъ атмосферы. Къ довершенію сходства, была замѣчена и совершенно отдѣльная масса розоваго цвѣта." Не всѣ астрономы раздѣляли мнѣніе Гершеля объ облачной природѣ выступовъ, и было составлено не мало теорій для объясненія загадочнаго явленія, которое нѣкоторыми разсматривалось даже какъ

чисто оптическое. Изученіе явленія помощію спектроскопа обѣщало любопытные результаты, и астрономы указывали на необходимость снарядить ученыя экспедиціи для наблюденія въ Индіи затменія 18-го августа (н. с.) прошлаго года, которое не было видимо въ Европѣ. Были приняты чрезвычайныя мѣры. Англійское правительство отправило въ Индію маіора Теканта (Tennant), снабдивъ его значительнымъ запасомъ снарядовъ, между которыми былъ телескопъ большихъ размѣровъ для снятія фотографическихъ изображеній и особый спектроскопъ, построенный извѣстнымъ мастеромъ Леддомъ, изобрѣтателемъ динамо-электрической машины. Королевское Общество въ Лондонѣ, въ свою очередь, снабдило инструментами доктора Гершеля. Изъ Франціи также отправлены двѣ экспедиціи, одна,—для которой, по ходатайству министра просвѣщенія Дюрюи, законодательный корпусъ внесъ въ бюджетъ 50.000 франковъ,—отъ обсерваторіи, другая—отъ Бюро Долготъ. Съ первою отправились гг. Стефанъ и Рейе, со второю г. Жансанъ (Janssen). Пруссія и Австрія, съ своей стороны, выслали отряды наблюдателей. Наиболѣе замѣчательные результаты доставила экспедиція Жансана, молодаго ученаго, уже и прежде извѣстнаго любопытными спектральными изысканіями, а нынѣ пріобрѣтшаго всеобщую извѣстность замѣчательнымъ открытіемъ, сдѣланнымъ имъ по случаю затменія 18-го (6-го) августа. При послѣднихъ выборахъ въ Парижскую Академію Наукъ, имя г. Жансана уже было внесено въ списокъ кандидатовъ на званіе академика по отдѣлу физики на мѣсто покойнаго Пулье (мѣсто это, какъ извѣстно, занялъ Жаменъ). Еще до послѣдней экспедиціи г. Жансанъ имѣлъ случай, также по порученію Бюро Долготъ, сдѣлать *первое* приложеніе спектральнаго анализа къ изученію солнечнаго затменія. Это было въ мартѣ 1867 года, когда г. Жансанъ былъ посланъ на берега Адріатическаго моря для наблюденія кольцеобразнаго затменія 6-го марта. Жансанъ изучилъ съ величайшимъ вниманіемъ группу слабыхъ, сѣроватыхъ полосокъ, происходящихъ отъ присутствія желѣза въ массѣ солнца, имѣя въ виду сравнить свѣтъ идущій отъ полнаго диска солнца со свѣтомъ испускаемымъ его краями въ моментъ затменія. Никакой разницы по отношенію къ этимъ полоскамъ не было замѣчено.

Первое извѣстіе о наблюденіяхъ г. Жансана, во время затменія 18-го августа, принесъ телеграфъ на съѣздъ брит-

скихъ ученыхъ въ Норвичѣ и въ Парижскую Академію Наукъ. Телеграфъ гласилъ кратко: „Затменіе наблюдалось; выступы; очень замѣчательный и неожиданный спектръ; выступы газоваго свойства.“ („Eclipse observed, protuberances, spectrum very remarquable und unexpected, protuberances gazeous nature.“) 24-го октября французскій министръ народнаго просвѣщенія получилъ отъ г. Жансана письмо, а въ концѣ ноября достигъ Парижа и болѣе обширный отчетъ счастливаго наблюдателя на имя предсѣдателя Бюро Долготъ, маршала Вальяна, посланный изъ Калькутты 3-го ноября.

Въ своемъ отчетѣ г. Жансанъ пишетъ, что прибывъ въ Мадрасъ, онъ встрѣтилъ самый предупредительный пріемъ со стороны англійскихъ властей, и основываясь на собранныхъ свѣдѣніяхъ, избралъ мѣстомъ наблюденія Гунтуръ (Guntour), довольно обширный индѣйскій городъ, центръ значительной торговли хлопкомъ. Онъ расположился въ домѣ одного французскаго негоціанта, однимъ изъ лучшихъ въ городѣ, и на обширной террасѣ устроилъ свою временную обсерваторію. При немъ было нѣсколько большихъ зрительныхъ трубъ шести-дюймоваго отверстія со спектральными приборами, телескопъ Фуко двадцати одного сантиметра въ діаметрѣ, собраніе термометровъ, барометровъ и пр. Въ наблюденіяхъ ему помогали: г. Редье, молодой гардемаринъ, и трое членовъ семейства негоціанта. Затменіе приближалось, но время было дождливое и пасмурное. Къ счастію, въ самый день затменія, солнце, взошедшее среди тумана, скоро его разсѣяло и явилось во всемъ южномъ блескѣ. Заслоняемый луною, дискъ солнца началъ уменьшаться, и скоро осталась лишь тонкая полоса свѣта. Щель спектральнаго аппарата была строго направлена по краю луннаго диска и передвигалась соотвѣтственно движенію этого края, такъ что какъ бы самою луной подводилась къ низшимъ слоямъ солнечной атмосферы въ моментъ, когда оба диска становились касательными одинъ къ другому. Наступила темнота, и тотчасъ спектральныя явленія измѣнились самымъ замѣчательнымъ образомъ. Два спектра, состоящіе каждый изъ пяти, шести яркихъ полосокъ: красной, желтой, зеленой, голубой и фіолетовой, заняли поле зрѣнія и замѣнили собою обыкновенный солнечный спектръ, который былъ видимъ до того времени. Одновременное наблюденіе чрезъ трубу показало, что эти спектры принадлежали двумъ великолѣпнымъ розовымъ выступамъ,

обнаружившимся вправо и влѣво отъ мѣста прикосновенія, и изъ которыхъ одинъ походилъ на пламя кузнечнаго горна, выносимое сильнымъ вѣтромъ изъ отверстій горючаго матеріала. Другой походилъ на массу снѣжныхъ горъ, основаніемъ покоящихся на лунномъ краѣ и освѣщенныхъ заходящимъ солнцемъ. Упомянутое наблюденіе прямо показало, что оба выступа газоваго свойства, что составъ ихъ одинаковъ и что въ немъ преобладаетъ водородъ. Темный промежутокъ между двумя спектрами свидѣтельствовалъ до извѣстной степени противъ теоріи Кирхгофа, согласно которой раскаленное тѣло солнца окружено атмосферой, содержащею въ себѣ, въ парообразномъ состояніи, различныя вещества, поглощающія нѣкоторые изъ лучей, идущихъ отъ раскаленнаго тѣла, и порождающія такъ-называемыя Фраунгоферовы полосы солнечнаго спектра. Еслибы такая атмосфера существовала, то она должна бы была дать спектръ и притомъ даже болѣе яркій чѣмъ спектръ выступовъ, образованныхъ такимъ тонкимъ и мало свѣтящимъ газомъ, какъ водородъ.

Пораженный яркостью спектра выступовъ, Жансанъ тотчасъ напалъ на мысль, нельзя ли наблюдать этого рода спектры *во всякое время, помимо солнечнаго затменія*. Погода не позволила произвести наблюденіе въ самый день затменія; но на другой день, 19-го августа, вскорѣ послѣ восхода солнца, Жансанъ приступилъ къ наблюденію и установилъ аппаратъ такъ, что щель пришлась по самому краю солнечнаго диска, въ томъ мѣстѣ гдѣ наканунѣ видны были выступы. Эта щель должна была дать два спектра: одинъ отъ солнца, другой отъ выступа. Яркость солнечнаго спектра, очевидно, должна была затруднить наблюденіе. Жансанъ направилъ щель такъ, чтобъ оставалась видимою лишь менѣе свѣтящаяся часть спектра, а желтый, зеленый и голубой цвѣта были загорожены, и передвигалъ ее послѣдовательно по краю солнечнаго диска, отыскивая страну выступовъ. Очень скоро онъ увидѣлъ маленькую блестящую красную полоску, находившуюся строго на продолженіи черной полосы G солнечнаго спектра. Вскорѣ обнаружилась и другая яркая полоска. Обозрѣвъ послѣдовательно край солнца, можно было убѣдиться, что длина и яркость полосокъ, тамъ и сямъ совсѣмъ прерывавшихся, были весьма неодинаковы въ разныхъ мѣстахъ, свидѣтельствуя о присутствіи или отсутствіи выступовъ и объ ихъ разнообразномъ строеніи. Такимъ образомъ,

говоритъ г. Жансанъ въ письмѣ къ министру, „я былъ въ состояніи какъ бы присутствовать при новомъ затменіи, продолжавшемся притомъ цѣлый день. Выступы значительно измѣнились; почти не осталось слѣда большаго выступа, и распредѣленіе газоваго вещества было совсѣмъ иное. Отъ этого дня и до 4-го сентября я постоянно изучалъ солнце въ этомъ отношеніи. Я сдѣлалъ карты выступовъ, которыя показываютъ съ какою быстротой (часто въ нѣсколько минутъ) громадныя массы газа мѣняются въ формѣ и перемѣщаются. Наконецъ, въ продолженіи этого періода я собралъ значительное число фактовъ относительно физическаго строенія солнца.“ Самую возможность наблюдать спектръ выступовъ при полномъ солнечномъ сіяніи, несмотря на то что свѣтъ фотосферы, испускаемый раскаленными твердыми или жидкими частицами, безъ сравненія ярче слабаго свѣта газообразныхъ выступовъ, г. Жансанъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Свѣтъ солнечный, при анализѣ помощію призмы, распредѣляется по всей длинѣ спектра и потому значительно ослабляется: выступы же доставляютъ лишь небольшое число свѣтовыхъ пучковъ, которыхъ яркость становится сравнимою съ соотвѣтствующими солнечными лучами. Такимъ образомъ, въ трубу спектральнаго снаряда полосы спектра выступовъ легко усматриваются подъ солнечнымъ спектромъ, тогда какъ прямыя изображенія выступовъ исчезаютъ въ ослѣпительномъ блескѣ фотосферы. По новѣйшимъ извѣстіямъ, г. Жансанъ открылъ связь между выступами и солнечными пятнами. Въ виду исключительной важности наблюденій г. Жансана, срокъ его экспедиціи продолженъ, и ему посланы новыя суммы.

Въ высшей степени замѣчательно, что въ то самое время, когда достигла Парижской Академіи вѣсть объ открытомъ г. Жансаномъ способѣ изучать выступы независимо отъ солнечнаго затменія, изъ Англіи пришло извѣстіе объ открытіи г. Локьеромъ совершенно подобной же методы изученія газовой оболочки солнца. Говорятъ, что письмо г. Жансана было подано чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того какъ г. Варренъ-Деларю сообщилъ президенту Академіи Наукъ, Делоне, о достиженіи г. Локьеромъ (Lockyer) подобныхъ же результатовъ.

Что касается до открытія г. Локьера, то его исторія слѣдующая. Около двухъ лѣтъ тому назадъ г. Норманъ Локьеръ представилъ Лондонскому Королевскому Обществу

записку, въ которой онъ обсуждалъ двѣ теоріи солнечныхъ пятенъ, одну г. Фая, другую гг. Варрена-Деларю, Стюарта и Лёви. По первой теоріи, солнечныя пятна происходятъ отъ восходящихъ потоковъ газа, изъ нѣдръ солнца прорывающихся чрезъ яркую фотосферу; по другой же теоріи происхожденіе пятенъ должно приписать нисходящимъ потокамъ солнечной атмосферы, увлекающимъ за собою, или же охлаждающимъ часть раскаленной фотосферы. Г. Локьеръ склонился на сторону второй гипотезы, и ему удалось доказать, что солнечныя пятна суть несомнѣнно воронкообразныя углубленія въ солнечной фотосферѣ. Въ заключеніе своей записки г. Локьеръ дѣлаетъ слѣдующій вопросъ: „Нельзя ли при помощи спектроскопа убѣдиться въ существованіи „краснаго пламени", которое было обнаружено въ атмосферѣ солнца при полныхъ затменіяхъ, хотя оно въ другое время ускользаетъ отъ изслѣдованій?" Такимъ образомъ несомнѣнно, что первая мысль о наблюденіи спектра выступовъ, помимо затменія, принадлежитъ г. Локьеру. Чтобъ осуществить ее, онъ употребилъ спектроскопъ, коимъ уже пользовался при изслѣдованіи пятенъ. Онъ надѣялся, что когда телескопъ, снабженный спектральнымъ приборомъ, будетъ направленъ къ тому мѣсту, гдѣ находятся выступы, то онъ увидитъ ихъ спектръ выступающимъ изъ-за свѣтлаго спектра, принадлежащаго солнцу. Но онъ разочаровался: употребленный имъ спектроскопъ не имѣлъ требуемыхъ качествъ. Тогда онъ поручилъ оптику Броунингу устроить болѣе сильный спектроскопъ, и какъ только осенью нынѣшняго года инструментъ былъ въ его рукахъ, онъ возобновилъ свои наблюденія и, наконецъ, былъ вознагражденъ успѣхомъ: онъ увидѣлъ спектръ красныхъ выступовъ и убѣдился, что выступы эти газообразнаго свойства. Окончательное заключеніе обоихъ ученыхъ, такъ замѣчательно совпавшихъ въ своемъ открытіи, состоитъ въ томъ, что солнце со всѣхъ сторонъ окружено газовою оболочкой, главная составная часть которой есть водородъ.

Открытіе Жансена и Локьера такимъ образомъ значительно подвинуло впередъ наши свѣдѣнія о „лампадѣ міра", какъ Кеплеръ называетъ солнце. До изобрѣтенія спектральнаго анализа было одно средство составить идею о физическомъ строеніи солнца: это изученіе солнечныхъ пятенъ. Галилей считалъ ихъ облаками, носящимися въ солнечной

атмосферѣ надъ раскаленнымъ ядромъ солнца. Внимательно наблюдая пятна, Вильсонъ и Боде, независимо одинъ отъ другаго, пришли къ совершенно иной теоріи, развитой потомъ Вильямомъ Гершелемъ и, въ нѣсколько измѣненной формѣ, до послѣднихъ лѣтъ господствовавшей въ наукѣ. Согласно этой теоріи, солнечное ядро есть сравнительно темное тѣло, окруженное на нѣкоторомъ разстояніи свѣтящею и грѣющею облачною фотосферой. Когда потоки солнечной атмосферы прорываютъ фотосферу, тогда чрезъ отверстіе, образовавшееся какъ въ свѣтломъ облачномъ слоѣ, такъ и въ другомъ болѣе глубокомъ слоѣ несвѣтящихся облаковъ, мы усматриваемъ темное ядро солнца: образуется солнечное пятно. Согласно гипотезѣ упомянутыхъ ученыхъ, температура этого ядра вовсе не высока, и солнце вовсе не представляетъ грозной картины, которую рисовалъ нашъ поэтъ словами:

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны кружатся
Борющись множество вѣковъ,
Тамъ камни какъ вода кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

„Я считаю солнце“, говоритъ напротивъ того Боде, „не за пламенный шаръ, надъ разрушеніемъ котораго трудится неутушимый огонь, а за первоначальное планетное тѣло, на широкой и спокойной поверхности котораго благодѣтельная рука Творца міровъ оказывается, конечно, столь же дѣятельною на счастіе созданій, какъ и на поляхъ земли.... Его счастливые обитатели освѣщаются неугасаемымъ свѣтомъ, на ослѣпительный блескъ котораго они безопасно взираютъ, и который, по мудрому устроенію Всемилосердаго, при посредствѣ облачнаго слоя, доставляетъ имъ нужную теплоту.... Когда по временамъ свѣтовая матерія мѣстами раздѣляется, жители солнца могли бы проникнуть взоромъ въ пространство, еслибы блестящая оболочка свѣтовой матеріи дозволила имъ увидѣть планеты и великолѣпное зрѣлище звѣзднаго неба“ (Bode „Gedanken über die Natur der Sonne“ въ *Beschäftigungen der Berlinischen Gesellschaft naturforschender Freunde*, Berlin, 1776 г., стр. 245). „Поэты,“ говоритъ въ свою очередь Гершель (*Philosoph. Transact.* 1795), „изображаютъ солнце жилищемъ блаженныхъ, другіе помѣщаютъ на немъ злыхъ; всѣ эти вымыслы плодъ воображенія. Что до меня

касается, то я имѣю нынѣ основаніе, утверждаясь на астрономическихъ индукціяхъ, разсматривать его какъ обитаемый міръ. Мнѣ скажутъ: если на землѣ, отстоящей на 95 милліоновъ миль отъ солнца, теплота солнечныхъ лучей часто невыносима, то какова же должна она быть на самой поверхности шара, испускающаго лучи!" Въ отвѣтъ на это возраженіе, Гершель ссылался на мнѣніе физиковъ, утверждавшихъ, что солнечные лучи порождаютъ теплоту только вступая въ среду способную нагрѣваться. Онъ указываетъ на холодъ царствующій на горахъ, на отсутствіе явленій тепла въ фокусѣ зажигательнаго стекла, пока не внесено туда какое-нибудь тѣло, и прибавляетъ: „такъ какъ даже на землѣ теплота порождаемая солнечными лучами зависитъ отъ тѣлъ, которыя они встрѣчаютъ, то (для объясненія умѣренности ихъ дѣйствія на поверхности самого солнца) достаточно допустить, что атмосфера и самый шаръ солнца такого состава, что свѣтъ оказываетъ на нихъ мало дѣйствія. Самое обиліе свѣтоиспусканія доказываетъ, что свѣтъ удерживается тамъ очень слабымъ химическимъ сродствомъ." Въ послѣднее время воззрѣнія на строеніе солнца совершенно измѣнились. Кирхгофъ, знаменитый творецъ (вмѣстѣ съ Бунзеномъ) спектральнаго анализа, возвратился къ первоначальной мысли Галилея. Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи *О солнечномъ спектрѣ*, онъ разсматриваетъ солнце какъ „твердое или жидкое ядро, находящееся въ высшей степени раскаленія и окруженное атмосферой нѣсколько низшей температуры.... Въ этой атмосферѣ мѣстныя охлажденія должны образовать облака, подобно тому какъ образуются они въ земной атмосферѣ, только иного химическаго состава...." Эти облака и суть солнечныя пятна. Эта гипотеза встрѣтила сильныя возраженія со стороны ученыхъ изучавшихъ солнечныя пятна, и дѣйствительно, она оказывается недостаточною для объясненія подробностей этого явленія. Удовлетворительнѣе гипотеза французскаго астронома Фая (Faye) болѣе и болѣе распространяющаяся между астрономами. По мнѣнію г. Фая, страшно высокая температура солнца заставляетъ предполагать, что различныя тѣла, открытыя на солнцѣ помощію спектральнаго анализа, должны находиться въ его атмосферѣ въ газообразномъ состояніи. Съ другой стороны, какъ какъ объемъ солнца въ 1.280.000 разъ болѣе объема земли, а масса его только въ 320.000 разъ превосходитъ массу земли, то средняя плотность солнца

вчетверо менѣе плотности земли и, слѣдовательно, не болѣе плотности воды. Поэтому нельзя предположить, чтобы солнце было твердое тѣло, покрытое оболочкой свѣтящихся облаковъ, образующихъ такъ-называемую фотосферу. Солнце есть (передаемъ гипотезу г. Фая словами астронома Делоне въ его рѣчи объ устройствѣ вселенной, произнесенной въ годичномъ собраніи Французскаго Института) газообразная масса весьма возвышенной температуры. По причинѣ этой высокой температуры, различныя тѣла, входящія въ составъ солнца, не могутъ находиться въ состояніи химическаго соединенія между собой, а находятся въ простомъ видѣ; но охлажденіе солнечной поверхности, зависящее отъ лученспусканія въ небесныя пространства, дѣлаетъ химическія соединенія возможными, вслѣдствіе чего образуются твердые осадки въ мелко-раздробленномъ, пылеобразномъ видѣ: они-то, раскаляясь, производятъ ослѣпительный свѣтъ фотосферы. По причинѣ же своей сравнительно значительной плотности, эти твердые осадки мало-по-малу опускаются во внутренность массы, гдѣ высокою температурой разлагаются и снова приходятъ въ газообразное состояніе. Эти нисходящія теченія, въ свою очередь, обусловливаютъ образованіе теченій восходящихъ, посредствомъ коихъ внутреннія частицы приближаются къ поверхности, и такимъ образомъ вся газообразная масса принимаетъ участіе въ поддержаніи громадной работы, производящей теплоту и свѣтъ на поверхности свѣтила. Видимыя же обыкновенно на поверхности солнца пятна, измѣняющіяся въ числѣ, положеніи, формѣ и величинѣ, по этой теоріи, суть не что иное какъ нарушенія связи, пробѣлы, случайно производимые среди блестящихъ облаковъ фотосферы упомянутыми теченіями вещества въ газообразной и потому сравнительно мало свѣтящейся формѣ.

II. Прохожденіе Меркурія предъ солнцемъ. *

5-го ноября (по новому стилю) прошедшаго года, астрономы имѣли случай наблюдать любопытное явленіе прохожденія

* Историческія подробности этого очерка заимствованы изъ статьи *Cornhill Magazine* (ноябрь 1868 г.)

Меркурія предъ солнцемъ. Вообще прохожденія нижнихъ планетъ чрезъ солнечный дискъ нельзя назвать явленіями обыкновенными. Въ послѣдній разъ прохожденіе Меркурія случилось 11-го ноября н. ст. 1861 года, и послѣ прохожденія прошедшаго года вновь произойдетъ не ранѣе 6-го мая 1878 года. Прохожденія Венеры еще болѣе рѣдки; „они повторяются, говоритъ Джонъ Гершель, чрезъ весьма неравные, но правильно возвращающіеся промежутки времени, послѣдовательно чрезъ 8, 122, 8, 105, 8, 122 и т. д. лѣтъ, и случаются всегда въ іюнѣ или въ декабрѣ (прохожденія Меркурія бываютъ въ маѣ или въ ноябрѣ). Въ астрономическомъ отношеніи, прохожденія Венеры имѣютъ гораздо большее значеніе чѣмъ прохожденія Меркурія, такъ какъ на основаніи наблюденія прохожденія Венеры опредѣляется разстояніе земли отъ солнца, эта важная единица, которою мѣряются небесныя пространства. Въ послѣднее прохожденіе Венеры, въ 1769 году, англійское, французское и русское правительства снаряжали особыя экспедиціи для наблюденія этого явленія. Къ числу ихъ принадлежала и экспедиція Кука въ Отаити. Причина, по которой прохожденія Меркурія не могутъ служить къ опредѣленію разстоянія земли отъ солнца, заключается въ близости Меркурія къ солнцу. Но и прохожденія Меркурія имѣютъ важное значеніе, какъ повѣрка теоріи наблюденіемъ. Послѣднее прохожденіе было блистательнымъ подтвержденіемъ совершенства астрономической теоріи въ наше время. Моменты прохожденія, предсказанные на основаніи вычисленій, почти вполнѣ совпали съ моментами, данными непосредственными наблюденіями. Разница равнялась нѣсколькимъ секундамъ. Между тѣмъ въ 1799 году вычисленія Лаланда оказались ошибочными на много десятковъ минутъ. Прохожденіе было предсказано на 7-е мая, въ такой-то часъ, въ такую-то минуту. Избранная публика стеклась въ обсерваторію. Нѣтъ ни планеты, ни прохожденія. Толпа разошлась, но на дворѣ hôtel de Cluny Деламбръ остался у трубы и послѣ долгаго ожиданія увидѣлъ, наконецъ, Меркурія на солнцѣ.

Открытіе еще древними астрономами существованія планеты Меркурія даетъ высокое понятіе о ихъ наблюдательности. Она лежитъ такъ близко къ солнцу, что ея нельзя видѣть иначе какъ при полномъ сіяніи утра или въ вечернія сумерки. Лапласъ замѣчаетъ: „Безъ сомнѣнія, необ-

ходимъ былъ длинный рядъ наблюденій, чтобъ узнать тождество двухъ свѣтилъ, которыя были видны попеременно утромъ и вечеромъ, то отступая отъ солнца, то приближаясь къ нему; но такъ какъ одно никогда не появлялось, пока не исчезло другое, то, наконецъ, пришли къ заключенію, что это одна и та же планета, которая колеблется по обѣ стороны солнца." Однакоже, подобно тому какъ планета Венера была извѣстна подъ двумя именами: Геспера и Фосфора, и Меркурій долгое время признавался Греками подъ двумя именами: Аполлона, бога дня, и Меркурія, бога воровъ, „который пользуется вечеромъ, поясняетъ Араго, для совершенія своихъ безчинствъ". Но весьма также вѣроятно, что названіе Меркурія было дано планетѣ по причинѣ быстроты ея движеній и трудности ея открытія. Въ нашихъ широтахъ эта планета рѣдко бываетъ видима простымъ глазомъ. Разказываютъ, что Коперникъ, умершій 70 лѣтъ отъ роду, на склонѣ своей жизни жаловался, что хотя онъ часто пытался, но никогда не могъ усмотрѣть эту планету, какъ замѣчаетъ Гассенди, „вѣроятно вслѣдствіе густыхъ паровъ, восходящихъ на горизонтъ на берегахъ Вислы, гдѣ жилъ знаменитый астрономъ". Вообще, Меркурій вполнѣ заслуживаетъ названіе, данное ему въ 1686 году однимъ старымъ англійскимъ писателемъ, который описывалъ эту планету какъ „лукаваго лакея солнца, рѣдко показывающаго свою голову въ этихъ краяхъ, какъ будто бы онъ былъ въ долгу".

Лепсіусъ въ *Chronologie der Aegipter* сообщаетъ, что Египтяне съ раннихъ временъ наблюдали эту планету, которую они считали посвященною богу Гору. Индѣйцы соединяли Меркурія съ Буддой, а племя Азедитовъ въ западной Аравіи исключительно поклонялось этой планетѣ. Астрономъ Птоломей, въ девятой книгѣ *Альмагеста*, насчитываетъ не менѣе четырнадцати точныхъ наблюденій Меркурія, доходящихъ по времени за 261 годъ до нашей эры и принадлежащихъ частію къ систематическимъ трудамъ древнихъ халдейскихъ астрономовъ. Время самаго ранняго изъ этихъ наблюденій обозначено шестьдесятъ лѣтъ по смерти Александра Великаго, утромъ, въ 19-й день египетскаго мѣсяца Тота. При этомъ наблюденіи мѣсто планеты было тщательно опредѣлено по отношенію къ двумъ неподвижнымъ звѣздамъ, изъ коихъ ни одна, конечно, никогда не была видима въ нашихъ широтахъ въ такія ясныя

сумерки, когда обыкновенно показывается Меркурій. Есть еще одно извѣстное наблюденіе Меркурія, которое еще болѣе замѣчательно. 9-го іюня, въ 118 годъ христіанской эры, китайскіе астрономы замѣтили планету близь небольшой кучи звѣздъ, называемой Пчелинымъ Ульемъ. Изъ выраженій, въ коихъ упоминается объ этомъ наблюденіи, оказывается, что эта куча звѣздъ была дѣйствительно видима въ одно время съ планетой. Но въ нашихъ широтахъ куча эта ни когда не бываетъ видна иначе какъ въ самыя темныя ночи. Нѣтъ сомнѣнія, однакоже, въ точности китайскихъ астрономовъ, ибо извѣстный французскій астрономъ Леверрье вычислилъ мѣсто планеты въ указанное время и нашелъ, что она должна была быть у самаго Пчелинаго Улья.

Еще въ девятомъ столѣтіи утверждали, будто Меркурій былъ виденъ проходящимъ по солнечному диску. Авторъ книги *Жизнь Карла Великаго* утверждаетъ, что планета была видима какъ черное пятно на солнцѣ въ теченіе восьми послѣдовательныхъ дней. Кеплеръ, которому было хорошо извѣстно, что Меркурій движется слишкомъ быстро, чтобы пробыть даже восемь часовъ на солнечномъ дискѣ, старался объяснить, что первоначальное выраженіе въ рукописи было не *octodies*, а *octoties*, варварская форма вмѣсто *octies*, то-есть восьмой разъ. Упоминаютъ также, что одинъ испанскій Мавръ, Аверроесъ, видѣлъ планету на солнцѣ въ 1161 году, въ то время когда она дѣйствительно была весьма близка къ линіи, соединяющей центры земли и солнца. Кеплеръ, въ свою очередь, полагалъ, что видѣлъ планету на солнцѣ. Изобрѣтеніе телескопа вскорѣ потомъ доказало, что предполагаемыя прохожденія въ сущности слѣдовало приписать присутствію необыкновенно большихъ пятенъ на поверхности солнца. Теперь извѣстно, что планета не довольно велика, чтобы быть видною простымъ глазомъ при прохожденіи по солнечному диску. Кеплеръ первый обратилъ вниманіе на прохожденіе планетъ. Онъ удостовѣрился, что прохожденія Венеры случаются гораздо рѣже чѣмъ прохожденія Меркурія. Когда онъ окончилъ свои таблицы планетныхъ движеній, онъ получилъ возможность придти къ довольно точнымъ результатамъ относительно эпохъ прохожденій Меркурія и Венеры по солнечному диску. Дѣйствительно, два года позднѣе онъ возвѣстилъ, что въ 1631 году

Меркурій и Венера пройдутъ по поверхности солнца: Меркурій 7-го ноября, а Венера 6-го декабря.

Астрономъ Гассенди сдѣлалъ въ Парижѣ приготовленія для наблюденія прохожденія. Способъ его наблюденія надъ явленіемъ былъ замѣчателенъ. Чрезъ небольшое отверстіе въ ставнѣ былъ пропущенъ солнечный свѣтъ въ темную комнату и далъ изображеніе солнца около девяти или десяти дюймовъ въ діаметрѣ на бѣломъ экранѣ, на которомъ былъ начерченъ кругъ, тщательно раздѣленный на части, и все это было устроено такимъ образомъ, чтобъ изображеніе солнца въ точности совпадало съ кругомъ. Такъ какъ Гассенди особенно желалъ опредѣлить точное время вступленія планеты на солнечный дискъ или, предполагая что ему это не удастся, по крайней мѣрѣ опредѣлить время выхожденія, и такъ какъ у него не было надежныхъ часовъ, то онъ рѣшилъ тщательно вычислять высоту солнца нѣсколько разъ во время прохожденія, и особенно въ моментъ выхожденія. Поэтому, для него былъ необходимъ помощникъ; этотъ помощникъ долженъ былъ работать въ другой комнатѣ, такъ какъ изъ комнаты, въ которой работалъ самъ Гассенди, солнечный свѣтъ былъ тщательно исключенъ, кромѣ небольшаго отверстія въ ставнѣ окна. По этой причинѣ Гассенди помѣстилъ своего помощника въ комнатѣ на верху, съ большимъ квадрантомъ для наблюденія высотъ, предписавъ ему отмѣчать высоту солнца, какъ только онъ услышитъ что Гассенди топнулъ ногой по полу въ нижней комнатѣ. Конечно, это весьма грубый способъ въ сравненіи съ тонкими пріемами новѣйшихъ астрономовъ, съ тѣми средствами, которыя доставляютъ имъ сильные телескопы, почти совершенные часы и, въ случаѣ надобности, возможность сообщенія другъ съ другомъ на отдаленныхъ станціяхъ при посредствѣ телеграфа; но нельзя не удивляться ревности, съ которою работалъ Гассенди, быстротѣ, съ какою онъ, при недостаткѣ другихъ болѣе совершенныхъ инструментовъ, сталъ придумывать снаряды, которые удовлетворили бы его требованіямъ, и искусству, съ какимъ онъ воспользовался этими несовершенными пріемами. Еще болѣе чѣмъ этимъ качествомъ, должно удивляться терпѣнію, съ какимъ Гассенди ожидалъ начала явленія. Новѣйшая астрономія въ состояніи возвѣстить, съ разницей на три или четыре секунды, моментъ когда начнется прохожденіе планеты на любомъ данномъ

мѣстѣ земной поверхности. Но отъ предсказанія Кеплера относительно движенія Меркурія нельзя было ожидать подобной точности. Гассенди рѣшился начать наблюденія *за два дня* до времени назначеннаго Кеплеромъ. 5-го ноября былъ день дождливый и потому неблагопріятный для наблюденія. Слѣдующій день былъ также неудобенъ, такъ какъ почти весь день небо было заволочено тучами. Утро 7-го ноября, дня назначеннаго Кеплеромъ для прохожденія, было также облачно. Такимъ образомъ Гассенди началъ въ этотъ день свои наблюденія съ непріятнымъ сознаніемъ, что планета, можетъ-быть, прошла уже по солнечному диску; могло также быть, что прохожденіе совершилось за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ какъ облака разсѣялись утромъ 7-го ноября. Около восьми часовъ солнце просіяло на нѣсколько минутъ чрезъ раздвинувшіяся облака, но все еще было на столько пасмурно, что Гассенди не имѣлъ возможности опредѣлить, было ли какое пятно на изображеніи солнца въ его обсерваторіи. Прошло около часа, прежде чѣмъ облака достаточно разчистилось, и Гассенди получилъ возможность сдѣлать удовлетворительныя наблюденія. Къ девяти часамъ, однакоже, солнце стало ясно видимо, и обратясь къ изображенію его на экранѣ, астрономъ замѣтилъ на немъ небольшую черную точку. Онъ не могъ повѣрить, однакоже, чтобъ это былъ Меркурій, такъ какъ принятыя предположенія о размѣрахъ планеты заставляли его ожидать пятна почти вдвое большаго. Будучи знакомъ со свойствомъ солнечныхъ пятенъ и зная какъ быстро они образуются, онъ заключилъ, что одно изъ нихъ появилось на поверхности солнца съ предшествовавшаго дня. Онъ тщательно замѣтилъ положеніе пятна, намѣреваясь воспользоваться имъ, какъ относительнымъ пунктомъ, для опредѣленія пути планеты при прохожденіи, въ ожиданіи что онъ будетъ довольно счастливъ чтобы видѣть это явленіе. Посмотрѣвъ на пятно чрезъ нѣкоторое время, онъ удивился, найдя, что оно значительно передвинулось отъ своего прежняго положенія. Онъ зналъ, что обыкновенное солнечное пятно не могло двигаться такъ быстро, но все еще не рѣшался признать, что видитъ Меркурія во время прохожденія: до того онъ былъ проникнутъ предубѣжденіемъ относительно размѣровъ, въ какихъ должна казаться планета во время прохожденія. Притомъ, еще не наступилъ и часъ, въ который, по предсказанію Кеплера,

должно было начаться прохожденіе. Гассенди все еще былъ въ сомнѣніи и старался припомнить обстоятельства своего прежняго измѣренія, дабы убѣдиться что онъ не ошибся, когда солнце снова показалось изъ-за облаковъ, и обнаружилось, что пятно еще болѣе отодвинулось отъ своего первоначальнаго мѣста. Теперь уже не оставалось сомнѣнія. Было ясно, что явленіе, котораго астрономъ такъ долго и нетерпѣливо ожидалъ, уже происходило. Онъ немедленно топнулъ по полу чтобы привлечь вниманіе своего помощника. Но это лицо, имя коего осталось неизвѣстнымъ, не имѣло терпѣнія Гассенди. Помощникъ астронома, вѣроятно, менѣе его интересовался явленіемъ; можетъ-быть, онъ даже мало вѣрилъ вычисленіямъ Кеплера, но по какой бы то ни было причинѣ, онъ утомился наблюдать и оставилъ свой постъ. Гассенди приходилось продолжать наблюденія одному, въ надеждѣ что помощникъ вернется, по крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ планета совершенно сойдетъ съ поверхности солнца. Къ счастію, такъ и случилось; были сдѣланы должныя наблюденія для опредѣленія времени выхожденія, и такимъ образомъ было сдѣлано важное приращеніе къ нашимъ знаніямъ относительно движенія планеты, ближайшей къ солнцу. Гассенди послалъ куріозное описаніе своего наблюденія къ одному профессору Тюбингенскаго университета. „Коварный богъ, пишетъ онъ, старался обмануть астрономовъ, пройдя предъ солнцемъ немного ранѣе чѣмъ ожидали и набросивъ на землю покровъ темныхъ облаковъ, дабы тѣмъ легче ускользнуть. Но Аполлонъ, знакомый съ его воровскими штуками съ его дѣтства, не допустилъ его пройти вовсе не замѣченнымъ. Коротко сказать, я былъ болѣе счастливъ чѣмъ тѣ гонцы за Меркуріемъ, которые искали лукаваго бога на солнцѣ. Я нашелъ его и видѣлъ тамъ, гдѣ доселѣ никто другой его не видѣлъ.“ Хотя Гассенди и не замѣтилъ начала прохожденія, но онъ былъ въ состояніи вычислить время когда оно произошло и нашелъ, что прохожденіе началось почти за пять часовъ до срока опредѣленнаго Кеплеромъ.

Второе наблюденіе надъ прохожденіемъ Меркурія было сдѣлано 3-го ноября 1651 года. Наблюденія Гассенди дали астрономамъ возможность вычислять эпоху прохожденія гораздо точнѣе чѣмъ въ прежнихъ случаяхъ. Изъ ихъ вычисленій оказалось, что явленіе не будетъ видимо въ Англіи и вообще въ Европѣ, но хорошо будетъ видимо въ значительной

части Азіи. Вслѣдствіе этого, одинъ молодой Англичанинъ, Джеремія Шекерли (Shakerley), отправился въ Сурамъ, въ Индію, съ цѣлью увидѣть явленіе. Путешествіе, предпринятое для подобной цѣли, въ эпоху когда морскія странствія были не только гораздо продолжительнѣе, но и гораздо опаснѣе чѣмъ нынѣ, слѣдуетъ считать замѣчательнымъ и похвальнымъ примѣромъ преданности научнымъ цѣлямъ.

Третье наблюдавшееся прохожденіе было 3-го мая 1661 года. Оно было наблюдаемо въ Данцигѣ Гевеліусомъ и въ Лондонѣ Гюйгенсомъ, Стритомъ и Меркаторомъ. Гевеліусъ изумился, найдя, что діаметръ планеты гораздо меньше чѣмъ онъ ожидалъ. По измѣренію онъ нашелъ, что опредѣленіе Гассенди было почти вдвое болѣе истиннаго діаметра планеты.

Четвертое прохожденіе Меркурія было наблюдаемо Галлеемъ, на Св. Еленѣ, 7-го ноября 1677 года. Онъ былъ первый астрономъ наблюдавшій полное прохожденіе планеты по солнечному диску.

Во время прохожденія Меркурія въ 1736 году, г. Плантедъ (Plantade) замѣтилъ кольцо, повидимому, окружавшее дискъ планеты. Онъ приписалъ это явленіе существованію атмосферы вокругъ Меркурія. Другіе наблюдатели замѣтили подобное явленіе при послѣдующихъ прохожденіяхъ. Шрётеръ и Гардингъ, изучавшіе явленіе во время прохожденія 1799 года, описали его какъ туманное кольцо темнаго цвѣта, близкаго къ фіолетовому. Докторъ Моль въ Утрехтѣ замѣтилъ подобное же явленіе во время прохожденія въ 1832 году. Но нѣтъ никакого основанія полагать, что это кольцо зависитъ отъ атмосферы вокругъ планеты. Гораздо вѣроятнѣе, что это просто оптическое явленіе, зависившее отъ какой-либо особенности наблюдателя или инструмента, ибо во время тѣхъ же самыхъ прохожденій, другіе наблюдатели, равно искусные и вооруженные инструментами одинаковой силы, не замѣтили никакихъ признаковъ кольца вокругъ планеты. Его не замѣтили и самые извѣстные астрономы новѣйшаго времени. Дѣйствительно, если-бы Меркурій имѣлъ атмосферу сколько-нибудь похожую на нашу по пространству и густотѣ, то было бы невозможно для самаго тонкаго наблюдателя открыть какіе-либо признаки ея существованія. Она могла бы только сгладить какія-нибудь неровности, которыя иначе оказались бы на

окружности диска планеты, но не могла бы замѣтно отличаться отъ черной массы ядра планеты.

Другое весьма странное наблюденіе было сдѣлано во время прохожденія въ 1799 году. Шрётеръ и Гардингъ замѣтили два небольшія пятна сѣроватаго цвѣта на дискѣ планеты. Во время прохожденія Меркурія въ 1832 году, докторъ Моль замѣтилъ подобное же явленіе, съ тою разницей, что вмѣсто двухъ пятенъ видѣлъ одно. Въ 1848 году гг. Радъ и Делль также замѣтили сѣроватое пятно съ неопредѣленными краями. Капитанъ англійскаго флота сэръ-Эдвардъ Бельчеръ (Belcher) писалъ профессору Поэлу (Powell), что при прохожденіи 1848 года подобное же явленіе было замѣчено при помощи большаго отражательнаго телескопа сэръ-Джемса Соута (South), когда отверстіе его (почти въ одинъ футъ) было сокращено посредствомъ діафрагмы, — какъ обыкновенно дѣлается при непокойномъ состояніи атмосферы, — до размѣровъ трехъ дюймовъ. Это странное явленіе не легко объяснить. Еслибы, въ самомъ дѣлѣ, было только одно пятно, и еслибъ оно всегда было видно въ самой серединѣ чернаго диска планеты, то легко было бы понять его появленіе. Профессоръ Поэлъ показалъ, что если смотрѣть на небольшой темный дискъ, наложенный на сильно освѣщенное сзади стекло, въ телескопъ съ уменьшеннымъ до весьма малой степени отверстіемъ, то можно замѣтить явленіе подобное тому какое было видно при прохожденіи 1848 года. Но появленіе двухъ сѣрыхъ пятенъ, или одного пятна не концентричнаго со внѣшнимъ очертаніемъ диска, никакъ нельзя объяснить такимъ образомъ. Рисунокъ доктора Моля, между тѣмъ, указываетъ, что видѣнное имъ пятно не было концентрично съ дискомъ. Объясненіе же профессора Поэла требуетъ, чтобы пятно было совершенно въ центрѣ диска. Притомъ, какъ сказано, гг. Шрётеръ и Гардингъ видѣли два пятна. Такимъ образомъ, мы принуждены допустить,—если только Шрётеръ, Гардингъ и докторъ Моль не ошибались совершенно,—что на поверхности Меркурія есть части имѣющія нѣкоторую свѣтоносную силу и представляющіяся въ видѣ сѣроватыми пятнами даже когда свѣтособирательная сила телескопа уменьшена такъ, что можно прямо наблюдать сіяющій дискъ солнца. Если вспомнить, что электрическій и Друммондовъ свѣтъ, отдѣльно совершенно невыносимые по своей интенсивности,

кажутся черными при проложенія на солнечный дискъ, то нельзя не удивиться, что какая-либо часть поверхности Меркурія кажется сѣрою при прохожденіи его предъ солнцемъ.

При прохожденіи планеты въ ноябрѣ 1848 года, черный край ея диска показался одному изъ наблюдателей соединеннымъ на нѣкоторое время съ краемъ солнечнаго диска посредствомъ черныхъ линій. Это наблюденіе, въ случаѣ его подтвержденія, указывало бы на существованіе необычайно высокихъ горъ на поверхности планеты. Другіе наблюдатели, при томъ же случаѣ, не замѣтили никакого явленія подобнаго рода, но тотъ, кто знаетъ съ какими затрудненіями сопряжено употребленіе сильныхъ телескоповъ, еще не увидитъ въ этомъ обстоятельствѣ достаточной причины для сомнѣнія въ точности перваго наблюденія. Одинъ наблюдатель можетъ имѣть случай видѣть ясно предметъ въ тотъ же самый моментъ, когда другой видитъ его смутнымъ и почти закрытымъ вслѣдствіе непокойнаго состоянія атмосферы. Часто случается наблюдать небесный предметъ въ теченіе девяти или десяти минутъ и видѣть его ясно не болѣе одной секунды этого времени.

Намъ неизвѣстно, было ли замѣчено что-либо подобное указаннымъ фактамъ въ ноябрское прохожденіе прошлаго года.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. III, т. 2. Кіевъ. 1868.

Самое вѣрное, самое надежное оружіе наше въ борьбѣ съ Польшей есть оружіе разума и научной истины. Мы нерѣдко видали, что отъ сокрушительныхъ ударовъ этого оружія противникъ искалъ увернуться, или дѣлалъ видъ что не обращаетъ на нихъ вниманія, храбрился и фанфаронилъ, однако устоять не могъ. Лучшее доказательство тому заключается въ изданіи, о послѣднемъ выпускѣ котораго мы хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ для весьма многихъ въ Россіи было вопросомъ: Россія или Польша находится на правомъ берегу Днѣпра. Что касается до западной Европы, то тамъ это не считалось даже вопросомъ: вся земля отъ Пилицы и Вислы до Днѣпра, въ понятіи Французовъ, Англичанъ и Нѣмцевъ, была польская и народъ, на ней живущій, польскій, — только эта земля и этотъ народъ находятся подъ игомъ Россіи. Такъ ли теперь, въ 1869 году, думаютъ образованные люди западной Европы? Намъ кажется, что образъ мыслей ихъ въ этомъ отношеніи долженъ былъ нѣсколько измѣниться; что же касается до Россіи, то теперь едва ли найдется двѣнадцатилѣтній мальчикъ, который бы не зналъ, какого происхожденія жители Заднѣпровья. Чему же мы обязаны этимъ? ничему иному какъ научнымъ изслѣдованіямъ по предмету исторіи и этнографіи Западнаго края, изслѣдованій, въ которыхъ едва ли не первое мѣсто принадлежитъ трудамъ Кіевской Археографической Коммиссіи. Учрежденная въ 1848 году, она приступила къ изданіямъ своимъ лишь одиннадцать лѣтъ спустя, но за то съ тѣхъ

поръ она вывела противъ польщизны шесть такихъ редутовъ, которые не могутъ быть взяты ни штурмомъ, ни блокадой, ни подземными подкопами!... Кіевская коммиссія располагала необыкновенно богатымъ матеріаломъ. Поляки,—мы охотно отдаемъ имъ справедливость,—гораздо болѣе оказывали уваженія къ историческимъ, юридическимъ и фамильнымъ актамъ чѣмъ наши прадѣды. Поэтому въ Кіевскій центральный архивъ безъ труда было собрано 5.815 актовыхъ книгъ и сверхъ того слишкомъ 450 тысячъ отдѣльныхъ актовъ. Но эта-то масса актовъ, преимущественно XV и XVI столѣтій, и свидѣтельствуетъ непререкаемымъ образомъ, что край, на который польщизна такъ смѣло предъявляетъ свои права, искони былъ русскимъ, что лишь съ конца XVI вѣка польскій языкъ началъ входить тамъ въ употребленіе, и то исключительно между лицами высшаго сословія, и что восточное православіе даже между дворянствомъ господствовало до конца названнаго вѣка,—словомъ, что еще довольно тонкій слой полонизма и латинизма покрывалъ задѣпровскую Украйну, когда она возсоединилась съ Россіей. Все это, повторяемъ, уже извѣстно теперь гимназистамъ младшихъ классовъ; а потому мы хотимъ пригласить читателя сдѣлать поиски въ такой области *Кіевскихъ актовъ*, въ которую мы съ нимъ еще не заглядывали.

Кіевская коммиссія выпустила два тома актовъ относящихся къ казакамъ. Первый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ акты первой половины XVI вѣка, второй—съ Андрусовскаго договора до 1716 года. Такимъ образомъ между актами о казакахъ, изданными въ Кіевѣ, находится перерывъ лѣтъ въ тридцать, и относится именно къ эпохѣ Хмельницкаго; вѣроятно, этотъ пробѣлъ будетъ пополненъ; впрочемъ, эпоха, извѣстная подъ именемъ Хмельничины, такъ богата сохранившимися о ней актами и разнаго рода свидѣтельствами современниковъ, что Кіевская коммиссія едва ли въ состояніи была бы издать о ней много новаго. За то она обнародовала много новаго и любопытнаго объ эпохѣ послѣдовавшей за Хмельницкимъ.

Весьма долго, въ глазахъ изслѣдователей, казачество совершенно заслоняло собой всѣ прочія сословія Украйны. Казачество было сословіемъ привилегированнымъ, составлявшимъ интеллектуальную и вооруженную силу страны. До извѣстной степени его можно сравнить съ польскимъ

шляхетствомъ: здѣсь, такъ же какъ въ Польшѣ, число привилегированныхъ людей до такой степени размножилось, что наконецъ надъ этою своего рода аристократіей образовалась новая аристократія, — казачья старшина, сильно проникнутая духомъ польской магнатеріи. Это явленіе замѣчается въ эпоху самой ожесточенной вражды Малороссіянъ и казаковъ противъ Польши; самъ Хмельницкій, не взирая на свою политическую и личную ненависть къ Полякамъ, былъ не чуждъ господствовавшихъ въ Польшѣ понятій; въ теченіе многихъ лѣтъ онъ перевѣдывался съ утѣснителями своей родины единственно при помощи казаковъ; изъ казачества исключительно черпалъ онъ свои силы и только тогда уже, когда онѣ оказались недостаточными, *батько* воззвалъ къ народу, ко всему народу, не исключая и *посполства* (крестьянства): это фактъ, на который не достаточно обращали до сего времени вниманіе наши изслѣдователи. Между тѣмъ, въ этомъ раздвоеніи малороссійскаго народа на казачество и посполство, въ этомъ выдѣленіи изъ казачьяго сословія военно-служебной аристократіи, заключается объясненіе важнѣйшихъ явленій въ исторіи Малороссіи. Выходя изъ указанной точки зрѣнія, мы поймемъ безъ всякихъ комментаріевъ, что посполство, сельское духовенство а въ послѣдствіи и казачья масса, были искони и до конца остались преданными Россіи, ея религіи, языку и правительству, между тѣмъ какъ высшее духовенство и казачья старшина, говоря вообще, тянули болѣе къ Польшѣ; вотъ почему на Переяславской радѣ *, куда допущенъ былъ простой народъ, рѣшеніе склонилось въ пользу Россіи, между тѣмъ какъ нѣсколько лѣтъ спустя, на Гадячской радѣ **, гдѣ посполитыхъ не было, и куда казаки были допущены съ разборомъ, взяли верхъ польскія симпатіи. Эти симпатіи существовали долго въ лѣвобережной Украйнѣ и стали ослабѣвать лишь тогда, когда сила дворянской грамоты была распространена на Малороссію, и когда тамошнее посполство поставлено было относительно казачьей старшины,

---

* На этой радѣ рѣшено присоединеніе Малороссіи къ Московскому царству.

** На этой радѣ, собранной Выговскимъ, положено снова сойтись Украйнѣ съ Польшей.

обратившейся въ помѣстное дворянство, въ такое же положеніе, въ какомъ находились великорусскіе крестьяне относительно своихъ помѣщиковъ. Но не станемъ забѣгать впередъ и обратимся къ актамъ XVII столѣтія. Андрусовскій договоръ заключаетъ собою долгую, опустошительную и, въ военномъ отношеніи, безсвязную войну, политическая сторона которой однакожъ весьма серіозна: рѣчь шла между Россіей и Польшей о томъ, кому будетъ принадлежать Украйна. Извѣстно, что Андрусовскій договоръ (которому, неизвѣстно на какомъ основаніи, курили ѳиміамъ въ нашихъ старыхъ учебникахъ) разсѣкъ Малороссію пополамъ, предоставилъ одну ея половину Россіи, другую Польшѣ. Народъ, надъ которымъ была произведена такая операція, возроптала. Москва отталкивала заднѣпровскую Украйну, а она, съ своей стороны, не хотѣла сростаться съ Польшей, и вотъ, гетманъ западной Украины, Петръ Дорошенко, кинулся, какъ нынѣ говорятъ, въ объятія Турціи. Какъ ни противенъ былъ казакамъ союзъ съ бусурманами, они не отстали отъ любимаго гетмана, и соединясь съ Турками, принудили польскаго короля Михаила къ миру, коимъ онъ отказывался отъ казачьей земли. И стала юго-западная Русь областью султана. Но польскій сеймъ не утвердилъ заключеннаго королемъ договора, и война возобновилась. Въ ней принялъ участіе и царь Ѳедоръ Алексѣевичъ. Ни воевода его, князь Григорій Ромодановскій, ни гетманъ Самойловичъ, которые предводили московскими полками и казаками лѣваго берега, не обнаружили при этомъ ни энергіи, ни искусства; они, командуя огромною ратью, не умѣли даже защищить казаковъ отъ разоренія, и тѣмъ не менѣе, стоило Самойловичу,—скупому, непривѣтливому, надменному Самойловичу,—созвать раду на лѣвомъ берегу Днѣпра (въ Переяславѣ), чтобы народъ правобережной Украйны призналъ его, Самойловича, и своимъ гетманомъ. Популярный Дорошенко былъ оставленъ, какъ только блеснула надежда соединиться съ братьей своей лѣваго берега. Но для того чтобы быть гетманомъ *всея* Украйны, недостаточно было одного народнаго желанія: надо было отнять Заднѣпровье и у Поляковъ, и у Турокъ; а для этого ни у Самойловича, ни у самого царя не было достаточно ни силъ, ни рѣшимости.

Страшныя опустошенія, которымъ въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ безпрерывно подвергалась западная Украйна,

истребили бо́льшую часть ея народонаселенія, а между остальною обнаружилось желаніе покинуть эту пропитанную кровью землю; особенно kазаки, которымъ рады были и въ русской Украинѣ, и въ Запорожьѣ, почти совершенно разбрелись изъ Заднѣпровья, а каждое изъ правительствъ, предъявлявшихъ права на этотъ край, хотѣло имѣть въ ней своего гетмана; Турція выставила Юрія Хмѣльницкаго, Польша—Гоголя. Понятно, что это были два совмѣстника, которые не могли оставить въ покоѣ ни другъ друга, ни народонаселенія. Послѣ истребленія посредствомъ внѣшней войны, началось истребленіе посредствомъ междуусобія. Такое положеніе дѣлъ превзошло наконецъ мѣру малороссійскаго терпѣнія,—этого образцоваго терпѣнія, — и изъ Днѣпра хлынула въ ру́сскую Украйну эмиграція, которая продолжалась десять лѣтъ. Это обстоятельство положило печать окончательнаго запустѣнія на край, столь щедро одаренный природой. Вотъ нѣсколько строкъ, которыя г. Антоновичъ, авторъ прекрасной объяснительной статьи къ разсматриваемымъ нами актамъ, заимствуетъ у одного паломника XVII вѣка: „И поидохомъ (изъ Паволочи въ Немировъ) въ степь глубокую; и бысть намъ сіе путное шествіе печально и унылливо, бяше бо видѣти ни града, ни села; аще бо и быша прежде сего грады красны и нарочиты селы видѣніемъ, но нынѣ точію пусто мѣсто и не изселяемо, не бѣ видѣти человѣка. Пустыня велія и звѣрей множество: козы дикія и волцы, лоси, медвѣди. Нынѣ же все развоевано да разорено отъ Крымцевъ. А земля зѣло угодна и хлѣбородна, и овощу всякаго много; сады что дикій лѣсъ: яблоки, орѣхи волжскіе, сливы, дули,—да все пустыня; не дадутъ собаки Татары населиться; только населятся селы, а они, собаки, пришедъ и разорятъ; а всѣхъ людей въ полонъ поберутъ.“ А вотъ и другое свидѣтельство того же времени: „Города, — читаемъ въ лѣтописи Величку,—що тилко на шляху намъ въ походѣ войсковомъ лучилися, видѣхъ едни малолюдніе, другіе весьма пустіе, разваленіе, къ землѣ прилипнувшіе, заплѣсняліе, непотребнымъ быліемъ заросліе, и тилко гнѣздящихся въ себѣ зміевъ и разныхъ гадовъ и червей содержащіе. Поглянувши паки, видѣхъ пространныя, тогобочныя, украино-малороссійскія поля и розлеглія долины, лѣсы и обширные садове, и красныя дубравы, рѣки, ставы, іезера — запустѣліе, мхомъ, тростіемъ и непотребною лядиною заросліе. И не всуе

Поляки, жалѣючи утраты Украины окоя тогобочнія, раемъ свѣта польскаго въ своихъ универсалахъ ея нарицаху и провозглашаху, понеже окая предъ войною Хмельницкаго бысть яко вторая земля обѣтованная, медомъ и млекомъ кипящая. Видѣхъ же къ тому на разныхъ тамъ мѣстахъ много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, только небо покровъ себѣ имущихъ, и рѣкохъ во умѣ: „Кто суть сія?“

Какія измѣненія въ бытъ малороссійскаго народа лѣвобережной Украины внесло это переселеніе? Въ числѣ прибывшихъ были и казачья старшина, и простые казаки, и посполитые; первые приходили не только съ своими военно-административными званіями и правами, но и съ правами или претензіями дворянскими. Самойловичъ охотно отводилъ имъ земли, а такъ какъ отъ увеличенія числа землевладѣльцевъ и отъ умноженія безземельныхъ людей этимъ послѣднимъ становилось труднѣе прежняго найти осѣдлость, то переселенцы проходили иногда насквозь всю Украйну, отыскивая свободныхъ мѣстъ, располагались на самой границѣ Крымской, на рѣкѣ Орели, и все-таки жаловались на тѣсноту. Этимъ не преминули воспользоваться помѣщики; пуская крестьянъ на свои земли, они требовали съ нихъ работы, уступки части хлѣбныхъ сборовъ, приплода отъ скота, а нерѣдко, кромѣ того, и денежной платы. Самойловичъ съ своей стороны, придерживаясь московскихъ порядковъ, требовалъ отъ землевладѣльцевъ, чтобъ они держали въ повиновеніи жившихъ у нихъ крестьянъ, предоставляя имъ при этомъ право суда и расправы. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что царское правительство увидѣло себя вынужденнымъ заступиться за посполство, которое явно роптало на гетмана. „Гетманъ, говорили недовольные, раздавалъ старшинѣ маетности, а старшина, подѣлившись нашею братьею, позаписывала себѣ и дѣтямъ своимъ въ вѣчность, и только что въ плугъ не запрягаютъ, а ужь какъ хотятъ такъ и поворачиваютъ, точно невольниками своими.“ Крѣпостное право входило слѣдовательно въ силу за сто лѣтъ до дворянской грамоты! Можетъ-быть, эти неудовольствія были отчасти причиной, что въ концѣ гетманства Самойловича обнаружилось обратное переселеніе на правый берегъ Днѣпра, на которомъ, казалось, готовилось повториться явленіе запорожскаго казачества, казачества во всей его чистотѣ. „Сюда, — говоритъ одинъ современникъ,

народъ приходилъ своею охотою, ради защищенія отъ нападенія бусурманскаго, христіанъ и границъ оберегаючи, по дикихъ степахъ кормячися отъ дикихъ звѣрей мясомъ.... На которыхъ широкихъ и пустыхъ степахъ тыхъ же, отъ усердія всему христіанству безъ найму служащихъ казаковъ, съ удивленіемъ надлежитъ ходъ разсуждати, понеже на тыхъ дикихъ и широкихъ степахъ не имѣется ни единой стези, ни слѣду, ако въ морѣ. Обаче тыя вышеписанныя ватаги добре знающи проходы, аки бы по широкихъ извѣстныхъ путѣхъ, съ великимъ опасеніемъ,—дабы не были гдѣ отъ Татаръ изслѣдованы, не имѣющіе себѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ огня, и единожды въ сутки зѣло скудной пищи,—толокна и сухарей толченыхъ вкушаючи и конямъ ржати не даваючи, аки бы дикіе звѣри крыючися по теремамъ и камышамъ съ великимъ опасеніемъ, пути своя, разно разъѣдися губяци ходяху; познаваху же на тыхъ дикихъ и широкихъ степахъ себѣ путь въ день — по солнцу и кряжахъ высокихъ земныхъ, въ нощи же — по звѣздахъ, вѣтрахъ и рѣчкахъ; и тако Татаръ высмотрѣвши и нечаянно нападше, малымъ людомъ великія ихъ купы разбиваху.“ Это было, казалось, ядро новой Сѣчи Запорожской, и польское правительство возлюбомудрилось имъ воспользоваться. Король Янъ Собѣсскій призналъ эту горсть удальцовъ казачьимъ войскомъ и надѣлилъ ее гетманомъ. Казачество развивалось здѣсь при благопріятныхъ условіяхъ: земли необъятное множество, въ двухъ шагахъ паны и ксендзы, которыхъ всегда можно было пощипать безъ большой огласки и совершенно безнаказанно; далѣе степь необъятная, безграничная; на каждомъ шагу встрѣча съ Татарами даже Турками. Совсѣмъ не то было въ гетманщинѣ: тамъ каждый казакъ долженъ былъ остерегаться, чтобы не перейти за Днѣпръ, за границу Запорожья; тамъ на все были строгіе порядки, тамъ начинали казаковъ обращать въ крестьянство. Поэтому за Днѣпръ потянуло всѣхъ удальцовъ, всѣхъ истыхъ казаковъ изъ русской Украйны; эта послѣдняя начинала складываться въ тѣ же формы, въ какія сложилось русское государство; за Днѣпромъ, напротивъ того, возрождалась новая Украйна.

Замѣчательно, что въ концѣ XVIII вѣка самыя популярныя казачьи имена, всѣ тѣ которыя преданіе сохранило и до сей минуты, принадлежатъ людямъ лѣваго берега Днѣпра. Таковы: Гладкій, Искра, Самусь и въ особенности Палій

(вообще у насъ называемый Палѣемъ). Палій, это, можетъ-быть, самый полный типъ казака-*мыслителя*: по крайней мѣрѣ такимъ изображаютъ его народныя сказанія, думы и пѣсни. Это былъ силачъ и великанъ, котораго въ состояніи была носить одна только его лошадь. Самое рожденіе его имѣетъ характеръ чудесности. Настоящее имя его Семенъ, прозвище же Палѣй или Палій дано ему, по однимъ преданіямъ, за то, что въ Запорожьѣ онъ *спалилъ* курень атамана, зазнавшагося было передъ нимъ, а по другимъ преданіямъ, потому что онъ *спалилъ* самого чорта. Оба эти преданія намекаютъ на характеристическія черты Палѣя: онъ представитель и защитникъ черни противъ всякой утѣсняющей ее власти, и въ то же время онъ истребитель „всякой нехристи", онъ „человѣкъ угодный Богу". Все чудесное, что̀ ему приписываетъ народное преданіе, даровано ему не злыми духами вслѣдствіе преступнаго съ ними договора, а избравшею его благостью небесною.

Палѣй замѣчателенъ не только какъ идеалъ народнаго казачьяго творчества, но и какъ лицо историческое. Пріобрѣтя громкую извѣстность и въ Запорожьѣ, и въ гетманщинѣ, онъ перебрался на „вольныя мѣста" въ западную Украйну, гдѣ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ сѣверную часть Кіевской губерніи, примыкающую къ Полѣсью. Скоро подъ его булачукъ собралось нѣсколько тысячъ удальцовъ, и сталъ Палѣй командиромъ полка, а король Польскій призналъ его въ этомъ званіи. Но кромѣ казаковъ, нахлынувшихъ изъ-за Днѣпра, и небольшаго числа посполитыхъ, оставшихся на своихъ мѣстахъ послѣ такъ-называемой „руины", которую произвели Поляки и Турки, въ западной Украйнѣ поселилось нѣсколько знатныхъ польскихъ пановъ. Правительство роздало обширныя земли тѣмъ магнатамъ, которые пожелали ихъ взять, болѣе или менѣе заселить, а главное дѣло, обставить укрѣпленіями. Новые украинскіе землевладѣльцы привели съ собой много шляхты, которую водворили на своихъ земляхъ и обязали по первому требованію являться къ нимъ на коняхъ и вооруженными. Такимъ образомъ, на небольшомъ относительно пространствѣ нынѣшней Кіевской губерніи, южной части Волынской и сѣверныхъ уѣздовъ Подольской водворились два враждебные, до сихъ поръ постоянно другъ друга исключавшіе элемента, — русскій и польскій, казачій и шляхетскій. Представитель казачества и русско-казачьей національности, Палѣй былъ

грозой сосѣдней шляхты. „За Вислу Лахіевъ треба прогнати“, таковъ былъ лозунгъ между палѣевцами. На этотъ лозунгъ охотно откликались мѣстные крестьяне: въ надеждѣ на защиту Палѣя, они нерѣдко возмущались противъ своихъ пановъ, били и прогоняли экономовъ, а когда сила оказывалась не на ихъ сторонѣ, то покидали свои селенія и уходили въ „хвастовщину“, или полкъ Палѣя, въ его владѣніе, въ его удѣльное княжество, куда никакая въ мірѣ власть, помимо его, не могла проникнуть. „Палѣй организуетъ около Хвастова удѣльную область; онъ укрѣпляетъ городки, собираетъ людей отовсюду и заявляетъ претензію на весь край до Случи, доносили въ Варшаву.“ И въ самомъ дѣлѣ, когда въ 1695 году нѣсколько польскихъ хоругвей вступили въ селенія занятыя палѣевцами и стали тѣснить этихъ послѣднихъ, Палѣй написалъ начальникамъ этихъ хоругвей: „Теперь все Полѣсье отдано казацкому войску, и потому прошу ваши милости не вытѣснять моихъ людей изъ мѣстности, занятой по именному распоряженію пана краковскаго (великаго гетмана короннаго); если же вы причините какой бы то ни было вредъ моимъ людямъ, то я или прикажу вамъ вознаградить оный, или распоряжусь, чтобъ мои люди, за хлѣбъ кровью ими добытый, сразились съ вами какъ съ иноземными врагами.“

Палѣю было довольно удобно разыгрывать роль удѣльнаго князя, пока на Украйнѣ шла война между Польшей и Турціей; онъ былъ ненавистенъ шляхетству, но за то служилъ твердымъ оплотомъ противъ Крымцевъ и Турокъ. Съ заключеніемъ мира между Польшей и Турціей (въ Карловцѣ, 1699 г.) побужденія щадить Палѣя и казаковъ устранялись. Сеймъ постановилъ распустить и упразднить казачье войско, а такъ какъ нашлись владѣльцы, снабженные болѣе или менѣе опредѣлительными правами на земли которыя позанимали казаки, то полковникамъ было приказано сняться со своихъ становищъ и отправляться куда Богъ на сердце положитъ. Когда это рѣшеніе было объявлено Палѣю, онъ отвѣчалъ: „Я поселился въ вольной, казацкой Украйнѣ; Рѣчи Посполитой нѣтъ дѣла до этой области, и одинъ лишь я имѣю право въ ней распоряжаться, такъ какъ я истинный казакъ и выборный вождь своего народа.“ Такимъ образомъ дѣло дошло до того, что оно могло разрѣшиться лишь силой. Коронный гетманъ прислалъ на Украйну нѣсколько хоругвей, къ которымъ примкнули надворныя войска мѣст-

выхъ магнатовъ; но за то Палѣй, Самусь, Искра, народные герои, нашли еще болѣе союзниковъ: православное духовенство высказалось, разумѣется, за своихъ, обмыватели нѣсколькихъ городовъ и словомъ и дѣломъ поддерживали казаковъ; на ихъ сторону стало даже нѣсколько шляхтичей, разумѣется православныхъ. Но главная масса союзниковъ пришла казакамъ, какъ всякій легко догадается, изъ среды мѣстнаго крестьянства, да изъ казаковъ русской Украйны и Запорожья. Что это былъ за народъ, мы узнаемъ изъ слѣдующихъ строкъ, записанныхъ однимъ современнымъ паломникомъ. Вотъ какъ онъ описываетъ Хвастово, главный пунктъ Палѣевыхъ владѣній: „По земляному валу ворота частыя, а во всякихъ воротахъ копаны ямы, да солома настлана въ ямы: тамъ паліевщина лежитъ, человѣкъ по двадцати, по тридцати: голы что бубны, безъ рубахъ, наге, страшны зѣло; а въ воротахъ изъ селъ проѣхать нельзя ни съ чѣмъ: все рвутъ, что собаки: дрова, солому, сѣно, съ чѣмъ ни наѣзжай.“ Что было въ Хвастовѣ, то же самое было и во всѣхъ городахъ и селеніяхъ занятыхъ казаками. „Когда мы пріѣхали въ Паволочь, пишетъ тотъ же паломникъ, и стали на площади, такъ насъ обступили какъ есть около медвѣдя всѣ казаки — паліевщина; а все голытьба безпорточная, а на иномъ и клока рубахи нѣтъ; страшные зѣло, черны что арапы и лихи что собаки: изъ рукъ рвутъ. Они на насъ стоя дивятся, а мы имъ втрое, что такихъ уродовъ мы отроду не видали“.... Эти *уроды* начинали однакожъ склонять вѣсы успѣха на сторону казаковъ. Палѣй овладѣлъ Бѣлою Церковью, тогда считавшеюся значительнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ; Искра занялъ Корсунь, а Самусь взялъ Бердичевъ, Немировъ и Баръ и перенесъ театръ своихъ подвиговъ въ Подолье (какъ пишутъ издатели кіевскихъ актовъ). Здѣсь, въ Брацлавщинѣ, по Днѣстру, по Бугу, его появленіе возбуждало возстаніе посполитыхъ, которые не только выгоняли своихъ помѣщиковъ-Поляковъ, ксендзовъ и Евреевъ, но организовались въ сотни и полки и присвоивали себѣ названіе казаковъ. Тревога распространилась далеко за предѣлы Украйны: бѣглецы, укрываясь въ Каменцъ и во Львовъ, сообщали свой ужасъ и тамошнему населенію.

Разумѣется, при этомъ пущена была молва, что *Москва* подстрекаетъ и поддерживаетъ Самуся съ Палѣемъ.... Что эти казачьи вожди находились въ добрыхъ отношеніяхъ съ гетманомъ лѣваго берега это неопровержимо; неопровержимо также, что задѣпровскіе вожди нѣсколько разъ

настойчиво просили русское правительство о принятіи ихъ, вмѣстѣ съ занятою ими страной, подъ свою державу; но точно также неопровержимо и то, что на такія ходатайства получались постоянные отказы. Въ это время начиналась великая война противъ Швеціи, и Петръ очень остерегался всего что̀ могло бы раздражить польскіе сеймы; онъ послалъ грамоты Самусю и Палѣю съ увѣщаніемъ не производить смутъ на границѣ двухъ дружественныхъ между собою державъ; польское правительство, съ своей стороны, отправило довольно сильное войско подъ предводительствомъ короннаго гетмана польскаго Сѣнявскаго, для усмиренія казацко-крестьянскаго возстанія. Сѣнявскій имѣлъ нѣсколько удачныхъ встрѣчъ съ нѣкоторыми казачьими вождями, изъ коихъ одни должны были оставить занятые ими пункты, другіе, взятые въ плѣнъ, были подвергнуты мучительнымъ казнямъ, что̀ всегда производитъ впечатлѣніе на массы. Въ иныхъ мѣстахъ крестьяне стали возвращаться въ свои селенія, а чтобъ они не смѣли отлучаться въ другой разъ, то, по предложенію Іосифа Потоцкаго, воеводы кіевскаго, всѣмъ крестьянамъ заподозрѣннымъ въ соучастіи съ мятежниками *отрѣзывали лѣвое ухо*.... Не менѣе достойна вниманія и другая принятая въ это время мѣра, постановлявшая *конфискацію крестьянскаго скота на пространствѣ цѣлаго воеводства*.

Въ дѣйствительности, мятежъ далеко не былъ усмиренъ, и дѣла далеко не приведены въ удовлетворительное для Польши положеніе. Самусь и Искра держались еще въ южной Украйнѣ, именно въ Богуславѣ и Корсунѣ, а Палѣй въ Бѣлой Церкви, господствуя оттуда до самаго Полѣсья. Въ то самое время какъ гетманъ Сѣнявскій торжественно провозглашалъ, что спокойствіе и порядокъ возстановлены, лѣтомъ 1703 года шляхтичи сѣверной части нынѣшней Кіевской губерніи принуждены были просить у Палѣя дозволенія возвратиться въ свои маетности. Этотъ любопытный актъ, сохранившійся въ житомірской градской книгѣ 1701—1713 годовъ, доказываетъ, что Палѣй въ самомъ дѣлѣ занималъ положеніе „удѣльнаго князя“ сѣверной Украйны. Кажется, это положеніе начинало ему самому нравиться; по крайней мѣрѣ, со времени занятія Бѣлой Церкви онъ пересталъ настаивать на принятіи его подъ русскую державу. „Ни Лядамъ, *ни кому иному* Бѣлой Церкви не отдамъ, писалъ онъ Мазепѣ; развѣ меня изъ нея за ноги выволокутъ.“

Это было въ 1703 году. Но съ этого именно пункта, когда звѣзда Палѣя была въ зенитѣ, должно было начаться ея нисходящее движеніе. Духъ анти-государственный, духъ казачьей вольницы, представителемъ котораго былъ Палѣй, былъ несовмѣстимъ съ сущностью Московскаго царства, въ которомъ идея государственности получила въ то время сильнѣйшее развитіе. Палѣй не могъ слѣдовательно разчитывать на поддержку русскаго царя, тѣмъ болѣе что этотъ послѣдній принужденъ былъ ласкать польскіе сеймы и угождать имъ. Сеймы жаловались, что Палѣй получаетъ поддержку изъ-за Днѣпра; Меншикова, Головкина осаждали письмами ихъ варшавскіе пріятели, требуя чтобъ они убѣдили царя запретить Палѣю самоуправствовать.... Въ сущности, русскому царю до всего этого никакого дѣла не было; Палѣй хозяйничалъ въ польскихъ владѣніяхъ, слѣдовательно польскимъ властямъ и слѣдовало сводить съ нимъ счеты; но какъ сказано, Петру нельзя бы ссориться съ польскими сеймами, и потому онъ прямо и черезъ Мазепу приглашалъ Палѣя не раздражать Поляковъ, а такъ какъ пастоянія изъ Варшавы продолжались, то Петръ наконецъ написалъ къ Палѣю грамоту, въ которой рѣшительнымъ образомъ требовалъ покорности королю и сдачи Бѣлой Церкви королевскимъ коммиссарамъ, угрожая въ противномъ случаѣ принудить къ тому силой, Мазепѣ дано было изъ Петербурга приказаніе овладѣть особой Палѣя безъ огласки. Такъ и было сдѣлано. Палѣй, вызванный *въ обозъ* гетмана, былъ арестованъ, отправленъ въ Батуринъ и потомъ въ Енисейскъ, гдѣ оставался до самой измѣны Мазепы. Тогда онъ былъ вызванъ изъ ссылки, успѣлъ пріѣхать въ царскій станъ предъ Полтавскимъ сраженіемъ и даже принялъ участіе въ этомъ сраженіи „бывши уже немощнымъ, обаче на конѣ аще и поддерживаемъ ѣздячи“.

Акты относящіеся къ біографіи Палѣя, этого послѣдняго прототипа казачьяго удальца, занимаютъ бо́льшую половину выпущеннаго нынѣ тома *Архива Юго-Западной Россіи*; это новый прибавокъ къ богатому уже собранію матеріаловъ по исторіи казачества.

П. Щ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Какъ я началъ думать, что ошибаюсь.

— Такъ вы спокойно провели ночь? спросилъ Стендишъ, когда мы сидѣли съ нимъ за завтракомъ.—Очень радъ это слышать; а я былъ вашимъ товарищемъ. Мнѣ ужасно хотѣлось разбудить васъ, чтобы наказать за непослушаніе, когда увидалъ, что вы заняли мой диванъ, а не легли въ постель, какъ я вамъ совѣтовалъ. Однако, ужь двѣнадцать часовъ! Мы оба были ужасно утомлены. Еще одинъ ломтикъ языка? Нѣтъ? Мистрисъ Чандлеръ, вы можете снимать со стола, а потомъ потрудитесь попросить къ намъ мистера Чика. Я теперь выкурю трубочку, а вы мнѣ разкажете свои планы. Я свободенъ до пяти часовъ, когда мнѣ нужно будетъ идти обѣдать въ Голль. Сегодня нѣтъ засѣданія, и мнѣ бы хотѣлось пойти съ вами куда-нибудь провести вечеръ, если намъ удастся достать вамъ приличное платье.

— Мнѣ довольно трудно разказать вамъ свои планы, мистеръ Стендишъ, потому что у меня ихъ нѣтъ.

— Ну, такъ мы должны придумать что-нибудь. Человѣкъ, или мальчикъ, не имѣющій никакихъ плановъ на предстоящій годъ, или даже день, подобенъ кораблю безъ руля; чудо будетъ, если онъ когда-нибудь достигнетъ пристани. Онъ кружится въ океанѣ жизни, испытываетъ бурю и пристаетъ, наконецъ, къ безплодному берегу. Для чего вы пріѣхали въ Лондонъ? У васъ были же какія-нибудь намѣренія.

— Для чего? Мнѣ, признаюсь, надоѣлъ Свитенгамъ. Я былъ въ постоянной борьбѣ съ воспитанниками; они смѣялись надо мной. Я не хотѣлъ докучать своему опекуну жалобами и подумалъ, что мнѣ слѣдуетъ попробовать, не могу ли я самъ сдѣлать для себя чего-нибудь.

— Да, сдѣлать для себя что-нибудь! Это фраза роковая, когда она не означаетъ ничего опредѣленнаго. Вотъ, посмотрите на меня. Я самый одинокій человѣкъ въ мірѣ. Отецъ мой разорился, когда я еще былъ мальчикомъ, и вскорѣ

послѣ того послѣдовалъ въ могилу за моею матерью, которая умерла отъ того что не могла видѣть его бѣдности. Меня отвезли въ Шотландію къ дѣду. Это былъ добрѣйшій человѣкъ, но онъ ненавидѣлъ моего отца. Несмотря на то что мать его была Ирландка, онъ никогда не могъ простить своей дочери того что она вышла замужъ за Ирландца. Когда дѣдъ мой умеръ, мы узнали, что онъ съ шотландскою аккуратностью жилъ процентами большаго капитала, который считалъ пристроеннымъ въ честныя руки, между тѣмъ какъ мошенникъ его секретарь растратилъ этотъ капиталъ въ различныхъ спекуляціяхъ, а дѣду моему платилъ воображаемые дивиденды. И вотъ въ семнадцать лѣтъ остался я на попеченіи небогатой старой леди, съ аристократическими тенденціями, и трехъ тетокъ, употребившихъ всѣ силы чтобъ избаловать меня. Состоянія у нихъ было ровно на столько чтобы голодать благопристойно, а мнѣ, конечно, нужно было самому заботиться о себѣ. Я совсѣмъ было рѣшилъ поступить въ военную службу, но потомъ, увидавъ однажды въ лагерѣ, за городомъ, какъ наказывали одного солдата, я сталъ съ отвращеніемъ раздумывать о жизни съ людьми, которыхъ я видалъ въ грязныхъ трактирахъ грязнѣйшихъ улицъ города, и, наконецъ, получилъ отвращеніе къ военной службѣ. Я уже слишкомъ выросъ, чтобы поступить въ морскую службу, еслибъ и имѣлъ для этого нужную протекцію; къ тому же матросы торговыхъ судовъ не обѣщали быть пріятными сопутниками въ жизни. Не надоѣлъ ли я вамъ?

— О, право, нѣтъ, мистеръ Стендишъ. Пожалуста, продолжайте.

Я дѣйствительно съ большимъ интересомъ слушалъ этого человѣка, изъ разказа котораго могъ почерпнуть руководство для себя.

— Хорошо! Я былъ силенъ въ наукахъ математическихъ, классическихъ и тому подобномъ; я взялъ мѣсто учителя въ одномъ семействѣ. Вы удивляетесь? Это было бы очень пріятное мѣсто, но вдругъ, къ несчастью, воротилась домой изъ пансіона молоденькая миссъ.... впрочемъ, нѣтъ надобности называть именъ; сумасбродная молодая особа, съ нѣжными глазками, длинными кудрями и грустною улыбкой. Боже мой, какъ эта дѣвчонка мучила меня своими взглядами, вздохами и различными хитростями, какъ, напримѣръ,

перебѣганіемъ мимо меня изъ комнаты въ комнату. Чтобы покончить съ этимъ, я долженъ былъ бросить хорошее мѣсто и добрыхъ людей, потому что дѣвчонка задумала бѣжать со мной. Вообразите только: ей шестнадцать, а мнѣ семнадцать лѣтъ! Говорила, что не можетъ жить безъ меня. Теперь она замужемъ, и у ней уже двое дѣтей. Я взялъ мѣсто въ школѣ.

— Учителя, мистеръ Стендишъ?

— Да, конечно.

— Не скучная ли это была жизнь, мистеръ Стендишъ?

— Да, существованіе незавидное, но я рѣшился съ Божьею помощью твердо исполнять свою обязанность. Я задумалъ сдѣлаться адвокатомъ, потому что у меня было какое-то предчувствіе, что тутъ (онъ ударилъ рукой по своему энергичному лбу) заключается нѣчто, что̀ можетъ образовать славнаго адвоката. Но вообразите, и тутъ опять та же исторія: дочь директора школы начала преслѣдовать меня. Она надоѣла мнѣ букетами и дурацкими стихами. Одною изъ фантазій моего отца было придавать себѣ давно забытый титулъ ирландскаго пера, Стендиша Турвейскаго. Дѣдъ мой приходилъ въ бѣшенство, когда при немъ упоминали объ этомъ. Миссъ забрала себѣ въ голову что я переодѣтый принцъ, умирающій отъ любви къ ней, но слишкомъ скромный чтобы признаться въ этомъ. Я опять принужденъ былъ бѣжать. Не правда ли, все это ужасно смѣшно? Вы, можетъ-быть, подумаете, что я изъ хвастовства разказываю вамъ это. Я пріѣхалъ въ Лондонъ; давалъ уроки всего что̀ только зналъ, а самъ занимался стенографіей и учился тому, что̀, полагалъ, можетъ мнѣ со временемъ пригодиться. Я работалъ дни и ночи, писалъ въ журналахъ, до тѣхъ поръ пока не сколотилъ достаточно денегъ чтобы записаться въ Темпль. Въ нынѣшнемъ году я получу мѣсто, сверхъ того у меня занятія въ *Геркулесѣ*, которыя обезпечиваютъ мнѣ насущный хлѣбъ и избавляютъ отъ учительства. Я постоянно помогалъ бѣднымъ старушкамъ-теткамъ. Окѣ, ради экономіи, живутъ въ маленькой деревушкѣ во Франціи и въ благодарность награждаютъ меня необыкновенными ночными колпаками, туфлями и кисетами для табаку, въ такомъ количествѣ, что я могъ бы снабдить ими цѣлую школу. Вотъ мое настоящее положеніе. Единственную тѣнь на него бросаетъ то обстоятельство, что я страстно влюбленъ, и любовь моя доведетъ меня до того громаднаго, восхитительнаго

безумія, что я женюсь на прелестнѣйшей, добрѣйшей и не имѣющей ни гроша дѣвушкѣ. Но я и тутъ не прихожу въ отчаяніе. Ну, что же вы обо всемъ этомъ думаете?

Въ откровенности молодаго человѣка была какая-то неотразимая привлекательность. Я только-что хотѣлъ открыть ему свое сердце, какъ вдругъ таинственная особа, именовавшаяся мистрисъ Чандлеръ и походившая на наклоненный шестъ, одѣтый въ старыя платья, съ чепцомъ на макушкѣ, доложила мистера Чика. Появился невзрачный молодой человѣкъ, отъ котораго, даже сквозь клубы дыма Стендишевой трубки, разило табакомъ. Докторъ Чикъ съ необычайною важностью выслушалъ мои объясненія, осмотрѣлъ мою руку и колѣно и перевязалъ разрѣзы и раны, быстро поджившія. Потомъ онъ сѣлъ, уперся руками на колѣни, и внимательно посмотрѣвъ мнѣ въ лицо, спросилъ:

— А сколько намѣрены вы потребовать? Какую опредѣляете цифру?

— Я васъ не понимаю.

— Какъ вы полагаете? Я могу засвидѣтельствовать большія поврежденія, если батюшка вашъ принужденъ будетъ идти въ судъ. Я бы теперь на вашемъ мѣстѣ не выходилъ со двора до самаго процесса. Я пошелъ бы къ присягѣ, что вы все время сидѣли въ комнатѣ. И какъ знать, при надлежащемъ лѣченіи могла бы образоваться рожа. Васъ можно по истинѣ назвать счастливымъ. Никогда еще не встрѣчался мнѣ подобный случай, хотя я разъѣзжаю по желѣзнымъ дорогамъ взадъ и впередъ. Многіе бѣдняки позавидовали бы вамъ.

Докторъ Чикъ, пошептавшись съ моимъ хозяиномъ, удалился.

— Ну-съ, началъ опять Стендишъ, и трубка его пришла въ полное дѣйствіе,—ну-съ, вы хотѣли разказывать мнѣ.

Я разказалъ ему все что былъ въ состояніи разказать. О смерти дѣдушки, о бѣдности дома, о моихъ непріятностяхъ и раздорахъ въ школѣ, о моемъ желаніи начать поскорѣе жить и поправить наше состояніе.

— Ну, предположимъ, что мы отыщемъ вамъ сэръ-Ричарда Десмонда: чего вы отъ него потребуете? спросилъ онъ почти строго.—Вы убѣжали изъ школы, потому что не хотѣли снести мелкихъ непріятностей; вы оставили человѣка, который былъ добръ къ вамъ, чтобъ отыскать другаго человѣка,

который о васъ не заботится. Къ тому же вы не только не имѣете права быть недовольнымъ, но должны считать себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. У васъ есть друзья. Вы имѣете достаточно состоянія чтобы не умереть съ голоду, вы ни отъ кого не зависите и можете избрать себѣ занятіе по душѣ. А вы что дѣлаете? Вы продаете свое платье, убѣгаете изъ школы и приводите въ отчаяніе этого достойнаго человѣка, мистера Бетса. Онъ будетъ искать васъ въ Лондонѣ. Онъ, безъ сомнѣнія, пріѣдетъ съ слѣдующимъ поѣздомъ и отправится къ сэръ-Ричарду Десмонду, если Мосъ не сообщитъ ему моего адреса.

— Вы не поняли меня, мистеръ Стендишъ. Я совсѣмъ не хотѣлъ огорчать мистера Бетса, онъ такъ добръ! А сэръ-Ричардъ не будетъ смущенъ ничѣмъ, что бы я ни сдѣлалъ. Но вы все-таки правы. Мнѣ не слѣдовало дѣлать ничего что могло огорчить мистера Бетса, и я постараюсь не дѣлать ничего такого.

Стендишъ взялъ адресную книгу.

— „Десмондъ, Еніусъ, Клержъ-Стритъ. 10. Восточный клубъ.“—Индійскій, вѣроятно.—„Десмондъ, Джонъ, Джерминъ-Стритъ; Десмондъ, Ральфъ, Албанія; Десмондъ, сэръ-Ричардъ; миссъ Десмондъ—207. Гросвеноръ-Стритъ“. Вотъ это онъ. Я никогда не подозрѣвалъ, что Десмондовъ такъ много въ Лондонѣ. Ничего не знаешь, пока не прочтешь. Мы можемъ отправиться къ нему. Вы должны написать въ Ланглей и въ Дублинъ. Вы можете сами написать нѣсколько строкъ къ Моди, въ Свитенгамъ; онъ, какъ вы говорите, порядочный малый, да и со всѣми товарищами, съ которыми вы перессорились, не дурно бы примириться письмомъ. Пишите, пока мы дома, а я между тѣмъ посмотрю, не могу ли я одѣть васъ поприличнѣе, потому что въ такомъ костюмѣ вамъ не подобаетъ показываться въ Лондонѣ.

Онъ ушелъ съ своею милою улыбкой. Я сѣлъ и попробовалъ писать, но мысли мои блуждали далеко. Стендишъ сказалъ, что я долженъ считать себя счастливымъ. Онъ не зналъ—какъ могъ онъ знать?—отчего разрывалось мое сердце. Далеко, во французской деревушкѣ, его любятъ добрыя сердца и охраняютъ своими молитвами, а обо мнѣ кто заботится? Мистеръ Бетсъ мнѣ не родственникъ и не другъ. Онъ очень добръ, но я не могу любить его. Нѣтъ! За морями, въ далекой странѣ....

Стендишъ очутился за моею спиной. Съ нимъ пришелъ человѣкъ, державшій въ рукахъ большой свертокъ.

— Вотъ тутъ есть все, что потребовали бы самые щепетильные люди. Готовы ли ваши письма? Ну, мы ихъ кончимъ послѣ. Смотрите! вотъ сорочки, возьмемъ полдюжины. Вотъ славная жилетка! Браво! Все сдѣлано какъ по вашей мѣркѣ, шляпа, сапоги и все. А старое мы все сложимъ. Вотъ теперь мы выйдемъ со славой и удивимъ собой Лондонъ.

Но Лондонъ самъ меня поразилъ. Еслибы песчинка, уносимая теченіемъ, могла осмыслить свое положеніе, она едва ли бы почувствовала какое-нибудь безпокойство. Что ей за дѣло куда ее несетъ, съ какою скоростью, съ какими товарищами? Чѣмъ могла бы она надѣяться быть какъ не песчинкой? Но человѣкъ, уносимый теченіемъ жизни, размышляетъ о себѣ и о товарищахъ своихъ. Онъ хочетъ знать откуда идутъ всѣ эти люди, гдѣ и какъ они живутъ, куда они такъ спѣшатъ. Онъ родился среди живой массы, составляющей предметъ изслѣдованія каждаго изъ ея безконечныхъ атомовъ.

— Сэръ-Ричарда Десмонда нѣтъ въ Лондонѣ, сказалъ намъ швейцаръ.—Мы ожидаемъ его на завтра въ ночь. Но миссъ Десмондъ дома, и ея племянница тоже.

— Не былъ ли здѣсь въ послѣднее время нѣкто мистеръ Бетсъ?

— Бетсъ? Мистеръ Бетсъ, изъ Дублина? Былъ! Вотъ карточка, которую онъ оставилъ здѣсь сегодня утромъ. (Онъ взялъ карточку съ подноса и прочелъ: Мистеръ Бетсъ, № 23, Доминикъ-Стритъ.) Онъ остановился въ Фентонѣ. Видѣлся здѣсь съ барынями и ужасно спѣшилъ; спрашивалъ о молодомъ мальчикѣ сбѣжавшемъ изъ школы, мистерѣ Бреди, воспитанникѣ сэръ-Ричарда. Можетъ-быть, вы о немъ что-нибудь знаете.

Я чувствовалъ что покраснѣлъ. Все это время я думалъ, что подумаетъ Мери Бутлеръ, когда узнаетъ что я бѣжалъ изъ школы. Чего бы я не далъ, чтобъ имѣть возможность разказать ей самому свою исторію!

— Если мистеръ Бетсъ придетъ сюда опять, отдайте ему, пожалуста, вотъ эту карточку. Ну, теперь въ Фентонъ.

Мистеръ Бетсъ, позавтракавъ, рано вышелъ изъ дому и

не оставилъ никакихъ приказаній, а сказалъ только что уѣзжаетъ сегодня вечеромъ.

Мы отправились въ Темпль. Въ ящикѣ для писемъ мы нашли карточку мистера Бетса, на которой внизу было написано карандашомъ: не видали ли вы мистера Бреди?

Я какъ во снѣ слѣдовалъ изъ одного мѣста въ другое за мистеромъ Стендишемъ, который неустанно писалъ вездѣ записки, оставлялъ порученія; но опекунъ мой, несмотря на всѣ старанія наши, нигдѣ не находился. Наконецъ мистеръ Стендишъ предложилъ мнѣ идти обѣдать въ какой-то литературный клубъ *Аддисонъ* и послалъ въ Фентонъ приглашеніе мистеру Бетсу.

— Вы встрѣтите тамъ странныхъ людей, предупреждаю васъ. Но я увѣренъ, что мистеръ Бетсъ, если онъ такой человѣкъ за какого я его считаю, будетъ радъ случаю видѣть людей, у которыхъ въ головѣ больше мозгу чѣмъ денегъ въ карманѣ.

Клубъ помѣщался въ длинной, узкой залѣ, плохо освѣщенной, въ которую нужно было подниматься по винтообразной лѣстницѣ. Стѣны залы обиты были панелями, разрисованными произведеніями фантазіи одного изъ членовъ. Одна изъ этихъ панелей привлекла мое вниманіе. На ней нарисована была, масляными красками, женщина въ широкой восточной одеждѣ, полулежащая на диванѣ и пускающая клубы дыма изъ длинной трубки. Она окружена была вазами съ фруктами, золотою и серебряною посудой и грудами шалей.

— Вамъ это нравится? спросилъ меня Стендишъ.—Это панель Джолиффа. Онъ американскій живописецъ и отличный малый.

— Мнѣ кажется, эта картина очень похожа на что-то что я знаю; это, кажется, портретъ одной моей знакомой. Пожалуста, узнайте кто это такая.

— Джолиффъ, мой юный другъ желаетъ знать имя вашей восточной красавицы. Онъ находитъ въ ней сходство съ особой, которую воображаетъ что знаетъ. Я ему сказалъ, что она тутъ только-что повѣшена.

— Да, она кой-чего стоила, моя магометанская красавица. Это только копія съ моей картины, которую я сдѣлалъ для одного изъ моихъ лучшихъ друзей, въ Индіи, и за которую онъ заплатилъ мнѣ „лаку“ рупій. Она имѣетъ сходство, хотя ей недостаетъ огня оригинала. Бѣдная Моти!

— Развѣ леди умерла, сэръ?

— Нѣтъ, по крайней мѣрѣ я объ этомъ ничего не слыхалъ. Но бездѣльникъ набобъ былъ ужасно ревнивъ и билъ ее такъ же много, какъ и любовался ей. Жизнь ея, по временамъ, была невыносима, хотя она сама управляла всею страной за него.

— А кто она была, позвольте спросить.

— Должно-быть, Черкешенка, но навѣрное не знаю. Когда набобъ однажды замѣтилъ что она мнѣ улыбнулась, онъ едва позволилъ взять мнѣ нѣсколько сеансовъ чтобъ окончить портретъ.

— А гдѣ вы видѣли ее, сэръ, и какъ давно?

— Гдѣ? да гдѣ же я могъ ее видѣть какъ не во дворцѣ набоба, въ Пергунапорѣ, прошлый годъ, нѣтъ, два года тому назадъ.

— Вы положительно ничего не ѣдите, сказалъ мнѣ Стендишъ. — Вы отдали сердце этой толстой женщинѣ, которой Джолиффъ платилъ по нѣсколько рупій за сеансъ, и которую окружилъ всѣмъ великолѣпіемъ, какое могла представить ему его фантазія.

Должно полагать что за столомъ было много остроумныхъ людей, потому что было много смѣху, но я ничего не слыхалъ и не могъ оторвать глазъ отъ панели; я удивлялся сходству, и мнѣ казалось, что глаза со стѣны отвѣчали мнѣ насмѣшливымъ, жестокимъ взглядомъ. Одинъ изъ членовъ клуба, маленькій, слабый человѣкъ, котораго голова была такъ прикрѣплена къ плечамъ, что, казалось, она готовится прыгнуть на васъ, по временамъ смущалъ меня своими взглядами и роковыми чертами лица. Это было странное лице: густые волосы, откинутые со лба, мужественно падали назадъ; брови, густыя и широкія, казались тучами, прорѣзываемыми молніей, а когда онъ говорилъ, они слегка приподнимались, такъ же какъ и вѣки; зрачки казались заряженными огнемъ; взглядъ его былъ быстръ какъ электрическая искра.

Слуга принесъ письмо мистеру Стендишу, который, распечатавъ его, передалъ мнѣ записку отъ мистера Бетса.

Фентомъ, 7 часовъ пополудни.

„Дорогой мой Теренсъ, я долженъ сейчасъ же уѣхать изъ города, чтобы повидаться съ сэръ-Ричардомъ по весьма важному дѣлу. Посылаю вамъ немного денегъ до моего возвращенія черезъ день или два, а тогда мы увидимъ что намъ

предпринять, если вамъ не нравится Свитенгамъ. Зачѣмъ вы сдѣлали это, не сказавъ мнѣ ни слова? Я радъ что вы спаслись и дѣйствовали такъ хорошо въ этомъ страшномъ происшествіи. Мистеръ Стендишъ, вѣроятно, будетъ такъ добръ, что пріищетъ вамъ какое-нибудь помѣщеніе, а я уже распорядился чтобы вамъ выслали ваше платье и тому подобное. Если вамъ что-нибудь понадобится, обратитесь къ гг. Протеро и Клеркъ, 15, Бедфортъ, и спросите мистера Клерка, который уже знаетъ о васъ. У меня нѣтъ теперь ни одной свободной минуты; весь день я васъ отыскивалъ, а теперь заваленъ дѣлами. Но позвольте сказать вамъ, что я не одобряю того что вы оставили школу, не сказавъ ни одного слова

любящему опекуну вашему
Дж. Бетсъ.

— Итакъ, теперь я долженъ заботиться о васъ, сказалъ Стендишъ,—ну, такъ посмотримъ что намъ дѣлать. Не пойти ли намъ въ оперу? Только нужно будетъ идти въ галлерею, потому что у васъ нѣтъ фрака.

Я съ удовольствіемъ ушелъ отъ *дурныхъ глазъ*. Когда мы проѣзжали по одной очень узкой улицѣ, гдѣ была страшная тѣснота отъ множества экипажей, кебъ нашъ зацѣпился за карету, въ которой сидѣла старая леди, съ брюзгливымъ лицомъ, закрывавшая другую даму своимъ широкимъ платьемъ.

— Смотри, куда ты ѣдешь, извощикъ! закричалъ кучеръ кареты.

— Самъ смотри, капустный парикъ, и держись своей дороги, проревѣлъ нашъ возница.

Произошло столкновеніе, колеса нашего кеба зацѣпились за массивныя колеса фамильной кареты, и такъ какъ старая леди повернулась къ намъ, я узналъ, что это миссъ Десмондъ, а спутница ея не кто иная какъ Мери Бутлеръ; но въ слѣдующую минуту кучеръ уже ударилъ по лошадямъ и былъ въ ряду каретъ, а нашъ возница погрузился въ перебранку съ полисменомъ.

— Что за прелестное личико, воскликнулъ Стендишъ.— Видѣли вы ее?

— О, конечно! Я ее даже знаю; это племянница сэръ-Ричарда Десмонда.

— Она восхитительна! Какъ она была спокойна, когда эта старая ворона подняла свои перья. Онѣ, вѣроятно, отправляются въ оперу.

Мы долго поднимались и наконецъ очутились на своихъ

мѣстахъ, высоко надъ благовонною областью ложъ, блиставшихъ новымъ шелкомъ и атласомъ, въ ту самую минуту какъ занавѣсъ поднимался предъ началомъ оперы новаго тогда композитора Верди. Когда глаза мои привыкли къ свѣту, низко подъ нами разсмотрѣлъ я Мери Бутлеръ, полузакрытую занавѣсами ложи, съ устремленными на сцену глазами.

Можете ли вы вообразить ощущенія ирландскаго мальчика, въ первый разъ попавшаго въ оперу? Я былъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи, прерывавшемся только паденіемъ занавѣса и шумомъ толпы въ антрактахъ. Мери Бутлеръ какимъ-то страннымъ образомъ примѣшивалась къ моему восторгу. Что бы мнѣ было за дѣло до оперы, еслибъ ея тутъ не было! Но вотъ она исчезла, ложа уже пуста.

— Я видѣлъ какъ ее сейчасъ схватила старая ворона и унесла съ собой, замѣтилъ мнѣ Стендишъ.—Мнѣ даже кажется, что я слышалъ въ бинокль ея вздохъ, когда она оторвала глаза отъ сцены. Ворона была въ чрезвычайномъ волненіи, и я замѣтилъ какъ измѣнилась въ лицѣ ваша прекрасная знакомая, когда она заговорила съ ней. Онѣ чрезвычайно поспѣшно вышли.

Я былъ радъ когда кончилась опера. Мы очутились въ круговоротѣ толпы, между шумящими шелковыми платьями, брилліантами, жемчугами, бѣлыми галстуками и черными фраками. Среди толпы собрался кружокъ разговаривавшихъ мущинъ.

— Какъ вамъ нравится опера, мистеръ Скюеръ, обратился Стендишъ къ одному изъ нихъ.

— Опера! Да можно ли назвать это оперой! Что за раздирающіе звуки. Такая музыка можетъ погубить всякаго пѣвца, никакой голосъ не выдержитъ, визжалъ мистеръ Кеттль.

— Сбродъ мелодій и ничего цѣлаго, проревѣлъ мистеръ Риччіо.—Всѣ хоры идутъ въ унисонъ.

— Вотъ опера и не пойдетъ, сказалъ Стендишъ, когда мы вышли на подъѣздъ.—Это наши великіе критики, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ судьба композиторовъ, на время, по крайней мѣрѣ.

— А мнѣ такъ понравилась опера! Что это у васъ тамъ, мистеръ Стендишъ?

— Но вы не должны думать что она хороша, если мистеръ Скюеръ, Кеттль и Риччіо сказали что она дурна. Что это?

Это букетъ, который забыла молодая леди. Возьмите, если хотите. Теперь мы поужинаемъ и возвратимся въ Темпль.

Я испугался, что онъ опять пойдетъ въ *Аддисонъ*; я боялся страшныхъ глазъ, но Стендишъ вошелъ въ скромную таверну. Когда мы поднимались по высокой лѣстницѣ въ нашу квартиру, я нѣсколько разъ поцѣловалъ букетъ, и блѣдные газовые рожки были единственными свидѣтелями этихъ поцѣлуевъ.

II. Двѣ попытки начать жизнь.

Рано на другой день я былъ въ Гросвеноръ-Стритѣ. Лакей не могъ сказать мнѣ что̀ именно случилось, но получены были дурныя извѣстія изъ-за границы, отъ сэръ-Ричарда Десмонда. Съ нимъ случилось какое-то несчастіе. Миссъ Десмондъ и миссъ Бутлеръ съ первымъ же поѣздомъ отправились на континентъ.

Когда я возвратился въ Темпль, Стендиша не было дома. Онъ оставилъ мнѣ записку, что возвратится только вечеромъ, но что онъ сказалъ Вилькинсу, привратнику, чтобъ онъ нашелъ надежнаго человѣка, который бы могъ сопровождать меня, если я захочу осмотрѣть что-нибудь.

Мнѣ не нужно было никакихъ зрѣлищъ. Удивительно, какъ эти зрѣлища утомляютъ молодыхъ людей. Только тогда, когда ближе узнаешь міръ и созданія его, начинаешь отдавать себѣ отчетъ въ мелкихъ подробностяхъ. Но я послѣдовалъ совѣту, вышелъ изъ дому и ходилъ за толпой, водимою болтливыми сторожами. Я чувствовалъ, что самые священные памятники могутъ сдѣлаться общими мѣстами; что на Вестминстерское аббатство можно привыкнуть смотрѣть безъ благоговѣнія, и что соборъ Св. Павла превращается чуть ли не въ ярмарочный балаганъ. Въ три дня я осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности.

Я впалъ опять въ грустное настроеніе. Мистеръ Бетсъ, кажется, не знаетъ что̀ дѣлать со мной, а онъ мой лучшій другъ. Морисъ Прендергастъ мнѣ тоже другъ, но онъ совсѣмъ не знаетъ жизни. Маіоръ Турнбулль? Я даже не знаю гдѣ найти его. Джакъ Виндо? Я безуспѣшно отыскивалъ его въ адресъ-календарѣ. Не лучше ли мнѣ рѣшиться на

что-нибудь до возвращенія мистера Бетса. Я схватилъ шляпу и выскочилъ изъ дому.

Когда я очутился въ толпѣ Флитъ-Стрита, всѣ планы, которые я составлялъ въ Темплѣ, превратились вдругъ въ одно намѣреніе.

— Извощикъ, везите меня туда гдѣ записываются въ армію.

Кебъ остановился на углу узкаго переулка, не далеко отъ котораго возвышались башни Вестминстера. Тутъ толпились люди одѣтые въ различные мундиры, съ тросточками въ рукахъ, съ кокардами и сіяніями на фуражкахъ; люди съ рѣзкими взглядами и воспаленными глазами, съ хлыстами въ рукахъ и лентами и медалями на груди.

Я видѣлъ рекрутскихъ наборщиковъ въ Кильмойлѣ, когда увезли молодаго Демпсея и Мата, и я зналъ теперь кто эти люди въ красивыхъ лентахъ.

— Вотъ вамъ и барышъ, сержантъ, сказалъ кебменъ,—это я его привезъ, и надѣюсь, вы не забудете меня.

Люди съ тросточками окружили меня тотчасъ же.

— Онъ мой! сказалъ одинъ.—Не правда ли, вы взглянули на меня на перваго, сэръ?

— Вретъ онъ! Не правда ли, вѣдь это вы тотъ молодой джентльменъ, который говорилъ и порядился со мной вчера въ Горзъ-Гардѣ?

Я посмотрѣлъ на нихъ и обратился къ самому толстому:

— Мнѣ нужно поговорить съ вами, если позволите.

— Какъ, да вѣдь онъ служитъ только въ Индѣйской Компаніи; онъ совсѣмъ не регулярный, воскликнулъ одинъ флотскій сержантъ.

— Авось тебѣ не удастся обольстить этого джентльмена, Маттоксъ, чтобъ ему выжгли печенку, проревѣлъ лошадинымъ голосомъ кавалеріецъ.

— Да вѣдь Компанія никогда никому не платитъ, замѣтилъ другой.

— Попадете къ чернымъ да къ дикимъ, если запишетесь къ нему.

— Да на что лучше, тутъ есть гусарскіе и драгунскіе полки, артиллерія....

Въ моихъ ушахъ звучало множество голосовъ, но сержантъ Маттоксъ взялъ меня за руку и повелъ по узкому переулку, гдѣ солдаты тѣснились у темныхъ пивныхъ, при

входѣ которыхъ стояли грязныя женщины. Солдаты провожали насъ завистливыми взглядами.

— Вотъ опять Маттоксъ, у него ужь, кажется, третій.

Дородный сержантъ съ достоинствомъ привелъ меня въ Веллеслей Армсъ, въ свое собственное отдѣленіе. Блестящія изображенія молодыхъ офицеровъ, наклоненныхъ надъ осыпанными драгоцѣнными камнями и поверженными въ прахъ врагами, приглашали „всѣхъ благоразумныхъ молодыхъ людей записаться въ благородную службу уважаемой Восточной Компаніи. Жалованья пять ф. стерл. Проѣздъ даровой. Быстрое производство. Блестящая карьера. Полная пенсія.“

Всѣ вышеупомянутыя привилегіи предлагались желающимъ записаться въ кавалерію, артиллерію и инфантерію, и служить въ веселой, теплой странѣ, покрытой дворцами и изобилующей жемчужными и бриллiантовыми пріисками, въ странѣ, гдѣ незнакомы со снѣгомъ и холодомъ. Въ настоящее время служба эта можетъ доставить еще бо́льшія выгоды, такъ какъ предполагается война.

— Не хотите ли вы выпить чего-нибудь? спросилъ меня сержантъ Маттоксъ, показывая мнѣ пригоршню золотыхъ и серебряныхъ монетъ.—Скажите только.

— Нѣтъ, пожалуста, не нужно ничего.

— Въ такомъ случаѣ, Мери, пришлите полпинты хорошаго хересу въ мою комнату, и мы выпьемъ за здоровье этого блестящаго, любезнаго молодаго человѣка. Помяните мое слово, Мери, не пройдетъ двухъ лѣтъ, какъ этотъ молодой человѣкъ воротится къ намъ офицеромъ.

На лицѣ дѣвушки выражалось состраданіе, когда она принесла хересъ въ „канцелярію“ сержанта. Комната эта пропитана была запахомъ табаку, горячихъ напитковъ и сыру. Старая свинцовая чернильница, заржавленныя перья и нѣсколько листовъ печатной бумаги лежали на тяжеломъ столѣ, испятнанномъ кругами отъ пивныхъ кружекъ. Сержантъ принялся меня внимательно разсматривать.

— Такъ вы хотите записаться, мистеръ Бреди? Славное имя. Да, многіе приходятъ къ намъ искать славы въ военное время. Въ васъ будетъ пять футовъ, кажется, а что за грудь! И зубы всѣ цѣлы? Вы лучшій матеріалъ, какой мнѣ когда-либо удавалось доставлять, вотъ все что я могу вамъ сказать. Вы не ученикъ? Отлично! Родители живы? Нѣтъ? Еще лучше! Никакихъ опекуновъ или гувернеровъ, чтобы

запретить вамъ или выкупить васъ? Ну, рискнемъ. Сколько вамъ лѣтъ? Лицо сержанта осунулось послѣ моего отвѣта. Не можетъ быть! Ни за что не повѣрю. Вы оговорились. Я, слава Богу, умѣю отличить мущину отъ мальчика, и ручаюсь, вамъ уже минуло семнадцать лѣтъ. Такъ? скажите, вѣдь вы мущина?

— Я вамъ сказалъ правду.

Сержантъ кусалъ перо.

— Я могу записать васъ въ регулярные, тамъ не такъ требовательны какъ въ моей Компаніи. А можетъ-быть, вамъ будетъ семнадцать, если вы придете завтра. Запишитесь теперь, а тамъ мы посмотримъ что дѣлать.

Мнѣ всегда казалось, что стоитъ мнѣ только захотѣть, и я сейчасъ же могу записаться, надѣть мундиръ, отправиться въ свой полкъ и начать служить. А теперь я вдругъ узнаю, что долженъ пойти къ начальству, что меня будутъ разсматривать какъ скотину на бойнѣ; что различныя формальности, присяга и аттестаціи должны предшествовать карьерѣ, которая, по моему мнѣнію, могла быть освящена одною рыцарскою клятвой, какъ, напримѣръ, клялся Дюнуа рукоятью своей шпаги. Нѣтъ! Если я не имѣю права записаться, я и не запишусь; не хочу начинать свою жизнь обманомъ. Сержантъ глубоко вздыхалъ, но всѣ его аргументы пропали даромъ.

— Вы, должно-быть, были въ страшныхъ сраженіяхъ, замѣтилъ я Маттоксу, заплативъ ему полсоверена „за хересъ и хлопоты“; какое у васъ множество медалей и лентъ!

— Я въ жизнь свою не нюхалъ пороху, развѣ только на парадахъ, а главное, не имѣю ни малѣйшаго желанія нюхать его,—сказалъ сержантъ со смѣхомъ.—Это одно изъ преимуществъ нашей службы. У насъ не хотятъ вознаграждать человѣка, которому выдается случай быть въ дѣлѣ, и наказывать того, кому не представилось такого случая. Вотъ это я называю справедливостью, и вамъ не мѣшаетъ принять это въ соображеніе, если вы надумаетесь и придете завтра.

Солдаты съ любопытствомъ смотрѣли на меня, когда я садился въ кебъ, и съ нетерпѣніемъ ожидали Маттокса, чтобы разспросить его обо мнѣ.

У меня оставался еще одинъ исходъ. Извощикъ засмѣялся, когда я сказалъ ему чтобъ онъ везъ меня туда гдѣ записываются въ моряки.

— Это, кажется, у Радклиффъ Гайве, впрочемъ, навѣрное не знаю; мы спросимъ.

Опять магазины и улицы, улицы и магазины, церкви, тѣсныя площади, высокія зданія, народъ толпящійся на тротуарахъ, и вѣчный шумъ экипажей, подобный вѣчному шуму моря.

Наконецъ мы остановились у какого-то дома, на стѣнахъ котораго развѣшены были объявленія, съ нарисованными на нихъ красивыми кораблями, плавно идущими на всѣхъ парусахъ въ различныя части свѣта: въ Нью-Йоркъ, Бостонъ, Буеносъ-Айресъ, Китай, Бомбей и Калькутту. Выборъ немалый.

Рядомъ съ домомъ возвышалось какое-то зданіе, съ виду походившее на конюшню, съ вывѣской надъ дверью: „Корабельная контора. Съ разрѣшенія правительства.“ Въ этомъ зданіи нашелъ я человѣкъ шесть матросовъ. Они были въ куртках и соломенныхъ шляпахъ и сторонились предо мной; наружность ихъ носила отпечатокъ какой-то угнетенности.

— Были вы когда-нибудь въ морѣ? спросилъ меня грязный Еврей, стоявшій предъ чѣмъ-то похожимъ на конторку, когда извощикъ представилъ ему меня какъ молодаго джентльмена, желающаго записаться въ матросы.

— Никогда.

— Ну, вы, конечно, понимаете, что должны заплатить мнѣ что-нибудь. Я могу помѣстить васъ на славный корабль. Капитанъ совершенный джентльменъ—капитанъ Морисъ. Онъ отправляется въ Бенинъ,—хорошее мѣсто, славныя женщины. Не такъ ли, Шейкъ. Разкажите джентльмену что вы знаете о капитанѣ Морисѣ.

Смуглый Крименъ, босой, въ оборванной набойчатой рубашкѣ и съ головой повязанною цвѣтнымъ платкомъ, ударилъ рукой по конторкѣ.

— Капитанъ Морисъ? О, господинъ, съ нимъ пойдешь куда угодно. А какой корабль, точно утка!

— Капитанъ Морисъ принимаетъ только первостатейныхъ джентльменовъ. Онъ беретъ сто фунтовъ за два путешествія. Но онъ мнѣ другъ, дайте пятьдесятъ, и мы посмотримъ что можно сдѣлать.

— Говорю, Айкей, прорычалъ какой-то смуглый человѣкъ,—

ты это оставь, знаешь. Морисъ только-что выбрался изъ бѣды за послѣднее дѣло; это равнялось убійству, Айкей. Слушайте, молодой джентльменъ, если хотите записаться, записывайтесь, только не у злодѣя Мориса.

Жидъ съ угрозой поднялъ кулакъ.

— Вонъ изъ моей конторы, разбойникъ. Тигръ Билль, ты мнѣ за это отвѣтишь. Смотри, если я не разкажу капитану Морису что ты сказалъ. Вонъ изъ моей конторы, мошенникъ!

Крученъ, слѣдившій за глазами Жида, бросился между мной и матросомъ, воскликнувъ:

— Да, Тигръ Билль, ты убирайся отсюда.

Только-что успѣлъ онъ произнесть эти слова, какъ Билль страшнымъ ударомъ повалилъ его подъ конторку. Раздались проклятія, на различныхъ языкахъ. Крученъ поднялся на ноги, блеснули ножи, и вся шайка корабельной конторы вступила въ страшный бой. Я выскочилъ на улицу и побѣжалъ къ кебу, какъ вдругъ сильная рука остановила меня. Я обернулся съ злобнымъ ужасомъ, и увидалъ Джака Виндо.

— Терри Бреди! Это непостижимо! Скажите, Бога ради, что вы тутъ дѣлали?

Я схватилъ его руку и воскликнулъ:

— О мистеръ Виндо! О мой дорогой Джакъ Виндо! Какъ я радъ васъ видѣть! Уйдемте скорѣй отъ этого страшнаго мѣста. Я вамъ все разкажу.

— О, такая суматоха здѣсь день и ночь. Пойдемте, милый мальчикъ, и объясните мнѣ эту непостижимую тайну.

Мы сѣли въ кебъ, и во время обратной дороги въ Темпль я разказалъ Джаку Виндо всѣ свои приключенія.

Когда я кончилъ, его глаза, расширявшіеся по мѣрѣ того какъ подвигался разказъ, сдѣлались необычайны по своей величинѣ и круглости.

— Вы не должны дѣлать это, мой другъ. Положитесь на друзей своихъ. Вы уже слишкомъ выросли чтобы начать морскую службу. Вы не можете въ ваши годы быть юнгой. При самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, вы не сдѣлаетесь ничѣмъ болѣе какъ простымъ матросомъ и всю жизнь будете таскать блоки и другіе снаряды, за исключеніемъ того времени, когда будете валяться пьянымъ или въ госпиталѣ. Нѣтъ, лучше прямо броситься въ воду. Чего вы ищете? Мнѣ всегда казалось, что вы, Ирландцы, страдаете нѣкоторымъ разстройствомъ мозговъ. А что форель? Съ

какимъ бы я удовольствіемъ провелъ еще денекъ на Доддерѣ. Я вамъ писалъ два раза, но у меня странная привычка—не посылать на почту моихъ писемъ. А на мою долю разъ въ жизни выпало счастье; я назначенъ капитаномъ *Барракля* и чрезъ недѣлю отправляюсь въ Вестъ-Индію. Я набираю теперь людей, и еслибы вы прошли далѣе по той улицѣ, вы увидали бы мой развѣвающійся флагъ.

Въ Темплѣ, на верху лѣстницы, ожидалъ насъ Стендишъ.

— Мистеръ Стендишъ, сказалъ я,—вотъ мой другъ, лейтенантъ Виндо, съ которымъ я встрѣтился совершенно случайно.

— Вообразите, сэръ, воскликнулъ Виндо,—я его нашелъ у Радклиффъ Гайве, когда онъ только что выскочилъ изъ дома вербовщиковъ.

— А я такъ безпокоился о васъ, сказалъ Стендишъ.— У меня есть новость для васъ: мистеръ Бетсъ возвратился сегодня.

Стукъ въ дверь перебилъ его. Пришелъ извощикъ.

— Далекая была ѣзда, сэръ, сказалъ онъ.—Въ Вестминстеръ, оттуда къ Радклиффъ Гайве, остановка въ двухъ мѣстахъ и проѣздъ обратно. Добрыхъ пять часовъ. Надѣюсь, что молодой джентльменъ дастъ мнѣ не менѣе пятнадцати шиллинговъ.

Я полѣзъ въ карманъ, но увы! моего стараго дѣдовскаго кошелька тамъ уже не было, а съ нимъ исчезли всѣ мои деньги, билетъ, соверены, серебро и старая семишиллинговая монета, которую я сохранялъ до сихъ поръ среди всѣхъ превратностей жизни.

Я ощупалъ боковой карманъ; часы улетучились также.

— Да чего же, чортъ возьми, ждали вы отъ общества, въ которомъ проводили время? воскликнулъ Джакъ Виндо.—Хорошо еще что хоть платье-то осталось на васъ.

— И вы не могли сказать мнѣ, что задумали отправиться въ море! А что вамъ надобилось въ Вестминстерѣ, позвольте узнать? укоризненно говорилъ Стендишъ, когда удалился извощикъ.—Хотѣли, можетъ-быть, записаться?

— Да, хотѣлъ записаться, сказалъ я ворчливо,—но вы мнѣ говорили, что и сами собирались когда-то сдѣлать то же самое.

— Да, но поймите же, у меня на всемъ свѣтѣ не было ни одного друга чтобы помочь мнѣ.

— На него нашла дурная полоса, сэръ, произнесъ Джакъ Виндо.

Кто-то постучалъ въ дверь, и я услыхалъ голосъ мистера Бетса. Я выбѣжалъ изъ комнаты, схватилъ его руку, и растроганный его добрымъ взглядомъ, бросился ему на шею и спряталъ лицо на груди его.

Въ продолженіе этого утра все представлялось мнѣ въ мрачномъ свѣтѣ, теперь же все казалось радостнымъ; меня окружали друзья. Стендишъ настоялъ, чтобы мы всѣ остались обѣдать въ его маленькой комнатѣ. Мистрисъ Чандлеръ принуждена была призвать къ себѣ на помощь какого-то карапузика, который, если это только возможно, былъ еще растеряннѣе ея самой. Двое слугъ изъ „Пѣтуха и Митры", сновали по лѣстницѣ, принося блюда подъ металлическими крышками, напоминавшими древніе доспѣхи. Наконецъ явилась бутылка портера, которую „мистеръ Твистеръ посылаетъ мистеру Стендишу въ знакъ глубокаго уваженія своего къ нему". За этою бутылкой произошелъ семейный совѣтъ. Мистеръ Бетсъ изложилъ положеніе дѣла.

— Я очень радъ, что молодой человѣкъ встрѣтилъ джентльмена, объ умѣ и талантахъ котораго я такъ много наслышанъ, мистеръ Стендишъ. Я считаю также большимъ счастіемъ пріобрѣтеніе дружбы такого славнаго офицера, какъ мистеръ Виндо. Мы всѣ знаемъ, сэръ, какъ вы спасли несчастныхъ эмигрантовъ на *Мерабу*. Итакъ, какъ я уже изложилъ выше, вотъ мистеръ Стендишъ, молодой джентльменъ, тяжелымъ трудомъ проложившій себѣ дорогу, душа славнаго общества литераторовъ и уже человѣкъ извѣстный.

Мистеръ Бетсъ любилъ изрѣдка предаваться словоизліяніямъ (къ тому же прибыла вторая бутылка портера изъ погреба Твистера и произвела свое дѣйствіе). Онъ продолжалъ.

— Вотъ капитанъ Виндо, проложившій себѣ дорогу, какъ я слышалъ, строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей и личными достоинствами. И съ такими примѣрами предъ глазами, съ обязанностью поддерживать славу древняго имени, неужели вы, Теренсъ, бросите все во имя какой-то химеры и забудете обязанности свои въ отношеніи къ самому себѣ? Вы разказали намъ что видѣли въ рекрутской

конторѣ и въ конторѣ корабельной. Только по счастливому стеченію обстоятельствъ, потомокъ Лохъ-на-Каррскихъ Бреди избѣгнулъ того, чтобы не сдѣлаться рядовымъ индѣйскаго полка, или мачтовымъ матросомъ. Сэръ-Ричардъ Десмондъ, изъ Кильмойля, вмѣстѣ со мною опекунъ этого юноши. Мнѣ нужно было съѣздить къ нему по дѣламъ, хотя ничего изъ этого не вышло. Онъ былъ въ послѣднее время въ Висбаденѣ чтобы пользоваться водами, но онъ кромѣ водъ употреблялъ еще нѣчто, что̀ не принесло пользы ни тѣлу его, ни карману. Съ той минуты какъ онъ разстался со своею племянницей, онъ запутался по уши; и когда я увидалъ его въ Булони, куда онъ пріѣхалъ встрѣтить меня, предполагая что я путешествую всегда съ нѣсколькими тысячами въ шкатулкѣ и могу уладить какія угодно дѣла, у него былъ такой видъ, Терри, какъ будто ему уже пришло время дѣлать свое завѣщаніе, и славно бы было, еслибъ онъ сдѣлалъ его пока не спустилъ всего Кильмойля. Носятся слухи о дуэли, которую онъ имѣлъ вслѣдствіе ссоры за какою-то азартною игрой въ Висбаденѣ; да мало ли какіе еще слухи носятся, хотя я не могу повѣрить имъ! Однимъ словомъ, изъ всего что̀ я сказалъ, я вывожу слѣдующій результатъ: небольшая сумма денегъ (надѣюсь, что это останется между нами), отданная сэръ-Ричарду взаймы старикомъ докторомъ, не можетъ быть возвращена, если я не наложу запрещенія на его имѣніе и не поставлю этимъ его въ ужасное положеніе.

—Дорогой мистеръ Бетсъ, прервалъ я,—скорѣй я дамъ отрубить себѣ пальцы чѣмъ позволю обезпокоить собой сэръ-Ричарда. Право, я до настоящей минуты и не зналъ о существованіи этой суммы.

— Браво! воскликнулъ Джакъ Виндо, всегда ободрявшій все непрактичное въ денежныхъ дѣлахъ.—Я всегда говорилъ, что онъ славный мальчикъ.

— Хорошо-съ, продолжалъ мистеръ Бетсъ,—я очень радъ, что вы такъ относитесь къ бѣдному сэръ-Ричарду. Не думаю чтобы мы много выиграли, прижавъ его, потому что скачками, широкою жизнью и поѣздками на воды онъ спустилъ все свое состояніе и теперь сидитъ на мели. Мы говорили съ нимъ о васъ. Онъ настаивалъ чтобы вы избрали какую-нибудь профессію. Я разказалъ ему о происшествіи на желѣзной дорогѣ и о вашемъ бѣгствѣ въ Лондонъ. Я

доказалъ ему, что вы не можете поступить въ военную службу съ вашими настоящими средствами, и онъ горько сожалѣлъ, что не въ состояніи помочь внуку своего друга. „Не будь одной только ночи, я бы могъ поступить теперь въ отношеніи мальчика какъ бы желалъ.“ Я знаю навѣрное, что у него теперь нѣтъ денегъ. Еслибъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Денисомъ, онъ бы попросилъ у него. Но я знаю, что мистеръ Десмондъ былъ очень сердитъ на вашего отца, когда тотъ женился, а говорятъ, онъ человѣкъ непреклонный. Теперь мы должны взглянуть прямо на свое положеніе. Поѣдемте завтра со мной въ Ирландію. Мы рѣшимъ что̀ нужно дѣлать, и видитъ Богъ, я постараюсь устроить все къ лучшему.

III. Какъ я сдѣлался докторомъ Бреди.

На слѣдующій день я уѣхалъ изъ Лондона. Укладывая свой небольшой чемоданъ, я взялъ нѣсколько листковъ изъ букета и спряталъ ихъ на дно шкатулки, въ которой хранилъ свои драгоцѣнности, и при этомъ, несмотря на то что я былъ одинъ, я страшно покраснѣлъ. Прощаясь съ Джакомъ Виндо и со Стендишемъ, я увѣрялъ ихъ въ вѣчной дружбѣ. Они проводили меня до поѣзда желѣзной дороги.

— Слѣдите за мной по газетамъ; запомните *Барнакль*, Терри. Присылайте мнѣ хоть изрѣдка по нѣсколько строкъ, мой дорогой мальчикъ. Я увѣренъ, что буду въ состояніи отвѣчать вамъ, и обѣщаю не оставлять моихъ писемъ въ карманѣ. Когда на васъ найдетъ охота роптать на свое положеніе, взгляните на нищаго или калѣку и вы утѣшитесь. Благослови васъ Богъ.

— Помните, говорилъ Стендишъ—что̀ когда бы вы ни пріѣхали въ Лондонъ, вы всегда будете имѣть у насъ столько, сколько мы будемъ въ состояніи удѣлить третьему, потому что, надѣюсь, я скоро буду не одинъ. О, пожалуста, не благодарите, ни слова болѣе. Какъ вы думаете, что̀ сдѣлалъ мистеръ Бетсъ? Онъ обѣщалъ мнѣ тяжебное дѣло, которое обезпечитъ меня на первое время и дастъ возможность ничего не дѣлать.

И сказавъ другъ другу до свиданія, мы разстались. За какого страннаго и упрямаго мальчика должны они были считать меня тогда; да и самъ я считаю себя такимъ! Дѣйствія

мои опредѣлялись случаемъ, и на жизнь мою имѣли вліяніе пустяки. Кто-нибудь говорилъ: дѣлай такъ, и я дѣлалъ, не подумавъ, заслуживаетъ ли этотъ человѣкъ довѣрія; а иногда, напротивъ, я не слушалъ людей, которыхъ обязанъ былъ слушаться. Но все это время одно опредѣленное намѣреніе, въ которомъ я не смѣлъ признаться самому себѣ, руководило мной, какъ невидимая рука руководитъ слѣпаго, и онъ знаетъ чья это рука, хоть и не видитъ ея.

— Я серіозно думалъ, Терри, и рѣшилъ, что вамъ нѣтъ другаго исхода какъ сдѣлаться медикомъ, сказалъ мнѣ мистеръ Бетсъ, однажды вечеромъ послѣ нашего возвращенія, когда мы сидѣли въ столовой отеля на Доминикъ-стритѣ.—Что вы думаете объ этомъ. Хотите заниматься профессіей вашего дѣдушки?

— Если сказать вамъ правду, не очень, сэръ. У меня, кажется, нѣтъ никакого призванія къ этому дѣлу. Къ тому же, у меня давно уже есть намѣреніе поступить въ военную службу.

— Но обстоятельства-то измѣнились, мой дорогой Терри, ужасно измѣнились съ тѣхъ поръ какъ это было задумано. Мы съ сэръ-Ричардомъ говорили объ этомъ и рѣшили, что военная служба не мыслима безъ денегъ. Поймите, что вы буквально не получите ничего отъ Лохъ-на-Каррѣ; рента едва окупаетъ проценты по закладной. Еслибы не завѣщаніе вашего дѣда, выгоднѣе бы продать все. Но намъ самимъ очень хотѣлось бы сохранить вамъ это имѣніе, въ ожиданіи измѣненія къ лучшему вашей судьбы.

— Но чтобы сдѣлаться докторомъ, нужны тоже деньги, не такъ ли, сэръ?

— Нужны, Терри, то-есть были бы нужны, но другъ вашего дѣдушки, сэръ-Филиппъ Гамптонъ, будетъ очень радъ взять васъ въ ученики, изъ расположенія къ вамъ, какъ онъ самъ говорилъ. Вы сдѣлаетесь не докторомъ, но операторомъ, то-есть почти солдатомъ, понимаете? Будете рѣзать ноги и руки и т. п.

— Мнѣ это не нравится, сэръ, хоть я и очень благодаренъ сэръ-Филиппу.

— Вамъ это не нравится, сказалъ мистеръ Бетсъ, смотря на меня и какъ бы желая сказать что меня объ этомъ и не спрашиваютъ.—Еслибы мы купили вамъ офицерскій патентъ, это бы окончательно разорило ваше имѣніе, а вы не можете

жить однимъ жалованьемъ. Еслибы сэръ-Ричардъ или я были богаты, о, тогда не было бы и толку объ этомъ. Если же вы примете, продолжалъ онъ, предложеніе сэръ-Филиппа, вы прямо вступите на настоящую дорогу. Какой выборъ остается вамъ еще? Церковь? На наши приношенія жить трудно, къ тому же у васъ, какъ мнѣ кажется, нѣтъ къ этому никакого призванія, а я твердо убѣжденъ, сказалъ онъ съ грустною увѣренностью,—что безчестно вступать въ духовную службу, не имѣя къ тому твердаго призванія. Не понимаю, какъ многіе обходятся безъ него; Богъ имъ судья.

Я не выразилъ никакого притязанія на духовную службу и только кивнулъ головой въ знакъ согласія, когда мистеръ Бетсъ замолчалъ.

— Остается законовѣдѣніе. Начнемъ со стряпчихъ; возьмите меня въ примѣръ. Терри, вы знаете какъ я работаю; я сижу часъ за часомъ, день за днемъ въ этой скучной комнатѣ, я обязанъ бѣжать туда куда меня потребуютъ, или куда пошлютъ. У меня однако есть друзья, и я уже пріобрѣлъ хорошую репутацію. Но признаюсь вамъ откровенно, что за вычетомъ жалованья старику Моди, моему главному клерку, и всѣмъ служащимъ у меня въ конторѣ, ренты и расходовъ, я едва свожу концы съ концами.

Мистеръ Бетсъ не упомянулъ, что онъ держалъ отличный столъ и полный погребъ, и пополнялъ ихъ такъ часто, какъ только хотѣлъ.

— Потомъ, не знаю почему, у насъ стряпчій совсѣмъ не такой важный человѣкъ какъ въ Англіи; тамъ зовутъ насъ повѣренными, это гораздо красивѣе. Человѣкъ, который приходитъ къ вамъ, отнимаетъ у васъ цѣлые часы вашего времени и называетъ „Бетсъ, мой дорогой другъ“, этотъ человѣкъ не узнаетъ васъ на улицѣ, среди своихъ великосвѣтскихъ знакомыхъ. Да! вотъ этотъ негодяй лордъ Бельмиръ! Я посвятилъ ему и его дѣламъ многіе мѣсяцы, поставилъ его на ноги, и что же? Когда я послалъ ему счетъ судебныхъ издержекъ, онъ сказалъ что провѣритъ ихъ, и что онъ въ жизнь свою не былъ такъ удивленъ, какъ когда получилъ счетъ отъ меня. Онъ полагалъ, должно-быть, что я дѣйствую изъ дружбы къ нему?

— Какъ же вы поступили, сэръ?

— Я написалъ ему, что хотя довольно уже непріятно быть съ нимъ знакомымъ, я радъ однако, что никогда не имѣлъ

несчастія быть его другомъ. Я подарилъ ему судебныя издержки. Ей Богу, Терри, я бы съ удовольствіемъ поколотилъ его.

— А быть адвокатомъ, сэръ?

— О, если бы вы знали какое это несчастіе! Неисполнившіяся надежды, испорченная жизнь, жестокая бѣдность прячется подъ парикомъ и мантіей. О, согласитесь лучше разбивать камни на дорогѣ чѣмъ вступить на это поприще. Извѣстно, что скачку выигрываетъ не быстрѣйшій, а битву не сильнѣйшій. Вы не изъ того матеріала, изъ котораго образуются шелковыя судейскія мантіи, мой мальчикъ. Я знаю многихъ лучшихъ законовѣдовъ и ученѣйшихъ людей, которые ходятъ съ пустыми кошельками и прикрываютъ наготу свою изодранными мантіями.

— Почему же имъ не даютъ работы, сэръ?

— Не умѣютъ они уладить дѣла свои съ судьями и присяжными, вотъ и умираютъ съ голоду. Нѣтъ, право, Терри, чтб я ни придумывалъ для васъ, ничто столько не обѣщаетъ, какъ карьера медика. И этимъ, Терри, прибавилъ онъ торжественно, открывается вамъ военное поприще, потому что вы можете сдѣлаться военнымъ докторомъ; будете носить мундиръ, путешествовать, и удовлетворите свое желаніе видѣть свѣтъ. Это лучше чѣмъ сидѣть здѣсь за конторкой.

Мнѣ стало ясно, что опекуны мои приняли уже рѣшеніе, и я не могъ тутъ ничего сдѣлать. Во время рѣчи мистера Бетса мнѣ припомнились мрачныя лачуги, куда проникалъ я за дѣдушкой, сцены, при которыхъ я присутствовалъ въ жилищахъ бѣдности, страданія больныхъ и горькія слезы. Я вспомнилъ, что жизнь старика проходила среди благословеній бѣдныхъ, и понялъ, что въ своей спокойной и счастливой жизни, счастливой въ главномъ, потому что и на его долю досталось не мало слезъ и страданій, онъ принесъ болѣе пользы чѣмъ всякій солдатъ, когда-либо владѣвшій мечомъ. Но разсужденіе это было отвлеченное, оно нисколько не укрѣпило меня въ намѣреніи быть докторомъ, и признаюсь откровенно, меня гораздо болѣе утѣшили мундиръ и шпага, которые мистеръ Бетсъ очень разчетливо поставилъ въ концѣ своихъ аргументовъ. Какъ бы то ни было, я былъ побѣжденъ, и мечты моего дѣтства, что я когда-нибудь буду графомъ Бреди, фельдмаршаломъ его императорскаго величества, буду одѣваться въ стальныя латы и съ жезломъ въ рукахъ ѣздить по полю усѣянному распростертыми врагами,

всѣ эти мечты разлетѣлись въ прахъ. Во всякомъ случаѣ, я буду носить мундиръ и шпагу, и если мнѣ не суждено предводительствовать войсками, я буду лѣчить ихъ и исправлять вредъ причиненный врагами. Но чего мнѣ стоила такая жертва, никто не могъ знать. Въ тѣ дни, въ моемъ сердцѣ былъ одинъ образъ, одна цѣль; я не анализировалъ своего сердца, но я зналъ, что этотъ образъ тамъ. О, какіе воздушные замки строилъ я тогда, и въ дверяхъ этихъ замковъ стояла всегда извѣстная мнѣ маленькая особа, со свѣтлыми глазами, милою улыбкой, полная самой неотразимой откровенности и простоты. Какъ я торжествовалъ въ душѣ, когда мысленно ѣхалъ сложить трофеи битвы къ ея ногамъ! Какіе турниры представляло мнѣ мое воображеніе, турниры, гдѣ я, подъ ея взглядомъ, всегда одерживалъ побѣду и шелъ получить изъ рукъ ея награду! Жаль было разстаться съ этими мечтами. Я самъ не вѣрилъ имъ и зналъ что рыцарскіе обычаи уже вывелись, но не могъ примириться съ мыслью быть рыцаремъ ланцета. Могу ли я когда-нибудь сдѣлаться достойнымъ ея, если буду докторомъ? Мои самыя романическія мечты разлетались при воспоминаніи о ланцетѣ.

Грубая проза дѣйствительности стояла предо мной.

Я отправился къ сэръ-Филиппу Гамптону, по совѣту моего опекуна, рано утромъ, но онъ былъ уже занятъ. Гладенькій, чистенькій слуга знаменитаго доктора проводилъ меня въ пріемную, полную народа. Здѣсь всѣ были такъ серіозны, что можно было счесть себя среди конгрегаціи въ церкви. Вотъ мать гладитъ блѣдный лобъ своего сына, который разсматриваетъ книжку съ картинками, лежащую у ней на колѣнахъ; вотъ человѣкъ, пришедшій къ сэръ-Филиппу искать здоровья, утраченнаго на вѣки въ жизни полной наслажденій; вотъ, въ терпѣливомъ страданіи, томится блѣдная дѣвушка, которую смерть отмѣтила чахоточнымъ румянцемъ и рѣзкимъ кашлемъ; вотъ ипохондрикъ, съ безконечнымъ разказомъ о своихъ страданіяхъ, страшныхъ по своей фантастичности; здоровая юность, остановленная въ своемъ теченіи ожиданіемъ какого-то несчастія; вотъ изувѣченный, ожидающій страшной, но желанной минуты своей очереди. При каждомъ слабомъ вздрагиваніи колокольчика, Стронгъ, слуга, вставалъ съ бумагой въ рукахъ, и по его вызову, одинъ изъ членовъ конгрегаціи удалялся, провожаемый завистливыми взорами остальныхъ.

Стукъ въ дверь возвѣщалъ новыхъ посѣтителей, дополнявшихъ толпу новыми типами страдающей части рода человѣческаго. Кашель, тихіе стоны, подавленные вздохи, шелестъ шелковыхъ платьевъ, передвиганье стульевъ, шарканье сапогъ, шелестъ газетъ, не умолкали ни на минуту; но разговаривали мало и то шепотомъ. Всѣ поднимали глаза и оживлялись, когда въ полуотворенную дверь раздавался веселый смѣхъ и добродушный голосъ сэръ-Филиппа, провожавшаго паціента.

— Поправитесь ли? Еще бы. Дѣлайте какъ я вамъ говорилъ. Надѣюсь, что когда вы возвратитесь, я одинъ изъ первыхъ получу приглашеніе на вашу свадьбу.

Утѣшительный голосъ умолкалъ, и звукъ колесъ возвѣщалъ объ отъѣздѣ утѣшеннаго страдальца.

Казалось, утро никогда не кончится. Меня утомилъ видъ усталой матери и блѣднаго ребенка. Одинъ старый джентльменъ положилъ ногу на ногу и перекладывалъ ихъ, въ продолженіе послѣдняго часа, чрезъ каждыя двѣ минуты, и чуть не довелъ меня этимъ до истерики. Блѣдная дѣвушка съ чахоточнымъ румянцемъ и рѣзкимъ кашлемъ, за которою я слѣдилъ съ сострадательнымъ вниманіемъ, ушла. Только одинъ Богъ знаетъ, какое утѣшеніе могъ придумать для нея сэръ-Филиппъ.

Новые посѣтители походили на первыхъ. Но вотъ отворилась дверь, и вошла особа, сразу поглотившая мое вниманіе. Опираясь на палку, со сгорбленною высокою фигурой и съ лицомъ до того измѣнившимся, что я сразу не узналъ его, вошелъ сэръ-Ричардъ Десмондъ, опираясь на руку Мери Бутлеръ. Сердце мое сильно забилось, я чувствовалъ какъ краска бросилась мнѣ въ лицо, когда платье ея задѣло мои ноги. Возлѣ меня стоялъ порожній стулъ, только что оставленный ушедшимъ паціентомъ, и когда старикъ медленно опускался на него съ помощью Мери, она взглянула на меня и узнала.

— Дядя, поглядите кто возлѣ васъ! Это Теренсъ, Теренсъ Бреди, помните?

Сэръ-Ричардъ устремилъ на меня свои тусклые глаза и взялъ мою руку, когда я всталъ чтобъ уступить мѣсто его племянницѣ. Руки его были холодны, влажны и худы; онѣ напомнили мнѣ, въ далекомъ прошедшемъ, прикосновеніе руки Жоко.

— Что вы тутъ дѣлаете, Теренсъ? спросилъ онъ глухимъ, задыхающимся голосомъ.—Не за помощью же сэръ-Филиппа пришли вы сюда, надѣюсь, мой мальчикъ.

— За помощью, сэръ, только за помощью въ другомъ родѣ. Я поступаю къ нему въ ученики, какъ вы и мистеръ Бетсъ рѣшили, сэръ, прибавилъ я, чтобы показать Мери, что эту профессію избралъ я не по собственному желанію.—Онъ назначилъ мнѣ быть здѣсь сегодня.

— О, чего бы я не отдалъ чтобъ быть на вашемъ мѣстѣ, Терри! вздохнулъ сэръ-Ричардъ.—Взгляните на меня, я несчастный обломокъ, готовый опуститься на дно, между тѣмъ какъ вы всплываете на поверхность. Вы молоды, здоровы, полны надеждъ и свѣтлаго будущаго, я, до времени состарившійся, живу безъ надеждъ, безъ счастія, безъ будущаго. Нѣтъ, Мери, я не ропщу. Я хочу показать этому мальчику, до чего могутъ довести нѣсколько лѣтъ безпечной жизни. Этотъ ужасный колокольчикъ! Онъ разстроилъ мои нервы!

Старикъ облокотился подбородкомъ на палку, а мы съ Мери обмѣнялись взглядами. Не знаю что выражалъ мой, но ея взглядъ былъ полонъ состраданія. Эти краснорѣчивые глаза говорили: посмотрите какъ онъ страдаетъ. Она взяла его за руку, но онъ отдернулъ ее нетерпѣливо, взглянулъ на часы и заворчалъ. Сэръ-Филиппъ занимался около пяти минутъ съ каждымъ паціентомъ, но до сэръ-Ричарда оставалось еще десять человѣкъ. Я сказалъ:

— Миссъ Бутлеръ, боюсь, что сэръ-Ричарду придется ждать еще съ часъ.

— Какъ вы думаете, не приметъ ли его сэръ-Филиппъ раньше другихъ?

Его чуткія уши разслышали нашъ шепотъ.

— Еще часъ, заворчалъ онъ,—этотъ часъ убьетъ меня. Я и теперь-то едва дышу, я ужасно разбитъ, мы ѣхали всю ночь. Меня замучили въ Лондонѣ, мы уѣхали вчера. Еслибъ я могъ увидать Стронга, я бы все устроилъ. Или, вотъ что, Терри, пойдите и скажите ему, что мнѣ необходимо видѣть сэръ-Филиппа по весьма важному дѣлу, да возьмите вотъ этотъ кошелекъ и дайте ему. Съ нимъ, говорятъ, такъ нужно дѣйствовать.

Я вышелъ. Чрезъ нѣсколько минутъ Стронгъ показался въ

дверяхъ и поклонился сэръ-Ричарду. Одинъ старый джентльменъ, чья была очередь, всталъ было, но Стронгъ сказалъ ему:

— Не сейчасъ, мистеръ Тенди. Сэръ-Филиппъ проситъ вашего извиненія, леди и джентльмены, что прерываетъ очередь, но этотъ джентльменъ нуждается въ немедленной помощи, и первый былъ бы здѣсь, еслибы не дурной переѣздъ изъ Англіи.

И провожаемый сердитыми взглядами и полными негодованія словами, сэръ-Ричардъ ушелъ, опираясь на руки Мери и Стронга.

Она возвратилась, и я сѣлъ рядомъ съ ней, но не осмѣливался заговорить.

— Бѣдный дядя очень боленъ, мистеръ Бреди. Поразилъ онъ васъ? (Удивляюсь, почему я превратился въ мистера Бреди изъ Теренса.)

— Онъ дѣйствительно очень боленъ, миссъ Бутлеръ, я этимъ очень огорченъ.

— Въ Лондонѣ говорятъ, что нѣтъ надежды чтобъ онъ могъ когда-нибудь выздоровѣть совершенно, но можетъ прожить долго. Мы изъѣздили почти всю Европу. Въ послѣднее время были въ По и въ Пиренеяхъ, испробовавъ уже всѣ воды Европы. Тетушку совсѣмъ изнурили наши быстрые переѣзды, и хорошо что я такая здоровая и меня ничто не утомляетъ, а то дядюшка былъ бы несчастливъ, еслибъ ему пришлось путешествовать одному. Мы возвратились въ Лондонъ только три дня тому назадъ, изъ Ахена, и я нисколько не буду удивлена, если мы не дольше останемся въ Дублинѣ.

— И вы не утомились, миссъ Бутлеръ?

— Какъ же можно устать, если моя обязанность не уставать! Въ глубинѣ сердца дядюшка меня такъ любитъ, что я не смѣю жаловаться, если онъ иногда бываетъ придирчивъ. Не онъ, а болѣзнь его заставляетъ насъ страдать. Такъ вы хотите быть докторомъ, мистеръ Бреди?

— Да, миссъ Бутлеръ, отвѣчалъ я дрожащимъ голосомъ.

О, тѣни Айвенго, Квентина Дорварда, Ланселота, до чего я дожилъ! Въ чемъ я долженъ признаться дамѣ моего сердца!

— Мои опекуны думаютъ, что это лучшее для меня, такъ

какъ я никогда не буду настолько богатъ, чтобы служить въ военной службѣ.

— Дѣйствительно, это гораздо лучше, сказала Мери Бутлеръ.—Вы тоже, какъ дѣдушка вашъ, будете другомъ бѣдныхъ. Это благороднѣйшая обязанность послѣ обязанности служителей Бога. О, я такъ рада, что вы не будете проводить жизнь влача за собой пушку и безъ дѣла переѣзжать изъ одного мѣста въ другое, или въ военное время убивать людей, о которыхъ будутъ плакать отцы, матери и сестры, и которыхъ вы не имѣете никакого права убивать. Я такъ рада за васъ и всѣхъ вашихъ друзей.

— Друзей! Да, у меня есть друзья, но если я паду, то-есть, я хочу сказать, если я умру, у меня нѣтъ отца, матери или сестры, которые поплакали бы обо мнѣ. А друзья мои: мистеръ Бетсъ, Морисъ Прендергастъ, да нѣсколько старыхъ слугъ дома, то-есть тамъ, гдѣ прежде былъ мой домъ.

— Да вѣдь вы не теперь же умираете. Во всякомъ случаѣ, вы дурно дѣлаете, что исключаете насъ всѣхъ изъ числа вашихъ друзей. Я развѣ не другъ вашъ, мистеръ Бреди, и даже старинный другъ? потомъ мой дядя, вашъ опекунъ, и маіоръ Турнбуллъ, который часто спрашиваетъ о васъ.

Мое сердце замерло. Я глядѣлъ на ея лицо, это доброе, красивое, непорочное лицо, съ вопрошающими глазками, когда она повторила:

— Какъ вы можете говорить, что у васъ нѣтъ друзей, кромѣ мистера Бетса, этого мрачнаго Мориса и старыхъ слугъ, когда я сижу предъ вами! Или вы хотите считать меня только вашею знакомой?

— О, еслибы вы знали все! Быть вашимъ другомъ, какъ въ старину, моя первая мечта. О, вы дѣйствительно хотите быть моимъ другомъ?

Въ эту минуту отворилась дверь, и появился сэръ-Ричардъ, въ сопровожденіи Стронга.

— Я очень сожалѣю, сказалъ онъ, кланяясь всѣмъ присутствовавшимъ въ комнатѣ, что прервалъ очередь пріема сэръ-Филиппа, но, право, я думалъ что я умираю. Я, конечно, никогда болѣе не сдѣлаю такой несправедливости относительно кого-либо изъ присутствующихъ здѣсь джентльменовъ и леди. Пойдемъ, Мери. Мы должны, если ты чувствуешь себя въ силахъ, отправиться сегодня же вечеромъ, то-есть, если я доживу до того времени. Прощай, Терри, я буду узнавать

о тебѣ отъ Бетса, и ты можешь писать мнѣ. Или вотъ какъ: ты будешь писать по нѣсколько строкъ о себѣ къ миссъ Бутлеръ, а если будетъ что-нибудь важное, пиши ко мнѣ. Она дастъ тебѣ адресъ, по которому можешь всегда найти насъ, если мы даже не будемъ въ Ирландіи или въ Лондонѣ.

Я послѣдовалъ за ними и проводилъ ихъ до кареты. Мери Бутлеръ вынула карандашъ и маленькую карточку, написала на ней: „Латушъ и К°. Банкиры, Дублинъ," и подала мнѣ руку съ улыбкой, говоря:

— Прощайте, Теренсъ (почему я опять Теренсъ, а не мистеръ Бреди?). Я очень рада, что вы подъ старость не будете походить на маіора Турнбулля, хотя мы его очень любимъ; не будете постоянно играть на биллiардѣ и разказывать сказки объ осажденныхъ замкахъ и охотѣ на тигровъ. Прощайте и, смотрите, занимайтесь хорошенько, и давайте о себѣ знать дядѣ Ричарду.

— Это отвѣтъ на мой послѣдній вопросъ?

— Вопросъ! Что за вопросы такіе? Не продержите насъ тутъ все утро, Терри, нетерпѣливо сказалъ сэръ-Ричардъ.

Мери Бутлеръ, съ глазами обращенными ко мнѣ, сказала очень просто:

— Мистеръ Бреди вообразилъ что у него нѣтъ друзей въ Кильмойлѣ и спрашиваетъ другъ ли я ему. Слыхали ли вы когда-нибудь такую нелѣпость? Чѣмъ же мы можемъ быть ему какъ не друзьями, и я увѣрена, что мы останемся друзьями навсегда. Не правда ли, дядюшка?

Сэръ-Ричардъ только кивнулъ головой и далъ рукой знакъ лакею затворить дверцу.

— Итакъ, сказала Мери, улыбаясь,—отвѣтъ на послѣдній вопросъ: да, конечно. Прощайте.

Я воротился въ пріемную, гдѣ ожидалъ меня Стронгъ.

— Такъ вы одинъ изъ Лохъ-на-Карригскихъ Бреди? Почему вы не сказали мнѣ кто вы, когда пришли? Сэръ-Филиппъ спрашивалъ о васъ; онъ скоро освободится. Вы, какъ я вижу, знакомы съ сэръ-Ричардомъ и его племянницей. Славный конецъ приготовилъ себѣ сэръ-Ричардъ. Мнѣ кажется, что и пріѣхалъ-то онъ сюда самъ, а не пригласилъ къ себѣ сэръ-Филиппа, для сокращенія расходовъ. Десмонды никогда такъ не поступали. Теперь они бѣдны какъ церковныя крысы. Пойдемте, и вы скоро увидите хозяина.

Онъ привелъ меня въ комнату, полную ужасовъ. *Интерес-*

же случаи въ банкахъ и бутылкахъ были разставлены по полкамъ вокругъ комнаты; страшныя ненормальности въ устройствѣ человѣческаго организма, произведенныя болѣзнью или причудами природы, были воспроизведены изъ воску и разставлены вокругъ стѣнъ. Въ концѣ комнаты, полуприкрытый занавѣсомъ, стоялъ на пьедесталѣ, сверкая бѣлизной костей, человѣческій скелетъ, производившій на меня, не привыкшаго къ такого рода зрѣлищамъ, ужасное впечатлѣніе. Черепа различныхъ формъ, съ ярлыками, на которыхъ написаны были не имена обладателей ихъ, а расъ, которыхъ они служили краніологическими образцами, были разложены на столѣ. Я оглядывался съ ужасомъ и отвращеніемъ.

Мистеръ Стронгъ, осторожно смахивая пыль со скелета своимъ носовымъ платкомъ, говорилъ:—Это Матъ Костиганъ, угольщикъ. Сэръ-Филиппъ обдѣлалъ его, когда еще былъ студентомъ, и не правда ли, какая красивая вещица? Когда увидите сэръ-Филиппа, вы замѣтите у него надъ глазомъ рубецъ; это сдѣлали ему мальчишки, когда молодые доктора уносили тѣло Костигана. Матъ былъ шести футовъ ростомъ и ужасный драчунъ, продолжалъ мистеръ Стронгъ.—Взгляните на выпуклости его черепа. Онъ былъ очень красивъ, и сэръ-Филиппъ рѣшился пріобрѣсть его, а мальчишки не хотѣли отдать, и у нихъ произошло генеральное сраженіе на церковномъ дворѣ. Доктора одержали верхъ, хоть и сильно имъ досталось. Лизонъ, тотъ который имѣетъ такую большую практику въ Лимерикѣ, лишился при этомъ глаза, а у доктора Литла была сломана рука. Сэръ-Филиппъ звонитъ.

И Стронгъ исчезъ, предоставивъ мнѣ изучать остатки Костигана. „Какъ много,“ подумалъ я, задвигая занавѣсъ, чтобы не видѣть улыбающагося ужаса, „какъ много въ будущемъ предстоитъ мнѣ видѣть страшныхъ результатовъ смерти!“ Я сѣлъ и раздумывалъ о предстоящемъ мнѣ дѣлѣ, и сомнѣвался, будетъ ли мнѣ когда-нибудь это дѣло по душѣ. Мери Бутлеръ одобряла его, но что жъ изъ этого? Что мнѣ до Мери Бутлеръ? Я юноша безъ положенія въ свѣтѣ и состоянія; она, такая красивая и богатая, по общему приговору, наслѣдница извѣстнаго индѣйскаго богача и любимица сэръ-Ричарда Десмонда. А что если я когда-нибудь буду извѣстенъ какъ сэръ-Филиппъ Гамптонъ, снизойдетъ ли до меня Мери? Боже мой! Что за чепуха у меня въ головѣ! Трудись, Теренсъ, трудись!

Наконецъ меня позвали въ ту комнату, въ которую, въ продолженіе этого утра, входило столько человѣкъ съ тяжестью на сердцѣ. Когда я вошелъ, сэръ-Филиппъ поднялъ глаза (взглядъ его былъ добръ и проницателенъ), кивнулъ мнѣ головой, показалъ на стулъ и нѣсколько времени продолжалъ писать, между тѣмъ какъ я изучалъ его наружность. Въ немъ не было совсѣмъ аффектированной важности; одѣтъ онъ былъ строго, но модно, въ синій фракъ, съ высокимъ бархатнымъ воротникомъ, узкими рукавами и золотыми пуговицами; на шеѣ платокъ, голубой съ бѣлыми крапинками, свѣтлосѣрые панталоны туго обтягивали лакированные сапоги. Онъ отмахивался отъ мухъ надушеннымъ шелковымъ платкомъ. Въ комнатѣ распространялось благоуханіе цвѣтовъ, стоявшихъ на стойкахъ по стѣнамъ. Въ ней была библіотека, съ богато-переплетенными книгами, картины, хорошія гравюры и въ нишахъ статуи Кановы. Все было свѣтло и весело въ этомъ человѣкѣ и вокругъ него. Я молча слушалъ, когда онъ дѣлалъ мнѣ очеркъ моей будущей жизни, и когда онъ окончилъ, всѣ мои сомнѣнія разлетѣлись, и я исполнился надежды и рѣшимости.

— Теперь, мой юный другъ, сказалъ сэръ-Филиппъ, положивъ руку на мое плечо, — я сказалъ все, что могу сказать въ настоящую минуту. Завтра вы начнете слушать лекціи въ Паркъ-Ленѣ.

Онъ вынулъ золотые часы, взялъ свертокъ бумагъ, и напѣвая арію изъ новой оперы, вышелъ изъ комнаты.

Я долженъ былъ поступить въ Trinity-College, заниматься греческимъ и латинскимъ языками, и въ то же время слушать лекціи по своему предмету. Къ моему большому облегченію, я на нѣкоторое время былъ освобожденъ отъ страшной комнаты.

IV. Жизнь въ коллегіи.

Спустя нѣсколько дней послѣ моего перваго свиданія съ сэръ-Филиппомъ, я сидѣлъ въ комнатѣ достопочтеннаго доктора Гайлера, за завтракомъ. Тогда былъ обычай, что каждый изъ членовъ коллегіи давалъ вступающимъ въ коллегію ученикамъ завтракъ въ своей квартирѣ. Морисъ Прендергастъ былъ однимъ изъ присутствовавшихъ за столомъ. Онъ былъ блѣденъ и худъ, но ужасно выросъ, и одѣтъ былъ въ глубокій трауръ.

„Милый Морисъ!“—„Теренсъ Бреди!“ Я бросился чтобы схватить его руку, и въ своемъ энтузіазмѣ чуть не стащилъ скатерти со всѣмъ стоявшимъ на столѣ. Морисъ, какъ мнѣ показалось, не выразилъ никакой радости при встрѣчѣ со мной, но мистеръ Гайлеръ заставилъ меня сѣсть рядомъ съ нимъ, и мы начали шепотомъ разговаривать, между тѣмъ какъ другіе дѣятельно занимались обычнымъ завтракомъ, каждый съ тѣмъ аппетитомъ, какой оставили ему ожиданіе экзаменовъ и неспокойствіе духа. Мы всѣ—полный молодой человѣкъ, студентъ Оксфорда, съ преждевременными очками на глазахъ; задумчивый математикъ, со страхомъ помышляющій объ ужасахъ греческихъ хоровъ; увѣнчанный классическимъ призомъ ученикъ изъ Дунганона, думающій о предстоящемъ *pons asinorum* и таинственномъ уравненіи, и пара неучей, съ сожалѣніемъ вспоминающихъ о прошедшихъ, счастливыхъ часахъ игры въ мячъ и охоты,—мы всѣ были въ полномъ блескѣ новой университетской одежды.

— Насъ двое, говорилъ мнѣ Морисъ, — я и Роза, и я долженъ работать для нея, потому что отецъ оставилъ насъ въ плохомъ состояніи.

— А чѣмъ хочешь ты быть, Морисъ?

— Я теперь еще не могу сказать ничего опредѣленнаго. А ты хочешь быть медикомъ, говорилъ ты? Мнѣ это не совсѣмъ нравится.

— Ты, можетъ-быть, будешь добиваться ученой степени, Морисъ, ты такой умный.

Онъ посмотрѣлъ на меня, и лицо его омрачилось, когда онъ отвѣтилъ:

— Да развѣ ты не знаешь, что мнѣ ея не дадутъ? Я католикъ, какъ и всѣ мои предки. Я бы могъ отправиться въ Мейнутъ, но во мнѣ нѣтъ тѣхъ задатковъ, которые необходимы нашимъ священникамъ. Я пріѣхалъ сюда чтобы попробовать, на сколько либераленъ и милостивъ великій университетъ къ намъ католикамъ, въ нашей католической странѣ, и проложить себѣ какую-нибудь дорогу. Я попробую адвокатуру. Я знаю, что если я измѣню своей партіи,—потому что у меня есть партія, Терри, партія народа,—я буду вознагражденъ за это доходнымъ мѣстомъ.

Въ тонѣ Мориса всегда слышалась какая-то горечь; теперь же, когда мы шли парами чрезъ дворъ въ экзаминаціон-

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1869 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1869 г. стоить въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, **четырнадцать рублей**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ **пятнадцать рублей**; съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **шестнадцать рублей**.

Заграничные высылаютъ за доставку въ Австрію, Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герм. Почт. Союза — 16 р.; въ Бельгію — 17 р.; во Францію и Данію — 18 р. 50 к.; въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію — 20 р.; въ Швейцарію — 21 р., и въ Италію — 22 руб.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1869 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1869 годъ, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, **двѣнадцать рублей сер.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой **въ другіе города пятнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ, и во всѣхъ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи. Въ Петербургѣ, кромѣ того, можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

1869

ФЕВРАЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ВОСПОМИНАНІЯ О КАВКАЗѢ И ГРУЗІИ. Гл. III—V. **Т.**
II. ПОѢЗДКА ВЪ НЕАПОЛЬ. **В. Е.**
III. ПАНУРГОВО СТАДО. Романъ. Часть первая. Гл. I—IX. **В. В. Крестовскаго.**
IV. ОЧЕРКИ ИЗЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ ИСПАНІИ. **Е. М. Феоктистова.**
V. ПОЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ЗАПАДНАГО КРАЯ ВЪ МЯТЕЖѢ 1861 — 1863 ГОДОВЪ. Гл. V—VII. **С. А. Райковскаго.**
VI. ПЛОДОМАСОВСКІЕ КАРЛИКИ. Картины старо-русской жизни. **Н. С. Лѣскова (Стебницкаго).**
VII. ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТОПИСЕЙ РАСКОЛА. Бѣлокриницкій соборъ 1868 года и его послѣдствія. **Н. И. Субботина.**
VIII. ИЗЪ ПОЭМЫ *БРАТЬЯ*. Гл. VIII. **Я. П. Полонскаго.**
IX. ВОЕННО-ОКРУЖНАЯ СИСТЕМА. Гл. III. **В. В. Комарова.**
X. 19-е ФЕВРАЛЯ. Стихотвореніе. **Кн. В. П. Мещерскаго.**
XI. РУССКАЯ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. *Очеркъ церковной исторіи.* Н. Г. Куртца. Переводъ съ нѣмецкаго, протоіерея Александра Рудакова. С.-Петербургъ, 1868. **А. Л—ва.**
XII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. *Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 года въ сѣверо-западной Россіи.* Т. II. 1868, Вильна. **П. Щ.**

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ДОКТОРА БРЕДИ. Романъ въ трехъ частяхъ. Соч. Вильяма-Говарда Росселя. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Гл. V—IX.

ОБЪ ИЗДАНІИ
РУССКАГО ВѢСТНИКА
ВЪ 1869 ГОДУ.

Вслѣдствіе новой почтовой таксы, возвысившей почти вдвое взимавшуюся доселѣ плату за пересылку *Русскаго Вѣстника*, оказывается необходимымъ измѣнить условія подписки. Новый налогъ взимается по числу иногородныхъ подписчиковъ, но дабы тяжесть его была по возможности разравнена между всѣми подписчиками, назначаются слѣдующія цѣны:

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1869 году стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ; съ доставкой на домъ въ Москвѣ ПЯТНАДЦАТЬ Р. С. съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи ШЕСТНАДЦАТЬ Р. С. Такимъ образомъ за пересылку по почтѣ редакція будетъ получать съ иногородныхъ подписчиковъ лишь по 2 р. сер., хотя почтовое вѣдомство будетъ взыскивать съ нея по 2 р. 80 коп. за экземпляръ. Но такъ какъ съ тѣхъ экземпляровъ, на которые была бы принята подписка въ почтовыхъ мѣстахъ, почтовое вѣдомство взимало бы въ свою пользу вмѣсто 2 р. 80 к., по 3 р. 50 к., то редакція принуждена объявить, что на *Русскій Вѣстникъ* ни въ газетныхъ экспедиціяхъ столичныхъ почтамтовъ, ни въ прочихъ

почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка не принимается.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, либо Петербургъ, по слѣдующему разчету:

	Р.	К.
Въ Австрію, Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герм. Почтоваго Союза. . .	16	—
Въ Бельгію.	17	—
Во Францію и Данію.	18	50
Въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію.	20	—
Въ Швейцарію	21	—
Въ Италію.	22	—

ВОСПОМИНАНІЯ О КАВКАЗѢ И ГРУЗІИ

III.

Тифлиса, какovъ онъ теперь, я не знаю. Въ 1844 году я распростился съ нимъ навсегда. Уже и тогда городъ, увеличенный порядочнымъ числомъ домовъ европейской постройки, много утратилъ изъ оригинальности своего первобытнаго вида. Въ 1832 году Тифлисъ, не только по наружности, но и по характеру народной жизни, принадлежалъ къ числу городовъ самороднаго азіятскаго типа, если не считать нѣсколько зданій новой постройки и нѣкоторыя русскія привычки и понятія, успѣвшія проникнуть въ верхній слой грузинскаго общества. Народъ оставался чѣмъ былъ при царяхъ, городъ только начиналъ мѣнять физіономію.

Отъ Гарцискарской заставы, далеко выдвинутой въ поле въ ожиданіи будущихъ построекъ, до первой правильной улицы, начинавшейся за домомъ главноуправляющаго, дорога извивалась по пустому мѣсту, мимо обрывистаго возвышенія направо и овраговъ, съ лѣвой стороны упиравшихся въ берегъ Куры. Овраги были испещрены мазанками и домиками Солдатской слободки. Далѣе открывались пріѣзжему, съ одной стороны, съѣздъ къ Мадатовской площади, съ другой — подъемъ къ арсеналу и къ Артиллерійской слободкѣ, построеннымъ у подошвы горы Св. Давида. Большой двухъэтажный домъ, снабженный рядомъ арокъ и колоннадой надъ ними во всю длину главнаго фронта, съ боковымъ фасомъ, поднимавшимся въ гору уступами, и обширнымъ садомъ,

давалъ начало настоящему городу. Въ стѣнахъ этого дома помѣщались всѣ генералы командовавшіе на Кавказѣ, начиная съ основателя его, князя Циціанова: Гудовичъ, Тормасовъ, Паулучи, Ртищевъ, Ермоловъ, Паскевичъ, Розенъ, Головинъ, Нейдгартъ, Воронцовъ, Реадъ, Муравьевъ, Барятинскій, теперь Его Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Всѣ они строили и пристраивали, мѣняли и охорашивали въ немъ такъ много, что и слѣдовъ первой Циціановской постройки нельзя примѣтить. Предъ домомъ раскрывалась необстроенная площадка, на которой бывали скачки, народные праздники и фейерверки. За домомъ начиналась улица, выходившая на Эриванскую площадь — центръ новаго города; на ней красовались штабъ, гимназія, полиція и домовъ пять новѣйшей архитектуры. Крутоберегая, широко размытая, водоточная рытвина прорѣзывала площадь во всю ея длину, отъ юга на сѣверъ, послѣ чего, повоpотивъ на востокъ, по направленію къ Курѣ, она пролегала вдоль подошвы старой крѣпостной стѣны, оборонявшей городъ съ сѣвера и съ запада. Съ восточной стороны протекала Кура, а съ юга возвышалась гора, на которой виднѣлись еще развалины верхней крѣпости, служившей цитаделью въ прежнія времена. Все что̀ лежало по сю сторону стѣны было новой, русской постройки. Черезъ площадь, въ лѣвомъ углу, открывалась тѣсная и кривая улица, носившая названіе Армянскаго базара и упиравшаяся въ мостъ чрезъ Куру. И дѣйствительно, вся улица представляла видъ нескончаемаго рынка: по обѣ стороны сплачивались одна возлѣ другой открытыя лавки, въ которыхъ, какъ водится на Востокѣ, на глазахъ у прохожихъ шили платье и сапоги, чеканили серебро, оправляли оружіе, брили головы и бороды, варили пловъ, жарили баранину, ковали лошадей, пекли лаваши и чуреки, однимъ словомъ, занимались всѣми промыслами, безъ которыхъ не обходится городская жизнь. Дома на Армянскомъ базарѣ, равно какъ и во всѣхъ прочихъ улицахъ стараго города, были прежней, восточной постройки, въ одинъ, много въ два этажа, съ плоскими крышами, съ невообразимымъ количествомъ оконъ и дверей и крытыми галлереями для защиты отъ солнца. Въ городѣ существовала только одна еврейская гостиница Соломона, подъ вывѣской льва терзающаго змѣю огромной величины, съ надписью: „Справедливая Россія“. Всѣ

нумера были заняты; поэтому намъ не оставалось другаго выбора, какъ, переѣхавъ за рѣку, отыскивать квартиру на Нескахъ, у нѣмецкихъ колонистовъ.

Пять или шесть колонистскихъ домовъ стояли на самомъ берегу рѣки, подъ Авлабарскою горой, на которой три большія казармы Ермоловской постройки господствовали надъ лабиринтомъ сакель и земляноkъ, составлявшихъ часть города обитаемую рабочимъ народомъ. Нѣмцы не содержали гостиницы, но имѣя дома построенные на двѣ половины, въ одной помѣщались сами, а въ другую пускали наемщиковъ поденно и понедѣльно, если кому было угодно, съ полнымъ продовольствіемъ. Комнаты были у нихъ свѣтлѣе, чище, постели несравненно опрятнѣе, и незатѣйливый обѣдъ удобосваримѣе чѣмъ въ „Справедливой Россіи“, пропитанной еврейскимъ спекулятивнымъ духомъ, въ одинакой мѣрѣ посягавшимъ на обоняніе и на kотелекъ посѣтителей. Соломонъ былъ человѣкъ не безъ хитрости, какъ доказывало придуманное имъ толкованіе нѣсkольkо загадочнаго смысла вывѣски, подъ которою kрасовалось его заведеніе: левъ представлялъ его самого, змѣя изображала конkуррировавшихъ съ нимъ колонистовъ, а надпись „Справедливая Россія“ выражала твердое убѣжденіе въ томъ, что русская публиkа, побуждаемая чувствомъ свойственнаго ей безпристрастія, непремѣнно отдастъ преимущество его гостиницѣ, устроенной на благородную ногу, предъ нѣмецkими мужицkими домами. Вполнѣ признавая солидарность долженствовавшую существовать между Соломономъ и kаждымъ Русскимъ, умѣвшимъ оцѣнить глубокое значеніе подобной фирмы, я не менѣе того очень обрадовался, отыскавъ на первое время поkойный и дешевый пріютъ у колониста. Германскіе колонисты были вызваны въ Закавkазскій kрай А. П. Ермоловымъ. Онъ поселилъ ихъ въ окрестностяхъ Тифлиса, на рѣкѣ Іорѣ, и около Елисаветполя въ колоніяхъ: Александердорфъ, Елизабетталь, Петерсдорфъ, Маріенфельдъ, Анненфельдъ, Геленендорфъ, и десятkу семействъ позволилъ устроить свои хозяйства на берегу Куры, возлѣ самаго города. Чтобъ обезпечить свободное развитіе колонизаціи, сверхъ обыkновенныхъ податныхъ льготъ, онъ устранилъ вліяніе на выходцевъ мѣстной администраціи, допустилъ между ними общинное управленіе и главный надзоръ за порядkомъ и за ихъ безобиднымъ существованіемъ, поручилъ особому комитету, подъ предсѣдательствомъ

чиновника нѣмецкаго происхожденія. Въ самое короткое время трудолюбивые Швабы устроили свои хозяйства примѣрнымъ образомъ, развели сады и огороды, и въ Тифлисѣ,—гдѣ до того времени населеніе нуждалось въ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностяхъ и за тѣ предметы, которые можно было пріобрѣсти, платило дорогія деньги Армянамъ, овладѣвшимъ всею торговлей, — стали получать изъ первыхъ рукъ овощи, хорошую живность, молоко, масло, сливки, кромѣ того, картофель и сдобный бѣлый хлѣбъ, о которыхъ, до прибытія ихъ, за Кавказомъ знали по одному преданію. Одинъ изъ Нѣмцевъ, Зальцманъ по имени, завелъ въ Грузіи первую пивоварню, и Алексѣй Петровичъ, чтобы поднять его заведеніе, ввелъ между служащими обычай ходить къ нему пить пиво, вслѣдствіе чего Зальцманъ сдѣлался очень достаточнымъ человѣкомъ. Въ 1832 году существовалъ въ Тифлисѣ на весь городъ одинъ русскій булочникъ, не поспѣвавшій изготовлять сколько требовалось такъ-называемаго французскаго хлѣба. Ближайшая колонія пополняла чего недоставало. Каждое утро, съ разсвѣтомъ, молодыя Нѣмки разносили по домамъ хлѣбы и сливки, не брезгая заходить и къ намъ, холостымъ людямъ. Къ сожалѣнію, а вѣрнѣе сказать, къ ихъ собственному счастію, всѣ онѣ безъ исключенія были такъ дурны, что ихъ появленіе никого не вводило въ соблазнъ. Некрасивый народный костюмъ, котораго ни онѣ, ни братья ихъ не хотѣли покидать и въ чужой сторонѣ, увеличивалъ натуральную безобразность неловкаго склада. Несмотря на красоту Грузинокъ, Нѣмцы постоянно отказывались жениться на нихъ, что конечно повело бы къ улучшенію породы, имѣя въ предметѣ сохранить безъ примѣси языкъ, обычаи и вѣру, вывезенные ими изъ своего прежняго отечества.

Слѣдующій день провелъ въ разъѣздахъ по начальству. Надо было представиться коменданту, оберъ-квартирмейстеру, начальнику штаба и корпусному командиру. Комендантъ, гусарскій полковникъ Ѳ. С. Кочетовъ, былъ мнѣ знакомъ въ европейской Турціи, гдѣ онъ, будучи старшимъ адъютантомъ въ дежурствѣ главной арміи, снабжалъ меня куръерскою экспедиціей въ Варну. Добрый старикъ не забылъ этого мимолетнаго свиданія, за что я ему душевно былъ благодаренъ, потому что кромѣ него во всей Грузіи не зналъ живой души. А какъ пріятно встрѣтить между совершенно чужими людьми хоть одного знакомаго! Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій

соединялъ въ своемъ лицѣ двѣ должности, начальника штаба и оберъ-квартирмейстера, потому что баронъ фонъ-деръ-Ховенъ, получившій назначеніе замѣстить его въ послѣднемъ изъ этихъ званій, еще не прибылъ. Корпусомъ командовалъ баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ, замѣнившій на Кавказѣ графа Паскевича-Эриванскаго, назначеннаго по окончаніи войны 1831 года намѣстникомъ въ Царство Польское.

Генерала Вольховскаго я засталъ въ канцеляріи генеральнаго штаба, занимавшей длинную залу въ первомъ этажѣ штабнаго дома, на Эриванской площади; въ смежной залѣ помѣщалась чертежная; далѣе этихъ двухъ комнатъ генеральный штабъ не распространялся. Въ концѣ залы сидѣлъ за письменнымъ столомъ сухощавый, сутуловатый, средняго роста, черноволосый генералъ, котораго умные черные глаза вопросительно слѣдили за мной, пока я къ нему подходилъ; потомъ они быстро опустились: это была его всегдашняя привычка. Вольховскій во всю жизнь не могъ избавиться отъ врожденной застѣнчивости и рѣзко смотрѣлъ въ глаза только человѣку, имѣвшему несчастіе его разсердить.

По лѣвую руку, вдоль стѣны, были разставлены писарскіе столы; по правую, возлѣ оконъ, сидѣли начальники двухъ отдѣленій генеральнаго штаба и третьяго инженернаго отдѣленія, входившаго въ составъ квартирмейстерской части, потому что въ то время не было еще учреждено за Кавказомъ особое инженерное управленіе. Проходя мимо средняго стола, я замѣтилъ, что сидѣвшій за нимъ артиллерійскій офицеръ при видѣ моемъ поднялся, захвативъ какую-то бумагу, медленно пошелъ за мной и остановился позади меня.

Генералъ вѣжливо приподнялся.

— Вашему превосходительству имѣю честь явиться! и т. д.

Въ нѣсколькихъ словахъ, тихимъ голосомъ и слегка краснѣя отъ застѣнчивости, Вольховскій разспросилъ меня гдѣ я прежде служилъ, какія порученія исполнялъ, бывалъ ли на съемкѣ и занимался ли въ канцеляріи.

Получивъ отрицательный отвѣтъ на послѣдній изъ своихъ вопросовъ, онъ пожелалъ узнать гдѣ я воспитывался.

— Въ Царскосельскомъ лицейскомъ пансіонѣ, выпущенъ въ 1828 году.

— А! произнесъ Вольховскій:—такъ мы товарищи по заведенію, хотя вы не застали нашего выпуска.

Онъ былъ выпущенъ вмѣстѣ съ Александромъ Пушкинымъ, Дельвигомъ, государственнымъ канцлеромъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ княземъ Горчаковымъ, Модестомъ Корфомъ и другими воспитанниками перваго лицейскаго курса. Протянувъ мнѣ руку, онъ прибавилъ:

— Надѣюсь, мы сойдемся, и вы не откажетесь отъ должности, для которой я васъ предназначаю, хотя ею никогда не занимались. Въ Царскомъ Селѣ насъ приготовляли къ военной и къ гражданской службѣ, поэтому вы должны умѣть свободно писать по-русски....

Тутъ Вольховскій сдѣлалъ знакъ стоявшему за мной артиллеристу, который, улыбнувшись, съ довольнымъ видомъ пошелъ на свое мѣсто.

Несдержанное любопытство офицера, подошедшаго съ явнымъ намѣреніемъ подслушать какъ я стану являться, потомъ размѣнъ взглядовъ между нимъ и начальникомъ штаба, меня нѣсколько смутили; я не зналъ какъ мнѣ понять эту сцену. Въ скоромъ времени загадка объяснилась мнѣ самымъ удовлетворительнымъ образомъ.

На Кавказѣ существовалъ до тридцатыхъ годовъ замѣчательный недостатокъ въ офицерахъ генеральнаго штаба, особенно въ такихъ, которые, достаточно владѣя перомъ и русскимъ языкомъ, могли бы успѣшно заниматься письменными дѣлами. По этой причинѣ, съ Персидской войны, вторымъ отдѣленіемъ генеральнаго штаба завѣдывали артиллерійскіе офицеры, сперва Ушаковъ, исправлявшій въ послѣднюю войну должность дежурнаго генерала при князѣ М. Д. Горчаковѣ, а потомъ капитанъ Пикаловъ, мой любопытный артиллеристъ, бывшій помощникомъ у Ушакова до отъѣзда его въ армію, дѣйствовавшую противъ Поляковъ, вслѣдъ за графомъ Паскевичемъ. Пятилѣтнія письменныя занятія утомили Пикалова, не разчитывавшаго посвятить имъ всю жизнь; онъ желалъ продолжать службу въ строю, имѣя надежду въ скоромъ времени получить начальство надъ батареей, и поэтому настоятельно просилъ уволить его изъ корпуснаго штаба. Вольховскій, имѣя двѣ должности на рукахъ, рѣшительно не могъ обойтись безъ Пикалова, убѣждалъ его оставаться и, наконецъ, вынудилъ у него обѣщаніе не покинуть своего мѣста, пока не будетъ присланъ офицеръ, годный его замѣнить. Послѣ того прибывали въ Тифлисъ одинъ офицеръ за другимъ, но какъ на зло Пикалову, все не Русскіе, отличные

служаки, способные на все, только не на письменное дѣло, какъ его понималъ Вольховскій. Изъ Петербурга получили увѣдомленіе о моемъ назначеніи. „Т...., опять Нѣмецъ“, подумалъ Пикаловъ, и надежда отбыть готовившуюся экспедицію возлѣ орудія, а не за канцелярскимъ столомъ, совсѣмъ было его покинула. Непреодолимое любопытство потянуло его послушать какимъ произношеніемъ я заговорю являясь начальнику штаба, когда, по семнадцатому нумеру моихъ егерскихъ эполетъ, ему удалось догадаться кто я таковъ. Послѣ того, ближе познакомившись, онъ часто повторялъ со смѣхомъ, какъ при первомъ „имѣю честь“, произнесенномъ не ломанымъ русскимъ языкомъ, у него камень свалился съ плечъ, а знакъ Вольховскаго такъ обрадовалъ, что онъ готовъ былъ обнять меня на мѣстѣ. Въ то время находилось въ Тифлисѣ нѣсколько свободныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, которыхъ Вольховскій прочилъ въ разныя другія должности, хотя между ними былъ офицеръ, совершенно способный занять любое канцелярское мѣсто. Въ послѣдствіи онъ былъ принужденъ, на основаніи штата установленнаго для генеральнаго штаба при генералъ-квартирмейстерѣ А. Н. Нейдгардтѣ, замѣстить меня этимъ офицеромъ, обнаружившимъ по части письменной службы такія отличныя качества, какихъ я вовсе не имѣлъ, и которыя открыли ему широкую дорогу къ высшимъ должностямъ. Вольховскій, обладавшій въ другихъ случаяхъ даромъ оцѣнивать людей довольно вѣрно, о немъ, кажется, имѣлъ слишкомъ одностороннее понятіе. Поступивъ гораздо позже подъ начальство этого офицера, я замѣтилъ въ немъ одну только слабость, если это позволено назвать слабостію. Хотя не Русскій по происхожденію и по воспитанію, онъ былъ твердо увѣренъ въ непреложности своего знанія правилъ русской грамматики и очень любилъ поправлять слогъ, отыскивать грамматическія ошибки и переставлять запятыя. Не разъ его рука посягала на слогъ нашего лучшаго военнаго писателя, разумѣется въ однѣхъ служебныхъ бумагахъ, а что касается до меня, то нечего и говорить. Мнѣ онъ маралъ цѣлыя страницы, и ни одной запятой не оставлялъ на своемъ мѣстѣ. Какъ я доволенъ, что наконецъ и для меня настала свобода, помимо начальнической цензуры, грѣшить противъ грамматики, отвѣчая за то предъ однимъ корректоромъ, да если проскользнетъ ошибка, предъ снисходительною публикой, готовою

прощать все прочее, не грѣшилъ бы я только противъ русскаго ума и чувства!

Вольховскій имѣлъ свой собственный взглядъ на вещи и подчасъ умѣлъ настоять на своей волѣ. Напрасно я отказывался, въ сознаніи моей неопытности и дѣйствительно не чувствуя расположенія къ канцелярской службѣ, хотя очень хорошо понималъ, что путемъ ея всего легче подняться въ гору, то-есть составить себѣ карьеру, сдѣлавшись для начальника необходимымъ по привычкѣ. Пикалову было приказано познакомить меня сначала съ дѣлами и потомъ сдать мнѣ отдѣленіе формальнымъ порядкомъ. Отъ этого зависѣлъ его отъѣздъ въ батарею, стоявшую въ Гамборахъ, пятьдесятъ верстъ отъ Тифлиса. Для облегченія дѣла, Пикаловъ предложилъ мнѣ переѣхать къ нему на квартиру, гдѣ мы могли безъ потери времени работать поутру и вечеромъ, и кромѣ того, для меня открывалась возможность, въ разговорѣ съ нимъ, скорѣе познакомиться со всѣми обстоятельствами края и Кавказской войны. Охотно принявъ его приглашеніе, я распростился съ добрымъ колонистомъ и съ моимъ спутникомъ, Александромъ Лаврентьевичемъ, который, въ свою очередь, переселился къ отысканному имъ корпусному товарищу, служившему секретаремъ въ гражданской канцеляріи барона Розена.

Кстати скажу нѣсколько словъ о баронѣ, которому Вольховскій лично меня представилъ. Не могу ясно припомнить первое впечатлѣніе, которое онъ на меня произвелъ; во всякомъ случаѣ, оно не заключало въ себѣ ничего тревожнаго. Его наружность располагала къ довѣрію, пріемы были натуральны, безъ разчета импонировать подчиненному. Нѣсколько выше средняго роста, плотный, сѣдой, большеголовый, краснолицый, старикъ глядѣлъ своими голубыми глазами умно и добродушно. Говорилъ онъ протяжно, налегая на каждое слово, съ особенною свойственною ему интонаціей. На немъ были: генералъ-адъютантскій сюртукъ безъ эполетъ, Георгіевскій крестъ на шеѣ и Владимірская лента подъ жилетомъ. Упоминаю объ этихъ туалетныхъ подробностяхъ, потому что онѣ составляли его всегдашнюю домашнюю форму, въ которой его можно было видѣть съ ранняго утра до поздней ночи. Никто не видалъ его въ халатѣ, который у него замѣняла форменная шинель, да и то только во время похода.

Квартира Пикалова находилась на углу Армянскаго базара и Эриванской или, какъ ее чаще называли, Штабной площади, во второмъ этажѣ дома, принадлежавшаго купцу-Армянину; входили въ нее чрезъ небольшой дворъ, огороженный каменною стѣной, по которой извивались виноградныя лозы. Посреди двора стояло высокое гранатовое дерево, сплошь покрытое ярко-краснымъ цвѣтомъ. Уходя и возвращаясь домой, мы каждый разъ любовались роскошнымъ деревомъ, но еще охотнѣе наши взгляды останавливались на другомъ, живомъ украшеніи квартиры. Хозяйка, семнадцатилѣтняя красавица, какія между Армянками встрѣчаются только въ эти годы, сидѣла съ ранняго утра за работой на открытой галереѣ, подъ надзоромъ свекрови, не покидавшей ее, какъ водилось у Армянъ, ни на одно мгновеніе. Старуха была необычайно уродлива, зла, бранчива и ревновала каждый взглядъ, который мы бросали на ея невѣстку; даже нашъ обыкновенный поклонъ приводилъ ее въ тревожное состояніе, а еслибы намъ вздумалось заговорить съ молодою красавицей, то это произвело бы такую бурю, что хоть изъ дому бѣги. Предпочитая домашнее согласіе такому мимолетному удовольствію, мы ни въ какомъ случаѣ не обращались къ молодой хозяйкѣ, а если была надобность, вели чрезъ деньщика переговоры со старухой, за что она насъ очень жаловала, и когда мы уходили, берегла нашу квартиру не хуже своей невѣстки. Въ этомъ отношеніи она заслуживала нашу полную благодарность, потому что ни одна дверь не запиралась на замокъ, и въ комнатахъ не имѣлось ни одного шкафа, сундука или стола съ ключомъ, хотя давно миновало то время, въ которое, несмотря на процвѣтаніе грабежа, у Грузинъ домашнее воровство слыло дѣломъ несбыточнымъ. Двѣ принадлежавшія намъ весьма небольшія комнаты, признаться, не отличались удобствомъ, и напрасно стали бы въ нихъ отыскивать нѣмецкую опрятность, за то жилось какъ въ фонарѣ въ стѣнахъ продырявленныхъ несмѣтнымъ числомъ отверстій. Въ одной угловой комнатѣ, имѣвшей два свѣта, существовали три двери и десять оконъ; каминъ, выдавшійся полусводомъ за стѣну, скорѣе способствовалъ нагрѣванію улицы чѣмъ комнатнаго пространства, а жильцамъ дымилъ только въ глаза. Къ моему счастію, я переселился къ Пикалову въ теплую погоду и поэтому не имѣлъ случая испытать всю привлекательность зимнихъ выгодъ его жилья, безспорно

принадлежавшаго къ числу лучшихъ помѣщеній въ старомъ городѣ. Въ лѣтнее время зарождалась въ немъ другая пріятность. Домъ входилъ въ категорію ветхихъ строеній, пользующихся лестнымъ предпочтеніемъ со стороны скорпіоновъ. Ночью они бѣгали по полу, пристукивая хвостомъ такъ рѣзко, что я иногда просыпался, а поутру, принимаясь за дѣло, мнѣ случалось нерѣдко выбрасывать ихъ изъ бумагъ, въ которыя они залегали для дневнаго отдыха. Долго я не могъ привыкнуть къ сообществу этаго неблаговиднаго звѣрка, внушавшаго мнѣ непреодолимое отвращеніе, усиленное еще боязнію его зловредныхъ качествъ. Пикаловъ, кавказскій старожилъ, успѣлъ меня примирить, если не съ наружностію, то по крайней мѣрѣ съ его нравомъ, доказавъ многими примѣрами сколько онъ безвреденъ. Скорпіону, какъ бываетъ и съ людьми, составили совершенно незаслуженную репутацію злости: онъ жалитъ, повинуясь чувству самосохраненія, только въ такомъ случаѣ, когда самъ считаетъ себя въ опасности, будучи придавленъ или остановленъ на бѣгу. Тогда онъ хвостомъ бьетъ черезъ голову. Въ Грузіи весьма не опасно для человѣка попасть подъ жало скорпіона. Ужаленное мѣсто, правда, горитъ и пухнетъ, но стóитъ только натереть его теплымъ деревяннымъ масломъ, и боль прекращается, не оставляя послѣдствій. Народное повѣрье, будто для успѣха операціи слѣдуетъ употреблять масло съ опущеннымъ въ него скорпіономъ, есть пустой предразсудокъ: оно помогаетъ и безъ симпатической приправы.

Раздѣливъ квартиру, намъ слѣдовало раздѣлить и расходы на наше общее продовольствіе, потому что клуба, гдѣ бы можно было обѣдать, еще не существовало, а трактирная жизнь не имѣла ходу между офицерами; каждый старался, хорошо или дурно, заводить свое собственное хозяйство. Содержаніе обходилось невѣроятно дешево. Въ Грузіи была въ то время благодать для людей небогатыхъ. Съ головы по четвертаку въ сутки, мы жили привольнѣе, чѣмъ десять лѣтъ спустя можно было жить за два цѣлковыхъ. Фазанъ стоилъ двугривенный, за „тунгу“ (пять двойныхъ бутылокъ) лучшаго кахетинскаго вина платили сорокъ копѣекъ, за фунтъ турецкаго табаку—пятнадцать копѣекъ серебромъ; а плова и фруктовъ добывали вдоволь за нѣсколько мѣдныхъ грошей. При такихъ обстоятельствахъ, мнѣ было очень выгодно поселиться у товарища имѣвшаго готовое хозяйство и сверхъ того

хорошаго русскаго повара изъ отцовской деревни; но лучшую пользу я извлекъ для себя изъ самого Пикалова.

Вопервыхъ, онъ былъ человѣкъ отмѣнной души, уменъ, скроменъ и ужичивъ, значитъ, рѣдкій комнатный товарищъ; вовторыхъ, онъ узналъ основательно край и людей. Такъ какъ онъ болѣе пяти лѣтъ занимался въ диспозиціонномъ отдѣленіи генеральнаго штаба, то не было дѣла, которое бы не проходило чрезъ его руки, и онъ, обладая необыкновенною памятью, служилъ живою справкой во всѣхъ бывалыхъ случаяхъ, которые твердо помнилъ. По этой причинѣ, Вольховскій имъ очень дорожилъ и не разъ упрашивалъ его остаться на своемъ мѣстѣ; но онъ дѣйствительно не могъ продолжать работы, совершенно истощившей его здоровье. Два года спустя, мой бѣдный пріятель померъ на Линіи отъ грудной болѣзни, развившейся послѣ раны, которую онъ получилъ во время Ичкеринской экспедиціи 1832 года, о чемъ разкажу въ своемъ мѣстѣ. Замѣнить его было не легко, особенно для меня, новичка на Кавказѣ и совершенно неопытнаго въ служебномъ письмоводствѣ, потому что въ предыдущія кампаніи я исправлялъ однѣ полевыя обязанности офицера генеральнаго штаба. Примѣтивъ однако, что съ Вольховскимъ, мягкимъ и вѣжливымъ въ обращеніи съ подчиненными, снисходительнымъ къ увлеченіямъ молодости, но весьма взыскательнымъ въ дѣлахъ чести и существенной службы, надо держать себя чрезвычайно осторожно, да и самъ не желая на первыхъ же порахъ оказаться нерадивымъ по службѣ, я принялся прилежно разспрашивать Пикалова обо всемъ, просматривать съ нимъ дѣла и подъ его руководствомъ знакомиться съ порядкомъ и съ формой военнаго письмоводства. Теперь, когда служебная переписка, благодаря воззрѣнію военнаго министра, введена наконецъ въ рамку настоящаго здраваго смысла, трудно вообразить какъ хитро была сплетена ея прежняя фразеологія, какіе тонкіе оттѣнки слѣдовало соблюдать въ сношеніяхъ съ равными, съ зависимыми и независимыми вѣдомствами, съ младшими, высокими и высшими лицами, и какія разнообразныя формы были установлены, на основаніи этихъ отношеній, для вступленія, изложенія, и заключенія въ каждой бумагѣ. Отъ безпрестаннаго повторенія титуловъ и отъ выраженій преданности и подчиненности рябило въ глазахъ; настоящій смыслъ дѣла утопалъ въ потокѣ исковерканныхъ фразъ. Помню,

какъ для приготовленія доклада приходилось прочитывать нескончаемыя донесенія, сущность которыхъ поясняласъ тремя или четырьмя подчеркнутыми словами; но выборка этихъ словъ требовала немалаго труда и самаго напряженнаго вниманія. Сколько тутъ попустому терялось бумаги, чернилъ и времени! Способности правильно понимать дѣло и ясно излагать свои мысли было недостаточно для совладанія съ тогдашнимъ письмоводствомъ; легче всего оно одолѣвалось форменнымъ педантизмомъ. У Пикалова хранилось еще въ свѣжей памяти, какъ однажды графъ Паскевичъ былъ приведенъ въ страшный гнѣвъ донесеніемъ, попавшимъ въ его руки прежде чѣмъ оно успѣло пройти чрезъ цензуру привычнаго докладчика, который бы съ перваго взгляда увидалъ какъ его слѣдуетъ читать и понимать. Разкажу какъ это было.

Ахалцихъ въ стратегическомъ отношеніи безспорно занималъ первое мѣсто между крѣпостями завоеванными въ азіятской Турціи нашими войсками въ удачную кампанію 1828 года. Несмотря на значеніе этой крѣпости, обстоятельства не позволили отдѣлить болѣе 1.500 человѣкъ для ея обороны, когда половина дѣйствующаго корпуса вернулась въ Грузію на зимовку. Это не покажется удивительнымъ, ежели припомнимъ, что князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, оставленный защищать Ахалцихскій пашалыкъ, всего имѣлъ въ своемъ распоряженіи 2.700 пѣхоты и конницы, занимавшихъ кромѣ Ахалциха еще отнятыя у Турокъ укрѣпленія Ардаганъ, Ацхуръ и Ахалкалаки. Въ Карсскомъ и въ Баязетскомъ пашалыкахъ русскія войска зимовали не въ большей силѣ: въ первомъ изъ нихъ г. Берхманъ имѣлъ подъ ружьемъ 2.650 человѣкъ, а во второмъ г. Панкратьевъ командовалъ 2.800 пѣхоты и 370 конницы. Турки хотя и получили въ лѣто 1828 года нѣсколько весьма назидательныхъ уроковъ, но ихъ военная сила въ Малой Азіи не была еще окончательно уничтожена. Вновь назначенный сераскиръ, Хаджи-Салехъ, и начальникъ дѣйствующихъ турецкихъ войскъ, Гаки-паша, имѣя повелѣніе Порты не только положить преграду дальнѣйшимъ успѣхамъ Русскихъ, но и отнять у нихъ прежде завоеванныя провинціи, хвалились для исполненія этого предпріятія собрать къ веснѣ около 200.000 воиновъ. Хотя такой громадный разчетъ, кажется, не имѣлъ другаго основанія кромѣ пламенной ревности двухъ турецкихъ сановниковъ къ святому мусульманскому дѣлу, распалявшей ихъ воображеніе,

однако и половины этой силы было бы достаточно для того чтобы зимовавшую за границей горсть русскихъ войскъ поставить въ весьма опасное положеніе. Главное вниманіе Турокъ было обращено на Ахалцихъ, который они рѣшились отнять у Русскихъ еще до начала весны. Ахметъ-беку аджарскому поручалось исполнить это предпріятіе, и уже въ январѣ стали носиться слухи, будто онъ для того собираетъ своихъ подвластныхъ. На основаніи этихъ слуховъ крѣпость привели, сколько позволяли скудныя средства, въ такое состояніе, чтобъ она могла противиться непріятелю. Можно было надѣяться на стойкость солдатъ и на распорядительность ихъ начальника, но все-таки малочисленность ахалцихскаго гарнизона и крайняя затруднительность при наступленіи опасности вовремя подоспѣть къ нему на выручку по неудобопроходимымъ, снѣгомъ заваленнымъ горнымъ дорогамъ, сильно озабочивали главнокомандующаго и служили предметомъ частыхъ совѣщаній съ начальникомъ штаба и съ оберъ-квартирмейстеромъ. Въ половинѣ февраля извѣстія о сборахъ Ахметъ-бека возобновились съ новой силой; сдѣлали распоряженіе, ежели они подтвердятся, направить въ помощь къ ахалцихскому гарнизону Н. Н. Муравьева съ пятью баталіонами, тринадцатью орудіями и небольшимъ сборнымъ отрядомъ Бурцова. Въ то время случилось, что полковника Вольховскаго потребовали однажды ночью къ графу Паскевичу. Явившись на зовъ его съ привычною скоростію и не зная за собой вины, онъ въ первое мгновеніе совершенно растерялся отъ пріема главнокомандующаго. Вольховскому нерѣдко случалось заставать Паскевича въ раздраженномъ состояніи духа, но никогда, до сей поры, онъ не видалъ его въ такомъ бѣшенствѣ. Со сжатыми кулаками бросился онъ къ нему на встрѣчу, и задыхаясь отъ гнѣва, произнесъ: „Ахалцихъ!“ Измѣривъ кабинетъ быстрыми шагами, онъ снова подскочилъ, и сдѣлавъ надъ собой усиліе, докончилъ начатую фразу словами: „взятъ Турками!“

— Не можетъ быть! вырвалось у Вольховскаго.

— Какъ это: не можетъ быть? крикнулъ главнокомандующій.—Я имѣю офиціальный рапортъ.... вотъ онъ!—И въ шаръ скомканная бумага полетѣла на полъ изъ его руки.

Въ это время вошелъ начальникъ штаба, баронъ Дмитрій Ерофеевичъ Остенъ-Сакенъ, котораго также успѣли поднять съ постели. Паскевичъ обратился къ нему.

Вольховскій воспользовался этою минутой, поднялъ смятую бумагу, разгладилъ ее и сталъ читать про себя. Прочитавъ отъ кого рапортъ, онъ тотчасъ подумалъ, не вкралась ли въ него неясность, ввергнувшая Паскевича въ заблужденіе; доносилъ хертвисскій воинскій начальникъ, маіоръ Педяшъ, храбрый офицеръ, но страстный охотникъ писать много и краснорѣчиво, употребляя слогъ своего собственнаго изобрѣтенія.

Въ началѣ донесенія стояло: „февраля, 20-го дня; Ахалцихъ Турками взятъ“,—запятая,—фактъ выраженный такъ ясно, такъ положительно, что Паскевичъ, не продолжая читать, въ порывѣ досады смялъ рапортъ и тотчасъ послалъ будить оберъ-квартирмейстера и начальника штаба. Послѣ запятой слѣдовало: „арміею подъ начальствомъ Ахметъ-бека аджарскаго, состоящею изъ такого-то числа пѣхоты, конницы и артиллеріи“ — за тѣмъ исчисленіе начальниковъ частей, потомъ изложеніе распоряженій сдѣланныхъ княземъ Бебутовымъ для защиты крѣпости. Вольховскій перевернулъ страницу, въ концѣ которой отыскалъ вторую запятую, и послѣ нея утѣшительныя слова: „во блокаду.“ „О чемъ Вашему Сіятельству всепочтительнѣйше имѣю честь донести.“

Тѣмъ временемъ, въ разговорѣ главнокомандующаго съ начальникомъ штаба безпрестанно слышались слова: „все потеряно“. Съ паденіемъ Ахалциха безспорно должна была рушиться надежда на успѣшный ходъ будущей, такъ хорошо подготовленной кампаніи.

— Не все еще потеряно, позволилъ себѣ произнести Вольховскій, скромнымъ голосомъ.

— Это что еще! крикнулъ Паскевичъ.

— Извольте, ваше сіятельство, взглянуть на конецъ рапорта. Ахалцихъ не взятъ Турками, онъ ими только брокированъ, и смѣло можно полагать, что князь Бебутовъ устоитъ противъ непріятеля, пока Муравьевъ и Бурцовъ подойдутъ къ нему на выручку.

Для Паскевича наступила очередь смутиться отъ напрасно надѣланной имъ тревоги.

Ахметъ-бекъ аджарскій 20-го февраля 1829 года дѣйствительно подступилъ къ Ахалциху, потомъ штурмовалъ крѣпость, былъ отбитъ и, по прибытіи Муравьевскаго отряда, обращенъ въ бѣгство, несмотря на его пятнадцати-тысячное сборище.

Служебныя бумаги, писанныя педяшевскимъ слогомъ, бывали нерѣдкостію по военному вѣдомству; и въ палатахъ, и особенно въ уѣздныхъ и земскимъ судахъ, писать иначе считалось тогда противнымъ завѣтнымъ изворотамъ таинственности, въ которую облекалось гражданское дѣлопроизводство. Да и не для чего было выражаться болѣе понятнымъ слогомъ: вѣдь бумаги писались въ то время по присутственнымъ мѣстамъ не для уясненія, а для искаженія правды, изъ чего для дѣльцовъ благодатной старины проистекала немалая польза, которую умницы старались хранить про себя, воздерживаясь между прочимъ въ дѣлоизложенія, если возможно было, отъ траты смыслоразъясняющихъ точекъ и запятыхъ. Даже въ министерствахъ, въ которыхъ служили дѣйствительно способные люди, чиновникъ обладавшій плодовитымъ перомъ, т.-е. умѣвшій нанизывать слова и растягивать фразы, не придавая имъ положительнаго смысла, высоко цѣнился въ служебномъ кругу. Прошло то блаженное время, когда, ратуя противъ правды и противъ здраваго смысла путемъ безграмотности, еще можно было зарабатывать деньги да почетъ; въ настоящую зловредную эпоху прогресса съ такимъ искусствомъ, не зная другаго ремесла, пожалуй, придется голодать.

Изъ разказовъ Пикалова, очевидца умнаго и безпристрастнаго, судившаго о вещахъ и людяхъ основываясь на оригинальныхъ документахъ и на самыхъ положительныхъ данныхъ, я познакомился съ разными фактами, совершившимися на Кавказѣ въ послѣдніе года, совершенно съ другой стороны чѣмъ они были извѣстны публикѣ. Вообще, благодаря его объясненіямъ, мой взглядъ на вещи получилъ болѣе раціональное направленіе; о людяхъ онъ научилъ меня судить менѣе опрометчиво какъ съ дурной, такъ и съ хорошей стороны, не ослѣпляясь ихъ удачами по службѣ и не увлекаясь молвой, весьма часто расточающею наугадъ хулу и похвалу, и принимая за мѣрило ихъ существеннаго достоинства однѣ неотъемлемо имъ принадлежащія дѣла и мысли. А для этого мнѣ надо было много слушать и много прочитывать. Ничто не характеризуетъ лучше умственныя способности человѣка какъ собственноручно имъ изложенныя идеи касательно какого-нибудь важнаго вопроса. При этомъ изученіи Кавказа, какъ много громко прозвучавшихъ дѣлъ, и какъ много прославленныхъ личностей [redacted]

въ моихъ глазахъ до уровня самой обыкновенной вседневности, и сколько другихъ малоизвѣстныхъ фактовъ и скромныхъ, въ тѣни поставленныхъ людей выросли до размѣровъ истиннаго величія.

Наслышавшись петербургскихъ и московскихъ общественныхъ сужденій насчетъ многихъ лицъ занимавшихъ на Кавказѣ видное положеніе, я привезъ съ собой готовое мнѣніе о ихъ геройствѣ и высокихъ умственныхъ достоинствахъ и, признаться, приходилъ въ сомнѣніе, когда Пикаловъ начиналъ того или другаго изъ ихъ среды разоблачать предъ моими глазами. О Циціановѣ, Ермоловѣ, Котляревскомъ, Вельяминовѣ, Сакенѣ, Вольховскомъ и о многихъ другихъ, даже менѣе замѣчательныхъ людяхъ, онъ относился съ глубокимъ уваженіемъ. И прочимъ знаменитостямъ онъ отдавалъ, въ чемъ слѣдовало, полную справедливость, но говорилъ о нихъ безъ восторга и охлаждалъ мой собственный жаръ удивленія, раскрывая существенное значеніе ихъ подвиговъ и ихъ истинный характеръ. На мои возраженія онъ отвѣчалъ обыкновенно разказомъ одного или нѣсколькихъ происшествій, называя живыхъ свидѣтелей, или, не говоря ни слова, раскрывалъ дѣло и просилъ прочесть переписку, мысли о покореніи горцевъ, или административный проектъ такого-то г. N. N. Случалось, глубоко разочарованный, я узнавалъ въ моемъ героѣ человѣка весьма обыкновенныхъ способностей, или еще хуже, открывалъ на немъ личину поддѣльной геніальности, которая нерѣдко успѣваетъ поработить общественное мнѣніе въ ущербъ государственной и народной пользѣ. И не удивительно: хитрость—вмѣсто ума, тупое упрямство — на мѣсто твердой воли, сердечная пустота—вмѣсто силы душевной, слишкомъ часто принимаются за проявленіе генія, если личность, одаренная этими отрицательными качествами, умѣетъ дѣйствовать обаятельно на самолюбіе людей, или поражать ихъ своею самонадѣянностію. Вспомнитъ мои слова кто станетъ рыться въ пыли тифлискаго и ставропольскаго военныхъ архивовъ и извлечетъ изъ нихъ правду для обнародованія—не теперь, а позже, когда ее можно будетъ высказать безъ обиняковъ, не опасаясь задѣть чье-либо самолюбіе или противъ воли впутаться въ безполезную борьбу противъ современныхъ предубѣжденій. Особенно поручаю его вниманію проекты о покореніи Кавказа; въ

этихъ проектахъ онъ найдетъ не только много любопытныхъ, но и очень много забавныхъ идей. Одно время, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, наше военное министерство засыпали подобнаго рода проектами,—и кто ихъ не писалъ, и чего въ нихъ не писалось! Министерство, не давая себѣ труда разбирать, препровождало рукописи въ Тифлисъ на разсмотрѣніе и требовало отвѣта. Отъ корпуснаго командира онѣ поступали въ генеральный штабъ, и многія изъ нихъ прошли чрезъ мои руки. Предлагали дѣйствовать противъ горцевъ, подвигаясь не съ равнины къ горамъ, а съ горъ къ ровнымъ мѣстамъ; строить крѣпости на хребтахъ, и наблюдательные посты на горныхъ шпиляхъ; рвать горы порохомъ; противъ хищниковъ растягивать проволочныя сѣти по берегамъ Терека и Кубани. Мирнымъ путемъ совѣтовали ихъ усмирять: торговлею, водвореніемъ между ними роскоши, пьянства—должно-быть предлагалъ откупщикъ—и наконецъ музыкой, посредствомъ заведенія у горцевъ музыкальныхъ школъ. Этотъ послѣдній проектъ, начинавшійся словами: „въ глубокой древности уже было извѣстно, что музыка, производя пріятное впечатлѣніе на слухъ, смягчаетъ человѣческіе нравы, и т. д.“—былъ написанъ какимъ-то коллежскимъ совѣтникомъ, въ Петербургѣ, и присланъ къ намъ на обсужденіе въ началѣ 1832 года. Не считаю нужнымъ прописывать судьбу каждаго изъ этихъ проектовъ; послѣ коротkаго отрицательнаго отвѣта, его укладывали въ архивную пропасть, на изученіе мышамъ и бумаготочивымъ насѣкомымъ....

IV.

Между дѣломъ, у насъ доставало еще довольно времени ходить по городу и по садамъ, которые въ то время не надо было далеко отыскивать. Противъ полиціи, за угловымъ домомъ, въ которомъ два года спустя была открыта памятная всѣмъ прежнимъ Тифлисцамъ ресторація Матасси, начинались сады, заслонявшіе все Салалакское ущелье. Посреди живой зелени ихъ, вправо отъ тѣсной дороги, извивавшейся между каменными садовыми стѣнками, одиноко стоялъ домъ князя Бебутова, окруженный высокою оградой, съ крѣпкими, всегда затворенными воротами, ревниво укрывавшими домашній бытъ жильцовъ отъ чужаго любопытства. Тогда не

легко было для Русскаго проникнуть въ кругъ грузинскаго, а тѣмъ болѣе армянскаго семейства, и сдѣлаться у него домашнимъ человѣкомъ, если не представлялась выгода съ нимъ породниться. Улица ведущая отъ Эриванской площади на югъ, къ подошвѣ горы на которой находились развалины старой крѣпости, окончательно обстроилась послѣ моего пріѣзда; въ 1832 году дома существовали только по лѣвую руку; вся ея правая сторона, исключая угловаго дома, прилегала къ пространному винограднику, доходившему до самой горы. Правый берегъ Куры, за Елисаветпольскою рогаткой, представлялъ одну сплошную массу садовъ, гдѣ, надъ тѣнистыми сводами широколистой лозы, гранатъ, персикъ и миндаль раскидывали роскошь своей блестящей зелени, ластясь вокругъ вѣковыхъ, объемистыхъ орѣховъ и пирамидальныхъ тополей, высоко къ облакамъ возносившихъ гордыя вершины. Не знаю, потому ли только что въ тогдашнее время я смотрѣлъ на предметы глазами молодости, или потому что тифлисская природа дѣйствительно такъ хороша, но Тифлисъ, посреди окружающихъ его горъ, окаймленный садами, съ его быстрою рѣкой, съ грядой снѣжныхъ вершинъ на дальнемъ горизонтѣ, съ темноголубымъ небомъ надъ головой, несмотря на палящее солнце, казался мнѣ мѣстомъ краше котораго я ничего не зналъ, да и узнать не желалъ. Даже тѣ городскія неудобства которыя въ другихъ возбуждали неудовольствіе, имѣли для меня свою привлекательную сторону, обнаруживая оригинальность, доставлявшую моему любопытству всегда новую пищу.

Въ новомъ городѣ не существовало мостовой. Отсутствіе ея было нечувствительно въ сухую погоду, но послѣ легкаго дождя улицы мгновенно покрывались непроходимою грязью: тогда экипажъ, или верховая лошадь становились необходимыми. Во всемъ Тифлисѣ были въ тѣ года восемь, много десять каретъ и колясокъ, принадлежавшихъ высшимъ властямъ и двумъ или тремъ богатымъ грузинскимъ семействамъ. Внутри края, грузинскіе дворяне, мущины и женщины, путешествовали преимущественно верхомъ, рѣже на воловьихъ арбахъ, и въ трахтараванахъ — крытыхъ носилкахъ, повѣшенныхъ между двумя гусемъ идущими лошадьми, или лошаками; городскіе жители, и за ними русскіе офицеры, предпочитали ѣздить верхомъ, и только въ особенныхъ случаяхъ прибѣгали къ извощичьимъ дрожкамъ въ двѣ

лошади, для которыхъ были устроены стоянки на Армянскомъ базарѣ и на площадяхъ Эриванской и Мадатовской. Тифлисскіе извощики ѣздили шибко, но ихъ дрожки, извѣстныя въ Москвѣ и въ Петербургѣ подъ именемъ „гитаръ“, не отличались ни удобствомъ, ни безопасностію сидѣнія: на нихъ можно было удержаться только верхомъ; сидѣвшій бокомъ рисковалъ, при скорой ѣздѣ, на первомъ крутомъ поворотѣ ринуться лицомъ въ грязь, или, что̀ хуже, полетѣть назадъ чрезъ голову, ногами вверхъ. Это метательное свойство, казалось бы, должно было противиться употребленію ихъ прекраснымъ поломъ, однако Грузинки и Армянки, которыя, слѣдуетъ замѣтить, не покидали народнаго костюма и, подъ юпкой, прикрывались красными шальварами персидскаго покроя, изобрѣли весьма остроумный способъ ѣздить по четыре на дрожкахъ, считавшихся не довольно просторными для одного Русскаго. Двѣ садились верхомъ одна противъ другой, двѣ помѣщались справа и слѣва на колѣни къ своимъ подругамъ, оплетавшимъ ихъ талію скрещенными руками, и такимъ образомъ составляли четыреголовую женскую пирамиду, сверху до низу покрытую бѣлыми чадрами, которая мчалась по тифлисскимъ улицамъ въ назиданіе всѣмъ прихотливцамъ, брезгавшимъ извощичьимъ экипажемъ. Случалось, что на задней дрожечной оси, уцѣпившись руками за рессоры, висѣлъ еще „бичо“—мальчикъ, безъ котораго для порядочной Грузинки считалось неприличнымъ показываться на улицѣ.

Объ освѣщеніи города нечего и говорить; на главной улицѣ, вправо и влѣво отъ дома главноуправляющаго, горѣли по два тусклыхъ фонаря, да на Эриванской площади свѣтилъ фонарь возлѣ полиціи, а всѣ остальныя улицы стараго и новаго города оставались погруженными въ непроницаемый мракъ южныхъ ночей, когда луна не разливала по нимъ своего чуднаго свѣта. Хорошее знаніе мѣстности требовалось для того, чтобы въ безлунную ночь уберегаться отъ ямъ, враговъ и буераковъ, испещрявшихъ самыя жилыя части новаго города. Экипажный спускъ къ Мадатовской площади былъ открытъ съ лѣвой стороны,—домъ для начальника штаба построили только въ сороковомъ году, — и упирался хотя въ неглубокіе, но очень крутые овражки, отдѣлявшіе ѣздовую дорогу отъ Солдатской слободки. Тутъ легко было сбиться съ пути, и въ темныя, дождливыя ночи мнѣ самому не разъ

случалось, и съ дрожками, и пѣшему, лежать въ этихъ овражкахъ. Благо они были не глубоки, и рыхлая, дождемъ размягченная почва сберегала отъ опаснаго ушиба,—весь изъянъ ограничивался замаранною шинелью, да развѣ еще потерянною фуражкой. Только съ трехъ сторонъ обстроенная Мадатовская площадь вмѣщала слѣдующія сооруженія: длинный, одноэтажный инженерный домъ занималъ сѣверный фасъ; на углу восточнаго фаса стоялъ одноэтажный же домъ, съ мезониномъ подпертымъ четырьмя толстыми, неуклюжими колоннами, въ которомъ жилъ тогда дивизіонный командиръ баронъ Романъ Ѳедоровичъ Розенъ; отъ этого дома до противоположнаго угла тянулась невысокая стѣна изъ дикаго камня, съ двумя безворотными проѣздами, отдѣлявшая отъ площади цѣлый кварталъ, занятый жилищами нѣсколькихъ семействъ изъ рода Орбеліани. На южномъ фасѣ красовались три дома, изъ коихъ одинъ, угловой, принадлежалъ князю Туманову, о которомъ нечего было бы упомянуть, еслибъ онъ не пользовался счастіемъ имѣть красавицу жену и хорошенькую дочку. На западъ площадь упиралась въ обрывистое возвышеніе, съ котораго спускалось нѣсколько тропинокъ, удобопроходимыхъ днемъ, но весьма небезопасныхъ въ ночное время; поэтому она могла считаться загороженною и съ этой стороны, хотя тутъ не было ни одной постройки.

Старый городъ составлялъ безспорно самую живописную и истинно любопытную часть Тифлиса, несмотря на нечистоту, неудобства и очень некрасивыя вещи, ежеминутно попадавшіяся на глаза человѣку проникавшему въ его извилистую внутренность. Тѣсныя и кривыя улицы мѣстами были устланы такого рода головоломною мостовой, что безъ грѣха позволялось включить въ ежедневную молитву: и избави насъ Господь отъ такой напасти. Въ цѣлой Россіи, извѣстной многими плохими мостовыми, одинъ Арзамасъ стоялъ выше Тифлиса въ достоинствѣ всеразрушительныхъ свойствъ своего знаменитаго мощенія. Мѣстами улицы, поднимаясь на гору, не требовали мостовой по причинѣ каменистаго грунта. Это были самые покойные и безопасные участки. Съ утра до поздняго вечера народъ толпился на этой ухабистой мостовой, промежъ лавокъ, открытыхъ мастерскихъ и духановъ, покупая, продавая и перекрикиваясь на множествѣ разнозвучныхъ нарѣчій, которыми Кавказъ

такъ изобильно надѣленъ. Грузины, Армяне, Татары, Лезгины, Персіяне, Имеретины, Кабардинцы, Русскіе, Нѣмцы, каждый въ своемъ народномъ платьѣ, составляли мѣшаную толпу, привлекавшую вниманіе своею яркою пестротой. Несмотря на кинжалъ, неизмѣнный товарищъ каждаго кавказскаго уроженца, — на шашки, сабли и ружья, которыми народъ былъ обвѣшанъ, воровство и убійство на базарѣ считались неслыханнымъ дѣломъ. Можетъ статься, не въ одной бритой головѣ тутъ же бродила мысль какъ бы хорошо было того или другаго нечистаго свиноѣда встрѣтить подальше отъ города, гдѣ не имѣлось на лицо ни солдата, ни казака, и тамъ его отправить къ праотцамъ, да обобрать; но на городской мостовой эта самая голова только пріятно ухмылялась предмету своихъ тайныхъ помысловъ и смиренно преклоняла выю подъ стѣснительный законъ москоу-гяура.

Къ Армянскому базару примыкали нѣсколько небольшихъ площадокъ; каждая изъ нихъ имѣла свое особенное назначеніе; на одной покоились развьюченные верблюды, оглядывавшіе проходящихъ съ выраженіемъ неудовольствія, исполненнаго горечи; другая была запружена сотнями ешаковъ навьюченныхъ корзинами съ углемъ для мангаловъ — комнато-нагрѣвательныхъ жаровень—и для оружейныхъ мастеровъ, которыми былъ набитъ Тифлисъ; третья была заставлена буйвольими бурдюками наполненными виномъ... Въ Грузіи, какъ извѣстно, вино хранится не въ бочкахъ. Для перевозки его съ мѣста на мѣсто употребляются бурдюки разныхъ величинъ, дѣлающіеся изъ цѣльной кожи животнаго, начиная съ козленка до буйвола, съ внутрь обращенною шерстью, намазанною нефтью. Новые бурдюки передаютъ вину духъ и вкусъ нефти, непріятные для человѣка непривыкшаго пить вино съ этою приправой, почти нечувствительною, если оно хранилось въ старомъ бурдюкѣ.

Во всѣхъ закавказскихъ провинціяхъ виноградъ растетъ въ изобиліи, но ни одна изъ нихъ не равняется добротой вина съ Кахетіей, покрытою вдоль алазаньской долины, на протяженіи ста двадцати верстъ, отъ Алаверды до Алмалы, непрерывнымъ рядомъ виноградниковъ, посреди которыхъ многолюдныя селенія покоятся въ тѣни громадныхъ орѣховыхъ деревъ. По высотамъ, ограничивающимъ долину съ сѣвера и съ юга, грузинскіе помѣщичьи дома, фланкированные крѣпкими башнями старинной постройки, красиво

отдѣляются отъ темной зелени густыхъ лѣсовъ. Засѣянныхъ полей не много; все земля отдана винодѣлію; зерна въ Кахетіи не достаетъ, она покупаетъ его на деньги вырученныя за вино. По богатству почвы, по климату и по красотѣ природы Кахетію можно, не предаваясь метафорѣ, назвать земнымъ раемъ. Въ Швейцаріи и въ южной Италіи многіе пункты пользуются всемірною славой неподражаемой красоты, и эти мѣста дѣйствительно хороши. Однако, не наслаждался видомъ одной изъ самыхъ очаровательныхъ картинъ, созданныхъ Творцомъ на радость человѣку, кто не видалъ Кахетіи, кому не удалось съ высоты, на которой уступами рисуется городъ Сигнахъ, любоваться восходомъ солнца изъ-за снѣговаго хребта заслоняющаго алазаньскую долину съ сѣверо-востока, когда облака, мѣняя освѣщеніе, одѣваются во всѣ цвѣта радуги, постепенно яснѣющее небо проникается прозрачностью голубоватаго хрусталя, вершины противоположныхъ, снѣгомъ покрытыхъ горъ начинаютъ пламенѣть, наконецъ огненный дискъ солнца выкатывается изъ-за зубчатой стѣны Кавказа, туманъ, заслонявшій низъ долины, распахивается какъ занавѣсь, и глубоко подъ ногами раскрывается, носящій названіе Кахетіи, нескончаемый цвѣтущій садъ, опоясанный серебряною лентой Алазани. Разъ въ жизни, мнѣ случилось съ террасы одного изъ сигнахскихъ домовъ глядѣть на восходъ солнца надъ алазаньскою долиной; съ тѣхъ поръ прошелъ для меня длинный рядъ годовъ, много я видѣлъ новыхъ странъ, много прекрасныхъ мѣстъ, но нигдѣ не встрѣчалъ картины, врѣзавшейся мнѣ въ память такими глубокими чертами.

Кахетинское вино пользуется на Кавказѣ славой, которую оно вполнѣ заслуживаетъ. Внутри Россіи его не цѣнятъ по достоинству, въ Европѣ о немъ почти не знаютъ; но это отнюдь не мѣшаетъ ему равняться съ лучшими бургонскими сортами. Въ мое время (полагаю и теперь еще не бросили старинаго обычая) грузинскія вина хранились не въ бочкахъ и не въ бутылкахъ, а въ огромныхъ глиняныхъ кувшинахъ, формы древнихъ амфоръ, зарытыхъ въ землю по горло. Нѣкоторые кувшины вмѣщали до трехъ тысячъ тунгъ (пятнадцать-тысячъ бутылокъ). Мѣсто, гдѣ подъ крышей, подпертою каменными столбами, покоились въ землѣ кувшины съ виномъ, называлось „маранью“. Для перевозки вина, какъ я прежде сказалъ, употреблялись бурдюки, и неудивительно, ежели

длинныя нити аробъ, нагруженныхъ бурдюками съ виномъ, тянулись по всѣмъ дорогамъ къ Тифлису, и ими загромождались цѣлыя площади, потому что въ Грузіи, Имеретіи и Мингреліи не было бѣдняка-поденьщика, который бы сѣлъ обѣдать не имѣя предъ собой кружки вина, хотя бы вся его пища состояла изъ одного чурека и изъ щепотки черемши, джонжоли, или другой зелени. Грузины охотники до вина и пьютъ не мало; несмотря однако на хорошее качество роднаго вина, на его дешевизну и на ихъ трудно-утолимую жажду, рѣдко я встрѣчалъ между ними пьяницъ. За то часа въ три послѣ полудня, когда проходило обычное время обѣда, можно было считать навеселѣ все Грузинское царство, о чемъ позволялось судить по яркому цвѣту носовъ, по усиленному блеску глазъ и по добродушно-веселому выраженію лицъ у всѣхъ встрѣчныхъ. Въ это время народный характеръ выказывался въ его настоящемъ видѣ. Грузины народъ добрый, откровенный, общежительный, храбрый и крайне беззаботный; любятъ они разгулъ и военныя похожденія. Разчетливая жизнь, хозяйственныя заботы, промыселъ и торговля не ихъ дѣло. На это существуютъ въ Грузіи Армяне, отлично умѣвшіе воспользоваться непрактичною стороной грузинскаго характера и овладѣть торговлей, промышленностію и всѣми источниками этой богатой страны.

Въ 1832 году въ Тифлисѣ не было и помысла о театрѣ. Русскіе и Грузины проводили время въ тѣсномъ семейномъ кругу, не часто сообщаясь между собой; общественныя удовольствія ограничивались: для первыхъ—прогулками за городъ, холостыми вечерами за виномъ и картами, да пріемными днями у корпуснаго командира; для вторыхъ — обѣдами въ садахъ, которыми и русская молодежь не пренебрегала, и скачками. Грузинки высшаго общества, примѣняясь къ русскимъ обычаямъ, безъ дальнихъ затѣй скучали дома, или чинно красовались на рѣдкихъ офиціальныхъ вечерахъ, а принадлежавшіе къ средѣ небогатаго дворянства и городскаго средняго сословія, слѣдуя старинной привычкѣ, по вечерамъ забавлялись пляской на плоскихъ крышахъ, обществомъ ходили въ тифлисскія теплыя бани, а по четвергамъ все женское городское населеніе съ ранняго утра отправлялось на поклоненіе Св. Давиду.

Маленькая церковь, построенная надъ могилой Св. Давида, къ которому Грузинки питаютъ особенное благого-

вѣніе, какъ извѣстно каждому кто бывалъ въ Тифлисѣ, стоитъ на половинѣ отвѣсной горы возвышающейся надъ арсеналомъ. Крутая каменистая тропинка змѣиными извилинами ведетъ къ святилищу, господствующему съ высоты своей надъ всѣмъ городомъ и надъ самыми сокровенными помыслами красивѣйшей половины его жителей. Грузинки, по обѣту снявъ обувь, шли въ гору просить у святаго: дѣвицы—суженаго по сердцу, женщины бездѣтныя—плода, беременныя—счастливаго разрѣшенія, покинутыя—новаго счастія. Вѣра въ святаго не имѣла предѣла, и что̀ всего лучше, просительницамъ не надо было томиться долго неизвѣстностію, достигнутъ ли онѣ своего желанія, или нѣтъ. Слѣдовало только, по окончаніи молитвы, приложить къ сырому фундаменту церкви камешекъ поднятый на горной тропинкѣ: прилипнетъ онъ, значитъ, желаніе исполнится; упадетъ—нечего и надѣяться. Часто я ходилъ глядѣть, какъ, по четвергамъ, до свѣту еще, на пустыхъ улицахъ начинали со всѣхъ сторонъ собираться чадроносицы, какъ число ихъ, умножаясь, сливалось въ непрерывную бѣлую ленту, извивавшуюся по крутой дорогѣ пролегавшей къ Св. Давиду, какъ онѣ, поклонившись чудотворнымъ мощамъ, одобно безчисленной стаѣ лебедей разсыпались по горѣ для отдыха и будто взмахами бѣлоснѣжныхъ крыльевъ манили къ себѣ на высоту праздновать появленіе молодаго дня. Сколько томныхъ черныхъ глазъ, сколько нѣжно обрисованныхъ личекъ случалось мнѣ тутъ видѣть на одно мгновеніе, едва успѣвая окинуть бѣглымъ взглядомъ очеркъ гибкаго стана, быстро мелькнувшаго изъ-подъ нечаянно распахнувшейся чадры. Всѣ Грузинки, молодыя и старыя, ловко умѣютъ драпироваться въ чадру, закрываясь ею до глазъ; у молодыхъ и хорошенькихъ она однако не держалась такъ плотно какъ у старухъ и нерѣдко слегка разскрывалась при встрѣчѣ съ муцином, не надолго, на одно мгновеніе, но его было достаточно для удостовѣренія что ею прикрывались не старость и не уродливость. И послѣ этого, съ воображеніемъ наполненнымъ заманчивыми призраками лучшихъ благъ, какія въ молодости намъ сулитъ жизнь, не охлажденная еще долгимъ опытомъ, мнѣ приходилось прямо идти въ канцелярію, готовить докладъ, прочитывать весьма незанимательныя бумаги и поправлять писарскія ошибки. Скучная, сухая, но неустранимая работа не позволяла мнѣ тратить

много времени на мечтанія. И на существенный отдыхъ я имѣлъ мало досуга. Пикаловъ, сдавъ мнѣ отдѣленіе, въ началѣ іюня уѣхалъ въ Гамборы, и по части генеральнаго штаба я одинъ остался при Вольховскомъ, выносившемъ на своихъ плечахъ всѣ приготовленія къ рѣшительной экспедиціи противъ Кази-Мегмета. Несмотря на то что на немъ лежали двѣ должности, начальника штаба и оберъ-квартирмейстера, и несмотря на мою слабую опытность, дѣло шло не останавливаясь. Его неутомимое трудолюбіе, его добросовѣстность и его неизмѣнно-настойчивое терпѣніе служили для меня живымъ примѣромъ и не допускали съ моей стороны ни ошибокъ, ни упущеній. Вникая самъ во все, онъ предпочиталъ, вмѣсто укора, собственнымъ трудомъ исправить невольную ошибку подчиненнаго и ни въ какомъ случаѣ не дозволялъ себѣ рѣзкихъ выраженій. Между тѣмъ самое лѣткое, можно сказать дружеское, замѣчаніе съ его стороны смущало меня болѣе крикливыхъ и оскорбительныхъ „распеканій“, которыми многіе начальники того, да и позднѣйшаго времени имѣли привычку надѣлять своихъ подчиненныхъ, полагая этимъ способомъ внушить къ себѣ страхъ и уваженіе. А происходило это оттого что Вольховскій, въ сознаніи своего достоинства, не чувствовалъ надобности отпугивать отъ себя людей, чтобы не подсмотрѣли чего, и проповѣдуя строгое исполненіе служебныхъ обязанностей не обиднымъ словомъ, а честнымъ примѣромъ, внушалъ каждому человѣку глубокое уваженіе къ своему характеру.

Не въ видѣ анекдота, а въ смыслѣ дѣйствительнаго факта, подтвержденнаго мнѣ многими его товарищами, привожу слѣдующую черту, доказывающую въ какой степени онъ былъ требователенъ къ самому себѣ, когда дѣло касалось службы. Не имѣя довольно времени на исполненіе обязанностей, лежавшихъ на немъ въ Малоазійскую кампанію тысяча восемьсотъ двадцать девятаго года, онъ рѣшился тратить на сонъ не болѣе шести часовъ въ сутки, и потому каждый разъ когда его одолѣвала усталость, отмѣчалъ минуты проведенныя въ дремотѣ для вычета ихъ общаго итога изъ ночнаго сна. Подобнаго рода точность было бы позволено отнести къ излишнему педантству или къ желанію отличить себя чѣмъ-нибудь особеннымъ, еслибы цѣль и побужденіе руководившія Вольховскимъ въ этомъ случаѣ не были лишены всякаго личнаго разчета. Онъ зналъ заранѣе какое спасибо ему

готовилось за всѣ его труды. Многотерпѣливый страдалецъ чужаго, неимовѣрно раздражительнаго самолюбія, онъ кончилъ тѣмъ что былъ удаленъ изъ арміи, когда имъ же подготовленные успѣхи позволили обойтись безъ него.

И мнѣ случалось въ Тифлисѣ нерѣдко отнимать дорогіе часы у сна, только не для работы, подобно Вольховскому, а для того чтобъ освѣжить голову на чистомъ воздухѣ и освободить легкія отъ пыли, которую я въ продолженіе жаркаго дня глоталъ въ канцеляріи, пересматривая старыя дѣла.

Въ іюнѣ становилось такъ жарко, что съ удовольствіемъ можно было жить только ночью. Температура доходила послѣ полудня до + 28° Реом. За то послѣ заката солнца, когда свѣжій, душистый вѣтерокъ съ горъ проникалъ въ сгустившуюся надъ городомъ, жаромъ пропитанную атмосферу, наступали часы въ которые было легко и весело жить. Улицы, опустѣлыя до того времени, наполнялись народомъ, на крыши и на террасы высыпали ожившіе жильцы, повсюду слышались протяжныя ноты голосистыхъ татарскихъ и грузинскихъ пѣсенъ, мѣрно звучали бубны, и на высотѣ домовъ мелькали въ переливахъ полусвѣта, распространяемаго цвѣтными персидскими фонарями, яркія женскія платья и заманчивые силуэты пляшущихъ дѣвушекъ. Далеко за полночь кипѣла веселая жизнь на крышахъ и на улицахъ, усыпанныхъ народомъ жадно вдыхавшимъ ночную прохладу. Въ то время дома стараго города были устроены такъ, что не касаясь мостовой, а поднимаясь только и опускаясь съ одной крыши на другую, можно было обойти цѣлый кварталъ и открыть себѣ входъ въ любой домъ. Съ Пикаловымъ, котораго въ околоткѣ всѣ знали и очень любили за его общительность, мы раза два предпринимали по нашему кварталу такого рода прогулку, избѣгая однако заходить на тѣ крыши гдѣ находились однѣ женщины: молодыя разбѣжались бы, а старухи разбранили бы насъ безъ всякой церемоніи за нашу нескромность. Туда же гдѣ присутствовало мужское существо смѣло можно было идти, зная навѣрное что веселый и добродушный Грузинъ нисколько не обидится посѣщеніемъ незнакомцевъ, а гостей, которыхъ ему Богъ послалъ, хотя и не совсѣмъ обычнымъ путемъ, приметъ съ открытымъ сердцемъ, познакомитъ со своимъ семействомъ, дочерей или сестеръ заставитъ плясать лезгинку, а самъ, распѣвая

подъ звукъ чунгура, станетъ пить и до-нельзя поить своихъ новыхъ друзей.

Ночной видъ Тифлиса, послѣ жаркаго лѣтняго дня, заключалъ въ себѣ столько заманчиваго разнообразія, что каждый разъ можно было имъ наслаждаться съ новымъ удовольствіемъ, не замѣчая какъ уходили часы. Но всего краше являлся городъ при лунномъ свѣтѣ. Тогда развѣ слѣпому, или совершенному идіоту, было простительно не любоваться чудною картиной которая рисовалась предъ глазами. Въ такія ночи позволено ли было думать о снѣ и объ усталости! Нерѣдко утренняя заря заставала насъ на улицѣ или гдѣ-нибудь далеко за городомъ.

Къ числу болѣе осязательныхъ и каждому душевному настроенію доступныхъ удовольствій принадлежали тифлисскія бани, построенныя на сѣрныхъ горячихъ источникахъ, по-грузински „типлисъ“, давшихъ начало названію города. Онѣ занимали немаловажное мѣсто въ быту туземнаго населенія, посѣщавшаго ихъ не по одной надобности, но и въ смыслѣ пріятнаго препровожденія времени. Четыре бани, между которыми лучшею считалась баня носившая названіе „архіерейской“, потому что доходы съ нея поступали въ пользу тифлисскаго архіерея, никогда не оставались пустыми. Лѣтомъ онѣ посѣщались преимущественно отъ заката до восхода солнца. Поочередно двѣ бани отводились для женщинъ, а двѣ оставлялись въ распоряженіи мущинъ. Наружнымъ видомъ тифлисскія бани мало отличались отъ другихъ восточныхъ купальныхъ заведеній, построенныхъ на одинъ общій образецъ. За длиннымъ, темнымъ входомъ просторная ротонда, получающая свѣтъ чрезъ окна пробитыя въ куполѣ, посреди ротонды бассейнъ студеной воды съ фонтаномъ, по сторонамъ глубокія ниши для раздѣванія примыкающія къ одной общей и къ двумъ или тремъ отдѣльнымъ купальнямъ, въ которыхъ изъ стѣны билъ горячій ключъ. Широкія каменныя скамьи, застланныя циновками и тюфяками, были расположены въ нишахъ для отдыха послѣ бани. Въ Турціи мнѣ случалось видѣть публичныя бани красивѣе и богаче, но что касается до искусства мыть, растирать и переминать составы такъ пріятно, что купающійся погружался въ какое-то неопредѣлимо-сладостное изнеможеніе, тифлисскіе баньщики не находили равныхъ себѣ. Лучшіе изъ нихъ набирались

въ Персіи, откуда они охотно переходили въ Грузію, дороже цѣнившую ихъ талантъ. Баньщицы, носился слухъ, не уступали имъ въ искусствѣ костомятной манипуляціи, и поэтому неудивительно, если тифлисскія красавицы, не имѣя большаго выбора въ удовольствіяхъ, любили нѣжиться въ баняхъ и проводить въ нихъ цѣлые вечера въ обществѣ своихъ пріятельницъ. При тогдашней строгости грузинскихъ обычаевъ, мущинѣ не позволялось даже близко подойти къ банѣ отданной въ распоряженіе женщинъ, и всякая попытка нарушить запрещеніе повлекла бы за собой весьма непріятныя послѣдствія для нескромнаго искателя приключеній. Но одна отдѣльная купальня не отнималась по четвергамъ у посѣтителей мужскаго пола, несмотря на присутствіе женщинъ во всѣхъ прочихъ отдѣленіяхъ. Къ тому же ниша для раздѣванія, принадлежавшая къ этой купальнѣ, отдѣлялась отъ ротонды, занятой женщинами, одною темнозеленою саржевою занавѣсью. И странное дѣло: женщины, отнюдь не изъ категоріи легконравныхъ, недоступно стыдливыя во всякое другое время, на улицѣ закутанныя въ чадру до бровей, нисколько не смущались чуя за колеблющеюся занавѣсью нескромный глазъ незнакомаго пришельца и мелькали по ротондѣ въ томъ разоблаченномъ видѣ діанинныхъ нимфъ, изъ-за котораго Актеонъ такъ горько пострадалъ. А изъ молодыхъ Грузинокъ и Армянокъ, могу поручиться, весьма немногія по наружности не годились прямо въ свиту къ цѣломудренной богинѣ. Мало кому изъ Русскихъ былъ извѣстенъ этотъ непонятный четверговый обычай, туземцы про него не разказывали, и поэтому онъ укрывался отъ вниманія большинства тифлисской публики. Въ другой женскій день, въ субботу или понедѣльникъ, не пропустили бы мущину чрезъ порогъ этой бани, а въ четвергъ ничего не значило. „Такой законъ“, объявлялъ смотритель бани; „такой законъ“, утѣшали себя молодыя купальщицы; и этимъ мудрымъ словомъ, рѣшающимъ на Востокѣ каждый запутанный вопросъ, устранялись всѣ дальнѣйшія сомнѣнія.

На первыхъ порахъ я не имѣлъ времени участвовать въ холостыхъ пикникахъ, которые устраивались по загороднымъ садамъ, потому что эти обѣды обыкновенно продолжались очень долго и не обходились безъ попойки, а мнѣ слѣдовало всегда держать наготовѣ свѣжую голову, не зная заранѣе когда Вольховскому вздумается потребовать меня къ себѣ для дѣла. До выступленія въ походъ я не имѣлъ даже

удобнаго случая короче познакомиться съ товарищами, число коихъ было весьма ограничено, потому что баронъ Розенъ, недавно пріѣхавъ въ Грузію, не успѣлъ еще сформировать свой штабъ, а офицеры служившіе при лицѣ князя Варшавскаго, за исключеніемъ немногихъ, уѣхали вслѣдъ за нимъ въ Царство Польское.

Дружескія отношенія въ которыхъ одна близкая мнѣ родственница находилась съ баронессой, доставили мнѣ весьма ласковый пріемъ съ ея стороны. На домашнихъ обѣдахъ, къ которымъ корпусный командиръ имѣлъ обыкновеніе приглашать поочередно всѣхъ служившихъ при немъ офицеровъ, я познакомился съ его дочерьми и младшимъ сыномъ, носившимъ еще пажескій мундиръ, а на баронессиныхъ пріемныхъ вечерахъ имѣлъ случай бросить хотя поверхностный взглядъ на тифлисское общество, въ которомъ кругъ моего знакомства расширился позже, когда мы вернулись изъ экспедиціи.

V.

Баронесса Елизавета Дмитріевна во дни молодости, носился слухъ, была очень хороша и имѣла въ свѣтѣ много успѣха. Въ 1832 году ей было далеко за сорокъ лѣтъ, и слѣды прежней красоты едва проглядывали сквозь полноту, которая, увеличиваясь съ годами, подъ старость стала для нея тяжелымъ бременемъ, но въ то время придавала ей только видъ осанистой дамы, болѣе почтенной чѣмъ моложавой наружности. Она очень любила репрезентацію и настойчиво ласкала эту, впрочемъ, довольно невинную страсть, находившую полную пищу въ служебномъ положеніи ея супруга. Въ общественномъ отношеніи, при множествѣ ея хорошихъ качествъ, все бы пошло наилучшимъ порядкомъ, еслибъ она съ меньшею важностію принимала тифлисскихъ дамъ, которыя не въ силахъ были простить ей тонъ, непріятнымъ образомъ задѣвавшій ихъ щекотливое самолюбіе. Не взлюбивъ ея, онѣ не замедлили составить сильную оппозицію, въ которую мало-по-малу втянули своихъ покорныхъ супруговъ и къ повиновенію пріучаемыхъ угодниковъ. Все это, разумѣется, происходило за кулисами, и баронеса продолжала жить въ

увѣренности что ее всѣ обожаютъ. Тутъ разыгрывалась слишкомъ обыкновенная свѣтская комедія: всѣ въ ней нуждались и всѣ ей кланялись, льстили ей въ глаза, а заочно взводили на нее всякую быль и небылицу. Весьма немногія личности умѣли хранить должную независимость чувствъ и поведенія. Люди пресмыкавшіеся предъ нею когда баронъ былъ въ силѣ, пользовавшіеся ея особеннымъ покровительствомъ и во многомъ ей обязанные, случалось, въ послѣдствіи, укоряли ее громче другихъ, не совѣстясь къ зерну правды подбавлять грузы лжи. Не пойду по ихъ слѣдамъ, хотя самъ никогда не принадлежалъ къ числу ея безусловныхъ поклонниковъ; съ благодарностію стану вспоминать о тѣхъ пріятныхъ минутахъ которыя я проводилъ у нея въ домѣ, когда мнѣ удавалось вступать въ полосу милостиваго отъ нея расположенія. А что касается до падавшаго на нее укора въ гордости и повелительности, то спрошу только, многія ли дамы, поставленныя въ ея положеніе, держали бы себя иначе?

Каждый вечеръ гостиная баронессы была открыта для небольшаго числа избранныхъ посѣтителей, обыкновенно адъютантовъ и другихъ штабныхъ офицеровъ, получавшихъ именное приглашеніе или имѣвшихъ право бывать безъ зова; а два раза въ недѣлю, въ четвергъ и въ воскресенье, она принимала по вечерамъ все тифлисское общество. Въ обыкновенные дни рѣдко можно было встрѣтить у нея кого-либо изъ городскихъ дамъ; мы проводили эти вечера въ тѣсномъ семейномъ кругу, состоявшемъ изъ баронессы и ея двухъ старшихъ дочерей. Двѣ младшія дочери тогда были еще дѣти, которыхъ гувернантка уводила при появленіи первыхъ гостей. Иногда, освободившись отъ занятій, приходилъ баронъ Григорій Владиміровичъ и садился за большой круглый столъ, возлѣ своихъ дочерей, слушать болтовню молодежи, которую онъ нисколько не стѣснялъ своимъ присутствіемъ, а напротивъ того вызывалъ къ полной откровенности серіозною добротой, просвѣчивавшею во всемъ что онъ говорилъ и дѣлалъ.

Простота семейныхъ вечеровъ, облегчавшая, благодаря уму и добродушію барона, общественныя отношенія скромныхъ подчиненныхъ ко всемогущему начальнику, съ лихвой искупалась чопорностію офиціальныхъ собраній, которыя, правду говоря, на наши глаза имѣли мало привлекательнаго, несмотря на приманку грузинской красоты являвшей тутъ свои

лучшіе образцы. Не знаю въ какой мѣрѣ необходимо было доводить требованія этикета до такой степени, знаю только что отъ этого было скучно и неловко. Собирались на вечера не поздно, къ восьми часамъ. Пока было свѣтло, баронесса принимала гостей на террасѣ, окаймленной зеленью и кустами и украшенной фонтаномъ, съ которой открывался видъ на часть ниже лежавшаго города и на дальнія горы. Тутъ было хорошо, свѣжо, и еще довольно свободно можно было прохаживаться, подходить и разговаривать съ кѣмъ казалось поинтереснѣе, не опасаясь нарушить іерархическаго порядка и требуемаго безмолвія. По вступленіи въ комнату сцена измѣнялась. Старики и дамы почтенныхъ лѣтъ размѣщались за карточными столами, въ большомъ салонѣ, оклеенномъ, какъ помню, красными французскими обоями, что̀ въ то время въ Тифлисѣ считалось завидною роскошью. Въ этой комнатѣ тѣснились густою толпой кавалеры, не имѣвшіе смѣлости проникнуть во второй, завѣтный салонъ, гдѣ сидѣла баронесса Елизавета Дмитріевна съ дамами не игравшими въ карты. Она сама любила бостонъ, но не позволяла себѣ садиться за игру съ начала вечера, заканчивая его этимъ удовольствіемъ. Покинувъ террасу, она помѣщалась съ дочерьми въ глубинѣ салона, и на право и налѣво отъ нихъ нанизывались вдоль стѣны, по старшинству чина и происхожденія, дамы и дѣвицы, осужденныя перешептываться между собой, потому что изъ кавалеровъ весьма немногіе смѣльчаки рѣшались проникнуть въ средину этого очарованнаго круга на испытаніе своего счастія въ игрѣ остроумія и свѣтской ловкости. Напрасно баронесса старалась оживить общество, придумывая всякаго рода „jeux d'esprit“ и устраивая музыкальныя занятія, въ которыхъ участвовала сама съ дочерьми. Дѣло не шло на ладъ по весьма естественной причинѣ: два главные элемента, коренной грузинскій и русскій, совершенно измѣнившійся по причинѣ отъѣзда старыхъ и прибытія множества новыхъ лицъ, какъ всегда случалось при перемѣнѣ главнокомандующаго, не успѣли еще сблизиться, и каждый съ своей стороны хранилъ наблюдательное положеніе. Въ мужскомъ кругу господствовали военный мундиръ и грузинская чуха, а фракъ являлся въ видѣ рѣдкаго исключенія; дамское общество дѣлилось на два лагеря, на Русскихъ и нѣкоторое число Грузинокъ одѣтыхъ по французской модѣ и на большинство грузинскихъ

дамъ, не измѣнившихъ еще своему національному костюму. О кавалерахъ не стану говорить, хотя между ними были человѣка два, три весьма замѣчательные и въ свѣтскомъ отношеніи; но такъ какъ они въ полѣ выказались еще съ лучшей стороны чѣмъ на паркетѣ, то приберегаю упомянуть о нихъ позже, а теперь брошу взглядъ на дамъ принадлежавшихъ къ кругу высшаго тифлисскаго общества.

Русскихъ дамъ занимавшихъ въ немъ видное мѣсто было тогда въ Тифлисѣ очень мало. Напрасно припоминаю какая изъ нихъ имѣла бы право навсегда поселиться въ памяти молодаго офицера, который могъ судить о достоинствѣ ихъ по одной наружности, а не по скрытымъ душевнымъ качествамъ, оставшимся для него вѣчною загадкой по причинѣ недостатка времени, случая, да и потребной опытности на такое трудное изслѣдованіе. По особымъ причинамъ, только двѣ русскія дамы того времени остались въ моей памяти: Катерина Николаевна Д., начальница тифлисскаго пансіона благородныхъ дѣвицъ и задушевная пріятельница баронессы Елизаветы Дмитріевны, потому что она природой была награждена такими голіаѳскими размѣрами роста и толщины, что отъ нихъ не только ея воспитанницы, но и посторонніе приходили въ невольный трепетъ, и всему Тифлису извѣстная старушка Катерина Акакіевна, первая мастерица играть въ бостонъ. Катерина Акакіевна, прибывшая въ Тифлисъ едвали не въ концѣ прошедшаго столѣтія съ первыми русскими войсками, была почтенная, всѣми уважаемая дама, во всѣхъ случаяхъ, кромѣ бостона, умѣвшая хранить съ приличіемъ требуемое спокойствіе духа. Предавшись бостону, она забывала весь остальной міръ и, бывало, приходила въ такой нестарческій восторгъ, что ея смущенные партенеры не знали чѣмъ унять расходившуюся старушку, безъ пощады бранившую ихъ за каждый выходъ не имѣвшій счастія ей понравиться. Низко присѣдая предъ баронессой во всякое другое время, за бостономъ она рѣшительно не признавала ея первенства и спорила съ нею какъ бы съ обыкновенною, равною ей дамой, забывая даже величать ее вашимъ превосходительствомъ. Эта бостонная раздражительность почтенной Катерины Акакіевны происходила не отъ скупости или врожденнаго пристрастія къ картамъ: бостонъ составлялъ для нея жизненный вопросъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ, оставшись вдовой

послѣ мужа, полковника, убитаго въ войнѣ съ горцами, она увидѣла себя осужденною прозябать на чужой сторонѣ съ пансіономъ, отъ котораго бы просто пришлось голодать ей и сыну, еслибы не выручилъ бостонный талантъ. Бостономъ она зарабатывала ежедневное пропитаніе, бостономъ воспитала своего сына, опредѣлила на службу, пустила его въ чины и по смерти даже оставила ему капиталецъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей ассигнаціями. При всей скудости своихъ средствъ, она умѣла составить себѣ въ тифлисскомъ обществѣ весьма недурное положеніе. Первою обязанностію для каждаго новоприбывшаго молодаго человѣка считалось представиться Катеринѣ Акакіевнѣ, иначе онъ рисковалъ попасть къ ней на язычокъ; а матушки взрослыхъ дочерей ласкали ее и отдавали ей всякое почтеніе, одинаково опасаясь язычка; да, говорятъ, и потому что она умѣла съ легкой руки устраивать не только бостонныя, но и матримоніальныя партіи. Мнѣ она осталась въ памяти по одной довольно забавной сценѣ, разыгравшейся у баронессы за карточнымъ столомъ. Катерина Акакіевна, по нуждѣ ставшая образцомъ разчетливости, взяла привычку платить за картами не иначе какъ старыми, обтертыми, или обрѣзанными червонцами. Баронесса Елизавета Дмитріевна, въ равной степени не любившая нести потери, замѣтила эту уловку, и откладывая въ сторону получаемые отъ нея червонцы, не упустила случая при первомъ проигрышѣ вернуть ихъ Катеринѣ Акакіевнѣ. Но почтенная дама не замедлила узнать своихъ старыхъ питомцевъ и самымъ рѣшительнымъ тономъ отказалась снова пріютить ихъ въ своемъ кошелькѣ. Дребезжащій голосъ старушки раздавался по всей комнатѣ и созвалъ толпу любопытныхъ къ карточному столу. „Не беру, не беру обрѣзанныхъ червонцевъ“, кричала она, отталкивая неполновѣсныя деньги. Напрасно Елизавета Дмитріевна защищала свое право платить ей тѣми же червонцами которые, выигравъ, брала отъ нея. „Не знаю, отъ меня или отъ кого другаго вы получили эти деньги, а коли отъ меня, такъ ваша добрая воля была ихъ брать, а я, баронесса, прежде чѣмъ взять, разглядываю каждый червонецъ. Армяне скидываютъ съ нихъ по цѣлому абазу,“ повторяла Катерина Акакіевна взволнованнымъ голосомъ. И баронесса не превозмогла ея упрямства, а была принуждена,

для прекращенія спора, вручить ей расплату блестящими, ново-отчеканенными золотыми кружками.

Ежели, случайнымъ образомъ, между русскими дамами не существовало въ то время болѣе привлекательныхъ личностей, за то грузинскій кругъ заключалъ цѣлый рядъ такихъ представительницъ прекраснаго пола, которыхъ забыть было бы грѣшно. Что до меня касается, то я помню ихъ всѣхъ, помню молодыхъ и помню старыхъ, и воспоминаніе о нихъ, подобно радугѣ послѣ дождя и бури, проясняютъ мысли мои, когда онѣ невольно останавливаются на темныхъ точкахъ моей кавказской жизни.

Кто перечтетъ всѣхъ красавицъ-Грузинокъ того времени? Бывало, не знаешь на которой изъ нихъ остановить глаза, когда онѣ, въ пріемный день, чинно разсядутся въ баронессиной гостиной. Хороша была графиня Симонычъ, и не хуже ея была княгиня Мана, у которой томные каріе глаза свѣтили душу согрѣвающимъ лучомъ ничѣмъ неизмутимой кротости—и кто ее зналъ, тотъ можетъ поручиться какъ необманчиво было выраженіе ея прекраснаго взгляда. Въ числѣ дамъ отличались еще замѣчательною красотой А., миловидная Армянка, жена богатаго и ревниваго мужа, неразлучно при ней выставлявшаго на показъ свою несимпатичную физіономію испуганнаго леопарда, и княгиня Туманова, которая такъ побѣдоносно выдерживала сравненіе съ своею дочерью, считавшеюся одною изъ самыхъ хорошенькихъ тифлисскихъ дѣвушекъ. А рой дѣвицъ какъ богато былъ надѣленъ разцвѣтавшими красотками! Кто не любовался стройною княжной Еленой и ея смуглою тонколицею сестрой Майко, живою какъ порохъ Сонею, дочерью графини Симонычъ, идеально-прекрасною Майко Кайхофо и княжною Амилохваровой, носившею прозваніе Минервы за величаво-правильный очеркъ лица и стана? Кто не помнитъ Марью Ивановну, довольно полную, необыкновенно-свѣжую дѣвушку, съ черными исполненными ума глазами, смиренно возсѣдавшую возлѣ доброй, краснолицей тетушки Тиніи, эту Марью Ивановну, которая, вышедъ замужъ за своего однофамильца, князя Дмитрія Орбеліани, въ послѣдствіи сумѣла такъ хорошо устроить свою собственную жизнь и судьбу своей дочери? Пропускаю еще многихъ другихъ, съ которыми я познакомился позже, или которыя не принадлежали къ обществу собиравшемуся у баронессы. Тифлисскій жилецъ того

времен, читая такъ много знакомыхъ ему именъ, имѣетъ полное право спросить, почему же я ни слова не говорю о двухъ лучшихъ перлахъ тогдашняго круга грузинскихъ красавицъ, о солнцѣ Грузіи, о знаменитой Катенькѣ, и о старшей сестрѣ ея, Нинѣ Александровнѣ, которую, за ея ангельскую доброту, не вдаваясь въ метафору, можно было назвать существомъ истинно-неземнымъ. Въ Тифлисѣ ихъ не было въ началѣ 1832 года; я познакомился съ ними послѣ экспедиціи и въ своемъ мѣстѣ навѣрное не забуду высказать все что̀ у меня осталось на душѣ отъ счастливыхъ минутъ прожитыхъ въ гостепріимномъ домѣ ихъ отца, князя Александра Гарсевановича Чавчавадзе.

Я уже замѣтилъ, что тифлисское общество дѣлилось по платью на два лагеря. Въ 1832 году не болѣе четырехъ или пяти первоклассныхъ грузинскихъ фамилій одѣли своихъ дочерей въ модное французское платье и дали имъ оттѣнокъ европейскаго воспитанія. Сами Грузины хранили національный костюмъ, мѣняя его только на русскій мундиръ, когда поступали въ военную службу. Фракомъ и безобразною круглою шляпой они пренебрегали, какъ снадобьемъ рѣшительно не соотвѣтствующимъ военной жизни, на которую въ то время были обречены всѣ Кавказцы. Въ этомъ случаѣ Грузины, полагаю, поступали по законамъ вкуса и здраваго смысла. Чуха съ откидными рукавами, украшенная галуномъ, цвѣтные шаравары, высокіе, нечерненые сапоги и персидская баранья шапка лучше шли къ ружью за спиной и къ саблѣ при бедрѣ чѣмъ цилиндръ и пальто, хотя бы самаго вычурнаго покроя. Грузинки средняго сословія, всѣ безъ изъятія, и многія изъ высшаго круга также предпочитали народное платье, дѣлая отступленіе касательно одной обуви. Женщины народнаго класса обували босую ногу въ желтые сафьянные носки—мѣсты, сверхъ которыхъ, для улицы, надѣвались туфли на высокихъ каблукахъ. Въ купеческихъ и въ дворянскихъ семействахъ первый шагъ къ цивилизаціи и къ сближенію съ Русскими начинался у прекраснаго пола съ ногъ, на которыя въ такомъ случаѣ надѣвались чулки и башмаки. За перемѣной обуви неминуемо слѣдовало изученіе французской кадрили и русскаго языка, на чемъ, бывало, и останавливалась цивилизаціонная реформа. Грузинка, вступившая этимъ путемъ на поприще модныхъ затѣй, замѣняла чадру мантильей, сохраняя впрочемъ

всѣ остальныя части стариннаго убора: тавсакрави, вуаль, гулиспири и платы прежняго покроя. И хорошо она дѣлала не разставаясь безъ нужды съ національнымъ платьемъ: на хорошенькой женщинѣ оно красовалось не хуже французскаго, не подлежало модѣ и, поэтому, при всей нарядности своей, отцамъ и мужьямъ обходилось несравненно дешевле. Длинный остромысый лифъ и безъ корсета ловко охватывалъ складную талію Грузинки, не стѣсняя ея натуральной гибкости; длинная и широкая юпка живописно застилала формы достойныя рѣзца; широкій поясъ, съ концами опущенными спереди до земли, обвивалъ тонкій станъ. Спина и плечи были закрыты, но вырѣзанный ниже груди лифъ совершенно бы ее обнажилъ, еслибъ она не прикрывалась полосой шелковой матеріи, другаго цвѣта чѣмъ платы, носившей названіе „гулиспири“ — покровъ сердца. Щекотливая стыдливость нѣкоторыхъ нашихъ дамъ не находила примирительнаго оправданія для этой части грузинскаго женскаго костюма, недостаточно прикрывавшаго проявленіе формъ, которыя, по мнѣнію ихъ, надлежало тщательно скрывать. Позволяю себѣ въ этомъ случаѣ вступиться за Грузинокъ и за ихъ вполнѣ стыдливое гулиспири, грѣшившее противъ скромности отнюдь не болѣе каждаго, французской моды, бальнаго платья. Головной уборъ у Грузинокъ, „тавсакрави“, признаться, мнѣ не нравился. Узкая матерчатая повязка, надвинутая на самыя брови, некрасивымъ образомъ закрывала лобъ; за то легкій газовый вуаль и распущенные по плечамъ прекрасные волосы, заплетенные въ множество тонкихъ косъ, служили украшеніемъ, довершавшимъ общую гармонію наряда. Въ холодное время Грузинки надѣвали сверхъ ярко-цвѣтнаго платья „катеби“, шубку изъ краснаго или зеленаго бархата, съ откидными рукавами, вышитую спереди золотомъ, жемчугомъ, а иногда и цвѣтными каменьями. Чадрой, про которую я говорилъ уже не разъ, называлось бѣлое полотняное покрывало, безъ котораго Грузинка, въ прежнее время, не смѣла выйти на улицу. Она накидывала его на голову и окутывала имъ станъ, оставляя встрѣчному любоваться одними глазами да узкою маленькою ручкой, придерживавшею чадру на высотѣ алыхъ губокъ.

Къ описанію грузинскаго женскаго костюма мнѣ остается прибавить, что я подъ этимъ нарядомъ, выключая старухъ,

почти не встрѣчалъ положительно дурныхъ женщинъ. Жаль что красота ихъ такъ скоротечна: разцвѣтая въ двѣнадцать лѣтъ, въ тридцать Грузинка уже дѣлается старушкой. Но и въ этомъ отношеніи встрѣчались замѣчательныя исключенія: стóитъ только вспомнить графиню Симонычъ, Марью Ивановну, Нину Александровну, княгиню Ману и Туманову.

Во второй половинѣ іюня, когда перевалъ чрезъ Крестовую гору очистился отъ снѣга, войска, долженствовавшія участвовать въ предполагаемой экспедиціи, стали переходить на сѣверную сторону горъ и собираться около Владикавказа. Кромѣ четырехъ пѣхотныхъ баталіоновъ, роты саперъ и одной батареи, на Линію были еще направлены; пѣшая грузинская милиція и три пятисотенные полка конницы, набранной за Кавказомъ изъ Грузинъ, изъ Армянъ и изъ разноплеменнаго населенія мусульманскихъ провинцій. Командиромъ грузинскаго коннаго полка былъ назначенъ князь Ясси Андроникóвъ; мусульманскими полками командовали: первымъ—князь Давыдъ Осиповичъ Бебутовъ, вторымъ,—Мирза-Джанъ Мадатовъ. Проходя чрезъ Тифлисъ, милиціонеры отдыхали въ немъ по нѣсколько сутокъ, въ продолженіи которыхъ новоприбывшій корпусный командиръ знакомился съ этимъ новымъ для него войскомъ, дѣлая смотры и приглашая къ столу бековъ, хановъ и князей, поступившихъ въ ряды его не только начальниками частей, но и простыми всадниками. Послѣ каждаго офиціальнаго обѣда открывалась на площади предъ домомъ барона Розена блистательная „тамаша“, въ которой принимали участіе, кромѣ милиціонеровъ, и городскіе жители, линейскіе казаки и гайта-конной корпуснаго командира, сформированный при князѣ Паскевичѣ изъ турецкихъ выходцевъ. Съ Турками, Сербами, Болгарами, Албанцами и прочими обитателями европейской Турціи я былъ давно знакомъ, но чисто восточныя племена составляли для меня совершенную новизну, и я не пропускалъ ни одной тамаши, ни другаго удобнаго случая съ ними знакомиться.

Тамаша по-грузински, джигитовка на языкѣ линейскихъ казаковъ, фантазія на алжирскомъ діалектѣ, какъ многимъ должно быть извѣстно, имѣютъ одинакій смыслъ, означающій конную скачку, рыстаніе, сопровождаемыя трескомъ выстрѣловъ и облаками дыма и пыли. Въ отношеніи разнообразія народныхъ типовъ, блеска оружія и конской сбруи,

богатства разноцвѣтныхъ костюмовъ, доброты лошадей, да и самой ловкости наѣздниковъ, едва ли въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Тифлиса, можно было на Востокѣ видѣть подобнаго рода фантазіи. Не вдаваясь въ этнографическое исчисленіе всѣхъ представителей кавказскаго населенія, выказывавшихъ на тифлисской площади свое умѣніе владѣть конемъ и оружіемъ, укажу на однѣ главныя народности, рѣзко отличавшіяся между собой видомъ, происхожденіемъ, вѣрой, одеждой, вооруженіемъ, даже породой и самою наѣздкой своихъ лошадей. Тутъ гарцовали линейскіе казаки, Черкесы, Грузины, Имеретины и Мингрельцы, Армяне, Татары казахскіе и шамшадильскіе, Карабахцы и Шемахинцы, Турки, Курды, и между ними христіане, мусульмане, Іезиды, поклонники духа тьмы, и Курды отличавшіеся смѣсью повѣрій, близко подходящею къ совершенному безвѣрію.

Казаки и Черкесы, въ длиннополыхъ черкескахъ съ патронами на груди, обутые въ суконные ноговицы и красные сафьянные чевяки, въ лохматыхъ бараньихъ папкахъ, съ винтовкой, въ бурочномъ чехлѣ, перекинутою за спину чрезъ правое плечо, при шашкѣ и широкомъ кинжалѣ, сидѣли на нестатныстыхъ, но крѣпкихъ, неутомимыхъ лошадяхъ кабардинской породы. Маленькое черкесское сѣдло и легкая тонко-ременная уздечка видимо были приспособлены къ дальнему походу, къ жизни на конѣ. Не порывистъ ихъ налетъ, но стойко встрѣчаютъ они противника, мѣтко бьютъ изъ винтовки и рубятъ шашкой на убой. Лошади пріѣзжены къ покойному ходу, къ быстрымъ поворотамъ, но не къ прыжкамъ и дыбкамъ, только мѣшающимъ упорной, хладнокровной дракѣ. Карабахцы, въ высокихъ персидскихъ папкахъ изъ черной мерлушки, въ чухахъ съ закидными рукавами обшитыхъ галуномъ по всѣмъ швамъ, въ высокихъ коричневыхъ сапогахъ и шелковыхъ, зеленыхъ или красныхъ шаравахъ, съ перекрещенными на груди ремнями покрытыми серебряными или золотыми бляхами, вооруженные длинными ружьями, безъ чехла, перекинутыми чрезъ лѣвое плечо и кривыми персидскими саблями, казались неотразимыми наѣздниками. Персидскіе и карабахскіе рослые жеребцы, на которыхъ высоколукія персидскія сѣдла и строгія узды свѣтили серебромъ, золотомъ и дорогими камнями, нетерпѣливо грызли удила и прыгали подъ сѣдоками. Карабахцы бросались въ атаку съ быстротой урагана. Казалось, никакая

сила не могла устоять противъ такого налета, а въ сущности дѣло было далеко не такъ опасно. Казаки и Черкесы выжидали атаку на мѣстѣ, встрѣчали Карабахцевъ залпомъ изъ винтовокъ, и выхвативъ шашки, съ гикомъ неслись въ погоню за ними, потому что они никогда не выдерживали дружнаго огня и давали тылъ при одномъ видѣ опущенныхъ стволовъ. На площади повторялось только то что̀ бывало въ настоящемъ дѣлѣ; каждый сохранялъ свойственную ему методу драться. Татаринъ налетаетъ вихремъ и также скоро уходитъ; „кашты“—бѣжать, по понятіямъ его, есть своего рода молодечество. Казаки и Черкесы, не имѣвшіе обычая бросаться на непріятеля очертя голову, за то дрались упорно, и обративъ его въ бѣгство, гнались за нимъ далеко и рубили безъ пощады. Турки, на своихъ тяжелыхъ, креслообразныхъ сѣдлахъ, подъ которыми исчезали ихъ лошадки, обращали на себя вниманіе однѣми красными куртками да огромными чалмами, но какъ кавалеристы ни въ какомъ отношеніи не могли равняться съ своими родичами Татарами и Персіянами. Курдовъ, одеждой и вооруженіемъ схожихъ съ Турками, несмотря на ихъ необыкновенно красивыхъ лошадей арабской крови, нельзя было признать за воиновъ; это воры и разбойники, способные только на ночной грабежъ. Сто Курдовъ не стоили десяти линейцевъ или Черкесовъ.

Остается указать на Грузинъ, и я припоминаю о нихъ не безъ удовольствія. Одѣтые и вооруженные подобно Карабахцамъ, съ такимъ малымъ отличіемъ что непривычный глазъ его и не замѣтитъ, они несравненно храбрѣе всѣхъ Татаръ и даже лучшіе кавалеристы. Въ аванпостной службѣ и въ изворотахъ малой войны они уступаютъ Черкесамъ и нашимъ казакамъ, но какъ храбрыхъ и ловкихъ наѣздниковъ ихъ можно назвать лучшими кавалеристами въ мірѣ, и, по моему мнѣнію, Грузинъ на конѣ, съ саблею въ рукахъ, сто́итъ двухъ Венгерцевъ. Кто скакалъ смѣлѣе, кто бросалъ джеридъ ловчѣе грузинскихъ князей? Не разъ мнѣ приходилось любоваться молодымъ Тархановымъ, какъ онъ, на всемъ скаку своего золотистаго жеребца, извиваясь змѣей, ловилъ джеридъ пущенный ему въ догонку, и продолжая скакать, посылалъ его обратно прямо въ грудь своего противника. Кто сидѣлъ на лошади, знаетъ, что на это нужна вѣрность руки и глаза которою немного ѣздоковъ могутъ похвалиться. А кто, въ наѣздничествѣ, могъ равняться съ Ясси

Андрониковымъ? На всемъ скаку чрезъ площадь, имѣвшую не болѣе двухъ сотъ шаговъ длины, онъ вынималъ изъ-подъ себя сѣдло, поднималъ его надъ головой, и круто поворотивъ коня, накладывалъ его снова, подтягивалъ подпруги и усаживался прежде чѣмъ достигалъ до другаго конца. О пѣшихъ Грузинахъ скажу позже, при случаѣ; теперь упомяну только, что въ полку ихъ имѣлась также сотня одноплеменныхъ съ ними Тушинъ, живущихъ на южномъ скатѣ горъ, у подошвы Барбало, высоко выдвинувшагося изъ ряда смежныхъ вершинъ, въ сосѣдствѣ съ Лезгинами, ихъ родовыми врагами. Не безъ повода считали Тушинъ самымъ храбрымъ народомъ въ Кавказскихъ горахъ. Въ одеждѣ они отличались отъ Грузинъ только плоскою войлочною шапкой, которую они носили вмѣсто персидской „папахи", и тѣмъ что берегли винтовку въ чехлѣ изъ волчьей шкуры. Тушинъ, находившійся въ безпрерывной войнѣ съ Лезгинами, войнѣ засадъ, грабежа и убійства, не любилъ драться издали и имѣлъ обыкновеніе, послѣ перваго выстрѣла, броситься на непріятеля съ саблей или кинжаломъ въ рукѣ. Онъ имѣлъ привычку отрѣзать правую руку убитаго противника и выставлять ее надъ воротами дома, въ знакъ побѣды и въ угрозу своимъ живымъ врагамъ. Въ глазахъ Европейца этотъ обычай можетъ показаться нѣсколько неделикатнымъ, но на Кавказѣ, гдѣ намъ не разъ приходилось видѣть не только руки, но и отрѣзанныя головы, о немъ судили менѣе взыскательно.

Въ послѣднихъ числахъ іюня обозъ корпусной квартиры выступилъ изъ Тифлиса на Липію. На волю штабныхъ офицеровъ было отдано слѣдовать съ обозомъ, ѣхать на почтовыхъ, или каждому идти отдѣльно малыми переходами, только бы не опоздать на сборномъ мѣстѣ ко дню прибытія корпуснаго командира. Непреодолимое желаніе на свободѣ осмотрѣть чудную Военно-Грузинскую дорогу, по которой я въ первый разъ промчался на почтовыхъ и не въ лучшее время года, побудило меня пуститься въ дорогу верхомъ, имѣя при себѣ одного казака и деньщика съ вьюкомъ и съ заводною лошадью. При полной свободѣ располагать временемъ по собственной волѣ, останавливаться и дневать гдѣ захочу, безъ писаря, безъ канцеляріи, безъ бумажнаго дѣла, я не помню веселѣе путешествія. Безоблачное небо надъ головой, вокругъ яркая зелень полей и живописныя горы располагали какъ можно болѣе не разставаться съ долиной

Арагвы. Я ѣхалъ не прямою дорогой и безпрестанно отыскивалъ объѣздныя тропинки чрезъ лѣсъ и по горамъ, дѣлалъ привалы гдѣ оказывался хорошій видъ, останавливался ночевать въ деревнѣ, въ которой меня заставалъ закатъ солнца или привлекало мѣстоположеніе. Такимъ образомъ, пожалуй, я пропутешествовалъ бы гораздо долѣе чѣмъ слѣдовало, ежели бы въ Пассанаурѣ не нагналъ меня Мирза-Джанъ Мадатовъ со своимъ полкомъ и не напомнилъ мнѣ что мѣшкать не время. Настигъ онъ меня въ то время, когда я, выбравъ тѣнистый лѣсокъ на берегу Арагвы, устроилъ въ немъ свой полуденный привалъ. Мѣсто ему понравилось, онъ остановилъ полкъ отдохнуть, пригласилъ меня къ завтраку и потомъ уговорилъ продолжать съ нимъ дорогу, предложивъ раздѣлить со мной свою собственную палатку.

Маіоръ Мадатовъ, служившій въ прежнія времена переводчикомъ при Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ, былъ человѣкъ честный, весьма неглупый и отъявленный весельчакъ. Ермоловъ его любилъ, вѣрилъ ему и, во время своихъ походовъ и поѣздокъ, не разставался съ нимъ ни днемъ ни ночью и даже укладывалъ спать возлѣ себя, для того чтобы всегда имѣть его подъ рукой. Крайняя разсѣянность была однимъ изъ его отличительныхъ свойствъ. Самъ Алексѣй Петровичъ разказывалъ, что однажды ночью, во время сна, онъ запустилъ ему въ густые волосы свои пять пальцевъ и усердно сталъ чесать голову. Ермоловъ встрепенулся. „Мирза-Джанъ! что ты дѣлаешь?“ — „А что? Ничего!“ — „Какъ ничего?“ — „Только свою голову чешу“, и довольный дѣломъ и откровенностью своего отвѣта, Мирза-Джанъ повернулся на другой бокъ и снова заснулъ. При Паскевичѣ онъ поплатился за Ермоловскую милость: четыре года его продержали, какъ говорится, въ черномъ тѣлѣ, и онъ, бѣдный, дѣйствительно высохъ и очень пожелтѣлъ, но, къ счастію, не утратилъ веселаго нрава. Въ управленіе Розена Мирза-Джанъ опять сталъ всплывать на поверхность служебной пучины. Походъ съ его полкомъ былъ нескончаемый праздникъ. Въ немъ служили милиціонеры изъ такъ-называемыхъ татарскихъ дистанцій, Армяне изъ Эриванской провинціи, Курды и Іезиды. Безъ всякаго замѣтнаго порядка тянулись по горной дорогѣ толпы всадниковъ, одѣтыхъ въ самые яркіе цвѣта; пошатываясь, плелись за ними сотни тяжело нагруженныхъ

катеровъ и вьючныхъ лошадей. Серебромъ и золотомъ оправленное оружіе, сѣдла и сбруя, какъ жаръ горѣли на яркомъ солнцѣ. Музыка гудѣла, стучали маленькіе барабаны, и по воздуху разносились гортанные звуки татарскихъ напѣвовъ; горное эхо вторило переливамъ нескончаемыхъ, томительныхъ трелей, составляющихъ верхъ искусства для азіятскаго пѣвца. Эта музыка, служившая въ дѣлѣ сигналомъ къ атакѣ, заставила меня понять отчего Азіятцы съ такимъ бѣшенствомъ несутся на непріятеля; пронзительные звуки ея, раздражая нервы въ высшей степени, меня самого приводили въ такое непреодолимое волненіе, что я былъ готовъ, очертя голову, скакать куда угодно, только бы уйти подальше отъ этого оглушающаго визга и стука.

Чуть расширялась дорога, или встрѣчалась поляна, и всадники, не мѣшкая, пускали во всю прыть своихъ лошадей, ружья начинали трещать безъ умолку, сколько Мирза-Джанъ ни запрещалъ жечь порохъ на воздухъ, приказывая беречь его для дѣла; но удержать людей не было возможности. Азіятцу нужны для веселія скачка, гикъ и пороховой дымъ. Ночной бивакъ представлялъ не менѣе любопытную картину. Кто не видалъ азіятскаго коннаго лагеря, не можетъ себѣ вообразить безпорядка и шума, составляющихъ его непремѣнную принадлежность, въ отличіе отъ лагеря европейскихъ регулярныхъ войскъ. Палатки различныхъ величинъ, цвѣтовъ и формъ, располагаются на лугу какъ нравится ихъ хозяевамъ; около нихъ пасутся жеребцы на длинныхъ чумбурахъ, привязанныхъ однимъ концомъ къ задней ногѣ животнаго, а другимъ къ колышку, воткнутому въ землю. Ни на мгновеніе не умолкаютъ ржаніе и взвизги жеребцовъ, сцѣпившихся въ драку; крики озабоченныхъ хозяевъ вторятъ имъ. Большую зеленую палатку Мирзы-Джана, подбитую пестрою шелковою матеріей, разбивали, какъ слѣдуетъ для начальника, на самомъ видномъ мѣстѣ, въ центрѣ бивака, полъ устилали коврами и подушками; подъ потолокъ привѣшивали разноцвѣтные персидскіе фонари; кухеры принимались за котлы и кастрюли, разставляли походныя печи для печенія „лаваша“, тонкихъ прѣсныхъ блиновъ изъ пшеничной муки, замѣняющихъ у Персіянъ и у Татаръ хлѣбъ, скатерть, тарелку и салфетку, и часа два спустя начинался пиръ, продолжавшійся почти до разсвѣта. Тогда только мы засыпали на нѣсколько часовъ. До сей поры не

понимаю откуда у насъ брались силы для такой гульбы. Всю ночь разносили пловъ, шашлыкъ, сладости, кофей, и азарпешъ, до края наполненная душистымъ кахетинскимъ, не останавливаясь обходила многолюдный кругъ гостей. Только и слышалось: „Алла-верди"—Богъ далъ—обращаемое отъ сосѣда къ пьющему сосѣду, и обычный отвѣтъ: „Якши-іолъ"—добрый путь ему, то-есть выпиваемому вину. Мирза-Джанъ не только былъ воинъ и драгоманъ, онъ хранилъ въ глубинѣ души огнь поэзіи и, подобно Гафизу, сочинялъ персидскіе стихи и пѣсни въ честь вина и красоты. Неразлучно при немъ находившійся хорошенькій мальчикъ-пѣвецъ, по имени Бадамъ, имѣлъ обязанностью услаждать слухъ гостей, распѣвая стихи сложенные его господиномъ. А послѣ того, едва успѣвали сомкнуть глаза, какъ звукъ зурны подымалъ насъ на новый походъ. Протирая глаза, полусонные, дрожа отъ утренняго холода, мы садились на лошадей и шли дальше.

Четверо сутокъ я провелъ такимъ образомъ въ обществѣ Мадатова, его полковаго адъютанта, Нижегородскаго драгунскаго полка поручика князя Чегодаева, и разныхъ хановъ и бековъ, пившихъ и гулявшихъ, вопреки закону Магомета, нисколько не хуже каждаго гяура-винопійцы и свиноѣда. Не доходя пяти верстъ до Владикавказа, второй мусульманскій полкъ сталъ лагеремъ возлѣ перваго полка, на широкомъ и привольномъ лугу, выбранномъ для нихъ на берегу Терека, а я поѣхалъ въ крѣпость, гдѣ меня уже ожидали квартира и канцелярія генеральнаго штаба, съ длинными столами, скамьями и кипами бумагъ.

Т.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПОѢЗДКА ВЪ НЕАПОЛЬ

I.

Между безчисленными обломками древности, есть въ Римѣ одинъ памятникъ, останавливающій взглядъ путешественника лишь своею странностью и ветхостью, предъ которымъ всякій проходящій, вѣроятно, спрашиваетъ себя, за чѣмъ стоитъ здѣсь эта безформенная глыба пошатнувшейся древней стѣны, готовая, кажется, тотчасъ упасть и погребсти подъ своими обломками привлеченнаго любопытствомъ неосторожнаго путешественника. Этотъ обломокъ возведенной еще римскими императорами стѣны и вмѣстѣ подпоры подъ горой Пинчіо, въ самомъ высокомъ ея мѣстѣ, пошатнулся, кажется, съ того времени, когда въ Римѣ не стало болѣе императоровъ, и папы остались его распорядителями: извѣстно по крайней мѣрѣ, что во время Велисарія эта глыба стояла уже въ такомъ положеніи, въ какомъ находится и теперь. По здѣшнему преданію, стѣна пошатнулась, когда около нея проходилъ апостолъ Петръ, и по его слову осталась неподвижною и стоитъ уже двѣ тысячи лѣтъ. Теперь правительство начало возобновлять подпирающія эту гору стѣны, работы уже подвигаются къ обломку и, вѣроятно, не пощадятъ этой многовѣчной древности, такъ вѣрно представляющей судьбу вѣчнаго города. Но страсть къ перестройкамъ, кажется, болѣзнь нашего вѣка, и начатая по всей Италіи перестройка грозитъ снести всѣ остающіеся среди нея обломки минувшихъ вѣковъ.

Перестройка кипитъ и въ Неаполѣ, перестройка кипучая, суетливая до того, что трудно разобрать гдѣ мусоръ, гдѣ вновь выстроенныя стѣны. Мнѣ даже казалось, что пока еще

не выстроено ничего, а что разломавъ и разбросавъ старое, строители хлопочутъ пока рѣшить куда дѣвать весь этотъ матеріалъ. Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ это множество сторожей, за которыми не видать и самыхъ работниковъ? Не боятся ли строители, что пока они судятъ да рядятъ, сами работники, наскучивъ бездѣльемъ, разберутъ да разнесутъ все раскиданное добро?

Въ самомъ дѣлѣ, прежде всего въ Неаполѣ бросается въ глаза огромное количество вооруженныхъ блюстителей порядка: нельзя пройти по какой-нибудь большой улицѣ чтобы не встрѣтить или марширующаго куда-то небольшаго отряда національной гвардіи съ большимъ оркестромъ музыкантовъ, или одной-двухъ ротъ стрѣлковъ идущихъ на ученье, или и цѣлаго баталіона возвращающагося съ маневра. Вечеромъ, у кофейныхъ, опять все офицеры. Въ пансіонѣ, въ которомъ я остановился, живутъ также двое офицеровъ. Они не здѣшніе, какъ почти все находящееся здѣсь войско. Народъ веселый, общительный, но о политикѣ не говорятъ, проникнутые сознаніемъ своего долга лишь исполнять вѣрно что̀ прикажутъ. О свѣдѣніяхъ ихъ въ военномъ искусствѣ я не могъ судить, но признаковъ не только общаго научнаго образованія, но даже обыкновенныхъ свѣдѣній о предметахъ не касающихся ихъ сферы, я не замѣтилъ. Отсутствіе же любознательности меня удивило. Въ теченіе мѣсяца послѣ прибытія ихъ въ Неаполь они не были не только въ Помпеѣ, но даже въ музеумѣ, и преналвно разспрашивали меня что̀ такое есть тамъ и любопытно ли видѣть эти предметы. Однажды въ разговорѣ встрѣтилось слово лабиринтъ, и одинъ изъ офицеровъ, очень довольный что рѣчь коснулась на этотъ разъ предмета ему знакомаго, началъ разказывать о „Лабиринтѣ“: оказалось наконецъ, что подъ лабиринтомъ онъ разумѣлъ часть сада въ какомъ-то изъ королевскихъ парковъ, наполненную извилистыми аллеями, переплетающимися дорожками и называющуюся дѣйствительно лабиринтомъ.

Военные одѣты чисто, все какъ будто съ иголочки. Только мѣшковатый костюмъ ихъ не очень красивъ, особенно раздутыя фуражки офицеровъ, точно наши кучерскія шапки.

На второй день послѣ моего пріѣзда въ Неаполь, возвратясь съ прогулки по городу въ квартиру къ обѣду и войдя въ столовую залу, я не нашелъ ни одного изъ постоянныхъ

жильцовъ пансіона: сидѣлъ только какой-то сухой и высокій господинъ, съ желтымъ лицомъ, молчавшій и глядѣвшій изподлобья. Я заговорилъ съ хозяйкой о городѣ, о томъ что̀ видѣлъ, надѣясь вызвать и сидѣвшаго угрюмо господина къ участію въ разговорѣ; но угрюмый господинъ молчалъ. Хозяйка скоро ушла хлопотать въ кухню, и я остался наединѣ съ угрюмымъ господиномъ. Онъ молчалъ и сидѣлъ потупившись и нахмуривъ брови. Сидѣть въ двоемъ молча мнѣ казалось неловкимъ. Попытаюсь заговорить. Кстати, только что читалъ газеты: заговорю о какихъ-нибудь особенно интересныхъ новостяхъ.

— Скоро ждутъ сюда короля, сказалъ я вопросительнымъ тономъ.

— Не знаю, откровенно отвѣчалъ господинъ.

— Въ сегодняшнихъ газетахъ пишутъ что онъ пріѣдетъ 21-го числа, сказалъ я снова.

— Это для меня все равно, желчно отвѣтилъ мой собесѣдникъ.—Я столько же интересуюсь королемъ какъ послѣднимъ носильщикомъ.

„Ого! подумалъ я, да это находка: не думалъ я такъ скоро наткнуться на такого крайняго представителя крайней партіи.“ Но мой собесѣдникъ не обнаруживалъ дальнѣйшаго желанія высказываться. Съ своей стороны, я тоже былъ въ затрудненіи какъ поддержать такой оригинальный разговоръ. До прихода прочихъ жильцовъ желчный господинъ ограничивался лишь нѣсколькими сарказмами, вставляемыми въ общій разговоръ, когда въ столовую входили хозяйка и служанки приготовлять столъ. Наконецъ пришли двое офицеровъ, еще двое другихъ молодыхъ людей. Сѣли за столъ. Къ желчному господину обращались съ титуломъ signor colonello при чемъ онъ съ притворно-суровою миной замѣчалъ, что онъ уже давно объявилъ, что кто назоветъ его colonello, заплатитъ штрафъ. Между собесѣдниками завязывался разговоръ объ обыденныхъ житейскихъ предметахъ, о знакомыхъ, о домашнихъ дѣлахъ. Colonello тоже принималъ участіе въ разговорахъ, разказывая какъ онъ поступалъ, или поступилъ бы при такихъ обстоятельствахъ, какія приводились въ разговорѣ. При разказѣ о какомъ-нибудь особенно интересномъ случаѣ, онъ приводилъ подобный же, но еще болѣе интересный, случай изъ собственной жизни. При разказѣ о мошеннической продѣлкѣ какого-то господина, онъ тоже разказалъ,

какъ одинъ его знакомый, гарибальдійскій офицеръ, выманилъ у него 300 франковъ, показывая ему билетъ сохранной кассы, по которому онъ долженъ былъ получить деньги на слѣдующій день. Билетъ былъ поддѣльный, приготовленный нарочно для внушенія довѣрія, и штука была повторена уже много разъ. Colonello, само собой, денегъ назадъ не получилъ. Но его огорчала не потеря, какъ онъ объяснялъ, а то что негодяй безчестилъ имя гарибальдійца. Потомъ, при другомъ разговорѣ, было имъ разказано, какъ онъ помогъ одному бѣдному семейству, оставшемуся въ путешествіи безъ денегъ, и какъ потомъ отецъ этого семейства, получивъ хорошую должность въ такомъ-то городѣ, не только не вздумалъ самъ возвратить ему потраченныя имъ деньги, но даже объявилъ что онъ не знаетъ и не помнитъ о такомъ обстоятельствѣ. Когда разговоръ коснулся иностранныхъ языковъ, colonello объявилъ, что хотя онъ знаетъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки и жилъ въ англійскихъ семействахъ, но нѣтъ въ мірѣ человѣка, который бы сказалъ что слышалъ отъ него хотя нѣсколько словъ сказанныхъ на чужомъ языкѣ. Прочимъ сидѣвшимъ за столомъ собесѣдникамъ приходилось мало принимать участія въ разговорѣ: какъ скоро завязывался разговоръ, имъ овладѣвалъ colonello. Прочимъ оставалось отыскивать лишь новую тему, когда истощался весь запасъ фантазіи colonello на прежнюю. Ему не возражали и даже, когда онъ, разказывая о своихъ походахъ и ранахъ, засучилъ на лѣвой ногѣ панталоны до колѣнъ и выставилъ ее на позоръ публикѣ, всѣ съ выраженіемъ участія и интереса пригнулись и съ невозмутимою серіозностью разсматривали ногу, на которой были замѣтны лишь нѣсколько оспенныхъ рябинъ. Colonello являлся потомъ каждый день, иногда къ обѣду, иногда лишь вечеромъ. Говорилъ неутомимо. Если другіе не заводили разговора, онъ самъ начиналъ разказывать о своихъ походахъ, или, правильнѣе, о своей роли при различныхъ походахъ Гарибальди: какъ, напримѣръ, получивъ отъ Гарибальди командованіе полкомъ волонтеровъ подъ главнымъ начальствомъ Никотеры, онъ добровольно отказался отъ командованія, когда распоряженія Никотеры оказались несогласными съ его тактическимъ взглядами, и вошелъ въ ряды простымъ волонтеромъ. Разказывалъ о гоненіяхъ претерпѣнныхъ имъ подъ австрійскимъ правительствомъ. Онъ былъ миланскій

уроженецъ, два раза, по его словамъ, былъ приговоренъ къ смерти и спасался бѣгствомъ. Разказывалъ о претерпѣнныхъ и теперь терпимыхъ преслѣдованіяхъ неблагодарнаго италіанскаго правительства. Сначала я съ интересомъ слушалъ его разказы, ожидая услышать эпическое повѣствованіе о событіяхъ и узнать интересныя для меня подробности. Я пробовалъ иногда обращаться къ нему съ вопросами о времени, мѣстѣ и не касавшихся прямо до него обстоятельствахъ событій; но несмотря на всѣ мои попытки ввести его въ сферу эпическаго повѣствованія, разкащикъ до конца остался вѣренъ себѣ, и это безконечное развитіе характера лишь одного лица нагнало наконецъ нестерпимую скуку. Но несмотря на свою эксцентричность и кажущійся эгоизмъ, этотъ господинъ оказался достойнымъ уваженія по добротѣ сердца. Хозяйка разказала мнѣ, что безъ него ей пришлось бы пропасть: деньги всѣ вышли, хозяинъ дома требуетъ платежа, лавочники не хотятъ давать болѣе провизіи; этотъ добрый человѣкъ пособилъ ея горю и далъ ей 200 франковъ. А человѣкъ онъ, какъ кажется, самъ очень небогатый.

— Чѣмъ онъ живетъ? спросилъ я однажды, къ слову, у одного изъ жильцовъ:—имѣетъ ли онъ какое-нибудь состояніе?

— Какое состояніе! Побирается около partito d'azione.

— Да какой же отъ него толкъ для этой partito? спросилъ я.

— Э!... agitatore, отвѣчалъ мой собесѣдникъ.

II.

Сожителями моими въ пансіонѣ были два представителя и другаго сословія, тоже носящаго форменное платье, хотя безоружнаго: двое духовныхъ — священникъ и монахъ. Они обѣдали и завтракали въ особые часы отъ прочихъ жильцовъ; приходя иногда домой въ эту пору, я встрѣчался съ ними за столомъ. Съ другими жильцами они не сходились, по враждебному ли расположенію, или просто потому что уже не о чемъ было бесѣдовать имъ между собою. Но потолковать съ иностранцемъ, вѣроятно, имъ было интересно, и встрѣтя и съ моей стороны готовность къ бесѣдѣ, они очень охотно вступали со мной въ разговоръ. Опасливости, запуганности у нихъ я не встрѣтилъ; они высказывались довольно прямо о настоящей враждебности между правительствомъ и

духовенствомъ; но и удовлетворительнаго объясненія на интересовавшіе меня предметы я тоже не могъ отъ нихъ добиться. Меня интересовало найти объясненія непонятной непослѣдовательности италіянскаго правительства въ отношеніи къ духовнымъ властямъ, проявившейся недавно по поводу новаго назначенія папой сабинскаго епископа. Въ іюлѣ мѣсяцѣ для управленія этимъ діоцезомъ, половина котораго находится въ прежнихъ Папскихъ Владѣніяхъ присоединенныхъ теперь къ Италіянскому королевству, былъ назначенъ кардиналъ Рейзахъ, на мѣсто умершаго въ маѣ мѣсяцѣ кардинала д'Андреа. Когда новый епископъ, объѣзжая свой діоцезъ, переѣхалъ италіянскую границу, тамошнее правительство предало его суду, какъ незаконно присвоившаго власть безъ полученія на то королевскаго exequatur и министерскаго placet, и присудило къ денежному штрафу и тюремному заключенію, для избѣжанія котораго онъ и долженъ былъ поспѣшить возвратиться въ папскіе предѣлы. Между тѣмъ ни одинъ изъ италіянскихъ епископовъ не получалъ еще королевскаго и министерскаго утвержденія. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ многіе италіянскіе діоцезы оставались безъ управителей. Упорно настаивавшее сначала на своихъ правахъ, италіянское правительство вынуждено было въ прошедшемъ году, послѣ неуспѣшныхъ переговоровъ съ папскимъ правительствомъ, допустить къ исполненію должности вновь назначенныхъ папой епископовъ безъ всякихъ exequatur и placet. Очень естественъ теперь вопросъ: на основаніи какихъ законовъ правительство осуждаетъ новаго сабинскаго епископа? Отказавшись разъ отъ своихъ правъ, правительство теперь вновь настаиваетъ на нихъ. Отговорка что то было лишь исключеніе очень неудовлетворительна. Болѣе удовлетворительнаго объясненія не могъ я добиться и отъ моихъ собесѣдниковъ: „все это революціонная партія“, было ихъ единственнымъ объясненіемъ.

Съ большей охотой распространялись мои собесѣдники о приближавшемся праздникѣ Св. Януарія, патрона Неаполя. Извѣстное всему міру чудо, долженствующее по обычаю совершиться въ этотъ день, подавало особенно поводъ къ разказамъ и длиннымъ описаніямъ. Ко всѣмъ извѣстному описанію самого чуда былъ прибавленъ еще разказъ, какъ одна богатая, невѣрующая Англичанка, войдя въ церковь предъ совершеніемъ чуда, упала разслабленною, и увидавъ чудо,

повѣрила, дала обѣтъ пожертвовать на монастырь бо́льшую часть своего состоянія и получила исцѣленіе.

Обращеніе прочихъ жильцовъ пансіона съ духовными сожителями было очень вѣжливое. Добродушная же хозяйка была къ нимъ особенно предупредительна.

— Чѣмъ они живутъ теперь? спросилъ я разъ у нея:—получаютъ отъ правительства вспоможенія?

— Пустое вспоможеніе, отвѣчала хозяйка,—даютъ уроки, да помогаютъ кое-кто изъ добрыхъ людей.

Но признаковъ бѣдности и лишеній я не замѣтилъ ни на одномъ изъ встрѣчавшихся мнѣ въ городѣ духовныхъ; а ихъ было не мало, гораздо болѣе чѣмъ я ожидалъ, читая о гоненіяхъ и преслѣдованіяхъ разказываемыхъ въ клерикальныхъ журналахъ. Не только на фигурахъ священниковъ и монаховъ, бодро и покойно разгуливавшихъ по улицамъ, я не встрѣчалъ признаковъ запуганности и гоненія, но замѣчалъ порой довольство и даже роскошь, какой не встрѣчалъ и въ Римѣ: здоровые и полные монахи разъѣзжаютъ въ омнибусахъ, а не разъ встрѣчалъ я и настоящихъ франтовъ священниковъ, молодецки разъѣзжавшихъ по городу въ щегольскихъ маленькихъ кабріолетахъ. Трудно было предположить чтобъ это было гонимое, потерявшее авторитетъ и расположеніе народа сословіе. А если ихъ авторитетъ и вліяніе не потеряны, какъ же не отстояли они ни своихъ монастырей и имуществъ, ни школъ? Да стоило ли труда отстаивать монастыри, гдѣ нужно было жить взаперти, въ строгомъ повиновеніи начальнику, и имущества, возбуждавшія зависть и осужденіе въ другихъ, при очень сомнительныхъ выгодахъ, при тяжелыхъ пошлинахъ и безпокойствахъ отъ придирокъ и тяжбъ. Стоило ли хлопотать изъ-за школъ, гдѣ приходилось возиться съ непослушными дѣтьми? Не лучше ли теперь этому монаху жить покойно на своей квартирѣ, получая малую толику отъ своихъ гонителей и пополняя нужды радушными подаяніями покровителей, которыхъ теперь, во время гоненія, у него оказывается гораздо болѣе чѣмъ во времена сомнительнаго господства. Вмѣсто постоянно, если не скудной, то умѣренной, монастырской трапезы, теперь онъ, по крайней мѣрѣ въ праздники да въ именины, можетъ полакомиться за роскошнымъ столомъ набожныхъ баръ. Если же ему не по вкусу уединеніе, если у него искательный и угодливый характеръ, онъ очень легко получаетъ

приглашеніе пріютиться при какомъ-нибудь благочестивомъ семействѣ, гдѣ несказанно рады пріобрѣсти такого рѣдкаго надзирателя для дѣтей и неоцѣненнаго собесѣдника для старушки-бабушки, или тетушки, начинавшей отъ скуки мучить другихъ своими капризами. Такой членъ семейства всегда представлялся моему воображенію, когда я встрѣчалъ на улицѣ румянаго ребенка въ коричневой капуцинской рясѣ, съ обстриженною въ кружокъ головкой, идущаго съ щегольски одѣтымъ папенькой или шелестящею шелковымъ платьемъ маменькой. Сильно поразила меня въ первый разъ такая встрѣча: покинувъ Литву, я никакъ не предполагалъ что на противоположномъ концѣ Европы, среди другой, совсѣмъ непохожей націи, среди совершенно другой обстановки, опять увижу подобныя же заявленія симпатій, на зло другимъ, опять встрѣчу дѣтей капуциновъ. Бѣдныя дѣти! Отчего не позволяютъ вамъ быть тѣмъ что вы есть, пока вы еще не знаете ни эгоизма, ни лицемѣрія: отчего не позволяютъ вамъ быть людьми и такъ рано дѣлаютъ васъ актерами и наряжаютъ то капуцинами, то зуавами, то какими-то голоногими гусями!

Священника живущаго въ пансіонѣ величаютъ ректоромъ. Оставшись безъ должности по преобразованіи школъ, онъ даетъ теперь уроки въ домахъ, гдѣ и обязанность его легче, и отвѣтственности меньше. Однимъ словомъ, весь прежній хоръ, тянувшій прежде сообща одну пѣсню, теперь въ разсыпную настраиваетъ струны, каждый на свой ладъ, втихомолку и безъ помѣхи, и Богъ знаетъ какое пѣнье зададутъ, если удастся имъ снова собраться въ хоровую. Поспѣшность, поверхостность есть общая принадлежность всѣхъ преобразованій при переворотахъ выходящихъ изъ борьбы партій: побѣдившая партія спѣшитъ лишь скорѣе пожать плоды побѣды, съ размаху скашиваетъ верхушки и совсѣмъ не замѣчаетъ что глубокіе корни еще шире разбрасываютъ побѣги.

III.

Сочувствіе къ гонимому духовенству увеличивается по мѣрѣ увеличивающагося въ различныхъ сословіяхъ неудовольствія на новое правительство и новый порядокъ вещей. А причинъ

къ этому неудовольствію много: народъ и промышленники недовольны тяжелыми пошлинами, собираемыми правительствомъ не сдѣлавшимъ съ своей стороны еще ничего для развитія промышленности, ни даже для охраненія безопасности. Хотя оно и уничтожило въ Неаполѣ организованныя шайки грабителей—каморристовъ, но мелкихъ воровъ остается множество, разбои по дорогамъ не прекращаются, количество и безнаказанность преступленій не уменьшаются. Неаполитанское чиновничество недовольно отстраненіемъ его отъ должностей, замѣщаемыхъ постепенно Италіянцами другихъ провинцій, преимущественно Піемонтцами. Я слышалъ, напримѣръ, что во всемъ штатѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ изъ 370 должностныхъ мѣстъ только 50 заняты не Піемонтцами. Обѣ стороны считаютъ себя правыми и сваливаютъ вину другъ на друга. Правительство обвиняетъ Неаполитанцевъ въ неблагонадежности, или, по-просту, въ воровствѣ и мошенничествѣ. Скандалезные факты и процессы встрѣчаются дѣйствительно въ изобиліи: въ концѣ августа были осуждены на галеры шесть человѣкъ за поддѣлку банковыхъ билетовъ. Въ началѣ сентябрѣ чиновникъ, завѣдывавшій почтовымъ отдѣленіемъ на Chiaja, бѣжалъ, унеся съ собою 10.000 франк. Изъ cassa dei depositi e prestiti было похищено 56.000 франковъ чиновникомъ изъ уголовнаго трибунала, посредствомъ поддѣлки бумагъ по которымъ трибуналъ получалъ изъ кассы деньги изъ суммъ вложенныхъ подсудимыми. Наконецъ открыто было что вся таможенная неаполитанская стража наживалась прикрытіемъ контрабанды. Чиновники, въ свою очередь, обвиняютъ правительство въ неумѣньи усмотрѣть и предупредить преступленія. Вѣдь при прежнемъ правительствѣ служили-де тѣ же люди и не воровали; или, лучше сказать, расправа была коротка, и ея боялись; а теперь расправляться прежнимъ порядкомъ не хотятъ: конституціонная свобода этого, говорятъ, не допускаетъ. А останешься за штатомъ, безъ куска хлѣба, что̀ тогда подѣлаешь съ этою конституціонною свободой? Таможенная стража, отставленная въ массѣ отъ должности, собралась въ августѣ на концѣ города въ Margelino, запаслась было и оружіемъ, начала кричать и бушевать. Но выслали солдатъ и заставили замолчать, да третью часть въ тюрьму засадили.

И вся эта постоянно увеличивающаяся масса недоволь-

ныхъ тянетъ къ общему центру, къ первопострадавшимъ священникамъ и монахамъ. Всякій гонимый можетъ подѣлиться съ ними своимъ горемъ, съ увѣренностью встрѣтить сочувствіе, а бѣднякъ и заработать кусокъ хлѣба. За Капуанскими воротами встрѣтилъ я у остеріи́ки тощаго солдатика, уже въ сильно потертомъ военномъ казакинѣ и фуражкѣ. Я заговорилъ съ нимъ, это оказался отставной таможенный; началъ разспрашивать о нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этой части города. Солдатикъ съ большимъ удовольствіемъ разказывалъ мнѣ все что̀ зналъ и, кажется, и то чего и не зналъ, видимо стараясь угодить моему любопытству. Потомъ предложилъ не нужно ли меня куда проводить, не нужно ли чѣмъ услужить. Услугъ мнѣ было не нужно, а потолковать съ нимъ я былъ не прочь, пригласилъ его войти въ остерію, спросилъ вина. Но вино скоро разбудило заснувшій, вѣроятно съ горя, желудокъ. Собесѣдникъ мой началъ выказывать какое-то безпокойство, поглядывать на разносившаго вино хозяина. Я не догадывался. Наконецъ мой собесѣдникъ нерѣшительнымъ голосомъ просить хозяина принести финоки *. Тогда только я догадался и поспѣшилъ подтвердить приказаніе. Увѣренный теперь въ моей готовности заплатить за провизію (которая могла стоить не болѣе 5 су), солдатикъ началъ уписывать толстые листья съ такимъ смакомъ, какъ будто это былъ засахарившійся въ своемъ соку ананасъ. На слѣдующее воскресенье я встрѣтилъ этого же солдатика предъ обѣдней въ соборѣ Св. Януарія: онъ уже былъ въ церковной ливреѣ, переносилъ высокіе подсвѣчники, разстилалъ ковры у алтаря, устанавливалъ скамейки и могъ, благодаря духовенству, зарабатывать по франку въ праздничный день.

Положеніе неаполитанскаго духовенства, сравнительно съ римскимъ, значительно выгоднѣе, ибо оно не принимало здѣсь непосредственнаго участія въ правленіи и въ глазахъ народа остается непричастнымъ злоупотребленіямъ свѣтской власти. Проявленія уваженія къ духовенству, какія я видалъ въ Неаполѣ, невообразимы въ Римѣ. Въ одной остеріи сошелся я разъ съ двумя молодыми людьми. Когда я

* Мясистая почка какого-то растенія, кажется, у насъ неизвѣстнаго и не имѣющаго названія по-русски.

вынулъ для расплаты папскій полуфранкъ съ портретомъ папы, одинъ изъ молодыхъ людей поспѣшилъ предложить мнѣ въ обмѣнъ италіянскую полуфранковую бумажку.

— А это жаль тратить: стóитъ повѣсить вотъ здѣсь, на груди, объяснилъ онъ мимикой.

Въ Римѣ же народъ, кажется, совершенно забылъ о нравственномъ значеніи какъ своихъ духовныхъ правителей, такъ и самой религіи. Ходить на исповѣдь, въ понятіи Римлянина, есть обязанность чиновника, которую онъ исполняетъ тѣмъ чаще и усерднѣе чѣмъ болѣе ему нужды добиться награды, или повышенія. Для ремесленника набожность есть средство пріобрѣсти благоволеніе духовенства, потомъ протекцію, выгодныя работы и заказы. Въ то же время ненависть къ духовенству внушается даже дѣтямъ. Я разъ видѣлъ какъ пятилѣтній ребенокъ провожалъ гримасами проходившихъ мимо двухъ монаховъ и потомъ, спрятавшись за уголъ, посылалъ имъ въ слѣдъ камушки. Другая сцена остановила мое вниманіе не задолго до описываемой поѣздки въ Неаполь: я проходилъ по улицѣ наполненной скульптурными мастерскими, въ дверяхъ одной стоялъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати и перекидывался словами съ проходившими порой чрезъ улицу такими же подмастерьями; вдругъ онъ накидывается со злостью на одного изъ нихъ. „Infame! Надѣлъ бѣлый съ желтымъ цвѣтъ“, шипѣлъ онъ со злостью и уже началъ подбирать камушки чтобы послать ихъ въ гостинецъ проходившему мимо мальчугану, подпоясанному полосатымъ шарфомъ бѣлаго и желтаго цвѣта (папскій цвѣтъ). Послѣдній, вѣрно, зналъ что шутить нечего и пустился бѣжать изо всѣхъ силъ.

IV.

Гулять по Неаполю очень удобно; нѣсколько прямыхъ и широкихъ улицъ пересѣкаютъ его съ конца въ конецъ, заблудиться нельзя, какъ въ Римѣ. Улицы вымощены широкими плитами и очень удобны для ходьбы. Недавно заведенные омнибусы перевозятъ за 3 и 5 су до самыхъ отдаленныхъ концовъ города. Но бѣда когда приходится отыскивать какія-нибудь мѣста, собирать какія-нибудь свѣдѣнія.

Въ Римѣ я уже привыкъ слышать при справкахъ обыкновенный отвѣтъ: „не знаю“, и меня уже не удивило въ Неаполѣ получать тотъ же самый отвѣтъ, когда я справлялся въ магазинахъ на Толедо гдѣ мнѣ найти банкира, или спрашивалъ у книгопродавцевъ гдѣ кабинеты для чтенія, или долженъ былъ переспросить пять лицъ чтобъ отыскать ящикъ для писемъ. Но предположить что кому-нибудь можетъ придти охота указать дорогу совсѣмъ въ противную сторону, я никакъ не могъ, и до сихъ поръ не могу объяснить себѣ эту странную черту неаполитанскихъ нравовъ. Идя въ первый разъ въ музеумъ по безконечно длинному Толедо и опасаясь зайти понапрасну слишкомъ далеко, я спросилъ у двухъ шедшихъ по одному со мной направленію женщинъ,—служанокъ, какъ можно было заключить по корзинамъ съ закусками,—гдѣ площадь di Pigne: одна изъ нихъ очень радушно отвѣчала на вопросъ и объяснила что я уже миновалъ ее. Пришлось вернуться назадъ. Къ счастію, у меня скоро родилось сомнѣніе, хотя безъ всякихъ логическихъ основаній, а просто пришла на умъ пословица: что̀ городъ, то норовъ, что̀ деревня, то обычай. Я снова посмотрѣлъ на планъ, который постоянно носилъ съ собой: на планѣ пройденныя мною мѣста были обозначены отчетливо, и площадь di Pigne не могла быть между ними. Я рѣшился повернуть снова и направиться по прежнему направленію, и минутъ черезъ десять дѣйствительно увидалъ площадь, подобную означенной на планѣ, и массивное зданіе съ часовымъ у входа. Это былъ музеумъ.

Было воскресенье, входъ безплатный, но посѣтителей оказалось очень мало. Лучшія драгоцѣнности этого музеума и единственныя въ мірѣ сокровища, фрески со стѣнъ Помпейскихъ домовъ, древне-римская посуда, мебель и всѣ принадлежности домашней жизни расположены главнымъ образомъ въ первомъ этажѣ, и отчасти во внутреннихъ комнатахъ втораго. Много разъ возвращался потомъ я туда, и много счастливыхъ часовъ провелъ я тамъ, забывая и личныя заботы, и суету окружающаго міра. Самый богатый музеумъ, съ самыми лучшими произведеніями генія новыхъ народовъ, не доставляетъ того успокоенія и полнаго наслажденія какъ эти остатки отжившихъ поколѣній и минувшихъ временъ. Предъ ними забываешь уже художественную сторону, въ фрескахъ не обращаешь вниманія ни на слабый

рисунокъ, ни на одноцвѣтный колоритъ, миѳологическая картина переноситъ воображеніе прямо въ сферу древнихъ вѣрованій, понятій и жизненной обстановки. Изящество древней кровати, мраморнаго стола, вазы, камеи, безконечно возвышается еще тѣмъ, что не видишь въ этихъ предметахъ произведеній сдѣланныхъ лишь на показъ, а въ каждой изящной детали чувствуешь эстетическій духъ древнихъ нравовъ. Обугленная булка и горохъ въ глиняныхъ мискахъ смотрятъ художественными произведеніями. Даже статуетки, вазы и фрески въ небольшомъ кабинетѣ, оставшемся закрытымъ для публики при прежнемъ правительствѣ заботливо охранявшемъ чистоту нравовъ, внушаютъ, вмѣсто скандалезныхъ поползновеній, только меланхолическое раздумье о суетѣ страстей и наслажденій. Hic habitat felicitas, написано въ Помпеѣ надъ входомъ домика съ маленькими каморками и каменными кроватями, изъ котораго перенесены эти картинки. Древніе, обоготворивъ человѣка во всей его полнотѣ, идеализировали всѣ его страсти. Но слѣдуетъ ли заключить, что приманки изящныхъ произведеній скульптуры и живописи дѣйствовали пагубнѣе новѣйшихъ стереоскоповъ и фотографій, и что живыя наяды, плескавшіяся въ Антіохіи въ публичныхъ бассейнахъ на праздникѣ Вакха, своими изящными формами болѣе разжигали страсти и растлѣвали воображеніе чѣмъ нынѣшній коръ-де-балетъ въ своемъ трикотовомъ нарядѣ?

Какъ жаль что объемъ музеума не соотвѣтствуетъ количеству хранимыхъ сокровищъ: множество мелкихъ пейзажей, представляющихъ образцы построекъ и расположенія зданій и скульптурныхъ украшеній, помѣщены въ темномъ углу залы, такъ что ихъ совершенно нельзя разсмотрѣть. Всѣ эти произведенія искусства и всѣ принадлежности древней жизни въ музеумѣ не производятъ уже того полнаго впечатлѣнія, какъ на своемъ мѣстѣ, среди развалинъ Помпеи. Но эта потеря, съ другой стороны, вознаграждается удобствами разсматривать эти предметы въ музеумѣ наединѣ, останавливаясь предъ каждымъ изъ нихъ сколько угодно, между тѣмъ какъ въ Помпеѣ, среди толпы посѣтителей, подъ предводительствомъ неумолчно говорящаго и безостановочно бѣгущаго впередъ сторожа, приходится лишь мелькомъ взглянуть на предметы, среди новизны и множества которыхъ разсѣевается и мысль, и воображеніе.

За входъ въ музеумъ платится одинъ франкъ, въ Помпею—два франка. Это даетъ жителямъ Неаполя благовидный предлогъ не бывать ни тамъ, ни здѣсь.

Когда я былъ въ Помпеѣ, раскопокъ никакихъ не производилось: сторожъ говорилъ что, по обычаю, работы прекращаются на три лѣтніе мѣсяца. Наша прогулка продолжалась менѣе двухъ часовъ, времени едва достаточнаго чтобъ обѣжать обширное пространство, гдѣ столько пунктовъ отъ которыхъ съ сожалѣніемъ отрываетъ глаза.

V.

Въ самомъ Неаполѣ, кромѣ музеума, лишь церкви могутъ привлечь вниманіе путешественника. Но послѣ многихъ лѣтъ проведенныхъ въ Римѣ, неаполитанскія церкви не представляли уже для меня того интереса который онѣ должны возбудить въ путешественникѣ въ первый разъ вступившемъ въ Неаполѣ на италіянскую почву. Только церковь Св. Мартина поразила меня своею роскошью и множествомъ превосходныхъ картинъ.

Эта церковь принадлежитъ картезіанскому монастырю, выстроенному на вершинѣ утеса St. Elmo, съ правой стороны укрѣпленнаго замка того же имени. Доступъ къ этому святилищу не легокъ: пришлось цѣлый часъ медленнымъ шагомъ взбираться въ гору по крутымъ ступенчатымъ улицамъ. Солнце пекло, и воздухъ былъ сильно разогрѣтъ даже въ тѣни. Съ трудомъ взобрался я, наконецъ, на вершину горы. Останавливаясь отдохнуть во время подъема, я могъ полюбоваться на прекрасный видъ города и залива, открывшійся съ господствующаго надъ всѣмъ городомъ возвышенія. Съ окончаніемъ подъема кончились и дома, далѣе были только сады и пустынныя дачи. Видъ на городъ былъ закрытъ укрѣпленіями. Мѣстность была пустынная и грустная. Но я шелъ съ бодрымъ расположеніемъ духа, вспоминая другія подобныя путешествія. Я вспоминалъ окрестности Субіако и мои прогулки къ монастырю Св. Бенедетта, тоже по крутымъ скалистымъ тропинкамъ, среди живописныхъ Сабинскихъ горъ, и воображенію снова представлялся монастырь уединенно стоящій среди дикихъ горъ, и его чудныя капеллы

наполовину вырубленныя въ скалахъ и расположенныя этажами по уступамъ утеса, и волшебный свѣтъ проникающій сквозь цвѣтныя стекла, и тихій говоръ молитвъ у алтарей.

Я зналъ уже что монастырь Св. Мартина упраздненъ, что церковь закрыта, но не ожидалъ такого грустнаго впечатлѣнія, какое произвелъ на меня этотъ видъ опустѣнія, когда, въ сопровожденіи отомкнувшаго церковныя двери сторожа-солдата, я вошелъ въ холодную, какъ погребъ, и пустую, какъ вырытая могила, церковь. Войдя въ святилище, я снялъ было, по привычкѣ, шляпу, но долженъ былъ тотчасъ же надѣть ее, почувствовавъ вдругъ какъ холодный воздухъ охватилъ вспотѣвшую голову. Къ грустному чувству примѣшалось неудовольствіе и досада, когда сторожъ, объясняя, по заученному тексту, исторію картинъ, торопилъ все впередъ, обѣщая показать еще лучшія вещи: и дѣйствительно, наконецъ, подвелъ меня къ чудному произведенію Рибейры — „Снятію со Креста“. Но и прочая живопись была очень хороша: кажется, что Лафранко, Лука Джордано и Станціони употребили здѣсь всѣ усилія своего таланта, и геній Рибейры достигъ своего апогея.

Чудныя произведенія генія возбуждаютъ удивленіе и въ этомъ покинутомъ храмѣ, но видъ опустѣнія не допускалъ того наслажденія, которое привыкъ чувствовать, когда среди движущагося въ церкви народа, или при звукахъ богослуженія, смотря на великія произведенія искусствъ, вспоминаешь и исторію прошедшихъ вѣковъ, и чувствуешь живущую еще идею, создавшую и эти храмы, и эти произведенія генія и пережившую вмѣстѣ съ ними долгія столѣтія. Какое впечатлѣніе можетъ сравниться своею полнотой и живостью съ тѣмъ которое чувствуешь предъ фресками Микель Анжело въ Сикстинской капеллѣ, когда видишь въ ней тѣхъ же швейцарскихъ латниковъ и красныхъ кардиналовъ, какіе и за триста лѣтъ такъ же стояли и сидѣли здѣсь, и видишь прикрытаго бѣлою шапочкой старика, въ такомъ же нарядѣ, на томъ же тронѣ, на которомъ сидѣли роскошный и могущественный Юлій II и Левъ X. Вся исторія папства и италіянскаго искусства представляется тогда не отвлеченнымъ, доступнымъ лишь для ума фактомъ, а живымъ, со всею полнотой развертывающимся предъ глазами явленіемъ.

Только полное отсутствіе искренней любви къ изящ-

ному и уваженія къ исторіи и судьбѣ людей и ослѣпленіе чудовищнаго честолюбія могли породить у всемірнаго завоевателя, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, хвастливое желаніе набить парижскіе музеумы памятниками генія и жизни всѣхъ народовъ. Какое значеніе можетъ имѣть въ музеумѣ статуя „Христа“ Микель Анжело. Слѣпокъ съ нея въ дрезденскомъ музеумѣ показался мнѣ почти кощунствомъ, и только въ церкви Мадонны надъ Минервой, часто и долго глядя на оригиналъ, я почувствовалъ все величіе той идеи о Человѣкѣ-Богѣ, подъ вліяніемъ которой Микель Анжело создалъ свое дивное произведеніе. Оригиналъ „Преображенія Рафаэля“ перенесенный въ Ватиканскій музеумъ изъ церкви Св. Петра in Montorio потерялъ много въ своемъ внутреннемъ содержаніи. Его мозаическая копія въ соборѣ Св. Петра сильнѣе трогаетъ и умъ, и чувство. Произведенія перенесенныя въ музеумъ дѣлаются просто предметами выставленными на показъ, оторванными отъ исторіи: они сохраняютъ свое внѣшнее художественное достоинство, но лишаются животворившей ихъ идеи.

Поспѣшно обойдя церковь, сторожъ вывелъ меня на монастырскій дворъ и кладбище: вокругъ крытая галлерея и надъ нею монастырскія кельи, посрединѣ двора колодецъ, вокругъ ровный зеленый лугъ, покрывающій своею свѣжею зеленью безразлично какъ прахъ давно изгнившихъ костей, такъ и недавно погребенные трупы. Онъ окруженъ мраморною балюстрадой и каменными черепами вмѣсто орнаментовъ. Подобныхъ двориковъ я видѣлъ уже довольно въ Римѣ, гдѣ ихъ можно встрѣтить при каждомъ монастырѣ. Но тамъ они представлялись мнѣ такими же жилыми покоями какъ и расположенныя вокругъ двора кельи; а видъ монаха, поправлявшаго обветшалую мѣстами балюстраду, или очищавшаго отъ сору зеленую крышу, которая должна прикрыть и его, какъ сотни другихъ братій, возбуждалъ во мнѣ лишь чувство благоговѣнія къ глубокой покорности человѣка идеѣ имъ созданной. А здѣсь этотъ видъ покинутыхъ могилъ, среди запустѣнія, навелъ тяжелое чувство безотрадной грусти, реставрированье же новыми мраморными колонками ветхой балюстрады, надъ которымъ трудились двое работниковъ, показалось мнѣ лишь злою насмѣшкой и профанаціей святыни. Сторожъ предлагалъ провести меня на террасу надъ

монастыремъ, съ которой виденъ весь Неаполь и морской заливъ, но я не чувствовалъ въ себѣ расположенія любоваться теперь чѣмъ-нибудь и объявилъ желаніе войти опять въ церковь, чтобъ еще разъ посмотрѣть на картины, на которыя я могъ лишь мелькомъ взглянуть, слишкомъ поспѣшно обойдя съ нимъ церковь. Сторожъ отвѣчалъ что назадъ идти нельзя,—это не по правилу; а если я снова хочу видѣть картины, то нужно снова войти въ церковь въ прежнія же двери. Это меня раздосадовало, и я поспѣшилъ уйти. За неудовольствіе и досаду я былъ вознагражденъ чуднымъ видомъ на заливъ и берегъ, который открылся предъ глазами, когда я, обойдя возвышенность, началъ спускаться къ Позилиппо. Этотъ край города покрытъ садами, расположенными террасами по склону горы; внизу—налѣво пестрѣли крыши и куполы города, а направо виднѣлись живописные скалистые уступы и гроты Позилиппо. Весь заливъ открывался предъ глазами; слѣва берегъ съ непрерывно тянущимися домами и садами, какъ будто безконечное продолженіе города, вдали скалистые островки; паруса лодокъ, какъ мельчайшія бѣлыя точки, пестрѣли надъ лазурною синевой воды.

VI.

Кромѣ церкви Св. Мартина, другія не остановили особенно моего вниманія, ни богатствомъ и красотой архитектуры, ни замѣчательными художественными произведеніями. Послѣ Рима трудно увлечься красотой церквей даже и въ Неаполѣ, хотя этотъ городъ и его область уступали во всей Италіи развѣ одному Риму въ благочестіи жителей и многочисленности и богатствѣ духовенства. До первой французской революціи, разнесшейся потомъ бурей по всей Европѣ, въ Неаполѣ было 200 монастырей съ 10.000 затворниковъ и затворницъ, и 3.140 свѣтскихъ духовныхъ; книгопечатаніе служило лишь для церковныхъ и духовныхъ книгъ, дешевизна продуктовъ доходила до послѣдней степени. Безчисленные праздники, безконечныя процессіи доставляли постоянное развлеченіе тому, кому наскучивало любоваться лишь на небо и море, на роскошь природы и красоту лиловой дали. Доступъ къ religios-

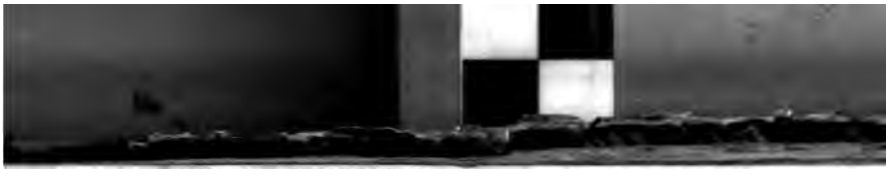
нымъ торжествамъ былъ для всѣхъ одинаковъ, и для изнѣженной среди роскоши, богато одѣтой аристократки, и для непривычнаго къ работѣ, полунагаго лаццарони.

Кончалась вечерня наканунѣ праздника Св. Януарія, когда я вошелъ въ соборъ. Сѣлъ на первое встрѣтившееся свободное мѣсто возлѣ бѣдно-одѣтаго простолюдина. Вошли двѣ женщины-крестьянки съ большими корзинами, нагруженными какими-то узлами, поставили на полъ корзины и стали на колѣни. Подошелъ монахъ капуцинъ, полный и здоровый мущина, и сѣлъ возлѣ меня. Служилъ архіепископъ неаполитанскій, кардиналъ Сфорца, съ десятью ассистентами въ епископскихъ митрахъ. Я спросилъ у сосѣда монаха что̀ это за лица облаченные епископами; то были просто каноники церкви, ради благолѣпія украшенные епископскими митрами, равно какъ и кардиналъ для этой же цѣли пользовался правомъ возсѣдать на тронѣ, что̀ въ Римѣ принадлежитъ лишь папѣ. Нахмуренное лицо кардинала было мнѣ очень знакомо, три года назадъ я часто встрѣчалъ его въ Римѣ. То было, объяснилъ мнѣ монахъ, въ то время когда новое италіянское правительство не отступало еще отъ своихъ требованій о подчиненіи духовенства свѣтской власти—королевскому exequatur и министерскому placet. Но наконецъ пришлось уступить: правительству оказалось гораздо невыгоднѣе имѣть епархіи безъ правителей чѣмъ богатому кардиналу, неаполитанскому князю, жить, вмѣсто собственной епархіи, въ Римѣ, среди большаго почета. „О, этотъ непреклоненъ!“ заключилъ монахъ свой разказъ о приведенныхъ выше обстоятельствахъ. Монахъ разговаривалъ охотно и довольно громко, и также громко началъ разспрашивать меня о римскихъ дѣлахъ, замѣтивъ что я изъ Рима. Съ полною искренностію, я могъ увѣрить его что тишинѣ въ Римѣ не угрожаетъ никакая опасность.

По окончаніи богослуженія я обошелъ церковь, посмотрѣлъ на античную вакхическую вазу, превращенную въ купель и украшенную на верху статуей Предтечи; посмотрѣлъ на древнюю мозаику въ части оставшейся отъ прежней церкви, на живопись Доминикино, Лафранко, Станціони и на проникнутое потрясающимъ, мрачнымъ религіознымъ экстазомъ произведеніе Рибейры—*Св. Януарій выходящій невредимымъ изъ огня*. Затѣмъ спустился въ подземную

капеллу. Небольшая мраморная зала, съ плоскимъ, подпертымъ колоннами потолкомъ, безъ живописи, покрытая вокругъ лишь мраморными узорами, своею истинно-античною красотой и простотой успокоительно приласкала глаза. Когда я вошелъ опять въ большую церковь, народъ уже разошелся, осталось немного стариковъ и старухъ, сидѣвшихъ одни въ полудремотѣ, а другіе погруженные въ благочестивое созерцаніе.

19-го сентября день Св. Януарія, патрона Неаполя. Ему посвящена главная церковь—il Duomo, его день — первый праздникъ для Неаполитанцевъ. Ежегодно совершающееся въ этотъ день кипѣніе его крови считается свидѣтельствомъ постояннаго покровительства святаго своему городу. Въ началѣ 9-го я пришелъ въ церковь. Часовня хранящая сокровище — capella del Tesoro, была уже герметически наполнена людьми, у ея входа тѣснилась густая толпа. По церкви раздавался громкій, неявственный шумъ отъ вылетавшихъ изъ дверей капеллы смѣшанныхъ криковъ и воплей. Мало-по-малу удалось мнѣ протиснуться въ двери и наконецъ достигнуть, среди медленно подававшейся впередъ толпы, до средины капеллы. У престола полуоблаченный священникъ, обратясь къ народу, поворачивалъ въ рукахъ круглый стеклянный футляръ, заключавшій два флакона съ кровью святаго. У самаго престола жалась толпа наряженныхъ дамъ и солидныхъ франтовъ, мущинъ и иностранцевъ, поочередно всходившихъ на возвышеніе у престола и осматривавшихъ съ боковъ и снизу стеклянный футляръ, который священникъ повертывалъ предъ глазами каждаго изъ подходящихъ. Посреди капеллы стояли почти одни мущины; женщины располагались вокругъ стѣнъ, взобравшись на скамейки, конфессіоналы и пьедесталы колоннъ, и вопили страшно, умоляя святаго о совершеніи чуда. Пронзительные вопли оглушали слухъ, а видъ облитыхъ слезами и потомъ лицъ и изступленныхъ глазъ наводилъ тяжелое чувство. Крики порой ослабѣвали, какъ будто отъ истощенія силъ молящихся, и потомъ вдругъ возобновлялись новымъ взрывомъ всего этого хора. Чѣмъ дальше тѣмъ больше усиливались вопли: страхъ увидать доказательство гнѣва святаго и возвѣщеніе неминуемыхъ бѣдствій, если не совершится чудо, придавалъ новую энергію истощеннымъ силамъ молящихся. Около меня пробивалась старуха, толкая окружающихъ: „да уговорите же его — этого



святаго!“ произносила она старческимъ, прерываемымъ рыданіями, голосомъ, убѣждая окружавшихъ ее молиться погромче и поусерднѣе. Два церковно-служителя съ двумя покрытыми корзинами протискивались къ престолу и, наконецъ, съ великимъ трудомъ добрались до него. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ этого священникъ высоко поднялъ футляръ, и церковь огласилась страшнымъ крикомъ. На алтарь посыпались дождемъ цвѣты, и стая мелкихъ птичекъ, взвившаяся изъ этого дождя и ладаннаго дыму, взлетѣла подъ своды церкви и разсыпалась у оконъ купола, ища выхода на сквозившій сквозь стекла голубой просторъ. Раздались звуки органа, и нестройные вопли замѣнились согласнымъ пѣніемъ гимна „Te Deum“. Благочестивые двинулись къ престолу приложиться къ святынѣ, любопытные направились къ выходу изъ тѣсной капеллы въ просторную церковь. Лишь высвободясь изъ душной толпы, я почувствовалъ что все платье на мнѣ было мокро, какъ будто я простоялъ этотъ часъ среди паровой бани. Когда всѣ остававшіеся въ часовнѣ приложились къ святынѣ, она была перенесена въ процессіи въ большую церковь и выставлена на главномъ престолѣ, среди безчисленныхъ свѣчей, цвѣтовъ и золотыхъ бюстовъ, на поклоненіе народу. Въ другой боковой часовнѣ кардиналъ-архіепископъ со своею свитой отправлялъ обѣдню. Но эта обыкновенная церемонія привлекла очень немногихъ. Народъ, остававшійся въ большой церкви до окончанія процессіи, началъ расходиться. Предъ дверями церкви, на площади, образовался временный рынокъ: множество столиковъ были уложены кипами бумаги съ портретами и жизнеописаніями святаго и уставлены раскрашенными и раззолоченными бюстами, маленькими и большими, деревянными, гипсовыми и бронзовыми, различныхъ достоинствъ и цѣнъ, начиная отъ пяти су, до двухъ и болѣе франковъ. Продавцы зазывали выходящихъ изъ церкви наперерывъ крича: „il vero ritratto di S. Gennaro!“ Veri ritratti были болѣе или менѣе вѣрными воспроизведеніями вылитаго изъ серебра и позолоченнаго бюста святаго, принесеннаго въ даръ церкви Фердинандомъ-Карломъ II Анжуйскимъ, еще въ 1.300 году. Теперь продавались нѣсколько сотенъ копій съ этого бюста. Въ прежніе годы этотъ торгъ былъ, вѣроятно, гораздо обширнѣе.

VII.

Уличная жизнь Неаполя не безъ интереса для пріѣзжаго наблюдателя. Главныя большія улицы имѣютъ обще-европейскій, одинаково безцвѣтный характеръ. На нихъ иностранецъ, интересующійся національными особенностями и характеристическими чертами нравовъ, остановится развѣ предъ вывѣшенными у подвижной газетной лавочки каррикатурами, предъ которыми съ дѣтскимъ любопытствомъ останавливаются и бородатый капуцинъ, и щегольски одѣтый Неаполитанецъ, и оборванный мальчуганъ. Сюжетомъ для каррикатуръ на этотъ разъ служили нѣжности расточаемыя въ Парижѣ молодой Бурбонской четѣ. Представлена какая-то оперная сцена, на которой коротконогій и большеголовый пѣвецъ, съ густыми усами и эспаньйолкой, заливается solo навстрѣчу входящей на сцену молодой четѣ: o miei cari!... Распѣваетъ онъ не знаю изъ какой оперы. На другой картинкѣ продавецъ птицъ предлагаетъ безхвостыхъ пѣтуховъ покупателю въ блузѣ, въ калабрійской шляпѣ, съ широкою бородой, столько же извѣстному всѣмъ по фотографіямъ и гравюрамъ, какъ и большеголовый солистъ.

Оригинальный характеръ носятъ рынки и маленькія улицы, обитаемыя бѣдными классами жителей. Тамъ неугомонный шумъ и суетня, живописныя группы и костюмы, фруктовыя лавочки, скрывающіяся въ горахъ зелени и плодовъ, чаны съ моллюсками всѣхъ видовъ, величинъ и цвѣтовъ. На малыхъ же улицахъ можно наблюдать всю домашнюю жизнь Неаполитанцевъ: тамъ моютъ, шьютъ, чешутъ косы, поютъ пѣсни и бранятся. Въ благословенномъ южномъ климатѣ послѣдній бѣднякъ пользуется просторомъ и воздухомъ и развѣ на ночь забирается въ свою темную конурку. Да и богатое семейство предпочитаетъ широкую, обвитую зеленью и уставленную цвѣтами террасу, или плоскую кровлю, тѣснымъ комнатамъ дома. И какіе обои и картины могутъ сравниться съ чудною естественною обстановкой, если такая терраса лежитъ у берега залива, и сосѣдніе дома не закрываютъ отъ глазъ единственной въ мірѣ панорамы?

Чѣмъ дальше наблюдатель отдаляется отъ центра города

къ его окраинѣ, тѣмъ полнѣе домашняя жизнь выдвигается изъ дома на улицу — и въ немощеныхъ улицахъ предмѣстія „Св. Антонія“ съ послѣднею безцеремонностью выставляетъ наружу всю свою грязь. Тѣсныя комнатки нижнихъ этажей домовъ, безъ дверей у входовъ, вмѣщаютъ лишь однѣ кровати. Ихъ обитательницы не знаютъ другихъ принадлежностей домашней жизни: ни кухни, ни гардеробовъ. Вдятъ усѣвшись на порогѣ дома и закупивъ въ сосѣднихъ лавочкахъ хлѣба и сыра; болѣе счастливыя въ доходахъ отправляются въ сосѣднюю остерію. День и ночь проводятъ въ томъ же костюмѣ; спятъ когда выдается досугъ. Во второмъ часу послѣ полудня, зайдя въ эту улицу, я видѣлъ нѣкоторыхъ обитательницъ почивающихъ крѣпкимъ сномъ подъ слабымъ прикрытіемъ раздутыхъ отъ обручей коротенькихъ юпокъ. Одна дѣва, воспользовавшись естественною ванной, образовавшеюся во впадинѣ на улицѣ отъ недавняго дождя, совершала омовеніе, на сколько могла это сдѣлать не раздѣваясь. Я думалъ увидать блѣдныя лица, истощенныя фигуры, но нашелъ вмѣсто этого закаленныхъ въ бою Амазонокъ, съ сильными, полными мускулами, тѣлосложеніемъ напоминавшихъ болѣе коровъ нежели женщинъ. Показавшись въ подобномъ мѣстѣ въ другой европейской странѣ, посторонній наблюдатель долженъ былъ бы по меньшей мѣрѣ рисковать своими карманами. А здѣсь я могъ спокойно прогуляться, не встрѣтивъ не только оскорбленій или навязчивости, но даже насмѣшки, или нескромнаго слова. Входъ въ улицу загороженъ желѣзною рѣшеткой, запирающеюся на ночь. Вечеромъ у рѣшетки ставится военный караулъ. Подлѣ рѣшетчатыхъ воротъ входъ въ остерію, служащую мѣстомъ обѣда, отдыха и увеселенія для обитательницъ и посѣтителей улицы. Остерія также подъ открытымъ небомъ, въ небольшой каморкѣ, служащей вмѣстѣ и кухней, подъ навѣсомъ; у входа въ погребъ разставлены лишь бутылки и съѣстные припасы. Публика располагается на дворѣ; вокругъ него, подъ тѣнью фиговыхъ деревъ и акацій, разставлены плохо сколоченные изъ дрянныхъ досокъ столы и скамейки, а средина служитъ для увеселеній. Когда я вошелъ, тамъ отплясывали три пары молодцовъ, довольно грязныхъ и плохо одѣтыхъ, мѣняя своихъ дамъ, скорѣе ихъ устававшихъ отъ пляски. Между посѣтителями особенно бросался мнѣ въ глаза хорошенькій мальчикъ, лѣтъ пятнадцати,

бѣленькій, съ томными глазками, какъ будто сынокъ богатой семьи, правда, не италіянскаго типа и, можетъ-быть, не знавшій никогда семьи. Онъ не ухаживалъ, а позволялъ лишь ласкать себя одной изъ дѣвъ, также лучшей въ компаніи, еще молодой и свѣжей. Ея ласки были безъ аффектаціи, очень скромны, но выказывали сильную симпатію къ красивому ребенку. Спутникомъ моимъ въ этихъ мѣстахъ былъ тотъ отставной таможенный солдатикъ, о которомъ я прежде говорилъ. У остеріи попался намъ и другой его сотоварищъ, такой же тощій, въ такомъ же потертомъ сюртукѣ. Мы втроемъ усѣлись за однимъ изъ крайнихъ столиковъ. Литръ вина, финоки и пара сигаръ пріобрѣли мнѣ полное расположеніе и откровенность моихъ собесѣдниковъ. Среди разгульныхъ посѣтителей, мы могли оставаться покойно посторонними наблюдателями. Италіянцы и въ этомъ мѣстѣ сохраняли хорошую черту своего характера: не навязываться, не придираться къ другимъ, но и съ своей стороны не стѣсняться другими. Нисколько не секретничая и не прячась отъ другихъ, хорошенькій мальчикъ вынулъ изъ кармана складной, остроконечный ножъ, вершковъ въ пять длины, когда понадобилось раскупорить бутылку содовой воды, принесенную для прохлажденія уставшихъ танцовщицъ. Кромѣ хорошенькаго, былъ и другой мальчуганъ, такихъ же лѣтъ, повидимому его сотоварищъ въ трудахъ и удовольствіяхъ, но уже не аристократическаго происхожденія, а съ чисто-калмыцкою физіономіей.

— Что это за ребята? спросилъ я у своихъ собесѣдниковъ.

— Borzaroli (карманные воришки), отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Кажется, за ними нѣтъ никакого надзора?

— Нѣтъ, попадаются порой.

— И что же тогда?

— Тогда засадятъ въ тюрьму.

— А потомъ?

— Просидятъ недѣли двѣ, мѣсяцъ, потомъ выпустятъ.

— Но они опять примутся за свое ремесло.

— А разумѣется.

Вниманіе и завистливые взгляды моихъ собесѣдниковъ были привлечены вошедшимъ на дворъ остеріи франтомъ-солдатомъ, изъ новой таможенной стражи. Въ новомъ, только-что съ иголочки, казакинѣ, съ блистающими всею свѣжестью

позолоты пуговицами, съ сигарой во рту, съ молодецкими манерами, онъ обошелъ посѣтительницъ остеріи, кивнулъ головой тарманщику, съ сознаніемъ своего авторитета, и пустился отплясывать, перемѣнивъ раза три устававшихъ дамъ. Другіе танцоры очистили арену и остались внимательными зрителями удивительной ловкости и, повидимому, еще совершенно новыхъ для нихъ па, которыя съ покойнымъ сознаніемъ своего превосходства и совершенною увѣренностью въ своемъ искусствѣ выдѣлывалъ таможенный кавалеръ. Усадивъ на мѣсто третью даму, онъ обтеръ со лба потъ, бросилъ тарманщику какую-то монету и скоро скрылся, не считая, вѣроятно, приличнымъ допускать съ своей стороны дальнѣйшія фамиліарности въ этомъ мѣстѣ, куда онъ являлся лишь для упражненія своей ловкости въ танцовальномъ искусствѣ и чтобы принять должную дань удивленія.

Въ началѣ предмѣстія Св. Антонія, у Капуанскихъ воротъ, находятся двѣ большія тюрьмы, одна цѣлый замокъ—Castello Capuano. Возвращаясь въ городъ, я встрѣтилъ компаніи арестантовъ, человѣкъ по десяти въ каждой, въ сопровожденіи четырехъ жандармовъ. Арестанты были дѣти, отъ 15 до 20 лѣтъ, но скованы по рукамъ.

— Неужели это убійцы? спросилъ я, пораженный видомъ такой суровой мѣры, у одного простолюдина, также остановившагося предъ проходившею компаніей.

— Нѣтъ, воришки, отвѣчалъ онъ,—ихъ ведутъ въ трибуналъ.

— Зачѣмъ же они скованы?

— А съ ними иначе нельзя: тотчасъ увернется и убѣжитъ.

Новое правительство, по разказамъ моихъ остерійскихъ собесѣдниковъ, выстроило двѣ новыя тюрьмы въ добавокъ къ шести прежнимъ; и всѣ полны арестантами. Худое содержаніе въ тюрьмахъ и частые побѣги изъ нихъ составляютъ постоянный предметъ нападокъ на правительство клерикальныхъ и другихъ враждебныхъ ему журналовъ. Но газетныя нападки не оказываютъ дѣйствія, можетъ-быть, за недостаткомъ сочувствія и поддержки въ публикѣ, которая мало интересуется состояніемъ тюремъ.

За предмѣстьемъ Св. Антонія, внѣ города, лежитъ Campo-Santo — главное кладбище, знаменитое своею обширностью, красотой и богатствомъ памятниковъ, со 160 капеллами, принадлежащими столькимъ же неаполитанскимъ братствамъ взаимнаго погребенія. Въ теченіе кратковременнаго моего

пребыванія въ Неаполѣ я не имѣлъ времени посѣтить это мѣсто и, правду сказать, мало и интересовался имъ, насмотрѣвшись вдоволь въ Веронѣ, Флоренціи, Пизѣ и Римѣ на великолѣпныя кладбища съ пирамидальными тополями, миртами и розами, съ изящными монументами и статуями, со священною, привезенною изъ Палестины землей и подземными капеллами, покрытыми узорами изъ костей и украшенными скелетами вмѣсто картинъ и статуй. Благочестивая заботливость Италіянцевъ о перешедшихъ чрезъ могильный предѣлъ братьяхъ мнѣ уже хорошо извѣстна. Католическое memento mori мнѣ хорошо знакомо. Не оно ли и дѣлаетъ Италіянцевъ такъ равнодушными къ участи другъ друга въ этой скоротечной земной жизни?

В. К.

ПАНУРГОВО СТАДО

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Воля.

Наступилъ день 19-го февраля 1861 года.

Милліоны труждающихся и обремененныхъ осѣнили крестомъ свои широкія груди; милліоны удрученныхъ головъ съ земными поклонами склонились до сырой земли русской. Съ церковныхъ папертей и амвоновъ во всеуслышаніе раздалось вѣщее слово. По всѣмъ градамъ и весямъ, по всѣмъ пригородамъ и слободамъ, по деревнямъ, посадамъ и селамъ церковные колокола прогудѣли по всей землѣ Русской благовѣсть воли.

Русская земля отпраздновала первый день своей всенародной свободы.

А между тѣмъ....

Въ воздухѣ было что-то давящее, плавало что-то смутное, сѣрое, неопредѣленное. На горизонтѣ собирались какія-то зловѣщія, свинцовыя тучи.

— А что, рѣкой не возятъ?

— Покинули.... день съ двадцать какъ покинули.... *береговымъ трахтомъ валятъ.*

— Да вѣдь еще не сломало ея?

— Не ломало, а только вздулась, почернѣла вся.... Подъ Краснымъ Яромъ, слышно, стонъ уже дала: надо быть, скоро тронется.

Этими словами молодой человѣкъ, выглядывавшій изъ приподнятаго воротника бараньей шубы, перекинулся съ мужиченкомъ, коряваго вида, который сидѣлъ за кучера на передкѣ дорожнаго возка. Возокъ по всѣмъ примѣтамъ былъ помѣщичій, не изъ богатыхъ, а такъ-себѣ, средней руки. Его тащила по расхлябанной, размытой и разъѣзженной дорогѣ понурая обывательская тройка разношерстныхъ клячъ.. Былъ апрѣль мѣсяцъ—урочное время, когда по нашимъ первобытнымъ дорогамъ нѣтъ пути ни на колесахъ, ни на полозьяхъ. Молодой человѣкъ ѣхалъ на обывательскихъ, по вольному найму.

Дорога близилась къ рѣкѣ.

Моросило сверху, слякотило снизу. Время стояло непогожее, а между тѣмъ на дорогѣ было замѣтно какое-то необычное оживленіе. То-и-дѣло плелись мужики: кто въ одиночку, кто по два, по три, а то и цѣлыми гурьбами, душъ въ десять и болѣе; иные тащились на розвальняхъ, иные верхомъ на поджарыхъ, мохнатыхъ клячонкахъ, то-и-дѣло понукая ихъ болтающимися ногами, когда тѣ вязли въ безконечной, невылазной грязи. И все это какъ-то оживленно, озабоченно толковало промежъ себя, все это какъ будто торопилось куда-то и плелось все по одному и тому же направленію, въ ту самую сторону куда тащился и помѣщичій дорожный возокъ.

Корявый мужиченко, ровняясь время отъ времени съ пѣшеходами, иногда приподнималъ свой несуразый малахай и кивалъ головою. Иные изъ пѣшеходовъ, въ свою очередь, отвѣчали ему поклонами. Видно было, что все это люди болѣе или менѣе знакомые, изъ ближней окрестности.

— Стигней! а Стигней! Куды те претъ? окликнулъ корявый мужиченко одного изъ поровнявшихся съ нимъ мужиковъ.

— Въ Снѣжки! махнулъ тотъ рукой вдоль по направленію своей дороги:—всѣ въ Снѣжки махаемъ.

— За коимъ лѣшимъ въ Снѣжки?

— Да ты отколева? Нешто не слышалъ?

— Какъ не слыхать! Да развѣ не покончили?

— Зачѣмъ кончать.... Тамъ, слышно, теперича воля заправ-

ckая. Сказывали, будто съ Питера енаралъ наѣхалъ.... въ Снѣжки будетъ, мужичкамъ снѣжковскимъ волю вычитывать.... И мы, значитъ, слухать идемъ.

— Да вѣдь батька въ церкви чолъ уже?

— Мало чего нѣтъ! Теперича, баяли, самую заправскую выложатъ. А то, слышь ты, снѣжковскій Нѣмецъ-атъ крестьянъ снова на барщину погналъ, какая жь это воля?

Корявый мужиченко зацмокалъ, занукалъ, замахалъ въ воздухѣ кнутикомъ, животы принатужились, рванулись понуро впередъ, и возокъ опередилъ попутнаго Евстигнея.

До села Высокіе Снѣжки оставалось верстъ пятокъ, не болѣе. Молодой человѣкъ закутался плотнѣе въ свою баранью шубу и уютно откинулся въ глубь возка, на мягкія деревенскія подушки. Въ Снѣжкахъ ему предстояло перемѣнить лошадей чтобы плестись съ грѣхомъ пополамъ далѣе, въ губернскій городъ, который на фантастической картѣ Россійской Имперіи, существующей въ воображеніи читателя, отмѣчается довольно крупнымъ кружкомъ, съ подписью при немъ: „Славнобубенскъ“; стало-быть и губернію, существующую въ нашей фантазіи, мы назовемъ Славнобубенскою.

Молодой человѣкъ, съ которымъ мы повстрѣчались на дорогѣ, принадлежалъ къ числу средней руки дворянъ Славнобубенской губерніи. Читателю необходимо знать кто онъ, поэтому авторъ долженъ рекомендовать его. Это обыкновенно самое скучное, хотя и совершенно неизбѣжное мѣсто всевозможныхъ повѣстей и романовъ. Сознавая это, авторъ постарается быть по возможности краткимъ. Зовутъ его: по фамиліи Хвалынцевъ, по имени—Константинъ, по отцу—Семеновъ. Ни въ имени, ни въ фамиліи, какъ видитъ читатель, ничего особенно достопримѣчательнаго не оказывается. Хвалынцевъ съ полнымъ правомъ можетъ называться молодымъ человѣкомъ, потому что ему только-что стукнуло двадцать два года. Онъ высокъ и мускулистъ, сложенъ крѣпко и красиво. Еслибы спросили объ его лицѣ, я бы сказалъ что это лицо русское, совсѣмъ русское, отмѣченное своеобразною красотой. Отъ его открытой улыбки, отъ его свѣтло-сѣрыхъ большихъ глазъ вѣяло чѣмъ-то симпатичнымъ и умнымъ. Теперь два слова объ его общественномъ положеніи и о томъ зачѣмъ онъ ѣдетъ по дорогѣ. Кромѣ того что уже извѣстно, а именно что Хвалынцевъ принадлежитъ къ числу дворянъ и средней руки землевладѣльцевъ Славнобубенской губерніи,

надобно знать еще что онъ третьяго курса университетскій студентъ и ѣздилъ недавно на родину хоронить одинокаго дядю, да раздѣлиться съ своею сестрою оставшимся послѣ покойнаго наслѣдствомъ. Теперь онъ возвращается въ Петербургъ, но предполагаетъ, по дѣламъ, остаться на нѣкоторое время въ Славянобубенскѣ. Вотъ и все „скучное“, что̀ пока необходимо знать читателю о молодомъ человѣкѣ.

Возокъ поднялся на пригорокъ, и предъ Хвалынцевымъ, въ верстѣ разстоянія, развернулись то скученныя, то широко разбросанныя группы сѣрыхъ избъ, сараи, амбары, овины и бани. Тамъ и сямъ надъ этими группами поднимались силуэты обнаженныхъ деревьевъ и бѣлѣлась каменная церковь съ высокою пирамидальною колокольней. Это было село Высокіе Снѣжки.

Широкая площадь между церковью и старымъ господскимъ домомъ сплошь была покрыта густыми толпами народа. Во всей этой массѣ виднѣлись только однѣ мужскія головы. Бабьё и ребятенки жались больше по окраинамъ площади, поближе къ избамъ, и промежь своихъ собственныхъ разговоровъ, пассивно глазѣли на волнующуюся массу крестьянскаго люда, надъ которою гудѣлъ, какъ шмелиный рой, какой-то смѣшанный, тысячеголосый говоръ.

Едва Хвалынцевъ въѣхалъ на эту площадь, какъ возокъ его вмигъ окруженъ былъ толпой, и кони стали, за невозможностью двинуться далѣе.

— Енаралъ!... Енаралъ пріѣхалъ! пробѣжало изъ устъ въ уста по кучкамъ толпы, и головы ближайшихъ къ возку мужиковъ почтительно обнажились. Но это длилось не болѣе полминуты: разглядѣли слиткомъ молодое лицо пріѣзжаго, его баранью шубу и рѣшили, что генералу таковымъ быть не подобаетъ. Обнаженныя головы снова накрылись, хотя возокъ и продолжалъ еще возбуждать любопытство толпы.

— Братцы! дайте проѣхать! высунулся Хвалынцевъ впередъ изъ-подъ кузова.

— Да тебѣ куда, милый человѣкъ? отозвался чей-то голосъ.

— На стоялый дворъ.... а потомъ мимо.

— Мимо.... стало-быть, не къ намъ.... А на̀што тебѣ на стоялый?

— Лошадей порядить.

— Стало, на вольныхъ ѣдешь?

— На вольныхъ.

— Ну, значитъ, зашабашить надо! Теперь не порадить, не повезутъ.

— А что такъ?

— Да гдѣ жь тутъ везти! Не такое время.... Каждый мужикъ на міру куженъ: енарала съ Питеру ждемъ.

Между тѣмъ корявый мужиченко кое-какъ пытался прокладывать себѣ дорогу; удавалось ему это съ величайшими затрудненіями, толпа разступалась туго, тысячи любопытныхъ глазъ пытливо засматривали подъ кузовъ; наконецъ, добрался-таки до стоялаго двора, который тутъ же, на краю площади, красовался расписными ставеньками.

Не успѣлъ Хвалынцевъ оглядѣться, распустить дорожный ременный поясъ, да заказать самоваръ, какъ къ нему вошли нѣсколько мужиковъ и съ поклонами остановились вдоль стѣны у дверей. Бороды по большей части были сивыя, почтенныя.

— Что вамъ, братцы? Чего вы?

— Къ твоей милости, батюшко! Заступись! обижаютъ....

— Да я-то что же?... Я, братцы, проѣзжій.

— Ты, батюшко, сказывали, питерскаго енарала передовой.... Разсуди, кормилецъ! Волю скрасть хотятъ у насъ! То было волю объявили, а нынѣ Карла Карлычъ, Нѣмецъ-то нашъ, правляющій, на барщину снова гонитъ, а мы барщины не желаемъ, потому не законъ.... Мы къ тебѣ отъ міра; и какъ ежели что складчину какую, такъ ты не сумлѣвайся: удоблетворимъ твоей милости, только обстой ты насъ.... Они всѣ супротивъ насъ идутъ....

— Кто всѣ? полюбопытствовалъ Хвалынцевъ.

— Да всѣ какъ есть: и становой, и исправникъ; корвинской баринъ, предводитель, тоже за Нѣмца; опять же офицеръ какой-то съ города наѣхалъ—и тотъ за Нѣмца.... Одна надежа на енарала на питерскаго.... Пошто же мужиковъ обижать занапрасно!

Только-что сталъ было Хвалынцевъ убѣждать ихъ что онъ къ питерскому генералу никакого касательства не имѣетъ, что онъ просто самъ по себѣ и ѣдетъ по своей собственной надобности, какъ вошелъ новый посѣтитель — жандармъ, во всей своей аммуниціи.

— Который здѣсь проѣзжій?

— Я проѣзжій. А что?

— Пожалуйте.... Полковникъ требуютъ.

— Какой полковникъ? Зачѣмъ?... Что ему?

— Не могу знать! Приказано.... Паспортъ свой прихватите.

Хвалынцевъ, недоумѣвая, пошелъ вслѣдъ за жандармомъ.

Пришли въ прихожую стараго и давно уже нежилаго господскаго дома. Тамъ помѣщался другой жандармъ и тоже во всей своей аммуниціи. Хвалынцева пропустили въ залу, а солдатъ почтительно-осторожною, но неуклюже-косолапою походкой на цыпочкахъ пошелъ докладывать во внутреннія покои.

Хвалынцевъ машинально сталъ оглядывать залу: узкія потускнѣлыя зеркала съ бронзовою инкрустаціей; хрустальная люстра подъ расписнымъ потолкомъ; у мебели тонкія точеныя ножки и ручки, въ видѣ египетскихъ грифовъ и мумій; давнымъ-давно полинялый и выцвѣтшій штофъ на спинкахъ и сидѣньяхъ; темные портреты, а на портретахъ все екатерининская пудра да высочайшіе александровскіе воротники, жабо да хохлы скученные на лобъ. Надъ диваномъ потрескавшаяся большая картина съ какимъ-то миѳологическимъ сюжетомъ и обнаженными полногрудыми женами. Все это какъ-то таинственно переносило въ другой міръ, отжившій, нѣкогда блестящій; все это вѣяло какимъ-то домашнимъ преданіемъ, семейною хроникой, и свѣтлыми, и темными, но нынѣ уже потускнѣвшими красками.

Въ одной изъ смежныхъ комнатъ, куда удалился жандармъ, раздавались людскіе голоса. Чрезъ полминуты онъ вышелъ, и сказавъ мимоходомъ Хвалынцеву чтобъ обождалъ, удалился въ прихожую.

— Уголъ отъ пяти.... полтина очко.... пять рублей мазу! послышалось изъ внутренняго покоя, сквозь неплотно припертую дверь, когда скрипъ солдатскихъ шаговъ затихъ въ передней, и воцарилась прежняя тишина.

„Что жъ это такое?“ не безъ удивленія подумалъ Хвалынцевъ.

— Болеславъ Казимірычъ, да вы хоть талію-то кончите.... Успѣете еще!...

Студентъ отвернулся къ окну и сквозь двойныя стекла, отъ нечего дѣлать, сталъ глядѣть на дворъ, гдѣ отдыхалъ помѣщичій дормезъ рядомъ съ перекладною телѣгой, и тутъ же стояли широкія крытыя сани да легкая бричка, вѣроятнѣе всего, исправничья. А тамъ дальше, на площади, колыхались и гудѣли толпы народа.

Въ залѣ послышались шаги.

Хвалынцевъ обернулся и увидѣлъ синій разстегнутый сюртукъ и, съ широкими подъусниками, характерные усы высокаго штабъ-офицера, который шелъ прямо на него.

— Кто вы такой? освѣдомился офицеръ съ официально-начальственно-вѣжливою сухостью, остановившись отъ него въ двухъ шагахъ разстоянія.

Хвалынцевъ назвалъ себя.

— Вашъ видъ?

Тотъ досталъ изъ дорожной сумки, висѣвшей у него черезъ плечо, свое университетское свидѣтельство.

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Высокіе Снѣжки? продолжалъ офицеръ, наскоро пробѣжавъ глазами поданную ему бумагу.

— Проѣздомъ въ Славянобубенскъ.

— Гм.... проѣздомъ.... Такъ-съ.... А зачѣмъ же непремѣнно въ Снѣжки?

— Затѣмъ что дорога на Снѣжки лежитъ.

— Гм.... дорога.... А развѣ нельзя было мимо объѣхать?

— Ну, объ этомъ надо спросить, полковникъ, моего извощика: онъ это, конечно, лучше меня знаетъ, а мнѣ здѣшніе пути незнакомы.

— Вы развѣ не знаете что въ Снѣжкахъ возстаніе, бунтъ крестьянскій, и ѣдете прямо въ Снѣжки!

— Откуда же знать мнѣ? Я человѣкъ проѣзжій.

— То-то я и вижу что проѣзжій.... А зачѣмъ вы сейчасъ мужиковъ къ себѣ собирали?

Хвалынцевъ объяснилъ ему какъ было дѣло.

— Ваша подорожная?

— Я ѣду по вольному найму на обывательскихъ.

— Гм.... на обывательскихъ.... безъ подорожной.... такъ-съ.

Офицеръ смотрѣлъ на Хвалынцева пристальнымъ, испытующимъ взглядомъ: онъ, очевидно, не довѣрялъ его словамъ.

— Вы.... извините, началъ онъ со вздохомъ, спустя нѣкоторое время: — я долженъ задержать васъ.... тѣмъ болѣе, что и такъ вы все равно не достали бы себѣ лошадей.... не повезутъ, потому — бунтъ.

Въ это время въ залу вошли изъ того же внутренняго покоя еще четыре новыя личности. Двое изъ вошедшихъ были въ сюртукахъ земской полиціи, а одинъ въ щегольскомъ пиджакѣ тармеровскаго покроя. Что касается до четвертой личности, то достаточно было взглянуть на ея рыженькую,

толстенькую фигурку чтобы безошибочно узнать въ ней Нѣмца-управляющаго.

Пиджакъ переглянулся съ Хвалынцевымъ, и оба какъ будто узнали другъ друга.

— Господинъ Хвалынцевъ, если не ошибаюсь? съ изящною вѣжливостью прищурился немножко господинъ въ пиджакѣ.

— Не ошибаетесь, столь же вѣжливо поклонился студентъ.

— Имѣлъ удовольствіе видѣть васъ на похоронахъ вашего дядюшки.... Мы хоть и разныхъ уѣздовъ, но почти сосѣди и съ дядюшкой вашимъ были старые знакомые.... Очень пріятно встрѣтиться.... здѣшній предводитель дворянства Корытниковъ, отрекомендовался онъ въ заключеніе и любезно протянулъ руку, которая была принята студентомъ.

Штабъ-офицеръ передернулъ характерными русыми усами и недоумѣло поглядѣлъ на того и другаго.

— Послушайте, таинственно взявъ подъ руку, отвелъ онъ предводителя въ сторону, на другой конецъ залы:—студіозуса-то, я полагаю, все-таки лучше будетъ позадержать немного.... Онъ хоть и знакомый вашъ, да вѣдь вы за него ручаться не можете.... А я ужь знаю, вообще, каковъ это народецъ.... Мы его здакъ, подъ благовиднымъ предлогомъ.... Оно какъ-то спокойнѣе.

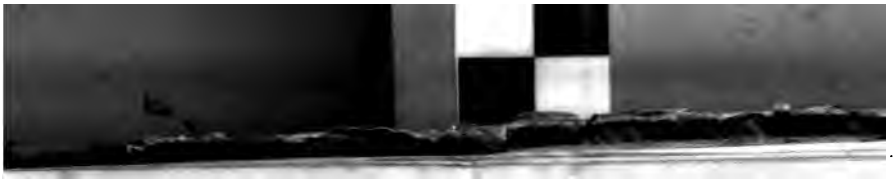
— Какъ знаете, пожалъ плечами предводитель: — это ужь ваше дѣло, полковникъ.

— То-то; я думаю что лучше позадержать.... Вонъ онъ едва пріѣхалъ, а къ нему ужь мужичье нагрянуло совѣтовъ просить. Ну, а я ужь знаю вообще эти студентскіе совѣты!...

— Господинъ Хвалынцевъ.... извините.... это — маленькое недоразумѣніе! съ любезною улыбкой началъ офицеръ, направляясь къ студенту и подшаркивая на ходу:—вотъ вашъ видъ; но все-таки, я полагаю, вамъ лучше бы переждать немного.... вопервыхъ, сами изволите видѣть, время тревожное, ѣхать не безопасно.... Мало ли что можетъ случиться.... Это, во всякомъ случаѣ, рискъ; а вовторыхъ, смѣю васъ увѣрить, вы здѣсь никакъ теперь лошадей не достанете: не повезутъ.... До того ль имъ теперь!... Мы и сами вотъ какъ бы въ блокадѣ содержимся, пока... до прибытія войска.

Хвалынцевъ поблагодарилъ предупредительнаго полковника, но при этомъ все-таки выразилъ желаніе попытаться, авось-либо и удастся порядить лошадей.

— Мм.... сомнѣваюсь, покачалъ головой полковникъ. — Да



еслибъ и удалось, я все-таки не рискнулъ бы отпустить васъ. Помилуйте! на насъ лежитъ, такъ-сказать, священная обязанность охранять спокойствіе и безопасность гражданъ, и какъ же я вдругъ отпущу васъ, когда вся мѣстность, такъ-сказать, въ пожарѣ бунта? Это невозможно. Согласитесь сами, моя отвѣтственность.... вы, надѣюсь, сами вполнѣ понимаете....

Хвалынцевъ ничего не понялъ, но тѣмъ не менѣе поклонился.

— Ну, нечего дѣлать, пожалъ онъ плечами,—пойду на стоялый.

— Нѣтъ, ужь и на стоялый не ходите, торопливо предупредилъ офицеръ: — это точно также не безопасно.... Вѣдь ужь къ вамъ и то забрались мужички-то наши....

— Да что жь имъ во мнѣ? Вѣдь не противъ меня бунтуютъ.

— Вы полагаете? многозначительно, глубокомысленно и политично сдвинулъ полковникъ брови и съ неудовольствіемъ шевельнулъ усами:—это бунтъ, такъ-сказать, противусословный, и я, по долгу службы моей, не отпущу васъ туда.

— Но какъ же мнѣ быть, господинъ полковникъ?!

— Остаться здѣсь до времени.

— Но мои вещи....

— Жандармы перенесутъ ваши вещи.

— Но, наконецъ, я ѣсть хочу, отдохнуть хочу....

— Все это къ вашимъ услугамъ. Вотъ, Карлъ Карлычъ, рекомендательно указалъ онъ рукой на рыженькаго Нѣмца,— почтенный человѣкъ, который озаботится.... Вотъ вамъ комната, можете расположиться, а самоваръ и прочее у насъ и безъ того ужь готовы.

Хвалынцева внутренно что-то передернуло: онъ понялъ, что такъ или иначе, а все-таки арестованъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ, и что всякое дальнѣйшее препирательство или сопротивленіе было бы вполнѣ безполезно. Хочешь-нехочешь, оставалось покориться прихоти или инымъ глубокомысленнымъ соображеніямъ этого политика, и потому, слегка поклонившись, онъ только и могъ пробормотать сквозь зубы:

— Я въ вашей власти.

— Очень пріятно! Оччень пріятно-съ! отвѣтилъ полковникъ съ поклономъ, отличавшимся тою невыразимо-любезною горновою „гжечностью“, которая составляетъ неотъемлемую

принадлежность родовитыхъ Полаковъ. — Я очень радъ что вы приняли это благоразумное рѣшеніе.... Позвольте и мнѣ отрекомендоваться: полковникъ Пшецыньскій, Болеславъ Казимірычъ, а это,—указалъ онъ рукой на двухъ господъ въ земско-полицейской униформѣ, — господинъ исправникъ и господинъ становой.... Не прикажете ли чаю?

— Да, я прозябъ и хотѣлъ бы согрѣться.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемте съ нами, предложилъ ему предводитель, указавъ на дверь во внутренній покой, и всѣ отправились по указанному направленію.

Здѣсь предстало Хвалынцеву новое зрѣлище. То былъ старинный барскій кабинетъ, съ глубокими вольтеровскими креслами, съ пузатымъ бюро, съ широкой оттоманкой отъ угла въ двѣ стѣны. Хроматическія гравюры, висѣвшія тутъ, изображали охотничьи сцены изъ англійской жизни да сантиментальныя похожденія Поля и Виргиніи. Посрединѣ комнаты стоялъ ломберный столъ, на которомъ валялись мѣлки и карты—атрибуты неоконченнаго штоса. Въ углу, на другомъ столѣ, помѣщался вмѣстительный самоваръ съ чайною принадлежностью, лимоны, бутылка коньяку, графинъ съ водкой, селедка и сыръ. Всѣ эти снѣди и питія малымъ остаткомъ своимъ краснорѣчиво доказывали, что присутствующіе успѣли уже неоднократно оказать имъ достодолжную честь.

Едва вошелъ Хвалынцевъ въ эту комнату, какъ на него злобно зарычали два мордастые бульдога, которые были привязаны сворой къ ножкѣ пузатаго бюро. Но Нѣмецъ управляющій внутительно цыкнулъ на нихъ, и они замолчали. Кромѣ яствій и картъ, Хвалынцева не мало удивило еще присутствіе въ этой комнатѣ такихъ воинственныхъ предметовъ, какъ, напримѣръ, заряженный револьверъ лежавшій на ломберномъ столѣ, у того мѣста на которое сѣлъ теперь полковникъ Пшецыньскій, черкесскій кинжалъ на окошкѣ, въ углу двѣ охотничьи двустволки, рядомъ съ двумя саблями, изъ коихъ одна, очевидно, принадлежала полковнику, а другая — стародавняя, заржавленная — составляла древнюю принадлежность помѣщичьяго дома. Вообще, эти злющіе бульдоги на сворѣ, этотъ заряженный револьверъ, и ружья, и кинжалы, и сабли ясно доказывали, что всѣ эти господа дѣйствительно почитали себя въ самой серіознѣйшей блокадѣ и намѣревались недешево продать русскимъ мужикамъ свое

драгоцѣнное существованіе, еслибы тѣ вздумали брать приступомъ господскую твердыню.

— Когда же вы меня отпустите отсюда, полковникъ? Когда я буду свободенъ? спросилъ Хвалынцевъ, volens-nolens располагаясь на старой оттоманкѣ.

— О, помилуйте, вы и теперь свободны, но.... только я не могу отпустить васъ раньше окончательнаго укрощенія; когда волненіе будетъ подавлено, вы можете ѣхать куда угодно.

— А когда оно будетъ подавлено?

— Это зависитъ отъ прибытія войскъ. Вчера мы послали эстафету, сегодня, надо ожидать, прибудутъ.

— Да что̀ это у васъ за возстаніе такое? Какъ? Почему? Зачѣмъ? Объясните пожалуста, обратился Хвалынцевъ къ предводителю.

— О, это презапутанная и вмѣстѣ пренелѣпая исторія! съ изящнымъ пренебреженіемъ выдвинулъ предводитель свою нижнюю губу:—никакихъ властей не признаютъ, Карла Карлыча не слушаютъ.... Какой-то вредный коммунизмъ проявился.... Imaginez vous, не хотятъ понять что они должны либо снести тѣ усадьбы которыя стоятъ ближе пятидесяти саженей къ усадьбѣ помѣщика, либо, по соглашенію съ помѣщикомъ, платить за нихъ выкупъ. Не хотятъ ни того, ни другаго. „Усадьба, говоритъ, и безъ того моя была!“ (Предводитель, ради пущей изобразительности и остроумія, крестьянскія реплики въ своемъ разказѣ передразнивалъ на мужицкій ладъ). Вотъ и толкуйте съ ними! И теперь à la fin des fins, вышли на площадь, толкуютъ Dieu sait quoi о томъ что волю у нихъ украли помѣщики, и какъ вы думаете, изъ-за чего? Для ихъ же собственной пользы и выгоды, денежный выкупъ за душевой надѣлъ замѣнили имъ личною работой. Не желаютъ: „мы-де нонѣ вольные и барщины не хотимъ!“ Мы всѣ объясняемъ имъ, что тутъ никакой барщины нѣтъ, что это не барщина, а замѣна выкупа личнымъ трудомъ въ пользу помѣщика, которому нужно же выкупъ вносить, что это только такъ, пока, временная мѣра для ихъ же выгоды,—а они свое несутъ: „барщына да барщына!“ И вотъ, какъ говорится, inde irae; отсюда и вся исторія.... „Положенія“ не понимаютъ, толкуютъ его по-своему, самопроизвольно; ни мнѣ, ни полковнику, ни г-ну исправнику не вѣрятъ, даже попу не вѣрятъ; говорятъ: помѣщики и начальство настоящую волю спрятали, а прочитали имъ

подложную волю, безъ какой-то золотой строчки, что настоящая воля должна быть за золотою строчкой.... И вотъ все подобныя глупости!

— Но для чего же собственно они повыходили на площадь? спросилъ Хвалынцевъ.

— А вотъ слухи между ними пошли что „генералъ съ Питеру“ пріѣдетъ имъ „волю заправскую читать“..... Полковникъ вынужденъ былъ вчера эстафетой потребовать войско, а они, ужъ Богъ знаетъ какъ и откуда, прослышали о войскѣ и думаютъ что это войско и придетъ къ нимъ съ настоящею волей,—ну, и ждутъ вотъ, да еще и сосѣднихъ мутятъ: и сосѣди тоже пришли.

— М-да.... „генералъ....“ прочтетъ онъ имъ волю! съ многозначительною иронією пополоскалъ губами и щеками полковникъ, отхлебнувъ изъ стакана глотокъ пуншу, и повернулся къ Хвалынцеву:—Я истощилъ всѣ мѣры кротости, старался вселить благоразуміе, пояснилъ онъ докторально-авторитетнымъ тономъ: — даже пастырское назиданіе было имъ сдѣлано,—ничто не беретъ! Ни голосъ совѣсти, ни внушенія власти, ни слово религіи!... Съ прискорбіемъ, долженъ былъ послать за военною силой.... Жаль, очень жаль будетъ, если разразится катастрофа.

Но.... опытный наблюдатель могъ бы замѣтить что полковникъ Болеславъ Казиміровичъ Пшецыньскій сказалъ это „жаль“ такъ, что въ сущности ему нисколько не было „жаль“, а сказалъ онъ единственно лишь для красоты слога. Многія губернскія дамы даже до пугливаго трепета восхищались административно-воинственнымъ краснорѣчіемъ полковника, который пользовался репутаціей хорошаго спикера и мазуриста.

— Необразованность!... промолвилъ господинъ становой семинарски-малороссійскимъ акцентомъ:—это все отъ необразованія!

— Русски мужикъ—свинъ! ни къ селу, ни къ городу ввернулъ и свое слово рыженькій Нѣмецъ, къ которому никто не обращался, и который все время возился то около своихъ бульдоговъ, то около самовара, то начиналъ вдругъ озабоченно осматривать ружья.

— Н-да, это грустный фактъ! изящно вздохнулъ предводитель:—я никакъ не противъ свободы; напротивъ, я Англичанинъ въ душѣ и стою за конституціонныя формы, mais....

savez vous, mon cher (это „mon cher“ было сказано отчасти въ фамильярномъ и отчасти какъ будто и въ покровительственномъ тонѣ, что̀ не совсѣмъ-то понравилось Хвалынцеву), savez vous, la liberté et toutes ces réformes для нашего русскаго мужика — c'est trop tôt encore! Я очень люблю нашего мужичка, но... свобода требуетъ развитія, образованія.... Надо бы сперва было позаботиться объ образованіи, а то вотъ и выходятъ подобныя сцены.

Хвалынцеву стало не хорошо на душѣ ото всѣхъ этихъ разговоровъ, но онъ понималъ въ то же время свое двусмысленное и зависимое положеніе въ обществѣ деликатно арестовавшаго его полковника, и потому благоразумно воздержался отъ сильныхъ проявленій своего чувства.

— Да, замѣтилъ онъ съ легкою улыбкой: — но дышать-то вѣдь хочется одинаково какъ образованному, такъ и необразованному....

Корытниковъ тоже своеобразно улыбнулся, и не возразивъ ни слова, сосредоточенно сталъ крутить папиросу. За то Болеславъ Казиміровичъ очень не хорошо передернулъ усами, и пытливо взглянувъ искоса на студента, вышелъ изъ комнаты.

— Левъ Александрычъ! многозначительно кивнулъ онъ Корытникову изъ-за двери, и тотъ сейчасъ же удалился.

— А что̀, не отлично я развѣ сдѣлалъ съ арестаціей этого студіозуса? вполголоса похвалился полковникъ:—помилуйте, вѣдь это красный, совсѣмъ красный, каналья!... Ужь я, батенька, только взгляну, сейчасъ по рожѣ насквозь вижу всего!...

— Н-да, но что̀ толку арестовать-то его?... Только насъ стѣсняетъ.... Ну его! пускай себѣ ѣдетъ!

Пшецыньскій удивленно выпучилъ глаза и покачалъ головой.

— Ай-ай-ай, Левъ Александрычъ! Какъ же это вы такъ легкомысленно относитесь къ этому! „Пускай ѣдетъ!...“ А какъ не уѣдетъ? А какъ пойдетъ въ толпу да станетъ бунтовать, да какъ если, борони Боже, на домъ нахлынутъ? Отъ подобныхъ господчиковъ я всего ожидаю!... Нѣтъ съ, пока не пришло войско, мы въ блокадѣ, доложу я вамъ, и я не дамъ лишняго шанса непріятелю!... Выпустить его невозможно.

Полковникъ, очевидно, очень трусилъ непріятеля. Будучи

храбрымъ и даже отважнымъ въ своей канцеляріи, равно какъ и въ любой губернской гостиной и на любомъ зеленомъ полѣ, онъ пасовалъ предъ невѣдомымъ ему непріятелемъ — русскимъ народомъ. Но боязни своей показать не желалъ (она сама собой иногда прорывалась наружу) и потому поторопился дать иное, но тоже не совсѣмъ для себя безполезное значеніе вызову Корытникова на секретное слово.

— А что я васъ хотѣлъ просить, почтеннѣйшій Левъ Александрычъ, вкрадчиво началъ онъ, улыбаясь пріятельски сладкою улыбкой и взявъ за пуговицу своего собесѣдника:— малый кажется мнѣ очень, оччень подозрительнымъ.... Мы себѣ засядемъ будто въ картишки, а вы поговорите съ нимъ—хоть тамъ, хоть въ этой комнатѣ; вызовите его на разговорецъ на эдакій.... пускай-ко выскажется немножко.... Это для насъ, право же, не безполезно будетъ....

Предводитель помялся, поморщился, но не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія полковнику.

— Ваше высок-бородіе! Генералъ требуютъ! громогласно доложилъ жандармъ, въ эту самую минуту показавшись изъ передней.

— Какъ генералъ!?... развѣ ужь пріѣхалъ? оторопѣло спохватился Пшецыньскій.

— Сычасъ звóлыли прибыть.

— Ай-ай, батюшки мои!.. Живѣй мундиръ!... Поворачивайся, каналья!... Скорѣе!...

И полковникъ со всѣхъ ногъ бросился облекать себя въ полную форму.

II. Великое и общее недоразумѣніе.

Какъ только въ городѣ Славнобубенскѣ была получена эстафета полковника Пшецыньскаго, такъ тотчасъ же казачьей сотнѣ приказано было спѣшно выступить въ село Высокіе Снѣжки и послано эстафетное предписаніе нѣсколькимъ пѣхотнымъ ротамъ, расположеннымъ въ уѣздѣ на ближайшихъ пунктахъ около Снѣжковъ, немедленно направиться туда же.

Не доходя верстъ пяти до Высокихъ Снѣжковъ, военный отрядъ былъ опереженъ шестеркой курьерскихъ лошадей, которыя мчали дорожный дормезъ. Изъ окошка выглянула озабоченная физіономія генерала, мимолетомъ крикнувшаго командиру отряда чтобы тотъ поспѣшалъ какъ можно скорѣе.

Рядомъ съ генераломъ сидѣлъ адъютантъ, а на козлахъ и на имперіалѣ—два ординарца изъ жандармовъ. Чрезъ нѣсколько минутъ взмыленная шестерка вомчалась въ село и остановилась у постоялаго двора, въ виду волнующейся площади.

Тысячегрудое и долгое *ура!* загремѣло надъ толпой народа, но вновь прибывшимъ лицамъ трудно было разобрать впопыхахъ настоящій смыслъ и значеніе этого могучаго привѣтствія. Въ эту минуту, подъ впечатлѣніемъ обстоятельствъ нынѣшняго и прошлыхъ дней, оглушительный крикъ заставилъ мелькать въ ихъ воображеніи представленія о бунтовщикахъ, кольяхъ, топорахъ. Новоприбывшіе скрылись за дверью. Ординарцы внесли въ горницу чемоданы и прочую дорожную принадлежность. Генералъ тотчасъ же послалъ за Пшецыньскимъ.

А между тѣмъ къ нему, точно такъ же какъ и къ Хвалынцеву, вздумали было нахлынуть сивобородые ходаки за міръ, но генеральскій адъютантъ увидѣлъ ихъ въ окно въ то еще время какъ они только на крыльцо взбирались, и не успѣвъ еще совершенно оправиться отъ невольнаго впечатлѣнія какое произвелъ на него тысячеголосый крикъ толпы, приказалъ ординарцамъ гнать ходаковъ съ крыльца, ни за что не допуская ихъ до особы генерала.

Но пока онъ самъ одѣвался и обчищался, да пока одѣвался и шелъ къ генералу, въ сопровожденіи жандарма, полковникъ Пшецыньскій, съ неизмѣннымъ револьверомъ въ карманѣ,—впечатлѣніе внезапнаго испуга успѣло уже пройти, и адъютантъ встрѣтилъ въ сѣняхъ Пшецыньскаго какъ подобаетъ независимому адъютанту, сознающему важность и власть своего генерала.

— Вы, полковникъ, надѣлали Богъ знаетъ что! внушительно и даже отчасти строго началъ онъ, когда Пшецыньскій, не безъ нѣкоторой заискивающей почтительности, поклонился ему:—зачѣмъ вы изволили потребовать войско?... Развѣ вы не могли обойтись и безъ этой крайней мѣры?... Зачѣмъ вамъ военная сила, когда вы должны были укрощать силой вашего личнаго авторитета.... Его превосходительство не доволенъ вами.... Все что говорю я, я передаю вамъ отъ лица его превосходительства.... Что это здѣсь за исправники! Что это за земская полиція, которая допускаетъ подобные безпорядки!... Это ни на что не похоже-съ!... Такъ, ей-Богу, служить нельзя!

— Помилуйте, истощены всѣ мѣры кротости.... ни голосъ религіи, ни сила власти, ничто.... зарапортовался было Шпецыньскій, отчасти смутившійся столь начальственнымъ и безцеремоннымъ тономъ адъютанта, на оберъ-офицерскихъ погонахъ котораго сидѣло всего только три звѣздочки. Но адъютантъ, почти не слушая Болеслава Казиміровича, отворилъ дверь и жестомъ пригласилъ его войти, для личныхъ объясненій, къ его превосходительству, а самъ, даже съ нѣкоторымъ похвальнымъ безстрашіемъ, вышелъ на крыльцо сдѣлать рекогносцировку относительно настроенія и положенія въ данный моментъ бунтующей толпы. Онъ самъ въ душѣ даже пріятно пощекоталъ себя похвалой за это безстрашіе, по поводу котораго вдругъ почувствовалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ героемъ.

Почти предъ самымъ крыльцомъ былъ теперь поставленъ столикъ, котораго прежде адъютантъ не замѣтилъ. Онъ былъ покрытъ чистою бѣлою салфеткой съ узорчато расшитыми коймами, и на немъ возвышался на блюдѣ каравай пшеничнаго хлѣба да солонка, а по бокамъ, обнажа свои головы, стояли двое благообразныхъ стариковъ, съ длинными сѣдыми бородами, въ праздничныхъ синихъ кафтанахъ.

Едва ступилъ адъютантъ на крыльцо, какъ многія головы въ крестьянской толпѣ мгновенно обнажились, а старики стоявшіе у хлѣба почтительно отвѣсили ему по глубокому поясному поклону.

Поручикъ, юный годами и опытностью, хотя и зналъ что у русскихъ мужиковъ есть обычай встрѣчать съ хлѣбомъ и солью, однако полагалъ что это дѣлается не болѣе какъ для проформы, въ родѣ того какъ подчиненные являются иногда къ начальству съ ничего незначащими и ничего не выражающими рапортами; а теперь, въ настоящихъ обстоятельствахъ, присутствіе этого стола съ этими стариками показалось ему даже въ нѣкоторомъ смыслѣ дерзостью: помилуйте, тутъ люди намѣреваются одною собственною особой, однимъ своимъ появленіемъ задать этому мужичью добраго трепета, а тутъ вдругъ, вовсе уже и безъ малѣйшихъ признаковъ какого бы то ни было страха, выходятъ прямо предъ него, лицомъ къ лицу, два какіе-то человѣка, да еще со своими поднесеніями! Поручикъ возжелалъ съ первой же минуты показать свою твердость и силу, коими самъ въ душѣ намѣревался не

мало полюбоваться, возжелалъ, что̀ называется, сдѣлать впечатлѣніе.

— Эт-та что̀ такое?.... Что̀ это значитъ? рѣзко и строго возвысилъ онъ голосъ, указывая то на каравай, то на бороды выборныхъ.

— Отъ міра! Хлѣбъ да соль вашимъ милостямъ! проговорили старики, сопровождая слова свои вторичнымъ поклономъ.

— Вы кто такіе?... Откуда? Какіе люди?... Какъ смѣли вы!

— Мы выборные, батюшко, отъ міра....

— Какой я вамъ „батюшка“!... Не видите развѣ кто я? вспылилъ адъютантъ, принявшій за дерзость даже и „батюшку“ послѣ привычнаго для его дисциплинарнаго уха „вашего благородія“. Притомъ же и самое слово „выборные“ показалось ему многознаменательнымъ и зловѣщимъ: „выборные.... власти долой, значитъ.... конвентъ.... конституціонныя формы... самоуправленіе.... революція.... Пугачевъ“ — вотъ обрывки тѣхъ смѣшанно-неясныхъ мыслей и представленій, которыя вдругъ замелькали, запрыгали и запутались въ головѣ поручика при словѣ „выборные“. — Бунтовщики!... Обмануть вздѣетесь!... задобрить хотите! закричалъ и затопалъ онъ на стариковъ:—тутъ съ бунтовщиками угощаться не станутъ! Къ вамъ пріѣхали порядокъ водворять, а не ѣсть тутъ съ вами!... Вонъ отсюда!... Убрать все это сейчасъ же!... Вотъ я васъ!

Старики оторопѣли и въ величайшемъ недоумѣніи переглянулись другъ съ другомъ.

— Ну, что же вы стали?... Непокорство!... Эй, ординарцы, взять ихъ!

И по слову адъютанта, два жандарма вмигъ распорядились какъ слѣдуетъ съ выборными. Столикъ съ салфеткой, и съ блюдомъ, и съ караваемъ, тотчасъ же исчезъ куда-то, словно его и не бывало, и одно только недоумѣніе все болѣе и болѣе разливалось на старческихъ лицахъ.

Послѣ столь энергическаго приступа къ дѣлу, поручику показалось что онъ уже достаточно задалъ предварительнаго страха, и что теперь мужики будутъ чувствовать къ его особѣ достаточное уваженіе.

Кончивъ объясненіе съ Пшеничьскимъ, генералъ вышелъ на крыльцо. Полковникъ какъ-то меланхолически выступалъ за нимъ слѣдомъ, держа въ рукахъ „Положеніе“. На крыльцѣ генерала встрѣтили, только что подошедшіе въ это время, становой съ исправникомъ и Корытниковъ, на которомъ

теперь, вмѣсто шармеровскаго пиджака, красовался дворянскій мундиръ съ шитымъ воротникомъ и дворянская фуражка съ краснымъ околышемъ.

Корытникова генералъ удостоилъ поклона и даже рукопожатія, а становому съ исправникомъ буркнулъ сквозь зубы одно только: „стыдно, господа, стыдно!“

Но тѣ рѣшительно не поняли почему это имъ должно быть стыдно.

— Ну, не шумѣть, ребята! громко закричалъ генералъ толпѣ:—я съ вами говорить желаю.... Смирно!

Толпа стояла тихо: въ ней улеглись волны и гулъ послѣднихъ движеній; она, казалось, напряженно ждала чего-то. Шапки все болѣе и болѣе слетали съ головъ.

— Тихо!... Тихо, ребята!... Слухай!... Сейчасъ, вѣрно, заправскую читать будетъ! пробѣгалъ по толпѣ сдержанный говоръ.

— Смирно! еще громче повторилъ генералъ:—пускай ко мнѣ выйдутъ нѣсколько человѣкъ. Я съ ними буду говорить, а они потомъ пусть всѣмъ остальнымъ сообщатъ мои слова.

Въ толпѣ опять заколыхались, и минутъ чрезъ пять болѣе десятка толковыхъ мужиковъ вышли изъ массы и безъ шапокъ, съ видомъ яснаго уваженія, подошли къ генералу.

— Вы видите кто я? началъ онъ, указывая на свою грудь и плечи.

— Видимъ, батюшка енаралъ! Видимъ! поклонились тѣ.

— Понимаете кто я?

— Какъ-ста не понять!... Понимаемъ.... всѣ понимаемъ.

— Ну, то-то же!... Теперь скажите мнѣ зачѣмъ вы бунтуете, властямъ не покоряетесь?

— Гдѣ же мы бунтуемъ, батюшко ваше благородіе! заговорили мужики:—экъ ли люди-то бунтуютъ!... Мы только обиду свою ищемъ, а бунтовать не желаемъ.... Зачѣмъ бунтовать?... Мы бунтовать не согласны! Обстой ты насъ, батюшко! Будь милостивцемъ!

— А зачѣмъ вы толпами на площадь собрались? Это развѣ не мятежъ по-вашему? продолжалъ генералъ.

— Собрались мы, кормилецъ, затѣмъ чтобы всѣмъ міромъ отъ тебя самого волю услышать.... Отъ насъ настоящую-то волю скрали.

— Какъ? Что? Какую волю?... Вамъ была уже читана воля, чего же вы еще хотите?

— Какая жь это воля, батюшко, коли насъ снова на

барщину гонятъ.... Какъ, значитъ, ежели бы мы вольные—шабашъ на господъ работать! А насъ опять гонятъ.... А мы супротивъ закону не желаемъ. Теперь же опять взять хошь усадьбы.... Экъ ихъ сколько дворовъ либо прочь сноси, либо выкупъ плати! Это зашто же выкупъ? Споконъ вѣку и отцы, и дѣды все жили да жили, а понѣ на-ко-ся вдругъ—нельзя.

— Дураки! Для вашей же пользы! пояснилъ генералъ:—вѣдь вы неравно помѣщику домъ сожжете, потомъ черезполосица выходитъ, а вамъ не все ль равно? Тутъ одинъ помѣщикъ только въ убыткѣ.

— Да какъ же мужику безъ усадьбы быть? Самъ посуди ты, ваше благородіе! заголосили переговорщики— мужику безъ усадьбы да безъ земли никакъ невозможно! А иной изъ нашего брата и самъ себѣ усадьбу-то ставилъ, за свой коштъ, а теперича за нее плати.... Этого мы не согласны!

— Да вѣдь земля господская! снова пояснилъ генералъ.

— Нѣтъ, батюшко, мы господскіе, точно что господскіе, а земля наша! Искони нашей была! Потому, безъ земли ужь какой же это мужикъ? Самое послѣднее дѣло!

— Земля по закону господская, и вы, если не хотите сносить съ нея усадебъ, должны выкупъ платить, по соглашенію. Затѣмъ перехожу я къ душевому надѣлу: для вашей же собственной пользы и выгоды, чтобы вамъ же облегченіе сдѣлать, вмѣсто платежа за землю по душевому надѣлу вамъ пока предлагаютъ работу, то-есть замѣну денегъ личнымъ трудомъ, а не барщину, и вѣдь это только пока!

— Поймите вы различіе между личнымъ трудомъ и барщиной! поучающимъ тономъ замѣтилъ адъютантъ, обратясь особо къ нѣсколькимъ личностямъ изъ той же кучки переговорщиковъ:—личный трудъ никакъ не барщина; личный трудъ это—личный трудъ.... Всѣ мы несемъ личный трудъ—и я, и вы, и.... и всѣ, а барщина совсѣмъ другое, она только при крѣпостномъ правѣ была. Понимаете?

— Да вѣдь это по нашему, по мужицкому разуму, все одно выходитъ, возражали мужики съ плутоватыми ухмылками,— опять же, видимое дѣло,—не взыщите, ваше благородіе, на словѣ,—какъ есть вы баре, такъ барскую руку и тянете, коли говорите что земля по закону господская. Этому никакъ нельзя быть, и никакъ мы тому вѣрить не можемъ, потому— земля завсегды земской была, значитъ она мірская, а вы шутите: господская! Стало-быть, можемъ ли мы вѣрить?

— Ваше превосходительство! явное недовѣріе!... даже къ словамъ вашего превосходительства! подшепнулъ Пшецыньскій:—и это ли еще не бунтъ? Это ли не возстаніе?

— Значитъ, вы мнѣ не вѣрите? спокойно спросилъ генералъ.

— Да что жь, коли ты, батюшко, по-нашему выходитъ, совсѣмъ не дѣло говоришь-то!

— Да вѣдь законъ.... вмѣшался было Пшецыньскій.

— Да что законъ! перебили его въ кучкѣ переговорщиковъ:— ты, ваше благородіе, только все говоришь про законъ; это одинъ разговоръ, значитъ! А ты покажи намъ законъ настоящій, который, значитъ, за золотою строчкой писанъ, тогда и вѣру вамъ дадимъ, и всему дѣлу шабашъ!

— Любезные мои, такого закона, про какой вы говорите, нѣтъ и никогда не бывало, да и быть не можетъ, и кто сказалъ вамъ про него, тотъ, значитъ, обманщикъ и смутитель. Вы этому не вѣрьте! Я вамъ говорю что такого закона нѣтъ! убѣждалъ генералъ переговорщиковъ.

— Эва-ся, нѣтъ!... Какъ нѣтъ!... Мы доподлинно знаемъ что есть! возражали ему съ явными улыбками недовѣрія:—это господа, значитъ, только намъ-то казать не хотятъ, а что есть, такъ это точно что есть! Мы ужь извѣстны въ томъ!

Нѣсколько времени длились еще подобные споры. Одна сторона тщетно старалась убѣдить въ несуществованіи закона за золотою строчкой; другая же крѣпко стояла на своемъ, выражая явное недовѣріе къ словамъ своихъ убѣдителей. И дѣло, и взаимныя отношенія обѣихъ сторонъ съ каждою минутой запутывались все болѣе, такъ что въ результатѣ оставалось одно только возрастающее недоразумѣніе. Утомленный продолжительностію и полнѣйшею безплодностію всѣхъ этихъ переговоровъ, генералъ почти безнадежно махнулъ рукой и ушелъ на нѣкоторое время въ горницу освѣжиться отъ только-что вынесенныхъ впечатлѣній и сообразить возможность и характеръ дальнѣйшихъ дѣйствій. Дѣло, на его взглядъ, все болѣе и болѣе начинало принимать оборотъ серіозный, съ исходомъ крайне сомнительнаго свойства.

На крыльцѣ остались адъютантъ съ Пшецыньскимъ, да почти совсѣмъ пассивная и безмолвная группа изъ предводителя и становаго съ исправникомъ.

Пшецыньскій съ особо-энергическимъ краснорѣчіемъ укорялъ мужиковъ-переговорщиковъ за то что тѣ выказали такое недовѣріе къ словамъ генерала, а адъютантъ продолжалъ

доказывать что личный трудъ отнюдь не барщина. Мужики же въ отвѣтъ имъ говорили, что пущай генералъ покажетъ имъ свою особую грамоту за царевою печатью, тогда ему повѣрятъ что онъ точно посланъ отъ начальства, а не отъ баръ, а адъютанту на всѣ его доводы возражали что, по ихъ мужицкому разуму, прежняя барщина и личный трудъ, къ какому ихъ теперь обязываютъ, выходитъ все одно и то же. Недоразумѣніе возрастало. Юный поручикъ все болѣе и болѣе терялъ необходимое хладнокровіе и начиналъ не въ мѣру горячиться.

— Да ужъ что толковать! порѣшили наконецъ переговорщики, почесавъ затылки:—деньги мы, такъ и быть, платить, пожалуй, горазды, а на барщину не согласны.

— Кто несогласенъ? перебилъ адъютантъ и обратился къ одному изъ кучки:—*ты* не согласенъ?

— Я-то ничего, да міръ не согласенъ; значитъ, всѣ, батюшко, высокое твое превосходительство, всѣ, какъ есть всѣ не согласны—весь міръ, значитъ! отвѣтствовалъ тотъ.

— Я не про всѣхъ спрашиваю! Я спрашиваю тебя: ты не согласенъ?

— Да я что жъ, батюшко, я человѣкъ мірской—куды міръ, туды, знамо дѣло, и я.

— Отвѣчай мнѣ, каналья! грозно затопалъ поручикъ:—ты не согласенъ?

— Виновати, батюшко! поклонился оторопѣвшій, но все-таки уклончивый мужикъ.

— Что такое „виновати“! Что это значитъ „виновати“?! Я тебя въ послѣдній разъ спрашиваю: ты не согласенъ?

— Не согласенъ.... тихо и потупясь отвѣтилъ допрашиваемый.

— Взять его! мигнулъ поручикъ жандармамъ, и мужика вытащили изъ кучки и увели въ калитку постолалго двора.

— Ты не согласенъ? обратился адъютантъ къ слѣдующему.

— Не согласенъ, ваше благородіе.

— Взять и этого!

— Ты?

— Не согласенъ.

— Туда же!

— Да всѣ не согласны! весь міръ не согласенъ! закричали изъ толпы передніе ряды.

— Братцы! да что жъ это онъ мужиковъ-то хватаетъ!

недоумѣло стали ужь поговаривать тамъ:—зачто же это?... А волю-то не читаетъ!...

— Ваше благородіе! громко выкрикнулъ чей-то голосъ оттуда:—не томи ты насъ! Будь милостивцемъ! Вычитай ты намъ волю-то скорѣе!

— Волю! волю! подхватили изъ той же толпы нѣсколько сотенъ.

— Кто смѣлъ закричать: волю? поднялъ адъютантъ къ толпѣ свою голову:—кто зачинщики? Выходи сюда!

Въ толпѣ никто не шелохнулся.

— Господинъ становой приставъ! отыщите и возьмите зачинщиковъ!

— Помилуйте! ни какъ не можно! разставя ладони и пожимая плечами, флегматически залепеталъ было становой.

— Въ противномъ случаѣ, вы будете строго отвѣчать предъ закономъ! начальнически-отчетливымъ тономъ пояснилъ адъютантъ, выразительно сверкнувъ на него глазами и безъапелляціонно-приглашающимъ жестомъ указалъ ему на толпу.

Физіономію господина становаго передернуло очень кислою гримасой, однако, нечего дѣлать, махнулъ рукой подъ козырекъ и потрусилъ къ толпѣ. Тамъ поднялось нѣкоторое движеніе и гулъ. Становой ухватилъ за шиворотъ перваго попавшагося парня и потащилъ его къ крыльцу. Парень было уперся сначала, но позади его нѣсколько голосовъ ободрительно крикнули ему: „Не робѣй, паря! Не трусь! Пущай ихъ!“ и онъ покорно пошелъ за становымъ, который такъ и притащилъ его за шиворотъ къ адъютанту.

Парень стоялъ безъ шапки, смирно и почтительно.

— *Ты* зачинщикъ?... *Ты* крикнулъ: волю? напустился на него рьяный поручикъ.

— Нѣтъ, не я.... я не кричалъ, отвѣтилъ онъ почти безъ всякаго смущенія.

— А! запираться!... Я тебя заставлю отвѣтить!

— Что жь, ваше благородіе, твоя воля! подернулъ тотъ плечами:—мы люди темные, ничего не понимаемъ, научи ты насъ, Христа ради! мы те во какое спасибо скажемъ!

— Отвѣчай кто зачинщики! настаивалъ между тѣмъ поручикъ.

Тотъ молчалъ, понуро потупясь.

— Взять его! скомандовалъ онъ жандармамъ, и парня утащили въ калитку.

Увы!... этотъ блестящій и въ своемъ родѣ,—какъ и бо́льшая часть молодыхъ служащихъ людей того времени,—даже модно-современный адъютантъ, даже фразисто-либеральный въ мірѣ свѣтскихъ гостиныхъ и кабинетовъ, который тамъ такъ легко, такъ хладнокровно и такъ административно-либерально рѣшалъ иногда, при случаѣ, всѣ вопросы и затрудненія по крестьянскимъ дѣламъ, здѣсь, предъ этою толпой, рѣшительно не зналъ что̀ ему дѣлать! Онъ чувствовалъ, такъ сказать, полнѣйшее отсутствіе почвы подъ ногами, чувствовалъ какую-то неестественность, неловкость въ своемъ положеніи, смутно сознавалъ что слишкомъ увлекся и черезчуръ зарвался, такъ что походилъ скорѣе на Держиморду чѣмъ на блестящаго, современнаго адъютанта. Куда дѣвался весь либерализмъ, всѣ эти хорошія слова и красивыя фразы! И что̀ досаднѣе всего, это держимордничество проявилось какъ-то такъ внезапно, почти само собой, даже какъ будто независимо отъ его воли, и теперь, словно сорвавшійся съ корды дикій конь, пошло катать и скакать чрезъ пень въ колоду, направо и налѣво, такъ что юный поручикъ, даже и чувствуя немножко въ себѣ Держиморду, былъ уже не въ силахъ сдержать себя и снова превратиться въ блестящаго, разсудительнаго и современнаго адъютанта. Держимордничество,—какъ часто случается въ иныхъ людскихъ, а особенно въ кадетскихъ натурахъ,—словно порывистый вихрь подхватило его, какъ оторванную отъ корня вѣтвь, и закрутило, и понесло по своему произволу.... Онъ не зналъ что̀ говорить, что̀ предпринять, на что̀ рѣшиться, чувствовалъ что ему лучше всего было бы съ самаго начала ничего не говорить и ни на что̀ не рѣшаться, но.... теперь уже поздно, теперь уже зарвался, и потому, начиная терять послѣднее терпѣніе, адъютантъ все болѣе и болѣе горячился и выходилъ изъ себя. Мужики не понимали его, онъ—мужиковъ. Точно также не понимали они и генерала; генералъ же, въ свою очередь, не могъ уразумѣть ихъ въ томъ пунктѣ, что земля, признаваемая закономъ собственностію помѣщика, со стороны крестьянъ почитается какою-то искони вѣковъ ихнею земскою, мірскою собственностью: „Мы-де помѣщичьи, господскіе, а земля наша, а не барская.“

Это было одно всесовершенное, общее, великое недоразумѣніе.

До сей минуты этимъ либеральнымъ господамъ приходилось

толковать о русскомъ народѣ только въ пріятныхъ гостиныхъ, да и толковать-то не иначе какъ съ чужихъ словъ, съ чужихъ мыслей. Теперь же, когда обстоятельства поставили ихъ лицомъ къ лицу съ этою толпой, русскій мужикъ показался имъ бунтовщикомъ, мятежникомъ, революціонеромъ.... Они вспомнили что въ русской исторіи были Стенька Разинъ и Емельянъ Пугачевъ. Всѣ чувствовали себя какъ-то не совсѣмъ ловко, и всѣмъ хотѣлось какъ-нибудь выйти изъ этого положенія, хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь наполнить время до рѣшительной минуты, когда войско ужь будетъ на мѣстѣ. Многіе изъ нихъ ждали что одинъ грозный видъ военной силы сразу утишитъ возстаніе и заставитъ толпу покориться и выдать зачинщиковъ.

— Читайте имъ „Положеніе“! Объ ихъ обязанностяхъ читайте! обратился полковникъ Пшецыньскій къ становому, испытывая точно такую же неловкость и не зная самъ для чего и зачѣмъ тотъ будетъ читать.

Становой глянулъ на него недоумѣлыми глазами, дескать: „вѣдь ужь сколько же разъ было имъ читано!“ Однако выступилъ впередъ и раскрылъ книгу.

По толпѣ опять пробѣжалъ смутный гулъ, и она замолкла чутко, напряженно....

Раздалось громкое чтеніе.

Толпа жадно слушала, хватая налету изъ пятаго десятое слово, и ничего не понимала. Въ ней, какъ въ одномъ человѣкѣ, жило одно только сознаніе, что это читаютъ „заправскую волю“.

Ковыляя по грязямъ и топямъ большой дороги, форсированнымъ маршемъ приближалась къ Высокимъ Снѣжкамъ военная сила. Во главѣ сѣрѣвшей колонны колыхался частоколъ казацкихъ пикъ, а глубоко растянувшійся хвостъ ея терялся за горою. Вотъ, осторожно ступая по склизкому скату, кони спустились на плотину у мукомольной мельницы, прислонившейся внизу у ручьистаго оврага, перебрались на противоположную сторону, и казачій отрядъ, раздѣлясь на двѣ группы, тотчасъ же на рысяхъ разъѣхался вправо и влѣво, и тамъ и здѣсь растянулся широкою цѣпью, отдѣляя отъ себя гдѣ одного, гдѣ пару казаковъ, окружилъ село и занялъ всѣ выходы. Вотъ близь того же оврага остановилась пѣхота. Люди стянулись, сомкнули стройные ряды и оправились.

Чрезъ нѣсколько минутъ маршъ колонны направлялся уже по широкой улицѣ села. Однѣ только собаки тявкали изъ подворотень на незнакомый имъ людъ, да иногда пѣтухи, своротивъ на сторону красные гребни, какъ-то удивленно оглядывали съ высоты крестьянскихъ плетней это воинственное шествіе. Здѣсь какъ будто вымерла вся людская жизнь, и только на задахъ кое-гдѣ, да на выходахъ, между соломенными кровлями и древесными прутьями, торчало тамъ и сямъ остріе казацкой пики.... Весь народъ, старъ и младъ, гудѣлъ вдали, на широкой площади.

Раздался барабанный бой. Отрядъ входилъ уже на площадь и строился развернутымъ фронтомъ противъ крестьянской толпы, лицо къ лицу. Толпа, въ первую минуту ошеломленная рокотомъ барабановъ и видомъ войска, стояла тихо, недоумѣло....

Рыженькій Нѣмецъ-управляющій, съ рижскою сигаркой въ зубахъ, флегматически заложивъ за спину короткія руки, вытащилъ на дворѣ пару своихъ бульдоговъ и вмѣстѣ съ ними вышелъ на крыльцо господскаго дома любоваться предстоящимъ зрѣлищемъ. Вслѣдъ за нимъ вышелъ туда же и Хвалынцевъ. Сердце его стучало смутною тоской какого-то тревожнаго ожиданія.

— Что же, вы поняли что̀ читали вамъ? обратился къ толпѣ Пшецыньскій.

Толпа молчала.

Тотъ повторилъ вопросъ, на который отвѣтомъ послѣдовало опять-таки то же самое недоумѣлое молчаніе. Адъютантъ окончательно уже вышелъ изъ себя. Онъ отказывался вѣрить чтобы смыслъ читаемаго, столь ясный для него, былъ непонятенъ крестьянамъ.

— Бунтовщики! Вы отвѣчать не хотите! закричалъ онъ:— хорошо же! съ вами найдутъ расправу!

Генералъ снова появился предъ народомъ.

— Батюшко! не серчай! завопили къ нему голоса изъ толпы:—а дай ты намъ волю настоящую, которая за золотою строчкой писана! А то что̀ читано мы не разумѣемъ.... Опять же отъ барщины ослобони насъ!

— Ваше превосходительство! въ почтительно-совѣщательномъ тонѣ обратился адъютантъ къ своему принципалу: — мнѣ казалось бы, что не мѣшало бы распорядиться послать

за священникомъ. Пусть увѣщеваетъ.... Надо первоначально испытать всѣ средства.

Черезъ нѣсколько минутъ привели священника, съ крестомъ въ рукахъ, и послали увѣщевать толпу. И говорилъ онъ толпѣ, на заданную тему, о томъ что бунтовать великій грѣхъ и что надо выдать зачинщиковъ.

— Да какіе же мы бунтовщики! послышался въ толпѣ протестующій говоръ:—и чего они, въ самдѣлѣ, все „бунтовщики да бунтовщики“! Кабы мы были бунтовщики, нешто мы стояли бы такъ?... Мы больше ничего что хотимъ быть оправлены, чтобы супротивъ закону не обижали насъ.... А зачинщиковъ.... Какіе же промежъ насъ зачинщики?... Зачинщиковъ нѣтъ!

— Какъ нѣтъ!? Что они тамъ толкуютъ? почтительно косясь и оглядываясь на генерала, и видимо желая изобразить предъ нимъ свою энергическую дѣятельность, возвысилъ голосъ Пшецыньскій, который, сбѣжавъ съ крыльца, однакоже не приближался къ толпѣ болѣе чѣмъ на тридцать шаговъ. — Должны быть зачинщики! Выдавай ихъ сюда! Пусть всѣ безпрекословно выходятъ къ его превосходительству!... Вы должны довѣряться вашему начальству! Выдавай зачинщиковъ, говорю я!

— Да всѣ мы зачинщики!... Всѣ какъ есть! дружно грянуло надъ толпой:—всѣ здѣсь! Всѣхъ бери!

Пшецыньскій торопливо попятился и неловко споткнулся о камень. Въ толпѣ раздался хохотъ.

— Я шутить не стану! строго замѣтилъ генералъ:—Господинъ исправникъ! господинъ предводитель! прошу отправиться къ нимъ и повторить мои слова что никакой другой воли нѣтъ и не будетъ, что они должны безпрекословно отправлять повинности и повиноваться управляющему во всѣхъ его законныхъ требованіяхъ, и что наконецъ, если чрезъ десять минутъ (генералъ посмотрѣлъ на свои часы) толпа не разойдется и зачинщики не будутъ выданы, я буду стрѣлять.

— Надо будетъ стрѣлять, ваше превосходительство! почтительнѣйше подшепнулъ Пшецыньскій, успѣвшій уже вернуться на крыльцо.—Къ сожалѣнію, надо будетъ стрѣлять!... Иначе ничего не сдѣлаемъ.... Необходимъ разительный примѣръ.

Генералъ ничего не отвѣтилъ, но въ душѣ былъ согласенъ съ опытнымъ полковникомъ: все это, дѣйствительно, казалось бунтомъ весьма значительныхъ размѣровъ, тогда какъ

на самомъ дѣлѣ оставалось все-таки одно лишь великое недоразумѣніе. По соображеніямъ власти, медлительность и нерѣшительность ея, въ виду того тревожнаго, исполненнаго глухимъ броженіемъ времени, которое тогда переживалось, могли отозваться дѣлымъ рядомъ безпорядковъ по обширному краю, если оказать маломальское потворство на первыхъ порахъ, при первомъ представившемся случаѣ.

Между тѣмъ исправникъ и monsieur Корытниковъ отправились въ толпу передавать слова генерала, а самъ генералъ поспѣшилъ къ неподвижно стоявшему войску.

— Ребята! обратился онъ къ солдатамъ: — помните, что ружье дано солдату затѣмъ чтобы стрѣлять! Предъ вами бунтовщики, поэтому будьте молодцами!...

— Ради стараться, ваше —ство-о! индючьимъ перекликомъ пробѣжало по фронту.

А въ толпѣ все росъ и крѣпчалъ гулъ да говоръ.... Волненіе снова начиналось, и все больше, все сильнѣе. Увѣщанія священника, исправника и предводителя не увѣнчались ни малѣйшимъ успѣхомъ, и они возвратились съ донесеніемъ что мужики за бунтовщиковъ себя не признаютъ, зачинщиковъ между собою не находятъ и упорно стоятъ на своемъ чтобы сняли съ нихъ барщину и прочли настоящую волю, и что они не повѣрятъ генералу пока тотъ не объявитъ имъ самолично эту „заправскую волю за золотою строчкой“.

— Стрѣлять.... стрѣлять необходимо, ваше превосходительство! снова подшепнулъ со вздохомъ подвернувшійся подъ руку Пшецыньскій, и вздохъ его явно стремился выразить послѣднюю, грустную рѣшимость крайняго отчаянія.

Либерально-почтительный адъютантъ былъ того же мнѣнія, и въ душѣ даже какъ будто подбодрился тѣмъ что въ такую минуту близь него есть люди раздѣляющіе его собственное убѣжденіе. „Imaginez vous!“ могъ бы потомъ онъ разказывать въ петербургскихъ гостиныхъ: „огромная толпа, съ другой стороны войско.... и вдругъ залпъ!... О, это была ужасная, поразительная картина! Это былъ своего рода эффектъ, котораго я никогда не забуду!“ По странному сочетанію мыслей, въ головѣ поручика въ эти минуты главнѣйшимъ образомъ рисовалось то какъ онъ будетъ разказывать въ Петербургѣ о томъ чему предстояло совершиться чрезъ нѣсколько мгновеній. Онъ не думалъ какъ именно все

это совершится, но зналъ что онъ будетъ потомъ разказывать объ этомъ очень красивыми, изобразительными фразами.

— Господинъ маіоръ! закричалъ межь тѣмъ генералъ баталіонному командиру:—изготовьтесь къ пальбѣ.

— Баталіонъ! *ужай!* раздалась съ лошади зычная команда командира, и мгновенно блеснувъ щетиной штыковъ, ружья шаркнулись къ ногѣ. Шомпола засвистали и залязгали своимъ желѣзнымъ звукомъ въ ружейныхъ дулахъ. Крестьянская толпа въ ту же минуту смолкла до той степени тишины, что ясно можно было разслышать сухое щелканіе взводимыхъ курковъ.

Этою-то минутой думалъ было не безъ эффекта воспользоваться ретивый поручикъ.

— Ваше превосходительство! позвольте испытать.... въ послѣдній разъ.... послѣднее средство! быстро забормоталъ онъ, обратясь къ генералу, и затѣмъ, почти не дожидаясь отвѣта, повернулся къ толпѣ. — На колѣни! повелительно закричалъ онъ:—на колѣни!... Покоряйтесь, или сейчасъ стрѣляютъ!

— Что жь, стрѣляй, коли те озорничать хочется! отвѣтили ему изъ толпы: — не въ насъ стрѣлишь — въ Царя стрѣлять будешь.... Мы царскіе, стало и кровь наша царская!...

Съ крыльца махнули въ воздухѣ бѣлымъ платкомъ, и вслѣдъ за этимъ знакомъ отчетливо пронеслась команда: „баталіонъ пли!“ и залпъ холостымъ зарядомъ грянулъ.

Толпа вздрогнула, но молчала. Передніе совершенно молча, внимательно оглянулись вокругъ себя: никто не палъ, никто не стонетъ—всѣ живы, цѣлы, стоятъ какъ стояли.... Первая минута смущеннаго смятенія минула. Мужики оправились.

— Эге, робя! Никакъ шутки шутятъ! громко замѣтилъ одинъ молодой парень: — небось, въ царскихъ крестьянъ стрѣлять не посмѣютъ!

— Это они только такъ, гороху напёрлись! отвѣтилъ какой-то шутникъ.

Въ толпѣ захохотали.

Снова мелькнулъ въ воздухѣ бѣлый платокъ.

Рой пуль просвисталъ надъ головами.

Толпа инстинктивно пригнулась.... Опять осматриваются,— опять ни единый человѣкъ не повалился.

Это уже породило недоумѣніе: свистъ нѣсколькихъ сотенъ пуль былъ явственно слышенъ,—отчего жь никого не убило?

— Братцы! Мужички почтенные! раздался чей-то голосъ:—

Самъ Богъ за наше сиротское дѣло: пули отъ насъ отгоняетъ!... Не берутъ! Стой, братцы, на своемъ твердо!

— Стоимъ!... стоимъ!... Постоимъ за міръ!... Господи, благослови! пронеслись по толпѣ отвѣтные крики.

Раздался роковой залпъ, пущенный уже не надъ головами. И когда разсѣялось облако пороховаго дыма, впереди толпы показалось нѣсколько лежащихъ.... Бабы, увидя это, съ окраинъ площади съ визгомъ бросились къ мужьямъ, сыновьямъ и братьямъ; но мужики стояли тихо.

— Ну, пóшто вы, ваши благородія, озорничаете!... Эка мужиковъ-то задаромъ пристрѣлили! со спокойною укоризной обратился къ крыльцу изъ толпы одинъ высокій, ражій, но уже значительно сѣдоватый мужикъ.—Ребята! Подбери нашихъ-то! Свои вѣдь! указалъ онъ окружающимъ на убитыхъ:—да бабы-то пущай бы прочь, а то зашибутъ неравно.... Пошли-те вы!...

И затѣмъ, выступивъ нѣсколько шаговъ впередъ, снова обратился къ группѣ помѣщавшейся на крылечкѣ:

— Ну, а ты, ваше благородіе, теперича стрѣляй!

Раздался второй боевой залпъ—и нѣсколько мужиковъ опять повалились....

Крестьяне, наконецъ, не выдержали, шарахнулись, смѣшались и бросились куда кому попало. Въ гулѣ и стонѣ можно было разслышать иногда крики: „воля!... воля!“ съ которыми все это бѣжало вонъ изъ села.

Но тамъ ожидали казаки.

III. Расправа.

Возстаніе было укрощено.

Мужики, не пущенные на выходахъ казаками, разбѣжались кое-какъ по избамъ, а крестьяне сосѣднихъ деревень, окруженные конвоемъ, были согнаны на господскій дворъ, и тамъ—кто лежа, кто сидя на землѣ—ожидали рѣшенія своей участи. Казачьи патрули разъѣзжали вокругъ села, за околицами, и не выпускали изъ снѣжковъ ни единой души.

Завечерѣло, и съ сумерками стало подмораживать къ ночи. На площади зажглись яркіе костры: баталіонъ расположился тамъ бивуакомъ. Людей поостереглись до времени ставить постоемъ къ бунтовщикамъ, пока не была произведена окончательная расправа. Окна помѣщичьяго дома—нѣмыя и

темныя Богъ вѣсть съ кoихъ поръ—тоже освѣтились, точно какъ въ тѣ умершіе старые годы, когда тамъ ликовала широкая барская жизнь. И нынѣ, какъ въ оны дни, на дворѣ стояли разнокалиберные экипажи, и бѣгала дворовая прислуга, военные деньщики, вѣстовые, ординарцы, и стучали ножи на кухнѣ. Въ этомъ опустѣломъ домѣ нашли себѣ временный пріютъ офицеры баталіона и всѣ нахлынувшія сюда власти, господствія и силы. Въ одномъ изъ особыхъ флигелей помѣстился полковникъ Пшецыньскій и, вмѣстѣ съ генеральскимъ адъютантомъ, запершись во временномъ своемъ кабинетѣ, озабоченно строчилъ офиціальное донесеніе. Это донесеніе должно было завтра же летѣть въ Петербургъ.

Поручикъ чувствовалъ себя не совсѣмъ-то въ духѣ. Теперь, когда прошло уже нѣсколько часовъ съ той минуты какъ на площади раздавались залпы, пролитая кровь наводила на него нѣкоторое уныніе. Пока еще не раздались эти выстрѣлы, адъютантъ почему-то воображалъ себѣ что все это будетъ какъ-то не такъ, а иначе, и какъ будто легче, какъ будто красивѣе, а на дѣлѣ оно вдругъ оказалось совсѣмъ по-другому — именно такъ, какъ онъ менѣе всего могъ думать и воображать. Дѣло было слишкомъ свѣжо для того чтобы въ памяти поручика стерлись нѣкоторые эпизоды и сцены мужицкаго бунта. Особенно какъ-то странно и вмѣстѣ съ тѣмъ смутно-зловѣще для него самого звучали ему недавнія слова: „не въ насъ стрѣлишь — въ Царя стрѣлять будешь; мы—царскіе, стало и кровь наша царская“. Какое странное слово въ устахъ бунтовщика! Какая странная мысль въ головѣ революціонера!... Чѣмъ больше думалъ поручикъ, тѣмъ больше становилось ему все какъ-то не по себѣ, было какъ-то не ловко....

За то Болеславъ Казиміровичъ Пшецыньскій не безпокоился ни мало. Онъ бойко и живо строчилъ свой особый рапортъ, и энергическое краснорѣчіе его лилось каскадомъ. Онъ особенно поставлялъ на видъ какъ были истощены всевозможныя мѣры кротости, какъ подлежащія власти христіанскимъ словомъ и вразумленіемъ стремились вселить благоразуміе въ непокорныхъ,—но ни голосъ совѣсти, ни авторитетъ власти, ни кроткое слово святой религіи не возымѣли силы надъ зачерствѣлыми сердцами анархистовъ-мятежниковъ, изъ кoихъ весьма многіе были вооружены въ толпѣ топорами, кольями и вилами....

Когда, прочитывая свой рапортъ адъютанту, онъ дошелъ до этого послѣдняго мѣста, поручикъ остановилъ его легонькимъ возраженьицемъ что кольевъ онъ, сколько ему помнится, не замѣтилъ.

— Нѣтъ-съ, были, были! навѣрное были! съ живостью поспѣшилъ завѣрить Пшецыньскій: — но.... видите ли, очень легко могло случиться что вы съ его превосходительствомъ и не обратили на это вниманія.... собственно по недостатку времени, пояснилъ онъ съ іезуитски-кроткою, простодушною улыбкой:—а я сидѣлъ здѣсь до вашего прибытія двое сутокъ и, повѣрьте мнѣ, видѣлъ! Своими собственными глазами видѣлъ! Иначе, зачѣмъ же мнѣ было ходить съ заряженнымъ револьверомъ! Наша жизнь подвергалась большой опасности, и этимъ-то...—Пшецыньскій пріостановился, и не спуская пристальныхъ глазъ съ поручика, постарался особенно подчеркнуть смыслъ своихъ послѣдующихъ словъ:—этимъ-то я и объясняю наши крайнія мѣры.

Костры на площади стали гаснуть, оставляя послѣ себя широкія пепелища съ красными, пылающими угольями. Баталіонъ угомонился и засыпалъ на своемъ холодномъ бивуакѣ. Все село казалось въ темнотѣ какимъ-то мертвымъ: нигдѣ ни голоса людскаго, ни огонька въ окончѣ. Вдалекѣ только слышенъ [illegible] топотъ казачьихъ патрулей, да собаки заливались порою.

Въ господскомъ домѣ тоже мало-по-малу потухли огни.

Рыженькій Нѣмецъ спокойно удалился въ свой флигелекъ, пропустилъ на сонъ грядущій рюмочку шнабсу, закусилъ его домодѣльною ветчиной, которую запилъ куфелемъ домашняго пива, и закуривъ рижскую сигарку, сталъ размышлять... вѣроятнѣе всего о дикости русскаго народа.

Въ одномъ только покоѣ адъютанта долго еще свѣтилася огонь, потому что долго ходилъ адъютантъ по комнатѣ и ломалъ голову надъ композиціей донесенія. Впрочемъ, на случай какого-либо чрезвычайнаго затрудненія, обязательный Пшецыньскій былъ подъ рукой.

Не спалъ еще и Хвалынцевъ. Всѣ ощущенія и впечатлѣнія дня навели на него какую-то темную тоску и лихорадочную нервность. Онъ не зналъ зачѣмъ его арестовали и потомъ словно позабыли про него, не зналъ что дѣлать завтра или, лучше сказать, что съ нимъ намѣрены дѣлать, а между тѣмъ

дѣла требовали его въ Славянобубенскъ. Это глупое, фальшивое положеніе и эта неизвѣстность нагоняли на него досаду и хандру. Онъ, лежа на оттоманкѣ, по другую сторону которой безмятежно храпѣлъ monsieur Корытниковъ, жегъ въ темнотѣ папиросу за папиросой. Тоскливая досада и неулегшіяся впечатлѣнія давешнихъ сценъ далеко отгоняли сонъ.

А между тѣмъ, въ глубокой темнотѣ, около солдатскаго бивуака, потайно, незамѣтно и съ чрезвычайною осторожностію шныряла какая-то невѣдомая личность, которую трудно было разглядѣть въ густомъ и мглистомъ мракѣ, но за то часовые и дежурные легко могли принять за какого-нибудь своего же проснувшагося солдатика, тѣмъ болѣе что невѣдомая личность эта была одѣта во что-то, не то въ родѣ крестьянской, не то въ родѣ солдатской сермяги. Въ теченіе почти получаса этотъ шныряющій человѣкъ то тамъ, то здѣсь, въ разныхъ концахъ бивуака, осторожно подбрасывалъ какія-то свернутыя бумаги, изъ которыхъ иныя были даже запечатаны въ особые пакеты.

На утро началась расправа съ мятежниками. Время не терпѣло проволочекъ; надо было позаботиться объ окончательномъ укрощеніи и умиротвореніи взволнованной мѣстности, а потому надлежало произвести [redacted] судъ и при этомъ явить примѣры внушительной строгости. Крестьяне опять были собраны на площади, но на этотъ разъ уже не добровольно.... Солдатъ, въ награду за неудобно проведенную ночь, приказано было, по совѣту Пшецыньскаго, разставить по крестьянскимъ избамъ, въ видѣ экзекуціи, съ полнымъ правомъ для каждаго воина требовать отъ своихъ хозяевъ всего чего захочетъ, относительно пищи и прочихъ удобствъ житейскихъ.

Между тѣмъ раненымъ надо было подать хоть какую-нибудь первую помощь. Начальство, отправляясь сюда, не предполагало что придется стрѣлять и потому не позаботилось о докторѣ, за которымъ Пшецыньскій догадался послать только ранимъ утромъ, когда трое изъ раненыхъ уже отдали Богу душу. Разговоръ объ этомъ происходилъ въ присутствіи Хвалынцева. Занимаясь естественными науками, онъ неоднократно дилеттантомъ посѣщалъ клинику, видѣлъ многія перевязки и вообще имѣлъ объ этомъ дѣлѣ нѣкоторое

маленькое понятіе. Поэтому, на время до прибытія медика, онъ предложилъ исправнику свои посильныя услуги. Этотъ послѣдній, имѣя въ виду трехъ уже умершихъ и нѣсколькихъ человѣкъ умирающихъ, посовѣтовался съ полковникомъ, а тотъ доложилъ выше — и предложеніе Хвалынцева было принято, только съ условіемъ чтобы все это осталось подъ секретомъ. Вмѣстѣ съ деревенскимъ священникомъ, приняася онъ кое-какъ ухаживать за ранеными.

А наутро наѣхало въ Снѣжки нѣсколько окружныхъ помѣщиковъ, бурмистровъ, управляющихъ, все за тѣмъ чтобы поразвѣдать о вчерашнихъ происшествіяхъ. Пріѣхала между прочимъ и пожилая вдова помѣщица, которая во всемъ околоткѣ извѣстна была подъ именемъ Перепетуи Максимовны. Фамиліи ей какъ-то не полагалось, а мужики, сами по себѣ, издавна уже окрестили ее „Драчихой“, по причинѣ сорокалѣтней слабости ея къ ручной расправѣ. Становой сообщилъ ей что въ числѣ раненыхъ есть одинъ изъ ея, Драчихиной, деревни. Драчиха непремѣнно пожелала видѣть „мятежника“.

— А, хамова душа твоя! съ какимъ-то самодовольно торжественнымъ видомъ обратилась она къ больному: — такъ и ты тоже бунтовать! Я тебѣ лѣсу на избу дала, а ты бунтовать! Я тебѣ корову купила, а ты бунтовать, безчувственное, неблагодарное ты дерево эдакое! Ну, да ладно! Вотъ погоди, погоди! выздоравливай-ка ты у меня, выздоравливай!... А какъ теперь, батюшка, душевой-то надѣлъ тѣхъ что убиты, въ чью пользу пойдетъ? обратилась Драчиха къ становому.

— Въ точности неизвѣстенъ, а надо такъ думать что въ пользу помѣщика, ежели полнаго тягла не окажется, пояснилъ становой.

— А моихъ мужичковъ-то много ли убито? съ живостью поинтересовалась Драчиха.

Но не всѣ помѣщики оказались одного толка съ Драчихой. Изъ пріѣхавшихъ ради любопытства многіе приняли раненыхъ изъ своихъ деревень на свое собственное попеченіе, и доставили имъ всевозможныя удобства.

На площади между тѣмъ раздавались крики, стоны и бабій плачъ съ причитаньями. Однихъ наказывали и отпускали домой, другихъ сажали на подводы и объявляли сибирскую ссылку. Тутъ было широкое мѣсто для раздирающихъ душу сценъ разставанья съ отцами, съ братьями, съ сыновьями... Многія жены съ грудными ребятами добровольно шли въ ссылку за своими мужиками. Почти каждый изъ ссыльныхъ,

прихватя въ заплечный мѣшокъ кое-что изъ одежины да изъ домашней рухляди, завертывалъ въ особую тряпицу горсть своей исконной, родной земли, съ которою отнынѣ разставался навѣки, и благоговѣйно уносилъ съ собой этотъ прахъ въ невѣдомую, далекую сторону.

Наконецъ, начальство уѣхало обратно въ Славнобубенскъ, распорядясь оставить въ Снѣжкахъ цѣлый баталіонъ, на неопредѣленное время, въ видѣ экзекуціи, и предоставя окончательное умиротвореніе исправнику да становому.

Пшецыньскій вмѣстѣ съ Корытниковымъ вскорѣ тоже отправились. Впрочемъ, предъ отъѣздомъ штабъ-офицеръ благосклонно разрѣшилъ Хвалынцеву ѣхать куда ему угодно и даже, съ видомъ скорбяще-благодарной гуманности, разсыпался предъ своимъ вчерашнимъ плѣнникомъ въ извиненіяхъ по части ареста и въ благодарностяхъ по части ухаживанья за ранеными.

— Такое печальное событіе.... такъ мнѣ это больно! наединѣ и притомъ оглядываясь, говорилъ онъ, съ грустными ужимками и вздохами:—я никакъ не могъ предполагать что дѣло дойдетъ до этого.... но.... но.... мы люди подчиненные! (Глубокій вздохъ.) Во всякомъ случаѣ, за человѣчество благодарю васъ отъ лица человѣколюбія!... Только, пожалуста, не разглашайте этого никому, а то могутъ быть къ намъ придирки, зачѣмъ допустили къ дѣлу постороннаго человѣка.... Вѣдь вы знаете, какіе у насъ на матушкѣ-Руси порядки!... Формалистика, батюшка! Что дѣлать!...

И говоря это, Болеславъ Казиміровичъ обѣими руками, крѣпко, долго и горячо потрясалъ руку Хвалынцева, который съ своей стороны былъ весьма доволенъ своимъ отпускомъ изъ плѣна, и въ виду всего совершившагося не почелъ особенно удобнымъ добиваться у полковника объясненія причинъ своего непонятнаго ареста. Съ величайшимъ трудомъ, при помощи священника, наконецъ-то удалось ему за учетверенную плату порядить себѣ лошадей и отправиться вслѣдъ за отбывшими властями.

IV. Пошла писать губернія!

По всему граду Славнобубенску ходили темныя и дикія вѣсти о снѣжковскихъ происшествіяхъ, и можно сказать, что съ каждымъ часомъ, съ каждою минутой, слухи и вѣсти

эти росли, ширились и становились все темнѣе, все нелѣпѣе. Одни слухи повѣствовали, будто власти сожгли деревню до тла, и мужиковъ, которыхъ не успѣли пристрѣлить, живьемъ закапывали въ землю. Другіе поясняли, что между адъютантомъ и Пшецыньскимъ какая-то японская дуэль происходила; что Корытникова крестьяне розгами высѣкли; что помѣщица Драчиха, вмѣстѣ съ дворовымъ человѣкомъ Кирюткой, который при ней состоитъ въ Пугачевыхъ, приняла депутацію отъ какихъ-то французскихъ эмиссаровъ и вмѣстѣ со снѣжковскими мужиками идетъ теперь на городъ Славнобубенскъ, и все, на пути живущее, сдается и покоряется храброй Драчихѣ, а духовенство встрѣчаетъ ее со крестомъ и святою водой.

Такихъ-то необычайныхъ и фантастическихъ вѣстей и слуховъ былъ полонъ Славнобубенскъ, когда прикатили туда герои снѣжковскаго укрощенія.

Губернаторъ тотчасъ же полетѣлъ къ генералу; вице-губернаторъ туда же; первые вѣстовщики „порядочнаго общества“, прокуроръ де-Водо и губернаторскій чиновникъ Шписсъ, бросились къ губернатору, и не заставъ его дома, махнули къ Пшецыньскому. Корытниковъ прискакалъ къ губернскому предводителю князю Кейкулатову; князь Кейкулатовъ опять же таки къ генералу; полицеймейстеръ и предсѣдатель казенной палаты къ Корытникову, градскій голова къ полицеймейстеру; графиня Курси къ губернаторшѣ; madame Чапыжниковъ, madame Ярыжниковъ и madame Пруцко къ графинѣ Курси; Фелисата Егоровна и Нина Францовна къ madame Ярыжниковъ и къ madame Чапыжниковъ; госпожи Иванова, Петрова, Сидорова къ Фелисатѣ Егоровнѣ и къ Нинѣ Францовнѣ; разные товарищи предсѣдателей, члены палатъ, секретари и прочее бросились кто куда, но болѣе къ Шписсу и де-Водо, а де-Водо со Шписсомъ ко всѣмъ вообще и въ клубъ въ особенности.

Лихой полицеймейстеръ Гнутъ (изъ отчаянныхъ гусаровъ) на обычной парѣ въ пристяжку (извѣстно что порядочные полицеймейстеры иначе никогда не ѣздятъ какъ только на парѣ въ пристяжку), словно угорѣлый, скакалъ сломя голову съ Большой улицы на Московскую, съ Московской на Дворянскую, съ Дворянской на Покровскую, на Воскресенскую, на Знаменскую, такъ что на сей день не успѣлъ даже завернуть и въ Кривой переулокъ гдѣ обитала его Дульцинея.

Словомъ сказать—„пошла писать губернія!“—трескъ и грохотъ, ѣзда и движеніе поднялись по городу такіе, что могло бы показаться будто всѣ эти господа Новый Годъ справляютъ вмѣсто января да въ апрѣлѣ.

Какое широкое, блестящее поле открылось monsieur Корытникову и Болеславу Храброму для самыхъ героическихъ разказовъ! Каждый изъ нихъ, наперерывъ другъ предъ другомъ, старался вездѣ и повсюду втиснуть прежде всего свое собственное *я*, *я* и *я*. Зудъ любопытства, съ какимъ ихъ слушали, доходилъ до своего рода чесотки. Болеславъ Храбрый, впрочемъ, прохаживался болѣе все насчетъ истощенія всѣхъ мѣръ кротости и вселенія благоразумія, причемъ ни голосъ совѣсти, ни слово религіи, и прочее, и прочее, что уже давно извѣстно читателю. За то monsieur Корытниковъ, въ своемъ пестромъ галстукѣ и щегольскомъ шармеровскомъ пиджакѣ, являлъ изъ себя истиннаго героя. Онъ повѣствовалъ (преимущественно нѣжному полу) о томъ какъ, одинъ и ничѣмъ не вооруженный, смѣло входилъ въ разъяренную и жаждущую огня и крови толпу мятежниковъ, какъ одинъ, своею безстрашною грудью, боролся противу нѣсколькихъ тысячъ звѣрей, которые не испугались даже и двухъ боевыхъ залповъ баталіона, а онъ—однимъ своимъ взглядомъ и словомъ, однимъ присутствіемъ духа сдѣлалъ то, что толпа не осмѣлилась его и пальцемъ тронуть.

— Конечно, прибавлялъ Корытниковъ: — я зналъ что иду почти на вѣрную смерть, я понималъ всю страшную опасность своего положенія; но я шелъ... я шелъ, noblesse oblige... Это былъ мой долгъ.

— Ну, и что жъ? чуть не задыхаясь вопрошали его.

— Ну, и ничего, comme vous voyez. Но, знаете ли, какъ бы ни была раздражена толпа, на нее всегда дѣйствуетъ, и здакъ магически дѣйствуетъ, если противъ нея и даже, такъ сказать, въ сердцѣ ея появляется человѣкъ съ неустрашимымъ присутствіемъ духа... Это покоряетъ.

Короче сказать, выходило что monsieur Корытниковъ чуть ли не одинъ, своею собственною персоной, усмирилъ все возстаніе. Нѣжный полъ и безъ того уже питалъ элегантную слабость къ его шармеровскимъ пиджакамъ, а теперь сталъ питать ее еще больше, по поводу неустрашимости. Monsieur Корытниковъ, въ глазахъ нѣжнаго пола, сдѣлался героемъ. Нельзя сказать, однако, чтобъ и въ своихъ собственныхъ

глазахъ онъ не былъ тѣмъ же. И только одинъ разъ смѣшался и сконфузился онъ, когда кто-то сообщилъ ему, что въ его отсутствіе по Славнобубенску пошли было слухи, будто крестьяне снѣжковскіе его немножко того... розгами посѣкли. Но покраснѣвъ, онъ съ негодованіемъ отвергъ такое невѣроятное предположеніе, и даже самъ потомъ, при встрѣчахъ и разговорахъ, всѣмъ и каждому, въ видѣ предупрежденія, торопился высказать:

— Представьте себѣ! On dit qu'on m'a rossé!... Qu'on m'a rossé!.. Слыхали вы объ этомъ?

Къ вечеру весь городъ уже зналъ, приблизительно въ чертахъ болѣе или менѣе вѣрныхъ, всю исторію печальныхъ снѣжковскихъ событій, которыхъ безотносительно правдивый смыслъ затемняли нѣсколько лишь разсказы Пшецыньскаго да Корытникова, гдѣ одинъ все продолжалъ истощать мѣры кротости, а другой плѣнялъ сердца героизмомъ своей неустрашимости.

Общество Славнобубенска раздѣлилось на двѣ партіи. Одна, къ которой принадлежалъ весь beau monde Славнобубенска, поздравляла водворителей порядка и готовила нѣсколько овацій. Другую партію составляли: два-три молодые, средней руки, помѣщика, кое-кто изъ учителей гимназіи, кое-кто изъ офицеровъ да чиновниковъ, и эта партія овацій не готовила, но чутко выжидала когда первая партія начнетъ ихъ чтобы заявить свой противовѣсъ, какъ вдругъ генералъ съ его адъютантомъ неожиданно были вызваны въ Петербургъ, и по Славнобубенску пошли слухи что на мѣсто его ѣдетъ кто-то новый. Обѣ партіи остановились въ нерѣшительности ожиданія.

V. En petit comité.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день, славнобубенскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ, Непомукъ Анастасіевичъ Гржибъ-Загржимбайло, что̀ называется en petit comité, кормилъ обѣдомъ новоприбывшаго важнаго гостя. Этимъ гостемъ была именно та самая особа которая, по заранѣе еще ходившимъ славнобубенскимъ слухамъ, весьма спѣшно прибыла въ городъ для разслѣдованія снѣжковскаго дѣла и для наблюденія за общественнымъ настроеніемъ умовъ.

Баронъ Иксъ-фонъ-Саксенъ казался особой вполнѣ блистательною и являлъ изъ себя перетянутую въ рюмочку смѣсь петербургскаго дендизма de la haute volée и государственной мудрости. Онъ старался казаться человѣкомъ которому наиближайшимъ образомъ извѣстны всѣ высшіе планы, предначертанія, намѣренія и рѣшенія, который „все знаетъ“, потому что посвященъ во всѣ государственныя тайны первѣйшей важности, но знаетъ ихъ про себя, и только порою, какъ бы вскользь и ненарокомъ, даетъ чувствовать *что* ему извѣстно и *что* онъ можетъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ баронъ такъ милъ, такъ любезенъ, такъ галантенъ, такъ изященъ, баронъ въ дамскомъ обществѣ осторожно и съ такимъ тактомъ даетъ чувствовать что онъ тоже большой руки faulichon, предъ которымъ таютъ и покоряются сердца женскія....

Очаровательная и обольстительная madame Гржибъ (она по всей губерніи такъ ужъ и извѣстна была за очаровательную и обольстительную) казалась въ этотъ день, предъ петербургскимъ свѣтиломъ, еще очаровательнѣй и еще обольстительнѣй, если только это было возможно. Эмилія Александровна все скучала по Петербургу; провинціальная жизнь и губернская скука разстраивали ей нервы и причиняли страданіе, которое она называла „тикомъ“. Ей только и оставалось одно развлеченіе, это — музыка и „ея бѣдные“: и бѣдныхъ, и музыку она очень любила; но теперь madame Гржибъ такъ рада, въ такомъ восторгѣ, въ такомъ восхищеніи что пріѣхалъ изъ Петербурга блистательный баронъ Иксъ-фонъ-Саксенъ, съ которымъ можно сказать „человѣческое слово“.

Самъ monsieur Гржибъ всетщательнѣйше старался показаться наилюбезнѣйшимъ хозяиномъ, опытнѣйшимъ и твердымъ администраторомъ и наидобрѣйшимъ человѣкомъ, у котораго душа и сердце все превозмогаютъ кромѣ долга. Притомъ же поваръ у него былъ отличный, а купецъ Сомовъ поставлялъ ему самыя тонкія вина и превосходные сыры и сигары.

Остальными членами этого petit comité были губернаторскій чиновникъ по особымъ порученіямъ, маленькій, черненькій Шписсъ (вѣроятнѣе всего, изъ могилевскихъ жидковъ) и губернскій прокуроръ Анатоль де-Водо — прелестный молодой правовѣдъ, славнобубенскій левъ и денди, который пѣнялъ сердца своимъ высокимъ теноромъ и ежедневно свѣжими

перчатками. Всегда усердно-преданный Шписсъ и плѣнитель ный Анатоль составляли высшій цвѣтъ славнобубенской молодежи административно - аристократическаго міра и состояли неизмѣнными членами и адъютантами гостиной madame Гржибъ-Загржимбайло.

Итакъ, если взвѣсить всѣ эти ингредіенты въ видѣ Шписса, Анатоля, сыровъ, сигаръ, винъ, повара, любезности хозяина и очаровательности самой хозяйки, входившіе въ составъ совокупнаго угощенія, то нѣтъ ничего мудренаго что блистательный гость, баронъ Иксъ-фонъ-Саксенъ, чувствовалъ себя въ самомъ благодушномъ настроеніи и расположенъ былъ питать и къ Шписсу съ Анатолемъ, и къ Непомуку Анастасіевичу, и тѣмъ паче къ прекраснѣйшей Эмиліи Александровнѣ самыя нѣжныя, благоуханныя чувствованія.

Обѣдъ былъ конченъ, и общество перешло въ гостиную, меблированную какъ и всѣ губернаторскія гостиныя, или, что̀ одно и то же, какъ всѣ губернаторскіе дома, гдѣ мебель и вся принадлежность, заведенныя на казенный счетъ лѣтъ сорокъ тому назадъ, всецѣло переходятъ по наслѣдству отъ одного губернатора къ другому. Но въ этой меблировкѣ, само собою разумѣется, все явно било на извѣстнаго рода представительность. Гостиная даже была не безъ комфорта. Все общество усѣлось вокругъ камина, куда были принесены и поставлены на маленькихъ столикахъ кофе и различные ликеры.

Madame Гржибъ, полнокровно-огненная и роскошная брюнетка, постоянно желала изображать изъ себя созданіе въ высшей степени нервное, идеально-тонкое, эѳирное и потому за столомъ кушала очень мало. Это, между прочимъ, она дѣлала для того чтобы не портить своего голоса, который и Анатоль со Шписсомъ, и весь элегантный міръ Славнобубенска находили безусловно прекраснымъ, а въ данную минуту Эмилія Александровна намѣревалась еще произвести своимъ пѣніемъ рѣшительный эффектъ предъ блистательнымъ гостемъ.

Между Шписсомъ, Анатолемъ и самою генеральшей уже успѣло образоваться нѣчто въ родѣ маленькаго заговора. Ея превосходительство желала чтобы дорогой и блистательный гость унесъ съ собой самое пріятное впечатлѣніе о своемъ пребываніи въ Славнобубенскѣ, и потому они сразу проекту-

ровали въ будущемъ загородный пикникъ на картинномъ берегу рѣки, два вечера, одинъ балъ и „благотворительный“ спектакль съ живыми картинами въ пользу „нашихъ бѣдныхъ“, въ которомъ должны были принять участіе исключительно только „благородные любители“. Сама Эмилія Александровна предназначала для себя двѣ главныя роли: одну въ Тургеневской *Провинціалкѣ*, гдѣ прелестный Анатоль долженъ былъ изображать графа, другую—роль Татьяны въ опереткѣ *Москаль-чарывникъ*, ибо тутъ madame Гржибъ могла показать всю силу и гибкость своего очаровательнаго голоса. Черненькій Шписсъ поспѣшно вызвался при этомъ сыграть подъячаго Финтика. Что касается до живыхъ картинъ, то тутъ madame Гржибъ должна была появиться, во-первыхъ, въ видѣ „молодаго Грека съ ружьемъ“, потомъ „царицей ночи“ и, наконецъ, полупрозрачною „Вакханкой у ручья“. Словомъ сказать, блистательный баронъ долженъ бы былъ уѣхать изъ Славнобубенска не иначе какъ въ концѣ очарованнымъ.

Послѣобѣденнымъ разговоромъ почти безраздѣльно владѣлъ дорогой гость. Губернаторша только задавала вопросы, прилично ахала, вставляла сожалѣнія о своей славнобубенской жизни и оживленно восхищалась разказами барона, когда тотъ, въ нѣсколько небрежномъ тонѣ, повѣствовалъ о послѣдней великосвѣтской сплетнѣ, о придворныхъ новостяхъ, о Кальціоляри и Деверіа, да о послѣднемъ фарсѣ на Михайловской сценѣ.

Среди этой идилліи вдругъ раздался громъ. Вдругъ вошелъ дежурный жандармъ, неизмѣнно пребывающій въ губернаторской прихожей, и подалъ губернатору пакетъ:

— Стахета вашему превосходительству.

Непомукъ, для показанія возможной быстроты въ дѣлахъ службы, не терпящихъ вообще ни малѣйшаго отлагательства, очень спѣшно сорвалъ печать, и многозначительно нахмуривъ брови, принялся за чтеніе. Едва добѣжавъ глазами до половины бумаги, онъ засопѣлъ и всполошился:

— Боже мой! Опять!... Опять бунтъ!... Мятежъ.... возстаніе!... И это у меня!... У меня!... въ моей губерніи! Второй бунтъ у насъ въ губерніи!... Вотъ до чего уже дошло! Вотъ они плоды.... говорилъ онъ съ видомъ встревоженнаго Зевса, но дошелъ до „плодовъ“ и запнулся, ибо спохватился что ново-

прибывшій гость взираетъ на эти „плоды“ со стороны самой либеральной.

Между тѣмъ баронъ, не подвигаясь даже съ креселъ, лѣниво протянулъ къ нему руку за бумагой, и не выпуская изъ зубовъ сигары, сталъ читать самымъ спокойнымъ образомъ.

Это была эстафета отъ полковника Пшецыньскаго, который объяснялъ что вслѣдствіе возникшихъ недоразумѣній и волненій между крестьянами деревни Пчелихи и села Коршаны, не взирая на недавній примѣръ энергическаго укрощенія въ селѣ Высокіе Сѣжки, онъ, Пшецыньскій, немедленно по полученіи совмѣстнаго съ губернаторомъ донесенія мѣстной власти о семъ происшествіи, самолично отправился на мѣсто и убѣдился въ довольно широкихъ размѣрахъ новыхъ безпорядковъ, причемъ съ его стороны истощены уже всѣ мѣры кротости, приложены всѣ старанія вселить благоразуміе, но ни голосъ совѣсти, ни внушенія власти, ни слово святой религіи на мятежныхъ пчелихинскихъ и коршанскихъ крестьянъ не оказываютъ достодолжнаго дѣйствія, „а посему, писалъ онъ, ощущается необходимая и настоятельнѣйшая надобность въ немедленной присылкѣ военной силы; иначе невозможно будетъ черезъ день поручиться за спокойствіе и безопасность цѣлаго края“.

Баронъ умѣренно разсмѣялся, въ томъ родѣ какъ смѣются взрослые надъ дѣтскими страхами.

— Ха-ха-ха! изящно смѣялся онъ, немножко въ носъ и немножко сквозь зубы, какъ только умѣютъ смѣяться послѣ обѣда одни высокоблаговоспитанные люди:—бунтъ! возстаніе! Ха-ха-ха!... Этотъ полковникъ, должно-быть, большой руки трусъ.... Зачѣмъ онъ тамъ?... Да и вообще, скажите мнѣ, что̀ это? Я давеча не успѣлъ хорошенько разспросить у васъ.

— Да помилуйте, баронъ, горячо началъ Непомукъ какъ бы слегка оправдываясь въ чемъ-то,—третьяго дня мы получили отъ тамошняго исправника донесеніе, что по дошедшимъ до него слухамъ, крестьяне этихъ деревень толкуютъ между собой о подложной волѣ; ну, полковникъ тотчасъ же и поѣхалъ туда.... дали знать предводителю.... исправникъ тоже отправился на мѣсто.... а теперь вдругъ опять бунтъ, опять возстаніе!...

— Ха-ха-ха! въ томъ же тонѣ продолжалъ гость: — и сейчасъ уже войско!... И къ чему тутъ войско?... Будто нельзя

и безъ войска дѣлать эти вещи! Я увѣренъ что все это пустяки: просто-на-просто мужички не поняли дѣла; ну, пошумѣли, покричали, ихъ за это наказать, конечно, слѣдуетъ... внушить на будущее время; но зачѣмъ же войско?

— Ахъ, баронъ, по вѣдь вы не знаете! съ фашонабельнымъ прискорбіемъ вмѣшалась генеральша: — вы не знаете что это за народъ! Эта прислуга, напримѣръ! Ну, на что ужь я, губернаторша, и я даже нѣсколько терплю отъ моей прислуги, и я не могу узнать ее за послѣдніе годы.... Конечно, со мной они еще не очень ужь забываются, но.... вообще эта эмансипація ихъ совсѣмъ разбаловала.... Нѣтъ, на первыхъ же порахъ надо, непремѣнно надо показать имъ мѣры строгости, иначе мы всѣ не безопасны!

Баронъ только улыбнулся и рыцарски поклонился ей въ отвѣтъ на эту тираду: дескать, сударыня, пока я здѣсь, можете почивать покойно.

Губернаторша поняла смыслъ этого поклона, и гость былъ награжденъ за него улыбкой самаго обворожительнаго свойства.

— Вообще я увѣренъ что все это пустяки, авторитетно продолжалъ баронъ.—Эти господа не умѣютъ говорить съ народомъ. *Я* поѣду туда.... я покажу имъ.... Помилуйте, какъ съ какими-нибудь мужиками не управиться?... Ха-ха-ха!

— Какъ, и вы тоже хотите ѣхать туда? не безъ страшливаго участія расширила на него свои глаза генеральша.

— Непремѣнно.... и даже сегодня.... Мой долгъ быть тамъ! немножко рисуясь отвѣтилъ баронъ, внутренно весьма довольный собою по двумъ причинамъ: вопервыхъ, что успѣлъ отчасти заявить свою будущую неустрашимость, а вовторыхъ, тѣмъ что возбудилъ участіе и даже опасеніе за свою личность такой прелестной особы. Въ эту минуту онъ почувствовалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ героемъ.

— Такъ, стало-быть, вы, баронъ, полагаете что войска посылать не слѣдуетъ? совѣщательно обратился къ нему Непомукъ, заранѣе изображая выраженіемъ своего лица полнѣйшее и безпрекословное согласіе съ мнѣніемъ блистательнаго гостя.

Блистательный гость немножко призадумался.

„А ну какъ тамъ и въ самомъ дѣлѣ чортъ знаетъ какая кутерьма?“ мелькнуло у него въ умѣ въ этотъ мигъ.

— Мм.... нѣтъ, ужь надобно послать, отвѣтилъ онъ совершенно равнодушнымъ тономъ, — потому, видите ли, этотъ

полковникъ, вѣроятно, успѣлъ уже тамъ и мужикамъ погрозиться войскомъ.... такъ собственно, я полагаю, на всякій случай надо послать.... для того единственно чтобы въ ихъ глазахъ авторитетъ власти не падалъ.

Непомукъ вполнѣ согласился съ этимъ мнѣніемъ.

„А такъ-то оно все какъ будто понадежнѣе," подумалъ про себя баронъ, и чрезъ нѣсколько времени откланялся губернаторшѣ, пожелавшей ему всякихъ успѣховъ, и удалился сдѣлать нѣкоторыя распоряженія къ предстоящему отъѣзду, какъ нельзя болѣе довольный собою и даже полный мечтами о предстоящихъ гражданскихъ подвигахъ.

Въ этотъ вечеръ онъ рѣшительно казался самому себѣ героемъ.

Губернаторша втайнѣ была о немъ того же мнѣнія.

Самъ Непомукъ никакого мнѣнія не выразилъ, но Шписсъ вмѣстѣ съ прелестнымъ Анатолемъ помчались по всему городу и потомъ въ клубъ разказывать интересныя новости о томъ какъ они обѣдали нынче у губернатора вмѣстѣ съ барономъ Иксъ-фонъ-Саксенъ, и что при этомъ говорилъ баронъ, и что *они* ему говорили, и какъ онъ отправился въ Пчелиху самолично укрощать крестьянское возстаніе, и что вообще баронъ, это—un charmant homme, и что они отъ него въ восторгѣ.

Весь городъ Славнобубенскъ необыкновенно интересовался новоприѣзжимъ блистательнымъ гостемъ. Про него уже кое-гдѣ начинали даже ходить своеобразно-фантастическія легенды. Однакоже, увы! барону не удалось ни въ Пчелихѣ, ни въ сосѣднихъ съ нею Коршанахъ проявить свое гражданское мужество. Прискакавъ на мѣсто, онъ, вопреки своимъ ожиданіямъ, не нашелъ ни площади залитой массами народа, ни яростныхъ воплей мятежа, ни кольевъ, ни дубинъ съ топорами: мужики самымъ обыденнымъ порядкомъ справлялись себѣ по своимъ дворамъ, около домашняго обихода, и ничто ни малѣйшимъ образомъ не подавало намека на то о чемъ столь краснорѣчиво извѣщало донесеніе. Барона это весьма озадачило. Онъ засталъ еще на мѣстѣ исправника и полковника Пшецыньскаго, который съ кисловатою физіономіей собирался по добру, по здорову уѣзжать восвояси. Дѣло было такимъ образомъ: между крестьянами Пчелихи и Коршанъ, дѣйствительно, ходили темные слухи о подложной волѣ, о грамотѣ „за золотою строчкой". Бдительное начальство

не упустило, конечно, тотчасъ же донести объ этомъ. Пріѣхалъ Пшецынскій и велѣлъ собрать на площадь всю деревню. Когда деревня была собрана, онъ энергически сталъ укрощать бунтовщиковъ, но бунтовщики, по обыкновенію, за бунтовщиковъ себя не признали, и потому полковникъ прибѣгнулъ къ укрощенію еще болѣе энергическому, съ помощію десятка казаковъ, которые, какъ извѣстно, имѣютъ обыкновеніе носить при себѣ нагайки. Мужики при этомъ самовольно разбѣжались по избамъ, вслѣдствіе чего полковникъ и послалъ эстафету съ требованіемъ военной силы. Мужики, провѣдавъ объ этомъ и вспомня кстати Высокіе Сапожки, что̀ называется, всемъ взвыли и послали къ полковнику выборныхъ со слезнымъ прошеніемъ не губить ихъ животишекъ. Полковникъ потребовалъ выдачи „зачинщиковъ“. Мужики опять взвыли, потому что зачинщиковъ указать не могли, по той довольно простой причинѣ что таковыхъ и не было между ними.

— Кто же пустилъ слухи о золотой строчкѣ?

— А Христосъ его вѣдаетъ кто! Сказывали, будто въ кабакѣ какой-то прохожій, не то парень, не то дворовый человѣкъ по виду.

— А кто сказывалъ?

— Сказывалъ Гаврила Косой да Степанъ Бурлаковъ.

— Подать сюда Гаврилу Косаго и Степана Бурлакова! Они-то, значитъ, и есть первые распространители смутительныхъ слуховъ!

Подали Гаврилу со Степаномъ.

— Вы распространяли?

— Виноваты, батюшка!

— Въ кандалы ихъ, да въ острогъ на слѣдствіе!

Забили въ кандалы и отправили подъ конвоемъ, а въ деревнѣ все тихо и спокойно. Полковникъ не довѣряетъ и ждетъ волненія, но о таковомъ и въ поминѣ нѣтъ. Полковникъ все ждетъ, волненіе не приходитъ. Онъ начинаетъ сердиться, потомъ приходитъ въ нѣкоторое уныніе, физіономія его окисляется недовольствомъ, и Болеславъ Казиміровичъ приказываетъ закладывать себѣ лошадей, какъ вдругъ въ эту минуту, нежданно-негаданно, пріѣзжаетъ блистательный баронъ Иксъ-фонъ-Саксенъ въ своемъ выразительномъ военномъ мундирѣ. Полковникъ пораженъ, полковникъ озадаченъ, но все это длится не болѣе минуты: вдохновеніе

свыше осѣнило его голову, и съ сіяющимъ лицомъ, онъ почтительнѣйше докладываетъ его превосходительству, что сколь ни трудно было ему, Пшецыньскому, при усердномъ содѣйствіи мѣстной власти, водворить порядокъ, тишину и спокойствіе, но наконецъ мѣры кротости, совокупно съ увѣщаніемъ святой религіи, воздѣйствовали, и авторитетъ власти, стараніями ихъ, возстановленъ вполнѣ. Баронъ остается очень доволенъ усердіемъ и дѣйствіями мѣстныхъ властей и въ особенности столь почтительнаго къ его особѣ полковника, и уѣзжаетъ съ твердымъ намѣреніемъ исходатайствовать этому усердію достодолжную награду, въ сладостной надеждѣ на которую уѣзжаетъ вслѣдъ за нимъ и Пшецыньскій.

VI. Наканунѣ тризны.

— Monsieur Хвалынцевъ! Monsieur Хвалынцевъ! закричалъ и замахалъ съ дрожекъ monsieur Корытниковъ, встрѣтясь со студентомъ подъ вечеръ на Дворянской улицѣ.

Тотъ остановился.

Корытниковъ спрыгнулъ къ нему на тротуаръ.

— Не хотите ли участвовать? Подпишитесь-ка!

— Въ чемъ участвовать? На что подписаться прикажете?

— На обѣдъ. Мы отъ всего нашего общества, ну, и администрація тоже, устраиваемъ обѣдъ въ клубѣ, по подпискѣ— пятнадцать рублей съ персоны.

— Да ради чего жъ это?

— Mais comment, „ради чего“! Обѣдъ въ честь барона фонъ-Саксена, понятное дѣло!

— Извините, monsieur Корытниковъ, немножко не понимаю, недоумѣло возразилъ Хвалынцевъ,—зачѣмъ же это именно въ честь барона?

— Ну-у! Voilà la question! Надо же выразить ему наше.... э-э.... наше сочувствіе.... нашу признательность. Вѣдь цѣлый край въ опасности. Ваши собственные интересы, да и на конецъ вы сами, comme un membre de la noblesse, можете пострадать, еслибы не баронъ. Вѣдь почемъ знать, все еще можетъ случиться.

— Да; но покамѣсть-то онъ еще ровно ничего не сдѣлалъ такого, за что мы могли бы изъявлять нашу признательность: человѣкъ только-что пріѣхать успѣлъ.

— Ну, вотъ какъ вы все понимаете! чуть-чуть подфырк-

нулъ предводитель: — „не сдѣлалъ“; ну, все равно, сдѣлаетъ! Это все равно. Такъ какъ же? Подпишетесь?

— Нѣтъ, ужь увольте! суховато поклонился Хвалынцевъ.

— Mais pourquoi pas? удивлялся Корытниковъ.

— Да такъ. Я вѣдь не изъ крупныхъ собственниковъ и, коли вы ужь такъ хотите знать причину, для меня и пятнадцать рублей—деньги.

Предводитель не могъ скрыть легкой пренебрежительной и какъ бы сожалѣющей усмѣшки.

— А жаль! процѣдилъ онъ сквозь зубы: — обѣдъ проектированъ прекрасный, чтобъ ужь лицомъ въ грязь не ударить, и музыка, и спичи будутъ, и все такое....

— Ну, желаю вамъ пріятнаго аппетита, поклонился Хвалынцевъ, и повернувшись, пошелъ себѣ далѣе.

„Эге! такъ вотъ ты изъ какихъ гусей!“ съ нѣкоторою злобой оскорбленія подумалъ ему вслѣдъ Корытниковъ, въ маленькомъ замѣшательствѣ прыгая на свою щегольскую эгоистку.

„И это предводитель!... Этотъ пробковый манекенъ для шармеровскихъ костюмовъ!“ не безъ горечи подумалъ въ свою очередь Хвалынцевъ.

— Ба!... Пріятель!... Дружище!... Какими судьбами? растопыривъ объятія, загородилъ ему вдругъ дорогу маленькій плотный человѣчекъ, плотно выстриженный подъ гребенку.

— Господи помилуй!... Устиновъ!... Да ты ли это? радостно изумился Хвалынцевъ.

— Какъ видишь! Самолично, своею собственною персоной!... Вотъ встрѣча-то!.. Ну, облобызаемся!

И пріятели обнялись, и мягкія, немного влажныя губы Устинова влѣпили три звонкіе поцѣлуя въ розовыя щеки Хвалынцева.

— Ты никуда теперь особенно не торопишься? спросилъ Устиновъ.

— Ровнехонько никуда. Просто, вышелъ себѣ пошататься.

— Ну, такъ правое плечо впередъ, и маршъ ко мнѣ въ мое лóгово! Испіемъ сначала пива, по-старому, а потомъ потолкуемъ. Повѣствуй ты мнѣ какъ, что, почему и зачѣмъ, и давно ли ты здѣсь?

— Можно! согласился Хвалынцевъ:—да скажи, пожалуста, какими ты-то судьбами?

— Э! ангелъ мой! Я уже тутъ около года, прямо съ уни-

верситетской скамейки. Учительству я славнобубенское юношество математикой просвѣщаю. Славные, чортъ возьми, ребята! Да, кстати! ударилъ онъ себя по лбу: — ты вѣдь, конечно, съ нами завтра?

— То-есть гдѣ это съ вами? Когда?

— Да развѣ не слышалъ? Завтра, въ четыре часа, послѣ вечерни, у Покрова панихида служится по убитымъ въ Снѣжкахъ. Будешь?

— Съ охотой, отвѣтилъ Хвалынцевъ: — а ты слышалъ? Завтра обѣдъ въ клубѣ.

Устиновъ кивнулъ головой.

— А вѣдь въ Питерѣ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ подумаютъ что здѣсь и нивѣсть какія красныя страсти были, особенно какъ распишутъ-то! чрезъ минуту промолвилъ онъ въ грустномъ раздумьи.

VII. Панихида.

На другой день, въ четвертомъ часу пополудни, въ городѣ было значительное движеніе, особенно по Большой и Покровской улицамъ. И тамъ, и здѣсь катались экипажи, сновали извощичьи пролетки и безобразныя дроги, на которыхъ вмѣщалось по три и по четыре человѣка сѣдоковъ. Дамы, не имѣющія счастья принадлежать къ сливкамъ славнобубенскаго общества, но тѣмъ не менѣе сгарающія желаніемъ узрѣть интереснаго барона Иксъ-фонъ-Саксена, несмотря на весеннюю слякоть, прогуливались по большой улицѣ, вмѣстѣ съ своими кавалерами, роль которыхъ исполняли по преимуществу господа офицеры Новоземельскаго пѣхотнаго полка, вконецъ затершіе господъ офицеровъ баталіона внутренней стражи.

День былъ солнечный, весенне-яркій. Воробьи, на голыхъ прутьяхъ да по заборамъ, вертѣлись и трещали самымъ задорнымъ образомъ. Мутные ручьи бѣжали по улицамъ. Капель звонко падала съ крышъ на шапки да на носы прохожему люду. Извощичьи пролетки и „собственные“ экипажи, представительно гремя по камнямъ мостовой, обнажающимся изъ-подъ ледяной коры, останавливались предъ дверьми разныхъ магазиновъ, по преимуществу у перваго въ городѣ парикмахера Француза да у единственнаго перчаточника, и потомъ иногда на минуту подкатывали къ клубному подъѣзду.

Простыя же, несуразыя дроги направлялись болѣе все на Покровскую улицу. Туда же торопились и пѣшеходы, между которыми мелькали красные околыши гимназическихъ фуражекъ и шинели семинаристовъ.

Двери Покровской церкви были открыты. Кучка народу, изъ разряда „публики“, стояла на паперти. Частный приставъ уже раза четыре успѣлъ какъ-то озабоченно прокатиться мимо церкви на своихъ кругленькихъ, сытыхъ ваточкахъ. Вотъ взошли на паперть и затерялись въ „публикѣ“ три-четыре личности, какъ будто переодѣтыя не въ свои костюмы. Вотъ на щегольской пролеткѣ подкатилъ маленькій черненькій Шписсъ, а чрезъ нѣсколько времени показался въ церкви и прелестный Анатоль де-Водо.

Кучка „публики“, ожидавшая на паперти, понемногу прибавлялась. Въ серединѣ стоялъ высокаго роста господинъ въ синихъ очкахъ и войлочной, нарочно смятой шляпѣ, изъ-подъ которой въ безпорядкѣ падали ему на плечи длинные, густые, курчавые и вдобавокъ нечесаные волосы. Клинообразная, темнорусая борода какъ нельзя болѣе гармонировала съ прической, и весь костюмъ его являлъ собою нѣсколько странное смѣшеніе: поверхъ красной кумачовой рубахи-косоворотки на немъ было надѣто драповое пальто, сшитое нѣкогда съ очевидною претензіей на моду; широкія триковыя панталоны, покроемъ à la zouave, небрежно засунуты въ голенища смазныхъ сапоговъ; въ рукахъ его красовалась толстая суковатая дубинка, изъ породы тѣхъ что выдѣлываются въ городѣ Козьмодемьянскѣ.

Подлѣ него, какъ моська предъ слономъ, вертѣлся, юлилъ, хлопоталъ и суетился крошечный, подслѣповатый блондинчикъ съ жидкими, слабыми волосенками и мизерною щепотью какой-то скудной растительности на подбородкѣ. Эта маленькая, щедушная юла была то что называется золотушный пискунокъ, и принадлежала къ породѣ дохленькихъ. Пискунокъ состоялъ чѣмъ-то въ родѣ добровольнаго адъютанта или ординарца при особѣ своего плечистаго сосѣда въ кумачовой рубахѣ, и въ разговорахъ относился къ нему съ пріятельскимъ почтеніемъ. Остальные члены этой кучки составляли народъ болѣе или менѣе знакомый и между собою, и съ двумя изображенными господами.

— Что жь это плохо собираются, суетливо пищалъ дохленькій блондинчикъ, то обращаясь къ окружающимъ, то на

цыпочкахъ устремляя взглядъ вдаль по улицѣ:—ай-ай, господа, какъ же это такъ!... *Наши* еще не всѣ на лицо.... Пожалуста же, господа, смотрите чтобы все такъ какъ условлено!... Господа!... господа! послѣ панихиды чуръ не расходиться!... Пожалуста, каждый изъ васъ пустите въ публикѣ слухъ, чтобы по окончаніи всѣ сюда, на паперть: Ардаліонъ Михайловичъ слово будетъ говорить.

При этомъ блондинчикъ самодовольно, однако не безъ почтительности, искоса бросилъ взглядъ на кумачовую рубашку.

— А какое слово-то! на ухо обратился онъ къ одному изъ кучки: — то-есть, я тебѣ скажу, огонь!... огонь!... Экая голова-то!...

— Анцыфровъ! окликнулъ Ардаліонъ Михайловичъ своего адъютантика, который тотчасъ же подбѣжалъ къ нему съ такимъ видомъ, что необыкновенно живо напомнилъ собою кобелька виляющаго закорюченнымъ хвостикомъ:—ты что это, болванъ, болтаешь то тамъ!... Не можешь на полчаса подержать за зубами....

— Я.... я, Ардаліоша.... вѣдь свои же, надобно чтобы знали.... да я, впрочемъ, что же.... я, въ сущности, ничего, оправдывался дохленькій.

— Ну, то-то!... Ты гляди у меня!... А вотъ что скверно, значительно понизилъ онъ тонъ: — сѣраго-то народу почти совсѣмъ нѣтъ, чуекъ-то этихъ мало.

— Мало, Ардаліоша, мало! пожавъ плечами, вздохнулъ Анцыфровъ:—а для виду-то, для представительности, не мѣшало бы....

— Такъ ты чего же спалъ-то! Вѣдь говорилъ вчера чтобы по кабакамъ да по харчевнямъ....

— Да я, Ардаліоша.... упрекнуть ты меня, кажись, не можешь! Я не то что по харчевнямъ, я и по базарамъ потатался.

— Потатался! передразнилъ его собесѣдникъ: — слизнякъ ты, братецъ, вотъ что! добавилъ онъ ему съ весьма откровеннымъ и презрительнымъ пренебреженіемъ.

Анцыфровъ какъ-то неловко помялся да искательно ухмыльнулся въ отвѣтъ на эту выходку, но не возразилъ ни слова.

Въ эту минуту мимо церкви проходили два какіе-то зипуна.

Ординарчикъ, словно пущенный волчокъ, мигомъ сбѣжалъ къ нимъ со ступеней и остановилъ ихъ обоихъ.

— Братцы! обратился онъ къ нимъ:—зайдите въ церковь!... Помолитесь вмѣстѣ!

Тѣ удивленно оглядѣли его съ головы до ногъ.

— Помолитесь!... За своихъ.... за нашихъ, за родныхъ братьевъ! продолжалъ межъ тѣмъ дохленькій.

— За какихъ-те братьевъ? опросилъ его зипунъ.

— Слыхали про Высокіе Снѣжки? какъ въ Снѣжкахъ генералы въ мужиковъ стрѣляли? Такъ вотъ по убитымъ теперь панихиду правимъ.... Зайдите, братцы!

— Панафиду?... Нáшто же это панафиду?

— Какъ на что! Вѣдь Христовы мученики, братцы! Помолитесь за упокой!... Вѣдь это братья ваши!

— Да мы не снѣжковскіе, мы съ Чурилова погоста, возразилъ другой зипунъ:—намъ-то что!

— Все равно, братцы!... Всѣ мы христіане, всѣ въ Бога вѣруемъ.... всѣ по Христу-то вѣдь братья! приставалъ межъ тѣмъ блондинчикъ:—сегодня генералы въ снѣжковскихъ стрѣляли, завтра въ васъ стрѣлять будутъ; это все равно!

— Въ на-асъ? недоумѣло ухмыльнулся мужикъ и снова оглядѣлъ съ головы до ногъ Анцыфрова:—что ты, шалый, что ли!... Пойдемъ, Митряй; что толковать-то! кивнулъ онъ своему спутнику.—Пусти, баринъ! недосугъ намъ.

И мужики прошли мимо Ардаліоновскаго ординарчика, который стоялъ словно несолоно похлебавши и наконецъ медленно сталъ подыматься на паперть.

— Вотъ, самъ видишь! какъ бы оправдываясь, тихо обратился онъ къ Ардаліону:—нейдутъ, а отчего—чортъ ихъ знаетъ!

— Оттого что ты дуракъ! съ неудовольствіемъ перекосивъ брови, буркнулъ тотъ ему подъ носъ.

— Ну вотъ, и всегда такъ.... обиженно пробормоталъ второну ординарчикъ, разведя руками.

Подошло еще нѣсколько публики и между прочимъ двѣ-три молодыя дамы, да три-четыре дѣвицы, изъ которыхъ половина была съ остриженными волосами, прическа начинавшая въ то время сильно входить въ употребленіе въ кружкахъ извѣстнаго рода.

— Здравствуйте, Анцыфровъ!... Полояровъ, здравствуйте! обратилась одна изъ нихъ къ ординарцу и его патрону, протягивая обоимъ руку.

Полояровъ оглядѣлъ ее, но не поклонился и руки не подалъ.

— Полояровъ! я вамъ кланяюсь, я вамъ руку протягиваю:— не видите, что ли? или не узнали? широко улыбаясь, замѣтила ему дѣвица.

— Нѣтъ, вижу-съ и узналъ-съ, возразилъ Ардаліонъ:—а руки не подаю, потому терпѣть не могу этихъ барскихъ замашекъ! На кой вы чортъ перчатки-то напялили? аристократизмомъ, что ли, поразить насъ вздумали? ась?

Дѣвушка немножко сконфузилась и торопливо сдернула свои свѣженькія перчатки.

— Ну, вотъ теперь статья иная! Давайте сюда вашу лапу! ментерски одобрительнымъ тономъ похвалилъ Ардаліонъ и крѣпко потрясъ руку дѣвушки.—Да что жъ это богомокрицы эти нейдутъ панихиду козлогласовать-то намъ! обратился онъ къ окружающимъ, видимо желая порисоваться и щегольнуть пикантностью своей послѣдней фразы, впрочемъ цѣликомъ почерпнутой изъ *Колокола*:—Ацыфровъ! слетай за ними, пригласи, что пора, молъ! публика собралась и ждетъ спектакля.

Ацыфровъ полетѣлъ за священниками.

— Послушайте, Полояровъ, я сейчасъ заглянула въ церковь, обратилась къ Ардаліону та самая дѣвица которой онъ сдѣлалъ выговоръ по поводу перчатокъ:—вы говорили вчера что въ этомъ приметъ участіе народъ, тамъ почти никого нѣтъ изъ мужиковъ?

— Ну, такъ что же-съ? хмуро повелъ бровями Полояровъ.

— Да вѣдь это.... какъ хотите, совсѣмъ не то выходитъ.

— А по-вашему что же?... Вы-то собственно чего же хотѣли бы?

— Да я.... я было думала.... я увѣрена была что все это дѣло народное.

— Вы, Лубянская, все глупости думаете!... Когда я васъ отучу отъ этого!... Народъ! Да развѣ мы съ вами не народъ?

— Но я думала, что мужики....

— „Мужики! Мужики!“ Что такое „мужики“?... Мужики— это вздоръ! Никакихъ тутъ мужиковъ намъ и не надобно. Главная штука въ томъ, значительно понизилъ онъ голосъ, наклоняясь къ лицу дѣвушки:—чтобы демонстрацію сдѣлать.... демонстрацію правительству, поймите вы это, сахарная голова!

— Но.... еслибы съ нами и мужики....

— Еслибы да ежели бы, такъ и люди-то не жили бы! перебилъ ее Полояровъ:—слыхали вы про это, аль нѣтъ? Однако пойдемте въ церковь, вонъ ужь и козлы спѣшатъ, рубли себѣ чуютъ, прибавилъ онъ, кивнувъ на приближавшагося священника съ дьякономъ, вслѣдъ за которыми, перепрыгивая по-грязи съ камушка на камушекъ, поспѣшала и маленькая фигурка Анцыфрова.

И вотъ, минутъ черезъ пять послѣ этого, священникъ съ дьякономъ вышли изъ алтаря, въ черныхъ ризахъ, и начали панихиду. На двухъ клиросахъ помѣщались хоры, составившіеся тутъ же изъ публики. Между присутствующими виднѣлось нѣсколько чуекъ, сермягъ и полушубковъ, но очень и очень немного, да и то въ число ихъ же приходилось включить и тѣхъ трехъ-четырехъ господъ которые явились сюда переодѣтыми въ чужіе костюмы.

— Эхъ, чортъ возьми! досадно! бурчалъ себѣ сквозь зубы Ардаліонъ, поглядывая на это скудное количество субъектовъ долженствовавшихъ изображать собой простой „народъ“:—ослы! илоты!... Ничѣмъ не прошибешь ихъ! *Разсѣ*матушка! Но.... ничего! благо и эти-то есть! успокоительно подумалъ онъ, все-таки отпишемъ что церковь-де была полна народомъ, а тамъ — поди, повѣряй насъ!... Штука-то все-таки сдѣлана, и штука хорошая!“

Мерцаніе восковыхъ свѣчъ, въ рукахъ присутствующихъ, какъ-то странно мѣшалось съ яркими лучами солнца, которые врывались за рѣшетки церковныхъ оконъ и радужно позлащали ароматныя струи ладана.

Хвалынцевъ съ Устиновымъ стояли, прислонясь къ стѣнѣ, а рядомъ съ ними стала почтенная старушка и молоденькая дѣвушка, при появленіи которыхъ учитель молча отвѣсилъ почтительный поклонъ. Обѣ были одѣты въ черное. Лицо этой дѣвушки невольно остановило на себѣ вниманіе Хвалынцева. Нельзя сказать чтобъ оно кидалось въ глаза своею красотой. Далеко нѣтъ; но въ немъ было нѣчто такое что всегда заставило бы человѣка мыслящаго, психолога, поэта, художника, изъ тысячи женскихъ лицъ остановить вниманіе именно на этомъ. Живая душа въ немъ сказывалась, честная мысль сквозила, хорошій человѣкъ чуялся, человѣкъ который не продастъ, не выдастъ, который если полюбитъ, такъ ужь хорошо полюбитъ, всею волей, всею мыслью, всѣмъ желаніемъ своимъ; человѣкъ, который смотритъ прямо въ глаза

людямъ, не задумается отрѣзать имъ напрямикъ горькую правду и самъ способенъ столь же твердо выслушать отъ людей истину еще горьчайшую. Знакомы ли вамъ тонкія, нѣжныя черты бѣлокурыхъ женскихъ лицъ, въ которыхъ, несмотря на эту тонкость и женственную нѣжность, чуется здоровая мысль, характеръ твердый, настойчивый и сила воли энергическая? Таково именно было лицо этой молодой дѣвушки. На видъ ей казалось лѣтъ семнадцать, но она была старше: ей пошелъ ужь двадцатый годъ. При небольшомъ ростѣ, маленькая, изящная фигурка ея отличалась гибкою стройностью. Лицо было блѣдно, съ легкимъ, чуть-чуть сквозящимъ румянцемъ; на вискахъ тонкія жилки голубѣли; но что придавало этому лицу особенную прелесть, это бархатно-густыя, темныя, длинныя рѣсницы надъ выразительно-большими голубыми глазами. Когда она задумчиво опускала вѣки, рѣсницы ея, кидая тѣнь, придавали какую-то таинственную глубину взору.

Стояла эта дѣвушка, облитая веселымъ солнцемъ которое удивительно золотило ея свѣтлорусые волосы, стояла тихо, благоговѣйно, и на лицѣ у нея чуть замѣтно мелькалъ оттѣнокъ мысли и чувства горькаго, грустнаго: она хорошо знала по комъ правится эта паннихида.... Лицо ея спутницы-старушки тоже было честное и доброе.

Хвалынцевъ, во время службы, нѣсколько разъ останавливалъ глаза на обѣихъ, но лицо дѣвушки тянуло къ себѣ его взоры болѣе и чаще. Раза два ихъ взгляды скрестились и встрѣтились, и чувствовалъ онъ что выходитъ это невольно, какъ-то само собою.

Дѣвица Лубянская и съ нею двѣ ея стриженыя подруги стояли рядомъ съ Полояровымъ и о чемъ-то все хихикали да перешептывались между собой. Не мало утѣшалъ ихъ дохленькій Анцыфровъ, который все время старался корчить умильныя гримасы, такъ чтобъ это выходило посмѣшнѣе, и представлялся усердно молящимся человѣкомъ: онъ то ахалъ и вздыхалъ, то потрясалъ головой, то билъ себя кулаками въ грудь, то простирался ницъ и вообще желалъ щегольнуть предъ сосѣдними гимназистами и барышнями своимъ независимымъ отношеніемъ къ дѣлу religiu и церковной службѣ. Поэтому, продѣлывая всѣ свои штуки, онъ послѣ каждаго пассажика искалъ себѣ глазами по сторонамъ

одобрительныхъ, поощряющихъ взглядовъ, и въ такомъ недостатка не было.

Полояровъ тоже ощутилъ въ себѣ нѣкоторое присутствіе веселаго настроенія и все задувалъ свѣчку сосѣдки своей Лубянской, а та поминутно ее зажигала и наконецъ, въ отместку, стала задувать и его свѣчу. Вообще, въ этой группѣ то и дѣло раздавалось смѣшливое фырканье и довольно громкіе безцеремонные разговоры. Нѣсколько впереди ихъ сталъ частный приставъ, катавшійся все время мимо церкви на своихъ вяточкахъ и теперь нашедшій нужнымъ появиться въ храмѣ „на случай могущихъ произойти безпорядковъ“. У дверей торчали три-четыре полицейскіе солдата и помощникъ пристава, которые вошли сюда вмѣстѣ со своимъ принципаломъ.

Частный уже неоднократно оборачивалъ взоры на хихикавшую группу съ выраженіемъ внушительной строгости, но его юпитеровскіе взгляды возбуждали еще болѣе веселость компаніи. А эта веселость поддерживалась не мало также и тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣсколько школьниковъ сбрызгивали капли талаго воска на спину недогадывавшагося объ этомъ блюстителя порядка.

— Эхъ, господа гимназисты стоятъ-то позади его, сказалъ Полояровъ тихо, но такъ что близъ стоявшіе мальчики очень хорошо могли его слышать:—что бы догадаться кому стать бы эдакъ на колѣнки, да словно бы невзначай и поджечь ему пальтишко, вотъ бы комедія вышла!

Такая богатая мысль не могла не придтись по вкусу гимназистамъ, и потому исполненіе ея ни мало не замедлилось. Одинъ шустрый мальчуганъ пробрался какъ разъ къ частному, сталъ совсѣмъ близко позади его, и точь-въ-точь по рецепту Полоярова, опустясь съ земнымъ поклономъ на колѣни, приблизилъ свѣчу свою къ краю форменнаго пальто пристава. Толстый драпъ тотчасъ же задымился и распространилъ вокругъ себя запахъ смрадной гари.

Частный озабоченно и недоумѣло поднялъ голову и, внюхиваясь, поводилъ впереди себя носомъ. Гимназисты фыркали въ кулакъ, а компанія Полоярова корчила серіозныя мины и кусала губы чтобы въ конецъ не расхохотаться.

Вдругъ подожженный частный обернулся и поймалъ школьника на мѣстѣ. Тотчасъ же сцапалъ онъ его за руку и кивнулъ своему помощнику. Но такъ какъ помощникъ не

замѣчалъ начальничьяго kивка, то частный самолично повелъ мальчугана изъ церкви.

Перетрусившій гимназистъ поблѣднѣлъ и, упираючись, забормоталъ kакія-то извиненія.

Двое изъ учителей, вмѣстѣ съ товарищами мальчугана да кое съ кѣмъ изъ публики, засуетились.

— Господа!... господа!... захлопоталъ и забѣгалъ маленькій Анцыфровъ:—полиція.... полиція дѣлаетъ безпорядки.... полиція первая нарушаетъ.... Это, наконецъ, чортъ знаетъ что!... Этого нельзя позволить.... это самоуправство.... это возмутительно!...

Въ церкви поднялось замѣтное движеніе. Священникъ нѣсколько разъ обернулся на публику, но тѣмъ не менѣе продолжалъ службу. Начинался уже нѣкоторый скандалъ. Полояровъ стоялъ въ сторонѣ и съ миной которая краснорѣчиво выражала все его великое, душевное негодованіе на полицейское самоуправство, молча и не двигаясь съ мѣста наблюдалъ всю эту сцену, только рука его энергичнѣе сжимала суковатую палицу.

— Полояровъ!... Полояровъ! шептала Лубянская, дергая за рукавъ своего сосѣда:—послушайте, вѣдь ему, пожалуй, плохо будетъ; надо заступиться.

— Заступятся, равнодушно, но съ увѣренностью отвѣтилъ Ардаліонъ Михайловичъ.

— Пойдемте вмѣстѣ.... всѣ пойдемте.... отнимемте его!

— Отнимутъ и безъ насъ.

— Но поглядите: его уже взяли полицейскіе.... его уводятъ!

Дѣйствительно, двое городовыхъ, поспѣшившіе наконецъ на призывъ частнаго, подхватили мальчугана за руки и всѣмъ своимъ наличнымъ полицейскимъ составомъ повели его вонъ изъ церкви, несмотря на осаждавшую ихъ публику. Значительная кучка этой публики пошла вмѣстѣ съ ними считаться на воздухѣ съ частнымъ приставомъ и выручать пойманнаго школьника.

— Полояровъ, подите и вы! Надо чтобы *вы* заступились, приставала межъ тѣмъ Лубянская.

— Я-то? отозвался Ардаліонъ съ тою снисходительною усмѣшкой, какою взрослые улыбаются иногда маленькимъ дѣтямъ: — вы, Лубянская, говорю я вамъ, вѣчно однѣ только глупости болтаете! Ну чорта ли я заступлюсь за него, коли тамъ и безъ меня довольно. Мой голосъ пригодится еще

сегодня же для болѣе серіознаго и полезнаго дѣла, сами знаете; такъ чорта ли мнѣ въ пустяки-то путаться.

— Но что же теперь будетъ съ нимъ, съ бѣдненькимъ?

— Что?... А ничего больше что выпорютъ маленько, да и вся недолга.

— Но вѣдь это ужасно!

— Чего-съ ужасно? Порка-то? Ничего! Это ихнему брату даже полезно иногда бываетъ. Насъ вѣдь тоже посѣкали, бывало; это ничего!... Оно, знаете ли, эдакое спартанское воспитаніе, пожалуй, и не вредитъ: для будущаго годится, потому, мальчишка послѣ этого, гляди, озлобится больше, а это хорошо, злоба-то!

— Но, вѣдь, можетъ быть и хуже: его могутъ исключить изъ гимназіи.

— Ну, и исключатъ, такъ что же? Эко горе!... Коли есть батька на плечахъ, то и безъ гимназіи пробьетъ себѣ путь, а нѣтъ батьки, туда и дорога!

Между тѣмъ двое учителей да кое-кто изъ публики частію угрозами, частію просьбами и убѣжденіями успѣли-таки отратовать мальчугана у полиціи и съ торжествомъ привели его обратно въ церковь.

Движеніе возбужденное всѣмъ этимъ происшествіемъ затихло, угомонилось, и присутствующіе довольно благообразно достояли до конца панихиды. Многіе явились въ эту церковь съ чистымъ, сердечнымъ желаніемъ помянуть убіенныхъ, и между ними были Устиновъ съ Хвалынцевымъ да та молодая дѣвушка со старушкой которыя стояли рядомъ съ ними. Многіе пришли такъ-себѣ, ни для чего, лишь бы поболтаться гдѣ-нибудь отъ бездѣлья, подобно тому какъ идутъ они въ маскарадъ или останавливаются поглазѣть предъ любою уличною сценой; многіе прискакали для заявленія своего либерализма; но чуть ли не бо́льшая часть пожаловали сюда съ цѣлями совсѣмъ постороннимі, ради одной демонстраціи, которую Полояровъ съ Анцыфровымъ считали въ настоящихъ обстоятельствахъ дѣломъ первѣйшей необходимости.

Вниманіе молодой сосѣдки Хвалынцева было слишкомъ исключительно и серіозно приковано къ церковной службѣ, такъ что она мало обратила его на скандальчикъ происшедшій по поводу подожженаго пальто частнаго пристава.

Между тѣмъ пропѣли вѣчную память. Священникъ удалился

въ алтарь разоблачаться, а къ сосѣдкѣ Хвалынцева, самымъ галантнымъ образомъ, вдругъ подлетѣлъ прелестный Анатоль де-Водо и развязно раскланялся.

— Какъ!... И вы тоже здѣсь? подняла на него дѣвушка свои непритворно-изумленные взоры.

— А почему же бы нѣтъ? отчасти самодовольно порисовался Анатоль.

— Да что вамъ здѣсь дѣлать, monsieur де-Водо?

— Mais, mademoiselle.... mes sympathies... mes convictions, замялся чуточку правовѣдъ.

— Monsieur a donc des convictions? слегка улыбнулась дѣвушка.

— Я человѣкъ своего поколѣнія, пожалъ плечами Анатоль, нѣсколько сконфузясь отъ столь откровеннаго вопроса.

— А monsieur Шписсъ?... вѣдь вы съ нимъ, что называется, les inséparables.... Его тоже привлекли сюда симпатіи и убѣжденія? продолжала она, все съ тою же легкою улыбкой, замѣчая что ея вопросы начинаютъ коробить прелестнаго правовѣда.

— Шписсъ самъ по себѣ, процѣдилъ тотъ сквозь зубы.

— По своей особой части, значитъ.

— То-есть, какъ это по особой?... Я знаю Шписса за порядочнаго человѣка, вступился де-Водо за своего пріятеля.

— О, да!! совсѣмъ *comme il faut!* Я въ этомъ никогда не сомнѣвалась, подтвердила дѣвушка. — Ну, а на обѣдѣ вы будете сегодня?

— Человѣку сродно питать себя, заботиться о стомахѣ, такъ-сказать, попытался Анатоль вильнуть въ сторону.

— Нѣтъ, я спрашиваю про клубъ, на обѣдѣ въ клубѣ?

— Буду.... нехотя отвѣтилъ онъ, свернувъ глаза куда-то въ пространство.

— И тоже par conviction? прищурясь, улыбнулась дѣвушка.

— Н-нѣтъ, далеко не такъ.... но.... по обязанности.... ma position.... Это, какъ хотите, обязываетъ.... Не могу же я! неловко оправдывался въ концѣ сконфуженный Анатоль, явно ища случая какъ бы поскорѣе удрать отсюда и проклиная себя внутренно за то что дернула же его нелегкая подойти „къ этой піявкѣ“. — Mais.... il est temps.... Bonjour, mademoiselle! Je vous salue, madame! торопливо откланялся онъ дѣвушкѣ и старушкѣ, и спѣшными шажками поскорѣй

удралъ вонъ изъ церкви, кивнувъ за собой по пути и черненькому Шписсу.

— Однако, отдѣлали же вы его! обратился къ дѣвушкѣ Устиновъ.

— Ничего, тѣмъ вкуснѣе пообѣдаетъ, отвѣтила она, и протянувъ учителю свою маленькую изящную ручку, направилась къ выходу.

— Кто это? почтительнымъ полушепотомъ спросилъ во слѣдъ ей Хвалынцевъ.

— Татьяна Николаевна Горева, а старушка тетка ея, пояснилъ Устиновъ.

— Какое у нея славное лицо! какъ бы про себя замѣтилъ студентъ, не отрывая глазъ отъ стройной фигурки удалявшейся дѣвушки.

— Одно слово, хорошій человѣкъ она: вотъ что я скажу тебѣ! заключилъ Устиновъ, и пріятели тоже удалились.

На паперти, волнуясь до извѣстной степени, стояла довольно значительная кучка публики, посреди которой, опершись на суковатую палицу, возвышалась фигура Полоярова. Пальто его было распахнуто и широко раскрывало на груди красную рубашку, шляпа надвинута на глаза, и вся физіономія, вся поза Ардаліона выражала грозную рѣшимость гражданскаго мужества.

Плюгавенькій Анцыфровъ шнырилъ туда и сюда, протискиваясь между локтями и боками собравшейся публики и все убѣждалъ не расходиться.

Частнаго пристава уже не было. Онъ еще раньше поскакалъ къ полицеймейстеру.

Полояровъ выждалъ минуту когда и помощникъ отвернулся куда-то въ сторону, оставя церковную паперть въ вѣдѣніи только трехъ городовыхъ.

— Зачѣмъ здѣсь полиція?... Долой полицію! возвысилъ голосъ Ардаліонъ, грозно стукнувъ палицей о каменный помостъ паперти: — долой сбировъ! къ чорту алгвазиловъ!

— Долой!... долой полицію! Къ чорту! Вонъ! довольно дружно подхватили въ кучкѣ, но городовые продолжали себѣ стоять какъ ни въ чемъ не бывало, словно бы и не понимая что эти возгласы въ нѣкоторомъ родѣ до нихъ касаются, и только время отъ времени флегматично замѣчали близь

стоявшимъ чтобы тѣ расходились, „потому, нэ можно! начальство нэ велитъ!“

— Господа! снова возвысилъ голосъ Полояровъ: — господа! Я обращаюсь ко всѣмъ вамъ, ко всѣмъ честнымъ людямъ, у которыхъ наше рабство не вышибло еще совѣсти! Выслушайте меня, господа!... Нѣмецко-татарскій деспотизмъ петербургскаго царизма дошелъ до maximum своего давленія. Дальше уже терпѣть нельзя.... невозможно, или надо задохнуться!

— Молодецъ! Не труситъ!... Вотъ это такъ! По-нашему! Открыто, гласно! одобрительно отозвались ему въ толпѣ слушателей.

Полояровъ съ самодовольною гордостью обвелъ всѣхъ глазами и подбодрился еще болѣе.

— Я говорю, господа, о фактѣ.... о тысячѣ вопіющихъ фактовъ, началъ было онъ снова, какъ вдругъ, въ эту самую минуту, лихо подкатила къ паперти полицеймейстерская пара въ пристяжку, и съ пролетки спрыгнулъ экс-гусаръ Гнутъ вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ. Гремя по ступенькамъ своими саблями, спѣшно взбѣжали они на паперть и.... красно. рѣчіе Полоярова вдругъ куда-то испарилось. Самъ Полояровъ даже какъ будто сталъ немножко поменѣе ростомъ, и пальто его тоже какъ-то вдругъ само собою застегнулось, сокрывъ подъ собою красный кумачъ рубашки.

— Господа! покорнѣйше прошу расходиться! Этого нельзя съ!... Это безпорядокъ! рѣзко, авторитетнымъ тономъ закричалъ полицеймейстеръ, направляясь прямо въ толпу.

Въ кучкѣ загалдили, задвигались, загомонили.... Кто-то закричалъ по-пѣтушиному, нѣсколько человѣкъ свистнули и зашикали, многіе разсмѣялись, но въ этомъ хохотѣ слышна была натяжка, нѣчто неискреннее и весьма принужденное.

Полицеймейстеръ еще рѣзче и строже повторилъ свой внушительный возгласъ. Значительная часть публики нерѣшительно и медленно стала расходиться.

— Господа!... Не подавайтесь!... Не подавайтесь! то тамъ, то здѣсь, позади другихъ, подшептывалъ да подталкивалъ Анцыфровъ, стараясь однакоже не быть замѣченнымъ.

Въ это время, совершенно случайно, проходилъ по улицѣ взводъ Новоземельскаго пѣхотнаго полка. Но стоявшей кучкѣ не была извѣстна эта случайность. Кто-то крикнулъ:

„войско идетъ!“ и это слово какъ-то жутко подѣйствовало на многихъ: вскинули глаза вдоль улицы и, дѣйствительно, увидѣли нѣсколько штыковъ. Анцыфровъ внимательно сталъ отыскивать глазами своего патрона и друга, но другъ его Полояровъ успѣлъ уже исчезнуть неизвѣстно куда.

Чрезъ нѣсколько минутъ церковная паперть, безъ всякихъ особыхъ понужденій, уже очистилась, и полицеймейстеръ съ жандармскимъ офицеромъ укатили.

VIII. Генеральное кормленіе съ музыкой и пр.

Когда публика шла изъ церкви, къ подъѣзду клуба подкатывали первые экипажи. Съѣздъ только-что начинался. Костюмированный швейцаръ, въ чулкахъ и треуголкѣ, надѣтой по-генеральски, отдавалъ входящимъ честь своею булавой. лѣстница была покрыта парднымъ краснымъ сукномъ и уставлена цвѣтами. Прислуга оканчивала послѣднія приготовленія. Метръ д'отель Кирила, гладко выбритый и пузатый, сіялъ самодовольною гордостью и чувствомъ сознанія собственной важности и достоинства. Онъ индѣйскимъ пѣтухомъ прохаживался по всѣмъ комнатамъ, въ своемъ бѣломъ жилетѣ, „при цѣпочкѣ“, въ бѣломъ галстукѣ и въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ, а два лакея слѣдовали за нимъ сзади и на раскаленную плитку поливали амбре, дабы распространить повсюду подобающее благоуханіе. Дежурный старшина и распорядители обѣда были всѣ уже налицо и важно совѣщались около стола съ закусками. Музыканты на одной сторонѣ хоровъ настраивали свои инструменты, а въ газетной совѣтникъ губернскаго правленія г. Богоявленскій громко читалъ по бумажкѣ свой будущій спичъ, который черезъ часъ онъ долженъ будетъ произнести наизусть, по внезапному, такъ сказать, вдохновенію и отъ полноты чистаго сердца. Теперь же, наединѣ, совѣтникъ дѣлалъ „послѣднюю репетичку“. Хоры, противоположные той сторонѣ гдѣ помѣстились музыканты, начали понемногу наполняться дамами, между которыми были исключительно сливки да сметана славнобубенскаго monde'а. Всѣ взоры, надежды и ожиданія славнобубенскихъ матронъ, сильфидъ и фей, и Діанъ, и весталокъ стремились къ нему, къ ожидаемому гостю, къ интересному и блистательному герою этого празднества. Но пока матроны и весталки созерцали только большіе столы составленные

покоемъ, на которыхъ сверкалъ граненый хрусталь, зеленѣли вѣтки цвѣтущихъ камелій, и возвышались серебряныя вазы, пирамидки да корзинки съ конфетами и фруктами, въ ожиданіи коихъ иныя лакомыя матроны нарочно понадѣвали платья съ карманами болѣе глубокими.

Но вотъ зала все болѣе и болѣе наполняется гостями. Съ вышины хоръ движущіеся фраки кажутся чѣмъ-то въ родѣ ползающихъ мухъ. Тамъ и сямъ сверкаетъ золото или серебро на густыхъ и негустыхъ эполетахъ, эффектно мелькаютъ декораціи отъ смѣющагося станиславчика въ петличкѣ и медальки „да непостыдимся“ до какой-нибудь красавицы-звѣзды, цѣломудренно прячущейся за бортъ чернаго фрака. То и дѣло идутъ поклоны, рукожатія, причемъ дамы на хорахъ очень удобно могутъ наблюдать сверху свои лорнеты прически и спины мужей и знакомыхъ. Вотъ прическа съ украшеніемъ, вотъ гладкая безъ украшенія, вотъ благонамѣренная, а тамъ либерально-взъерошенная, вотъ показалась и элегантно-парикмахерская куафюра прелестнаго Анатоля; и курчавенькій Шписсъ мотаетъ головкой; а вотъ блестятъ и лоснятся гладко-вымытыя лысины и плѣшины: одна сверкаетъ какъ бильярдный шаръ, другая молодой рѣпѣ, а третья воздреватому гречишному блину уподобляется. По залѣ идетъ сдержанное жужжанье разговоровъ, и по этому жужжанью видно что всѣ чего-то ожидаютъ и всѣ очень голодны.

Вотъ по гостямъ пробѣжалъ нѣкій гулъ и движеніе: его превосходительство Непомукъ Анастасьевичъ прибыть изволилъ. Всѣ бросаются къ его превосходительству. Спины сгибаются, прически и лысины преклоняются, улыбки украшаютъ уста, и нѣкая свѣтящаяся влага теплится во взорахъ. Его превосходительство любезно протягиваетъ руку толстому откупщику, препрославленному по всей губерніи своимъ либерализмомъ и патріотизмомъ, затѣмъ тучному градскому головѣ и вице-губернатору, затѣмъ совѣтникамъ, предсѣдателямъ, разнымъ товарищамъ и господамъ дворянамъ, и однакоже не всѣмъ безъ исключенія. Остальной міръ онъ обводитъ глазами и кланяется общимъ поклономъ.

Новое движеніе между присутствующими: губернскій предводитель князь Кейкулатовъ появился въ залѣ. Непомукъ „наиучтивѣйше и наиполитичнѣйше привѣтствуетъ князя; въ свою очередь князь точно тѣмъ же платитъ Непомуку,—

и оба довольны другъ другомъ, и оба въ душѣ нѣсколько поругиваютъ другъ друга; тѣмъ не менѣе взаимное удовольствіе написано на ихъ лицахъ.

Утробы все болѣе и болѣе ощущаютъ своего рода желудочную Sehnsucht по вкуснымъ яствамъ и питіямъ, которыя предлежатъ имъ вскорѣ. Непомукъ взглядываетъ на часы. Кажись, всѣ уже въ сборѣ? Дѣло стало за однимъ только дорогимъ гостемъ. „Скоро ли же пріѣдетъ! Хоть червячка заморить бы пока!“ начинаютъ уже роптать почтенные гости, но.... неловко, неприлично и даже непочтительно морить червяка до появленія свѣтила. Однако нѣкоторые не выдержали и сбѣгали въ буфетъ, гдѣ по секрету добыли-таки себѣ по рюмочкѣ.

Но вотъ сугубо зашевелились и прибодрились гости: иные крякнули въ руку, иные бакенбарды пригладили, иные жилетку подергали къ низу. Желанная минута наступила. Свѣтило еще только подкатывало къ клубу какъ особый вѣстовой, роль котораго, ради пущаго параду, возложена была на квартальнаго надзирателя, оповѣстилъ объ этомъ событіи. Дежурный старшина махнулъ на хоры бѣлымъ платкомъ, отъ котораго распространился крѣпкій запахъ пачули, и оркестръ торжественно грянулъ величественный полонезъ.

Блистательный баронъ Иксъ-фонъ-Саксенъ вошелъ въ залу подъ акомпаниментъ этой музыки. Онъ опоздалъ ровно на сколько требовало этого приличіе и вмѣстѣ съ тѣмъ выдержка собственнаго достоинства. Толпа гостей, съ Непомукомъ и Кейкулатовымъ во главѣ, встрѣтила его почти что у самыхъ дверей. Спины, лысины и прически тотчасъ же изобразили самое почтительное согбеніе, лики освѣтились сугубарадостными улыбками, Шписсъ и де-Водо протискались впередъ и держались поближе къ кучкѣ самыхъ крупныхъ губернскихъ тузовъ, которымъ баронъ протягивалъ полную руку, и старались все время держаться на виду. Но, увы! баронъ все какъ-то не замѣчалъ ихъ. Физіономіи двухъ достойныхъ друзей начало уже кисло коробить и передергивать отъ опасенія: а ну какъ онъ вдругъ, при всѣхъ-то, намъ и не подастъ руки. Самая сладостная улыбка неоднократно уже появлялась на ихъ лицахъ, спины и головы неоднократно уже пытались сотворить почтительное согбеніе, и сами обладатели этихъ головъ изъ силъ выбивались улучить подходящую

минутку чтобы подвернуться подъ баронскіе взоры. Но взглядъ барона совершенно равнодушно и мимолетно скользилъ по ихъ физіономіямъ, словно по незнакомымъ, — и физіономіи пріятелей снова начинало передергивать: самолюбіе ихъ уязвлялось, они вѣдь всему городу успѣли протрубить уши что баронъ съ ними знакомъ чуть не пріятельски. Но наконецъ подвернулись таки подъ глаза: баронъ замѣтилъ ихъ четвертый поклонъ и удостоилъ обоихъ легкаго полупожатія. Лики инсепараблей просіяли, самолюбіе было спасено.

Не станемъ изображать читателю какъ гости истребляли закуски, какъ приналегли они на желудочныя, тминныя, листовки и померанцовки, какъ задвигались и загремѣли стулья, съ какими плотоядными улыбками разсѣлись всѣ на подобающее каждому мѣсто, какъ величественно священнодѣйствовалъ у особаго стола клубный метръ-д'-отель Кирила, направляя во всѣ концы столовъ ряды лакеевъ со многоразличными яствами, за коими въ порядкѣ слѣдовали многоразличныя питія; скажемъ только одно, что баронъ сидѣлъ на самомъ почетномъ мѣстѣ, между Непомукомъ и княземъ Кейкулатовымъ, и что самъ Кирила никому не пожелалъ уступить честь прислуживать этимъ тремъ лицамъ, рѣдкій и высшій знакъ почтенія со стороны амбиціознаго Кирилы. Гости кушали и пили, пили и кушали, и снова кушали, и снова пили, все сіе свершалось въ достодолжномъ порядкѣ, благочинно и вполнѣ добросовѣстно, какъ и подобаетъ благонамѣреннымъ гражданамъ, которые еще съ утра спеціально воспитывали желудки къ воспріятію подобнаго обѣда.

Былъ уже пиръ во полупирѣ и хмѣль во полухмѣлѣ, какъ говорится въ старыхъ сказкахъ. Губернаторъ и предводитель успѣли уже провозгласить всѣ офиціальные тосты. И вотъ поднялся съ мѣста совѣтникъ губернскаго правленія, г. Богоявленскій, обвелъ все общество масляно-заискивающими взорами, какъ бы прося себѣ снисходительнаго вниманія, и наконецъ остановилъ эти взоры на блистательномъ гостѣ съ какою-то сладостно-восторженною почтительностью. Онъ помѣщался какъ разъ напротивъ барона. Все общество встало, замолкло и навострило уши.

— Милостивые государи! началъ совѣтникъ слегка дрогнувшимъ голосомъ:—въ настоящее время, когда....

— И такъ далѣе! подшепнулъ, на дальнемъ концѣ стола, одному изъ своихъ сосѣдей, привилегированный губернскій

остряkъ и философъ, тучно упитанный и праздно проживающій Подхалютинъ. Извѣстно вѣдь еще по традиціямъ былаго времени, что каждый губернскій городъ необходимо долженъ имѣть своего собственнаго, мѣстнаго остряka и философа, который ужь такъ полагается тутъ, словно по штату.

— Въ настоящее время, продолжалъ межь тѣмъ ораторъ-совѣтникъ, — когда Россія, въ виду изумленной Европы, столь быстро стремится по пути прогресса, общественнаго развитія и гражданственнаго преуспѣянія, по пути равенства личныхъ правъ и какъ индивидуальной, такъ и соціальной свободы, когда каждый изъ насъ, милостивые государи, чувствуетъ себя живымъ атомомъ этого громаднаго тѣла, этой великой машины прогресса и цивилизаціи, — что̀ необходимо.... я хочу сказать: неизбѣжно должно соединять насъ здѣсь, за этою дружественною трапезой, въ одну братскую, любящуюся семью? Какое чувство, какая мысль должны руководить нами?

— Бр-р-р-рава! вдругъ одинокo рявкнулъ откуда-то подгулявшій недоросль изъ богатыхъ дворянъ.

Полицеймейстеръ Гнутъ, изобразивъ на лицѣ своемъ суровую строгость смѣшанную съ ужасомъ и тихонько отставивъ стулъ, на осторожныхъ цыпочкахъ предупредительно направился въ ту сторону откуда раздалась эта неумѣстная „брава“.

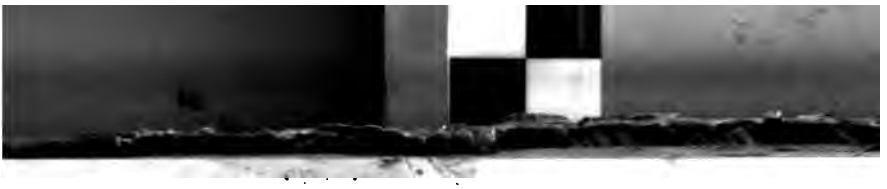
Одно чувство, одна мысль, милостивые государи! витійствовалъ между тѣмъ ораторъ: — любовь и польза, польза и трудъ, трудъ и надежда на радостное созерцаніе будущихъ плодовъ его. Любовь къ ближнимъ и къ общественному благу, трудъ на пользу общую — это-то и есть совокупляющее насъ чувство и единящая насъ мысль.

— Такъ! такъ!... Браво!... Превосходно!... Слушайте, слушайте! одобрительно пробѣжало изъ устъ въ уста по толпѣ состольниковъ, и нѣсколько смущенная доселѣ физіономія оратора облегчительно прояснилась.

— Мы знаемъ другъ друга, милостивы государи! снова полился потокъ обѣденнаго спича: — Да! Мы знаемъ себя; мы всѣ воодушевлены лучшими стремленіями нашего прогрессивнаго времени. Мы пробудились отъ сна и бодро шествуемъ нынѣ впередъ и впередъ!

— Браво!... бр-р-р-рава!... Тсс!... слушайте, слушайте!

— Будемъ же стремиться къ тому чтобы поддерживать



другъ друга, каждый индивидуально и всѣ вообще, на пути служенія нашего пользѣ общественной и интересамъ гражданственнымъ! Будемъ стремиться ко всестороннему развитію, будемъ цѣнить и по достоинству награждать труды и усердіе каждаго, и да присоединятся къ ликованію нашему наши меньшіе братія, нашъ добрый, русскій, православный мужичокъ!

Глаза оратора, при сихъ послѣднихъ словахъ, умаслились нѣкою сантиментальною, сахаристою влагой, а въ томъ концѣ стола гдѣ присутствовалъ острякъ, Подхалютинъ какъ будто послышалось одно многозначительно крякнувшее: „гм!“

— Но, милостивые государи! выпрямился и отъ преизбытка чувствъ глубоко вздохнулъ ораторъ:—для того чтобы мы могли бодро и стройно, подобно музыкальному чуду нашего вѣка называемому „органономъ“, шествовать по пути развитія, цивилизаціи и прогресса, что̀ прежде всего необходимо намъ, вопрошу я васъ? Необходимъ намъ неуклонный и бдительный надзоръ просвѣщеннаго начальства, необходимъ намъ строгій и твердый порядокъ, дабы каждый изъ насъ могъ, такъ сказать, мирно сидѣть подъ своею смоковницей, въ вертоградѣ той дѣятельности къ коей призванъ, и въ лонѣ семейства своего вкушать скромные, но сладкіе плоды своей гражданской дѣятельности. Безъ порядка органонъ лишится своей стройности. Нарушители мирнаго теченія рѣки прогресса могутъ вредоносно воздѣйствовать на всѣ наши жизненныя отправленія, лишить насъ дружества и братства, ввергнуть насъ во всѣ ужасы Франціи конца XVIII столѣтія, подвергнуть опасности не только лоно семействъ и домашнихъ очаговъ нашихъ, но и всю машину общественнаго строя, но и самую жизнь нашу, столь необходимую нынѣ для пользы всеобщаго преуспѣянія, и чрезъ то — страшно вымолвить! — рушить внезапно величественное зданіе цивилизаціи!... Итакъ, милостивые государи! торжественно поднявъ бокалъ и обтеревъ на лбу обильный и крупный потъ, заключилъ ораторъ:—скажемъ наше доброе русское спасибо тому доблестному мужу, который мощною рукою сумѣетъ водворить порядокъ, тишину и спокойствіе въ нашей взволнованной мѣстности, коей почти еще только вчера угрожала столь страшная опасность! Я торжественно поднимаю мой признательный бокалъ и провозглашаю задушевный тостъ

во здравіе его превосходительства, барона Адольфа Христіановича!

— Бр-р-раво!... ур-ра-а!... ура-а! Тушъ! тушъ! загремѣло по залѣ. Движеніе стульевъ, крики учащенные, звяканіе ножей и вилокъ о края тарелокъ и чоканье бокаловъ смѣшались съ громогласнымъ трескомъ трубъ и литавровъ. Нѣкоторые чувствительные гости источали слезы умиленія. Отъ усерднаго чоканья шампанское выплескивалось за края бокаловъ, и многіе фраки и жилеты были уже обильно облиты нектаромъ вдовы Клико. Упорный недоросль, не внимая увѣщаніямъ лихаго Гнута, билъ кулакомъ по столу и бѣлугой ревѣлъ свое энергическое „бр-р-рава! удружилъ!“ И къ этимъ двумъ восклицаніямъ пьяненько прибавлялъ еще: „балдар-рю, балдарю, совѣтникъ!... балдарю!“ Толпа состольниковъ наперерывъ стремилась удостоиться чести и удовольствія чокнуться съ блистательнымъ барономъ, который горячо потрясалъ черезъ столъ руку краснорѣчиваго спикера, не упустившаго, при видѣ протянутой къ нему баронской длани, предварительно обтереть салфеткой свою собственную черезчуръ уже запотѣлую (отъ усердія) руку. Непомукъ отъ полноты душевныхъ чувствъ ничего не вымолвилъ, но чокнувшись и тоже пожавъ руку барона, только просопѣлъ очень выразительно. Князь Кейкулатовъ началъ было въ эдакомъ родѣ: „Позвольте, молъ, баронъ, и мнѣ, какъ представителю, отъ лица благороднаго дворянства,“ но запнулся, смѣшался, улыбнулся и завершилъ неожиданнымъ словомъ: „чокнемтесь!“ Откупщикъ-патріотъ Верхохлѣбовъ неистово „біялъ“ себя въ грудь и восклицалъ: „Отчизна!... Сыны! братцы! благодѣтели!.. Я вашъ и вы мои!... П-цѣлуемтесь!“ Градской глава начиналъ уже придумывать какое съ него теперь „пожертвованіе“ слупятъ и какую медаль за это пожалуютъ. „А что слупятъ, такъ ужь это безотмѣнно!“ Много благодарностей, рукожатій, чоканьевъ и лобызаній досталось и на долю оратора. Однимъ изъ первыхъ подлетѣлъ къ нему умиленный Болеславъ Казиміровичъ Пшецыньскій.

— Благодару!.. благодару! напиралъ онъ на совѣтника, съ своимъ польскимъ акцентомъ:—особенно за то что не забыли замолвить словечко о награжденіи за труды службы и усердія. Это, знаете, и генералу должно понравиться. Прекрасная рѣчь! высокая рѣчь!.. И чувство, и стиль, и мысль, и все эдакое... Вы, пожалуста, дайте мнѣ ее списать для себя: въ

назиданіе будущимъ дѣтямъ, потомкамъ моимъ оставлю!.. Благодару! благодару васъ!

И полковникъ съ чувствомъ обнялъ спикера и облобызалъ его дважды, причемъ мокрые отъ вина полковничьи усы оставили свой влажный слѣдъ на гладко выбритыхъ, лоснящихся щекахъ совѣтника.

За симъ поднялся нѣкоторый, впрочемъ еще довольно скромный и приличный, кавардакъ. Бокалы то и дѣло наливались и дополнялись. Губернаторъ снова предложилъ тостъ за дорогаго гостя, а дорогой гость отвѣтилъ тостомъ за здоровье почтеннаго, многоуважаемаго, достойнаго и всѣми любимаго начальника губерніи; начальникъ губерніи—за здоровье князя Кейкулатова, князь Кейкулатовъ—за здоровье начальника губерніи и опять-таки дорогаго гостя; дорогой гость за князя Кейкулатова; Шпецыньскій за Корытникова, Корытниковъ за Шпецыньскаго; откупщикъ за голову, голова за откупщика; вице-губернаторъ за совѣтниковъ, совѣтники за вице-губернатора; Шписсъ выпилъ за Анатоля, Анатоль за Шписса, и потомъ каждый самъ за себя. На концѣ стола какая-то кучка пріятелей испивала за здоровье недоросля. Пили и многія другія здоровья: и за присутствующихъ, и за отсутствующихъ, и за прекрасный полъ славнобубенскій, и за того кто любитъ кого, и за гражданственное преуспѣяніе, и за развитіе кого-то и чего-то, и за прогрессъ нашего времени, и за цивилизацію, и наконецъ даже за здоровье клубнаго метръ-д'отеля Кирилы. Словомъ, тутъ было широкое и раздольное поле для всяческихъ изліяній и прочаго благодушества, — душа выходила нараспашку. Въ одномъ концѣ стола кто-то предложилъ ужь было составить и послать телеграмму. Мысль одобрена, но въ исполненіи своемъ остановилась за тѣмъ лишь что рѣшительно никто не могъ придумать кому бы, въ самомъ дѣлѣ, и зачѣмъ, и о чемъ именно послать телеграмму? Другіе предлагали изобразить все это торжество достойнымъ образомъ во всѣхъ столичныхъ газетахъ, а начать съ губернскихъ вѣдомостей,—и эта мысль тоже понравилась. Взоры многихъ уже начали съ заискивающею надеждой ласково обращаться на краснорѣчиваго оратора. Третьи заявили, что хорошо бы было адресъ благодарственный, или, хоть признательный представить барону и основать въ честь его какую-нибудь стипендію. Насчетъ стипендіи дѣло пошло зажимисто и разыгралось болѣе какъ-то въ молчанку, потому

что идетъ оно скорѣе по части именитаго купечества да на счетъ откупщика и головы градскаго; а вотъ мысль объ адресѣ признана весьма недурною, и тѣмъ паче что адресъ дѣло вполнѣ современное и для кармана отнюдь не убыточное. Анатоль де-Водо соблазнительно подбивалъ уже добрую компанію отправиться съ нимъ къ какой-то Альбертинкѣ, которая, по его увѣреніямъ, была просто „смакъ-женщина“.

Наконецъ всѣ власти, важности и почтенности встали изъза стола, и дѣло пошло въ гостиныя, по части кофе, чаю, сигаръ и ликеровъ. Но многіе изъ публики остались еще за столомъ допивать шампанское, причемъ кучка около недоросля все увеличивалась. На хоры понесли корзинки и горки фруктовъ съ конфетами да мороженаго, угощать матронъ и весталокъ славнобубенскихъ. Туда же направился своею лѣнивою, переваливстою походкой и губернскій острословъ Подхалютинъ. Онъ любилъ „поврать съ бабами“, и это было цѣлью его экспедиціи на хоры.

— Палагея Ивановна, обратился онъ съ ónuka къ одной отмѣнно скупой, преклонныхъ лѣтъ матронѣ, которая торопливо, но усердно старалась захватать себѣ возможно болѣе даровато угощенія: — а, Палагея Ивановна! если у васъ, сохрани Господи, карманы малы окажутся, такъ вы сдѣлайте одолженіе, безъ церемоніи, все что не влѣзетъ, мнѣ препоручите: у меня просторно; а я доставлю вамъ всецѣло!

Матрона побагровѣла отъ злости и прошипѣла что-то невнятное, а острословъ и философъ остался весьма доволенъ тѣмъ что успѣлъ взбѣсить матрону.

— Скажите, пожалуста, обратилась однако къ нему матрона, успѣвшая уже чрезъ минуту оправиться и одуматься,— какими это судьбами вы-то—вѣдь вы у насъ такой либералъ, демократъ, прогрессистъ — и вдругъ на этомъ обѣдѣ!.. Вѣдь вы за мужиковъ всегда, на словахъ-то?

— А что жь? Я, сударыня, тризну, сирѣчь поминки справляю, поклонился Подхалютинъ:—вѣдь я, сами изволите знать, по философской части отчисленъ,—а это у насъ все равно что по запаснымъ войскамъ,—ну, такъ, значитъ, и взираю на это дѣло съ моей философской точки зрѣнія.

— Какая-жь это точка? захихикали нѣкоторыя дамы, ожидая что острословъ, вѣроятно, отрѣжетъ имъ что-нибудь скабрезно-пикантное,—а славнобубенскія дамы, надо замѣтить,

вообще питаютъ нѣкоторую слабость къ скабрезно-пикантному.

— Философская точка, милостивыя государыни, началъ пояснять присяжный острякъ:—это самая простая и естественная, а потому самая вѣрная, настоящая точка. Вы думаете, что мы и взаправду чествуемъ этого благороднаго барона изъ остзейской стороны? Вы полагаете, что всѣ эти спичи и прочее суть заявленія нашей симпатіи и признательности? Если вы мыслите такъ, то плохо же вы, сударыни, знаете вашихъ мужей и братьевъ, скажу я вамъ! Всѣ эти спичи и симпатіи — дѣло совсѣмъ постороннее: такъ себѣ, съ боку припека. Ничего этого у насъ, въ сущности, нѣтъ и не было, а вся штука въ томъ что мы всѣ, вопервыхъ, добрые, очень добрые, и сердце у насъ какое-то мягкое, слезоточивое; а второе дѣло, что всѣ мы больно ужь на брюхо горазды.

— Фи! какія мерзости! съ притворнымъ жеманствомъ запищали нѣкоторыя матроны и сильфиды; но острословъ, ни мало не смутясь, продолжалъ въ томъ же родѣ. Онъ хорошо зналъ свою аудиторію.

— Да! именно на брюхо больно горазды. Всѣ эти спичи по части прогресса, развитія тамъ, симпатій, заявленій и прочаго—все это то же самое что̀ бешемель при телятинѣ, то-есть, нѣчто къ самой сути дѣла, пожалуй, вовсе и не идущее. Это мы только, что̀ называется, чорту кочергу ставимъ, мимоходомъ отдаемъ дань Ваалу нашего времени, а главная-то суть у насъ всегда была, и есть, и будетъ неизмѣнно все одна и та же: это — жратва! да, жратва, милостивыя государыни! Мы, благочестивые Россіяне, при всякомъ удобномъ случаѣ жремъ: на родинахъ—жремъ, на поминкахъ—жремъ, на крестинахъ чавкаемъ, на именинахъ лопаемъ, на свадьбахъ трескаемъ, и рады-радехоньки каждому случаю, коли онъ подаетъ намъ самый маленькій поводъ собраться вкупѣ и пожрать. Такъ точно и нынче: остзейскій баронъ и чувства признательности за будущіе его подвиги — это только случайный предлогъ къ жратвѣ, то-есть, та же бешемель. Мы и чувства наши, и самого-то барона, пожалуй, завтра же забудемъ, а вотъ стерлядей аршинныхъ, да олонецкихъ рябчиковъ долго вспоминать станемъ, до первой новой... ну, хоть экзекуціи, или еще какой-нибудь тамъ эмансипаціи, которыя обѣ безразлично тоже будутъ удобнымъ предлогомъ. Потому-то вотъ я и присутствую на этомъ обѣдѣ, коли вы

знать хотите; да и всѣ-то мы здѣсь только поэтому, ей-Богу

Изложивъ такимъ образомъ свое объясненіе, острословъ тѣмъ болѣе охотно перешелъ въ область скабрезно-пикантнаго, а то дамы начали уже находить его черезчуръ скучнымъ, — и чрезъ минуту на хорахъ раздавалось уже веселое хихиканье.

IX. Cegla wielkiego budowańia.

Къ девяти часамъ вечера большинство почтеннѣйшей публики уже разъѣхалось изъ клуба, кто въ театръ, кто на боковую, кто къ разнымъ своимъ подругамъ съ лѣвой стороны. Остались только тѣ что̀ давно уже выступили бойцами на зеленомъ полѣ.

Болеславъ Казиміровичъ Пшецыньскій вышелъ вмѣстѣ съ лихимъ полицеймейстеромъ Гнутомъ.

— Махнемъ-ка, полковникъ, въ театръ! предложилъ отчаянный экс-гусаръ:—нынче Шмитгофъ въ водевильчикѣ, то-есть, я вамъ скажу, прелесть что̀ такое!.. Ножки, ножки эти—каналъство!

— Н-нѣтъ, знаете... голова что-то болитъ, поморщась, солиднымъ тономъ отклонился полковникъ: — я лучше прокатиться немножко поѣду.

И они разстались.

Полковникъ вскочилъ въ свои крытыя дрожки и приказалъ кучеру ѣхать совсѣмъ не въ ту сторону куда, въ сущности, самъ намѣревался отправиться. Околесивъ двѣ-три улицы, онъ указалъ, наконецъ, возницѣ своему настоящій путь и вскорѣ подъѣхалъ къ высокому забору, за которымъ, въ глубинѣ двора, ютился въ палисадникѣ каменный одноэтажный домикъ, рядомъ съ небольшимъ католическимъ костеломъ, построеннымъ во вкусѣ тѣхъ quasi-греческихъ зданій которыми было столь богато начало нашего столѣтія. Дворникъ растворилъ ворота, и полковничьи дрожки подкатили къ крылечку небольшаго домика. Ставни были плотно закрыты, но Болеславъ Казиміровичъ смѣло, привычною рукой, дернулъ за ручку звонка. Отворить ему дверь вышла, со свѣчой въ рукѣ, молодая, смазливая женщина, изъ породы тѣхъ которыхъ очень характерно называютъ „вкусными“ и „сдобными“.

— Панъ ксендзъ дома? спросилъ Пшецыньскій, игриво и ласково кивнувъ ей головой.

— Дома, дома! ужъ давно ждетъ пана полковника, радушно отвѣтила сдобная женщина, съ удовольствіемъ встрѣтивъ гостя привѣтливою улыбкой.

Полковникъ сбросилъ шинель и вступилъ въ покои священника.

Пріемная комната ксендза-пробоща болѣе чѣмъ скромно была меблирована простою дубовою мебелью, безъ мягкихъ сидѣньевъ, безъ малѣйшаго намека на какой бы то ни было комфортъ. Единственнымъ украшеніемъ ея было простое, даже бѣдное распятіе надъ окошкомъ.

Навстрѣчу Пшецыньскому вышелъ неслышною, дробною походочкой, потупивъ въ землю глаза, плотно-круглепькій мущина, лѣтъ сорока, въ длинной, черной сутанѣ. Широкое лицо его свѣтилось безмятежно-довольною улыбкой. Видно было что человѣкъ этотъ живетъ покойно, ѣстъ вкусно, пьетъ умѣренно, но хорошо, спитъ сладко и всѣ житейскія отправленія свои совершаетъ въ надлежащемъ порядкѣ. „Всегда доволенъ самъ собой, своимъ обѣдомъ и.... женой,“ сказали бы мы, еслибы католическіе ксендзы не были обречены на безбрачіе.

— Пану Болеславу! поклонился онъ кротко, но вполнѣ пріятельски, и гость вмѣстѣ съ хозяиномъ, взявъ другъ друга обѣими руками подъ локти, облобызались дважды.—Ну, пойдемъ до кабинету: тамъ теплѣй и покойнѣе.... потолкуемъ.... Я давно ужъ съ нетерпѣніемъ ждалъ пана, радушно говорилъ ксендзъ, предупредительно пропуская Пшецыньскаго въ смежную комнату.—Сядай, мой коханый, сядай на ту фотелю.... ближе къ камину!... Чѣмъ же мнѣ потчивать пана?

— Ну, ужъ ничего не могу! Прямо съ обѣда! отказался Пшецыньскій.

— Э, нѣтъ! у насъ такъ не водится! разставилъ ксендзъ свои руки:—не пій съ блазнемъ, не пій съ Французомъ, не пій съ родзонымъ ойцемъ, съ коханкой не пій, а съ ксёндземъ выпій—таковъ мой законъ! Я дамъ пану добрую цыгару, а Зося подастъ намъ клубничнаго варенья и бутылочку доброй венгржины, у меня вѣдь, самъ знаешь, коханку, завѣтныя! Отъ Фукера изъ Варшавы выписываю, отказаться не можно.

Взглядъ у пана ксендза былъ мягонькій, тихенькій, но

немного какъ будто кошачій и въ душу заползающій, и голосъ тоже былъ тихій, мягкій, немножко тягучій и отчасти сладкій. Говорилъ онъ, словно гладилъ васъ по шерсткѣ бархатною кошачьею лапкой, такъ что даже пріятное щекотанье на душѣ отъ его словъ ощущалось. И вотъ, пошелъ онъ распорядиться насчетъ дружескаго угощенья, а полковникъ снялъ и поставилъ въ уголъ свою саблю, съ подергиваньемъ поправился насчетъ шароваръ, въ силу старой кавалерійской привычки, разстегнулъ сюртукъ и въ самой покойной позѣ погрузился въ глубокое, мягкое кресло предъ пылающимъ каминомъ.

Этотъ уютный кабинетъ, или такъ-называемый у ксендзовъ „лабораторіумъ“, былъ любимою комнатой ксендза-пробоща Игнатія Кунцевича. Мягкій коверъ застилалъ крашеный полъ, а зеленыя репсовыя гардины, наводя на все колоритъ мягкаго полусвѣта, прикрывали большія окна, на которыхъ помѣщались розы, олеандры, левкои и магноліи. Широкій письменный столъ, освѣщаемый висячею лампой подъ молочнымъ колпакомъ, былъ покрытъ бумагами, книгами и множествомъ такихъ бездѣлушекъ, которыя можно встрѣтить развѣ на столѣ очень красивой женщины или записнаго великосвѣтскаго денди; но въ этихъ бездѣлушкахъ ничто не оскорбляло вкуса и благопристойности, ничто не нарушало строгаго порядка и своеобразной симметріи. Предъ широкою оттоманкой разстилалась на полу роскошно выдѣланная медвѣжья шкура. По одной стѣнѣ были протянуты полки съ рядами книгъ, между которыми виднѣлись сочиненія Севуа, извѣстныя высшею строгостію религіозныхъ требованій, нѣсколько почтенныхъ фоліантовъ и толстыхъ томиковъ, переплетенныхъ въ желтовато-бѣлую телячью шкуру, отъ которыхъ вѣяло почтенною древностью. По другой стѣнѣ висѣло большое распятіе изъ чернаго дерева, съ фигурой Христа, очень изящно выточенною изъ слоновой кости, и нѣсколько гравюръ: тамъ были портреты Св. Казиміра, покровителя Литвы, знаменитой довудры графини Эмиліи Платеръ, графа Понятовскаго, въ уланской шапкѣ, геройски тонущаго въ Эльстерѣ, Яна Собѣсскаго, освободителя Вѣны, молодцовато опершагося на свою „карабелю“, недавно канонизованнаго Іосафата Кунцевича, софамильника пана Игнатія, который почиталъ себя даже происходящимъ изъ одного съ нимъ рода, и наконецъ прекрасный портретъ Адама

Мицкевича. На каминѣ, между фарфоровыми вазочками, стояли двѣ гипсовыя фигурки, изъ коихъ одна изображала Джузеппе Гарибальди, а другая Тадеуша Костюшку въ чамаркѣ и конфедераткѣ. Во глубинѣ комнаты возвышался молитвенный аналой съ высокимъ мягкимъ подколѣнникомъ, для того чтобы не обременительно было стоять на колѣняхъ во время молитвы. На аналоѣ помѣщались: бревіарій, двѣ вазочки съ букетами искусственныхъ цвѣтовъ, изящное мраморное изображеніе Мадонны и надъ нею металлическое маленькое распятіе. Нѣсколько другихъ картинокъ изображали все аллегорическія да историческія сценки изъ исторіи Литвы и Польши, въ родѣ любовныхъ объятій Нѣмана съ Вилеей, страданія какихъ-то католическихъ святыхъ. Но замѣчательнѣе всего, по художественной части, въ этой комнатѣ являлись два портрета, вдѣланные, подъ стекломъ, въ золоченыя рамки и висѣвшіе прямо предъ рабочимъ столомъ хозяина. На одномъ портретѣ очень рельефно вырисовывались энергическія черты покойнаго императора Николая; на другомъ—нынѣ царствующаго Государя Императора.

Вкусная Зося, все съ тою же игриво-привѣтливою улыбкой, принесла на подносѣ хрустальную вазочку съ вареньемъ и темную бутылку, на поверхности которой являлись почтенные слѣды стародавняго пребыванія въ Фукеровыхъ подвалахъ.

— Добрымъ людямъ добрую венгржину не подобаетъ пить изъ простыхъ стакановъ, докторально замѣтилъ панъ ксендзъ, — а потому мы достанемъ двѣ фамильныя дѣдувки: еще Ржечь Посполиту помнятъ!

И онъ не безъ самодовольной гордости добылъ изъ маленькаго шкапчика двѣ серебряныя стопки изящной старопольской работы.

— То еще моему дѣду, пану Богушу Кунцевичу, самъ ясновельможный панъ ксёнже Адамъ-Казимержъ Чарторыйскій, на охотѣ въ Пулавахъ, презентовалъ на память, ибо дядя мой, тогда еще молодой человѣкъ, наповалъ убилъ медвѣдя, съ особеннымъ уваженіемъ пояснилъ панъ ксендзъ, поднося къ пану Болеславу свои стопки, чтобы тотъ полюбовался на ихъ отмѣнную чеканку.

Панъ ксендзъ, съ пріемами истаго знатока и любителя, серіозно освидѣтельствовалъ поданную бутылку; неторопливо

и аккуратно откупорилъ ее; обтеръ и прочистилъ салфеткой горлышко; съ улыбкой истиннаго наслажденія, тихо прижмуривъ глаза, глубоко потянулъ въ себя носомъ ея ароматный букетъ; затѣмъ сталъ тихо лить вино, любуясь на его чистую, золотистую струю и словно прислушиваясь къ музыкальному шелесту и бульканью льющейся влаги, отхлебнулъ отъ края и подалъ стопку своему гостю. Потомъ, съ точно такимъ же наслажденіемъ, онъ наполнилъ другую для самого себя, и придвинувъ возможно ближе свое кресло, усѣлся какъ-разъ противъ Пшецыньскаго, затѣмъ, тихо дотронувшись обѣими ладонями до его колѣней и пытливо засматривая въ его глаза, спросилъ какимъ-то нѣжноласковымъ, какъ бы разслабленнымъ и въ то же время таинственно-серіознымъ тономъ:

— Ну, и цо жь, муй коханы?

— Ну, и ницъ! пожалъ плечами полковникъ.

— Якъ то ницъ?!.. вѣдь стрѣляли?

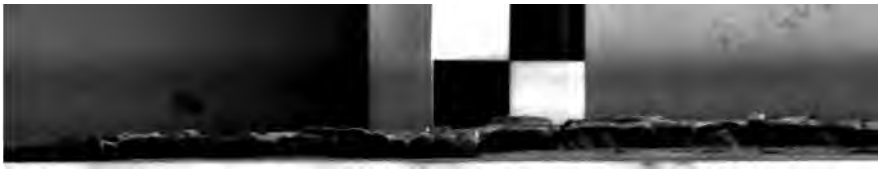
— Въ Снѣжкахъ стрѣляли, а въ Пчелихѣ нѣтъ, и въ Коршанахъ нѣтъ. Да это что! Этихъ глупыхъ барановъ даже и пулей не озлобить! Крѣпки они очень, ксёнже канонику!...

И Пшецыньскій подробно и обстоятельно, часъ за часомъ, шагъ за шагомъ, передалъ своему собесѣднику всю исторію Пчелихинскихъ и Снѣжковскихъ возстаній, укрощеній и расправъ. Ксендзъ слушалъ серіозно и очень внимательно, время отъ времени отхлебывая маленькими глотками изъ своей стопки. По временамъ выраженіе лица его принимало многозначительно довольный видъ, и онъ одобрительно поддакивалъ Пшецыньскому кивками. Когда же полковникъ окончилъ свой отчетъ, ксендзъ вздохнулъ какъ-то особенно легко, выразительно-крѣпко пожалъ руку гостя и съ многодовольною улыбкой сказалъ ему:

— Терпѣніе, терпѣніе, брацишку!... Ты, добродѣю, дѣйствовалъ хорошо! Отчизна неподлѣглая, вольная, не забудетъ твоей послуги!... Каждое такое дѣйствіе какъ бунтъ въ Снѣжкахъ, это новый кирпичъ въ фундаментѣ великаго будованія!

И ксендзъ, воодушевленный завѣтною мыслію, всталъ съ мѣста и зашагалъ по комнатѣ, отчасти взволнованною, но вѣчно неслышимою, беззвучною походкой.

— Терпѣніе, говорю я! продолжалъ онъ, потирая руки:— терпѣніе, терпѣніе!... Это ничего что было это кричало:



„мы царскіе и кровь наша царская!“—важно то что въ нихъ стрѣляли, что они видѣли убитыхъ братьевъ, что они крови понюхали, вотъ что̀ важно! Такіе моменты не должны проходить даромъ, человѣческая память не должна ихъ забывать! Они встрѣтили всѣхъ этихъ посланцевъ съ вѣрой и надеждой, съ хлѣбомъ и солью, тѣмъ лучше что посланцы вздумали стрѣлять! И ты, мой добродѣю, придержался тутъ доброй политики: дѣло сдѣлалъ, совѣтъ подалъ, а самъ въ сторонѣ. Этихъ псовъ вѣдь только паускать надо, а ужь грызть они пойдутъ сами! Кто такой въ ихъ глазахъ этотъ посланецъ? Правительство! Сегодня они кричатъ: „мы царскіе!“—завтра перестанутъ! Нужды нѣтъ что это было не будетъ съ нами: намъ его и не нужно; оно будетъ само по себѣ и само за себя; лишь бы поднялось одновременно съ нами — и тогда дѣло наше выиграно! Мы разомъ дадимъ шахъ и матъ! Они для насъ дрова, которыя мы жжемъ. Но.... будемъ казаться пока братьями.... Это нужно! Вотъ я покажу пану одну штуку! продолжалъ ксендзъ, отперевъ свое бюро, въ которомъ подавилъ незамѣтную пружину, раскрывшую потайной ящикъ:—вотъ я не далѣе какъ на дняхъ еще, въ полнѣйшее подтвержденіе нашихъ собственныхъ мыслей и плановъ, получилъ отъ бискупа съ забранэго края маленькую цидулу.... (я вѣдь писалъ туда.) Тутъ и манна * приложена. Эту манну составилъ одинъ изъ наивысшихъ филяровъ *велькего будованья*... Вотъ что̀ пишетъ бискупъ:

„Недоразумѣнія между хлопами и панами, вслѣдствіе царства тьмы и дьявола, должны усложняться, и уже сильно усложнились по всему забраному краю. Паны, какъ добрые обыватели, остаются въ сторонѣ, а дѣло идетъ чрезъ поссессоровъ, экономовъ, арендаторовъ и въ особенности чрезъ пакцяжей. ** При первыхъ недоразумѣніяхъ и намъ, и имъ (разумѣю добрыхъ пановъ) надлежитъ умывать руки и (политично для хлопскихъ глазъ) стараться ввести въ дѣло войско и власть наѣзда. Эмиссары дѣлаютъ свое дѣло и по корчмамъ пускаютъ слухи и распространяютъ вирши на хлопскомъ языкѣ о томъ что московскій царь, чрезъ своихъ катовъ и гицелей-жолнержей, душитъ и пановъ, и хлоповъ вмѣстѣ; что паны рады бы дать хлопамъ и волю, и землю, да Москва мѣшаетъ: москали не хотятъ воли. Озлобленіе на рожденъ москев-

---

* Планъ, ландкарта.

** Pakciarz—Еврей, арендующій панскихъ коровъ.

скій, по свѣдѣніямъ нашимъ, сильно растетъ между хлопами: Богъ и свентый Казимержъ помогаютъ свентей справѣ. Панъ граба систематично намѣтилъ на маппѣ, отъ пункта до пункта, гдѣ, какъ и когда должны происходить воинскія экзекуціи. Онъ строго и обдуманно разчелъ что если въ пунктѣ *A* произошло столкновеніе между хлопами и быдломъ наздобнымъ, то до какихъ географическихъ предѣловъ можетъ и долженъ распространиться въ народѣ слухъ и молва объ этомъ столкновеніи. Тогда послѣдовательно избирается новый пунктъ *B*, и такъ далѣе. Такіе округи помѣчены на маппѣ особыми кружками, а направленіе молвы и слуховъ приблизительно опредѣлено въ видѣ радіусовъ, расходящихся отъ извѣстнаго центра особыми красными лучами и линіями. Эту маппу я преимущественно рекомендую вамъ для зависящихъ соображеній, а если можно, то и для распоряженій. Для успѣха нашего дѣла было бы весьма желательно чтобы подобныя явленія повторялись чаще и систематичнѣе во всей коренной Россіи, а особенно на Волгѣ, гдѣ край, по нашимъ свѣдѣніямъ, особенно склоненъ къ волненіямъ. Первою задачей, при совершившемся разрѣшеніи крестьянскаго, или хлопскего вопроса, которое разрѣшеніе въ принципѣ является для насъ все-таки фактомъ весьма печальнымъ, должно быть съ нашей стороны стараніе поселить въ народѣ недовѣріе къ правительству и затѣмъ возбудить ненависть и вражду къ нему. Остальное сдѣлаютъ Богъ, время и неусыпные труды добрыхъ патріотовъ нашихъ, по преимуществу же труды и усилія костела. Надобно и изъ самаго зла извлекать для себя возможную пользу: потщимся и силу дьявольскую эксплуатировать въ пользу святой справы! Минута благопріятствуетъ, и посему не теряйте времени, да не застанетъ васъ всѣхъ во тьмѣ слѣпыми и спящими великій Судія и Рѣтитель судебъ, яко татъ въ ночи приходящій, но да предстанете предъ Него бодрствующими, съ горящими свѣтильниками вѣры въ рукахъ и опоясанные поясомъ любви къ отчизнѣ. Борьба наша есть борьба царствія свѣта съ царствомъ тьмы дьявола. Ergo, побѣда за нами! Шлю вамъ мое пастырское благословеніе и, любя васъ во Христѣ, пребываю смиреннѣйшій рабъ рабовъ Божіихъ къ вамъ всегда благосклонный. Benedicat vos Pater, Filius et Spiritus Sanctus. Amen.“

Подписи не было.

По прочтеніи письма, и гость, и хозяинъ сосредоточенно погрузились въ нѣкоторую задумчивость.

Вдругъ за печкой сверчокъ цвирикнулъ.

Шпецыньскій въ тотъ же мигъ насторожилъ уши, и сдѣлавъ ксендзу рукою жестъ который въ точности выражалъ предупредительное междометіе „тсс!“ прислушиваясь осто-

рожно и чутко, закусилъ себѣ нижнюю губу, внимательно осмотрѣлся вокругъ и особенно покосился на окна и двери. Но сверчокъ цвирикнулъ вторично, и полковникъ успокоился.

— Черезъ кого получено? поднялъ наконецъ онъ голову, съ облегчительнымъ вздохомъ, когда Кунцевичъ подлилъ изъ бутылки въ обѣ стопы.

— Конечно частнымъ путемъ. Новый эмиссаръ пріѣхалъ предъ вашимъ отъѣздомъ въ Снѣжки, таинственно сообщилъ хозяинъ,—онъ и привезъ мнѣ это.

— Кто такой? столь же таинственно полюбопытствовалъ Пшецыньскій.

— Нѣкто Францишекъ пожондковскій, молодой, но надежный человѣкъ, изъ Казанскаго университета.... Былъ на Литвѣ, оттуда прямо и пріѣхалъ.... Посланъ къ намъ, въ нашу сторону.

— По-русски хорошо говоритъ?

— Якъ самъ москаль! Человѣкъ годящій.

— Ну, то добрже!... А еще не началъ?

— Южъ! махнувъ рукою, тихо засмѣялся ксендзъ пробощъ:—и теперь вотъ, я думаю, гдѣ-нибудь по кабакамъ шатается! На другой же день, какъ пріѣхалъ, такъ и отправился въ веси. Лондонскихъ прокламацій понавезъ съ собою; ловкій человѣкъ, ловкій!

— А вѣдь я къ пану за совѣтомъ! послѣ небольшаго молчанія началъ Пшецыньскій, закуривъ новую сигару:—ксендзъ каноникъ знаетъ, что сегодня у Покрова служилась панихида по убитымъ въ Снѣжкахъ?

Кунцевичъ въ отвѣтъ кивнулъ головой какъ о дѣлѣ досконально ему извѣстномъ.

— Я посылалъ туда адъютанта, да и кромѣ того мнѣ донесли о всѣхъ почти кто тамъ находился, продолжалъ Пшецыньскій,—только не знаю какъ лучше сдѣлать теперь: донести ли сейчасъ, или-какъ-нибудь полегче ступевать это происшествіе.

Ксендзъ отхлебнулъ изъ стопки, и многозначительно уставивъ глаза въ землю, съ раздумчивымъ видомъ пошевелилъ и поцмокалъ губами.

— Мм.... Донести! Я такъ полагаю что непремѣнно надо донести, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, порѣшилъ онъ. — Не забывай, мой коханы пршіяцелю, назидательно примолвилъ

онъ,—что мы люди легальные, а потому намъ всегда слѣдуетъ прятаться подъ легальность.

— Но вѣдь потомъ, вѣроятно, арестовать придется? возразилъ Болеславъ Казиміровичъ.

— Ну, и что жь! Ну, и арестовать!... Надо только донести съ разборомъ и арестовать съ разборомъ. Людей одинокихъ, безродныхъ, изъ тѣхъ что. покрасней да позадористей, мы не тронемъ, развивалъ ксендзъ свою теорію: — тѣ намъ и самимъ еще впредь пригодятся. А тѣхъ у которыхъ есть родня, знакомства, семейства, и, главное, которые менѣе энергичны въ дѣлѣ, тѣхъ позабираемъ и отправимъ до казематовъ. Такимъ способомъ мы двухъ зайцевъ разомъ убьемъ! Хе, хе, хе! тихо посмѣивался изобличившійся ксендзъ-пробощъ, ласково хлопнувъ полковника по колѣну и плутовато подмигивая ему глазомъ:—такъ-таки двухъ зайцевъ разомъ! продолжалъ онъ:—все что пригодно, то останется, а о тѣхъ которые будутъ забраны, и въ семьяхъ, и въ обществѣ пойдутъ толки, сожалѣнія, сѣтованія да ропотъ.... Недовольство станетъ разростаться, все-таки лишняя капля горечи въ чашу, а Пануровo стадо не ослабѣетъ, если нѣсколько барановъ будутъ зарѣзаны!... Надо только чтобы бараны были такъ себѣ, не важные, изъ не особенно тонкорунныхъ. Это намъ, душечка, все на добро да на пользу! Не надо нигдѣ упускать своихъ нитей!

Полковникъ благодарно обнялъ и звучнымъ поцѣлуемъ отъ души облобызалъ своего глубоко-тонкаго и политично-умнаго совѣтника. Не даромъ оба они называли себя *цеглей великого будованья.* *

Пріятели роспили завѣтную бутылку; ксендзъ вдосталь полакомился вареньемъ, и Пшецыньскій сталъ прощаться. Опять они взялись подъ локти и взаимно облобызались дважды.

— Ахъ, да!... Чуть было не забылъ! остановилъ Кунцевичъ своего гостя, провожая его въ прихожую: — если панъ увидитъ завтра утромъ пани Эмилію, то пусть скажетъ что я заѣду къ нимъ часовъ около трехъ: надо внушить ей, пускай-ко постарается хоть слегка завербовать въ стадо этого

* Cegla—кирпичъ. Wielkie budowanie—великое строеніе, — стародавній, спеціальный терминъ для обозначенія конспиративной дѣятельности польской справы. Возникъ онъ первоначально въ средѣ „бѣлыхъ".

барона.... Онъ, слышно, податливъ на женскія рѣчи.... можетъ, дастъ Богъ, и изъ этого барона выйдетъ славный баранъ! съ обычнымъ своимъ тихимъ и мягкимъ смѣхомъ завершилъ Кунцевичъ, въ послѣдній разъ откланиваясь Пшецыньскому.

Они разстались, но оба въ этотъ вечеръ не закончили еще свою дѣятельность на пріятельскомъ разговорѣ. И тотъ и другой долго еще сидѣли за рабочими столами въ своихъ кабинетахъ. Одинъ писалъ донесеніе по своему особому начальству, другой къ превелебному пану біскупу.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

(До слѣд. №.)

ОЧЕРКИ
ИЗЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ
ИСПАНІИ

Geschichte Spaniens vom Ausbruch der französischen Revolution bis auf unsere Tage, von H. Baumgarten.

Хотя мы не связаны непосредственно съ Испаніей никакими интересами, и хотя Испанія не играетъ сколько-нибудь значительной роли въ общеевропейской политикѣ, несомнѣнно однако, что мыслящій человѣкъ не можетъ относиться безучастно къ событіямъ совершающимся на Пиринейскомъ полуостровѣ. Трудно найти въ наше время другое государство, которое поражало бы до такой степени характеромъ своего внутренняго развитія. Публика привыкла безпрерывно слышать только о междуусобной борьбѣ и насильственныхъ переворотахъ тамъ происходящихъ, но причина всѣхъ этихъ явленій остается, по крайней мѣрѣ для большинства, вполнѣ загадочною. Начиная съ 1814 года и до настоящаго времени, революціонныя смуты въ Испаніи продолжаются безпрерывно, и всѣ безъ изъятія политическія партіи принимаютъ въ нихъ участіе. При Фердинандѣ VII правительство должно было имѣть дѣло съ людьми выступавшими во имя либеральныхъ принциповъ: заговоры слѣдовали одинъ за другимъ и держали страну въ постоянно тревожномъ настроеніи до тѣхъ поръ, пока Кирогѣ и Piero не удалось, наконецъ, въ 1820 году

низвергнуть установленный порядокъ вещей. Читатели наши знаютъ, что событіе, о которомъ идетъ рѣчь, вызвало вооруженное вмѣшательство Французовъ. Когда король Фердинандъ сошелъ въ могилу, картина внезапно измѣняется: въ рядахъ недовольныхъ мы видимъ уже не либераловъ, а отчаянныхъ приверженцевъ абсолютизма и „священной инквизиціи". Въ теченіе долгаго ряда лѣтъ возбуждаютъ они междуусобную борьбу, покрывшую ихъ отечество развалинами и потоками крови; Европа поражена была содроганіемъ при разказахъ о жестокостяхъ, совершавшихся тогда почти ежедневно и способныхъ довести народъ до одичанія. Наконецъ, это бѣдствіе миновало, но спокойствіе не возстановилось въ злополучной странѣ. Непосредственно вслѣдъ за тѣмъ возникаютъ распри между вождями различныхъ партій, и въ распряхъ этихъ обращеніе къ оружію и грубой силѣ играетъ опять-таки первую роль: Эспартеро борется съ Нарваесомъ, Нарваесъ борется съ О'Доннелемъ, О'Доннель съ Примомъ; побѣдитель прибѣгаетъ всякій разъ къ жестокимъ преслѣдованіямъ побѣжденныхъ, а тѣ ожидаютъ своей очереди чтобъ отплатить ему тою же монетой. Невольно рождается вопросъ: откуда же эти судорожныя и лихорадочныя движенія въ странѣ, которая въ прежнее время отличалась своею неподвижностью и спокойствіемъ? До самаго начала нынѣшняго столѣтія можно было указывать на Испанію какъ на такое государство, гдѣ безусловная преданность народа правительству способна была устоять противъ всякихъ испытаній: отчего же теперь революція дѣлается въ ней почти хроническимъ явленіемъ?

Затѣмъ другое, столь же удивительное явленіе; мы видимъ въ Испаніи поразительные контрасты. Въ странѣ этой и до сихъ поръ существуетъ еще весьма многочисленная партія, воплотившая въ себѣ всю нетерпимость и исключительность католицизма,—партія, которая съ непримиримою враждой относится къ другимъ исповѣданіямъ и готова преслѣдовать распространеніе Библіи на общедоступномъ языкѣ какъ неслыханное преступленіе; а на ряду съ нею находится другая, поставившая въ основу своей программы полнѣйшую терпимость въ дѣлахъ вѣры. Въ Испаніи встрѣчаемъ мы упорныхъ защитниковъ давно отжившихъ учрежденій и суроваго деспотизма, но отнюдь не менѣе тамъ и число людей усвоившихъ самыя дикія теоріи космопол-

тической революціи. Отчего же посреди всѣхъ этихъ крайностей не выработалось доселѣ направленія, которое могло бы примирить ихъ и обезпечить странѣ сколько-нибудь нормальное и спокойное развитіе?

Новѣйшая исторія Испаніи изслѣдована весьма мало, и даже самый знаменательный ея періодъ, который составляетъ какъ бы ключъ для уразумѣнія всѣхъ послѣдующихъ событій, не былъ разъясненъ въ надлежащемъ свѣтѣ. Мы говоримъ о времени между 1808 и 1821 годами, то-есть о періодѣ борьбы испанской націи за свою независимость и реставраціи Бурбоновъ. Въ прошломъ году появился, наконецъ, превосходный трудъ, который достойнымъ образомъ восполняетъ этотъ недостатокъ. Профессоръ политехнической школы въ Карлсруэ, г. Баумгартенъ, издалъ первые два тома *Исторіи Испаніи отъ начала Французской революціи до нашего времени*, отличающіеся разнообразнымъ и капитальными достоинствами. Авторъ не только съ замѣчательнымъ искусствомъ воспользовался документами относительно испанскихъ дѣлъ, которые были обнародованы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ-то: бумагами короля Іосифа, герцога Веллингтона, Касльри, Міо и др., но и сдѣлалъ много самостоятельныхъ изслѣдованій, проливщихъ совершенно новый свѣтъ на многія стороны избраннаго имъ предмета. Много драгоцѣнныхъ свѣдѣній извлекъ онъ, между прочимъ, изъ берлинскаго государственнаго архива: подробныя донесенія дипломатическихъ агентовъ Пруссіи, преимущественно Сандоръ-Роллена и Шепелера, облегчали ему трудъ слѣдить почти шагъ за шагомъ за дѣятельностію политическихъ партій и тѣхъ личностей которыя играли видную роль въ упомянутое время. Г. Баумгартенъ нарочно посѣтилъ Испанію и нашелъ доступъ ко многимъ хранилищамъ частнымъ и правительственнымъ; онъ имѣлъ терпѣніе просмотрѣть за пятнадцать лѣтъ всѣ прокламаціи, газеты и брошюры; современники описываемыхъ имъ событій охотно повѣряли ему свои воспоминанія. Въ книгѣ, о которой говоримъ, разказъ о военныхъ дѣйствіяхъ 1808—1814 годовъ занимаетъ весьма незначительное мѣсто; вниманіе автора обращено преимущественно на внутреннее развитіе націи, и въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, главнѣйшая его заслуга. Благодаря ему, мы можемъ слѣдить постепенно, какимъ образомъ среди испанскаго народа, погразшаго въ

суевѣріи, невѣжествѣ, не возмущавшагося самыми вопіющими злоупотребленіями, возникаетъ вдругъ многочисленная партія усвоившая себѣ теоріи крайняго радикализма, и какія обстоятельства дѣлали до сихъ поръ невозможнымъ всякое соглашеніе между приверженцами реформъ и упорными защитниками старины. Въ вышедшихъ донынѣ томахъ изложеніе доведено до 1821 года, но смыслъ всего послѣдующаго развитія Испаніи представляется совершенно яснымъ для читателя.

И собственно для насъ книга г. Баумгартена имѣетъ весьма важное значеніе. Русское правительство при императорѣ Александрѣ I относилось съ заботливымъ участіемъ къ событіямъ на Пиринейскомъ полуостровѣ, особенно съ тѣхъ поръ какъ событія эти нанесли первый чувствительный ударъ началамъ, на которыхъ была основана система Священнаго союза. Но политика Россіи была представляема доселѣ въ самомъ извращенномъ свѣтѣ. На основаніи того что въ 1821 году С.-Петербургскій кабинетъ требовалъ энергическаго подавленія испанской революціи, предполагали что и въ предшествовавшее время выражалъ онъ полное одобреніе деспотическимъ дѣйствіямъ короля Фердинанда, которыми была вызвана революція; г. Баумгартенъ впервые возстановилъ истину на этотъ счетъ съ помощію документовъ, доселѣ остававшихся неизвѣстными, но которые не могутъ быть подвергнуты ни малѣйшему сомнѣнію.

I.

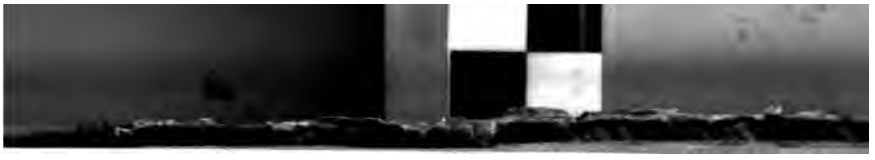
Геніальный испанскій романистъ съ изумительною вѣрностію уловилъ характеристическія черты своей націи. Его *Донъ-Кихотъ* постоянно вращается въ мірѣ вымысловъ и фантазій; онъ идеалистъ и готовъ броситься въ огонь для служенія своимъ идеаламъ; онъ нищій, но нищета не тяготитъ его, ибо удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей является въ его глазахъ дѣломъ низкимъ и презрѣннымъ; подъ вліяніемъ своего фанатизма, онъ не чувствителенъ ни къ насмѣшкамъ, ни къ ударамъ и не обладаетъ вовсе трезвымъ пониманіемъ дѣйствительности, но среди всѣхъ униженій, которымъ подвергается, сохраняетъ врожденное благородство и какую-то рыцарскую, хотя устарѣлую, доблесть. Подъ страннымъ костюмомъ его видимъ человѣка, который привыкъ

когда-то властвовать и повелѣвать, но сдѣлался смѣшонъ только потому что хочетъ сохранить за собой эту привычку, въ то время какъ все измѣнилось вокругъ него и самъ онъ давно уже утратилъ прежнее значеніе. Не есть ли это вѣрное изображеніе исторически сложившихся характера и свойствъ испанской націи? „Для народа, такъ же какъ и для частнаго человѣка, говоритъ г. Баумгартенъ, нѣтъ ничего привлекательнѣе какъ посвятить себя со всею энергіей служенію великому, всемірному принципу, и не ограничиваясь мелкими заботами о домашнихъ интересахъ, сосредоточить свое вниманіе на рѣшеніяхъ опредѣляющихъ развитіе человѣчества. Идеальная задача эта занимала, между прочимъ, Испанцевъ въ теченіе цѣлаго столѣтія, отъ Карла V до Филиппа IV, въ такой степени какъ никогда никакой другой народъ. Политика ихъ была тѣсно связана съ судьбами Европы, почти исключительно на нихъ опирался великій переворотъ въ жизни народовъ, вызванный открытіемъ и завоеваніемъ Америки, въ кабинетѣ ихъ монарховъ сосредоточивались нити политическаго движенія, и всеобъемлющая дѣятельность ихъ подчинена была главнѣйшему, преобладающему вопросу того времени — вопросу религіозному. Утвержденію единства католическаго міра готовы были они приносить съ неслыханнымъ одушевленіемъ самыя тяжкія жертвы; для этого дѣла не щадили они ни милліардовъ денегъ, ни милліоновъ войска; ради него съ восторговъ смотрѣли на сожженіе нѣсколькихъ тысячъ людей, поколебавшихся въ вѣрѣ; ради него вели разорительную для самихъ себя войну съ Маврами.“ На государяхъ Габсбургской династіи лежитъ преимущественно тяжкая отвѣтственность за то что они сообщили это печальное направленіе испанской политикѣ: громадныя внѣшнія предпріятія, безпрерывныя войны для поддержанія католицизма въ Европѣ, внѣшній блескъ въ ущербъ дѣйствительному внутреннему благосостоянію, вотъ тотъ путь которымъ Испанія постепенно дошла до крайней нищеты. Испанецъ гордился своимъ добровольнымъ, безусловнымъ служеніемъ интересамъ католической церкви во всемъ мірѣ; призваніе это, вмѣстѣ съ надеждой на блаженство въ будущей жизни, доставляло ему славу на землѣ; оно приносило также матеріальныя выгоды, ибо военные люди и искатели приключеній возвращались изъ Америки, Фландріи, Италіи, Германіи далеко не съ пустыми

руками; страсть къ чудесному, къ блестящимъ и труднымъ подвигамъ овладѣвала все болѣе и болѣе народною фантазіей: прилично ли же было помышлять среди всего этого о такихъ прозаическихъ занятіяхъ какъ земледѣліе, промышленность, торговля? Возможно ли было относиться къ нимъ иначе какъ съ презрѣніемъ? Каждый Испанецъ думалъ именно такимъ образомъ, и вотъ почему по истеченіи болѣе чѣмъ столѣтія, когда испанскіе правители и полководцы распоряжались судьбами нѣсколькихъ европейскихъ государствъ, когда испанскія войска жили постоянно на чужой счетъ, когда нога непріятеля ни разу не переступала предѣловъ собственнаго ихъ отечества, Испанія очутилась совершенно разоренною; земли ея лежали необработанными, фабрикъ не существовало вовсе, города опустѣли, какъ будто тлетворный ураганъ пронесся надъ страной. Въ позднѣйшее время европейская литература выработала всѣмъ извѣстный и вполнѣ вѣрный типъ, который являлся на сцену всякій разъ когда шла рѣчь объ испанскомъ обществѣ: это—типъ разорившагося дворянина съ надменнымъ взоромъ, покрытаго лохмотьями, исполненнаго высокомѣрнаго презрѣнія ко всему окружающему и готоваго протянуть руку за подаяніемъ.

Мы упомянули сейчасъ о гибельной политикѣ Габсбургской династіи; она встрѣчала самую ревностную поддержку со стороны католическаго духовенства, которое систематически содѣйствовало матеріальному и нравственному упадку испанскаго народа. Духовенство потворствовало самымъ безсмысленнымъ предпріятіямъ, если только предпріятія эти служили интересамъ католицизма; оно укрѣпляло суевѣріе и фанатизмъ въ народѣ, преслѣдовало всякую свободную мысль, проповѣдывало презрѣніе къ матеріальному благосостоянію, и между тѣмъ само, въ то время какъ все вокругъ него было погружено въ нищету, скопляло въ рукахъ своихъ громадныя богатства. Духовенство пріучило смотрѣть на себя какъ на источникъ всякихъ щедротъ и милостей; десятки тысячъ неимущихъ получали скудное ежедневное пропитаніе свое отъ монастырей; не было болѣе вѣрнаго пути избавиться отъ притѣсненій и бѣдствій какъ занять мѣсто въ средѣ духовнаго сословія, которое, по вліянію своему, было гораздо могущественнѣе королевской власти. Дѣйствительно, власть эта,

даже при такомъ деспотическомъ государѣ какъ Филиппъ II, сообразовалась во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ не столько съ интересами государства, сколько съ интересами церкви. Церковь господствовала всюду, тяготѣла надъ всѣми отправленіями общественной жизни, опредѣляла характеръ внутренней и внѣшней политики правительства. Въ позднѣйшей исторіи Испаніи наступилъ одинъ періодъ, когда можно было надѣяться что хотя отчасти будетъ положенъ конецъ этому невыносимому порядку вещей: мы говоримъ о вступленіи на престолъ Бурбонской династіи въ лицѣ Филиппа V. Новый государь вышелъ изъ страны которая имѣла уже Ришелье и Кольбера: съ какими бы отсталыми воззрѣніями ни приступалъ онъ къ управленію, все-таки существовало основаніе думать что онъ не захочетъ послужить жалкимъ орудіемъ католическаго духовенства, которому Людовикъ XIV не рѣшился пожертвовать совершенно государственными интересами даже въ періодъ своего крайняго ханжества. Случилось иначе: до самаго вступленія на престолъ Карла III, то-есть до 1759 года, не было принято никакихъ рѣшительныхъ мѣръ чтобы вывести Испанію на новый путь политическаго и гражданскаго развитія. Впервые трудная задача эта была задумана названнымъ нами сейчасъ государемъ: онъ самъ и главнѣйшіе его сподвижники—Аранда, Кампоманесъ и Флоридабланка—были воспитаны совершенно въ духѣ французской философской школы XVIII столѣтія; они приступили къ дѣлу съ замыслами самыхъ широкихъ преобразованій и имѣли достаточно энергіи чтобы выполнить ихъ; первые удары обрушились на духовенство; іезуиты—главная опора духовнаго сословія — подверглись изгнанію изъ Испаніи; учреждена была строгая визитація монастырей; возникали новыя семинаріи и свѣтскія училища; цѣлый рядъ мѣръ долженствовалъ возвысить торговлю и промышленность страны, причемъ были уничтожены замкнутость цеховъ и внутреннія таможни; словомъ, дѣятельность Карла III развивалась въ томъ же самомъ направленіи, представителемъ коего служилъ современный ему великій прусскій король, но другой вопросъ—принесла ли она тѣ же самые результаты.... Реформы, о которыхъ идетъ рѣчь, были задуманы въ странѣ гдѣ ничего новаго не было подготовлено для нихъ, гдѣ суевѣріе и невѣжество народа достигало чудовищныхъ размѣровъ, гдѣ вліятельное духовенство не щадило никакихъ



усилій чтобы воспрепятствовать ихъ успѣху. Низшія сословія относились къ нимъ равнодушно, а въ средѣ высшихъ нашлось мало людей которые были бы способны вполнѣ усвоить ихъ и служить надежными исполнителями предначертаній графа Аранды и его товарищей. Неудивительно, слѣдовательно, что реформы покоились, по большой части, на бумагѣ, не пуская глубокихъ корней въ обществѣ; тѣмъ не менѣе онѣ принесли значительную пользу, ибо именно съ этого времени возникаетъ рѣзкое раздѣленіе между приверженцами новыхъ идей, какъ ни было ограничено ихъ число, и массой, оставшейся вѣрною старымъ убѣжденіямъ; хотя совершено было еще не много, но по крайней мѣрѣ побѣждены были первыя трудности, найдены искусные руководители, проложенъ путь долженствовавшій вывести государство изъ печальнаго застоя. Оставалось только неуклонно слѣдовать по этому пути, и Испанію ожидала, быть-можетъ, счастливая будущность....

Карлъ III умеръ въ 1788 году, ровно за годъ до громаднаго переворота возникавшаго въ сосѣдней странѣ, которому суждено было имѣть неисчислимыя послѣдствія для всей Европы. Могла ли Испанія остаться совершенно чуждою имъ? Сколько опытности, сколько энергіи нужно было для того чтобъ, оградивъ ее отъ революціонныхъ смутъ, продолжать усовершенствованіе внутреннихъ ея учрежденій и не увлечься, безъ особенной нужды, воинственными предпріятіями, которыя колебали въ то время всю Европу! Обстоятельства были крайне трудны, и въ какихъ же рукахъ очутилось новое правительство?

Конечно, ни въ какой другой странѣ, за исключеніемъ развѣ Неаполитанскаго королевства, не найдемъ мы ничего подобнаго зрѣлищу которое представляла тогда Испанія. На сценѣ появляются новыя лица, и каждое изъ нихъ достойно внимательнаго изученія. Преемникъ покойнаго короля, Карлъ IV, поражалъ прежде всего своею красивою наружностью; это былъ человѣкъ въ полномъ развитіи силъ, необыкновенно мужественнаго вида, но котораго природа безжалостно обидѣла духовными дарами. Къ нему можно было вполнѣ примѣнить слова сказанныя Макколеемъ объ одномъ изъ прежнихъ испанскихъ государей Габсбургскаго дома, что никакой изъ тѣхъ маленькихъ, смуглыхъ ребятишекъ, одѣтыхъ въ рубище, которыхъ Мурильйо любилъ изображать

просящими милостыню или валяющимися въ пескѣ, не обладалъ меньшимъ образованіемъ чѣмъ этотъ самовластный повелитель тридцати милліоновъ подданныхъ. Едва ли были извѣстны ему важнѣйшія событія изъ исторіи собственнаго его королевства; при отцѣ онъ былъ тщательно отстраняемъ отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, и вступивъ на престолъ, никогда не могъ освоиться съ ними; въ дѣлахъ совѣсти и нравственныхъ убѣжденій руководилъ имъ безусловно его духовникъ, а что касается управленія, то онъ возложилъ его исключительно на свою супругу, которая представляла не менѣе замѣчательный типъ въ совершенно другомъ родѣ. Марія-Луиза, урожденная принцесса Пармская, отличалась, въ противоположность Карлу IV, самою незавидною наружностью; недостаточно было сказать о ней что она дурна, — дурнота эта поражала чѣмъ-то отталкивающимъ, ибо раздражительность и злоба ясно отпечатлѣвались на лицѣ королевы. Но никто, даже отъявленные недоброжелатели Маріи-Луизы, не могли отказать ей въ рѣдкомъ умѣ, въ характерѣ рѣшительномъ и предпріимчивомъ, въ умѣньи властвовать надъ людьми. Еслибы всѣ эти качества посвящены были служенію доброму дѣлу, она оставила бы по себѣ блестящую память въ исторіи своей страны, но къ несчастію, Марія-Луиза преслѣдовала одну лишь цѣль — удовлетвореніе своихъ страстей: для этого готова была она жертвовать обязанностями супруги, матери, королевы. Отсюда возникаетъ та страстная драма, которая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду разыгрывалась въ королевскомъ дворцѣ, къ соблазну Европы и всего испанскаго общества. Дѣйствительно, лишь только новый монархъ вступилъ на престолъ, какъ въ средѣ его приближенныхъ видимъ мы лицо, до такой степени ничтожное что никто вначалѣ не замѣтилъ его появленія, и въ самое короткое время снискавшее такое безграничное вліяніе что все повергается предъ нимъ ницъ. Читатель угадываетъ, что рѣчь идетъ о донъ-Мануелѣ Годои, пресловутомъ князѣ Мира, адмиралѣ всего флота и главнокомандующемъ испанскою арміей. Человѣкъ, надѣленный всѣми этими пышными титулами, никогда не предназначалъ себя, конечно, для политической дѣятельности; по крайней мѣрѣ, до конца своей шумной карьеры, онъ не обнаруживалъ къ ней особенной наклонности и призванія; свѣтскія удовольствія, роскошь, любовныя похожденія — вотъ,

кажется, единственное поприще, на которомъ онъ жаждалъ испробовать свои силы: достойнымъ прототипомъ его можетъ служить любимый герой испанской литературы, донъ-Жуанъ, но донъ-Жуанъ опошленный, безъ сильныхъ страстей и искренняго увлеченія. Относительно образованія Годои достаточно привести отзывъ лорда Голланда, который увѣряетъ что почтенный этотъ сановникъ, уже будучи первымъ министромъ, не могъ вполнѣ уяснить себѣ различіе между Prussia и Russia, а Islas Asiaticas (азіятскіе острова) постоянно называлъ Villas Hanseaticas (Ганзейскіе города). Видя неспособность его къ серіознымъ занятіямъ, легкомысліе съ которымъ относился онъ къ самымъ важнымъ государственнымъ дѣламъ, его безцеремонность въ распоряженіи казной, испанская публика съ недоумѣніемъ задавала себѣ вопросъ, какими же достоинствами, какими заслугами возвысился онъ изъ простыхъ тѣлохранителей до первыхъ должностей въ королевствѣ? Не долго пришлось трудиться надъ этою загадкой, ибо отношенія Маріи-Луизы къ Годои огласились отъ дворца до хижины простаго поселянина. Зналъ ли о нихъ король? Все показываетъ что и для него не составляли они тайны, но вотъ что̀ по истинѣ изумительно: пользуясь расположеніемъ королевы, герцогъ Алькудія умѣлъ снискать безграничную привязанность Карла IV, такъ что супругъ и супруга какъ бы соперничали въ готовности надѣлять его всѣми милостями и щедротами и расточать для этого одинаково дорогаго имъ любимца весь запасъ своихъ нѣжныхъ чувствъ.

Вскорѣ для всѣхъ сдѣлалось ясно, что управленіе находится исключительно въ рукахъ королевы, что король не имѣлъ никакого вліянія на дѣла. И управленіе это приняло такой характеръ, что даже въ Испаніи нельзя было не подивиться ему! Безъ всякой нужды, безъ всякаго достаточнаго повода, началась тупоумная реакція противъ всего что̀ было задумано и отчасти совершено въ предшествовавшее царствованіе: главнѣйшіе сподвижники Карла III—Аранда, Кампоманесъ, Флоридабланка—принуждены были удалиться отъ дѣлъ; ихъ не оставляли спокойными и въ изгнаніи; и тамъ, не только они, но и люди одинаковаго съ ними образа мыслей подвергались оскорбленіямъ и преслѣдованіямъ: „У нихъ мало приверженцевъ, говорилъ Годои, но лучше, если не будетъ ихъ вовсе“. Умственное движеніе, только что зарождавшееся въ странѣ, было, разумѣется, тотчасъ же подавлено, инкви-

зиція возвратила себѣ прежнее могущество, дворъ снова наполненъ былъ презрѣнными людьми, которые одно время уже считали вліяніе свое окончательно погибшимъ. Быть-можетъ, масса невѣжественнаго, суевѣрнаго народа, не имѣвшая ни малѣйшаго понятія о государственныхъ дѣлахъ, осталась бы равнодушна къ этому внезапному перевороту, еслибы не событія Французской революціи. Извѣстія о томъ что происходило въ сосѣдней странѣ проникали въ такіе слои общества, которые оставались доселѣ совершенно чуждыми политическимъ интересамъ; они возбуждали необыкновенное броженіе страстей; казнь Лудовика XVI вызвала, между прочимъ, взрывъ негодованія, и вся Испанія готова была опоясаться въ крестовый походъ во имя тѣхъ началъ которымъ она оставалась неизмѣнно вѣрною въ теченіе своей исторической жизни. Нація хотѣла войны, и Годои началъ войну, но война эта, хотя и возникшая при весьма благопріятныхъ условіяхъ, не принесла ничего кромѣ позора: Испанцы были отражены, и непріятель проникъ вскорѣ въ ихъ собственные предѣлы. Тогда правительство поспѣшило заключить миръ, увѣнчавъ его не менѣе постыднымъ союзомъ съ революціонною Франціей,—постыднымъ въ полномъ смыслѣ слова, потому что онъ ставилъ Испанію въ совершенно вассальныя отношенія къ сосѣдней державѣ. Уничтоженіе морскаго своего могущества, ослабленіе своего владычества въ Америкѣ, крайнее разстройство своихъ финансовъ—вотъ что вынесла она изъ этого союза. Въ битвахъ при Финистерре и Трафальгарѣ погибъ окончательно ея флотъ; Англія, постоянно имѣвшая въ виду испанскія колоніи за Атлантическимъ океаномъ, поспѣшила тотчасъ же протянуть руку возникавшему тамъ движенію, которое привело въ послѣдствіи къ провозглашенію ихъ политической независимости. И въ благодарность за всѣ эти жертвы, конечно никакое другое государство въ Европѣ не подвергалось такому надменному, унизительному обращенію со стороны Наполеона. Онъ зналъ людей съ которыми приходилось ему имѣть дѣло и не думалъ скрывать своего безграничнаго къ нимъ презрѣнія; онъ зналъ что этотъ пресловутый князь Мира, рабски выражавшій ему свою покорность, не переставалъ сноситься съ его врагами и выжидалъ лишь удобнаго случая чтобы стать открыто въ ихъ ряды. Письма Наполеона поражаютъ своею грубою, безцеремонною откровенностью: „Не скрывайте отъ

ихъ католическихъ величествъ, говорилъ онъ своему посланнику въ Мадридѣ, что я въ высшей степени недоволенъ безчестнымъ и двусмысленнымъ образомъ дѣйствій князя Мира. Онъ безпрерывно интригуетъ противъ Франціи, а потому вы уполномочены сказать и ему, и королевѣ, что если и впредь будетъ онъ поступать подобнымъ же образомъ, то громовый ударъ грянетъ наконецъ надъ его головою.“ Нѣсколько позднѣе писалъ онъ самому Карлу IV: „Я повинуюсь настоятельной необходимости, рѣшаясь просить ваше величество открыть глаза на ту пропасть въ которую стараются увлечь васъ. Позвольте мнѣ высказать вамъ всю правду. Европа исполнена негодованія и смущенія, видя какимъ образомъ князь Мира старается выставить васъ предъ всѣми правительствами человѣкомъ не пользующимся въ сущности никакою властью. Онъ — король Испаніи, и еслибы пришлось мнѣ вступить въ борьбу съ этимъ самозваннымъ королемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ лишь съ крайнимъ сожалѣніемъ обнажилъ бы я мечъ противъ настоящаго государя, который могъ бы сдѣлать счастливыми своихъ подданныхъ, еслибы только самъ вознамѣрился управлять ими... Вступите же снова на престолъ и удалите отъ себя человѣка, который завладѣлъ совершенно королевскою властью, сохранивъ при этомъ всѣ низкія страсти своего характера“....

Мы не можемъ касаться подробно этого періода въ исторіи Испаніи; но уже сказаннаго нами достаточно чтобы понять, до какого позорнаго упадка дошла она въ самое непродолжительное время. Монархическій принципъ пользовался особеннымъ уваженіемъ въ этой странѣ; даже среди самыхъ тяжкихъ испытаній, которымъ подвергалась она, мы не видимъ никакихъ серіозныхъ попытокъ поколебать его, но теперь само правительство какъ бы систематически заботилось подорвать то обаяніе которымъ издавна пользовалось оно въ глазахъ народа. Скандальные толки о королевской семьѣ и ея фаворитѣ, нищета, цѣлый рядъ пораженій на сушѣ и на морѣ, постоянныя униженія предъ Франціею,—униженія, которыя Наполеонъ давалъ чувствовать особенно осязательно, — все это порождало глухое броженіе въ народѣ. Что касается образованныхъ классовъ, уже привыкшихъ нѣсколько къ другимъ порядкамъ въ предшествовавшее царствованіе, то они приходили въ совершенное отчаяніе. По словамъ голландскаго резидента, въ Мадридѣ

безпрерывно приходилось слышать въ обществѣ восклицанія такого рода: „Пора Французамъ придти и выгнать тѣхъ которые не умѣютъ править; пусть только появятся они, и мы примемъ ихъ съ восторгомъ.“ Замѣчательное настроеніе публики, которое объясняетъ намъ, между прочимъ, причины неимовѣрныхъ успѣховъ Наполеона не въ одной только Испаніи: никакой геній не помогъ бы ему совершить то что было совершено имъ, еслибъ онъ не имѣлъ дѣла съ крайнимъ разложеніемъ политической и общественной жизни въ Европѣ, еслибы въ большей части тогдашнихъ государствъ не порвалась связь между правительствами и народами.

Впрочемъ, даже и въ эту критическую пору испанскій народъ не измѣнилъ обычной своей преданности къ королевской фамиліи. Если самъ Карлъ IV оставался равнодушенъ къ собственному позору и бѣдствіямъ отечества, а Марія-Луиза не стѣснялась никакими требованіями приличія и уваженія къ мнѣнію публики, то тѣмъ упорнѣе сосредоточивалось общее сочувствіе на наслѣдномъ принцѣ Астурійскомъ. Эта личность появляется вскорѣ на политическомъ поприщѣ и нарушаетъ трогательную гармонію которая господствовала между королемъ, королевою и фаворитомъ. Принцъ Фердинандъ ничѣмъ еще не заявилъ себя, нигдѣ не обнаружилъ своихъ способностей и намѣреній, какъ уже сдѣлался самымъ популярнымъ человѣкомъ въ государствѣ. Достаточно было знать что онъ не пользуется расположеніемъ своихъ родственниковъ, чтобы самыя радостныя и утѣшительныя надежды были связаны съ его именемъ. Во всѣхъ общественныхъ кружкахъ только и было рѣчи о томъ, что когда наслѣдный принцъ вступитъ на престолъ, то положеніе дѣлъ вдругъ измѣнится къ лучшему. Ожиданія такого рода должны были казаться въ высшей степени странными людямъ имѣвшимъ возможность приближаться къ нему въ эту раннюю пору его молодости. Уже въ 1791 году одинъ изъ нѣмецкихъ дипломатовъ доносилъ о немъ своемъ двору, что мрачнымъ и скрытнымъ своимъ характеромъ онъ много напоминаетъ Филиппа II, что не обнаруживается въ немъ никакихъ благородныхъ порывовъ, что онъ не имѣетъ друзей, ибо никто не отваживается положиться на него. Воспитаніе принцевъ королевскаго дома было всегда крайне печальнымъ въ Испаніи: если даже Карлъ III не умѣлъ образовать своего сына, то чего же слѣдовало ожидать въ этомъ отношеніи отъ

Карла IV? Неудивительно, что преемникъ его отличался постыднѣйшимъ невѣжествомъ, но за то тайна придворныхъ интригъ и козней сдѣлалась ему извѣстна съ ранней поры до малѣйшихъ подробностей. Тлетворная среда въ которой приходилось вращаться ему, возмутительныя сцены постоянно представлявшіяся его взорамъ, способны были исказить всѣ врожденныя нравственныя чувства, а этихъ чувствъ въ натурѣ Фердинанда было весьма немного. Отецъ оставался къ нему равнодушенъ, мать какъ бы забывала вовсе о его существованіи; мало-по-малу и въ немъ развилась непреодолимая вражда къ королевской четѣ,—вражда, которою пользовались различные интриганы находившіеся въ оппозиціи къ Годои только потому что были обойдены милостями всемогущаго фаворита. Разрывъ между принцемъ Астурійскимъ и его родственниками сдѣлался явнымъ, когда онъ вступилъ въ бракъ съ неаполитанскою принцессой Маріей-Антоніей. Мать ея, королева Каролина, родная сестра Маріи-Луизы, пріобрѣтшая своими нравами не менѣе позорную извѣстность въ событіяхъ того времени и доводившая до фанатизма ненависть къ Наполеону, тотчасъ же направила свои происки въ Мадридѣ къ низверженію первенствующаго министра, покорнаго раба наполеоновской политики. Этого было довольно чтобы лица, заинтересованныя въ благополучіи князя Мира, приняли угрожавшую ему опасность какъ личное оскорбленіе для себя; они не довольствовались отстраненіемъ опасности въ настоящемъ, но придумывали средства чтобы не могла она повториться на будущее время, и уже тогда была пущена въ ходъ мысль,—мысль, не разъ, какъ увидимъ, возникавшая въ послѣдствіи,—объ отстраненіи Фердинанда отъ престолонаслѣдія. Среди этихъ раздоровъ внезапно скончалась принцесса Марія-Антонія, и многіе готовы были думать,—по крайней мѣрѣ они увѣряли въ томъ ея супруга,—что ядъ игралъ тутъ не малую роль. Никто не знаетъ до какой степени справедливо это подозрѣніе, и весьма вѣроятно даже что оно не имѣетъ ни малѣйшаго основанія,—ибо какими бы пороками ни отмичался Годои, у него не хватило бы духа на убійство,—но если испанское общество вѣрило упомянутымъ слухамъ и отнюдь не находило ихъ странными, то уже одно это служитъ весьма многознаменательнымъ явленіемъ.

Напрасно, впрочемъ, враги Фердинанда радовались что онъ лишился такой предпріимчивой и энергической совѣтницы,

какъ покойная принцесса. Вскорѣ очутился онъ въ рукахъ другихъ людей, вліяніе которыхъ на него оказалось гораздо болѣе опаснымъ. На первомъ планѣ между ними стоитъ архидіаконъ и каноникъ Эскольвицъ, одно изъ презрѣннѣйшихъ созданій, обязанныхъ возвышеніемъ своимъ не какимъ-либо заслугамъ, а совершенно случайнымъ обстоятельствамъ. Годои вывелъ его изъ ничтожества и назначилъ нѣкогда наставникомъ къ наслѣдному принцу; повидимому, нельзя было сдѣлать лучшаго выбора, ибо Эскольвицъ былъ достаточно смѣтливъ чтобы понять чего отъ него требовали и достаточно низокъ чтобы служить послушнымъ орудіемъ временщика, обратившаго на него свои милостивые взоры. Но въ этомъ раболѣпномъ человѣкѣ таилось непомѣрное честолюбіе, и лишь только вкрался онъ въ довѣріе слабоумнаго Фердинанда, какъ уже овладѣла имъ мысль, почему бы не играть ему въ государствѣ той же самой роли которую съ такимъ успѣхомъ занималъ Годои. По твердому его убѣжденію, онъ имѣлъ на это несравненно болѣе правъ, ибо считалъ себя неизмѣримо даровитѣе и образованнѣе. Эскольвицъ давно уже слылъ за маленькаго генія въ кругу невѣждъ, которыми былъ наполненъ испанскій дворъ: онъ перевелъ Юнговы *Ночи* и Мильтоновъ *Потерянный Рай*, написалъ нѣсколько философскихъ разсужденій и даже длинную поэму, темою для которой послужило завоеваніе Мексики. Въ искусствѣ безстыдной интриги онъ отнюдь не уступалъ Годои. Если этотъ послѣдній добился почестей только тѣмъ что возбудилъ страсть въ королевѣ и пріобрѣлъ расположеніе ея супруга, то каноникъ совершенно подчинилъ своему вліянію наслѣднаго принца. Стоило только произвести переворотъ который немедленно проложилъ бы Фердинанду путь къ престолу, и карьера Эскольвица была бы сдѣлана. Какъ ни отваженъ представлялся подобный замыселъ, не было, повидимому, большаго труда осуществить его, еслибы только склонить въ его пользу французское правительство,—и вотъ, достойный воспитатель наслѣднаго принца начинаетъ дѣйствовать. Однажды въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда отъ палящаго зноя никто изъ жителей не рѣшался показаться на улицѣ, онъ отправляется въ королевскій паркъ Буэнъ-Ретиро, гдѣ уже ожидалъ его посланникъ Наполеона при Мадридскомъ дворѣ, Богарне. Поразительными красками рисуетъ онъ ему бѣдственное положеніе страны, увѣряетъ что Фердинандъ готовъ служить

вѣрнымъ исполнителемъ намѣреній и плановъ французской политики и просить чтобъ императоръ, въ доказательство своего расположенія, отдалъ ему въ замужство одну изъ своихъ сестеръ. Выслушавъ эти странныя признанія, Богарне потребовалъ чтобъ они были изложены на бумагѣ, и Фердинандъ тотчасъ же доставилъ ему собственноручное письмо къ Наполеону — любопытный образчикъ позорнаго униженія и полной готовности жертвовать самыми дорогими интересами своей страны. Но агенты Годои не дремали: имъ удалось напасть на слѣды интриги, и чрезъ нѣсколько дней послѣ разказаннаго нами свиданія между Эскориціемъ и Богарне, король, поздно ночью, внезапно вошелъ въ кабинетъ своего сына какъ бы для того чтобы передать ему какія-то книги. Убѣдившись по смущенному виду Фердинанда что подозрѣнія противъ него были справедливы, онъ сдѣлалъ обыскъ и захватилъ множество бумагъ, въ которыхъ ясно были изложены всѣ подробности задуманнаго плана. Другіе люди, и во всякой другой странѣ, долго колебались бы прежде чѣмъ огласить эту печальную исторію, но когда затронуты были страсти королевы, которая понимала очень хорошо что ударъ былъ направленъ главнымъ образомъ противъ нея и ея любимца, то ея не останавливали никакія соображенія. Она помышляла только о мести. Принцъ подвергся домашнему аресту, и вскорѣ появился королевскій манифестъ, гдѣ говорилось, между прочимъ, слѣдующее: „Жизнь моя, не разъ уже подвергавшаяся опасностямъ, казалась слишкомъ тяжкимъ бременемъ для моего наслѣдника; измѣнивъ своему долгу и всѣмъ христіанскимъ правиламъ, которыя моя отеческая любовь и заботливость старались напечатлѣть въ его сердцѣ, онъ покусился низвергнуть меня съ престола. Возмутительное преступленіе это, сообщники коего нынѣ открыты, должно быть наказано со всею строгостью закона“....

Нельзя сомнѣваться что угроза, заключающаяся въ приведенныхъ словахъ, была бы въ точности исполнена, еслибы не воспрепятствовало тому одно важное обстоятельство. Испанскій дворъ давно уже отвыкъ распоряжаться свободно своими дѣйствіями; во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ событіяхъ онъ рабски сообразовался съ наставленіями и приказаніями изъ Парижа, и точно также въ настоящемъ случаѣ онъ не осмѣлился предать суду наслѣднаго принца не заручившись предварительно согласіемъ французскаго правительства.

Но императоръ Наполеонъ менѣе всего расположенъ былъ даровать это согласіе: существенныя выгоды побуждали его постоянно натравливать одна на другую обѣ партіи, соперничавшія въ раболѣпіи и униженіи предъ нимъ. Вотъ почему притворился онъ крайне раздраженнымъ: въ исторіи, о которой идетъ рѣчь, замѣшано было имя его посланника. Это казалось ему неслыханною дерзостью. Онъ не хотѣлъ даже и разсуждать о томъ находился ли Богарне въ сношеніяхъ съ Фердинандомъ и его сообщниками, а объявилъ наотрѣзъ что Богарне останется въ Мадридѣ и требовалъ „примѣрнаго“ удовлетворенія за обиду. Тонъ принятый императоромъ сильно перепугалъ испанское правительство, тѣмъ болѣе что получены были вѣрныя извѣстія о сосредоточеніи французскихъ войскъ у Пиринеевъ. Съ другой стороны, злополучный наслѣдный принцъ обнаруживалъ самое нѣжное раскаяніе: онъ выпросилъ свиданіе у Годои, плакалъ на его груди, молилъ о заступничествѣ, выдалъ безъ малѣйшихъ колебаній всѣхъ своихъ сообщниковъ и написалъ два весьма трогательныя письма, адресованныя имъ къ *папа* и къ *мама*. Возможно ли было не тронуться всѣми этими заявленіями? Дѣло не имѣло такимъ образомъ другихъ послѣдствій кромѣ скандала и огласки, какъ будто всѣхъ прежнихъ скандаловъ было еще недостаточно.

Какъ ни можетъ это показаться удивительнымъ, но событія, разсказанныя нами, послужили еще болѣе къ популярности Фердинанда. Масса народа упорно хотѣла видѣть въ нихъ злѣйшую интригу задуманную королевой и Годои для устраненія законнаго наслѣдника отъ престола, и ненависть къ временщику достигла послѣднихъ предѣловъ. Какъ бы въ насмѣшку надъ общественнымъ мнѣніемъ, именно въ это самое время получилъ онъ титулъ высочества, и приказано было воздавать ему королевскія почести. Самые чудовищные анекдоты о немъ, его любовницѣ Пепитѣ Тудо (которой онъ выхлопоталъ титулъ графини Кастилло) и о Маріи-Луизѣ принимались повсюду за неоспоримую истину. Народъ приписывалъ ему всевозможные пороки, считалъ его способнымъ на всякія преступленія, и даже духовенство, не мало возмущенное легкомысліемъ фаворита, начало почти открыто клеймить его въ своихъ проповѣдяхъ. Нельзя пропустить безъ вниманія и тотъ весьма знаменательный фактъ, что именно въ это самое время обнаруживается въ Испаніи

самое ревностное сочувствіе къ Наполеону. Его считали вѣрнымъ другомъ Фердинанда; ему приписывали главнымъ образомъ, и вполнѣ справедливо, что Фердинандъ не пострадалъ отъ своихъ враговъ; слухи о томъ что наслѣдный принцъ намѣревался вступить въ бракъ съ французскою принцессой были истолкованы также въ самомъ благопріятномъ смыслѣ, какъ убѣдительное доказательство расположенія къ нему императора. Богарне и его агенты тщательно старались, разумѣется, поддерживать это настроеніе въ народѣ, приготовляясь извлечь изъ него со временемъ обильныя выгоды.

Невольно рождается вопросъ, вслѣдствіе какихъ причинъ Наполеонъ, давшій уже жестокимъ образомъ почувствовать свое иго почти всѣмъ государствамъ западной Европы, относился съ непонятною снисходительностью къ Испаніи? Тьеръ объясняетъ это тѣмъ что въ рѣшительную минуту Карлъ IV и Годои умѣли всегда обезоружить его гнѣвъ; правда, раболѣпіе ихъ не знало никакихъ границъ, но несомнѣнно, съ другой стороны, что если они умѣли унижаться предъ императоромъ, то подавали ему также много поводовъ къ негодованію. Расточая ему заявленія своей покорности, они постоянно готовы были сноситься съ его врагами, и еще не далѣе какъ въ 1806 году, во время Прусской кампаніи, испанскій дворъ едва не объявилъ ему войны. Вотъ почему г. Баумгартенъ полагаетъ совершенно справедливо, что колебанія и сдержанность Наполеона слѣдуетъ приписать другимъ, несравненно болѣе основательнымъ соображеніямъ: онъ какъ бы предчувствовалъ громадныя трудности, которыя встрѣтитъ на своемъ пути вступивъ въ борьбу съ испанскою націей. Чтобы владычествовать надъ нею, нужно было привязать ее къ себѣ, но какими средствами достигнуть этой цѣли? Несмотря на всѣ униженія испытанныя испанскимъ народомъ, начиная съ 1788 года, несмотря на разореніе, нищету, невѣжество, которыя сдѣлались почти нормальными явленіями въ его средѣ, чувство независимости и національной гордости было развито въ немъ въ высшей степени, и для огражденія ихъ онъ готовъ былъ на самыя тяжкія жертвы. У Испанцевъ не было порядочной арміи, но люди внимательно изучившіе эту страну не сомнѣвались, что подъ вліяніемъ политическихъ и религіозныхъ страстей весь народъ поднялся бы какъ одинъ человѣкъ для отраженія

непріятельскаго нашествія. Борьба приняла бы ожесточенный характеръ, и возможно ли было предположить что Англичане не воспользуются этимъ обстоятельствомъ чтобы создать новыя затрудненія для французской политики? Не представлялось ли, слѣдовательно, несравненно болѣе удобнымъ оставить Испанію въ томъ бѣдственномъ положеніи въ которомъ она находилась и управлять ею посредствомъ Карла IV или Фердинанда? Вѣроятно, подобныя мысли не разъ приходили Наполеону, но злой рокъ увлекъ его въ 1808 году, точно такъ же какъ онъ увлекъ его позднѣе, когда задумана была имъ война противъ Россіи. Онъ вознамѣрился покончить дѣло смѣлымъ и рѣшительнымъ ударомъ....

Занятіе Испаніи французскими войсками принадлежитъ, конечно, къ самымъ изумительнымъ и страннымъ событіямъ той эпохи, которая была такъ обильна всякаго рода неожиданностями. Оно совершилось безъ всякаго повода и предлога, совершилось почти незамѣтно и не вызвало ни малѣйшаго сопротивленія со стороны правительства. Въ февралѣ 1808 года французскія войска перешли Пиринеи и начали занимать главнѣйшія крѣпости расположенныя на сѣверѣ. Самъ главнокомандующій, Мюратъ, не зналъ какая цѣль этого похода, ибо въ инструкціяхъ, данныхъ ему, было тщательно умолчено о томъ; та же неизвѣстность господствовала и въ Мадридѣ: король и князь Мира отправляли одного гонца за другимъ къ начальнику французскаго корпуса, умоляя его положить конецъ этому невыносимому положенію дѣлъ и объявить имъ въ чемъ состоитъ воля императора, и обѣщая заранѣе покориться безусловно этой волѣ. Не получая отвѣта, они предались совершенному отчаянію и рѣшили что спасеніе заключается только въ бѣгствѣ. Уже сдѣланы были всѣ приготовленія къ нему, когда народъ, долго не умѣвшій объяснить себѣ странныхъ событій, происходившихъ предъ его глазами, пришелъ въ неописанное волненіе: весь запасъ негодованія, раздраженія и злобы, все что такъ долго таилось въ сердцахъ, выступило теперь наружу и разразилось страшными смутами въ столицѣ. Годои спасся только тѣмъ что бросился въ домъ одного изъ своихъ приближенныхъ и укрылся на чердакѣ подъ какими-то рогожами: здѣсь провелъ онъ цѣлую ночь и цѣлый день, изнывая отъ жара, голода и жажды. Онъ былъ выведенъ, наконецъ, изъ этой бѣды Фердинандомъ, котораго король и

королева умоляли почти на колѣняхъ защитить ихъ любимца отъ ярости толпы. „Я дарую тебѣ жизнь“, сказалъ ему принцъ.— „Развѣ вы уже приняли корону?“ спросилъ съ смущеніемъ герцогъ. — „Нѣтъ, еще не принялъ, но скору приму ее.“ Дѣйствительно, событія получили такой оборотъ, что не далѣе какъ чрезъ нѣсколько часовъ послѣ этого разговора Карлъ IV вынужденъ былъ добровольно отречься отъ престола въ пользу своего сына.

Воцареніе Фердинанда возбудило неописанный энтузіазмъ въ народѣ. Всѣ были убѣждены, что если Французы явились въ страну его союзниками, то они немедленно удалятся назадъ, ибо уже не представлялось нужды въ ихъ помощи; если же, что казалось вполнѣ невѣроятнымъ, они питали враждебные замыслы, то юный король станетъ во главѣ націи и въ ея страстномъ одушевленіи, въ ея неисчерпаемой преданности къ нему найдетъ могучую опору чтобъ отразить всякое покушеніе на свои права. Между тѣмъ Мюратъ продолжалъ подвигаться впередъ, прикрывая по-прежнему непроницаемою тайной свои планы; онъ очутился вскорѣ въ самомъ Мадридѣ; не только никакого сопротивленія не было сдѣлано ему со стороны Фердинанда, но этотъ послѣдній поглощенъ былъ одною лишь мыслью: умилостивить Французовъ и показать видъ что считаетъ ихъ самыми лучшими своими друзьями. Въ Мадридѣ произошли тотчасъ же сцены неслыханнаго, почти невѣроятнаго безобразія: королевская чета, отказавшаяся отъ власти, понимала очень хорошо что возвратить эту власть было уже невозможно; она не въ состояніи была вспомнить безъ содроганія и ужаса о неистовствахъ черни побудившихъ Карла IV къ отреченію отъ престола, но и онъ самъ, и его достойная супруга жили одною только мыслью—мыслью объ отмщеніи Фердинанду, которому приписывали они всѣ свои бѣдствія и неудачи. Не онъ ли осуждалъ ихъ влачить жизнь въ томительномъ уединеніи? Не онъ ли низвергнулъ въ прахъ драгоцѣннаго фаворита? Не его ли имя произносилось съ благословеніями тѣмъ самымъ народомъ который относился къ нимъ самимъ съ такою непримиримою враждой? Не его ли интригамъ слѣдовало приписать всѣ послѣднія событія? Вотъ почему, лишь только прибылъ Мюратъ въ столицу, какъ Марія-Луиза ежедневно, утромъ и вечеромъ, начала осаждать его своими письмами, которыя должны занять,

конечно, одну изъ характеристическихъ страницъ въ ея біографіи. Не даромъ, въ послѣдствіи, Наполеонъ поспѣшилъ обнародовать ихъ въ *Монитерѣ*, какъ самый убѣдительный отвѣтъ тѣмъ которые винили его въ жестокомъ обращеніи съ испанскими Бурбонами. Въ этихъ письмахъ королева изливаетъ цѣлый потокъ проклятій на своего сына, умоляетъ Французовъ не щадить его, старается увѣрить что и онъ самъ, и главнѣйшіе его совѣтники были постоянно непримиримыми врагами императора Наполеона, сожалѣетъ объ императорѣ, если онъ сколько-нибудь положится на нихъ, и все это перемѣшано мольбами о томъ чтобы спасти и сохранить „нашего единственнаго, нашего невиннаго друга: князя Мира!“ Фердинандъ зналъ о направленныхъ противъ него козняхъ и старался, съ своей стороны, отклонить ихъ избыткомъ самой раболѣпной угодливости предъ Мюратомъ: онъ открыто выставлялъ себя вассаломъ Франціи и какъ бы гордился этимъ званіемъ.

Никому, конечно, не приходило въ голову считать Мюрата особенно тонкимъ дипломатомъ, но должно сознаться, что въ этомъ случаѣ его дѣйствія отличались замѣчательнымъ искусствомъ. Онъ понялъ что завоеваніе Испаніи совершится тѣмъ скорѣе чѣмъ болѣе неурядицы и раздоровъ будетъ господствовать въ правительственной сферѣ: вотъ почему онъ началъ, подъ рукою, убѣждать Карла IV чтобы тотъ отмѣнилъ свое отреченіе отъ престола и опять возложилъ на себя корону. Карлъ поспѣшилъ послѣдовать этому совѣту, отнюдь не потому что обольщалъ себя надеждой сохранить за собою власть, но единственно съ цѣлью поставить въ затруднительное положеніе своего сына. Въ то же время Фердинанду сдѣланы были самыя заманчивыя обѣщанія; его умѣли убѣдить что императоръ Наполеонъ вполнѣ ему сочувствуетъ, что онъ имѣетъ твердое намѣреніе утвердить его на престолѣ, но считаетъ долгомъ предварительно обсудить вопросъ со всѣхъ сторонъ и всмотрѣться ближе въ положеніе дѣлъ въ Испаніи. Съ этою цѣлью намѣревался будто бы онъ самъ, безъ малѣйшаго отлагательства, посѣтить страну,—извѣстіе, крайне обрадовавшее обѣ враждебныя партіи. Каждая изъ нихъ разчитывала воспользоваться имъ для своихъ цѣлей и заботилась лишь о томъ чтобы забѣжать впередъ и расположить верховнаго судью въ свою пользу. Фердинандъ объявилъ что онъ ѣдетъ

на встрѣчу императору; Карлъ IV и Марія-Луиза рѣшили что они сдѣлаютъ то же самое: Мюрату оставалось только радоваться, что довѣрчивыя его жертвы сами спѣшили попасться въ сѣти которыя онъ такъ ловко разставилъ имъ.

Такимъ образомъ, въ то время какъ непріятель стоялъ уже твердою ногой въ самомъ центрѣ государства, члены королевской семьи—отецъ, мать и сынъ—изыскивали лишь средства вѣрнѣе повредить другъ другу. Народъ не понималъ ровно ничего въ этой мрачной драмѣ, разыгрывавшейся главнымъ образомъ за кулисами, да о народѣ никому не приходило въ голову и заботиться. Тяжелымъ предчувствіемъ отозвалось въ немъ неожиданное извѣстіе объ отъѣздѣ Фердинанда; трудно было ему понять причины побуждавшія молодаго короля отправиться въ сѣверныя провинціи, совершенно занятыя Французами, тѣмъ болѣе что Французы, своею грубостью и нахальствомъ, успѣли уже раздражить противъ себя мадридское населеніе и вообще очень мало походили на союзниковъ и друзей. Вотъ почему гробовымъ молчаніемъ сопровождаемъ былъ Фердинандъ въ дорогу. Еслибъ обладалъ онъ самою обыкновенною проницательностью, то тотчасъ по отъѣздѣ своемъ изъ столицы могъ бы замѣтить наглый обманъ которымъ старались его опутать. Новый французскій уполномоченный, Савари, увѣрялъ, что императоръ Наполеонъ прибылъ уже въ Испанію и ожидаетъ его въ одномъ изъ ближайшихъ городовъ. Между тѣмъ города мелькали одинъ за другимъ. Фердинандъ безъ отдыха спѣшилъ впередъ, а желаннаго гостя все-таки не было. Наконецъ, въ Витторіи получено было отъ него письмо, поражавшее прежде всего тѣмъ что оно было адресовано на имя „принца Астурійскаго“, письмо весьма длинное, въ которомъ много говорилось о зловредной политикѣ князя Мира, объ отношеніяхъ Фердинанда къ его родителямъ, но не упоминалось ни слова о восшествіи его на престолъ. „Ваше высочество должны знать,“ такъ заключалъ Наполеонъ свое странное посланіе, „что я колеблюсь въ настоящее время между двумя различными идеями и не остановился еще ни на одной изъ нихъ. Во всякомъ случаѣ будьте увѣрены что я буду также безпристрастенъ къ вамъ, какъ и къ королю, вашему отцу. Положитесь на искреннее желаніе мое уладить всѣ недоразумѣнія и найти возможность доказать вамъ на дѣлѣ мое расположеніе и преданность.“ Письмо это долженствовало бы,

повидимому, уничтожить всякія иллюзіи; по крайней мѣрѣ, нашлось между приближенными Фердинанда нѣсколько лицъ, не утратившихъ еще окончательно здраваго смысла, которые умоляли его возвратиться во-время назадъ и не навлекать на себя неминуемыя опасности, но противная партія одержала верхъ. Такъ какъ Наполеонъ и не думалъ двигаться въ Испанію, то рѣшено было переступить французскую границу и отправиться въ Байонну, куда дѣйствительно онъ прибылъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ изъ Бордо. 20-го апрѣля произошло, наконецъ, столь давно желанное свиданіе. Со стороны Наполеона пріемъ былъ крайне холоденъ и ограничился ничего незначащими привѣтствіями; чрезъ нѣсколько часовъ пришло приглашеніе на обѣдъ, но за обѣдомъ та же натянутость и упорное молчаніе о дѣлѣ, долженствовавшемъ одинаково интересовать обоихъ государей. Императоръ видимо ожидалъ чего-то и ожидалъ не долго. Не успѣлъ Фердинандъ оглядѣться въ своей новой резиденціи, какъ нѣсколько придворныхъ экипажей примчали туда Карла IV, Марію-Луизу и ихъ неизмѣннаго друга, князя Мира. Тотчасъ же поспѣшили они выразить свое почтеніе императору, и Фердинандъ счелъ нужнымъ присутствовать при этой сценѣ. Завидѣвъ его, король воскликнулъ: „развѣ ты думаешь что еще не достаточно опозорилъ мои сѣдины“, и слова эти послужили какъ бы сигналомъ къ страшной бурѣ. Марія-Луиза набросилась на принца со всевозможными упреками и бранью; крики ея раздавались по всему дворцу. Она готова была растерзать Фердинанда своими руками и въ исступленіи своемъ, дошла, разказываютъ, до того что убѣждала Наполеона отправить ея сына на висѣлицу. Наполеонъ, котораго трудно было бы, кажется, заподозрить въ слабости нервовъ, не могъ опомниться отъ этой сцены, и по удаленіи королевской семьи, долго повторялъ про себя: „что это за люди! что это за люди!“

Рѣшеніе императора состоялось немедленно. Вечеромъ того же дня Фердинандъ былъ извѣщенъ что долженъ отказаться отъ короны въ пользу законныхъ правъ своего отца, намѣревавшагося будто бы снова взять власть въ свои руки. Онъ сдѣлалъ было попытку сопротивляться, но въ это самое время пришло весьма важное извѣстіе изъ Мадрида: народъ, взволнованный послѣдними событіями, смущенный слухами которые приходили туда изъ Байонны,

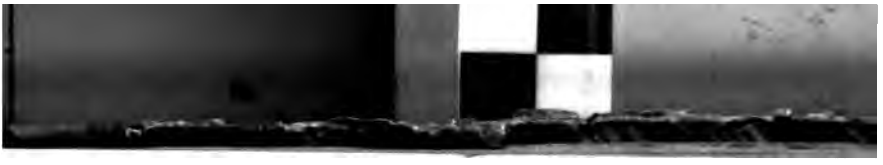
раздраженный въ высшей степени наглымъ обращеніемъ Французовъ, схватился за оружіе, и Мюрату удалось подавить это возстаніе только послѣ страшнаго пролитія крови. Тогда Наполеонъ счелъ возможнымъ отбросить въ сторону всякія церемоніи съ Фердинандомъ. Императоръ самъ объявилъ ему громовымъ голосомъ, что если чрезъ нѣсколько часовъ не подпишетъ онъ своего отреченія, то съ нимъ будетъ поступлено какъ съ „мятежникомъ“, и Фердинандъ отвѣчалъ согласіемъ.... Мало того: чтобъ обезславить себя окончательно въ глазахъ своихъ прежнихъ подданныхъ, онъ издалъ манифестъ, въ которомъ „отъ всего сердца убѣждалъ ихъ сохранить спокойствіе, не поддаваться козняхъ давнишнихъ враговъ Испаніи (Англичанъ), жить въ тѣсномъ согласіи съ союзниками (Французами) и не навлекать на себя несчастій, которыя могли бы быть вызваны духомъ *своеволія* и безразсудства.“ Что касается Карла IV, то онъ уже предварительно передалъ всѣ свои права императору Французовъ. Затѣмъ старый король, королева и Годои отправились въ одинъ изъ придворныхъ замковъ южной Франціи, а принцъ Астурійскій (ибо только этотъ титулъ сохраненъ былъ Фердинанду) долженъ былъ поселиться въ городѣ Валансе, подъ строгимъ присмотромъ Талейрана. „Поручаю вамъ, писалъ Наполеонъ своему министру, принять всѣ мѣры для развлеченія принца. Устройте театръ, вызовите порядочныхъ актеровъ. Еслибы приглянулась ему какая-нибудь хорошенькая дѣвочка, то нѣтъ въ этомъ большой бѣды, лишь бы можно было на нее положиться. Главнымъ образомъ желаю я чтобъ онъ веселился и не занимался ничѣмъ серіознымъ....“

II.

Такъ разыгралась страшная драма, навлекшая позоръ и бѣдствія на Испанію. Мы остановились на ней, можетъ-быть, подробнѣе чѣмъ бы слѣдовало, но объясненіе событій, предшествовавшихъ катастрофѣ 1808 года, крайне необходимо чтобъ оцѣнить надлежащимъ образомъ геройскіе подвиги самоотверженія и мужества которые были въ послѣдствіи обнаружены испанскою націей. Какихъ тяжкихъ золъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, не перенесло оно отъ своего правительства, которое предавало ее теперь совершенно беззащитною

въ руки непріятеля, и если послѣ всего этого она не упала духомъ, то имѣла, кажется, полное право не отчаиваться въ своей будущности.

Хотя замыслы Наполеона увѣнчались полнымъ успѣхомъ, тѣмъ не менѣе онъ сознавалъ, что для осуществленія ихъ прибѣгнулъ къ средствамъ которыя не могъ оправдать ни одинъ честный человѣкъ. Обманомъ и хитростью удалось ему завлечь въ свои сѣти правительство Бурбоновъ, но хитрость и обманъ не помогли бы ему, конечно, удержать въ повиновеніи цѣлую націю. Нужно было предпринять что-нибудь для оправданія себя въ ея глазахъ, нужно было заставить ее забыть о коварной политикѣ которой слѣдовалъ онъ въ теченіе столь долгаго времени, и съ самоувѣренностью, отличавшею всѣ дѣйствія геніальнаго завоевателя, онъ не сомнѣвался въ успѣшномъ выполненіи этой задачи. И дѣйствительно, какъ было ему не утѣшать себя подобными надеждами? Возможно ли предположить, думалъ онъ, что послѣ всѣхъ униженій и несчастій, испытанныхъ Испаніей въ послѣднее время, найдется тамъ хоть одинъ здравомыслящій человѣкъ который сохранитъ преданность Бурбонамъ? Не долженствовалъ ли, напротивъ, всякій сознавать что только энергическая и сильная рука въ состояніи была извлечь страну изъ безвыходнаго хаоса, въ которомъ очутилась она по милости своего прежняго правительства? Наполеонъ никакъ не хотѣлъ допустить чтобы могли существовать на этотъ счетъ различныя мнѣнія: онъ былъ твердо убѣжденъ, что если усвоитъ себѣ программу надъ которою трудились нѣкогда просвѣщенные совѣтники Карла III, если выступитъ съ цѣлымъ рядомъ преобразованій имѣющихъ цѣлью привить къ Испаніи начала политическаго и гражданскаго благоустройства, то вся интеллигенція страны станетъ открыто на его сторону. Что касается массы народа, онъ разчитывалъ привлечь ее къ себѣ возвысивъ ея матеріальное благоденствіе. Всѣ сословія были одинаково разорены, и всѣмъ имъ надѣялся онъ доставить значительное облегченіе: крестьянамъ, подавленнымъ тяжкими налогами; духовенству, громадныя имущества коего не приносили дохода вслѣдствіе общаго финансоваго разстройства; промышленникамъ и торговымъ людямъ, вынужденнымъ сидѣть сложа руки отъ повсемѣстной нищеты; чиновникамъ, офицерамъ и солдатамъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ и годамъ не



получавшимъ вовсе жалованья. Таковъ былъ именно планъ Наполеона. Задолго уже старался онъ ознакомиться съ состояніемъ Испаніи посредствомъ донесеній своихъ многочисленныхъ агентовъ, и лишь только принялъ власть въ свои руки, какъ потребовалъ отъ Мюрата чтобы были препровождены къ нему подробные отчеты по каждой отрасли управленія. „Мнѣ нужны эти документы, говорилъ онъ, чтобы показать современемъ потомству въ какомъ бѣдственномъ положеніи нашелъ я Испанскую монархію.“ Еще находясь въ Байоннѣ, императоръ вызвалъ туда изъ Неаполя своего брата Іосифа, котораго рѣшился посадить на престолъ испанскихъ Бурбоновъ,— выборъ весьма неудачный во многихъ отношеніяхъ. Іосифъ обладалъ несомнѣнно большими достоинствами; это былъ человѣкъ разсудительный, осторожный, исполненный благихъ намѣреній, но слабый характеромъ. Чтобы дѣйствовать въ духѣ наполеоновской системы не хватало у него ни жестокости, ни энергіи. Выступая впервые на политическое поприще, онъ самъ говорилъ о себѣ: „Природа лишила меня всякаго честолюбія, и если суждено мнѣ играть значительную роль, то это будетъ совершенно противно врожденнымъ моимъ наклонностямъ.“ Въ Байоннѣ же императоръ рѣшился представить первое доказательство своего расположенія къ испанскому народу, даровавъ ему конституцію. Конституція оказалась именно такою какою долженствовала она выйти изъ рукъ Наполеона. Хотя и участвовали въ обсужденіи ея такъ-называемые представители Испаніи, — люди ни отъ кого не получившіе своихъ полномочій,—но самое обсужденіе продолжалось лишь полторы недѣли и было не болѣе какъ весьма жалкою комедіей. Относительно политическихъ правъ императоръ не счелъ нужнымъ обнаружить чрезмѣрную щедрость: достаточно замѣтить, что свобода печати долженствовала быть дарована странѣ лишь послѣ того какъ окончательно вошли бы въ силу всѣ постановленія конституціи, а послѣднимъ срокомъ для того назначался 1813 годъ. Но за то гражданскія реформы обозначены были въ широкихъ размѣрахъ: отмѣна феодальныхъ правъ, гласность судопроизводства, равенство предъ закономъ, общій гражданскій и коммерческій кодексъ для всей страны, уничтоженіе пытокъ, все о чемъ мечтали просвѣщенные патріоты, обѣщано было теперь Испаніи, еслибы только рѣшилась она купить эти блага цѣною своей независимости....

Склонилась ли она на приманку? Отвѣтомъ служитъ отчаянная борьба, которую испанскій народъ выдерживалъ въ теченіи шести лѣтъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и ни разу не поколебавшись въ своемъ мужествѣ. Мы не имѣемъ здѣсь возможности останавливаться на ней подробно, а отмѣтимъ лишь главнѣйшія черты, опредѣлявшія ея направленіе и характеръ.

Борьба эта представляется необычайнымъ явленіемъ въ своемъ родѣ. Начать съ того что Наполеонъ ошибся самымъ грубымъ образомъ во всѣхъ своихъ разчетахъ. Онъ ошибся въ разчетѣ на образованный кругъ страны. Люди жившіе преданіями временъ Карла III составляли весьма немногочисленный кружокъ, который не пользовался ни малѣйшимъ вліяніемъ на народъ. Но еслибы голосъ ихъ и имѣлъ сильное значеніе, то, разумѣется, онъ возвысился бы не въ пользу завоевателя, а противъ него. Люди, о которыхъ говоримъ мы, сознавали бѣдственное положеніе своей націи, но вмѣстѣ съ тѣмъ держались вполнѣ справедливаго убѣжденія, что еслибы подчинилась она чужеземному владычеству, то этимъ самымъ произнесла бы окончательный приговоръ надъ собой и сдѣлалась бы презрѣнною въ глазахъ всего свѣта. Общество можетъ возвыситься изъ упадка только собственными силами, а не опираясь на руку которая приноситъ ему рабство. И къ тому же, какихъ реформъ, какого улучшенія своей судьбы можно было ожидать отъ грубаго деспотизма, попиравшаго во всей Европѣ независимость народовъ и не полагавшаго никакихъ границъ своему произволу? Не безумiемъ ли было положиться на обѣщанія завоевателя, первое появленіе коего въ странѣ ознаменовано было ложью и обманомъ? Если такъ думало образованное общество, то масса народа колебалась еще менѣе ополчиться на борьбу со врагомъ. Народъ не помышлялъ ни о какихъ преобразованіяхъ, ни о какомъ улучшеніи своихъ гражданскихъ правъ, ибо подобныя идеи были ему совершенно недоступны; инстинктивно тяготился онъ своею нищетой и вопіющими злоупотребленіями, обрушавшимися на него со всѣхъ сторонъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердо вѣрилъ, что есть только одна сила способная измѣнить къ лучшему прежній порядокъ вещей, и сила эта находится въ рукахъ изгнаннаго и обманутаго непріятелями Фердинанда. Возстановленіе на престолѣ молодаго короля, поддержаніе старой, католической Испаніи—вотъ цѣль, далѣе

которой не шли помыслы народа. И зрѣлище, которое представляетъ онъ въ первое время геройскаго своего возстанія противъ Французовъ, невольно поражаетъ насъ своею странностью: нищій, принужденный испытывать самыя тяжкія лишенія, не сдѣлавъ никакихъ приготовленій, онъ возстаетъ какъ одинъ человѣкъ, нисколько не смущаясь громадными силами своего противника. Прошло не болѣе двухъ мѣсяцевъ, а Европа уже огласилась извѣстіями объ осадѣ Сарагоссы, о пораженіи французскихъ войскъ при Валенсіи, о геройской битвѣ при Байленѣ и бѣгствѣ короля Іосифа изъ Мадрида. Все это казалось чѣмъ-то невѣроятнымъ и потрясло смущеніемъ и надеждами Европу; страна, которая еще недавно не возбуждала ничего кромѣ презрѣнія, вдругъ представилась ей примѣромъ для подражанія. „Не знаю, писалъ въ то время Блюхеръ, отчего бы не поступить намъ какъ Испанцамъ,“ — и слова эти были на устахъ всѣхъ людей оскорбленныхъ въ самыхъ священныхъ своихъ чувствахъ властолюбіемъ Наполеона. Но выдерживая упорную борьбу, испанскій народъ не дѣлаетъ ни малѣйшихъ попытокъ къ нововведеніямъ, не показываетъ никакихъ стремленій измѣнить что-либо въ установленномъ порядкѣ вещей, несостоятельность коего была достаточно, кажется, обнаружена предшествовавшими событіями. Онъ нуждался въ руководителяхъ, и во главѣ его является временное правительство. Но какихъ же лицъ мы видимъ тамъ? Прежнихъ придворныхъ, искусившихся во всякаго рода интригахъ, фанатиковъ-прелатовъ, нѣсколькихъ грандовъ, съ именемъ которыхъ связаны были самыя позорныя воспоминанія о прошедшемъ, словомъ, лицъ погрязшихъ въ рутинѣ и не тяготившихся самыми вопіющими злоупотребленіями администраціи. Цѣль ихъ была провести страну чрезъ опасный кризисъ не измѣнивъ ровно ничего въ установленномъ порядкѣ вещей; среди разгара борьбы инквизиція дѣйствовала съ неутомимымъ рвеніемъ, и всякія попытки расширить свободу слова были преслѣдуемы весьма сурово. Прежняя скрытность, прежнія канцелярскія привычки сохранились въ полной силѣ и долгое время отнюдь не возбуждали, повидимому, неудовольствія въ массѣ общества. Да и могло ли быть иначе, когда во всѣхъ провинціальныхъ юнтахъ, а также въ центральной юнтѣ, собравшейся осенью 1808 года, безграничнымъ вліяніемъ пользовались упорные приверженцы старины, которымъ мысль о самыхъ

умѣренныхъ реформахъ казалась чѣмъ-то возмутительнымъ и богохульнымъ?

Враги прогресса могли бы извлечь изъ этого положенія дѣлъ краснорѣчивые аргументы въ свою пользу. Чего же лучше, сказали бы они, если Испанія, оставаясь при прежнемъ своемъ устройствѣ, нашла въ себѣ богатый запасъ энергіи для такой борьбы которая была не подъ силу другимъ государствамъ Европы? Не служитъ ли это доказательствомъ что порядокъ вещей господствовавшій при Карлѣ IV былъ вовсе не такъ плохъ, какъ хотѣли увѣрить безпокойные поборники нововведеній? Но послѣдующія событія на замедлили обнаружить что разсуждать подобнымъ образомъ могли только низкіе эгоисты или люди крайне ослѣпленные. Изъ событій этихъ выходитъ одно неопровержимое заключеніе: испанская нація дѣйствительно обладала геройскимъ самоотверженіемъ и мужествомъ, но всѣ эти качества не въ состояніи были спасти ее отъ бѣды именно потому, что она на каждомъ шагу связана была по рукамъ и ногамъ отвратительною системой управленія. Люди вознамѣрившіеся руководить ею не умѣли ничего предвидѣть и приготовить во-время. Неудивительно, поэтому, что вмѣсто побѣдъ, пораженія слѣдуютъ одно за другимъ: къ началу 1809 года Наполеонъ успѣлъ нанести цѣлый рядъ тяжкихъ ударовъ своимъ противникамъ, и Іосифъ снова возвратился съ торжествомъ въ Мадридъ. Старый порядокъ вещей вдругъ выказался во всемъ своемъ безобразіи, и съ этихъ поръ впервые начинаютъ пробуждаться въ народѣ стремленія, которыхъ такъ страшились привилегированные классы общества.

Многочисленныя донесенія англійскихъ агентовъ представляютъ намъ подробныя и вѣрныя свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи Испаніи. Извѣстно, что Англія рѣшилась явиться на помощь несчастной странѣ. Предложеніе, сдѣланное ею въ этомъ смыслѣ еще въ 1808 году, было встрѣчено сперва крайне недовѣрчиво: крѣпость Гибралтаръ служила постояннымъ напоминаніемъ о враждебныхъ ея чувствахъ къ испанскому народу въ прошлое время; что касается настоящаго, то ни для кого не было тайной ревностное содѣйствіе которое оказывала она испанскимъ колоніямъ въ Америкѣ, стремившимся достигнуть полной независимости. Съ другой стороны, невозможно было сомнѣваться что Англія сильно заинтересована въ успѣхѣ Испанцевъ: еслибы Наполеону удалось

подчинить ихъ своей власти, онъ не успокоился бы до тѣхъ поръ пока и Португалію не постигла бы та же участь, и тогда континентальная система была бы окончательно водворена во всей Европѣ. Все это побудило временное испанское правительство поспѣшить заключеніемъ оборонительнаго и наступательнаго союза съ Великобританіей, дипломатическимъ представителемъ которой явился сэръ-Генри Веллеслей; начальство надъ вспомогательнымъ войскомъ принадлежало его старшему брату, герцогу Веллингтону. Оба они не переставали сообщать своему кабинету въ какомъ положеніи были найдены ими дѣла, и если картина нарисованная ими поражаетъ своимъ мрачнымъ колоритомъ, то нѣтъ никакой причины заподозрить ихъ въ преувеличеніяхъ или искаженіи истины. Напротивъ, тяжкія неудачи понесенныя Испанцами ясно свидѣтельствуютъ о правдивости ихъ словъ. Веллеслей говоритъ, что прежде всего былъ онъ пораженъ необычайнымъ одушевленіемъ народа; издали невозможно было, по словамъ его, составить даже приблизительнаго понятія о силѣ и энергіи патріотическаго чувства. Но приглядѣвшись внимательнѣе къ господствовавшимъ порядкамъ, посторонній наблюдатель долженъ былъ еще болѣе изумиться неспособности правительства, которое находилось въ рукахъ людей видимо жертвовавшихъ общимъ благомъ для своихъ частныхъ и корыстныхъ интересовъ. Они не только не содѣйствовали патріотическому настроенію народа, но относились къ нему недовѣрчиво, опасаясь чтобы не привело оно ко внутреннему перевороту; они не умѣли организовать военныхъ силъ страны; по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ оставляли безъ продовольствія гверильясовъ, въ которыхъ Испанія имѣла самыхъ лучшихъ бойцовъ своихъ за независимость. „Центральная юнта, пишетъ Веллеслей, обнаруживаетъ позорное бездѣйствіе, не пользуется никакимъ вліяніемъ и занята мелкими раздорами своихъ членовъ.“ Братъ посланника, главнокомандующій англійскихъ войскъ, выражается еще рѣзче о презрѣнной (miserable) бездарности лицъ осмѣлившихся захватить власть въ свои руки и вообще о несостоятельности всего установленнаго порядка вещей. „Ничего не можетъ быть хуже, читаемъ мы въ одной изъ его депешъ, испанскаго правительства, и ничего выше испанскаго народа. Конечно, народъ этотъ весьма скоро свергнулъ бы чужеземное иго, еслибы только очутился во главѣ его человѣкъ предпріи-

имчивый и способный.“ Вмѣсто того онъ вынужденъ былъ терпѣть отъ произвола, тупаго фанатизма и безпримѣрныхъ злоупотребленій должностныхъ лицъ; вся тяжесть войны лежала на низшихъ классахъ, а дворянство и духовное сословіе только мѣшали ея успѣху своею неспособностью и эгоизмомъ.

Сообразимъ все сказанное выше, и мы вполнѣ уяснимъ себѣ характеръ событій развивавшихся на Пиринейскомъ полуостровѣ. Въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, самыя позорныя дѣйствія королевской власти не въ состояніи были потрясти привязанность къ ней испанскаго народа; онъ только перенесъ эту привязанность на Фердинанда, въ которомъ упорно хотѣлъ видѣть олицетвореніе всѣхъ возможныхъ добродѣтелей. Когда непріятель появился въ предѣлахъ Испаніи, онъ схватился за оружіе, не имѣя вовсе въ помыслахъ требовать какихъ-либо нововведеній его одушевляло лишь желаніе сохранить Испанію для молодаго короля въ точно такомъ видѣ какою тотъ покидалъ ее, удаляясь изъ своей столицы; онъ предоставилъ временную власть тѣмъ же самымъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ привыкъ видѣть ее до тѣхъ поръ. Но эти люди успѣли достигнуть того чего не въ состояніи были произвести ни позорное управленіе Годои, ни вѣчные раздоры въ королевской семьѣ, ни пагубное униженіе предъ Наполеономъ. Когда нація убѣдилась что всѣ жертвы, приносимыя ею, остаются безплодны, она не измѣнила, правда, въ своей вѣры въ Фердинанда, но обаяніе прежняго порядка вещей вдругъ рушилось въ ея глазахъ. Съ сочувствіемъ начинаетъ она прислушиваться къ голосу немногочисленнаго кружка людей, которые, повторяемъ, не имѣли бы никакой возможности разчитывать на успѣхъ, еслибы совершенно исключительныя обстоятельства не выдвинули ихъ на первый планъ.

Въ рядахъ ихъ находились люди отличавшіеся неподкупною честностью и высокими дарованіями, какъ напримѣръ Квинтана, Іовелланосъ, Аргуэллесъ, Бланко и др. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что много ошибокъ было сдѣлано ими, что они предавались крайнимъ увлеченіямъ, но первые ихъ шаги на политическомъ поприщѣ ознаменованы были замѣчательною осторожностью. Партія, о которой мы говоримъ, давно уже лелѣяла мысль, что созваніе народнаго представительства (кортесовъ) было единственно вѣрнымъ средствомъ вывести страну изъ ея бѣдственнаго положенія. Въ этомъ

духѣ поручила она, въ маѣ 1809 года, одному изъ своихъ корифеевъ, Квинтанѣ, сочинить манифестъ къ народу. „Теперешняя война, говорилось въ немъ, не принесла бы намъ чести, еслибы по окончаніи ея мы не могли съ гордостью воскликнуть что предки наши оставили намъ въ наслѣдство рабство и нищету, а мы завѣщаемъ своимъ потомкамъ благоденствіе и славу. Враги Испаніи утверждаютъ что въ ослѣпленіи своемъ мы отстаиваемъ, съ оружіемъ въ рукахъ, старинныя злоупотребленія и грубый произволъ нашего правительства; пусть же они убѣдятся что борьба идетъ теперь столько же о внѣшней независимости, сколько и о внутреннемъ нашемъ благоденствіи; мы не хотимъ на будущее время служить орудіемъ презрѣннаго временщика или утратившей всякое нравственное достоинство женщины.“ Квинтана формулировалъ слѣдующимъ образомъ требованія своей партіи: „Католическая религія должна быть единственною религіей въ государствѣ; Испанія получаетъ монархическую конституцію; королевская власть сохраняется наслѣдственною въ семействѣ Фердинанда. Ежегодно должны собираться кортесы, и американскія колоніи будутъ имѣть въ нихъ своихъ представителей; реформы въ законодательствѣ, администраціи, народномъ просвѣщеніи, промышленности и торговлѣ будутъ направлены къ тому чтобы просвѣтить народъ и извлечь его изъ нищеты.“ Никто не скажетъ, конечно, чтобы программа эта была слишкомъ неумѣренною; представители англійскаго правительства въ Испаніи тотчасъ же рѣшились поддержать ее всѣмъ своимъ вліяніемъ, ибо они были твердо убѣждены что лишь разумный внутренній переворотъ можетъ спасти страну отъ угрожавшихъ ей бѣдствій. Но люди захватившіе власть вовсе не были расположены уступить ее безъ упорной борьбы, зная очень хорошо что власть эта послужитъ въ рукахъ ихъ противниковъ къ коренному измѣненію прежняго порядка вещей, столь благопріятнаго для привилегированныхъ классовъ общества. Въ распоряженіи ихъ находилась цензура, а также другія стѣснительныя мѣры, которыми они надѣялись подавить возникавшее движеніе. Если либераламъ удалось обнародовать свой манифестъ, то надлежало озаботиться чтобъ онъ не распространился въ провинціяхъ. И дѣйствительно, тотчасъ же послѣ его появленія, временное правительство убѣждаетъ мѣстныя юнты преслѣдовать съ неумолимою строгостью

„безбожныя и безчестныя писанія", направленныя противъ установленнаго порядка вещей. Нельзя сомнѣваться, что малочисленные приверженцы прогресса не въ состояніи были бы осуществить своихъ идей, еслибъ обстоятельства не говорили громко въ ихъ пользу. Еще въ концѣ 1808 года центральная юнта и регентство,—эти два верховные органа правительственной власти,—покинули Мадридъ; они удалились въ Севилью, но и это мѣстопребываніе оказалось далеко не безопаснымъ; чрезъ нѣсколько времени пришлось имъ переселиться въ Кадиксъ, а оттуда на находящійся близъ упомянутаго города Львиный островъ (Isla de Leon). Непріятельское нашествіе разливалось потокомъ по всей странѣ и грозило потопить послѣдніе оплоты, въ которыхъ сосредоточивалось противодѣйствіе ему.

Было еще одно обстоятельство сильно смущавшее испанскую націю. Въ то время какъ она истощала всю свою энергію въ борьбѣ съ грознымъ завоевателемъ, обожаемый Фердинандъ продолжалъ оставаться въ Валансе. По всему видно что образъ его жизни тамъ отличался порядочною монотонностью. „Король вставалъ въ 8 часовъ утра, пилетъ его духовникъ, завтракалъ, игралъ на биллiардѣ, читалъ письма или Св. Писаніе и ложился отдохнуть до двухъ часовъ, когда обыкновенно выѣзжалъ на прогулку; возвратившись, тотчасъ садился обѣдать, а послѣ того принималъ своихъ братьевъ и другихъ лицъ; вечеромъ члены королевскаго семейства сходились опять въ его покои, а предъ отходомъ ко сну онъ пѣлъ, со всѣмъ своимъ домомъ, молитвы сочиненныя имъ самимъ. Агентъ императора Наполеона употреблялъ всевозможныя старанія чтобъ отвлечь короля отъ душеспасительныхъ его занятій. Съ этою цѣлью призвалъ онъ изъ Парижа труппу танцовщицъ: но когда, по нѣкоторымъ признакамъ, я замѣтилъ что безстыдно обнаженныя груди этихъ прелестницъ начинаютъ обнаруживать опасное дѣйствіе на короля и что онъ склоняется къ нарушенію седьмой заповѣди, то я поспѣшилъ предупредить его. Онъ послушался моихъ увѣщаній и, подобно рабу Пентефрія, избѣгалъ сѣтей разставленныхъ ему французскими сиренами." Неизвѣстно, имѣлъ ли Фердинандъ точныя свѣдѣнія о геройскихъ усиліяхъ испанскаго народа сохранить ему корону которую онъ не умѣлъ удержать на своей головѣ, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ ничего не ожидалъ для себя съ этой

стороны. Всѣ его надежды обращены были исключительно на Наполеона. Находясь въ Валансе, онъ еще усугубилъ ту лесть, которую расточалъ ему нѣкогда изъ Мадрида. Каждая побѣда французскаго оружія неминуемо вызывала съ его стороны поздравительныя письма, наполненныя пышными похвалами императору. Въ началѣ 1810 года англійское правительство пыталось вывести его изъ заточенія, и съ этою цѣлью какимъ-то барономъ Колли составленъ былъ обширный заговоръ, не укрывшійся, однако, отъ бдительнаго взора министра полиціи Фуше. Тогда Фердинандъ адресовалъ къ губернатору города Валансе письмо, въ которомъ поспѣшилъ заявить что его занимаютъ вовсе не такіе пустяки какъ бѣгство. „Величайшимъ моимъ желаніемъ было бы, говорилъ онъ, чтобъ его величество императоръ, нашъ повелитель (notre maitre), усыновилъ меня. Я полагаю, что заслужилъ это благодѣяніе, которое сдѣлало бы меня счастливымъ на всю жизнь,—заслужилъ его столько же моею любовью и привязанностью, сколько безграничнымъ повиновеніемъ священной особѣ его величества.“ Нѣсколько позднѣе, въ другомъ письмѣ, Фердинандъ возобновляетъ прежнюю свою мысль о бракосочетаніи съ французскою принцессой. „Не говоря уже о томъ, восклицаетъ онъ, что подобный союзъ упрочилъ бы личное мое счастіе, я пріобрѣлъ бы сладкую увѣренность что вся Европа убѣдилась въ непоколебимой моей преданности императору.“ *Монитеръ* тотчасъ же обнародовалъ всѣ упомянутыя посланія, и Фердинандъ остался какъ нельзя болѣе доволенъ этимъ. „Пусть всему міру будутъ извѣстны теперь настоящія мои чувства“, писалъ онъ къ Фуше. Но Французы не упустили, конечно, случая распространить роковой нумеръ *Монитера*, — и въ подлинникѣ, и въ переводѣ,—по всей Испаніи, и невозможно представить какое тягостное впечатлѣніе произвелъ онъ тамъ. Можно сказать, что теперь впервые поколебалось, въ глазахъ народа, обаяніе которымъ такъ незаслуженно пользовался Фердинандъ. Народъ утѣшалъ себя, конечно, мыслью что документы, о которыхъ идетъ рѣчь, могли быть изобрѣтены самими Французами, но все-таки дѣло представлялось крайне подозрительнымъ. Что касается сколько-нибудь образованныхъ классовъ общества, то поступокъ Фердинанда возбудилъ въ нихъ взрывъ негодованія. И понятно. Въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ сраду приносить безостановочно тяжкія жертвы,

терпѣть незаслуженныя пораженія по винѣ бездарныхъ своихъ правителей, сносить угрозы Англичанъ что они покинутъ Испанію на произволъ судьбы, и видѣть въ то же время что самъ король становится открыто на сторону враговъ — что могло быть ужаснѣе такого положенія?

Прибавимъ, наконецъ, ко всему этому, что извѣстія изъ Америки принимали съ каждымъ мѣсяцемъ болѣе тревожный характеръ. Вначалѣ находилась еще въ тамошнихъ колоніяхъ многочисленная партія, которой удавалось обуздывать стремленія къ независимости, но она утратила значительную долю вліянія съ тѣхъ поръ какъ явилось основаніе думать что Испанія не устоитъ въ борьбѣ съ Французами. Въ 1810 году Буеносъ-Айресъ и Каракасъ объявили что не намѣрены повиноваться временному испанскому правительству. Англія видимо склонялась въ пользу колоній и безпрерывно требовала для нихъ уступокъ, долженствовавшихъ отозваться самыми тяжкими послѣдствіями на матеріальномъ благосостояніи метрополіи. Главные доходы Испанцевъ все еще приходили пока изъ-за моря, и невольно раждался вопросъ, возможно ли было бы продолжать борьбу, еслибы внезапно изсякъ этотъ источникъ?

Вотъ тѣ обстоятельства, подъ вліяніемъ коихъ рухнула, наконецъ, система, которую поборники старины усиливались поддерживать вопреки очевидной необходимости измѣнить ее. Въ іюнѣ 1810 года появился, при единодушномъ одобреніи народа, декретъ о созваніи чрезвычайнаго собранія кортесовъ.

III.

Засѣданія кортесовъ долженствовали открыться въ Кадиксѣ,—обстоятельство чрезвычайно важное по своимъ послѣдствіямъ. Городъ этотъ служилъ послѣднимъ надежнымъ убѣжищемъ временнаго правительства, но вмѣстѣ съ тѣмъ наполнился людьми которые сильно негодовали на общій ходъ дѣла и ревностно стремились измѣнить его; за невозможностью произвести выборы во всѣхъ провинціяхъ, такъ какъ значительная ихъ часть находилась во власти непріятеля, положено было, что народонаселеніе Кадикса назначитъ депутатовъ взамѣнъ тѣхъ избраніе коихъ не могло состояться

правильнымъ путемъ. Неудивительно, что въ пользу либеральной партіи составилось большинство, котораго она не получила бы, конечно, при другихъ обстоятельствахъ. Вообще все слагалось такимъ образомъ чтобы внушить ей самоувѣренность и рѣшимость: консервативныхъ элементовъ, которые могли бы обуздывать чрезмѣрныя увлеченія ея на пути реформъ, не существовало вовсе; высшіе классы общества успѣли совершенно компрометтировать себя въ глазахъ народа; противники ихъ всегда могли обратиться къ нимъ съ упрекомъ, что именно они, своею неспособностью и эгоизмомъ, поставили Испанію въ то бѣдственное положеніе въ которомъ она находилась, и нечего было отвѣчать на упреки такого рода. Ни откуда не встрѣчая себѣ отпора, либеральная партія убѣждалась все болѣе и болѣе въ своей силѣ, тогда какъ мнимая сила эта была создана совершенно исключительными обстоятельствами, а не опиралась на сознательномъ сочувствіи массъ. Мало-по-малу прибѣгла она какъ увидимъ, къ крайнимъ мѣрамъ, рѣшилась проложить совершенно новые пути для политическаго и гражданскаго развитія своего отечества: духовенство, дворянство и прежняя бюрократія, не будучи въ состояніи бороться съ этимъ потокомъ, затаили въ себѣ глубокую ненависть къ нововведеніямъ и рѣшились выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ, когда имъ удастся отомстить за себя.

Приступить къ многосложной задачѣ внутреннихъ преобразованій и выдерживать въ то же самое время упорную борьбу съ непріятельскимъ нашествіемъ, дѣло, во всякомъ случаѣ, крайне не легкое, а въ Испаніи оно было сопряжено съ затрудненіями почти безвыходными. Когда страна начала борьбу съ Наполеономъ, то на ней тяготѣлъ уже государственный долгъ въ 7.190 милл. реаловъ, а затѣмъ самая борьба, отпаденіе колоній, совершенный застой въ промышленности и торговлѣ нанесли окончательный ударъ финансамъ. Изъ всѣхъ провинцій приходили отчаянныя извѣстія о бѣдствіяхъ и страданіяхъ жителей. Въ отчетѣ, представленномъ кортесамъ, министръ внутреннихъ дѣлъ говорилъ, что во многихъ мѣстностяхъ Арагоніи народъ вынужденъ былъ питаться травою и кореньями; Каталонія потеряла уже болѣе 30.000 своего народонаселенія, а Эстремадура превратилась, по словамъ министра, въ „ужасающій скелетъ“. „Все это дѣйствительно такъ, писалъ Веллингтонъ своему

правительству, но несмотря на нищету, духъ народа повсюду отличается бодростью и прежнею энергіей. Лишь только непріятель покидаетъ какую-либо область, всѣ ея жители спѣшатъ взяться за оружіе, хотя и знаютъ что въ случаѣ новаго вторженія французской арміи имъ нечего ожидать пощады. Въ то время какъ Италія повергнута во прахъ предъ побѣдителемъ, а Германія отчаялась, кажется, въ возможности сопротивляться ему, одни Испанцы продолжаютъ борьбу безъ денегъ, оружія и припасовъ." Именно эта непреклонная энергія народа и внушала большія надежды либеральной партіи. Она принялась за дѣло съ замѣчательною рѣшимостью и отвагой. Первое засѣданіе кортесовъ происходило 22-го сентября, а ровно чрезъ день послѣ того уже былъ ими изданъ декретъ, возвѣщавшій что въ нихъ, этихъ кортесахъ, сосредоточивается государственная власть народа; они приняли также титулъ „величества", принадлежавшій доселѣ лишь королю. Въ упомянутомъ декретѣ замѣчаемъ мы между прочимъ слѣдующее постановленіе: „Чрезвычайные кортесы, опираясь на явно и несомнѣнно выраженную народную волю, снова провозглашаютъ единственно законнымъ своимъ монархомъ дона-Фердинанда VII Бурбона и объявляютъ, что еслибъ отказался онъ отъ короны въ пользу Наполеона, то надлежитъ считать подобное отреченіе недѣйствительнымъ и лишеннымъ всякой силы, не потому только что оно воспослѣдовало бы подъ вліяніемъ посторонняго гнета, но главнымъ образомъ по той причинѣ что нація не согласилась бы его одобрить." При обсужденіи этого параграфа произнесено было много характеристическихъ рѣчей; для примѣра приведемъ здѣсь одну изъ нихъ: „Питаете ли вы ненависть къ деспотизму Бонапарта? воскликнулъ депутатъ Бланко:—Безполезно дожидаться мнѣ вашего отвѣта, ибо знаю его впередъ, но поймите же, что только теперешній декретъ освобождаетъ васъ отъ опасности подчиниться когда-нибудь этому деспотизму. Что сказали бы вы, еслибы въ одно прекрасное утро появился на границахъ государства король, держа одною рукой супругу изъ Наполеоновской фамиліи, а другою предлагая вамъ союзный трактатъ который поставилъ бы Испанію въ вассальныя отношенія къ Франціи? Если не случилось ничего подобнаго до сихъ поръ, то развѣ не можетъ случиться нынче или завтра? Какъ поступите вы тогда? Воспротивитесь ли дѣйствіямъ короля, на

томъ основаніи что они не соотвѣтствуютъ національнымъ интересамъ, но это значило бы возбудить анархію, мятежъ: вотъ почему, чтобъ избавиться отъ анархіи, вы должны провозгласить государственную власть народа.“ Заявленія подобнаго рода были дѣломъ совершенно неслыханнымъ въ Испаніи, и тщетно приверженцы стараго порядка вещей пытались ослабить ихъ разглагольствованіями о „величіи души, благихъ намѣреніяхъ, долготерпѣніи, геройскихъ качествахъ и любви къ отечеству Фердинанда“. Въ глазахъ кортесовъ этотъ послѣдній безвозвратно утратилъ ореолъ, которымъ такъ долго окружала его нація. Вопросъ о томъ какъ относились они къ нему вполнѣ выяснился въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій, по поводу предложенія сдѣланнаго депутатомъ Капмани: распространился слухъ, что Наполеонъ намѣревается устроить бракъ короля съ австрійскою принцессой, а для всякаго было ясно, что подобный бракъ, при тогдашнихъ отношеніяхъ Франціи и Австріи, вполнѣ согласовался съ видами и намѣреніями французской политики. Палата, послѣ долгихъ и въ высшей степени оживленныхъ преній, тотчасъ же постановила, что „на будущее время никакой испанскій король не можетъ вступать въ бракъ безъ предварительнаго извѣщенія, согласія и одобренія служащихъ законными представителями націи кортесовъ“.

Враги реформъ, которыя предпринимала въ то время либеральная партія, утверждаютъ, что партія эта предавалась крайнимъ и часто даже безсмысленнымъ увлеченіямъ. Допустимъ что упрекъ былъ справедливъ. Дѣйствительно, на многихъ и самыхъ существенныхъ рѣшеніяхъ кортесовъ лежитъ печать необдуманности, незрѣлости и поклоненія теоріямъ французской революціи прошлаго столѣтія, но кого же слѣдуетъ винить въ томъ? Мы имѣемъ самыя убѣдительныя доказательства что въ началѣ либеральная партія не желала слѣдовать по этому пути, и во всякомъ случаѣ представлялась полная возможность во-время остановить ее. Это обнаружилось, между прочимъ, когда кортесы затронули важный вопросъ о положеніи крестьянъ: хотя въ Испаніи не существовало собственно крѣпостнаго права, но низшее сословіе издавна поставлено было въ тяжкую зависимость отъ дворянства и духовенства, которымъ уплачивало оно разнообразныя и самыя обременительныя подати. Въ XVIII вѣкѣ, даже въ царствованіе Карла III, судьба его не только не измѣнилась

къ лучшему, но значительно ухудшилась: „Несчастные крестьяне, говорилъ одинъ изъ знаменитыхъ патріотовъ, Іовелланосъ, питаются хлѣбомъ изъ проса и овса, не могутъ даже помышлять о мясѣ, живутъ въ лачугахъ, ходятъ въ рубищѣ, и вся жизнь ихъ—непрерывная борьба съ самыми тяжкими лишеніями.“ Разчитано было, что только 17 милліоновъ акровъ земли, заселенной крестьянами, находились подъ королевскою юрисдикціей; на другихъ 28 милліонахъ распоряжалось самовластно дворянство, а 19 милліоновъ были подчинены господству духовнаго сословія. Кортесы не могли не сознавать что именно въ этой области слѣдовало произвести благотворную реформу, и многіе въ ихъ средѣ готовы были поступить точно такъ же, какъ поступило французское національное собраніе въ ночь 4-го августа 1789 года: отмѣнить разомъ существовавшій до тѣхъ поръ порядокъ вещей и не предоставить ровно никакого вознагражденія привилегированнымъ классамъ общества! Мы видимъ, однако, что этого не случилось; всѣ предложенія въ радикальномъ смыслѣ отстранены были одно за другимъ, и палата выработала проектъ, отличавшійся, быть-можетъ, значительными недостатками, но несомнѣнно свидѣтельствовавшій о желаніи ея отнестись безпристрастно къ заинтересованнымъ сторонамъ. Еслибъ это направленіе либеральной партіи оцѣнено было надлежащимъ образомъ, еслибы противники ея искренно и добросовѣстно приступили къ дѣлу, отстаивая убѣжденія свои единственно въ интересахъ общаго блага, то несомнѣнно, что эта честная и открытая борьба мнѣній могла бы породить весьма счастливые результаты. Но они рѣшительно не хотѣли принять на себя подобную роль; самыя разумныя и умѣренныя реформы возбуждали фанатическую ненависть съ ихъ стороны; они стремились сохранить Испанію въ томъ самомъ видѣ въ какомъ находилась она подъ управленіемъ Карла IV и Годои; они громко похвалялись что всѣ преобразованія изчезнутъ какъ дымъ, лишь только минуетъ тяжкое время борьбы съ непріятельскимъ нашествіемъ. И либеральная партія невольно сознавала что это были далеко не пустыя и безсмысленныя угрозы. Она постоянно тревожилась мыслью о томъ какой поворотъ примутъ дѣла, когда кортесы очутятся лицомъ къ лицу съ народонаселеніемъ не одного лишь небольшаго города, а всей Испаніи,—когда дворянство займетъ снова свои замки, а духовенство снова вступитъ

на каѳедры своихъ соборовъ и монастырей? Разумно ли было питать надежды, что народъ, воспитанный въ невѣжествѣ и фанатизмѣ, оцѣнитъ достоинство новаго порядка вещей и что Фердинандъ постановитъ себѣ задачей сохранить этотъ порядокъ? Къ несчастію, отвѣтъ на всѣ эти вопросы представлялся болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Люди съ другимъ характеромъ предались бы, можетъ-быть, совершенному отчаянію, но приверженцы либеральной партіи въ Испаніи почему-то убѣдились что единственное средство упрочить воздвигаемое зданіе, это—выступить на путь крайнихъ мѣръ и связать руки королевской власти постановленіями конституціи, хотя оставалось совершенно непонятнымъ въ чемъ же конституція эта найдетъ точку опоры для себя? Очевидно что они строили на пескѣ, но имъ не оставалось другаго выбора, если только не хотѣли они сознаться открыто что сами не имѣютъ вѣры въ начатое ими дѣло.

Мы не имѣемъ здѣсь возможности говорить подробно о всей дѣятельности кортесовъ въ упомянутый періодъ, а остановимся только на главной задачѣ предпринятой ими — на конституціи 1812 года. Конституція эта была оригинальнымъ явленіемъ въ своемъ родѣ. Составители ея задались мыслью ограничить до послѣднихъ предѣловъ королевскую власть, съ цѣлью отнять у нея всѣ средства возвратить страну къ прежнему порядку вещей. По смыслу этой пресловутой хартіи, королевская власть не значила ровно ничего, а кортесамъ предоставлены были такія права какими не пользуется никакое представительное собраніе въ мірѣ при господствѣ монархической формы правленія. Чрезъ каждые два года долженствовали происходить выборы депутатовъ, помимо всякаго разрѣшенія или призыва къ тому со стороны правительства; кортесы собираются ежегодно въ началѣ марта, опять-таки не дожидаясь королевскаго декрета о созваніи ихъ; король не можетъ не только прекратить, но даже отсрочить ихъ засѣданія; еслибъ онъ пожелалъ того, то долженъ обратиться къ палатѣ съ просьбою (peticion), а отъ нея зависитъ рѣшить—исполнить эту просьбу или нѣтъ. Кортесы предлагаютъ, обсуждаютъ и издаютъ различные законы; они назначаютъ регенство во время малолѣтства короля; они утверждаютъ или отвергаютъ трактаты съ другими государствами; на одобреніе ихъ представляется планъ воспитанія для наслѣднаго принца; вліяніе короля на законодательство

ограничивается лишь тѣмъ что въ теченіи двухъ сессій можетъ онъ противопоставить свое *veto* рѣшеніямъ кортесовъ, а по минованіи упомянутаго срока *veto* лишается всякой силы. Король имѣетъ право замѣщать, по своему выбору, всѣ должности, за исключеніемъ епископовъ и судей, ибо назначеніе этихъ послѣднихъ происходитъ не иначе какъ съ согласія государственнаго совѣта, а государственный совѣтъ состоитъ изъ лицъ рекомендованныхъ кортесами; король не можетъ, не посовѣтовавшись съ кортесами, предпринять заграничную поѣздку, а еслибы не захотѣлъ подчиниться подобному распоряженію, то этимъ самымъ теряетъ права на корону; кортесамъ предоставлено также „устранять отъ престолонаслѣдія тѣхъ лицъ королевской семьи, которыя оказались бы неспособными къ управленію или совершили что-либо дѣлающее ихъ недостойными царствовать“. Отвѣтственность министровъ опредѣлена была, разумѣется, самымъ строгимъ образомъ: король назначаетъ ихъ, но представительная палата обязана всякій разъ особыми регламентами опредѣлять кругъ ихъ дѣятельности, и достаточно рѣшенія ея, принятаго простымъ большинствомъ голосовъ, чтобъ они были вынуждены тотчасъ же покинуть свою должность.

Такова, въ главнѣйшихъ чертахъ своихъ, конституція 1812 года. При внимательномъ разсмотрѣніи ея, нельзя не подивиться наивности ея составителей: они, очевидно, хотѣли оставить за королемъ только призракъ власти, но совершенно не предусмотрѣли вопроса, какая сила можетъ побудить корону подчиниться этимъ ограниченіямъ? Настроеніе народа представлялось болѣе чѣмъ сомнительнымъ, хотя кортесы всячески старались расположить его въ пользу задуманнаго ими дѣла, потворствуя его нетерпимости и фанатизму. „Религіею испанской націи, гласила конституція, остается навсегда апостольско-римско-католическая, единственно истинная; государство ограждаетъ ее мудрыми и справедливыми законами и воспрещаетъ открытое исповѣданіе въ предѣлахъ страны всякой другой вѣры.“ Вопіющія привилегіи духовнаго сословія сохранены были неприкосновенными: но если либеральная партія утѣшала себя надеждами что всѣ подобныя уступки привлекутъ къ ней духовенство и массу народонаселенія, то событія готовили ей самое тяжкое разочарованіе съ этой стороны. Какъ бы то ни было, въ то время, о которомъ мы говоримъ депутаты засѣдавшіе въ

Кадиксѣ были твердо убѣждены что они произвели нѣчто весьма долговѣчное и прочное. Положено было торжественно отпраздновать провозглашеніе конституціи, и днемъ для этого торжества избрано было 19-е марта,—день въ который, за четыре года предъ тѣмъ, Фердинандъ вступилъ на престолъ. „Если съ давнихъ временъ, говоритъ г. Баумгартенъ, развитіе испанской націи совершалось среди вопіющихъ противорѣчій, то судьба устроила такимъ образомъ, что и провозглашеніе конституціи, этого дѣтища неслыханныхъ смутъ, ознаменовано было въ одинаковой степени радостію и печалію, ликованіемъ и ужасомъ. Послѣ нѣкотораго промедленія, Французы возобновили, въ ночь 12-го марта, жестокое бомбардированіе Кадикса. Хотя бомбы и гранаты лишь отчасти достигали города, но соборная церковь находилась такъ близко отъ выстрѣловъ, что кортесы вынуждены были избрать для совершенія торжества церковь босоногихъ кармелитовъ. 19-го марта, съ ранняго утра, испанскія батареи гремѣли безостановочно, при звонѣ колоколовъ, но и непріятель съ неменьшимъ рвеніемъ отвѣчалъ имъ, ибо и онъ, по-своему, праздновалъ въ этотъ день тезоименитство короля Іосифа. Небо также не осталось безучастнымъ къ этому гулу нѣсколькихъ сотенъ смертоносныхъ орудій, которымъ былъ привѣтствуемъ съ одной стороны узурпаторъ, а съ другой—законный государь и нація, впервые провозгласившая свои политическія права: страшный ураганъ свирѣпствовалъ надъ городомъ и наводилъ содраганіе на жителей. Кармелитская церковь расположена у самаго моря; взоръ обозрѣваетъ съ ея паперти весь заливъ и красивыя очертанія противоположнаго берега. Когда процессія появилась на этомъ мѣстѣ, буря вдругъ затихла, и яркое солнце освѣтило на минуту всю картину. Но лишь только вступила она во храмъ и началось тамъ молебствіе, какъ снова, и еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, поднялся ураганъ, потрясалъ двери и окна, и низвергнулъ огромное дерево находившееся предъ церковью. Такова была колыбельная пѣснь конституціи 1812 года: эта конституція возникла среди невзгодъ, и еще сильнѣйшія невзгоды впереди приготовляла она людямъ, которые обращались къ ней съ своими упованіями и надеждами.“

Какъ ни представлялось шаткимъ положеніе либеральной партіи, былъ у нея одинъ союзникъ, со стороны котораго

она имѣла, кажется, право ожидать весьма ревностнаго содѣйствія своимъ планамъ. Мы подразумѣваемъ Англію. Не ясно ли свидѣтельствовалъ опытъ что прежняя Испанія, при Габсбургахъ и Бурбонахъ, съ ея фанатизмомъ и невѣжествомъ, была непримиримымъ врагомъ британскаго правительства? Возможно ли было сомнѣваться, что и на будущее время эти непріязненныя отношенія не измѣнятся, если Испанія не проникнется духомъ религіозной терпимости, если не будетъ она руководствоваться принципами свободы какъ въ политикѣ, такъ и въ коммерческихъ своихъ сношеніяхъ съ другими государствами? Собственный интересъ побуждалъ, слѣдовательно, Англію,—если только не хотѣла она чтобы пропали даромъ всѣ принесенныя ею жертвы,—оказать поддержку новому порядку вещей, но на дѣлѣ видимъ мы совершенно противное. Если англійское правительство сочувствовало вначалѣ приверженцамъ реформъ, то продолжалось это весьма не долго; оно смотрѣло на испанскія событія глазами герцога Веллингтона, а герцогъ Веллингтонъ относился весьма неблагопріятно къ либеральной партіи. Многіе объясняютъ это тѣмъ что онъ былъ оскорбленъ отказомъ кортесовъ вручить ему главное начальство надъ всѣми военными складами на полуостровѣ, но зная его характеръ и обширный умъ, трудно предположить чтобъ одно только это обстоятельство могло обнаружить рѣшительное вліяніе на его образъ мыслей. Знаменитый полководецъ руководился, конечно, другими, болѣе важными соображеніями: онъ былъ твердо убѣжденъ что преобладающій и существенный интересъ для Испаніи состоялъ въ борьбѣ съ непріятелемъ; приступать въ самый разгаръ этой борьбы къ реформамъ казалось ему дѣломъ неумѣстнымъ и опаснымъ, ибо при этомъ неминуемо долженствовалъ возникнуть сильный раздоръ между партіями, тогда какъ тѣсное согласіе ихъ было необходимо для успѣшнаго хода военныхъ дѣйствій. Это послѣднее предположеніе герцога Веллингтона было вполнѣ оправдано событіями. Мы знаемъ уже какимъ образомъ приверженцы стараго порядка вещей относились къ преобразованіямъ, но въ началѣ они считали разумнымъ утаивать свои чувства, выжидая болѣе благопріятныхъ для себя обстоятельствъ—и ожидать ихъ пришлось не долго. Лѣтомъ 1812 года одержаны были значительные успѣхи надъ Французами: правда, они все еще стояли твердою ногой въ странѣ, но по крайней мѣрѣ

нѣкоторыя изъ провинцій, какъ напримѣръ Андалузія, Астурія, Галиція, была совершенно освобождены отъ нихъ. Реакціонная партія, предводимая священниками и монахами, тотчасъ же выступила, въ указанныхъ ими областяхъ, съ ожесточенною пропагандой противъ конституціи, называла ее не иначе какъ дьявольскимъ навожденіемъ и старалась дѣйствовать на самыя мрачныя стороны народнаго характера. Событіе, о которомъ мы говоримъ, разомъ обнаружило кортесамъ всѣ громадныя опасности угрожавшія имъ впереди, и съ своей стороны, они поспѣшили выступить съ цѣлымъ рядомъ радикальныхъ мѣръ направленныхъ противъ поборниковъ реставраціи. Неудивительно, что эти внутреннія распри, безпрерывно готовыя породить междуусобіе, отражались весьма невыгодно на военныхъ дѣйствіяхъ,—и это въ ту самую минуту когда требовался, быть-можетъ, одинъ энергическій, рѣшительный порывъ, чтобы пожать плоды всѣхъ предшествовавшихъ усилій. Веллингтонъ сильно негодовалъ на это положеніе дѣлъ, и письма его къ брату наполнены рѣзкими укорами противъ либеральной партіи, которая, по мнѣнію его, самымъ безразсуднымъ образомъ раздражала своихъ противниковъ. „Очевидно, говорилъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ, что страна, рѣшившись вручить управленіе кортесамъ, отнюдь не можетъ похвалиться сдѣланнымъ ею опытомъ. Кортесы не пользуются ни малѣйшею популярностью и, какъ мнѣ кажется, вполнѣ заслуживаютъ эту участь. Что можетъ быть немилосерднѣе, безразсуднѣе и страннѣе декрета, изданнаго ими противъ всѣхъ кто находился на службѣ непріятелю, — декрета, коимъ правительство отстраняетъ отъ себя множество способныхъ и полезныхъ гражданъ? Да, надлежитъ сознаться, что событія не выставили здѣсь до сихъ поръ ни единаго человѣка, который имѣлъ бы вполнѣ здравое и вѣрное понятіе о потребностяхъ и положеніи своего отечества: самые вліятельные люди дѣйствуютъ наугадъ, какъ бы въ опьяненіи, и трудно предвидѣть чѣмъ все это кончится!...“ Веллингтонъ самъ поспѣшилъ въ Кадиксъ, и кратковременное пребываніе его тамъ еще болѣе усилило нерасположеніе его къ кортесамъ. Съ безпощадною иронією отзывается онъ о конституціи, „которая—подобно тому, какъ живописецъ пишетъ свою картину, — сочинена ими только на показъ“; онъ прямо говоритъ, что нѣтъ ни одного благоразумнаго Англичанина который рѣшился бы сочувствовать

испанскимъ либераламъ, ибо они вполнѣ проникались ненавистными принципами французской революціи; онъ обвиняетъ ихъ въ стремленіи утвердить въ странѣ республиканское правительство, и вообще тонъ его нападокъ до такой степени запальчивъ, что даже родной его братъ, сэръ-Генри Веллеслей, старается умѣрить ихъ. Веллингтонъ, постоянно старавшійся устраняться отъ вмѣшательства во внутреннее управленіе Испаніи, считаетъ теперь это вмѣшательство необходимымъ. „Не слѣдуетъ, кажется, намъ терпѣть, пишетъ онъ, чтобъ эти люди шли безсознательно къ своей собственной погибели. До сихъ поръ, пока дѣятельность ихъ ограничивалась стѣнами Кадикса, они не въ состояніи были причинить своимъ безразсудствомъ значительнаго вреда; но совершенно другое дѣло теперь, когда вліяніе ихъ начинаетъ простираться на нѣсколько областей освобожденныхъ отъ непріятеля. Многіе изъ почтенныхъ лицъ, съ которыми приходилось мнѣ бесѣдовать, ясно видятъ вопіющіе недостатки конституціи и желали бы измѣнить ее, но не знаютъ только какимъ образомъ приступить къ этой задачѣ. Если мы имъ не поможемъ, то всѣ благотворные плоды нашихъ усилій погибнутъ безъ слѣда даже и въ томъ случаѣ, когда бы удалось намъ совершенно изгнать Французовъ....“ Не задолго до отъѣзда своего изъ Кадикса англійскій полководецъ обращается даже къ своему правительству съ вопросомъ, не разрѣшитъ ли оно ему прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ чтобы подавить демократическую партію въ Испаніи, и получаетъ вполнѣ одобрительный отвѣтъ.

По мѣрѣ того какъ возрасталъ разрывъ герцога Веллингтона съ господствующею партіей въ кортесахъ, упрочивалась тѣсная связь его съ представителями стараго порядка вещей. Не нужно думать, впрочемъ, чтобъ онъ питалъ къ нему какое-либо сочувствіе. Въ тѣхъ же самыхъ письмахъ въ которыхъ содержались такія рѣзкія порицанія конституціи, знаменитый полководецъ постоянно говоритъ о необходимости утвердить въ Испаніи правительство, которое опиралось бы на принципы разумной свободы. Ошибка его заключалась лишь въ томъ что онъ судилъ объ этой странѣ съ точки зрѣнія гражданина родившагося въ свободномъ государствѣ, которое широкимъ развитіемъ политическихъ своихъ правъ было обязано главнымъ образомъ своему высшему сословію. По мнѣнію его, и испанское дворянство могло

безъ труда упрочить за собою то же самое положеніе которымъ пользовалась англійская аристократія; вотъ почему къ этому дворянству обращены были исключительно его симпатіи. „Друзья мои гранды“, это выраженіе безпрерывно встрѣчается въ его письмахъ; гранды составляли неизмѣнный кружокъ въ которомъ вращался герцогъ, они старались поддѣлаться подъ его понятія, твердили ему о необходимости разумныхъ и умѣренныхъ преобразованій, и въ то же самое время, при содѣйствіи обычнаго ихъ союзника, духовенства, старались разжечь дикій фанатизмъ и изувѣрство въ народныхъ массахъ. Веллингтонъ былъ вполнѣ справедливъ когда смотрѣлъ на конституцію 1812 года какъ на несбыточную утопію, но по странному заблужденію, онъ не хотѣлъ замѣтить что въ Испаніи не существовало твердой почвы для правильнаго и спокойнаго развитія: король который довелъ забвеніе своихъ обязанностей до того что сдѣлался первымъ слугой чужеземнаго владычества; дворянство проникнутое самыми корыстными побужденіями и мечтавшее только о сохраненіи своихъ привилегій; духовное сословіе исполненное средневѣковой нетерпимости и вражды ко всякому прогрессу; невѣжественная, подавленная вѣковымъ гнетомъ масса народа, и среди всего этого незначительное меньшинство людей просвѣщенныхъ, но не обладавшихъ практическимъ смысломъ и видѣвшихъ единственный путь спасенія въ революціи, — на какую сторону могло бы склониться сочувствіе посторонняго наблюдателя? Трудно было рѣшить этотъ вопросъ, но нельзя не подивиться что англійскій государственный человѣкъ вступилъ открыто въ союзъ съ партіей, которая, лишь только удалось бы ей снова достигнуть власти, долженствовала руководиться во внѣшней своей политикѣ непримиримою враждой къ Англіи.

Не прошло, впрочемъ, нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ герцогъ Веллингтонъ вынужденъ былъ сознаться въ своемъ заблужденіи. Послѣднее время дѣятельности кортесовъ было особенно бурно: враждебная имъ партія постоянно усиливала свою агитацію, а кортесы, съ своей стороны, объявили этой партіи открытую войну. Образъ ихъ дѣйствій противъ нѣкоторыхъ представителей высшаго сословія, противъ епископовъ и вообще духовенства, отличался такою же жестокостью, какую обнаруживали нѣкогда Карлъ IV и Годои относительно людей либеральнаго образа мыслей. Мѣры

неумолимой строгости слѣдовали одна за другою; лишеніе гражданскихъ правъ и пожизненное изгнаніе обѣщано было всѣмъ кто отважился печатнымъ словомъ выразить порицаніе конституціи; смертная казнь ожидала того кто обнаружилъ бы этой конституціи явное сопротивленіе. Но въ то время какъ кортесы прибѣгали къ систематическому преслѣдованію своихъ враговъ, собственные ихъ дни были уже изочтены: послѣ того какъ непріятель очистилъ значительную часть провинцій и съ трудомъ держался лишь на сѣверѣ, не было разумной причины оставаться имъ въ Кадиксѣ, а реакціонная партія утѣшала себя надеждой, что когда переѣдутъ они свои засѣданія въ столицу королевства, то разомъ рухнетъ пріобрѣтенное ими вліяніе. Сами кортесы сознавали эту опасность и всѣми силами противились перемѣщенію своему въ Мадридъ; только крайняя необходимость—а именно моровая язва появившаяся въ Кадиксѣ — восторжествовала надъ ихъ упорствомъ. Но именно въ ту самую минуту когда положеніе кортесовъ становилось въ высшей степени критическимъ, явился у нихъ неожиданный союзникъ, и союзникомъ этимъ былъ не кто иной какъ король Фердинандъ.

Давно уже Наполеонъ, принужденный выдерживать борьбу почти со всею Европой, начиналъ помышлять о совершенномъ очищеніи Пиринейскаго полуострова отъ своихъ войскъ. Послѣ лейпцигской катастрофы обратился онъ къ Фердинанду, все еще проживавшему въ Валансе, съ письмомъ слѣдующаго содержанія: „Настоящее положеніе моего государства внушаетъ мнѣ желаніе покончить съ испанскими дѣлами. Англія раздуваетъ въ Испаніи анархію и якобинство, она объявила войну дворянскому сословію, усиливается потрясти всѣ основы монархическаго правленія и хочетъ на развалинахъ его основать республику. Вотъ почему желательно мнѣ отнять у Англичанъ всякій поводъ ко вмѣшательству и возстановить съ Испаніей дружественныя сношенія, издавна существовавшія между двумя странами.“ Послѣ этого характеристическаго приступа къ дѣлу, императоръ предлагалъ трактатъ, главнѣйшими условіями коего было: возвращеніе Фердинанда въ кородевство, тѣсный союзъ съ Франціей, обязательство для Англичанъ немедленно выступить изъ испанскихъ предѣловъ, сохраненіе почестей и должностей за тѣми Испанцами которые находились на службѣ короля

Іосифа и т. д. Фердинандъ привѣтствовалъ этотъ договоръ какъ неслыханное благодѣяніе, внезапно посѣтившее его: онъ согласился на все что̀ предлагалъ ему Наполеонъ и тотчасъ же отправилъ въ Мадридъ одного изъ своихъ приближенныхъ, герцога Санъ-Карлоса, съ цѣлью подготовить умы къ новому и, по мнѣнію его, весьма счастливому повороту дѣлъ.

Не нужно было, однако, много проницательности чтобъ уразумѣть смыслъ упомянутаго договора. Принять его значило отплатить самою черною неблагодарностью единственнымъ союзникамъ испанской націи, Англичанамъ, и броситься въ объятія человѣка который навлекъ на страну неслыханныя бѣдствія. Вотъ постыдный результатъ долженствовавшій увѣнчать шестилѣтнюю упорную борьбу съ непріятельскимъ нашествіемъ,—и это въ ту самую минуту когда Наполеонъ былъ тѣснимъ со всѣхъ сторонъ многочисленными силами своихъ противниковъ! Понятно негодованіе вспыхнувшее въ Мадридѣ при полученіи столь мрачнаго извѣстія: либеральная партія снова ободрилась; самые отчаянные приверженцы реставраціи вынуждены были присмирѣть; герцогъ Веллингтонъ не зналъ границъ своему раздраженію. Еще такъ недавно клеймилъ онъ большинство кортесовъ названіемъ революціонеровъ и якобинцевъ, а теперь всѣ его надежды опирались на то что кортесы не подчинятся волѣ Фердинанда, и онъ не обманулся въ этомъ ожиданіи. Представительное собраніе тотчасъ же постановило слѣдующій декретъ: Фердинандъ не можетъ принять въ свои руки управленіе государствомъ до тѣхъ поръ пока не принесетъ, въ средѣ кортесовъ, установленную присягу конституціи; когда появится онъ на границѣ королевства, то чрезвычайные уполномоченные объявятъ ему что въ его свитѣ не должно находиться ни одного иностранца, а также никого кто занималъ должности на службѣ Іосифу; всѣ договоры и соглашенія заключенныя имъ съ иностранными державами не имѣютъ силы безъ утвержденія кортесовъ; не имѣетъ также силы и трактатъ подписанный въ Валансе,—трактатъ очевидно вынужденный у него, ибо „добродѣтельный Фердинандъ не въ состояніи, говорилось въ декретѣ, принять изъ рукъ хищника, въ видѣ подарка, корону, которую нація умѣла отстоять для него цѣной громадныхъ пожертвованій и пролитія крови.“ Очевидно, что постановленіе такого рода вполнѣ согласовалось

со всѣми предшествовавшими дѣйствіями кортесовъ, а между тѣмъ на этотъ разъ герцогъ Веллингтонъ расточалъ пышныя похвалы ихъ высокому патріотизму и политической мудрости....

Но недостаточно было принять какое-либо рѣшеніе, а надлежало имѣть средства выполнить его, и вскорѣ представился вопросъ, обладаетъ ли этими средствами либеральная партія. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ какъ пронесся слухъ что „добродѣтельный“ Фердинандъ, освобожденный изъ заточенія катастрофой Наполеона, вступилъ, наконецъ, въ предѣлы своего королевства....

Е. ѲЕОКТИСТОВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПОЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ
ЗАПАДНАГО КРАЯ
ВЪ МЯТЕЖѢ 1861—1863 ГОДОВЪ *

V.

Польская молодежь не имѣла въ событіяхъ 1861—63 годовъ какой-либо самостоятельной роли, которая бы лежала исключительно на ней одной, а болѣе или менѣе участвовала во всѣхъ почти событіяхъ вызванныхъ возстаніемъ, въ однихъ больше, въ другихъ меньше. Поэтому мы считаемъ полезнымъ сдѣлать прежде всего очеркъ общаго характера событій 1861—62 годовъ въ западныхъ губерніяхъ, указывая при этомъ на то участіе какое принимало въ этой кровавой драмѣ, какъ часть въ цѣломъ, польское юношество. Если, при такомъ способѣ изложенія молодежь и отодвинется нѣсколько на второй планъ, за то на первое мѣсто станутъ истинныя причины мятежа и тѣ господа которые эгоистически втягивали ее въ демонстраціи и возстаніе и которые въ настоящую пору, прикрывшись личиной благонамѣренности, разчитываютъ еще разъ вовлечь русское общество въ заблужденіе, увѣривъ его будто истинный революціонный элементъ Западнаго края не помѣстное польское дворянство, а „босоногая“ шляхта да школьники.

Полякамъ было, разумѣется, лучше нашего извѣстно что край, въ низшихъ слояхъ общества, за незначительными изъятіями, населенъ Русскими и даже въ большинствѣ православ-

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1869 г. № 1.

ными, и что безусловная преданность этихъ слоевъ законному правительству и враждебныя чувства ихъ къ мятежу внѣ всякаго сомнѣнія; было извѣстно и то что законная власть, въ случаѣ надобности, въ силахъ быстро и энергически одолѣть возстаніе пановъ не одними штыками, но—что гораздо существеннѣе—административными мѣрами самаго мирнаго свойства: для этого ей стоило только отнестись правильно и твердо къ сущности польскаго вопроса. Чтобы, при такихъ неблагопріятныхъ для себя условіяхъ, выступить на открытую борьбу и успѣшно выдерживать ее въ теченіи слишкомъ двухъ лѣтъ, Полякамъ надо было, конечно, имѣть на своей сторонѣ какіе-нибудь вѣрные шансы. Такіе шансы дѣйствительно были взвѣшены и, надо сознаться, при этомъ взвѣшиваньи на первомъ планѣ у Поляковъ стояло наше грубое невѣжество относительно сущности польскаго вопроса.

При безгласности печати, при полномъ отчужденіи отъ общественныхъ дѣлъ, порождавшемъ апатію, большинство нашихъ мыслящихъ людей того времени, признавая коренное населеніе Западнаго края русскимъ, не приходило однако въ негодованіе отъ того что польскіе помѣщики, сильные крѣпостною властью надъ крестьянами, землевладѣніемъ, капиталами, торговлей и умственнымъ развитіемъ, считаютъ себя полными хозяевами и интеллигентною силой западныхъ губерній. Къ тому же, при тогдашнемъ бездорожьи, Западный край представлялся большинству страной весьма отдаленною, гдѣ жизнь сложилась при иныхъ условіяхъ чѣмъ у насъ и гдѣ русскому человѣку интересоваться нечѣмъ, кромѣ развѣ службы, и то при невозможности пріискать мѣсто во внутреннихъ губерніяхъ. Прямымъ послѣдствіемъ такихъ воззрѣній было равнодушіе русскаго общества при распространившихся въ 1861 году по Россіи слухахъ о безпорядкахъ, не говоримъ уже въ Варшавѣ, но въ Вильнѣ, Житомирѣ, даже Кіевѣ: русское общество относилось тогда къ извѣстіямъ объ этихъ событіяхъ не какъ къ тяжкому оскорбленію Россіи, а какъ къ простымъ, хотя и дерзкимъ, нарушеніямъ полицейскихъ постановленій. Понятно какъ господство такихъ воззрѣній въ нашемъ обществѣ должно было ободрять польскую партію: мыслимы ли были, въ самомъ дѣлѣ, безъ этихъ условій, адресы минскихъ, волынскихъ и даже рогачевскихъ пановъ о присоединеніи Западнаго края къ Польшѣ? При болѣе близкомъ знакомствѣ русскаго общества хотя бы съ этнографическими

и статистическими данными нашихъ западныхъ губерній и при усвоеніи нами истины что вся сила польской партіи въ краѣ основывается на искусственной поддержкѣ ея русскими руками, развѣ сами паны могли бы отнестись къ подобному заявленію иначе какъ къ безумной выходкѣ? Неужели осмѣлился бы тогда минскій губернскій предводитель въ офиціальной бумагѣ рѣзко оправдывать предъ высшимъ правительствомъ адресъ минскаго дворянства, увѣряя что-де „это меньшинство (Поляки, говорившіе отъ имени *всего* населенія края), составляя *важнѣйшій элементъ края*, — потому что „при немъ просвѣщеніе, преданіе и заслуги руководительства „на пути прогресса и цивилизаціи,—просило *лишь только* о „возвращеніи *роднаго языка*, о *преподованіи наукъ на томъ „же языкѣ*, о возвращеніи университета и *правъ, существовавшихъ въ краѣ до 1840 года* (годъ упраздненія литовскаго „статута), а также о покровительствѣ для своихъ нуждъ и „*своей народности*“?

Польская партія имѣла утѣшительныя свѣдѣнія о настроеніи нашего общественнаго мнѣнія въ концѣ пятидесятыхъ и первыхъ двухъ лѣтъ шестидесятыхъ годовъ: разбуженные громомъ севастопольскихъ орудій послѣ долгаго, болѣзненнаго сна, мы вдались въ просонкахъ въ галлюцинаціи, которыя тянулись нѣсколько лѣтъ. Подъ вліяніемъ психическихъ страданій, мы бредили о космополитическомъ направленіи во внутренней политикѣ, когда у насъ изъ рукъ вырывали девять русскихъ губерній, взывали къ фальшивой гуманности, когда у насъ поджигали столицу, а по Западному краю распространялись прокламаціи о необходимости вырѣзать наши войска и Евреевъ. Мы внимательно слушали какъ гимназисты и кадеты излагали намъ свои финансовые проекты и предлагали передѣлать на новый ладъ нашъ общественный строй; безъ особеннаго удивленія читали о государственной необходимости разбить русскій народъ на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, для искусственнаго созданія этимъ путемъ федеративной державы. Поляки, не разобравъ хорошенько дѣла, приняли наши галлюцинаціи за дѣйствительность и, съ затаенною радостью, создали на нихъ цѣлый планъ предстоящихъ у насъ соціальныхъ переворотовъ, неизбѣжныхъ-де вслѣдствіе неудовольствія русскихъ помѣщиковъ на освобожденіе крестьянъ, недовольства крестьянъ

ограниченностью дарованной имъ свободы, вражды раскольниковъ къ православному правительству и обществу и пр. Quos vult perdere, Jupiter dementat: только въ 1863 г. замѣтили увлекшіеся паны весь комизмъ своей ошибки, когда общество „*Земля и Воля*“,—тогда глава русскихъ революціонныхъ силъ,—обратилось къ польскому революціонному комитету съ просьбой объ одолженіи ему, для пропаганды, полутораста рублей, а Огрызко, въ рапортѣ варшавскому ржонду, донесъ что „петербургское русское революціонное общество такъ слабо, что на него *разчитывать не слѣдуетъ*“.

Но если надежды польской партіи на нашу нравственную немощь скоро разрушились, за то онѣ блистательно оправдались въ помощи со стороны Поляковъ живущихъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ и въ особенности въ Петербургѣ. Польскіе уроженцы, проникнувъ у насъ въ администрацію, войско, литературу и отчасти въ общество, оказывали, подъ защитой уловленныхъ людей русскаго происхожденія, самую существенную помощь польскому дѣлу: одни содѣйствовали поддержанію волненій на нашей западной окраинѣ, другіе парализовали тѣ мѣры которыя нами принимались противъ агитаціи; третьи раздували студентскія исторіи, освистывали въ лондонской русской печати людей опасныхъ для польщизны, въ особенности М. Н. Муравьева. Графъ Муравьевъ, со второй половины 1864 г. до выѣзда своего изъ Вильны (въ апрѣлѣ 1865 г.), энергически трудился чтобы вывести наружу польскую работу въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ, и первый высказалъ мысль что варшавскія событія зависятъ отъ положенія дѣлъ въ Вильнѣ и Кіевѣ, а ключъ ко *всему* польскому вопросу — въ Петербургѣ. Онъ успѣлъ напасть на слѣды обширной и стройной организаціи, спокойно существовавшей въ Петербургѣ и имѣвшей развѣтвленія по всей Россіи, но ему не удалось довести дѣло до той ясности, при которой обнаружились бы всѣ каморы подводившейся подъ русское общество мины.

Польская организація въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ представляла въ ту пору силу дѣйствительную, зависѣвшую всего болѣе отъ того немощнаго состоянія въ которомъ находилось русское общество, разрозненное, запуганное, волей-неволей апатичное, безъ опредѣленнаго политическаго идеала, безъ вліятельной печати. Среди такого общества

всякая посторонняя, хотя бы враждебная ему организація, скрѣпленная единодушіемъ и сознательно опредѣленною цѣлью, логически должна была играть ту же роль какую играетъ малочисленный, но правильно организованный отрядъ среди многолюднаго мирнаго населенія, не имѣющаго понятія о способѣ веденія войны. Уже безъ пособія тайныхъ обществъ, польская партія была среди нашего общества, въ качествѣ корпораціи, силой, потому что она, за ничтожными исключеніями, стремилась къ одному ясно очерченному политическому идеалу и дѣйствовала сознательно, по твердо заученной программѣ. Польская школа, польское общество и польскій костелъ, при взаимнодѣйствіи, выработали въ массѣ шляхты солидарность въ воззрѣніяхъ на отношенія къ Россіи и Русскимъ. Если прислушаться къ Полякамъ въ Петербургѣ, Саратовѣ, въ департаментѣ, во фронтѣ, въ гостиной, на университетской скамейкѣ, окажется, что всѣ они на данную тему, касающуюся польскаго дѣла, будутъ говорить одно и то же; разница будетъ не въ сущности, а въ способѣ изложенія, въ тонѣ и въ выборѣ струны которая сильнѣе дѣйствуетъ на нервы слушателя. Такая вымуштровка—сама по себѣ сила и сила немалая, при политической неподготовкѣ и разрозненности той среды гдѣ она дѣйствуетъ.

Коноводы мятежа искусно воспользовались этою силой для вящшаго скрѣпленія польской партіи въ одно тѣло и для направленія этого тѣла къ извѣстнымъ имъ цѣлямъ. Средствами къ этому служили тайныя общества, во главѣ которыхъ стояла такъ-называемая *централизація*, фокусъ которой находился въ Петербургѣ и которая раскинула по всей Россіи сѣть тайныхъ, но связанныхъ между собою центральною властью польскихъ общинокъ. Это общество основано было на извѣстной еще во времена мятежа 1831 года системѣ двоекъ, троекъ, десятокъ и тридесятокъ, подчиненныхъ въ каждомъ городѣ одному старшему. * Каждый членъ этого громаднаго общества зналъ не болѣе двухъ собратовъ; личность старшихъ окружалась непроницаемою тайной. Сверхъ этого общества, существовали въ Петербургѣ, устроившіеся, по мысли Сѣраковскаго, въ періодъ манифестацій *Литературные Вечера*, на которые собиралась

* По имени диктатора Литвы, Калиновскаго, старшимъ въ Петербургѣ былъ Сѣраковскій.

польская военная молодежь, и такъ-называемой *Революціонный Комитетъ*, въ главѣ котораго былъ сначала одинъ чиновникъ министерства государственныхъ имуществъ, а въ послѣднее время извѣстный Огрызко. * На слѣдъ этихъ обществъ правительство напало только *по усмиреніи* мятежа, по вчиванію графа Муравьева; въ періоды демонстрацій и мятежа они дѣйствовали безпрепятственно. Русскія тайныя общества: *Земля и Воля* и *Молодая Россія* были безсознательными орудіями польской партіи, которая, видя въ безпорядкахъ внутри Имперіи лишь „подспорье“ ** польскому дѣлу, опытною рукой направляла и поддерживала въ средѣ нашихъ незрѣлыхъ юношей агитацію, подталкивая ихъ на рѣшительныя предпріятія, отвлекавшія вниманіе правительства отъ волненій въ западныхъ губерніяхъ. Даже въ то время когда Поляки убѣдились что дѣятельность этихъ школьническихъ обществъ столь же мало плодотворна какъ Сизифова работа, они поощряли юношей продолжать задуманное дѣло, ревниво устраняя ихъ при этомъ даже отъ разговоровъ о планахъ польскихъ патріотовъ.

Скрѣпленная столь прочными узами, петербургская польская партія, въ составъ которой входили большею частію лица служившія по военной и по гражданской части и потому облеченныя извѣстною степенью власти и довѣріемъ, имѣла возможность содѣйствовать своимъ административнымъ вліяніемъ видамъ польскихъ революціонеровъ въ Варшавѣ и Западномъ краѣ. Это вліяніе было тѣмъ болѣе опасно, что оно парализовало или направляло на невѣрный путь единственную въ то время у насъ силу — силу администраціи, и вовлекало русскихъ вліятельныхъ лицъ въ польскія сѣти.

Вліяніе правильно организованной измѣны, въ лицѣ польскихъ чиновниковъ и офицеровъ, отражалось не въ однѣхъ административныхъ сферахъ: оно сильно было и въ обществѣ, и въ литературѣ, а потому понятно какъ могущественно

---

* Объ этихъ обществахъ обстоятельно изложено, на основаніи официальныхъ документовъ, въ брошюрѣ г. Гогеля: *Господинъ Огрызко и петербургскій революціонный рубондъ въ деле последняго мятежа*. Вильна, 1866 года.

** Такъ, съ откровенностью, выразился о нихъ тогдашній глава московской польской партіи Киневичъ.

содѣйствовало оно поддержанію волненій въ Варшавѣ и западныхъ губерніяхъ.

Розыски графа Муравьева обнаружили только ничтожную долю яда отравлявшаго нашъ государственный организмъ: большинство виновныхъ или не открыто, или не подверглось преслѣдованію. Горевать объ этомъ, разумѣется, нечего, потому что свойство яда извѣстно и по той малой долѣ которую удалось открыть; по ней безошибочно опредѣляется противоядіе которымъ отравленный организмъ можно излѣчить радикально. Для дѣла важно не то, конечно, чтобы число подвергшихся карѣ было значительно, а то чтобы, вслѣдствіе указанія опыта, возвращеніе недавняго прошлаго оказалось невозможнымъ. Задача состоитъ вовсе не въ преслѣдованіи отдѣльныхъ личностей, а въ радикальномъ искорененіи зла общими мѣрами, въ устраненіи тѣхъ условій которыя его порождаютъ: разумная постановка дѣла надежнѣе всякихъ крутыхъ мѣръ парализуетъ силу враждебныхъ общественному строю личностей и тѣмъ, предотвращая зло, нерѣдко доставляетъ обществу, вмѣсто прежнихъ враговъ, полезныхъ членовъ.

Благопріятныя условія которыя польская партія встрѣчала у насъ, во внутреннихъ губерніяхъ, не могли не отзываться и на мѣстной администраціи Западнаго края. Послѣдней приходилось выдерживать борьбу противъ всего польскаго общества, дѣйствовавшаго дружно, волнуемаго изъ Варшавы и сильно поддержаннаго изъ Петербурга, выдерживать имѣя на своей сторонѣ лишь вѣтви управленія, переполненныя польскими чиновниками сочувствовавшими мятежу, а потому непригодныя для дѣла. Если русское общество, при тогдашней внутренней его неурядицѣ, не могло служить администраціи подспорьемъ, то вліяніе чиновной польщизны въ Петербургѣ рѣшительно тормозило большинство начинаній которыя предпринимались противъ агитаціи. Самонадѣянность этой петербургской польщизны доходила до чудовищныхъ размѣровъ.

Помимо исчисленныхъ внѣшнихъ препятствій, мѣстная администрація Западнаго края затруднена была въ своихъ дѣйствіяхъ создавшеюся въ западной нашей окраинѣ системой отношеній къ вліятельнымъ сословіямъ: дворянству и римско-католическому духовенству.

Мы фактически признавали въ западныхъ губерніяхъ

законное существованіе *польской народности* въ лицѣ единственныхъ ея представителей: польскихъ помѣщиковъ и латинскаго духовенства. А признавая такое самоубійственное, анти-государственное начало, мы вынуждены были выдерживать на себѣ и всю его тяжесть.

Мы относились къ помѣщикамъ Западнаго края какъ къ русскому помѣстному дворянству, не затрудняясь тѣмъ что оно открыто заявляло себя не русскимъ, а польскимъ. Въ силу этого *мы признали революціонный элементъ края за качествѣ элемента охранительнаго.* При такой невозможной постановкѣ задачи, мы естественно вступали въ circulus vicioѕus, изъ котораго безнаказанно выйти было дѣйствительно невозможно. Администрація требовала отъ пановъ, какъ отъ русскихъ дворянъ, дѣйствій согласныхъ съ русскими интересами; паны безпрепятственно отвѣчали ей что они не Русскіе, а Поляки. Пробовала администрація преслѣдовать революціонныя дѣйствія чинимыя панами въ качествѣ Поляковъ; они логически ссылались на права предоставленныя имъ закономъ въ качествѣ русскихъ дворянъ. Поляки, собравшись въ 1862 году въ Минскѣ, по званію дворянъ Россійской Имперіи, на выборы, составляютъ всеподданнѣйшій адресъ о присоединеніи Западнаго края къ Царству Польскому; русская власть, по силѣ закона, вынуждена относиться къ нимъ не какъ къ преступному скопищу польскихъ мятежниковъ, а какъ къ русскому дворянскому собранію которое пользуется предоставленнымъ ему правомъ ходатайствовать предъ Монархомъ о своихъ нуждахъ. Администрація, въ силу особенныхъ полномочій, удаляетъ въ 1861 году отъ должности виленскаго уѣзднаго предводителя дворянства за революціонную агитацію въ польскомъ духѣ; мѣстные паны, собравшись въ Вильнѣ для выбора новаго предводителя, протестуютъ, въ качествѣ Поляковъ, противъ преслѣдованія нами политическаго агитатора, подписывая благодарственный адресъ удаленному отъ должности предводителю.

Польское дворянство, не предугадывая тогда указа 10-го декабря 1865 года, который положилъ первыя основы къ правильной постановкѣ въ краѣ шляхетскаго вопроса, умѣло въ періодъ манифестацій широко эксплуатировать то невозможное положеніе въ какое онъ былъ поставленъ и

видѣло въ этомъ положеніи одинъ изъ самыхъ существенныхъ шансовъ въ пользу успѣха революціи.

Не менѣе, если не болѣе, затруднительны были для администраціи отношенія, въ періодъ демонстрацій, къ католическому духовенству. Шляхетская революція, какъ извѣстно, избрала костелъ базисомъ для своихъ наступательныхъ дѣйствій, употребивъ въ дѣло всѣ тѣ религіозные обряды въ которыхъ народъ принималъ участіе (пѣснопѣнія и процессіи). Пѣніе въ церквахъ революціонныхъ гимновъ, служеніе демонстративныхъ паннихидъ, шумныя религіозныя процессіи въ память знаменательныхъ событій польской исторіи сдѣлались сильными средствами къ возбужденію политическихъ страстей. Таинство исповѣди обратилось въ могущественное орудіе революціонной пропаганды. Костельныя братства, которыми покрытъ былъ край, сдѣлались, подъ наблюденіемъ ксендзовъ, политическими обществами, которыя проводили польскія воззрѣнія въ народныя массы, собирали деньги на мятежъ и заготовляли склады боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ для повстанія. Духовенство раздувало пожаръ проповѣдями, доводя профанацію храма до того, что одинъ ксендзъ заимствовалъ содержаніе своей проповѣди, произнесенной въ тельшевскомъ костелѣ, изъ краковской газеты *Часъ*, въ которой описывалось путешествіе одного крестьянина въ Римъ, къ папѣ, и свиданіе съ Гарибальди.

Мятежъ костела, какъ извѣстно, сильно затруднилъ мѣстную администрацію; затрудненіе это было тоже слѣдствіемъ того ложнаго положенія въ какое костелъ былъ поставленъ въ краѣ. Мы допустили превращеніе костела изъ учрежденія религіознаго въ національное, польское: вслѣдствіе запрета положеннаго на русскій языкъ, костелъ сталъ проводникомъ польской рѣчи и польскаго духа въ среду даже мѣстнаго русскаго населенія. При столь важномъ политическомъ значеніи, онъ пріобрѣлъ въ глазахъ польской партіи обаяніе силы, поддержаніе и распространеніе которой стало обязательнымъ для всякаго Поляка, каковы бы ни были его религіозныя убѣжденія.

Вынужденные вступить въ открытую борьбу съ этою силой, вооружившеюся революціоннымъ знаменемъ, мы затруднены были, съ одной стороны, тою quasi-легальною поддержкой которую оказывало агитаціи высшее духовенство, игравшее относительно ксендзовъ приблизительно ту же роль

какъ магнаты относительно шляхты, съ другой—собственными чрезмѣрными опасеніями, не нарушитъ бы какъ-нибудь каноническія постановленія католической церкви и принципъ вѣротерпимости. Мы какъ бы игнорировали, что еслибы могла быть иновѣрческая церковь, каноническіе уставы которой до того противорѣчили бы государственному устройству, что вели бы къ разрушенію общественнаго порядка или угнетенію господствующей народности, то подобная церковь ни въ одномъ государствѣ не могла бы пользоваться покровительствомъ закона. При этомъ мы часто упускали изъ виду что власть церкви „не отъ міра сего“ и что церковный клиръ который, въ качествѣ учрежденія религіознаго, рѣшился вступить въ сферу политической дѣятельности, тѣмъ самымъ обращается изъ учрежденія религіознаго въ общество чисто политическое, которое подлежитъ вѣдѣнію ужь не каноническихъ правилъ, а общихъ государственныхъ законовъ. Правда, каноническіе законы римской церкви строго запрещаютъ профанацію храма и религіозныхъ обрядовъ; правда и то, что оказывать вѣротерпимость не значитъ поддерживать въ католикахъ нетерпимость къ господствующей въ государствѣ религіи, но мы, надо сознаться, имѣли обо всемъ этомъ весьма неясныя понятія и довели дѣло до того что польскій костелъ въ Западномъ краѣ не только сталъ уклоняться отъ согласованія своихъ дѣйствій съ требованіями государства принявшаго его подъ охрану своихъ законовъ, но самъ сталъ требовать отъ православной свѣтской власти подчиненія канонамъ римской церкви и властною рукою брать на себя безконтрольное истолкованіе этихъ каноновъ. Изъ опасенія вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла церкви, дѣйствительно не подлежащія ея вѣдѣнію (догматы, обряды, каноны), мы стали какъ бы въ подначальное положеніе относительно католической іерархіи. Администрація жаловалась епископу на буйную религіозную процессію, совершенную, вопреки запрещенію властей, въ память польскаго революціоннаго событія: ей съ ироническою вѣжливостью отвѣчали что эта процессія не запрещена каноническими постановленіями римской церкви. Власти требовали удаленія ксендза волнующаго народъ своею проповѣдью: ихъ назидательно успокоивали что проповѣдь произносилась на такой-то евангельскій текстъ и не заключала въ себѣ ничего противнаго

католической религіи. Случалось, конечно, иногда, что ксендзы, уличенные на мѣстѣ, удаляемы были епархіальнымъ вѣдомствомъ, по требованію администраціи, отъ своихъ должностей: но дальнѣйшая карьера ксендза, не высланнаго изъ края, оставалась безконтрольно въ рукахъ его духовнаго начальства.

Преобладающее положеніе костела въ западныхъ губерніяхъ создалось рядомъ нашихъ административныхъ промаховъ; но исправлять это зло возможно было въ мирное время, а не во время разгара политическихъ страстей: коноводы возстанія приняли въ соображеніе эту истину.

Для противодѣйствія дружному напору такихъ силъ какъ помѣщичья и клерикальная, въ рукахъ законной власти сосредоточивались средства, повидимому, могущественныя, въ лицѣ мѣстнаго русскаго и отчасти еврейскаго населеній и въ непосредственныхъ органахъ власти. Но чтобы воспользоваться этой силой требовалось существенное измѣненіе въ системѣ управленія краемъ.

Крестьяне, выведенные на новый, широкій путь манифестомъ 19-го февраля, были еще *de facto* въ рукахъ польскихъ мировыхъ посредниковъ, которые употребляли все свое вліяніе, съ одной стороны, на разрѣшеніе вопроса о надѣлахъ въ исключительныхъ интересахъ шляхты, а съ другой — на разрушеніе въ крестьянахъ уваженія и довѣрія къ правительству. Идя рука объ руку съ помѣщиками и земскою полиціей, почти сплошь польскою, мировые посредники успѣли заслонить крестьянина отъ мѣстной администраціи и поставить дѣло такъ что мужикъ волей-неволей смотрѣлъ на дѣйствія русскихъ властей ихъ глазами, слышалъ ихъ ушами, а мѣстная администрація получала лишь чрезъ нихъ свѣдѣнія о положеніи крестьянскаго дѣла. При такихъ условіяхъ, крестьянинъ попалъ въ новаго рода крѣпостную зависимость. Попытки его выйти изъ-подъ этой зависимости энергически останавливались то земскою полиціей, то военными экзекуціями, которыя вызывались мировыми посредниками. Если при этихъ условіяхъ крестьянинъ не обратился въ слѣпое орудіе польскихъ пановъ, Россія обязана этимъ всего болѣе мѣстному православному духовенству. Съ самоотверженіемъ и часто съ рискомъ дорого поплатиться за свое безкорыстное сочувствіе русскому дѣлу, оно воспользовалось своимъ

вліяніемъ на крестьянъ для огражденія ихъ отъ панскихъ навѣтовъ на законное правительство. Вліяніе православнаго духовенства не ограничивалось въ этомъ случаѣ православнымъ паѳеленіемъ: русскіе крестьяне-католики, зная солидарность ксендзовъ съ панами, искали разъясненія истины у православныхъ священниковъ. Съ пѣной у рта накинулись паны на неожиданныхъ враговъ, пользовавшихся до того времени ихъ глубочайшимъ невниманіемъ *, а къ русскимъ властямъ полетѣли доносы на *демократическія* тенденціи православнаго духовенства и на его стремленіе возбудить въ краѣ соціальную революцію. На духовенство посыпались пасквили, угрозы, ложные доносы. Вотъ образецъ угрозы: въ Волпянахъ (Волковыскаго уѣзда) священнику отцу Кунаховичу доставили картинку съ изображеніемъ висѣлицы и съ надписью: „Кто содѣйствуетъ худому дѣлу, пусть заблаговременно уходитъ, ибо за *лишнее* сочувствіе ожидаетъ его висѣлица.“ Къ рисунку приложена была кожаная медаль на владимірской лентѣ, съ надписью: „За отличіе въ трудахъ 1861 года“, а на оборотѣ выбита висѣлица и надъ нею надпись „за усердіе“. Этого рода угрозъ мы могли бы привести сотни и въ Сѣверо- и въ Юго-Западномъ краѣ. Революціонеры, неистовствуя въ доносахъ противъ священниковъ, въ то же время разсылали имъ воззванія, гдѣ въ яркихъ краскахъ порицались наши отношенія къ мѣстному православному духовенству и выставлялось на видъ то унизительное положеніе въ которомъ оно находилось въ краѣ сравнительно съ духовенствомъ католическимъ: насъ поражали такимъ образомъ нашимъ собственнымъ оружіемъ. Въ то же время пущены были въ ходъ тысячами книжки (*Polska i Kosciol Unicki*), въ видахъ привлеченія православнаго духовенства на сторону Поляковъ. Паны-революціонеры, завѣдомо готовившіе вооруженное возстаніе, ни мало не

* Для куріоза, приводимъ хранящееся при слѣдственныхъ дѣлахъ письмо одной молоденькой минской панёнки къ своей подругѣ въ 1863 году, когда графъ Муравьевъ казнилъ смертью, на мѣстѣ преступленія, одного пана-повстанца, который приказалъ повѣсить православнаго священника: „мы узнали что въ четвергъ повезутъ ихъ (повстанцевъ) въ Богушевичи для повѣшенія тамъ гдѣ былъ убитъ попъ. Это ужасно: за одного негоднаго попа повѣсить четырехъ порядочныхъ людей!“ Слухъ о числѣ предназначенныхъ къ повѣшенью былъ, какъ водится, преувеличенъ.

задумывались взводить на духовенство, за его ревность въ удержаніи крестьянъ отъ возстанія, обвиненія *въ революціонныхъ дѣйствіяхъ*. Даже обнаружившійся вооруженный мятежъ не стѣснялъ Поляковъ въ такого рода доносахъ. Въ 1863 году, въ февралѣ, во времѣ полнаго разгара возстанія въ Минской губерніи, между крестьянами распространенъ былъ адресъ къ Государю Императору, написанный повидимому православными священниками, объ обязанности для крестьянъ остаться вѣрными Государю. * И что же? Вслѣдствіе этого адреса, въ Вильну и Петербургъ полетѣли отъ предводителей дворянства жалобы на *революціонныя* дѣйствія духовенства: оно обвинялось въ томъ же самомъ тонѣ въ какомъ теперь обвиняются Поляками русскіе мировые посредники, то-есть въ соціалистическихъ и коммунистическихъ тенденціяхъ. Тогдашній минскій губернскій предводитель **, въ послѣднихъ числахъ марта, то-есть въ то время когда панскія шайки уже преслѣдовались въ лѣсахъ войсками и вѣшали крестьянъ (а еще чаще православныхъ священниковъ), въ офиціальной бумагѣ въ Петербургъ, указывая на упомянутый адресъ и на циркуляръ мѣстнаго губернатора

---

* Вотъ текстъ адреса:

„Благочестивѣйшему, Самодержавнѣйшему, Великому Государю нашему Императору Александру Николаевичу всея Россіи, Освободителю народа русскаго отъ крѣпостной зависимости

въ знакъ глубочайшей признательности
(отъ такого-то общества, села)
вѣрноподданнѣйшій адресъ.

„Мы, нижеподписавшіеся, предъ лицемъ Бога всевидящаго и правосуднаго, въ Его храмѣ, въ торжественный и приснопамятный день нашего освобожденія отъ неволи, симъ свидѣтельствуемъ и клянемся нашему Всемилостивѣйшему Освободителю, Великому Государю Императору Александру Николаевичу въ томъ что люди недобрые оклеветали насъ предъ Нимъ, когда сказали что мы желаемъ присоединиться къ Польшѣ (намекъ на адресъ минскаго дворянства), и что всѣ мы и наши потомки желаемъ жить и умереть подъ властію незабвеннаго нашего Царя-Отца Александра II и Его преемниковъ, въ неразрывномъ единеніи съ родною и единовѣрною намъ Россіей, а никакой Польши и Поляковъ и знать не хотимъ. 19-го февраля 1863 года.

** По прибытіи графа Муравьева въ Вильну, высланъ на жительство во внутреннія губерніи.

Кожевникова, приглашавшій сельскихъ обывателей арестовать повстанцевъ и представлять ихъ къ мѣстнымъ властямъ, между прочимъ, писалъ:

„Православное духовенство принялось за ужасную пропаганду. Оно начало разсѣвать между крестьянами ложныя науки и вѣсти, что землевладѣльцы суть вѣковые ихъ враги и неисправимые притѣснители, что *желаніе здѣшняго дворянства, заявленное во время выборовъ, защитить права своей народности* есть не что иное какъ стремленіе къ возвращенію прежняго рабства крестьянъ, — что крестьяне, для избѣжанія сихъ ужасныхъ замысловъ прежнихъ своихъ пановъ, должны разъ навсегда отказаться отъ нихъ и *Польши* и подобное стремленіе скрѣпить подписью приготовленнаго адреса къ Государю Императору. А чтобы сельское духовенство прониклось большею ненавистью *къ Польшѣ и дворянству* и тѣмъ успѣшнѣе проповѣдывало слово ненависти *и презрѣнія къ польской цивилизаціи*, разосланы имъ по секрету печатные образчики рѣчей и адреса. Все это подѣйствовало весьма успѣшно, ибо многіе приходскіе священники обѣщали крестьянамъ, отъ имени Государя Императора, что земля будетъ имъ отдана даромъ, а нашлись даже и такіе которые проповѣдывали истребленіе пановъ, какъ дѣйствіе необходимое и спасительное. *

„Сіи возмутительныя стремленія, раньше или позже, должны вызвать соціальную революцію.“

Припомнимъ, что это писалось къ русскому правительству въ минуту полнаго разгара мятежа, тѣмъ самымъ предводителемъ который участвовалъ въ составленіи минскаго адреса, и въ такое время когда край былъ переполненъ возмутительными воззваніями польскихъ мятежниковъ и прокламаціями ржонда народоваго, члены коего въ то время въ Литвѣ были главнымъ образомъ изъ партіи бѣлыхъ.

Православное духовенство, служащее въ западныхъ губерніяхъ, за отсутствіемъ русскихъ помѣщиковъ, пока единственнымъ выраженіемъ интеллигентныхъ силъ мѣстной русской народности, могло бы сдѣлаться, въ особенности съ освобожденіемъ крестьянъ, могущественнымъ пособникомъ законной власти, имѣя во главѣ мастистаго русскаго патріота, митрополита Іосифа Сымашка. Готовность его къ этой роли была, какъ и всегда, внѣ всякаго сомнѣнія; но

* Фактовъ, разумѣется, не указано.

кромѣ готовности, ему нужна была возможность дѣйствовать. Духовенство западныхъ губерній парализовано было въ своихъ начинаніяхъ крайнею скудостью матеріальныхъ средствъ, фактическою зависимостью отъ польскихъ помѣщиковъ, выгоднымъ положеніемъ въ какое поставлено было въ краѣ католическое духовенство и наконецъ столь присущимъ нашей администраціи стремленіемъ систематически устранять отъ содѣйствія ей общественную дѣятельность, отдавая предпочтеніе предъ послѣднею путямъ бюрократическимъ. Если первыя три обстоятельства могли быть устранены только временемъ, то воспользоваться, хотя бы въ интересахъ усмиренія края, вліяніемъ православнаго духовенства на сельское населеніе было всегда въ рукахъ администраціи и требовало отъ нея не столько дѣятельности сколько воздержанія, довѣрія хоть въ половину противъ того какое оказывалось панамъ и польскимъ чиновникамъ. Вліяніе духовенства, подъ руководствомъ такихъ авторитетовъ края какъ святители Іосифъ, Арсеній, Василій, Михаилъ и Игнатій, могло сдѣлаться до того плодотворнымъ что еслибъ и не предотвратило, то несомнѣнно значительно ослабило бы вооруженное возстаніе. Но дабы рѣшиться на этотъ шагъ, надо было прежде всего отрѣшиться отъ обычнаго у насъ взгляда на дѣятельность духовенства. У насъ постоянно упускалась изъ виду существенная разница между православнымъ священникомъ въ великорусскихъ губерніяхъ и западно-русскимъ. На самомъ дѣлѣ, въ Западномъ краѣ православное духовенство не вполнѣ еще каста, какъ у насъ *, и потому пользуется бо́льшимъ вліяніемъ на населеніе; какъ ни стараются Поляки вселить въ народѣ презрѣніе къ попу-схизматику, но усилія ихъ никогда не вѣнчаются успѣхомъ. Кромѣ того, священникъ въ западныхъ губерніяхъ съ молодыхъ лѣтъ пріучается къ борьбѣ съ польскою и католическою пропагандой, борьбѣ, въ которой крѣпнетъ духъ и изощряется мысль; помимо духовной дѣятельности по долгу сана, священникъ есть тамъ главный оплотъ народности и, что̀ существенно важно, понимаетъ и чувствуетъ свое высокое историческое призваніе; несмотря

* Въ послѣднее время, къ великому сожалѣнію, оно мало-по-малу начинаетъ усвоивать сословный характеръ.

на неудачи, онъ, по завѣту отцовъ и дѣдовъ, твердо стоитъ до конца, увѣренный что тѣмъ или инымъ путемъ борьба въ западныхъ губерніяхъ разрѣшится въ интересахъ русской народности. Такимъ образомъ, священникъ тамъ не просто служитель алтаря, а также гражданскій дѣятель, правда, скромный, почти не замѣтный и на каждомъ шагу испытывающій въ своей дѣятельности стѣсненія (о которыхъ ксендзъ не имѣетъ и понятія), не столько даже отъ помѣщиковъ сколько отъ въѣвшейся у насъ въ управленіе церкви бюрократическо-полицейской системы, но при всемъ томъ, дѣятель вліятельный въ той узкой сферѣ гдѣ онъ трудится. Религіознымъ и политическимъ антагонистомъ его является не грубый раскольникъ, ратующій за способъ сложенія перстовъ, а ксендзъ-патріотъ, если не серіозно образованный, то болѣе или менѣе полированный въ обществѣ, уважаемый и ревностно поддерживаемый мѣстными панами и часто играющій весьма крупную роль въ семейной жизни польскихъ помѣщиковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно эта едва вѣдомая намъ сила православнаго духовенства въ западныхъ губерніяхъ оцѣнится и будетъ поставлена на должное мѣсто.

Переходимъ къ Евреямъ. Евреи, во множествѣ населяющіе западныя губерніи, чуждые происходящей тамъ національной борьбы, были, по словамъ однихъ, на сторонѣ законнаго правительства, по увѣреніямъ другихъ—на сторонѣ Поляковъ. И то и другое показаніе подтверждаются несомнѣнными фактами. Не имѣя вовсе намѣренія явиться бардомъ русскаго патріотизма въ средѣ Евреевъ, не могу однако согласиться съ тѣми кто безусловно отрицаютъ въ еврейскомъ населеніи западныхъ губерній чувство преданности Россіи. Чувство это, конечно, рѣдко высказывалось такъ рельефно какъ, напримѣръ, въ извѣстной проповѣди поневѣжскаго раввина Пумпянскаго, который во время полнаго разгара демонстрацій, въ августѣ 1861 года, рѣшился произнести въ синагогѣ поученіе въ русско-патріотическомъ духѣ; оно даже искусственно заглушалось цѣлою системой обособленія Евреевъ отъ прочаго населенія, обязательнымъ введеніемъ нѣмецкаго языка въ школу, полицейскимъ вмѣшательствомъ въ дѣла религіознаго характера, кагаломъ и массой другихъ соотвѣтственныхъ этимъ установленій. При всемъ этомъ, однако, западно-русскіе Евреи, несмотря на кажущееся

равнодушіе къ борьбѣ и на готовность служить, ради денегъ, той и другой сторонѣ, въ сущности были на русской сторонѣ; но видя что мы сами простодушно даемъ польщизнѣ противъ себя оружіе и не умѣемъ даже скрыть отъ нея то что̀ слѣдуетъ держать въ тайнѣ, не рѣшались заявлять своихъ чувствъ публично и высказали ихъ лишь въ то время когда мы отнеслись къ польскому дѣлу серіозно, въ 1863 и 1864 годахъ. (Западно-русскихъ Евреевъ, по чувству къ Россіи въ періодъ демонстрацій, не слѣдуетъ смѣшивать съ Евреями польскими, которые, въ большинствѣ, были вовлечены Поляками въ агитацію. Польскіе Евреи, и чрезъ раввиновъ, и воззваніями, настойчиво и даже съ угрозами требовали отъ западно-русскихъ содѣйствія мятежу, но всегда встрѣчали упорный отказъ.) Поляки очень хорошо понимали нерасположеніе и недовѣріе къ нимъ Евреевъ Западнаго края и съ неудовольствіемъ видѣли что Еврей, вѣжливо устраняясь отъ пана, держится ближе къ крестьянину и пользуется несравненно бо́льшимъ довѣріемъ послѣдняго чѣмъ польская шляхта. Не даромъ же стали паны составлять тайныя общества съ цѣлью вырвать торговлю изъ еврейскихъ рукъ и передать ее въ исключительно польскія руки, или распускать по краю, рядомъ съ патріотическими воззваніями къ „Полякамъ Моисеева закона“, слухи о необходимости вырѣзать Евреевъ. * Эти слухи, въ двухлѣтній періодъ демонстрацій, распространялись по краю семь или восемь разъ и ходили особенно сильно по Гродненской и Ковенской губерніямъ; Евреи понимали смыслъ такой политики, знали откуда идутъ угрозы и не затруднялись предугадать свою будущую судьбу, еслибы Западный край, паче чаянія, дѣйствительно попалъ подъ власть

* Не той ли же политики держится и теперь польская партія, которая, съ тѣхъ поръ какъ повелась рѣчь объ обрусеніи Западнаго края, стала запугивать русское общество мнимыми опасностями *овреянія* западныхъ губерній? Цѣль понятна: вмѣсто того чтобы парировать ударъ, выгоднѣе убѣдить насъ направить его противъ преданнаго намъ населенія. Евреи, впрочемъ, логически возражаютъ на это что еслибы русскій элементъ въ краѣ былъ обреченъ на вѣчный загонъ, то по числительности, по довѣрію въ средѣ мѣстнаго населенія, количеству капиталовъ и наконецъ по политической благонадежности, они имѣютъ гораздо большее право на преобладаніе въ краѣ чѣмъ Поляки, и что ни одному Еврею не придетъ въ голову навязывать русскому населенію свою вѣру.

польскаго правительства. Не рѣшаясь на открытое сопрот
вленіе польщизнѣ, вслѣдствіе сомнѣнія въ энергической по
держкѣ съ нашей стороны, Евреи Западнаго края упорно укл
нялись не только отъ всякой роли въ демонстраціяхъ, но и от
всякой солидарности съ панами. Много можно насчитать сл
чаевъ когда Поляки требовали ихъ участія, когда агитатор
западныхъ губерній считали сбыточнымъ такое же искусстве
ное сближеніе между Евреями и Поляками какое соверш
лось, вслѣдъ за февральскими событіями, въ Варшавѣ, и п
тому пробовали любезничать съ Евреями. Но требованія бы
круто отклоняемы, и смыслъ любезностей понятъ. Такъ в
августѣ 1861 года, во время шумной политическо-религіозно
процессіи, агитаторы требовали чтобы раввинъ и мѣстны
Евреи мѣстечка Корицына (Гродненской губерніи) вышли н
встрѣчу ей съ заповѣдями: никто и не подумалъ исполнит
ихъ желаніе. Сестра шавельскаго предводителя дворянства
помѣщица В., призвавъ къ себѣ тамошнихъ купцовъ-Евреев
убѣдительно уговаривала ихъ присоединиться къ Полякам
и способствовать имъ отложиться отъ Россіи. Когда это в
подѣйствовало, патріотка, вмѣстѣ съ замужнею дочерью и
сопровожденіи одного мѣстнаго пана К., стала обходить ла
ки и дома зажиточныхъ Евреевъ, склоняя ихъ проникнуть
польскими чувствами, молиться о Полякахъ и пр. Злополу
ная патріотка не получила однако согласія *ни отъ одного* Е
рея: ей откровенно отвѣчали что будутъ держаться на ст
ронѣ законной власти.

Благодаря Евреямъ, наши мѣстныя власти имѣли, отъ вр
мени до времени, свѣдѣнія о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ По
ляковъ, но этимъ едва ли и не ограничивались нравственны
выгоды извлеченныя нами изъ нейтральнаго, повидимом
положенія еврейскаго населенія во время происходивши
въ краѣ волненій. Мѣстная администрація знала о настроен
Евреевъ и всегда съ похвалой отзывалась о ихъ политиче
ской благонадежности.

Для оцѣнки оборонительныхъ и наступательныхъ средст
мѣстной администраціи въ разсматриваемый нами періо
необходимо бросить взглядъ на тогдашній личный состав
непосредственныхъ органовъ власти, чиновниковъ.

Начнемъ съ приведенія выписки изъ упомянутаго на
во второмъ отдѣлѣ письма митрополита Іосифа Сымарк
отъ 10-го января 1855 года къ оберъ-прокурору святѣйшаг

синода, графу Протасову, и къ московскому митрополиту Филарету.

„Извѣстно, что православные въ сказанныхъ двухъ губерніяхъ (Виленской и Гродненской) состоятъ почти изъ однихъ крестьянъ, а почти всѣ помѣщики принадлежатъ римско-католическому вѣроисповѣданію и такъ-называемой польской кастѣ. Слѣдовательно православные вполнѣ зависятъ, по крѣпостному праву, отъ сихъ иновѣрныхъ и инородныхъ помѣщиковъ. *Чтобы въ подобное положеніе поставить и казенныхъ крестьянъ*, чиновники по вѣдомству государственныхъ имуществъ назначены преимущественно изъ иновѣрцевъ. Въ обѣихъ палатахъ, Виленской и Гродненской, изъ 14 членовъ, только четыре православныхъ; изъ 37 дѣлопроизводителей и другихъ чиновниковъ, только пять православныхъ; изъ 12 столоначальниковъ, только два православныхъ; изъ 14 окружныхъ начальниковъ, ихъ помощниковъ, лѣсничихъ и люстраторовъ, только восемь православныхъ; то-есть изъ 140 старшихъ чиновниковъ, только 19 православныхъ. Если къ сему прибавить что по сказаннымъ двумъ губерніямъ всѣ 18 губернскіе и уѣздные предводители дворянства иновѣрцы, а въ числѣ ихъ письмоводителей только одинъ православный, то ясно, что *всѣ православные обѣихъ губерній состоятъ въ полной зависимости отъ иновѣрцевъ, съ ближайшихъ и необходимыхъ условіяхъ своего быта.*

„Чтобъ уравновѣсить это преобладаніе иновѣрной ближайшей власти надъ православными, едва ли достаточно было бы всей попечительности мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ, въ самомъ лучшемъ и надежномъ составѣ. Но вотъ каковъ на дѣлѣ этотъ составъ.

„При генералъ-губернаторѣ: правитель канцеляріи, старшіе и младшіе секретари, помощники секретарей и прочіе чиновники канцеляріи, въ числѣ 21, всѣ иновѣрцы, за исключеніемъ одного помощника секретаря, православнаго; только въ числѣ адъютантовъ, дежурныхъ офицеровъ и чиновниковъ особыхъ порученій есть шесть православныхъ на пять иновѣрцевъ. При обоихъ гражданскихъ губернаторахъ, въ числѣ правителей канцелярій, чиновниковъ особыхъ порученій, а также старшихъ и младшихъ помощниковъ правителей канцелярій, 9 православныхъ на 20 иновѣрцевъ. Въ обоихъ губернскихъ правленіяхъ, въ числѣ членовъ, секретарей, прочихъ чиновниковъ и столоначальниковъ, есть 39 иновѣрцевъ, а только 11 православныхъ. Такимъ образомъ высшее управленіе двухъ губерній состоитъ изъ 27 только православныхъ и изъ 84 иновѣрческихъ старшихъ чиновниковъ. *Въ такой же пропорціи находится власть по уѣздамъ.* Въ числѣ городничихъ и земскихъ исправниковъ, которые должны быть, кажется, по положенію, въ здѣшней странѣ Русскіе и православные, уже третья ихъ часть по Виленской и Гродненской губерніямъ изъ иновѣрцевъ. Письмоводителей при

городничихъ 5 православныхъ, а 11 иновѣрцевъ. Засѣдателей и секретарей по земскихъ судамъ 10 православныхъ, а 40 иновѣрцевъ; становыхъ приставовъ 9 православныхъ и 57 иновѣрцевъ. То-есть на 165 старшихъ уѣздныхъ чиновниковъ исполнительной власти, только 47 православныхъ.

„Судебная часть еще менѣе благопріятна для православныхъ нежели правительственная и исполнительная. По четыремъ палатамъ гражданскаго и уголовнаго суда виленской и гродненской: въ числѣ 18 человѣкъ, только пять православныхъ; въ числѣ 26 секретарей и другихъ чиновниковъ, только одинъ православный; въ числѣ 20 столоначальниковъ, нѣтъ ни одного православнаго. По всѣмъ уѣзднымъ судамъ обѣихъ губерній два православныхъ и 59 иновѣрныхъ чиновъ и только два православныхъ секретаря, а 14 иновѣрныхъ. То-есть изъ *141 старшихъ чиновниковъ по судебной части только 10 православныхъ. Такимъ же образомъ замѣщены старшія мѣста и по другимъ вѣдомствамъ.* Изъ числа 107 членовъ обѣихъ казенныхъ палатъ, ихъ секретарей и чиновниковъ особыхъ порученій, ихъ бухгалтеровъ, контролеровъ, столоначальниковъ и другихъ чиновниковъ, а также уѣздныхъ казначеевъ съ ихъ помощниками, бухгалтерами и журналистами, православныхъ всего-на-всего только восемь. Изъ числа 18 членовъ, секретарей, старшихъ чиновниковъ и столоначальниковъ обоихъ приказовъ общественнаго призрѣнія, православныхъ только четыре. Изъ числа 20 членовъ, секретарей, инженеровъ, архитекторовъ, землемѣровъ и другихъ старшихъ чиновниковъ по обѣимъ строительнымъ и дорожнымъ коммиссіямъ, тоже православныхъ только четыре. Изъ числа 26 членовъ и старшихъ чиновниковъ по окружному управленію III округа корпуса инженеровъ путей сообщенія, православныхъ только восемь. Изъ числа 25 губернскихъ и уѣздныхъ почтмейстеровъ съ ихъ помощниками только шесть православныхъ. Изъ числа 21 губернскихъ и уѣздныхъ прокуроровъ и стряпчихъ только четыре православныхъ. Изъ числа 26 членовъ Человѣколюбиваго Общества и управляющихъ семью виленскими богоугодными заведеніями только два православныхъ; изъ числа же 53 членовъ врачебныхъ управъ, а также уѣздныхъ и другихъ штатныхъ врачей, нѣтъ ни одного православнаго. Всѣхъ же старшихъ чиновниковъ вышепоименованныхъ по Виленской и Гродненской губерніямъ *изъ иновѣрцевъ 723, изъ православныхъ же 140,* то-есть менѣе шестой части всѣхъ чиновниковъ; между иновѣрцами едва десятая часть приходится на протестантовъ и магометанъ, остальные всѣ римскіе католики; *въ низшемъ слоѣ чиноначалія эта пропорція еще менѣе благопріятна православнымъ.*

„Но эта ариѳметическая пропорція между православными и иновѣрными чиновниками далеко еще не представляетъ дѣйствительнаго преобладанія сей послѣдней массы.

„Тѣмъ же способами латино-польская партія сумѣла

замѣстить по преимуществу своими людьми должностныя мѣста: она умѣетъ управлять назначеніемъ или устраненіемъ самихъ православныхъ чиновниковъ по своимъ видамъ; а небольшое число самостоятельныхъ ей легко вводить въ заблужденіе, задабривать или устрашать. Ясно, что при подобномъ составѣ чиноначалія, самые благонамѣренные и прозорливые начальники едва ли могутъ устоять противу общаго теченія."

Съ 1856 года начался сильный приливъ въ Западный край Поляковъ изъ ссылки и эмигрантовъ изъ-за границы: всѣмъ имъ разрѣшалось вступать на службу по истеченіи трехъ лѣтъ по возвращеніи. Одновременно съ этимъ отмѣнены прежнія ограниченія (бывшія, впрочемъ, больше на бумагѣ) относительно службы Поляковъ въ западныхъ губерніяхъ. Горсточка Русскихъ служившихъ въ Западномъ краѣ быстро стала уменьшаться, и въ теченіе пяти лѣтъ, къ 1861 году, дошла до того что Русскіе служащіе сдѣлались въ краѣ исключеніемъ. Относительно больше Русскихъ встрѣчалось еще въ Вильнѣ и особенно въ Кіевѣ, преимущественно въ управленіяхъ генералъ-губернаторовъ; но de facto это была капля въ морѣ и по числительности, и по вліянію.

При такихъ условіяхъ русская администрація въ западныхъ губерніяхъ сдѣлалась, во второстепенныхъ своихъ слояхъ, *орудіемъ не правительства противъ мятежа, а мятежа противъ правительства.* Русскіе начальники, стоявшіе во главѣ ея, имѣли по большей части столь смутныя свѣдѣнія о томъ что творилось въ краѣ, что, напримѣръ, изъ Гродна осенью 1862 года писали о полномъ спокойствіи въ губерніи, а въ Вильнѣ, въ январѣ 1863 года, въ административныхъ сферахъ вѣрили что край избѣжитъ вооруженнаго возстанія и кровопролитій происходившихъ въ Царствѣ Польскомъ. Что касается до Поляковъ, то они имѣли чрезъ своихъ чиновныхъ собратовъ достаточныя свѣдѣнія не только о дѣйствіяхъ администраціи, но и о самыхъ сокровенныхъ ея намѣреніяхъ: на убитомъ повстанцѣ Нарбутѣ, противъ котораго отправленъ былъ отрядъ полковника Тимоѳеева, найдена была записка о численности и составѣ посланнаго противъ него отряда, тогда какъ этотъ штабъ-офицеръ командированъ былъ въ экспедицію въ самой глубокой тайнѣ.

Для противодѣйствія злу, испытаны были нѣкоторыя паллиативныя мѣры, въ родѣ командированія изъ Петербурга

отъ министерства внутреннихъ дѣлъ нѣсколькихъ десятковъ чиновниковъ, но мѣры эти разумѣется не привели ни къ чему. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ признавалось перемѣщеніе чиновниковъ-Поляковъ, уличенныхъ въ сочувствіи и содѣйствіи мятежу, *на службу* во внутреннія губерніи. Между такими перемѣщеніями можно было бы указать далеко не одинъ примѣръ перемѣщенія чиновниковъ занимавшихъ должности, для губерніи, крупныя и вліятельныя: они переводились по большей части на соотвѣтственныя мѣста; бывали даже случаи перемѣщенія съ повышеніемъ въ должности. Такимъ образомъ за волненія польской шляхты подвергали наказанію наши внутреннія губерніи. Перемѣщенные изъ Западнаго края Поляки замѣщались, по большей части, опять Поляками. Расчитывать же на прибытіе туда значительнаго числа Русскихъ можно было при томъ развѣ условіи еслибы личность служащаго и его семейства была вполнѣ ограждена отъ преслѣдованій со стороны польскихъ патріотовъ и еслибы служба въ Западномъ краѣ представляла для Русскихъ хоть какія-нибудь существенныя преимущества предъ службой во внутреннихъ губерніяхъ. * Ни того, ни другаго не было и въ помнѣ до прибытія въ край графа Муравьева.

* Не надо быть пророкомъ чтобы предсказать, что послѣ тѣхъ испытаній которымъ, въ послѣднее время, подверглись въ краѣ Русскіе, прибывшіе туда, по призыву правительства, на службу послѣ 1863 года, мы, рано или поздно, дойдемъ до сознанія необходимости привлекать ихъ туда тѣми же преимуществами, какія въ 1866 года предоставлены Русскимъ служащимъ въ Царствѣ Польскомъ и — что не менѣе важно — огражденія личности Русскаго хоть отъ того чтобъ онъ не изгонялся изъ службы за тѣ самыя дѣйствія которыя вытекали изъ законнаго повиновенія прежнимъ властямъ.. За систему управленія должны подлежать отвѣтственности сами власти, а отнюдь не тѣ мелкіе исполнители, которыхъ законъ обязываетъ безпрекословнымъ повиновеніемъ: допустить противное значило бы идти по слѣдамъ тѣхъ родителей былаго времени, которые, за шалость своихъ дѣтей и для острастки имъ, сѣкли своихъ крѣпостныхъ. Нигдѣ перемѣна правительственныхъ лицъ, влекующая за собой даже перемѣну въ системѣ, не отзывается на второстепенныхъ чиновникахъ. Въ Англіи, гдѣ съ паденіемъ кабинета часто радикально измѣняется политическая система, мѣняются только министры и соотвѣтственныя имъ въ государствѣ лица, но не только всѣ чиновники, а и ближайшіе помощники

Настоящій перечень средствъ польской партіи Западнаго края къ веденію открытой борьбы противъ Россіи былъ бы не полонъ, еслибы мы не заключили его нѣсколькими словами о тѣхъ средствахъ какими располагали сами двигатели революціи — мѣстное дворянство и мѣстное латинское духовенство, эти два представителя „польской народности“ въ краѣ.

Въ польскомъ мірѣ признается за непреложную истину, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ немыслимы политическіе перевороты производимые кѣмъ-либо (разумѣется, изъ Поляковъ) кромѣ помѣстнаго польскаго дворянства. Эта истина, съ такою осязательностью подтвердившаяся въ 1794-мъ, 1812 и 1831-мъ годахъ, а также и въ послѣднемъ возстаніи, беретъ свое начало отъ того вліянія которымъ крупное

прежнихъ министровъ остаются на своихъ мѣстахъ; объ удаленіи ихъ отъ должности, за исполненіе приказаній прежнихъ министровъ, не можетъ быть и рѣчи. Прусскій и австрійскій чиновникъ — вѣрный слуга правительству, потому что прошлая честная служба служитъ ему вполнѣ вѣрнымъ обезпеченіемъ въ будущемъ. У насъ въ центральныхъ и въ губернскихъ учрежденіяхъ перемѣны въ личномъ составѣ высшихъ сановниковъ развѣ въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ вліяютъ на личный составъ чиновниковъ. Въ одномъ только Сѣверо-Западномъ краѣ, — гдѣ русскій составъ чиновниковъ есть жизненный вопросъ, гдѣ особенно важно чтобы служащіе были близко знакомы съ мѣстными условіями и лицами, гдѣ призывъ Русскихъ стоилъ правительству огромныхъ суммъ, а удаленіе ихъ отъ службы или замѣщеніе людьми неопытными составляетъ прямой интересъ революціонныхъ элементовъ края, — чиновники зачастую мѣняются какъ шашки, удаляемые изъ края противъ воли и безъ объясненія причинъ. Къ сожалѣнію, послѣдствія этой системы уже обнаруживаются въ охлажденіи того теплаго чувства которое, года три-четыре назадъ, проявлялось въ русскомъ обществѣ къ сѣверо-западнымъ губерніямъ и которое служитъ столь могущественнымъ двигателемъ къ объединенію нашей западной окраины съ остальною Россіей. Польская партія не въ силахъ была бы собственными руками убить это теплое чувство. Люди, которые близко знаютъ Западный край и не могутъ быть причислены ни къ пессимистамъ, ни къ алармистамъ, громко предсказываютъ что съ первою европейскою войной (если не раньше) намъ придется поплатиться за систему которая такъ быстро отбила у русскихъ людей охоту оставлять службу внутри Имперіи и отправляться въ ея западныя окраины.

польское дворянство края пользуется въ средѣ трехсотъ-тысячной массы мелкой шляхты, представляющей собою какъ бы армію, которую вожаки-помѣщики двигаютъ по своему усмотрѣнію, посредствомъ которой достигаютъ своихъ личныхъ цѣлей, нерѣдко несогласныхъ съ интересами мелкой шляхты, и за которую укрываются въ случаѣ неудачи, выставляя вмѣсто себя искупительною жертвой покорныхъ имъ шляхтичей. Имѣя въ рукахъ такую силу какъ землевладѣніе, владѣя капиталами, образованіемъ и пользуясь, какъ это было до 1863 года, сильнымъ вліяніемъ на административныя сферы (которое и было всегда *главнымъ* источникомъ могущества и вліянія пановъ), польское дворянство играло по отношенію къ мелкой собратіи своей роль римскихъ патроновъ. Раздавая кліентамъ въ фольварковое пользованіе свои земли, возлагая на нихъ экономическія должности и поддерживая ихъ на русскихъ административныхъ должностяхъ, оно требовало отъ нихъ прежде всего безусловной и раболѣпной покорности. Хотя средства къ существованію доставлялись кліентамъ далеко не даромъ, и паны умѣли эксплуатировать трудъ своихъ родаковъ съ такимъ же искусствомъ какъ трудъ прежняго ихъ быдла, крестьянъ, но мелкая шляхта сжилась съ своею подначальною ролью, за невозможностью иного исхода. Сжилась она до такой степени что не только не чувствуетъ ея тягости, но видимо затрудняется существовать не группируясь, подобно рою пчелъ около матки, вокругъ какого-нибудь крупнаго патрона, отъ воли котораго зависитъ вести кліентовъ въ томъ или другомъ политическомъ направленіи. Наши немногочисленные помѣщики Западнаго края пріобрѣтшіе земли на основаніи указа 10-го декабря, вѣроятно, засвидѣтельствуютъ, съ какою охотой этотъ забитый, безотвѣтный слой населенія домогается пристроиться къ нимъ, при покупкѣ имѣній, и до какой степени онъ, при разумномъ руководствѣ, *могъ бы сдѣлаться для насъ тѣмъ же чѣмъ служитъ теперь для крупныхъ пановъ.* Этотъ слой общества представляетъ въ западныхъ губерніяхъ то же что въ Варшавѣ, въ періодъ безпорядковъ, была уличная чернь, которую политическіе интриганы направляли то въ ту, то въ другую сторону и которую, согласно потребностямъ данной минуты, а еще чаще въ видахъ личной безопасности, они, презрительно обзывая

„босоногою шляхтой“, безжалостно подставляли, за собственные грѣхи, то подъ выстрѣлы войска, то подъ висѣлицу.

Съ такимъ оружіемъ въ рукахъ, литовскіе паны чувствуютъ себя въ польскомъ мірѣ на столько самостоятельными что не безусловно слѣдуютъ указаніямъ изъ Варшавы. По преданіямъ Рѣчи Посполитой, которыя польщизна старается хранить съ комическою важностью, Литва есть часть Польши, но часть болѣе или менѣе самостоятельная, и самостоятельность эта проявляется единственно въ лицѣ дворянства. Совсѣмъ другое—паны Юго-Западнаго края: они, опять по преданіямъ, признаютъ себя безусловно солидарными съ магнатами Царства Польскаго и считаютъ долгомъ патріотизма дѣйствовать слѣпо по программамъ даваемымъ партіей *бѣлыхъ* изъ Варшавы. Такимъ образомъ они, въ отношеніи къ мелкой шляхтѣ, составляютъ какъ бы промежуточную инстанцію. Этимъ, быть-можетъ, и объясняется причина, почему мелкая шляхта въ Юго-Западномъ краѣ держитъ себя нѣсколько самостоятельнѣй въ отношеніи къ крупнымъ панамъ чѣмъ въ Сѣверо-Западномъ.

Когда изъ Варшавы поданъ былъ сигналъ къ волненіямъ, ни одинъ Полякъ не сомнѣвался въ готовности къ содѣйствію пановъ забранаго края видамъ варшавской партіи *бѣлыхъ*; нѣкоторое, впрочемъ весьма слабое, сомнѣніе раждалось лишь насчетъ пановъ литовскихъ, но и оно мало-по-малу разсѣялось. Вотъ что показываетъ про нихъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ жонда, Авейде, два раза бывшій въ Литвѣ въ званіи члена центральнаго революціоннаго правительства: „Литовскіе бѣлые ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ (варшавскихъ), за исключеніемъ развѣ того что тамошнее дворянство *болѣе нашего патріотично*, готово къ бо́льшимъ пожертвованіямъ за свободу Польши. Поэтому, хотя они первоначально были противниками возстанія, но скоро (прежде нашихъ дипломатовъ) постановили принять въ немъ участіе и войти въ сношенія съ Варшавой. Желали только имѣть въ своихъ рукахъ провинціальную революціонную власть.“ Но отдавая справедливость патріотическимъ чувствамъ литовскихъ бѣлыхъ, членъ жонда, имѣвшій съ ними безпрестанныя столкновенія, горько сѣтуетъ на малую способность ихъ руководить дѣломъ возстанія: „величайшею, неизгладимою ошибкой временнаго правительства относительно

„Литвы", продолжаетъ онъ, „была передача всей революціонной „власти въ руки бѣлыхъ. Старая аксіома, что безъ шляхты нечего тамъ дѣлать, вѣрна, но примѣненіе ея было ошибочно: слѣдовало дѣйствовать, такъ-сказать, *руками шляхты, но не ея головой.*" (Авейде полагалъ необходимымъ, для успѣха дѣла, чтобы мятежомъ въ Литвѣ распоряжались Поляки варшавскіе и чтобы крупные помѣщики Сѣверо-Западнаго края были въ ихъ рукахъ такимъ же слѣпымъ орудіемъ какъ шляхта въ рукахъ пановъ.) Впрочемъ среди дворянства западныхъ губерній появлялись и люди краснаго закала, въ родѣ, напримѣръ, бѣжавшаго за границу доктора Борзобогатаго, который игралъ довольно видную роль въ Новогрудской организаціи, или въ родѣ Калиновскаго, который почти насильно навязанъ былъ папамъ въ диктатора варшавскимъ жондомъ, знавшимъ по опыту что литовскіе паны столько же трусливы сколько патріотичны. Но личности въ родѣ Борзобогатаго, Калиновскаго, Жвирждовскаго были явленіемъ исключительнымъ. Поляки болѣе даровитые, въ родѣ Сѣраковскаго и Огрызки, были ярыми красными *только въ Петербургѣ и особенно въ кругу Русскихъ*, въ Литву же они являлись бѣлыми до конца ногтей. Паны всегда смотрѣли на Поляковъ краснаго закала какъ на *enfants terribles* польщизны, которые своими крайностями возбуждаютъ подозрительность русскаго правительства и тѣмъ *портятъ* ихъ дѣло систематической и прочной полонизаціи западныхъ губерній руками русскаго правительства. Идя къ одной цѣли съ красными,—къ возстановленію шляхетской державы которая граничитъ съ „Москвой", Днѣпромъ и Двиной, — бѣлые проповѣдуютъ относительно насъ ту же политическую программу какой мы, шесть вѣковъ назадъ, держались относительно Золотой Орды, и выжидаютъ благопріятной минуты; красные слѣпо вѣрятъ въ магическую силу партизанской войны и нѣсколько менѣе терпѣливы; кто изъ нихъ менѣе опасенъ, пусть рѣшатъ наши полонофилы.

Съ точностью разграниченныя партіи бѣлыхъ и красныхъ существовали лишь въ Царствѣ Польскомъ; въ западномъ краѣ, собственно говоря, была и есть одна только *партія бѣлыхъ* съ ея безчисленными кліентами, готовыми принять любой цвѣтъ, по указанію пана. Да и могла ли существовать

какая-нибудь иная партія на почвѣ, гдѣ Поляки были чужды и враждебны населенію и боролись за сохраненіе надъ нимъ власти? Правда, въ былое время Канарскій и другіе эмиссары демократическаго закала пытались создать въ Западномъ краѣ нѣчто въ родѣ красной партіи изъ мелкой шляхты, даже учредили съ этою цѣлью тайныя общества, но крупные паны, замѣтивъ въ этомъ ущербъ для своего вліянія и для своего кармана, дружно ополчились, и быстро разгромивъ созданіе демократовъ, опять стали властвовать въ краѣ нераздѣльно.

Рѣшась слѣдовать за Варшавой по революціонному пути, вожаки-магнаты двинулись въ атаку первыми: между удаленными по Высочайшему повелѣнію отъ службы въ 1861 г. были предводители дворянства: виленскій—графъ Тышкевичъ, бѣлостоцкій — Саковичъ, брестскій — Гажичъ, поневѣжскій уѣздный судья — Рымкевичъ и др. Ободренная крупными застрѣльщиками, шляхта смѣло двинулась впередъ за своими патронами, которые, сдѣлавъ свое дѣло, благоразумно отошли въ сторону и, скрытно разжигая агитацію, обратились къ администраціи съ горькими сѣтованіями на волненія, производимыя будто „босоногою шляхтой“, и благонамѣреннѣйшимъ образомъ совѣтовали обратить особенное вниманіе на крестьянъ, которые-де, подъ руководствомъ своихъ поповъ, только и ждутъ случая произвести соціальный переворотъ. Мы уже указывали на принципы, на которыхъ основывались отношенія администраціи къ панамъ; эти принципы, вплоть до вооруженнаго возстанія, поддерживали всегда губительное для русскаго дѣла въ краѣ *согласіе* между администраціей и тѣмъ дворянствомъ которое признаетъ себя польскимъ. * Согласіе это было такъ велико что уже весной 1863 года графъ Леонъ Плятеръ, за нѣсколько дней до своей динабургской продѣлки, былъ какъ свой принимаемъ въ русскихъ виленскихъ

* Въ настоящее время ходитъ по рукамъ любопытный документъ: записка одного польскаго пана который принималъ участіе въ прошломъ возстаніи. Въ этомъ куріозномъ документѣ развивается будто польскій мятежъ раздували *одни красные* Поляки и *Русскіе*, и что при этомъ невинные бѣлые были лишь жертвой террора красныхъ. Паны-де, принимавшіе важныя для края революціонныя должности, дѣлали это для устраненія красныхъ.

сферахъ. Извѣстно что Сѣраковскій, прибывъ въ Вильну въ 1863, предъ отправленіемъ въ тайку, былъ желаннымъ гостемъ въ тамошнихъ русскихъ кружкахъ, и добывая тамъ нужныя свѣдѣнія, съ жаромъ ораторствовалъ противъ безумія повстанцевъ.

Отношенія высшаго католическаго духовенства къ низшему во многомъ сходны были съ отношеніями крупнаго дворянства къ шляхтѣ: та же моральная зависимость, та же безотвѣтность. Высшее духовенство края искони шло рука объ руку съ магнатами, и потому съ открытіемъ, по ихъ начинанію, волненій оно не только не употребило всего своего вліянія на устраненіе костела отъ участія въ политическихъ безпорядкахъ, но старалось, по мѣрѣ силъ, выгораживать ксендзовъ отъ отвѣтственности за нихъ предъ свѣтскими властями. Низшее духовенство, вообще проникнутое польскими чувствами и нетерпимостью, ободренное къ тому же безнаказанностью своихъ попытокъ, вначалѣ робкихъ, обратить амвонъ въ политическую каѳедру, съ первыхъ же дней агитаціи соединилось со шляхтой и пошло съ ней по одному пути. Взаимнодѣйствіе такихъ двухъ силъ какъ дворянство и духовенство сразу придало волненіямъ характеръ дѣла серіознаго. Къ счастію, вліяніе католическаго духовенства ограничивалось міромъ польскимъ, который, и безъ особеннаго содѣйствія ксендзовъ, былъ подготовленъ къ волненіямъ; сельское же католическое населеніе, за исключеніемъ ковенскаго и отчасти бывшихъ казенныхъ крестьянъ, въ періодъ манифестацій относилось къ quasi-религіозной пропагандѣ съ видимою холодностію, а съ открытіемъ вооруженнаго мятежа и въ особенности съ прибытіемъ въ край графа Муравьева, со всеусердіемъ стало вязать и представлять начальству ксендзовъ проповѣдывавшихъ ему необходимость удалиться въ тайку.

При сравненіи политической роли костела въ западныхъ губерніяхъ и Царствѣ Польскомъ, замѣчается слѣдующее явленіе: въ послѣднемъ мятежъ начался на улицѣ и перешелъ въ костелъ только послѣ репрессивныхъ мѣръ маркиза Велёпольскаго, которыя, впрочемъ, помимо его желанія, сблизили между собой враждебныя до того времени партіи; въ западныхъ губерніяхъ онъ начался въ костелахъ, и затѣмъ уже перенесенъ былъ на улицу.

Явленіе это не случайное. Въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ политическія партіи не только существуютъ, но находятся въ постоянной между собою борьбѣ, анти-правительственная агитація началась при воздержаніи отъ нея на первое время магнатовъ и римско-католическаго духовенства. Революціонерамъ пришлось принимать мѣры чтобы вовлечь эти слои общества въ открытую оппозицію. Въ Западномъ краѣ, напротивъ, нѣтъ иного революціоннаго элемента кромѣ польскаго его населенія, а такъ какъ костелъ, благодаря господству тамъ польскаго языка и отождествленію этимъ путемъ католицизма съ польскою народностью, имѣетъ тамъ значеніе политическаго центра, въ которомъ, во имя вѣры, объединяется, въ духѣ польской народности, все католическое населеніе края, то онъ имѣетъ значеніе прежде всего политическое: польско-національное и революціонное. Понятно, что при такихъ условіяхъ воздержаніе костела отъ участія въ политикѣ убило бы въ зародышѣ корень смутъ потрясающихъ западныя губерніи, но это было бы возможно только при приведеніи костела въ то положеніе въ какомъ онъ существуетъ во всемъ свѣтѣ: религіозное, а не національное.

Русская администрація, вынужденная противустать дружному напору на нее всѣхъ силъ польской партіи, могла съ успѣхомъ одолѣвать назрѣвшее годами зло лишь мѣрами коренными. Но такія мѣры встрѣчаютъ у насъ на каждомъ шагу тормозы даже послѣ опыта 1863 и 1864 годовъ; могли ли онѣ быть приняты въ 1861 году? При такихъ условіяхъ администрація поставлена была въ необходимость ограничиться мѣрами полицейскими, направлять преслѣдованіе противъ отдѣльныхъ лицъ и частныхъ случаевъ. При дружной атакѣ на насъ цѣлой массы польщизны, мы сосредочивали выстрѣлы противъ отдѣльныхъ ратниковъ. Благодаря такой системѣ обороны, истинные виновники зла всегда умѣли ускользнуть отъ отвѣтственности, а удары всемогущей администраціи сыпались на лицъ подставныя — на босоногую шляхту, приходскихъ ксендзовъ, канцеляристовъ, гимназистовъ. Убѣжденные въ своей безнаказанности, коноводы возстанія дѣлались болѣе и болѣе дерзкими; революціонныя страсти, не встрѣчая препятствій, разгарались, а въ то же время авторитетъ законной власти въ глазахъ польской партіи падалъ со дня на день...

VI.

Не имѣя намѣренія слѣдить шагъ за шагомъ за революціонною агитаціей въ западныхъ губерніяхъ, мы ограничимся въ настоящемъ очеркѣ лишь указаніемъ ея характера. Начнемъ съ Сѣверо-Западнаго края, который, по характеру участія въ волненіяхъ польской молодежи, нѣсколько разнится отъ Юго-Западнаго.

Цѣль коноводовъ возстанія заключалась, какъ мы указывали выше, въ томъ чтобы разрушить въ населеніи всякое уваженіе къ законной власти и вмѣстѣ съ тѣмъ слить польщизну въ одну плотную массу, на столько возбужденную чтобы смѣло схватиться, когда приспѣетъ время, за оружіе.

Для достиженія перваго нужно было прежде всего вселить въ населеніе убѣжденіе въ безнаказанности дѣйствій противъ правительства, доказавъ на дѣлѣ безсиліе мѣстной администраціи управиться съ возставшею польщизной.

При томъ настроеніи умовъ во внутреннихъ губерніяхъ и при тѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ средствахъ польской партіи, о которыхъ мы упоминали въ предыдущей главѣ, наконецъ при нашемъ чисто-полицейскомъ пониманіи въ ту пору сущности польскаго вопроса, достиженіе названной цѣли не представляло неодолимыхъ затрудненій. Нѣсколько пробныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ крупными панами Западнаго края въ концѣ 1860 и въ началѣ 1861 годовъ, и вѣсти изъ Варшавы окончательно убѣдили польскую партію въ сбыточности ея надеждъ. Предъ открытіемъ ряда публичныхъ манифестацій, въ западныхъ губерніяхъ съ жадностью слѣдили за событіями въ Варшавѣ. Въ Вильнѣ, Гроднѣ, Ковнѣ прекрасно знали что въ Царствѣ Польскомъ еще съ лѣта 1860 года начались уличныя демонстраціи весьма внушительнаго для насъ характера; что погребеніе Совинской, торжественное празднованіе годовщины ноябрьской революціи, облитіе вонючимъ настоемъ сѣрнистаго водорода ложъ и креселъ въ варшавскомъ театрѣ, наканунѣ его посѣщенія тремя монархами—прошли безнаказанно и что февральскія событія, несмотря на возбужденный ими шумъ, окончились передачей нами въ руки польской делегаціи не только полицейской власти, но и права надзора за политическими преступниками которые

содержались въ Александровской цитадели. Не трудно сообразить какія заключенія выводили изъ всего этого паны Западнаго края. Понятно что думала польская молодежь въ Вильнѣ, Гроднѣ, Житомірѣ, слыша что варшавскіе студенты безпрепятственно идутъ во главѣ агитаціи и что делегація уже употребляетъ ихъ въ замѣнъ фактически упраздненной русской полиціи. При толкахъ объ этихъ животрепещущихъ новостяхъ, отъ эмиграціи летѣли самыя свѣжія новости о возбужденныхъ французскимъ правительствомъ переговорахъ о Польшѣ, о готовности нашей идти на всякую сдѣлку ради сохраненія мира, о недовольствѣ лорда Пальмерстона заключеннымъ съ нами миромъ, объ его сочувствіи Полякамъ и пр.

Поляки не могли, конечно, не вспомнить подъ часъ что мы, хотя бы по преданіямъ, не можемъ относиться къ западнымъ губерніямъ такъ какъ относились къ Конгрессовкѣ и что, пожалуй, припомнимъ при агитаціи и пословицу quod decet Jovi non decet bovi; но попытки произведенныя въ Вильнѣ и Кіевѣ успокоили на этотъ счетъ пановъ. Надежда на ту же безнаказанность какъ въ Варшавѣ росла въ Западномъ краѣ не по днямъ, а по часамъ. Литовскіе паны рѣшились наконецъ помочь Варшавѣ. Всего болѣе содѣйствовало ихъ окончательной рѣшимости то обстоятельство, что самая система взысканій за политическія преступленія была, строго говоря, безнаказанностью.

Дѣйствительно, главнѣйшими наказаніями, усвоенными въ Сѣверо-Западномъ краѣ, были:

1. *Заключеніе.* Съ русской, равно какъ и съ общечеловѣческой точки зрѣнія, этого рода наказаніе принадлежитъ, конечно, къ числу самыхъ суровыхъ: помимо страданій, оно позоритъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія, кладетъ иногда на человѣка клеймо на всю жизнь. Польское общественное мнѣніе смотритъ однако на этотъ предметъ съ діаметрально-противоположной точки зрѣнія, которая установилась отчасти подъ вліяніемъ крутой полицейской системы нашихъ отношеній къ польщизнѣ, а еще болѣе подъ вліяніемъ польской патріотической литературы, старающейся возвести Поляковъ преслѣдуемыхъ администраціей въ санъ мучениковъ (*Dziady*—Мицкевича). Тюремное заключеніе не позоритъ, а только возвышаетъ Поляка и въ его собственныхъ глазахъ, и въ общественномъ мнѣніи, даетъ ему въ польскомъ міру

почетное мѣсто въ ряду патріотовъ-страдальцевъ. Правда, заключеніе, какъ грубое ограниченіе личной свободы, взятое само по себѣ, столь же тягостно Поляку какъ и Русскому или Нѣмцу, но при такихъ исключительныхъ условіяхъ оно переносится несравненно легче. Въ Варшавѣ, къ концу 1861 года, для „хорошаго“ Поляка считалось позоромъ не посидѣть подъ арестомъ: польская, а иногда и еврейская молодежь чуть не насильно рвалась въ руки полиціантовъ.... Къ тому же, въ Сѣверо-Западномъ краѣ только графъ Муравьевъ возстановилъ въ полной силѣ одиночное заключеніе и упразднилъ излишній комфортъ въ тюремной жизни; до него нѣкоторыя мѣста заключенія были чѣмъ-то въ родѣ клубовъ, гдѣ арестованные, сидя вмѣстѣ десятками, вели политическія бесѣды, пѣли патріотическія пѣсни и принимали посѣтителей. Въ 1863 году, уже по прибытіи въ край графа Муравьева, повстанцы, схваченные съ оружіемъ въ рукахъ и посаженные въ динабургскіе казематы, демонстрировали даже тамъ, распѣвая хоромъ патріотическія пѣсни.

2. *Высылка на жительство во внутреннія губерніи* была одною изъ самыхъ распространенныхъ мѣръ въ обѣихъ половинахъ нашей западной окраины. Она началась съ марта 1861 года. Не входя въ разсмотрѣніе степени удобства этой мѣры для нашихъ внутреннихъ губерній, обращенныхъ въ мѣсто ссылки для сброда привилегированныхъ повстанцевъ, замѣтимъ, что большинство Поляковъ относилось къ этого рода наказанію столь же безбоязненно какъ къ заключенію, тѣмъ болѣе что исходатайствованіе, въ особенности чрезъ посредство мѣстной же администраціи, права возврата на родину не представляло серіозныхъ затрудненій. Мы могли бы даже указать на случаи, когда близкіе къ административнымъ сферамъ Поляки, опасаясь за патріотическія увлеченія своихъ родственниковъ, сами домогались высылки этихъ родственниковъ, подъ формой наказанія, на жительство во внутреннія губерніи. Что̀ касается до учащейся молодежи, то высылка изъ края юныхъ агитаторовъ сопровождалась по большей части доставленіемъ имъ возможности окончить образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ внутреннихъ губерній: администрація заботилась о томъ исключительно чтобъ агитаторы на время волненій были *подальше отъ края*: на практикѣ это была работа Данаидъ.

Высылка изъ края начала принимать въ глазахъ Поляковъ

серіозный характеръ только при графѣ Муравьевѣ, который распространилъ ее съ бездомной шляхты на пановъ, и, что главное, сталъ накладывать секвестръ на имѣнія высланнаго. Извѣстно, впрочемъ, что въ послѣдствіи, по удаленіи изъ Вильны, графъ Муравьевъ не разъ высказывалъ раскаяніе въ томъ что содѣйствовалъ переполненію нашихъ внутреннихъ губерній повстанцами, въ особенности когда лѣтомъ 1865 года открылись пожары, и когда обнародованныя въ Вильнѣ данныя показали что поджоги входятъ въ систему дѣйствій польской революціонной партіи.

Къ этому же роду наказаній слѣдуетъ отнести и бывшее у насъ въ большомъ употребленіи перемѣщеніе неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи чиновниковъ Западнаго края на соотвѣтственныя мѣста во внутреннихъ губерніяхъ: этого рода мѣрами враги законнаго правительства и Русскаго народа какъ бы официально признавались надежными органами власти во внутреннихъ губерніяхъ. Критическая оцѣнка сей послѣдней мѣры кажется совершенно лишнею.

3. *Удаленіе отъ службы коронной и по выборамъ.* Право на удаленіе отъ службы по выборамъ предоставлено было высшей мѣстной администраціи послѣ открыто-заявленнаго участія высшаго дворянства въ мятежѣ. Что касается до службы правительственной, то съ предоставленіемъ главному начальнику края права объявлять, по своему усмотрѣнію, мѣстности на военномъ положеніи, предоставлено было и право увольнять отъ службы чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ. За нѣсколькими исключеніями, дѣйствительное примѣненіе этого права къ дѣлу началось собственно при графѣ Муравьевѣ.

4. *Высылка въ имѣніе,* съ воспрещеніемъ права въѣзда въ губернскій городъ, примѣнялась преимущественно въ отношеніи крупныхъ пановъ и женщинъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, графъ Иванъ Тышкевичъ, по административному удаленіи отъ должности уѣзднаго предводителя, былъ отправленъ на жительство въ собственное имѣніе. Мѣра эта, очевидно, напоминала собой Крыловскую басню о щукѣ, которая, въ наказаніе, приговорена была къ утопленію въ рѣкѣ.

5. *Денежные штрафы* введены были правилами о временныхъ полицейскихъ судахъ учрежденныхъ 9-го августа 1861 года, но имѣли на практикѣ, до прибытія въ край графа Муравьева, совершенно ничтожное значеніе, съ одной стороны, вслѣдствіе размѣровъ налагаемыхъ взысканій, съ другой,

отъ того что они зависѣли отъ судебныхъ приговоровъ, которые, какъ мы сейчасъ увидимъ, были въ связи съ общею системой дѣйствій администраціи края.

Присужденіе къ названнымъ взысканіямъ производилось или административнымъ порядкомъ или судомъ, съ конфирмаціей мѣстнаго начальства. Судъ былъ въ этомъ случаѣ, конечно, на первомъ планѣ.

Кому приводилось пробѣгать слѣдственныя дѣла періода манифестацій, тотъ не мало затруднился бы придумать вѣрное названіе тогдашнему процессу и ни въ какомъ случаѣ не назвалъ бы его правильнымъ судомъ.

Поляки призываемые къ суду за политическія продѣлки являлись, за рѣдкими исключеніями, съ нескрываемымъ намѣреніемъ таить истину во что бы то ни стало, несмотря на самыя убѣдительныя улики. Они очень хорошо знали что ни одинъ изъ судей внутренно не сомнѣвался въ ихъ виновности, но разчитывали, не безъ основанія, что мы допустимъ поруганіе суда, что увертливость и упорство возьмутъ свое и затруднятъ судъ въ произнесеніи приговора. Самымъ обыкновеннымъ способомъ оправданія признавалось совершенное отрицаніе своей виновности; ни показанія свидѣтелей, ни очныя ставки, ни взятіе на мѣстѣ преступленія съ поличнымъ не могли вынудить у обвиняемаго искренняго сознанія. Напротивъ, при возможности, обвиняемый ссылался на свидѣтелей-Поляковъ, которые, конечно, подтверждали слова его подъ присягой; присягой же скрѣплялъ и онъ свои показанія. Обвиняемый зналъ силу и значеніе присяги *по нашимъ законамъ* и безъ затрудненія пользовался этимъ средствомъ къ оправданію, въ увѣренности что ни польское общество, ни костелъ не осудятъ его за клятвопреступленіе.

При такихъ условіяхъ слѣдствіе и судъ сдѣлались въ глазахъ не только Поляковъ, но и самой администраціи до того не надежнымъ средствомъ къ открытію истины и къ наказанію, что въ нихъ видѣли только пустую ни къ чему не ведущую формальность. Дѣйствительно, въ періодъ демонстрацій виновныхъ сознавшихся въ своемъ преступленіи почти не было: всѣ были правы, всѣ были неповинны въ волненіи. Только при Муравьевѣ польщизна нашла болѣе выгоднымъ говорить истину, убѣдясь на практикѣ, что законъ, увеличивающій, въ случаѣ упорства и клятвопреступленія, кару виновнаго, не мертвая буква.

Удивляться ли, что при подобной системѣ нашихъ отношеній къ польскимъ агитаторамъ, убѣжденіе въ безнаказанности за дѣйствія противъ правительства созрѣло чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ до такой степени, что люди робкіе становились храбрецами, если имъ доводилось вступать въ дѣло со властями. Это всего замѣтнѣе отражалось на учащейся молодежи, въ особенности по наступленіи лѣтняго времени 1861 года, когда изъ Петербурга, Москвы, Кіева цѣлыя толпы студентовъ начали набираться въ Сѣверо-Западный край подъ предлогомъ свиданія съ родственниками.

Еще въ самомъ началѣ волненій въ Сѣверо-Западномъ краѣ, въ февралѣ, было извѣстно что Поляки обучавшіеся въ Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ составили общество съ цѣлью посильнаго содѣйствія возстанію въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ, что у нихъ бывали сходки, что многіе изъ молодыхъ людей запасаются уже оружіемъ. Съ апрѣля и мая дѣйствительно стали отовсюду стекаться въ Сѣверо-Западный край учащіеся Поляки изъ разныхъ учебныхъ заведеній внутреннихъ губерній, преимущественно студенты, и принимать дѣятельное участіе въ разгоравшейся со дня на день бурѣ. Виленская администрація стала принимать мѣры къ высылкѣ замѣченныхъ въ безпорядкахъ студентовъ изъ края и къ недопущенію на будущее время появленія ихъ въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Ковенской. Подобная мѣра, конечно, встрѣтила на практикѣ почти неодолимыя затрудненія. Начальство университетовъ и медико-хирургической академіи, при всей готовности содѣйствовать видамъ виленской администраціи, затруднялось отказывать всѣмъ Полякамъ въ правѣ отправиться на каникулярное время для свиданія съ родными, тѣмъ болѣе что многіе студенты, вслѣдъ за отказомъ, просили о совершенномъ увольненіи ихъ изъ заведенія, чему начальство не имѣло и права препятствовать. Къ тому же, пріѣздъ студентовъ въ Царство Польское и Юго-Западный край не воспрещался, а потому студенты желавшіе отправиться въ Сѣверо-Западный край, испросивъ разрѣшеніе на поѣздку въ эти мѣстности или во внутреннія губерніи, безпрепятственно ѣхали въ Вильну или Гродно. Наконецъ кіевская администрація, тоже боровшаяся съ происходившими въ краѣ безпорядками, положительно заявляла что недопущеніе выѣзда студентовъ изъ Кіева, на каникулярное время, къ роднымъ въ Сѣверо-Западный

край только затрудняло ея дѣйствія, увеличивая число недовольныхъ и праздныхъ молодыхъ людей. Но въ Вильнѣ упорно держались разъ принятой въ отношеніи студентовъ системы недопущенія ихъ въ край, хотя на дѣлѣ ихъ, во все время волненій, было тамъ очень много. Паны, убѣдясь что власти считаютъ истинными виновниками мятежа не ихъ, а одно изъ ихъ орудій — студентовъ, дѣятельно старались поддерживать гдѣ слѣдуетъ такое воззрѣніе и тѣмъ отводили глаза администраціи отъ своихъ собственныхъ дѣйствій.

Прибывшіе въ край студенты, конечно, могли имѣть нѣкоторое вліяніе на знакомыхъ имъ учениковъ гимназій, но это вліяніе было въ сущности тѣмъ же что и вліяніе всей среды окружавшей молодежь внѣ стѣнъ училища. Едвали можно отрицать, что еслибы Сѣверо-Западный край былъ дѣйствительно загороженъ китайскою стѣной отъ студентовъ, ученики гимназій волновались бы отъ того нисколько не менѣе.

Приступимъ теперь къ перечню способовъ, пущенныхъ въ ходъ агитаторами для сплоченія польскаго населенія въ одну массу подготовленную къ возстанію.

Опытные въ дѣлѣ революціи, коноводы польской партіи обдуманно составили планъ для ускоренія открытаго разрыва между Поляками и мѣстными властями. Средствомъ для этого служили такія внѣшнія, торжественныя заявленія чувствъ польской народности и непріязни къ Россіи, какъ трауръ, разнаго рода личныя преслѣдованія противъ Русскихъ и преданныхъ намъ Поляковъ, и наконецъ разрушеніе въ глазахъ населенія авторитета полиціи; всѣ эти средства, поддержанныя усиленною революціонною пропагандою и тайными обществами, при организованной, одновременно съ ними, системѣ террора, съ одной стороны, вынуждали польщизну слѣпо слѣдовать предначертанному агитаторами плану, съ другой — приводили въ страхъ Русскихъ которые находились въ западныхъ губерніяхъ и не встрѣчали ни настоящей защиты, ни поддержки. Въ этомъ планѣ на долю учащейся молодежи возлагалась обязанность безсознательныхъ исполнителей воли революціонныхъ властей.

Наложеніе на Поляковъ всеобщаго траура,—альфы и омеги послѣдняго мятежа,—было, должно сознаться, мѣрой весьма искусною. Трауръ, который носился, разумѣется, почти исключительно привилегированными слоями и городскими жителями, осязательно дѣлилъ общество на двѣ враждебныя

части: польскую и анти-польскую, и со дня на день увеличивалъ разладъ между этими половинами. Этого мало: благодаря чрезмѣрному преобладанію въ краѣ траурной партіи, лица сначала не носившія „жалобы“ подвергались чуть не ежедневнымъ публичнымъ поруганіямъ и даже скандаламъ и, вслѣдствіе бездѣйствія власти, были вынуждены, наконецъ, или не показываться на улицу, или облечься въ революціонный нарядъ. Лишне объяснять какъ низко падалъ, при такомъ положеніи дѣлъ, авторитетъ русской власти въ глазахъ всего мѣстнаго населенія. Но всего болѣе вліялъ трауръ какъ открытое заявленіе *перевѣса силы революціонныхъ властей надъ силою властей законныхъ*: тайныя революціонныя власти требуютъ всеобщаго траура, и требованіе ихъ исполняется, несмотря на противодѣйствіе и угрозы администраціи; лица которыя и желали бы повиноваться законному правительству системой террора вынуждены повиноваться правительству революціонному, а русская власть не въ силахъ защитить ихъ. Въ видахъ достиженія столь важныхъ цѣлей, трауръ сдѣлался въ рукахъ революціонеровъ могущественнымъ противъ насъ оружіемъ, которое дѣйствовало тѣмъ сильнѣе что многіе изъ нашихъ, не отдавая себѣ яснаго отчета въ истинныхъ цѣляхъ агитаторовъ, смотрѣли на эту кокарду польской народности съ неприступной высоты политической мудрости, почти какъ на рѣбяческую шалость недостойную вниманія людей серіозныхъ.

Въ Варшавѣ еще съ осени 1860 года начали отъ времени до времени появляться на улицахъ траурныя платья; окончательно же были они введены послѣ манифестацій 24-го и 25-го февраля. Вильна нѣсколько отстала въ этомъ отношеніи отъ Варшавы, но всего на какой-нибудь мѣсяцъ. По общимъ совершенно достовѣрнымъ слухамъ, первенство во введеніи траура въ Сѣверо-Западномъ краѣ принадлежитъ одной знатной Варшавянкѣ, вышедшей замужъ за крупнаго виленскаго пана который за два года предъ тѣмъ взысканъ былъ особенными милостями Государя Императора и пользовался почетнымъ мѣстомъ и въ русскомъ, и въ польскомъ обществѣ. Еще въ октябрѣ 1860 года, когда въ кругу высшаго виленскаго общества носили, по случаю кончины императрицы Александры Ѳедоровны, придворный трауръ, супруга этого пана являлась всюду въ самыхъ свѣтлыхъ нарядахъ, въ которыхъ преобладали польскіе національные цвѣта, и

тѣмъ производила въ русской средѣ немалое смущеніе. Въ первыхъ числахъ марта, по полученіи извѣстій о варшавскихъ событіяхъ и о циркулярѣ Фіалковскаго, ясновельможная пани первая облеклась въ глубокій трауръ. Вслѣдъ затѣмъ въ виленскомъ костелѣ Св. Іоанна совершалась торжественная паннихида по убитымъ въ Варшавѣ, на которой *все высшее дворянство* присутствовало въ глубокомъ траурѣ. Это послужило сигналомъ къ облаченію въ черное всей польской партіи Сѣверо-Западнаго края.

Принадлежности глубокаго траура (платье, по большей части, съ плерезами; черная шляпка съ бѣлыми перушками) не препятствовали ношенію разнаго рода эмблематическихъ украшеній въ польско-патріотическомъ вкусѣ. Украшенія эти состояли изъ черныхъ цѣпей съ крестами, такихъ же серегъ, брошекъ, браслетовъ, поясовъ, пуговокъ съ изображеніями то переломленнаго креста (память варшавской демонстраціи 8-го апрѣля), то бѣлаго орла, то портретовъ или народныхъ польскихъ героевъ въ родѣ Костюшки и Хлопицкаго, или же героевъ послѣдняго мятежа: Замойскаго, Ярошинскаго. Мущины, кромѣ обыкновенныхъ принадлежностей траура и кромѣ плерёзовъ, носили крепъ на рукавахъ; шляпы были изгнаны изъ употребленія и замѣнены конфедератками и гарибальдійками, по большей части тоже чернаго цвѣта. Ученики гимназій, обязанные носить форму, являлись на манифестаціи съ крепомъ на лѣвомъ рукавѣ.

Дабы принудить все городское населеніе облечься въ трауръ, агитаторы дѣйствовали въ первое время распространеніемъ извѣстнаго циркуляра приписываемаго архіепископу Фіалковскому и сопровождавшагося циркуляромъ революціоннаго правительства, которое въ напыщенныхъ фразахъ заклинало Поляковъ не пренебрегать этимъ наружнымъ заявленіемъ ненависти къ Россіи. „Этотъ великій, торжественный, священный трауръ“, говорилось въ циркулярѣ революціонныхъ властей, „въ который нашъ народъ долженъ былъ бы облечься 66 лѣтъ тому назадъ (то-есть послѣ битвы при Маціевичахъ), не есть выдумка нѣсколькихъ сотъ личностей; нѣтъ, онъ — грозное проявленіе божественной воли, невольное выраженіе пробужденія народнаго сознанія, доказательство что гнетъ рабства понятъ, что муки и позоръ прочувствованы, что обязанности сознаны; циркуляръ же архіепископа (Фіалковскаго) не есть приказъ власти земной, а

торжественная санкція воли Божіей и воли народнаго духа." Этого рода риторическія упражненія дѣйствовали въ ту пору на польское общественное мнѣніе. Польская партія западныхъ губерній, убѣжденная въ безнаказанности, повиновалась требованіямъ революціонныхъ властей. На первое время встрѣчались, однако, исключенія, противъ которыхъ направленъ былъ революціонный терроръ, исполнителями коего явились гимназисты, а гдѣ ихъ не доставало — канцеляристы и мелкіе шляхтичи.

Терроръ заключался въ уличныхъ скандалахъ, въ площадной бранн, плевкахъ, обливаньи купоросомъ, наконецъ въ побояхъ, чинимыхъ паничами надъ женщинами не носившими траура. „Ученики и другіе, преимущественно молодые люди", читаемъ мы въ документѣ того времени, „позволявшіе себѣ подобнаго рода дерзости, избирали обыкновенно такое время и обстоятельства при которыхъ они были совершенно безопасны отъ улики или преслѣдованія, а потому открыть виновныхъ и подвергнуть ихъ взысканію не предстояло возможности, и *дѣла эти оставались безъ послѣдствій.*" Нападенію мальчишекъ подвергались сначала и Русскія, и немногія Польки не рѣшавшіяся выступить на революціонный путь, но послѣднія, не встрѣчая себѣ поддержки, скоро „образумились", а потому въ послѣдствіи всю силу уличнаго террора переносили на себѣ только Русскія, имѣвшія гражданское мужество, несмотря на непріятности, не надѣвать на себя позорящаго ихъ отечество наряда. Правда, бывали и исключенія, въ родѣ, напримѣръ, одной польской графини, урожденной русской княжны, которая добровольно носила трауръ со всѣми его аттрибутами и дома, въ присутствіи постороннихъ Русскихъ, говорила съ дѣтьми не иначе какъ по-польски; но такое исключеніе тѣмъ болѣе оттѣняло прочихъ русскихъ дамъ.

Польская молодежь, подстрекаемая тою средой въ которой она выросла и вращалась, съ свирѣпымъ усердіемъ принялась за исполненіе возложеннаго на нее порученія, не обращая вниманія ни на полъ, ни на возрастъ, ни на общественное положеніе своихъ беззащитныхъ жертвъ. Такъ въ Вильнѣ она надѣлала публичныхъ непріятностей семейству одного изъ высшихъ въ краѣ лицъ учебнаго вѣдомства. Полька мать, гулявшая со своимъ сыномъ гимназистомъ въ ботаническомъ саду, подослала его плюнуть на платье гувер-

нанткu бывшей при дѣтяхъ этого начальствующаго лица; въ другой разъ супруга этого лица, возвращаясь тоже изъ ботаническаго сада, встрѣтила нѣсколько гимназистовъ которые съ наглостью заслонили ей дорогу. Сестрѣ другаго виленскаго чиновника, занимавшаго весьма вліятельное въ губерніи мѣсто по министерству юстиціи, гимназистъ плюнулъ на цвѣтное платье. Женѣ тамошняго жандармскаго офицера гимназистъ разорвалъ на улицѣ платье. Жена одного изъ весьма вліятельныхъ по должности лицъ, проходя по улицѣ мимо лавокъ, подверглась оскорбленію дерзкими словами.

И все это творилось въ самой Вильнѣ, средоточіи русской власти; легко представить себѣ что дѣлалось въ городахъ поставленныхъ въ обстоятельства менѣе благопріятныя. Въ Бѣлостокѣ, напримѣръ, дочь акцизнаго надзирателя, Нѣмца и лютеранина, не рѣшалась надѣть траура, несмотря на то что къ дверямъ того дома въ которомъ она жила было приклеено объявленіе, требовавшее „чтобы Э. не носила московскихъ лентъ, а одѣвалась, какъ всѣ живущія въ Литвѣ, въ траурное платье; въ противномъ случаѣ, гласило объявленіе, *она подвергнется оскорбленію*“. Нѣмка, вѣря въ силу покровительства законныхъ властей, продолжала упорствовать; и вотъ чрезъ нѣсколько дней, когда она шла съ матерью по улицѣ, одинъ изъ встрѣчныхъ гимназистовъ ударилъ дѣвушку по шляпкѣ. Испуганная и сконфуженная дѣвушка спѣшитъ съ матерью домой, но благовоспитанные польскіе дворянчики Россійской Имперіи не ограничиваются этимъ: они толпой слѣдуютъ за дамами, бросаютъ въ нихъ снѣгомъ и ругаютъ ихъ позорными словами за красныя ленты на шляпкѣ. Наконецъ дамы доходятъ до дому; гимназисты выбиваютъ изъ оконъ стекла.

Мѣстныя власти не оградили Русскихъ отъ напора польской партіи. Чтобъ опредѣлить господствовавшія въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ административныхъ сферахъ воззрѣнія на чинимые русскимъ уличные скандалы, приведемъ ходившій въ прежнее время по рукамъ въ средѣ русскихъ чиновниковъ *офиціальный* отзывъ объ этомъ предметѣ въ Петербургъ одного изъ вліятельныхъ въ ту пору лицъ въ краѣ „какъ случаи эти происходили преимущественно съ женщинами принадлежащими къ русскому обществу, *слѣдовательно* (!) *вполнѣ снисходительными* къ выходкамъ безславящимъ только одну польскую народность, *поэтому* и

формальныхъ жалобъ объ этихъ оскорбленіяхъ въ полицію не поступало". (Мы имѣли случай убѣдиться въ документальной точности этого отзыва.) Но жалоба объ оскорбленіи бѣлостокской Нѣмки поступила на разсмотрѣніе властей; рѣшено было „сообщить ее (жалобу) учебному вѣдомству, *безъ назначенія слѣдствія*".

Крупные паны, которые, какъ мы видѣли, первые подали примѣръ въ ношеніи траура и на дѣлѣ постоянно его поддерживали, стали, со времени открытія безпорядковъ и террора, тономъ благонамѣренныхъ „консерваторовъ" проводить мысль будто только терроръ „босоногой сволочи" и вынуждаетъ ихъ съ семействами присоединиться по наряду къ оппозиціи, хотя въ душѣ они, въ качествѣ опоры русскаго трона, безъ сомнѣнія, и пр. По тому же камертону запѣла предъ властями и крупная чиновная шляхта, вынужденная будто бы единственно крайностью дозволить своимъ женамъ и дочерямъ публичное ношеніе траура.

Послѣ траура, главнымъ средствомъ агитаторовъ къ ускоренію разрыва между польскою партіей края и Русскими служило, какъ мы замѣтили выше, личное преслѣдованіе находившихся въ краѣ Русскихъ и тѣхъ немногихъ Поляковъ которые были извѣстны преданностью правительству; преслѣдованіе это, направленное преимущественно противъ лицъ служащихъ, вело вмѣстѣ съ тѣмъ къ разрушенію, въ глазахъ Поляковъ, уваженія къ установленнымъ властямъ. Система террора, разумѣется, всего болѣе облегчала Полякамъ и въ этомъ случаѣ достиженіе цѣли.

Мы уже указывали на преслѣдованіе Русскихъ и Поляковъ за нежеланіе носить трауръ, и видѣли что оно распространялось преимущественно на женщинъ. Противъ русскихъ мущинъ атака поведена была не подъ предлогомъ траура, но тѣмъ же путемъ — скандалами чинимыми или изъ-за угла, или при такомъ стеченіи обстоятельствъ при которомъ отыскать виновнаго не представлялось возможности.

Вчинаніе и въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ крупнымъ помѣщикамъ; мелкая шляхта и школьники и въ этомъ случаѣ шли по торной дорогѣ. Благовоспитанные паны не могли, разумѣется, преслѣдовать Русскихъ тѣмъ же грубымъ способомъ какъ это дѣлала босоногая шляхта, тѣмъ болѣе что и выстрѣлы производились ими по большей части въ такихъ сферахъ

которыя недоступны были уличнымъ головорѣзамъ. Они, напротивъ, отдали Прокустово ложе, на глазъ, мягко, съ пріятною улыбкой, и имѣли въ виду не квартальныхъ надзирателей, не столоначальниковъ, а такихъ Русскихъ, которыхъ тонъ и житейскія мелочи язвятъ почувствительнѣе площадной брани пущенной изъ-за угла недоучившимся школьникомъ. При такого рода пальбѣ, паны тѣмъ вѣрнѣе попадали въ цѣль что выстрѣлы ихъ, видимо достигая цѣлей политическихъ, въ то же время не влекли за собой отвѣтственности по буквѣ закона. Оскорбленному оставалось развѣ утѣшать себя старою истиной, что ни одному еще русскому администратору въ западныхъ губерніяхъ не удавалось избѣжать раскаянія за сближеніе съ мѣстными панами. Помимо, впрочемъ, салонной борьбы, можно, пожалуй, указать на панскія продѣлки выходившія изъ обыкновеннаго уровня, но которыя, несмотря на произведенный ими политическій эффектъ, тѣмъ не менѣе ускользали отъ всякой отвѣтственности. Для характеристики послѣдняго рода выходокъ можно бы привести, для примѣра, парадный обѣдъ того времени въ одной изъ западныхъ губерній, на который было приглашено все что̀ пользовалось въ городѣ вліяніемъ въ обществѣ и въ администраціи. Гостепріимный амфитріонъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ пановъ края, завѣдомо для всей собравшейся тамъ польщизны, предупредительно обращаетъ все свое вниманіе на одно изъ русскихъ значительныхъ лицъ, которое, замѣтимъ, оказало хозяину въ былое время существенныя услуги. При усаживаніи къ обѣду, хозяинъ радушнѣйшимъ образомъ трижды заставляетъ своего гостя перемѣнить мѣсто за столомъ. Гость, конечно, повинуется, и усѣвшись окончательно, замѣчаетъ что рядомъ съ нимъ посаженъ только что выпущенный изъ каземата мелкій шляхтичъ, домашній учитель, съ которымъ ему и пришлось просидѣть цѣлый обѣдъ, при почтительно-насмѣшливыхъ взглядахъ польскаго общества.

Преслѣдованіе русскихъ служащихъ лицъ въ Вильнѣ со стороны шляхты и школьниковъ направлено было преимущественно противъ чиновъ полиціи, военныхъ и духовныхъ лицъ православной вѣры, а равно и противъ тѣхъ гражданскихъ чиновниковъ которые были болѣе извѣстны. Въ счетъ оскорбленій не входили ни плевки въ землю, которые Русскому приходилось встрѣчать чуть не на каждомъ шагу

при встрѣчѣ съ Поляками, въ особенности съ Польками, на на каждомъ же шагу долетавшія до него выраженія: „пся кревъ“, „пшеклентый Москаль“ и т. п.: съ такого рода *миролюбивыми* заявленіями чувствъ наши поневолѣ сжились. Но оскорбленія наносились и болѣе осязательнымъ способомъ. Казачій сотникъ ѣдетъ по Вильнѣ для повѣрки разъѣздовъ: въ спину ему летитъ и попадаетъ булыжникъ, пущенный какимъ-то встрѣчнымъ господиномъ который быстро скрывается за воротами. Кучка гимназистовъ, окруженная многолюдною толпой шляхтичей, чиновниковъ, панскою челядью, неистово реветъ на улицѣ предъ скульптурнымъ изображеніемъ Богородицы революціонный гимнъ. Гимназисты, замѣтивъ проходящаго мимо толпы квартальнаго переодѣтаго въ гражданское платье, съ неистовою бранью кидаются на него, и когда тотъ спасается бѣгствомъ, одинъ изъ юношей, Р., пускаетъ въ чиновника камень и ранитъ. Полиціи стоитъ только подойти къ кучкѣ агитаторовъ чтобы раздались ругательные крики и угрозы....

Но такъ какъ демонстраціи повторяются въ Вильнѣ чуть не ежедневно, и такъ какъ полиція была обязана слѣдить за ними, то понятнымъ становится мольба тамошнихъ полицейскихъ властей о защитѣ: „Подобные поступки учениковъ гимназіи, которые со дня на день дѣлаются болѣе дерзкими и необузданными и также примѣромъ своимъ побуждаютъ другихъ къ оскорбленіямъ полиціи, поставили полицейскихъ чиновниковъ, въ особенности при явномъ нерасположеніи къ нимъ общества высшаго круга, не только въ крайне затруднительное положеніе, но даже въ опасное, такъ что если не будутъ приняты мѣры хотя ко временному обузданію ихъ, то полицейскому чиновнику, безъ подверженія себя, если не явной опасности, то во всякомъ случаѣ публичному посрамленію, не будетъ возможности показаться и на улицу.“

То же повторялось и въ другихъ губернскихъ, даже въ уѣздныхъ городахъ. Вотъ, для образца, нѣсколько случаевъ характеризующихъ положеніе Русскихъ въ краѣ.

Лѣтомъ 1861 года ѣхалъ изъ Варшавы въ Петербургъ, черезъ Ковно, одинъ русскій генералъ, по распоряженію коего, во время варшавской демонстраціи 27-го февраля, рота пѣхоты дала залпъ, отъ котораго пало пять уличныхъ головорѣзовъ прозванныхъ въ послѣдствіи столь памятными во

время послѣдняго мятежа *пятью жертвами*. * Генералъ ѣхалъ съ другими пассажирами въ почтовой каретѣ. Миновавъ Ковно, на второй верстѣ отъ города, экипажъ былъ атакованъ толпой человѣкъ во сто, изъ которой неслись ругательства, затѣмъ полетѣли каменья, наконецъ раздался выстрѣлъ. Къ счастію, карета, благодаря находчивости ямщика, карьеромъ пронеслась по шоссе, и дѣло обошлось нѣсколькими царапинами на экипажѣ.

Этотъ скандалъ, обратившій на себя въ Петербургѣ особенное вниманіе, переданъ былъ мѣстными властями на разсмотрѣніе ковенскаго уѣзднаго суда, который тянулъ дѣло цѣлые девять мѣсяцевъ и закончилъ его постановленіемъ, что такъ какъ виновныхъ въ нападеніи на дилижансъ не обнаружено, то къ отвѣтственности по этому дѣлу никого не привлекать.

Около того же времени въ Тельшахъ, во время богослуженія въ костелѣ съ пѣніемъ революціонныхъ гимновъ, костельный швейцаръ (переодѣтый чиновникъ) выгналъ изъ костела радоваго тамошней жандармской команды (католика) и билъ его по ногамъ булавой. Начальникъ радоваго, узнавъ о такой дерзости, самъ отправился въ костелъ и сталъ около алтаря. По окончаніи богослуженія, при выходѣ этого начальника изъ костела черезъ монастырскій входъ, цѣлая толпа бросилась за нимъ; онъ успѣлъ однако выскочить на улицу, но толпа продолжала его преслѣдовать ругательствами и даже каменьями вплоть до самаго дома.

По разборѣ дѣла оказались виновными мѣстные чиновники и два московскіе студента Поляка, немедленно послѣ этой исторіи отправившіеся въ Москву.

Въ Пинскѣ у директора гимназіи и одного учителя (оба Русскіе) неоднократно выбивались каменьями стекла въ окнахъ. Хотя виновники обнаружены не были, но дознано что въ день выбитія оконъ, вечеромъ, около дома учителя, была толпа гимназистовъ въ шинеляхъ и со скрытыми подъ ними палками, а на слѣдующій день въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города

* Въ 1865 году слѣдствіемъ неожиданно обнаружено: 1) что одна изъ пяти жертвъ жива и здравствуетъ въ Варшавѣ, и 2) что похоронено было четыре человѣка, а пятый гробъ везенъ былъ пустымъ. А сколько тысячъ демонстративныхъ панихидъ было отслужено по этомъ живомъ покойникѣ!

найдены были записки предварявшія городничаго „чтобъ онъ не мѣшался въ дѣла учениковъ“. Но такъ какъ городничій не поддавался такимъ угрозамъ, то толпа гимназистовъ напала на него во время пожара, осыпала ругательствами и грозила смертью если городничій будетъ доносить по начальству о пѣніи Поляками возмутительныхъ гимновъ.

Около того же времени выбиты были окна и у учителя гимназіи въ Слуцкѣ. Обнаруженные въ этомъ дѣлѣ гимназисты показывали будто на такую шалость побудила ихъ надежда что гимназія будетъ закрыта. Въ томъ же городѣ гимназисты нанесли оскорбленіе женѣ офицера стоявшаго тамъ казачьяго полка; виновные были исключены изъ гимназіи.

Въ Бѣлостокѣ, лѣтомъ 1861 года, ночью, предъ окнами дома гдѣ помѣщался исправникъ (Русскій), извѣстный своею ревностью въ отысканіи агитаторовъ, толпа человѣкъ въ тридцать упражнялась въ *кошачьей музыкѣ*, и когда жившій съ исправникомъ чиновникъ выглянулъ въ окно, въ него полетѣлъ изъ толпы камень. Виновные не отысканы.

Въ Гроднѣ, осенью 1861 года, толпа Поляковъ разбила окна въ квартирѣ вице-губернатора; то же сдѣлала, въ тотъ же вечеръ, другая толпа въ квартирѣ тамошняго исправника. Виновные не обнаружены.

Ошмянскій городничій Майборода пользовался особенною ненавистью Поляковъ за энергическое противодѣйствіе ихъ продѣлкамъ. Несмотря на то что всѣ почти служебныя мѣста въ уѣздѣ заняты были Поляками и что онъ жилъ въ городѣ въ отчужденіи отъ общества, онъ находилъ возможность знать все что творилось въ мѣстномъ польскомъ муравейникѣ и своевременно извѣщать власти о безпорядкахъ. Польщизнѣ удалось наконецъ отдѣлаться отъ этой спицы въ глазу.

Въ ноябрѣ 1861 года Майборода провелъ вечеръ дома, въ обществѣ мѣстнаго православнаго священника и смотрителя училища. Онъ былъ совершенно здоровъ и игралъ съ гостями въ шашки. Въ 8 часовъ вечера онъ вышелъ на короткое время въ сосѣднюю комнату поѣсть каши, только что принесенной ему изъ трактира, затѣмъ вернулся къ гостямъ, которые въ 9 часовъ разошлись по домамъ. Едва Майборода улегся въ постель, какъ у него обнаружились изжога, поносъ и рвота, а къ 11-ти часамъ его уже не стало.

Судить о впечатлѣніи, произведенномъ этою *неожиданною*

кончиной на мѣстныхъ Поляковъ можно по тому что они не въ силахъ были даже скрыть чувства радости объ избавленіи отъ опаснаго врага: когда тѣло покойнаго было вынесено въ церковь, вокругъ нея съ трехъ сторонъ стояли шарманщики и играли; въ день похоронъ, на квартирѣ одного тамошняго чиновника, смерть Майбороды праздновалась пирушкой.

По закону (ст. 1.839 и 1841 Уст. Судеб. Медиц.), подозрѣніе объ отравленіи можетъ возникнуть когда здоровый человѣкъ, по употребленіи какой-либо пищи, начнетъ внезапно страдать жженіемъ въ пищеварительномъ каналѣ, рвотою, поносомъ и т. п.

Законъ этотъ не могъ не быть извѣстнымъ ни ошмянской полиціи, ни стряпчему, ни врачу (всѣ они были Поляки) тѣмъ не менѣе, чиновные паны ограничились вскрытіемъ, которое производилъ мѣстный врачъ и по которому оказалось что смерть послѣдовала отъ вскрытія вереда въ грудную полость. Польскіе чиновники безбоязненно нарушили всѣ узаконенія существующія для подобныхъ случаевъ: медицинское свидѣтельство не было даже представлено во врачебную управу и никакого слѣдствія о скоропостижной смерти не произведено.

Молва объ отравленіи Майбороды ходила по краю такъ сильно что графъ Муравьевъ, узнавъ объ ней въ 1864 году, только по давности оставилъ дѣло безъ слѣдствія.

Съ неменьшимъ, если не съ бо́льшимъ еще ожесточеніемъ преслѣдовала польская партія и мѣстныхъ католиковъ которые чувствовали себя Русскими и оставались вѣрными своему долгу.

У Майбороды служилъ письмоводителемъ мѣстный католикъ Р—чъ, который, несмотря на свою бѣдность, безбоязненно оставался вѣрнымъ своему долгу. Ошмянскіе Поляки всѣми способами преслѣдовали его за это, нанося ему и его семейству разныя оскорбленія; ему было даже прислано анонимное письмо, въ которомъ онъ объявлялся „измѣнникомъ Польши“ и въ которомъ ему грозили смертью если онъ не измѣнитъ своего образа дѣйствій. Р—ча перевели въ Лиду, но и тамошніе жители стали относиться къ нему не лучше ошмянскихъ: Р—чъ вынужденъ былъ наконецъ выйти въ отставку и коротать свой вѣкъ въ бѣдности, среди многочисленнаго семейства. Какъ часто, полагаемъ, приходила этому

почтенному человѣку мысль, что, по всей вѣроятности, не столь плачевная участь ожидала бы его еслибъ онъ, заглушивъ чувства долга и чести, присоединился ко враждебной Россіи партіи!

Лѣтомъ 1861 года, адъютантъ при ковенскомъ жандармскомъ штабъ-офицерѣ, капитанъ К., католикъ, отправился, въ день своихъ именинъ, къ обѣднѣ въ костелъ, гдѣ собравшаяся въ то время публика упражнялась въ пѣніи политическихъ гимновъ. Бывшіе въ костелѣ гимназисты, окруживъ его, стали надъ нимъ издѣваться, командуя ему креститься, прекратить молитву, пѣть съ ними и т. п. К., не желая нарушать церковнаго благочинія, молча переносилъ дерзости школьниковъ. По окончаніи обѣдни, когда онъ сталъ выходить изъ костела, толпа гимназистовъ, человѣкъ въ двадцать, окружила его, и съ крикомъ провожала до почтовой конторы, требуя чтобъ онъ, „хоть католикъ“, не смѣлъ никогда приходить въ костелъ, потому-де что носитъ жандармскій мундиръ и предаетъ своихъ, записывая будто бы имена лицъ производящихъ въ церкви безпорядки. При этомъ кто-то изъ толпы вдругъ вскрикнулъ: „А не хочешь ли витріолю?“—толпа подхватила предложеніе, и чрезъ минуту форменное пальто капитана было облито по всей длинѣ сѣрною кислотой.

Въ 1838 году эмиссаръ Канарскій былъ задержанъ исправникомъ Вендзялговскимъ, мѣстнымъ католикомъ, который въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ жилъ въ Вильнѣ и былъ предметомъ ненависти польской партіи.

Въ декабрѣ 1862 года онъ скончался. Не повторяя слуховъ которые въ ту пору носились по городу о его смерти, ограничимся разказомъ о мести которою преслѣдовала его польская партія даже въ гробу. Тѣло его, поставленное въ Бернардинскій костелъ, было, съ разрѣшенія ксендза, вынуто учениками гимназіи изъ гроба и отвезено въ фотографію Довмонта и Николаи. Тамъ патріоты сняли съ трупа портретъ и затѣмъ, вдоволь наругавшись надъ покойникомъ, отвезли его обратно въ костелъ.

По поводу возникшаго объ этомъ слѣдственнаго дѣла, достоинъ вниманія отзывъ данный слѣдователю Виленскою римско-католическою консисторіей. „Выносъ тѣла Вендзялговскаго изъ костела, безъ участія лицъ духовныхъ, есть фактъ прискорбный для консисторіи,“ писала она, „но въ допущенномъ согласно канонамъ фактѣ не заключается

оскорбленія святости, и это не есть поруганіе храма Божія, *тѣмъ болѣе что въ костелѣ Св. Анны не хранятся Св. Тайны.*"

Приведенные нами на выдержку отдѣльные случаи представляютъ собой, разумѣется, не исключеніе, а изображеніе, въ формѣ эпизодовъ, того что̀, въ увеличенныхъ размѣрахъ, ежедневно, въ теченіи двухъ лѣтъ, творилось на всемъ пространствѣ Сѣверо-Западнаго края.

Управленіе и руководство польскою партіей мало-по-малу окончательно перешло въ руки революціонныхъ властей, которыя, вполнѣ сформировавшись въ началѣ 1861 года въ Варшавѣ, имѣли свои вѣтви въ Юго-Западномъ краѣ и Литвѣ. Организація въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ сначала формировалась вяло. Паны опасались солидарности съ красною партіей, которая требовала привлеченія крестьянъ къ дѣлу мятежа уступкой послѣднимъ разныхъ преимуществъ. Паны опасались также лишиться своего прежняго вліянія на мелкую шляхту. Но когда паны увѣрились что варшавскіе агитаторы готовы сохранить ихъ автономію въ краѣ и власть надъ шляхтой, установленіе революціонныхъ властей пошло гораздо успѣшнѣе. При всей своей вялости и слабости, революціонныя власти края пріобрѣли однако возможность дѣйствовать сильно путемъ пропаганды, потому что помощниковъ по этой части между помѣщиками и польскою молодежью оказалось вдоволь. Пропаганда эта шла двумя путями, посредствомъ печати и черезъ тайныя общества.

VII.

Революціонная пропаганда посредствомъ печати заключалась главнѣйше въ распространеніи по краю разнаго рода воззваній, распоряженій революціонныхъ властей и объявленій, а также брошюрокъ и спеціально-революціонныхъ газетокъ, изъ которыхъ, впрочемъ, большинство не шло далѣе нѣсколькихъ нумеровъ. Всѣ эти произведенія подпольной литературы печатались по большей части въ Варшавѣ, Краковѣ и рѣже въ Парижѣ; воззванія предназначавшіяся собственно для Русскихъ фабриковались въ Лондонѣ.

Бумаги революціоннаго содержанія стали особенно сильно распространяться по Литвѣ со времени открытія Петербургско-Варшавской желѣзной дороги, при которой вся почти

прислуга состояла въ ту пору изъ Поляковъ, по большей части шляхтичей и возвратившихся въ край эмигрантовъ. Дознано, напримѣръ, что цѣлые тюки прокламацій перевозились на локомотивахъ этой дороги подъ дровами, что давало возможность, при опасности, бросить ихъ въ огонь.

Распространеніе воззваній между Поляками лежало на обязанности мѣстныхъ революціонныхъ властей; что же касается до кореннаго мѣстнаго населенія, православнаго духовенства и крестьянъ, то первое получало воззванія, также какъ и служащіе русскіе офицеры, по большей части по почтѣ; послѣднимъ же они сообщались или подбрасываньемъ въ селеніяхъ, или же посредствомъ революціонныхъ агентовъ изъ среды помѣщиковъ, ксендзовъ и молодежи, которые старательно *объясняли* по-своему сущность домогательствъ польской партіи.

Хотя противъ распространенія воззваній не принималось мѣръ дѣйствительныхъ (да и принять ихъ не было возможности), но бюрократическое противодѣйствіе распространенію ихъ признавалось необходимымъ. Оно заключалось въ томъ что попавшіеся въ руки экземпляры прокламацій, которыми переполненъ былъ край, бережно и въ большой тайнѣ хранились въ канцеляріяхъ * и отъ времени до времени сообщались петербургскимъ властямъ. Тайною, впрочемъ, они были только для Русскихъ, потому что Поляки прекрасно знали не только всѣ революціонныя бумаги которыя попадались въ руки законныхъ властей, но сверхъ того и тѣ о коихъ власти не имѣли и слуховъ.

Администрація была, конечно, права, не употребляя особыхъ мѣръ къ отысканію распространителей, ибо, при тогдашней системѣ дѣйствій, это значило бы даромъ расходовать время и трудъ. Она старалась лишь ослабить впечатлѣніе производимое воззваніями на массы, но и это не достигало, конечно, цѣли. Къ сожалѣнію, она не могла воспользоваться тогда единственнымъ вполнѣ вѣрнымъ путемъ для достиженія желаемой цѣли—путемъ печатной гласности. При такой системѣ (давшей у насъ въ 1863 и 1864 годахъ столь блестящіе результаты) польскіе революціонеры были бы

* Это доставило въ послѣдствіи графу Муравьеву возможность отправить богатую коллекцію всякаго рода польскихъ революціонныхъ документовъ въ Императорскую публичную библіотеку.

вполнѣ разоблачены предъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ; при гласности, затѣи Сѣраковскихъ, Огрызокъ, Домбровскихъ, нуждавшіяся всего болѣе во мракѣ, сдѣлались бы невозможными. Но за насъ или, лучше, за наше скудоуміе точно опасались: можетъ статься, инымъ казалось возможнымъ что мы, читая польскіе манифесты извергавшіе проклятія на Россію и Русскихъ и призывавшіе Поляковъ къ истребленію Русскихъ, сдуру какъ-нибудь станемъ, пожалуй, въ польскій лагерь и начнемъ душить своихъ братьевъ. Польская революціонная партія всѣми способами поддерживала, въ тѣхъ сферахъ гдѣ было нужно, такое настроеніе, а чтобы мы какъ-нибудь не вышли на вѣрный путь, она благонамѣренно указывала на опасность *для Россіи* патріотической печати. Въ административныхъ сферахъ Вильны, какъ намъ достовѣрно извѣстно, еще въ 1862 году возбуждалась мысль о напечатаніи, съ критическимъ разборомъ, нѣкоторыхъ документовъ изъ тогдашней подпольной польской литературы, но мысль эта была встрѣчена въ Петербургѣ недоброжелательно и загублена въ самомъ зародышѣ.

Воззванія предназначались, разумѣется, для дѣйствія на массы. Редижируя ихъ, коноводы агитаціи, вѣроятно, столько же разчитывали производить ими впечатлѣніе на людей мыслящихъ, сколько составители лубочныхъ картинъ разчитываютъ на высшіе классы общества; но на польскую молодежь, на шляхту, женщинъ, польскихъ чиновниковъ эти воззванія, безспорно, имѣли вліяніе раздражающее, тѣмъ болѣе что они, по способу изложенія, искусно приспособлялись ко вкусу именно этого рода публики.

Воззванія къ Полякамъ состояли изъ набора торжественныхъ, кудрявыхъ фразъ о невозможности сносить долѣе московское иго и о необходимости единодушной, дружной работы польской шляхты на освобожденіе отчизны. При обрисовкѣ страданій угнетенной польщизны и русскаго звѣрства, авторы не жалѣли ни красокъ, ни сусальнаго золота, а работали по пословицѣ: „по Сенькѣ и шапка“. У молодежи не искусившейся еще по части риторики, у женщинъ морально закрѣпощенныхъ ксендзами, у мелкой шляхты слѣпо вѣрящей въ печатное слово, фразы эти исторгали слезы умиленія и возбуждали патріотическій восторгъ. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, не придти въ восторгъ, напримѣръ, отъ слѣдующихъ патетическихъ словъ:

„Вы, братья соотечественники, такъ жестоко пострадавшіе отъ царскаго кнута и темницъ, въ надеждѣ наступленія минуты освобожденія, знайте что часъ нашего освобожденія ужь пробилъ: намъ необходимо только дружное соединеніе. Поэтому сольемся какъ Венгры *, дабы, какъ они, побороть намъ врага безъ оружія, безъ войскъ, однимъ только единодушіемъ въ стремленіяхъ“ ** и т. д.

А вотъ и другой образецъ стилистики того времени, въ обращеніи къ польскимъ женщинамъ на Литвѣ:

„Вы, носящія названіе прекраснаго пола, должны стать во главѣ этого дѣла, вы, кого справедливо называютъ хранительницами духа въ нашихъ родимыхъ пепелищахъ! Слѣдуя примѣру матерей и сестеръ вашихъ: Хржановской, Дружбацкой, Мѣчинской, Гофманъ, Плятеръ, Фелинской и другихъ имъ подобныхъ по заслугамъ, постарайтесь, дорогія сестры, идти по ихъ стопамъ и сдѣлаться достойными ихъ сподвижницами. Истребляйте дурныя привычки въ вашихъ мужьяхъ, сыновьяхъ, братьяхъ и пріятельницахъ. Ангельскимъ вліяніемъ своимъ вы достигнете того что каждый изъ вашихъ соотечественниковъ обновится въ Іисусѣ Христѣ. Приступайте нынѣ же къ этому великому дѣлу, ибо вы не можете опредѣлить ни дня, ни часа, когда порабощенное наше отечество призоветъ ихъ на службу.“ ***

Отличный образецъ риторическаго упражненія въ духѣ того времени читатели найдутъ въ концѣ настоящей главы, въ „Посланіи польскихъ студентовъ къ русскимъ“. Впрочемъ, разница сего послѣдняго отъ другихъ произведеній того времени заключается въ томъ что въ немъ логически отъ начала до конца выдержана по крайней мѣрѣ мысль, чѣмъ другія воззванія не могутъ похвастаться.

Отличительная черта воззваній предназначавшихся для польской партіи заключается въ томъ что въ нихъ говорится въ строго-шляхетскомъ тонѣ, ведется рѣчь только про *польскій народъ* края, разумѣя подъ этимъ именемъ

---

* Шляхетская Венгрія—политическій идеалъ для польщизны.

** Изъ воззванія, 1861 года, „сына отечества къ своей литовской братьи“.

*** Изъ воззванія, въ формѣ проповѣди, распространеннаго въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ ноябрѣ 1861 г. Оба воззванія переводъ съ польскаго.

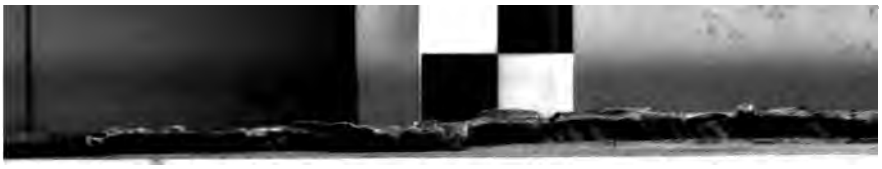
исключительно польское дворянство и игнорируя въ краѣ милліоны русскаго и еврейскаго населенія.

Помимо этого рода воззваній, въ теченіи 1861 и 1862 годовъ по краю очень распространены были, для руководства собственно польщизны, печатныя и писанныя *объявленія*, которыя заключали въ себѣ, подъ благопристойною формой, распоряженія революціонныхъ властей по части демонстрацій и которыя, въ болѣе людныхъ частяхъ городовъ, приклеивались къ стѣнамъ домовъ, костеловъ, къ заборамъ и т. п. Такъ какъ демонстраціи имѣли характеръ церковный, то въ объявленіяхъ гласилось просто о приглашеніи на службу такого-то числа, въ такую-то церковь, по такому-то случаю. Кому было нужно, тотъ понималъ, безъ комментарій, въ чемъ тутъ дѣло.

Администрація видѣла что этого рода, невинныя по наружности, объявленія служатъ болѣе сильнымъ средствомъ къ агитаціи чѣмъ велерѣчивыя прокламаціи, а потому употребляла всѣ мѣры чтобы затруднить ихъ распространеніе. Полицейскіе чины, нарочно отряженные, ходили по улицамъ и срывали объявленія; на мѣсто сорванныхъ чрезъ нѣсколько минутъ появлялись, разумѣется, новыя, за чѣмъ, какъ извѣстно, наблюдали преимущественно гимназисты, исполнявшіе такимъ образомъ обязанность полиціи ржонда. Власти, не видя иной возможности избавиться отъ объявленій, попытались отнестись къ католическому епархіальному вѣдомству съ требованіемъ запретить приклеивать къ костельнымъ дверямъ объявленія печатаемыя безъ вѣдома полиціи; епископу поставлялось на видъ что особенную агитацію произвели похороны профессора Гомолицкаго, 14-го іюля 1861 года, объявленія о коихъ наклеены были на дверяхъ костеловъ. Епархіальное начальство изъявило готовность сдѣлать распоряженіе относительно запрещенія приклейки объявленій къ костелу, причемъ съ лукавою ироніей указывало, что объявленіе о похоронахъ Гомолицкаго печатано было „съ разрѣшенія правительственной цензуры“. Дѣйствительно, подъ печатнымъ объявленіемъ о панихидѣ 14-го іюля красуется слѣдующая подпись мѣстной цензурной власти:

„Wolno drukować. Wilno, dnia 8 Czerwca 1861 г.“ *

* Печать дозволяется Вильна, 8-го іюля 1861 г.



Гораздо важнѣй чѣмъ прокламаціи къ польской партіи, и безъ нихъ хорошо подготовленной къ мятежу, были тѣ воззванія и изданія подпольной литературы которыя имѣли назначеніемъ возбудить въ непольскомъ населеніи края непріязнь къ Россіи и обманомъ вовлечь его въ мятежъ. Полагаемъ небезынтереснымъ остановить на нѣсколько минутъ вниманіе читателя на этого рода воззваніямъ въ Западномъ краѣ къ крестьянамъ и православному духовенству.

Произведенія революціонеровъ по этой части были редижированы лукаво, съ очевиднымъ разчетомъ разрушить въ преданномъ населеніи довѣріе къ правительству и насильно втолкнуть его въ польскія сѣти. Тутъ редакторамъ приходилось дѣйствовать осмотрительнѣе, извлекать себѣ пользу изъ ошибокъ администраціи относительно мѣстнаго населенія, сочинять небывалые факты. Плотная стѣна польскихъ мировыхъ посредниковъ и польской земской полиціи, отдѣлявшая мужика отъ администраціи, всего болѣе облегчала задачу революціонеровъ.

Къ числу наиболѣе извѣстныхъ воззваній, предназначавшихся для крестьянъ Сѣверо-Западнаго края, принадлежатъ два періодическія изданія, наиболѣе распространенныя по Гродненской губерніи: *Hutorka dwdch Susiedów (Гуторка, разговоръ двухъ сосѣдей)* и *Mużickaja prauda (Мужицкая правда)*. * Каждое изъ этихъ изданій вышло въ нѣсколькихъ нумерахъ; первое было литографированное, второе печатное. Сверхъ того, въ теченіи 1862 года распространено было нѣсколько нумеровъ изданія варшавскаго революціоннаго правительства *Okolnik* (циркуляръ). Циркуляръ этотъ заключалъ въ себѣ единственно несмѣтныя обѣщанія крестьянамъ если они примутъ сторону Поляковъ, и угрозы если будутъ продолжать упорствовать въ преданности законному правительству.

Цѣль всѣхъ этихъ изданій заключалась, разумѣется, въ

---

* Съ 1858 года Поляки въ западныхъ губерніяхъ ввели въ тайно устроенныхъ ими народныхъ школкахъ письмо по-русски польскими литерами. Они усиленно хлопочутъ о распространеніи въ народѣ такого рода грамотности: еще въ 1867 году было обнаружено нѣсколько случаевъ польской пропаганды чинимой этимъ путемъ. На дняхъ въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* напечатанъ циркуляръ доказывающій что и теперь творится то же самое.

томъ чтобы возстановить крестьянъ противъ властей и увлечь ихъ на путь, который вызвалъ бы со стороны правительства военныя экзекуціи противъ народа. Экзекуціями Поляки дорожили гораздо больше чѣмъ своею пропагандой, зная что подобнаго рода мѣры вѣрнѣй всякихъ польскихъ навѣтовъ способны подготовить почву къ возбужденію крестьянъ противъ правительства. Съ этою цѣлью паны усердно распространяли между крестьянами мысль, что подъ дарованною крестьянамъ свободой разумѣется прежде всего освобожденіе отъ взноса въ казну податей и отъ рекрутской повинности; туже идею проводили и воззванія. Сверхъ того, Полякамъ надо было разрушить въ народѣ воззрѣніе на „Бѣлаго Царя“. Они знали что въ глазахъ простолюдина западныхъ губерній словомъ „царь“ выражается понятіе не только политическое, но и религіозное, и что въ этой средѣ однимъ магическимъ выраженіемъ: „такъ царь велѣлъ“, можно дѣлать чудеса. Для разрушенія въ народѣ благоговѣнія къ верховной власти, Поляки не скупились на навѣтахъ на Государя, возводя на верховную власть такія небылицы которыя не могли бы войти въ здоровую голову и которыя, къ отчаянью пановъ, рѣшительно не дѣйствовали на русскаго мужика. Надо прибавить и то, что считая возможнымъ возбудить воззваніями нерасположеніе крестьянъ къ верховной власти, агитаторы мѣрили мужика на свой аршинъ, отчего и воззванія ихъ, пропитанныя чувствами безсильной злобы и бѣшенствомъ, могли возбудить развѣ сожалѣнія. Было бы слишкомъ много чести для польской партіи, еслибы мы затруднились ознакомить читателя съ ея литературными произведеніями, предназначенными для совращенія мужика съ пути привязанности къ Государю и распространенными въ былое время по краю въ огромномъ количествѣ экземпляровъ.

Для образца приведемъ краткія извлеченія изъ тогдашнихъ воззваній къ крестьянамъ, писанныхъ по-русски, на мѣстномъ нарѣчіи, но польскими литерами, со тщательною надбавкой польскихъ словъ, въ родѣ *nadto*, *nawet*, и съ видимымъ стараніемъ придать русской рѣчи польскую физіогномію; по нимъ можно ознакомиться и съ направленіемъ, и съ письменностью тогдашнихъ прокламацій для народа. Для облегченія читателей при чтеніи, помѣщаемъ en regard тотъ же текстъ писанный русскими буквами.

Изъ *Мужицкой правды* (№ 3).

Kali Prancuz pad Swistopolem zausim pabiu moskala to dla toho kab moscal nie mieu siły i hroszy, prucazau narodowi daci wolność, nie braci rekratou i wielikich podatkou.

Коли Француз педъ Севастополемъ завсимъ побиу Москаля то для того, кабъ Москаль не мѣу силы и грошей, приказау народови дати вольность, не брати рекрутовъ и великихъ податковъ (податей).

Изъ *Гуторки двухъ сосѣдовъ* (№ 2).

Moj sokoliku susiedzie,
Musi koniec swieta budzie,
Bo uże nadto car hulaje
I ludziej jak psou strelaje,
Czuwać szto w ruskoj huberni
Gdzie narod iomu byu wierny
Dziesiać tyiacz roszstrelati,
Za to szto praudu iskaly;
A w Warszawie wsie kośćoły
Nawet wsie żydowskie szkoły
Obodrali, obokrali,
I lud z kośćolou zabrali
Daj w niewolu zasadzili
Kab bolsz Boga nie chwaliti
A wsio po ukazu cara.
Może jon nieczysta wiera,
Antychryst szto każuć ludzie,
Bo jon wielmi krucić, mucić,
Narod boży bałamucić
Siebie bohom nazywaie
Kto niewieryć, tych strelaje и т. д.

Мой соколику сусѣдзе,
Муси * конецъ свѣта будзе,
Бо уже надто ** царь гуляе
И людей, якъ псовъ, стрѣляе,
Чувать што въ русской губерни,
Гдѣ народъ ёму быу вѣрный,
Десять тысячъ разстрѣляли,
За то што правду искали;
А въ Варшавѣ всѣ костелы
Наветъ *** всѣ жидовски школы,
Ободрали, обокрали
И людъ зъ костеловъ забрали
Да и въ неволю засадзили,
Кабъ больть Бога не хвалили,
А все по указу Цара.
Може ёнъ нечиста вѣра
Антихристъ што кажутъ людзи,
Бо ёнъ вельми крутить, мутить.
Народъ божій баламутить.
Себе Богомъ называе.
Кто не вѣритъ. тыхъ стрѣляе
и т. д.

Излишне говорить что здравый смыслъ русскаго человѣка и близкое знакомство съ панами ни на минуту не допустили въ крестьянахъ колебанія. Показанія повстанцевъ на слѣдствіяхъ

---

* Польское слово, значитъ: долженъ. Выраженіе неправильное: *Долженъ конецъ свѣта будетъ.*

** Слишкомъ.

*** Даже.

UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

ряютъ благонамѣреннымъ людямъ и даже своимъ
настырямъ, которые, желая имъ добра, хотятъ в
на путь народный и убѣждаютъ чтобъ они по
польскому правительству, а не Царю московском
новшествамъ. Сверхъ того, крестьяне безпокоятся
кая судьба постигнетъ ихъ и дѣтей ихъ, когда в
на будетъ Польша, будутъ ли брать ихъ въ воен
будутъ ли имѣть свою землю, будетъ ли дешевле
бакъ и не возвратятъ ли паны опять барщины?

„Отъ имени дѣйствительнаго польскаго правител
щаемся къ этимъ людямъ и призываемъ ихъ къ
какъ отцы ихъ чтили и уважали санъ духовный,
должны вѣрить священнослужителямъ, проповѣдую
избавленіи Польши отъ Москалей, о взаимном
единодушіи, братствѣ и свободѣ.

„Вмѣстѣ съ симъ объявляемъ и удостовѣряемъ

„1) Лишь только Поляки изгонятъ Москалей, б
детъ на вѣчныя времена уничтожена въ Польшѣ
во всѣхъ польскихъ земляхъ, и не будетъ уже вве
ни подъ какимъ предлогомъ.

„2) Никто не будетъ наказываемъ безъ суда и
приговора; кто же себѣ дозволитъ это право, т
наказанъ самымъ строжайшимъ образомъ; судеб
будутъ открыты для всѣхъ, приговоры будутъ о
публично, во избѣжаніе несправедливости къ ком
было.

„3) Подати на соль, курительный и нюхательн
не будетъ, потому что польская казна не будетъ
обходимости тратить милліоны на шпіоновъ, п
шихъ одних противъ других, и обойдется ка

„5) Каждый шляхтичъ или крестьянинъ будетъ вынимать жребій на поступленіе въ службу въ польскія войска, съ правомъ дослуживаться высшихъ чиновъ; и какъ не будетъ необходимости высылать солдатъ, какъ теперь, за тысячу миль изъ края, въ Сибирь, или на Кавказъ, то срокъ службы будетъ короче, и не болѣе шести лѣтъ; браться въ службу будетъ только одинъ съ тысячи.

„6) Исповѣданіе всякой вѣры будетъ свободное; и потому всѣ тѣ кого правительство обратило въ православіе и дѣти ихъ могутъ возвратится въ унію безпрепятственно. Разоренные костелы и оставленныя кладбища польское правительство возвратитъ, а гдѣ укажетъ необходимость — построитъ новые; равнымъ образомъ возвратитъ всѣ упраздненные Москалями костелы.

„7) Польское правительство не будетъ взимать чиншей на казенныхъ земляхъ, и отдастъ въ вѣчное и потомственное владѣніе крестьянамъ землю на которой они поселены; въ имѣніяхъ же частныхъ—отдастъ въ собственность крестьянамъ ихъ грунты, а чиншъ за оную выплатитъ панамъ съ разсрочкой, чтобы такимъ образомъ каждый крестьянинъ въ цѣлой Польшѣ, Литвѣ (Сѣверо-Западномъ краѣ) и Руси (Юго-Западномъ краѣ) былъ воленъ и свободенъ, безъ всякаго различія между нимъ и паномъ или городскимъ обывателемъ.

„Все это будетъ для добрыхъ Поляковъ, которые будутъ повиноваться польскому правительству и помогутъ выгнать Москалей и Нѣмцевъ; если же не помогутъ и откажутся въ повиновеніи польскому правительству, то не только ничего не получатъ, но не преминутъ быть наказаны. Варшава. 15-го августа 1862 г., въ день Успенія Пресвятой Богородицы.

„Центральный народный комитетъ.“

Если крестьянинъ былъ твердъ въ преданности и довѣріи правительству, могли быть, и бывали, случаи когда его увлекали на ложный путь обманомъ, что было возможно при тѣхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ польскихъ помѣщиковъ, мировыхъ посредниковъ и польской земской полиціи, на которыя мы указывали. Для устраненія этого зла администрація нашлась вынужденною обратиться въ Петербургъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ей издавать журналъ для народнаго чтенія; этимъ путемъ крестьянинъ могъ бы узнавать правду и стать внѣ обмана. Изданіе не только было разрѣшено, но на него Всемилостивѣйше повелѣно ежегодно отпускать изъ государственнаго казначейства по 6.000 руб. *

* До 1869 г., сколько намъ извѣстно, сумма эта отпускалась. Въ 1864 году даже циркулярно объявлено было объ изданіи журнала

Послѣднее воззваніе къ крестьянамъ Сѣверо-Западнаго края, въ формѣ манифеста, было обнародовано 1-го февраля 1863 года „провинціальнымъ временнымъ правительствомъ Литвы и Бѣлой Россіи", засѣдавшимъ въ Вильнѣ. Въ этомъ документѣ крестьянамъ надѣлано было столько обѣщаній, что еслибы теперь паны добровольно исполнили изъ нихъ хоть десятую долю, мужики были бы обезпечены: даже батракамъ, отставнымъ солдатамъ и всѣмъ не имѣющимъ недвижимой собственности въ Сѣверо-Западномъ краѣ торжественно обѣщано было по участку земли не менѣе трехъ морговъ. То ли говорятъ теперь паны руководившіе мятежомъ?

Въ воззваніяхъ къ православному духовенству революціонеры старались выставить на видъ бѣдственное и унизительное положеніе въ которое оно поставлено при господствѣ въ Западномъ краѣ право лавнаго правительства. Этимъ путемъ атака поведена была на пунктъ дѣйствительно весьма слабый, гдѣ оборона была крайне затруднительна. Но кто былъ нашимъ противникомъ? Кто велъ эту атаку? Вели ее пропитанные до мозга костей религіозною нетерпимостью польскіе помѣщики, сохранившіе и во второй половинѣ XIX вѣка преданія Рѣчи Посполитой, которыя были источникомъ ея внутреннихъ смутъ и ея паденія, паны бывшіе до послѣдней минуты злѣйшими врагами православія и его представителей. Атака, поведенная такимъ образомъ на почвѣ религіозной терпимости, куріозпѣй донъ-кихотовской атаки на вѣтряную мельницу. Агитаторы, повидимому, забывали что довѣріе и привязанность пріобрѣтаются не клочками бумаги наполненными въ минуту опасности сладкими рѣчами, а всѣмъ складомъ прежней жизни.

Съ открытіемъ вооруженнаго возстанія, виленскія революціонныя власти сдѣлали послѣднюю попытку для привлеченія православнаго духовенства на сторону мятежниковъ. Помѣщаемъ въ переводѣ съ польскаго куріозный документъ, въ которомъ польщизна Сѣверо-Западнаго края толкуетъ

подъ заглавіемъ *Русское чтеніе*. Казалось бы, что въ настоящее время подобное чтеніе для крестьянина нужно не менѣе чѣмъ въ 1862 году, въ особенности когда народныя школы уже подготовили грамотныхъ, а для чтенія ихъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ нѣтъ ни одного повременнаго изданія.

православному духовенству о прирожденной польскому правительству вѣротерпимости:

„Правительство народное.

„Отдѣлъ управляющій литовскими губерніями.

„Духовенство православнаго исповѣданія!

„Свобода совѣсти была искони свойственна польскому правительству и его законодательству, сроднилась съ народными нравами. Польша не дѣлала никакого различія между своими сынами, поселенными на одной землѣ: она всѣхъ осѣняла своею любовью, всѣмъ покровительствовала.

„Нынѣ, когда возсоединеніе Литвы и Руси къ Царству Польскому неминуемо, наканунѣ освобожденія нашего отечества, народное правительство гарантируетъ всѣмъ исповѣданіямъ равенство и свободу предъ закономъ.

„Духовенство православное! Борьба съ нашздомъ не есть борьба религіозная, но борьба за свободу, война народная. Предки ваши были всегда вѣрными сынами Польши, и храбрѣйшій витязь, побѣдитель Москвы, князь Константинъ Острожскій, исповѣдывалъ тоже вашу вѣру. Польша поэтому не дѣлаетъ никакого въ отношеніи васъ исключенія, напротивъ, именемъ Польши, народное правительство гарантируетъ вамъ и свободу совѣсти, и покровительство, и вашу собственность.

„Между тѣмъ, къ сожалѣнію, нѣкоторые (?) изъ васъ, устрашась насилій московскаго правительства, либо же прельстясь милостями поработителей, отреклись отъ своего отечества и подняли противъ него знамя бунта. Отцеубійцы!! Но Польша возраждающаяся, Польша счастливая, Польша могучая мужествомъ своихъ сыновъ, прощаетъ васъ. Въ минуту Божіей милости надъ польскимъ народомъ, всѣ содѣянныя преступленія предаются забвенію.

„Однакоже, воля и власть народа, милующая заблудшихъ, держитъ въ своихъ рукахъ мечъ правосудія дабы карать измѣнниковъ и упорствующихъ въ своихъ заблужденіяхъ. Поэтому народное правительство объявляетъ что оно слѣдитъ внимательно за поступками и дѣйствіями тѣхъ духовныхъ лицъ православнаго исповѣданія которыя по настоящее время не благопріятствовали *народнымъ* интересамъ, поэтому если который-нибудь изъ васъ остался попрежнему слѣпымъ и презрѣннымъ орудіемъ Москвы, если кто изъ васъ продолжаетъ распространять между народомъ нелѣпые и лживые слухи о преднамѣреніяхъ народнаго правительства, вооружать брата на брата, возбуждая народную войну, тотъ будетъ казненъ яко преступникъ, по всей строгости законовъ оскорбленнаго его отступничествомъ и измѣною отечества.

„Духовенство православнаго исповѣданія! Вразумляйте

заблудшихъ прихожанъ вашихъ, обратите ихъ на путь прямыхъ обязанностей, дабы позоръ измѣны и неизбѣжная за то казнь не обрушились на ваши головы, дабы всѣ вмѣстѣ устремились къ одной цѣли, шли съ нами однимъ путемъ къ освобожденію и возрожденію нашего отечества."

Мѣсто печати.

Вильно, 15-го апрѣля 1863 г.

Что̀ касается до тайныхъ обществъ въ краѣ, устроенныхъ для пропаганды, для управленія ходомъ агитаціи и для сбора денежныхъ средствъ на возстаніе, то, къ сожалѣнію, свѣдѣнія по этой части, сколько намъ извѣстно, весьма скудны. Волненія западныхъ губерній видимо руководились рукою опытною въ дѣлѣ мятежа; въ силу mot d'ordre, летѣвшаго неизвѣстно откуда, различныя фазы агитаціи замѣчались одновременно и въ Вильнѣ, и въ Минскѣ, и въ Могилевѣ; съ марта 1861 года вплоть до вооруженнаго мятежа, въ каждый праздникъ собирались въ костелахъ болѣе или менѣе крупныя суммы и куда-то направлялись; но все вліятельное въ краѣ носило предъ властями маску благонамѣренныхъ консерваторовъ и указывало на агитацію какъ на ребяческія шалости мальчишекъ и сумасбродство босоногой шляхты. Позднѣе графъ Муравьевъ началъ сдергивать маску съ благонамѣренныхъ пановъ. Въ концѣ 1863 и въ началѣ 1864 года онъ занялся подробнымъ разслѣдованіемъ такъ-называемыхъ революціонныхъ организацій въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края. Эти организаціи сформировались окончательно предъ вооруженнымъ мятежомъ, въ теченіи 1862 года, и поглотили тайныя мелкія общества, которыя до того времени дѣйствовали въ краѣ и о коихъ имѣются лишь смутныя указанія. Въ 1864 раскрытіе этихъ обществъ, по давности, представляло уже затрудненія неодолимыя. Есть конечно свѣдѣнія о виленскомъ обществѣ Піонтковичей (отъ польскаго слова Піонтекъ—Пятница), съ вѣтвью въ Ошмянахъ, о свенцянскомъ обществѣ, дѣйствовавшемъ преимущественно съ цѣлью анти-правительственной пропаганды между крестьянами, о сельскихъ съѣздахъ близъ Горокъ; но по организаціи этихъ обществъ, составленныхъ изъ помѣщиковъ и студентовъ и почти неизвѣстной, легкомысленно было бы дѣлать какія-нибудь общіе выводы для цѣлаго края.

Но если общества и остались въ неизвѣстности, то сила ихъ почувствована въ краѣ и администраціей, и русскимъ

населеніемъ. Когда сформировалась организація, польщизна, благодаря обществамъ, была уже готовою идти куда ее поведутъ: однихъ побуждалъ патріотизмъ, другихъ — терроръ. Терроръ созданный революціонными обществами росъ со дня на день, по мѣрѣ приближенія возстанія, и доведенъ былъ, если и не до того какъ въ Варшавѣ, то до степени къ этому довольно близкой: никто изъ Поляковъ не имѣлъ, напримѣръ, права отказываться отъ должности которую ему поручали. На шестой недѣли Великаго Поста, въ 1863 году, въ Вильнѣ, въ гостинницѣ Нитковскаго, Сѣраковскій, въ званіи литовскаго воеводы, собралъ военный совѣтъ, на которомъ, между прочимъ, раздавалъ номинаціи на военныя должности въ уѣзды. Когда при этомъ одинъ отставной офицеръ, мѣстный помѣщикъ О., заикнулся было объ отказѣ, Сѣраковскій, указывая ему на шестиствольный револьверъ, сказалъ: „Это видишь? не захочешь принять добровольно—заставимъ насильно; донесешь—убьемъ. Тутъ нѣтъ отговорокъ въ дѣлѣ патріотизма. Всякій способный человѣкъ обязанъ принять участіе. Возстаніе всей Литвы — дѣло рѣшенное, и ты долженъ принять на себя ту должность какую даютъ.“ О. принялъ, какъ сознавался потомъ на слѣдствіи.

Мы указали на чисто исполнительную, безсознательную роль мѣстной учащейся молодежи въ дѣлѣ распространенія воззваній; что же касается до тайныхъ обществъ, то надо полагать, молодежь не допускалась до непосредственнаго въ нихъ участія: по крайней мѣрѣ въ организаціи, сливкахъ прежнихъ тайныхъ обществъ, ни разу не упоминается, сколько намъ извѣстно, о гимназистахъ. Но если патріоты устранили отъ революціоннаго управленія краемъ гимназистовъ, они совсѣмъ иначе отнеслись къ университетскимъ студентамъ, которыхъ признавали достаточно зрѣлыми чтобы поручить имъ нѣкоторыя вліятельныя должности въ организаціяхъ.

Мы уже указывали выше что студенты, несмотря на противодѣйствіе со стороны администраціи, постоянно были въ значительномъ числѣ въ городахъ Сѣверо-Западнаго края, въ особенности же со времени открытія движенія по Петербурго-Варшавской дорогѣ. Принимая на родинѣ дѣятельное участіе въ патріотической агитаціи, польская молодежь встрѣчала въ ту пору сочувствіе со стороны нѣкоторыхъ своихъ русскихъ товарищей, которые, конечно, и не подозрѣвали всей сути польскаго дѣла. Сочувствіе это было до того

сильно, что на извѣстной польской демонстраціи въ петербургскомъ костелѣ, гдѣ служилась панихида по *пяти жертвамъ*, въ церкви находилось значительное число русскихъ офицеровъ и студентовъ. Чѣмъ же отплатила имъ польская молодежь за такое сочувствіе? Отвѣтомъ на это служитъ печатаемый нами въ переводѣ поучительный документъ, заключающій въ себѣ письмо варшавскихъ студентовъ къ своимъ русскимъ товарищамъ. Письмо это было въ 1862 году распространено въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ, на вразумленіе польщизны, заподозрившей, со слуховъ о тогдашнихъ студентскихъ исторіяхъ въ университетахъ, будто Поляки-студенты вошли *въ дружбу* съ Русскими.

„Товарищи!

„Сочувствіе къ намъ, оказанное вами недавно участіемъ вашимъ въ народномъ торжествѣ посвященномъ поминовенію послѣднихъ мучениковъ нашей независимости, и искренно выраженная вами симпатія къ освобожденію нашего отечества, а не другія побужденія породили это чувство: кто сочувствуетъ Польшѣ, оплакиваетъ ея жертвы и оказываетъ готовность служить ея дѣлу, тотъ всегда будетъ привѣтствуемъ нами съ искреннимъ сердцемъ и братскими объятіями. Несмотря однакоже на эту симпатію къ *русской молодежи, жаждущей независимости* Польши, мы должны смѣло сознаться, что *причины нашей розни слишкомъ глубоко вкоренились въ души наши, слишкомъ тѣсно связаны съ нашими преданіями и различіемъ нашихъ относительныхъ положеній*, чтобы могли быть устранены однимъ заявленіемъ вашего къ намъ сочувствія. Мы знаемъ что для того чтобъ оцѣнить ихъ (эти преграды) непремѣнно нужно быть Полякомъ, и потому отнюдь не удивляемся тому что вы ищете войти съ нами въ ближайшія соотношенія, вѣря намъ что наше отчужденіе отъ васъ никакъ не происходитъ отъ недовѣрія къ вашей искренности; мы, напротивъ того, убѣждены что юная Россія, которой вы являетесь представителями, жаждетъ стереть пятно позора оставленное старою Россіей на страницахъ своей исторіи; не сомнѣваемся, что потоки крови, текущіе въ Польшѣ подъ ударами палокъ, преслѣдуютъ и тяготятъ каждаго благороднаго Россіянина, вѣримъ вполнѣ искренности чувствъ вашихъ къ намъ. Причина недоразумѣній между нами происходитъ не отъ насъ, а отъ васъ самихъ; то что у насъ вызвано крайностію и любовью къ отечеству, то вы называете фанатизмомъ и презрѣніемъ. Вы насъ потому не понимаете, что не можете оцѣнить значенія которое имѣетъ въ нашихъ глазахъ Польша, обагренная въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ кровію столькихъ нашихъ собратій.

Вы не перестрадали вмѣстѣ съ нами всѣ мученичества нашей родины; вы не разумѣете насъ, потому что не можете ощущать того рода любви къ отечеству какъ мы, потому что Россія не принесла въ жертву на алтарь свободы и независимости столькихъ героевъ какъ мы; память ея не насчитаетъ столько священныхъ жертвъ; у ней нѣтъ такого славнаго историческаго прошедшаго. Вы не разумѣете насъ, потому что не знаете *что такое угнетенія народности*, не испытали тѣхъ мученій которыя вынужденъ перенесть человѣкъ, когда у него похитятъ драгоцѣннѣйшія сокровища отечественной жизни, когда дѣтямъ запретятъ говорить роднымъ языкомъ, юношу преслѣдуютъ за народную пѣсню, когда, наконецъ, взрослаго мужа отсылаютъ узникомъ въ сибирскіе льды за то что онъ исполнилъ самый священный долгъ: трудился надъ освобожденіемъ края. Вы не испытали того чувства которое возмущаетъ душу человѣка когда безсовѣстно клевещутъ на исторію его народа, а онъ не можетъ обратить заблудившихся на путь мира и единенія. Вы знакомы только съ оковами свободы, но не знаете кандаловъ народности. Между нашею и вашею неволей страшная разница, а потому должны быть различны и наши цѣли, и наши надежды на будущее. *Вы прежде всего либералы, мы—Поляки.* Вы стремитесь снискать, завоевать свободу; мы стараемся только возстановить ее, добившись снова независимости, потому что для Поляка эти два понятія нераздѣльны.

„Но еще болѣе чѣмъ наше настоящее положеніе, раздвояютъ насъ *наши народныя преданія*. Вѣкъ настоящій есть и долженъ быть дѣтищемъ вѣка истекшаго. И мы, и вы, противъ воли нашей, носимъ на себѣ клейма характеристическія, запечатлѣнныя временемъ на исторіи нашихъ народовъ, а извѣстно какъ различны были пути наши. Наконецъ, товарищи, развѣ вы не поймете чувства руководящаго нами, которое со всею искренностію вамъ высказываемъ? Развѣ вы не понимаете что Польша, претерпѣвшая столько отъ Россіи, Польша, стенящая до сихъ поръ подъ русскимъ кнутомъ, Польша, у которой погибло столько сыновъ отъ русскихъ пуль и штыковъ, Польша, которую Россія лишила цвѣта ея населенія и народнаго образованія, словомъ, Польша, всѣ бѣдствія которой проистекаютъ отъ Россіи, *должна была выработать въ себѣ извѣстнаго рода ненависть, которой и мы, хотя ваши искренніе друзья, даже въ отношеніи къ вамъ противиться не въ состояніи.* Мы не смѣшиваемъ васъ съ вашимъ правительствомъ; мы знаемъ что это правительство настолько же врагъ вашъ какъ и нашъ. Но правительство, угнетающее васъ, все-таки русское правительство: правительство народа котораго вы члены, правительство, за дѣйствія котораго отвѣчаетъ цѣлый народъ предъ судомъ исторіи. Развѣ вы не понимаете, что и это обстоятельство отда-

ляетъ васъ отъ насъ? Неужели вы не оправдываете насъ въ томъ, что мы *переносимъ на васъ, вопреки волѣ нашей, частицу того чувства которое питаемъ къ вашимъ утѣснителямъ?* Итакъ, различіе нашего обоюднаго положенія, различіе преданій и легко понимаемое предубѣжденіе, таящееся противъ васъ въ сердцахъ нашихъ, вотъ главныя причины, раздѣляющія насъ лично. Есть еще другіе общіе поводы, которые тѣмъ болѣе должны удержать насъ отъ всякаго союза съ вами. Главная причина заключается въ неизбѣжности протестовать предъ вами, предъ вашимъ правительствомъ, предъ цѣлымъ свѣтомъ и, наконецъ, предъ нашею собственною совѣстію, что Поляки не отреклись отъ своего отечества, что они и на чужбинѣ, посреди чуждыхъ имъ людей и чуждыхъ вліяній, всюду преслѣдуемые и нигдѣ не поддержанные, остались, однакоже, Поляками и сильно обозначали свою народную индивидуальность. *Мы не можемъ иначе заявить этотъ протестъ какъ дѣйствуя отдѣльно* и стараясь это отчужденіе выдвигать впередъ на каждомъ шагу, въ каждомъ словѣ и въ каждомъ поступкѣ. Польша, утративъ свое независимое существованіе, завѣщала всѣмъ своимъ поколѣніямъ, рожденнымъ въ неволѣ, обязанность этого сильнаго протеста противъ убійства совершеннаго надъ ея народною личностію. Лишенная своей собирательной индивидуальности, Польша завѣщала сохраненіе этой индивидуальности отдѣльно каждому Поляку и тѣмъ болѣе каждому обществу. Каждая индивидуальность, какъ личная такъ и собирательная, основывается на обособленіи, и потому мы хотимъ сохранить нашу индивидуальность рѣшительнымъ отчужденіемъ, хотимъ показать свѣту, что если Польша и не можетъ сама требовать правъ своихъ, то мы ихъ еще не забываемъ. Не требуйте же отъ насъ, товарищи, преступнаго сопротивленія нашимъ обязанностямъ противъ отечества, не домогайтесь ни одиночнаго, а тѣмъ болѣе купнаго нашего съ вами соединенія. Вѣрьте, повторяемъ мы вамъ, что не *презрѣніе*, не ненависть, а только *истинная любовь къ родинѣ вынуждаетъ у насъ это отрѣшеніе.* Товарищи! Если вы искренно жаждете нашей независимости, то вы должны поддерживать этотъ нашъ протестъ и не воздвигать ему препятствій. Вотъ главныя причины нашей разрозненности; вы видите изъ этого что не ребяческая гордость, не презрѣніе или ненависть разлучаютъ насъ съ вами; видите что причины наши имѣютъ болѣе глубокое значеніе. Мы надѣемся что вы войдете въ наше положеніе, и что это обстоятельство не угаситъ въ вашихъ сердцахъ того сочувствія къ независимости Польши, которое вы только-что доказали и за которое Польша, нашими устами, выражаетъ вамъ свою признательность."

Съ наступленіемъ отрезвляющихъ 1863—1864 годовъ, многимъ изъ русскихъ молодыхъ людей, за два года предъ тѣмъ

сочувствовавшимъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, либеральнымъ стремленіямъ своихъ польскихъ сверстниковъ, пришлось очутиться на службѣ въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ и ознакомиться на мѣстѣ съ пресловутымъ патріотизмомъ шляхтичей, такъ усердно ратовавшихъ на ученической скамьѣ за свободу и равенство и подталкивавшихъ своихъ товарищей на столкновенія съ властями. Не много нужно было русскимъ молодымъ людямъ пожить въ краѣ чтобъ убѣдиться что Полякъ, ратуя за свою свободу, разумѣетъ подъ нею право безнаказанно угнетать и истреблять русскую народность и гнуть хлопа въ бараній рогъ, что говоря о равенствѣ онъ думаетъ исключительно о шляхтѣ и что, наконецъ, польское дѣло, въ основѣ котораго лежатъ лишь обманъ и чужія ошибки, можетъ возбуждать сочувствіе развѣ въ томъ кто не въ состояніи обратить вниманія на оборотную сторону медали. Дивиться ли, что послѣ такихъ уроковъ вчерашніе безсознательные друзья шляхтичей обратились нынѣ въ сознательныхъ враговъ польскаго господства на русской почвѣ?

С. РАЙКОВСКІЙ.

(Продолженіе будетъ.)

ПЛОДОМАСОВСКІЕ КАРЛИКИ

КАРТИНЫ СТАРО-РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Воспоминаній череда,
Протедшей жизни отраженья.

I.

У старогородскаго городничаго Порохонцева былъ именинный пирогъ, и по этому случаю были гости: два купца изъ богатыхъ, чиновники и изъ духовенства: сѣдой протоіерей Савелій Туберозовъ, маленькій, кроткій паче всѣхъ человѣкъ отецъ Бенефисовъ и непомѣрный дьяконъ Ахилла. Всѣ, и хозяева и гости, сидѣли, ѣли, пили и потомъ, отпавъ отъ стола, зажужжали. Въ залѣ стоялъ шумный говоръ и ходили густыя облака табачнаго дыма. Въ это время хозяинъ случайно глянулъ въ окно и воскликнулъ:

— Оля! смотри, мой дружокъ, тебѣ Богъ посылаетъ еще какихъ-то новыхъ гостей!

Такое восклицаніе вызвало всеобщее любопытство: всѣ кто былъ въ комнатѣ встали съ мѣстъ, подошли къ окнамъ и остановились, вперя взоры вдаль, на крутой спускъ, по которому осторожно сползаетъ, словно трехглавый змѣй, могучая рослая тройка большихъ мѣдно-красныхъ коней. Коренникъ мнется и тычетъ ногами какъ старый генералъ подходящій чтобы кого-то распечь: онъ то скуситъ губу налѣво, то скуситъ направо, то встряхнетъ головой, и опять тычетъ и тычетъ; пристяжныя вьются и сжимаются какъ спутанныя; малиновый колокольчикъ тлепнетъ колечкомъ въ край и снова прилипъ и молчитъ; бубенчики глухо рокочутъ, но безъ

всякаго звона. Но вотъ этотъ трехглавый змѣй сползъ, показались хребты коней, махнулъ въ воздухѣ хвостъ пристяжной изъ-подъ вѣтра; тройка выровнялась и понеслась по мосту. Показались золоченая дуга съ травленою распиской и большія, бронзой кованыя, троечныя дрожки гитарой. На дрожкахъ рядкомъ, какъ сидятъ на козеткахъ, сидѣли два маленькія существа: одно мужское и одно женское; мущина былъ въ темнозеленой камлотовой шинели и въ большомъ картузѣ изъ плапнаго волокнистаго плюша, а женщина въ масаковомъ гроденаплевомъ салопѣ съ лиловымъ бархатнымъ воротничкомъ и въ чепчикѣ съ коричневыми лентами.

— Боже, да это плодомасовскіе карлики!

— Не можетъ быть!

— Смотрите сами!

— Точно, точно!

— Да какъ же: вонъ Николай-то Аѳанасьичъ, видите, увидѣлъ насъ и кланяется; а вонъ и Марья Аѳанасьевна киваетъ.

Такіе возгласы раздались со всѣхъ сторонъ при видѣ карликовъ, и всѣ словно не вѣсть чему обрадовались ихъ пріѣзду. Хозяева захлопотали, возобновляя для новыхъ гостей завтракъ, а прежніе гости внимательно смотрѣли на двери, въ которыя должны были показаться маленькіе люди. И они наконецъ показались. Впереди шелъ старичокъ ростомъ съ небольшаго восьмилѣтняго мальчика, за нимъ старушка немного побольше. Старичокъ былъ весь чистота и благообразіе: на лицѣ его не было ни желтыхъ пятенъ, ни морщинъ, обыкновенно портящихъ лица карликовъ; у него была очень пропорціональная фигура, круглая какъ шаръ головка, покрытая совершенно бѣлыми, коротко остриженными волосами, и небольшіе коричневые медвѣжьи глазки. Карлица была лишена пріятности брата: она была одутловата, у нея былъ глуповатый, чувственный ротъ и тупые глаза.

На карликѣ Николаѣ Аѳанасьевичѣ, несмотря на жаркое лѣто, были надѣты теплые плисовые сапожки, черные панталоны изъ лохматой байки, желтоватый фланелевый жилетъ и коричневый фракъ съ металлическими пуговицами. Бѣлье его было безукоризненной чистоты, и щеки его туго поддерживалъ высокій атласный галстукъ. Карлица была въ шелковомъ зеленомъ капотѣ и большомъ воротничкѣ.

Николай Аѳанасьевичъ, войдя въ комнату, вытянулъ ручки по швамъ, потомъ приподнесъ правую руку съ картузомъ къ сердцу, шаркнулъ ножкой объ ножку, и направясь въ развалецъ прямо къ именинницѣ, проговорилъ тихимъ и ровнымъ старческимъ голоскомъ:

— Господинъ нашъ Никита Алексѣичъ Плодомасовъ и господинъ Парменъ Семенычъ Тугановъ отъ себя и отъ супруги своей изволили приказать намъ, ихъ слугамъ, принести вамъ, сударыня Ольга Арсентьевна, ихъ поздравленіе. Сестрица, повторите! отнесся онъ къ стоявшей возлѣ него сестрѣ, и когда та кончила свое поздравленіе, Николай Аѳанасьевичъ шаркнулъ городничему и продолжалъ: — А васъ, сударь Воинъ Васильичъ, и всю честную компанію, съ дорогою именинницей. И затѣмъ, сударь, имѣю честь доложить, что приславъ насъ съ сестрицей для принесенія вамъ ихъ поздравленія, и господинъ мой, и Парменъ Семеновичъ Тугановъ просятъ извиненія за наше холопье посольство, но сами теперь въ своихъ минутахъ не вольны и принесутъ вамъ въ томъ извиненіе сегодня вечеромъ.

— Парменъ Семенычъ будетъ здѣсь! воскликнулъ городничій.

— Вмѣстѣ съ господиномъ моимъ Никитою Алексѣичемъ Плодомасовымъ, проѣздомъ въ Петербургъ; просятъ простить что заѣдутъ къ вамъ въ дорожномъ положеніи.

Въ обществѣ началась суета, пользуясь которою карликъ подошелъ подъ благословеніе къ большому протопопу Туберозову и тихо проговорилъ:

— Парменъ Семенычъ просили васъ быть вечеромъ сюда.

— Скажи, голубчикъ, буду, отвѣчалъ Туберозовъ.

Карликъ взялъ благословеніе у Захаріи, потомъ протянулъ ручку Ахиллѣ, и улыбнувшись, проговорилъ:

— Только сдѣлайте милость, сударь отецъ дьяконъ, силы не пробуйте.

— А что, Николай Аѳанасьичъ, развѣ онъ того.... здоровъ? пошутилъ съ карликомъ хозяинъ.

— Силу пробовать любятъ-съ, отвѣчалъ старичокъ.—Есть надъ кѣмъ? надъ калѣчкой силиться!

— А что ваше здоровье, Николай Аѳанасьичъ? пытали его дамы, окружая со всѣхъ сторонъ и пожимая его ручонки.

— Какое, государыни мои, здоровье! Смѣхъ отвѣчать: точно поросенокъ сталъ: Петровки на дворѣ, а я все зябну.

— Зябнете!

— Да какъ-же-съ: вотъ, какъ кроликъ, весь въ мѣшокъ, весь въ заячій зашитъ. Да и чему дивиться, государи мои, восьмой десятокъ лѣтъ ужь совершилъ, не нужный человѣкъ.

Николая Аѳанасьевича на перебой засыпали вопросами о различныхъ предметахъ, усаживали, подчивали всѣмъ; онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы умно и находчиво, но отказывался отъ всѣхъ угощеній, говоря что давно уже ѣстъ мало и то однажды въ сутки.

— Вотъ сестрица, онѣ покушаютъ, проговорилъ онъ и тотчасъ же, обратясь къ сестрѣ, добавилъ:—садитесь, сестрица, кушайте! Когда просятъ хозяева, чего церемониться? Вы, можетъ-быть, безъ меня не хотите, такъ позвольте мнѣ, сударыня Ольга Арсентьевна, морковной начиночки изъ пирожка на блюдце.... Вотъ такъ, довольно-съ, довольно! Теперь, сестрица, кушайте, а съ меня довольно. Меня нынче, государи мои, и кормить-то ужь не за что, китянаго чулка и того вязать не умѣю. Лучше гораздо сестрицы вязалъ когда-то, а нынче стану вязать, все петли спускаю.

— А бывало, Никола, ты славно вязалъ! отозвался Туберозовъ, весь оживившійся и повеселѣвшій съ прибытіемъ карлика.

— Ахъ, отецъ Савелій государь! Время, государь, время!— Карликъ улыбнулся и договорилъ шутя: — Строгости надо мной, государь, не стало; избаловался послѣ смерти моей благодѣтельницы. Что? хлѣбъ-соль готовые, кровъ теплый— поѣлъ казакъ да на бокъ, съ того казакъ и гладокъ.

Протопопъ Туберозовъ посмотрѣлъ въ глаза карлику съ счастливою улыбкой и сказалъ:

— Вижу я тебя, Никола, словно милую сказку старую передъ собою вижу, съ которою умереть бы хотѣлось.

— А она, батушка (онъ говорилъ *у* вмѣсто *ю*), она, сказка-то добрая, прежде насъ померла.

— А забываешь, Николушка, про госпожу-то свою? Про боярыню-то свою Марѳу Андревну, забываешь? проговорилъ, юля около карлика, дьяконъ Ахилла, котораго Николай Аѳанасьевичъ не то чтобы не любилъ, а какъ бы опасался и остерегался.

— Забывать, сударь отецъ дьяконъ, старъ, самъ къ ней,

къ утѣшительницѣ моей, служить на томъ свѣтѣ собираюсь, отвѣчалъ карликъ очень тихо и не спѣшно, и съ легкимъ только полуоборотомъ въ сторону Ахиллы.

— Утѣшительная, говорятъ, была старуха, отнесся безразлично ко всему собранію дьяконъ.

— Ты это въ какомъ же смыслѣ берешь ея утѣшительность? спросилъ Туберозовъ.

— Забавная!

Протопопъ улыбнулся и махнулъ рукой, а Николай Ѳанасьевичъ поправилъ Ахиллу, твердо сказавъ ему:

— Утѣшительница, сударь, *утѣшительница*, а не забавница.

— Что ты ему внушаешь, Никола! ты лучше разкажи какъ она тебя ожесточила-то, какъ откупъ-то сдѣлала, посовѣтывалъ протопопъ.

— Что, отецъ протопопъ, старое это, сударь.

— Наизмѣнѣе это у него выходитъ, когда онъ разказываетъ какъ онъ ожесточился, обратился Туберозовъ къ присутствующимъ.

— А ужь такъ, батюшка, она, госпожа моя, умѣла человѣка и ожесточить, и утѣшить. И ожесточала, и утѣшала, какъ развѣ только одинъ ангелъ Господень можетъ утѣшить,—сейчасъ же отозвался карликъ. Въ сокровенная души, бывало, человѣка провникнетъ, и утѣшитъ, и мановеніемъ своимъ вся благая для него и совершитъ.

— А ты въ самомъ дѣлѣ разкажи, какъ это ты ожесточенъ былъ.

— Да разкажи, Николаша, разкажи!

— Что жь, милостивые государи, смѣетесь ли вы, или не смѣетесь, а вправду интересуетесь объ этомъ слышать, но если вся компанія желаетъ, ослушаться не смѣю, разкажу.

— Пожалуста, Николай Ѳанасьичъ, разказывай.

— Разкажу, отвѣчалъ улыбнувшись карликъ;—разкажу, потому что повѣсть эта даже и пріятная.

Съ этими словами карликъ началъ:

„Это всего было черезъ годъ какъ они меня у прежнихъ господъ купили. Я прожилъ этотъ годокъ въ грусти, потому былъ отторгнутъ, знаете, отъ фамиліи. Разумѣется, виду этого что грущу я не подавалъ, чтобы какъ помѣщицѣ о томъ не донесли, или бы сами онѣ не замѣтили, но только все это

было втунѣ, потому что покойница все это провидѣла. Стали приближаться мои именины, она и изволитъ говорить:

„— Какой же, говоритъ,—я тебѣ, Николай, подарокъ подарю?

„— Матушка, говорю,—какой мнѣ еще, глупцу, подарокъ? Я и такъ всѣмъ свыше главы моей доволенъ.

„— Нѣтъ, изволятъ говорить,—я думаю тебя хоть рублемъ одарить.

„Что́жь, я отказываться не посмѣлъ, поцѣловалъ ея ручку, говорю: „много, говорю, вашей милостью взысканъ“, и сѣлъ опять чулокъ вязать. Я еще тогда хорошо глазами видѣлъ, и что Марѳа Андревна, что я, заравно такіе самые нитяные чулки на господина моего Алексѣя Никитича въ гвардію вязалъ. Вяжу, сударь, такъ-то и въ этотъ часъ чулокъ, да и заплакалъ. Богъ знаетъ отчего заплакалъ, такъ, знаете, вспомнилось что-то про родныхъ, передъ днемъ ангела и заплакалъ. А Марѳа Андревна видятъ это, потому что я напротивъ ихъ кресла на скамеечкѣ всегда вязалъ, и спрашиваютъ:

„— Чего жь ты это, изволятъ говорить,—Николаша плачетъ?

„— Такъ, отвѣчаю,—матушка, что-то слезы такъ.... да и, знаете, что́ имъ доложить-то, отчего плачу, и не знаю.

„Всталъ, ручку ихъ поцѣловалъ, да и опять сѣлъ на свою скамеечку.

„— Не извольте, говорю,—сударыня, обращать взоровъ вашихъ на эту слабость, это я такъ, сдуру, эти мои слезы пролилъ.

„И опять сидимъ да работаемъ; и я чулокъ вяжу, и онѣ чулочекъ вязать изволятъ. Только вдругъ онѣ этакъ повязали, повязали и изволятъ спрашивать:

„— А куда жь ты, Николай, рубль тотъ дѣнешь что́ я тебѣ завтра подарить хочу?

„— Тятенькѣ, говорю,—сударыня, своему приварной оказіи отправлю.

„— А если, говорятъ,—я тебѣ два подарю?

„— Другой, докладываю,—маменькѣ пошлю.

„— А если три?

„— Братцу, говорю,—Ивану Аѳанасьевичу.

„Онѣ покачали головкой да и изволятъ говорить:

„— Много же какъ тебѣ, братецъ, денегъ-то надо, чтобы всѣхъ одѣлить! Это ты такой маленькій этого и вѣкъ не заслужишь.

„— Господу, говорю,—было угодно такимъ создать меня, да

разумно, ну а я, глупецъ, все и тутъ, самъ не знаю чего, рѣкой разливаюсь плачу. Но все же однако я, милостивые государи, до сихъ поръ хоть и плакалъ, но шелъ благопристойно за госпожой; но тутъ, батюшка, у крыльца господскаго, вдругъ смотрю, вижу, стоятъ три подводы, лошади запряжены разгонныя господскія Маѳы Андревны, а братцевы двѣ лошаденки сзади прицѣплены, и на телѣгахъ, вижу, весь багажъ моихъ родителей и братца. Я, батюшка, этимъ смутился и не знаю что думать, что это значитъ? Маѳа Андревна до сего времени, идучи съ отцомъ Алексѣемъ, все о покосахъ изволили разговаривать и вниманія на меня будто не обращали, а тутъ вдругъ ступили ножками на крыльцо, оборачиваются ко мнѣ, и изволятъ говорить такое слово: „Вотъ тебѣ, слуга „мой отпускная: пусти своихъ стариковъ и брата съ дѣтьми „на волю", и... и... бумагу-то эту... отпускную-то... за жилетъ мнѣ и положили.... Ну, ужь этого я не перенесъ.... (Николай Аѳанасьевичъ приподнялъ руки вровень съ своимъ лицомъ и заговорилъ:) „Ты, говорю ей, въ своемъ безуміи, жестокая, го„ворю, жестокая! За что, говорю, ты хочешь меня раздавить „своей благостью!" и тутъ грудь мнѣ перехватило, виски заныли, въ глазахъ по всему свѣту замельками лампады, и я безъ чувствъ упалъ у отцовскихъ возовъ съ тою отпускной."

— Ахъ, старичокъ прелестный! воскликнулъ растроганный дьяконъ Ахилла, хлопнувъ по плечу Николая Аѳанасьевича.

— Да-съ, продолжалъ, вытеревъ себѣ ротикъ, карликъ.—А пришелъ-то я въ себя ужь черезъ девять дней, потому что горячка у меня сдѣлалась. Осматриваюсь и вижу, госпожа сидятъ у моего изголовья и говорятъ: „охъ, прости ты меня „Христа-ради, Николаша: чуть я тебя, сумашедшая не „убила!" Такъ вотъ-съ она какой великанъ-то была, госпожа Плодомасова.

— Ахъ ты, старичокъ прелестный! опять воскликнулъ дьяконъ Ахилла, схвативъ Николая Аѳанасьевича въ шутку за пуговичку фрака и какъ бы оторвавъ ее.

Карликъ молча попробовалъ эту пуговицу, и удостовѣрясь что она цѣла и на своемъ мѣстѣ, сказалъ:

„Да-съ, да, ничтожный человѣкъ, а заботились обо мнѣ, довѣряли; даже скорби свои иногда открывали, когда въ разлукѣ по Алексѣѣ Никитичѣ скорбѣли. Получатъ, бывало, письмо, сейчасъ, сначала, скоро, скоро пошептомъ его

пробѣжатъ, а потомъ и все вслухъ читаютъ. Онѣ сидятъ читаютъ, а я передъ ними стою, чулокъ вяжу да слушаю. Прочитаемъ, и въ разговоръ сейчасъ вступимъ:

„— Теперь его въ офицеры, бывало скажутъ,—должно-быть скоро произведутъ.

„А я говорю: „ужь по ранжиру, матушка, непремѣнно „произведутъ“.

„— Тогда, разсуждаютъ,—какъ ты думаешь: ему вѣдь больше надо будетъ денегъ посылать?

„— А какъ же, отвѣчаю,—матушка? обойтись безъ того никакъ нельзя, непремѣнно тогда надо больше.

„— То-то, скажутъ, — намъ вѣдь здѣсь деньги все равно и не нужны.

„— Да намъ, молъ, онѣ на что же матушка, нужны!“

Тутъ Николай Аѳанасьевичъ щелкнулъ пальчиками, и привздохнувъ, съ озабоченнѣйшею миной проговорилъ:

„А сестрица Марья Аѳанасьевна въ это время молчатъ, покойница на нихъ за это сейчасъ и разгнѣваются, сейчасъ и начинаютъ деревянностью попрекать: „Деревяшка ты, „скажутъ, деревяшка! [Не даромъ мнѣ тебя за братомъ-то „твоимъ безъ денегъ въ придачу отдали.“

Николай Аѳанасьевичъ вдругъ спохватился, покраснѣлъ, и повернувшись къ своей тупоумной сестрѣ, проговорилъ:

— Вы простите меня, сестрица, что я это разказываю?

— Сказывайте, ничего, сказывайте, отвѣчала, водя языкомъ за щекою, Марья Аѳанасьевна.

„Сестрица, бывало, расплачутся, продолжалъ Николай Аѳанасьевичъ,—а я ее куда-нибудь въ уголокъ или на лѣстницу тихонечко съ глазъ Маѳы Андревны выманю и уговорю: „сестрица! говорю, успокойтесь, пожалѣйте себя; эта немилость къ милости,“ потому что я вѣдь ужь бывало знаю что у нея все къ милости. И точно, горячее да сплывчивое сердце ихъ сейчасъ скоро, бывало, и пройдетъ: „Марья!“ бывало зовутъ черезъ минутку. „Полно, матъ, злиться-то. Чего ты коткой-то ощетинилась? Иди, сядь здѣсь, работай.“

— Вы вѣдь, сестрица, не сердитесь?

— Сказывайте, чтожь мнѣ? Сказывайте, отвѣчала Марья Аѳанасьевна.

„Да-съ; тѣмъ, бывало, и кончено. Сестрица возьмутъ скамеечку, поставятъ у ихъ ножекъ и опять начинаютъ вязать.

Ну, тутъ я ужь, какъ это спокойствіе водворится, сейчасъ подхожу къ Маріѣ Андревнѣ, попрошу у нихъ ручку поцѣловать и скажу: „покорно васъ, матушка, благодаримъ!“ Сейчасъ всѣ даже слезой взволнуются.

„— Ты у меня, говорятъ, Николай, нѣжный. — Отчего это только, я понять не могу, она у насъ такая деревянная? скажутъ опять на сестрицу. А я, продолжалъ Николай Аѳанасьевичъ улыбнувшись,—я эту рѣчь ихъ сейчасъ, какъ секретарь, подъ сукно, подъ сукно. „Сестрица! шепчу, сестрица, просите скорѣй ручку поцѣловать!“

„Марѳа Андревна услышатъ, сейчасъ и конецъ. „Сиди „ужь, мать моя, скажутъ сестрицѣ, не надо мнѣ твоихъ по„цѣлуевъ,“ и пойдемъ колтыхать спицами въ трое рукъ. Только и слышно что спицы эти три-ти-ти-ти-три-ти-ти, да мушка ж-ж-жу-ж-жу-ж-жу пролетитъ. Вотъ въ такой тишинѣ невозмутимой, милостивый государь, въ селѣ Плодомасовѣ жили, и такъ пятьдесятъ пять лѣтъ вмѣстѣ прожили.

II.

— Ну, а васъ же самихъ съ сестрицей на волю Марѳа Андревна не отпустила? спросилъ судья Дарьяновъ карлика, когда тотъ окончилъ свою повѣсть и хотѣлъ встать.

— На волю? Нѣтъ, сударь Валерьянъ Николаичъ, меня не отпускали. Сестрица Марья Аѳанасьевна были приписаны къ родительской отпускной, а меня не отпускали. Онѣ, бывало, изволятъ говорить: „Послѣ смерти моей живи гдѣ хочешь (потому что онѣ на меня капиталъ положили), а пока жива, я тебя на волю не отпущу.“—„Да и на что, говорю, мнѣ, матушка, она, воля? Меня на ней воробьи заклюютъ.“

— Ахъ ты маленькій этакой! воскликнулъ въ умиленіи Ахилла.

— Да конечно-съ заклюютъ, подтвердилъ Николай Аѳанасьевичъ.—Вонъ у насъ дворецкій Глѣбъ Степановичъ, на волю ихъ отпустили, они гостиницу открыли, и занялись виномъ, и теперь по гостиному двору ходятъ да купцамъ съ конфетныхъ билетиковъ стихи читаютъ. Ничего прекраснаго въ этомъ нѣтъ.

— А онъ, вѣдь, Николай-то Аѳанасьевичъ-то, — онъ у нея во всемъ правая рука былъ. Крѣпостной да не рабъ, а больше другъ и наперсникъ, отозвался Туберозовъ, желая возвысить этимъ отзывомъ заслуги Николая Аѳанасьевича и снова наладить разговоръ на желанную тему.

— Служилъ, батюшка, отецъ протоіерей, по разумѣнію своему угождалъ и берегъ ихъ. Въ Москву и въ Питеръ покойница ѣзжали, никогда горничныхъ съ собою не брали. Терпѣть женской прислуги въ дорогѣ не могли. Изволятъ, бывало, говорить: „Все эти Милитрисы Кирбитьевны квахчутъ, да въ гостиницахъ по корридорамъ расхаживаютъ, а Николаша, говорятъ, у меня какъ заяцъ въ углу сидитъ.“ Онѣ вѣдь меня за мущину вовсе не почитали, а все, бывало, заяцъ.— Николай Аѳанасьевичъ разсмѣялся и добавилъ:—Да и взаправду, какой же я ужь мущина, когда на меня, извините, ни сапожковъ и никакого мужскаго платья готоваго нельзя купить,—не придется. Это и точно ихъ слово справедливое было, что я заяцъ.

— Но не совсѣмъ же она тебя всегда считала зайцемъ, когда хотѣла женить, отозвался городничій Порохонцевъ.

— Да, это такое ихъ господское желаніе, батюшка Воинъ Васильевичъ, было, проговорилъ сконфузясь карликъ.—Было, сударь, добавилъ онъ, все понижая голосъ,—было.

— Неужто, Николай Аѳанасьичъ, было? откликнулось разомъ нѣсколько голосовъ.

Николай Аѳанасьевичъ потупилъ стыдливо взоръ себѣ въ колѣни и шепотомъ проронилъ:

— Не могу солгать, дѣйствительно такое дѣло было.

Всѣ кто здѣсь были разомъ пристали къ карлику:

— Голубчикъ, Николай Аѳанасьевичъ, разкажите про это.

— Ахъ, господа, про что тутъ разказывать! отговаривался, краснѣя и отмахиваясь отъ просьбъ руками, Николай Аѳанасьевичъ.

Его просили неотступно, дамы его брали за руки, цѣловали его въ лобъ; онъ ловилъ на лету прикасавшіяся къ нему дамскія руки и цѣловалъ ихъ, но все-таки отказывался отъ разказа, находя его и долгимъ, и незанимательнымъ. Но вотъ что-то вдругъ неожиданно стукнуло объ полъ; именинница, стоявшая въ эту минуту предъ кресломъ карлика, въ испугѣ посторонилась, и глазамъ Николая Аѳанасьевича

представился колѣнопреклоненный, съ воздѣтыми къ верху руками, дьяконъ Ахилла.

— Душечка, душка, душанчикъ, мотая головой выбивалъ Ахилла.

— Что вы? Что вы это, отецъ дьяконъ? заговорилъ, быстро подскочивъ къ дьякону, Николай Аѳанасьевичъ.

Стоя на своихъ ножкахъ, карликъ былъ на вершокъ ниже колѣнопреклоненнаго Ахиллы, который, обнявъ его своими руками, крѣпко цѣловалъ и между поцѣлуями барабанилъ: „Никола.... Николаша.... Николаврa.... если ты.... не разкажешь какъ тебя женить хотѣли.... то ты просто не другъ кесарю!

— Скажу, скажу, все разкажу, только поднимайтесь, отецъ дьяконъ.

Ахилла всталъ, и обмахнувъ съ рясы пыль, самодовольно возгласилъ:

— А то говорятъ: *не разкажетъ*! Съ чего такъ не разкажетъ? Я сказалъ: *выпрошу*, вотъ и выпросилъ. Теперь, господа, опять по мѣстамъ и чтобъ тихо, а вы, хозяйка, велите Николаврѣ стаканъ воды съ червоннымъ виномъ, какъ въ домахъ подаютъ.

Всѣ усѣлись, Николаю Аѳанасьевичу подали стаканъ воды, въ который онъ самъ опустилъ нѣсколько капель краснаго вина, и началъ:

— Это, господа, было вскорѣ послѣ французскаго замиренія, какъ я со въ Бозѣ почившимъ государемъ императоромъ разговаривалъ.

— Вы съ государемъ разговаривали? перебили разкащика нѣсколько голосовъ.

— А какъ бы вы изволили полагать? отвѣчалъ съ тихою улыбкой карликъ.—Съ самимъ императоромъ Александромъ Первымъ, имѣлъ честь отвѣчать ему.

— Ха-ха-ха! Вотъ Богъ меня убей, шельма какая у насъ этотъ Николаврa! взвылъ вдругъ отъ удовольствія дьяконъ Ахилла, и хлопнувъ себя ладонями по бедрамъ, добавилъ:— глядите на него, а онъ, клопштосъ, съ царемъ разговаривалъ

— Сиди, дьяконъ, сиди! спокойно и внушительно произнесъ Туберозовъ.

Ахилла показалъ руками что онъ болѣе ничего не скажетъ, и сѣлъ.

Разказъ начался.

III.

„Это какъ будто отъ разговора моего съ государемъ императоромъ, даже и начало имѣло, спокойно заговорилъ Николай Аѳанасьевичъ. Госпожа моя Марѳа Андревна имѣла желаніе быть въ Москвѣ, когда туда ждали императора послѣ побѣды надъ Наполеономъ. Разумѣется, и я, по ихъ волѣ, при нихъ находился. Онѣ, покойница, тогда уже были въ большихъ лѣтахъ и, по нездоровью своему, были стропотны, гнѣвливы и обидчивы. Молодымъ господамъ въ домѣ у насъ было скучно, и покойница это видѣли и много на это досадовали. Себѣ этого ничего не приписываютъ, а больше всѣхъ на Алексѣя Никитича сердились,—все полагали что не такъ, вѣрно, у нихъ въ домѣ порядокъ устроенъ чтобы всѣмъ весело было и что чрезъ то ихъ всѣ забываютъ. Вотъ Алексѣй Никитичъ и достали маменькѣ приглашеніе на балъ, на который государя ожидали. Марѳа Андревна сейчасъ Алексѣю Никитичу ручку пожаловали и не скрыли отъ меня что это имъ очень большое удовольствіе доставило. Сдѣлали они себѣ нарядъ бездѣнный и мнѣ Французу-портному заказали синій фракъ аглицкаго сукна съ золотыми пуговицами, панталоны — сударыни, простите! — жилетъ, галстукъ, бѣлье; манишку съ кружевными гофреями и серебряныя пряжки на башмаки, сорокъ два рубля заплатили. Алексѣй Никитичъ для маменькинаго удовольствія такъ упросили чтобъ и меня туда можно было взять. Приказано было метръ д'отелю чтобы ввести меня въ оранжерею при домѣ и напротивъ самаго зала куда государь взойдетъ, въ углу поставить.

„Такъ это, милостивые государи, все и исполнилось, но не совсѣмъ. Поставилъ меня, знаете, метръ д'отель въ уголокъ у большаго такого дерева, китайская пальма называется, и сказалъ чтобъ я смотрѣлъ что̀ отсюда увижу. А что̀ оттуда увидать можно? Ничего. Вотъ я, знаете, какъ Захей мытарь, цапъ-царапъ да и взлѣзъ на этакую невысокую скалу, изъ такого, знаете, изъ ноздреватаго камня въ видѣ натуральной сдѣлана. Взлѣзъ я на нее на самый верхъ и стою подъ пальмой. Въ залѣ шумъ, блескъ, музыка и распарады, а я хоть и на скалѣ подъ пальмой стою, а все ничего не вижу

кромѣ какъ головы. Такъ ничего совсѣмъ ужь и видѣть не надѣялся, но только вдругъ-съ всѣ эти головы въ залахъ засуетились, раздвинулись, и государь съ княземъ Голицынымъ прямо и входятъ отъ жары въ оранжерею. И еще то представьте, идетъ не только что въ оранжерею, а даже въ самый тотъ дальній уголъ прохладный, куда меня спрятали. Я такъ, сударыни, и засохъ. На скалѣ-то засохъ и не слѣзу."

— Страшно? спросилъ Туберозовъ.

— Какъ вамъ доложить, отецъ протопопъ: не страшно, но и не нестрашно.

— А я бы убѣгъ, сказалъ не вытерпѣвъ дьяконъ Ахилла.

— Чего же, сударь, бѣжать?

— Чего бѣжать? Да потому что никогда царской фамиліи не видалъ, вотъ испугался бъ и убѣгъ.

„Ну-съ, я не бѣгалъ. Не могу сказать чтобы совсѣмъ ни капли не испугался, но не бѣгалъ. А его величество тѣмъ часомъ все подходятъ да подходятъ; я слышу какъ сапожки на нихъ рипъ, рипъ, рипъ; вижу ужь и ликъ у нихъ этакій тихій, взракъ ласковый, да ужь, знаете, на отчаянность, и думаю и не думаю: какъ и зачѣмъ это я предъ ними на самомъ на виду являюсь? Такъ думъ совершенно никакихъ, а одно мненіе. А государь вдругъ этакъ головку повернули, и вижу, изволили вскинуть на меня свои очи и на мнѣ ихъ и остановили. Я думаю: что же я статуя есть, или человѣкъ? Человѣкъ. Я взялъ да и поклонился своему императору. Они посмотрѣли на меня и изволятъ князю Голицыну говорить по-французски: „Ахъ какой миніатюрный экземпляръ! Чей", любопытствуютъ, „это такой?" Князь Голицынъ, вижу, въ затруднительности какъ ихъ величеству отвѣтить; а я, какъ французскую рѣчь могу понимать, самъ и отвѣчаю:

„— Госпожи Плодомасовой, ваше императорское величество.

„Государь обратился ко мнѣ и изволятъ меня спрашивать:

„— Какой вы націи?

„— Вѣрноподданный, говорю, вашего императорскаго величества.

„— И русскій уроженецъ? изволятъ спрашивать.

„А я опять отвѣчаю:

„— Изъ крестьянъ, говорю, вѣрноподданный вашего императорскаго величества!

„Императоръ и разсмѣялись.

„— Bravo! изволили пошутить:—bravo, mon petit sujet fidèle, и ручкой этакъ меня за голову взяли.“

Николай Аѳанасьевичъ понизилъ голосъ и сквозь тихую улыбку шепотомъ добавилъ:

— Ручкою-то своей, знаете, взяли обняли, а здѣсь.... не примѣтно для нихъ, пуговочкой своего обшлага, носъ-то мнѣ ужасно чувствительно больно придавили.

— А ты же вѣдь ничего.... не закричалъ? спросилъ дьяконъ.

— Нѣтъ-съ, какъ можно! Я-съ, заключилъ Николай Аѳанасьевичъ, — только какъ они выпустили меня, я поцѣловалъ ихъ ручку.... что счастливъ и удостоенъ чести, и только и всего моего разговора съ ихъ величествомъ было. А послѣ, разумѣется, какъ сняли меня изъ-подъ пальмы и повезли въ каретѣ домой, такъ вотъ тутъ ужь все плакалъ.

— Отчего же ты въ каретѣ-то плакалъ? спросилъ дьяконъ Ахилла.

— Да какъ же отчего? заговорилъ, смаргивая слезы, карликъ.—Отъ умиленія чувствъ плачешь.

— Да-а, вотъ отъ чего! догадался Ахилла.—Ну, а когда жь про женитьбу-то?

— Ну-съ, позвольте. Сейчасъ и про женитьбу.

IV.

„Только что это случайное вниманіе императора ко мнѣ по Москвѣ въ большихъ домахъ разгласилось, покойница Марѳа Андревна начали меня всюду возить и показывать, а я, истину вамъ докладываю, не лгу, былъ тогда самый маленькій карликъ во всей Москвѣ. Но не долго это было-съ, всего одну зиму....“

Въ это время дьяконъ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ оглушительно фыркнулъ, и свѣсивъ голову за спинку стула, тихо захохоталъ. Замѣтя что его смѣхъ остановилъ разказъ, Ахилла приподнялся и сказалъ:

— Нѣтъ, это ничего!... Разказывай, сдѣлай милость, Николавра:—это я по своему дѣлу смѣюсь. Какъ со мной графъ Кленыхинъ говорилъ.

Карликъ молчалъ.

— Да ничего; говорите! упрашивалъ Ахилла. — Графъ

Кленыхинъ новый семинарскій корпусъ у насъ смотрѣлъ, я ему, въ родѣ вотъ какъ ты, поклонился, а онъ говоритъ: „пошелъ прочь, дуракъ!“ вотъ и весь нашъ разговоръ. Вотъ чему я разсмѣялся.

Николай Аѳанасьевичъ улыбнулся и сталъ продолжать:

„На другую зиму, заговорилъ онъ, Вихіорова генеральша привезла изъ-за Петербурга Чухоночку Метту Ивановну, карлицу, еще меньше меня на палецъ. Покойница госпожа Марѳа Андревна слышать объ этомъ не могли. Сначала все изволили говорить что эта карлица не натуральная, а свинцомъ будто опоенная; но какъ пріѣхали и изволили сами Метту Ивановну увидать, и разсердились что она этакая бѣленькая и совершенная. И во снѣ стали видѣть какъ бы намъ Метту Ивановну себѣ купить, а Вихіорша, та слышать не хочетъ чтобы продать. Вотъ тутъ Марѳа Андревна и объясняютъ что „мой Николай, говорятъ, умный и го„сударю отвѣчать умѣлъ, а твоя, говорятъ, дѣвчушка, что жъ, „только на видъ хороша,“ такъ межъ собой обѣ госпожи за насъ и поспорятъ. Марѳа Андревна говорятъ той: „продай,“ а эта имъ говоритъ чтобы меня продать. Марѳа Андревна вскипятъ вдругъ: „я вѣдь, изволятъ говорить, не для игрушки ее у тебя торгую: я ее въ невѣсты на выводъ покупаю, чтобы Николая на ней женить.“—„А госпожа Вихіорова говорятъ: „что же, я его и у себя женю.“ Марѳа Андревна говорятъ: „я тебѣ отъ нихъ дѣтей дамъ, если будутъ,“ и та тоже говоритъ, что и онѣ Марѳѣ Андревнѣ пожалуютъ дѣтей, если будутъ. Марѳа Андревна разсердятся и велятъ мнѣ проща̀ться съ Меттой Ивановной. А потомъ, день, два пройдетъ, Марѳа Андревна опять не выдержатъ, заѣдемъ, и какъ только онѣ войдутъ, сейчасъ и объявляютъ: „ну, слушай, ма„тушка, я тебѣ, чтобы попусту не говорить, тысячу рублей „за твою уродиху дамъ,“ а генеральша меня не порочитъ, но двѣ за меня Марѳѣ Андревнѣ предлагаетъ. Пойдутъ другъ другу набавлять и набавляютъ, набавляютъ, и опять разсердится Марѳа Андревна, вскрикнетъ: „Я, матушка, своими „людьми не торгую,“ а госпожа Вихіорова тоже отвѣчаютъ, что и онѣ не торгуютъ,—такъ и опять велятъ намъ съ Меттой Ивановной проща̀ться.

„До десяти тысячъ рублей, милостивые государи, доторговались за насъ, а все дѣло не подвигалось, потому что моя госпожа за ту даетъ десять тысячъ, а та за меня одиннад-

цать. До самой весны, государи мои, такъ тянулось, и доложу вамъ, госпожа Вихіорова ужасно переломили Маріи Андревны весь характеръ. Скучаютъ! страшно скучаютъ! И на меня все начинаютъ гнѣваться: „Это ты, изволятъ говорить, сякой такой пентюхъ, что дѣвку въ воображеніе ввести не можетъ, чтобы сама за тебя просилась!

„— Матушка, говорю, Марѳа Андревна, да чѣмъ же, говорю, питательница, я могу ее въ воображеніе вводить? Ручку, говорю, матушка, мнѣ дураку пожалуйте!

„Ну-съ, такъ дальше больше, дошло до весны,—пора намъ стало и домой въ Плодомасово изъ Москвы собираться. Марѳа Андревна опять приказали мнѣ одѣваться и чтобъ одѣлся я въ гишпанское платье. Поѣхали къ Вихіоршѣ и опять не сторговались. Марѳа Андревна говорятъ ей: „Ну, „хоть позволь же ты своей каракатицѣ, пусть они хоть по„ходятъ вмѣстѣ съ Николашей передъ домомъ.“ Генеральша на это согласилась, и мы съ Меттой Ивановной по тротуару на Мясницкой противъ генеральшиныхъ оконъ и гуляли, Марѳа Андревна покойница и этому радовались, и всякихъ костюмовъ намъ обоимъ нашили. Пріѣдемъ, бывало, онѣ и приказываютъ: „надѣньте, Николаша съ Меттой, пейзанскіе „костюмы“. Мы оба въ деревянныхъ башмакахъ; я въ камзолѣ и въ шляпѣ, а она въ высокомъ чепчикѣ, выстроимся парой и ходимъ, и народъ на насъ стоитъ смотритъ. Другой разъ велятъ одѣться Туркомъ съ Турчанкой, — мы тоже опять ходимъ; или матросомъ съ матроской, — мы и этакъ ходимъ. А то были у насъ тоже медвѣжьи платьица, тѣ изъ коричневой фланели, въ родѣ чехловъ, сшиты. Всунутъ насъ бывало въ нихъ, будто руку въ перчатку, ничего кромѣ глазъ и не видно, а на макушечкахъ такія суконныя завязочки ушками подѣланы, треплются. Но въ этихъ платьицахъ насъ на улицу не посылали, потому тамъ собаки... разорвать могли, а велятъ, бывало, одѣться, когда обѣ госпожи за столомъ кофе кушаютъ, и чтобы во время ихъ кофею на коврѣ противъ ихъ стола бороться. Метта Ивановна пресильная была, даромъ что женщина, но я, бывало, если имъ хорошенько подножку дамъ, онѣ сейчасъ и слетятъ, но только я впрочемъ это рѣдко дѣлалъ; я всегда Меттѣ Ивановнѣ больше поддавался, потому что мнѣ ихъ жаль было по ихъ женскому полу, да и генеральша сейчасъ, бывало, въ ихъ защиту, собачку болонку кличутъ, а та меня за голеняшки, а Марѳа Андревна

сердятся.... А тоже покойница заказали намъ уже самый лучшій костюмъ, онъ у меня и теперь цѣлъ—меня одѣли французскимъ гренадеромъ, а Метту Ивановну маркизой. У меня этакій киверъ, медвѣжій мѣховой, высокій, мундиръ длинный, ружье со штычкомъ и тесакъ, а Меттѣ Ивановнѣ робъ и опахало большое. Я, бывало, стану въ дверяхъ съ ружьемъ, а Метта Ивановна съ опахаломъ проходятъ, и я имъ честь отдаю, и потомъ Марѳа Андревна съ генеральшею опять за насъ торгуются чтобы насъ женить.

„Но только надо вамъ доложить что всѣ эти наряды и костюмы для насъ съ Меттой Ивановной все моя госпожа на свой счетъ дѣлали, потому что онѣ ужь навѣрное надѣялись что мы Метту Ивановну купимъ, и даже такъ, что чѣмъ больше онѣ на насъ двоихъ этихъ костюмовъ надѣлывали, тѣмъ больше увѣрялись что мы оба ихніе; а дѣло-то совсѣмъ было не туда.

V.

„Предъ самою весной Марѳа Андревна говорятъ генеральшѣ: „Что же это мы съ тобою, матушка, дѣлаемъ, ни Мишу, „ни Гришу? Надо же, говорятъ, это на чемъ-нибудь кончить", да на томъ было и кончили что чуть самихъ на Ваганьково кладбище не отнесли. Зачахли покойница, желчью покрылись, на всѣхъ стали сердиться, и вотъ минуты одной, какова есть минута, не хотятъ ждать: вынь да положь имъ Метту Ивановну чтобы женить меня!

„У кого въ домѣ Свѣтлое Христово Воскресеніе, а у насъ тревога, а къ Красной Горкѣ ждемъ послѣдній отвѣтъ и не знаемъ какъ ей и передать его.

„Тутъ-то Алексѣй Никитичъ,—дай имъ Богъ здоровья, ужь и имъ это дѣло насолило,—видятъ что бѣда ожидаетъ неминучая, вдругъ надумались и доложили маменькѣ что Вихіоршина карлица пропала.

„Марѳѣ Андревнѣ все, знаете, отъ этого легче стало, что ужь ни у кого ея нѣтъ.

„— Какъ же, спрашиваютъ онѣ,—пропала?

„Алексѣй Никитичъ отвѣчаютъ что Жидъ укралъ.

„— Какъ? Какой Жидъ? все разспрашиваютъ.

„Сочиняемъ имъ что попало: такъ, молъ, Жидъ этакій каштановатый, съ бородою, всѣ видѣли, взялъ да понесъ.

„— Что же, изволятъ спрашивать, зачѣмъ же его не остановили?

„— Такъ, молъ, онъ изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, такъ и унесъ.

„— Да и она-то, разсуждаютъ,—дура какая, что ее несутъ, а она не кричитъ. Мой Николай ни за что бы, говорятъ, не дался.

„— Да какъ же можно, говорю, сударыня, Жиду сдаться! Самъ это говорю, а самому мочи нѣтъ совѣстно что ихъ обманываю; а онѣ ужь какъ ребенокъ всему стали вѣрить.

„Но тутъ Алексѣй Никитичъ маленькую ошибку далъ: намѣреніе ихъ такое сыновнее было, разумѣется, чтобы скорѣе Марѳу Андревну со мною въ деревню отправить, чтобы это тутъ забылось; они и сказали маменькѣ:

„—Вы, изволятъ говорить, — маменька, не безпокойтесь, ее найдутъ, потому что ее ищутъ, и какъ найдутъ, я вамъ сейчасъ и отпишу въ деревню.

„А покойница какъ это услыхали, сейчасъ за это слово и ухватились:

„— Нѣтъ ужь, говорятъ, если ищутъ, такъ я лучше подожду, я этого Жида хочу посмотрѣть который унесъ ее.

„Тутъ, судари мои, мы ужь квартальнаго съ собою лгать подрядили: тотъ всякій день приходитъ и вретъ что ищутъ, да не находятъ. Марѳа Андревна ему всякій день синенькую, а меня всякій день къ ранней обѣднѣ посылаютъ въ церковь Іоанну Воинственнику молебенъ о сбѣжавшей рабѣ служить....“

— Іоанну Воинственнику? Іоанну Воинственнику говоришь ты, ходилъ молебенъ-то служить? перебилъ карлика дьяконъ.

— Да-съ, Іоанну Воинственнику.

— Это совсѣмъ не тому святому служилъ.

— Дьяконъ, сядь! Сядь, тебѣ говорю; сядь! рѣшилъ отецъ Савелій:—а ты, Николай, продолжай.

— Да что, батюшка, продолжать, когда вся ужь почти моя сказка и разказана. Ѣдемъ мы одинъ разъ съ Марѳой Андревной отъ Иверской Божіей Матери, а генеральша Вихіорова и хлопъ на самой Петровкѣ намъ на встрѣчу въ колясскѣ, и Метта Ивановна съ ними. Тутъ Марѳа Андревна все поняли и.... повѣрите, государи мои, или нѣтъ: тихо, но прегорько въ каретѣ заплакали.

Карликъ замолчалъ.

— Ну, Николя! подогналъ его отецъ Савелій.

— Ну-съ, а тутъ ужь что жь, пріѣхали домой и говорятъ Алексѣю Никитичу: „А ты, сынъ мой, говорятъ, выходишь дуракъ, что смѣлъ свою мать обманывать, да еще полицейскаго ярыжку, квартальнаго приводилъ", и съ этимъ велѣли укладываться и уѣхали.

Николай Аѳанасьевичъ обернулся на стульцѣ ко всѣмъ слушателямъ и заключилъ:

— Я вѣдь вамъ докладывалъ что исторія самая простая и нисколько не занимательная. А мы, сестрица, добавилъ онъ вставая,—за симъ и поѣдемте!

Марья Аѳанасьевна стала собираться.

Дьяконъ опять выступилъ со споромъ что Николай Аѳанасьевичъ не тому святому молебенъ служилъ.

— Это, отецъ дьяконъ, не мое, сударь, дѣло знать, оправдывался, отыскивая свой пуховый картузъ, Николай Аѳанасьевичъ.—Я въ первый разъ пришелъ въ церковь, подалъ записку *о бѣжавшей рабѣ* и полтинникъ; священникъ и стали служить Іоанну Воинственнику, такъ оно послѣ и шло.

— Плохъ, значитъ, священникъ?

— Чѣмъ? чѣмъ? чѣмъ? Чѣмъ такъ по-твоему плохъ этотъ священникъ? вмѣшался неожиданно кроткій отецъ Бенефисовъ.

— Тѣмъ, отецъ Захарія, плохъ онъ, что дѣла своего не знаетъ, отвѣчалъ Бенефисову съ отмѣнною развязностью Ахилла. — *О бѣжавшемъ рабѣ* нешто Іоанну Воинственнику пѣть подобаетъ?

— Да, да; а кому же по-твоему? кому же? кому же?

— Кому? Вѣдь слава тебѣ Господи, сколько, я думаю, лѣтъ эта таблица передъ вами у ктитора на стѣнѣ наклеена; а я вѣдь по печатному читать разумѣю и знаю кому за что молебенъ пѣть.

— Да!

— Ну, и только! Ѳедору Тирону, если вамъ угодно слышать, вотъ кому.

— Ложно осуждаешь: Іоанну Воинственнику они праведно служили.

— Не конфузьте себя, отецъ Захарія.

— Я тебѣ говорю: правильно.

— А я вамъ говорю, понапрасну себя не конфузьте!

— Да что ты тутъ со мной споришь! Ишь! ишь!... спорщикъ какой!

— Нѣтъ, это что вы со мной спорите! Я васъ вѣдь, если захочу, сейчасъ могу оконфузить.

— Ну, оконфузь.

— Ей-Богу, оконфужу!

— Ну, оконфузь, оконфузь!

— Ей-Богу, вѣдь оконфужу, не просите лучше, потому я эту ктиторскую таблицу наизусть знаю.

— Да ты не разговаривай, а оконфузь, оконфузь! смѣясь и радуясь, частилъ Захарія Бенефисовъ, глядя то на дьякона, то на чинно хранящаго молчаніе отца Туберозова.

— Оконфузить? извольте, рѣшилъ Ахилла, и сейчасъ же, закинувъ далеко на локоть широкій рукавъ, загнулъ правою рукой большой палецъ лѣвой руки, какъ будто собирался его отломить, и началъ: — Вотъ первое: объ исцѣленіи отрясовичной болѣзни—преподобному Марѳѣ.

— Преподобному Марѳѣ, повторилъ за нимъ, соглашаясь, отецъ Бенефисовъ.

— Отъ огрызной болѣзни—великомученику Артемію, вычитывалъ Ахилла, заломивъ тѣмъ же способомъ второй палецъ.

— Артемію, повторилъ Бенефисовъ.

— О разрѣшеніи неплодства Роману Чудотворцу; если возненавидитъ мужъ жену свою—мученикамъ Гурію, Самону и Авивѣ; объ отогнаніи бѣсовъ—преподобному Нифонту; объ избавленіи отъ блудныя страсти—преподобному Мартемьяну....

— И преподобному Моисею Угрину, тихо вставилъ до сихъ поръ только въ тактъ покачивавшій своею головкой Бенефисовъ.

Дьяконъ, уже загнувшій всѣ пять пальцевъ лѣвой руки, секунду подумалъ, глядя въ глаза отцу Захаріи, и затѣмъ разжавъ лѣвую руку чтобы загибать ею пальцы правой, произнесъ:

— Да, можно тоже и Моисею Угрину.

— Ну, теперь продолжай.

— Отъ виннаго запойства — мученику Вонифатію....

— И Мовсею Мурину.

— Что-съ?

— Вонифатію и *Мовсею Мурину*, повторилъ отецъ Захарія.

— Точно, подтвердилъ дьяконъ.

— Продолжай.

— О сохраненіи отъ злаго очарованія—священномученику Кипріяну....

— И святой Устиніи.

— Да позвольте же, наконецъ, отецъ Захарія!

— Да нечего мнѣ тебѣ позволять, русскимъ словомъ ясно напечатано: *„и святой Устиніи“*.

— Ну, хорошо! ну, и *святой Устиніи*, а объ обрѣтеніи украденныхъ вещей *и бѣжавшихъ рабовъ* (дьяконъ началъ съ этого мѣста подчеркивать свои слова) *Ѳеодору Тирону, его же память празднуемъ семнадцатаго февраля*.

Но только что Ахилла вострубилъ свое послѣднее слово, какъ Захарія тою же своею тихою и безстрастною рѣчью продолжалъ чтеніе таблички словами:

— И Іоанну Воинственнику, его же память празднуемъ десятаго іюля.

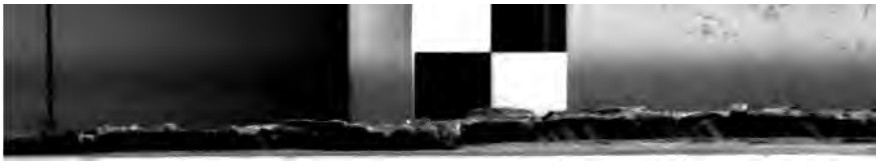
Ахилла похлопалъ глазами и проговорилъ:

— Точно, теперь вспомнилъ: есть и Іоанну Воинственнику.

— Такъ о чемъ же это вы, сударь отецъ дьяконъ, изволили спорить? спросилъ, протягивая на прощанье свою ручку Ахиллѣ, Николай Аѳанасьевичъ.

— Ну, вотъ, поди же ты со мной! Дубликаты позабылъ, вотъ изъ чего спорилъ, отвѣчалъ дьяконъ.

НИКОЛАЙ ЛѢСКОВЪ.



ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТОПИСЕЙ РАСКОЛА*

III. БѢЛОКРИНИЦКІЙ СОБОРЪ 1868 ГОДА И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ.**

I.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1866 года, подъ гостепріимнымъ кровомъ одного изъ почетныхъ членовъ московскаго старообрядскаго общества, въ присутствіи самихъ старообрядскихъ епископовъ, при многочисленномъ собраніи слушателей обоего пола, происходили горячія и продолжительныя пренія между пріемлющими и не пріемлющими *Окружное Посланіе*. Со стороны пріемлющихъ разглагольствовалъ извѣстный начетчикъ Семенъ Семеновъ, при содѣйствіи самого достопочтеннаго составителя *Окружнаго Посланія*; съ противной же стороны—главный законовѣдецъ раздорнической партіи, Давыдъ Антиповъ, при соучастіи Евима Ѳедоровича Крючкова (Степнухинъ тожь), стяжавшаго такую печальную извѣстность въ старообрядскомъ обществѣ своими подвигами въ дѣлѣ возве-

* Двѣ первыя статьи напечатаны въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1867 г., №№ 10 и 11.

** Въ *Современной Лѣтописи* за прошлый годъ (№№ 33 и 46) мы уже сообщили краткія извѣстія о послѣднемъ Бѣлокриницкомъ соборѣ; получивъ теперь всѣ почти документы относящіеся къ этому событію, самому крупному изъ всѣхъ случившихся въ недавнее время у старообрядцевъ и доселѣ занимающему ихъ вниманіе, мы имѣемъ возможность въ настоящей статьѣ подробно изложить весь ходъ дѣла на соборѣ Бѣлокриницкомъ и послѣдовавшія за тѣмъ событія.

денія Антонія втораго на московскую каѳедру. Семенъ Семеновъ доказывалъ что всѣ статьи *Окружнаго Посланія* изложены на точномъ основаніи Священнаго и Святыхъ Отецъ Писанія и потому должны быть признаны справедливыми, никакимъ пререканіямъ не подлежащими; Давыдъ же утверждалъ напротивъ, что всѣ статьи сего *Посланія*, какъ-то: о имени *Іисусъ*, о крестѣ четырехконечномъ, о приношеніи просфоры за Царя, о пришествіи пророковъ Иліи и Эноха и пр. суть ложны, и христіанамъ читать оныя и слушать не подобаетъ. Всѣ самыя очевидныя свидѣтельства въ защиту изложеннаго въ *Окружномъ Посланіи* ученія Давыдъ Антиповъ отвергалъ съ упорствомъ, не входя и въ разсмотрѣніе ихъ. Тогда ему предложено было высказать свои собственныя понятія о пререкаемыхъ предметахъ, и онъ, не обинуясь, провозгласилъ во всеуслышаніе слѣдующія нечестивыя ученія: 1) якобы церковь Великороссійская подъ именемъ Іисуса вѣруетъ въ сына сатаны, и сей Іисусъ есть не единосущный Отцу, но инъ богъ, антихристъ; 2) якобы крестъ четырехконечный есть еретическій и никакой силы не имѣетъ; 3) якобы евхаристія Великороссійской церкви есть агнецъ неправедный, ложный, грѣшный, антихристовъ; 4) якобы антихристъ пришелъ и царствуетъ въ церкви Великороссійской и 5) что на проскомидіи не должно приносить просфору за Царя, ибо онъ еретикъ. Чтители *Окружнаго Посланія* и духовныя власти старообрядцевъ съ моленіемъ убѣждали его оставить такія нечестивыя и неразсудныя мудрованія, не сѣять ихъ въ народѣ и не смущать ими людей невѣдущихъ и простосердечныхъ; но Давыдъ со клевреты своими, Ѳеимомъ Крючковымъ и прочими противуокружниками, попрежнему остался непреклоненъ и не исчѣленъ изыде изъ собранія. Вотъ что происходило въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣтомъ 1866 года. *

Того же года въ мѣсяцѣ сентябрѣ, старообрядецъ города Формоса, что въ княжествѣ Молдо-Влахійскомъ, Прокопъ Лаврентьевъ Божановъ, ратуя противъ *Окружнаго Посланія*, письменно изложилъ ученіе согласное вышеприведеннымъ мудрованіямъ Давыда Антипова; онъ писалъ, якобы Іисусъ

* Подробно изложены пренія Семена Семенова и Давыда Антипова въ дополненіи къ статьѣ: *Новый расколъ въ расколѣ (Совр. Лѣтоп.* 1867 г., №№ 22 и 23).

въ котораго вѣруетъ церковь греко-россійская, есть иный богъ, есть антихристъ, якобы родился онъ восемь лѣтъ спустя по Рождествѣ Христа Спасителя и матерь его была освящена къ его зачатію также нашествіемъ Святаго Духа чрезъ слово архангела Гавріила, якобы сей противникъ Христовъ былъ распятъ на крестѣ двусоставномъ, который посему и почитается греко-россійскою церковію.* Это богохульное ученіе, письменно изложенное Прокопомъ Лаврентьевымъ, бѣлокриницкій и „всѣхъ древле-православныхъ христіанъ“ митрополитъ Кириллъ утвердилъ своею верховною властію и препроводилъ въ Москву для руководства „христіанамъ“. „Посылаю вамъ сіе, писалъ онъ, въ руководство, чтобы не колебатися въ догматахъ церковнаго преданія, ибо оно составлено отъ божественныхъ писаній.“

Въ Москвѣ чтители *Окружнаго Посланія* были до крайности изумлены, получивъ отъ Кирилла утвержденное имъ изложеніе Прокопова ученія. По ихъ просьбѣ, Антоній (Шутовъ) и прочіе „россійскіе епископы“ поручили заграничнымъ своимъ собратіямъ, находившимся тогда въ Боташанахъ, на соборѣ, допросить Кирилла, дѣйствительно ли онъ пріемлетъ ученіе изложенное Прокопомъ. Кириллъ не отрекся что ученіе Прокопа утвердилъ и за истинное признаетъ; на всѣ убѣжденія отвергнуть его отвѣчалъ отказомъ; и за такое упорство въ лжеученіи подвергнутъ запрещенію отъ всякаго священнодѣйствія.** Извѣщая о всемъ этомъ народъ, Аркадій Славскій, отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ старообрядскихъ епископовъ, писалъ: „Митрополитъ сознался (во лжеученіи), равно и Прокопъ сознался; но покаянія собору не приносятъ. И за таковую ужасную ересь и за прочія дѣла соборне пять епископовъ запретили мы митрополиту отъ всякаго священнодѣйствія, впредь до большаго собора. Съ Прокопомъ же Лаврентьевымъ заповѣдуемъ всѣмъ православнымъ христіанамъ не имѣть сообщенія ни въ ястіи, ни въ питіи, ни вкупѣ Богу молитьсѧ до рѣшенія соборнаго.“*** Дѣйствуя такъ рѣшительно противъ ученія

---

* Подробное изложеніе Прокопова ученія см. въ статьѣ *Новый расколъ въ расколѣ (Совр. Лѣт.* 1867 г., № 16).

** Подробности о соборѣ Боташанскомъ см. въ *Душеп. Чтеніи* 1867 г., № 5.

*** См. тамъ же, Прил. III.

Прокопа Лаврентьева, Аркадій, Антоній и прочія старообрядскія власти очевидно ратовали въ защиту ученія изложеннаго въ *Окружномъ Посланіи*, ибо ученіе Прокопово въ сущности есть не что иное какъ отрицаніе этого послѣдняго.

Между тѣмъ противуокружники не смущались ни опредѣленіями собора Ботаншскаго, ни ожиданіями предположеннаго большаго собора. Въ январѣ мѣсяцѣ 1867 года они составили свой собственный соборъ, Гуслицкій, въ селѣ Давыдовѣ, въ Заходѣ. Предсѣдательствовалъ Антоній второй; засѣдали десять гуслицкихъ поповъ, большею частію запрещенные и низверженные, а все дѣлали и рѣшали Давыдъ Антиповъ и Е. Ѳ. Крючковъ; опредѣлено было *Окружное Посланіе* предать проклятію и уничтоженію, а пріемлющихъ оное не иначе принимать въ общеніе какъ третьимъ чиномъ.

Впрочемъ, сами раздорники чувствовали совершенную ничтожность своего Гуслицкаго собора и потому желали чтобы составленъ былъ на погибель *Окружнаго Посланія* и пріемлющихъ оное болѣе значительный соборъ. Согласно ихъ желанію, лѣтомъ того же 1867 года Кириллъ разослалъ приглашенія къ старообрядскимъ обществамъ чтобы назначали депутатовъ для соборнаго совѣщанія „объ окончательномъ уничтоженіи *Окружнаго Посланія* и прочихъ нововведеній". Первоначально мѣстомъ собранія назначенъ былъ опять городъ Ботаншы; но такъ какъ здѣсь окружники, прибывшіе въ незначительномъ количествѣ, никакъ не могли столковаться съ раздорниками, то изъ Ботаншъ переѣхали для соборныхъ совѣщаній въ Бѣлую Криницу, гдѣ послѣ долгихъ толковъ и пререканій была наконецъ подписана, 29-го іюня, соборная грамота, въ которой Кириллъ предлагалъ епископамъ, пріемлющимъ *Окружное Посланіе*, „отложить оное сочиненіе и не точію едино названіе, но всю тетрадь *Окружнаго Посланія*, писаннаго", и въ заключеніе опредѣлялъ: „и тако утверждаю моимъ словомъ святительскимъ и не благословляю онымъ посланіемъ руководствоваться христіанамъ". Соборъ этотъ, на которомъ, за исключеніемъ Кирилла, не было ни одного епископа, не имѣлъ никакого значенія. Правда, московскій духовный совѣтъ или, правильнѣе, предсѣдатель этого совѣта, Антоній Шутовъ, не замедлилъ изъявить готовность на принятіе состоявшагося на немъ опредѣленія; но дѣло испортилъ самъ Кириллъ: не дожидаясь формальнаго отвѣта отъ епископовъ-окружниковъ, то-есть прежде дѣйствительнаго съ ними примиренія.

единолично, безъ общаго совѣта и одобренія, онъ поставилъ въ намѣстники себѣ нѣкоего Антонія (третьяго по счету), нареченнаго епископомъ формосскимъ. Этотъ поступокъ, учиненный противу правилъ и вопреки бѣлокриницкому уставу, очевидно, не могъ содѣйствовать желаемому примиренію епископовъ-окружниковъ съ Кирилломъ.* И московскіе раздорники, съ своей стороны, были не вполнѣ довольны опредѣленіемъ Бѣлокриницкаго собора: хотя *Окружное Посланіе* и подлежало въ силу этого опредѣленія новому уничтоженію, но при этомъ, по ихъ мнѣнію, было оказано слишкомъ много вниманія и снисхожденія епископамъ принимавшимъ *Окружное Посланіе* и вообще окружникамъ, которыхъ, какъ выше сказано, сами они на своемъ Гуслицкомъ соборѣ положили принимать въ общеніе не иначе какъ еретиковъ третьяго чина.

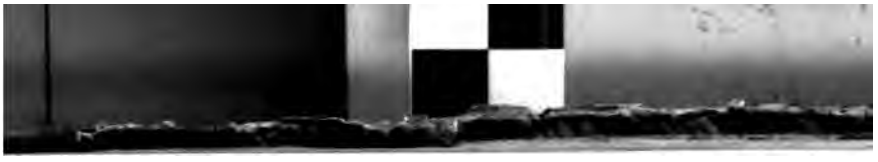
Такимъ образомъ и тотъ, и другой соборъ, Гуслицкій и Бѣлокриницкій, по сознанію самихъ раздорниковъ, были недостаточны для совершеннаго пораженія окружниковъ. И вотъ, съ сею цѣлію, они замышляютъ составить снова великій, если можно, вселенскій соборъ въ Бѣлой Криницѣ, лѣтомъ 1868 года. Мысль эта одинаково была по сердцу и московскимъ, и заграничнымъ раздорникамъ; что же касается Кирилла, то онъ принялъ съ полнымъ удовольствіемъ предложеніе составить подъ его предсѣдательствомъ великій соборъ: ибо великій соборъ для Кирилла означаетъ великія и обильныя приношенія отъ всѣхъ „христіанъ“, наипаче же московскихъ, бѣлокриницкому владыкѣ, яко предсѣдателю собора. Немедленно разослалъ онъ ко всѣмъ старообрядскимъ обществамъ, обрѣтающимся въ Россіи, Австріи, Турціи и княжествѣ Молдо-Влахійскомъ, извѣщенія о предназначенномъ въ Бѣлой Криницѣ великомъ соборѣ, съ приглашеніемъ выслать для присутствованія на семъ соборѣ депутатовъ. Крайнимъ срокомъ для открытія соборныхъ засѣданій назначено было 29-е число іюня мѣсяца.

---

* Свѣдѣнія о Бѣлокриницкомъ соборѣ 1867 года и поставленіи Антонія Формосскаго довольно подробно изложили мы въ статьѣ: *Изъ современныхъ лѣтописей раскола (Рус. Вѣстн.* 1867 г., № 10).

II.

Предполагаемый соборъ составлялся по мысли раздорниковъ, и они смѣло могли разчитывать что успѣхъ будетъ на ихъ сторонѣ; однакоже, зная характеръ или, лучше, безхарактерность бѣлокриницкаго владыки, считали нелишнимъ заблаговременно внушить ему чтобы никакъ не смѣлъ входить въ сношеніе съ окружниками, дѣлать имъ какія-либо уступки или обѣщанія, и чтобы вообще безъ предварительнаго сношенія съ ними, раздорниками, и съ ихъ епископомъ Антоніемъ Гусицкимъ, не предпринималъ ничего относительно будущаго собора. Давыдъ Антиповъ, самый ярый изъ московскихъ противуокружниковъ, по соглашенію съ М. Муравьевымъ (по смерти Винокурова главнымъ руководителемъ раздорнической партіи), немедленно сообщилъ заграничнымъ своимъ единомышленникамъ: Прокопу Лаврентьеву Формосскому и Акинѳу Васильеву Бѣлокриницкому, чтобъ они имѣли это въ виду и хорошенько смотрѣли за Кирилломъ. Раздорники опасались именно того какъ бы окружники не успѣли прежде забѣжать къ Кириллу, и опасеніе это было не излишне. Окружники, разумѣется, не ожидали ничего хорошаго для себя отъ затѣваемаго въ Бѣлой Криницѣ съѣзда, и лучшіе изъ нихъ утратили всякую надежду на заключеніе мира съ подобнаго рода людьми какъ Давыдъ Антиповъ, Прокопъ Лаврентьевъ и прочіе фанатики раскола; но между окружниками есть не мало такихъ лицъ которыя, частію изъ своихъ личныхъ разчетовъ, частію въ интересѣ старообрядства, постоянно помышляютъ о прекращеніи возникшихъ въ немъ раздоровъ, хотя бы даже съ пожертвованіемъ самого *Окружнаго Посланія*: эти люди были не прочь и теперь, на предназначенномъ соборѣ, сдѣлать попытку къ заключенію мира съ раздорниками и для этого, дѣйствительно, считали не безполезнымъ заблаговременно привлечь Кирилла на свою сторону. Первый изъ таковыхъ, якобы окружниковъ, г. архіепископъ Антоній Шутовъ, „желающій, по выраженію самихъ старообрядцевъ, положить свою душу за московскій престолъ, но отнюдь не за истину“, немедленно вошелъ въ сношеніе съ своими заграничными благопріятелями и благодѣтелями, которыхъ именно просилъ принять участіе въ



соборѣ и заблаговременно расположить Кирилла къ уступчивости относительно окружниковъ. Такъ, онъ просилъ объ этомъ Аркадія Славскаго, которому даже передавалъ въ полное распоряженіе и свой собственный голосъ на соборѣ; просилъ также ясскихъ и ботошанскихъ гражданъ, какъ людей особенно значительныхъ по своимъ матеріальнымъ средствамъ среди заграничнаго старообрядства.

Когда за годъ предъ этимъ Кириллъ сдѣлалъ распоряженіе о составленіи подобнаго же, какъ и теперь, собора, Аркадій рѣшительно высказался противъ него и даже старался доказать Кириллу всю неблаговременность и незаконность его затѣи; * но теперь, въ угоду московской просьбѣ, поддержанной притомъ просьбами ясскихъ и ботошанскихъ старообрядцевъ, онъ не отказался принять участіе въ замышляемомъ соборѣ и даже согласился ѣхать въ Бѣлую Криницу гораздо ранѣе назначеннаго срока, чтобы наблюдать за Кирилломъ и имѣть на него полезное для окружниковъ вліяніе. Ясскіе и ботошанскіе старообрядцы также обѣщали пораньше побывать въ митрополіи, дабы заблаговременно угобзить владыку-Кирилла. 17-го мая Аркадій Славскій былъ уже въ Бѣлой Криницѣ, а на слѣдующій день пріѣхали туда депутаты изъ Яссъ и Ботошанъ. Но оказалось, что какъ они ни спѣшили, а раздорники все-таки успѣли пораньше ихъ забѣжать къ Кириллу. Еще 4-го мая пріѣзжалъ въ Бѣлую Криницу грубенскій протопопъ Григорій, одинъ изъ непреклонныхъ противниковъ *Окружнаго Посланія*; а 11-го числа прибыли и сами формосскіе раздорники, Прокопъ Лаврентьевъ, Ѳедоръ Евтѣевъ и попъ Григорій. Эти послѣдніе прожили въ митрополіи двое сутокъ, и исполняя порученіе Давыда Антипыча, совокупно съ бѣлокриницкимъ главою раздорниковъ, Акиѳомъ Васильевымъ, накрѣпко внушили Кириллу ни въ какія сношенія съ окружниками не вступать, по дѣлу о примиреніи, и никакихъ распоряженій касающихся будущаго собора не дѣлать безъ предварительнаго на то разрѣшенія отъ гуслицкаго Антонія, или, что то же, отъ Давыда Антипова и Крючкова. Кириллъ обѣщалъ исполнить ихъ повелѣніе въ точности. Понятно послѣ этого, что въ Бѣлой Криницѣ ожидала Аркадія не очень радушная встрѣча.

* См. письмо Аркадія къ Кириллу въ той же статьѣ: *Изъ современныхъ лѣтописей раскола* (*Русск. Вѣстн.* 1867 г. № 10, стр. 587—588).

Когда онъ вступилъ въ ограду сей знаменитой нѣкогда обители, самого владыки Кирилла не было дома, онъ находился на своей любимой пасекѣ, которую каждый день неукоснительно имѣетъ обычай посѣщать, ибо здѣсь, въ должности пасечника, чувствуетъ себя болѣе на своемъ мѣстѣ нежели въ званіи „верховнаго святителя и митрополита всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ“. Нѣсколько иноковъ бѣлокриницкихъ, не слишкомъ заинтересованныхъ въ раздорѣ окружниковъ съ неокружниками, встрѣтили Аркадія съ почтеніемъ и приняли отъ него благословеніе. Но вотъ Кириллъ возвратился съ пасеки и слышитъ новость, что въ митрополіи находится неожиданный гость, и что нашлись такіе дерзновенные изъ братіи которые его приняли, даже у него благословились. Помня обѣщаніе данное раздорникамъ, онъ не хотѣлъ имѣть съ Аркадіемъ никакихъ сношеній, не хотѣлъ дать ему и помѣщенія въ монастырѣ, а болѣе всего напалъ на тѣхъ преступныхъ иноковъ что дозволили себѣ благословиться у окружника. Но видя что эти иноки не очень смутились его гнѣвомъ и очевидно брали Аркадія подъ свою защиту, притомъ же получивъ извѣстіе что задунайскій владыка привезъ въ даръ ему порядочный запасъ икры и свѣжей рыбы, скоро смягчилъ свой гнѣвъ и распорядился чтобъ отвели Аркадію Алимпіевы кельи. Однакоже этимъ и кончилось его благоволеніе къ Аркадію; войти съ нимъ въ общеніе онъ все-таки не хотѣлъ, повинуясь запрещенію раздорниковъ, о которомъ, безъ сомнѣнія, Акинѳъ не преминулъ ему напомнить. Гораздо лучше приняты были Кирилломъ и его властителемъ Акинѳомъ Васильевымъ прибывшіе 18-го числа ясскіе и боташанскіе старообрядцы. И они, подобно Аркадію, были окружники, но съ ними, какъ представителями общества богатыхъ раскольниковъ, обходиться грубо и разобщаться не приходилось. Это различіе въ обращеніи, съ одной стороны, съ Аркадіемъ, съ другой—съ гражданами ясскими и боташанскими—особенно ясно обнаружилось въ слѣдующіе два дня по пріѣздѣ послѣднихъ. 19-го числа былъ Троицынъ день. Кириллъ отправлялъ службу у себя въ монастырѣ. Аркадія не только не пригласили къ служенію, но яко оглашенный, онъ долженъ былъ стоять даже не въ алтарѣ, а въ укромномъ мѣстечкѣ за правымъ клиросомъ, тогда какъ ясскимъ и боташанскимъ гостямъ было оказано полное вниманіе. Въ понедѣльникъ, то-есть въ Духовъ день, Прокопъ

Лаврентьевъ даже устроилъ для этихъ дорогихъ гостей пиршество у себя въ саду, въ нарочно украшенной для сего случая стодолѣ. * Пировали свѣтло, стрѣляли изъ маленькихъ пушекъ и даже выпили полбутылки шампанскаго. На пиршество приглашены были нѣкоторые изъ липованъ, а изъ почетныхъ лицъ намѣстникъ Антоній и самъ Кириллъ митрополитъ, котораго, по распоряженію Акинѳа, везли на праздникъ съ колокольнымъ звономъ при всѣхъ бѣлокриницкихъ церквахъ. Но знаменитый гость, Аркадій епископъ Славскій и экзархъ Некрасовцевъ, приглашенія не удостоенъ и, ради стыда, проходилъ въ лѣсу все время пока пировали у Акинѳа.

Впрочемъ, какъ ни внимательны были бѣлокриницкіе властители къ яссскимъ и ботошанскимъ окружникамъ, эти послѣдніе все-таки не могли не замѣтить что относительно предназначеннаго собора раздорники успѣли уже закрѣпить Кирилла за собой. Имъ пришлось отправиться восвояси, ничего не сдѣлавъ въ пользу окружниковъ. Всю заботу о возможно лучшемъ устроеніи дѣла они возложили на Аркадія, который рѣшился терпѣливо дожидаться въ непривѣтливой для него Бѣлой Криницѣ открытія соборныхъ засѣданій въ назначенный срокъ.

Аркадію приходилось такимъ образомъ болѣе мѣсяца прожить въ Бѣлокриницкой митрополіи и въ теченіе этого времени, на свободѣ, могъ онъ вдоволь наслушаться и насмотрѣться какія интересныя дѣянія совершаются у владыки-Кирилла. Изъ ближайшаго источника могъ онъ узнать любопытную исторію, какъ намѣстникъ митрополіи, архіепископъ формосскій Антоній, учинилъ драку въ женской обители, и какъ самъ митрополитъ Кириллъ властною рукой усмирялъ потомъ разблаговшихся инокинь; или, какъ пріѣзжалъ въ митрополію серетскій Жидъ, кредиторъ Кирилла, требовать уплаты денегъ, и какъ „верховный святитель древлеправославныхъ христіанъ“, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, опершись на трость, выслушивалъ жидовское поученіе объ аккуратности и честности въ уплатѣ долговъ. ** Но при

* Хозяйственное строеніе, похожее на овинъ.

** Эти исторіи описаны подробно въ письмѣ нашего бѣлокриницкаго корреспондента, у котораго, какъ непосредственнаго свидѣтеля, заимствованы и изложенныя нами свѣдѣнія о пребываніи Аркадія и прочихъ въ Бѣлой Криницѣ.

Аркадіи происходили въ Бѣлой Криницѣ и не однѣ только потѣшныя исторіи.

29-го мая сюда пріѣхалъ изверженный раскольничій попъ Кириллъ Масляевъ. Заручившись свидѣтельствомъ галицкихъ раскольниковъ (которые прислали съ нимъ даже двухъ депутатовъ) что они желаютъ имѣть его своимъ попомъ, а болѣе всего разчитывая подѣйствовать на Кирилла посредствомъ злата, онъ пріѣхалъ просить разрѣшенія на отправленіе священнической должности, и владыка-Кириллъ не обманулъ его ожиданій: разрѣшеніе дано было немедленно, и въ первый же по пріѣздѣ воскресный день (2-го іюня) Масляевъ отправлялъ уже обѣдню въ бѣлокриницкой приходской церкви. А это былъ тотъ самый Кириллъ Масляевъ, который въ февралѣ мѣсяцѣ бѣжалъ изъ Орска и дорогой совершилъ страшное преступленіе, безчеловѣчно умертвивъ благотворившую ему женщину-старообрядку чтобы воспользоваться ея имуществомъ. * Очевидно, что послѣ этого ужаснаго злодѣянія онъ направилъ путь свой прямо въ Галацъ, а отсюда въ Бѣлую Криницу, гдѣ за деньги, добытыя убійствомъ, и купилъ себѣ у самого „верховнаго святителя“ старообрядцевъ право „фарисейски возносить къ небу руки обагренныя кровію неповинной жертвы“. И Аркадій Славскій былъ безмолвнымъ свидѣтелемъ этого! ничѣмъ не заявилъ своего противодѣйствія незаконному разрѣшенію Масляева! Правда, ни онъ, ни самъ Кириллъ ничего не знали о гнусномъ злодѣяніи Масляева; но Аркадію очень хорошо было извѣстно что этотъ Масляевъ былъ неоднократно извергнутъ изъ сана, что сами старообрядцы стыдились и гнушались имѣть въ числѣ своихъ духовныхъ лицъ этого буйнаго и отчаяннаго человѣка, способнаго на всякія преступленія, что онъ взятъ былъ русскимъ правительствомъ за попытки къ распространенію возмутительныхъ лондонскихъ прокламацій, содержался подъ стражей и былъ не что иное какъ бѣглый арестантъ. И всего этого было недостаточно для Аркадія

* Объ этомъ преступленіи орскій судебный слѣдователь объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, напечатавъ въ газетахъ воззваніе къ старообрядцамъ, которыхъ приглашалъ добровольно выдать Масляева въ руки правосудія. „Они“, сказано въ воззваніи, „конечно, не знаютъ того что руки, которыя предъ ними фарисейски возносятся къ небу, обагрены кровію неповинной жертвы.“ (*Моск. Вѣд.* 1868 г. № 195.

чтобы со всею свойственною ему энергіей возстать противъ дозволенія Масляеву отправлять богослуженіе. Впрочемъ, послѣднія изъ указанныхъ дѣяній Масляева Аркадій считалъ, можетъ-быть, даже подвигами достойными награды. *

Здѣсь же, въ Бѣлой Криницѣ, Аркадію привелось встрѣтить и еще одно лицо не чуждое замысламъ бывшихъ лондонскихъ агитаторовъ и Аркадію хорошо знакомое. 25-го іюня является здѣсь г. Лещинскій, тотъ самый „ученый человѣкъ изъ Малороссіянъ, Палладій Ивановичъ Лещинскій," ** который замышлялъ нѣкогда устроить типографію въ Славскомъ скиту, которому Аркадій покровительствовалъ въ этомъ дѣлѣ и далъ въ спутники, когда Лещинскій отправлялся за шрифтомъ въ Петербургъ, своего инока Арсенія. Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, Лещинскому не посчастливилось, его арестовали. Изъ-подъ ареста онъ писалъ къ Гончарову и Аркадію чтобы чрезъ галацкаго консула похлопотали объ его освобожденіи; но о дальнѣйшей судьбѣ его намъ было неизвѣстно. *** И вотъ, наконецъ, совершенно неожиданно является онъ въ Бѣлой Криницѣ, на мѣстѣ прежнихъ своихъ подвиговъ. Зачѣмъ? И почему въ такое именно время когда здѣсь находится Аркадій Славскій? Это остается пока необъяснимымъ. Видно только что онъ снова о чемъ-то хлопочетъ среди заграничныхъ раскольниковъ; на сей разъ онъ даже занялся для чего-то списываніемъ разныхъ старообрядскихъ документовъ. Но въ Бѣлой Криницѣ, гдѣ охотно принимаютъ и чествуютъ Масляевыхъ, если они являются съ деньгами какимъ бы то ни было способомъ

---

* Что Кириллъ Масляевъ взятъ былъ правительствомъ съ лондонскими прокламаціями, объ этомъ свидѣтельствуютъ сами старообрядцы: они же сами и разрѣшеніе Масляева ставятъ въ вину Аркадію, какъ участнику, или, по крайней мѣрѣ, потаковнику этого дѣла. Вотъ что говорится въ одномъ письмѣ ихъ къ Аркадію: „*Вы* равно и Кирилла Масляева, многократно изверженнаго и осужденнаго русскимъ правительствомъ за лондонскія прокламаціи, опять ввели въ олтарь для поруганія божеству и законамъ. Бѣглеца сего ищутъ для достойной награды."

** Такъ называлъ его самъ Аркадій Славскій въ письмѣ отъ 9-го мая 1866 г., присланномъ къ оо. Онуфрію и Пафнутію.

*** Сношенія его съ заграничными раскольниками довольно подробно изложили мы въ книгѣ: *Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій* (стр. 159—165).

добытыми, вообще смотрятъ не очень благосклонно на подобныхъ Лещинскому любознательныхъ собирателей матеріаловъ о расколѣ: новая поѣздка Палладія Ивановича въ липованскую митрополію кончилась плачевнымъ для него образомъ,—побитый предварительно, онъ посаженъ былъ подъ арестъ со связанными руками, потомъ выведенъ на село и пущенъ на всѣ четыре стороны.

Вотъ какого рода событій пришлось быть свидѣтелемъ Аркадію, проживая въ Бѣлой Криницѣ. Между тѣмъ онъ не видѣлъ чтобы здѣсь происходили какія-либо приготовленія къ предположенному собору, хотя срокъ назначенный для открытія соборныхъ засѣданій приближался.

Но если въ Бѣлой Криницѣ, повидимому, мало заняты были ожидаемымъ соборомъ, за то въ Москвѣ и раздорники, и окружники много о немъ думали,—одни съ увѣренностію въ успѣхѣ, другіе съ замѣтнымъ опасеніемъ неудачи. Давыдъ Антиповъ, глава и око московскихъ раздорниковъ, имѣлъ въ виду три слѣдующіе предмета, которые, по его мнѣнію, необходимо было устроить до открытія собора: составить грамоту, или опредѣленіе, которое отъ лица всѣхъ противуокружниковъ должно быть представлено къ непремѣнному утвержденію на соборѣ; приготовить достаточную сумму денегъ для утоленія Кирилла и сущихъ съ нимъ, а слѣдственно и для сообщенія надлежащей силы самому опредѣленію которое будетъ представлено для соборнаго утвержденія; затѣмъ избрать достойныхъ и способныхъ депутатовъ для присутствованія на соборѣ. Трудъ составленія грамоты Давыдъ Антиповъ, разумѣется, взялъ на себя, и составивъ оную, предложилъ на разсмотрѣніе Муравьеву и прочимъ руководителямъ раздорнической партіи, отъ которыхъ послѣдовало согласіе и одобреніе; что касается до сбора денегъ, то за ними, конечно, дѣло не стало; не трудно было выбрать и депутатовъ. Таковыми назначены: 1) самъ Давыдъ Антиповъ, какъ главный догматистъ и правильникъ московскихъ раздорниковъ; 2) Ефимъ Ѳедорычъ Крючковъ, или Степнухинъ, какъ вполнѣ опытный и, для будущихъ его спутниковъ, драгоцѣнный руководитель въ заграничныхъ путешествіяхъ, и вмѣстѣ какъ человѣкъ въ совершенствѣ изучившій нравы бѣлокриницкихъ обитателей; 3) садовницкій попъ Василій Бухаровъ, какъ духовная особа предназначенная изображать собою лицо самаго Антонія Гусицкаго, въ

званіи его мѣстоблюстителя. Итакъ у раздорниковъ дѣло устроилось легко, и депутаты ихъ, снабженные всѣмъ нужнымъ, своевременно отправились въ путь.

Такой увѣренности и твердости въ дѣйствіяхъ, напротивъ, не доставало партіи окружниковъ обоихъ ея оттѣнковъ: и окружникамъ изъ разчета, представителемъ которыхъ, какъ выше замѣчено, служитъ Антоній Шутовъ, и тѣмъ чистымъ, искреннимъ окружникамъ, во главѣ которыхъ по всей справедливости долженъ быть поставленъ Иларіонъ Георгіевичъ. Тѣ и другіе чувствовали не малую тревогу въ ожиданіи собора: первые опасались какъ бы изъ-за *Окружнаго Посланія* и теперь не было упущено удобное время къ заключенію мира съ противною стороной, котораго такъ желаютъ они въ своихъ собственныхъ интересахъ и частію въ интересѣ самого старообрядства; послѣдніе трепетали какъ бы, ради незаконнаго и ни къ чему не ведущаго мира, не было пожертвовано еще разъ *Окружнымъ Посланіемъ*. Тѣ и другіе старались сдѣлать что могли въ свою пользу. Больше всего полагаясь на Аркадія, какъ человѣка авторитетнаго и вліятельнаго въ старообрядствѣ, Антоній продолжалъ писать ему чтобы всячески позаботился о заключеніи мира съ раздорниками, не стѣсняясь много судьбой *Окружнаго Посланія*, лишь бы только соблюдено было главное условіе — признаніе его, Антонія, архіепископомъ московскимъ; онъ повторялъ что на заключеніе такого мира отдаетъ въ полное его распоряженіе свой собственный голосъ на соборѣ и что проситъ принести за него прощеніе предъ Кирилломъ. * На Аркадія возлагали всю надежду и дѣйствительные чтители *Окружнаго Посланія*; они также препроводили къ нему, отъ 12-го іюня, посланіе довольно обширное и интересное по содержанію. Въ письмѣ этомъ они не скрываютъ что предстоящій соборъ внушаетъ имъ опасенія, и одною изъ главныхъ причинъ тому прямо называютъ происки Антонія который, ради сохраненія своего архіепископскаго титла, готовъ рѣшиться на все и всего скорѣе—пожертвовать *Окружнымъ Посланіемъ*, къ чему, какъ они опасаются, желаетъ склонить и его, владыку Аркадія. „Нынѣ, писали они, собирается соборъ, на которомъ и ваше преосвященство

* О полученіи отъ московскаго Антонія такихъ писемъ свидѣтельствуетъ самъ Аркадій.

изволите присутствовать, занимая по довѣренности мѣсто и здѣшняго архіепископа Антонія, желающаго положить душу за московскій престолъ, но отнюдь не за истину. Мы приходимъ въ трепетъ!" Мы знаемъ что̀ значатъ эти соборы: „предсѣдатели на первомъ планѣ поставляютъ уничтожить *Окружное Посланіе*, то-есть здравое ученіе, и симъ даютъ ходъ еретичествующимъ; потомъ толкуютъ о постыдномъ любоначаліи (переведеніи и возведеніи), а о дѣлѣ мало. На соборѣ нужно бы непремѣнно сдѣлать правильные отвѣты на вопросы отступниковъ (!) нашихъ съ ясными доказательствами отъ священнаго писанія о нашемъ упованіи. * Отвѣты эти вездѣ требуются, и безъ оныхъ падаетъ іерархія. Да еще истребить богохульныя ереси и утвердить здравое ученіе. А о московскихъ стульяхъ толковать дѣло неважное." Въ виду такихъ прискорбныхъ опасеній внушаемыхъ будущимъ соборомъ, они просятъ Аркадія твердо стоять противъ нечестія, не слушаться совѣтовъ Антонія, и напомнивъ ему прежніе его подвиги въ защиту *Окружнаго Посланія*, выражаютъ надежду что онъ и теперь останется ему вѣренъ: въ противномъ же случаѣ грозятъ отречься отъ него, какъ отрекаются отъ Кирилла и Антонія: „Мы питаемъ надежду что ваше преосвященство, яко храбрый воинъ Іисусъ Христовъ, постараетесь побѣдить всѣхъ противящихся истинѣ: а если это невозможно будетъ, по крайней мѣрѣ, не увлечься съ дѣлателями беззаконія во мрежу нечестія.... Но если ваше преосвященство согласитеся съ Кирилломъ во единомысліи, или будете молчаливымъ потаковникомъ, то мы вынуждены будемъ и съ вами распрощаться, хотя и съ величайшею горестью."

Въ то же время они и къ Кириллу отправили обличительное посланіе, гдѣ напомнивъ ему болѣе важныя изъ учинен-

* Разумѣются извѣстные восемь вопросовъ, еще въ 1865 году поданные для рѣшенія старообрядскимъ духовнымъ властямъ отъ Онуфрія, Пафнутія, Филарета и прочихъ членовъ бѣлокриницкой іерархіи, присоединявшихся тогда къ церкви. Они-то здѣсь и называются уничижительно „отступниками", названіе нисколько, впрочемъ, не обидное для нихъ; они дѣйствительно *отступили* отъ раскола чтобы *вступить* въ церковь. Дай Богъ чтобы въ этомъ смыслѣ сдѣлались когда-нибудь „отступниками" и тѣ кѣмъ писано это письмо къ Аркадію, исполненное горькихъ и искреннихъ жалобъ на расколъ и представителей раскола, разныхъ Кирилловъ съ Антоніями и Прокоповъ съ Давыдами....

ныхъ имъ противозаконныхъ распоряженій, настоятельно требовали отъ него раскаянія и исправленія. „Можете ли вы, сказано между прочимъ въ этомъ посланіи, именоваться всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ митрополитомъ, и могутъ ли православные христіане вамъ подчиняться и вручать свои души, когда вы совершенно вышли изъ предѣловъ благоразумія и уклонились въ развращеніе, и всѣ распоряженія ваши не что̀ иное какъ кукольная комедія, или дѣтскія игрушки, ни съ чѣмъ несообразныя, ведущія къ раздору, раздѣленію и совершенному разстройству?.... Отнынѣ, аще убо не раскаетеся и не проклянете соборнѣ богомерзкую прокопіанскую ересь, и не уничтожите всѣ свои незаконныя, безъ согласія и совѣта епископовъ, дѣйствія и распоряженія, въ числѣ коихъ произведенія въ епископскіе саны беззаконно поставленныхъ гуслицкаго Антонія схизматика и новоустроеннаго своего намѣстника, и не подчините себе силѣ священныхъ каноновъ: то мы болѣе не можемъ васъ почитать за пастыря и святителя, но по правиламъ святыхъ отецъ оставимъ всеконечно.“ Въ посланіи ни разу не упомянуто было о предназначенномъ соборѣ; но тѣмъ не менѣе ясно, что все оно составлено подъ вліяніемъ тревожной мысли объ этомъ нечего добраго не обѣщающемъ соборѣ; всѣ эти обличенія и угрозы, расточаемыя предсѣдателю будущаго собора, очевидно, внушены желаніемъ, нельзя ли удержать его отъ новыхъ безразсудныхъ и противозаконныхъ распоряженій. Не довольствуясь посланіями, московскіе окружники рѣшились отправить въ Бѣлую Криницу и своихъ депутатовъ, чтобъ имѣть по крайней мѣрѣ непосредственныхъ свидѣтелей того что̀ будетъ происходить на соборѣ, именно послали Е. Ѳ. Смѣсова и попа Евменія.

Само собой разумѣется, что окружники совершенно ошиблись въ разчетѣ, если думали своимъ обличительнымъ посланіемъ сколько-нибудь вразумить Кирилла: Кириллъ не только не вразумился, но едвали понялъ, даже едвали прочелъ что̀ они писали. За то на Аркадія московское посланіе должно было произвести впечатлѣніе. Изъ него Аркадій долженъ былъ понять что въ средѣ московскихъ старообрядцевъ-окружниковъ существуетъ раздѣленіе, на одной сторонѣ Антоній, на другой прославшіе посланіе; первый убѣдительно проситъ заключить миръ съ раздорниками, не стѣсняясь ничѣмъ; послѣдніе требуютъ, напротивъ, прежде

всего позаботиться о сохраненіи въ силѣ *Окружнаго Посланія* и никакъ не приносить его въ жертву незаконному и ненадежному миру съ раздорниками. Аркадію, очевидно, предстояло рѣшить трудный вопросъ, какъ ему дѣйствовать относительно самихъ окружниковъ, интересы которыхъ онъ долженъ былъ защищать на соборѣ. Это усиливало еще болѣе тѣ затрудненія которыя, какъ могъ онъ сообразить и свободѣ пока жилъ безъ всякаго дѣла въ митрополіи, неизбѣжно ожидали его на предстоящихъ соборныхъ засѣданіяхъ.

Между тѣмъ и срокъ назначенный для открытія засѣданій пришелъ; одинъ за другимъ начали съѣзжаться депутаты отъ старообрядскихъ обществъ и прочія лица желавшія присутствовать на соборѣ.

III.

28-го іюня, наканунѣ того дня который назначенъ былъ послѣднимъ срокомъ для открытія соборныхъ засѣданій, в Бѣлой Криницѣ одного за другимъ встрѣчали съѣзжавшихся для присутствія на соборѣ старообрядцевъ. Прежде всѣхъ рано по утру, явились самые вожделѣнные для Кирилла гости—депутаты московскихъ раздорниковъ: Давыдъ Антиповъ Крючковъ и попъ Василій Бухаровъ; вслѣдъ за ними вторично пріѣхали и главные изъ заграничныхъ раздорниковъ формосскіе депутаты Прокопъ Лаврентьевъ и попъ Григорій. Послѣ полудня прибыли Аркадій, архіепископъ Васуѣскій, и архимандриты, мануиловскій Варсонофій и тисскій Евфросинъ, съ нѣкоторыми другими лицами. Вечеромъ пріѣхали во второй разъ депутаты яскіе, извѣстный Василій Ѳомичъ и Агаѳонъ Ивановъ, и боташанскіе—два брата Сидоръ и Ѳома Меркуловы. Это были окружники; но такъ какъ въ Боташанахъ имѣется значительная партія раздорниковъ, то съ ихъ стороны пріѣхали также нѣсколько человѣкъ на помощь московскимъ, бѣлокриницкимъ и формосскимъ единомышленникамъ своимъ. А на сторонѣ окружниковъ были еще пріѣхавшіе изъ Россіи депутаты отъ черниговскихъ слободъ Лужковъ, Елеонки и Воронна, Ефимъ Бушевъ и Осипъ Жеребцовъ, которыхъ убѣдили отправиться на соборъ окружники московскіе. *

* Объ этомъ упоминаетъ самъ Бушевъ въ письмѣ своемъ въ Москву.

Взаимныя отношенія между собравшимися въ Бѣлой Криницѣ старообрядцами опредѣлились немедленно: раздорники соединились вокругъ Кирилла, окружники пріютились вокругъ Аркадія. Для этихъ послѣднихъ назначено было особое помѣщеніе въ кельѣ Алимпія и въ кельѣ бывшаго архидіакона Филарета. * Здѣсь для нихъ учреждалась и трапеза, тогда какъ раздорники собирались трапезовать въ келіяхъ самого митрополита Кирилла.

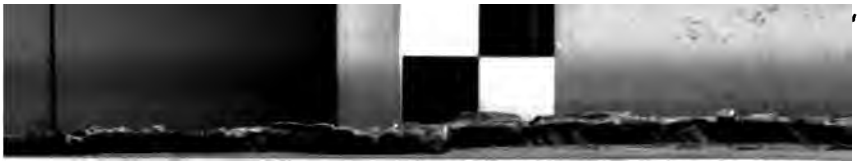
29-е число проведено было въ Бѣлой Криницѣ по-праздничному: ни собраній, ни совѣщаній въ этотъ день не происходило. Кириллъ, ради своихъ гостей раздорниковъ, отправлялъ торжественную службу, служилъ соборнѣ со своимъ намѣстникомъ архіепископомъ Формосскимъ Антоніемъ. Оба Аркадія и оба архимандрита къ служенію приглашены не были. Евфросинъ даже обращался къ Кириллу съ просьбой дозволить отслужить; но Кириллъ отвѣчалъ: „не можно, ты подписался подъ *Окружнымъ*!“ Евфросинъ замѣтилъ Кириллу что и онъ самъ подписался, да еще прежде другихъ. „Меня обманули“, отвѣчалъ Кириллъ, и служить Евфросину все-таки не позволилъ. Ему пришлось, вмѣстѣ съ прочими, слушать литургію стоя за клиросомъ. Впрочемъ, главные противуокружники, для которыхъ и было собственно устроено торжественное служеніе, Давыдъ Антиповъ, Крючковъ и попъ Василій въ церковь придти не соизволили, дабы не сообщиться въ моленіи съ находившимися тамъ окружниками.

Слѣдующій день былъ воскресный, и опять ради праздника соборное засѣданіе было отложено. Во время обѣдни въ этотъ день, пріѣхали наконецъ и депутаты московскихъ окружниковъ Е. Смѣсовъ и Евменій. Они явились прямо въ церковь и здѣсь же, послѣ обѣдни, представились Кириллу для обычнаго у старообрядцевъ прощенія. Прочитавъ прощальныя молитвы, Кириллъ спросилъ ихъ зачѣмъ они пріѣхали? „Пріѣхали, владыко святый, ради церковнаго мира, присланы отъ общества на соборъ.“ „Добрѣ, добрѣ, отвѣчалъ Кириллъ, давно бы намъ надо попрощаться. Ну, теперь идите обѣдать, а собраніе будетъ ужь завтра.“ Вечеромъ Акиновъ Васильевъ дѣлалъ угощеніе для почетнѣйшихъ изъ числа раздорниковъ, и никого изъ окружниковъ, даже ясскихъ и

* Нынѣ іеродіаконъ единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ.

боташанскихъ, не удостоилъ приглашеніемъ. Вообще же этотъ день проведенъ былъ во взаимныхъ бесѣдахъ и совѣщаніяхъ по поводу предстоявшихъ соборныхъ занятій, по монастырю расхаживали и собирались въ отдѣльныя кучки раздорники съ раздорниками, окружники съ окружниками. Теперь-то, конечно, эти послѣдніе условились окончательно какъ имъ дѣйствовать на соборѣ. Принимая во вниманіе, съ одной стороны, тѣ неблагопріятныя обстоятельства въ которыхъ они находились по отношенію къ раздорникамъ, съ другой, имѣя въ виду какимъ бы то ни было способомъ прекратить раздоръ въ старообрядствѣ, чего такъ давно всѣ желаютъ, условились не стоять за *Окружное Посланіе*, допустить чтобъ оно не принималось въ руководство и даже было изъято изъ употребленія, какъ виновное въ причиненіи раздора, вовсе однакожь не отказываясь отъ изложеннаго въ *Посланіи* ученія; условились также не противиться и признанію Антонія Гуслицкаго въ званіи дѣйствительнаго епископа, но не уступая при этомъ никакихъ правъ принадлежащихъ архіепископу Антонію (Шутову); за то положили никакъ не соглашаться на принятіе извѣстныхъ еретическихъ ученій Прокопа и Давыда и никакъ не допускать унизительнаго для окружниковъ опредѣленія чтобъ они приносили прощеніе предъ раздорниками, тѣмъ паче были принимаемы въ общеніе съ ними третьимъ чиномъ. На такихъ основаніяхъ предположено было окружниками вести соборныя пренія, и въ такомъ смыслѣ Аркадій Славскій составилъ даже проектъ соборной грамоты. Здѣсь Аркадій Славскій и прочіе окружники бывшіе на совѣщаніяхъ, очевидно, уже измѣнили *Окружному Посланію* и искреннимъ его почитателямъ, напротивъ условились дѣйствовать согласно наставленіямъ Антонія; очевидно также, что рѣшившись и раздорникамъ сдѣлать уступки, и свои мнѣнія сохранить неизмѣнными, они только вредили самимъ себѣ и запутывались въ противорѣчіяхъ. Предать уничтоженію *Окружное Посланіе* и въ то же время неуклонно держаться изложеннаго въ немъ ученія, вступить въ полное, соборнѣ утвержденное соединеніе съ Кирилломъ, Давыдомъ, Прокопомъ и прочими раздорниками и въ то же время рѣшительно отвергаться ихъ еретическихъ мнѣній,—не явное ли это противорѣчіе?

Въ понедѣльникъ, послѣ часовъ отслуженныхъ вмѣсто обѣдни, послѣдовало наконецъ открытіе собора. Въ трапезѣ



прилегающей къ теплой монастырской церкви, по распоряженію Кирилла, еще съ вечера приготовлено было все нужное для засѣданій. Посрединѣ, прямо противъ алтаря, поставленъ былъ столъ, и на немъ положены были три слѣдующія книги: *Кормчая*, *Кириллова* и *Соборникъ* (этой послѣдней дано предпочтеніе предъ другими уважаемыми у старообрядцевъ книгами, вѣроятно, на томъ основаніи что названіе ея созвучно слову *соборъ*); по обѣимъ сторонамъ стола поставлены скамейки; царскія двери въ алтарѣ были отворены, и на престолѣ поставлено Евангеліе, такъ что съ мѣста засѣданія, изъ трапезы, его можно было видѣть. Не мало собралось любопытнаго народа изъ липованъ посмотрѣть что̀ будетъ дѣлаться на соборѣ. Вошелъ предсѣдатель, владыка Кириллъ. По обычаю, положили *начало*, и Кириллъ сталъ читать *прощеніе*. Московскіе раздорники — Давыдъ Антиповъ, Крючковъ и попъ Василій никакого участія въ этихъ строго исполняемыхъ старообрядцами дѣйствіяхъ не принимали, не молились *началу* и не кланялись при прощеніи, а стояли неподвижно. Это всѣмъ бросилось въ глаза, и всѣ приняли это за дерзость съ ихъ стороны; но замѣчанія никто не рѣшился имъ сдѣлать. Это была, дѣйствительно, дерзость; но дерзость совершенно въ раскольничьемъ духѣ. И еслибы Аркадій Славскій, или кто другой изъ окружниковъ вздумалъ по сему случаю сдѣлать Давыду Антипову замѣчаніе, онъ могъ бы весьма основательно отвѣтить: „насъ винить не за что̀; а вы, напротивъ, подлежите законному обвиненію. Вы на своемъ ботаншскомъ соборѣ положили: „съ Прокопомъ Лаврентьевымъ заповѣдаемъ всѣмъ православнымъ „христіанамъ не имѣть сообщенія ни въ ястіи, ни въ питіи, и „*вкупѣ Богу не молитися* до рѣшенія соборнаго“: а теперь сами, вопреки этому опредѣленію, съ Прокопомъ и прочими его единомышленниками молитесь и свою же заповѣдь преступаете! А мы, понеже вашего *Окружнаго Посланія*, за ереси онаго, не пріемлемъ и съ вами, яко со еретиками, въ моленіи сообщатися за грѣхъ почитаемъ, того ради и на дѣлѣ таковаго общенія не показуемъ. Другіе же намъ не указъ!“ Но, какъ сказано выше, окружники и сами не окружники, для которыхъ дерзость оказанная Давыдомъ Антиповымъ съ товарищи могла быть еще обиднѣе, благоразумно уклонились отъ всякихъ замѣчаній и приступили къ занятію мѣстъ,

каждый по своему чину—епископы, прочія священныя и духовныя лица, депутаты, уставщики.

По возстановленіи тишины и по нѣкоторомъ молчаніи возвысилъ гласъ епископъ Славскій Аркадій. Онъ обратился къ Кириллу съ такою рѣчью: „Владыко святый! Здѣсь нѣтъ архіепископа Антонія,—вы знаете, что ему нельзя сюда пріѣхать; но онъ меня просилъ чтобъ я здѣсь за него присутствовалъ.“ Что Аркадій былъ уполномоченъ дѣйствовать на соборѣ отъ имени Антонія, это было извѣстно Кириллу и изъ собственныхъ къ нему писемъ Антонія. * Аркадій продолжалъ: „Владыко святый! Онъ, архіепископъ Антоній, проситъ у васъ прощенія, простите его ради мира церковнаго; и я прилагаю свою просьбу о его прощеніи.“—„Ну, что же, отвѣчалъ Кириллъ, Богъ его проститъ!“ Въ чемъ же Аркадій такъ убѣдительно просилъ Антонію прощенія у Кирилла и въ чемъ этотъ послѣдній такъ охотно простилъ господина архіепископа? Было ли это дѣйствительно „прощеніе за церковный раздоръ чрезъ *Окружное Посланіе*“, какъ сказано потомъ въ соборной грамотѣ, или это была только обычная, въ сущности не имѣющая значенія, обрядовая форма, принятая во взаимныхъ сношеніяхъ между старообрядцами, во всякомъ случаѣ Аркадій не совсѣмъ удачно открывалъ соборныя засѣданія подобнаго рода просьбами, которыя могли внушить раздорникамъ только еще больше самоувѣренности. Но Аркадій не остановился и на этомъ. Согласно предварительному условію не стоять за *Окружное Посланіе*, онъ съ самаго же начала предложилъ сдѣлать соборнѣ постановленіе, чтобъ это посланіе, надѣлавшее столько бѣдъ и столько раздоровъ, отселѣ не было принимаемо у старообрядцевъ, даже совсѣмъ уничтожить оное и вмѣнить яко не бывшее. Такое предложеніе, разумѣется, было не противно раздорникамъ, и они, съ своей стороны, также изъявили на него согласіе. Дѣло, повидимому, принимало благопріятный оборотъ. Аркадій сталъ благословляться у Кирилла составить въ указанномъ смыслѣ опредѣленіе объ *Окружномъ Посланіи*: „благослови, владыко, писать бумагу“,—

* Объ этомъ въ послѣдствіи напоминалъ Антонію самъ Кириллъ: „мнѣ писали вы нѣсколько разъ что вы посылаете (Аркадія) въ лицѣ себя, и что онъ сдѣлаетъ на соборѣ, то на все согласенъ“ (письмо Кирилла отъ 22-го октября 1868 г.).

сказалъ онъ, и конечно предложилъ бы на утвержденіе уже составленный имъ проектъ соборной грамоты; но тутъ вмѣшались въ дѣло московскіе депутаты раздорниковъ,—и мирнымъ разглагольствованіямъ былъ положенъ конецъ.

Уничтоженіе *Окружнаго Посланія*, дѣйствительно, согласно было съ желаніемъ раздорниковъ; но Давыдъ Антиповъ хорошо понималъ что сущность дѣла заключалась не столько въ уничтоженіи *Посланія* (его и прежде неоднократно подвергали уничтоженію, да ничего изъ этого не выходило), а въ томъ *какъ* его уничтожить, просто ли вмѣнить яко не бывшее и изъять изъ употребленія, или съ тѣмъ вмѣстѣ подвергнуть проклятію, какъ еретическое, и содержащихъ оное, яко еретичествующихъ, подвести подъ церковное чинопріятіе. Какъ человѣкъ опытный и осторожный, онъ понималъ что окружники не даромъ такъ охотно предлагаютъ уничтожить *Посланіе*, что въ опредѣленіи, которое намѣренъ представить Аркадій, есть какая-нибудь уловка. И потому, едва только Аркадій завелъ рѣчь о составленіи опредѣленія, Давыдъ Антиповъ выступилъ на средину съ своимъ собственнымъ, которое привезъ изъ Москвы. „Благослови, владыко, прочесть постановленіе“, сказалъ онъ. Кириллъ, разумѣется, отвѣтилъ: „Богъ благословитъ!“ Въ постановленіи, которое прочелъ Давыдъ, говорилось также объ уничтоженіи *Окружнаго Посланія*, но при этомъ оно подвергалось еще и проклятію, а пріемлющіе *Посланіе* обязывались испросить себѣ прощеніе и разрѣшеніе отъ непріемлющихъ, въ противномъ же случаѣ обрекались совершенному отлученію отъ церкви. Такихъ требованій окружники, согласно ихъ предварительному взаимному условію, принять не могли. Тотъ же Аркадій который предлагалъ уничтожить *Окружное Посланіе* рѣшительно сказалъ теперь что проклинать *Посланіе* не за что, ибо ересей въ немъ нѣтъ никакихъ. И вотъ начались обычныя на раскольничьихъ соборахъ шумныя пренія. „Какъ нѣтъ ересей въ *Окружномъ*! заговорили въ одинъ голосъ раздорники: оно не исповѣдуетъ въ россійской церкви быти инаго Бога, сѣносный, четырехконечный крестъ признаетъ истиннымъ крестомъ Христовымъ, за еретика просфору приносить повелѣваетъ.... Мало ли въ немъ ересей!“ Окружники отвѣчали: „все это не ереси, а правое ученіе; ереси проповѣдуете вы и вашъ Прокопъ Лаврентьевъ: вотъ его богопротивное ученіе необходимо предать проклятію!“

Прокопъ Лаврентьевъ, бывшій на лицо, отклонилъ отъ себя всякую отвѣтственность; онъ сказалъ что изложенное имъ ученіе утверждено самимъ митрополитомъ Кирилломъ и принято всѣми находящимися въ общеніи съ митрополитомъ. Раздорники дѣйствительно ополчились за Прокопа; владыка же Кириллъ молча озиралъ препирающихся и только по временамъ отверзалъ уста чтобы похвалить кого-нибудь изъ раздорническихъ ораторовъ: „добрѣ говоритъ Давыдъ, добрѣ“ или: „и я кажу такъ, Акиневъ, и я кажу такъ!“ Въ концѣ всѣхъ этихъ безпорядочныхъ споровъ выходило, что окружники не могутъ принять опредѣленія объ уничтоженіи *Окружнаго Посланія* въ томъ видѣ какъ оно изложено Давыдомъ Антиповымъ, а раздорники сдѣлать имъ уступку несогласны.

Перешли къ толкамъ о другой причинѣ раздора, о замѣщеніи московской каѳедры и о взаимныхъ отношеніяхъ между московскими Антоніями. Было сдѣлано нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній о томъ и другомъ изъ этихъ послѣднихъ: Крючковъ отстаивалъ права поставленнаго при его содѣйствіи гуслицкаго Антонія; за господина архіепископа твердо стоялъ Аркадій Славскій, ясскіе депутаты и сами депутаты московскихъ окружниковъ; попъ Евменій даже по сему случаю побѣдоносно сразился съ Крючковымъ. Впрочемъ, было замѣтно, что относительно опредѣленія взаимныхъ отношеній между двумя Антоніями, при уступчивости на этотъ счетъ со стороны окружниковъ, можно будетъ столковаться. Все дѣло стояло за *Окружнымъ Посланіемъ*. Возобновлять споры о немъ было уже поздно: наступило время трапезовать.

Итакъ это первое, уже довольно бурное засѣданіе, происходившее однако въ предверіи храма, при отверстыхъ царскихъ вратахъ и при всей торжественной обстановкѣ липованскихъ соборовъ, кончилось ничѣмъ. Тѣхъ уважаемыхъ старообрядцами книгъ, которыя ради пущей важности положены были на столѣ, разумѣется, и не думали касаться. А потомъ уже подобныхъ собраній и совсѣмъ не было. Правда, въ тотъ же день послѣ обѣда, подкрѣпивъ себя пищею, нѣсколько окружниковъ и раздорниковъ собрались для разглагольствія въ митрополичьихъ кельяхъ; но такъ какъ разглагольствія эти скоро приняли характеръ тѣхъ же безполезныхъ, ни къ чему не ведущихъ споровъ, то нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ старообрядцевъ, въ томъ числѣ ясскіе и ботошанскіе депутаты, предпочли отправиться на ярмарку въ

Черновицъ, откуда возвратились уже на слѣдующій день (2-го іюля). Въ этотъ день опять собирались для разглагольствій, и опять не рѣшили ничего. Окружники предлагали принять составленную Аркадіемъ грамоту; раздорники и самъ Кириллъ требовали напротивъ, чтобы безусловно принято было опредѣленіе представленное Давыдомъ Антиповымъ.

3-го числа утромъ были новые жаркіе споры. Раздорники такъ кричали безобразно, что Аркадій и другія почетныя лица изъ окружниковъ принуждены были выйти изъ собранія, а ясскіе и ботошанскіе депутаты начали даже приготовлятся къ отъѣзду изъ Бѣлой-Криницы. Но Кириллу не хотѣлось отпустить ихъ ничего не порѣшивши: онъ задумалъ устроить еще собраніе и съ этою цѣлію самъ пришелъ въ Алимпіеву келью, занимаемую окружниками, куда вслѣдъ за нимъ явились и раздорники. Нѣсколько времени бесѣда шла довольно чинно; раздорники, повидимому, готовы были сдѣлать даже нѣкоторыя уступки окружникамъ, — именно: признать обоихъ Антоніевъ законными пастырями Москвы, даже статью о пріемлющихъ *Окружное Посланіе* изложить въ выраженіяхъ менѣе рѣзкихъ. Но вотъ одинъ изъ окружниковъ, ботошанскій депутатъ Сидоръ Меркуловъ, замѣтилъ что нужно бы произнести осужденіе на Прокопову ересь и содержащихъ оную, а не *Окружное Посланіе* уничтожать. Этого было достаточно чтобы поднять вопли и крики противъ *Окружнаго*: оно возмутило всю вселенную! Оно сближаетъ насъ, православныхъ христіанъ, съ еретиками! оно научаетъ, якобы у великорусскихъ единъ Богъ съ нами, якобы четырехконечный крестъ имѣетъ такую же силу какъ осмиконечный! и пр. Пошли опять споры о имени *Іисусъ*, о четырехконечномъ крестѣ. Сидоръ Меркуловъ доказывалъ что называть крестъ четырехконечный крыжемъ латинскимъ и кумиромъ антихристовымъ великое нечестіе; Давыдъ Антиповъ утверждалъ, напротивъ, что такое названіе давали ему и прежде уважаемые предки старообрядцевъ, даже ссылался, совершенно не кстати, на свидѣтельство Св. Ипполита: „Да и въ словѣ Ипполитовомъ, въ недѣлю сыропустную, напечатано, что противникъ во всемъ подобится Христу“. Сидоръ Меркуловъ отвѣчалъ ему съ сарказмомъ: „еслибы ты не сказалъ теперь, такъ я бы этого и не зналъ!“ Кириллъ старался какъ-нибудь прекратить споры: „треба попрощаться“, говорилъ онъ, обращаясь то къ той сторонѣ, то къ другой.

Тотъ же Сидоръ Меркуловъ отвѣчалъ ему рѣшительно, что пока раздорники не откажутся письменно отъ своихъ еретическихъ мудрованій, дотолѣ прощаться не возможно. Негодованіе раздорниковъ доведено было этимъ замѣчаніемъ до послѣдней крайности; на окружниковъ посыпались обвиненія что сами они повинны во всевозможныхъ ересяхъ. Очевидецъ, описывая происходившія при этомъ безобразныя крики, разказываетъ: „одни кричатъ: *Іисуса* приняли! другіе кричатъ: одного Бога съ великороссійскою церковью имѣютъ! А Ѳома Меркуловъ (братъ Сидора), стоявшій въ сторонѣ, видитъ что одинъ боташанскій раздорникъ стоитъ молча, толкнулъ его да и говоритъ: „чего ты молчишь? Поди въ кучу, „кричи хоть что-нибудь! Бывшіе по близости покатились со смѣху“... Этимъ неприличнымъ сценамъ весьма кстати положили конецъ гостепріимныя старицы женскаго монастыря: онѣ прислали всѣмъ участникамъ этого достопримѣчательнаго собора приглашеніе пожаловать къ нимъ откушать хлѣба-соли, каковое приглашеніе обѣ враждующія стороны приняли съ одинаковымъ удовольствіемъ.

Сейчасъ описанное бурное собраніе было послѣднимъ: окружники рѣшились утромъ слѣдующаго дня (4-го іюля) выѣхать непремѣнно изъ Бѣлой Криницы. Кириллу и теперь не хотѣлось, какъ самъ онъ говорилъ, отпустить ихъ безъ дѣла, и въ надеждѣ что-нибудь сдѣлать, онъ просилъ ихъ остаться по крайней мѣрѣ до обѣда. Окружники остались; но дѣло отъ этого ни мало не подвинулось къ лучшему. Послѣ обѣда всѣ они пошли къ Кириллу прощаться. Положили *начала*, прочитали прощеніе: Кириллъ, недовольный ихъ отъѣздомъ, не принималъ въ этой церемоніи никакого участія. Стали подходить подъ благословеніе,—первый подошелъ Аркадій Васуйскій: Кириллъ не сталъ благословлять: „не могу, говоритъ, пока не попрощаетесь“. Окружники этимъ не смутились, положили три поклона предъ иконами и молча, не кланяясь Кириллу, пошли изъ его кельи. Къ вечеру же того дня въ Бѣлой Криницѣ не осталось никого изъ пріѣзжихъ окружниковъ. Только московскіе депутаты провели еще ночь въ женскомъ монастырѣ, гдѣ они имѣли квартиру у живущей тамъ нѣкоей московской дѣвицы Прасковьи Алексѣевны; но 5-го числа и они отправились обратно въ Москву съ запасомъ не очень утѣшительныхъ извѣстій о видѣнномъ и слышанномъ въ Бѣлой Криницѣ.

IV.

Если Кириллъ былъ недоволенъ что окружники уѣхали не докончивъ дѣла, то раздорники, напротивъ, не слишкомъ объ этомъ сокрушались; они даже находили что съ отъѣздомъ окружниковъ ихъ положеніе стало гораздо выгоднѣе. Теперь они могли сдѣлать то чего давно желали, установить и утвердить соборнѣ полное, окончательное раздѣленіе между неокружниками и окружниками, предавъ послѣднихъ совершенному отлученію и постановивъ не иначе допускать ихъ до общенія съ вѣрными, т.-е. неокружниками, какъ чрезъ пріятіе третьимъ или даже вторымъ чиномъ *. Но вопреки ихъ ожиданіямъ и вопреки желанію самихъ окружниковъ, дѣло приняло другой оборотъ. Случайное обстоятельство (какая-то исторія съ паспортомъ) заставило Аркадія изъ Черновицъ пріѣхать обратно въ Бѣлую Криницу. Вечеромъ 5-го числа онъ уже былъ здѣсь и не преминулъ завести бесѣду о крайней нуждѣ умирить мятущееся старообрядство, желая такимъ образомъ продолжать еще не доконченное дѣло о соборѣ. Раздорники не слишкомъ охотно приняли его предложеніе, однако отъ разглагольствій о взаимномъ примиреніи не отказались. Мы видѣли что Аркадій, до открытія еще соборныхъ засѣданій, на совѣтѣ съ окружниками, представилъ имъ нужду ради мира церковнаго сдѣлать разныя уступки раздорникамъ; теперь, безъ товарищей, онъ пошелъ гораздо дальше на этомъ пути и въ новыхъ переговорахъ съ раздорниками изъявилъ готовность сдѣлать имъ такія уступки, противъ которыхъ рѣшительно высказались бывшіе сотоварищи его по собору; наконецъ онъ рѣшился даже принять составленную Давыдовъ Антиповымъ грамоту во всей ея силѣ, съ самыми незначительными измѣненіями и дополненіями. Цѣлый почти день, 5-го іюля, прошелъ въ этихъ переговорахъ и въ приготовленіи окончательной редакціи акта; а вечеромъ того же дня, попрощавшись съ Кирилломъ, Аркадій подписалъ уже соборную грамоту. Немедленно разослали телеграммы къ Аркадію Васлуйскому съ обоими архимандритами, къ ясскимъ, ботошанскимъ и черниговскимъ депутатамъ, чтобы поспѣшили

* Давидъ Антиповъ, ничѣмъ не стѣсняясь, творилъ это въ Бѣлой Криницѣ.

возвратиться въ митрополію для подписанія акта примиренія, уже принятаго и утвержденнаго епископомъ Аркадіемъ. Этотъ подписанный Аркадіемъ актъ примиренія былъ торжествомъ раздорнической партіи; онъ состоялъ изъ слѣдующихъ трехъ пунктовъ: въ первомъ *Окружное Посланіе*, со всѣми положенными въ немъ статьями, уничтожается, опровергается и проклинается, а тѣ которые будутъ почитать *Окружное Посланіе* и подобныя ему писанія, „составленныя отъ своего смышленія и несогласныя божественному писанію,—за справедливыя и душеспасительныя, таковые отсѣкаются отъ церковнаго общенія, яко гнилый и непотребный удъ“. Очевидно, что статья объ уничтоженіи *Окружнаго Посланія* изложена вполнѣ согласно съ требованіями Давыда Антипова и прочихъ раздорниковъ. Во второмъ и третьемъ пунктахъ говорится о двухъ Антоніяхъ: желая сдѣлать уступку той и другой сторонѣ, о чемъ было заявлено и на прежнихъ засѣданіяхъ, постановили считать обоихъ Антоніевъ законными московскими епископами, съ тѣмъ только различіемъ, чтобы старый Антоній именовался московскимъ и владимірскимъ, а новый просто московскимъ; въ основаніе этого страннаго опредѣленія приведенъ примѣръ („случайный образецъ“, какъ сказано въ грамотѣ) Мелетія и Павлина, одновременно числившихся на епископской антіохійской каѳедрѣ. Здѣсь же, въ третьемъ пунктѣ, постановлено, чтобы всѣ принимавшіе *Окружное Посланіе* священно-іереи и мірстіи люди принесли прощеніе священнымъ лицамъ неокружникамъ, и чтобъ епископъ Софроній, многократно запрещенный, былъ признаваемъ за епископа. Очевидно, что содержаніе и этихъ двухъ пунктовъ вполнѣ соотвѣтствовало требованіямъ противуокружниковъ; Аркадію, или вообще окружникамъ, сдѣлана лишь та уступка, что старый Антоній признанъ все-таки законнымъ московскимъ архіепископомъ (что и составляетъ для него верхъ желаній), да еще исключено требованіе чтобъ окружниковъ принимать въ общеніе третьимъ чиномъ, хотя и прощеніе, которое обязывались они приносить священнымъ лицамъ изъ неокружниковъ, есть тоже своего рода чинопріятіе. Но Аркадій ребячески услаждался еще однимъ измѣненіемъ которое удалось ему сдѣлать въ грамотѣ Давыдовой. Въ первый пунктъ, гдѣ говорилось о писаніяхъ „составленныхъ отъ своего смышленія“, Аркадій настоялъ внести одно правило изъ Кормчей книги, которымъ подвер-

гается анаѳемѣ „вся, яже чрезъ церковная преданія и учительства и воображенія святыхъ и приснопамятныхъ отецъ новосотворенная и содѣянная, или по семъ содѣятися хотящая“, и подобное же мѣсто изъ Кирилловой книги. Аркадій внесъ эти выписки въ соборное опредѣленіе съ тайной мыслію, что ими ниспровергаются нечестивыя Прокопова и прочія раздорническія писанія и напротивъ утверждается согласное церковному преданію ученіе *Окружнаго Посланія:* „Не подумайте, писалъ онъ въ Москву,—не подумайте о нашей грамотѣ, что она *неразсудительная*. Она составлена Давыдовцами, они приписываютъ намъ ереси, а свою Прокопову считаютъ за благочестіе; *но приведенныя изъ Кормчей и изъ Кирилловой слова нами приведены на ересь Прокопову и прочія ихъ тетради*“ *. Итакъ, вотъ чѣмъ утѣшалъ себя велемудрый Аркадій, вотъ чѣмъ выразилъ свою *разсудительность* въ принятіи грамоты составленной давыдовцами! Но, вопервыхъ, дѣйствовать съ затаенною мыслію, — одно думать, а другое говорить и подписывать,—это правило іезуитское, это обманъ, употребленный въ такомъ дѣлѣ которое старообрядскій епископъ считалъ, безъ сомнѣнія, важнымъ церковнымъ дѣломъ. Вовторыхъ, кто же изъ людей, сколько-нибудь разсудительныхъ, не поймѣтъ, что по смыслу грамоты, подписанной Аркадіемъ, приведенныя имъ слова изъ Кормчей и Кирилловой книги направлены вовсе не противъ ереси Прокоповой и раздорническихъ тетрадей, а противъ *Окружнаго Посланія*, что изреченная здѣсь анаѳема отнесена именно къ этому послѣднему? Какъ не понялъ Аркадій, что каждый будетъ и долженъ разумѣть соборную грамоту по ея дѣйствительному содержанію (какъ именно разумѣютъ и сами старообрядцы), а не по тайнымъ сокровеннымъ мыслямъ Аркадія?

Нѣтъ, что бы ни говорилъ Аркадій о *разсудительности*, якобы употребленной имъ въ подписаніи Давыдовой грамоты, именно этого качества и не замѣчается въ настоящемъ его поступкѣ, такъ что нельзя не подивиться какъ онъ, при своей дальновидности и твердости характера, могъ сдѣлать такой неосторожный шагъ. По всей вѣроятности, онъ подчинился въ этомъ случаѣ настойчивымъ просьбамъ господина архіепископа Антонія, желавшаго во что бы то ни стало

* Письмо къ московскимъ иноносцамъ .

заключить выгодный для него миръ съ раздорниками и, быть-можетъ, увѣрявшаго, что это общее желаніе всѣхъ московскихъ „христіанъ“, для которыхъ сталъ невыносимъ нескончаемый раздоръ въ старообрядствѣ. Аркадій самъ говорилъ что у него шла дѣятельная переписка съ Антоніемъ, что изъ Москвы получались разнорѣчивыя письма, которыя ставили его въ большое затрудненіе, такъ что онъ рѣшился изъ двухъ золъ избрать меньшее, по его мнѣнію, т.-е. подписать Давыдову грамоту. Вообще, какъ ни бодрился Аркадій, но самъ про себя не могъ не сознаться что радоваться нечему. За то раздорники вполнѣ торжествовали, и было отъ чего: окружники сдались на полную ихъ волю! Теперь, въ порывахъ великодушія, они спѣшили оказывать Аркадію всевозможные знаки вниманія, какъ единомышленному ихъ владыкѣ, позаботились устроить для него и церковное, и общественное торжества, къ которымъ еще такъ недавно для него запрещенъ былъ доступъ въ Бѣлой Криницѣ. На другой же день послѣ того какъ онъ изъявилъ согласіе подписать грамоту, именно 7-го іюля, въ воскресенье, Кириллъ вмѣстѣ съ нимъ торжественно отправилъ литургію, послѣ которой цѣлый день звонили въ колокола на всѣхъ трехъ бѣлокриницкихъ колокольняхъ. Тогда же Акиневъ Васильевъ устроилъ у себя пиръ, на которомъ владыка-Аркадій былъ почетнымъ гостемъ и протрапезовалъ со своими новыми друзьями до поздняго вечера. Такъ измѣнились обстоятельства!

8-го іюня было заготовлено около восьми экземпляровъ соборной грамоты для отсылки ихъ въ разныя старообрядскія общества. Когда Кириллъ, Аркадій и прочіе занимались подписываніемъ этихъ грамотъ, пріѣхали вызванные по телеграфу Аркадій Васлуйскій, оба архимандрита и депутаты ясскіе, ботошанскіе и черниговскіе. Они возвращались, какъ видно, съ увѣренностію что Аркадій Славскій успѣлъ склонить раздорниковъ къ принятію соборнаго акта именно въ томъ видѣ какъ они сами были готовы принять его,— иначе, думали, ихъ не стали бы вызывать обратно, притомъ же съ такою поспѣшностію. Тѣмъ тяжелѣе было встрѣтившее ихъ въ Бѣлой Криницѣ разочарованіе, котораго они и не старались скрывать. Ясскіе и прочіе депутаты даже объявили рѣшительно что такого соборнаго неправильнаго акта они и не подпишутъ, хотя раздорники сильно убѣждали ихъ

подписаться, а Давыдъ Антиповъ даже увѣрялъ что въ Москвѣ такимъ опредѣленіемъ всѣ останутся довольны. „Мы, писалъ одинъ изъ депутатовъ, видѣвше истину попираему, не согласились подписаться на ихъ актѣ“ *. Впрочемъ главнаго виновника, добровольно предавшаго истину на попраніе, Аркадія Славскаго, они по возможности старались (хотя совершенно неудачно) извинить (какъ и самъ онъ извинялся) необходимостію изъ двухъ золъ избрать меньшее, снисходительностію къ немощной братіи, христіано-пастырскою любовію и т. п. ** А духовныя лица — Аркадій Васлуйскій, архимандриты Евфросимъ и Варсонофій даже не отказались и поддержать его: они, по его примѣру, скрѣпили составленный Давыдомъ Антиповымъ соборный актъ своими подписями.

Итакъ всѣ высшія духовныя лица, присутствовавшія на соборѣ, подписали *Соборное Опредѣленіе*. Затѣмъ оно быстро покрылось подписями разныхъ священно-іереевъ и всѣхъ иноковъ бѣлокриницкихъ (даже не умѣющихъ грамотѣ), многихъ липованъ формосскихъ, ботаншскихъ, бѣлокриницкихъ и климоуцкихъ ***. Этимъ новый липованскій соборъ, вполнѣ достойный своихъ предшественниковъ, былъ законченъ, и торжествующіе депутаты московскихъ раздорниковъ, снабженные драгоцѣнною грамотой, ни мало не медля оставили Бѣлую Криницу: 9-го числа они были уже на пути въ Москву. Поспѣшили уѣхать и возвратившіеся на такую бѣду окружники; теперь они отправились домой еще съ бо́льшимъ огорченіемъ нежели въ прошлый разъ. И самому Аркадію было тошно въ митрополіи, онъ перебрался въ женскій монастырь, къ гостепріимной московской дѣвицѣ, Прасковьѣ Алексѣевнѣ, чтобъ отдохнуть немного и собраться съ мыслями прежде нежели отправиться въ свою давно оставленную епископію.

* Письмо Ѳомина.

** Такими неудачными попытками оправдать Аркадія за подписаніе бѣлокриницкой грамоты особенно отличаются письма Ефима Бушева.

*** Достойно замѣчанія, что изъ бывшихъ на соборѣ московскихъ раздорниковъ, подписалъ грамоту одинъ только попъ Василій Бухаровъ, какъ представитель Антонія Гусицкаго, а Давыдъ Антиповъ и Ефимъ Крючковъ подписаться не соизволили, какъ надобно полагать, по той причинѣ что не желали возвѣщать міру о своемъ путешествіи за границу и совершенныхъ въ Бѣлокриницкой митрополіи подвигахъ.

Положеніе Аркадія дѣйствительно было таково, что вызывало на многія тревожныя мысли. Какъ ни почтительно относились къ нему лично ясскіе, ботошанскіе и слободскіе депутаты, но ихъ отказъ подписаться на *Соборномъ Опредѣленіи*, которое принялъ Аркадій какъ обязательное для старообрядцевъ-окружниковъ, долженъ былъ внушать ему опасеніе что, пожалуй, найдется между старообрядцами много подражателей ихъ примѣру, причемъ, можетъ-быть, и ему лично уже не станутъ оказывать уваженія, или даже снисхожденія. Московское письмо, въ которомъ прямо угрожали распрощаться съ нимъ въ случаѣ его соглашенія съ раздорниками, теперь получало для него особенное значеніе и могло служить сильнымъ подтвержденіемъ его опасеній. Притомъ же въ тотъ самый роковой день 8-го іюля, когда онъ подписалъ *Соборное Опредѣленіе* въ нѣсколькихъ экземплярахъ и когда возвратившіеся въ Бѣлую Криницу депутаты заявили о своемъ несогласіи подтвердить это опредѣленіе своею подписью, изъ Москвы получено было еще письмо, въ которомъ настоятельно просили Аркадія дѣйствовать правильно и законно. Не могло быть сомнѣнія, что въ средѣ московскихъ окружниковъ, за исключеніемъ Антонія и ближайшихъ его единомышленниковъ, соборный актъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и личное поведеніе Аркадія на соборѣ будутъ встрѣчены негодованіемъ. Для Аркадія, при его самолюбіи, одна мысль о возможности такого посрамленія должна была служить источникомъ внутреннихъ терзаній. И что всего хуже, самъ онъ, разсуждая безпристрастно, не находилъ ни одного достаточно сильнаго оправданія своему поступку, которое могъ бы съ обычною самоувѣренностію противопоставить своимъ порицателямъ. Однакоже надобно было придумать что-нибудь въ свое оправданіе чтобъ умѣрить ожидаемое негодованіе противъ него московскихъ окружниковъ. И вотъ изъ женскаго монастыря пишетъ онъ посланіе въ Москву къ двумъ уважаемымъ въ здѣшнемъ старообрядскомъ кругу пожилымъ дѣвицамъ, которыхъ льстиво величаетъ „мироносицами“, и проситъ быть миротворительцами, напоминая имъ что мироносицы остались вѣрны Христу, когда и сами апостолы бѣжали, страха ради іудейска. Здѣсь, въ свое оправданіе, онъ усиливается найти якобы полезныя и разумныя стороны въ бѣлокриницкомъ соборномъ актѣ, объясняетъ какъ искусно и съ какимъ хитрымъ намѣреніемъ помѣстилъ въ немъ изреченія

изъ *Кормчей и Кирилловой книги* и даже, къ удивленію, обѣщаетъ великія блага старообрядству отъ учиненнаго этимъ актомъ „совокупленія іерарховъ“, презираемыхъ всѣми благомыслящими старообрядцами, Кирилла Бѣлокриницкаго, Антонія Шутова, Антонія Гуслицкаго и Софронія Жирова. „Мы думаемъ, писалъ онъ съ какимъ-то необъяснимымъ кощунствомъ, если сіи іерархи соединятся, тогда *и будетъ едино стадо и единъ пастырь*.“ Такъ защищалъ Аркадій мнимыя достоинства подписаннаго имъ соборнаго акта и, конечно, самъ чувствовалъ какая это жалкая защита. Спустя нѣсколько дней онъ пишетъ, изъ Климоуцъ, другое письмо, въ Москву же, къ одному изъ почетныхъ старообрядцевъ и о томъ же предметѣ. Но здѣсь о какихъ-либо достоинствахъ бѣлокриницкаго акта нѣтъ уже и помину; здѣсь онъ извиняетъ себя только крайнею затруднительностію своего положенія на такомъ соборѣ, „гдѣ все горитъ, пылаетъ, гдѣ Евангеліе празднуетъ, а коранъ царствуетъ, гдѣ истина погибе, а лжа покры землю, гдѣ крикъ разнообразенъ, гдѣ все скуплено, все продано“; извиняетъ еще желаніемъ, ради прекращенія безпорядковъ въ старообрядствѣ, заключить какой бы то ни было миръ: „какъ ни помириться, да только бы помириться; грязный миръ (!), да лучше прошедшей брани“ (не рано ли однако называть ее прошедшею). Наконецъ онъ хочетъ утѣшить себя и другихъ надеждой что „буря утихнетъ“, и надежду эту основываетъ на томъ что вѣдь Кириллъ умретъ же когда-нибудь: „подождемъ, и куклы не станетъ: иногда и мыши погребаютъ кота, и звѣри предаютъ землѣ охотника; бываетъ время волкъ на раменахъ носитъ овецъ, наконецъ и волка понесутъ. Перемѣнится время, и буря утихнетъ“. Московскіе старообрядцы справедливо замѣтили объ этомъ письмѣ Аркадія что въ немъ видно „полное разстройство его духа, подобное бывающему послѣ поступка учиненнаго въ отсутствіи разума“. Таковы были для Аркадія первые плоды заключеннаго имъ въ Бѣлой Криницѣ „грязнаго мира“ съ раздорниками. Въ этомъ „полномъ разстройствѣ духа“ и отправился онъ въ свою Славскую обитель, гдѣ, какъ увидимъ, ожидала его плачевная участь.

V.

Между тѣмъ депутаты московскихъ старообрядцевъ-окружниковъ, ничего не вѣдая о печальномъ для нихъ исходѣ собора, такъ неожиданно случившемся послѣ ихъ отъѣзда изъ митрополіи, благополучно прибыли въ Москву. Они передали своимъ довѣрителямъ о всемъ что видѣли и слышали въ Бѣлой Криницѣ. Скорбя о продолжающемся раздорѣ между старообрядцами и ожесточеніи своихъ противниковъ, московскіе окружники тѣмъ не менѣе выразили живѣйшую радость что ихъ уполномоченные и всѣ бывшіе на соборѣ чтители *Окружнаго Посланія* твердо защищали правое ученіе и не согласились пожертвовать имъ ради постыднаго мира; особенно радовались за владыку Аркадія что не посрамилъ возложенныхъ на него надеждъ и „свое славное имя не предалъ на вѣчное поношеніе“. Только господинъ архіепископъ Антоній не раздѣлялъ общей радости окружниковъ, съ недоумѣніемъ слушая разсказы возвратившихся депутатовъ; не того онъ чаялъ и отъ Аркадія, и отъ собора!

Но не долго порадовались окружники, и не долго пребывалъ въ недоумѣніи господинъ архіепископъ. Слухи о дѣйствительномъ положеніи дѣла не замедлили достигнуть до Москвы, а 23-го іюля Антоній получилъ и копію *Соборнаго Опредѣленія*, засвидѣтельствованную собственноручными подписями присутствовавшихъ на соборѣ; пришли потомъ и жалкія объяснительныя письма Аркадія и другихъ участниковъ собора, Итакъ, не было сомнѣнія, что *Окружное Посланіе* соборѣ предано проклятію, что окружники обязаны смиренно испрашивать прощенія у окружниковъ, а въ противномъ случаѣ должны подвергнуться совершенному отлученію отъ церкви! Итакъ справедливо, что на одной и той же московской каѳедрѣ признаны законно-возсѣдающими два епископа — эти два Антонія обратившіеся въ притчу у старообрядцевъ! Справедливо и то чего ожидали всего менѣе, чему такъ не хотѣлось бы вѣрить, справедливо что самъ пресловутый епископъ Аркадій утвердилъ эти нелѣпыя и беззаконныя опредѣленія собственнымъ своимъ подписомъ! Все это повергло искреннихъ почитателей *Окружнаго Посланія* въ неописанную горесть и вызвало въ средѣ московскихъ окружниковъ

общее негодованіе. Недовольство было такъ сильно что самъ господинъ архіепископъ Антоній принужденъ былъ нѣсколько усумниться насчетъ успѣха новой бѣлокриницкой грамоты, содержаніемъ которой онъ былъ очень доволенъ и которой съ своей стороны желалъ полнаго успѣха.

Свое негодованіе и огорченіе по поводу бѣлокриницкаго *Соборнаго Опредѣленія* окружники не преминули выразить прежде всего въ посланіяхъ къ непосредственнымъ участникамъ собора. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно ихъ посланіе къ Аркадію Славскому, служащее отвѣтомъ на упомянутое выше объяснительное письмо Аркадія. Сами составители этого посланія сознаютъ что „писали не стройно и жестоко, потому что кровь кипѣла въ жилахъ отъ напитка, составленнаго въ *студенцѣ бездны*“. * Они дѣйствительно ни мало не сдерживаютъ негодованія возбужденнаго послѣднимъ поступкомъ Аркадія; разбиваютъ въ прахъ тѣ жалкіе предлоги которыми онъ думалъ извинить свое поведеніе на соборѣ, и представляютъ это поведеніе еще болѣе неизвинительнымъ, искусно сопоставляя его съ прежнимъ образомъ дѣйствій Аркадія, снискавшимъ ему такую славу въ старообрядствѣ. Вотъ начало этого интереснаго посланія: „Яко благоуханный кринъ насажденный въ Ливанѣ, яко источникъ свѣтлоструйный и прохладный во время зноя, и яко пресвѣтлое свѣтило поставленное на свѣщницѣ, тако вмѣняхомъ достоуважаемую особу вашего преосвященства. Имя ваше, яко нѣкое священіе, во многихъ устѣхъ обносашеся, и письма ваши всегда приносили намъ веліе утѣшеніе, и мы, копируя оныя, передавали другъ другу, и отъ души благодарили Бога что имѣемъ такого поборника истины и столпа церкви неподвижима, могуща вразумляти неразумныя, заграждати уста глаголющихъ неправду и пособствовати по вѣрнѣмъ словеси ученія. Но нынѣ, увы! погибе надежда упованія нашего, и намъ благовременно есть возгласити пророческое слово: *да плачевопльствитъ питисъ, зане паде кедръ*. Свѣтлоструйный источникъ возмутился, свѣтило потемнѣ, и достохвальное имя ваше поношенію предлежитъ.“

„Получа именуемое *Соборное Опредѣленіе* и видя въ немъ сугубый подписъ вашъ, мы содрогнулись отъ страха и, не

* Намекъ на Бѣлую Криницу, ибо криница значитъ то же что студенецъ, то-есть источникъ, ключъ, кладезь.

вѣря глазамъ своимъ, погрузились въ недоумѣніе; насъ бросило въ холодный потъ. Разсматривая же письмо ваше, видимъ въ немъ полное растройство духа вашего, подобное бывающему послѣ поступка учиненнаго въ отсутствіи разума."

„Вы пишите въ оправданіе себѣ: что дѣлать намъ, гдѣ горитъ-пылаетъ? Гдѣ Евангеліе празднуетъ, а коранъ царствуетъ? Гдѣ истина погибе? и пр. Что же? Неужели мы должны оставить Евангеліе и принять коранъ, потому что онъ у васъ царствуетъ? Оставя истину, пристать ко лжѣ?" и т. д.

Приведемъ еще мѣсто, которое должно было произвести на Аркадія особенно сильное впечатлѣніе: *„Опредѣленіе* ваше заставляетъ каждаго здравомыслящаго христіанина имѣющаго твердыя убѣжденія, основанныя на словахъ Св. Писанія и твердой совѣсти, оставивъ оныя, признать себя раздорникомъ, принести раскаяніе и требовать прощенія отъ изверженныхъ, запрещенныхъ, проклятыхъ и отсѣченныхъ отъ единенія церковнаго еретиковъ, богохульниковъ, духоборцевъ и христопродавцевъ и, наконецъ, послѣдовать за ними во тьму кромѣшную, *чему вы сами собой подали и добрый примѣръ*, которому подражать совѣсть наша не допущаетъ; равно и принять небылицу въ лицахъ и ждать всегда будутъ „кота мыши погребать", возбраняетъ, ваши предъ глазами какъ котъ мышей пожираетъ нещадно."

Вотъ какого рода назиданія дѣлали старообрядцы-окружники тому самому епископу Аркадію котораго величали „неподвижимымъ столпомъ" старообрядства! Впрочемъ, напомнивъ ему изреченіе: „ангельско есть еже не падати, бѣсовско еже всегда лежати, человѣческо еже падати и вставати", они въ заключеніе просили Аркадія возстать отъ паденія, „отрясти мглу Прокопо-Давыдовскую, и оболкшеся паки въ мужественную крѣпость и во броня вѣры, восприять мечъ духовный, еже есть глаголъ Божій; сподвигнуть на сіе и сосѣда, преосвященнаго Аркадія архіепископа Васлуйскаго, и общекупно составивъ уничтоженіе на *Опредѣленіе*, отъ 8-го іюля состоявшееся, прислать за своимъ подписомъ и печатьми": „Тогда, прибавляли они, егда узримъ писаніе руки вашея уничтожающее богопротивное велѣніе оно, паки попрежнему будемъ просить вашего архипастырскаго мира и благословенія." Слѣдственно, теперь они приводили въ исполненіе свою прежнюю угрозу „распрощаться съ Аркадіемъ,

если онъ будетъ единомышленникомъ и потаковникомъ Кирилла", прерывали съ нимъ миръ, и благословенія отъ него не принимали.

Но обличительными и увѣщательными грамотами къ виновникамъ новаго бѣлокриницкаго *Соборнаго Опредѣленія* окружники не думали ограничивать свое противодѣйствіе этому опредѣленію; они считали необходимымъ принять болѣе рѣшительныя мѣры чтобы подвергнуть его, какъ незаконное, формальному уничтоженію. Дѣло это, очевидно, лежало на обязанности московскаго духовнаго совѣта. Но на предсѣдателя совѣта, господина архіепископа Антонія, въ настоящемъ случаѣ нельзя было разчитывать: развѣ могъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, наложить руки на самого себя? дѣйствовать противъ соборнаго опредѣленія которое такъ благопріятно для него, которое и принято на соборѣ по его внушенію, подъ которымъ даже красовалось его имя, вписанное рукой его уполномоченнаго? Могъ бы заняться этимъ дѣломъ первый членъ совѣта, епископъ казанскій Пафнутій, но Пафнутія не было въ Москвѣ, онъ еще въ августѣ 1867 года уѣхалъ къ себѣ въ Хвалынскъ, и уѣхалъ, надобно замѣтить, вслѣдствіе неудовольствій вызванныхъ разными двусмысленными и противозаконными поступками того же господина архіепископа. Оставались на лицо два члена—московскіе попы Петръ и Ѳедоръ; они-то и рѣшились начать дѣло противъ бѣлокриницкаго *Соборнаго Опредѣленія*, пригласивъ и казанскаго Пафнутія поспѣшить возвращеніемъ въ Москву ради такихъ важныхъ обстоятельствъ.

Планъ который надлежало выполнить членамъ духовнаго совѣта былъ простъ и ясенъ. Не подлежало сомнѣнію, что убѣдить раздорниковъ отказаться отъ *Соборнаго Опредѣленія* было невозможно, потому и открывать сношенія съ ними не представлялось надобности, по крайней мѣрѣ на первый разъ; необходимо было позаботиться прежде всего чтобы сами старообрядцы пріемлющіе *Окружное Посланіе*, и духовные, и міряне, сдѣлали общее заявленіе что бѣлокриницкое *Соборное Опредѣленіе* признаютъ совершенно незаконнымъ и принять оное не могутъ: тогда можно будетъ приступить и къ формальному уничтоженію незаконнаго акта. Члены совѣта такъ и рѣшились дѣйствовать: намѣрены были сначала сдѣлать отъ себя заявленіе что бѣлокриницкій соборный актъ признаютъ незаконнымъ, представить

свое заявленіе московскому обществу старообрядцевъ-окружниковъ и затѣмъ, съ согласія этихъ послѣднихъ, обратиться и къ обществамъ иногороднымъ. Но такъ какъ соборный актъ былъ утвержденъ, къ крайнему ихъ сожалѣнію, такими высокими духовными лицами изъ среды самихъ окружниковъ каковы оба Аркадія и Антоній Московскій, то и нужно было предварительно обратиться къ этимъ лицамъ съ предложеніемъ отказаться отъ бѣлокриницкаго акта и уничтожить свои подписи. Въ отношеніи къ Аркадіямъ это уже было исполнено отчасти посредствомъ указаннаго выше письма; слѣдовало теперь обратиться за объясненіями къ архіепископу, и это было тѣмъ необходимѣе для членовъ московскаго духовнаго совѣта, что архіепископъ есть предсѣдатель сего совѣта, и безъ сношенія съ нимъ не могли ихъ дѣйствія даже имѣть законной силы.

Итакъ, члены духовнаго совѣта явились къ архіепископу Антонію и доложили его преосвященству что, по ихъ мнѣнію, недавно полученный бѣлокриницкій соборный актъ составленъ незаконно, потому и принятъ быть не можетъ, что они желаютъ знать объ этомъ актѣ и его, господина архіепископа, мнѣніе, и если мнѣніе это таково же какъ ихъ собственное, то не благоволитъ ли его преосвященство сдѣлать съ своей стороны письменное заявленіе что бѣлокриницкій соборный актъ, изданный 8-го іюля, признаетъ неправильнымъ, учиненную же подъ онымъ отъ его имени подпись Аркадія уничтожаетъ, какъ недѣйствительную.

Хотя Антоній, судя по тому какимъ общимъ негодованіемъ со стороны московскихъ окружниковъ встрѣчено было *Опредѣленіе* Бѣлокриницкаго собора, въ значительной степени утратилъ надежду на желаемый успѣхъ этого опредѣленія, тѣмъ не менѣе, однакоже, онъ рѣшился употребить всевозможныя средства чтобы придать ему больше значенія. Онъ полагалъ что *Опредѣленіе* могло бы войти въ силу, еслибъ его приняли по крайней мѣрѣ значительнѣйшія лица окружнической партіи, между которыми и началъ дѣйствовать въ его пользу. Одно изъ такихъ лицъ, именно кавказскаго епископа Іова, даже удалось ему склонить къ подписанію соборнаго акта. Самъ же лично онъ рѣшился держаться пока въ сторонѣ, соблюдать обычную свою уклончивость чтобы не испортить своихъ отношеній къ той и другой сторонѣ. Этому благопріятствовало, повидимому, и то

что соборную грамоту подписалъ за него Аркадій Славскій: смотря по обстоятельствамъ, Антоній могъ и признать, и не признать эту подпись, однимъ говорить, если будетъ нужно, что очевидно согласенъ съ *Соборнымъ Опредѣленіемъ*, ибо подписался подъ нимъ чрезъ своего уполномоченнаго, другимъ, напротивъ, что не отвѣтственъ за это опредѣленіе, ибо *собственноручно* его не подписывалъ. Но вотъ члены духовнаго совѣта предлагаютъ ему прямой, опредѣленный вопросъ, на который необходимо дать такой же опредѣленный отвѣтъ, чуждый всякой уклончивости. Владыка Антоній былъ поставленъ въ затрудненіе, однакоже отъ принятаго образа дѣйствій отступиться не хотѣлъ. Онъ отвѣтилъ что съ мнѣніемъ членовъ совѣта согласенъ, что *Опредѣленіе* Бѣлокриницкаго собора признаетъ, какъ и они, неправильно составленнымъ, а подпись отъ его имени сдѣланную—недѣйствительною; что же касается письменнаго объ этомъ заявленія съ его стороны, то находитъ его не нужнымъ и неблаговременнымъ. Въ доказательство этой мнимой неблаговременности, онъ указываетъ на то что всѣ вліятельныя лица московскаго старообрядскаго общества находятся у Макарья, на ярмаркѣ, а безъ нихъ начинать такое важное дѣло какъ письменное заявленіе противъ Бѣлокриницкаго собора неудобно.

Между тѣмъ, къ немалому огорченію Антонія, пріѣхалъ и первый членъ духовнаго совѣта — Пафнутій Казанскій. Онъ не хотѣлъ и видѣться съ Антоніемъ; дѣйствія же своихъ сочленовъ въ отношеніи къ нему онъ вполнѣ одобрилъ. Тогда члены совѣта снова и съ большею настойчивостію обратились къ Антонію за отвѣтомъ на сдѣланное ему предложеніе; отвѣтъ былъ тотъ же, что граждане на ярмаркѣ, а безъ нихъ нельзя начинать дѣло. Но вотъ и ярмарка кончилась; граждане возвратились въ Москву. Антонію приходилось трудно, такъ какъ члены духовнаго совѣта не замедлили напомнить ему что теперь уже нѣтъ препятствій сдѣлать нужное съ его стороны заявленіе. Чтобы по крайней мѣрѣ оттянуть дѣло на нѣсколько времени, Антоній и теперь придумалъ предлогъ уклониться отъ этихъ докучливыхъ требованій; онъ отвѣтилъ что надо подождать,—пусть сначала сами граждане составятъ общее собраніе и выскажутъ свое мнѣніе о Бѣлокриницкомъ соборѣ.... Но члены совѣта уже болѣе не имѣрены были ждать: они имѣли теперь достаточно

доказательствъ, что господинъ архіепископъ Антоній поступаетъ не искренно, что сдѣлать письменное заявленіе о незаконности бѣлокриницкаго акта онъ вовсе не желаетъ, хотя на словахъ призналъ сей актъ неправильно составленнымъ, и потому рѣшились дѣйствовать безъ него.

17-го августа они обратились къ обществу московскихъ старообрядцевъ-окружниковъ съ письменнымъ заявленіемъ что изданный въ Бѣлой Криницѣ отъ 8-го іюля соборный актъ составленъ, по ихъ мнѣнію, неправильно и не можетъ быть принятъ къ исполненію; при чемъ просили „достопочтенныхъ гражданъ царствующаго града Москвы“ дать по сему предмету и съ своей стороны мнѣніе. Бѣлокриницкое *Соборное Опредѣленіе* гражданамъ хорошо было извѣстно: еще на ярмаркѣ, въ Нижнемъ, много толковали объ этой диковинной грамотѣ дѣдушки-Кирилла, и тамъ еще многіе изъ купцовъ-старообрядцевъ признали ее неразсудительною и неудобною къ принятію, а иные отзывались о ней и съ крайнимъ негодованіемъ, даже писали въ Москву къ старообрядческому духовенству чтобъ отказалось отъ принятія такой нечестивой грамоты. Такимъ образомъ мнѣніе старообрядцевъ-окружниковъ о новомъ Бѣлокриницкомъ соборѣ, очень неблагопріятное для него, уже достаточно опредѣлилось и прежде того какъ члены духовнаго совѣта обратились къ нимъ съ своимъ заявленіемъ. Теперь московскіе граждане-старообрядцы составили общее собраніе, которое почтили своимъ присутствіемъ даже тѣ изъ капиталистовъ-старообрядцевъ которые не очень любятъ мѣшаться въ распри своихъ поповъ и архіереевъ, да и времени на то не имѣютъ. Случилось, что въ это почтенное собраніе явился совершенно неожиданно и самъ списатель бѣлокриницкаго акта Давидъ Антиповъ. Съ нимъ завели бесѣду о преткаемыхъ предметахъ, и изъ собственныхъ устъ Давыда Антипова старообрядцы-окружники удостоились слышать подтвержденіе тѣхъ нечестивыхъ мнѣній о имени Іисусъ, о крестѣ четырехконечномъ и др., въ защиту которыхъ составленъ и изданъ соборный актъ подлежавшій ихъ обсужденію. По довольной бесѣдѣ съ Давыдомъ, когда онъ уже оставилъ собраніе, всѣ выразили полное согласіе съ заявленіемъ членовъ духовнаго совѣта о незаконности бѣлокриницкаго *Соборнаго Опредѣленія* и, дабы начать формальное дѣло объ уничтоженіи его, присудили составить предварительно подробный и обстоя-

тельный разборъ сего акта съ указаніемъ всѣхъ его погрѣшностей и противозаконностей. Составленіе разбора рѣшили поручить тѣмъ же членамъ совѣта, а для содѣйствія имъ въ этомъ трудѣ выбрали изъ своей среды нѣсколько депутатовъ, которымъ тутъ же сдѣлали порученіе передать членамъ совѣта (такъ какъ въ собраніи ихъ не было) и самую просьбу гражданъ о составленіи разбора.

Въ числѣ упомянутыхъ сейчасъ избранныхъ отъ общества депутатовъ находился одинъ досужій старообрядецъ, нѣкогда пострадавшій за неразумное служеніе пользамъ раскола и на этомъ основаніи воображающій себя великимъ современнымъ дѣятелемъ старообрядства, имѣющій претензіи даже на небывалыя способности старообрядскаго литератора и полемика. Онъ благосклонно принялъ на себя редакцію будущаго разбора на бѣлокриницкій соборный актъ. Но и сей многоталантливый мужъ, равно какъ и прочіе депутаты и сами члены духовнаго совѣта, должны были сознаться, что не сдѣлаютъ дѣла безъ помощи почтеннаго автора *Окружнаго Посланія* Иларіона Георгіевича, къ которому и обратились съ просьбою заняться составленіемъ разбора. Для „Ксеноса“ не можетъ быть дѣла болѣе вожделѣннаго какъ защита любезнаго ему *Окружнаго Посланія*. И потому, забывъ всѣ личныя обиды незаслуженно претерпѣваемыя отъ тѣхъ же многоталантливыхъ современныхъ дѣятелей старообрядства, онъ охотно принялъ предложеніе. Изъ подъ его искуснаго пера скоро явилось цѣлое сочиненіе, довольно обширное, въ которомъ тщательно и обстоятельно разсмотрѣны каждый пунктъ и каждое выраженіе бѣлокриницкаго *Соборнаго Опредѣленія* Замѣчательную принадлежность этого сочиненія составляетъ также умѣнье автора пользоваться каждымъ благопріятнымъ для него доказательствомъ и выставлять погрѣшности противника во всей ихъ очевидной нелѣпости. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ онъ, разбирая первый пунктъ бѣлокриницкаго *Соборнаго Опредѣленія*, подвергающій уничтоженію и проклятію *Окружное Посланіе* „со всѣми въ немъ положенными ложными статьями“:

„Изъ исторіи церкви видно, когда появлялось гдѣ-либо новое мудрованіе, несогласное ученію Св. Писанія, то пастыри церкви старались пресѣкать оное, и когда не могли однолично искоренить, то составляли соборъ вселенскій, или помѣстный, на которомъ излагалось и обсуждалось дѣло,

призывались виновныя лица, которымъ отцы собора показывали уклоненіе ихъ отъ истины и мѣру заблужденія, потомъ отечески врачеваху ихъ, вразумляюще доводами отъ Священнаго Писанія. И аще они оставляху свое заблужденіе и приношаху прощеніе собору, то паки пребываху въ церкви; аще ли упорно держахуся своихъ заблужденій и по многомъ увѣщаніи не приношаху раскаянія, но пребываху не исправленіи, то таковыхъ отцы собора отсѣцаху отъ церкви и проклятію предаваху, и потомъ уже заповѣдоваху вѣрнымъ не имѣти съ ними общенія въ моленіи. Но именуемый Бѣлокриницкій соборъ идетъ противъ дѣйствія святыхъ соборовъ. Не указавъ въ посланіи никакой ереси и не призвавъ виновныхъ въ изданіи и признаніи *Окружнаго Посланія* лицъ на соборъ для показанія мѣры заблужденія ихъ и для предложенія приличнаго врачеванія имъ, отлучаетъ, проклинаетъ, сѣчетъ и рубитъ нещадно, именуя гнилыми и непотребными удами. Того ради всякому православному христіанину, размышляющему о вѣчности, должно повѣрить эти слова *Соборнаго Опредѣленія* (чрезъ сличеніе) съ изложеніемъ *Окружнаго Посланія*, да не како вмѣсто ложныхъ статей прокленет истинное ученіе и вмѣсто кривды опровергнетъ евангеліе правды."

И вотъ сочинитель входитъ въ разсмотрѣніе статей *Окружнаго Посланія*, именуемыхъ въ опредѣленіи ложными и проклинаемыхъ. „Статья первая, говоритъ онъ, исповѣдуетъ что церковь, священство и приношеніе безкровной жертвы пребудетъ до скончанія вѣка и до дне суднаго; она имѣетъ основаніемъ слова Христа Спасителя (Матѳ. зач. 67); слова Христа Спасителя суть истины, вѣчны и тверже неба и земли, яко же Онъ самъ глаголетъ: *небо и земля мимо идутъ; словеса же Моя не мимо идутъ* (Матѳ. зач. 101): то какая же созданная тварь возможетъ оную (статью) уничтожить, или назвать ложною? Развѣ та которая хочетъ бороться со Христомъ? Но Онъ всесиленъ и всемогущъ, побѣдитъ и сокрушитъ враги своя, яко сосуды скудельничи!" „Статья *вторая* (исповѣдуетъ), что въ Россіи господствующая церковь, вкупѣ и греческая, вѣруютъ съ нами во единаго Бога, а не въ иного; она имѣетъ основаніемъ символъ вѣры, вселѣтній кругъ праздниковъ господскихъ, подтверждается принятіемъ отъ нихъ крещенія и хиротоніи безъ повторенія: то кто же можетъ оную отвергнуть и сознать ложною? Развѣ той кто

не признаетъ священства на земли и крещенія на себѣ?" Такъже кратко и съ такими же сильными замѣчаніями противъ бѣлокриницкаго *Соборнаго Опредѣленія* излагается дальше содержаніе каждой изъ десяти статей составляющихъ *Окружное Посланіе*, и въ заключеніе говорится: „изъ обозрѣнія сихъ десяти статей всякому очевидно, что всѣ онѣ съ божественнымъ Писаніемъ согласуютъ и съ церковнымъ ученіемъ ни въ чемъ не разликуютъ, а потому и уничтожить, опровергнуть, вмѣнить ихъ ложными и яко не бывшими и проклятію предать законъ и совѣсть христіанская не можетъ дозволить даже и помыслити. Что дѣйствительно въ *Окружномъ Посланіи* не обрѣтается ничего неправильнаго, о томъ приводимъ достовѣрна свидѣтеля, г. Аркадія епископа Славскаго, который писалъ тако: „прошу и молю всѣхъ „православныхъ христіанъ безъ сомнѣнія читать и вѣрить „всему написанному въ *Окружномъ Посланіи*, мы его пріемлемъ, лобызаемъ и благодаримъ потрудившихся въ немъ." Далѣе приводятся и еще подобные же отзывы объ *Окружномъ Посланіи*, извлеченные изъ собственныхъ писемъ Аркадія. Понятно съ какою цѣлію авторъ беретъ здѣсь въ достовѣрные свидѣтели именно Аркадія Славскаго. Онъ поражаетъ Аркадія его собственнымъ оружіемъ, судитъ отъ собственныхъ его устъ, хотя ни о судѣ, ни о пораженіи здѣсь, повидимому, нѣтъ и рѣчи. *

Но нѣкоторые изъ старообрядцевъ-окружниковъ, большею частію сторонники Антонія, ревнители какого бы то ни было мира съ противуокружниками, толковали по-своему употребленное въ *Соборномъ Опредѣленіи* выраженіе: „*Окружное Посланіе* уничтожаемъ *со всѣми въ немъ положенными ложными статьями*", именно говорили что здѣсь разумѣются тѣ ложныя безпоповскія статьи или тетради противъ которыхъ *Окружное Посланіе* направлено и которыя въ немъ перечислены, а вовсе не эти десять статей изъ которыхъ состоитъ само *Посланіе*. Толкованіе это сочинитель разбора не оставилъ безъ вниманія и опровергъ его побѣдоносно: „Да не рѣчетъ кто, яко о ложныхъ тетрадяхъ поименованныхъ въ *Посланіи* сіе пишутъ, издатели (*Соборнаго Опредѣленія*). Ложныя тетради само *Посланіе* уничтожаетъ, и вся сущность

* Извлеченій изъ собственныхъ писемъ Аркадія сдѣлано вообще не мало въ этомъ сочиненіи.

Посланія противъ оныхъ направлена; и еслибъ они мы имѣли о ложныхъ тетрадяхъ, то согласны были бы и съ разумомъ *Посланія*, и оставили бы его въ покоѣ, не возмущал народъ, паче же и порадовалися бы, яко *Посланіе* безъ их труда и подвига ложное ученіе уничтоженію и опроверженію предаде. Нынѣ же издатели *Опредѣленія*, извѣстно знающе богоборное ученіе Давыда и Прокопа и вслѣдъ злой воли ихъ пошедшіи, не тетради ложныя, уничтоженныя *Посланіемъ*, опровергаютъ и отметаютъ, но всѣ статьи направленныя противъ оныхъ ложными вмѣняютъ и проклинаютъ, тетради же ложныя, уничтоженныя *Посланіемъ*, освобождаютъ и даютъ имъ просторный ходъ, равно Давыдово и Прокопово мудрованіе пріемлютъ и вводятъ на степень догмата."

Съ такою же обстоятельностью и съ такимъ же искусствомъ разбираются и разбиваются въ сочиненіи Иларіона всѣ пункты бѣлокриницкаго *Соборнаго Опредѣленія*. Мы приведемъ еще одно мѣсто изъ этого сочиненія, — именно сказанное на второй пунктъ бѣлокриницкаго соборнаго акта.

„Опредѣляя двоихъ епископовъ во единомъ градѣ и творя ихъ равноправными (*Опредѣленіе*), завѣщеваетъ имъ *пребывати во единомъ дусѣ*. Спрашивается: въ какомъ это единомъ дусѣ? Всѣмъ извѣстно что Антоній Гусяцкій находился подъ вліяніемъ и руководствомъ Давыда Антипова, который, въ присутствіи четырехъ епископовъ и множества мірскихъ сословій, откровенно произносилъ свои мудрованія что церковь великороссійская вѣруетъ въ сына сатаны, что *Іисусъ* есть иный Богъ, антихристъ, что крестъ четероконечный есть ничтожный, еретическій и не имѣющій въ себѣ никакой силы, что за царя не должно приносить пятую просфору, что пророцы Илія и Энохъ не пріидутъ, и что антихриста послѣдняго не будетъ, поелику онъ пришелъ и царствуетъ въ великороссійской церкви. Эти же самыя мнѣнія онъ и въ Бѣлой Криницѣ на соборѣ изъявлялъ, и защищалъ ученіе изложенное Прокопомъ Лаврентьевымъ, которое и не допустилъ уничтоженію предати, поэтому и противорѣчащее его мудрованію *Окружное Посланіе* потщася беззаконно вмѣнити ложнымъ и проклятію предати. Изъ всѣхъ сихъ причинъ ясно зрится, что въ этомъ самомъ дусѣ назначается пребываніе двумъ Антоніямъ, который имѣетъ Давыдъ Антиповъ. Можно ли сойти на сіе богомерзкое мудрованіе человѣку имѣющему благую совѣсть и здравый

разсудокъ? Рѣшится ли господинъ архіепископъ Антоній признавать вмѣсто закона беззаконіе? Рѣшится ли подчинить-ся Давыду Антипову и раздѣлять съ нимъ нечестивое его мудрованіе? Наконецъ, рѣшится ли онъ обезславить свое высокое достоинство предъ цѣлымъ свѣтомъ и погрузиться въ такую смрадную тину нечестія? И кто можетъ за нимъ послѣдовать? Развѣ тотъ кто не чаетъ воскресенія мертвыхъ и не ждетъ будущей жизни!“

Здѣсь вопросы о господинѣ архіепископѣ Антоніи, точно такъ же какъ въ другихъ мѣстахъ разныя изреченія Аркадія Славскаго, поставлены, очевидно, не безъ цѣли. Эта была стрѣлка пущенная въ особу господина архіепископа, который, какъ хорошо извѣстно было автору, въ своихъ сношеніяхъ съ членами духовнаго совѣта достаточно показалъ что не слишкомъ-то боится „обезславить свое высокое достоинство предъ свѣтомъ“ и очень бы хотѣлъ пребывать съ анти-окружниками „во единомъ дусѣ“.

Когда почтенный авторъ представилъ свое сочиненіе на судъ тѣмъ избраннымъ депутатамъ изъ которыхъ была образована, такъ сказать, „коммиссія для составленія разбора на бѣлокриницкое *Соборное Опредѣленіе*, когда прочли его и нѣкоторые другіе изъ гражданъ, считающіеся компетентными судьями въ подобнаго рода дѣлахъ, то нашли что въ настоящемъ своемъ видѣ сочиненіе Ларивона Егорыча неудобно для распространенія между старообрядцами и не можетъ быть положено въ основу дѣла объ уничтоженіи бѣлокриницкаго акта; вообще признали его требующимъ исправленія. Любопытно, что неодобренію подверглось собственно то, зачѣмъ въ сочиненіи слишкомъ много говорится въ защиту *Окружнаго Посланія* и зачѣмъ еще задѣваются такія почтенныя лица какъ Аркадій Славскій и Антоній Московскій, которыхъ на всякій случай не слѣдуетъ затрогивать въ сочиненіи такого рода, даже и задобрить было бы не лишнее. Вообще же, по мнѣнію критиковъ, сочиненіе слѣдовало составить въ менѣе рѣзкомъ тонѣ, и искусно обойдя щекотливыя стороны дѣла (къ числу которыхъ почему-то отнесена и защита *Окружнаго Посланія*), представить въ опроверженіе бѣлокриницкаго акта поболѣе соборныхъ правилъ и отеческихъ свидѣтельствъ. Итакъ сочиненіе надлежало подвергнуть исправленію, и послушный авторъ не отказался это исполнить. Второй составленный имъ разборъ бѣлокриницкаго

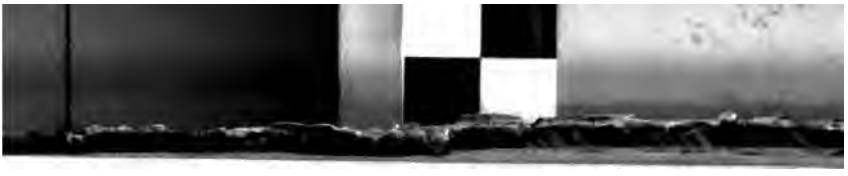
Соборнаго Опредѣленія удовлетворилъ желаніямъ „комиссіи“. Разборъ этотъ имѣетъ то преимущество предъ первымъ что дѣйствительно составленъ въ болѣе спокойномъ тонѣ и въ большемъ изобиліи снабженъ церковными правилами и изреченіями святыхъ отецъ; но ему не достаетъ той живости изложенія и особенно той силы и находчивости в доказательствахъ которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность перваго. Многія изъ лучшихъ въ этомъ отношеніи мѣстъ перваго разбора или совершенно исключены здѣсь или сокращены и изложены иначе, въ ущербъ ихъ достоинству. Такъ все что сказано по поводу перваго пункта *Соборнаго Опредѣленія* о десяти статьяхъ *Окружнаго Посланія* совершенно исключено, и вообще весь разборъ этого перваго пункта,—разборъ, какъ выше показано, составленный весьма искусно, замѣненъ новымъ, уступающимъ ему въ достоинствѣ. Всѣ извлеченія изъ писемъ Аркадія Славскаго которыми въ первомъ разборѣ такъ удачно воспользовался сочинитель, также подверглись теперь изгнанію, равнымъ образомъ уничтожено все что было сказано сколько-нибудь вредительнаго для особы господина архіепископа Антонія, хотя и сказано даже въ самыхъ тонкихъ намекахъ. Вотъ примѣръ въ этомъ отношеніи особенно любопытный. Въ первомъ разборѣ, обстоятельно разсмотрѣвъ свидѣтельство Барона о Мелетіи и Павлинѣ, епископахъ антіохійскихъ, на которомъ основано опредѣленіе о двухъ московскихъ Антоніяхъ и показавъ что примѣръ Мелетія и Павлина для Антонія никакъ не можетъ служить уподобленіемъ, авторъ весьма удачно замѣчаетъ что есть въ церковной исторіи другой примѣръ, которымъ дѣйствительно можно было бы воспользоваться въ настоящемъ случаѣ. „Вотъ истинное подобіе: Петръ архіепископъ Александрійскій утвердилъ на престолѣ цареградскомъ Григорія Богослова; потомъ, по происканіи Максима Киника, прислалъ въ Царьградъ семь епископовъ (православныхъ) чтобы рукоположили на тотъ же престолъ Максима, которые и рукоположили. Но на второмъ вселенскомъ соборѣ дѣло это разсмотрѣли, и какъ Максима за епископа, такъ и поставленныхъ отъ него хиротонисантовъ за причетниковъ не признали. Но Григорій Богословъ, видя несогласіе отцевъ собора о престолѣ цареградскомъ, оставилъ добровольно престолъ оный, и на его мѣсто возвели Нектарія. Антоній Гуслицкій носитъ истинный отпечатокъ Максима

Кипріанъ и есть не епископъ московскій и никакой, потому что рѣшился на прелюбодѣйство и на симонію поставитися: *всякъ же, купляй священство, Каіафа христоубійца обрѣтается* (*Кормч. л.* 287 на обор.) и проклятію подлежитъ." На этомъ и остановился авторъ; но, очевидно, онъ не довелъ сравненія до конца, — оставилъ безъ приложенія другую, не менѣе существенную его половину: надлежало сказать, что если Антоній Гуслицкій носитъ истинный отпечатокъ Максима Кипріана, то Антонію Московскому, съ своей стороны, необходимо быть подражателемъ святаго Григорія Богослова, то-есть, видя несогласіе о престолѣ московскомъ, „оставить добровольно оный престолъ". Авторъ, безъ сомнѣнія, понималъ всю нужду и естественность такого вывода относительно архіепископа Антонія изъ приведеннаго имъ примѣра; но сдѣлать прямо этотъ выводъ не рѣшился, полагая что читающіе сами догадаются это сдѣлать: *чтый да разумѣетъ!* И чтущіе, дѣйствительно, уразумѣли; этого историческаго примѣра о святомъ Григоріи и Максимѣ Кипріанѣ, такъ удачно приведеннаго въ первомъ разборѣ, уже не встрѣчается во второмъ, одобренномъ „коммиссіей", несмотря на то что разборъ сказанія о Мелетіи и Павлинѣ весь заимствованъ изъ перваго разбора съ буквальною почти точностью.

Нельзя не пожалѣть что подвергнуто исключенію изъ разбора еще одно очень вѣрное замѣчаніе, основанное также на историческомъ примѣрѣ. Соборное опредѣленіе о совмѣстномъ пребываніи двухъ Антоніевъ на единомъ московскомъ епископскомъ престолѣ напомнило сочинителю еще слѣдующее „тождеобразное событіе" изъ римской церковной исторіи, описанное тѣмъ же Баронiемъ. „Константинъ царь, аріанинъ, православнаго Ливерія папу изгна, на его мѣсто Феликса діакона повелѣ аріанскимъ епископамъ поставити. Потомъ жены римскія благородныя умолиша Константина возвратити Ливерія отъ заточенія. Кесарь соизволи возвратити Ливерія отъ изгнанія, *да купно съ Феликсомъ епископствуетъ*. О семъ егда писаніе кесарское на торжищахъ читашеся, Римляне возопиша: странно повелѣніе! на двое раздѣлится народъ: единъ епископъ надъ черными, другой надъ бѣлыми! И посмѣвающеся кесарю, вопіяху: единъ Богъ! единъ Христосъ! единъ епископъ! И тако ради онаго праведнаго вопля Римлянъ кесарь Ливерія возврати, а

Феликсъ отъ Рима отыде“ (Барон. лѣто 356, число 15). Подобнаго же вопля ожидаетъ сочинитель, когда будетъ читано на московскихъ „торжищахъ“ (наипаче же въ Гостиномъ ряду) и Кириллово „писаніе“. И у насъ, говоритъ онъ, „еже наша святорусская земля отъ начала крещенія ея не видѣ (двухъ епископовъ на одномъ престолѣ), сіе нынѣ, въ покиваніе главы въ людяхъ, не во углѣ нѣкоемъ, но въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ быти уставляютъ, яко да вси видятъ и рекутъ: *сіи людіе, буіи и прегордіи, мнятся хранити древнія чины и обряды, но силы ихъ отлѣщутся, саточинія бо ради своего священныя каноны ни во что же вмѣняютъ и законамъ церковнымъ не повинуются, дерзы суще и непокорны и на всяко дѣло благое не искусни!...*“. Понятно, что это искреннее и вполнѣ вѣрное замѣчаніе не могло понравиться современнымъ дѣятелямъ старообрядства, даже изъ самыхъ талантливыхъ, — и вотъ мы уже не обрѣтаемъ его въ исправленномъ „разборѣ“, равно какъ и самой исторіи о папахъ Ливеріи и Феликсѣ....

Итакъ первоначально составленный Иларіономъ Георгіевичемъ разборъ бѣлокриницкаго *Соборнаго Опредѣленія* подвергся значительнымъ исправленіямъ, большею частію въ ущербъ его достоинству, и въ этомъ исправленномъ видѣ признанъ „коммиссіей“ удовлетворительнымъ. Теперь слѣдовало его представить гражданамъ, по порученію которыхъ онъ и составленъ. Но прежде нежели это сдѣлать, члены духовнаго совѣта и члены „коммиссіи“ почли за нужное пригласить самого архіепископа Антонія къ участію въ приготовленномъ „разборѣ“, дабы такимъ образомъ еще однажды испытать его мнѣніе о бѣлокриницкомъ *Соборномъ Опредѣленіи:* они предложили, не угодно ли будетъ его преосвященству пожаловать, на 1-е число октября, въ засѣданіе членовъ духовнаго совѣта и депутатовъ отъ общества для совокупнаго съ ними разсмотрѣнія и обсужденія составленнаго по порученію гражданъ разбора на бѣлокриницкій соборный актъ, или же устроить для сей цѣли подобное собраніе въ своей собственной квартирѣ. Но господинъ архіепископъ и на этотъ разъ почелъ за лучшее уклониться отъ прямаго участія въ дѣлѣ, „не изъявилъ согласія ни на то, ни на другое“. Тогда члены духовнаго совѣта, не медля болѣе, представили *разборъ* „достопочтеннымъ гражданамъ царствующаго града Москвы“, при особомъ письменномъ предложеніи, въ которомъ



писали: „препровождая при семъ къ боголюбезному и честному собранію вашему вышереченный разборъ, просимъ удостоить благосклоннаго пріятія, внимательнаго выслушанія и безпристрастнаго обсужденія; если же кому возмнится что быти сомнительно, или недоразумно, таковаго просимъ письменно заявить свое мнѣніе, съ основаніемъ священнаго, или святыхъ отецъ писанія, и доставить намъ."

6-го октября московскіе старообрядцы-окружники опять составили общее собраніе. Здѣсь разборъ былъ прочитанъ во всеуслышаніе,—его слушали со вниманіемъ и, разумѣется, единогласно одобрили. Такимъ образомъ посредствомъ „разбора", всѣми принятаго и одобреннаго, московскіе старообрядцы-окружники дѣлали формальный протестъ противъ Бѣлокриницкаго собора и вмѣстѣ первый шагъ къ начатію дѣла объ уничтоженіи соборнаго акта. Но чтобы дѣло это получило надлежащій ходъ и полную силу, нужно было чтобы въ немъ приняли участіе и окружники иногородныхъ старообрядческихъ обществъ, чтобъ и они присоединились къ протесту своихъ московскихъ единомышленниковъ. Поэтому, здѣсь же въ собраніи и было рѣшено во всѣ болѣе значительныя старообрядскія общества разослать точные списки „разбора" и просить чтобы общества съ своей стороны сдѣлали также письменные отзывы о „разборѣ" и выслали въ Москву на имя членовъ духовнаго совѣта.

Теперь, когда „разборъ" долженъ былъ получить большую гласность, когда формальнымъ образомъ начиналось дѣло объ уничтоженіи опредѣленій Бѣлокриницкаго собора, члены духовнаго совѣта рѣшились сдѣлать послѣднюю попытку вразумить Антонія. На другой же день послѣ собранія гражданъ, именно 7-го октября, они препроводили къ Антонію письменное донесеніе о происходившемъ на этомъ собраніи, а также и подлинный экземпляръ читаннаго здѣсь „разбора", о которомъ и просили его дать свое мнѣніе,—признаетъ ли оный правильнымъ, и если не признаетъ, то въ чемъ именно и почему. Донесеніе было составлено въ выраженіяхъ настойчивыхъ; въ немъ помѣщено было даже нѣсколько приличныхъ назиданій Антонію насчетъ его дурной привычки дѣйствовать не прямо, не говорить ни да, ни нѣтъ, или говорить и то и другое вмѣстѣ. Назиданія не помогли,—Антоній привычки своей не оставилъ и на этотъ разъ,—прямаго отвѣта не далъ: „разборъ" онъ призналъ правильнымъ, но и

противъ бѣлокриницкаго акта итти не хотѣлъ. „Мы смиренніи, такъ писали объ этомъ члены духовнаго совѣта, — мы смиренніи препроводили къ его преосвященству читанный на общественномъ собраніи разборъ въ подлинникѣ, прося его внимательно разсмотрѣть и безпристрастно обсудить, и если возъявится сомнительно быти, то сдѣлать замѣчаніе; и съ тѣмъ вмѣстѣ умоляли его преосвященство стать твердой ногой на пути свидѣній господнихъ и съ нами купно прилагать всевозможное тщаніе о пользѣ святыя церкви. Господинъ архіепископъ Антоній, сознавая его правильнымъ, одобрилъ; но рѣшительнаго отвѣта о дальнѣйшемъ дѣйствіи своемъ въ отношеніи *Опредѣленія* не изволилъ изъявить."

Между тѣмъ московская старообрядская канцелярія усердно работала надъ приготовленіемъ копій „разбора", — и не менѣе пятидесяти экземпляровъ этихъ копій, свѣренныхъ и засвидѣтельствованныхъ, разослано въ иногородныя старообрядскія общества, при особомъ „извѣщеніи отъ московскаго духовнаго совѣта". „Въ извѣщеніи" кратко изложена исторія какъ составленъ „разборъ", и если въ самомъ „разборѣ", какъ мы видѣли, личность Антонія оставлена непрекосновенною и даже по возможности ограждена отъ заслуженныхъ имъ порицаній, то здѣсь, въ этомъ „извѣщеніи", члены духовнаго совѣта уже ни мало не пощадили господина архіепископа, напротивъ, со всею откровенностію и, какъ видно, не безъ намѣренія, описали съ какою непростительною уклончивостью, съ какимъ двоедушіемъ онъ велъ себя относительно дѣла о составленіи „разбора" на бѣлокриницкій соборный актъ. О самой же цѣли, для чего посылается „разборъ", члены совѣта писали въ „извѣщеніи": чувствуя что въ настоящее время во всѣхъ единомысленныхъ нашему смиренію христіанскихъ обществахъ возрастаетъ нетерпѣливое желаніе слышать о настоящемъ положеніи церковно-іерархическихъ дѣлъ, паче же въ отношеніи бѣлокриницкаго *Соборнаго Опредѣленія*, мы общимъ согласіемъ разсудили извѣстить (о составленіи „разбора" и прочемъ) ваше боголюбезное общество. Прилагая при семъ въ копіи и вышеупомянутый „разборъ", просимъ благосклонно принять и безпристрастно обсудить оный, и потомъ ясно и откровенно изложивъ на бумагѣ разсужденіе ваше, сообщить нашему смиренію на имя московскаго духовнаго совѣта."

VI.

Не даромъ московскій Антоній при вышеописанныхъ событіяхъ такъ упорно держался своего уклончиваго, двусмысленнаго образа дѣйствій относительно членовъ духовнаго совѣта и общества московскихъ старообрядцевъ-окружниковъ. Между тѣмъ какъ они заняты были своимъ протестомъ противъ бѣлокриницкаго соборнаго акта, у Антонія напротивъ велось дѣло о заключеніи мира съ раздорниками на основаніи того же самаго бѣлокриницкаго акта, — дѣло, которому онъ и не хотѣлъ повредить открытымъ присоединеніемъ къ протесту окружниковъ, тѣмъ больше что съ этими послѣдними надѣялся, какъ видно, въ случаѣ надобности легко возобновить прежнія добрыя отношенія, которыя при томъ же старался и теперь поддержать по возможности, завѣряя ихъ что въ сущности признаетъ правильными всѣ ихъ мнѣнія и распоряженія.

Вскорѣ послѣ того какъ Давыдъ Антиповъ съ товарищи возвратился изъ Бѣлой Криницы и, къ великому удовольствію раздорниковъ, представилъ имъ подлинную соборную грамоту, приступлено было съ ихъ стороны къ приведенію этой грамоты въ надлежащее дѣйствіе, и прежде всего признано необходимымъ чтобъ архіепископъ Антоній и прочія духовныя лица изъ пріемлющихъ *Окружное Посланіе* собственноручно подписали грамоту во свидѣтельство того что дѣйствительно подчиняются изложеннымъ въ оной опредѣленіямъ собора. Когда такое предложеніе сдѣлано было Антонію, онъ призналъ за лучшее на всякій случай отказаться отъ подписанія грамоты, воспользовавшись для сего выгодами своего положенія, именно поставивъ на видъ что подъ грамотой уже имѣется его подпись сдѣланная Аркадіемъ Славскимъ, которому онъ предоставилъ полное право на это и подпись котораго признаетъ какъ свою собственную. Вообще Антоній старался увѣрить раздорниковъ что *Опредѣленіе* бѣлокриницкаго собора онъ охотно принимаетъ и позаботится съ своей стороны къ тому же склонить прочее единомышленное ему духовенство.

Имѣя въ виду благопріятныя для него стороны бѣлокриницкаго акта, онъ дѣйствительно объ этомъ заботился и

по его убѣжденію подписался подъ соборнымъ актомъ епископъ Тобольскій Савватій; но кромѣ Савватія никто изъ окружниковъ подчиниться бѣлокриницкому *Соборному Опредѣленію* не рѣшился. Всего болѣе противенъ былъ окружникамъ этотъ соборный актъ своимъ обиднымъ постановленіемъ чтобы „священноіереи и мірстіи люди, принявшіе *Окружное Посланіе*“, испрашивали прощеніе у гуслицкаго Антонія и поповъ раздорниковъ, между которыми притомъ бо́льшая часть запрещенныхъ, тогда какъ сами они ни къ чему подобному въ отношеніи къ окружникамъ не обязывались. Неправильность и обидную сторону этого постановленія чувствовалъ даже и самъ Антоній, для котораго, равно какъ и для прочихъ епископовъ-окружниковъ, оно представляло еще новое, весьма важное препятствіе къ возстановленію мира съ раздорниками на основаніи бѣлокриницкаго акта. Между попами-раздорниками есть запрещенные и Антоніемъ, и другими епископами окружниками: какъ же теперь Антоній и его собратія могутъ войти въ общеніе съ этими попами, когда имъ не предписано соборомъ просить разрѣшенія у епископовъ, которыми запрещены, и даже простаго прощенія? Такой обидной несправедливости не могъ стерпѣть уже и самъ господинъ архіепископъ Антоній: Антоній рѣшился писать къ Кириллу чтобъ эта непростительная погрѣшность была исправлена, чтобы ради желаемаго успѣха соборной грамоты Кириллъ своею верховною властію поспѣшилъ сдѣлать въ ней необходимое измѣненіе и тѣмъ устранить главнѣйшее препятствіе къ возстановленію желаемаго мира въ старообрядствѣ. 26-го августа, въ то время когда, согласно общему желанію гражданъ, приготовлялся уже „разборъ“ который долженъ былъ служить со стороны окружниковъ протестомъ противъ Бѣлокриницкаго собора, Антоній, дѣйствительно, отправилъ къ Кириллу „донесеніе“, гдѣ писалъ: „Распорядитесь, ваше преосвященство, чтобы запрещенные нами попы, каждый къ своему связавшему ихъ епископу, принесъ нынѣ прощеніе и получилъ въ томъ себѣ разрѣшеніе, и объявите чтобы было *взаимное между насъ прощеніе*, какъ сказано (?) въ соборномъ вашемъ *Опредѣленіи*. И тогда съ Божіею помощію устроится у насъ совершенный миръ и любовь.“ Кромѣ того, онъ просилъ побудить гуслицкаго Антонія чтобы „ради общаго благаго совѣта и мира церковнаго“ не уклонялся отъ личнаго свиданія

съ нимъ, архіепископомъ Антоніемъ, и приказалъ бы „своимъ священникамъ своеручно подписаться на *Соборномъ Опредѣленіи*“, во свидѣтельство того что отнынѣ признаютъ его, архіепископа Антонія, дѣйствительнымъ и законнымъ московскимъ архіепископомъ. Къ этому „донесенію“ Антоній приложилъ еще какое-то „добавленіе“, въ которомъ, какъ видно, сдѣлалъ Кириллу нѣсколько упрековъ по поводу упомянутыхъ въ „донесеніи“ погрѣшностей *Соборнаго Опредѣленія*, упрековъ, надобно полагать, довольно рѣзкихъ, такъ что и самый соборъ Бѣлокриницкій названъ былъ „темнымъ“. Дополненіе это написано было, конечно, съ тою цѣлію чтобы нѣсколько поучить Кирилла и побудить его къ скорѣйшему изданію требуемыхъ отъ него распоряженій. Впрочемъ съ этою цѣлію посланы были и другаго рода добавленія, болѣе убѣдительныя для владыки-Кирилла....

Убѣжденія представленныя Антоніемъ, какъ и слѣдовало ожидать, произвели свое дѣйствіе въ Бѣлой Криницѣ. „Донесеніе“ пришло туда 18-го сентября, а 20-го Кириллъ подписалъ уже два тождественныя посланія въ Москву обоимъ Антоніямъ. Все чего желалъ старый Антоній исполнено въ точности. „Верховный святитель всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ“ въ посланіи своемъ „предписывалъ, благословлялъ и заповѣдывалъ именемъ Господнимъ“ слѣдующее: господинъ епископъ Антоній (Гуслицкій) долженъ „нимало немедленно“ 1) собрать всѣхъ своихъ священныхъ лицъ, которымъ повелѣть и благословить *немедленно* своеручно подписаться на *Соборномъ Опредѣленіи*; 2) повелѣть запрещеннымъ отъ господина архіепископа Антонія попамъ „*вскорости* возвратиться къ нему обратно и принести ему должное прощеніе и получить себѣ отъ него разрѣшеніе“; 3) „самъ *вскорости, ни мало немедленно*, лично явиться къ господину архіепископу Антонію Московскому и Владимірскому для общаго совѣта и мира церковнаго“; наконецъ, 4) „при личномъ свиданіи съ господиномъ архіепископомъ Антоніемъ и всѣми освященными лицами вкупѣ учинить немедленно взаимное соборное прощеніе“.

Вотъ какое утѣшительное посланіе изъ Бѣлой Криницы получено было Антоніемъ въ первыхъ числахъ октября, передъ тѣмъ самымъ временемъ когда члены духовнаго совѣта въ послѣдній разъ приступили къ нему съ настойчивымъ

требованіемъ сказать свое мнѣніе о приготовленномъ и уже всѣми одобренномъ „разборѣ бѣлокриницкаго соборнаго акта“.

Могъ ли Антоній утвердить этотъ „разборъ“, открыто присоединиться къ этому протесту окружниковъ, имѣя въ рукахъ драгоцѣнное посланіе Кирилла которое внушало ему такія отрадныя надежды на близкое, даже „ни мало немедленное“ осуществленіе мечтаній о совершенномъ примиреніи съ раздорниками? И онъ, какъ мы видѣли, оставилъ послѣднее предложеніе членовъ совѣта, подобно всѣмъ прежнимъ, безъ положительнаго отвѣта; даже опасеніе посредствомъ такого поступка окончательно испортить свои отношенія къ окружникамъ, какъ видно, было вполнѣ побѣждено этими надеждами на близкій миръ съ раздорниками, послѣ котораго должна наступить и вожделѣнная тишина во всемъ старообрядствѣ. Но такъ непростительно увлекающійся на старости лѣтъ владыка Антоній скоро наказанъ былъ жестокимъ образомъ за свою юношескую мечтательность, за то легкомысліе съ которымъ онъ доселѣ еще вѣритъ что распоряженія и грамоты Кирилла могутъ имѣть какую-нибудь силу, за то что, несмотря на безчисленное множество самыхъ поучительныхъ опытовъ, все еще надѣется чего-нибудь достигнуть властію „верховнаго святителя древлеправославныхъ христіанъ“....

Само собою разумѣется, что посланіе Кирилла вызвало въ средѣ раздорниковъ цѣлую бурю негодованія. Какъ могъ въ самомъ дѣлѣ, этотъ жалкій, ничтожный Кириллъ дѣлать столь обидныя для нихъ распоряженія! Какъ смѣлъ онъ предписывать имъ попамъ и самому даже епископу Антонію такія унизительныя дѣйствія относительно окружниковъ, притомъ же совершенно противныя постановленіямъ послѣдняго собора,—этого собора, составляющаго ихъ торжество и славу! Слѣдуетъ „ни мало немедленно“ наказать дерзновеннаго и направить дѣло надлежащимъ образомъ. И вотъ неутомимый Ефимъ Ѳедорычъ летитъ въ Бѣлую Криницу вразумлять провинившагося дѣдушку-Кирилла. Крючковъ долженъ былъ разъяснить этому неразумному Кириллу что попамъ не принимавшимъ *Окружнаго Посланія* никакъ не слѣдуетъ приносить прощеніе предъ окружниками, и именно по смыслу *Соборнаго Опредѣленія*, которое должно быть соблюдаемо въ точности; кромѣ того, доказать неопровержимыми фактами что Антоній Шутовъ, въ своемъ „донесеніи“ къ нему, владыкѣ

Кириллу, написалъ ложь о епископѣ Антоніи, будто онъ съ своими попами не подписываетъ соборнаго акта и видѣть Антонія Шутова не хочетъ, что, напротивъ, самъ онъ, Шутовъ, отъ подписанія грамоты отказался и отъ свиданія съ Антоніемъ уклоняется. Къ несчастію господина архіепископа, Крючковъ дѣйствительно имѣлъ возможность доказать все это фактами. Что Антоній отказался собственноручно подписать бѣлокриницкій соборный актъ, это, какъ уже извѣстно читателю, была дѣйствительная правда, между тѣмъ какъ Антоній Гуслицкій и Софроній Калужскій, два раздорническіе епископа, охотно его подписали. И въ томъ что не устроилось свиданія съ Антоніемъ Гуслицкимъ, старый Антоній былъ также не безъ вины. Устроить свиданіе это хлопоталъ собственно Савватій Тобольскій, и вотъ какъ самъ онъ въ послѣдствіи разказывалъ о своей неудачной попыткѣ. „Я уговаривалъ епископа примириться, и другаго Антонія тоже почти уговорилъ. Пріѣзжаю къ этому муравьевскому Антонію, прошу его ради мира церковнаго повидаться съ архіепископомъ. Онъ соглашается, и (даже!) Крючкова уговорили; но хозяинъ, Муравьевъ, не соглашается его отпустить отъ себя, говоритъ: „Я его не пущу изъ дому!“—„И „тотъ, говоримъ ему, не поѣдетъ; потому онъ старше!“ Сколько ни уговаривали, не пускаетъ. Рѣшили послать за самимъ архіепископомъ.“ Надобно замѣтить, что выборъ пословъ сдѣланъ былъ не слишкомъ удачно: послали Крючкова и попа Василья Садовницкаго, людей особенно ненавистныхъ старому Антонію и всего менѣе способныхъ привести его въ мирное расположеніе духа. „Пріѣзжаютъ они, разказывалъ далѣе Савватій, являются къ архіепископу, говорятъ что присланы просить его къ Антонію въ домъ Муравьева. А онъ сталъ бранить ихъ что они раздорники, возмутители: „не поѣду я!“ говоритъ. Такъ они и воротились, разказали намъ свое неудачное посольство. Я говорю: „не съѣздить ли „мнѣ попросить его?“ Стали удерживать; однако я поѣхалъ. Сколько ни просилъ, сколько ни уговаривалъ Антонія, все нѣтъ да нѣтъ. Наконецъ-таки согласился: „но я, говоритъ, „къ Муравьеву ни за что не поѣду; а пусть назначитъ дру„гой домъ гдѣ бы намъ видѣться!“ На этомъ и порѣшили. Пріѣзжаю назадъ къ Муравьеву, такъ и такъ, говорю: „про„ситъ чтобы другой домъ былъ назначенъ“. Муравьевъ отвѣчаетъ что своего Антонія не отпуститъ: „вы, говоритъ, тамъ

„его предадите!“—„Что вы, что вы, Митрофанъ Артамонычъ? „Какъ это можно!“ — „Изъ своего дома, говоритъ, не пущу; „нечего болѣе и толковать объ этомъ!“ Такъ дѣло и кончилось ничѣмъ.“ * Конечно, старый Антоній не больше другихъ виноватъ былъ въ этой неудачѣ; но все же Крючковъ, обвиняя его предъ Кирилломъ, могъ основаться на дѣйствительномъ фактѣ и особенно изобразить въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ какъ Антоній принималъ самого Ефима Ѳедорыча и попа Василья, когда они явились къ нему въ качествѣ мирныхъ пословъ.

Между тѣмъ и самъ Кириллъ, отправивъ въ Москву посланіе столь благопріятное для стараго Антонія, имѣлъ причины питать противъ этого послѣдняго неудовольствіе. Дѣло въ томъ что изъ Москвы и изъ другихъ мѣстъ Россіи приходили въ Бѣлую Криницу письма въ которыхъ всячески поносили Кирилла за послѣднее утвержденное имъ *Соборное Опредѣленіе*. Письма присылались и на имя самого Кирилла, и на имя Аверкія Полякова, противника Кириллова, который не только доставлялъ ихъ митрополиту, но старался въ копіяхъ распространять и во всеобщее свѣдѣніе. Письма были такого содержанія и писаны въ такомъ тонѣ что даже самому Кириллу показались невыносимы; отъ Аверкія онъ даже не сталъ брать ихъ. Во всемъ этомъ Кириллъ обвинялъ архіепископа Антонія, зачѣмъ онъ дозволяетъ окружникамъ такъ неприлично ругать „верховнаго святителя древлеправославныхъ христіанъ“. Онъ даже поручалъ московской дѣвицѣ Прасковьѣ Алексѣевнѣ написать въ Москву къ одной знакомой мироносицѣ, пусть она скажетъ владыкѣ Антонію чтобы запретилъ писать поносныя письма. „Я, говорилъ Кириллъ, теперь все по его дѣлаю; какъ онъ приказалъ написать, такъ и написалъ; и новому Антонію писалъ чтобы принесъ ему прощеніе, и Василій огородникъ (садовницкій) чтобы пришелъ съ покорностью. Я его очень люблю и желаю никого такъ, какъ его. Они пишутъ сюда, а здѣсь переписываютъ, да всюду разсылаютъ: а надъ нами только люди смѣются! Пріѣзжали бы сами, да какъ хотѣли такъ бы и дѣлали!“ Вотъ какія жалобы на владыку Антонія изливалъ владыка Кириллъ предъ Прасковьей Алексѣевной

* Разказъ этотъ, со словъ самого Савватія, записанъ нашимъ новочеркасскимъ корреспондентомъ.

по поводу присылаемыхъ изъ Россіи поносныхъ писемъ, и она извѣщала свою московскую пріятельницу что письма дѣйствительно очень ругательныя, есть и такія что и читать невозможно. Она приходила даже къ остроумному предположенію: ужь не церковники ли это пишутъ? „Вотъ на дняхъ получили письмо, извѣщала она, писано: *у тебѣ сатана гнѣздо свилъ внутри*! а прочее и писать совѣстно. И нынче письмо принесъ, Солнцевъ пишетъ: *не спасетъ тебя ни митра, ни омофоръ: уничтожь этотъ соборъ*!“

Итакъ, дѣдушка Кириллъ питалъ уже нѣкоторое неудовольствіе противъ Антонія, когда въ Бѣлую Криницу явился Крючковъ съ разсказами о вѣроломствѣ и разныхъ „изворотахъ“ этого стараго Антонія. Онъ доказалъ Кириллу со всевозможною ясностію что Антоній обманулъ его, что и грамоты соборной самъ подписать не хочетъ, и мириться съ новымъ Антоніемъ не поѣхалъ, тогда какъ этотъ послѣдній изъявилъ согласіе на братское съ нимъ свиданіе, а грамоту соборную вмѣстѣ съ калужскимъ Софроніемъ подписалъ безпрекословно. Послѣ этого Ефиму Ѳедорычу не трудно было доказать Кириллу какъ безразсудно было съ его стороны писать такія обидныя для гуслицкаго Антонія посланія и дѣлать такія несправедливыя въ отношеніи къ нимъ, противуокружникамъ, распоряженія. Онъ потребовалъ чтобы Кириллъ немедленно исправилъ такую непростительную ошибку. И вотъ въ Бѣлой Криницѣ составляется опять нѣчто въ родѣ собора, и 21-го октября издается соборная грамота „къ боголюбивымъ епископамъ и священникамъ, и иночествующимъ, и всѣмъ православнымъ христіанамъ“. Судя по совершенной безграмотности этого документа, надобно полагать что надъ составленіемъ его потрудился самъ Ефимъ Ѳедоровичъ Крючковъ. Сущность грамоты состояла въ томъ что *Соборное Опредѣленіе* изданное 8-го іюля подтверждается во всей его силѣ, и подъ нимъ должны подписаться своеручно всѣ духовныя лица, „несмотря на то что довѣрителями были подписаны“; а кто изъ нихъ не подпишется, тѣ запрещаются отъ всякаго священнодѣйствія, мірскія же лица, несогласныя принять *Соборное Опредѣленіе*, отсѣкаются отъ церкви яко гнилый и непотребный удъ. Въ новой соборной грамотѣ не скрыто что поводомъ къ ея изданію послужили именно уклончивыя дѣйствія Антонія, къ которому пріобщенъ также и Пафнутій Казанскій: „И какъ нынѣ нѣкоторые

не покаряются нашему освященному собору и не подписываются своеручнымъ подписомъ къ *Соборному Опредѣленію*, нынѣ мы собравшеся въ Бѣлокриницкой митрополіи, духовніи и иноцы и мірстіи лицы, и обсовѣтовавши утверждаемъ именемъ Божіимъ сице: вопервыхъ, господинъ архіепископъ Антоній Московскій и епископъ Пафнутій Казанскій, хотя мы и наслышаны что онъ отъ правленія епископскаго отказался, но чтобы своеручно подписался, и подъ властію ихъ священники, и какъ соборъ былъ собранъ по причинѣ *Окружнаго Посланія*, то заповѣдуемъ пріемлющимъ *Окружное Посланіе* епископамъ и священникамъ подписаться своеручнымъ подписомъ, а если не подпишутся" и т. д.

Кромѣ этой соборной грамоты, Кириллъ въ тотъ же день подписалъ тождественное посланіе къ обоимъ Антоніямъ, но уже совсѣмъ другаго содержанія нежели посланное прежде. „Мы премного наслышаны о тебѣ," писалъ онъ старшему Антонію, „что ты не хочешь своеручно подписаться на соборномъ нашемъ *Опредѣленіи*, которое учинено въ нашей богоспасаемой Бѣлокриницкой митрополіи истекшаго 8-го числа іюля мѣсяца сего 1868 года, ради покоя и мира церковнаго, и притомъ же ни мало ты не хочешь подражать кроткому пастырю, который послушливъ былъ даже до смерти и распятся, а ты нынѣ, при старости лѣтъ своихъ, не о спасеніи душъ человѣческихъ печешься, но только о высокихъ своихъ чинахъ и званіяхъ разсуждаешь. Убойся Бога! Куда нынѣ скрылась твоя освященная совѣсть? Умирать и тебѣ будетъ надобно!... Осмотрися добрѣ что ты творишь, и послушай нашего благаго совѣта: съ полученія сей нашей грамоты, вскорости *ни мало немедленно* при всенародномъ собраніи къ вышепомянутому *Соборному Опредѣленію* своеручно подпишись." Вотъ какія любезности расточалъ теперь владыка Кириллъ тому самому Антонію о которомъ недавно еще говорилъ Прасковьѣ Алексѣевнѣ что любитъ и желаетъ его больше всѣхъ. Но не довольствуясь и этимъ обличительнымъ посланіемъ, онъ подписалъ и отправилъ къ нему еще другое, въ которомъ объяснялся не менѣе откровенно: „по донесенію вашему на господина епископа Антонія и прочихъ духовныхъ лицъ, якобы они не исполняютъ по *Соборному Опредѣленію* и не подписываются на немъ.... Я писалъ господину епископу и вамъ 20-го сентября сего года, чтобъ епископъ Антоній Московскій подписался и его священники на соборномъ

актѣ, и явился къ вамъ для личнаго свиданія и общаго совѣта. Какъ же вы просили чтобъ онъ явился къ вамъ и священники, а вы сами на соборномъ актѣ не подписывалися и соборъ называете лукавымъ?... И за вашъ обманъ и вышесказанные извороты уничтожаю письмо посланное 20-го сентября и яко не бывшее вмѣняю. И въ сіе время оказалось что вы и доселѣ не подписалися и въ вашемъ добавленіи называете соборъ: темный. Какова же совѣсть! и каковъ вашъ священный санъ! и къ чему онъ васъ ведетъ, на какое посрамленіе! Вы же довѣрителю вполнѣ дали довѣренность въ лицѣ вашемъ дѣйствовать на соборѣ, и мнѣ писали вы нѣсколько разъ что вы посылаете въ лицѣ себя, и что онъ сдѣлаетъ на соборѣ, то на все согласенъ: а теперь вы соборъ не признаешъ (sic) и довѣрителя срамишъ и дѣлаешъ обманы и извороты! Если вы соборной актъ не подпишите, то лежитъ на васъ правило святыхъ отецъ“ и пр.

Такимъ образомъ Крючковъ съ обычною ловкостью сдѣлалъ свое дѣло въ Бѣлой Криницѣ: обидное для противуокружниковъ письмо отъ 20-го сентября уничтожено, вмѣнено яко не бывшее; соборный актъ 8-го іюля подтвержденъ во всей его силѣ новою соборною грамотой, и всѣ духовныя лица изъ окружниковъ, подъ страхомъ запрещенія отъ священнодѣйствій, обязаны подъ нимъ подписаться; а этому злокозненному Антонію сдѣланы такія вразумленія какихъ ему давно уже не приходилось получать. Снабженный вышеуказанными грамотами Ефимъ Ѳедорычъ благополучно прибылъ въ Москву и вручилъ привезенныя имъ бумаги по принадлежности.

Всѣ мечты Антонія, всѣ его надежды на бѣлокриницкаго верховнаго святителя разлетѣлись въ прахъ. Поневолѣ приходилось вкушать горькіе плоды своей собственной непрямоты и двуличности. Помышляя о соединеніи съ раздорниками, онъ оттолкнулъ отъ себя окружниковъ и достигъ того что члены московскаго духовнаго совѣта, посредствомъ своихъ извѣщеній, объявили всѣмъ иногороднымъ обществамъ о недобросовѣстности его поведенія; а желая въ то же время не разрывать открытымъ образомъ и своихъ связей съ окружниками, совершенно испортилъ свои отношенія къ раздорникамъ, вызвалъ со стороны Кирилла самыя рѣзкія обличенія въ изворотахъ и обманахъ. И все это писалось и говорилось о немъ во услышаніе всего старообрядскаго міра! Положеніе,

истинѣ, непріятное даже и для подобной личности какъ Антоній Шутовъ. Надобно полагать что теперь, когда его сношенія съ раздорниками кончились такимъ плачевнымъ образомъ, Антоній пожалѣлъ не мало зачѣмъ отказался дѣйствовать заодно съ членами своего духовнаго совѣта, распоряженія которыхъ, какъ можно было судить по доходившимъ изъ разныхъ мѣстъ слухамъ, должны произвести благопріятное впечатлѣніе въ иногородныхъ старообрядскихъ обществахъ. Но развѣ теперь уже нельзя поправить дѣло? нельзя объявить себя рѣшительнымъ приверженцемъ окружниковъ? Подобныя превращенія въ былое время удавались Антонію; можно было надѣяться вполнѣ что и теперь неудачи не послѣдуетъ: снисходительность раскольниковъ къ присвоимъ своимъ предѣла не имѣетъ.

VII.

Члены московскаго духовнаго совѣта и общество московскихъ окружниковъ могли дѣйствительно расчитывать что посланный въ иногородныя общества „разборъ бѣлокриницкаго *Соборнаго Опредѣленія*“ вездѣ будетъ принятъ хорошо, ибо съ разныхъ сторонъ приходили извѣстія что Бѣлокриницкимъ соборомъ всѣ окружники крайне недовольны. Такъ напримѣръ, изъ Калуги писали въ Москву что туда пріѣхалъ Софроній, и предъявивъ соборную грамоту требуетъ чтобы калужскіе старообрядцы изъ пріемлющихъ *Окружное Посланіе* шли къ нему за прощеніемъ, но никто изъ старообрядцевъ-окружниковъ къ нему не идетъ и не пойдетъ. „Когда наша рѣка Ока возвратитъ свои струи вспять, писали изъ Калуги, тогда и пойдемъ за прощеніемъ къ Софронію: отъ клятвопреступниковъ прощенія не просятъ! Они хотятъ насъ приписать подъ чинъ, только не знаю третій, или вторый. Кто же изъ насъ отдѣлился отъ церкви: мы, или они? Мы ереси за собой никакой не видимъ; не намъ у нихъ просить прощенія. Тогда и каменіе возопіютъ великимъ гласомъ... 8-го іюля (на соборѣ) только Давыдъ говорилъ, а митрополитъ приговаривалъ: *кажу добри*. Святитель чужимъ умомъ проживаетъ!“ Съ Урала также получено было посланіе отъ общества „богоспасаемыхъ градовъ Уральска, Оренбурга и града Илецка съ окрестными весями“, — писали что бѣло-

криницкую соборную грамоту принять нельзя: „Написанъ мирный актъ за границей; но въ немъ нимало не упомянуто о Кириловомъ, Прокоповомъ и прочихъ лжеученіи: слѣдовательно о семъ ученіи на соборѣ за границей не было никакого вопроса къ митрополиту Кириллѣ, должно-быть, оно и осталось при нихъ. О Боже! избави насъ отъ таковыхъ лжеучителей! Всѣ мы радуемся доброму миру ведущему ко спасенію; а если будемъ мириться о нарушеніи истины, то зловредно есть. А видится что таковый миръ и начинается сейчасъ. Многіе сему начинаемому неистинному миру не радуются, а желаютъ благаго, праваго, истинѣ не противнаго". Мнѣніе казанскаго старообрядскаго общества, самое невыгодное для Бѣлокриницкаго собора, уже было заявлено прежде однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ этого общества.

Итакъ, можно было смѣло расчитывать что „разборъ бѣлокриницкаго соборнаго акта" будетъ хорошо принятъ иногородными старообрядскими обществами, и со стороны этихъ послѣднихъ нельзя ожидать никакого противодѣйствія, когда приступлено будетъ къ формальному уничтоженію опредѣленій Бѣлокриницкаго собора. Но немалымъ затрудненіемъ въ этомъ дѣлѣ могло служить то обстоятельство что всѣ старообрядскіе архіереи, за исключеніемъ Пафнутія Казанскаго, утвердили бѣлокриницкій соборный актъ своими подписями, такъ что ратуя противъ соборнаго акта, членамъ совѣта приходилось бы ратовать противъ всѣхъ существующихъ нынѣ старообрядскихъ епископовъ: борьба, очевидно, была бы не равная. Итакъ нужно было устранить это важное препятствіе,—склонить епископовъ-окружниковъ къ отреченію отъ собственныхъ подписей подъ бѣлокриницкимъ соборнымъ актомъ. Въ отношеніи къ Антонію попытки этого рода, по крайней мѣрѣ доселѣ, были безуспѣшны; оставалась надежда на заграничныхъ Аркадіевъ. Мы видѣли что вскорѣ же по полученіи бѣлокриницкаго акта московскіе окружники, въ обличительномъ посланіи къ Аркадію Славскому, дѣлали ему и вмѣстѣ съ нимъ Аркадію Васлуйскому внушеніе отречься отъ соборнаго постановленія: „благоволите отрясти мглу Прокопо-Давыдовскую... сподвигните на сіе и сосѣда вашего, преосвященнаго Аркадія, архіепископа Васлуйскаго, и общекупно составивше уничтоженіе на *Опредѣленіе*, отъ 8-го іюля состоявшееся, пришлите за подписомъ и печатьми вашими". Потомъ, когда былъ составленъ и одобренъ „разборъ бѣло-

криницкаго акта", члены духовнаго совѣта отправили къ обоимъ Аркадіямъ письма съ тѣмъ же самымъ предложеніемъ, еще болѣе настойчиво выраженнымъ. Но мало надѣясь на письма, они рѣшились наконецъ, ради такого важнаго дѣла, снарядить посольство за границу для личныхъ объясненій съ обоими архіереями и особенно съ Аркадіемъ Славскимъ. Съѣздить за границу рѣшился даже самъ Пафнутій Казанскій; въ спутники назначили ему одного, мало опытнаго въ подобныхъ путешествіяхъ, старообрядца изъ жителей Сергіева посада. Посольство снаряжено было въ величайшемъ секретѣ, такъ что изъ самихъ старообрядцевъ московскихъ о немъ извѣстно было весьма не многимъ. Но этому посольству, снаряженному ради пользы *Окружнаго Посланія* не суждено было даже выѣхать за россійскіе предѣлы. Когда нужно было въ Петербургѣ хлопотать о полученіи заграничныхъ паспортовъ, спутникъ Пафнутія своими неумѣлыми отвѣтами на самые обыкновенные вопросы: кто онъ и зачѣмъ ѣдетъ въ Турцію? скоро навлекъ на себя подозрѣніе; притомъ же и видъ его оказался не въ порядкѣ, ибо принадлежалъ другому лицу. По сему случаю посланниковъ задержали. Впрочемъ, съ ними поступили очень деликатно и отпустили безъ всякихъ непріятностей, только, разумѣется, не въ турецкія владенія, а приказали ѣхать обратно къ мѣстамъ ихъ жительства, — одному въ Казань, другому въ Москву. Эта неудача, испытанная Пафнутіемъ въ такое время когда поѣздки раскольниковъ за границу сдѣлались такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, произвела тяжелое впечатлѣніе на московскихъ окружниковъ, возлагавшихъ большія надежды на личное свиданіе своихъ пословъ съ Аркадіемъ Славскимъ. В то же время ихъ постигло новое огорченіе, еще болѣе тяжелое: по телеграфу получено было неожиданное извѣстіе что 11-го ноября Аркадій Славскій умеръ, и оказалось такимъ образомъ, что Пафнутій Казанскій не могъ бы застать его въ живыхъ, еслибы даже и успѣлъ благополучно выбраться за границу.

Выше было замѣчено, что Аркадій возвратился домой с Бѣлокриницкаго собора въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Его очень смущала мысль что на соборѣ этомъ поступилъ онъ крайне опрометчиво, что подписавъ позорную для старообрядцевъ-окружниковъ грамоту, заключивъ, по собственному его выраженію, „грязный миръ" съ Кириллом

Прокопомъ, Давыдомъ и прочими, онъ не только ничего не достигъ, но еще можетъ и самого себя очень низко уронить во мнѣніи всѣхъ благомыслящихъ старообрядцевъ. Это послѣднее опасеніе всего больше тревожило Аркадія, очень дорожившаго своею репутаціей въ старообрядскомъ мірѣ и весьма чувствительнаго къ личнымъ непріятностямъ. И вскорѣ же по возвращеніи въ свой Славскій скитъ, онъ получаетъ изъ Москвы, отъ прежнихъ искреннѣйшихъ почитателей своихъ, уже извѣстное читателямъ обличительное посланіе, написанное, какъ выражались сами писавшіе, „не стройно и жестоко, ибо кровь кипѣла въ жилахъ отъ напитка составленнаго въ студенцѣ бездны“,—посланіе, въ которомъ содержалось столько обидныхъ для него, но вмѣстѣ и справедливыхъ упрековъ, обличеній и даже угрозъ! Все это было тяжелымъ ударомъ для Аркадія, и по мнѣнію самихъ старообрядцевъ, московскія письма имѣли рѣшительное вліяніе на развитіе его предсмертнаго недуга. Добруджинскіе раскольники были до крайности огорчены неожиданною кончиной своего знаменитаго епископа, котораго, конечно, никто имъ не замѣнитъ *; сильно смутились извѣстіемъ о смерти Аркадія и московскіе старообрядцы. Нѣтъ сомнѣнія, что Аркадій былъ самымъ замѣчательнымъ и самымъ дѣльнымъ изъ всѣхъ существующихъ теперь раскольничьихъ архіереевъ, и смерть его во всякое время была бы для старообрядцевъ-окружниковъ чувствительною потерей; а при настоящихъ обстоятельствахъ эта потеря была еще чувствительнѣе. Аркадій, постоянный и твердый поборникъ *Окружнаго Посланія*, умираетъ подписавши *Соборное Опредѣленіе* которымъ это *Посланіе* уничтожено, вмѣнено яко небывшее и предано

* По полученнымъ изъ Тульчи извѣстіямъ, Некрасовцы имѣютъ въ виду посвятить въ епископы на мѣсто Аркадія одного бѣлокриницкаго инока, живущаго теперь близъ Измаила (если не ошибаемся, это есть инокъ Силуанъ),—„человѣка легкаго, по выраженію Гончарова,—съ слабой головой, который послѣ старика (Аркадія) долго не удержится“. Изъ Тульчи же пишутъ, что послѣ Аркадія осталось, какъ и слѣдовало ожидать, значительное состояніе, по большей части въ недвижимомъ имуществѣ, и кромѣ того въ деньгахъ, и что турецкому правительству хотѣлось воспользоваться этимъ имуществомъ, но Гончаровъ, послѣ долгихъ хлопотъ и расходовъ, успѣлъ таки закрѣпить его за братомъ Аркадія, Васильемъ Родіоновымъ Шапошниковымъ, живущимъ теперь въ Славскомъ скиту.

проклятію,—умираетъ отвергнутый самими окружниками и не успѣвши съ ними примириться чрезъ отреченіе отъ своей злосчастной подписи подъ соборнымъ актомъ! Говорим: отвергнутый окружниками, потому что сами они писали Аркадію: „Егда узримъ писаніе руки вашея, уничтожающее богопротивное велѣніе оно, тогда (и только тогда) паки по-прежнему будемъ просить вашего архипастырскаго мира и благословенія". Въ сущности, это была со стороны окружниковъ одна только угроза Аркадію; разорвать общеніе съ нимъ они вовсе не желали и не думали, а хотѣли только посредствомъ этой угрозы заставить Аркадія поскорѣе прислать имъ „писаніе руки своея", уничтожающее „богопротивный" бѣлокриницкій актъ,—за этимъ Аркадіевымъ рукописаніемъ они рѣшились, какъ мы видѣли, даже снарядить нарочитое посольство за границу. И вотъ судьбамъ угодно было навсегда лишить ихъ возможности не только узрѣть столь вожделѣнное писаніе руки Аркадіевой, но и съ самимъ Аркадіемъ возстановить прерванное общеніе, — „по-прежнему просить у него мира и благословенія!" Понятно послѣ этого какъ прискорбно было для московскихъ окружниковъ извѣстіе о смерти знаменитаго славскаго епископа и какой ущербъ причинила эта потеря ихъ надеждамъ на успѣшное окончаніе дѣла объ уничтоженіи бѣлокриницкаго соборнаго акта.

Положеніе окружниковъ, дѣйствительно, было теперь очень затруднительно, и только наступившій новый годъ принесъ имъ нѣкоторое утѣшеніе: отъ Аркадія Васлуйскаго было получено наконецъ покаянное посланіе; онъ совершенно отрекался отъ бѣлокриницкаго *Соборнаго Опредѣленія*, которое имѣлъ неосторожность утвердить своею подписью, уничтожалъ эту несчастную подпись и смиренно испрашивалъ прощенія за всѣ вины содѣянныя на Бѣлокриницкомъ соборѣ. Для окружниковъ, при тогдашнемъ ихъ стѣсненномъ положеніи, это было, дѣйствительно, не малымъ утѣшеніемъ. А между тѣмъ и московскій Антоній, потерпѣвъ жестокое пораженіе въ своихъ попыткахъ сблизиться съ раздорниками, послѣ грозныхъ и оскорбительныхъ грамотъ и писемъ Кирилла, началъ изображать изъ своей особы рѣшительнаго приверженца партіи пріемлющихъ *Окружное Посланіе* и изъявилъ готовность дѣйствовать вмѣстѣ съ членами духовнаго совѣта противъ бѣлокриницкаго *Соборнаго Опредѣленія*. Благодаря тѣмъ же стѣсненнымъ обстоятель-

ствамъ, члены совѣта согласились предать забвенію недавніе столь неблаговидные и неискренніе въ отношеніи къ нимъ поступки Антонія, о которыхъ сами же, посредствомъ „извѣщенія“, повѣдали всѣмъ иногороднымъ старообрядскимъ обществамъ; они благосклонно приняли кающагося господина архіепископа; даже Шафнутій Казанскій (чего ожидать было невозможно, чему не охотно и вѣрится), — даже онъ рѣшился возобновить такъ давно уже прерванныя сношенія съ Антоніемъ, котораго, конечно, и доселѣ считаетъ повиннымъ во многихъ и важныхъ лжеученіяхъ и противныхъ церковнымъ правиламъ поступкахъ. Его миръ съ Антоніемъ, миръ только по наружности, совершенно чуждый искренности, можетъ служить яснымъ доказательствомъ того какъ нуждались окружники въ привлеченіи на свою сторону даже такихъ „властей“ каковъ Антоній чтобъ имѣть достаточно силы для борьбы съ противною партіей. Теперь всѣ находящіеся въ живыхъ (за исключеніемъ Іова Кавказскаго) старообрядскіе епископы, почитаемые за окружниковъ были на ихъ сторонѣ, и борьбу эту можно было начинать смѣло.

11-го января окружники отправили въ Бѣлую-Криницу, на имя Аверкія Полякова, тщательно переписанный по-уставному „разборъ *Соборнаго Опредѣленія*“, который просили его прочесть самому владыкѣ Кириллу. „Мы разсудили, сказано въ письмѣ къ Аверкію, послать на имя ваше составленный здѣ разборъ бѣлокриницкаго *Опредѣленія*, просимъ васъ внимательно разсмотрѣть и безпристрастно обсудить оный, и потомъ благоволите прочести во уши своей собратіи, и кому заблагоразсудите, а также отцу Алимпію *и самому г. Кириллу митрополиту потрудитеся прочести.*“ Въ томъ же письмѣ окружники ясно и опредѣленно выражали что „за митрополитомъ Кирилломъ послѣдовати не могутъ, а равно и соборъ бывшій въ Бѣлой Криницѣ въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца 1868 года признать за законный соборъ такожде не могутъ, понеже онъ не послѣдова прежнимъ св. соборомъ и дѣйствова противъ правилъ Свв. отецъ, къ тому же дерзну уничтоженію и проклятію предати ученіе изложенное отъ священнаго и святыхъ отецъ писанія, и всѣхъ запрещенныхъ и изверженныхъ изъ священнаго сана признати за дѣйствительныхъ священнослужителей безъ всякаго основанія отъ писанія, и посему мы его вмѣняемъ быти неправильнымъ и далече отъ предѣлъ каноническихъ изшедшимъ“.

Они приравнивали его соборамъ аріанскимъ и иконоборческимъ (также, совершенно некстати, большому Московскому собору 1666 года): „всѣ сіи соборы мы вмѣняемъ яко не бывшіе и вся беззаконная постановленія ихъ, не согласная съ ученіемъ святыя церкве, отвергаемъ и отметаемъ, съ ними же и вышереченный соборъ Бѣлокриницкій вмѣняемъ незаконнымъ, недѣйствительнымъ и ничтожнымъ". Итакъ мнѣніе окружниковъ о Бѣлокриницкомъ соборѣ в концѣ января было объявлено самому Кириллу и прочим въ митрополіи сущимъ; тогда же, именно 24-го числа, такое объявленіе сдѣлано было и московскимъ противуокружникамъ. Правда, еще гораздо ранѣе, въ то время когда составлялся самый „разборъ бѣлокриницкаго акта", окружники послали Давыду Антипову, „почтенному наставнику и составителю бѣлокриницкаго мнимособорнаго *Опредѣленія* вкупѣ съ сотрудники и единомысленники", цѣлую тетрадь подъ названіемъ: *Откликъ на слово примиренія*, гдѣ между прочимъ сказано было: „объявляемъ, по убѣжденію совѣсти нашея, что только тогда имать быти истинное примиреніе и соединеніе между нами и вами, егда на основаніи священнаго и святыхъ отецъ писанія, обстоятельно разсмотрѣны и обсуждены будутъ вины разномыслія нашего". Это было первымъ, еще не вполнѣ рѣшительнымъ вызовомъ который сдѣлали московскіе окружники противной партіи; теперь же, чувствуя себя достаточно сильными въ союзѣ съ Аркадіемъ Васлуйскимъ и Антоніемъ, они рѣшились дать имъ нѣчто въ родѣ генеральной баталіи. Упомянутаго 24-го числа, в домѣ извѣстнаго собирателя старообрядцевъ И. П. Б—ва, было общее собраніе окружниковъ, на которое были приглашены и главные дѣятели противной партіи; явились и новые друзья—Антоній съ казанскимъ Пафнутіемъ, которыхъ однакоже, почему-то нашли необходимымъ первоначально уединить въ особой, отдѣльной отъ залы собранія, комнатѣ, въ верхнихъ апартаментахъ. При открытіи засѣданія хозяинъ предложилъ пригласить въ собраніе и обоихъ владыкъ, объяснивъ что они находятся у него же въ домѣ и только ждутъ приглашенія. Одинъ изъ прежнихъ окружниковъ, теперь же, очевидно, склонившійся на противную сторону подъ вліяніемъ своего духовнаго отца изъ раздорническихъ поповъ,—человѣкъ весьма значительный между старообрядцами, бывшій попечитель Рогожскаго кладбища, А. А. Д—въ,

замѣтилъ, что если приглашать Пафнутія съ архіепископомъ Антоніемъ, то нужно пригласить и епископа Антонія (то-есть Гуслицкаго). По сему случаю откровенный хозяинъ такъ неделикатно выразился объ этомъ епископѣ Антоніи что г. Д—въ, въ крайнемъ негодованіи, выбѣжалъ вонъ и больше не возвращался въ собраніе, несмотря на всѣ убѣжденія и просьбы. Такъ началось засѣданіе; въ томъ же духѣ продолжалось и кончилось. Главное что было теперь сдѣлано,— это рѣшительное объявленіе со стороны окружниковъ что Бѣлокриницкій соборъ они законнымъ не признаютъ, опредѣленій его не принимаютъ и дотолѣ не заключатъ мира съ раздорниками пока эти послѣдніе не откажутся отъ Прокоповой и Давыдовой ереси, или, что въ сущности одно и то же, пока не примутъ ученія выраженнаго въ *Окружномъ Посланіи*.

Итакъ, заключенный на Бѣлокриницкомъ соборѣ „грязный миръ“ между окружниками и противуокружниками— разорванъ. Остается ожидать съ той и другой стороны формальнаго о томъ объявленія во всеобщее свѣдѣніе старообрядцамъ, повсюду обрѣтающимся.... Что же будетъ за тѣмъ? Послѣдуетъ ли наконецъ рѣшительное распаденіе поповщины на двѣ враждебныя секты — окружниковъ и противуокружниковъ, или опять начнутся безплодныя и нескончаемыя попытки взаимнаго примиренія между тѣми и другими? Поживемъ—увидимъ; только, основываясь на многочисленныхъ опытахъ видѣнныхъ нами въ послѣднее время, можно и теперь сказать съ полною рѣшительностью что въ томъ и другомъ случаѣ расколъ представитъ намъ доказательство своей полной несостоятельности и происходящаго въ немъ разложенія, котораго не въ силахъ прекратить никакіе соборы раскольниковъ—ни бѣлокриницкіе, ни московскіе.

Н. СУББОТИНЪ.

ИЗЪ ПОЭМЫ

„БРАТЬЯ“

ГЛАВА VIII.*

I.

Чтобъ не вводить въ соблазнъ свой околотокъ,
И чтобъ врагомъ порядка не прослыть,
Игнатъ сталъ брить усы и подбородокъ
(Квартальный посовѣтовалъ ихъ брить).
Подозрѣвая тайную опеку,
Онъ велъ себя какъ надо человѣку
Себя вести, когда за нимъ слѣдятъ;
Быть-можетъ, ошибался мой Игнатъ,
Но это положило отпечатокъ
На всѣ его поступки.... Никогда
До этого онъ не носилъ перчатокъ—
Теперь безъ нихъ почти что никуда.

II.

„Артистъ Илюшинъ! это что̀ за птица“,
Подумала одна графиня Z (зетъ),
Извѣстная въ московскомъ свѣтѣ львица,
И заказала юношѣ портретъ.
„А-а! какая кисть! какая сила!“
Пришла въ восторгъ и смѣло посулила

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 8 и 10 1867 г. и №№ 3 и 11 1

Игнату къ ноябрю добыть паспортъ.
Она была вліятельна какъ чортъ,
Добра какъ ангелъ; но не полагался
На милыя слова ея Игнатъ,
И какъ разочарованный, казался
Въ ея глазахъ немножко простоватъ.

III.

Графиня Z Игнату въ высшемъ свѣтѣ
Хотѣла случай выискать; а онъ
Въ гостиной нѣмъ былъ, скученъ въ кабинетѣ,
И явно не для свѣта былъ рожденъ;
Онъ зналъ что принятъ въ качествѣ артиста
Который чертитъ бойко, пишетъ чисто,
Что если сунутъ подъ руку ему
Альбомъ, онъ не уступитъ никому,
Усядется въ сторонкѣ, злой, серіозный,
И выйдетъ у него изъ-подъ руки
Какой-нибудь рисунокъ граціозный:
„Головка нимфы“, „бережекъ рѣки“,

IV.

И прочее. Графиня Z желала
Чтобъ онъ кончалъ какъ можно поскорѣй
Съ нея портретъ. Она воображала
Что юноша неравнодушенъ къ ней,
Что несомнѣнно въ немъ таится страстность
И, стало-быть, предвидится опасность.
А между тѣмъ—открою вамъ секретъ—
Графинѣ было слишкомъ тридцать лѣтъ,
Что̀ не мѣшало ей, хоть для портрета,
Хоть въ сумерки, казаться молодой,
И грудь у ней дышала зноемъ лѣта.
На всемъ лежалъ тончайшій пудры слой.

V.

Глаза горѣли, или такъ казалось,
Когда въ лицо ей падалъ полусвѣтъ.
Игнатъ писалъ, графиня рисовалась—
И выходилъ прелестнѣйшій портретъ!

Но съ полотна какой-то блѣдной Нормы
Сіяли строго-дѣвственныя формы.
Игнатъ краснѣлъ,—какъ ни была мила
Графиня,—кисть отчаянно лгала....
Онъ зналъ ее по слухамъ, былъ послушенъ
Ея причудамъ какъ усердный пажъ,
Но втайнѣ былъ глубоко равнодушенъ
И въ голову не приходила блажь....

VI.

Вотъ, помнитъ онъ, отецъ его въ халатѣ
Глядитъ въ окно и крестится, звонятъ
Къ вечернѣ; онъ, о загулявшемъ братѣ
Горюя, зябнетъ.... въ корридорѣ спятъ
Старуха няня, на старухѣ кошка;
Въ гостиной мачиха,—она немножко
Посоловѣла и порасползлась,—
Гадаетъ въ карты. На подносѣ квасъ....
И пахнетъ мятой. Мѣрно въ ту же ноту
Постукиваетъ маятникъ, на всемъ
Лежитъ покой, на все свою дремоту
Кладетъ тоска, и тихъ семейный домъ.

VII.

Но чу!... звонокъ!... и вотъ, покой нарушенъ....
—Кто тамъ?—„Курьеръ съ пакетомъ.“—Что за вздо
Какой курьеръ?! кричитъ старикъ Илюшинъ.
Игнатъ встревоженъ (съ нѣкоторыхъ поръ
Все, все его волнуетъ).—Вы откуда?—
„Съ пакетомъ отъ графини.“—Что за чудо!...
Неужели мой паспортъ?! Боже мой!
Сейчасъ! сейчасъ! Кто это за тобой?...
Ворчитъ отецъ, но сынъ его не слышитъ,
Онъ прочитать спѣшитъ наединѣ
Завѣтное письмо. Графиня пишетъ:
„Надѣюсь, вы заѣдете ко мнѣ....“

VIII.

Такъ наши дамы чаще сами любятъ
Тѣхъ за кого хлопочутъ, иль того

Кого онѣ по всѣмъ примѣтамъ губятъ,
Навѣрное не зная ничего.
Графиня Z въ Игнатѣ не нуждалась,
Но у нея конечно бъ сердце сжалось,
Когда бъ Игнатъ, хоть онъ и не былъ князь
Иль знатный франтъ, уѣхалъ не простясь.
Ей было бъ очень грустно усомниться
Въ его любви, и потому Игнатъ
Былъ долженъ непремѣнно съ ней проститься,
Чему онъ былъ, конечно, очень радъ.

IX.

„Несчастный!" думала аристократка:
„Забудь меня!" и не платя долговъ
По разнымъ векселямъ, какъ меценатка,
За нѣсколько альбомныхъ пустяковъ
Да за портретъ съ Игнатомъ расплатилась
Чуть не по-царски. Настежь отворилась
Дверь за границу, крылья отросли,
Кругомъ туманъ, сіяніе вдали.
При деньгахъ какъ-то легче вѣрить въ славу
Чѣмъ вѣрить въ безкорыстную любовь.
— Прощай, Москва! „А по какому праву?"
Спросилъ отецъ приподнимая бровь.

X.

И въ спальню онъ ушелъ, гдѣ къ половицѣ
Привинченъ былъ желѣзный сундучокъ,
Сѣлъ на кровать, и на его рѣсницѣ
Слеза повисла. Удружилъ сынокъ!...
Зашибъ себѣ копѣйку, знать не хочетъ
Что о его кускѣ отецъ хлопочетъ,
И даже не стыдится ремесла!
Хорошъ сынокъ!... и грусть его взяла....
А мачиха Игнату на дорогу
Купила валенки, достала погребокъ,
Стаканы, ложки.... „Такъ угодно Богу",
Рѣшилъ старикъ и отперъ сундучокъ.

XI

Алеша незамѣтно пристрастился
Къ Игнату, онъ не могъ не унывать,
На старый долгъ свой брату молча злился,
И трезвый возвращался ночевать.
Не много дней Игнату оставалось
Прожить въ Москвѣ, и эта жизнь слагалась
Такъ хорошо, такъ искренно тепло,
Что даже онъ подумалъ: въ чемъ же зло?
Казалось, всѣ добра ему желали,
Казалось, всѣ заботились о немъ,
Любили, вѣрили ему, ласкали,
И съ грустью озирался онъ кругомъ.

XII.

Товарищи по школѣ учинили
Подписку и затѣяли обѣдъ,
И на обѣдъ прощальный пригласили,
Поборниковъ искусства прошлыхъ лѣтъ.
Всѣ пили за здоровіе Игната,
Всѣ цѣловали и его, и брата,
И Рамазановъ весело острилъ,
И Щепкинъ анекдоты говорилъ,
Ну, словомъ, пообѣдали отлично.
Когда жъ Игнатъ сошелъ на тротуаръ,
Двоились фонари, и фантастично
На всю Москву ночной ложился паръ.

XIII.

У Иверской, какъ бы въ дыму, лампады
Мерцали, тѣни двигались; колесъ
Неровный гулъ катился; у ограды
Шарманка пѣла; у фонтана пёсъ
Сидѣлъ и вылъ, и свѣтъ бѣлесоватый
Отъ башни къ башнѣ по стѣнѣ зубчатой
Скользилъ, и теплились въ лучахъ луны
Шпили и кровли, около стѣны

Деревья, вѣя осенью, шептались,
И чудилось Игнату что они,
Оборванные вѣтромъ, съ нимъ прощались
На долгіе, невѣдомые дни!...

XIV.

Не помнитъ онъ какъ въ садъ они попали,
Но съ ними случай былъ—одинъ изъ тѣхъ
Какіе часто въ жизни мы встрѣчали
И также часто превращали въ смѣхъ.
Въ саду, близъ грота, увидали братья,
Сидѣла дама въ лѣтнемъ бѣломъ платьѣ
И дрогнула, закутавшись въ платокъ.
Алеша разглядѣть ее не могъ,
И все-таки спросилъ: кого вы ждете?
„Мужъ запилъ, домъ мой пустъ, я голодна
И продаю себя, вы что даете?“
Алеша свиснулъ. „Какъ она блѣдна!

XV.

И какъ дрожитъ! повѣрь, тутъ нѣтъ обмана“,
Сказалъ Игнатъ. Онъ молча отдалъ ей
Всѣ деньги что нашелъ на днѣ кармана,
И вспыхнувъ самъ отъ щедрости своей,
Сошелъ въ аллею. Бѣдная смутилась,
Но вдругъ потомъ за нимъ бѣжать пустилась
И за руку схватила: „Ангелъ мой!
Возьми меня, я куплена тобой!
Ты моего ребенка спасъ....“ Уныло
При свѣтѣ мѣсяца она въ лицо
Ему глядѣла, и его молила
На память взять... ну, хоть ея кольцо!

XVI.

И обручальное кольцо мелькнуло
На пальцѣ у Игната въ мигъ когда
Она исчезла, точно утонула
Въ тѣни отъ облака, и никогда
Игнатъ мой не былъ такъ смѣшно взволнованъ.
„Ну, вотъ, сказалъ онъ, я теперь прикованъ

Къ родной Москвѣ, не домомъ, не отцомъ,
Не братомъ, не друзьями, а кольцомъ
Несчастной женщины, и онъ поклялся,
Когда богатъ онъ будетъ, съ нищетой
Не разрывать союза. Братъ смѣялся
Надъ ней, надъ нимъ и надъ его мечтой.

XVII.

И помнитъ онъ, куранты заиграли,
Пронесся звонъ, и разъ, и два, и три....
Тотъ самый звонъ которому внимали
И схимники, и грозные цари.
Онъ вздрогнулъ отъ невѣдомаго чувства,
И никакое тонкое искусство
Не передастъ вамъ страшной тонины,
Той дѣвственной, сердечной той струны,
Которой не затрогиваютъ страсти.
Въ послѣдній разъ услыша этотъ звонъ,
Игнатъ подумалъ: знать не въ нашей власти
Ни тайное предчувствіе, ни сонъ.

XVIII.

Луна была ужъ въ облакѣ, какъ въ дымѣ,
И звѣздный паръ кружился надъ землей,
— Послушай, братъ Алеша, если въ Римѣ
Иль на дорогѣ что-нибудь со мной
Случится, ты изъ моего наслѣдства,
Во имя дружбы насъ связавшей съ дѣтства,
Хоть часть отдай на школу.... да найди
Скульптора Ванина и огради
Отъ нищеты, чтобъ съ горя онъ не запилъ...
„Молчи! сказалъ Алеша:—Богъ съ тобой!...“
И обнялъ брата (иначе, облапилъ),
И такъ они въ ту ночь пошли домой.

XIX.

Еще, еще одно воспоминанье.
Ужъ онъ совсѣмъ собрался въ путь, какъ вдругъ
Какой-то франтъ принесъ ему посланье,—
Посланье отъ Раисы: „Милый другъ!“

Писала эта дѣвушка къ Игнату,
„Я васъ хочу просить, не вѣрьте брату,
Я вовсе не хотѣла васъ надуть.
Назначьте мнѣ свиданье гдѣ-нибудь.“
Плѣнительной Раисы образъ снова
Въ его воображеньи промелькнулъ,
Но „уже поздно!“ молвилъ онъ сурово
И чемоданъ ремнями затянулъ.

XX.

Вотъ сѣли всѣ, вотъ начали прощаться.
Отецъ—honni soit qui mal y pense —
Отецъ рыдалъ, а сынъ спѣшилъ убраться,
Онъ прозѣвать боялся дилижансъ.
Алеша позавидовалъ Игнату,
И всю свою любовь, всю нѣжность къ брату
Онъ въ это утро въ горечь превратилъ.
Онъ брата до Масницкой проводилъ
И только разъ, сквозь слезы, улыбнулся.
Вотъ дилижансъ трубитъ—садись Игнатъ!
Четверка тронулась, онъ оглянулся,
Ему хотѣлось броситься назадъ....

XXI.

Алеша погнался, но вотъ застава,
Вотъ поле, вотъ въ послѣдній разъ махнулъ
Игнатъ дорожнымъ картузомъ. „А право,
Чего-то жаль! подумалъ и вздохнулъ:—
Да, именно чего-то“,—не домашнихъ,
Не стѣнъ, не друга, не своихъ всегдашнихъ
Привычекъ, думъ и даже не ее;
Но что-то жаль и въ этомъ *что-то* все.
И много дней потомъ прошло, и много
Онъ думалъ про себя, про брата, про отца
И скоро ли граница; но дорога
Шоссейная казалась безъ конца....

XXII. XXIII.

Хоть онъ глядѣлъ привычными глазами
На бѣдную, безграмотную Русь,
Но за его дорожными мечтами
И думами слѣдить я не берусь;
Онъ выѣхалъ въ такое время года,
Такая хмурая была погода,
Что наводила сонъ или хандру.
Туманы разстилались по утру,
Потомъ всплывали тучи, моросило,
Потомъ морозило, потомъ заря
Въ прогалины густыхъ лѣсовъ сквозила
И освѣщала слезы ноября.

XXIV.

Порою были свѣтлыя мгновенья,
Какъ для природы, такъ и для него,
И эти блестки, эти впечатлѣнья,
Еще мелькаютъ въ памяти его.
Онъ видѣлъ Кіевъ—колыбель той вѣры
Которая, воздвигнувъ Кремль, прошла
На отдаленный сѣверъ и спасла
Всю Русь отъ папы и отъ Магомета.
Украйна посреди своихъ садовъ
Ему сквозь осень улыбнулась; гдѣ-то,
Онъ помнитъ, угощалъ онъ чумаковъ

XXV.

Горилкой. Помнитъ, о казацкой долѣ
Онъ гдѣ-то слушалъ пѣсню кобзаря.
И самъ мечталъ все о какой-то волѣ,
И думалъ—съ запада встаетъ заря,
(Не зналъ онъ что славянскіе пророки
Зарю встрѣчать привыкли на востокѣ)....
И двигался на западъ.
Кіевъ градъ,
Волынь, Варшава, все ушло назадъ....

Ужь по дорогѣ русскаго не слышитъ
Онъ говора, уже ямщикъ—Полякъ,
Кондукторъ—Нѣмецъ, ночь теплѣе дышетъ;
Но нѣтъ луны.... земли не видно.... мракъ.

XXVI.

И помнитъ онъ, какъ въ этомъ мракѣ стали
Усталые глаза его встрѣчать
Какіе-то огни.... они играли,
Качались, поднимались и опять
Кувыркались. То телеграфы были,
И умъ его въ потьмахъ они дразнили:
Условные огни во всѣ концы
Переносили вѣсти, всѣ дворцы
Ихъ ожидали съ жаднымъ нетерпѣньемъ;
А онъ дремалъ, глядѣлъ, опять дремалъ,
Хотѣлъ понять ихъ и воображеньемъ
Газетныя извѣстья дополнялъ.

XXVII.

Недѣль пять, шесть Игнатъ мой былъ въ дорогѣ
(Ужь онъ теперь границу миновалъ),
Былъ постоянно въ нравственной тревогѣ,
Но къ умственной свободѣ привыкалъ.
Въ политикѣ онъ былъ не дальнозорокъ,
Но понималъ, что наступившій сорокъ
Девятый—бурями чреватый годъ,
Что Франція по-прежнему поетъ,
На зло бонапартистамъ, марсельесу,
Италія шумитъ, Берлинъ—и тотъ,
Раздвинувъ политическую прессу,
Не устаетъ *дрессировать* народъ.

XXVIII.

Въ гостиницахъ, гдѣ жить ему случалось,
Кокетничали Zimmermädchen съ нимъ.
Одна изъ нихъ, Луиза, добивалась
Чтобъ онъ увезъ ее съ собою въ Римъ,
Но не желая въ Римъ везти Луизы,
Игнатъ ее довезъ до ближней мызы

XXXV.

Но иначе взглянулъ черезъ недѣлю.
Онъ въ ней постигъ всю грацію стыда,
И сталъ смекать, что даже Рафаэлю
Могла бъ она присниться иногда.
Потомъ Игнатъ взялся за діалоги,
А какъ произносить слова и слоги
По-итальянски, спрашивалъ порой
Онъ у одной пѣвицы молодой,
Свое гнѣздо покинувшей въ Миланѣ;
Погромъ австрійскій разгонялъ пѣвцовъ;
Такъ хищной птицы крикъ въ ночномъ туманѣ
Изъ гнѣздъ выпугиваетъ соловьевъ.

XXXVI.

И мирное туристовъ настроенье
Нарушилось. Въ крови дымясь, Миланъ
Напрасно вопіялъ: vendetta! мщенье!
Италія изнемогла отъ ранъ.
Въ однихъ соборахъ панихиды пѣли
Въ другихъ молебны, пáтеры скорбѣли:
Народъ приказывалъ молиться имъ,
А папа запрещалъ молиться. Римъ
Свои побѣды праздновалъ безъ боя.
А Карлъ-Альбертъ, Сардиніи король,
Уже въ надорванномъ вѣнкѣ героя
Доигрывалъ трагическую роль.

XXXVII.

Игнатъ все лѣто могъ бы оставаться
Надъ Арно, въ обществѣ знакомыхъ, но
Взяла безсонница, и въ Римъ пробраться
Къ началу мая было рѣшено.
Какъ этотъ Римъ, средневѣковый папскій,
Сойдетъ съ пути и какъ изъ жизни рабской,
Народный, новый Римъ начнетъ вставать,—
Не онъ одинъ хотѣлъ бы наблюдать.

Такъ иногда, во время изверженій
Везувія, къ Неаполю спѣшитъ
Иной искатель сильныхъ ощущеній
И думаетъ: чудесный будетъ видъ!...

XXVIII.

До сей поры Игнатъ грустилъ, влюблялся,
Дружился, потѣшалъ себя, хандрилъ,
Таилъ свои надежды, колебался;
До сей поры онъ личной жизнью жилъ,
Для счастья тихаго, я въ томъ увѣренъ,
Ему судьбой былъ тѣсный кругъ отмѣренъ,—
Теперь куда! наивный мой герой
Спѣшитъ верхомъ за конною толпой!
Зачѣмъ вооруженъ, пугливъ и мраченъ?!
Игнатъ мой, очевидно невзначай,
Волною исторической захваченъ....
Ужь близокъ Римъ! Аркадія, прощай!

Я. ПОЛОНСКІЙ.

ВОЕННО-ОКРУЖНАЯ СИСТЕМА*

III.

Ни одно изъ первоклассныхъ государствъ Европы не ра
ходуетъ, сравнительно, такъ мало на содержаніе войскъ в
мирное время какъ Пруссія, ни одно не выставляетъ въ т
же время, въ случаѣ надобности, по отношенію къ числ
ности народонаселенія болѣе значительной арміи. Недав
еще слабѣйшее изъ первоклассныхъ государствъ Европ
Пруссія играетъ нынѣ едва ли не самую замѣтную роль
эта роль, какъ оказывается на дѣлѣ, ей по силамъ. Зна
тельная доля прусскаго могущества зиждется на томъ ч
государство это прежде другихъ и вполнѣ практично раз
шило вопросъ о военномъ устройствѣ, сдѣлавъ военную п
винность обязательною для всѣхъ гражданъ безъ исключе
Пруссія пришла къ нынѣшнему состоянію путемъ тяжкихъ
опытовъ и пораженій. Она находилась еще подъ обаяніем
славной эпохи Фридриха Великаго, когда, въ 1806 году, вспы
нула война съ Франціей, и Наполеонъ съ необыкновенно
быстротой прошелъ Пруссію изъ конца въ конецъ. Двух
недѣль было достаточно побѣдителю чтобъ имѣть возмож
ность уничтожить самое существованіе Прусскаго королев
ства и возвѣстить что домъ Гогенцоллерновъ перестал
царствовать въ Пруссіи. Національныя войска Франціи, пре
водимыя искуснымъ вождемъ, стерли съ поля сраженія прус
скихъ наемщиковъ, и съ этихъ поръ система вербовокъ бы

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 1.

ончательно осуждена на материкѣ Европы. Благодаря единственно ходатайству русскаго императора, Пруссіи была гавлена самостоятельность, по Тильзитскому миру, но эту мостоятельность побѣдитель обставилъ такими условіями, о Пруссія обратилась изъ первокласснаго въ незначителье государство, съ правомъ содержать не болѣе 40.000 вой-а. Тогда-то Пруссія сознала необходимость разстаться навсегда съ системой вербовокъ и обратиться къ созданію арміи ціональной. Сорокатысячная армія обращена была въ кадръ рнаго времени, срокъ дѣйствительной службы сокращенъ трехъ лѣтъ. Въ короткое время чрезъ этотъ кадръ прооо значительное число людей, и въ 1813 и 14 годахъ Пруссія азалась уже въ силахъ выставить до 250.000 войска. Эта-то стема, извѣстная подъ названіемъ Kremper-System, послужи первообразомъ системѣ ландверной, введенной въ 1814 году. Паденіе Наполеона повело къ быстрому возвышенію Прус-. Она снова сдѣлалась государствомъ первоклассным. еланіе избѣжать въ будущемъ такихъ испытаній какія ли перенесены въ 1806 и 1807 годахъ и, по возможности, радить себя отъ случайностей побудило Пруссію основать енную систему на вооруженіи всего народа и ввести 18-го тября 1814 ландверную систему. Въ манифестѣ король жду прочимъ объявилъ что „граждане найдутъ прочный обезпеченный миръ только въ правильномъ и законномъ вооруженіи цѣлаго населенія. Каждый достигшій ти лѣтъ обязанъ военною службой для защиты отечества.“ Вооруженныя силы были тогда же составлены изъ йствующей арміи, ландвера перваго призыва, ландвера втоо призыва и ландштурма или земскаго ополченія. Введеландверной системы въ Пруссіи, какъ первая серіозная пытка правильно организовать военную повинность, сдѣъ ее обязательною для всѣхъ подданныхъ безъ различія, вѣтъ великое значеніе не для одной Пруссіи. Недалеко уже время когда всѣ государства примутъ за непреложную ину что прочный миръ и спокойствіе лежатъ въ вооруіи цѣлаго населенія, въ готовности каждаго члена великой ударственной семьи стать въ ряды войска по первому зыву.

Военную повинность въ Пруссіи несутъ всѣ жители безъ личія, числятся ли они подданными или нѣтъ, если только ьютъ постоянное жительство въ странѣ. Льготою отъ

службы пользуются лишь члены королевской фамиліи, семейства прусскихъ посланниковъ и нѣкоторыхъ лицъ права которыхъ основываются на старинныхъ договорахъ (напримѣръ медіатизированные князья). Военная служба поставлена весьма высоко. Исключенный изъ рядовъ войска не можетъ уже владѣть поземельною собственностью. Такіе порядки несомнѣнно поднимаютъ чувство народной гордости и чести и не мало содѣйствуютъ крѣпости государственнаго организма: они служатъ свидѣтельствомъ прочной, правильной связи между войскомъ и государствомъ.

Ландверная система вполнѣ привилась въ Пруссіи: общая обязательная военная повинность уже давно не кажется тяжкою для жителей, тогда какъ въ началѣ введенія этой системы, повидимому, не было никакихъ данныхъ по которымъ можно было бы предрѣшить ей вѣрный успѣхъ. У насъ, напримѣръ, обязательность военной службы для подданныхъ признавалась въ принципѣ всегда: до Петра Великаго въ помѣстной системѣ, а съ Петра Великаго въ рекрутскихъ наборахъ и обязательной службѣ для дворянъ. Въ Пруссіи же до 1807 года всѣ жители были свободны отъ военной службы. Армія комплектовалась вербовкой, по добровольнымъ договорамъ вербовщиковъ съ желающими поступить на службу. Переходъ отъ вербовки, гдѣ свобода личности нисколько не стѣснена, къ обязательной военной службѣ былъ, разумѣется, переходомъ весьма рѣзкимъ, хотя войны 1813 и 1814 годовъ и помогли перенести его. Тягость общей военной повинности была усвоена Пруссіей незамѣтно, но эта тягость принесла съ собой усиленную дѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвышеніе общаго уровня народнаго развитія и благосостоянія.

Кратковременность службы въ дѣйствующихъ войскахъ и желаніе чтобы люди вышедшіе въ ландверъ не теряли связи съ войсками необходимо должны были привести къ окружной или территоріальной системѣ управленія вооруженными силами. Какъ всякое земское войско, ландверъ можетъ собираться въ тактическія единицы не иначе какъ на основаніи территоріальнаго разграниченія страны. Только при этомъ можно соблюсти важное условіе для ландвера, связаннаго сельскими занятіями, чтобы сборные пункты или штабъ-квартиры ротъ, баталіоновъ и полковъ были возможно близки къ мѣсту жительства каждаго. Только при этомъ сборъ

ландверовъ будетъ легокъ, и не придется указывать каждому человѣку и каждый разъ пунктъ въ который ему нужно слѣдовать при сборѣ. Отсюда произошло дѣленіе территоріи на ландверныя роты, баталіоны, полки, бригады и т. д.

Мало было однако создать ландверъ, требовалось еще связать его, какъ составную часть арміи, въ одно цѣлое съ дѣйствующими войсками. Въ этихъ видахъ, было принято за правило чтобы каждой части дѣйствующихъ войскъ соотвѣтствовала извѣстная часть въ ландверѣ. Полкамъ назначены были постоянныя квартиры, и каждый районъ ландвернаго полка комплектовалъ людьми дѣйствующій полкъ расположенный въ предѣлахъ этого района. По выслугѣ въ дѣйствующихъ войскахъ, эти люди переходятъ въ составъ своего ландвернаго полка, отчего связь между войсками и ландверомъ не разрывается. Дислокація войскъ, поэтому, соотвѣтствуетъ территоріальному дѣленію. Бригадные, дивизіонные и корпусные начальники дѣйствующихъ войскъ, начальствуютъ въ то же время и ландверомъ, что̀ и даетъ правительству возможность имѣть ландверное населеніе подъ наблюденіемъ военныхъ властей.

Принявъ территоріальную систему, Пруссія не отказалась въ то же время отъ системы строевой или командной. Дѣленіе дѣйствующихъ войскъ на корпуса постояннаго состава не только сохранено въ Пруссіи, но и принято за основаніе при устройствѣ военнаго управленія. Требованія мирнаго времени соглашены, слѣдовательно, какъ нельзя лучше съ требованіями военнаго времени. Въ мирное время корпусъ, связанный съ ландверомъ и расположенный въ извѣстномъ округѣ, не теряетъ въ то же время строевой связи между своими составными частями и имѣетъ одного начальника. Въ военное время этотъ корпусъ только собираетъ ландверъ и съ тѣми же начальниками во главѣ, съ тѣмъ же штабомъ, поступаетъ въ составъ арміи. Такимъ образомъ въ Пруссіи боевая организація арміи взяла верхъ при раздѣленіи страны на военные округа, а не наоборотъ.

Въ настоящее время прусская армія подраздѣляется на одинъ гвардейскій и одиннадцать армейскихъ корпусовъ. Каждый изъ армейскихъ корпусовъ въ мирное время состоитъ изъ двухъ дивизій, въ составѣ которыхъ, подъ властію одного начальника, соединяются пѣхота и кавалерія, ибо каждая дивизія состоитъ изъ двухъ бригадъ пѣхоты

и одной кавалеріи. Бригада же состоитъ: пѣхотная изъ двухъ линейныхъ и одного ландвернаго полковъ; кавалерійская изъ трехъ линейныхъ и двухъ ландверныхъ кавалерійскихъ полковъ. Къ составу корпуса приписаны: по одной артиллерійской бригадѣ (полкъ полевой артиллеріи и полкъ крѣпостной артиллеріи) и баталіоны егерскій, піонерный и обозный.

Прежде организація войскъ была иная. Двѣ пѣхотныя бригады, входившія въ составъ дивизіи, состояли: первая изъ двухъ полковъ линейныхъ, вторая (ландверная) изъ двухъ ландверныхъ. Въ 1860 году, нынѣшній прусскій король, бывшій тогда регентомъ, представилъ проектъ о реорганизаціи арміи, съ цѣлію сдѣлать ее достаточно сильною для полевой войны независимо отъ ландвера, который, по его проекту, предполагалось употреблять для гарнизоновъ въ крѣпостяхъ или для прикрытія тыла арміи. Для приведенія проекта въ исполненіе нужно было увеличить ежегодный наборъ съ 40 тысячъ до 63, почти удвоить дѣйствующія войска, и въ замѣнъ ландверныхъ, сформировать новыя полевыя части. Палаты не одобрили проекта, но правительство, не взирая на это, привело его въ исполненіе. Войны Голштинская и Австро-Прусская оправдали вполнѣ принятую мѣру, благодаря которой число дѣйствующихъ баталіоновъ возросло со 136 на 233 и къ бывшимъ 36 кавалерійскимъ полкамъ прибавилось 18. Тогда же срокъ службы въ дѣйствующихъ войскахъ былъ назначенъ трехлѣтній, послѣ чего люди должны перечисляться на четыре года въ резервъ, затѣмъ на десять лѣтъ въ ландверъ перваго и втораго призывовъ, и для комплектованія двухъ дѣйствующихъ полковъ назначенъ участокъ одного ландвернаго полка. Съ этого времени ландверъ получилъ значеніе войска содѣйствующаго внутренней защитѣ государства, или значеніе резерва, и отъ правительства зависитъ посылать или не посылать его съ дѣйствующими войсками. Для этого арміи и дана такая организація, при которой присутствіе ландвера только усиливаетъ составъ бригадъ; отдѣльныя же ландверныя бригады уничтожены. Затѣмъ основныя начала системы остались прежнія.

Гвардейскій корпусъ комплектуется отборными людьми изъ всѣхъ частей государства. Онъ расположенъ въ окрестностяхъ Берлина, составляетъ отдѣльный корпусъ дѣйствующихъ войскъ и не имѣетъ никакого отношенія къ террито-

ріальной системѣ. Артиллерійскія и инженерныя войска тоже комплектуются отборными людьми, и хотя имѣютъ территоріальное дѣленіе, однако оно независимо отъ дѣленія армейскихъ корпусовъ; соотвѣтствующихъ имъ частей въ ландверѣ они не имѣютъ.

Для нагляднаго обозрѣнія организаціи управленія вооруженными силами въ Пруссіи мы разсмотримъ:

Управленіе пѣхотой и кавалеріей;

Управленіе артиллеріей;

Управленіе инженерными войсками и

Составъ военнаго министерства.

Въ 1864 году, до присоединеній въ сѣверной Германіи, Пруссія имѣла не одиннадцать, а только восемь армейскихъ корпусовъ, составлявшихъ и теперь составляющихъ слѣдующіе военные округа:

1-й корпусъ — штабъ въ Кенигсбергѣ. Въ составъ округа входитъ провинція Пруссія, безъ части Маріенведерскаго округа.

2-й корпусъ—штабъ въ Штетинѣ. Въ составъ округа входятъ: Померанія, часть Маріенведерскаго округа и Бромбергскій округъ провинціи Познанской.

3-й корпусъ—штабъ въ Берлинѣ. Въ составъ округа входитъ Бранденбургъ.

4-й корпусъ — штабъ въ Магдебургѣ. Въ составъ округа входитъ прусская Саксонія.

5-й корпусъ—штабъ въ Познани. Въ составъ округа входятъ: провинція Познань, безъ Бромбергскаго округа и Лигницкій округъ Силезіи.

6-й корпусъ—штабъ въ Бреславѣ. Въ составъ округа входитъ Силезія, безъ Лигницкаго округа.

7-й корпусъ — штабъ въ Мюнстерѣ. Въ составъ округа входитъ Вестфалія и Дюссельдорфскій округъ Рейнской провинціи.

8-й корпусъ—штабъ въ Кобленцѣ. Въ составъ округа входитъ Рейнская провинція безъ Дюссельдорфскаго округа.

Послѣ австро-прусской войны прибавилось еще три корпуса:

9-й—штабъ котораго расположенъ въ Шлезвигѣ.

10-й—штабъ котораго въ Ганноверѣ, и

11-й—со штабомъ въ Касселѣ.

Пространство корпусныхъ округовъ весьма неравномѣрно: отъ 461 кв. мили (4-й корпусъ) до 1.000 кв. миль (1-й корпусъ); число же населенія во всѣхъ округахъ болѣе или менѣе близко къ двумъ милліонамъ.

Управленіе корпусомъ сосредоточивается въ лицѣ корпуснаго командира, которому подчиняются не только линейныя и ландверныя войска его корпуса, но и всѣ военныя управленія и учрежденія находящіяся въ районѣ корпуса. Ему подчиняются военные губернаторы и коменданты.

Корпусный штабъ, въ которомъ сосредоточиваются дѣла по управленію округомъ, состоитъ изъ четырехъ отдѣленій:

1. Генеральнаго штаба.
2. Дежурства.
3. Интендантскаго.
4. Военно-суднаго.

Отдѣленіе генеральнаго штаба состоитъ всего изъ двухъ штабъ-офицеровъ и одного оберъ-офицера генеральнаго штаба. Предметы вѣдѣнія отдѣленія въ мирное и въ военное время слѣдующіе:

а) Перемѣщеніе, расквартированіе войскъ и внутреннее управленіе войсками, согласно съ указаніями корпуснаго командира.

б) Передача приказаній въ войска и надзоръ за правильнымъ ихъ исполненіемъ.

в) Собираніе и разработка матеріаловъ относящихся до мѣстнаго театра военныхъ дѣйствій.

г) Собираніе и повѣрка свѣдѣній относящихся до непріятельскихъ армій.

д) Свѣдѣнія о боевомъ состояніи войскъ.

е) Свѣдѣнія о ходѣ административныхъ распоряженій по цѣлой арміи и въ своемъ корпусѣ.

ж) Исполненіе особыхъ порученій корпуснаго командира.

Отдѣленіе дежурства состоитъ всего изъ двухъ старшихъ адъютантовъ. Кругъ его дѣятельности сходенъ съ тѣмъ который былъ предоставленъ у насъ дежурству бывшаго корпуснаго штаба, но съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ дѣлъ, какъ напримѣръ, рекрутскихъ, ландверныхъ и т. п. Вѣдѣнію этого отдѣленія подлежатъ: всѣдневные письменные и словесные приказы; распредѣленіе гарнизонной и караульной службы; рапорты и отчеты касающіеся внутренней службы

войскъ; дѣла по командировкамъ, отпускамъ, перемѣщеніямъ, наградамъ и дисциплинарнымъ взысканіямъ; дѣла по рекрутскому набору, по запаснымъ войскамъ и ландверу; формированіе новыхъ частей, отставки, инвалиды, ремонтированіе, требованія боевыхъ запасовъ и дѣла по вооруженію.

Отдѣленіе интендантства. Составляя часть корпуснаго штаба, корпусное интенданство въ Пруссіи имѣетъ весьма оригинальное устройство. Въ порядкѣ дѣлопроизводства, оно служитъ промежуточною инстанціей между хозяйственнымъ департаментомъ военнаго министерства и низшими хозяйственными учрежденіями. Какъ учрежденіе для мѣстнаго фактическаго контроля, оно наблюдаетъ за всѣми отраслями хозяйства въ районѣ корпуснаго расположенія.

Корпусное интендантство состоитъ изъ интенданта, трехъ совѣтниковъ интендантства, двухъ ассессоровъ, семи секретарей, шести ассистентовъ и одного счетнаго чиновника.

Предметы вѣдѣнія корпуснаго интендантства слѣдующіе:

а) Ревизія, надзоръ и отчетность по войскамъ и учрежденіямъ округа; ревизія кассъ и ихъ годовая отчетность.

б) Натуральное довольствіе войскъ и управленіе магазинами.

в) Перевозочная часть, путевое довольствіе, прогоны; ревизія и отчетность по довольствію войскъ хлѣбомъ и деньгами; путевыя издержки; обмундированіе.

г) Хозяйственная часть гарнизонныхъ (мѣстныхъ) управленій и военно-учебныхъ заведеній; ремонтированіе.

д) Части инвалидная, госпитальная и морская.

Какъ учрежденія полевыя, то-есть крѣпкія войскамъ, а не территоріи, корпусныя интендантства должны давать такое направленіе своимъ дѣламъ чтобы дѣлопроизводство шло совершенно одинаково какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Правило это, въ высшей степени раціональное, не даетъ разростаться перепискѣ и ускоряетъ дѣлопроизводство.

Корпусный интендантъ можетъ, по своему усмотрѣнію, собирать совѣщательные комитеты изъ служащихъ въ его вѣдѣніи чиновниковъ. Корпусному командиру онъ докладываетъ самъ, начальнику штаба—совѣтникъ интендантства.

Какъ учрежденія назначенныя для мѣстнаго фактическаго контроля, корпусныя интендантства *не связаны никакими хозяйственными распоряженіями, не хранятъ никакихъ капиталовъ и не завѣдуютъ ими.* Они имѣютъ надзоръ за

дѣйствіями дивизіонныхъ интендантовъ, * за дѣйствіями мѣстныхъ хозяйственныхъ учрежденій, а также за хозяйственною частію войскъ и учрежденій не входящихъ въ составъ дивизій. Корпусный интендантъ или назначаемые имъ чиновники должны повѣрять всѣ расходы казенныхъ денегъ, согласно съ ассигнованіемъ, наличное состояніе кассъ и всего вообще казеннаго имущества, въ количествѣ и въ качествѣ. Ревизіи должны производиться въ неопредѣленное время, по личному усмотрѣнію интенданта; предварительно онъ долженъ однако увѣдомлять начальниковъ частей о назначеніи ревизіи для своевременнаго отданія приказанія по войскамъ. Какъ бы уполномоченные отъ военнаго министерства, военныя интендантства слѣдятъ за всѣми отраслями военнаго хозяйства, за точнымъ исполненіемъ установленнаго порядка службы и за своевременнымъ полученіемъ войсками округа всего слѣдующаго имъ по положенію. Интендантъ отвѣчаетъ за всѣ упущенія по хозяйственной части въ округѣ. Вмѣстѣ съ начальниками войскъ, онъ долженъ слѣдить за правильнымъ отпускомъ въ войска предметовъ обмундированія и снаряженія.

На всѣхъ смотрахъ, начальника сопровождаетъ одинъ изъ интендантскихъ чиновниковъ для указанія упущеній по хозяйственной части. Корпуснаго командира сопровождаетъ корпусный интендантъ.

Прусское интендантство приноситъ несомнѣнную пользу и казнѣ, и арміи. Посредствуя между хозяйственнымъ департаментомъ и низшими хозяйственными учрежденіями (полковыми коммиссіями, провіантскими, коммиссаріатскими магазинами и пр.) корпусныя интендантства не имѣютъ никакой распорядительно-хозяйственной власти и не причастны никакимъ хозяйственнымъ распоряженіямъ. Отвѣтствуя въ то же время за всѣ упущенія и безпорядки въ ихъ районѣ, они не могутъ, въ видахъ своихъ собственныхъ интересовъ, допускать или прикрывать какія-либо злоупотребленія. При этомъ интендантство поставлено довольно независимо; корпусный интендантъ хотя и подчиненъ корпусному командиру,

* Дивизіонныя интендантства завѣдуютъ денежнымъ и натуральнымъ довольствіемъ войскъ входящихъ въ составъ дивизій и ревизіей ихъ отчетовъ. При дивизіонныхъ интендантствахъ состоитъ аудиторъ.

въ общемъ порядкѣ службы, но опредѣленіе его и увольненіе принадлежитъ непосредственно министерству, что̀ и даетъ ему нѣкоторую самостоятельность въ округѣ.

Устройство хозяйственной части въ прусской арміи весьма просто, вслѣдствіе принятаго способа провіантскаго и коммиссаріатскаго довольствія войскъ.

Провіантъ и фуражъ отпускаются въ войска въ натурѣ изъ казенныхъ провіантскихъ магазиновъ. Всѣ провіантскіе магазины въ районѣ корпуснаго расположенія находятся въ вѣдѣніи интендантства, которое провѣряетъ наличное состояніе имущества и ревизуетъ счеты. Общее же завѣдываніе провіантскою частію въ Пруссіи сосредоточивается во второмъ отдѣленіи хозяйственнаго департамента военнаго министерства. Торги на заготовленіе провіанта производятся или въ министерствѣ, или въ корпусномъ интендантствѣ, но при этомъ стачка между чиновниками интендантства и подрядчиками невозможна, вопервыхъ, потому что опредѣленіе и увольненіе смотрителей провіантскихъ магазиновъ не зависитъ отъ корпуснаго интендантства; вовторыхъ, потому что смотрители магазиновъ при опредѣленіи своемъ вносятъ довольно значительный залогъ, и всѣ найденныя недостатки немедленно пополняются изъ залога.

Коммиссаріатское довольствіе чрезвычайно упрощено тѣмъ что войска получаютъ изъ складовъ одно сукно для обмундированія да предметы снаряженія. Всѣ прочіе предметы обмундированія или, согласно принятой у насъ терминологіи, годовыя вещи, — холстъ, бѣлье, обувь и т. д., пріобрѣтаются самими полками. Мундирные склады (Montirung depot) находятся въ Берлинѣ, Грауденцѣ, Дюссельдорфѣ и Бреславѣ; небольшіе же мундирные склады находятся почти во всѣхъ пунктахъ расположенія корпусныхъ штабовъ.

Въ полкахъ хозяйственная часть ведется полковыми коммиссіями, число коихъ весьма значительно. Такъ для денежнаго довольствія имѣется въ каждомъ баталіонѣ по коммиссіи; для мундирнаго—полковая коммиссія, и въ помощь ей по коммиссіи въ каждомъ баталіонѣ. Для завѣдыванія годовыми вещами—по особой коммиссіи въ каждомъ баталіонѣ. Составъ коммиссій одинаковъ: онѣ состоятъ изъ предсѣдателя—штабъ-офицера, одного или двухъ офицеровъ и бухгалтера. Въ этихъ же коммиссіяхъ производятся и торги на заготовленіе годовыхъ вещей, и ведется вся отчетность по

хозяйству полка. Общее направленіе хозяйственной части даетъ полковой командиръ.

Въ такомъ государствѣ какъ Пруссія, гдѣ порядокъ поставки запасовъ, снабженія ими магазиновъ и отчетность доведены до чрезвычайной простоты, контроль хозяйственной части весьма легокъ.

Отдѣленіе военно-судное. Вѣдѣнію его подлежитъ корпусный судъ, учрежденный для частей войскъ не принадлежащихъ къ составу дивизій и не расположенныхъ въ крѣпостяхъ какъ-то: для артиллеріи, инженеровъ, стрѣлковъ и т. п., а равно для инвалидныхъ или получающихъ пенсію офицеровъ, находящихся въ районѣ корпуснаго расположенія.

При корпусномъ штабѣ состоитъ корпусный штабъ-докторъ, которому подчинены всѣ лица военно-медицинскаго вѣдомства округа, и вѣдѣнію котораго подлежитъ все относящееся до призрѣнія больныхъ военныхъ чиновъ въ районѣ корпуснаго расположенія.

Военные госпитали въ Пруссіи управляются коммиссіями состоящими изъ смотрителя и медика. Въ хозяйственномъ отношеніи госпитали подчинены интендантству, въ отношеніи медицинскаго надзора—корпусному штабъ-доктору, а въ отношеніи военно-полицейскомъ—коменданту.

Главный священникъ завѣдуетъ всѣми церковными дѣлами корпуса; къ дивизіоннымъ священникамъ онъ относится какъ суперъ-интендентъ, состоитъ въ званіи члена провинціальной консисторіи и не сопровождаетъ корпуса при выходѣ его изъ постояннаго мѣстопребыванія въ походъ.

Ближайшими помощниками корпусному командиру и корпусному штабу по управленію войсками являются начальники дивизій и дивизіонные штабы.

Каждый дивизіонный штабъ состоитъ изъ начальника штаба (штабъ-офицера генеральнаго штаба), двухъ адъютантовъ дивизіоннаго аудитора, дивизіоннаго интенданта и двухъ дивизіонныхъ священниковъ. Бригады не имѣютъ штабовъ и при каждомъ бригадномъ командирѣ полагается для письменной части одинъ адъютантъ.

Кромѣ пѣхоты и кавалеріи, къ составу каждаго корпуса въ мирное время приписаны, а въ военное время входятъ въ непосредственный его составъ: одинъ стрѣлковый баталіонъ, одна артиллерійская бригада, одинъ саперный баталіонъ и одинъ фурштатскій баталіонъ (Train-Batallion).

Въ мирное время эти части имѣютъ свое особое управленіе, и только по отношенію къ территоріальной службѣ (напримѣръ, караулы) и военно-судной части находятся въ вѣдѣніи корпуснаго командира, какъ окружнаго начальника.

Завѣдываніе артиллерійскою частью въ Пруссіи сосредоточено въ рукахъ генералъ-инспектора артиллеріи. Въ вѣдѣніи его состоятъ:

Для управленія войсками артиллеріи четыре артиллерійскія инспекціи:

1-я въ Штеттинѣ (собственная Пруссія и Померанія).

2-я въ Берлинѣ (Бранденбургъ и Прусская Саксонія).

3-я въ Бреславѣ (Силезія и Познань).

4-я въ Кобленцѣ (Вестфалія и Рейнская провинція).

Каждой артиллерійской инспекціи подчиняются вся мѣстная крѣпостная артиллерія и по двѣ (во 2-й три) артиллерійскія бригады, приписанныя къ тѣмъ корпусамъ районы которыхъ входятъ въ районы инспекцій.

Для управленія артиллерійскими складами и магазинами учреждены *три артиллерійскія крѣпостныя управленія* (Artillerie-Festungs-Inspectionen). Изъ нихъ 1-е завѣдуетъ складами, находящимися въ Берлинѣ, Шпандау, Кюстринѣ, Кенигсбергѣ, Бойенѣ, Пиллау, Данцигѣ съ Вейхсельбигонде, Грауденцѣ, Торнѣ, Познани, Кольбергѣ, Стральзундѣ и Штетинѣ съ Свинемюнде; 2-е—складами въ Силезіи и Саксоніи, 3-е—въ Рейнскихъ провинціяхъ и союзныхъ крѣпостяхъ.

Для завѣдыванія лабораторіями, артиллерійскими мастерскими (Берлинъ, Дейчъ, Нейсе, Данцигъ), *пушечнымъ литейнымъ заводомъ* (Шпандау) *пороховыми заводами* (Шпандау и Нейсе) и т. п. учреждено *управленіе артиллерійскими техническими заведеніями* (Inspection des technischen Unstituts); для завѣдыванія же оружейною частью—*управленіе оружейными заводами* (Inspection der Gewehrfabriken) съ подчиненными ему *заводскими конторами* (Fabrik-Directionen) въ Шпандау, Сарпѣ (близь Дюссельдорфа), Данцигѣ и *оружейными ревизіонными коммиссіями* (Gewehr-Revision-Kommissionen); въ Зомередѣ и Сулѣ.

Такимъ образомъ, хотя главное управленіе артиллеріей и сосредочивается въ однѣхъ рукахъ, тѣмъ не менѣе непосредственное командованіе строевою артиллеріей отдѣлено отъ хозяйственной артиллерійской части.

Инженерная часть, подобно артиллерійской, состоитъ въ

вѣдѣніи генералъ-инспектора по инженерной части. Высшее управленіе инженерами сосредоточивается въ *главномъ управленіи инженернаго корпуса и крѣпостей* (General-Inspection des Ingenieur-Korps und der Festungen). Въ составъ управленія входятъ: генералъ-инспекторъ по инженерной части, какъ начальникъ инженернаго корпуса и саперъ, два генералъ-инспектора крѣпостей и причисленные къ управленію 7 генераловъ и 33 штабъ-офицера.

Начальнику инженеровъ подчиняются три инженерныя инспекціи; къ каждой изъ нихъ приписанъ особый округъ:

Къ 1-й, расположенной въ Берлинѣ: собственная Пруссія, Познань, Бранденбургъ и Померанія.

Ко 2-й, расположенной въ Бреславѣ: Силезія и Прусская Саксонія.

Къ 3-й, расположенной въ Кобленцѣ: Вестфалія и Рейнская провинція.

Инженерными инспекціями завѣдуютъ генералъ-маіоры или полковники. Вѣдѣнію ихъ подлежитъ завѣдываніе крѣпостями и инженерными войсками расположенными въ инженерныхъ округахъ. Сообразно съ этимъ, каждой инспекціи подчинены по два крѣпостныя управленія (1-й инспекціи—три) для завѣдыванія крѣпостями и по одному саперному (піонерному) управленію для завѣдыванія саперами состоящими при войскахъ. Такимъ образомъ первой инженерной инспекціи подчинены:

1-е крѣпостное управленіе (Festungs-Inspection) для завѣдыванія крѣпостями: Кенигсбергомъ, Пиллау, Боеномъ, Грауденцомъ, Торномъ и Маріенбургомъ.

2-е крѣпостное управленіе для завѣдованія Данцигомъ, Кольбергомъ, Штетиномъ, Свинемюнде и Стральзундомъ.

7-е крѣпостное управленіе для завѣдыванія Шпандау, Кюстриномъ и Познанью, и

1-е саперное управленіе (піонерное) для завѣдыванія гвардейскимъ, 1-мъ и 2-мъ саперными баталіонами.

Второй инженерной инспекціи подчинены:

3-е крѣпостное управленіе для завѣдыванія крѣпостями: Нейсе, Глогау, Швейдницемъ, Зильбербергомъ, Глацомъ и Козелемъ.

4-е крѣпостное управленіе—Магдебургомъ, Торнау, Виттенбергомъ и Ерфуртомъ.

2-е саперное управленіе—саперными баталіонами №№ 3, 5 и 6.

Третьей инженерной инспекціи подчинены:

5-е крѣпостное управленіе для завѣдыванія крѣпостями: Кобленцомъ, Саарлуи, Майнцомъ и Луксембургомъ.

6-е крѣпостное управленіе—Кельномъ, Везелемъ, и Миденомъ.

3-е саперное управленіе—для завѣдыванія саперными баталіонами №№ 4, 7 и 8.

Какъ и вездѣ, въ Пруссіи главное начальство надъ арміей принадлежитъ королю, а управленіе вооруженными силами государства сосредоточено въ военномъ министерствѣ.

Составъ прусскаго военнаго министерства замѣчателенъ по небольшому числу входящихъ въ него составныхъ частей, по простотѣ устройства и крайне ограниченному числу служащихъ лицъ.

Министерство состоитъ всего изъ канцеляріи, отдѣленія для личнаго состава, изъ двухъ департаментовъ: военнаго (Allgemeine Kriegs-Departement) и хозяйственнаго (Militär-Oekonomie-Departement), и нѣсколькихъ отдѣленій имѣющихъ опредѣленный, самостоятельный кругъ дѣйствія.

Канцелярія завѣдуетъ распредѣленіемъ входящихъ бумагъ и ведетъ переписку министра. *Отдѣленіе личнаго состава*, вмѣстѣ съ состоящею при немъ *тайною канцеляріей* (Geheime Kriegs-Kanzlei), вѣдаетъ личный составъ офицеровъ прусской арміи, назначенія, производства, аттестаціи, прошенія поступающія на высочайшее имя, изготовленіе патентовъ, изданіе списка офицеровъ. Прежде отдѣленіе это входило въ составъ военнаго департамента.

Военный департаментъ имѣетъ вѣдѣніемъ организацію, обученіе и образованіе войскъ и раздѣляется на три отдѣленія:

1-е отдѣленіе завѣдуетъ расквартированіемъ войскъ, передвиженіемъ, увольненіемъ въ отставку и въ отпускъ, наборомъ, мобилизаціей и т. д.

2-е отдѣленіе, артиллерійское, завѣдуетъ снабженіемъ войскъ оружіемъ и боевыми припасами; въ вѣдѣніи его состоятъ артиллерійскіе склады, оружейныя мастерскія, пороховые заводы, литейный дворъ и т. д.

3-е отдѣленіе, инженерное, завѣдуетъ всѣмъ относящимся до инженерной части.

Хозяйственный департаментъ обнимаетъ всѣ отрасли

военнаго хозяйства, обмундированіе, продовольствіе, денежное довольствіе и т. п.; онъ состоитъ изъ четырехъ отдѣленій: казначейскаго, провіантскаго, коммиссаріатскаго и госпитальнаго.

Отдѣленія военнаго министерства, имѣющія опредѣленный кругъ дѣйствія, суть:

1) инвалидное,
2) ремонтное,
3) генералъ-аудиторіатъ (высшая военно-судная инстанція),
4) военное казначейство,
5) экзаменная коммиссія для чиновниковъ поступающихъ въ интендантство и
6) управленіе вдовьимъ домомъ въ Потсдамѣ.

Наравнѣ съ командирами корпусовъ, министерству подчиняются генералъ-инспекторы артиллеріи, инженерной части, стрѣлковыхъ войскъ; управленіе фурштатскою или перевозочною частью (Train-Inspection) и генералъ-инспекторъ военно-учебной части. Каждый изъ генералъ-инспекторовъ завѣдуетъ ввѣренною ему частью на правахъ корпуснаго командира. Генералъ-инспектору и начальнику военно-учебныхъ заведеній подчинены:

Военно-учебный комитетъ (Ober-Militär-Studien-Commission).

Высшая военно-экзаменная коммиссія.

Военная академія.

Соединенныя артиллерійская и инженерная школы.

Военныя школы и кадетскіе корпуса.

Военному министерству подвѣдомо также *управленіе генеральнаго штаба*, ввѣренное въ настоящее время извѣстному генералу Мольтке. Какъ государство съ боевыми преданіями, Пруссія всегда находила необходимымъ имѣть для генеральнаго штаба особаго начальника. Тамъ всегда считалось за аксіому, что если генеральный штабъ организованъ правильно, служба въ немъ цѣнится высоко, офицеры занимаются съ любовью своимъ дѣломъ и составляютъ одно крѣпкое цѣлое, то связь между разнородными частями арміи болѣе нежели на половину обезпечена. Такой взглядъ, понятно, и составляетъ истинную причину почему въ Пруссіи начальникъ генеральнаго штаба играетъ столь серіозную роль, хотя онъ и начальствуетъ всего надъ нѣсколькими десятками офицеровъ.

Генеральный штабъ въ Пруссіи состоитъ изъ 67 офице-
овъ. Въ мирное время онъ подраздѣляется на Grosser Ge-
eralstab состоящій при генералъ-квартирмейстерѣ и гене-
альный штабъ состоящій при войскахъ.

Въ Grosser Generalstab полагается 10 штабъ- и оберъ-офицеровъ, всего	19	офиц.
Въ каждомъ изъ 9-ти корпусовъ по одному пол-овнику, одному маіору и одному капитану, всего	27	„
При 18-ти (19 союзн. крѣп.) дивизіяхъ по одно-му штабъ-офицеру	19	„
При генералъ-инспекторѣ артиллеріи.	1	„
Всего. . .	67	офиц.*

Въ военное время прибавляется число штабъ-офицеровъ
о числу образуемыхъ кавалерійскихъ дивизій.

Занятія Grosser Generalstab состоятъ въ собираніи и раз-
боткѣ военно-статистическихъ матеріаловъ относящихся
о собственной и иностранныхъ армій. Эти работы подраз-
лены на три отдѣла:

Къ первому отнесены: Россія, Швеція, Померанія, соб-
венная Пруссія и Познань.

Ко второму—Австрія, Германія, Силезія, Бранденбургъ и
русская Саксонія.

Къ третьему—Франція, Бельгія, Голландія, Вестфалія и
вейнскія провинціи.

Такое распредѣленіе работъ по театрамъ военныхъ дѣй-
твій не лишено разумнаго основанія. При Grossen General-
ab состоятъ военный архивъ, въ которомъ хранятся днев-
ые журналы корпусовъ и дивизій, и военно-топографическое
ло состоящее изъ двухъ отдѣленій: тригонометрическаго
топографическаго, для изданія карты Прусскаго королев-
ства, и отдѣленія плановъ (Plankammer), для храненія плановъ
картъ Пруссіи и другихъ государствъ.

Простота механизма и неразрывно связанное съ этимъ не-
ольшое число должностныхъ лицъ составляютъ отличитель-
ыя черты прусской системы управленія войсками. Этимъ
руссія рѣзко отличается отъ Франціи и особенно отъ

* Вѣроятно, послѣ Австро-Прусской войны числительность генераль-
аго штаба увеличилась, съ прибавленіемъ трехъ новыхъ корпусовъ.

Австріи. Главнѣйшимъ образомъ достиженію этой простоты содѣйствовало раціональное устройство полковаго хозяйства, весьма важнаго по его вліянію на внутреннее управленіе войскъ и на организацію всей военно-хозяйственной части. Въ Пруссіи полковой командиръ имѣетъ самостоятельное положеніе и полный просторъ во всѣхъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Дѣйствія его только облегчены хозяйственными коммиссіями изъ штабъ-офицеровъ и ротныхъ командировъ полка.

Снабженіе войскъ всѣми предметами вещеваго довольствія въ Пруссіи предоставлено самимъ полкамъ, и всѣ заподряды производятся хозяйственными коммиссіями, по мѣрѣ надобности. Сукно составляетъ единственное исключеніе изъ этого порядка; оно заготовляется хозяйственнымъ департаментомъ военнаго министерства, а пріемка заподряженнаго сукна и храненіе его возложено на мундирныя депо.

Не связанное хозяйственными распоряженіями, обязанное лишь счетнымъ повѣрочнымъ и мѣстнымъ фактическимъ контролемъ, отвѣтственное въ то же время за несвоевременное раскрытіе упущеній по хозяйству войскъ, прусское военное интендантство вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію. Судя по времени учрежденія его и нѣкоторымъ постановленіямъ, должно думать что примѣромъ для него послужило интендантство французское, но это учрежденіе въ Пруссіи приняло другой видъ подъ вліяніемъ особенностей быта страны. Не мудрено, если прусское интендантство представляетъ болѣе совершенный образецъ контроля: въ немъ мы не видимъ сочетанія двухъ не всегда между собою совмѣстимыхъ обязанностей по хозяйству войскъ: распорядительной (торги, заподряды, пріисканіе коммиссіонеровъ) и хозяйственной (пріемъ, храненіе и отпускъ въ войска казеннаго имущества).

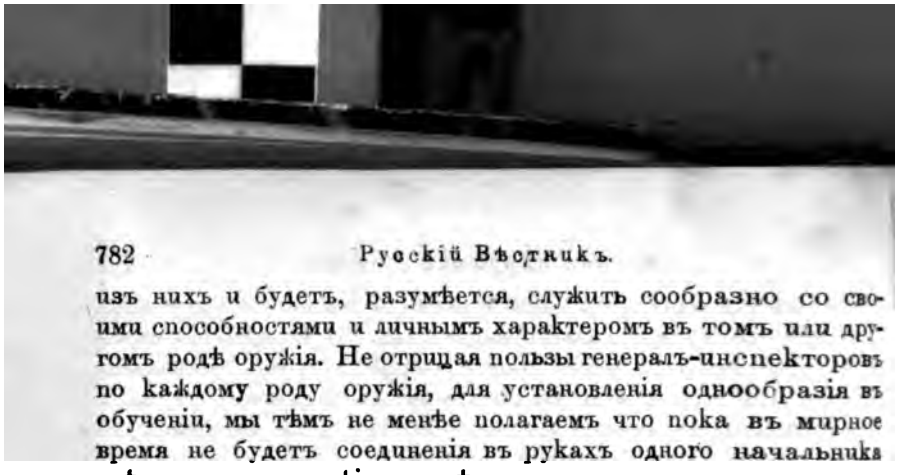
Бюрократическаго начала въ прусской арміи не замѣтно вовсе. Значительное довѣріе какимъ облечены начальники низшихъ инстанцій, простота отчетности и, главное, устойчивость военнаго законодательства и военныхъ порядковъ, при которыхъ капризамъ административныхъ лицъ нѣтъ мѣста, дѣлаютъ канцелярскую переписку въ военномъ вѣдомствѣ весьма незначительною. Мы видѣли что военное министерство состоитъ изъ весьма небольшаго числа составныхъ частей, но и въ этихъ частяхъ числится весьма ограниченное число служащихъ. Во всемъ военномъ мини-

стерствѣ находится на службѣ лишь 57 чиновниковъ, считая въ томъ числѣ и начальствующія лица. Въ канцеляріи министерства состоитъ всего трое служащихъ, и они успѣваютъ дѣлать все что̀ нужно. Въ военномъ департаментѣ служитъ 18 человѣкъ, въ хозяйственномъ—11. Кругъ же дѣятельности этихъ департаментовъ, какъ мы видѣли, весьма обширенъ, и въ другихъ государствахъ, вѣроятно, этимъ обстоятельствомъ воспользовались бы съ избыткомъ для увеличенія числа чиновниковъ и распложенія переписки.

Между тѣмъ отсутствіе бюрократизма въ арміи весьма важно и обусловливаетъ то что въ Пруссіи армія и въ мирное время находится на полувоенной ногѣ.

Къ нѣкоторому несовершенству установленной въ Пруссіи системы управленія войсками, по нашему мнѣнію, нельзя не отнести той раздѣльности которая имѣется между управленіемъ артиллеріей и инженерами и пѣхотой и кавалеріей. Первыя хотя и расположены на пространствѣ государственной территоріи почти равномѣрно, имѣютъ однако свои собственные округа и управляются генералъ-инспекторами почти независимо отъ корпусныхъ командировъ, главныхъ начальниковъ территоріальныхъ округовъ.

Многіе еще до сихъ поръ рѣзко хотятъ раздѣлять войска по спеціальностямъ и полагаютъ несовмѣстимымъ поручить одному лицу командованіе въ одно и то же время пѣхотой, кавалеріей, артиллеріей и саперами. Понятно что хозяйственная часть артиллеріи, какъ-то: заготовленіе пороха, выдѣлка орудій и т. д., строительная инженерная часть, равно и интендантская часть могутъ требовать особыхъ спеціальныхъ знаній, но затѣмъ въ войскѣ, предназначенномъ для боя, нѣтъ и не можетъ быть иной спеціальности кромѣ военной. Пѣхотный офицеръ не умѣющій зарядить орудія, незнакомый съ небольшими теоретическими знаніями необходимыми артиллеристу, или не могущій построить полеваго укрѣпленія, при настоящемъ состояніи военнаго искусства, не достоинъ офицерскаго званія. Пѣхотный генералъ незнакомый съ требованіями артиллерійской службы, незнакомый со свойствами кавалеріи и съ характеромъ ея обученія, не можетъ носить этого званія. Такъ-называемыя спеціальности кавалерійская, артиллерійская, могутъ быть признаваемы за таковыя для нижнихъ чиновъ, но никакъ не для офицеровъ, хотя каждый



изъ нихъ и будетъ, разумѣется, служить сообразно со своими способностями и личнымъ характеромъ въ томъ или другомъ родѣ оружія. Не отрицая пользы генералъ-инспекторовъ по каждому роду оружія, для установленія однообразія въ обученіи, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ что пока въ мирное время не будетъ соединенія въ рукахъ одного начальника всѣхъ родовъ оружія, до тѣхъ поръ въ мирное время едва ли будутъ образовываться генералы, да и войска будутъ крайне односторонне понимать военное дѣло.

ВИССАРІОНЪ КОМАРОВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

19-Е ФЕВРАЛЯ

Люблю я въ этотъ день торжественный трезвонъ,
Люблю входить во храмъ, бывать въ толпѣ народа,
Пріемля мысль его, молиться какъ и онъ,
И чувствовать въ душѣ какъ таинство свободы
Дыханіемъ святымъ народъ животворитъ....

Сегодня на Руси, свободой вдохновенный,
Народъ ни кѣмъ не званъ, ни кѣмъ не принужденный,
Въ молитвахъ къ Господу Царя благодаритъ.
Молитвы тѣ просты, но чудны простотою:
Одна изъ нихъ поломъ; молящейся душою
Я слышу вкругъ себя какъ съ хорами народъ,
Сливаяся въ одно, молитву ту поетъ:
„Возвесели, Господь, Твоею силой чудной
Возвесели Царя, вѣнчаннаго Тобой:
Ты указалъ Ему путь славы, но путь трудный....“

Молебенъ отошелъ; пустѣетъ храмъ святой.
Веселою толпой народъ, крестясь, выходитъ;
На паперти его лучъ солнца освѣтилъ,
Какъ будто звать его на радости приходитъ.
Стоитъ задумавшись, въ даль синюю вперилъ
Крестьянинъ вольный взоръ; потомъ, отъ думъ очнувшись,
Онъ солнышку въ отвѣтъ промолвилъ улыбнувшись:
„Гляди-ка, братъ, денекъ послалъ Господь какой,
Знать по-сердцу Ему нашъ Царь, отецъ родной.“

Кн. В. МЕЩЕРСКІЙ.

РУССКАЯ

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Очеркъ церковной исторіи. Н. Г. Куртца, профессора Дерптскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго сдѣланъ со многими измѣненіями и дополненіями текста, приспособительно къ ученію православной церкви, протоіереемъ Александромъ Рудаковымъ. С.-Петербургъ, 1868 г.

Имя протоіерея Рудакова хорошо извѣстно въ нашей духовной литературѣ. Его *Исторія христіанской православной церкви*, несмотря на ея краткость, безспорно составляетъ, — по живости и стройности изложенія, — одно изъ лучшихъ руководствъ по этому предмету въ нашей, правда небогатой, церковно-исторической литературѣ. Поэтому мы увѣрены, что всякій кого интересуетъ состояніе у насъ церковно-исторической науки успѣлъ уже прочитать или просмотрѣть новую книгу протоіерея Рудакова (заглавіе которой мы выписали), въ надеждѣ встрѣтить въ ней достоинства, ожидать которыхъ даетъ полное право имя ея составителя, и, можетъ-быть, даже найти въ ней разрѣшеніе весьма важнаго и труднаго вопроса объ учебникѣ по исторіи церкви для среднихъ учебныхъ заведеній, въ особенности, конечно, духовныхъ. Желаніе дать скорѣйшее удовлетвореніе настоятельной потребности этихъ заведеній въ учебной книгѣ по исторіи церкви именно и было,

какъ изъясняетъ намъ въ скромныхъ выраженіяхъ протоіерей Рудаковъ, побужденіемъ, которое заставило его взяться за составленіе изданной имъ теперь книги. Изъясняя задачу своего труда и способы ея исполненія, онъ въ предисловіи своей книги говоритъ слѣдующее:

„Въ изданной мною *Исторіи христіанской православной церкви*, сообразно съ ея заглавіемъ и программою гимназій, для которыхъ она преимущественно составлена, изложена только исторія древней вселенской церкви до десятаго вѣка, а затѣмъ исторія русской церкви. Этотъ отдѣлъ церковной исторіи, для бо́льшаго удобства, я намѣревался издать когда-либо особою книжкой. Но такъ какъ этотъ трудъ, по своей новизнѣ, требуетъ не малаго времени, то, для скорѣйшаго удовлетворенія настоятельной потребности, я рѣшился предварительно перевести *Очеркъ церковной исторіи*, составленный на нѣмецкомъ языкѣ профессоромъ и деканомъ Дерптскаго университета г. Куртцемъ и пользующійся между нѣмецкими учебниками по церковной исторіи заслуженною извѣстностію. Почтенный авторъ былъ такъ добръ и обязателенъ, что изъявилъ на это полное свое согласіе. Но я долженъ повиниться предъ нимъ въ томъ что позволилъ себѣ при переводѣ во многихъ случаяхъ отступать отъ текста. Къ этому я былъ вынужденъ слѣдующими причинами. Для большей краткости въ изложеніи, г. авторъ въ своемъ учебникѣ весьма часто употребляетъ философскіе термины. Они, конечно, понятны для студентовъ нѣмецкихъ университетовъ, которымъ г. Куртцъ предназначилъ свою книгу, но не вполнѣ могутъ быть понятны для воспитанниковъ среднихъ русскихъ учебныхъ заведеній, которымъ, быть-можетъ, случится пользоваться моимъ переводомъ; почему я и долженъ былъ замѣнить эти термины выраженіями болѣе понятными. Затѣмъ, г. Куртцъ, какъ протестантъ, смотритъ на реформацію и вообще на формы церковнаго богослуженія, значеніе церковной іерархіи и нѣкоторые пункты христіанскаго вѣроученія съ лютеранской точки зрѣнія. Предназначая свой переводъ для православныхъ читателей, естественно, я не могъ передавать имъ подобныхъ взглядовъ и считалъ себя обязаннымъ или опускать ихъ, гдѣ это можно было сдѣлать безъ вреда изложенію историческихъ фактовъ, или замѣнять ихъ взглядами православными. Наконецъ, я опустилъ всѣ §§ о церкви восточной, отчасти по скудости сообщаемыхъ о ней свѣдѣній, крайней несоразмѣрности ихъ съ обстоятельнымъ изложеніемъ церкви западной, а отчасти потому что исторію церкви восточной я предполагаю издать въ дополненіе къ этому сочиненію особою книжкой. Издавая этотъ переводъ, утѣшаю себя мыслію что мой несовершенный трудъ, можетъ-быть, вызоветъ труды болѣе совершенные и самостоятельные *по исторіи западной церкви.*“ (!)

Нельзя, конечно, не чувствовать искренней признательности къ почтенному переводчику за желаніе помочь нашей скудости; но тѣмъ болѣе приходится жалѣть что предлагаемая имъ книга, вызванная дѣйствительною потребностью нашихъ учебныхъ заведеній и до нѣкоторой степени удовлетворяющая ей, вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ, вслѣдствіе, конечно, поспѣшности въ трудѣ, недостатки на которые нельзя не обратить вниманія.

Не будемъ останавливаться на выраженіяхъ неточныхъ, шероховатыхъ, черезчуръ цвѣтистыхъ и тяжелыхъ, въ родѣ: „Онъ (Христосъ) *привелъ на свѣтъ жизнь и непреходящее бытіе*“ (стр. 16); „преемникъ Адріановъ, Левъ III, изгнанный римскою партіей, *вновь возстановленъ* былъ Карломъ (113).“ (Левъ III былъ изгнанъ только одинъ разъ, а потому и возстановленъ могъ быть только одинъ разъ); „пущены были въ ходъ *всѣ возможныя* пытки и роды смерти, и *кромѣ того* ежедневно выдумывались и приводились въ исполненіе новыя, болѣе страшныя“ (37); „*спялъ вѣтеръ, а пожалъ бурю*“ (371); „вѣра была слабою и *жидкою*“ (312). Обратимъ вниманіе на неправильности положительно и, очевидно, безъ всякой преднамѣренности измѣняющія смыслъ подлинника. На стр. 55 читаемъ: „§ 23. Учительная и *служебная* дѣятельность церкви.“ Нужно читать: „Учительная и *оборонительная*, то-есть апологетическая (объ ней именно и говорится въ означенномъ параграфѣ) дѣятельность церкви“ (Die Lehr und Wehrthätigkeit der Kirche).

На стр. 73 читаемъ: „Изъ его (блаженнаго Августина) сочиненій наиболѣе извѣстны: *Исповѣдь* (*Confessiones*) и еще *Твореніе о градѣ Божіемъ*, глубокомысленнѣйшая и умнѣйшая апологія *древняго міра*.“ Справка съ подлинникомъ показываетъ, что нужно читать—глубокомысленная и умнѣйшая апологія древней церкви (Kurtz, стр. 47 *).

На стр. 23 читаемъ: „На Востокѣ проповѣдь стояла на первомъ планѣ. Проповѣдники много заботились о риторическомъ изложеніи, а слушатели часто выражали свое одобреніе рукоплесканіями и т. п. На Западѣ проповѣдь ограничивалась большею частію краткими рѣчами (sermones) и *помѣщалась въ концѣ литургіи*.“ Вмѣсто подчеркнутыхъ словъ

* Куртца мы цитуемъ по четвертому, имѣющемуся у насъ подъ руками, изданію 1858 г.

нужно читать: „и далеко отступала въ богослуженіи на задній планъ (und trat hinter dem Liturgischen sehr zurück, то-есть, переводя ближе къ буквѣ подлинника, *отступала далеко назадъ предъ* элементомъ собственно *литургическимъ*). Мѣсто же проповѣди указано у Куртца въ слѣдующей фразѣ, переведенной также не точно: „Anfangs las man ganze biblische Bücher in vortlaufender Reihe, und der Bischof knüpfte an den vorgelesenen Abschnitt seine Predigt an", то-есть, вначалѣ читали всѣ библейскія книги въ послѣдовательномъ порядкѣ, и епископъ обыкновенно связывалъ съ прочитаннымъ свою проповѣдь. Другими словами, проповѣдь непосредственно слѣдовала за чтеніемъ и служила объясненіемъ его. Переводчикъ это мѣсто передалъ такъ: „Сначала читались всѣ библейскія книги по отдѣламъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, и епископъ обыкновенно *полагалъ въ основаніе своей проповѣди* прочитанный отдѣлъ."

На стр. 113 читаемъ: „Когда франкскій майоръ-домъ Пипинъ пожелалъ присоединить къ королевской власти, находившейся съ давнихъ поръ въ его рукахъ, и королевскій титулъ: папа Захарія сначала не хотѣлъ на то согласиться (752), но его преемники были вынуждены къ тому ближайшими ихъ сосѣдями, Лонгобардами." Нужно читать: „Когда франкскій майоръ-домъ Пипинъ къ королевской власти, находившейся съ давнихъ поръ въ его рукахъ, захотѣлъ присоединить и королевскій титулъ: папа Захарія ни мало не колебался (такъ дѣйствительно и было) дѣйствовать въ его видахъ. Папамъ весьма много досаждали Лонгобарды, ихъ ближайшіе сосѣди" и пр. (Kurtz, 71 *).

На стр. 125 читаемъ: „Они (ревнители о благѣ церкви униженной безусловнымъ господствомъ императорской власти) стремились доставить церкви силу и свободу посредствомъ устраненія свѣтской инвеституры, симоніи и брака священниковъ, и вопреки завоевательнымъ наклонностямъ нѣмецкихъ императоровъ, соединить различныя національности въ одну христіанскую семью, *въ которой церковь и государство*

* Als der fränkische Major-Domus Pipin zu der längst besessenen königlich n Macht auch den königlichen Titel zu haben wünschte, trug Papst Zacharias kein Bedenken, sich denselben durch Zustimmung zu verpflichten. Am meisten machten die Longobarden, ihre nächsten Nachbarn, den Päpsten zu schaffen.

были бы независимы и равноправны (каждое съ самостоятельною митрополіей) и соединялись бы между собой одною духовною папскою властію. Главнымъ исходнымъ пунктомъ этого стремленія былъ монастырь Клюньи въ Бургундіи, сильнѣйшимъ же представителемъ его—монахъ Гильдебрандъ." Чрезъ нѣсколько строкъ объ этомъ монахѣ Гильдебрандѣ читаемъ слѣдующее: „Основною мыслію его жизни было осуществленіе всемірной теократіи, видимою и единственною главою которой былъ бы папа, какъ представитель Христовъ на землѣ. Подъ папскою теократіей всѣ христіанскія государства должны были находиться въ единеніи, какъ члены одного тѣла. Государи получаютъ свое освященіе и божественную санкцію отъ духовной власти, составляющей посредствующую инстанцію между ними и Богомъ. *Королевская власть относится къ папству какъ луна къ солнцу, отъ кого она заимствуетъ свой свѣтъ и теплоту. Церковь, облекая свѣтскую власть своимъ авторитетомъ, можетъ и снять его въ случаѣ злоупотребленія имъ.* Со снятіемъ его само собою прекращается и обязанность подданныхъ къ повиновенію." (Стр. 127—128.)

Съ перваго раза очевидно противорѣчіе этихъ двухъ мѣстъ, такъ какъ въ первомъ говорится о равноправности церкви и государства, а во второмъ о полной зависимости государства отъ церкви. Противорѣчіе это объясняется неправильною передачей перваго мѣста, которое въ болѣе точномъ переводѣ слѣдовало бы читать такъ: „Ихъ стремленіе клонилось къ тому чтобы, чрезъ устраненіе свѣтской инвеституры, симоніи и брачной жизни священниковъ, доставить церкви силу и свободу, и, въ противоположность завоевательнымъ стремленіямъ нѣмецкихъ императоровъ, соединить различныя національности въ одну христіанскую государственную семью политически-независимыхъ и равноправныхъ царствъ (каждое съ самостоятельною митрополіей), которыя объединялись бы только подъ духовнымъ владычествомъ папы." *

* Ihr Streben ging dahin, die Kirche durch Entfernung der Laieninvestitur, der Simonie und der Priesterehe frei und stark zu machen und im Gegensatz zu den Welteroberungsgelüsten der deutschen Kaiser die verschiedenen Nationalitäten zu einer christlichen Staatenfamilie von politisch unabhängigen und gleichberechtigten Reichen (jedes mit selbständigem Metropolitanverbande), die in der geistlichen Macht des Papstes ihre einheitliche Spitze haben sollten, zu vereinigen (S. 77).

На стр. 143 читаемъ: Въ это время (во время интердикта) не дозволялось звонить въ колокола; богослуженіе совершалось только *предъ* запертыми церковными дверями, съ церковными обрядами погребались только священники, *нищенствующіе монахи* и *двънадцатильтнія* дѣти.“ Нужно читать: „Богослуженіе совершалось только *за* запертыми дверями (hinter verschlossenen Thüren), съ церковными обрядами погребались только духовные, нищіе и *двухлѣтнія* дѣти (Geistliche, Bettler und zweijährige Kinder). (Kurtz, 87) *

На стр. 242 читаемъ: „При проѣздѣ чрезъ Женеву, онъ (Кальвинъ) очаровалъ Фареля необыкновенною легкостію выраженія своихъ мыслей, и по его просьбамъ остался въ Женевѣ.“ Нужно читать: „Будучи изгнанникомъ (изъ отечества) за свободное выраженіе своихъ мыслей (другими словами— за либеральныя идеи, что̀ въ переводѣ превращается въ необыкновенную легкость выраженія мыслей), онъ, при своемъ проѣздѣ чрезъ Женеву, былъ упрошенъ Фарелемъ остаться въ этомъ городѣ.“ **

На стр. 321 читаемъ: „Какъ же скоро онъ (раціонализмъ) не сталъ встрѣчать себѣ сочувствія между учеными *и даже въ правительствѣ*, онъ началъ вербовать свои полчища изъ народной массы.“ Почему̀ отъ правительства можно было болѣе ожидать сочувствія раціонализму чѣмъ отъ ученыхъ, рѣшить трудно. Происхожденіе приведенной фразы объясняется тѣмъ что въ подлинникѣ, тамъ гдѣ переводчикъ употребилъ слово *и даже*, стоитъ *auch*. Переводчикъ вообще любитъ передавать частицу *auch* словомъ даже. Примѣровъ этого можно бы привести очень много.

На стр. 322 читаемъ: „Нѣмецкое протестантское богословіе разныхъ направленій достигло верха учености и сдѣла-

---

* .... Nemo, nisi clericus, aut pauper mendicans, aut peregrinus advenien*s*, aut infans a bimatu et infra in toto Lemovicino (мѣсто, гдѣ были постановлены соборныя опредѣленія) sepeliatur.... Divinum officium per omnes ecclesias latenter agatur.... Ad missas tantum, quas unusquisque sacerdotum januis ecclesiarum obseratis fecerit, altaria induantur.... Mansi, Coll. Concilior. T. XIX, fol. 541. См. Herzog *Real Encycloped.*, подъ словомъ „Interdict“.

** Wegen freier Aeusserungen flüchtig wurde er bei seiner Durchreise durch Genf von Farel im Namen Gottes beschworen, zu bleiben (1536).

лось какъ бы *рамкою* для богословской науки прочихъ народовъ." Нужно читать: „Сдѣлалось разсадникомъ (собственно кормилицей) богословской науки для остальныхъ народовъ" (wurde die *Nahramme* für die theologische Wissenschaft der übrigen Völker).

На стр. 331 читаемъ: „Многіе изъ отличныхъ по уму и дарованіямъ учениковъ и друзей Шлейермахера выработали богословскую науку съ религіознымъ духомъ и съ свободномыслившею критикою своего учителя *на особый манеръ*." Нужно читать: „Тщательно (собственно обдуманно, осмысленно) обрабатывали богословскую науку въ религіозномъ духѣ и со свободномыслившею критикой ихъ учителя." (Bildeten die theologische Wissenschaft mit der religiosen Begeisterung und der freisinnigen Kritik des Meisters *in besonnener Weise.*)

Посмотримъ теперь на отступленія отъ текста. Изъ предисловія мы знаемъ уже въ чемъ самъ переводчикъ полагаетъ эти отступленія. Вопервыхъ, онъ винится предъ авторомъ, какъ въ отступленіи отъ текста, въ томъ что позволилъ себѣ весьма часто употребляемые Куртцемъ философскіе термины, которые вполнѣ понятны для студентовъ нѣмецкихъ университетовъ, но не вполнѣ могутъ быть понятны для воспитанниковъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, замѣнить выраженіями болѣе понятными. Мы полагаемъ, что и предъ авторомъ (Куртцемъ) вина была бы не велика, а по отношенію къ читателямъ было бы положительною заслугой со стороны переводчика, еслибы послѣдній дѣйствительно замѣнилъ неудобопонятные термины названной категоріи (философскіе), а равно и другіе такого же качества, выраженіями болѣе понятными; такая замѣна (если только замѣняющіе термины равносильны замѣняемымъ) составляетъ неотъемлемое право и даже обязанность всякаго переводчика, и строго говоря, не можетъ быть названа даже и отступленіемъ отъ текста; ибо по самому существу перевода, слова подлинника и слова перевода не могутъ быть одни и тѣ же; нужно только чтобы въ переводѣ мысль подлинника была передана точно, сообразно съ требованіями того языка на который дѣлается переводъ. Поэтому мы расположены скорѣе жалѣть о томъ что обѣщанныхъ переводчикомъ *отступленій* отъ подлинника слишкомъ мало, для того чтобъ языкъ его перевода можно было ло назвать чисто-русскимъ и понятнымъ для всѣхъ Русскихъ, чѣмъ считать его хоть сколько-нибудь виновнымъ предъ

авторомъ по поводу немногихъ допущенныхъ имъ *отступленій*. Мы внимательно отыскивали въ переводѣ эти *отступленія*, и нашли, что кромѣ весьма немногихъ отступленій, въ родѣ замѣны словъ: *Action* и *Reaction*, *Formation*, *Reformation* и *Deformation*, словами: дѣйствіе и противодѣйствіе, образованіе, разложеніе и преобразованіе, или замѣны слова pr phetisch apokalyptische словомъ лжепророческій, — всѣ остальные *мудреные*, или тяжелые для русскаго слуха термины и выраженія, какъ напримѣръ: *схизматическія* стремленія монтанистовъ и новаціанъ (стр. 54), *шиболетъ* (стр. 145) *, *антиподы* по богословію (стр. 151), *герои свѣтскости* (стр. 178), *фанатики духа* (302),—всѣ эти термины и выраженія, какъ находятся въ книгѣ Куртца, такъ, въ томъ же самомъ видѣ, вошли и въ русскій переводъ.

Далѣе, переводчикъ винится предъ авторомъ въ томъ, что предназначая свой переводъ для православныхъ читателей, онъ не могъ оставить нетронутыми протестантскія воззрѣнія подлинника на реформацію и вообще на формы церковнаго богослуженія, значеніе церковной іерархіи и нѣкоторые пункты христіанскаго вѣроученія, но считалъ обязанностью или опускать ихъ, гдѣ это можно было сдѣлать безъ вреда изложенію историческихъ фактовъ, или замѣнять ихъ взглядами православными. Здѣсь, дѣйствительно, переводчикъ позволяетъ себѣ уже въ собственномъ смыслѣ отступленія отъ текста, а потому имѣетъ и основаніе виниться за нихъ предъ авторомъ; но добавимъ, что по поводу тѣхъ же отступленій онъ оказывается не совсѣмъ безвиненъ и предъ православными своими читателями; ибо отступленія эти, исходя не изъ цѣльнаго взгляда, который бы органически проходилъ чрезъ весь переводъ, а изъ чисто внѣшнихъ приспособленій, положительно не удовлетворяютъ ни той, ни другой стороны. Сейчасъ мы увидимъ это.

На страницѣ 56-й Куртцъ говоритъ: „не слишкомъ много спустя по составленіи „Халкидонскаго опредѣленія“ о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ и взаимномъ ихъ отношеніи, на Западѣ явился такъ-называемый Аѳанасіевъ символъ (называющійся также по своему начальному слову: Quicunque); онъ крѣпко держится формулъ исповѣданія первыхъ четы-

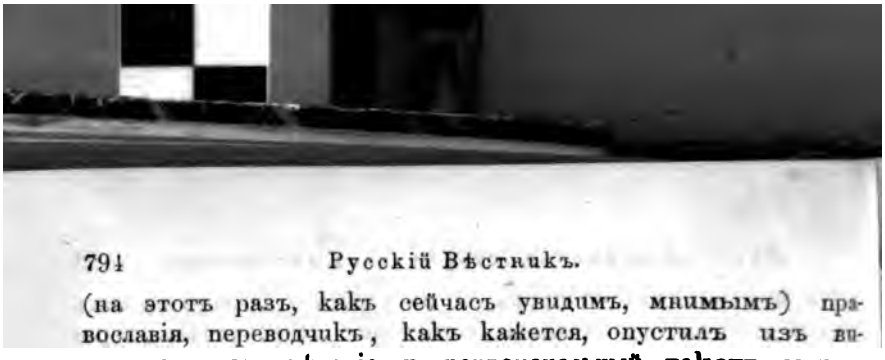
---

* „Это ученіе сдѣлалось шиболетомъ францисканцевъ“; стр. 145.

рехъ вселенскихъ соборовъ, но въ ученіи о Троицѣ въ немъ видно собственно западное воззрѣніе.“ Переводчикъ, передавая это мѣсто, опускаетъ заключительныя слова: „но въ ученіи о Троицѣ въ немъ видно собственно западное воззрѣніе“. Мотивъ отступленія понять, кажется, не трудно. Это собственно западное воззрѣніе, о которомъ говоритъ Куртцъ, состоитъ въ извѣстномъ *Filioque* (или точнѣе, въ данномъ случаѣ, *et Filio*), которое читаемъ въ латинскомъ текстѣ символа, извѣстнаго подъ именемъ Аѳанасія. Указаніе на эту особенность, если смотрѣть на дѣло съ православной точки зрѣнія, очевидно, находилось бы въ явномъ противорѣчіи съ предыдущими словами текста; ибо если символъ крѣпко держится формулъ исповѣданія первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ, то какимъ образомъ могъ онъ въ ученіи о Троицѣ—главномъ предметѣ о которомъ разсуждалось на первыхъ четырехъ вселенскихъ соборахъ, проводить собственно западное (а не вселенски-православное) воззрѣніе? * Притомъ же въ греческихъ спискахъ отвергается такое чтеніе разсматриваемаго символа, какъ поддѣлка Латинянъ. По этимъ-то соображеніямъ, мы полагаемъ, переводчикъ, въ видахъ исправленія вышеприведеннаго нами мѣста изъ Куртца, и опускаетъ заключительныя слова: „но въ ученіи о Троицѣ....“ и пр. Но приспособляя такимъ образомъ свои отступленія отъ подлиннаго текста къ требованіямъ

---

* У самого Куртца это противорѣчіе разрѣшается, съ лютеранской точки зрѣнія, въ слѣдующемъ его взглядѣ на значеніе никейско-цареградскаго символа, выраженномъ имъ въ обширномъ курсѣ его церковно-историческихъ чтеній: „Никейское вѣроисповѣданіе, даже и по усовершенствованіи его на соборѣ Константинопольскомъ, заключало въ себѣ нѣкоторые недостатки, устранить которые должно было послѣдующее время. Именно, какъ будто все еще слышался отголосокъ *субординаціонизма* (древнее неправильное ученіе объ отношеніи лицъ Божества, сущность котораго объясняется ниже) въ томъ что только Отецъ названъ Богомъ и такимъ образомъ только Онъ отождествленъ съ Божественной Единицей, чрезъ что̀ Ему давалось преимущество предъ другими лицами Божества, а это само собою вело къ ученію о подчиненіи Ему Сына и Святаго Духа. Точно также въ символѣ никео-цареградскомъ ничего не было сказано опредѣленнаго ни о личности Духа, ни объ отношеніи Его къ Сыну. Послѣднее обстоятельство было причиной, что въ послѣдствіи въ различномъ пониманіи



(на этотъ разъ, какъ сейчасъ увидимъ, мнимымъ) православія, переводчикъ, какъ кажется, опустилъ изъ виду что происхожденіе и первоначальный текстъ мнимо-Аѳанасіева символа — несомнѣнно-латинскіе: въ Греческой церкви въ первый разъ услышали объ этомъ символѣ въ 1223 году, отъ пословъ папы. Отсюда понятно однообразіе латинскаго и разнообразіе греческаго текста; а при такихъ данныхъ трудно доказать чтобы первоначальное чтеніе разсматриваемаго символа было безъ *Filioque*. Напротивъ, при латинскомъ, притомъ уже довольно позднемъ происхожденіи его, не естественнѣе ли мысль, что именно съ этимъ *Filioque* (или, какъ мы уже замѣтили, *et Filio*) и было его первоначальное чтеніе, остающееся доселѣ въ латинскомъ текстѣ? Мы знаемъ, что въ періодъ времени въ теченіе котораго можно предполагать происхожденіе символа (VI—VII вѣкъ), * *Filioque* начинаетъ уже возникать на латинской почвѣ, хотя, конечно, далеко еще не получило себѣ въ это время общаго признанія. На соборѣ Толедскомъ, въ Испаніи, въ 589 году, выраженіе это, по извѣстному побужденію, внесено было даже въ символъ никейскій; здѣсь же могъ явиться и символъ извѣстный подъ именемъ Аѳанасія. А потому мы находимъ что переводчикъ дѣлаетъ неудачное *приспособленіе* называя, безъ всякихъ оговорокъ, символъ извѣстный подъ именемъ

этихъ отношеній на Востокѣ и Западѣ великая схизма могла найти себѣ весьма важную догматическую точку опоры. Дальнѣйшее развитіе, въ которомъ еще нуждалось ученіе о Троицѣ, было, по многимъ сторонамъ, сообщено ему главнымъ образомъ Августиномъ, а еще точнѣйшее опредѣленіе догмата о Троицѣ, на основаніи ученія Августина, находимъ въ такъ-называемомъ символѣ Аѳанасія" (*Handb. der allgem. Kirch.* I B. II Abth. Zweite Ausgabe. S. 141). Такимъ образомъ Куртцъ, съ своей точки зрѣнія не противорѣча себѣ, могъ сказать что символъ извѣстный подъ именемъ Аѳанасіева крѣпко держится формулъ исповѣданія первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ, и что при этомъ въ ученіи о Троицѣ въ немъ видно собственно западное воззрѣніе.

* Въ переводѣ протоіерея Рудакова читаемъ: „*немного* спустя по составленіи халкидонскаго опредѣленія... на Западѣ явился такъ-называемый Аѳанасіевъ символъ". Не думаемъ чтобъ и это можно было доказать. Это *немного* есть не совсѣмъ точный переводъ не совсѣмъ точной фразы подлинника: nicht *allzulange* nach.... Комментаріемъ къ этой фразѣ могъ бы служить *Handbuch* Куртца.

Аѳанасія совершенно согласнымъ съ формулами исповѣданія первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ, ибо, при невозможности доказать что *Filioque* въ этомъ символѣ есть позднѣйшая вставка, въ переводѣ дается мѣсто предположенію что и это *Filioque* не признается противорѣчащимъ ученію первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ, то-есть, въ результатѣ передѣлки получается, и притомъ въ болѣе рѣзкомъ видѣ, та же самая неправославная и исторически невѣрная мысль, которую посредствомъ своего хитросплетенія возможно-мягко старается провести Куртцъ и которую, повидимому, желалъ устранить переводчикъ.

Наиболѣе значительныя исправленія протестантской книги, съ цѣлію приведенія ея, такъ-сказать, въ православный видъ, находимъ у переводчика въ § 66 — о Гусѣ, и въ §§ 68 и 69— о протестантствѣ. Взглядъ Куртца на Гуса переводчикъ находитъ нужнымъ замѣнить взглядомъ заимствованнымъ изъ извѣстной книги Новикова: *Гусъ и Лютеръ*. „Авторъ (то-есть Куртцъ), говоритъ по этому случаю переводчикъ въ подстрочномъ замѣчаніи,—смотритъ на Гуса отчасти одинаково со всѣми нѣмецкими ученымъ. Почему мы позволили себѣ замѣнить его взглядъ взглядомъ г. Новикова, изложеннымъ въ его *Критическомъ изслѣдованіи о Гусѣ и Лютерѣ*. Сущность обширныхъ изслѣдованій г. Новикова вкратцѣ представлена въ статьѣ *Православнаго Обозрѣнія* за 1860 г., 362—396 стр.“ Итакъ цѣль выдержки изъ сочиненія г. Новикова (или изъ *Православнаго Обозрѣнія* *) та чтобъ устранить нѣмецкую кривоту взгляда. Посмотримъ, дѣйствительно ли въ книгѣ протоіерея Рудакова замѣненъ взглядъ Куртца взглядомъ г. Новикова. Сущность послѣдняго взгляда передана у отца Рудакова въ слѣдующихъ словахъ:

„Глубоко сочувствуя вѣрѣ, насажденной въ Чехіи Св. Меѳодіемъ въ чистотѣ апостольскаго исповѣданія, Гусъ сдѣлался представителемъ стремленій своихъ соотечественниковъ къ православію и пришелъ въ неизбѣжное столкно-

* Считаемъ не лишнимъ указать въ этой выдержкѣ слѣдующую неточность, привнесенную переводчикомъ,—именно онъ говоритъ: „съ учрежденіемъ пражской архіепископіи (973 г.), въ Чехіи была введена латинская литургія“.... (Стр. 193.) Пражская *архі*-епископія учреждена не въ 973, а въ 1434, при Карлѣ IV. А до него *епископія* пражская была подчинена архіепископу майнцкому.

веніе съ Римомъ. Гусъ не былъ ни предтечею реформаціи, ни неразвившимся протестантомъ, какимъ его въ началѣ провозгласили іезуиты, и какъ смотрятъ на него доселѣ протестантскіе писатели. Протестъ Гуса имѣлъ свой особый характеръ, исходилъ изъ другихъ началъ и клонился къ другимъ цѣлямъ чѣмъ протестъ Лютера. Характеръ его можно опредѣлить возвращеніемъ католицизма ко временамъ апостольскимъ, съ воздѣйствіемъ греко-восточнаго начала. Не видя возможности возстановить православіе въ Чехіи, какъ оно было введено Св. Меѳодіемъ, онъ постепенно желалъ, по крайней мѣрѣ, возстановить благословенное единство каѳолической церкви и равенство отдѣльныхъ частей ея съ самостоятельнымъ управленіемъ, при которомъ римскій епископъ занималъ бы не мѣсто главы церкви и викарія Іисуса Христа, а простаго епископа, какимъ онъ былъ первоначально. Отсюда видно, что Гусъ былъ далекъ отъ разрыва съ римско-католическою церковію, въ духѣ Лютера, и также отъ обособленія чешской церкви (до какого дошли гусситы второй половины XV столѣтія, для которыхъ возстановленіе *восточной* (нужно было написать — *вселенской*) церкви стало уже несбыточнымъ, и которые потому, при Рокицанѣ, прямо обратились къ церкви греческой, а потому въ ученіи его вліяніе Запада находится въ счастливомъ равновѣсіи съ преданіями Востока.“ (Стр. 194.)

Самого ученія Гуса, какъ оно изложено у г. Новикова, протоіерей Рудаковъ намъ не передаетъ; но слѣдуя въ дальнѣйшемъ изложеніи судьбы Гуса уже Куртцу, а не Новикову, онъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, осторожность не перевести и изъ Куртца того мѣста гдѣ сей, съ своей точки зрѣнія, говоритъ объ ученіи Гуса слѣдующее:

„Ученіе Гуса страдаетъ однимъ недостаткомъ: исходя изъ Августинова ученія о предопредѣленіи, оно разсматриваетъ церковь какъ общество предопредѣленныхъ и полагаетъ что только для таковыхъ таинства могутъ быть спасительны. Но чрезъ это самое совершенно уничтожается объективность церкви, извращаются ея существо, значеніе, задача, и она теряетъ подъ собою твердую почву. Это основное заблужденіе Гуса, общее у него съ Виклефомъ, несмотря на чистоту, силу и полноту его евангельскаго пониманія въ другихъ отношеніяхъ, дѣлало его неспособнымъ къ тому чтобы сдѣлаться реформаторомъ церкви; церковь, реформированная по такому началу, неминуемо должна была выродиться въ общество фанатиковъ или мечтателей-сепаратистовъ.“ (S. 118.)

Выпускомъ этого мѣста протоіерей Рудаковъ явно хотѣлъ соблюсти цѣльность заимствованнаго имъ взгляда. Здѣсь,

такимъ образомъ, дѣло идетъ, повидимому, ладно. Но вотъ гдѣ оказывается нѣкоторый недосмотръ. Въ книжкѣ г. Куртца есть крупный и мелкій шрифтъ. Крупный заключаетъ большею частію общій взглядъ на дѣло, мелкій — развитіе, разъясненіе этого взгляда. Этотъ способъ изложенія удержалъ и протоіерей Рудаковъ въ своемъ переводѣ. Выдержка о Гусѣ помѣщена, и выпускъ приведеннаго нами изъ Куртца мѣста объ ученіи Гуса сдѣланъ переводчикомъ въ мелкомъ шрифтѣ. А между тѣмъ крупный шрифтъ, заключающій въ себѣ общій взглядъ на Гуса, именно тотъ взглядъ который протоіерей Рудаковъ обѣщалъ намъ замѣнить взглядомъ Новикова — оставленъ безъ всякой перемѣны. Въ этомъ шрифтѣ именно значится (по переводу протоіерея Рудакова) слѣдующее:

„Въ одно время съ реформатскими стремленіями въ Парижѣ, а отчасти и ранѣе, обнаружились *подобныя же стремленія въ Англіи и Богеміи*. Въ Англіи представителемъ ихъ былъ Виклефъ, а въ Богеміи—Гусъ. Они нападали на церковное поврежденіе не только въ рѣзко выдававшихся крайностяхъ, но преимущественно въ сокровеннѣйшемъ его корнѣ. и потому пытались передѣлать весь церковный строй.... Съ большею или меньшею рѣшительностію и ясностію, они утверждались на единственномъ могучемъ принципѣ всякой реформы—оправданіи чрезъ вѣру. *Поэтому-то на нихъ часто смотрѣли какъ на предтечей нѣмецкихъ реформаторовъ XVI столѣтія.* Впрочемъ, они отличаются отъ послѣднихъ не только неудачей въ своихъ дѣйствіяхъ, зависѣвшею отъ обстоятельствъ тогдашняго времени, *не созрѣвшаго еще до полной реформаціи*, но также и тѣмъ что *они* болѣе или менѣе въ своихъ реформаторскихъ стремленіяхъ *придерживались нѣкоторыхъ еретическихъ элементовъ* (*именно спиритуалистическихъ* *), *несогласныхъ съ понятіемъ и истиннымъ существомъ церкви. Усвоя значеніе только церкви невидимой, они не могли основать церкви видимо продолжающейся. Прервавъ же связь съ историческимъ развитіемъ и пытаясь возвратить церковь къ первоначальнымъ, апостольскимъ учрежденіямъ* (въ подлинникѣ: auf die unentwickelten Gestaltungen ihrer apostolischen Anfänge), *они потеряли подъ собой твердую почву въ настоящемъ.*“ (Стр. 190.)

Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь не замѣну одного взгляда

* То-есть тѣхъ самыхъ которые, какъ мы показали выше, разъяснены у Куртца въ мелкомъ шрифтѣ, и о которыхъ тамъ переводчикъ благоразумно умолчалъ.

другимъ, а параллельное существованіе двухъ противоположныхъ взглядовъ.

Подобный же характеръ имѣютъ и дополненія о протестантствѣ.* Въ § 68 у переводчика, между прочимъ, говорится:

„Лютеръ, отвергнувъ присвоенное папѣ право окончательнаго опредѣленія смысла Св. Писанія, предоставилъ его не всей церкви, но каждому члену ея отдѣльно. Лютеръ, конечно, думалъ что человѣческій разумъ останется въ послушаніи вѣрѣ, но вышло не такъ. Приступивъ къ изъясненію Св. Писанія, умъ человѣческій, сообразно своимъ различнымъ воззрѣніямъ, прежде всего перешелъ къ различнымъ толкованіямъ, и не могши примирить ихъ, отвергъ непреложную истину божественности Св. Писанія и обязательную его силу для себя. Затѣмъ онъ сталъ строить религіозныя системы уже исключительно на однихъ своихъ началахъ; но такъ какъ и они оказались одна другой противорѣчившими, то онъ въ заключеніе отвергъ надобность во всякой положительной религіи. Отвергнувъ религію, разумъ подвергъ своей разрушительной критикѣ и основы государственнаго и общественнаго быта, и произвелъ цѣлый рядъ революцій. Ужасы французской революціи и войны первой имперіи подорвали кредитъ разума и заставили бо́льшую часть общества возвратиться къ вѣрѣ; но такъ какъ она опять была оставлена подъ опекой того же разума, то разрушительное его движеніе было только замедлено, но не остановлено.“

Въ § 69 говорится:

„Въ основѣ всего Лютерова вѣроученія лежатъ два принципа: первый и существеннѣйшій — ученіе объ оправданіи единою вѣрой безъ участія добрыхъ дѣлъ: это принципъ матеріальный; второй — признаніе Св. Писанія единственнымъ источникомъ христіанскаго вѣроученія, съ предоставленіемъ права каждому вѣрующему понимать и объяснять его по своему крайнему разумѣнію, и отрицаніе Св. Преданія какъ необходимаго дополнительнаго и пояснительнаго пособія къ пониманію Св. Писанія: это принципъ формальный. Ученіе Лютера объ оправданіи единою вѣрою вытекаетъ изъ составленнаго имъ неправильнаго взгляда на состояніе человѣческой природы послѣ перваго грѣхопаденія. По его ошибочному мнѣнію, человѣкъ чрезъ паденіе до того повредился, что въ немъ не осталось ни одной искры прежнихъ духовныхъ силъ: онъ утратилъ вполнѣ свою свободу и всякую способность къ добру. Почему христіанинъ спасается

* Дополненія эти сдѣланы явно подъ вліяніемъ недавно вышедшей книги архимандрита Хрисанѳа: *Характеръ протестантства и его историческое развитіе.*

одною вѣрой во Христа.... Ложность этого принципа очевидна. Еслибы въ падшемъ человѣкѣ не осталось никакой способности къ добру, то къ нему не могло бы привиться и спасеніе.... Отъ такой важной ошибки въ коренномъ принципѣ произошли и всѣ прочія заблужденія Лютера. Допустивъ что человѣкъ чрезъ вѣру, получаемую прямо отъ Бога, входитъ въ непосредственное общеніе со Христомъ и имѣетъ въ ней все нужное для спасенія, онъ естественно долженъ былъ отвергнуть необходимость всѣхъ установленныхъ самимъ Іисусомъ Христомъ внѣшнихъ посредствъ благодати, какъ-то: церкви, священноначалія и таинствъ, а также долженъ былъ отвергнуть и тѣ обычаи и установленія церковныя, которыя предполагали собою свободу въ человѣкѣ и необходимость упражненія въ добрыхъ дѣлахъ, какъ-то: посты, монашескіе обѣты, подвижничество, почитаніе святыхъ и ихъ мощей. Словомъ, держась своего принципа, Лютеръ долженъ былъ отвергнуть весь церковный строй существовавшій отъ временъ апостольскихъ. Второй принципъ Лютерова ученія также не вѣренъ.... Этотъ принципъ, уполномочивая каждаго понимать и объяснять Св. Писаніе по одному своему усмотрѣнію, лишаетъ всякое религіозное общество возможности достигнуть единства вѣроисповѣданія и оправдываетъ всѣ ереси. Появленіе множества лжеучителей, при самомъ началѣ реформаціи, въ родѣ Карлштата, Ѳомы Мюнцера, Шторха и другихъ, основывавшихъ самыя нелѣпыя бредни на своемъ превращенномъ толкованіи Св. Писанія, которое, однако, они выдавали за единое вѣрное, служитъ наглядным доказательствомъ ложности этого начала. Самъ Лютеръ, постоянно хвалившійся своимъ преклоненіемъ предъ буквою Св. Писанія, позволялъ себѣ не только явно уклоняться отъ его смысла, но даже отвергать подлинность и достоинство цѣлыхъ книгъ Св. Писанія, какъ скоро онѣ противорѣчили и обличали его ложныя воззрѣнія.“

Итакъ по взгляду протоіерея Рудакова, какъ онъ высказывается въ приведенныхъ нами сейчасъ мѣстахъ, въ самой основѣ протестантства лежитъ одностороннее, ложное начало, натура котораго особенно обозначается въ историческомъ развитіи протестантства. Нелѣпыя бредни Карлштадта, Мюнцера, Шторха и другихъ имъ подобныхъ суть не что иное какъ послѣдовательное развитіе этого начала. Лютеръ имѣетъ предъ ними одно только преимущество—непослѣдовательности. Но несмотря на такой взглядъ на Лютерову реформу, переводчикъ, совершенно согласно съ Куртцемъ, находитъ возможнымъ, при опредѣленіи значенія пребыванія Лютера въ Вартбургѣ для послѣдующей его дѣятельности, сказать и то что пребываніе это необходимо было, между прочимъ,

для расширенія, уясненія и укрѣпленія его богословскихъ знаній, такъ какъ „богословское образованіе его *не имѣло еще той зрѣлости, всесторонности и ясности*, которыя требовались для предпринятаго имъ дѣла“ (стр. 220).

На стр. 257, оставивъ безъ вниманія высказанное выше сужденіе о взглядѣ Лютера на состояніе человѣческой природы послѣ грѣхопаденія, онъ называетъ извѣстную лютеранскую формулу *согласія* (formula concordiae), утверждавшую, между прочимъ, что со времени грѣхопаденія въ человѣкѣ *не осталось ни одной искры* (ne scintilla quaedam) *духовныхъ силъ для самостоятельнаго, свободнаго усвоенія предлагаемой благодати* *,—достойною удивленія какъ по обдуманности, умѣренности и предусмотрительности, такъ и по точности, ясности и глубинѣ, съ которыми оно разрѣшило свою задачу. А на страницѣ 29 не колеблется даже сказать что по раздѣленіи церквей „образовательныя силы древняго грекоримскаго міра, были исчерпаны; степень развитія, до которой имъ было суждено и до которой они способны были довести церковь, была достигнута. Теперь *будущность церкви перешла въ руки новыхъ народовъ, выступившихъ на историческое поприще*. И вотъ (говорится далѣе въ поясненіе какихъ именно народовъ нужно подразумѣвать здѣсь), между тѣмъ какъ Византійская имперія и съ нею слава древней восточной церкви изнемогаетъ подъ гнетомъ исламизма, на Западѣ возникаетъ новая всемірная монархія, полная свѣжихъ силъ, и дѣлается представительницею новаго церковнаго историческаго развитія.“

Мотивъ и характеръ приведенныхъ нами отступленій отъ текста ясенъ. Но мы должны сказать что въ книгѣ протоіерея Рудакова встрѣчаются и такія измѣненія текста, мотива которыхъ мы рѣшительно не могли понять. Напримѣръ, на страницѣ 62 читаемъ: „Христіане низшихъ народныхъ классовъ (въ царствованіе Ѳеодосія I) усердно работали надъ разрушеніемъ языческихъ храмовъ“. Въ подлинникѣ читаемъ: „Volk und Mönche zerstörten die Tempel“, народъ и монахи разрушали храмы. Такъ дѣйствительно было на дѣлѣ, и монахи не только участвовали въ разрушеніи храмовъ, но были даже предводителями въ этомъ дѣлѣ. Не даромъ языческіе

* Это опредѣленіе формулы приводится въ книгѣ самого протоіерея Рудакова.

писатели называютъ, съ своей точки зрѣнія, эту разрушительную дѣятельность монаховъ *войною титановъ* и даютъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ цѣлыя картины какъ монахи, въ сопровожденіи народной толпы, вооруженные камнями, лопатами, молотками, поддерживаемые въ случаѣ нужды даже и войсками, которыя давали имъ проконсулы въ ихъ распоряженіе, разрушали статуи, алтари, храмы. * Непонятно, зачѣмъ нужно было опустить указаніе подлинника на такихъ ревностныхъ дѣятелей въ истребленіи язычества.

Говоря объ *отступленіяхъ*, мы не можемъ, наконецъ, не замѣтить и того что переводчикъ обѣщалъ не просто только перевести, но гдѣ нужно измѣнить и дополнить Куртца, чтобы дать читателямъ возможность познакомиться, хотя бы и въ краткихъ чертахъ, съ полною исторіей церкви (за исключеніемъ исторіи церкви восточной, которую, какъ мы знаемъ, переводчикъ обѣщается издать особою книжкой). Потому мы въ правѣ, при оцѣнкѣ книги протоіерея Рудакова, смотрѣть не на то только что̀ и какъ она измѣняетъ и дополняетъ, но и на то чего *недостаетъ* въ ней по части этихъ измѣненій и дополненій. Здѣсь въ особенности бросается въ глаза отсутствіе свѣдѣній за послѣднее время, то-есть, вѣроятно, за то именно время за которое нѣтъ ихъ у Куртца, ** хотя время это обнимаетъ шесть лѣтъ, весьма, какъ извѣстно, не бѣдныхъ матеріаломъ. Переводчикъ какъ будто даже вовсе вычеркиваетъ эти шесть лѣтъ изъ жизни человѣчества, и на страницѣ 279 прямо полагаетъ настоящее время въ 1862 году. ***

Для оцѣнки *Очерка*, считаемъ нелишнимъ сказать, наконецъ, нѣсколько словъ и о подлинникѣ. По нашему мнѣнію, самый выборъ протоіереемъ Рудаковымъ книги для перевода не совсѣмъ удаченъ. Эта книга есть собственно *Ein Leitfaden für den Unterricht in höhern Lehranstalten*, руководство (родъ обширнаго конспекта) для преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. И прежде всего, конечно, она назначалась

* См. въ *Hist. de la destruction du paganisme dans l'empire d'Orient*, Chastel.

** Изданіе (четвертое), находящееся у насъ подъ руками, какъ мы уже замѣтили, 1858 года; но думаемъ что это не послѣднее и, если не ошибаемся, есть и 1862 года.

*** Именно: „Исторія Западной Церкви отъ Вестфальскаго мира по настоящее время, съ 1848 по *1862* годъ".

для студентовъ Дерптскаго университета (гдѣ авторъ служитъ профессоромъ), которымъ она должна помогать слѣдить за обширнымъ курсомъ его лекцій (который, въ значительной части, также отпечатанъ). Изъ такого назначенія ея, собственно для высшихъ учебныхъ заведеній и по преимуществу для слушателей самого Куртца, объясняются и нѣкоторыя ея особенности, дѣлающія ее вообще мало пригодною для читателей другаго круга, напримѣръ для учениковъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Многія мѣста страдаютъ въ ней излишнею отвлеченностью и общностью представленія, вслѣдствіе которой читатель, незнакомый предварительно съ дѣломъ или не имѣющій возможности разъяснить его по другимъ источникамъ, не выноситъ изъ нихъ никакой опредѣленной идеи. Какую, напримѣръ, идею можетъ вынести читатель изъ слѣдующей характеристики мистики за второй періодъ средневѣковой исторіи западной церкви (отъ Бонифація VIII до реформаціи):

„Мистика въ XII и XIII вѣкѣ вступила въ плодотворный союзъ со схоластикой. Но чѣмъ болѣе послѣдняя вдавалась въ школьныя состязанія и безтолковый формализмъ, тѣмъ рѣшительнѣе мистика отдѣлялась отъ нея, образовала изъ себя особую область, и въ своемъ новомъ, особенномъ направленіи *достигла такой глубины и полноты, какихъ уже никогда не удавалось достигать ей послѣ* (erlangte in neuer Eigenthümlichkeit eine seitdem unübertroffene Tiefe und Fülle der Ausbildung). Отличительнымъ ея характеромъ было *соединеніе глубокаго, часто доходившаго до пантеизма, умозрѣнія съ созерцаніемъ* (Ihr eigenthümlicher Character war die Verbindung einer tiefren, oft bis an die Grenzen des Pantheismus und darüber hinausführenden Speculation mit Contemplation). Въ XV вѣкѣ мистика *лишается своей удивительной силы умозрѣнія* (bewunderungswürdige Speculative Potenz), но за то болѣе и болѣе приближается къ здравому библейско-практическому направленію (zu biblischer Besonnenheit und praktischer Tendenz zurückgekehrt).“

Это сказано въ крупномъ шрифтѣ. Вы обращаетесь къ мелкому, чтобы найти тамъ комментарій для разъясненія „достойной удивленія силы мистическаго умозрѣнія соединеннаго съ созерцаніемъ“, и узнаете оттуда что отцомъ нѣмецкой умозрительной мистики былъ доминиканскій провинціалъ магистръ Экхартъ († 1329 г. *), кото-

* Въ переводѣ о. Рудакова этотъ знакъ переведенъ такимъ образомъ: *род.* ок. 1329 г. Годъ (такъ же какъ и мѣсто) рожденія

раго хотя *никто изъ послѣдующихъ мистиковъ не превосходилъ въ силѣ, глубинѣ и полнотѣ умозрѣнія*, но который вдавался въ явный мистицизмъ; его ученіе и сочиненія вдохновили и вызвали въ XIV и XV столѣтіяхъ цѣлый рядъ *глубокомысленныхъ* мистиковъ, которые пытались найти въ *Библіи* оправданіе своихъ умозрѣній, проникнутыхъ рѣшительнымъ пантеизмомъ разныхъ оттѣнковъ, примѣняли ихъ къ церковной практикѣ, и посредствомъ своихъ сочиненій и проповѣдей, написанныхъ большею частію на нѣмецкомъ языкѣ, во многихъ отношеніяхъ дѣйствовали спасительно на оживленіе глубоковнутренняго благочестія въ народѣ. Далѣе вы узнаете что во главѣ этихъ *глубокомысленныхъ* мистиковъ стоитъ: доминиканецъ Іоаннъ Таулеръ въ Страсбургѣ (1316), одинъ изъ вліятельнѣйшихъ проповѣдниковъ всѣхъ временъ, пользовавшійся огромнѣйшимъ успѣхомъ, отличавшійся глубокимъ смиреніемъ сердца (tiefste Herzendemuth *), горячею любовію (die feuerigste Liebe—безъ означенія къ чему) и искреннимъ благочестіемъ, учившій что умереть для свѣта и самихъ себя чтобы вообразился въ насъ Богъ, сдѣлаться нищими по духу чтобы быть богатыми въ Богѣ, должно составлять послѣднюю цѣль нашихъ стремленій. Въ полномъ блескѣ свою дѣятельность Таулеръ выказалъ въ страшный 1348 г., когда черная смерть и папскій интердиктъ легли на Страсбургъ; главное его сочиненіе *Подражаніе бѣдной жизни Христа*. За Таулеромъ слѣдуетъ доминиканецъ Генрихъ Сузо въ Ульмѣ, извѣстный также подъ именемъ Амандуса, сынъ одного бергскаго графа (1365 г.); скорбь о грѣхахъ и любовь къ Богу исторгали (по переводу протоіерея Рудакова) *удивительно трогательные звуки изъ его сердца, пылавшаго любовію*. Въ ряду *глубокомысленныхъ* мистиковъ г. Куртцъ

Экkарта рѣшительно неизвѣстенъ; несомнѣнно только что сей годъ былъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ прежде 1329 года.

* По переводу о. Рудакова — *самымъ глубокимъ умозрѣніемъ*. По такому переводу можно было бы предположить, что именно въ Таулерѣ и желаетъ протоіерей Рудаковъ указать такую полноту и глубину мистики какихъ уже не удавалось достигнуть ей послѣ, еслибъ этому не препятствовало то обстоятельство что, нѣсколько строкъ выше, магистръ Экkартъ уже названъ такимъ мистикомъ котораго никто изъ послѣдующихъ не превосходилъ въ силѣ, глубинѣ и полнотѣ умозрѣнія.

помѣщаетъ, наконецъ, писателя „небольшой, но драгоцѣнной книжечки *Die Deutsche Theologie*, содержащей въ себѣ правильное понятіе о томъ что̀ такое Адамъ и Христосъ, и какъ Адамъ въ насъ умираетъ, а Христосъ возстаетъ. Вочеловѣченіе Бога во Христѣ и обожествленіе человѣка чрезъ Христа составляетъ главную тему этой книжки, которую высоко цѣнилъ и отпечаталъ Лютеръ.... Словомъ, вы много узнаете разныхъ вещей о глубокомысленныхъ мистикахъ, но самая глубина и полнота ихъ умозрѣнія все-таки остается неразъясненною. Или, какую также идею можетъ вынести читатель объ одномъ изъ мистиковъ-теософовъ уже позднѣйшаго времени, именно Іаковѣ Бёмѣ (въ началѣ XVII вѣка), на основаніи слѣдующей характеристики:

„Назидательно мистическое и теософическое направленіе сочиненій саксонскаго проповѣдника Валентина Вейгеля, а болѣе всего глубокомысленныя откровенія герлицкаго башмачника Іакова Бёма, *величайшаго, глубокомысленнѣйшаго и даровитѣйшаго изъ всѣхъ когда-либо жившихъ теософовъ*, который, однакоже, при всемъ своемъ нецерковномъ созерцаніи, оставался вѣрнымъ лютеранскому духу съ непритворною крѣпкою набожностью древне-германскаго бюргерства, возбудили и поддерживали мистико-теософическое направленіе между учеными и неучеными (стр. 154)."

Далѣе, какое понятіе можно составить объ одномъ изъ важнѣйшихъ періодовъ германскаго богословія по слѣдующимъ строкамъ:

„Сущность религіи Шлейермахеръ полагалъ въ чувствѣ безусловной зависимости, и выводилъ ученіе о спасеніи изъ сердца, проникнутаго общимъ христіанскимъ духомъ, которое, *въ сознаніи своей полноты и достовѣрности*, могло подвергнуть строгой и ѣдкой критикѣ разсудка не только догматическія положенія церкви, но и канонъ Св. Писанія. Послѣ него замѣчателенъ А. Неандеръ († 1850). Держась со Шлейермахеромъ одного направленія * и уважаемый всѣми партіями, онъ доставилъ благочестію признаніе его правъ въ наукѣ, и своимъ личнымъ вліяніемъ на учащихся былъ еще болѣе полезенъ для Германіи, и даже за предѣлами ея, чѣмъ своею наукой. Древняя раціоналистическая школа продолжалась въ Паулусѣ, Реръ, Вегшейдерѣ,

* По переводу протоіерея Рудакова — *одинаковыхъ чувствъ*. Въ подлинникѣ: „an Schleiermachers Gefühlsrichtung anschlissend", то-есть, держась со Шлейермахеромъ одного, такъ сказать, *сердечнаго* направленія—направленія чувства.... Pectus est, quod theologum facit, говоритъ Неандеръ, объясняя направленіе своего богословствованія.

Гезеніусѣ и Бретшнейдерѣ. Винеръ и Фрицше своими филологическими талантами сообщили ей высшій полетъ. Многіе изъ отличныхъ по уму и дарованіямъ учениковъ и друзей Шлейермахера, отчасти державшіеся болѣе церковнаго направленія, заняли богословскія каѳедры и тщательно обрабатывали богословскую науку въ религіозномъ духѣ и съ свободномыслившею критикой ихъ учителя. Сюда принадлежатъ особенно Ницшъ, Ульманъ, Юл. Миллеръ, Дорнеръ, Роте и др. Ихъ главнѣйшими пріютами служатъ университеты: Гейдельбергскій, Боннскій, Галльскій, Берлинскій, Геттингенскій (стр. 198)."

Нужно при томъ замѣтить что это говорится въ мелкомъ шрифтѣ, а крупный, въ относящемся сюда мѣстѣ, гласитъ только что „нѣмецкое протестантское богословіе (въ разсматриваемый періодъ) достигло верха научности и сдѣлалось какъ бы разсадникомъ богословской науки для прочихъ народовъ" (стр. 193). Мы увѣрены, что г. Куртцъ такъ или иначе вводитъ въ своей аудиторіи студентовъ въ пониманіе тайнъ средневѣковой мистики, достигшей въ XII и XIII вѣкѣ такой глубины и полноты *какихъ никогда не приходилось достигать ей послѣ*, и глубокомысленныхъ откровеній герлицкаго башмачника Іакова Бёма, *величайшаго, глубокомысленнѣйшаго и даровитѣйшаго изъ всѣхъ когда-либо жившихъ теософовъ*, а равно и въ пониманіе направленія Шлейермахера, Неандера и другихъ писателей его школы, точно также и представителей раціонализма за послѣднее время, въ родѣ Паулуса, Рера и другихъ, — и для нихъ, дерптскихъ студентовъ, какъ непосредственныхъ слушателей профессора, означенныя характеристики могутъ имѣть значеніе напоминанія и возбужденія извѣстныхъ идей,— но для тѣхъ которые изъ самой книги хотѣли бы узнать дѣло—онѣ, по меньшей мѣрѣ, кимвалъ звящаій. Не говоря уже объ ученикахъ, предоставленныхъ самимъ себѣ въ чтеніи и пониманіи подобныхъ мѣстъ книги, спросимъ, что̀ можетъ сдѣлать съ ними преподаватель, въ особенности въ провинціи, не имѣющій возможности пользоваться фоліантами и вообще далеко не ходячими сочиненіями, при помощи которыхъ онъ могъ бы разъяснить себѣ прикровенное?

Другая особенность книги Куртца та, что несмотря на малый объемъ ея и общность характеристикъ, въ ней встрѣчаются и разсужденія, выражающія не фактическую сторону дѣла, а чисто субъективное отношеніе автора къ дѣлу. „Неевангель-

ская суровость этой системы", говоритъ напримѣръ Куртцъ, изложивъ теократическую систему Григорія VII,—

„очевидна, но она была необходимою реакціей грубому произволу и деспотическимъ замашкамъ свѣтской власти, грозившимъ церкви лишеніемъ всякой возможности къ исполненію ея высокой задачи. Церковь должна была концентрироваться и найти себѣ опору во власти, подобной папству Григорія, *если только хотѣла исполнить свое всемірно-историческое призваніе быть воспитательницею народовъ*, вновь выступившихъ на историческое поприще, и не желала сдѣлаться жертвою грубости того времени. Итакъ не пошлое властолюбіе и не пустое честолюбіе одушевляли папу: напротивъ, въ основѣ его стремленій лежала идея о высокомъ назначеніи церкви."

Подобныя разсужденія опять могутъ быть пригодны для слушателей г. Куртца, какъ напоминанія о болѣе обширныхъ разсужденіяхъ ихъ профессора въ томъ же родѣ; но у насъ, въ краткомъ руководствѣ по исторіи церкви, они совершенно неумѣстны, особенно когда еще нужно доказать и доказать, что воспитывающая сила церкви могла заключаться только въ указанной г. Куртцемъ централизаціи (не мѣшало бы имѣть въ виду, для сравненія, какъ церковь исполняла свое всемірно-историческое призваніе воспитательницы въ первые вѣка, и какіе были результаты того и другаго воспитанія), и что разсужденія въ этомъ родѣ имѣютъ болѣе права на довѣріе читателей чѣмъ, напримѣръ, слѣдующія разсужденія протестантскаго же писателя о томъ же знаменитомъ папѣ Григоріи: „Вслѣдствіе раздѣленія" говоритъ профессоръ Кисте въ своей рѣчи „de Ecclesia graeca, Providentiae divinae teste", „восточная церковь избѣгла великихъ золъ, которымъ она неизбѣжно подверглась бы въ противномъ случаѣ. Не сомнѣвайтесь, что несчастія поразившія восточную церковь, предоставленную самой себѣ, были бы гораздо тяжелѣе, еслибъ она должна была раздѣлить всѣ бѣдствія обрушившіяся въ послѣдствіи на церковь западную. Довольно наименовать одного человѣка чтобы видѣть ясно какого бѣдствія она избѣгла. Я назову этого Григорія VII, который произвелъ столь великое и столь гибельное вліяніе на христіанство. Принявъ во вниманіе что онъ былъ главою римской церкви только нѣсколько лѣтъ спустя послѣ раздѣленія церквей, не должны ли мы благословлять Божественное Провидѣніе, которое попустило совершиться

этому раздѣленію между христіанами въ благопріятное время, дабы зараза, которою поражена въ продолженіи стольких вѣковъ великая часть церкви, не могла коснуться всей церкви."

Болѣе ясности, объективности въ изложеніи дѣла и менѣе ненужных разглагольствій находимъ мы въ другомъ церковно-историческомъ руководствѣ Куртца: *Lehrbuch der Kirchengeschichte.* Эту-то книгу и удобнѣе было бы, по нашему мнѣнію, выбрать для перевода съ извѣстнымъ назначеніемъ, если ужь непремѣнно нужно было остановить выборъ на Куртцѣ. Но едва ли не было бы лучше, въ данномъ случаѣ, совсѣмъ обойтись безъ Куртца. Куртцъ, безспорно, богатъ матеріаломъ (только не въ той книжкѣ которую протоіерей Рудаковъ взялъ для перевода: кромѣ *Lehrbuch*, Куртцемъ еще отпечатанъ, въ значительной части, обширный курсъ его лекцій: *Handuch d. allg. Kirchengeschichte*); это качество дѣлаетъ его очень полезнымъ руководствомъ для преподавателя; но онъ недостаточно строенъ по изложенію, фразистъ, не опредѣлителенъ во взглядахъ, противорѣчивъ, вообще его историческіе труды показываютъ въ немъ усерднаго компилятора, но не самостоятельнаго историка съ крѣпкою мыслію. Его успѣхъ у насъ, кромѣ обилія предлагаемаго имъ матеріала, объясняется не мало, какъ намъ кажется, именно тѣмъ что̀ составляетъ его слабую сторону,—тою неопредѣлительностію во взглядахъ, которая дѣлаетъ такъ удобнымъ, при извѣстной отвлеченной точкѣ зрѣнія, обращеніе книги Куртца въ православное руководство. Съ другой стороны, въ силу, вѣроятно, этой-то неопредѣлительности, приправленной на этотъ разъ, можетъ-быть, и благоразуміемъ, Куртцъ, несмотря на то что не признаетъ никакой будущности за исторіей церкви восточной (со времени раздѣленія церквей) *,

* Мы знаемъ уже какъ на этотъ счетъ высказался Куртцъ (а за нимъ и русскій переводчикъ) въ *Leitfaden*. Въ *Lehrbuch* и въ *Handbuch* онъ *какъ будто* говоритъ объ этомъ предметѣ нѣсколько иначе. Именно, въ первомъ сочиненіи онъ выражается что центромъ церковно-историческаго движенія, со времени раздѣленія церквей, дѣлается германо-славянскій міръ, а во второмъ—что будущность церкви (съ того же времени) принадлежитъ новымъ народамъ германскаго и славянскаго происхожденія; такимъ образомъ здѣсь, *повидимому*, не отнимается будущность у восточной церкви,—по крайней мѣрѣ на столько, на сколько носителями ея началъ являются

подѣлившихъ Польшу принимались мѣры чтобъ отвлечь *будователей* отъ ихъ работъ и сдѣлать невозможными заговоры, мятежи, политическія убійства и потрясенія всякаго рода во имя возсозданія того что разрушено исторіей.... И вотъ эта-то двойная работа,—*будованья* и *антибудованья*,—дѣйствія правительствъ русскаго, прусскаго и австрійскаго съ одной стороны, а съ другой — дѣйствія Поляковъ въ Россіи, Пруссіи и Австріи, наконецъ различныя воззрѣнія общественнаго мнѣнія на польскій вопросъ, составляютъ предметъ изслѣдованія г. Ратча. Въ имѣ вышедшемъ томѣ своего труда онъ изображаетъ эту борьбу въ предѣлахъ Пруссіи и Австріи, — борьбу въ которой много поучительнаго для насъ, Русскихъ. Чтобы доказать наши слова, обратимся къ ходу дѣлъ въ областяхъ присоединенныхъ отъ бывшей Польши къ Прусскому королевству.

„Я смотрю на себя какъ на Ликурга или Солона среди этихъ варваровъ,—писалъ Фридрихъ II о новыхъ своихъ подданныхъ польскаго происхожденія;—потребуется много времени и старательное воспитаніе молодежи для того чтобы цивилизовать этихъ Ирокезовъ.“ По свѣдѣніямъ собраннымъ прусскимъ правительствомъ, положеніе областей присоединенныхъ отъ Польши было въ самомъ дѣлѣ печальное; оно изображается въ одномъ офиціальномъ донесеніи слѣдующими чертами:

„Породы скота дурны, земледѣльческія орудія въ высшей степени неудовлетворительны, поля истощены, покрыты сорными травами и камнями; сѣнокосные луга оболотились. Лѣса, для скорѣйшей ихъ распродажи, рубятся въ безпорядкѣ и опустошены. Бывшіе укрѣпленные города, извѣстные подъ именемъ замковъ, представляютъ развалины; въ такомъ же видѣ находятся мѣстечки и деревни, въ которыхъ жилища, изъ глины и соломы, едва ли могутъ казаться приспособленными для обитанія ихъ людьми. Населеніе уменьшается; заботы о правосудіи равны заботамъ управленія. Крестьянское сословіе погибаетъ, а мѣщанъ вовсе не осталось. Въ Нецкомъ округѣ совершенная пустыня, въ городѣ Бромбергѣ едва осталось 800 жителей; въ немъ стоятъ лѣсъ и болото, а судя по давнему нѣмецкому кладбищу, городъ долженъ былъ имѣть прежде многочисленное населеніе.“

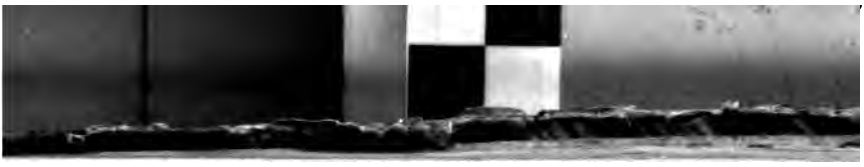
По другимъ свѣдѣніямъ, тоже офиціальнымъ и тоже относящимся къ 1773 году, въ Кульмѣ изъ 40 домовъ выходившихъ на городскую площадь, 28 стояло безъ крышъ, оконъ и дверей. „Вообразите, писалъ самъ Фридрихъ Даламберту при

посѣщеніи Познани въ 1775 году, что въ этой несчастной странѣ не знаютъ права собственности, а знаютъ только то что сильный имѣетъ право угнетать слабаго. Австрійцы и Русскіе нашли у себя такой же хаосъ."

Фридрихъ немедленно началъ вносить свѣтъ и порядокъ въ этотъ *хаосъ*. По его приказанію, въ новоприсоединенныхъ областяхъ начали рыть каналы, осушать болота, удабривать и засѣвать песчаныя равнины; на исправленіе однихъ хозяйственныхъ строеній въ бывшихъ *крулевщизнахъ* этотъ разчетливый государь отпустилъ болѣе 300.000 талеровъ. Въ города и мѣстечки вызваны были Нѣмцы-ремесленники; крестьяне были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, а вскорѣ потомъ и отъ обязательныхъ работъ на помѣщиковъ: Фридрихъ сразу понялъ на какую часть польскаго населенія можетъ надежнымъ образомъ опереться прусское правительство. Одинъ панъ убилъ крестьянина; вѣроятно, онъ надѣялся, по старымъ польскимъ законамъ, отдѣлаться легкимъ денежнымъ штрафомъ; но прусскій судъ приговорилъ его къ смертной казни, и король утвердилъ этотъ приговоръ. Что̀ касается до Поляковъ-помѣщиковъ, то въ отношеніи ихъ организована была правильная система экспропріаціи. Бывшія крулевщизны были отданы въ аренду исключительно Пруссакамъ; имѣнія помѣщиковъ-протестантовъ были обложены налогомъ въ 20, а помѣщиковъ-католиковъ въ 25%. Подать съ крестьянъ была возвышена и строго взималась, такъ что помѣщики принуждены были отказаться отъ надежды получать съ нихъ прежніе оброки. За разные роды преступленій со стороны помѣщиковъ-Поляковъ имѣнія ихъ подвергались конфискаціи, и многіе думаютъ что устроенные въ разныхъ мѣстахъ новоприсоединенной страны ссудные банки были учреждены не безъ разчета на извѣстное мотовство Поляковъ: запутавшись въ долги, паны были вынуждены продавать свои имѣнія, а Нѣмцы, или само правительство покупали ихъ. Фридрихъ настоятельно требовалъ чтобы мѣстныя власти неустанно заботились о переходѣ польскихъ имѣній въ руки Нѣмцевъ, такъ какъ Поляки-де „не заботятся объ улучшеніи хозяйства, истощаютъ страну и проживаютъ деньги за границей". Разумѣется, прежде всего Фридрихъ отобралъ въ казну имѣнія церковныя и монастырскія, находя, что „хозяйственныя заботы отнимаютъ у духовныхъ время которое должно быть посвящено молитвѣ". Не забытъ былъ

Фридрихомъ и вопросъ о народномъ воспитаніи: необходимо было просвѣтить этихъ *Ирокезовъ*; но онъ распредѣлялъ благодѣянія образованія гораздо щедрѣе Нѣмцамъ чѣмъ Полякамъ; въ каждомъ селеніи гдѣ насчитывалось хотя нѣсколько Нѣмцевъ правительство заводило школу, а потому вскорѣ по присоединеніи Познани въ ней считалось 104 нѣмецкія школы, польскихъ же только 83. Изъ числа слишкомъ 90 церквей аугсбургскаго исповѣданія, только въ четырехъ оставлена была проповѣдь на польскомъ языкѣ. Что касается до администраціи, то на всѣ высшія мѣста Фридрихъ немедленно назначилъ Пруссаковъ, приказавъ имъ въ то же время заботиться о пріисканіи прусскихъ чиновниковъ и для низшихъ инстанцій.

Главнымъ дѣятелемъ въ земляхъ присоединенныхъ отъ Польши по первому раздѣлу и главнымъ сотрудникомъ Фридриха былъ графъ Гоймъ, но вскорѣ, по вступленіи на престолъ Фридриха Вильгельма II, этотъ сановникъ былъ удаленъ. Преемникъ великаго короля находилъ его мѣры въ бывшихъ польскихъ областяхъ слишкомъ жесткими и несправедливыми, и назначилъ управлять какъ прежними, такъ и вновь присоединенными по второму раздѣлу землями, Фосса, человѣка котораго рекомендовали ему нѣкоторые изъ вліятельныхъ Поляковъ, находившихся съ нимъ въ сношеніяхъ когда онъ былъ еще кронъ-принцемъ. Фоссъ поспѣшилъ прежде всего перемѣнить личный составъ администраціи и замѣстилъ Пруссаковъ Поляками; монастырскія и церковныя имѣнія въ областяхъ присоединенныхъ въ 1793 году оставлены были въ управленіи польскаго духовенства, и готовились другія отступленія отъ системы Фридриха II, когда возстаніе, начавшееся въ Варшавѣ (въ 1794 году) и мгновенно отразившееся въ ново-присоединенной къ Пруссіи области, открыло Фоссу и берлинскому правительству глаза и доказало что они вступили на ложный путь. Графъ Гоймъ снова былъ поставленъ во главѣ управленія всѣми областями отошедшими къ Пруссіи, какъ по двумъ прежнимъ, такъ и по третьему раздѣлу. Система Фридриха II была возстановлена, но далеко не въ прежней строгой послѣдовательности. Дѣло въ томъ что и въ правительственныхъ сферахъ, и въ обществѣ устанавливался, въ отношеніи польскихъ дѣлъ, взглядъ подобный тому который у насъ получилъ перевѣсъ въ послѣдніе годы прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка.



Мы не будемъ говорить о польскихъ писателяхъ которые способствовали установленію такого взгляда: съ ихъ стороны это дѣло естественное, но замѣчательно что нашлись писатели и изъ Нѣмцевъ которые говорили въ томъ же тонѣ. Вотъ что̀, напримѣръ, читаемъ мы въ *Jahrbücher der preussischen Monarchie* (Jahrgang 1799): „Лишь только наша армія заняла безъ кровопролитія страну которая должна была перейти къ Пруссіи," пишетъ Кёльнъ (Cölln), авторъ писемъ о прусскомъ дворѣ послѣ смерти Фридриха II,—

„я тотчасъ же отправился въ Познань для ближайшихъ наблюденій. Скоро стали доходить до меня горькія жалобы со стороны польскихъ чиновниковъ, у которыхъ отняли мѣста и отдали Нѣмцамъ. Я увидалъ жадность многихъ голодныхъ Пруссаковъ, которые бросились на эти мѣста съ мыслію что нашли вѣрное средство набить свои карманы. Представь себѣ страну гдѣ католическая религія сохранила еще все свое вліяніе на народную массу, гдѣ говорятъ особеннымъ языкомъ, гдѣ носятъ національную одежду, и гдѣ повсюду обнаруживается характеръ народа совершенно чуждаго нѣмецкой жизни. Въ такую страну захотѣлъ министръ Россъ ввести полицейскій и финансовый порядокъ къ которому привыкли строго выдержанные въ военной дисциплинѣ Пруссаки. Чиновниковъ, которыхъ тамъ нашелъ, выгналъ, и на мѣсто ихъ вызвалъ большею частію оборышей изъ старыхъ провинцій. Можно подумать что онъ хотѣлъ образовать изъ здѣшней провинціи Ботавибей для подобныхъ молодцовъ, которыхъ, по меньшей мѣрѣ, слѣдовало бы удалить изъ службы."

Тотъ же самый Кёльнъ въ другомъ мѣстѣ выражается слѣдующимъ образомъ:

„Въ Польшѣ все веселится, и нельзя не подивиться тому что народъ остается спокойнымъ: а есть изъ чего выйти изъ себя. Чиновный людъ, выписанный сюда и доставившій не мало послушныхъ мужей для знаменитѣйшихъ Фринъ столицы, начинаетъ выказывать себя во всемъ своемъ блескѣ. Баронъ фонъ-Наратъ, окружной начальникъ въ Пейсейрнѣ, обвиненъ въ поджогахъ и дорожномъ разбоѣ. Президентъ Пётрковской камеры, фонъ-Аппельнъ, застрѣлился, потому что за нимъ открылось множество злоупотребленій. Окружной начальникъ Варгарскій обвиняется въ убійствѣ ксендза изъ Лешно. Военный совѣтникъ Денсо выгнанъ изъ службы за безчисленныя взятки. Фискалы Шпакенбургъ и Гайне подверглись той же участи за тѣ же доблести. Пресловутый Готвальдъ, изъ Глогау, сдѣлался Inquisitor publicus въ Познани. Онъ столь же ловокъ, сколько нагълъ

и развратенъ. Онъ оставилъ всѣ уголовные процессы лежать въ архивѣ и приготовлялъ фальшивые реестры дѣлъ. Одинъ изъ его повѣренныхъ, Кицъ, утопился, оставивъ завѣщаніе которое было пасквилемъ на великаго канцлера. Готвальдъ счелъ за лучшее отослать списокъ съ него въ Берлинъ. Этимъ онъ обратилъ вниманіе и на себя; велѣно было сдѣлать повѣрку его реестрамъ. Такимъ образомъ открыты были его продѣлки, и онъ былъ посаженъ въ рабочій домъ съ объявленіемъ что не получитъ свободы до тѣхъ поръ пока не приведетъ всѣхъ дѣлъ въ порядокъ. Онъ исполнилъ эту работу чрезвычайно скоро, и получивъ свободу, снова провинился въ подлогѣ и воровствѣ.... Почти всѣ крѣпости въ странѣ переполнены арестованными чиновниками изъ здѣшней провинціи: служить здѣсь гражданскимъ чиновникомъ стало теперь позоромъ."

Въ подобномъ родѣ писалъ извѣстный Фарнагенъ фонъ-Энзе и многіе другіе. Но самыми рьяными хулителями Фридриховой системы и Гоймовой администраціи были Гельдъ, Гольше и Цербони. Послѣдній написалъ памфлетъ, надѣлавшій въ свое время много шума въ Пруссіи, подъ заглавіемъ: *Einige Gedanken über das Bildungsgeschäft in Südpreussen.* Въ то же время Гельдъ, пріятель и единомышленникъ Цербони, пустилъ въ свѣтъ книжечку, въ которой выставлялъ графа Гойма и его администрацію какъ „истинныхъ якобинцевъ" (*Die wahren Iakobiner im Preussichen Staate* etc.), за которою послѣдовала другая подобнаго же содержанія, подъ заглавіемъ: *Das Schwarze Register, oder General-Tableau* etc. Въ этихъ злобныхъ памфлетахъ система Фридриха Великаго предавалась безпощадному поруганію; величайшія злоупотребленія приписывались графу Гойму, который наживался будто бы самъ при конфискаціи польскихъ имѣній и раздавалъ ихъ людямъ, покровительства которыхъ онъ искалъ, обсчитывая при этомъ казну. Такъ, по словамъ Гельда, въ его управленіе роздано было лицамъ германскаго происхожденія 241 имѣніе, дѣйствительная цѣнность коихъ простиралась будто бы до 20 милл. талеровъ, между тѣмъ какъ графъ Гоймъ оцѣнилъ ихъ только въ 3 милліона. Гольше (Holsche), съ своей стороны, доказывалъ что колонизація, производившаяся при Фридрихѣ Великомъ и подъ руководствомъ графа Гойма, обходилась несоразмѣрно дорого въ сравненіи съ пользой принесенною краю. Этотъ писатель возставалъ и вообще противъ водворенія нѣмецкаго элемента въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ. „Тамъ," писалъ онъ,—

„всякаго магната окружало много мелкихъ шляхтичей: арендаторовъ, управителей, коммиссаровъ, экономовъ и т. д. Теперь они потеряли старосты, которыя сдѣлались королевскими владѣніями и переданы большею частію въ руки Нѣмцевъ. Магнаты получаютъ вознагражденіе изъ королевскихъ кассъ, поселились въ своихъ имѣніяхъ, ограничили свои расходы, распустили арендаторовъ, управителей, коммиссаровъ, экономовъ и другихъ прислужниковъ и перебиваются какъ могутъ, всѣ же уволенные ими остались безъ куска хлѣба. Съ церковными имѣніями та же исторія. Число управителей, экономовъ и т. д. было въ нихъ невообразимо. Многія тысячи находили себѣ тамъ работу и хлѣбъ. Теперь же церковныя имѣнія отобраны. Духовенство получаетъ вознагражденіе изъ королевскихъ казначействъ. Имѣнія обращены въ государственныя имущества и переданы въ руки нѣмецкихъ чиновниковъ и нѣмецкихъ арендаторовъ. Понятно, что многочисленный классъ людей кормившихся отъ нихъ также остался безъ хлѣба. Значительная масса жителей въ новыхъ провинціяхъ терпитъ бѣдствія, растущія все болѣе и болѣе и распространяющіяся на многія тысячи семействъ. Легко представить себѣ какое уныніе или же негодованіе можетъ произойти изъ этого. А между тѣмъ всѣхъ этихъ людей можно не только удовлетворить, но и заставить благословлять правительство: стóитъ только раздать имъ вновь пріобрѣтенныя государственныя имѣнія въ наслѣдственную аренду небольшими участками.“

Гольце вторилъ журналистъ Фоссъ, который съ какимъ-то особеннымъ упоеніемъ распространялся о дѣйствительныхъ или вымышленныхъ злоупотребленіяхъ прусскихъ чиновниковъ. По его словамъ, чиновники въ провинціяхъ отошедшихъ отъ Польши получали хорошее содержаніе, особенно женатые. Въ продолженіе первыхъ трехъ лѣтъ своей службы они пользовались для устройства своего хозяйства пособіями, которыя въ первый годъ равнялись половинѣ, а въ слѣдующіе два — третьей части ихъ годоваго оклада. „Неудивительно,“ говоритъ Фоссъ,—

„что они воображали себя необыкновенными богачами, и что пріятный вкусъ хорошаго венгерскаго вина, продававшагося тогда еще по дешевымъ цѣнамъ, пріучилъ ихъ къ шумнымъ и многолюднымъ вакханаліямъ. Съ другой стороны, еврейскія кладовыя, гдѣ находились англійскіе, французскіе, турецкіе, индѣйскіе и даже китайскіе товары, которые въ старыхъ провинціяхъ Пруссіи можно было видѣть развѣ тайкомъ, были опаснымъ соблазномъ для чиновничьихъ женъ; въ новыхъ провинціяхъ эти товары предлагались на выборъ по цѣнамъ сравнительно дешевымъ. Скоро страсть къ роскоши пошла быстрыми шагами, особенно въ Познани, гдѣ распоряжались

приглашенные изъ Бранденбургской, Магдебургской и западно-прусскихъ провинцій.... Въ Калишѣ еврейская торговля была ограничена многими узаконеніями, но акцизные чиновники помогали ей побѣждать препятствія, протягивая ей благосклонную руку помощи, къ которой за то прилипало еврейское золото. Семейства служившихъ въ дирекціи очутились среди такого изобилія, которое должно было у этихъ людей, поднявшихся большею частію изъ ничтожества, развить хвастливую пышность. Они не замедлили выказать свое превосходство предъ обыкновенными смертными своими шелковыми одеждами, своими шалями, своими трюмо, люстрами, экипажами и своими биткомъ набитыми кладовыми. Но самый страшный ударъ разумному хозяйству и экономіи нанесенъ былъ судейскими коммиссарами, заботившимися только о своемъ собственномъ благосостояніи; къ несчастію, они были преимущественно изъ Западной Пруссіи, гдѣ уже съ 1772 года безумная роскошь пустила глубокіе корни. Бо́льшая часть чиновниковъ, приглашенныхъ на Южную Пруссію, были люди молодые и неженатые: точно укушенные тарантуломъ, они стремились заключать бракъ за бракомъ. Старыя школьныя пріятельницы, служанки и гризетки были возводимы на степень законныхъ женъ. Здѣсь, думали они, въ этой чужой странѣ, вдали отъ родственниковъ, отъ прежнихъ отношеній и связей, неприличное легко будетъ терпимо нарав нѣ съ приличнымъ. Здѣсь, гдѣ бѣдный шляхтичъ служитъ у богатаго, развѣ не можетъ кухарка равняться съ законною женой?... Наступила вольная и веселая жизнь. Разводъ слѣдовалъ за вѣнчаніемъ, затѣмъ—новое обрученіе или свадьба, которая была подготовлена еще при существованіи перваго брака.... Понятно, что гордость Поляковъ запрещала имъ сходиться съ нѣмецкими чиновниками. Въ самомъ дѣлѣ, тонъ господствовавшій въ нѣмецкомъ обществѣ польскихъ провинцій былъ никуда не годенъ. Пошлая полуобразованность, подражаніе французскому легкомыслію и утонченностямъ берлинскаго высшаго общества, личина безкорыстія и добродѣтели,—вотъ тѣ качества которыми отличались Нѣмцы водворившіеся въ этихъ провинціяхъ..... Долго ли могла продлиться такая жизнь, которая скорѣе походила на разгулъ нежели на заботы о новыхъ провинціяхъ,—жизнь, которая могла разрушиться при первомъ сильномъ ударѣ извнѣ?“

Прусскіе чиновники, по словамъ Фосса, „были разрушителями всякаго разумнаго хозяйства“.

Всѣ эти выписки изъ современной полонофильской прусской печати, которыми, къ сожалѣнію, недостаточно воспользовался г. Ратчъ, для насъ въ высшей степени любопытны. Мы встрѣчаемъ въ нихъ слишкомъ знакомые намъ пріемы и невольно ожидаемъ встрѣтить выраженія *костром-*

ская шляхта, босоногіе дѣятели и другія имъ подобныя, изобрѣтенныя русскими Фоссами, Гельдами и Гольтами. Но въ Пруссіи значеніе подобныхъ писателей было несравненно серіознѣе чѣмъ теперь у насъ. Король, хотя и слабо, но поддерживалъ систему, за отступленіе отъ которой онъ былъ наказанъ возстаніемъ 1794 года; за то кронпринцъ былъ рѣшительно на сторонѣ полонофиловъ. Гельдъ, въ одномъ стихотвореніи написанномъ въ 1797 году, весьма откровенно выражалъ надежду своей партіи что со вступленіемъ его на престолъ дѣла примутъ совершенно иное направленіе....

Эти надежды не замедлили оправдаться: однимъ изъ первыхъ распоряженій Фридриха Вильгельма III, по вступленіи его на престолъ, было отозваніе графа Гойма. Этому королю было суждено поставить на прочныя основанія монархію созданную геніемъ его дѣда; но прежде онъ долженъ былъ своими руками разрушить многое доброе учрежденное великимъ королемъ. Увлекшись идеалами не имѣвшими ничего общаго съ интересами Пруссіи, онъ съ неосторожностію, за которую былъ жестоко наказанъ, подрывалъ національное чувство народа, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что интриги польской партіи играли въ этомъ немаловажную роль. Никогда, можетъ-быть, обстоятельства не благопріятствовали Полякамъ столько какъ въ концѣ минувшаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго. Политическія понятія выдвинутыя французскою революціей потрясли теорію, въ силу которой государи гордились тѣмъ что увеличивали *свои* владѣнія для возвышенія *своей* славы, а теорія политики національной не была еще выработана. Государи и другіе политическіе дѣятели, надѣвъ сѣрый фракъ и круглую шляпу, спустившись въ ряды простыхъ смертныхъ, возымѣли желаніе регулировать и политическую свою жизнь по примѣру жизни частной и внести въ нее *мѣщанскія* добродѣтели. Молодой король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III, равно какъ и современникъ его императоръ Павелъ, смотрѣли на пріобрѣтенія сдѣланныя со стороны Польши какъ на имѣнія неправильно выигранныя ихъ родителями въ карты. Понятно, что при такихъ условіяхъ, надежды Поляковъ оживились на всемъ пространствѣ отъ Днѣпра до Вислы и почти до Одера. Только въ Австріи правительство глядѣло на нихъ неблагосклонно и заставляло Поляковъ говорить по-нѣмецки,—что, по

словамъ польскихъ писателей,—„было дѣломъ австрійскихъ чиновниковъ-демократовъ“.... Вотъ въ это именно время и замѣчается первый приступъ къ работамъ *великаго будованья*, какъ дѣла общаго для всѣхъ Поляковъ; является и центръ этого дѣла, и руководители. Тѣснимый въ Галиціи и не предвидя тамъ ничего добраго, тогдашній представитель фамиліи Чарторыйскихъ, князь Адамъ-Казиміръ, въ 1796 г. переѣхалъ въ Пулавы, и въ этомъ центральномъ пунктѣ, вблизи границъ всѣхъ трехъ частей бывшей Рѣчи Посполитой, устроилъ очагъ всѣхъ происковъ производившихся въ Петербургѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и Парижѣ. Здѣсь организуется таинственное правительство возсоздаваемаго государства, здѣсь второстепенные агенты получаютъ наставленія, здѣсь возникаетъ подобіе двора, сюда стекаются извѣстія о дѣйствіяхъ друзей и недруговъ.... Дѣло въ самомъ дѣлѣ замѣчательное и вызывающее на размышленіе! Едва ли всемірная исторія представляетъ другой примѣръ чтобы частный человѣкъ велъ тайную борьбу съ тремя государями, чтобы группа партикулярныхъ людей, хотя бы и знатныхъ и богатыхъ, но разсѣянныхъ въ трехъ различныхъ государствахъ заставляла эти три государства, то поочередно, то всѣ вдругъ, служить своимъ интересамъ въ ущербъ собственнымъ!... А дѣло было именно таково. Таинственное правительство несуществующей Польши, правда, дѣлало иногда ошибки и компромитировало дѣло которому служило, но нельзя не согласиться что съ теченіемъ времени дѣла его улучшались, что тысячи людей прибывали подъ его знамена, что положеніе усиливалось, раздвигалъ свои предѣлы, дѣлалъ завоеванія между Русскими и Нѣмцами, не говоря о Французахъ, Мадьярахъ и пр., и наконецъ сдѣлался весьма серіознымъ факторомъ европейской политики.... Гдѣ причина этого страннаго явленія? Г. Ратчъ близко подходитъ, какъ намъ кажется, къ этой причинѣ, называя ее *темою и мыслію* польскаго вопроса. Дѣйствительно, причина этого явленія кроется въ недоразумѣніи. Программа Чарторыйскихъ состояла въ томъ чтобы возстановить старинную Польшу въ ея границахъ 1772 года, а отъ правительствъ и народовъ, которымъ пришлось бы принести для этого жертвы, замаскировать дѣло. Искусство руководителей этой колоссальной мистификаціи состояло въ томъ что она разоблачала свою мысль лишь на столько на сколько это было нужно въ данное время и въ

данныхъ обстоятельствахъ, и если какой-нибудь enfant terrible проговаривался въ брошюрѣ или газетѣ,—отъ него немедленно отказывались, называли его *красными*. Въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ агенты пулавскаго правительства увѣряли въ преданности Поляковъ особѣ государя и просили только не тасовать людей польскаго происхожденія въ одну колоду съ прочими. Мы лишились отечества: оставьте же намъ хоть его призракъ, то-есть нашъ языкъ и наши законы, и дозвольте намъ управляться съ помощію чиновниковъ изъ среды насъ; затѣмъ мы будемъ вполнѣ вѣрноподданными вашими. Дѣло казалось возможнымъ: преданія среднихъ вѣковъ свидѣтельствовали о существованіи государствъ состоявшихъ изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ странъ и народовъ связанныхъ между собою только династическими узами. Но набѣгали политическія бури, и бывшія части Рѣчи Посполитой тотчасъ же заявляли что онѣ не только не Пруссія, не Россія и не Австрія, но что онѣ и не вѣрноподданные прусскаго, русскаго или австрійскаго государей. Тогда опять выдвигалась впередъ система отреченій. Вліятельные Поляки отказывались отъ солидарности съ партіей дѣйствія, которая, по ихъ словамъ, состояла лишь изъ студентовъ, изъ молодежи и изъ *красныхъ*; эти красные отправлялись въ Сибирь, въ Шпандау или въ Кенигштейнъ, а вожди оставались у кормила своего таинственнаго корабля и нерѣдко выпрашивали себѣ и своимъ новыя льготы.

Такъ дѣлались дѣла въ продолженіе многихъ лѣтъ въ прусскихъ, австрійскихъ и русскихъ владѣніяхъ бывшей Польши. Приведенныя выше выписки изъ прусскихъ полонофильскихъ органовъ варіируютъ тѣ же самые мотивы которые разыгрывались и въ нашей печати предъ 1863 годомъ. И у насъ были свои графы Гойма которыхъ польскіе патріоты старались и успѣвали устранять отъ дѣлъ; и у насъ, какъ въ Пруссіи и Австріи, обдуманная измѣна выступала въ убранствѣ охранительныхъ началъ и съ воплями негодованія противъ чиновниковъ-революціонеровъ. Съ другой стороны, и въ Пруссіи, какъ у насъ, твердо поставленная вначалѣ правительственная система относительно бывшихъ польскихъ областей, подвергалась частымъ колебаніямъ. Исторія польскаго вопроса есть общая исторія для трехъ государствъ подѣлившихъ Польшу! Вездѣ польская интрига умѣла стать между правительствомъ и народомъ, вездѣ

въ сферахъ властвующихъ она возбуждала недовѣріе къ прогрессивному движенію совершающемуся въ народѣ, и вездѣ также она разжигала народныя страсти противъ правительствъ. Вездѣ утверждала что нѣтъ людей болѣе преданныхъ и консервативныхъ какъ Поляки, и вездѣ гдѣ составлялся заговоръ и гдѣ воздвигались баррикады, Поляки являлись первыми. Предъ 1848 годомъ многіе прусскіе сановники и особенно прусскіе *юнкеры* считали Поляковъ роялистами и Пруссаками болѣе самого короля; но какъ только начались безпорядки въ Берлинѣ, въ Познани мгновенно образовался *жондъ народовый*, и польскіе студенты, по словамъ генерала Мѣрославскаго, явились на баррикадахъ „arborant le drapeau du démolisseur et boulversant tout!..“

Но не будемъ забѣгать впередъ. Польское возстаніе 1830 года, имѣвшее довольно серіозное отзвучіе въ прусской Польшѣ, вызвало на сцену самаго, можетъ-быть, замѣчательнаго дѣятеля въ дѣлѣ онѣмеченія областей отнятыхъ у Польши—Флотвеля. Этотъ трудолюбивый и умный администраторъ началъ съ того что занялся изученіемъ не только современнаго положенія, но и исторіи ввѣреннаго ему края, и на основаніи этого двойнаго изученія создалъ систему отъ которой не отступалъ въ продолженіе десяти лѣтъ. Прежде всего онъ озаботился установить на прочномъ основаніи матеріальное благосостояніе края, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшился сдѣлать его безъ шуму, но и безъ всякихъ колебаній, нѣмецкимъ, помощію неуклоннаго распространенія въ немъ нѣмецкаго землевладѣнія и нѣмецкаго языка. „Флотвель признавалъ,“ говоритъ г. Ратчъ, —

„что всякое проданное польское имѣніе приноситъ Пруссіи выгоду вдвойнѣ: однимъ паномъ меньше и однимъ Gutsbesitzer'омъ больше. Въ лавкахъ, на постоялыхъ дворахъ, въ шинкахъ, на заводахъ, фабрикахъ, мастерскихъ, на мельницахъ, чѣмъ нѣмецкій языкъ будетъ болѣе преобладать, тѣмъ скорѣе сродится съ нимъ населеніе; а сельское населеніе должно видѣть вездѣ заботливую о немъ нѣмецкую администрацію. Надписи съ названіемъ улицъ и селеній (Ortschaften) Флотвелемъ были оставлены одни нѣмецкія. Жители деревень, пріѣзжая въ города, должны всюду видѣть полное преобладаніе нѣмецкой жизни, полное господство прусской государственной власти. Мастеровые люди, необходимые въ сельской жизни, преимущественно должны быть Нѣмцы, или совершенно онѣмечившіеся Поляки; цѣль достигается тѣмъ удобнѣе, что ребенокъ, отдаваемый въ ученье, въ семьѣ мастера усвои-

ваетъ себѣ языкъ и нѣмецкій образъ жизни. Наконецъ, постоянною заботой Флотвеля было усиленіе числа нѣмецкихъ землевладѣльцевъ. Къ такой цѣли въ теченіе десяти лѣтъ неутомимой дѣятельности шелъ Флотвель. Въ совѣщаніяхъ съ королемъ, онъ былъ уполномоченъ изъ-подъ руки, усиленными пособіями изъ банка, содѣйствовать Нѣмцамъ въ покупкѣ имѣній. Самою же дѣйствительною мѣрой было секретное королевское повелѣніе, отъ 13-го марта 1833 года, коимъ министру финансовъ было предписано отпускать сумму для закупки продаваемыхъ Поляками имѣній, если высокая цѣна не привлекала частныхъ покупщиковъ. Флотвелю было разрѣшено покупать въ казну большія имѣнія, хотя бы выше оцѣночной цѣны, если, по хозяйственнымъ соображеніямъ и вѣроятности, казна не понесетъ большихъ убытковъ отъ дальнѣйшей ихъ перепродажи пріобрѣтателямъ нѣмецкаго происхожденія."

Честный и осторожный Флотвель, говоритъ г. Ратчъ, произвелъ эту щекотливую операцію съ замѣчательнымъ успѣхомъ:

„При перепродажѣ громадныхъ имѣній первой подобной покупки, они были раздѣлены на 80 помѣстій (Rittergüter); кромѣ того, отъ нихъ были вырѣзаны участки крестьянскихъ хозяйствъ. Отъ этой операціи на отпущенный милліонъ талеровъ казначейство получило и значительную прибыль. Вообще Флотвель старалася всѣми средствами притянуть въ Познань какъ можно болѣе зажиточныхъ, развитыхъ и благонамѣренныхъ пріобрѣтателей нѣмецкаго происхожденія."

Фридрихъ Вильгельмъ IV вступилъ на престолъ, подобно двумъ своимъ предшественникамъ, съ образомъ мыслей весьма благопріятнымъ польщизнѣ. При посѣщеніи въ самомъ началѣ своего царствованія восточныхъ областей Пруссіи, этотъ государь, на привѣтствіе одного бургомистра заявлявшаго о преданности жителей, хотя они-де и не чистой прусской крови,— отвѣтилъ: „вы ошибаетесь: они чистой сарматской или славянской крови". При такомъ расположеніи обращать вниманіе на племенное происхожденіе прусскихъ подданныхъ, король, естественно, не могъ оставаться равнодушнымъ ко внушеніямъ польскихъ національовъ. Когда начались волненія въ Познани, тотчасъ же, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, явились совѣтники искусно внушавшіе что необходимо сдѣлать уступки національнымъ стремленіямъ Поляковъ, что неудовольствіе съ ихъ стороны очень опасно, а преданность ихъ можетъ быть очень полезна въ случаѣ нападенія „восточнаго сосѣда" (призракъ, который посто-

явно вызываютъ въ такихъ случаяхъ польскіе волшебники). Настраиваемый въ такомъ смыслѣ, король назначилъ коммиссаромъ и предсѣдателемъ коммиссіи для реорганизаціи Познанской области генерала Виллизена, а что̀ такое былъ генералъ Виллизенъ, мы узнаемъ по его дѣламъ.

Вся Познанская область находилась въ величайшемъ волненіи, когда прибылъ генералъ Виллизенъ знавшій ее нѣкогда спокойною и цвѣтущею. „Я хотѣлъ воспользоваться первымъ случаемъ чтобы все повѣрить собственными глазами," писалъ онъ,—

„и скоро увидѣлъ что все въ краѣ измѣнилось; вездѣ встрѣчались тревожныя физіономіи. На одной станціи, при перемѣнѣ лошадей, явился ко мнѣ начальникъ польскаго отряда и назвалъ себя полковникомъ. Узнавъ, вѣроятно отъ почтмейстера, мою фамилію, онъ учтиво предложилъ мнѣ поставить часовыхъ и представить свою команду. Собрались вооруженные люди на площади, и предъ дверями были поставлены парные часовые.... Я предложилъ ему распустить свою команду по домамъ; но онъ отвѣтилъ мнѣ что на то необходимо повелѣніе *національнаго комитета*... Проѣзжая Шримъ, я нашелъ его пустынымъ и унылымъ; тутъ за два дня были совершены насилія (Excessen), по случаю польскихъ знаменъ и цвѣтовъ."

Въ городѣ Познани къ генералу Виллизену явился въ полномъ составѣ польскій *народный комитетъ* и принятъ какъ бы какое легальное учрежденіе, какъ закономъ установленная власть. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ любопытной прокламаціи, напечатанной г. Ратчемъ, съ которою познанскій королевскій коммиссаръ счелъ умѣстнымъ обратиться къ населенію ввѣренной ему области:

„Жители Великаго Княжества Познанскаго! Реорганизація провинціи, согласно обѣщанію его величества, должна начаться. Я присланъ для этой цѣли и снабженъ нужнымъ уполномочіемъ. Надѣюсь, что встрѣчу довѣріе всего населенія при этомъ трудномъ дѣлѣ, потому что безъ такой надежды и не взялся бы за это столь почетное порученіе.

„Поляки! Вы желаете національнаго правительства и на вашемъ языкѣ національнаго суда; вы получите и то и другое. Какъ первый къ тому залогъ, его величество положилъ гражданское управленіе области ввѣрить избранному польскаго происхожденія, а также и то что вамъ возвращается право свободнаго избранія земскихъ совѣтниковъ. Вы желаете имѣть свое національное войско; но вы его уже имѣете въ ландверѣ; ничего народнѣе ландвера быть не

можетъ. Все что вы можете желать легко къ тому присоединится, и я съ удовольствіемъ выслушаю предложенія опытныхъ мужей объ измѣненіяхъ, которыя могутъ быть желательны относительно, напримѣръ, обмундированія и языка командныхъ словъ.

„Нѣмцы! Оставьте ваши опасенія. За права которыя вамъ даетъ вашъ языкъ ручается вся Пруссія. Какъ руководящій принципъ будущаго устройства принимается что каждый будетъ управляемъ на его языкѣ и получитъ свои права. Никому не нужно будетъ въ правительственныхъ мѣстахъ говорить другимъ языкомъ, а не своимъ; не иначе какъ на его языкѣ должно рѣшаться его дѣло и послѣдовать рѣшеніе. Имѣйте довѣріе къ вашимъ польскимъ землякамъ. При всемъ возбужденіи умовъ въ послѣднее время, развѣ они не употребили серіозныя усилія для того чтобы кто-либо изъ васъ не былъ ими обиженъ? Бывшіе случаи составляютъ исключенія, о которыхъ они сами сожалѣютъ; но и изъ среды вашей всѣ ли всегда оставались въ должныхъ границахъ? Потому прежде всего не обвиняйте другъ друга взаимно, смотрите на цѣлое и будьте снисходительны и кротки къ частностямъ. При единодушіи вы будете сильны, при разномысліи слабы противъ малѣйшаго вѣтра который подуетъ изъ-за нашихъ предѣловъ.

„Поляки! Благороднѣйшіе люди изъ среды вашей обѣщали мнѣ содѣйствовать возстановленію того порядка который я обязанъ требовать. Сопровождаемый ими, я скоро увижу, исполняются ли мои желанія повсемѣстно, и тогда немедленно будетъ приступлено къ дѣлу.“

Оказалось, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, что прокламація генерала Виллизена не удовлетворила ни Поляковъ, ни Нѣмцевъ. Первые находили что онъ не довольно горячо сочувствуетъ ихъ дѣлу, а Пруссакамъ было слишкомъ ясно сказано что правитель смотритъ на нихъ какъ на людей для собственныхъ выгодъ поселившихся на польской землѣ, какъ на пришельцевъ и паразитовъ. Генералъ Виллизенъ ходатайствовалъ даже о дозволеніи образовать корпусъ польскихъ волонтеровъ съ національною кокардой; увѣрялъ что польская часть народонаселенія до такой степени предана правительству, что даже въ случаѣ возстановленія Рѣчи Посполитой не измѣнитъ Пруссіи. За то онъ жаловался что Нѣмцы, своимъ раздраженіемъ противъ Поляковъ, сильно затрудняютъ его. „Мои земляки,“ писалъ онъ черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Познань, „причиняли мнѣ болѣе затрудненій и сердечныхъ страданій нежели Поляки съ ихъ мечтательностію“... Съ самодовольствіемъ заключающимъ

въ себѣ много комическаго, этотъ генералъ, которому, впрочемъ, не отказываютъ ни въ образованности, ни въ умѣ, хвалился предъ правительствомъ вѣрностію своего взгляда на дѣло, ибо я, писалъ онъ, „die Lage der Dinge im Sinne der grossen Gegenwart richtig ergriffen habe". Всѣ понятія перепутались въ его умѣ до такой степени, что онъ рѣшился собственною властію и вопреки совѣтамъ центральнаго правительства заключить формальное условіе (Kapitulationspunkte) съ *народовымъ комитетомъ* о національномъ польскомъ корпусѣ волонтеровъ.

До такихъ размѣровъ рѣдко доходитъ даже нелѣпость. Но за то она долженствовала быть послѣднею въ Пруссіи. Виллизенъ былъ отозванъ послѣ нѣсколькихъ дней своего безумнаго управленія. Оскорбленный, онъ требовалъ слѣдствія и суда; но разумѣется, центральное правительство не могло ни желать раскрытія ошибокъ, въ которыхъ онъ было болѣе всѣхъ виновато, ни наказывать за эти ошибки. За то общественное мнѣніе было безпощадно къ бѣдному Виллизену. Въ первую минуту оно не хотѣло видѣть въ распоряженіяхъ познанскихъ властей ничего иного кромѣ измѣны. Оберегая, можетъ-быть, собственную честь, начальникъ войскъ въ Познанской области, генералъ Коломбъ, напечаталъ свои распоряженія и распоряженія, которыя онъ получалъ отъ начальника гражданскаго управленія. Виллизенъ, съ своей стороны, обратился къ защитѣ печатнаго слова, но факты были противъ него, какъ это до очевидности обнаруживалось изъ книги генеральнаго штаба маіора Фойхтъ-Ретца, составленной по офиціальнымъ документамъ. Въ этомъ сочиненіи называющемся *Actenmässige Darstellung der Polnischen Insurrection im Jahre 1848*, авторъ ограничился простымъ изложеніемъ событій, воздерживался отъ разбора дѣятельности Виллизена и облекалъ въ мягкія формы все что̀ касалось до королевскаго коммиссара; но Виллизенъ отвѣтилъ рѣзкимъ образомъ и вызвалъ полемику которая окончилась отнюдь не въ его пользу. Конечно, въ послѣдствіи, при успокоившемся настроеніи умовъ, Виллизена перестали считать завѣдомымъ измѣнникомъ, но репутація его была однакоже навсегда потеряна; онъ сдѣлался *невозможнымъ человѣкомъ*, оставилъ службу и покинулъ Пруссію.

Въ лицѣ генерала Виллизена Пруссія покончила съ колебаніями по польскому вопросу. Полемика, которую возбудило

его управленіе Познанскою областью, разъяснила этотъ вопросъ предъ общественнымъ мнѣніемъ и окончательно установила правительственную систему, для которой, впрочемъ, имѣлись прочныя основанія въ распоряженіяхъ Фридриха Великаго, графа Гойма и особенно въ твердой и умной администраціи Флотвеля. „Польскаго вопроса“ въ Пруссіи уже не существуетъ въ настоящее время. Нѣмецкій языкъ, сдѣлавшись единственнымъ и исключительнымъ языкомъ правительства и администраціи, будучи введенъ въ школы и церкви, сдѣлался не только господствующимъ, но почти природнымъ языкомъ областей присоединенныхъ отъ Польши и особенно Познани. Въ этихъ областяхъ уже немыслимо серіозное политическое движеніе. Въ 1863 году, когда въ сосѣдствѣ Познани мятежъ разгорѣлся такимъ быстрымъ, хотя и соломеннымъ огнемъ, въ Познанской области, по свѣдѣніямъ г. Ратча, оказалось всего 128 политическихъ преступниковъ, изъ коихъ 75 помѣщиковъ и 17 экономовъ. При такомъ слабомъ революціонномъ элементѣ, Пруссія, можно сказать, неуязвима со стороны Польши, и тѣ которые въ этомъ государствѣ еще называютъ себя Поляками, были, быть-можетъ, искреннѣе чѣмъ кажется и чѣмъ сами того желали, когда утверждали предъ слѣдственными коммиссіями что они собственно противъ Пруссіи ничего не имѣютъ, что только кровныя узы побуждали ихъ оказывать поддержку мятежникамъ Царства Польскаго, и что наконецъ въ толкахъ о возстановленіи границъ 1772 года подразумѣваются *одни лишь восточныя границы Рѣчи Посполитой*....

П. Щ.

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. Ае. Ананьева, бывшаго директора Тверской гимназіи и составителя Латинскаго Словаря, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВОПРОСЪ О НАПРАВЛЕНІИ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ РОССІИ. Передовыя статьи *Московскихъ Вѣдомостей*. Цѣна 60 к., съ пересылкою 75 коп. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к. сер.; пер. за 3 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ. Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. сер.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 85 к.

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ. Части I и II. Соч. графа Л. Н. Толстаго. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

МОЯ СУДЬБА. М. Камской. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

ТУРЕЦКО-ТАТАРСКІЙ РУССКІЙ СЛОВАРЬ, сост. проф. при Лазаревскомъ институтѣ, магистромъ восточной словесности М. Л. Лазаревымъ. Цѣна 3 руб., съ пересылкой 3 руб. 50 коп. сер.

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ П. Н. Кудрявцева, покойнаго профессора Московскаго университета. Цѣна за двѣ части 3 руб. сер.

ную залу, подъ предводительствомъ доктора Гайлера, голосъ его раздавался въ ушахъ моихъ какъ какое-то шипѣніе.

Экзаменъ былъ чрезвычайно многолюденъ. Въ большой залѣ длинными рядами сидѣли студенты, юноши и мальчики, и нѣсколько человѣкъ провинціальныхъ школьныхъ учителей и туторовъ, дурно одѣтыхъ и съ рѣзкими чертами лица, которымъ удалось наконецъ скопить кое-что чтобы начать поприще о которомъ они давно мечтали, поприще студента, съ викарствомъ въ перспективѣ.

Я сидѣлъ рядомъ съ Морисомъ и съ чувствомъ доходившимъ до ужаса смотрѣлъ на группу членовъ коллегіи, такъ весело разговаривавшихъ между собою, какъ будто полторы сотни паръ глазъ не были съ безпокойствомъ устремлены на нихъ. Морисъ смотрѣлъ мрачно.

Черезъ два дня насъ собрали въ комнату мистера Гайлера для выслушанія нашей судьбы.

— Мои ученики отвѣчали очень хорошо. Морисъ Прендергастъ—второй, читалъ онъ по списку.—Второй изъ ста пятидесяти двухъ. Отлично, мой другъ, докторъ Болль будетъ въ восторгѣ отъ вашего успѣха.

Морисъ, стоявшій скрестивъ руки, сказалъ:

— Я надѣялся на большее, сэръ.

— На большее? Почему это? Ноксъ, первый, двумя годами старше васъ. Онъ, къ тому же, учился въ Рогби и былъ любимцемъ Арнольда. Не могли же вы надѣяться стать выше Нокса, а вы все таки еще отмѣчены proxime accessit.

— Я не хотѣлъ стать выше Нокса, сэръ, или кого бы то ни было, я просто надѣялся быть первымъ и, можетъ-быть, еслибъ я не былъ католикомъ, экзаминаторы нашли бы меня не менѣе достойнымъ чѣмъ даже фаворита Арнольда, какъ вы его называете.

Мистеръ Гайлеръ взглянулъ на Мориса, твердо встрѣтившаго взглядъ его.

— Вы приписываете недостойное пристрастіе, сэръ, честнымъ людямъ. Пожалуста, избавьте меня впередъ отъ такихъ выраженій.

— Сэръ, возразилъ Морисъ,—мнѣ было бы очень жаль потерять вашу благосклонность, но я увѣренъ что вы не осудите меня за то что я говорю прямо то въ чемъ я увѣренъ. Если учрежденія коллегіи проводятъ такую рѣзкую черту между протестантами и католиками, то не мудрено что

католику приходитъ въ голову что экзаминаторы дѣйствуютъ въ духѣ заведенія.

— Я не хочу разсуждать объ этомъ при воспитанникахъ моихъ, Прендергастъ, воскликнулъ Гайлеръ.—Взгляните на лица окружающихъ и увидите какое вы вызвали негодованіе.

Губы Мориса сложились въ горькую улыбку. Онъ съ вызовомъ взглянулъ на насъ. Многіе отодвинулись отъ него, чтобы выразить свое неудовольствіе.

Я по списку былъ двадцатымъ, „мѣсто очень хорошее", удостоилъ замѣтить мистеръ Гайлеръ. Я отправился въ старый мрачный домъ, называвшійся „Госпиталемъ Дрепера", и записался на курсъ лекцій. Заплативъ за себя въ Анатомическую школу коллегіи, я наконецъ поселился въ № 17. Ботаникбей, Trinity College. Избитая дверь, выкрашенная черною краской, на которой бѣлыми буквами написано было „Теренсъ Бреди", вела въ мою квартиру состоявшую изъ большой чисто вымытой комнаты, на стѣнахъ которой остались слѣды смѣлыхъ рисунковъ прежняго жильца, изъ маленькой спальни и какого-то склепа для Финни Кодда, включившаго меня въ число молодыхъ джентльменовъ которымъ онъ служилъ общимъ слугой. Мистеръ Бетсъ пожертвовалъ мнѣ часть мебели загромождавшей его квартиру. Стѣны предполагалось обить новыми обоями, и капитальныя улучшенія должны были, современемъ, быть произведены въ моей квартирѣ.

Однажды, возвращаясь изъ госпиталя, я зашелъ въ домъ сэръ-Ричарда. Окна были закрыты, краска слѣзла съ дверей, и даже мистеръ Винцентъ носилъ на себѣ отпечатокъ общаго разрушенія.

— Сэръ-Ричардъ, кажется, не возвратится сюда въ нынѣшнемъ году и не будетъ поправлять домъ. Миссъ Мери, бѣдняжка, катается съ нимъ по этимъ нѣмецкимъ водамъ. Миссъ Десмондъ, тетка, тоже не пріѣдетъ сюда. Она гоститъ у друзей въ Батѣ, помоги имъ Богъ! Сэръ-Ричардъ поссорился съ ней въ Лондонѣ, и она грозилась уѣхать въ Индію и нажаловаться на него мистеру Денису, но вотъ осталась-таки въ Англіи. А знаете ли вы, мистеръ Терри, мистеръ Денисъ вызываетъ къ себѣ въ Индію миссъ Мери, право, въ Индію, не ближе. Мистеръ Денисъ всегда очень любилъ свою сестру, мать миссъ Мери. Мнѣ никогда не случалось видать сэръ-Ричарда въ такой ярости какъ когда пришло

это письмо. И миссъ Мери, очень можетъ быть, лишится теперь наслѣдства; а вѣдь сэръ-Ричардъ ей ничего не оставитъ.

Мнѣ почему-то была пріятна мысль что Мери Бутлеръ, можетъ-быть, не будетъ богата.

— Говорятъ, у миссъ Мери тамъ былъ бы славный выборъ жениховъ. Мистеръ Денисъ тамъ царь надъ царями и могъ бы выдать ее за царя Персидскаго, или Турецкаго, или котораго-нибудь изъ такихъ, стоило бы только захотѣть. Но ея не пустили, и сама она не хотѣла ѣхать. Кто тутъ-то достоинъ ея, вотъ что бы мнѣ хотѣлось знать.

Я долго боролся съ своимъ отвращеніемъ и предразсудками, и съ ужасомъ входилъ въ анатомическое отдѣленіе, пока не изучилъ подробно темницы въ которой держится душа наша и откуда освобождаетъ ее смерть. Я посѣщалъ лекціи, читалъ по цѣлымъ часамъ, ходилъ на рыбную ловлю и въ горы, а въ вѣтряную и бурную погоду на морской берегъ стрѣлять морскихъ птицъ. Я подружился съ умнымъ, разговорчивымъ малымъ, Больтономъ, который занималъ квартиру рядомъ съ моей. Онъ готовился къ экзамену на товарищескую стипендію, хотя еще не сдалъ экзамена на стипендію ученическую, и я зналъ что когда онъ сказывался больнымъ отъ усиленныхъ занятій и, какъ вѣрили всѣ, сидѣлъ съ мокрымъ полотенцемъ на головѣ, онъ въ это время отправлялся на скачку, игралъ на бильярдѣ, или проводилъ время за кулисами. Онъ былъ безпечный и добрый малый, всегда готовый дать въ займы, самъ занять, драться и дружиться; безконечно веселъ въ одну минуту, и въ полномъ отчаяніи въ другую.

Морисъ Прендергастъ, который жилъ въ меблированныхъ комнатахъ, потому что это было дешевле и также для того, какъ говорилъ онъ, чтобъ освободиться отъ назойливаго надзора школьной прислуги, изрѣдка приходилъ ко мнѣ. Онъ становился мрачнѣе день ото дня; носилъ фризовую куртку и *пуговицу раздѣла* и посѣщалъ всѣ митинги въ Conciliation-Hall. Тревожное настроеніе достигло тогда высочайшей степени. Газеты наполнены были отчетами о митингахъ, которые считало долгомъ посѣщать все взрослое населеніе Ирландіи. Католики, составлявшіе въ нашей коллегіи слабое меньшинство, становились смѣлѣе по мѣрѣ того какъ возрастало

волненіе, и споры въ нашихъ комнатахъ не всегда кончались одними словами.

— Да подите же, наконецъ, Терри, посмотрѣть на него. Право, это феноменъ достойный вниманія. Сегодня О'Коннель будетъ въ Conciliation Hall, и, право, вы ничего не потеряете если пойдете со мной.

— Но вѣдь я, Морисъ, не интересуюсь политикой. Я не могу считать честнымъ человѣка, который употребляетъ свой даръ слова, ловкость и безпредѣльное вліяніе на народъ чтобъ обольстить этотъ народъ призракомъ.

— Призракомъ, Теренсъ? Вы думаете что отдѣленіе — призракъ?

— О, самый туманный и опасный, отвѣчалъ я.— Если народу говорятъ что къ нему несправедливы, но указываютъ такое средство избавиться отъ этой несправедливости какимъ онъ никогда ни до чего не достигнетъ, не мудрено что онъ зайдетъ за предѣлы этого средства. Все это волненіе готовитъ бунтъ. Еслибы вамъ возвратили вашъ парламентъ, не думаю чтобъ отъ этого вамъ было лучше.

— Бунтъ! мрачно произнесъ Морисъ.—Это какое-то магическое слово, и странно почему его такъ боятся протестанты. Во всякомъ случаѣ, вы выказываете мало самообладанія, если отказываетесь даже взглянуть въ лицо чародѣю.

— Хорошо, чтобы доказать что мои убѣжденія совсѣмъ не такъ слабы какъ вы думаете, я пойду съ вами.

Былъ чудный майскій день. Мы повернули въ улицу Оливье, по которой толпы народа стремились по направленію къ Conciliation Hall (палата согласія). Благопристойные граждане, бѣдные ремесленники, крестьяне въ байковыхъ курткахъ, угольщики, извощики, и нѣсколько человѣкъ, по одеждѣ которыхъ можно было видѣть что они принадлежатъ къ высшимъ классамъ общества, всѣ стремились слушать своего идола и пророка.

Палата Согласія не могла похвастаться красотой. Простой оштукатуренный фасадъ узкаго и высокаго дома, окруженнаго жалкими лачугами, выходилъ на набережную безжизненнаго Лиффея, оживляющагося только судами углекоповъ привозящихъ въ Ирландію уголь и увозящихъ холстъ въ Англію. Не былъ ли бы для Ирландіи хорошій пріискъ каменнаго угля полезнѣе нѣсколькихъ парламентовъ? Внутри зданія, въ низкой залѣ, тѣсными рядами наставлены были

лавки, возвышалась платформа, съ высокимъ стуломъ и столами для стенографовъ, и галлерея для дамъ. Зала была полна, хотя мы пришли рано, а когда мы пробирались на мѣста, ужасный крикъ, рукоплесканія и топотъ дали мнѣ понять что высокій, широкоплечій человѣкъ, входившій въ это время въ сопровожденіи нѣсколькихъ джентльменовъ казавшихся чрезвычайно возбужденными, былъ самъ О'Коннель.

Народъ кричалъ, но когда „освободитель", снявъ свою квакерскую шляпу, надѣлъ на голову зеленую бархатную шапочку съ золотыми листьями трилистника и взошелъ на платформу, раздался сильнѣйшій взрывъ рукоплесканій и крика, тотчасъ же окончившійся продолжительнымъ шш... какъ только онъ поднялъ руку въ знакъ молчанія.

Онъ заговорилъ. Богатый, звучный, плавный голосъ былъ полонъ разнообразныхъ оттѣнковъ; глаза, необыкновенно острые, оттѣнялись опущенными вѣками; необыкновенно пластичный ротъ, большой, но красивый, съ тонкими, страстными губами; движенія свободныя, естественныя, но драматичныя; рѣчь не всегда изящная и правильная, но никогда не доходившая до прозаичности и безсодержательности; онъ былъ великій трибунъ для толпы которою управлялъ.

Онъ разказывалъ ей, можетъ-быть уже въ сотый разъ, повѣсть давно извѣстную, но день ото дня все болѣе воспламенявшую сердца, повѣсть о томъ какъ хороша ихъ родина и какъ жалки ея дѣти, какъ богаты они силами и какъ безпримѣрна ихъ нищета; какъ они ограблены и унижены. Онъ говорилъ имъ что они должны соединиться, показать крѣпость своихъ загорѣлыхъ рукъ и возвратить себѣ свои попранныя права „нравственною силой, помните это! Величайшія политическія права не стоятъ одной капли пролитой крови человѣческой."

Онъ сѣлъ среди взрыва такого энтузіазма какого, можетъ-быть, не встрѣчалъ ни одинъ ораторъ со временъ Демосфена. Началось чтеніе отчета пожертвованій, свободно приходившихъ изъ Америки и Австраліи, съ острововъ морскихъ, гдѣ трудились и дѣйствовали ссыльные новой Іудеи, полные надеждъ и единодушія всегда оживлявшихъ сыновъ земли обѣтованной.

Морисъ сидѣлъ рядомъ со мной; губы его дрожали.

— Теперь, прошепталъ я,—я не удивляюсь вліянію которое онъ имѣетъ на невѣжественную толпу, но я сомнѣваюсь въ

его честности. Изъ всего что онъ говорилъ можно заключить что онъ допускаетъ незаконныя средства, въ случаѣ неудачи законныхъ.

— Да, слава Богу, что такъ! Сознаетъ ли онъ это или нѣтъ все равно, но я знаю что онъ возбуждаетъ въ народѣ чувства которыя могутъ быть удовлетворены только кровью.

— Да проститъ вамъ Богъ, Морисъ. Неужели вы думаете что эта большая, безоружная, безпомощная толпа, можетъ противиться народу у котораго есть войско, уже твердо поставленное въ этой странѣ и способное раздавить васъ,— народъ къ которому я принадлежу и присоединюсь въ случаѣ надобности.

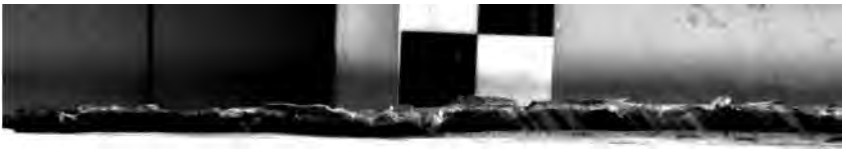
— Я и не сомнѣваюсь въ этомъ, сказалъ горько Морисъ.— Впереди давно уже на сторонѣ враговъ. Что же касается до нашихъ силъ, мы вѣримъ въ Бога правды. Помощь придетъ, мы будемъ ждать.

Подписка продолжалась. Списки были поданы „освободителю", который съ различными комментаріями прочелъ имена жертвователей и сумму.

— Послѣдняя сумма, о которой я долженъ упомянуть, говорилъ онъ,—собрана извѣстнымъ патріотомъ, моимъ славнымъ и уважаемымъ другомъ, преподобнымъ, преподоб... (почеркъ былъ неразборчивъ, онъ не могъ прочесть, и спросилъ шепотомъ, дѣлая видъ что откашливается: какъ имя, Рей. „Отецъ Патъ Ланганъ", также шепотомъ отвѣчалъ Рей.) Преподобнымъ Патрикомъ Ланганомъ, продолжалъ онъ.—Ура, товарищи, отцу Лангану.

Я хотѣлъ выйти, какъ вдругъ громкій крикъ огласилъ толпу, и „освободитель", читавшій адресъ, вдругъ воскликнулъ.

„Я читалъ этотъ адресъ, господа, чтобы замѣтить что я чувствую отвращеніе къ убѣжденіямъ автора. Воллонъ, полковникъ милиціи Соединенныхъ Штатовъ не Ирландецъ. (Ура!) Онъ беретъ на себя дерзость совѣтовать намъ поднять оружіе и сражаться за свободу, какъ сдѣлали американскіе колонисты. Господа, я не дозволю выраженіе такихъ кровопролитныхъ и антихристіанскихъ доктринъ въ этой залѣ. Я прошу, господа, уполномочить секретаря возвратить полковнику Воллону, изъ города Томагоукъ, Арканзасъ, его приношеніе восьми долларовъ и объяснить ему что народъ Ирландіи не намѣренъ выходить изъ границъ закона и употребляетъ только христіанскія и конституціонныя средства.



Рядомъ со мной раздался голосъ: „вздоръ!“ Морисъ Прендергастъ вскочилъ съ мѣста и воскликнулъ.

— Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ, сэръ, прежде чѣмъ будетъ принято это предложеніе.

Великій агитаторъ повернулся и встрѣтилъ спокойный, рѣшительный взглядъ говорившаго.

— Вы не можете говорить, если только не намѣрены подтвердить или опровергнуть мое послѣднее предложеніе.

— Да, сэръ! Я всталъ чтобы предложить уполномочить секретаря передать полковнику Воллону что мы принимаемъ его приношеніе, но съ сожалѣніемъ должны сказать что не пришло еще время когда мы будемъ въ состояніи послѣдовать примѣру его соотечественниковъ; что мы честью клянемся не отступать ни предъ какою опасностью или жертвой, которая нужна будетъ для достиженія цѣли какой мы стараемся теперь достигнуть не выступая изъ предѣловъ закона Англіи.

Свистки и крики: „браво! Да здравствуетъ молодая Ирландія!“ огласили залу. „Освободитель“, привыкшій къ такого рода столкновеніямъ, всталъ и сказалъ голосомъ въ которомъ слышалась насмѣшка.

— Я не согласенъ, господинъ предсѣдатель, чтобы вы повторили подобное предложеніе съ каѳедры. Если присутствующіе, служащіе теперь представителями всего народа Ирландіи, мнѣ довѣряютъ, я прошу ихъ теперь доказать это довѣріе, отвергнувъ съ презрѣніемъ предложеніе этого господина, который, какъ мнѣ извѣстно навѣрное, шпіонъ изъ Замка (о, сэръ, можете бранить меня сколько вамъ угодно) и который довелъ бы васъ до погибели, еслибы былъ на столько уменъ, на сколько онъ хитеръ и дерзокъ.

Голосъ Мориса заглушенъ былъ криками „садитесь“. Предложеніе О'Коннеля было принято громкими одобреніями, и Морисъ Прендергастъ, провожаемый злобными эпитетами, поспѣшно вышелъ изъ залы. За нимъ послѣдовали десять или двѣнадцать молодыхъ людей, наружность и одежда которыхъ показывали что они принадлежатъ къ болѣе высокимъ классамъ общества чѣмъ большинство присутствовавшихъ.

V. Посѣтитель и тайна.

Однажды утромъ, когда я сидѣлъ за завтракомъ, продолжительный стукъ въ дверь показалъ мнѣ что кто-то, по явному признаку что дверь заперта, не хотѣлъ признать отсутствія хозяина комнаты. Щель въ стѣнѣ моей спальни, выходившая на площадку, позволяла видѣть посѣтителей, ничего не подозрѣвавшихъ о наблюденіи. Благодаря этой-то щели, Финіасъ передавалъ мнѣ теперь свои замѣчанія, казавшіяся ему достойными вниманія.

— Это высокій, косматый джентльменъ, съ очень смуглымъ лицомъ, крючковатымъ носомъ, говорилъ онъ, приложившись глазомъ къ щелкѣ.—Чортъ возьми, онъ рѣшился достучаться во что бы то ни стало.

— Дайте, я самъ посмотрю, Финни.

И подобравъ полы халата, я пошелъ въ спальню, оттолкнулъ мистера Кодда съ его наблюдательнаго поста и сталъ разглядывать посѣтителя.

Онъ, настучавшись вдоволь по панелямъ и по мѣдной дощечкѣ замка, вынулъ карточку и началъ писать. Онъ былъ какъ уже замѣтилъ Финни, высокъ, смуглъ, съ крючковатымъ носомъ, съ очень густыми бровями и спускавшимися внизъ усами, и съ бородой въ которой сѣдина. Онъ былъ въ глубокомъ траурѣ, но несмотря на это, наружность его обращала на себя вниманіе. Въ то время всѣ брились, исключая кавалерійскихъ офицеровъ, да и тѣмъ борода была воспрещена, такъ что наружность моего посѣтителя показалась бы необыкновенною не только у насъ въ Коллегіи, или въ Дублинѣ, но и вообще въ Ирландіи.

— Удивляюсь что ему нужно, Финни.

— Не лучше ли ужь намъ впустить его, сэръ?

— Это, вѣроятно, какое-нибудь недоразумѣніе. Ему, можетъ-быть, нужно сэръ-Бреди, моего однофамильца, или это, можетъ-быть, посланный отъ сэръ-Ричарда. Онъ, кажется, иностранецъ.

— Онъ, однако, слупилъ довольно краски съ нашей двери. Вотъ онъ уходитъ, сунувъ свое писанье подъ дверь.

Я отворилъ дверь. Посѣтитель спускавшійся съ лѣстницы

обернулся, воротился, и спросилъ мягкимъ, смущеннымъ голосомъ:

— Я, кажется, такъ счастливъ, что застаю дома мистера Теренса Бреди?

— Я Теренсъ Бреди, сэръ, мнѣ очень жаль что я заставилъ васъ ждать такъ долго, сэръ, но я не былъ готовъ принять посѣтителя въ такой часъ, прошу васъ извинить меня.

Посѣтитель поклонился, и снявъ шляпу, обнажилъ лысую голову съ глубокимъ шрамомъ на макушкѣ. Онъ сѣлъ въ мое кресло и оглянулъ комнату, включивъ въ свой обзоръ и Кодда, который, въ необычайно грязномъ передникѣ, дѣлалъ видъ что убираетъ остатки завтрака. Посѣтитель, помолчавъ нѣсколько минутъ и ломая въ рукахъ карточку, началъ нерѣшительно:

— Я серіозно прошу васъ, мистеръ Бреди, извинить меня что причиняю вамъ столько безпокойства. У меня нѣтъ никакого предлога который бы могъ оправдать мое посѣщеніе. Я случайно узналъ что вы здѣсь, и мнѣ захотѣлось увидать васъ.

Въ словахъ его было что-то загадочное. Я поклонился и молчалъ.

— Вы, полагаю, интересуетесь знать кто я такой. Я забылъ сказать вамъ, мистеръ Бреди, что я старый другъ вашего отца.

— Дорогой мой сэръ! Хоть я не помню своего отца, но радъ видѣть каждаго кто былъ ему другомъ. Позвольте узнать ваше имя?

— Да, конечно, я объ этомъ совсѣмъ забылъ. Не мудрено, что память нѣсколько ослабѣла у человѣка у котораго былъ солнечный ударъ. Мое имя,—не думаю чтобы вы слышали обо мнѣ когда-нибудь какъ о другѣ вашего отца,—мое имя Аланъ Фрезеръ.

Онъ подалъ мнѣ свернутую карточку, и развернувъ ее, я прочелъ: „Полковникъ Чарльсъ Аланъ Фрезеръ. Фрезеръ-Горсъ.“ Внизу было написано карандашомъ: „Отель Морисонъ; другъ вашего отца“.

Поднявъ глаза отъ карточки, я увидалъ что посѣтитель смотрѣлъ на меня проницательнымъ взглядомъ.

— Да, полковникъ Фрезеръ, заговорилъ я медленно,—я слышалъ о васъ, по крайней мѣрѣ, если вы тотъ самый капитанъ

Фрезеръ который былъ на кораблѣ *Россшейръ*, когда моя мать возвращалась въ Европу.

— О, да, бѣдная леди! Страшное происшествіе! Но время, знаете, утоляетъ всякое горе.

Полковникъ смотрѣлъ безпокойно; взглядъ его перебѣгалъ съ меня на стѣну, потомъ на потолокъ, потомъ опять устремлялся на меня.

— Вы знали мою мать, полковникъ Фрезеръ, не правда ли?

— О, очень коротко, то-есть, я служилъ въ одномъ полку съ ея отцомъ, я помню ее совсѣмъ маленькою дѣвочкой, еще до свадьбы ея съ Джакомъ Бреди.

— Не слыхали ли вы чего-нибудь о моей матери послѣ того страшнаго происшествія?

Полковникъ Фрезеръ сдѣлалъ нервное движеніе.

— Я? Господи! Какъ же могъ я знать гдѣ она? воскликнулъ онъ съ безпокойствомъ.

— Я спрашиваю васъ объ этомъ, сэръ, потому что слыхалъ что васъ видѣли съ ней послѣ ея исчезновенія съ корабля, и что вы дали ей убѣжище, когда она меня покинула. Скажите, прошу васъ, полковникъ Фрезеръ, правда ли это?

— Странно, мистеръ Бреди, заставлять меня отвѣчать на сказки которыя вы слышали.

Онъ на минуту остановился, потомъ началъ:

— Я разкажу вамъ, мистеръ Бреди, всю правду какъ это случилось. Я былъ сотоварищемъ путешествія мистрисъ Бреди, когда *Россшейръ* разбился о скалы. Тогда говорили что ее унесло волной и она утонула. Вы были тогда еще кроткой, на рукахъ кормилицы, мы совѣтовались что дѣлать съ вами, и я, какъ другъ вашей матери, рѣшился дѣйствовать. Я продалъ всѣ вещи вашей матери въ Галлѣ и послалъ васъ къ вашему дѣдушкѣ.

— Но вѣдь она не утонула, закричалъ я, — она....

— Прошу васъ, позвольте мнѣ продолжать мой разказъ, прервалъ меня полковникъ Фрезеръ. — Нѣсколько времени тому назадъ, газеты распространили слухъ что вы утонули, и объ этомъ много горевали.

— Горевали? Кто могъ горевать обо мнѣ?

— Всѣ кто зналъ вашего отца, отвѣчалъ онъ.—Теперь позвольте мнѣ возвратиться къ тому что вы сказали. Имѣя смѣлость называть себя другомъ Джака Бреди и Мери

Биллингъ, я очень интересуюсь знать что̀ вы слышали обо мнѣ и о вашей матери.

— Полковникъ Фрезеръ, если вы дѣйствительно были другомъ моего отца, вы не удивитесь что сынъ его не хочетъ разказывать какъ обезчещено имя его паденіемъ моей недостойной матери. Я лелѣялъ память ея въ глубинѣ моего сердца, и нѣсколько лѣтъ думалъ что мнѣ предназначено судьбой проникнуть тайну которою въ моихъ глазахъ была окружена ея судьба. Полковникъ Фрезеръ, я знаю все. Я знаю что она бросила меня чрезъ нѣсколько недѣль послѣ смерти моего отца. О, лучше бъ ей умереть чѣмъ дожить до такого позора! А вы смотрите мнѣ въ лицо и насмѣхаетесь надо мной такими вопросами!

Онъ всталъ и положилъ свою смуглую руку на мое плечо.

— Не вздрагивайте отъ моего прикосновенія. Вы говорили о позорѣ и грѣхѣ вашей матери, но вы обвиняете ее напрасно. Я давно уже любилъ вашу мать, предъ тѣмъ какъ отецъ вашъ увидалъ ее. Послѣ смерти вашего отца, я по волѣ судьбы литился также своей бѣдной жены. Я взялъ отпускъ, первый послѣ того какъ былъ еще мальчикомъ, и случайно отправился на томъ самомъ кораблѣ на которомъ ѣхала ваша мать. Не стану разказывать какъ все случилось; клянусь вамъ, я ни въ чемъ невиноватъ, но признаюсь, я никогда не былъ такъ удивленъ, скажу болѣе: обрадованъ, какъ въ ту минуту когда узналъ что она меня не забыла: я серіозно любилъ вашу мать. Такова ужъ судьба моя, я бросилъ все и женился на вашей матери. Ей, по многимъ причинамъ, не хотѣлось чтобы бракъ нашъ былъ извѣстенъ, и я покорился ея волѣ. Вотъ вамъ все какъ было, мой дорогой сэръ; вы были несправедливы къ вашей матери и ко мнѣ. Я знаю вашу исторію, я уже видѣлъ мистера Бетса. Мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ вами, тѣмъ болѣе что мы съ вашею матерью уже не то чѣмъ были когда-то.

Въ эту минуту раздался сильный стукъ въ наружную дверь. Полковникъ взялъ шляпу.

— Приходите ко мнѣ. Я жду васъ въ семь часовъ къ обѣду у Морисона. Приходите, прошу васъ. Мнѣ нужно много говорить съ вами.

Я былъ взволнованъ разнообразными чувствами и не слыхалъ возгласовъ Больтона за дверью: „Отворите, Бреди, отворите скорѣй!“

Полковникъ взялся за ручку двери. Я воскликнулъ:

— Остановитесь на минуту. Гдѣ моя мать? Увижу я ее когда-нибудь?

Полковникъ началъ разглаживать шляпу рукавомъ, внимательно разсматривалъ ворсъ и крепъ, и не поднимая головы, сказалъ:

— Нѣтъ, не думаю. Я разкажу вамъ все, когда вы придете. Прощайте.

Когда вбѣжалъ Больтонъ, полковникъ слегка вздрогнулъ, поклонился и быстрыми шагами сошелъ съ лѣстницы.

— Какъ это, чортъ возьми, знакомъ ты съ этимъ черным господиномъ, Бреди? Его прозвали набобомъ у Морисона. Какъ ты блѣденъ, пріятель!

— А гдѣ это Морисонъ, и почему ты его знаешь, Больтонъ?

— Морисонъ? Такое славное мѣсто! Ты долженъ придти туда какъ-нибудь поужинать и попытать счастья. Я хотѣлъ разказать тебѣ какъ мнѣ везло, а тутъ этотъ набобъ, мнѣ чуть дурно не сдѣлалось отъ испуга. Я думалъ это пришелъ самъ чортъ взять у меня все и меня самого вдобавокъ.

— А ты опять сидѣлъ всю ночь, Дикъ! Ты, наконецъ, совсѣмъ разоришься.

— Пустяки! Ты прежде посмотри, а потомъ и говори. Пойдемъ.

Онъ потащилъ меня черезъ площадку, въ свою комнату. На столѣ, гдѣ стоялъ еще нетронутый завтракъ, лежали кучками банковые билеты, нѣкоторые чистенькіе и хрустящіе, другіе засаленные и изорванные.

— Вотъ, смотри! Дотронься и увѣруй, воскликалъ Больтонъ.—Вотъ пятерки, вотъ десятки, а вотъ маленькія штучки. Всего на столѣ четыре сотни. Такъ-то, пріятель.

— И все это ты пріобрѣлъ за игорнымъ столомъ, Дикъ? спросилъ я укоризненно.—Ты обѣщалъ никогда не ходить туда.

— Я и не ходилъ. Меня свелъ туда Патъ Консидинъ. Хочешь сотенку? Можетъ-быть, тебѣ нужно двѣ? можетъ-быть, три? Возьми четыре. Это все твое, если хочешь. Отдашь, когда будутъ.

— Ни фартинга не возьму, Дикъ, хотя бы жизнь моя зависѣла отъ этого. Ты говоришь что черный господинъ, котораго ты сейчасъ видѣлъ, былъ тоже тамъ?

— Да, я видѣлъ его тамъ не разъ. Онъ недавно изъ Индіи, а сюда пріѣхалъ на время изъ Лондона. Онъ знакомъ съ лордомъ Биттлемъ и съ Финукеномъ, и со многими такими тузами. Онъ, должно-быть, страшно много проигралъ.

— Больше чѣмъ ты выигралъ?

— Можетъ-быть, въ пять разъ больше.

На лѣстницѣ раздались шаги. Дикъ побѣжалъ къ двери. Онъ поблѣднѣлъ когда растворилъ ее. Заглянувъ ему черезъ плечо, я увидалъ классическую прическу одного изъ слугъ коллегіи.

— Отъ декана, мистеръ Больтонъ. Онъ приглашаетъ васъ явиться къ нему немедленно.

— О, Господи! деканъ! Не можете ли вы сказать ему, Барретъ, что я боленъ и лежу въ постели?

— Могъ бы, конечно, еслибы захотѣлъ солгать и быть выгнаннымъ, мистеръ Больтонъ.—Деканъ самъ посѣтитъ васъ, если вы будете въ постели.

— Развѣ на меня нажаловались?

— Нажаловались! Это бы еще ничего. Тамъ былъ кто-то у Морисона, кто слѣдилъ за вами. Деканъ ужасно сердитъ.

— Хорошо, сказалъ Больтонъ.—Кланяйтесь декану и скажите ему что я явлюсь какъ только приготовлю свои греческіе ямбы для тутора. А все-таки у меня будутъ деньжонки, Бреди, чтобъ усладить мое изгнаніе, если деканъ дѣйствительно задумалъ что-нибудь дурное.

VI. Открытія полковника.

Часы безостановочно показывали теченіе времени. Чего хочетъ отъ меня этотъ человѣкъ, за котораго вышла моя мать нѣсколько недѣль спустя по смерти моего отца, этотъ игрокъ, этотъ кутила? Для чего онъ посѣтилъ меня? Правда, я обязанъ ему тѣмъ что онъ освободилъ меня отъ постоянной мысли о позорѣ. Она была женой этого Фрезера; но что онъ говорилъ о ней? Гдѣ она теперь? Неужели я никогда не увижу ея, никогда? О, неужели я никогда не скажу ей что прощаю ей все!

Я пошелъ къ мистеру Бетсу, но не засталъ его дома. На

лекціи я опоздалъ, и сэръ-Филиппъ, проѣхавъ мимо меня на парѣ сѣрыхъ, погрозилъ мнѣ пальцемъ, съ добродушной угрозой на первый разъ, но въ отелѣ Морисона я былъ пунктуально въ назначенную минуту.

— Полковника еще нѣтъ дома, сэръ, но обѣдъ заказанъ къ семи часамъ и онъ, вѣроятно, скоро воротится. Молодыя леди въ гостиной. Патъ, проводите этого джентльмена въ № 10-й.

„Что за молодая леди", думалъ я. „Полковникъ Фрезеръ не говорилъ мнѣ ничего о молодой леди."

Дѣвушка, одѣтая въ бѣлое, стояла предъ зеркаломъ, задомъ къ двери, и поправляла розу въ волосахъ. Она обернулась. Я провелъ рукой по глазамъ. Что это? Призракъ среди бѣлаго дня!

— Я должна рекомендоваться вамъ, мистеръ Бреди, сказала она тихимъ, нѣжнымъ голосомъ.—Папа говорилъ мнѣ что вы придете, и я ожидаю его съ минуты на минуту. А покуда познакомьтесь съ дочерью его, Мабель Фрезеръ. Мы почти родственники, не правда ли?

То же лицо что на „портретѣ" стояло предо мной: тѣ же чудные волосы, голубые глаза, вздернутая губка, бѣлоснѣжные зубы, блѣдный, чистый цвѣтъ кожи. Въ эту минуту въ комнату вошелъ полковникъ Фрезеръ.

— А вотъ и папа. Видите, папа, мистеръ Бреди уже здѣсь. Теперь, если вы начнете одѣваться, папа, мы будемъ обѣдать очень поздно.

— Я только что хотѣлъ просить вашего позволенія, Бреди, и твоего, Мабель, обѣдать въ этомъ костюмѣ. Позвони чтобы подавали обѣдъ, Мабель, больше никого не будетъ.

Онъ на минуту вышелъ изъ комнаты.

Я не смѣлъ поднять глазъ, но чувствовалъ предъ собой облако бѣлой кисеи, чудные волосы, легкую фигуру, и зналъ что Мабель взглядываетъ на меня, перевертывая страницы книги.

Полковникъ возвратился, и доложили обѣдъ.

— Что это за странное мѣсто этотъ Дублинъ! Я едва могъ добраться до дому, пробиваясь сквозь толпу провожавшую какого-то толстаго господина въ широкополой шляпѣ, а когда я спрашивалъ кто это, меня тоже спрашивали, неужели я имѣю претензію не знать короля Дана?

Это былъ О'Коннель съ своею свитой. Что ты дѣлала пока меня не было, Мабель?

— Я каталась съ мистрисъ Кетли, папа. Я въ восторгѣ отъ зданій. Мы встрѣтили капитана Гаркуръ. Онъ спрашивалъ можетъ ли придти, и я сказала ему чтобъ онъ обратился съ этимъ вопросомъ къ вамъ.

— Отлично сдѣлала, Мебъ. Бреди, вамъ, кажется, не нравится кухня Морисона? Право, она не очень плоха. Во всякомъ случаѣ, я обѣщаю вознаградить васъ блюдомъ которое приготовитъ мой собственный поваръ.

— Я забыла сказать вамъ, папа, что незадолго до васъ приходилъ сюда старый Могунъ чтобы увѣдомить что стряпня идетъ очень плохо и принесть формальную жалобу на всѣхъ людей кухни.

— Могунъ! Развѣ онъ здѣсь? воскликнулъ я.—Моя старая нянька!

— Не думаю чтобъ это былъ тотъ же. Могунъ — очень обыкновенное имя въ Индіи. Этотъ живетъ у меня уже очень давно.

Я не могъ ѣсть, но выпилъ вина болѣе чѣмъ привыкъ пить. Если я изрѣдка поднималъ глаза, я видѣлъ предъ собой Мабель Фрезеръ, кушавшую съ аппетитомъ. Она, вѣроятно, сочла меня за глуповатаго, неловкаго юношу и говорила преимущественно со своимъ отцомъ, который тоже скоро отказался отъ попытокъ заставить меня разговориться. Она была, какъ казалось, однихъ лѣтъ со мной или немного постарше. Я не замѣчалъ ничего и думалъ только о сходствѣ. Я погрузился въ догадки, и иногда у меня являлось предчувствіе какой-то опасности. Для чего отыскалъ меня полковникъ Фрезеръ? Мнѣ хотѣлось предложить ему тысячу вопросовъ и ловко вывѣдать всю правду о той, о комъ я могъ говорить теперь безъ краски стыда, до сихъ поръ всегда покрывавшей мое лицо, когда ея имя произносили мои губы.

— Такъ вы готовитесь въ медики, какъ сказалъ мнѣ мистеръ Бетсъ.—Потрудитесь налить моей дочери вина, мистеръ Бреди, прежде чѣмъ она улетитъ и оставитъ насъ однихъ. Я думалъ что вы, по слѣдамъ вашего отца, поступите въ армію.

— Я бы такъ и сдѣлалъ, еслибъ была возможность, но

мистеру Бетсу это казалось неосмотрительнымъ, и сэръ-Ричардъ былъ того же мнѣнія.

— Какой сэръ-Ричардъ? Я не зналъ что у васъ есть такой родственникъ.

— Сэръ-Ричардъ Десмондъ, изъ Кильмойля. (Полковникъ Фрезеръ зазвенѣлъ стаканомъ.) Онъ мнѣ не родственникъ, по крайней мѣрѣ очень дальній. Наши семейства породнились браками очень давно тому назадъ. Онъ былъ другомъ моего дѣдушки, а теперь мой опекунъ.

Мнѣ показалось что мрачное лицо полковника омрачилось еще болѣе, но въ комнатѣ было довольно темно.

— Сэръ-Ричардъ Десмондъ, повторилъ онъ.—Возможно ли что онъ вашъ опекунъ? Онъ старшій братъ одного изъ нашихъ тузовъ, Дениса Десмонда, который теперь губернаторъ Аврипора. Да, Мебъ! вѣдь у насъ есть письма къ сэръ-Ричарду, но, къ несчастію, онъ за границей и, кажется, намъ придется возвратиться въ Индію не познакомившись съ нимъ.

— Я сегодня слышалъ, сэръ, что его и миссъ Бутлеръ ожидаютъ въ Ирландію. Здоровье его очень плохо.

— Миссъ Бутлеръ его племянница, не такъ ли? спросила миссъ Фрезеръ. — Мистеръ Десмондъ часто говоритъ о ней, хотя, кажется, ни разу не видалъ ея; но онъ говоритъ что она очень хороша. Правда?

— Хороша ли она, миссъ Фрезеръ! О, миссъ Бутлеръ самое прелестное существо.... я, по крайней мѣрѣ....

Я остановился.

— Вы по крайней мѣрѣ такъ думаете, и я увѣренъ что вы хорошій судья. У нихъ это въ семействѣ, продолжалъ полковникъ. — Опишите намъ ее.

— О, да, пожалуста, опишите ее!

Миссъ Фрезеръ дотронулась до моей руки, но отдернула свою такъ быстро, что, вѣроятно, не замѣтила какъ я вздрогнулъ.

— Я не мастеръ на такого рода описанія, но я увѣренъ, что еслибы вы увидали ее, вы бы согласились со мной.

Я опять замолчалъ.

— Видишь, Мебъ, мы не можемъ заставить мистера Бреди быть откровеннымъ съ нами. Мнѣ это даже нравится, что молодой человѣкъ, начинающій жить, осторожно говоритъ даже о такихъ предметахъ какъ красота женщины.

Миссъ Фрезеръ улыбнулась.

— Я понимаю намекъ, сказала она, и ушла въ другую комнату, откуда тотчасъ же послышался пріятный голосъ, съ аккомпаниментомъ стараго ворчливаго фортепіано тостиницы.

Вошелъ слуга чтобы спросить не нужно ли свѣчъ.

— Нѣтъ! Не входите пока не позвонятъ. Можетъ-быть, вы желаете свѣчъ, мистеръ Бреди?

Мы остались въ темнотѣ. Мистеръ Фрезеръ зажегъ сигару, и я не видалъ во мракѣ ничего кромѣ этой огненной точки. Дверь опять отворилась.

— Кто еще? За какимъ чортомъ лѣзете вы сюда! воскликнулъ полковникъ.

Отвѣтъ послѣдовалъ на неизвѣстномъ языкѣ, но голосъ показался мнѣ знакомымъ. Полковникъ поспѣшно что-то отвѣчалъ, и дверь опять затворилась.

— Это одинъ изъ моихъ черныхъ негодяевъ, сказалъ мнѣ полковникъ. — Все жалобы на слугъ кухни. Будете вы пить еще, или уйти намъ въ другую комнату? Что касается до меня, я охотно посидѣлъ бы здѣсь еще.

Опять молчаніе. Я наконецъ не выдержалъ.

— Миссъ Фрезеръ ужасно похожа на мою мать, сэръ.

Сигара сильно разгорѣлась; огонь заблисталъ, потомъ покрылся пепломъ, потомъ разгорѣлся еще сильнѣе, пока я дожидался отвѣта.

— Это многихъ поражаетъ. Мабель—дочь моя отъ первой жены, а между ними не было никакого родства. А вы какъ узнали о сходствѣ?

— Я сужу по портрету моей матери который есть у насъ въ Лохъ-на-Карріѣ.

— О, это мазанье! Я очень хорошо помню какъ его рисовалъ какой-то италіянскій бродяга въ Лукноу. Онъ, конечно, похожъ, но не совсѣмъ; живописецъ не умѣлъ схватить лучшаго выраженія лица вашей матери. Его было трудно схватить.

— Я былъ бы вамъ очень обязанъ, сэръ, еслибы вы разказали мнѣ что-нибудь объ этой бѣдной женщинѣ, къ которой, вы говорите, я былъ несправедливъ. Я бы просилъ у нея прощенія, еслибы могъ, хотя она не заботилась обо мнѣ.

— Если хотите послушать моего совѣта, оставьте ее въ покоѣ. Такъ какъ вы ее никогда не видали, я могу сказать

вамъ что у нея въ характерѣ много дурныхъ сторонъ, которыя съ годами усиливаются. Повѣрьте моему слову, что иногда, вспоминая о ней, я пугаюсь. Кто тамъ еще?

Дверь отворилась, и бѣлая фигура, освѣщенная сзади, показалась въ дверяхъ. Голосъ полковника заставилъ меня вздрогнуть. Произошелъ разговоръ въ томъ же тонѣ какъ и въ первый разъ, и дверь опять затворилась.

— Повторяю вамъ то что говорилъ предъ тѣмъ какъ вошелъ Могупъ, я думаю что едвали кто-нибудь былъ въ состояніи понять вашу мать. Въ послѣднее время всѣми дѣйствіями ея управлялъ умъ, сердце же никогда; въ обыденныхъ вещахъ, по крайней мѣрѣ.

Онъ на минуту остановился; я слышалъ что онъ наполнилъ стаканъ.

— Скажи я вамъ теперь что она умерла, продолжалъ онъ,— я бы нисколько не удивился еслибъ это не поразило васъ, потому что знаю какъ васъ воспитывали и какія сказки вамъ разказывали.

Я былъ въ страшномъ волненіи. Я воскликнулъ:

— О, сэръ, я знаю что она жива! Гдѣ она?

— За тысячу миль отсюда. Только мое вліяніе могло остановить ее,—это было давно,—когда она хотѣла пріѣхать сюда чтобы потребовать васъ и свое законное имущество, какъ она выражается. Необыкновенная сила воли! Женщина одна изъ тысячи.

— Полковникъ Фрезеръ, я васъ не понимаю. Сейчасъ вы говорили что не думаете что я буду пораженъ, услыхавъ о смерти моей матери. Хотя она никогда не поступала въ отношеніи меня какъ мать, я пробовалъ ожесточить свое сердце противъ нея, но не могъ. Надѣюсь, что вы пригласили меня сюда не для того чтобы повѣрять мои чувства; если же такъ, то я знаю какъ кончить это испытаніе.

Я хотѣлъ было встать, но полковникъ Фрезеръ сказалъ:

— Я совсѣмъ не хочу испытывать ваше сердце и терпѣніе. Какъ старый другъ вашего отца, я желаю вамъ всего хорошаго. Насъ связываетъ болѣе нитей чѣмъ вы полагаете. Вы знаете что я женился на вашей матери, но это не должно лишать меня вашего уваженія, пока вы не узнаете всѣхъ обстоятельствъ. На радость или на горе, есть обстоятельства которыя насъ связываютъ.

Онъ остановился и замолчалъ.

— Я жажду слышать, а вы молчите. Видитъ Богъ, какъ я буду благодаренъ за все что̀ доставитъ мнѣ друга.

— Вы, вѣроятно, не знаете что между мной и Десмондами есть родство?

— И не подозрѣвалъ, сэръ. Я слыхалъ ваше имя только въ связи съ тѣмъ страшнымъ происшествіемъ которое лишило меня матери и никогда не ожидалъ васъ встрѣтить.

— Быть сиротой въ восьмнадцать лѣтъ совсѣмъ не такъ дурно. Птица должна опериться и улетѣть; лишиться матери и вырости безъ ней иногда вовсе не худо. Какъ я вамъ уже говорилъ, моя первая жена была кузиной Десмондовъ, и говорятъ, что Денисъ ее ужасно любилъ. Поэтому онъ теперь благоволитъ къ Мебъ, и еслибы не мелкія непріятности, которыя никогда не должны бы были разлучать такихъ старинныхъ друзей, Мебъ была бы его наслѣдницей, какъ онъ говорилъ прежде. Теперь его любимица эта хорошенькая Мери Бутлеръ, которой вы такъ преданы.

— Преданъ? Я право не понимаю васъ, сэръ.

— Такъ же какъ себя самого. Однако, я не хочу выпытывать вашихъ секретовъ, а буду разказывать вамъ свои. Я могъ бы сказать что ваша мать умерла, потому что она умерла для меня. Но я знаю навѣрное что она жива и здорова. Наши наклонности и характеры совсѣмъ не сходились. Только разъ мы были согласны другъ съ другомъ, а именно въ томъ что мы не можемъ быть счастливы вмѣстѣ. Я жилъ тогда въ такомъ мѣстѣ гдѣ не было туземнаго общества, а Европейцы не безпокоили насъ своими сплетнями, и потому разлука наша обошлась безъ того éclat и скандала, которыми сопровождаются здѣсь разводы. Я навсегда сохраню къ ней любовь и уваженіе; а если вы захотите по временамъ слышать о ней или передать ей что-нибудь, то я могу служить вамъ посредникомъ, но ея адреса я не могу дать никому безъ ея согласія, это одно изъ условій нашего договора. А теперь не пойти ли намъ въ другую комнату? Я долженъ сегодня отправиться по одному приглашенію, и пойду сейчасъ, если вы позволите.

И мы вошли въ освѣщенную комнату, гдѣ дочь его сидѣла за чайнымъ столомъ.

VII. Оргія и ея послѣдствія.

Я съ грустью возвратился въ коллегію. Индѣйское происшествіе приняло другую форму, но стало еще ужаснѣе въ моихъ глазахъ. Когда я сидѣлъ противъ Мабель Фрезеръ, я такъ упорно, молча глядѣлъ на нее, что она опускала глаза и слабый румянецъ покрывалъ ея щеки. Ея красивый, граціозный образъ все еще стоялъ предо мной когда я вошелъ въ свою мрачную комнату, и въ ушахъ моихъ звучали слова которыя она сказала мнѣ при прощаніи:

— Надѣюсь, вы скоро придете къ намъ опять; мы должны быть хорошими друзьями. Мнѣ хотѣлось бы называть васъ просто Терри. Я не виновата въ сходствѣ, и еслибы было это въ моей власти, повѣрьте, я уничтожила бы его. Прощайте, мистеръ Бреди.

Когда я зажегъ лампу, я увидалъ на столѣ письмо, и распечатавъ его, прочелъ слѣдующее:

„Дорогой мой Теренсъ! Приходи сегодня вечеромъ ко мнѣ ужинать, если не имѣешь въ виду ничего болѣе интереснаго, и докажи этимъ что прощаешь мнѣ мою грубость. У меня будетъ небольшое общество, и между прочими два интересные иностранца, и мы поговоримъ.

„Твой навсегда

„М. Прендергастъ.“

Не было еще десяти часовъ. Я, вслѣдствіе выпитаго вина, былъ въ возбужденномъ состояніи, а предлогъ отложить на время *Анатомію Гаррисона* и Демосѳена былъ неотразимо заманчивъ. Я вышелъ изъ Коллегіи, кликнулъ проѣзжавшаго извощика и велѣлъ ему ѣхать въ охотно посѣщавшееся тогда студентами предмѣстье или неправильно разбросанную на берегу моря деревушку, близъ Клонтарфа, гдѣ когда-то Бріанъ Байроме разбилъ Датчанъ и совершилъ единственное національное дѣло всей исторіи Ирландіи.

— Нумеръ шестнадцатый, Шарлемонтская терраса, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

Извощикъ нагнулся ко мнѣ, повторяя адресъ, и прибавилъ шепотомъ:

— Ночь хороша!

Въ тонѣ его было что-то фамильярное и вмѣстѣ пытливое, показавшееся мнѣ подозрительнымъ. Вдали слышались раскаты грома, и я сказалъ довольно рѣзко:

— Вовсе не хороша! Глядите на лошадь, и поспѣшите чтобы намъ доѣхать до грозы.

— Нумеръ шестнадцатый? настаивалъ онъ.—Тамъ вѣдь живетъ мистеръ Прендергастъ, одинъ изъ „шпажниковъ“; я и думалъ что вы тоже ихній. Ночь хороша! Ну!

— Что такое за шпажники? О комъ вы говорите?

— А почемъ я знаю, сэръ! Такъ, должно-быть, почему-нибудь прозвали.

Терраса не представляетъ ничего великолѣпнаго. Рядъ небольшихъ домовъ, съ садиками предъ фасадами, стоялъ противъ высокой стѣны служившей границею какого-то помѣстья. Нумеръ шестнадцатый отличался отъ другихъ ярко освѣщенными окнами и экипажами предъ дверью, вся же остальная часть предмѣстья была мертвенно пустынна, какъ и всякое дублинское предмѣстье ночью.

Куча фуражекъ въ передней; облака дыма въ корридорѣ; сильный запахъ виски и лимоновъ; слуга накрываетъ столъ для ужина; служанка бѣгаетъ съ кувшинами горячей воды; много шуму и говору. Я нѣсколько разъ былъ у Мориса, но никогда не встрѣчалъ у него такого шумнаго сборища.

— Они не могли устоять противъ нашихъ славныхъ молодцовъ, сэръ. Что вы толкуете о вашемъ Бонапартѣ, о вашемъ Цезарѣ, или объ этой дряни Артурѣ Веллингтонѣ! Создатель мой! Говорю вамъ, джентльмены, и ручаюсь честью полковника Слаттери, никогда не было, да никогда и не будетъ такого полководца какъ генералъ Скоттъ. На всемъ свѣтѣ не найдете вы войска которое могло бы устоять противъ напора горячихъ сыновъ „звѣздъ и полосъ“.

Говорившій былъ сухощавый, маленькій человѣкъ, напоминавшій скелетъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ стаканъ, а въ другой трубку, которою описывалъ круги въ воздухѣ, для большей наглядности какого-нибудь аргумента который онъ излагалъ группѣ окружавшихъ его молодыхъ людей.

— Все это такъ, полковникъ Слаттери, все это, можетъ-быть, и правда, загремѣлъ Больтонъ, — но это не мѣшаетъ вамъ оставаться величайшими тиранами въ свѣтѣ. Что вы

налегли на этихъ несчастныхъ Мексиканцевъ, а отъ насъ требуете рукоплесканій себѣ за то, за что сами же осуждаете Европейцевъ?

— Если вы потрудитесь вникнуть въ принципы нашихъ законовъ, мистеръ Болтонъ, вы убѣдитесь что для блага человѣчества мы обязаны уничтожить Мексиканцевъ. Мы обязаны сдѣлать это въ интересахъ цивилизаціи, человѣчества (кругообразное движеніе трубкой) и, смѣю прибавить, въ интересахъ Конгресса, наконецъ, для блага самихъ же несчастныхъ Мексиканцевъ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло! Придавая своимъ побужденіямъ громкія названія, вы не можете скрасить ими фактовъ Вы сейчасъ поносили англійское правительство и народъ, да и всѣ правительства Европы, за тиранію ихъ и насилія, а сами вытѣснили Индѣйцевъ изъ ихъ собственныхъ владѣній и готовы сдѣлать то же самое со всякимъ народомъ до котораго вамъ удастся добраться.

— Что такое добраться? Понимаю васъ, сэръ. Поль Джонсъ, и Декаторъ, и Мекъ-Донафъ зашли далеко, а мы попробуемъ не удастся ли намъ современемъ пойти еще дальше.

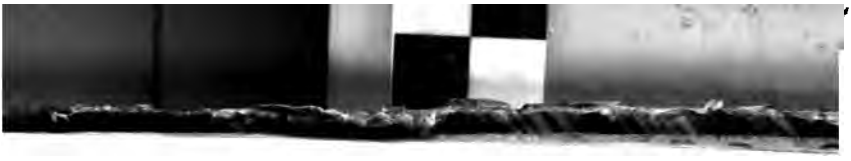
— Въ этомъ нельзя и сомнѣваться. Вы добрались покуда только до Мексиканцевъ и задавили ихъ. Вашъ орелъ, по-моему, выродокъ европейскихъ птицъ угнетающихъ людей по сю сторону Атлантики, а вашъ левъ—американское изданіе льва Стараго Свѣта.

— Сэръ, воскликнулъ полковникъ Слаттери, разбивая въ волненіи свою трубку о столъ,—вы употребляете такія выраженія, которыя окончательно лишаютъ меня....

Тутъ Морисъ Прендергастъ прервалъ рѣчь полковника, представивъ ему меня и еще новаго гостя, полнаго, приглашеннаго господина, съ очень смуглымъ лицомъ. Полковникъ поклонился и горячо пожалъ мнѣ руку, но лицо его омрачилось когда онъ оглянулъ смуглаго господина, и онъ рѣшительно заложилъ руки за спину.

— Нѣтъ, мистеръ Прендергастъ, нѣтъ, избавьте. Полковникъ Слаттери не подастъ своей руки негру, хотя бы онъ былъ лордомъ-меромъ Лондона.

— Увѣряю васъ, полковникъ Слаттери, это знатный индѣйскій джентльменъ, приверженецъ свободы, гражданинъ міра—принцъ Рустумъ Сингъ. Онъ принадлежитъ къ одной изъ



древнѣйшихъ фамилій Индостана. Надѣюсь, вы возьмете назадъ свои слова.

При словѣ „принцъ“ полковникъ протянулъ обѣ руки маленькому человѣку, старавшемуся скрыть улыбками и поклонами овладѣвшій имъ гнѣвъ, и сжалъ его руки говоря:

— Принцъ Рустумъ, какъ я радъ познакомиться съ вами. Я люблю тѣхъ кто любитъ свободу, и уважаю принцевъ дѣйствующихъ во имя ея. Я самъ джентльменъ и полковникъ, и если вы когда-нибудь посѣтите мое отечество, я сочту счастіемъ представить васъ нашему президенту и сенаторамъ.

Комплименты полковника были прерваны приглашеніемъ къ ужину. Принцъ, которому, казалось, было очень неловко, сѣлъ рядомъ съ Морисомъ, по другую сторону котораго сидѣлъ полковникъ Слаттери, а я помѣстился на концѣ стола, между студентами, которыхъ я зналъ какъ горячихъ членовъ одного клуба сходившагося внѣ стѣнъ Коллегіи, въ который меня водилъ однажды Прендергастъ. На дворѣ свирѣпствовала буря. Былъ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ когда въ самомъ воздухѣ какъ будто чувствуется что-то тревожное, вызывающее, и вино мутитъ голову и воспаляетъ сердце. Хозяинъ нашъ много пилъ, и скоро между нимъ, Больтономъ и американскимъ полковникомъ завязался оживленный споръ. На моемъ концѣ стола разговоръ вертѣлся на политикѣ, мало меня интересовавшей.

— Откуда набралъ сегодня Прендергастъ такихъ странныхъ людей, спросилъ я у своего сосѣда, оказавшагося скромнымъ молодымъ человѣкомъ котораго я зналъ какъ студента готовящагося въ духовную службу.

— Это все патріоты различныхъ національностей, которыхъ привлекаютъ сюда слухи о борьбѣ за свободу. Они пріѣхали изучать наши мысли объ „Отдѣленіи“. Но они видятъ еще только начало того волненія, которое....

— ....Пѣсню! раздался взрывъ голосовъ.

Мой другъ прочистилъ горло и запѣлъ. Мягкій, звучный голосъ произносилъ пламенныя слова поэтическаго обоготворенія „людей 98 года“. Хоръ подхваченъ былъ всѣми, исключая меня. Принцъ ушелъ домой. Полковникъ свирѣпо уставилъ глаза на свѣчу и по временамъ издавалъ воинственные возгласы. Наконецъ, какой-то молодой человѣкъ робко всталъ

и прерывающимся голосомъ предложилъ тостъ „въ память славнаго ирландскаго возстанія“.

Я не выдержалъ.

— Я не могу оставаться здѣсь съ измѣнниками, воскликнулъ я, и провожаемый свистками и ругательствами вышелъ въ переднюю, и собирался было уйти, какъ вдругъ вышелъ Морисъ съ пылающимъ лицомъ.

— Вы назвали друзей моихъ измѣнниками, Теренсъ Бреди. Я считаю это имя почетнымъ, но вы назвали ихъ такъ съ намѣреніемъ оскорбить ихъ въ моемъ домѣ, и я требую удовлетворенія.

— Гдѣ и когда вамъ угодно. Вы меня оскорбили, призвавъ въ общество такихъ людей, и я требую удовлетворенія за безчестіе которое наложило на меня ихъ общество.

Мы стояли въ дверяхъ. Блескъ молніи озарилъ пылавшее лицо Мориса; загремѣлъ громъ. Я выбѣжалъ во мракъ ночи; шелъ дождь, но я его не замѣчалъ и бѣжалъ по узкому переулку. Вдругъ я замѣтилъ что подъ деревьями, возлѣ стѣны, прятались какіе-то три человѣка, какъ бы стараясь укрыться отъ дождя.

— Ночь хороша, сказалъ одинъ, когда я проходилъ мимо него.

Я не обратилъ вниманія на его слова и шелъ дальше; за мной послышались шаги. Я не испугался; я былъ молодъ, крѣпокъ, и мнѣ захотѣлось испробовать быстроту своихъ ногъ.

— Стой! раздался за мной голосъ:—намъ надо поговорить съ вами.

Я сохранилъ присутствіе духа, надвинулъ фуражку на лобъ, и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать къ Дублину. Сквозь шумъ дождя и бури я слышалъ за собой шаги и тяжелое дыханіе моихъ преслѣдователей. Я ускорилъ шаги и крѣпко сжималъ въ рукѣ трость. Чрезъ нѣсколько минутъ я взглянулъ назадъ; двое исчезли въ темнотѣ ночи, но одинъ не отставалъ и былъ отъ меня не далѣе какъ на сорокъ или пятьдесятъ ярдовъ.

Кто это, воры? Не можетъ быть, потому что воры не напали бы на человѣка близъ дома полнаго народомъ, до котораго я могъ бы добѣжать въ нѣсколько минутъ, еслибы воротился назадъ. Ночь хороша! Что это, не пароль ли какой? Во всякомъ случаѣ, пріятель, я еще тебя помучаю прежде чѣмъ ты меня догонишь, ужъ за это ручаюсь.

Подъ дождемъ и молніей продолжался нашъ бѣгъ. Мы

приближались къ мосту. Въ такой часъ и въ такую погоду мы не встрѣтили ни души. Скоро начнутся улицы города, и я начиналъ уже досадовать на себя что бѣжалъ, но разбѣжавшись, не былъ уже въ силахъ остановиться и рѣшился бѣжать до конца. Я достигъ пустынной улицы, за мной слышались шаги моего преслѣдователя. Изъ какой-то двери вышелъ человѣкъ и загородилъ мнѣ дорогу. Не понимая что я дѣлаю, я оттолкнулъ его и побѣжалъ дальше, хотя сердце мое сильно билось, и я задыхался. Я услыхалъ за собой тяжелые шаги полисмена. Поворотивъ въ другую улицу, я увидалъ извощичій экипажъ стоявшій у двери одного изъ игорныхъ домовъ, какими тогда изобиловалъ Дублинъ. Извощикъ прятался подъ навѣсомъ двери. Я прыгнулъ въ экипажъ.

— Въ Коллегію, и какъ можно скорѣй, проговорилъ я задыхаясь.

— Не могу, ваша честь. Я удержанъ джентльменомъ который сидитъ въ этомъ домѣ.

— Онъ можетъ прогуляться, ночь хороша.

Тонъ извощика мгновенно измѣнился.

— День будетъ лучше, сказалъ онъ съ многозначительнымъ жестомъ, вспрыгнулъ на козлы, и погналъ своихъ сонныхъ лошадей.

Когда мы тронулись, я увидалъ что изъ дома вышелъ джентльменъ, въ которомъ я узналъ Фрезера.

— Вонъ онъ, мой джентльменъ-то, сказалъ извощикъ.— Ваша честь должны бы отдать мнѣ пять шиллинговъ, еслибы взяли на себя мой убытокъ, но вы изъ нашихъ, и ни одинъ полисменъ не тронетъ васъ сегодня.

Мы мчались подъ дождемъ, по грязнымъ улицамъ. Когда мы поворачивали въ другую улицу, вдали послышался слабый стукъ.

— Стучи, пока не переломаетъ рукъ, крикнулъ извощикъ.

Фонари мелькали мимо насъ, и чрезъ нѣсколько минутъ запыхавшіяся лошади остановились у воротъ Коллегіи.

— Долгая жизнь ваше чести! сказалъ мнѣ на прощаніе извощикъ.

Я застучалъ въ ворота. Привратникъ, записавъ мое имя, оглянулъ мое мокрое, грязное платье и разгорѣвшееся лицо.

— Если кто спроситъ сейчасъ мое имя, М'Кормарка, не говорите ничего.

Былъ одинъ способъ упрочить молчаніе М'Кормарка.

— Развѣ полиція? спросилъ онъ, выглянувъ на улицу.

— Не знаю, очень можетъ быть.

— Будьте спокойны, сэръ.

И съ многозначительною улыбкой, успокоившею меня М'Кормаркъ удалился въ свою конуру.

Я скоро заснулъ. Безпокойные сны, въ которыхъ убійцы заговорщики, Фрезеръ, моя мать и Морисъ перепутались какимъ-то страннымъ образомъ, безпокоили меня всю ночь хотя я не могъ проснуться до поздняго утра.

VIII. Ночное дѣло.

— Странное дѣло описано нынче въ газетѣ, сказалъ мнѣ Динни Коддъ, приготовляя завтракъ. Одного джентльмена да еще полицейскаго чуть не убили до смерти. Славная была погодка для такого дѣла. А вы тоже были, должно-быть, на дворѣ въ самую бурю; не знаю, возьмутся ли отчистить ваше платье, ужь такъ вы его отдѣлали вчера.

Я схватилъ газету и прочелъ:

„*Возмутительное насиліе.* Сегодня, въ два часа пополуночи сержантъ Бекъ, обходя свой округъ, нашелъ на тротуарѣ, близъ Борнетъ-Стрита, безчувственное тѣло джентльмена исходившаго кровью отъ раны въ головѣ, причиненной повидимому палкой или большимъ камнемъ. Отправившись за помощью, сержантъ чрезъ нѣсколько шаговъ наткнулся на тѣло констебля Луди лежавшаго безъ чувствъ, также отъ страшной раны въ головѣ. Съ помощью полиціи, призванной на мѣсто страшнаго происшествія, джентльменъ и констебль были снесены въ больницу, гдѣ докторъ перевязалъ имъ раны. Джентльменъ, оказавшійся заслуженнымъ офицеромъ Восточной Индѣйской Компаніи, по имени Фрезеръ, гость въ нашемъ городѣ, и остановился со своею дочерью въ отелѣ Моррисона, куда онъ отнесенъ на носилкахъ. При немъ была большая сумма денегъ, которая осталась цѣла. Джентльменъ и констебль оба въ ненадежномъ состояніи. До сихъ поръ не найдено ни малѣйшаго слѣда къ открытію этого возмутительнаго преступленія, нарушившаго спокойствіе нашего мирнаго города.“

Что за страшный разказъ! Ужасно подумать что я нѣкоторымъ образомъ замѣшанъ въ этой страшной трагедіи. Боже милостивый! Что если на меня падетъ подозрѣніе? Я бѣжалъ тогда, какъ будто спасался. А извощикъ! а привратникъ...

Я не могъ безъ ужаса думать объ этомъ дѣлѣ, и чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже у Моррисонова отеля. Входя, я встрѣтилъ спускавшагося съ лѣстницы сэръ-Филиппа.

— Каковъ полковникъ, сэръ?

— Опасная рана. Боюсь, нѣтъ ли поврежденія мозга; но черепъ цѣлъ. А вы какъ знаете полковника Фрезера?

— Я обѣдалъ съ нимъ вчера, сэръ, и разстался когда онъ отправился ужинать въ Клонтарфъ. Полковникъ Фрезеръ былъ другомъ моего отца, а послѣ его смерти женился на моей матери, и поэтому онъ самъ отыскалъ меня.

— Я никогда не слыхалъ до сихъ поръ объ этомъ бракѣ, сказалъ сэръ-Филиппъ. — Во всякомъ случаѣ, вы не можете его теперь видѣть. Я успокоилъ бѣдную дѣвушку; какое милое, чувствительное созданіе.... Да и дѣйствительно положительной опасности нѣтъ. Онъ теперь пришелъ въ чувство, и я надѣюсь найти его въ лучшемъ состояніи когда возвращусь. Лекціи въ три часа, не забудьте.

Онъ уѣхалъ. Что мнѣ теперь дѣлать? Лучше всего мнѣ пойти къ мистеру Бетсу. Когда я вошелъ, онъ былъ погруженъ въ бумаги и не замѣтилъ моей блѣдности и волненія.

— Ну что, Терри, какія новости? Какъ идутъ занятія!! Препарируешь! Анатомируешь! Ну, что жь дѣлать! Это все лучше чѣмъ вотъ сидѣть всю жизнь обнаруживая скрытую низость, обманы и слабость рода человѣческаго.

Онъ вытаращилъ на меня глаза, когда я ему сообщилъ что случилось.

— Боже мой! Какъ вы хорошо сдѣлали что пришли ко мнѣ. Какъ же! Они могутъ взвести на васъ страшное обвиненіе. Пойдемте со мной сейчасъ же въ полицію.

Когда мы вошли, мистеръ Блюдъ, гроза драчливыхъ разнощиковъ и буйныхъ студентовъ, сидѣлъ въ своей комнатѣ, собирая малѣйшія подробности о ночномъ происшествіи. Но подробностей онъ не могъ узнать никакихъ, исключая того что могли сообщить сержантъ и констебли, призванные имъ на мѣсто происшествія, и потому когда мистеръ Бетсъ представилъ меня, какъ человѣка могущаго бросить нѣкоторый свѣтъ на происшествіе, мистеръ Блюдъ весь обратился во вниманіе. Я разказалъ ему все. Онъ молча меня выслушалъ.

— Вы разказали странныя вещи, мистеръ Бреди. Можете ли вы узнать извощика?

— Конечно.

— Гдѣ вы ужинали?

— У мистера Мориса Прендергаста, № 16, Шарлемонъ Террасъ.

— Въ какое время вы ушли оттуда? Не послѣдовалъ ли за вами кто-нибудь?

— Въ четверть втораго, или немного позже. Я ушелъ одинъ изъ первыхъ.

— Вы сказали что замѣтили что три человѣка прячутся возлѣ стѣны; когда вы проходили, они крикнули вамъ, стоя а вы пустились бѣжать. Почему вы не воротились въ тотъ домъ, откуда вышли, если вы боялись воровства или какого-нибудь насилія?

— Этого я вамъ самъ не могу сказать. Я разстался въ дурныхъ отношеніяхъ съ тѣмъ человѣкомъ у котораго былъ, и не помню почему я пустился бѣжать отъ этихъ людей.

— Не зная кто они? Они могли быть полицейскимъ патрулемъ.

— Я уже сказалъ что не знаю почему я побѣжалъ. Я оставилъ далеко за собой двоихъ, но одинъ не отставалъ отъ меня, и я замѣтилъ что онъ держалъ что-то въ рукѣ.

— Было ли при васъ какое-нибудь оружіе?

— У меня была толстая трость; вотъ она. Я не всегда хожу съ ней, но такъ какъ я зналъ что мнѣ придется возвращаться ночью, я и взялъ ее съ собой.

— И вы обѣдали съ несчастнымъ джентльменомъ, жертвой этого страшнаго насилія.

— Да, обѣдалъ.

— Не было ли у васъ условлено встрѣтиться гдѣ-нибудь въ продолженіе остальнаго вечера?

— Нѣтъ, не было.

— Почему вы не остановились и не пригласили его съ собой, когда увидали что онъ вышелъ въ такой дождь?

— Я самъ не понимаю, и глубоко сожалѣю теперь что не сдѣлалъ этого. Я захватилъ его извощика и былъ въ какомъ-то чаду.

— Полицейскій, который пробовалъ остановить васъ, вышелъ, говорите вы, изъ какого-то дома, близъ моста? А гдѣ тогда былъ тотъ человѣкъ? Почему вы не остановились когда увидали что это констебль? Вы тогда были бы въ совершенной безопасности отъ всякаго насилія.

— Я не боялся никакого насилія, мнѣ даже ни разу не

пришло объ этомъ въ голову; и вѣроятно такъ же какъ я побѣжалъ тогда отъ тѣхъ людей просто изъ удальства, подъ вліяніемъ вина, я убѣжалъ и отъ полицейскаго.

— Вы слышали что за вами бѣжалъ полицейскій. Не можете ли вы сказать гдѣ тогда былъ тотъ человѣкъ?

— Не знаю, сэръ.

— Сержантъ Бекъ, какъ далеко отъ моста то мѣсто, гдѣ нашли констебля Дуди?

— Шестьсотъ ярдовъ, или даже болѣе, ваша честь. Въ половинѣ втораго констебль Дуди долженъ былъ быть на мосту чтобы видѣть дежурнаго сторожа на рѣкѣ.

— А какъ далеко нашли его отъ полковника Фрезера?

— Около ста ярдовъ, сэръ.

— Необыкновенно странное происшествіе, сказалъ наконецъ мистеръ Блюдъ.—Вы дадите присягу въ томъ что̀ разсказали, и мистеръ Бетсъ возьметъ васъ на поруки. Очевидно что, хотя безъ намѣренія, вы были причиной или, лучше сказать, вы могли отстранить это ужасное преступленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ человѣкъ, можетъ-быть и съ товарищами, совершилъ это кровавое дѣло, но причины его мы еще не знаемъ. Въ какомъ положеніи констебль Бекъ?

— Докторъ Тузонъ боится не поврежденъ ли черепъ; но онъ теперь пришелъ въ чувство.

— И вы не отыскали ни малѣйшихъ слѣдовъ того человѣка?

— Ни малѣйшихъ, сэръ.

— Вы не оставите ни одного камня въ покоѣ. Отыщите извощика, и чтобъ онъ и привратникъ Коллегіи были здѣсь на слѣдующемъ допросѣ. Я пойду въ замокъ, Бетсъ, и посовѣтую правительству назначить большую награду за отысканіе разбойниковъ. Мистеръ Бреди, надѣюсь, поможетъ полиціи отыскать извощика и тѣхъ прятавшихся людей. Странно, почему они такъ упорно преслѣдовали его, и почему онъ бѣжалъ когда уже миновала всякая опасность. Любопытный случай, Бетсъ, необыкновенно любопытный. Еслибы не извѣстная благонадежность вашего питомца, такъ на него пало бы подозрѣніе. О, не вздрагивайте, сэръ, подозрѣніе это не слишкомъ важное, но все-таки такое которое требуетъ надежнаго поручителя за васъ.

Мы пошли въ Коллегію.

— Какъ это все странно, замѣтилъ мистеръ Бетсъ.—Еслибъ

у него украли деньги, мы могли бы подозрѣвать какого-нибудь мошенника изъ игорнаго дома.

— Не помѣшалъ ли имъ полицейскій, сэръ?

— И мнѣ это приходило въ голову, но вѣдь полицейскій лежитъ безъ чувствъ, а деньги все-таки не украдены. Я ничего не понимаю. Будемъ надѣяться на лучшее: Богъ дастъ, они оба выздоровѣютъ, и мы тогда узнаемъ кто были разбойники.

Когда мы вошли въ ворота, дежурный привратникъ сказалъ мнѣ что меня спрашивалъ мистеръ Больтонъ, и что слуга мой проводилъ его ко мнѣ, гдѣ онъ меня и ждетъ.

— Ему не хотѣлось чтобъ его видѣли на дворѣ, прибавилъ онъ,—и очень понятно.

Дикъ Больтонъ меня дѣйствительно ждалъ. Лицо его было красно и распухло, и возлѣ посинѣвшаго глаза большой рубецъ былъ залѣпленъ чернымъ пластыремъ; волосы не чесаны, платье въ грязи и изорвано.

— Взгляните на это, Теренсъ, воскликнулъ онъ, указывая на глазъ.—Взгляните-ка какую разбойничью поцечину закатилъ мнѣ Морисъ Прендергастъ вчера. Останетесь вы моимъ другомъ? Я буду требовать удовлетворенія, и только однимъ способомъ можно смыть эту кровь.

Въ краткихъ, безпорядочныхъ выраженіяхъ разказалъ онъ мнѣ какъ послѣ меня продолжалась попойка; что Морисъ Прендергастъ, сильно пьяный, назвалъ его и меня безчестными Ирландцами или какъ-то въ такомъ родѣ, теперь онъ не помнитъ, а знаетъ только что началась ссора, что Морисъ Прендергастъ ударилъ его, и что болѣе трезвые студенты, для прекращенія драки, вытолкали его, задыхающагося отъ злости, за двери.

— Время терять нечего, никакіе переговоры тутъ не помогутъ.

Онъ былъ въ бѣшенствѣ и наконецъ расплакался. Я сказалъ ему что у меня съ Прендергастомъ была тоже ссора, и что мнѣ неловко идти къ нему повѣреннымъ другаго, когда у самого съ нимъ такое же дѣло.

— Вотъ такъ отговорка! Да развѣ вы не можете посчитаться съ нимъ послѣ. Онъ мнѣ не откажетъ въ первенствѣ. Теренсъ, эта поцечина меня съ ума сведетъ.

Послышался стукъ въ дверь и, къ моему удивленію, вошелъ полковникъ Слаттери, величественнымъ движеніемъ отстра-

нивъ Финни Кодда, пытавшагося остановить его. Клиновидная борода его покрывала подбородокъ и шею, а щеки были такъ чисто выбриты и вымыты, что можно было слѣдить за комочкомъ табаку, который онъ вертѣлъ за щекой, напоминая глотающаго кролика. Большой бриллiантъ блестѣлъ на груди его рубашки. Онъ былъ въ черномъ платьѣ, въ бѣломъ галстукѣ и перчаткахъ, въ лакированныхъ сапогахъ и напоминалъ собою офиціанта, en grande tenue, или распорядителя какого-нибудь праздника.

— Я пришелъ отъ моего друга, мистера Прендергаста, чтобы передать вамъ эту записку и подождать вашего отвѣта. Слуга покорный, мистеръ Больтонъ. Ахъ, какая ужасная рана у васъ около глаза. Вы бы приложили льду. Я по опыту знаю какъ это помогаетъ.

Письмо было слѣдующаго содержанія:

„Дорогой Бреди! Я старался припомнить все что произошло между нами вчера, и надѣюсь, вы повѣрите что я искренно раскаиваюсь, если въ минуту вспыльчивости оскорбилъ васъ. Послѣ такого признанія, отъ васъ будетъ зависѣть, продолжится ли наше знакомство, которое съ моей стороны давно уже обратилось въ дружбу. Вы знаете сами что я былъ не въ полномъ разсудкѣ вчера вечеромъ. Наша пирушка плохо кончилась. Я имѣлъ серіозную ссору съ Больтономъ, въ которой я, кажется, кругомъ виноватъ, хотя ему я въ этомъ не признаюсь. Вы единственный человѣкъ въ Коллегіи передъ которымъ я могу извиниться. Я даже публично попрошу у васъ прощенія, если вы того желаете. Я, впрочемъ, узналъ, разспрашивая другихъ, что никто не знаетъ что произошло между нами въ дверяхъ.

„Вашъ другъ навѣки
„М. П.“

— Я самъ пошлю отвѣтъ на это письмо, полковникъ Слаттери. Желаю вамъ добраго утра.

Но полковникъ, казалось, не расположенъ былъ уходить.

— Я бы совѣтовалъ мистеру Больтону заняться своимъ глазомъ для предотвращенія опасности. Ледъ....

— Полковникъ Слаттери, мы оба теперь очень заняты, и я не желаю задерживать васъ отвѣтомъ на письмо мистера Прендергаста, а пошлю его со своимъ слугой. Добраго утра, сэръ.

Я стоялъ у двери, и полковникъ, пробормотавъ еще что-то о томъ что ледъ есть самая существенная вещь противъ воспаленія, вышелъ, какъ-то неловко съежившись.

IX. Дуэль.

Когда я былъ въ университетѣ, дуэли случались рѣдко, но живы были преданія о нихъ, освѣжаемыя по временамъ разказами о тайныхъ поединкахъ между раздраженными соперниками или политическими противниками. Иногда происходило дѣло серіозное, несомнѣнное, но тяжкія раны стали рѣдки, и когда, проведя нѣсколько времени въ уединеніи, капитанъ О'Дези являлся съ костылемъ, или Томъ Френчъ съ подвязанною рукой, такъ это считали шагомъ назадъ, къ доброму, старому времени, хотя никто не поручился бы что О'Дези не продалъ пари, за которое былъ битъ хлыстомъ, или что Томъ Френчъ не поступилъ безчестно съ молодою дѣвушкой, братъ которой подстрѣлилъ его. Вообще считалось отличіемъ если человѣкъ имѣлъ поединокъ, и ужь конечно никто не осмѣлился бы отказаться отъ прогулки по лугу съ пистолетомъ, если дорожилъ хорошимъ мнѣніемъ знакомыхъ.

— Гроза собирается въ воздухѣ вокругъ васъ, мистеръ Теренсъ, сказалъ я самъ себѣ, отправляясь по назначенію.— Вотъ еще новыя обстоятельства въ исторіи той *которая и* въ жизни, и въ смерти, и въ чести, и въ безчестіи неразрывно связана со мною. Является этотъ Фрезеръ, и какимъ-то непонятнымъ образомъ я самъ становлюсь почти дѣйствующимъ лицомъ въ ужасахъ той ночи. У меня на рукахъ дѣло съ полиціей, я ввязался въ дуэль, собираюсь принять участіе въ убійствѣ одного изъ двухъ друзей моихъ, опять дѣло съ полиціей. Затѣмъ послѣдуетъ исключеніе изъ университета. Что я за чума для всѣхъ меня окружающихъ! Не могу я проѣхаться по морю чтобы не навлечь на всѣхъ заботы и горя; въ школѣ не выхожу изъ непріятностей. Чѣмъ болѣе старѣюсь, тѣмъ хуже, кажется, я становлюсь. Теперь я затѣялъ дѣло недоброе. Что сказала бы Мери Бутлеръ?

(Тутъ я почувствовалъ легкое сжатіе въ горлѣ и остановился взвѣсить этотъ вопросъ.)

— Ну, да, разумѣется, она сказала бы: Теренсъ не могъ отказать другу. Полно, такъ ли? Сказала ли бы она это, еслибы знала въ особенности какъ возникла ссора? Что мнѣ дѣлать? Разказать мистеру Бетсу? Нѣтъ. Онъ дрался

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1869 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1869 г. стоить въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, **четырнадцать рублей**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ **пятнадцать рублей**; съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **шестнадцать рублей.**

Заграничные высылаютъ за доставку въ Австрію, Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герм. Почт. Союза — 16 р.; въ Бельгію — 17 р.; во Францію и Данію — 18 р. 50 к.; въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію — 20 р.; въ Швейцарію — 21 р., и въ Италію — 22 руб.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

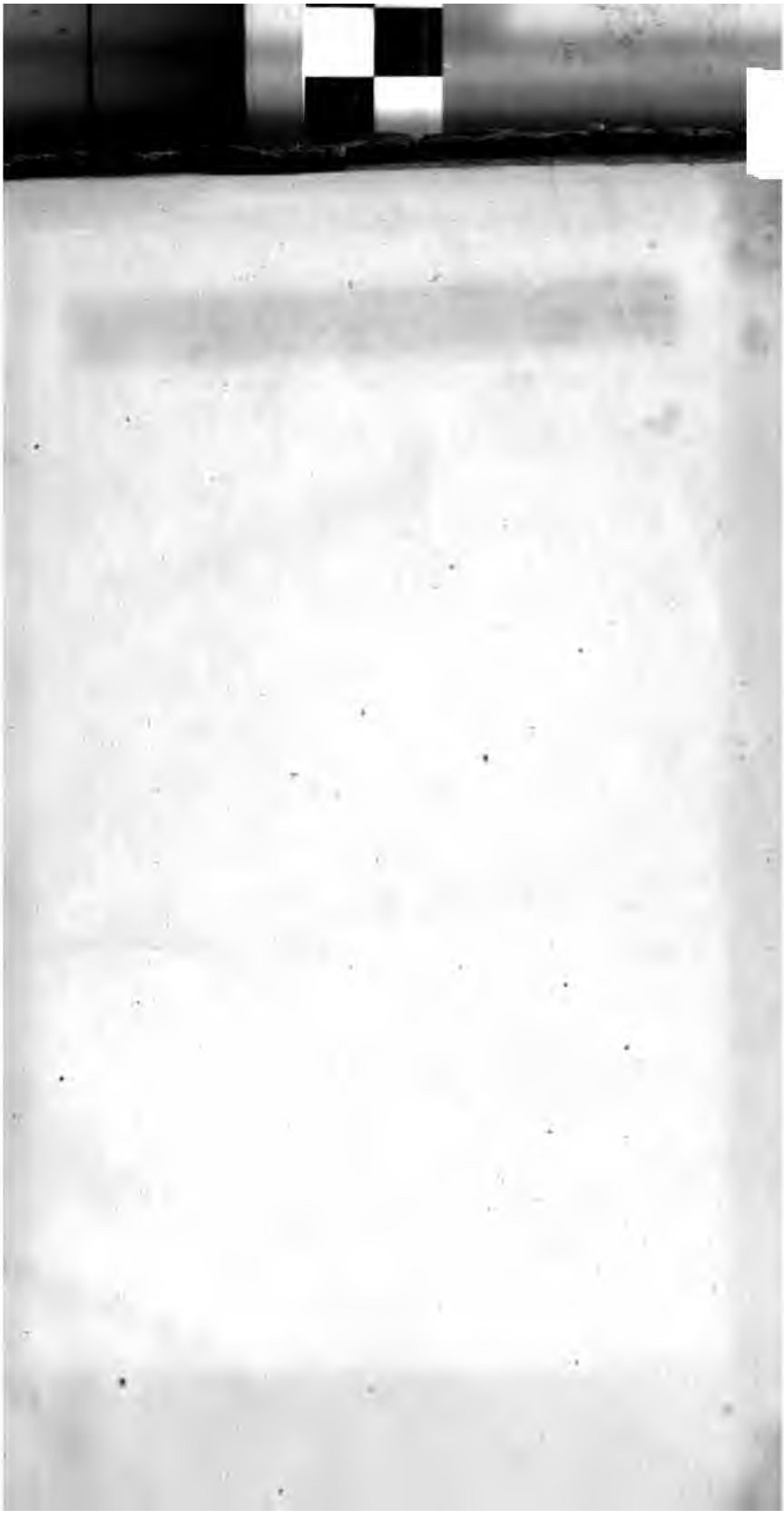
О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1869 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1869 годъ, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, **двѣнадцать рублей сер.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой въ другіе города **пятнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ. Въ Петербургѣ, кромѣ того, можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.



UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 03684 2240

DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD